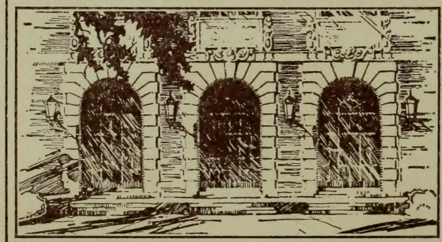

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТАГО ТОМА.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ 1912 года.

СТРАН.

(1743 г.). Спб. 1911. Т. XXVI (1761 г.). Спб. 1907. Т. XXXI (1751 г.). Спб. 1909. Т. XXXIX (1759 г.). Спб. 1910. М—лова.—25) Бытъ и нравы русской арміи послѣ 1812 г. По письмамъ генерала Феза изъ Польши и Кавказа. Перевелъ съ рѣдкой рукописи и обработалъ шт.-кап. В. Н. Жилинскій. 1912. Л. Н.—26) Я. Л. Барсковъ. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Съ тринадцатью таблицами снимковъ. Спб. 1912. В. В. Т.— 27) Памятники древне-русской литературы. Вып. I. Житія преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Приготовилъ къ печати С. П. Розановъ. Спб. 1912. И. А.—28) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1911. Т. XVI книжка 1-я. Спб. 1911. Т. XVI книжка 2-я. Спб. 1911. В. Рудакова. — 29) Ѳ. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, библіографическимъ указателемъ, примѣчаніями, варіантами, факсимиле и портретомъ. Спб. 1912. Сергѣя фонъ-Штейна. — 30) Наталія Грушко. Стихи. Спб. 1912. А. Фаресова. — 31) Извѣстія общества Толстовскаго музея. 1911. А. Нечаевой. — 32) А. М. Брянскій и В. П. Лачиновъ. «Глаголинъ и его роли». Отзывы и портреты. Спб. 1912. А. Рябова.— 33) Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 гг. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 годъ. Спб. 1911. Вит. Ткачука.— 34) В. А. Мелиховъ. Культъ римскихъ императоровъ. Харьковъ. 1912. П. Б.—35) Ладо. Сборникъ литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской націоналъ-демократіи. Спб. 1911. В. Гр — скаго.— 36) Митрополитъ Антоній. Рѣчи, слова и поученія. Спб. 1912. К. З.— 37) Э. Дюркгеймъ, проф. соціологіи. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Переводъ съ франц. А. Н. Ильинскаго. Съ предисловіемъ д-ра Г. И. Гордона. Спб. 1912. А. Б.—38) Актовыя книги Полтавскаго городового уряда XVII вѣка. Вып. I. Справы поточныя 1664 — 1671 годовъ. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Черниговъ. 1912. В. Р—ва.— 39) Виновники пожара Москвы въ 1912 году. Ганса Шмидта. Рига, у Киммеля. 1912. П. Майкова. — 40) Н. К. Пиксановъ. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и библіографія. Спб. 1912. М. Клочкова.— 41) Ив. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Спб. 1912. А. Фаресова.— 42) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга первая. Двѣсти тридцать шестая. М. В. Рудакова.— 43) Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Т. II. Вып. II. Съ семью снимками рукописей. Спб. 1910. М—лова.—44) Московское дворянство въ 1812 году. М. 1912. Съ портретами и иллюстраціями. — Протоіерей Александръ Никольскій. Лица «Духовнаго чина» московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году. М. 1912. В. Р—ва. — 45) Гербовникъ Анисима Титовича Князева 1785 г. Спб. 1912. С. В. Л. — 46) Кавказскій сборникъ. Т. XXX. Подъ редакціею генералъ-лейтенанта Потто. Тифлисъ. 1911. Бор. Городецкаго.—47) В. Всеволодскій (Гернгроссъ). Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1912. А. Измайлова.— 48) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 138. Юрьевъ. 1911. Т. 140. Спб. 1912. А. Б. — 49) Систематическій указатель журнала «Кіевская Старина» (1882 — 1906 г.г.). Составленъ членами комиссіи: П. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Б. Д. Чигринцевымъ. В. Данилова. — 50) С. М. Гинзбургъ. Отечественная война 1812 г. и русскіе евреи. Съ иллюстраціями. Спб. 1912. Л. Н.— 51) Русскій біографическій словарь. Суворова—Ткачевъ. Спб. 1912. С. Ш.— 52) Кульневъ. Къ столѣтію Отечественной войны. Ю. Л. Елецъ. Съ десятью рисунками, картой и нотами. Спб. 1912. Л. Н. — 53) М. К. Соколовскій. I. Памятка вознесенскаго улана. II. Памятка копорца. Л. Н.—54) Вл. Крымовъ. О рулеткѣ Монтѣ-Карло, Южной Америкѣ, гастрономіи, модахъ и о прочемъ. Спб. 1912. М—о. — 55) Сводъ законовъ Россійской Имперіи въ пяти книгахъ. Подъ редакціей и съ приложеніемъ И. Д. Мордухай-Болтовскаго. Спб. 1912. Г. Гинса. — 56) С. И. Масловъ. Новый списокъ «Словъ постническихъ» Исаака Сирина древнѣйшей славянской редакціи. Кіевъ. А. Я. — 57) Н. Н. Гусевъ. Два года съ Л. Н. Толстымъ. Москва. 1912. А. М. Нечаева.—58) С. А. Соболевскій. Эпиграмы и экспромпты. Подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912. Н. Л.— 59) М. Е. Васильева. Записки крѣпостной

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портреты: 1) Николая Григорьевича Столѣтова.—2) Петра Ефимовича Кузьминскаго.—3) Николая Николаевича Сполатбога.—4) Пурпуръ. Историческій романъ Эдварда Штильгебауера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. (Окончаніе).—5) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1912 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ этихъ томахъ.

ПЕТРЪ ЕФИМОВИЧЪ КУЗМИНСКІЙ.

ЖЕНА МИНИСТРА [1].

(Романъ).

IV.

ЕЧЕРОМЪ въ небольшой, уютной столовой Данцовой сидѣлъ Башиловъ и, грузно опершись обоими локтями о столъ, отпивалъ медленными глотками чай изъ стакана въ серебряномъ подстаканникѣ, который подавался только ему; онъ разсказывалъ Данцовой объ удачахъ сегодняшняго дня со всѣми подробностями служебныхъ дѣлъ. Она слушала, не спуская съ него глазъ, въ которыхъ Башиловъ читалъ прежнюю любовь и восхищеніе.

— А я тебѣ не говорилъ, что отъ генерала Берга письмо на дняхъ было. Пишетъ, что вскорѣ предвидится у нихъ вакансія губернатора, такъ что, если бы тутъ кое-какія пружины нажать, то онъ берется это дѣло устроить. Оно, конечно, было бы недурно, но я, вѣроятно, откажусь.

— Отчего, Володя?

— Да видишь ли, другъ мой, не люблю я этихъ мѣстъ по протекціи; начнутъ болтать, что генералъ-губернаторъ своего товарища посадилъ, еще, пожалуй, по просьбѣ супруги, а здѣсь изволь ѣздить да кланяться, да пороги обивать. Я привыкъ, чтобы другіе на меня указывали, какъ на нужнаго и полезнаго служаку, а самому о себѣ говорить—это ронять себя.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 5.

— А я придумала очень удобную для тебя комбинацію, и если хочешь, я могу помочь тебѣ и сдѣлаю такъ, что ты и знать ничего не будешь.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Лучше ты ничего меня не спрашивай и вѣрь, что я буду очень осторожна и тактична.

— Ну, изволь. Во всякомъ случаѣ къ этому дѣлу я отношусь довольно равнодушно, и пусть тебя не волнуетъ, если потерпишь фіаско. Мои акціи стоятъ и здѣсь высоко, и я жду въ скоромъ будущемъ движенія впередъ... Однако одиннадцать часовъ, мнѣ пора; дома еще много бумагъ ждетъ не просмотрѣнныхъ.

— Какъ? уже? Володя, ты и безъ того не балуешь меня свиданіями; я такъ мечтала провести съ тобой весь вечеръ, а ты опять куда-то спѣшишь.

— Что дѣлать, голубчикъ! Отъ дѣлъ не убѣжишь. Ну, изволь, полчаса посижу.

Они прошли въ голубой будуаръ, гдѣ лампа подъ широкимъ шелковымъ абажуромъ освѣщала симпатичную, изящную комнатку блѣднымъ матовымъ свѣтомъ. Башиловъ сѣлъ на низенькій диванчикъ и, притянувъ къ себя Данцову, посадилъ рядомъ съ собой и обнялъ за талію.

— Въ корсетѣ? Знаешь, вѣдь, что не люблю...

— Володя, ты же забываешь, что есть горничная.

— Ну, что же изъ этого?.. надѣла бы свой голубой пеньюаръ; не станешь же прислугѣ отчетъ отдавать.

— Что ты говоришь: точно она и сама не пойметъ, что въ пеньюарѣ гостей не принимаютъ.

— Ну, такъ давай губы... нѣтъ, такъ неудобно, садись на колѣни.

— Нѣтъ, нѣтъ, Володя, ради Бога только не у меня... я боюсь... прислуга любопытна... милый, ну, поѣдемъ къ тебѣ, если хочешь, но тутъ я боюсь...

Евгенія Михайловна вся вспыхнула, сорвалась съ мѣста и, отбѣжавъ въ сторону, смотрѣла на Башилова умоляющимъ взглядомъ.

— Ну, ужъ это глупо, Женька. Ты дуришь; иди сюда... я хочу тебя цѣловать... ты слышишь?

— Володя, но развѣ ты не понимаешь, что для меня ты не долженъ такъ рисковать. Мало ли что: горничная можетъ за чѣмъ-нибудь войти...

— Иди сюда.

— Володя, перестань... я не хочу...

— А я хочу!..

Съ этими словами Башиловъ быстро поднялся со своего мѣста и, охвативъ станъ Евгеніи Михайловны, довольно грубо, съ силой посадилъ себѣ на колѣни и долго цѣловалъ ее въ губы.

— Ну, вотъ, а теперь и довольно. Можешь смирно сидѣть подлѣ меня и благонравно разговаривать.

Но Данцова, глотая подступившія слезы, молчала, стараясь совладѣть съ охватившимъ ее чувствомъ обиды. Въ этомъ поступкѣ ей почудилось что-то новое, непріятное въ отношеніяхъ Башилова къ себѣ. Ничего подобнаго онъ не позволялъ себѣ прошлую зиму. Въ его тонѣ звучала какая-то нотка безцеремонности собственника, слишкомъ увѣреннаго и уже мало оберегающаго хрупкость любовныхъ отношеній. Онъ никогда раньше не называлъ ее «Женька», никогда не проявлялъ свою силу такимъ грубымъ образомъ.

— Ты разобидѣлась, Женичка?

— Да, почти...

— Ну, въ такомъ случаѣ прости.

Онъ протянулъ ей руку, которую она слабо пожала. Чтобы сладить непріятное впечатлѣніе, Башиловъ опять принялся разсказывать ей о своихъ проектахъ. Она слушала молча, охваченная тоской. Наконецъ, отдаваясь нахлынувшему настроенію, она вдругъ прижалась головой къ его плечу, крѣпко сжала его руку и тихо заплакала.

— Что съ тобой, голубчикъ?.. Слезы!.. Ну, вотъ этого я ужъ не переношу; ради Бога не плачь... Все, что хочешь, но не слезы.

— Тоска, Володя, тоска...

— Съ чего жъ это у тебя тоска?

— Володя, ты не тотъ... ты съ осени не тотъ...

— Какой же я сталъ? Ей-Богу, все тотъ же самый.

— Володя, я ѣхала сюда изъ Крыма такая счастливая, такая радостная. Думала, что опять все будетъ попрежнему; надѣялась, что и видѣться будемъ чаще, никого изъ знакомыхъ еще не было, было меньше риска, и вдругъ оказалось все иное, мы видимся мало, ты все спѣшишь, ты какъ будто не радъ меня видѣть, у тебя иной тонъ... Ахъ, Володя, дорогой мой, я ничего не прошу и не требую; я давно ничего не желаю, кромѣ любви твоей; я вся въ плѣну этого ужаснаго, непреодолимаго чувства...

— Да ты сперва, голубчикъ мой, успокойся и тогда поговоримъ резонно.

Данцова вытерла тоненькимъ надушеннымъ платкомъ крупныя неудержимыя слезы и, кусая губы, подавляла подступившія рыданія.

— Такъ, значитъ, я, по-твоему, не тотъ? Вотъ и ты, Женичка, какъ всѣ женщины, страхъ какъ любишь разводить любовную антимонію. А любовь для каждаго серьезнаго, занятого мужчины—дѣло побочное. Есть свободная минута, ну, и любишь; а если дѣломъ захваченъ, то забываешь, что и женщина существуетъ. Пусть женщина становится въ роль товарища, помощника, чтобы общность мысли и труда была; тогда, кромѣ любви, будетъ и интересъ къ ней, а вмѣстѣ

съ нимъ и новое звено. Была у меня одна такая связь, много лѣтъ тому назадъ... Эта женщина чуть ли не лучше меня самого мои дѣла знала, и видѣлись мы съ ней по дѣламъ почти ежедневно, а выходило такъ, что какъ начнемъ цѣловаться, будто Богъ знаетъ сколько времени не видались. Прожили мы съ ней долго, и если бы замужъ не вышла, и еще бы жили. Во всѣхъ моихъ остальныхъ связахъ, а было ихъ много на моемъ вѣку, всегда кончалось тѣмъ, что не пройдетъ и году, какъ женщины начинали плакать и жаловаться, что мало видимся, что я холоденъ, что я мало люблю. А я совсѣмъ, пожалуй, любить не умѣю. Что такое любовь? Есть привычка, есть дружба...

— Къ чему ты мнѣ все это говоришь, Володя? Прошлую зиму я слыхала отъ тебя не о привычкѣ и дружбѣ, а о чувствѣ любви. Но не въ этомъ дѣло. Я не хочу насиловать никакихъ твоихъ чувствъ, но прошу тебя, дай мнѣ слово, что ты честно и откровенно, не жалѣя меня, скажешь мнѣ, когда твое чувство ко мнѣ угаснетъ. Это будетъ для меня роковой день, но не хочу выпрашивать любви твоей, какъ милостыни, я слишкомъ люблю тебя, чтобы мириться съ твоимъ охлажденіемъ.

— Изволь, скажу... я тебѣ это обѣщаю. А пока не сказалъ, зачѣмъ же слезы и всѣ эти печали?!..

— Тебѣ, милый Володя, видно, очень мало понятно женское сердце.

— Да какъ тебѣ сказать... Съ женщинами я дѣла имѣлъ не мало: и я ихъ любилъ, и онѣ меня любили, въ общемъ всегда ладилъ съ ними, но чтобы заниматься разработкой психологіи и ихъ сердца, на это, признаюсь, времени у меня недоставало. Такъ-съ, хоть мнѣ и грустно оставлять тебя въ такомъ невеселомъ настроеніи, однако мнѣ все-таки пора ѣхать домой, а ты послѣзавтра протелефонируй мнѣ; кажется, я буду свободенъ, и ты сможешь провести вечеръ у меня. Ну, до свиданія. Ты настоящая mater dolorosa съ этими заплаканными глазами...

Когда Башиловъ уѣхалъ, Данцова долго еще сидѣла въ застывшей позѣ на томъ же диванчикѣ и старалась успокоить себя и оправдать, быть можетъ, кажущуюся перемѣну въ отношеніяхъ къ себѣ Башилова. Она убѣждала себя, что онъ слишкомъ занятой, слишкомъ погруженный въ дѣловыя комбинаціи человѣкъ, чтобы всегда быть ровнымъ и отзывчивымъ въ дѣлахъ любви. Но вѣщее женское сердце не поддавалось доводамъ разума, и она провела безсонную ночь, возстановляя въ своемъ воображеніи картины недавно минувшихъ счастливыхъ дней, когда Башиловъ такъ много говорилъ ей о своемъ къ ней увлеченіи, такъ не скупился на выраженіе поклоненія ея красотѣ и изяществу, и сравненіе съ теперешними короткими свиданіями, въ которыхъ ея сердцу удѣлялось слишкомъ малая толика, подтверждало роковое предчувствіе.

— Неужели можетъ совсѣмъ разлюбить?.. И тогда броситъ?!.. Какъ же я буду жить? Ну, пусть и не женится... ахъ, теперь мнѣ это все равно, но только быть ему близкой...—поблѣднѣвшими губами шептала Евгенія Михайловна въ сотый разъ одну и ту же навязчивую, какъ кошмаръ, мысль и въ полумракѣ спальни, озаренной колеблющимся огнемъ лампады, одиночество, казалось, надвигалось на нее громадной давящей тучей; она тихо стонала, молилась и плакала, какъ дѣвочка, прижавъ лицо въ уголъ подушки. На утро она встала съ головной болью, блѣдная и морально-разбитая. Вспомнивъ о своемъ намѣреніи похлопотать о Башиловѣ, она немного ободрилась; мысль быть ему полезной, заслужить его признательность предстала ей въ видѣ связующаго звена.

Что жъ, если дѣло удастся и онъ получитъ желаемое назначеніе, ему придется уѣхать, и тогда она поѣдетъ вслѣдъ за нимъ, скажетъ ему откровенно, что разстаться съ нимъ свыше ея силъ. Къ чему ей теперь жизнь безъ него, къ чему общество и свѣтскія удовольствія? Вся ея жизнь слилась съ его интересами...

Евгенія Михайловна, несмотря на головную боль, поѣхала къ Еленѣ, чувствуя, что заботой о любимомъ человѣкѣ она можетъ облегчить тяжесть унылой тоски.

— Женя, на кого ты похожа? Что съ тобой? Ты больна?

— Я вчера поздно вернулась, меня одолѣла безсонница, и сегодня до того голова болитъ, что я мѣста себѣ не нахожу. Нарочно поѣхала прокатиться, надѣясь, что будетъ легче. Ты никуда не собираешься?

— Никуда. Садись поудобнѣе. Я велю подать чай, ты согрѣешься, и все пройдетъ.

Обо многомъ переговорили прежде, чѣмъ Данцова рѣшилась заговорить о томъ, для чего она пріѣхала.

Она сдѣлала это съ видомъ спокойнаго равнодушія.

— Вчера въ гостяхъ я слышала, что нашего общаго знакомаго Башилова прочатъ на губернаторское мѣсто; о немъ тамъ отзывались, какъ объ очень толковомъ и нужномъ человѣкѣ, но говорятъ, что если тутъ этому дѣлу не дать ходъ, если о немъ никто изъ вліятельныхъ лицъ не похлопочетъ, то, вѣроятно, ничего не выйдетъ. Мнѣ, знаешь ли, пришло въ голову попросить тебя негласнымъ образомъ помочь. Онъ былъ такъ любезенъ по отношенію меня и такъ много помогъ въ моемъ дѣлѣ, что я была бы рада быть ему, въ свою очередь, полезной, хотя бы косвенно. Къ тому же онъ, дѣйствительно, производитъ впечатлѣніе серьезнаго и умнаго человѣка, и, думаю, будетъ на мѣстѣ въ должности губернатора. Ты какъ объ этомъ думаешь?

— Я думаю, что онъ и самъ не промахнется и похлопочетъ гдѣ надо.

— Представь себѣ, тамъ говорили, будто бы онъ отказывается о себѣ хлопотать: находитъ это унизительнымъ.

— Это онъ правъ... Такъ ты думаешь, что я могу быть полезной? Хорошо, я подумаю...

— Тутъ и думать нечего: обратись къ Орлову. Вѣдь Михаилъ Михайловичъ хорошъ съ министромъ...

— Вѣрно. Изволь, я попрошу, но, конечно, Женичка, я буду дѣйствовать отъ твоего имени, ты ничего не имѣешь противъ?

— Пожалуйста. Я не скрываю, что онъ сдѣлалъ мнѣ большую услугу, и, я думаю, каждому понятно мое желаніе отплатить тѣмъ же. Не откладывай въ долгій ящикъ, ты окажешь услугу мнѣ.

— Я надѣюсь, что на дняхъ Орловъ заѣдетъ ко мнѣ, и я подъ шумокъ съ нимъ переговорю. Во всякомъ случаѣ, обѣщаю быть энергичной, во-первыхъ, въ угоду тебѣ, а, во-вторыхъ, почему и не помочь умному человѣку. Мало ли карьеръ создано черезъ женщинъ? Я думаю, больше половины.

Въ слѣдующій пріемный день у Елены между многочисленными посѣтителями былъ и генералъ Орловъ.

Онъ старался имѣть беззаботный видъ, но кто его зналъ хорошо, не могъ не замѣтить грустнаго выраженія глазъ и частой задумчивости. Улучивъ свободную минуту, Елена попросила его подсѣсть къ ней и вкратцѣ передала просьбу подруги. Орловъ криво усмѣхнулся и подозрительно посмотрѣлъ на Елену:

— Это что же еще за господинъ? Не ваша ли новая симпатія?

— Удивительный вы человѣкъ, Михаилъ Михайловичъ, всюду вамъ мерещатся коварныя подкладки.

— Что дѣлать, Елена Павловна, видно, отъ старости становлюсь подозрительнымъ. Такъ кто же, все-таки, проситъ за этого господина Башилова: вы или Евгенія Михайловна?

— Я же вамъ сказала, что это Женина просьба.

— Ага! Значитъ, вамъ угодно, чтобы я это сдѣлалъ для нея?

— Не совсѣмъ такъ. Если вы это сдѣлаете, то я буду считать услугу, сдѣланную лично мнѣ.

— Елена Павловна, ваше желаніе для меня законъ. Сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть.

Послѣ этого разговора прошло очень мало дней, какъ къ Еленѣ заѣхала Людомирова въ неурочный часъ, впопыхахъ и не въ духѣ.

— Я къ тебѣ на минуту и по дѣлу. Пожалуйста, дорогая, не откажи въ содѣйствіи... Изъ рукъ вонъ, какъ я загонялась и устала. Пріѣхалъ Оттонъ Александровичъ Бергъ... Его пріѣзды становятся для меня невыносимы; воображаетъ, что, кромѣ него, у меня никакихъ дѣлъ, никакихъ обязанностей нѣтъ. Ахъ, я болтаю, а главнаго еще и не сказала. Оттонъ Александровичъ, между прочимъ, мнѣ сказалъ, что Башиловъ можетъ получить мѣсто губернатора, и что онъ будетъ доволенъ, если это дѣло устроится, такъ какъ онъ это давно обѣщалъ Любѣ. И въ то же время я получаю отъ Любы письмо, въ которомъ она меня умоляетъ найти возможность затор-

мозить это назначеніе. Конечно, послѣ происшедшаго съ нимъ разрыва ей совсѣмъ неинтересно съ нимъ встрѣчаться, и вообще она не желаетъ никакихъ съ нимъ соприкосновеній. Я на ея мѣстѣ ему бы еще и напортила хорошенько, чтобы пожалѣлъ и берегъ бы въ другой разъ свои отношенія къ женщинамъ. Я вспомнила, что ты это можешь сдѣлать и черезъ Орлова, и черезъ Рихтера, который, кажется, не совсѣмъ къ тебѣ равнодушенъ.

— Позволь, Мариша, неужели ты думаешь, что я способна портить карьеру человѣку, который ничего сквернаго мнѣ не сдѣлалъ и вообще никакого отношенія ко мнѣ не имѣетъ?

— Если онъ никакого отношенія къ тебѣ не имѣетъ, то нечего было за него хлопотать...

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что совершенно случайно мнѣ передали, что вчера Орловъ говорилъ съ министромъ о Башиловѣ, и тотъ навѣрное исполнитъ просьбу Михаила Михайловича. Понятно, что Орловъ просилъ по твоему порученію. Во всякомъ случаѣ, ты скверную услугу оказала Любѣ и именно послѣ того, какъ я тебѣ разсказала объ его продѣлкѣ. Согласись, что это странно.

— А у меня могли быть мотивы тебѣ неизвѣстные и ничего общаго съ Любовью Ивановной не имѣющіе.

— Ну, словомъ, я замѣчаю, что ты, кажется, начинаешь ему слишкомъ симпатизировать и не желаешь исполнить моей просьбы. Прекрасно, не надо, но въ такомъ случаѣ я найду иной путь и все равно добьюсь своего и ему напорчу: губернаторства онъ не увидитъ, какъ своихъ ушей; я не могу не сочувствовать Любѣ и, разумѣется, ему напорчу. Ты это такъ и знай.

— Я вижу, Мариша, что пріѣзды Берга на тебя дѣйствуютъ очень скверно. Дѣлай, что хочешь. Но только врядъ ли акціи Башилова такъ низко стоятъ, чтобы твои хлопоты могли ему очень повредить.

— Это мы еще посмотримъ!

Людомирова уѣхала очень раздраженная, а Елена поспѣшила вызвать къ себѣ Орлова, чтобы знать опредѣленно, какъ обстоятъ дѣла.

— Видите ли, въ чемъ тутъ дѣло,—заговорилъ Орловъ, усаживаясь въ кресло и скрещивая свои худыя длинныя ноги.—Иванъ Ларіоновичъ ничего не имѣетъ противъ его назначенія и, узнавъ, что я оказываюсь посломъ прелестной женщины, позавидовалъ господину Башилову, который, впрочемъ, у нихъ тамъ на очень хорошемъ счету; отъ себя я долженъ вамъ сказать, что врядъ ли вы дѣлаете ему хорошую услугу, отправляя губернаторствовать въ тотъ край; губернія, говорятъ, прескверная, лѣвая партія очень сильна, направленіе крайне либеральное, и для вновь испеченнаго губернатора положеніе покажется крайне труднымъ. Мнѣ это и Иванъ Ла-

ріоновичъ высказалъ. Я завтра опять съ нимъ увижусь и, если хотите, то могу еще съ нимъ переговорить на эту тэму.

Елена задумалась.

— Михаилъ Михайловичъ, дорогой мой. Ужъ разъ я рѣшилась васъ безпокоить, то буду съ вами откровенна: дѣла приняли такой оборотъ, что, если бы вмѣсто губернаторства вашъ другъ Иванъ Ларіоновичъ предложилъ ему иное, равносильное этому, мѣсто, ну, что-нибудь въ родѣ управляющаго канцеляріей министра или директора департамента, то это было бы большимъ для меня удовольствіемъ. Скажу вамъ по секрету, что у меня была только что Мариша и объявила мнѣ, что она напортитъ Башилову, потому что противъ него имѣетъ зубъ и она сама и ея подруга—Любовь Ивановна Бергъ. Такъ какъ Женя знаетъ, что я уже васъ просила, то если Мариша дѣйствительно сумѣетъ напортить Башилову, это будетъ имѣть видъ, что мои хлопоты испортили все дѣло; это задѣваетъ мое самолюбіе, и, кромѣ того, я нахожу просто гнуснымъ, чтобы Мариша и Бергъ вплетали свои личные съ нимъ счеты въ судьбу его карьеры. Будьте милый, переговорите еще съ вашимъ другомъ, пусть онъ двинетъ Башилова и какъ можно скорѣе, а то чего добраго или Мариша дѣйствительно ему теперь же напортитъ, или, что еще хуже, напортитъ Любовь Ивановна тамъ, гдѣ онъ будетъ назначенъ губернаторомъ.

— Елена Павловна, если я за что-нибудь берусь, то всегда довожу свое дѣло до конца, а въ особенности, если исполняю ваше желаніе. Будетъ жаль, если Иванъ Ларіоновичъ повидаетъ этого вашего протеже до вторичнаго со мной свиданія. Онъ записалъ у себя и обѣщалъ мнѣ не откладывать его назначенія.

— Да, это будетъ жаль,—обдумывая что-то про себя, разсѣянно отвѣтила Елена.

— Итакъ, Елена Павловна, я замѣчаю, что вы начинаете интересоваться политикой, хотите содѣйствовать чьей-то карьерѣ, а я для васъ отошелъ совсѣмъ на задній планъ... грустное это сознаніе! Давно ли все было иначе, когда я счастливый летѣлъ мыслью къ моей принцессѣ грезѣ и чувствовалъ, что и я для нея что-то значу... Да, все измѣнилось... слишкомъ скоро и казалось бы, что и безъ причины.

Голосъ Орлова дрогнулъ и, боясь не совладѣть съ охватившимъ его волненіемъ, онъ быстро поднялся и сталъ прощаться.

— Если бы вы знали, дорогой Михаилъ Михайловичъ, какъ мнѣ больно васъ слушать...

— Извольте, я буду молчать... «но пусть любовь моя васъ не тревожитъ, я не хочу печалить васъ ничѣмъ...»—старческимъ, дребезжащимъ голосомъ пропѣлъ Орловъ на старинный мотивъ, съ молитвеннымъ жестомъ поднявъ руку въ бѣлой перчаткѣ, какъ бы призывая само небо въ свидѣтели.

Какъ только Орловъ ушелъ, Елена послѣ короткаго размышленія написала Башилову записку и велѣла немедленно ее отправить. Когда она къ обѣду вернулась домой, лакей подалъ ей отвѣтъ. Елена внимательно посмотрѣла на красивый увѣренный почеркъ лиловыми чернилами.

«Многоуважаемая и очаровательная уника!

«Не знаю, что за важныя дѣла породили въ васъ счастливую мысль призвать меня хоть на полчаса, какъ вы пишете. Къ счастью, я сегодня имѣю въ своемъ распоряженіи эти полчаса и съ удовольствіемъ буду у васъ въ означенное время.

«Цѣлую ваши милыя ручки. Искренно и неизмѣнно вамъ преданный В. Башиловъ».

Елена наскоро пообѣдала, чтобы успѣть одѣться въ театръ до прихода Башилова.

— Какая вы интересная!—воскликнулъ онъ, когда Елена вышла къ нему въ гостиную въ черномъ бархатномъ платьѣ съ вырѣзомъ на груди.—Позвольте же на васъ сперва полюбоваться. Я, изволите ли видѣть, безумно люблю женщину въ нарядномъ туалетѣ, а вы обладаете рѣдкимъ талантомъ одѣваться такъ, что на васъ самое скромное платье имѣетъ какой-то особенный видъ. Настоящая королева.

— Однако садитесь. Чѣмъ васъ угощать? Хотите вина? фруктовъ, конфетъ?

— Покорно благодарю-съ, кромѣ вашего присутствія, я ничего не хочу.

— Въ такомъ случаѣ, Владимиръ Ивановичъ, я приступаю прямо къ дѣлу, а вы будьте серьезны, на меня такъ не смотрите, а вникните во все, что я вамъ скажу.

— Слушаю-съ, я очень заинтересованъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло: если не завтра, то со дня на день можетъ васъ призвать министръ и, ужъ не знаю въ какой формѣ, вѣроятно, предложитъ вамъ мѣсто губернатора, на что вы должны ему отвѣтить, не знаю, въ какихъ тамъ вы найдете нужнымъ выраженіяхъ, что, во-первыхъ, губернія эта вамъ не по сердцу въ виду несимпатичнаго и труднаго направленія, и что, во-вторыхъ, ваши дѣла васъ привязываютъ къ Петербургу и если бы движеніе впередъ было возможнымъ, но безъ необходимости выѣзда отсюда, то вы были бы счастливы, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

— Ровно ничего не понимаю. Могу ли полюбопытствовать, какимъ образомъ вамъ это все извѣстно и почему вы мнѣ диктуете, что я долженъ сказать.

— Владимиръ Ивановичъ, вы отлично знаете, что если я говорю съ вами, то только съ чувствомъ доброжелательства. Промаха здѣсь быть не можетъ. Я говорю лишь то, въ чемъ очень увѣрена, но больше сказать вамъ ничего не могу, и ужъ вы, пожалуйста, меня

ничего не спрашивайте. Вы должны же понимать, что, вращаясь въ обществѣ, имѣя друзей, мало ли что можешь услышать... Вѣдь не всѣмъ же извѣстно, что мы съ вами въ хорошихъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе не придетъ никому въ голову, что я стану съ вами дѣлиться слышаннымъ. Кто умѣетъ молчать, тотъ многое и знаетъ. Быть можетъ, я и ослышалась, но мнѣ почудилось что-то въ родѣ управляющаго канцеляріей министра... или директора департамента.

— Ну, это вамъ, очевидно, почудилось. Я, какъ говорится, еще не доросъ до этого; а что касается губернаторства, то съ благодарностью цѣлую вашу ручку за совѣтъ, но, изволите ли видѣть, я, пожалуй, и самъ бы отъ него отказался, такъ какъ въ данную минуту такое назначеніе меня не особенно устраиваетъ. Помимо нѣкоторыхъ соображеній, я, видите ли, того мнѣнія, что губернаторствовать холостому человѣку какъ будто бы и не такъ удобно. Тутъ нужны и пріемы, и умѣнье наладить домъ, и всѣ эти тонкости, съ которыми великолѣпно умѣетъ справляться женщина. Губернаторша, да если еще умная и интересная, даетъ извѣстный тонъ, и безъ этого никакъ нельзя-съ. Поѣдешь бобылемъ, и какъ разъ привяжется какая-нибудь баба, сама же и растрещитъ по всей губерніи, а мамаши, у которыхъ взрослыя дочки, начнутъ фыркать и негодовать, на ушко разсказывать про губернатора скандальныя небылицы. Это я знаю доподлинно-съ. Во всякомъ случаѣ сердечно благодаренъ, что мои дѣла васъ интересуютъ.

— Да, да, Владимиръ Ивановичъ, ужасно интересуютъ, и, знаете, вѣдь у меня необыкновенно счастливая рука, какъ говорятъ французы, j'ai une chance contagieuse[1]), вотъ вы подержите хорошенько мою руку, и я увѣрена, что вашъ визитъ къ министру ознаменуется чѣмъ-нибудь выдающимся.

Елена протянула Башилову руку; онъ крѣпко ее сжалъ, поцѣловалъ и, поглаживая, ласково проговорилъ:

— А славная у васъ ручка, такъ бы и унесъ съ собой навсегда. Однако я не хочу васъ задерживать, вамъ пора въ театръ; разрѣшите васъ подвезти—меня ждетъ автомобиль:

Елена согласилась. Въ передней лакей набросилъ ей на плечи длинную плюшевую шубку, отороченную прекраснымъ мѣхомъ, и Елена, довольная своимъ днемъ, смѣясь и весело болтая, спускалась съ лѣстницы въ то время, какъ Башиловъ, слегка поддерживая ее за локоть, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя ароматъ ея духовъ и, искренно любуясь ея подвижнымъ, очень выразительнымъ лицомъ, не столько слушалъ то, что она говорила, какъ прислушивался къ низкимъ груднымъ ноткамъ ея мелодичнаго голоса. Всю дорогу до театра Башиловъ мучительно боролся съ желаніемъ привлечь ее къ себѣ и цѣловать

---

[1]) Заразительный шансъ.

ея губы и глаза, но разсудокъ опять-таки одержалъ верхъ надъ страстью, и онъ ограничился только тѣмъ, что почти всю дорогу не выпускалъ ея руки и безпрестанно прикасался къ ней губами.

— Опасная вы женщина, Елена Павловна: чаруете и мучаете, какъ русалка.

— Чѣмъ же я васъ мучаю?—разсмѣялась Елена.

— Очень ужъ вы меня на благородной дистанціи держите; если не ошибаюсь, вы изволили изъ-за границы вернуться почти мѣсяцъ тому назадъ, а вижу я васъ всего третій разъ. Живете за семью замками.

— Это я за семью замками? Ну, что вы разсказываете! Моя дверь всегда и для всѣхъ открыта.

— А это и еще хуже, если для всѣхъ. Иной разъ, сознаюсь вамъ, у меня мелькала мысль заѣхать къ вамъ вечеркомъ чашку чаю выпить, посидѣть часовъ до одиннадцати, отдохнуть подлѣ васъ и опять къ дѣламъ, но ѣхать къ вамъ, чтобы расшаркиваться съ незнакомыми кавалерами или дамами,—на это у меня охоты нѣтъ-съ; ну, я и не ѣду.

— Такъ вѣдь существуетъ телефонъ для этого; не полѣнитесь спросить, одна ли я, и вѣрьте, что буду вамъ очень рада. Я тоже нахожу, что мы съ вами мало видимся, если принять въ соображеніе...—Елена запнулась.

— Договаривайте, прошу васъ.

— Ваше желаніе сократить разстояніе, насъ раздѣляющее.

— А оно еще не сократилось? Ну, будьте же откровенны.

— Немножко...

— Немножко?! А вотъ бы взять васъ сейчасъ за плечи, стиснуть хорошенько и зацѣловать бы въ уста сахарныя, и исчезло бы всякое разстояніе.

— Владимиръ Ивановичъ, не смѣйте.

Елена инстинктивно прижалась въ другой уголъ автомобиля, въ тонѣ Башилова ей послышались опасныя нотки.

— Да я и не смѣю. Покоренъ, какъ рабъ. Сижу со сложенными руками и чту васъ, какъ Богородицу.

Когда подъѣзжали къ театру, Елена, переведя разговоръ на дѣловую почву, между прочимъ сообщила Башилову, что положеніе генерала Берга очень непрочно и что съ отставкой премьеръ-министра, о которой очень поговариваютъ, его карьера будетъ окончена, такъ какъ его находятъ мало самостоятельнымъ, лишеннымъ всякой индивидуальности, неспособнымъ шагу ступить безъ чужихъ указаній.

«Оттого и отъ губернаторства совѣтуетъ отказаться. Умная баба, все сообразила... Откуда она всѣ эти свѣдѣнія имѣетъ?»— подумалъ про себя Башиловъ.

— Конечно, Владимиръ Ивановичъ, никто не долженъ знать нашего разговора и вообще никому нѣтъ дѣла, о чемъ бы и когда бы мы съ вами ни говорили.

— Мудрое правило-съ, и я его придерживаюсь всю жизнь. Веселитесь, всего хорошаго! А чай пить я, значитъ, къ вамъ на дняхъ же заѣду, если разрѣшите.

Елена распростилась съ Башиловымъ у подъѣзда опернаго театра, а онъ отправился на засѣданіе, слегка взволнованный сообщенной ему новостью. Говоря Еленѣ о своемъ яко бы желаніи отказаться отъ губернаторскаго мѣста, Башиловъ лгалъ и сдѣлалъ это инстинктивно, чувствуя необходимость дать ей понять, что онъ хорошо знаетъ себѣ цѣну и не падокъ на повышенія, расходящіяся съ его убѣжденіями, и что совѣтъ Елены не имѣетъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ, которое онъ будто бы уже обдумалъ самъ въ отрицательномъ смыслѣ. Ему очень бы хотѣлось знать, какую роль во всемъ этомъ дѣлѣ играла Елена: принимала ли она активное участіе, или, дѣйствительно, только умѣло воспользовалась слышаннымъ, чтобы заранѣе предупредить его?

До крайности самолюбиваго Башилова слегка коробила мысль о возможности быть обязаннымъ женщинѣ въ своей удачѣ. Не взирая на разговоры о равноправіи, онъ бы не потерпѣлъ близости женщины, которой открыто былъ бы чѣмъ-нибудь обязанъ. Онъ слишкомъ привыкъ импонировать и внушать поклоненіе къ своей силѣ и энергіи, чтобы согласиться на роль товарища съ равными силами.

«Какъ бы то ни было, а баба ловкая и умѣлая... повозиться съ ней придется... не очень податлива... а интересна, въ ней что-то есть!» думалъ про себя Башиловъ, пока автомобиль мчалъ его на засѣданіе.

V.

Прошло нѣсколько дней. Елена съ большимъ интересомъ ожидала результатовъ своихъ хлопотъ по дѣлу Башилова, какъ къ ней неожиданно заѣхалъ Орловъ и объявилъ, что желаніе «принцессы грезы», какъ онъ любилъ называть Елену, исполнено въ точности, такъ какъ министръ, желая уважить его просьбу и считая Башилова человѣкомъ выдающихся способностей, такъ или иначе въ самомъ скоромъ будущемъ выдвинетъ его по службѣ; вскорѣ послѣ визита Орлова пріѣхалъ вечеромъ пить чай и Башиловъ, предварительно удостовѣрясь, что Елена одна и никто имъ не помѣшаетъ. Онъ очень обстоятельно посвятилъ Елену во всѣ подробности своего визита къ министру. Какъ и предполагалось, ему было предложено мѣсто губернатора, отъ котораго онъ отказался, а послѣ

продолжительной бесѣды ему было объявлено, что вскорѣ онъ получитъ назначеніе на должность директора департамента. Онъ хотѣлъ и старался казаться совершенно спокойнымъ, но отъ него вѣяло радостью заслуженной удачи и сознаніемъ своей силы.

— Разрѣшите мнѣ маленькую вольность: вы спокойно пейте свой чай, а я, пока мой остынетъ, буду по комнатѣ ходить. Такая ужъ привычка глупая. Я логичнѣе думаю и говорю, если нахожусь въ движеніи. Такъ вотъ-съ, Елена Павловна, мнѣ и не мнилось, что наединѣ съ вами, въ вашей красивой столовой я буду переживать чувство удовлетворенія по поводу крупнаго движенія по службѣ. Да-съ, лѣтъ десять тому назадъ такое назначеніе могло бы мнѣ казаться конечнымъ этапомъ моей карьеры, а теперь, долженъ вамъ признаться, что меня точитъ червь честолюбія, и я спрашиваю себя: ну, и что же дальше?

— Какъ что дальше? Впередъ, все впередъ...

— А знаете ли вы, очаровательная уника, что значитъ для меня впередъ? Знаете ли вы, перспектива какого конечнаго пункта можетъ теперь удовлетворить меня?

— У васъ есть данныя, чтобы желать многаго. Вы должны проложить себѣ путь и въ концѣ концовъ добиться министерскаго поста.

— Вы меня поняли. Добиться товарища министра это не карьера.

— Ну, что жъ, вы и добьетесь желаемаго.

— Вы думаете?

— Увѣрена. И вы должны быть увѣрены.

— Я не увѣренъ.

— Это скверно. Я убѣждена, что тотъ создаетъ свою судьбу, кто твердо и неуклонно вѣритъ въ свою силу и смѣлость. У васъ есть и то, и другое.

— У меня есть еще и третье—чутье, которое иногда подсказываетъ мнѣ, что для достиженія именно этой конечной цѣли у меня недостаетъ пороху.

— Что за ерунда! Какъ вы можете поддаваться навѣтамъ слабости? Жизнь это бурный океанъ, судьба—челнъ, на которомъ я стою и твердой рукой управляю парусомъ. Если я смѣла, если рука моя не дрогнетъ, если я не страшусь дикихъ волнъ, налетающихъ на мою ладью, то, взбираясь на пѣнистые гребни или падая въ бездну пучины, я все-таки доплыву до берега; но бѣда, если рука дрогнетъ и сомнѣніе затуманитъ острый направленный въ пространство взоръ: парусъ пригнется къ водѣ, бѣшеная волна захлестнетъ мою ладью, и я стану игрушкой непокорной стихіи.

— Все это вы очень картинно изволили нарисовать, и все-таки я не знаю, гдѣ тѣ борцы, у которыхъ никогда не дрогнула рука въ борьбѣ съ жизнью. Я не умаляю своихъ достоинствъ, я цѣну себѣ

знаю-съ, но не въ этомъ дѣло. Мало ли было случаевъ, что портфель министра оказывался во власти бездарностей, неспособныхъ на отвѣтственный постъ; одного родня, другого протекція, третьяго женщины вывозили на широкій путь: у меня нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго. Я горжусь силой своей личной энергіи, и никакія почести для меня не имѣли бы цѣны, если бы я достигъ ихъ не исключительно самостоятельнымъ завоеваніемъ. а черезъ протекцію или женщинъ.

— Я васъ отлично понимаю,—сказала Елена, склонивъ лицо надъ чашкой чая. Едва уловимая лукавая улыбка чуть-чуть скользнула у нея по лицу. «Если ты хочешь научить меня, какъ обманывать тебя, то я это и сама знаю», пронеслось у нея въ головѣ.

— Вы принадлежите именно къ тѣмъ людямъ, сила которыхъ заключается только въ нихъ самихъ, а не въ умѣніи использовать удобныя обстоятельства. Вы идете впередъ съ поднятымъ забраломъ, и, увѣряю васъ, добьетесь своего. Вѣрь въ себя, и я въ тебя увѣрую, а въ данномъ случаѣ, кажется, я буду говорить: я въ тебя вѣрую— вѣрь въ себя.

— Красно вы говорите. Ну, что можетъ быть лучше умной женщины? Какъ есть любители тонкихъ сигаръ и дорогихъ винъ, такъ для меня высшее удовольствіе въ родѣ кейфа поговорить съ умной женщиной.

Въ одиннадцать часовъ Башиловъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что ему пора домой къ занятіямъ; Елена его не удерживала, но онъ заговорилъ на тему проекта, который онъ готовитъ къ засѣданію, увлекся разговоромъ и просидѣлъ до полуночи.

Съ этого вечера Башиловъ сталъ отъ времени до времени заѣзжать къ Еленѣ по вечерамъ, чтобы поболтать и выпить чашку чаю; такъ какъ онъ пріѣзжалъ не иначе, какъ если Елена была совершенно одна, то эти часы недолгихъ, но интересныхъ и задушевныхъ бесѣдъ порождали во взаимныхъ отношеніяхъ интимность, о которой никто не подозрѣвалъ и которая мало-по-малу начала пріучать ее къ мысли, что дѣйствительно Башиловъ становился ей близкимъ человѣкомъ, привязанность котораго основана не на пустомъ увлеченіи. Держалъ онъ всегда себя строго и серьезно, вносилъ живую волну кипучей жизненной борьбы, и обликъ этого человѣка, въ которомъ Елена начинала видѣть друга, вырисовывался для нея все ярче и ярче, именно въ тѣхъ краскахъ, въ которыхъ Башилову угодно было себя выставить. Такъ какъ мѣсто губернатора, предназначавшееся Башилову, было вскорѣ занято другимъ, и такъ какъ Людомирова черезъ Берга узнала, что Башиловъ самъ отъ него отказался, то ей не пришлось особенно хлопотать, чтобы ему напортить, но она была глубоко поражена и ея мыслямъ былъ данъ новый толчокъ ко всевозможнымъ догадкамъ и комбинаціямъ, когда Башиловъ получилъ офиціальное назначеніе директора департамента.

— Каково! Башиловъ не даромъ отказался отъ губернаторства. Этакъ онъ, пожалуй, выше Рихтера прыгнетъ,—говорила она направо и налѣво.—Тутъ не безъ женщины... Удивляюсь вкусу! Онъ вульгаренъ и грубоватъ; Рихтеръ и умнѣе и салоннѣе его... Браво, Елена! Ты превзошла всѣ мои ожиданія. Если ты будешь продолжать въ томъ же духѣ, то этакъ мы Башилова, пожалуй, и въ роли министра увидимъ.

— А я-то тутъ причемъ? Ты вѣдь знаешь, что Башиловъ талантливъ и ловокъ...

— Я думаю, что ты и умнѣе, и талантливѣе его. Недаромъ кто-то недавно совѣтовалъ Рихтеру пріударить за тобой; тебя считаютъ типомъ женщины, на которой долженъ жениться умный человѣкъ, стремящійся сдѣлать блестящую карьеру. Что жь, Рихтеръ былъ бы для тебя недурной партіей; ты бы его въ нѣсколько прыжковъ сдѣлала министромъ.

— Въ концѣ концовъ кого же мнѣ надо дѣлать министромъ—Рихтера или Башилова?

— Разумѣется, Рихтера. Во-первыхъ, если ужъ говорить серьезно, Рихтеръ ему этого назначенія не проститъ, и ногу въ свое время подставитъ, а, во-вторыхъ, совѣтую тебѣ все-таки обратить вниманіе на Рихтера; я знаю, что онъ о тебѣ всегда очень восторженно отзывается и если смекнетъ, что въ назначеніи Башилова ты сыграла нѣкоторую роль, то, повѣрь мнѣ, онъ еще больше тебя оцѣнитъ. Зачѣмъ упускать хорошую партію?

— Да ты, кажется, Мариша, въ свахи записалась! Съ чего ты вздумала, что я замужъ за него пойду?

— Не за Башилова же тебѣ итти!.. Мнѣ говорили, что онъ влюбленъ въ тебя, что онъ для тебя, кажется, и въ Крымъ ѣздилъ.

Елена разсмѣялась.

— То ты говорила, что онъ влюбленъ въ Женю, а теперь въ меня...

— И въ тебя, и въ Евгенію Михайловну, и въ какую-нибудь актрису, и въ свою экономку, если она у него есть,—въ этомъ направленіи онъ можетъ дробиться до безконечности. Люба мнѣ писала, что онъ теперь возится съ какой-то шансонеточной пѣвицей.

— А почему же ему и не возиться—вѣдь онъ холостой человѣкъ!

Какъ Людомирова ни подводила разговоръ, однако ей не удалось опредѣлить, есть ли у Елены хоть доля увлеченія къ Башилову, и она обратилась за справками къ барону Штадену, который за послѣднее время раза два столкнулся съ Башиловымъ у Елены, былъ крайне раздосадованъ этой встрѣчей, убѣдившей его, что Елена не на шутку ему симпатизируетъ. Была минута, когда у барона мелькнуло желаніе осторожно навести Елену на мысль о связи ея подруги съ Башиловымъ, но, вѣрный своему правилу уважать чужія тайны и ни при какихъ обстоятельствахъ не выходить изъ

роли только зрителя, онъ и тутъ не измѣнилъ себѣ, предоставляя судьбѣ спутывать или развязывать жизненныя нити. Отъ Штадена Людомирова, конечно, ничего узнать не могла и стала прислушиваться къ тому, что въ гостиныхъ говорилось или предполагалось, вставляя два-три полушутливыхъ, полуязвительныхъ слова, которыя незамѣтно вливали ядъ и злобу недоброжелательства. За послѣднее время Людомирова не пропускала случая бросить Еленѣ какую-нибудь колкость или двусмысленный намекъ то на Башилова, то на Орлова, то на Юрьева, котораго, впрочемъ, Елена совсѣмъ мало видѣла. Она отмалчивалась или слегка высмѣивала Людомирову, отгадывая, что та вымещала на ней свои недоразумѣнія и ссоры съ барономъ.

Вскорѣ баронъ пріѣхалъ къ Еленѣ и сообщилъ ей о своемъ окончательномъ разрывѣ съ ея подругой Людомировой.

— Прошу васъ меня считать вернувшимся изъ кратковременнаго отпуска,—смѣясь говорилъ онъ,—и вступившимъ вновь въ должность сторожа вашего психологическаго момента, близость котораго, мнѣ помнится, вы предвидѣли въ недалекомъ будущемъ. Я упоренъ и постояненъ и никому не уступлю своего сторожевого пункта; теперь я удвою свою наблюдательность изъ чувства эгоизма и изъ чисто альтруистическихъ побужденій.

— А-а! Благоволите ихъ выяснить, это очень интересно.

— Вы, mon ange, хоть и прикрываетесь тогой добродѣтельной безстрастности, но я вамъ не вѣрю и очень боюсь, что съ наступленіемъ психологическаго момента вы натворите всякихъ чудесъ, а потому я, вашъ вѣрный и бдительный другъ, постараюсь, чтобы этотъ психологическій моментъ...

— Сосредоточился бы на васъ, cher baron...

— Совершенно вѣрно! то есть вы просто читаете мои мысли. Браво! И что же, вы согласны?

— Ну, еще бы! Развѣ вы не понимаете, что я только ждала вашего возвращенія изъ кратковременнаго бѣгства.

— Pardon—отпуска, такъ какъ вы сами его налаживали. Чтобы начать свои обязанности стражника, позвольте быть нескромнымъ и предупредить васъ, что вамъ приписываютъ злые языки уже не двоихъ поклонниковъ, а трехъ: Орлова, Юрьева и Башилова. Послѣднимъ очень заинтригованы; кто-то пустилъ слухъ, что вы ему карьеру хотите сдѣлать, а затѣмъ удостоить чести сдѣлаться его женою.

— А-а-! Узнаю Маришинъ языкъ... Ну, милый баронъ, теперь стоитъ вамъ почаще ко мнѣ заѣзжать, чтобы вы оказались четвертымъ поклонникомъ.

— А я это непремѣнно и сдѣлаю, потому что къ Башилову васъ ревную и ни за что не хочу, чтобъ васъ соединяли съ его именемъ.

— Спасибо за услугу; меня это не устраиваетъ, такъ какъ если мнѣ кто-нибудь можетъ нравиться, то это будетъ навѣрное онъ. Что? Не ожидали?

— Вы шутите?..

— Совершенно серьезно.

— Въ такомъ случаѣ это очень прискорбно.

— Даже прискорбно? Но я васъ утѣшу тѣмъ, что пока это еще мое предположеніе, и, какъ другъ, вы будете au courant всѣхъ серьезныхъ событій, если имъ суждено когда-нибудь случиться.

— А я вотъ начну за вами хорошенько ухаживать и отважу его.

— Сдѣлайте одолженіе, вѣдь я еще не влюблена.

Однажды Людомирова встрѣтила Башилова у общихъ знакомыхъ, подсѣла къ нему и начала слегка его язвить и дѣлать намеки, что она знаетъ какія-то его тайны. Башиловъ поддавался очень туго и, предполагая, что она намекаетъ на ссору съ Любовью Ивановной, и желая перемѣнить разговоръ, спросилъ, давно ли она видѣла Елену. Людомировой этого только и надо было.

— Это время я ее вижу очень мало, потому что она такъ занята своими флиртами, что ей, конечно, не до меня.

— Помилуйте, Марія Константиновна, могутъ ли быть флирты у Елены Павловны? Я не встрѣчалъ болѣе холодной и безстрастной женщины, чѣмъ она.

— Елена безстрастна? Ого! Откуда вы это можете знать? Удивляюсь! Вы такой опытной въ дѣлѣ съ женщинами!.. Вѣроятно, вы неумѣло взялись. Рѣшивъ, что Елена слишкомъ умна, вы начали съ психологіи, а женщина, какъ бы она умна ни была, въ дѣлахъ любви все-таки остается женщиной, а не философомъ... Философія расхолаживаетъ.

Людомирова смѣялась и кокетничала, стараясь отвлечь вниманіе Башилова отъ своей главной цѣли—выставить пріятельницу въ невыгодномъ свѣтѣ. Башиловъ, любопытство котораго было задѣто по отношеніи Елены, попался на эту удочку и, въ свою очередь, желая выпытать отъ Людомировой то, что его въ данную минуту интересовало, искалъ способа, какъ бы замаскировать свое намѣреніе.

— Я, изволите ли видѣть, всегда руководствуюсь примѣромъ умныхъ людей. Александръ Александровичъ Рихтеръ тихонько и умненько бесѣдуетъ съ Еленой Павловной и успѣхъ, кажется, имѣть будетъ.

— Ну, будетъ ли еще имѣть—это вопросъ! Вы бы лучше поучились у Юрьева; онъ умомъ, кажется, не блещетъ, а успѣхъ имѣетъ колоссальный.

— Ужъ и колоссальный! Позволила барынька ручку поцѣловать, а онъ и затрубилъ побѣду. Это по молодости лѣтъ и по неопытности-съ.

— Ну, извините! я сама была свидѣтельницей, какъ однажды въ чаду умопомрачительнаго кокетства Елены Юрьевъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ расцѣловалъ ее.

— Да, это ужъ очень рѣшительно!.. Такой примѣръ даже и опасенъ.

Башиловъ почувствовалъ раздраженіе противъ Людомировой, сразу испортившей ему настроеніе, но вмѣсто того, чтобы прервать разговоръ, на зло самому себѣ ждалъ дальнѣйшаго.

— Въ такомъ случаѣ поучитесь у барона Штадена. Это, повѣрьте мнѣ, артистъ. И онъ знаетъ прелесть Еленинаго поцѣлуя; этотъ, пожалуй, еще рѣшительнѣе, чѣмъ Юрьевъ... Изъ всѣхъ обожателей Елены самый слабый Орловъ,—но вѣдь его пѣсня, кажется, спѣта; она выжала изъ него послѣдніе соки и теперь держитъ на веревочкѣ для количества... Ну, разумѣется, надо имѣть умъ и смѣлость Елены, чтобы такъ бравировать и такъ смѣло афишировать свои связи; каждая изъ насъ трепещетъ лишняго пожатія руки, боясь, чтобы не раздули и изъ мухи слона не сдѣлала, а она, молодецъ, очень ловка; ничего не боится, зато ей прощается многое. Я любуюсь такими женщинами, а вы?

— Если я любуюсь Еленой Павловной, то главнымъ образомъ за то, что никогда отъ нея ни о комъ дурного слова не слышалъ,— сдерживая раздраженіе, отвѣтилъ Башиловъ.

— Это что же? Камень въ мой огородъ?

— Помилуйте, имѣю ли я право...

Башиловъ уѣхалъ домой сильно не въ духѣ, озабоченный слышаннымъ, взбѣшенный на Елену при мысли, что она, быть можетъ, его дурачитъ, его, привыкшаго насквозь видѣть каждую женщину. И въ то же время чутье подсказывало ему, что Елена слишкомъ цѣльный и благородный характеръ для мелкихъ интригъ. Ему хотѣлось откровенно переговорить съ ней, но онъ предпочелъ пока молчать, наблюдать, насколько возможно, и ничего не измѣнять въ ихъ отношеніяхъ. Благодаря новымъ обязанностямъ службы, онъ имѣлъ очень мало времени и съ большимъ удовольствіемъ отдавалъ свободные вечера на посѣщенія Елены, чѣмъ на свиданія съ Данцовой, которая начинала ему мѣшать и не на шутку озабочивать. Тихая, покорная и любящая, она мирилась съ необходимостью рѣже видѣться, вѣря, что служба отнимаетъ у него почти все время. Она не высказывалась, но была часто грустна, и зачастую Башиловъ видѣлъ, какъ она глотала слезы, силясь улыбаться.

Такъ прошло время до новаго года. Башиловъ служилъ и много работалъ, Елена много выѣзжала, но жизнь казалась ей полнѣе, и тоска рѣже закрадывалась въ ея душу съ тѣхъ поръ, какъ ея мысли стали сосредоточиваться на интересахъ жизненнаго успѣха человѣка, судьба котораго становилась ей все ближе и ближе. Людомирова давала балы и обѣды. Послѣ долгой переписки и перегово-

ровъ она все-таки добилась наружнаго примиренія съ барономъ, которое ей было необходимо для декорума передъ обществомъ; но баронъ держалъ себя такъ холодно, что вернуть его сердце оказалось невозможнымъ.

Башилову удалось найти свободный вечеръ и поѣхать къ Аннѣ Ивановнѣ, предупредивъ ее съ утра о своемъ посѣщеніи. Занесенный большими хлопьями снѣга, онъ отряхивалъ бобровый воротникъ и протиралъ мокрое пенснэ въ маленькой передней, куда навстрѣчу ему вышла Анна Ивановна, кутаясь въ большой вязанный платокъ.

— Здравствуйте, моя красавица; вы что кутаетесь?... Неужели прозябли? У васъ тепло.

— Здравствуйте. Давненько не видались. Что-то знобитъ меня; вѣрно, простудилась.

— Это не полагается. Вотъ я, погодите, отогрѣю васъ.

— Развѣ что такъ... по старой памяти. Да вы что такъ поздно? Девять часовъ. Я думала, что ужъ и не пріѣдете.

— Занятъ я, голубчикъ, до такой степени, что ей-Богу какимъ-то фокусомъ урвалъ сегодня часъ-другой, чтобы къ вамъ пріѣхать. Работаю по семнадцати часовъ въ сутки.

— А незамѣтно. Выглядите молодцомъ. Ей-Богу, будто и помолодѣли. Пройдемте въ столовую; самоваръ совсѣмъ простылъ, васъ дожидаясь. Что и говорить, рѣдкій гость! Безъ дѣла не заглянете.

— Ну, ну, голубчикъ, полно вамъ. Зато пріѣхалъ и весь вашъ, будто пять лѣтъ тому назадъ. Время-то бѣжитъ! Шутка сказать—пять лѣтъ прошло! А хорошо бывало. Любилъ я вотъ этакъ отдыхать у васъ вечерами и чай съ малиновымъ вареньемъ пить.

— И сейчасъ малиновое варенье подано; видите—не забыла.

— Ну, разскажите о себѣ. Вижу, что живется хорошо.

— Да что о себѣ разсказывать?—Живется разно: когда хорошо, а когда неважно. Иной разъ и поплачу.

— У васъ вѣдь глаза на мокромъ мѣстѣ, вамъ не поплакать нельзя.

— Ладно, ладно. Старое вспоминать не будемъ, а то, пожалуй, не трудно будетъ найти, кто и плакать-то выучилъ. Давайте лучше о другомъ говорить.

Пока пили чай, Анна Ивановна постепенно отогрѣвалась и скинула свою шаль. Башиловъ съ удовольствіемъ поглаживалъ всегда соблазнявшія его пухлыя бѣлыя руки Анны Ивановны, унизанныя прекрасными кольцами. Въ широкой кофточкѣ безъ корсета, съ пышной грудью, съ большими голубыми глазами, бѣлолицая, она понемногу будила въ Башиловѣ воспоминанія былой связи, и онъ, слушая ее, улыбался своимъ мыслямъ.

Послѣ чая Анна Ивановна принесла карты и, отставивъ въ сторону чашки, принялась ихъ раскладывать.

— Теперь полно ужъ вамъ всякое тамъ думать. Я вѣдь васъ насквозь вижу; думайте про свое и не отвлекайтесь. Постойте-ка, ужъ я лучше шаль пока одѣну. Ужъ какія карты, на подборъ... Да вы никакъ назначеніе получили? И не такъ давно... былъ разговоръ съ важнымъ лицомъ; о васъ говорили... разговоръ серьезный былъ. Ну, такъ и есть, у васъ повышеніе по службѣ и полное удовлетвореніе. Вѣрно?

— Вѣрно-съ.—Башиловъ улыбался.

— Ишь вѣдь какой! Хоть бы слово черкнули старому другу, что предсказанія сбываются. Всегда говорила вамъ, что по службѣ везетъ, будете вы вскорѣ очень крупная штука.

— Зачѣмъ мнѣ писать вамъ, коли вы и безъ меня по картамъ все отгадываете!

— Поѣздка была... далекая и удачная; и для кармана и для самолюбія вашего ненасытнаго... А это же что выходитъ?.. Опять на сердцѣ дама, да только не та, что я вамъ въ жены прочила. Къ той сердце ваше остыло... Что же это за исторія такая?.. подождите-ка, разберусь я сперва... Конечно... вотъ опять эта дама подлѣ, очень вы къ ней льнете и карты хорошія, очень хорошія; она благосклонна къ вамъ и... просто и словъ не нахожу, выходитъ такъ, что ваша удача какъ будто бы и отъ ея счастливой руки зависитъ. Силы въ ней много. Жаль мнѣ очень эту вашу прошлогоднюю дамочку, а пѣсня ея спѣта... спѣта, и ничего тутъ ужъ не выйдетъ... дороги идутъ врозь и не сойдутся... нѣтъ, нѣтъ, не сойдутся. А та-то,—ухъ, что за карта подлѣ нея и подлѣ васъ! Мѣшай, не мѣшай, все то же... Много вамъ на роду написано, и все сбудется, какъ я говорила.

Башиловъ просилъ разложить карты на Елену. Вышло то же. Анна Ивановна покачала головой и, подперевъ ладонью подбородокъ, безошибочно обрисовала характеръ и жизнь Елены.

— А кавалеровъ и поклонниковъ у нея много?

— Не меньше, какъ у васъ разныхъ дамъ, а только чудно выходитъ: всѣ они наравнѣ стоятъ, а сердце ея къ вамъ обращено.

Долго еще гадала Анна Ивановна и много правды сказала Башилову.

— Что тамъ карты ни говори, а отольются вамъ когда-нибудь слезы этой бѣдной дамочки. Неугомонное сердце у васъ и жадное: всего вамъ мало! Любитъ она васъ до смерти, пожалуй, никто такъ не любилъ, и любить не будетъ. Ваша новая пассія сердцемъ куда холоднѣе и гордая, а летаетъ высоко; карты какъ на подборъ.

Окончивъ гаданье, Анна Ивановна скрестила на столѣ руки.

— Такъ-то, ваше превосходительство, глубоко вы плаваете и шибко идете въ гору, но и обидъ наносите не мало. Чужая душа вамъ ни по чемъ. За это я и разлюбила васъ; будь я чародѣйка, научила бы вашу бѣдную тихую дамочку не слезы лить, а отойти отъ васъ подальше и отыскать другого, да подобрѣе.

— Экая вы умница! Каждому дано свое; я не умѣю совмѣстить холодный разсудокъ съ жалостью къ плачущимъ. Начну утѣшать да слезы осушать и пропущу нужную минуту. Не могу я изъ одной жалости свою волю насиловать. Пока любится, люблю, а большаго никогда и не обѣщаю.

— Такъ, такъ!.. Не мнѣ васъ учить... А только все же выходитъ, что жизнь за любовь къ себѣ губите.

— Позабудетъ! Поплачетъ и позабудетъ.

— Это еще неизвѣстно.

— А вотъ вы позабыли?

— То я, а то она. Не у всѣхъ сила одинаковая.

— Такъ вы меня совсѣмъ позабыли? Такъ-таки на чистоту?

— А что же мнѣ: вспоминать и печалится прикажете?

— Итакъ, выходитъ, что я добрѣе васъ. Вотъ каждый разъ, какъ пріѣду, и потянетъ къ тебѣ... слышишь.... къ тебѣ потянетъ. Славныя руки твои... и вся-то ты аппетитная и заманчивая...

Данцова весь день была въ приподнятомъ настроеніи. Вечеромъ ей предстоялъ большой bal-poudré, на который она ѣхала съ охотой, такъ какъ Башиловъ уступилъ ея настоятельной просьбѣ и согласился передъ баломъ заѣхать къ ней, чтобы выпить вмѣстѣ чай и посмотрѣть на нее въ бѣломъ парикѣ. Послѣднее свиданіе онъ былъ съ ней очень ласковъ, и Данцовой показалось, что въ немъ вспыхнула къ ней прежняя горячая страсть.

«Да, какъ женщина, ты владѣешь мной, и я въ твоей власти»,— эти слова наполнили ея наболѣвшее сердце гордостью и надеждой. Прощаясь, онъ подтвердилъ свое обѣщаніе непремѣнно пріѣхать передъ баломъ.

— Ты должна быть очень пикантна въ бѣломъ парикѣ съ открытой шеей; къ тебѣ и заѣзжать будетъ опасно: только взбудоражишь меня, а у меня въ этотъ вечеръ будетъ много работы передъ докладомъ.

Данцова была счастлива чувствовать себя красивой, молодой, имѣющей власть надъ чувствомъ любимаго человѣка. Она знала, что въ парикѣ съ обнаженными плечами она будетъ хороша и что Башиловъ будетъ любоваться ею и пожалѣетъ, что они должны будутъ разстаться. Въ восемь часовъ она была уже причесана и съ чуть подрисованными глазами и легкимъ искусственнымъ румянцемъ на щекахъ, въ красивомъ декольтированномъ голубомъ туалетѣ, очень выдѣлявшемъ ея граціозную фигурку, съ нѣжной линіей плечъ, она съ волненіемъ въ послѣдній разъ оглядывала себя въ зеркало, улыбаясь своему плѣнительному отраженію. Оставался цѣлый часъ до пріѣзда Башилова. Она рѣшила вызвать его, прося пріѣхать сейчасъ же. Лихорадочно возбужденная при одной мысли, что пройдетъ какихъ-нибудь четверть часа, и онъ войдетъ въ этотъ самый голубой будуарчикъ и увидитъ ее—такою

красивой, какой никогда еще не видѣлъ, она въ волненіи подошла къ телефону и съ легкой дрожью въ голосѣ, съ улыбкой на оживленномъ лицѣ, ставшемъ отъ парика и румянъ совсѣмъ инымъ, вызвала Башилова.

— Хорошій, дорогой, пріѣзжайте сейчасъ. Я совсѣмъ готова; будемте раньше чай пить. Я очень жду васъ.

— Извиняюсь, очень извиняюсь, но пріѣхать не могу никакъ. Только что самъ собирался протелефонировать вамъ.

Голосъ Башилова звучалъ какъ-то странно сухо.

— Какъ не можете? вы вѣдь обѣщали...

— Такъ точно-съ, но у меня неожиданное засѣданіе.

— Ну, хоть на полчаса... Я умоляю, Володя...—чуть слышнымъ шопотомъ докончила она фразу.

— Никакъ не могу-съ.

Данцова почувствовала, что все настроеніе радостной приподнятости мгновенно исчезло и сердце забилось тревогой и страхомъ.

— Володя, Владимиръ Ивановичъ, здѣсь что-то кроется, я это чувствую.

— Да ровно ничего не кроется.

— Скажи мнѣ правду: не хочу или не могу пріѣхать, но ради Христа только правду, ты не долженъ говорить одно, а думать другое.

— Въ такомъ случаѣ извольте: не хочу.

— А-а-а-хъ, Боже мой! Что же случилось?

— Ничего ровно.

— Въ чемъ-нибудь я виновата? Я что-нибудь сдѣлала?

— Нисколько. Но сознаюсь вамъ, что когда мы съ вами видѣлись послѣдній разъ, то я чувствовалъ, что у меня къ вамъ чего-то нѣтъ... и выходитъ, значитъ, какъ будто бы обманъ по отношенію васъ же... Я обѣщалъ быть вполнѣ съ вами откровеннымъ, и, какъ видите, слово свое сдерживаю. Я долженъ провѣрить себя.

— Боже мой, чего-то нѣтъ?!. А десять дней тому назадъ еще было. Вѣдь было же?

— Да видите ли, вѣдь я, коли сознаться, желаю каждую женщину, буквально каждую-съ... Ну, и вы все-таки, какъ женщина, силу надо мной имѣете... Это осталось, но вѣдь это еще не все...

— Такъ... такъ... понимаю... теперь я понимаю... значитъ, прощайте...

Данцова, смертельно блѣдная, вся похолодѣвшая, съ перекосившимся отъ страданія лицомъ, схватилась рукой о близъ стоящій стулъ.

— До свиданія... пока...—еще разслышала она отвѣтъ.

— Прощайте...—сдавленнымъ шопотомъ отвѣтила она; выронивъ трубку и тяжело опустившись на стулъ, она глухо застонала, положивъ голову на скрещенныя на столѣ руки.

— Барыня, голубушка, что съ вами? Ахъ, бѣда, бѣда!...

Изъ сосѣдней комнаты прибѣжала горничная, преданная, давно служившая Евгеніи Михайловнѣ, уже немолодая дѣвушка.

Евгенія Михайловна продолжала беззвучно рыдать; обнаженныя плечи содрогались, прелестная головка въ бѣломъ парикѣ конвульсивно билась, вся поза была олицетвореніемъ невыносимаго душевнаго страданія.

— Барыня милая, да вы не плачьте, обойдется, ей-Богу обойдется... съ кѣмъ не бываетъ... передумаетъ... можетъ, и свои дѣла у него... вѣдь я васъ какъ родную люблю... сердцемъ за васъ болѣю... простите, что осмѣлилась сказать... Господи, Мати Божья... да что же мнѣ сказать вамъ... барыня, голубушка... что съ вами? опомнитесь!..

Данцова неожиданно вся выгнулась назадъ и, сдавливая виски сжатыми кулаками, глухо стонала... Заплаканное лицо съ кокетливой мушкой на щекѣ, искаженное страданьемъ, было картинно трагичнымъ.

— Не могу, не могу, Даша... Мутится разумъ, я погибаю... Даша милая, если бы ты знала.

— Знаю, все знаю, милая барыня... Развѣ, думаете, у меня сердца нѣтъ? Доля-то наша женская все одинаковая. Вижу давно, что мучитесь, голубушка вы моя, родная! Я вамъ капель дамъ валеріановыхъ, или прилягьте: Богъ дастъ, завтра они и сами спохватятся; помяните меня, что и цвѣты пришлютъ, и сами пріѣдутъ.

— Нѣтъ, Даша, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... ахъ, проведи меня въ будуаръ, убери все... никуда не поѣду.

— Раздѣньтесь, парикъ я вамъ помогу снять... И что было подождать до завтра! Днемъ-то легче какъ будто, а на ночь и все страшнѣе.

— Оставь меня, нѣтъ силъ, потомъ раздѣнусь. Подложи подушку подъ голову. Я позвоню тебя, милая... уходи.

Едва Даша ушла, осторожно заперевъ за собой дверь, какъ Евгенія Михайловна сорвалась съ диванчика, на которомъ прилегла, и стала метаться по комнатѣ, какъ подстрѣленная птица. Слезъ не было; отчаяніе сдавило сердце стальными клещами, холодъ роковой развязки, сознаніе, что зіяющая пропасть разверзлась и что бороться уже не съ чѣмъ, ледянымъ ужасомъ глядѣло въ помутившіеся, широко открытые зрачки. Какъ сомнамбула, она подошла къ столику, открыла маленькую шкатулку, достала пригоршню облатокъ хинина, которыя часто принимала, и, наливъ воды изъ хрустальнаго графинчика, начала ихъ глотать одну за другой. Она ихъ глотала безъ счету; ни минуты не закрался къ ней въ душу страхъ смерти или тяжелыхъ послѣдствій отъ отравленія хининомъ въ видѣ пожизненной слѣпоты или глухоты. Рука, нѣжная, съ тонкими пальцами, ни разу не дрогнула. Когда въ шкату-

лочкѣ не оказалось больше облатокъ,—Елена приняла болѣе семидесяти гранъ,—она подошла къ столику изъ краснаго дерева, похолодѣвшими пальцами достала листокъ бумаги и написала отчетливымъ почеркомъ: «умираю, потому что нечѣмъ жить». Постояла неподвижная и жуткая въ своемъ торжественно-спокойномъ ожиданіи смерти и вдругъ схватилась за слабое отъ природы сердце: оно начало биться, руки затрепетали, ноги слабѣли, въ глазахъ стоялъ туманъ, вся комната начала куда-то уплывать, мысль о смерти медленной грузной тяжестью вдругъ откуда-то выползла и придавила мозгъ и все ея существо страннымъ дикимъ ощущеніемъ безповоротнаго конца. Хватаясь за стулья, она еле дотащилась до дивана, который, казалось, ускользалъ отъ нея, неестественно осторожно легла, вся вытянулась, опустила руки и широко открытыми, расширенными до невѣроятія глазами и съ конвульсіями въ лицѣ уставилась на голубой абажуръ лампы, слѣдя, какъ онъ уплывалъ и таялъ гдѣ-то все дальше и дальше. Въ вискахъ стучали тысячи молотовъ, въ ушахъ стоялъ дикій звонъ, конечности трепетали, сердце уже не билось, а безпрерывно колотилось, заполняло ощущеніемъ безумнаго біенія все существо. Данцова хотѣла приложить къ нему руку, но тонкая, красивая рука безвольно повисла, трепеща пальцами, какъ трепещутъ листья подъ вихремъ налетающей бури.

Тихо скрипнула дверь: вошла Даша, чуть слышными шагами приблизилась къ дивану и отшатнулась съ перепуганнымъ лицомъ.

— Что съ вами, голубушка барыня? Что съ вами? Вамъ худо?

— Даша... нагнись,—зашептала она.—Я вѣрила всегда твоей привязанности... голубушка, поклянись мнѣ... во имя Спасителя, что никому не скажешь, никогда никому не намекнешь, что я... любила барина Башилова... поклянись...

— Клянусь вамъ именемъ Господа...

— И что въ телефонъ я говорила съ нимъ, никому не скажи. Скажешь, что я... я... тосковала... Даша... умираю... позвони Елену Павловну...

Теперь передъ глазами Данцовой разстилалась темная ночь, въ ушахъ стоялъ звонъ, и она едва улавливала Дашинъ голосъ.

— Господи, Пресвятая Мати Божья! Да что же вы съ собой сдѣлали?! Барыня, ради Христа! Что вы сдѣлали? руки на себя наложили?!. Пресвятая Богородица... доктора надо...

— Елену... позови...

Даша кинулась къ телефону. Срывающимся отъ рыданія голосомъ она вызвала Елену, собиравшуюся на тотъ же балъ, и сказала ей, что надо спѣшить и вызвать немедленно доктора. Но Данцова не ошиблась: было уже поздно. Когда Елена, тоже въ бѣломъ парикѣ, въ первомъ попавшемся капотѣ, страшно взволнованная, вбѣжала въ будуаръ и опустилась передъ диваномъ на колѣни, то

въ безумно расширенныхъ глазахъ нарядной женщины съ кокетливой мушкой на блѣдномъ лицѣ, окаймленномъ сѣдыми локонами, отражался вѣчный и неразгаданный вопросъ смерти; свѣсившіяся руки были холодны, и пальцы, унизанные кольцами съ любимой бирюзой, уже не трепетали, а навѣки замерли, не сумѣвъ защитить слабаго сердца отъ налетѣвшей бури.

VI.

Стояло сѣрое, немного туманное утро. Черезъ распахнутыя на широкую лѣстницу двери, негромко переговариваясь, толпясь, осторожно поддерживая бѣлый нарядный гробъ, медленно выходила толпа изъ безпорядочно-опустѣвшей квартиры, пропитанной ладаномъ и сыростью утренняго воздуха. За гробомъ шелъ высокій, блѣдный, съ сѣдой бородой старикъ, отецъ Данцовой, очень похожая на нее, но менѣе красивая, полная, еще молодая женщина—ея сестра, и братъ инженеръ, статный, очень красивый, слегка фатоватый господинъ. Много дамъ въ траурѣ, военные мундиры, щеголеватые штатскіе, два-три придворныхъ чина,—все та же элегантная, всегда окружавшая Данцову толпа спустилась внизъ и, пожимая другъ другу руки, продолжая шопотомъ начатый до панихиды разговоръ, не спѣша двинулась за пышной погребальной колесницей. На улицѣ всѣмъ стало легче на душѣ послѣ скорбнаго напѣва панихиды въ завѣшенной бѣлыми простынями опустѣвшей гостиной, гдѣ только что нарядная гробовая крышка навѣки сомкнулась надъ блѣднымъ, торжественно-спокойнымъ и милымъ лицомъ никому не сдѣлавшей въ своей жизни зла, но слишкомъ много и глубоко любившей женщины. Елена, потрясенная неожиданной и трагической смертью подруги, шла рядомъ съ барономъ. Онъ былъ печаленъ и почти не разговаривалъ, Людомирова, шедшая подъ руку съ Рихтеромъ, не разъ бросала въ сторону Елены и барона недружелюбные взгляды, которыхъ они не замѣчали. Генералъ Орловъ, осунувшійся, постарѣвшій, шелъ по другую сторону Елены и то поддерживалъ ее за локоть, то поправлялъ падающее боа, то уговаривалъ вполголоса сѣсть въ карету и не переутомлять себя. Во всѣхъ слѣдующихъ за колесницей группахъ разговоръ вертѣлся на тему трагической и преждевременной кончины усопшей. Никто не зналъ ничего положительнаго, но всѣ искали ключа разгадки, и одни близко къ ней подходили, другіе ее отгадывали.

— Ахъ, голубчикъ, не то ужасно, что она умерла, всѣ вѣдь туда уйдемъ, а ужасна мысль о томъ душевномъ и одинокомъ страданіи, которое довело ее до рѣшимости покончить съ собой. И никогда ни намека! хотя нѣтъ... позвольте, я вспомнила!.. Не

такъ давно она поразила меня словами, что не видитъ своей дальнѣйшей жизни и что у нея есть предчувствіе близкой смерти.

— Ну, вотъ видите! Значитъ, она готовила себя къ этой мысли, и ея смерть не была внезапнымъ и необдуманнымъ рѣшеніемъ, какъ вы предполагали.

— Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже! Значитъ, ее что-то давно мучило и угнетало, и она, не имѣя поддержки и утѣшенія, заблудилась и не находила выхода изъ окутавшаго ее мрака отчаянія. И сказать, что вѣдь я была близкимъ ей другомъ!.. Ахъ, баронъ, какъ мы всѣ одиноки, какъ великъ трагизмъ нашего духовнаго одиночества въ минуты скорби и отчаянія. Когда я думаю объ этомъ, мнѣ кажется, что изъ-подъ ногъ моихъ срывается послѣдній камень и я лечу въ бездонную пропасть. Замѣтьте, что вѣдь каждый изъ насъ окруженъ тѣсной толпой родныхъ и друзей, которымъ онъ и близокъ, и дорогъ и за привязанность которыхъ мы всѣ цѣпляемся; но въ минуты затопившаго душу горя и отчаянія мы ясно сознаемъ, что въ этой жизни мы брошены, какъ въ пустынѣ одинокіе и слабые. И силенъ тотъ, кто, познавъ это отчаяніе одиночества, останется безстрашнымъ до конца, найдя точку опоры хотя бы въ миражѣ, созданномъ нашимъ мозгомъ. Нѣтъ, нѣтъ, лучше не думать, не бередить этихъ вѣчно открытыхъ ранъ.

— Мнѣ очень жаль, что не удалось быть вчера вечеромъ на панихидѣ,—говорила Людомирова Рихтеру.—Разсказываютъ, что Башиловъ держалъ себя, какъ ни въ чемъ ни бывало; познакомился съ сестрой Евгеніи Михайловны, выражалъ соболѣзнованіе, такъ что ввелъ въ заблужденіе многихъ, подозрѣвающихъ причину смерти. А я ни минуты не сомнѣваюсь, что виноватъ онъ. Она была вѣдь такая овечка.

— Во всякомъ случаѣ не пара ему. Повѣрьте, что я совершенно индифферентенъ къ успѣхамъ господина Башилова и ужъ, конечно, ему не завидую, но ни минуты не сомнѣваюсь, что онъ кому угодно горло перерѣжетъ, если ему это окажется полезнымъ, и даже не оглянется. Я смотрю на его повышенія совершенно спокойно: все равно сломаетъ себѣ шею. Въ послѣдней комиссіи онъ проявилъ много безтактности, подчеркивая то право своего голоса, то какія-то тамъ свои заслуги, кипятился, язвилъ и произвелъ впечатлѣніе очень невыгодное; набрался, что называется, перцу, не успѣвъ ощупать еще и почвы, на которую попалъ. Настоящихъ административныхъ способностей у него нѣтъ, а соваться впередъ и кричать о себѣ—это онъ умѣетъ. Ну, да вѣдь раскусятъ въ свое время...

Рихтеръ, изящный, красивый и надменный, пересыпалъ свою рѣчь французскими фразами, говорилъ спокойнымъ, хладнокровнымъ голосомъ, но въ его холодныхъ глазахъ мелькалъ огонекъ злобнаго чувства.

— Oh, la pauvre femme! Si jolie, si douce [1]), и такая трагическая, непонятная кончина,—говорила баронесса Кнорпъ, кокетливо подобравъ черное платье и выставляя изящно обутую маленькую ножку, которой охотно любовался ведшій ее подъ руку высокій красивый уланъ, любитель женщинъ, вина и лошадей. Онъ крѣпче, чѣмъ это полагалось, прижималъ локтемъ ручку маленькой хорошенькой черноглазой баронессы, съ которой наканунѣ сидѣлъ рядомъ за ужиномъ послѣ блестящаго бала и находилъ ее сегодня такой же свѣжей и хорошенькой, какъ и вчера.

— Говорятъ, что она отравилась, qu'elle avait un chagrin d'amour [2]). Вы не слышали? Это правда?

— Все можетъ быть, баронесса; потому-то я и говорю, что надо пользоваться жизнью и отвѣчать на любовь, когда насъ хотятъ любить.—Уланъ осторожно, но выразительно прижалъ покрѣпче ручку своей дамы, слегка покраснѣвшей и прищурившей съ лукавой улыбкой красивые большіе глаза.

— Пройдемте еще до слѣдующей улицы, Аркадій Евгеньевичъ, а тамъ сядемте ко мнѣ въ карету, а то ноги зябнуть начинають, да и вамъ, думаю, не очень-то полезно съ ревматизмомъ по снѣгу итти,—обратилась къ сѣденькому генералу шедшая съ нимъ рядомъ пожилая дама, знавшая Данцову съ дѣтства, любившая ее и теперь негодовавшая на покойницу за ея поступокъ, противный христіанскому ученію.

— Да ужъ! Не думалъ, что придется и мнѣ провожать покойницу въ лавру. Вѣдь молода была еще, жить бы да жить!..

— Да какъ же можно! Я просто въ себя не могу прійти отъ этого ужаса. Вѣдь Женичка была всегда такая спокойная, религіозная, такая разсудительная. Если бы вы знали, какъ она мучилась вопросомъ развода, котораго требовалъ отъ нея супругъ. Воспитанная въ такой патріархальной семьѣ, такихъ строгихъ правилъ и вдругъ!.. Вы слышали: говорятъ, будто бы у нея былъ романъ?

— Да ужъ надо полагать, что тутъ не безъ любви, если это вѣрно, что она отравилась.

— Мнѣ называли какого-то Башилова. Вы не знаете, кто онъ? Я вѣдь, въ свѣтъ теперь не выѣзжая, никого тамъ не знаю...

Послѣ обѣдни въ уютной, убранной зеленью церкви гробъ понесли по покрытымъ неутоптаннымъ яркимъ снѣгомъ дорожкамъ и, окруженный тѣснымъ кольцомъ притихшихъ людей, надъ которыми будто пролетѣла какая-то черная большая птица и задѣла ихъ своимъ мрачнымъ крыломъ, подъ скорбный ропотъ послѣдняго земного напѣва молитвы, онъ медленно соскользнулъ въ глубину темной холодной могилы...

---

[1]) О, несчастная женщина! Такая красивая и кроткая.

[2]) У нея было сердечное горе.

Елена только что вернулась съ похоронъ; вся въ черномъ, блѣдная, съ темными кругами подъ слегка подпухшими печальными глазами, она налила кофе изъ маленькаго серебрянаго кофейника и протянула чашку сидящему подлѣ нея барону. Нервная дрожь передергивала ея плечи, и она куталась въ широкое мѣховое боа. Оба молчали; баронъ казался тоже разстроеннымъ и сосредоточенно курилъ.

— Это ужасно, ужасно!..—прошептала Елена, закрывая лицо руками и облокачиваясь на край стола.—Я чувствую, что она унесла съ собой какую-то тайну... Такая слабая и безвольная, она сумѣла ее скрыть даже отъ меня. Женя, Женя... зачѣмъ она это сдѣлала?

Елена неожиданно уронила голову на столъ и тихо зарыдала.

— Полно, дорогая... теперь все кончено. Конечно, больно думать о безвременной и, вѣроятно, ненужной кончинѣ вашего друга, но... судьба, видно, судьба... Не философствуйте, еще хуже запутаетесь.

— Олегъ Владимировичъ, вѣдь надо же жить, а чѣмъ? чѣмъ жить? Женя не умѣла философіей и всякими софизмами заниматься и не выдержала.

— Бросьте вы, пожалуйста!.. Такія несложныя и кроткія женщины, какъ Евгенія Михайловна, не умираютъ надъ разгадкой міровыхъ вопросовъ.

— А вотъ же и умерла.

— Не отъ того.

— Какъ не отъ того?

— У нея было сердечное горе, и она его не перенесла...

— Что такое? Откуда вы это можете знать?

— Я не говорю, что знаю, я предполагаю.

— А я глубоко сомнѣваюсь. Какъ бы Женя ни была осторожна, но какъ-нибудь прорвалось бы. Еще въ прошломъ году Мариша какъ-то увѣряла меня, что ей достовѣрно извѣстно, будто бы у нея романъ съ Башиловымъ. Я очень была встревожена, такъ какъ существовали факты, о которыхъ Женя могла не знать, мѣшавшіе возможности для нея полнаго счастія. Я тогда же съ Женей поговорила откровенно. Она даже разсмѣялась: ничего подобнаго.

— Положимъ, у нея могли бы быть причины скрывать даже и отъ васъ свое чувство.

— Никакихъ. Вѣдь я съ Башиловымъ тогда еще знакома не была и даже не видала его. Вѣдь случалось же раньше, что она дѣлилась со мной своими маленькими, невинными флиртами.

— То-то и дѣло, что тутъ былъ, весьма возможно, не флиртъ, а романъ.

Елена на секунду глубоко задумалась. Баронъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и былъ очень серьезенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Этого быть не могло. Вѣдь въ Ялтѣ мы столкнулись съ Башиловымъ и пробыли въ одномъ отелѣ почти двѣ недѣли. Я бы замѣтила. Наконецъ, если говорить правду, Башиловъ слегка ухаживалъ за мной и если бы въ вашемъ предположеніи была хоть доля правды, могла ли быть Женя такой безмятежно-веселой и ровной? Прорвалась бы во взглядѣ, въ тонѣ голоса.

— Кто знаетъ, моя дорогая, не игралъ ли Башиловъ двойной игры...

— Башиловъ?! Да что вы думаете о немъ? Это человѣкъ рѣшительно неспособный даже на тѣнь хитрости. Онъ до смѣшного прямолинеенъ.

— Кто знаетъ!..

— Вы меня пугаете. Баронъ, отчего мнѣ кажется, что въ вашихъ словахъ кроется какой-то скрытый смыслъ. Ради Бога скажите, если что-нибудь знаете. Это для меня важнѣе, чѣмъ вы думаете.

— Если бы я и зналъ, то вѣдь прошлаго не вернешь и Евгеніи Михайловны тоже.

— Да, но остался Башиловъ... и я.

— Башиловъ и вы? Это сильно сказано; я могу подумать, что онъ въ вашей жизни играетъ серьезную роль.

— И вы не ошибетесь.

— Вы его любите?

— Почти...

— А онъ васъ?

— Очень.

— Этого, сознаюсь, я не ожидалъ. Кое-что мнѣ пришлось слышать, но я не придавалъ значенія; думалъ, сплетни... Такъ вотъ онъ—психологическій моментъ!.. Елена Павловна, не прійти ли мнѣ на помощь? Подумайте... узнайте получше Башилова...

— О, я его знаю отлично...

— И что же: безповоротно?

— Еще нѣтъ, потому что сердце и мозгъ въ плѣну, но страсти по обыкновенію молчатъ.

— Придетъ время, и страсти заговорятъ.

— Не знаю,—тихо отвѣтила Елена.—Баронъ, скажите, что вы знаете о смерти Жени.

Баронъ одну минуту, какъ бы затягиваясь дымомъ папиросы, молчалъ, затѣмъ спокойно взглянулъ на Елену и рѣшительно отвѣтилъ:

— Ничего не знаю, положительно ничего; я высказывалъ одни предположенія.

— А о Башиловѣ что слышали?

— Очевидно, то же, что и вы отъ Маріи Константиновны.

— Ну, на Маришины слова полагаться не слѣдуетъ; она вѣчно изъ мухи слона дѣлаетъ.

— Это возможно.

Опять оба умолкли и долго сидѣли, погруженные каждый въ свои мысли.

— А-а-ахъ!—болѣзненно застонала Елена.

— Что съ вами?

— Я не могу отогнать отъ себя воспоминаній страшной картины, когда я пріѣхала къ ней и застала ее уже мертвой. Была какая-то трагическая, жестокая насмѣшка жизни надъ человѣческой судьбой. Она лежала въ своей нарядной комнаткѣ, вся въ голубомъ шелку, съ открытыми плечами, въ бѣломъ парикѣ, удивительно ей шедшемъ, точно слетѣла съ полотна картины Vatteau, и эта мушка на щекѣ, и хорошенькія въ голубыхъ туфелькахъ ножки, а лицо— скорбное, широко открытые глаза, полные застывшаго недоумѣнія, неразрѣшенной страшной загадки... Меня преслѣдуетъ эта страшная картина, въ ней чуется чья-то властная сила, намѣренно ее создавшая, чтобы наполнить ужасомъ и сомнѣніемъ живого человѣка. Неужели навсегда останется тайной, что могло случиться съ ней въ тотъ моментъ, когда она, нарядная и веселая, собиралась ѣхать на балъ? Что же произошло въ душѣ ея, что, не снявъ даже парика и румянъ, она, готовая къ танцамъ, бросилась въ объятія смерти. Кто толкнулъ ее въ эту пропасть? Кто запугалъ и обманулъ ея душу?

— Да, милыя женщины! Всѣ вы или не въ мѣру коварны, или довѣрчивы, какъ дѣти, —проговорилъ баронъ, подымаясь со своего мѣста и протягивая руку за шляпой.

Былъ довольно поздній вечерній часъ, когда лакей постучалъ къ Еленѣ въ комнату и доложилъ, что Юрьевъ проситъ ее на одну минуту. Елена очень обрадовалась этому неожиданному визиту, такъ какъ давно не видала Юрьева и не знала, что съ нимъ дѣлается. Не найдя его ни въ одной изъ гостиныхъ, она прошла въ переднюю. Онъ стоялъ у входной двери, облокотясь о косякъ, съ фуражкой въ рукѣ.

— Что же вы здѣсь стоите? Заходите, снимайте пальто.

— Невозможно, mon ange, какъ говоритъ вашъ другъ баронъ, я на одну единственную минуту...

Юрьевъ улыбался и не выпускалъ руки Елены, которую какъ будто бы безсознательно цѣловалъ и пожималъ.

— Да все равно заходите, хотя и на минутку; не будемъ же мы здѣсь разговаривать.

— Именно здѣсь, mon ange, какъ выражается вашъ другъ, вашъ уважаемый другъ баронъ... дальше этой двери мнѣ итти невозможно, ибо я могу быть слишкомъ веселъ и вамъ будетъ не такъ легко захлопнуть передъ моимъ носомъ дверь.., а я хочу сказать вамъ два слова, два очень важныхъ слова... но вы не думайте, что я опечаленъ и пущу себѣ пулю въ лобъ... о, нѣтъ!.. я знаете, раскланялся,

даже ручку поцѣловалъ, направо кругомъ маршъ, и прямо съ мѣста въ карьеръ къ «Медвѣдю» и того...

Юрьевъ щелкнулъ себя по воротничку и безсмысленно засмѣялся. Тутъ только Елена замѣтила, что у него неестественнымъ, возбужденнымъ огнемъ горѣли глаза и яркій румянецъ покрывалъ щеки.

— Юрочка, поѣзжайте домой; вамъ надо лечь спать.

— Никакъ нѣтъ! Если вы не желаете со мной говорить, несмотря на то, что мнѣ это очень надо и что я вполнѣ приличенъ, то я сейчасъ же покачу опять къ Мишкѣ и буду пить до утра... въ лоскъ, до безчувствія...

Еленѣ удалось съ большимъ трудомъ заставить его снять пальто и пройти съ ней въ маленькую гостиную.

— Разсказывайте, что случилось?

— Отставка, полная отставка... не гожусь, значитъ... есть получше меня...

Юрьевъ всталъ съ дивана, провелъ рукой по волосамъ, взъерошилъ ихъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но стиснулъ зубы, заскрежеталъ ими и опять опустился на диванъ; досталъ папиросу, хотѣлъ закурить, но руки дрожали, и онъ съ досадой швырнулъ ее.

— Разскажите толкомъ: какъ, почему?

— А чортъ его знаетъ, какъ и почему! Думала, говоритъ, что нравитесь, что полюблю, а, оказывается, ошиблась, потому что влюбилась въ другого и уже невѣста... Простимся, говоритъ, друзьями. Ну, я и простился... ни слова не сказалъ, потому что, согласитесь, что же мнѣ теперь говорить осталось? Невѣста, значитъ, крышка... позволяю вамъ выйти вонъ... я и вышелъ... Навсегда... и ѣздить туда не буду, и никогда не увижу... Все пошло къ чорту... ну, и напился... и еще напьюсь... А-хъ!..—вдругъ застоналъ Юрьевъ, повалился ничкомъ на диванъ, зарылся лицомъ въ шелковую подушку и громко зарыдалъ.

По лицу Елены пробѣжала тѣнь; она сѣла рядомъ съ нимъ и молча долго гладила его курчавые волосы. Онъ плакалъ безутѣшно, и у Елены не было словъ, чтобъ его утѣшить.

— Простите... я передъ вами плачу, какъ мальчишка; зато тамъ... тамъ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. О, какъ вы были правы!... у нея нѣтъ сердца, а я былъ слишкомъ довѣрчивъ, и теперь моя жизнь—ненужный хламъ.

— Полно, голубчикъ: кто не переживалъ бурь въ ваши годы? Обойдется, забудется, васъ полюбитъ другая, и вы будете счастливы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы не знаете, что я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые носятъ названіе однолюбовъ. Я не могу и не хочу два раза любить. Она не поняла, сколько сокровищъ таилось для нея въ моемъ сердцѣ... Ну, да, я не богатъ, не блещу показнымъ умомъ, я, быть можетъ, и не очень уменъ, но для счастія, для жизни у меня достало бы и ума, и сердца.

— Возьмите себя въ руки, голубчикъ; нельзя же изъ чувства любви закладывать фундаментъ всей жизни; есть иные запросы, болѣе глубокіе и болѣе прочные.

— А чортъ съ ними!.. я не братъ Александръ; я еще не умеръ и хотѣлъ жить... Проклятая судьба! Пустить бы и ей, и себѣ пулю въ лобъ и крышка всему.

— Вы разнервничались. Что за манера напиваться, когда душа потрясена горемъ! Это недостойно культурнаго человѣка. Почему мы, женщины, не прибѣгаемъ къ вину, а переносимъ въ здравомъ разсудкѣ всѣ разочарованія и жизненныя обиды? Неужели мы сильнѣе васъ? Примите эти капли, успокойтесь и давайте логично переговоримъ и поищемъ выхода... Вы знаете, голубчикъ, что я люблю васъ, потому что чувствую вашу глубокую и хорошую душу. Протяните мнѣ руку, я хочу быть вашимъ другомъ въ горѣ, хочу поддержать и помочь вамъ.

— Спасибо вамъ, дорогая. Вѣдь къ вамъ, только къ вамъ я понесъ свое горе, но помочь мнѣ вы не въ силахъ: я глубоко и смертельно раненъ, потому что, повторяю, я однолюбивъ. Хотѣлъ напиться, и, видите, хмель съ меня соскочилъ; я слишкомъ сейчасъ трезвъ; неудержимое бѣшенство начинаетъ просыпаться въ моей душѣ. Пустите меня, дорогая, если я сейчасъ не поѣду и не напьюсь до обморока, то я способенъ на преступленіе и на самоубійство.

Елена поняла, что въ налетѣвшемъ порывѣ бури ея слабый голосъ затеряется, какъ далекое эхо, и не долетитъ до оглушенной и смятенной отчаяніемъ души.

— Христосъ съ вами, мой бѣдный другъ. Вамъ нужно итти не въ кабакъ, а въ церковь; вашей душѣ нужна молитва, а не наркозъ, вы берете невѣрный путь.

— Ахъ, Елена Павловна. Каждому свои пути; коли суждено, дойду и я.

Юрьевъ, сразу осунувшійся, поблѣднѣвшій, твердой походкой прошелъ въ переднюю, поспѣшно надѣлъ пальто, крѣпко поцѣловалъ руку Елены и уѣхалъ.

— Дайте о себѣ знать поскорѣе,—крикнула ему вдогонку Елена и, вернувшись въ свою комнату, надолго задумалась надъ тяжелой проблемой жизни.

«И этотъ, видно, одинокъ... Душа смята отчаяніемъ и тоской, и пути къ ней заметены житейскою пылью. Какъ въ пустынѣ раненая птица, она мечется и бьется, а кругомъ нея пусто, одиноко».

Въ этотъ часъ горькаго раздумья Елена ощутила ту же роковую пустоту и одиночество, и сердце сжалось тоской унынія. Закрывъ лицо похолодѣвшими руками, она соскользнула съ кресла, упала на колѣни, уронила голову на мягкое сидѣніе и долго пролежала такъ неподвижно, будто застывшая. Но душа ея въ эти минуты, трепеща отяжелѣвшими крыльями, пыталась подняться надъ мі-

ромъ скорбныхъ и темныхъ переживаній. Запуганная и одинокая, она то билась на одномъ мѣстѣ, то порывисто искала выхода къ свѣту, къ теплымъ лучамъ простой и мудрой правды, затерянной въ хаосѣ туманныхъ и лживыхъ понятій. Опять Еленѣ почудилось, что кто-то неслышный и невѣдомый близко подошелъ къ двери ея духовной темницы и, суровый въ своей непреклонной волѣ, прислушивается къ ея страданіямъ и сомнѣніямъ надъ исканіемъ вѣчной проблемы: въ чемъ жизнь?

Прошло нѣсколько дней, когда она получила открытку съ подписью Юрьева и съ грустью прочла слѣдующее:

«Пилъ, пью и буду пить».

Онъ пересталъ показываться въ обществѣ и про него стали говорить, что онъ сильно закутилъ.

VII.

Башиловъ перенесъ смерть Евгеніи Михайловны съ поразительнымъ самообладаніемъ. Онъ выказалъ артистическое чувство мѣры и въ проявленіяхъ своего сочувствія горю Елены, и въ умѣніи поговорить о ея загадочной смерти не слишкомъ много и не слишкомъ мало. Былъ на одной изъ панихидъ, на похоронахъ въ виду служебныхъ дѣлъ быть не могъ и просилъ Елену возложить на свѣже засыпанную могилу великолѣпный вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ розъ. Елена передала Башилову свой разговоръ съ барономъ и его предположеніе относительно ея смерти Онъ развелъ руками, задумался и отвѣтилъ безъ тѣни смущенія:

— Да кто васъ, женщинъ, отгадаетъ? Можетъ, и отъ любви, да только не ко мнѣ. Какъ-то, помнится, Любовь Ивановна хотѣла, вѣрно, подразнить мое самолюбіе и прошлась, полушутя, въ такомъ духѣ, будто Евгенія Михайловна мною увлекается. Кто не грѣшенъ! Каждому лестно, если говорятъ, что красивая женщина насъ выдѣляетъ,—я не то, чтобы повѣрилъ, а такъ—подчеркнулъ это у себя въ памяти и какъ-то, знаете, будучи у нея съ визитомъ, думалъ почву прозондировать. Такъ не вышло-съ: удивленно брови подняла и, что называется, холодкомъ обдала. Ну, я и ретировался на благородную дистанцію. Рѣшилъ, что мѣсто занято. Насколько могъ судить по наружнымъ даннымъ, она была очень выдержанная и, вѣроятно, умѣла оградить свои чувства отъ любопытства окружающихъ. Признаться, и я склоненъ думать, что тутъ было не безъ сердечной драмы.

Тонъ Башилова былъ простъ и искрененъ, и Елена не имѣла данныхъ, чтобы ему не вѣрить.

Однажды онъ заѣхалъ къ ней сильно не въ духѣ и съ первыхъ же словъ объявилъ, что долженъ имѣть съ ней серьезный разговоръ и надѣется на ея полную откровенность.

— Я получилъ, изволите видѣть, анонимное письмо. Анонимнымъ письмамъ довѣрять не слѣдуетъ, и я не придалъ бы и этому ровно никакого значенія, если бы до ушей моихъ не дошло коечто похожее. Вѣроятно, Елена Павловна, вы имѣли случай убѣдиться, что я человѣкъ дѣла, а не слова. Всѣ эти расшаркиванья, миндальничанья и сладкія слова я не ставлю ни въ грошъ, но если разъ скажу женщинѣ, что она влечетъ меня и я жажду ея близости, то отъ словъ своихъ не отступаюсь и иду къ ней навстрѣчу съ опредѣленными и твердыми намѣреніями. За эти полгода я отдаю вамъ почти все свое свободное время, и моя жизнь должна быть вамъ ясна, какъ на ладони: съ одной стороны—неутомимый, такъ сказать, идейный трудъ, съ другой—привязанность къ вамъ съ надеждой, что вы ее оцѣните и вознаградите. Я желалъ бы отъ васъ услышать правду: сталъ ли я для васъ близкимъ человѣкомъ и придете ли вы къ рѣшенію соединить нашу судьбу въ какой вамъ будетъ угодно формѣ?

Башиловъ взялъ руку Елены и, ожидая отвѣта, сталъ ее тихонько гладить.

— На ваши оба вопроса я отвѣчу: да.

— Ну, вотъ, благодарю васъ за эти милыя слова. Теперь я могу перейти къ нѣкоторымъ деталямъ анонимнаго письма. Правда ли, что вы были близки съ генераломъ Орловымъ и держите его, по какимъ-то вашимъ соображеніямъ, про запасъ, подогрѣвая его влюбленность частыми свиданіями?

— Я думаю, что въ данный моментъ для васъ важно не то, что было, а что есть, и до моего прошлаго вамъ, по моимъ убѣжденіямъ, дѣла нѣтъ. Въ жизни каждой женщины могутъ быть страницы, которыя она не обязана давать на судъ ни близкому человѣку, ни даже жениху. Имѣя такой взглядъ на вещи, я могла бы отвѣтить лишь на вторую половину вашего вопроса, но не хочу напрасно наводить васъ на сомнѣнія и потому отвѣчу вамъ, что къ Орлову у меня было очень сердечное чувство и если бы не встрѣча съ вами, то, быть можетъ, въ будущемъ я могла бы дать ему согласіе на бракъ, о которомъ онъ такъ долго мечталъ...

— И мечтаетъ?..

— Не думаю. Онъ слишкомъ чутокъ и прекрасно понимаетъ, что я отъ него отхожу. Отношенія наши были всегда чисты и скрывать въ нихъ было нечего.

— Такъ-съ. Ну, а Юрьевъ? Что у васъ съ нимъ за странныя отношенія?

— Чѣмъ странныя?

— Мнѣ случайно извѣстно, что вы бываете у него, то-есть на его холостой квартирѣ.

— Не бываю, а была.

— Извините-съ, вы были опять на дняхъ и до очень поздней ночи.

— Эго что еще за шпіонство? Ну, да, была. Что тутъ особеннаго? Мнѣ не шестнадцать лѣтъ...

— И не семьдесятъ!

— Юрьевъ мой другъ; онъ близокъ душѣ моей, я отношусь къ нему какъ къ брату; надъ нимъ стряслось несчастіе, бѣдняга голову потерялъ, запилъ и падаетъ внизъ. Мнѣ его страшно жаль и хочется спасти; отъ нервнаго разстройства и кутежей онъ заболѣлъ; совсѣмъ одинокій, несчастный и больной; разумѣется, узнавъ объ его болѣзни, я поѣхала къ нему, сидѣла съ нимъ, утѣшала и успокаивала. Можно ли думать, чтобы я поступила иначе?

— Не резонъ-съ. Люди на такіе визиты смотрятъ иначе. Вотъ я и получилъ анонимное письмо съ грязными намеками. Согласитесь, что мнѣ и за васъ, и за себя обидно и больно.

— Крайне удивляюсь вашей мелочности. Люди злы и рады случаю бросить комокъ грязи. Вы забываете, Владимиръ Ивановичъ, что я совершенно свободна и ни передъ кѣмъ не отвѣчаю за свои поступки.

— Какъ же-съ. Эгу теорію я уже имѣлъ удовольствіе слышать отъ васъ въ Ялтѣ. Вы попрежнему игнорируете чувство близкаго къ вамъ человѣка. А если бы я былъ вашимъ женихомъ или мужемъ?

— Тогда дѣло другое. Я не имѣю право подставлять подъ комки грязи имя человѣка, не раздѣляющаго моихъ свободныхъ взглядовъ.

— Справедливо-съ. Въ такомъ случаѣ, Елена Павловна, чтобы оградить и ваше имя, и мое къ вамъ чувство отъ этихъ комковъ грязи, не проще ли намъ подать другъ другу руку и по-хорошему соединить нашу судьбу? Я васъ и цѣню, и уважаю, и люблю. Богъ дастъ, не обидимъ другъ друга и сумѣемъ найти счастіе? Что вы на это скажете? Вѣдь все равно окончимъ этимъ.

Елена взволнованно поднялась съ кресла:

— Постойте, постойте, Владимиръ Ивановичъ... Зачѣмъ же такъ скоро? Надо еще ближе сойтись, еще глубже заглянуть другъ другу въ душу.

— Полно, дорогая уника! Къ чему тутъ мудрить?

— Нѣтъ, нѣтъ... такъ сразу это не слѣдуетъ.

— Какое же сразу? Послѣ нашей встрѣчи въ Ялтѣ почти полгода прошло. Развѣ вы не достаточно меня узнали?

Елена молчала и, перейдя на другой конецъ гостиной, задумалась и разсѣянной рукой перебирала листы иллюстрированнаго журнала. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Наконецъ Башиловъ молча поднялся, подошелъ къ Еленѣ вплотную, взялъ ее за обѣ руки, крѣпко сжалъ ихъ и, смотря на нее глазами, въ которыхъ вспыхнулъ еще незнакомый Еленѣ огонекъ, проговорилъ почти шопотомъ:

— Вы не ребенокъ, вы должны же наконецъ понять, что, кромѣ любви, у меня можетъ быть и чувство страсти. Съ каждымъ свида-

піемъ я желаю васъ все больше и больше. Бываютъ дни, когда я долженъ призывать всю силу своей воли, чтобы работать и сосредоточить мысль на дѣлахъ. Я увѣренъ, что и вы небезразличны ко мнѣ, что и въ васъ бушуютъ страсти; женщина съ такой наружностью, какъ вы, не можетъ быть безстрастной. Иначе я и не полюбилъ бы васъ такой сильной любовью; женщины съ холоднымъ темпераментомъ мнѣ были всегда антипатичны, одна красота меня не влекла,—это пустоцвѣты, неспособныя зажечь пожаръ въ мужской груди. Женщина создана не только для любви, но и для страсти. Зачѣмъ мучить и меня и себя? Во имя какой узкой морали? Вы же умница и свободная. Я предлагаю вамъ бракъ, и клянусь честью, клянусь, чѣмъ хотите, что только отъ васъ зависитъ назначить день свадьбы; но если вы еще боитесь соединить судьбу вашу съ моей, если хотите убѣдиться, насколько прочно мое чувство, то извольте—я согласенъ ждать этого дня, но для чего же намъ мучить одинъ другого? Отчего вы не можете стать моей? Я этого хочу безумно, и если вы любите, то поймете меня... Дорогая, хорошая... дай поцѣловать хоть разъ... одинъ разъ... глаза, ну, дай хоть глаза...

Башиловъ обвилъ станъ Елены желѣзной рукой, побѣдилъ ее сопротивленіе и, отбросивъ по отношеніи ея свою всегдашнюю выдержку, безъ счету покрывалъ поцѣлуями ея глаза и уста.

Елена, взволнованная и испуганная, вырвалась изъ объятій Башилова, отстранила его и скрылась за дверью. Онъ грузно опустился въ кресло, силясь побороть бѣшеной волной охватившее его чувство страсти. Сопротивленіе Елены разожгло его еще сильнѣе, и была минута, когда у него мелькнула мысль броситься вслѣдъ за ней, смять ее, бросить передъ собой на колѣни, дать почувствовать свою власть и покорить ее силой своей стихійной страсти, которой онъ всегда привыкъ давать широкій просторъ и волю. Прошло нѣсколько минутъ, и вошла Елена, слегка поблѣднѣвшая, но спокойная.

— Обо всемъ, что вы сказали мнѣ, я серьезно подумаю и обѣщаю вамъ дня черезъ два дать опредѣленный отвѣтъ.

— Слушаюсь и покоряюсь, на этотъ разъ, вашему рѣшенію, будучи увѣренъ, что вашъ свѣтлый умъ подскажетъ вамъ правильный путь, по которому мы и пойдемъ. А пока позвольте мнѣ удалиться, я слишкомъ взволнованъ и смогу, чего добраго, не выдержать роли подсудимаго, которому судья готовитъ приговоръ. Могу взбунтоваться и все дѣло испортить, не такъ ли? Поѣду работать и вершить дѣла иной важности.

Выйдя на улицу, Башиловъ подставилъ морозному воздуху разгоряченное лицо, слегка распахнулъ шубу и, послѣ минутнаго размышленія, велѣлъ ѣхать извозчику въ «Акваріумъ». Онъ занялъ отдѣльный кабинетъ и, написавъ нѣсколько строчекъ на визитной

карточкѣ, послалъ ее черезъ лакея за кулисы. Черезъ нѣсколько минутъ съ нимъ рядомъ сидѣла уже исполнившая свои номера шансонеточная пѣвичка цыганскаго типа. Башиловъ наливалъ ей шампанское въ узкій бокалъ, и она, задорно смѣясь, подставила подъ янтарную струю свои пальцы, унизанные фальшивыми брильянтами; Башиловъ перелилъ вино, пѣна бѣжала черезъ край бокала, а онъ осушалъ шаловливые пальчики жадными поцѣлуями, и въ глазахъ его загорѣлись тѣ же искорки бѣшеной страсти, что съ трудомъ удалось ему потушить часъ тому назадъ.

Въ эту ночь Елена долго не могла заснуть; мысли кружились вихремъ въ ея разгоряченной головѣ. Ее начинала захватывать ярко выраженная сила въ характерѣ Башилова, опредѣленность его воли и стремленій, и, кромѣ того, впервые поцѣлуй, такъ неожиданно и насильно взятый съ ея устъ, пробудилъ въ ней что-то новое, до сихъ поръ ей невѣдомое. Неужели этотъ человѣкъ сумѣетъ разбудить въ ней чувства, до сихъ поръ всегда дремавшія, чувства, которыя, какъ она считала, ея природѣ были несвойственны? Его поцѣлуй не возбудилъ въ ней ни чувства насмѣшки, ни легкаго отвращенія, какъ это случилось давно въ Парижѣ; онъ только затуманилъ ея мозгъ. Значитъ, и въ ней можетъ проснуться женщина... Но слѣдуетъ ли этого желать? Она слышала и читала, что страсть, охватившая женщину въ ея годы, бываетъ безразсудна и слѣпа. Ей тридцать четыре года, ему сорокъ пять, для брака—годы подходящіе, но она сознаетъ, что если она потеряетъ надъ собой узду и впервые отдастся невѣдомому бурному потоку, то этотъ человѣкъ съ желѣзной волей, съ привычкой повелѣвать можетъ пригнуть ее къ землѣ и она, вмѣсто равноправнаго товарища, подруги, совѣтчика, завоевателя жизни, обратиться въ рабу, жаждущую его поцѣлуевъ и ласкъ, упоенія которыхъ она всю жизнь не понимала и потому отклоняла отъ себя. И если теперь ее охватитъ этотъ пожаръ, огонь котораго пожираетъ логику мозга, то въ бракѣ съ этимъ человѣкомъ она найдетъ не счастіе, а двойную муку: сознаніе своего рабства и его пренебреженія къ женщинѣ, въ которой онъ предполагаетъ мощь и мужской умъ, а не жаждущую наслажденій куртизанку. Онъ предполагаетъ въ ней страстную женщину и потому, конечно, допускаетъ, что въ жизни ея были романы, что для нея не новы эти вспышки чувственности, могущія служить украшеніемъ жизни, а не ея доминирующей силой. Почему, когда Башиловъ поднялся со своего мѣста, чтобы уходить, у нея забилось сердце, и она стиснула зубы, чтобы промолчать: ей хотѣлось, чтобы онъ остался, ей хотѣлось смотрѣть на эти губы, впервые давшія ей новое, невѣдомое ощущеніе... И теперь, и сейчасъ она чувствуетъ ихъ прикосновеніе, и, какъ у неопытной, юной дѣвочки, у нея кружится голова... а онъ, сильный, прекрасно владѣющій собой, удѣляющій этимъ страстямъ крохи отъ своей полной дѣлъ и заботъ жизни, онъ,

вѣроятно, сидитъ въ своемъ кабинетѣ, склонясь надъ дѣловыми бумагами въ то время, какъ она не можетъ успокоиться отъ новыхъ ощущеній «перваго» поцѣлуя. Дать согласіе на бракъ теперь, не справившись съ налетѣвшей бурей, это значило бы погубить счастіе. Въ супружеской жизни все зависитъ отъ первыхъ шаговъ, отъ обоюднаго желанія оградить свою индивидуальность отъ вторженія чужой воли. Именно теперь, въ ея годы, она могла бы спокойно протянуть руку супругу, увѣренная въ своемъ достаточномъ знаніи жизни и людей... И вдругъ это непрошенное, ненужное пробужденіе страсти, съ которой она никогда не имѣла дѣла и не знаетъ, не затопитъ ли она все ея существо, не сдѣлаетъ ли изъ нея, до сихъ поръ свободной, здравомыслящей, безвольную рабу. Елена знаетъ, что въ концѣ концовъ утихаютъ и страсти, но для брака съ человѣкомъ, подобнымъ Башилову, этого допустить невозможно, потому что, спустившись на нѣсколько ступеней ниже его, будетъ потомъ невозможно заставить его смотрѣть на себя, какъ стоящую на равной съ нимъ плоскости. Но что же тогда? Просить отсрочить бракъ и силой воли и мысли убить пробудившееся чувство? Или, наоборотъ, допустить близость? То, что не прощается женѣ, простится любовницѣ... Дать этому чувству возможность перегорѣть въ его объятіяхъ и тогда... что тогда? Бракъ? Но вѣдь мужчинъ, закрѣпляющихъ бракомъ свободныя связи, очень мало. Разойтись? Но если предвидѣть возможность разрыва, то для чего же искать связи, чтобы дать удовлетвореніе страстямъ? И это сдѣлаетъ она? Тогда Орловъ будетъ правъ, говоря, что женщина, видавшая такіе виды, какъ она, отъ перваго невѣрнаго шага въ сторону можетъ упасть въ глубокую пропасть...

Такъ думала Елена, напрасно ища выхода изъ запутаннаго лабиринта своихъ мыслей. Усталая, она подъ утро заснула тревожнымъ сномъ. Прошло два дня, и она все еще не нашла того опредѣленнаго отвѣта, котораго ждалъ Башиловъ, и за которымъ онъ въ указанный вечеръ пріѣхалъ.

— Я знаю, что вы быстро пойдете въ гору и добьетесь власти; эта борьба за цѣль мнѣ нравится и притягиваетъ къ вамъ,—говорила Елена:—потому что и во мнѣ есть тѣ же черты; но несходство нашихъ характеровъ заключается въ томъ, что вы не могли бы существовать, вычеркнувъ изъ вашихъ мыслей эту цѣль жизни, я же свободно могу отъ нихъ отрѣшиться и найти исходную точку своихъ стремленій въ чисто отвлеченныхъ идеалахъ, ничего общаго съ общественной жизнью не имѣющихъ.

Елена слегка путалась и искала яркихъ и опредѣленныхъ выраженій, могущихъ помочь ей быть логичной и убѣдительной.

— Такъ-съ. Но это что-то туманное и для меня не вполнѣ ясное. Мнѣ интересна ваша заключительная мысль.

— Такимъ, какъ вы есть сейчасъ, я васъ знаю хорошо и, конечно, не боялась бы соединить наши жизни, но власть и могуще-

ство сильно деморализуютъ человѣка, дѣлаютъ его непохожимъ на самого себя. Я хочу знать васъ въ силѣ и могуществѣ, и если и тогда наша природа не окажется чуждой другъ другу, тогда я безъ страха готова стать вашей женой.

— Такого рѣшенія я отъ васъ не ожидалъ, Елена Павловна. Вы говорите, какъ институтка, не знающая жизни и ея требованій. Если бы я васъ меньше зналъ, то могъ бы предположить, что въ васъ говоритъ алчность честолюбія и неувѣренность въ моей карьерѣ; вамъ угодно остаться госпожой Карцовой, независимой и свободной, или, если отдать свою свободу, то не иначе, какъ ставши женой сановника. Если бы я вздумалъ упорствовать на этомъ предположеніи, то въ видѣ лишняго аргумента могъ бы припомнить ухаживанія товарища министра Орлова и моего соперника Рихтера, про которыхъ говорятъ, что вы ихъ держите въ резервѣ.

— А-а-а! И вы слышали, что про меня такъ говорятъ?..

— Оставимъ пока въ сторонѣ, что говорятъ и чего не говорятъ, а перейдемте лично къ моимъ чувствамъ, Елена Павловна. Ну, а если мои стремленія окажутся тщетными, и я не добьюсь вскорѣ ни силы, ни власти?

— Тогда вы останетесь тѣмъ, что вы есть, и я, конечно, съ радостью буду вашей женой; мы найдемъ общій и полезный трудъ и будемъ завоевывать жизнь иными путями,—съ улыбкой отвѣтила Елена.

— Такъ-съ. А сколько же времени полагается мнѣ на достиженіе высшихъ ступеней, и пока я ихъ достигну, въ какой роли прикажете мнѣ посѣщать васъ, и какая гарантія, что ни Орловъ, ни Рихтеръ, ни, можетъ быть, какой-нибудь иной претендентъ не завладѣетъ вашимъ сердцемъ?

— Надѣюсь, что для этого достаточно одного моего слова, Владимиръ Ивановичъ

— Положимъ, что и такъ, но существуетъ вопросъ, надъ которымъ вы, очевидно, не задумывались или намѣренно его игнорируете.

Елена вопросительно смотрѣла на Башилова. Въ его же глазахъ, пристально на нее устремленныхъ, опять началъ загораться безпокойный, жадный огонекъ. Оба молчали. Елена чувствовала, какъ этотъ огонекъ, разгораясь, окутывалъ ее и зажигалъ въ ея крови до сихъ поръ невѣдомыя ей ощущенія. Внезапно она вздрогнула и закрыла на минуту глаза.

— Не смотрите на меня такими глазами, я не хочу,—тихо прошептала она, проводя рукой по глазамъ, какъ бы стараясь снять съ себя очарованіе взгляда. Башиловъ близко нагнулся къ ней, взялъ эту руку и крѣпко сжалъ.

— А вотъ объ этомъ вы подумали?

— Да, я думала,—едва внятно отвѣтила Елена.

— И что же?

— Сама не знаю.

— Если вы еще боитесь меня, какъ мужа, то вы должны же пойти на уступки, иначе вы меня не любите.

— Ни за что!..

— Это ваше рѣшительно слово?

— Да.

— Вы меня не любите. Я ошибся.

Башиловъ всталъ.

— Постойте. Куда вы?

— Вы передумали?

— Нѣтъ, но вѣдь это же странно такъ разстаться...

— Это логично. Я не люблю неопредѣленныхъ положеній. Если я добьюсь власти и если до тѣхъ поръ у обоихъ насъ не потухнетъ взаимное чувство, то тогда я явлюсь склонить передъ вами мою заслуженную голову, до тѣхъ же поръ самое благоразумное разстаться, такъ какъ я не намѣренъ мучить и волновать себя близостью женщины, которую я люблю и желаю и которая....

— Которая и васъ любитъ.

— Этого я не сказалъ бы...

Опять воцарилось молчаніе. Елена напряженно думала, закрывъ лицо руками; Башиловъ сидѣлъ, заложивъ нога на ногу, и не спускалъ съ нея горячаго, тяжелаго взгляда.

— Довольно, довольно...

Онъ рѣшительно подошелъ къ ней, отвелъ руку, обнялъ за шею и хотѣлъ поцѣловать.

— Нѣтъ... Не надо.

Елена съ силой высвободилась и вся изогнулась, отстранила Башилова.

— Елена Павловна, позвольте откланяться.

Онъ быстро поцѣловалъ ея руку и прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, скрылся за дверью гостиной.

VIII.

Прошло больше мѣсяца. Елена вела съ собой отчаянную борьбу. Каждое утро, когда горничная отдергивала тяжелыя драпировки большого венеціанскаго окна и погруженная во мракъ спальня наполнялась робкими лучами мартовскаго солнца, Елена открывала глаза, и первою ея мыслью былъ все тотъ же мучившій ее вопросъ: сумѣетъ ли она и сегодня справиться съ собой и не призоветъ ли къ себѣ Башилова, который упорно ея избѣгалъ со дня послѣдняго разговора? Призвать его—значило бы пойти на уступку, которой Елена боялась именно потому, что чувствовала къ Башилову серь-

єзную и прочную привязанность, дорожила его уваженіемъ и чутьемъ отгадывала, что чѣмъ сильнѣе окажетъ сопротивленіе, тѣмъ прочнѣе привяжетъ его къ себѣ. Но разлука съ нимъ ее мучила до такой степени, что бывали дни, когда ей приходилось призывать всю силу воли, чтобы не поддаться искушенію и не позвонить къ нему въ телефонъ. Башиловъ, привыкшій къ быстрымъ побѣдамъ, давно поджидалъ этого звонка и удивлялся, раздражался и наконецъ началъ негодовать на упорство Елены, мысль о которой не разъ мѣшала ему работать. Онъ искалъ развлеченія въ обществѣ другихъ, легко доступныхъ женщинъ, но образъ Елены упорно овладѣвалъ мозгомъ и мучилъ его. И все-таки онъ былъ увѣренъ, что побѣда будетъ на его сторонѣ, и терпѣливо ожидалъ этой минуты.

Въ голубой гостиной Людомировой, убранной прихотливой рукой хозяйки букетиками живыхъ фіалокъ, наполнявшихъ тонкимъ ароматомъ немного душную атмосферу, пріемный день приходилъ къ концу. Хозяйка дома, по обыкновенію очень оживленная, слегка утомленная большимъ количествомъ перебывавшихъ гостей, удобно расположась въ креслѣ, допивала маленькими глотками ликеръ и вызывающе кокетничала съ Рихтеромъ. Онъ сидѣлъ близко подлѣ нея на низенькомъ пуфикѣ, разсматривалъ выставленныя ему на показъ изящно обутыя ножки и хотя и отвѣчалъ въ тонъ, но слегка сдерживалъ заигрыванья хозяйки въ удобныхъ для себя границахъ. Онъ собирался улучить подходящую минуту и раскланяться, какъ распахнулась дверь и лакей пропустилъ Елену.

Карцова дала Людомировой обнять и расцѣловать себя, съ привѣтливой улыбкой протянула руку Рихтеру, которую тотъ поцѣловалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и опустилась въ кресло. Разговоръ продолжался въ томъ же игривомъ тонѣ, и Рихтеръ его охотно поддерживалъ, замѣтно подчеркивая свое вниманіе къ Еленѣ.

— Послушай, Леночка,—обратилась Людомирова къ подругѣ, когда Рихтеръ распрощался:—я хотѣла серьезно поговорить съ тобой насчетъ Александра Александровича. Не такъ давно въ полушутливой формѣ онъ намекнулъ мнѣ, что изъ всѣхъ дамъ нашего общества онъ считаетъ тебя наиболѣе интересной и что онъ серьезно не ухаживаетъ за тобой потому только, что щадитъ свое самолюбіе, боясь твоего невниманія. Я знаю достовѣрно, что товарищъ министра уходитъ; если умѣло нажать пружинку, то его мѣсто займетъ Рихтеръ. Онъ на виду, и ему пора получить этотъ постъ; у него есть враги и необходимо, чтобы Иванъ Ларіоновичъ былъ бы на его сторонѣ. Будь благоразумна, устрой ему это назначеніе, не отвергай его ухаживанья и выходи за него замужъ. Я ручаюсь, что Рихтеръ съ его государственнымъ умомъ далеко пойдетъ, но ему необходимо умную и ловкую жену вродѣ тебя, чтобы смягчить его враговъ...

Елена молчала и улыбалась.

— Что же ты молчишь? Я говорю совершенно серьезно и, право, буду удивлена, если ты, умная женщина, пропустишь во всѣхъ отношеніяхъ выгодную партію для того, чтобы возиться съ этимъ кутилкой Юрьевымъ или нахаломъ Башиловымъ, который, по правдѣ сказать, своими несалонными манерами очень напоминаетъ лабазника. Онъ тебѣ не пара... да его и не пустятъ далеко: тотъ же Рихтеръ затретъ.

— Ну, и что же дальше?

— Дальше то, что похлопочи за Рихтера и выходи за него замужъ. Скажи Орлову, чтобы попросилъ Ивана Ларіоновича.

— Это невозможно: Орловъ дуется на меня.

— Еще бы не дуться: закрутила ему голову, а ласки расточаешь другимъ.

— Марина, ты говоришь вздоръ!

— Ну, оставимъ. Не въ этомъ дѣло. Такъ, значитъ, Орлова притянуть къ этому дѣлу нельзя? Очень жаль. Изволь, я придумала иную комбинацію: на будущей недѣлѣ я обѣдаю у Гагариныхъ. Иванъ Ларіоновичъ будетъ тоже, я его позову обѣдать къ себѣ, посажу рядомъ съ тобой и не сомнѣваюсь, что, если ты захочешь, то къ концу обѣда онъ совсѣмъ разсахарится, будетъ смотрѣть на тебя масляными глазами и съ восторгомъ исполнитъ, что бы ты ни попросила. Ты что на это скажешь?

— Пожалуй... попробуй его позвать.

— Такъ ты согласна? Вотъ молодецъ. Повѣрь мнѣ, Елена, что Рихтеръ, если сумѣть его забрать въ руки, премилый человѣкъ. А что онъ карьеристъ...

— И бездушный, черствый эгоистъ...

— Нисколько не больше всѣхъ остальныхъ.

Людомирова была безконечно довольна, что ей удалось уговорить Елену; она была увѣрена, что ей удастся выдать ее за Рихтера и тѣмъ насолить и Башилову, которому она мстила за Любовь Ивановну, и барону, котораго безсильно ревновала къ Еленѣ. Мысль, что та будетъ женой Рихтера, котораго она не любила и не уважала за его черствую, расчетливую натуру, ее радовала, какъ своего рода месть самой Еленѣ.

Прошла недѣля, и предполагаемый обѣдъ состоялся. Иванъ Ларіоновичъ, еще не старый, очень неглупый сановникъ, типъ довольнаго жизнью барича, воспитаннаго въ традиціяхъ рыцарскаго поклоненія женщинѣ, производилъ съ перваго раза крайне выгодное впечатлѣніе, благодаря обходительной, всегда привѣтливой манерѣ въ общеніи съ людьми, къ какому бы соціальному положенію они ни принадлежали. Онъ былъ всѣми любимъ и, хотя не обладалъ способностями государственнаго человѣка, однако карьеру сдѣлалъ шутя, никогда не задаваясь честолюбивыми замыслами, ни въ комъ не заискивая и никому не вредя.

Послѣ обѣда, въ то время, какъ въ голубой гостиной пили кофе и ликеры, продолжали оживленную бесѣду, подогрѣтую утонченными винами, и слушали бравурный вальсъ, который хозяйка дома сама исполняла, кокетливо склонивъ голову на бокъ и прислушиваясь къ любезностямъ подсѣвшаго къ ней кавалера въ моноклѣ, съ преждевременно облысѣвшимъ черепомъ и выхоленными, женственно-красивыми руками,—въ это время Елена, сидя въ отдѣльномъ, слегка заставленномъ растеніями уголкѣ, съ затаеннымъ интересомъ слѣдила, какъ у Ивана Ларіоновича постепенно разгорались глаза и, казалось, въ эту минуту онъ никого не зналъ и ничего не слышалъ, кромѣ словъ Елены:

— Удивительно вы милый человѣкъ. Мнѣ понятны тѣ «ravages», которые вы дѣлали и, вѣрно, дѣлаете въ сердцахъ дамъ.

— Нѣтъ, Елена Павловна, мое время прошло. Угождать милымъ дамамъ еще могу, а что касается «ravages», то и не пробую.

— Иванъ Ларіоновичъ, а вы не забудете вашего обѣщанія ни однимъ словомъ не напоминать ему о нашемъ разговорѣ?

— Разумѣется... пусть думаетъ, что въ его карьерѣ женщины ни при чемъ. Долженъ сознаться, что съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу, такъ какъ она вполнѣ соотвѣтствуетъ заслугамъ этого человѣка: онъ удивительно работоспособенъ и энергиченъ. Такихъ людей надо выдвигать, они полезны Россіи.

— А какъ скоро можетъ состояться назначеніе?

— Вѣроятно, къ концу этого мѣсяца вы прочтете въ газетахъ, что вашъ протеже Владимиръ Ивановичъ Башиловъ назначается товарищемъ министра.

Елена крѣпко и съ благодарностью пожала руку очарованному ея граціей сановнику и уѣхала одна изъ первыхъ, чтобы избѣжать подробныхъ разспросовъ Людомировой.

Елена въ душѣ смѣялась, а Людомирова считала дѣло Рихтера выиграннымъ и съ этого дня, заводя съ нимъ разговоръ о подругѣ, принимала конфиденціально-покровительственный тонъ, давая понять, что она что-то знаетъ и чему-то можетъ помочь.

Со дня разрыва съ Башиловымъ прошло уже полтора мѣсяца. Елена сильно стосковалась и, вѣря, что и онъ страдаетъ не менѣе ея, ставила ему въ заслугу выдержку характера, съ которой онъ исполнялъ разъ принятое рѣшеніе. Она винила себя въ томъ, что не сумѣла облечь временный отказъ въ болѣе мягкую форму, что не сумѣла удержать его подлѣ себя, и теперь ждала съ нетерпѣніемъ и волненіемъ обѣщаннаго назначенія, чтобы имѣть возможность позвонить къ нему въ телефонъ, поздравить и вызвать на новое объясненіе.

Наконецъ ожидаемый день настал. Елена уже три раза подходила къ телефону, получая одинъ и тотъ же отвѣтъ, что «генерала нѣтъ дома». Наконецъ до ея слуха долетѣлъ такъ хорошо зна-

комый высокій тембръ голоса; она съ трудомъ подавила волненіе.

— Хочу васъ лично поздравить.

— Прикажете пріѣхать?

— Жду сегодня же вечеромъ...

— Слушаю-съ.

«Значитъ, я его сама призвала... что же я ему скажу? Дамъ согласіе на бракъ? Буду его женой? Такъ скоро? Нѣтъ, пусть еще подождетъ, но какъ же это сказать?..—разсердится, обидится... Лучше не думать: само выяснится...»

Такъ думала Елена, лихорадочно поджидая назначеннаго часа. Лицо ея, всегда матово-блѣдное, теперь покрылось румянцемъ, и глаза горѣли влажнымъ блескомъ, что придавало ей чарующую прелесть. Былъ уже довольно поздній часъ, когда она услышала шумъ остановившагося у подъѣзда автомобиля, и черезъ нѣсколько минутъ въ ея гостиную входилъ Башиловъ съ лицомъ, озареннымъ радостной, торжествующей улыбкой.

— Какъ я рада за васъ!—проговорила Елена, подымаясь ему навстрѣчу и протягивая обѣ руки съ нервно вздрагивавшими пальцами.

— Спасибо, дорогая моя, спасибо...

Они прошли въ сосѣднюю маленькую гостиную и остановились посреди, оба взволнованные, не находя словъ для охватившаго радостнаго чувства.

— Я рада видѣть васъ... я соскучилась въ долгой разлукѣ.

— А почему же раньше не призвали? Ждали высокаго назначенія?.. И меня мучили...

— Я ничего не ждала... сама мучилась... а сегодня придралась къ случаю: не могла больше.

— Не могли?.. И давно бы такъ... вѣдь все равно не уйдешь: не отпущу...

Башиловъ неожиданнымъ, порывистымъ жестомъ закинулъ голову Елены, такъ что она пошатнулась и чуть не упала, быстро обнялъ за талію и сталъ неудержимо цѣловать въ губы; теперь она не сопротивлялась, и онъ чувствовалъ, съ какой неожиданной страстью она отдавала ему поцѣлуи.

— Знаешь что? Поѣдемъ ужинать. Отпразднуемъ два крупныхъ для меня событія: твой первый поцѣлуй и мое неожиданное назначеніе. Согласна?

— Согласна, на все согласна, милый...

Елена была какъ въ полуснѣ. Ее подхватила какая-то еще невѣдомая ей волна и понесла въ открытое море, къ широкому простору блаженныхъ чувствъ, и она съ радостью отдавала себя этой новой волнѣ, послушно повинуясь ея теченію.

— Ну, голубчикъ мой, я просто глазамъ своимъ не вѣрю, что это ты тутъ сидишь подлѣ меня,—говорилъ Башиловъ, когда ла-

кей скрылся за дверью и передъ ихъ приборами пѣнясь и искрясь играло шампанское въ высокихъ бокалахъ.—Думалъ, что совсѣмъ ускользнула,—словно змѣя; иной разъ казалось, вотъ-вотъ поймалъ, завладѣлъ... не тутъ-то было. Вотъ что значитъ получить постъ товарища министра: и мужчины привѣтливѣе руку жмутъ, и гордыя женщины становятся благосклоннѣе. А вѣдь ты горда. Такъ и отсадишь на свое мѣсто... люблю такихъ... королева... Дай руку, дай пальчики поцѣловать. Повезло же мнѣ! Не ожидалъ я этого повышенія...

— А я ожидала. Я была увѣрена и продолжала вѣрить, что вы пойдете впередъ гигантскимъ шагомъ.

— Не говори мнѣ «вы»—не хочу.

— Я не могу... надо привыкнуть.

— Привыкай... привыкай скорѣе.

Башиловъ завладѣлъ обѣими руками Елены и жадными поцѣлуями покрывалъ ладони и изящные розовые пальчики.

Елена вдругъ вся преобразилась и стала необыкновенно красива: казалось, подъ кистью художника ожило прелестное лицо, и мертвыя краски зардѣлись румянцемъ и огнемъ страстной жизни.

— Боже, но что же это творится со мной?—порывистымъ движеніемъ она поднялась со стула, закинула обѣ руки за голову, широко открыла горящіе глаза и, тяжело дыша, стояла нѣсколько мгновеній, точно застывъ въ порывѣ напряженнаго недоумѣнія; сквозь полуоткрытыя алыя губы блестѣли красивыя, плотно сжатыя зубы.—Или я пьяна, или... или...

— Доканчивай...я жду...что: или?—едва владѣя собой, переспросилъ Башиловъ.

— Или... я люблю тебя... страстно люблю,—чуть слышно договорила Елена.

— Наконецъ-то!—сорвалось торжествующимъ голосомъ съ устъ Башилова, и онъ, не помня себя, забывъ всякую выдержку, обнялъ Елену и, цѣлуя ея губы до боли, сжимая пальцы, опустилъ ее передъ собой на колѣни и, приподнявъ за подбородокъ поблѣднѣвшее, совершенно измѣнившееся отъ впервые охватившаго чувства страсти лицо, долго смотрѣлъ въ глубину невѣроятно расширившихся затуманенныхъ зрачковъ.

— Моя,—чуть слышно, но отчетливо долетѣло до слуха Елены.

— Да,—скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ онъ отвѣтъ.

Была поздняя ночь, когда они вышли изъ ресторана, разгоряченные виномъ, съ распаленнымъ отъ давно сдерживаемой страсти мозгомъ. Башиловъ предложилъ проѣхаться по островамъ, и Елена съ радостью согласилась. Она чувствовала потребность освѣжиться отъ горячихъ впечатлѣній нахлынувшаго счастья. Велѣли спустить верхъ автомобиля, и зимняя ночь, морозная и безвѣтряная, пахнула въ ихъ разгоряченныя лица острой свѣжестью. Слетка распах-

нувъ мѣховую шубу и откинувшись назадъ, Елена, завороженная красотой зимней петербургской ночи, мчалась къ островамъ по опустѣлому широкому и прямому, какъ стрѣла, проспекту. Съ безумной скоростью мелькали высокіе электрическіе фонари, красивыя пышныя зданія и покрытыя инеемъ, ярко вырисовывающіяся при электричествѣ деревья парка. Въ молчаливомъ и пышномъ покоѣ строгаго и стройнаго вида спала суетливая и шумная столица. Быстрый поворотъ, и дома исчезли. Фонари замелькали рѣже. Кругомъ тѣснились густыя кущи деревьевъ и слои бѣлаго, осыпаннаго брильянтами снѣга, живописно драпируя тяжелые стволы и вѣтки, придавали сказочную прелесть окружающей природѣ.

— Какая тишина, какая красота!—вырвалось изъ устъ Елены, и она тихонько сжала руку Башилову, которую все время не выпускала изъ своихъ горячихъ рукъ.

— Закройся, ты простудишься... Вѣдь у тебя вся шея открыта... ласково запахивая шубку и близко заглядывая ей въ глаза, проговорилъ Башиловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Этотъ морозный воздухъ, эта красота грѣютъ меня. Мнѣ такъ хорошо. Смотри туда... вдаль; точно хрустальное царство... Сколько снѣга. А эта полянка бѣлая и позади нея точно сѣдое чудовище стоитъ... Ухъ... какая быстрота...

Съ ними вмѣстѣ какъ будто мчалось ясное, далекое звѣздное небо и густой паркъ съ причудливыми фантастическими бѣлыми дубами, березами и елями. Вѣтеръ, то ласковый, то жестокій, цѣловалъ и обжигалъ лицо, и воздухъ наполнялъ грудь живой струей бодрости и жизни.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА СОРОКЪ СЕМЬ ЛѢТЪ [1].

I.

Появленіе въ Варшавѣ туркестанскаго героя П. Е. Кузьминскаго.—Ура-Тюбе и Джизакъ.—Отзывы знаменитыхъ инженеровъ о постройкѣ этихъ крѣпостей.—Роль генерала Романовскаго въ Средней Азіи.—Взятіе Ура-Тюбе.—Приказъ генерала Крыжановскаго.—Прощальный приказъ генерала Романовскаго.—Характеристика этого генерала.

Въ НАЧАЛѢ 1874 года, послѣ неожиданной кончины намѣстника царства Польскаго и главнокомандующаго войскъ варшавскаго военнаго округа генералъ-фельдмаршала графа Ѳедора Ѳедоровича Берга, въ Варшаву былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками округа генералъ-адъютантъ Павелъ Евстафіевичъ Коцебу. До этого назначенія онъ занималъ постъ новороссійскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками одесскаго военнаго округа. Перемѣна эта вызвала появленіе въ польской столицѣ массы совершенно новыхъ лицъ—генераловъ, штабъ и оберъофицеровъ, гражданскихъ сановниковъ и чиновниковъ; между прочимъ, съ конца перваго же года пребыванія генерала Коцебу на новомъ посту началъ появляться въ Варшавѣ молодой, красивый, южнаго типа брюнетъ, офицеръ Волынскаго уланскаго полка Петръ Ефимовичъ Кузьминскій. Орденъ св. Георгія 4-ой степени украшалъ его грудь, а ко-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХ, стр. 37.

стыли, на которыхъ онъ едва передвигался, давали намекъ на то, что высокая награда эта досталась ему нелегко.

Варшава очень заинтересовалась появившимся «героемъ», въ особенности дамы, относящіяся, какъ извѣстно, всегда крайне участливо къ человѣку, которому въ жизни довелось пострадать. О томъ, что онъ былъ изъ числа таковыхъ, показывали не только поддерживавшіе его костыли, но давно зажившіе, слегка замѣтные шрамы, покрывавшіе его измученное, исхудалое, задумчивое лицо.

Довольно долго никто не зналъ, почему онъ вдругъ попалъ въ одинъ изъ полковъ варшавскаго военнаго округа; а такъ какъ полкъ былъ расположенъ внѣ Варшавы, то и не пришлось что-либо узнать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не начали, съ наступленіемъ лагернаго времени, появляться въ городѣ однополчане таинственнаго незнакомца, заинтересовавшаго всѣхъ.

Тогда же стало ходить много разсказовъ объ его прошломъ. Не имѣя ни претензіи, ни нужды, ни возможности дать полную біографію этого заслуженнаго, особо отличившагося боевого офицера, я передаю въ возможно болѣе связномъ видѣ все то, что о немъ въ тѣ времена разсказывалось въ отрывочной формѣ.

Съ теченіемъ времени опредѣлилось, что Кузьминскій, начавъ службу юнкеромъ въ названномъ полку и опоздавъ попасть въ этомъ званіи въ своей части къ боевому времени—усмиренія польскаго мятежа 1863 года,—тотчасъ послѣ производства въ офицеры въ 1864 году временно отчислился отъ полка и полетѣлъ туда, куда неотступно звала его жажда кипучей дѣятельности—въ Среднію Азію.

Тамъ, въ Туркестанѣ, отчаянно храбрый молодой человѣкъ очень скоро своими подвигами обратилъ на себя общее вниманіе и пріобрѣлъ репутацію отличнаго боевого офицера; во всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ его посылали впередъ, и онъ всегда сложныя порученія исполнялъ съ той отвагой, которая свойственна выходящимъ изъ ряду храбрецамъ-головорѣзамъ; онъ нигдѣ, ни въ чемъ не зналъ преградъ, а самопожертвованію его не было предѣловъ.

Послѣ многихъ крупныхъ дѣлъ и мелкихъ стычекъ съ туркменами поручику Кузьминскому довелось, осенью 1866 года, принять дѣятельнѣйшее участіе и сыграть очень важную, выдающуюся роль въ двухъ, послѣдовавшихъ одно за другимъ, дѣлахъ—взятія нашими войсками сильно укрѣпленныхъ пунктовъ Ура-Тюбе и Джизака.

Въ сущности, каждое изъ этихъ укрѣпленій представляло собой старинную крѣпость, раскинутую на прекрасно избранной въ боевомъ отношеніи, пересѣченной мѣстности; обѣ эти крѣпкія позиціи, каждая сама по себѣ, были снабжены высокими, отмѣнно прочно построенными стѣнами, внушительной профили валами и глубокими, прекрасно укрѣпленными рвами; все это въ нихъ было расположено съ замѣчательнымъ искусствомъ, по всѣмъ правиламъ старинной фортификаціи.

Не только преданія, но и тамошнія, считающіяся вполнѣ достовѣрными свѣдѣнія говорятъ, что обѣ крѣпости построены въ концѣ XVII столѣтія по системѣ Вобана какимъ-то случайно забравшимся въ тѣ края путешественникомъ-французомъ, ученикомъ этого знаменитаго, крайне авторитетнаго военнаго инженера.

Извѣстный бельгійскій военный инженеръ и военный писатель Бріальмонъ, вскорѣ послѣ взятія русскими войсками цѣлаго ряда средне-азіатскихъ крѣпостей, каковы Нау, Ташкентъ, Чимкентъ, Ходжентъ, Чиназъ, Ауліэ-Ата, Ура-Тюбе, Джизакъ, Самаркандъ и др., описывая ихъ, между прочимъ, выразилъ убѣжденіе, что нѣкоторыя изъ нихъ, несомнѣнно, построены по системамъ европейскихъ инженеровъ XVI и XVII столѣтій.

Нашъ талантливый военный инженеръ генералъ-адъютантъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, разсмотрѣвъ тогда представленные ему подвѣдомственными инженерами подробные планы Ура-Тюбе и Джизака и выслушавъ докладъ о томъ, что ходитъ молва, будто бы крѣпости тѣ построены французскимъ инженеромъ, придерживавшимся системы Вобана [1]), сказалъ: «Судя по планамъ, я опровергать это предположеніе не взялся бы; полную же увѣренность въ этомъ имѣть нельзя только потому, что не имѣется удостовѣряющихъ документовъ; все остальное можетъ говорить за утвержденіе справедливости такой легенды».

Весной 1866 года наши войска подъ главнымъ руководительствомъ оренбургскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго, при особо избранномъ имъ самимъ отрядномъ начальникѣ свиты его величества генералъ-майорѣ генеральнаго штаба Романовскомъ, нанесли сильныя

---

[1]) Маршалъ Себастіанъ ле-Претръ-де-Вобанъ, геніальный французскій инженеръ, родился въ Бургундіи въ 1633 году. Всѣ сохранившіяся о немъ воспоминанія, а также его жизнеописанія—біографіи, некрологи, какъ изданные отдѣльно, такъ и помѣщенные въ различныхъ сборникахъ, газетахъ, журналахъ, энциклопедіяхъ, словаряхъ,—въ одинъ голосъ сообщаютъ, что онъ въ теченіе своей долгой жизни превосходно укрѣпилъ границы Франціи,—при этомъ ему пришлось совершенно перестроить до 300 старыхъ крѣпостей; онъ построилъ по своей системѣ и по своимъ собственнымъ планамъ до 40 новыхъ крѣпостей, участвовалъ на своемъ вѣку въ 140 сраженіяхъ, подъ его руководствомъ велось болѣе 50 осадъ большихъ крѣпостей. Людовикъ XIV возвелъ его въ маршалы Франціи. Признательное отечество поставило ему прекрасный памятникъ. Маршалъ Вобанъ умеръ въ Парижѣ въ 1707 году. **Авт.**

пораженія бухарскимъ полчищамъ въ долинѣ Сыръ-Дарьи, на Ирджарѣ при Нау и Ходжентѣ; вся эта мѣстность была тогда присоединена къ нашимъ владѣніямъ.

Хотя эмиръ бухарскій, сознавая невозможность продолженія дальнѣйшей борьбы съ войсками Бѣлаго царя, какъ будто бы выражалъ покорность, но въ сущности продолжалъ вооружаться и велъ себя по отношенію къ намъ въ теченіе лѣта того года съ крайнимъ вѣроломствомъ. Поэтому, послѣ многихъ предостереженій и предупрежденій, русскія власти, по инціативѣ генерала Романовскаго и по его плану, рѣшили осенью двинуться дальше вглубь Средней Азіи, при чемъ намѣтили присоединить къ Россіи область, находящуюся между тогдашними русскими и бухарско-кокандскими владѣніями; этотъ районъ земли представлялъ собою для эмира бухарскаго послѣдній къ сторонѣ нашихъ владѣній оплотъ, укрѣпленный двумя вышеназванными крѣпостями—Ура-Тюбе и Джизакомъ (по мѣстному Ора-Тепе и Жузакъ); отнятіе этого района являлось для насъ чрезвычайно важнымъ,—оно должно было совершенно ослабить эмира, что было крайне существенно именно въ виду постоянно проявлявшагося съ его стороны по отношенію къ населенію сосѣднихъ съ нимъ нашихъ владѣній явнаго вѣроломства.

20-го сентября всѣ наши войска расположились лагеремъ въ семи верстахъ отъ Ходжента, а затѣмъ часть ихъ подъ командой генерала Романовскаго подошла къ Ура-Тюбе—укрѣпленію, которое всегда представляло собой главную опору владычества эмира бухарскаго въ долинѣ Сыръ-Дарьи. Оно расположено на сѣверной покатости снѣгового хребта Тянъ-Шань, отдѣляющаго долину Сыръ-Дарьи отъ прочихъ бухарскихъ владѣній, кои расположены на Аму-Дарьѣ. Черезъ Ура-Тюбе проходитъ направляющійся вдоль подошвы горъ путь, который тогда велъ изъ Бухары въ Кокандъ. Опираясь на эту крѣпость, властители Бухары не разъ успѣвали распространять свое владычество на Кокандъ, Ходжентъ и Ташкентъ. Все это побудило генерала Романовскаго предпринять осаду крѣпости Ура-Тюбе. Для этого сначала была произведена подробная рекогносцировка тѣми частями, которыми командовали флигель-адъютантъ полковникъ графъ Ив. Илар. Воронцовъ-Дашковъ и подполковникъ Барановъ. Эти два штабъ-офицера оставались начальниками частей отрядовъ до 2-го октября—дня взятія этой крѣпости. 30-го сентября артиллерія подъ начальствомъ начальника артиллеріи оренбургскаго военнаго округа генералъ-майора Кондратьева произвела артиллерійскій обстрѣлъ крѣпости; съ брешь-батареи были пробиты бреши въ стѣнахъ той крѣпости; 1-го октября была произведена фальшивая атака южной стороны крѣпости, 2-го штурмовали ее съ этой стороны тремя колоннами и съ сѣверо-восточной—двумя.

Во главѣ штурмовыхъ колоннъ были поставлены съ южной стороны майоръ 5-го Туркестанскаго линейнаго батальона Назаровъ, бывшій офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, и причисленные къ генеральному штабу, только что окончившіе тогда курсъ академіи генеральнаго штаба штабсъ-ротмистры полковъ Его Величества—л.-гв. уланскаго Шауфусъ и л.-гв. кирасирскаго Глуховской; съ сѣверо-восточной стороны—поручикъ Морозовъ и штабсъ-капитанъ Конопельскій; резервами командовали съ южной стороны капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка Мантейфель, а съ сѣверо-восточной—Волынскаго уланскаго полка поручикъ Кузьминскій; на его обязанности лежало охранять позицію со стороны Джизака, въ который все время свободно прибывали войска, посылавшіяся эмиромъ бухарскимъ.

Начавшій штурмъ сѣверо-восточной стороны во главѣ авангарда, составленнаго изъ охотниковъ, капитанъ Плецъ въ самомъ началѣ боя былъ убитъ пулей въ голову наповалъ; его мѣсто заступилъ капитанъ Гриппенбергъ [1]).

Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что къ концу боя въ стѣнахъ Ура-Тюбе оказались ранеными Шауфусъ, Глуховской, генеральнаго штаба поручикъ Комаровъ и молодые, только что произведенные изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища въ офицеры Оренбургскаго стрѣлковаго батальона подпоручики Плѣшковъ и Кончицъ; послѣдніе трое черезъ полтора часа умерли отъ ранъ. Позиція была взята; окрестности Ура-Тюбе были усѣяны непріятельскими трупами, въ крѣпости ихъ было, кромѣ того, погребено болѣе двухъ тысячъ. У насъ, кромѣ названныхъ раненыхъ, были сильно контужены Барановъ, Шороховъ, Кузьминскій, пор. Аленичъ и кн. Барятинскій [2]), адъютантъ наслѣдника цесаревича; онъ состоялъ тогда въ чинѣ поручика Преображенскаго полка и командовалъ 1-ою казачьею Уральскою сотней. Въ каждомъ отрядѣ выбыло изъ строя нижнихъ чиновъ около 25%.

Генералъ-адъютантъ Крыжановскій, приказомъ по войскамъ Туркестанской области 3-го октября 1866 года, между прочимъ, объявилъ: «Вчера 2-го октября сильная бухарская крѣпость Ура-

[1]) Нынѣ генералъ-адъютантъ, извѣстный вообще, какъ боевой генералъ. Въ 1877 г., командуя л.-гв. Московскимъ полкомъ, онъ въ чинѣ полковника получилъ орденъ св. Георгія 3-ей степени за лихое отнятіе у очень сильнаго непріятеля взятой имъ наканунѣ отъ насъ съ боя позиціи—на Шандорникѣ въ Балканахъ въ отрядѣ генерала-адъютанта Гурко. Особую извѣстность генералъ Гриппенбергъ получилъ въ 1905 г. при Сандепу, состоя въ должности начальника одной изъ манчжурскихъ армій у генерала Куропаткина.

[2]) Нынѣ генералъ-адъютантъ, состоитъ при Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Тюбе, весьма важная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, послѣ восьмидневной осады взята штурмомъ. Ея гарнизонъ защищался упорно. У непріятеля отбито нами 5 знаменъ, 16 орудій, взято много плѣнныхъ и оружія. Крѣпостные рвы и окрестности завалены сотнями непріятельскихъ труповъ. Побѣда эта стоила намъ трехъ офицеровъ и до ста нижнихъ чиновъ убитыми».

Далѣе генералъ Крыжановскій благодаритъ полковника графа Воронцова-Дашкова, подполковника Баранова и начальника своего штаба подполковника Троцкаго, который, какъ выражено въ приказѣ, «былъ главнымъ, прямымъ и ближайшимъ моимъ помощникомъ по отданію всѣхъ моихъ предварительныхъ распоряженій».

Свиты Его Величества генералъ-майоръ Романовскій благодарности вовсе не удостоился, и на это тогда же указывалось, такъ какъ войска искренно считали его и главнымъ руководителемъ, и главнымъ виновникомъ взятія той сильной крѣпости.

Среди офицеровъ и вообще въ частяхъ войскъ въ то время ходили толки, будто бы между генералами Крыжановскимъ и Романовскимъ возникли крупныя несогласія и, — какъ всегда у насъ въ подобныхъ случаяхъ на Руси водится,—изъ-за мелочей; а кто былъ правъ, кто виноватъ,—разобрать не было возможности.

Вскорѣ послѣ того генералъ Романовскій былъ отчисленъ отъ должности и вынужденъ былъ выѣхать въ Россію. Говорили, что его поразилъ ударъ; но осталось неизвѣстнымъ, было ли просто прямымъ послѣдствіемъ этого отставленіе его отъ должности, или же, наоборотъ, результатомъ несогласій и основанныхъ на нихъ несправедливостей, принятыхъ имъ близко къ сердцу, явилось пораженіе параличомъ, послѣ котораго онъ уже не могъ оставаться въ должности на боевомъ посту въ такое горячее время?

Приказъ, изданный генераломъ Романовскимъ 14-го апрѣля 1867 года, въ свою очередь, какъ разсказывали впослѣдствіи разсѣявшіеся по землѣ русской ташкентцы, показался нѣсколько страннымъ: въ немъ нашли очень мало того, что должно было отвѣчать боевому духу молодецкихъ войскъ и слишкомъ много личнаго; такъ, между прочимъ, подчеркивали, что, разставаясь съ бывшими боевыми товарищами своими, генералъ «просилъ всѣхъ и каждаго принять его усердную благодарность за совершенныя ими боевыя отличія, которыя доставили ему много царскихъ наградъ»; въ заключеніе онъ говоритъ, что будетъ всегда съ гордостью вспоминать о времени своего начальствованія надъ храбрыми туркестанцами и будетъ себя считать счастливымъ, если Богъ когда-нибудь приведетъ его еще разъ покомандовать такими же молодцами.

Однако я забѣжалъ далеко впередъ.

Въ бытность генерала Романовскаго командующимъ войсками въ покоренной тогда Черняевымъ Туркестанской области у него въ должности начальника штаба состоялъ подполковникъ Виталій Николаевичъ Троцкій, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ [1]). Онъ вообще нерѣдко вспоминалъ Романовскаго и говорилъ о немъ; при чемъ, всегда отзываясь о немъ, какъ о человѣкѣ хорошемъ, честномъ, добромъ и способномъ, не могъ не подчеркнуть одного—это черту, бросавшуюся въ глаза при первомъ знакомствѣ съ Романовскимъ: о чемъ онъ ни говорилъ, всегда умудрялся такъ обставить свой разсказъ, что самъ являлся исключительнымъ центромъ описываемаго.

Во всякой средѣ можно встрѣтить такихъ людей, которые какъ бы безсильны свести разговоръ съ собственной персоны; чего бы они ни коснулись, она всегда у нихъ на первомъ мѣстѣ; всякія событія, всевозможныя дѣйствующія лица заслоняются въ ихъ разсказѣ ею.

Черта, быть можетъ, и извинительная, говаривалъ В. Н. Троцкій, но не въ военномъ, а главное не въ полководцѣ; для него является болѣе чѣмъ обязательнымъ взять привычку отрѣшаться отъ своего «я», дабы имѣть возможность обращать сосредоточенное вниманіе свое на все, кромѣ себя.

По этому поводу вспоминается одинъ мелкій, но очень характерный эпизодъ, случившійся во время турецкой войны 1877—78 гг. Ординарецъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго штабсъ-ротмистръ Е. былъ командированъ въ отрядъ, дѣйство-

---

[1]) Занимая съ 1870 года постъ начальника штаба войскъ туркестанскаго военнаго округа, при командовавшемъ тѣми войсками генералъ-адъютантѣ Константинѣ Петровичѣ фонъ-Кауфманѣ, онъ при немъ же въ 1873 году исполнялъ должность начальника штаба отряда во время хивинскаго похода; вскорѣ послѣ смерти генерала Кауфмана былъ назначенъ начальникомъ штаба кавказскаго военнаго округа, а затѣмъ перемѣщенъ на должность помощника генералъ-адъютанта Михаила Ивановича Драгомирова по должности командующаго войсками кіевскаго военнаго округа. М. И. Драгомировъ очень цѣнилъ его, какъ опытнаго, военновременнаго и боевого генерала, прекрасно знавшаго бытъ солдата и нужды частей войскъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, а также незамѣнимаго помощника вообще; отличалъ онъ въ немъ также основательность, положительность, устойчивость характера и рѣдкую тактичность. 25-го марта 1896 года на прощальномъ обѣдѣ, которымъ военное общество въ Кіевѣ чествовало генерала Троцкаго, провожая его изъ Кіева въ Вильну, куда онъ былъ назначенъ командующимъ войсками округа, Михаилъ Ивановичъ, протянувъ къ нему бокалъ свой, между прочимъ, сказалъ: «не завидую я тебѣ; ты будешь тамъ такъ же безъ пособника, какъ я останусь теперь здѣсь; я—потому что лишаюсь тебя, а ты по той причинѣ, что настоящаго помощника,—такого, какимъ самъ умѣешь быть, не найдешь; и не ищи, братъ,—не найдешь, развѣ когда-нибудь впослѣдствіи наживешь, создашь»... Генералъ Троцкій былъ моложе Драгомирова на шесть лѣтъ; онъ воспитывался въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ; скончался въ Вильнѣ весной 1901 года на 66-мъ году жизни. Авт.

вавшій на правомъ флангѣ общей позиціи, занятой противъ Мегмета-Али-паши, который только что наканунѣ учинилъ по всей линіи наступленіе на наши силы. Явившись къ начальнику отряда генералу Д.,—Е. спрашиваетъ, что прикажетъ генералъ доложить главнокомандующему относительно выдержаннаго накануиѣ натиска, окончившагося отраженіемъ вражеской атаки.

«Двое сутокъ съ лишнимъ я ожидалъ этой атаки, — началъ свой разсказъ генералъ Д., — всѣ свѣдѣнія, получавшіяся съ аванпостовъ, указывали мнѣ, что я долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ сильнаго наступленія врага; двѣ ночи я не спалъ вовсе; четыре раза мнѣ довелось объѣхать рѣшительно всѣ позиціи; въ день атаки я выѣхалъ вновь на позиціи въ пятомъ часу утра; дождь меня промочилъ насквозь; двухъ адьютантовъ своихъ я послалъ на лѣвый флангъ, самъ съ начальникомъ своего штаба оставался въ центрѣ, зорко присматриваясь къ тому, что происходило противъ него и наблюдая за правымъ флангомъ. Во̀-время я замѣтилъ скопленіе турецкихъ войскъ противъ этого фланга и, если бы не случилось мнѣ быть въ этомъ пунктѣ, Богъ знаетъ, чѣмъ окончилось бы дерзкое намѣреніе паши обойти насъ справа; я отдалъ тотчасъ распоряженіе о немедленномъ и быстромъ передвиженіи одной конной, именно 18-ой батареи изъ центра на крайній правый флангъ, правофланговую пѣхотную бригаду я во̀-время подкрѣпилъ полкомъ изъ резерва, который вообще поспѣшилъ приблизить къ флангу, обезпечивъ его бригадой кавалеріи. Благодаря всему этому, непріятель вынужденъ былъ отступить съ громадными потерями. Вотъ все, что я могу вамъ разсказать для доклада его высочеству, а что будетъ дальше—обо всемъ я, въ связи съ этимъ, изложу въ реляціи. Поѣзжайте съ Богомъ».

— Слушаю, ваше пр—ство,—отвѣтилъ ординарецъ:—но не прикажете ли доложить великому князю что-нибудь и о войскахъ? Его высочество всегда о нихъ разспрашиваетъ въ большихъ подробностяхъ.

— Ну, конечно, и о войскахъ, конечно...

Этотъ разсказъ приводится, какъ курьезъ; онъ не имѣетъ цѣли умалить вообще боевыя и служебныя достоинства генерала Д., который всегда, еще съ молодыхъ лѣтъ, выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ; это былъ блестящій гвардейскій офицеръ, потомъ обращавшій на себя вниманіе эскадронный и полковой командиръ, а также замѣтный начальникъ дивизіи.

За время этой войны онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени; этимъ крестомъ было отмѣчено то самое дѣло, которое онъ, немного неловко, по-своему, типично описалъ въ разсказѣ ординарцу для докладу великому князю главнокомандующему. Кромѣ того, за другую, блестяще одержанную въ концѣ кампаніи побѣду онъ былъ награжденъ, какъ признавали всѣ, совершенно заслуженно, золотою, брильянтами украшенною саблей.

II.

Взятіе Джизака.—Геройскій подвигъ Кузьминскаго.—Роль графа И. И. Воронцова. Дашкова въ боевыхъ событіяхъ.—Его отношеніе къ подвигамъ Кузьминскаго.— Государь Александръ Николаевичъ обращаетъ особое вниманіе на судьбу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, раненныхъ въ Средней Азіи.—Особое участіе къ тяжко раненому Кузьминскому.—Отправленіе этого офицера, по волѣ государя, въ Парижъ для леченія.

Подвиги генерала Романовскаго такъ же, какъ и заслуги генерала Д., нисколько не уменьшаются въ своихъ достоинствахъ разсказомъ генерала Троцкаго о характерѣ свойственной имъ слабости,—довольно, впрочемъ, вообще распространенной.

Послѣ взятія генераломъ Романовскимъ крѣпости Ура-Тюбе, въ рукахъ эмира бухарскаго остался къ осени 1866 года лишь одинъ пунктъ, владѣя которымъ онъ могъ разсчитывать удерживать за собой долину рѣки Сыръ-Дарьи; это Джизакъ—крѣпость, расположенная въ ущельи на единственномъ пути, удобномъ для прохода къ Самарканду и къ Бухарѣ.

Блестяще окончивъ штурмъ Ура-Тюбе, отрядъ долженъ былъ приготовиться къ взятію Джизака. Эта крѣпость, болѣе сильная вообще, была гораздо лучше вооружена; она считалась въ тѣхъ краяхъ наиболѣе серьезною крѣпостью. Бекъ Джизакскій, подкрѣпленный въ концѣ лѣта десятью тысячами отборныхъ войскъ, присланныхъ эмиромъ бухарскимъ при 53-хъ орудіяхъ большого калибра, приготовился дать отчаянный, жесточайшій отпоръ.

Укрѣпленный съ давнихъ поръ цитаделью и городской стѣной, Джизакъ въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ передъ его осадой былъ много и искусно усиленъ; нѣсколько тысячъ человѣкъ ежедневно работали на его укрѣпленіяхъ; они возвели тройной рядъ стѣнъ, одна надъ другою возвышавшихся; изъ нихъ наружная, въ томъ году вновь выстроенная, имѣла 3½ сажени вышины и 4 сажени толщины; ихъ же трудами крѣпость была усилена тройнымъ рядомъ рвовъ, изъ коихъ передній имѣлъ мѣстами 11 аршинъ глубины; ко всему этому въ этихъ старыхъ крѣпостяхъ, построенныхъ, какъ гласитъ преданіе, европейцами, въ послѣднее время было добавлено много такого, что дѣлало крѣпость грозною и совершенно неприступною.

Войска, присланныя эмиромъ, были набраны изъ храбрѣйшихъ племенъ—афганцевъ, персіянъ и туркменъ; все ихъ вооруженіе, не исключая артиллерійскаго, напоминало европейское; для распоряженія обороною эмиръ выслалъ наиболѣе способныхъ и предпріимчивыхъ сподвижниковъ своихъ—Перваначи-Аллаяра, бывшаго джизакскаго же бека Якуба и еще до 18 бековъ.

Понятно, почему русскіе сочли долгомъ поторопиться взятіемъ этого серьезнаго пункта и почему генералъ Романовскій, напрягая

всю свою энергію, тотчасъ послѣ взятія Ура-Тюбе, направилъ туда войска, усиливъ и укомплектовавъ ихъ въ мѣрѣ возможности. Начальствованіе надъ передовыми частями было ввѣрено графу Воронцову-Дашкову.

Отъ Ура-Тюбе до Джизака считается 100 верстъ.

«Джизакская артиллерія во всѣхъ мелочахъ, болѣе существенныхъ, представляла собой типъ англійской»,—писалъ впослѣдствіи генералъ Крыжановскій въ своихъ официальныхъ донесеніяхъ. Самъ онъ былъ въ свое время выдающійся артиллеристъ и глубоко-ученый военный писатель; онъ считался спеціалистомъ по части артиллеріи; ему не трудно было опредѣлить, какого происхожденія вооруженіе и матеріальная часть была добыта и прислана эмиромъ. Но мы тогда еще пребывали въ наивномъ невѣдѣніи того, что тайное участіе коварныхъ англичанъ въ дѣлѣ оказанія помощи эмирамъ афганскому, бухарскому, хану хивинскому и другимъ правителямъ народовъ Средней Азіи,—было самое широкое, дѣятельное и постоянное.

Для самаго штурма войска были сосредоточены опять подъ общимъ начальствомъ генерала Романовскаго; самъ Крыжановскій произвелъ главную рекогносцировку; частныя же были сдѣланы Романовскимъ и графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Колонны были назначены подъ начальствомъ подполковниковъ Михайлова и Григорьева, надъ устройствомъ брешь-батарей старательно работали военные инженеры — подполковникъ Яблонскій, шт.-капит. Свищевскій и поручикъ Пріоровъ. Передъ началомъ боя графъ Воронцовъ-Дашковъ принялъ подъ свою команду резервъ.

По самому характеру своему Кузьминскій не могъ оставаться вообще спокойнымъ въ минуты приближенія боя; онъ вѣчно рыскалъ по окрестностямъ, тщательно осматривая все то, что нужно было осмотрѣть, а иногда и то, до чего ему вовсе не было никакого дѣла, — это ни въ какомъ случаѣ не исключало возможности во-время досмотрѣть что-либо чрезвычайно важное и существенное.

Вскорѣ послѣ взятія Ура-Тюбе, не успѣвъ еще оправиться отъ сильной контузіи, полученной въ этомъ дѣлѣ, онъ взялся всесторонне осмотрѣть укрѣпленія Джизака. Охотники знали его и всегда готовы были итти съ нимъ въ огонь и въ воду; онъ обыкновенно подбиралъ ихъ себѣ самъ и между ними старшимъ ставилъ обыкновенно унтеръ-офицера Теренія Соинова, безшабашнаго, удалого храбреца, котораго вообще охотники любили за предпріимчивость, находчивость, неутомимость и за легкое отношеніе ко всему, не исключая и невзгодъ; его охотно слушались и вполнѣ ему подчинялись.

Сохранился разсказъ о томъ, что, отправившись на измѣреніе глубины рвовъ и высоты стѣнъ той стороны, съ которой предполагалась атака Джизака, лихой маленькій отрядъ Кузьминскаго

въ ночной тишинѣ наткнулся на непріятельскихъ лазутчиковъ выползшихъ изъ крѣпости; изъ нихъ двухъ удалось захватить и «хорошо допросить»; пойманные не дали много работы надъ собой,—они оказались не изъ очень упорныхъ: скоро они показали, что непріятелю было хорошо извѣстно о предстоявшемъ штурмѣ, зналъ онъ, противъ какой стороны рѣшено было вести атаку, и эту сторону онъ крайне старательно минировалъ.

Окончивъ со своими удальцами производство подробныхъ ночныхъ измѣреній, Кузьминскій въ большихъ подробностяхъ доложилъ обо всемъ графу Воронцову-Дашкову и генералу Романовскому, а затѣмъ твердо настаивалъ на томъ, чтобы штурмъ Джизака былъ произведенъ со стороны ура-тюбинскихъ воротъ, откуда, по его убѣжденію, взять крѣпость было и легче и безопаснѣе въ отношеніи потерь, которыя предстояло понести. Графъ Воронцовъ-Дашковъ помогъ ему настоять на этомъ; самъ же Кузьминскій при этомъ просилъ разрѣшенія начать штурмъ лично во главѣ роты охотниковъ. Такъ и было рѣшено. Живо были отданы всѣ распоряженія и лишь вмѣсто того, чтобы, какъ всегда, начать штурмъ рано утромъ, въ тѣ часы, когда восточные люди болѣе всего выказываютъ безпечность, постановлено было начать его въ 12 часовъ дня.

Это вышло къ лучшему еще съ одной стороны: непріятель, имѣвшій вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что штурмъ долженъ произойти 18-го октября, могъ быть увѣренъ въ томъ, что если въ обыкновенный ранній часъ штурмовать въ тотъ день не начали, то, значитъ, уже отложили до другого дня; врагъ успокоился на этомъ и такимъ образомъ совершенно прозѣвалъ послѣдовавшее въ тотъ же день начало боя.

Очевидцы этого дѣла такъ описываютъ его. Пропустивъ раннее утро 18-го числа, мы какъ бы неожиданно открыли штурмъ въ 12 часовъ дня; первымъ двинулся въ атаку уланскій поручикъ Кузьминскій со своей ротой охотниковъ. Красавицъ-командиръ своимъ лихимъ видомъ ободрялъ роту такихъ же удальцовъ, какъ онъ самъ: начавшаяся сперва отъ артиллерійскаго огня, а потомъ отъ ружейныхъ пуль убыль не останавливала молодцовъ. Кузьминскій какъ будто кокетничалъ со смертью; вотъ онъ, въ уланской формѣ, молодцовато прошелъ самыя опасныя мѣста, вотъ спустился въ ровъ,—въ тотъ самый ровъ, который, быть можетъ, за 12 часовъ передъ тѣмъ, въ ночной мглѣ и тишинѣ, самъ онъ въ точности измѣрилъ; вотъ ровъ перейденъ, удальцы стали подниматься на эскарпъ; только что поднялись, на гребнѣ эскарпа произошелъ взрывъ фугаса; штурмовавшихъ скрылъ густой дымъ,—казалось, не всѣ ли они погибли въ этомъ взрывѣ; однако дымъ разсѣялся, видно, что рота, оставивъ въ немъ двухъ-трехъ человѣкъ, быстро, съ уланскимъ кивером во главѣ поднялась на валъ. Но вотъ бодро поднявшійся первымъ Кузьминскій взлетаетъ на воздухъ, поднятый на вражескихъ пи-

кахъ; сброшенный со стѣны, онъ всталъ и попытался вновь ринуться на врага, но тутъ же упалъ приколотый: сартъ, нанося ему рану пикой, прокололъ его въ поясницу,—какъ тогда издали въ сумбурѣ боя показалось и какъ поэтому изъ устъ въ уста передавалось,—насквозь; въ ротѣ это не произвело никакого смятенія; она вся, какъ одинъ, положивъ на мѣстѣ толпу сартовъ, кинувшихся было добивать ея командира, лежавшаго, повидимому безъ дыханія, прикрыла его собой и по разрушенной нашими снарядами стѣнѣ взобралась наверхъ, а тамъ начала жестокую рѣзню. Все снова закрылось дымомъ новаго взрыва фугаса и несмолкаемой пальбой ружейной, пистолетной, артиллерійской; въ одну минуту подошли всѣ штурмовыя колонны, пошла рукопашная схватка въ стѣнахъ крѣпости; тутъ же рядомъ со штурмомъ идутъ фальшивыя атаки для отвлеченія вниманія вошедшаго въ ражъ врага; его сотни валятся штыкомъ, пикой, саблей... адъ...

Къ двумъ часамъ дня въ крѣпость вошелъ и частный резервъ графа Воронцова-Дашкова; туго пришлось бы, если бы онъ не подоспѣлъ: уже спѣшенные казаки и конно-артиллеристы отважно дрались въ пѣхотномъ строю, и далеко не стройнымъ началъ представляться этотъ строй.

Между тѣмъ джизакскій бекъ, увидѣвшій съ самаго начала лихо разгоравшагося боя, насколько ему довелось обмануться и во времени атаки и въ выборѣ фронта штурма, взбѣшенный тѣмъ, что не удался его адскій планъ сплошного взрыва всѣхъ штурмовыхъ колоннъ на подступахъ, приготовилъ всю свою энергію и все свое бѣшенство для отбитія атаки съ полнѣйшею азіатскою жестокостью: онъ заперъ всѣ ворота, объявивъ, что ни выхода изъ цитадели, ни отступленія не будетъ, всякъ долженъ самъ защищаться. Врагъ дрался геройски; изъ 18 бековъ 16 погибли, при чемъ 12 пали въ рукопашномъ бою.

Къ четыремъ часамъ дня вошелъ въ крѣпость генералъ Крыжановскій съ главнымъ резервомъ. Побѣда была полная. Показавшаяся верстахъ въ пяти свѣжая, вновь высланная эмиромъ изъ Бухары колонна въ 2,500 человѣкъ съ 18-ю орудіями, почувствовавъ огонь, направленный на нее, и узнавъ объ участи Джизака, разбѣжалась, спасаясь отъ насѣдавшихъ на нее резервовъ. Скоро къ генералу Крыжановскому явились двое посланныхъ отъ главнаго бека съ просьбой разрѣшить ему предстать передъ сердаремъ [1]); онъ былъ раненъ тремя пулями и истекалъ кровью, при чемъ, умирая, успѣлъ лишь поздороваться и сказать: «послѣдняя твердыня наша, волею Аллаха, пала къ ногамъ Акъ-падишаха» (Бѣлаго царя).

Въ этомъ дѣлѣ намъ досталось болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ, много знаменъ, ружей, пикъ, пистолетовъ, 23 большихъ, 18 сред-

---

[1]) Сердарь—главнокомандующій.

нихъ и 30 малыхъ орудій; выбывшихъ изъ строя у насъ оказалось болѣе 30 процентовъ; много убитыхъ, между ними немало было такихъ, у которыхъ раны оказались отравленными.

Поздно вечеромъ опредѣлилось, что тяжело раненый, или, вѣрнѣе, израненный и пулями, и осколками гранатъ, и саблями, и пиками поручикъ Кузьминскій еще живъ, но находится въ агоніи или, какъ докладывали начальству и говорили между собой солдаты, «при послѣднемъ издыханіи».

Только черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ его жизнь, видимо, угасала, обозначилось, какая участь ожидала штурмовавшихъ, если бы онъ не настоялъ на томъ, чтобы штурмъ повели на ура-тюбинскія ворота, а не на тотъ фасъ, который атаковать предполагалось и съ котораго бекъ такъ тщательно приготовился не только дать отпоръ, но и погубить нашъ отрядъ; всѣ колонны были бы сметены взрывомъ—до такой степени искусно были устроены и приспособлены минные горны подъ всѣми подступами, а въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ части войскъ должны были при веденіи штурма по расчету задерживаться и усиленнымъ дождемъ перекрестнаго огня, и свойствами препятствій, представлявшихся неприступностью фортификаціонныхъ приспособленій, возведенныхъ для усиленія крѣпости.

Такимъ образомъ, поручикъ П. Е. Кузьминскій не только геройски, всецѣло пожертвовалъ лично собой, но и предупредилъ неминуемую гибель отряда, чѣмъ спасъ его и обезпечилъ все дѣло захвата столь важнаго для врага опорнаго пункта. Онъ открылъ намъ глаза на эти мины.

Не скоро онъ очнулся и не скоро представилось возможнымъ получить хотя бы намекъ на то, что спасеніе его жизни не представлялось несбыточнымъ; только поэтому не скоро могло дойти до него, а главное до его сознанія горестное извѣстіе о томъ, что близкій ему боевой спутникъ Терентій Соиновъ, съ которымъ онъ въ неимовѣрныхъ опасностяхъ сроднился, былъ пиками приколотъ на смерть подлѣ него въ тотъ самый моментъ, когда врагъ считалъ и его, начальника грозной горсти храбрецовъ, скошеннымъ на смерть.

Вотъ за какое дѣло этотъ бравый штабъ-ротмистръ получилъ самый дорогой для каждаго офицера орденъ св. Георгія и вотъ какое недавнее боевое прошлое считалось за этимъ человѣкомъ въ то время, когда вся Варшава такъ сильно и живо заинтересовалась имъ.

Всѣ эти факты, освѣщавшіе все бурно пережитое имъ, становились извѣстными массѣ понемногу,—по мѣрѣ передачи ихъ изъ устъ въ уста. Можно себѣ представить, въ какой мѣрѣ то или другое въ нихъ прикрашивалось и преувеличивалось; однако достаточно было разсказывать сущую и чистую правду объ его подвигахъ для

того, чтобы онъ сталъ въ глазахъ толпы и публики героемъ; но по обыкновенію нѣкоторые находили нужнымъ, съ умысломъ или безъ него, прославить тѣ подвиги выше мѣры, чѣмъ, безъ сомнѣнія, достигали лишь умаленія его истинныхъ заслугъ; это, прежде всего, находилъ онъ самъ. И по привычкѣ, и по врожденной скромности, свойственной вообще героямъ, онъ о своихъ подвигахъ никогда ничего не говорилъ; если для освѣщенія тѣхъ или иныхъ событій ему приходилось касаться своихъ дѣяній или соприкасаться съ ними, онъ умѣлъ избѣгать излишнихъ подробностей. Въ этомъ отношеніи,—надо отдать ему полную справедливость,—онъ, видимо, не былъ изъ числа тѣхъ выскочекъ, кои имѣютъ обычай выхваляться и, не ожидая оцѣнки своихъ дѣяній другими, сами какъ бы торопятся сдѣлать эту оцѣнку.

Изъ устъ Кузьминскаго лицамъ, съ коими болѣе всего приходилось мнѣ тогда сноситься, довелось слышать лишь довольно подробный разсказъ о томъ, какое близкое участіе въ его судьбѣ со времени его раненія принималъ покойный императоръ Александръ Николаевичъ. При этомъ герой всегда говорилъ, что государь узналъ мельчайшія подробности,—и о состояніи его здоровья, и объ обстоятельствахъ происхожденія болѣзней,—очевидно, отъ графа Ив. Ил. Воронцова-Дашкова, который, проѣхавъ изъ Ташкента въ Петербургъ хотя бы на побывку, имѣлъ случай и былъ обязанъ доложить его величеству обо всемъ, что важнаго онъ видѣлъ и слышалъ, а главное—въ чемъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Болѣе важнымъ предметомъ доклада его представлялось, безъ сомнѣнія, взятіе крѣпостей Ура-Тюбе и Джизака, такъ какъ въ обоихъ дѣлахъ тѣхъ онъ явился однимъ изъ главнымъ дѣйствовавшихъ лицъ.

Каждый возвращающійся при подобныхъ обстоятельствахъ изъ командировки обязанъ представить государю полный докладъ обо всемъ стоящемъ вниманія съ различныхъ дѣловыхъ точекъ зрѣнія; помимо того графъ Воронцовъ-Дашковъ имѣлъ возможность сдѣлать это съ бо̀льшею обстоятельностью, такъ какъ былъ то время однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу лицъ и пользовался полнѣйшимъ, дружелюбнымъ довѣріемъ его высочества.

За дѣятельное участіе въ дѣлѣ взятія крѣпости Джизакъ и «за распорядительность, которая привела къ блестящей побѣдѣ», графъ Воронцовъ-Дашковъ также получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени. Нѣкоторое время онъ, произведенный въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ свиту его величества, занималъ должность помощника начальника туркестанской области генерала Романовскаго, который съ тѣмъ вмѣстѣ командовалъ войсками области. Вскорѣ, однако, графъ былъ отозванъ въ Петербургъ и

тамъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго его величества полка, которымъ прокомандовалъ съ 1867 года по 1874 годъ, когда былъ назначенъ на должность начальника штаба сформированнаго въ томъ году гвардейскаго корпуса, врученнаго тогда молодому командиру—наслѣднику цесаревичу.

Впослѣдствіи графъ Воронцовъ-Дашковъ, пробывъ нѣкоторое время начальникомъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, занялъ въ 1881 году постъ министра двора, а въ этой должности оставался все время царствованія покойнаго государя Александра III.

Нынѣ графъ состоитъ намѣстникомъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ.

Государь императоръ Александръ Николаевичъ, по выслушаніи словеснаго доклада, представленнаго графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ въ присутствіи наслѣдника цесаревича, приказалъ немедленно же телеграфировать командовавшему войсками оренбургскаго военнаго округа генералъ-адъютанту Крыжановскому о томъ, чтобы на леченіе раненыхъ въ послѣднихъ бояхъ денежный отпускъ былъ увеличенъ; объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ, требующихъ особаго ухода и вниманія къ ихъ тяжкому раненію, немедленно представить его величеству особые именные списки и принять относительно тѣхъ лицъ всѣ тѣ чрезвычайныя мѣры, кои, по тщательномъ осмотрѣ, окажутся необходимыми. Къ этому государь велѣлъ добавить, что средства высылаются личнымъ его величества распоряженіемъ; въ той же телеграммѣ, посланной за подписью военнаго министра генералъ-адъютанта Дмитрія Алексѣевича Милютина, было предписано: «нынѣ войти съ подробнымъ представленіемъ соображеній о томъ, что необходимо предпринять для вѣрнѣйшаго обезпеченія чиновъ, пострадавшихъ въ томъ отдаленномъ краѣ отъ ранъ и увѣчій и лишившихся возможности впредь зарабатывать средства личнымъ трудомъ и службой своей».

Вслѣдствіе этого, заботами генерала Крыжановскаго и непосредственнымъ трудомъ приставленнаго къ этому дѣлу генеральнаго штаба подполковника Виталія Николаевича Троцкаго, всѣ раненые были соединены въ различныхъ курортахъ, тогда же созданныхъ въ удобныхъ для того мѣстахъ и въ здоровой мѣстности, удовлетворявшей всѣмъ требованіямъ климатическихъ условій и, сообразно съ тѣмъ, отвѣчавшей условіямъ правильнаго леченія.

По мѣрѣ улучшенія состоянія здоровья въ отношеніи собственно хода заживленія ранъ, больные, въ цѣляхъ улучшенія питанія организма и ускоренія для каждаго изъ нихъ возможности окрѣпнуть, были направляемы въ наново устроенныя и разсѣянныя по ввѣренному генералу Крыжановскому краю кумысолечебныя заведенія; они были оборудованы стараніями того же подполковника Троцкаго и имъ поставлены на такую ногу, что начавшійся пріѣздъ изъ Рос-

сіи больныхъ—худосочныхъ, туберкулезныхъ, анемичныхъ и вообще истощенныхъ—очень скоро разславилъ эти заведенія и усилилъ наплывъ въ нихъ лицъ, жаждавшихъ возстановленія силъ, потерянныхъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и условій жизни.

Благодаря тому, что генералъ-адъютантъ Крыжановскій отнесся къ этому важному дѣлу съ особымъ горячимъ участіемъ и принялъ на себя близкое личное руководительство имъ,—не была пропущена забота о своевременномъ пополненіи громаднаго недостатка во врачахъ; хлопотами этого генерала край наводнился массой докторовъ, между которыми оказалось не мало искусныхъ, а главное самоотверженныхъ хирурговъ, беззавѣтно и всецѣло отдавшихся дѣлу спасенія людей, жестоко пострадавшихъ въ борьбѣ съ дикими озвѣрѣвшими племенами [1]).

Крайне благодѣтельными явились мѣры, принятыя тогда Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ къ поощренію переѣзда молодыхъ врачей въ тотъ край и къ облегченію—дарованіемъ разнаго рода льготъ—ихъ служебнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жизненнаго положенія на той далекой окраинѣ.

Хотя болѣзненное состояніе изрѣзаннаго, исколотаго, изрубленнаго и пронизаннаго пулями Кузьминскаго бросалось въ глаза, но все же онъ былъ особо выдѣленъ не сразу и не спроста; понадобились крайне участливыя хлопоты о немъ въ Петербургѣ очевидца его лихихъ подвиговъ графа Воронцова-Дашкова и неустанныя указанія на мѣстѣ врача, предавшагося съ самозабвеніемъ и со всестороннимъ вниманіемъ заботамъ о леченіи молодого изувѣченнаго офицера-героя и объ уходѣ за нимъ. Врачъ этотъ безпрестанно представлялъ генералу Крыжановскому подробные доклады о ходѣ этого леченія; онъ обращалъ вниманіе генерала на то, что, какъ въ виду крайней сложности раненій, такъ и по ходу изнурявшей организмъ молодого человѣка болѣзни, болѣе и болѣе осложнявшейся, положеніе его являлось не только выходившимъ изъ ряду, но представлялось феноменальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, а между прочимъ и въ научномъ. Нельзя, по словамъ врача, не поражаться, какъ больной еще живъ, какъ переноситъ ужасную болѣзнь свою; онъ такъ израненъ пиками, саблями и пулями, что нѣтъ въ немъ положительно ни одного органа цѣлаго, не задѣтаго и не поврежден-

---

[1]) Среднеазіатскій народъ всегда выказывалъ отчаянную храбрость, обусловливавшуюся фанатизмомъ и поддерживавшуюся фатализмомъ; онъ дрался стойко, доходя въ своемъ упорствѣ до безумія. А въ то время онъ понялъ и почувствовалъ, что съ потерей такого оплота и такого убѣжища, какимъ являлся Джизакъ, онъ обрекаетъ дорогой ему край отдачѣ на разореніе ненавистнымъ войскамъ державы Бѣлаго царя; понятенъ проснувшійся въ немъ звѣрь, яростно защищающій насиженное вѣками логовище свое.

наго; это обусловило параличъ рукъ и ногъ, и лишь одно питаніе крѣпкаго въ основѣ организма идетъ въ такой степени удовлетворительно, что, цѣпляясь за это показаніе, врачи считали себя въ правѣ дѣлать выводъ о нѣкоторомъ отдаленномъ намекѣ на возможность излеченія или, скорѣй, улучшенія.

Но и то и другое, докладывалъ врачъ, возможно, по мнѣнію медиковъ, лишь при наличности всѣхъ медициной доставляемыхъ средствъ и клиническихъ приспособленій; только при научно обставленномъ леченіи возможна надежда на облегченіе тяжкихъ страданій этого искалѣченнаго человѣка и на сохраненіе его жизни. Кстати, такое клиническое леченіе можетъ и самой наукѣ дать массу матерьяла,—такъ какъ это крайне рѣдкій и исключительный случай въ медицинской практикѣ многихъ десятковъ лѣтъ.

Генералъ Крыжановскій представлялъ государю обо всемъ слышанномъ имъ офиціально отъ врачей, дѣлалъ это часто и, безъ сомнѣнія, широко пользовался для этого услугами телеграфа.

Получивъ массу донесеній, государь составилъ полное и ясное понятіе о томъ, что и какъ несчастный, угнетенный, изувѣченный больной, находившійся на краю гибели, переноситъ; а между тѣмъ еще возможно было его спасеніе.

Лучшіе петербургскіе врачи, съ которыми государь призналъ нужнымъ поговорить и приказалъ посовѣтоваться, доносили черезъ Дмитрія Алексѣевича Милютина свое заключеніе о томъ, что ни Москва, ни Петербургъ помочь бѣдѣ въ этомъ сложномъ дѣлѣ не смогутъ,—во-первыхъ, за неимѣніемъ того богатства, которое, въ клиническомъ отношеніи, могло бы дать гарантію возможности направленія хода болѣзни на путь благополучнаго теченія, а во-вторыхъ,—и это главное,—за невозможностью положиться на нашъ слишкомъ суровый и крайне измѣнчивый климатъ, который легко сразу, во всякую минуту можетъ въ конецъ испортить дѣло старательнаго, методическаго врачебнаго ухода. Все, по мнѣнію высказавшихся тогда врачей, должно было бы свестись къ тому, чтобы больной былъ перевезенъ въ Парижъ; въ этомъ можно было бы видѣть вѣрное ручательство спасенія его; но, не видя его, трудно что-либо заглазно сказать относительно возможности для него столь дальняго переѣзда. Поэтому надо въ этомъ дѣлѣ, для безошибочнаго рѣшенія его, положиться на врачей, имѣющихъ ближайшій за нимъ присмотръ, и предоставить имъ бережно перевезти несчастнаго пока хоть въ Вѣну, выяснивъ имъ, что желательнѣе всего было бы и конечною цѣлью должно явиться доставленіе страдальца въ Парижъ.

Въ началѣ января 1867 года послѣдовало приказаніе государя: «такъ и сдѣлать», тщательно принявъ при этомъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности; «средствъ же вообще на это дѣло не жалѣть».

Разсказывая обо всемъ этомъ, Кузьминскій рѣшительно отказывался приложить даже малѣйшее стараніе къ тому, чтобы припомнить подробности своего длиннаго путешествія изъ Оренбургской губерніи въ Вѣну. Но онъ смутно припоминалъ себя въ Вѣнѣ, въ какой-то клиникѣ, въ которой ему довелось до нѣкоторой степени опомниться; съ этимъ, по его словамъ, совпало начало полученія чувствительнаго облегченія и прибавленія силъ; затѣмъ онъ также вспомнилъ то горькое чувство, которое овладѣло имъ, когда онъ, какъ-то случайно, узналъ о томъ, что вѣнскіе врачи [1]) наотрѣзъ отказались взять его на свою отвѣтственность и порекомендовали отправить въ Парижъ, гдѣ научная обстановка клиникъ, лечебницъ и госпиталей могла бы дать все то, о чемъ въ Вѣнѣ въ ту пору не было и намека. Отдохнувъ въ столицѣ Австріи нѣсколько дней, пока врачъ, сопровождавшій его, снесся телеграммами съ начальникомъ штаба оренбургскаго военнаго округа, несчастный вновь почувствовалъ всѣ муки тяжелаго путешествія; съ того дня онъ помнитъ одно свое искреннее желаніе: какъ можно скорѣй умереть. Доктору и тремъ фельдшерамъ, ѣхавшимъ съ нимъ, Кузьминскій отдаетъ полную справедливость,—они ухаживали за нимъ съ полнѣйшимъ заботливымъ стараніемъ, предупреждая всякую малѣйшую случайность, которая могла бы нарушить его покой и такъ или иначе утягчить его путешествіе, крайне мучительное само по себѣ.

Уже позднѣе Кузьминскій узналъ, что въ Парижъ онъ прибылъ въ день Благовѣщенія 25-го марта 1867 года, и собственно съ этого дня пошло для него болѣе спокойное проживаніе, а затѣмъ началось правильное, основанное на глубокихъ научныхъ познаніяхъ тамошнихъ врачей леченіе его сложныхъ недуговъ. Врачи, пользовавшіеся міровою извѣстностью, съ первыхъ же дней приняли въ больномъ, чуждомъ имъ офицерѣ горячее участіе; они прилагали всю свою энергію и всѣ знанія къ тому, чтобы неустанно облегчать его страданія. Этого мало, они поставили для себя задачею и вопросомъ чести возможно скорѣе приведеніе нарушившей все въ его организмѣ сложной болѣзни къ благополучному исходу.

Все здѣсь приводимое я разсказываю со словъ самого Кузьминскаго, при этомъ не могу пропустить, что болѣзнь, само собой разумѣется, въ сильной мѣрѣ отняла у него память, которая если и возвратилась, то лишь отчасти и гораздо позднѣе,—уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ относительнаго излеченія. Этимъ объясняется проявленіе въ его разсказахъ отсутствія наблюдательности и точности; онъ вспоминалъ все лишь въ общихъ чертахъ и, по большей части, безсвязно. Представлялось бы, безъ сомнѣнія, очень интереснымъ

[1]) По нѣкоторымъ даннымъ, обозначившимся позже, представителемъ ихъ тогда явился докторъ Думмрейхеръ—впослѣдствіи знаменитый хирургъ.

знать фамиліи вѣнскихъ и парижскихъ знаменитостей, приставленныхъ къ нему; оказывается, что онъ ихъ фамилій вовсе не могъ назвать, онѣ исчезли изъ его ослабѣвшей памяти; такъ же точно онъ не запомнилъ, а потому никогда не упоминалъ фамиліи того нашего врача, который спасалъ его своимъ болѣе чѣмъ внимательнымъ уходомъ со дня полученія имъ ранъ, а затѣмъ своею настойчивостью и своевременностью своихъ заботливыхъ донесеній и предстательствъ передъ генераломъ Крыжановскимъ, въ концѣ концовъ, спасъ его тогда отъ вѣрной гибели, сохранивъ его жизнь, державшуюся много мѣсяцевъ на волоскѣ.

По нѣкоторымъ мало, однако, обоснованнымъ даннымъ это былъ докторъ Суворовъ, впослѣдствіи военно-медицинскій инспекторъ туркестанскаго военнаго округа.

III.

Пріѣздъ въ Парижъ государя въ 1867 году.—Покушеніе Березовскаго на его жизнь.—Недостойное поведеніе парижскихъ адвокатовъ и французской печати по отношенію къ высокому «гостю» Франціи.—Сужденіе врача, который лечилъ Кузьминскаго.—Отношеніе министровъ Наполеона къ событію.

Приведя это необходимое поясненіе, считаю долгомъ добавить, что и въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ я многое, касающееся Кузьминскаго, буду излагать прямо его словами, но, конечно, далеко не все.

Въ самомъ началѣ мая, когда онъ, хотя далеко еще не чувствовалъ себя здоровымъ, но какъ бы началъ уже ко многому относиться сознательно, болѣе и болѣе подвигаясь къ тому, чтобы отдавать себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ, докторъ-французъ, придя однажды къ нему для присутствованія при утренней перевязкѣ, сообщилъ съ первыхъ словъ, что, по свѣдѣніямъ, которыя онъ совершенно случайно получилъ изъ вполнѣ освѣдомленныхъ кружковъ, «ожидается пріѣздъ въ Парижъ русскаго императора; его величество изъявилъ желаніе посмотрѣть всемірный городъ, взглянуть на нашу выставку и явиться гостемъ нашего императора».

Это сообщеніе произвело на больного такое впечатлѣніе, что самъ докторъ какъ будто испугался; внезапное полученіе разстроеннымъ человѣкомъ такого извѣстія, несказанно обрадовавшаго его, чуть не явилось причиной новаго сильнаго разстройства, а потому, въ глазахъ доктора, чуть не рушились всѣ надежды, поданныя неустанными трудами, положенными въ основаніе леченія и начинавшими давать благіе результаты; докторъ, сочтя свой поступокъ неумѣстнымъ и легкомысленнымъ, очень пожалѣлъ о томъ, что проявилъ такую неосмотрительность,

Обыкновенно при сильныхъ нервныхъ разстройствахъ, изводящихъ организмъ, а также при болѣзняхъ сердца, одинаково гибельно можетъ подѣйствовать на страдающаго этими разстройствами,—и большое горе, внезапно возвѣщенное, и сильная радость, нежданно обозначившаяся.

«Правая сторона, начавшая у меня приходить въ нѣкоторое, близкое къ нормальному, движеніе, —разсказывалъ Кузьминскій,— вдругъ опять отнялась отъ волненія, которое сначала какъ будто вовсе не показалось очень сильнымъ; надо было видѣть, въ какое отчаяніе впалъ докторъ при дальнѣйшихъ, ясно для него обозначавшихся ухудшеніяхъ.

«Видимо, задавъ себѣ задачу во что бы то ни стало укрѣпить мой разбитый организмъ и, если не исцѣлить меня, то въ возможной скорости облегчить мои страданія, докторъ, дѣйствительно, горячо принялъ къ сердцу это ставшее для него обязательнымъ дѣло, считая, что тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ его онъ ставитъ, какъ въ вопросѣ чести, на карту все, независимо отъ какихъ бы то ни было формальныхъ къ тому побужденій, а тѣмъ болѣе понужденій.

«Съ большимъ любопытствомъ слушалъ я извѣстія и разговоры о предстоявшемъ пріѣздѣ государя въ Парижъ,—говорилъ Кузьминскій.—Докторъ сначала рѣшилъ не сообщать мнѣ дальнѣйшихъ новостей, такъ какъ боялся моихъ нервовъ, которые были не только въ сильной степени разстроены, но, попросту сказать, истрепаны. Какъ-то въ разговорѣ, всегда съ его стороны любезномъ и ласковомъ, онъ сказалъ: «Напугали вы меня, а потому не хотѣлъ я вамъ ничего сообщать о вашемъ императорѣ; слишкомъ близко къ сердцу русскіе принимаютъ все касающееся ихъ царя, но боюсь, какъ бы не вышло хуже. О! я только теперь узналъ, какъ можно любить своего монарха и какъ любятъ его подданные, когда онъ дѣлаетъ все къ тому, чтобы имъ хорошо жилось, и когда онъ печется о нихъ неустанно,—какъ это дѣлаетъ на глазахъ всего міра императоръ Александръ II.

«Прежде всего этотъ докторъ былъ французъ до глубины души и до мозга костей; поэтому не въ его силахъ было удержаться отъ сообщенія всякихъ новостей и отъ свойственной этой націи привычки къ аффекту; во всемъ этомъ онъ не принадлежалъ себѣ.

«На третій или на четвертый день по пріѣздѣ государя во всемірную столицу докторъ съ большимъ оживленіемъ и волненіемъ сообщилъ о томъ, что государь собирается заѣхать въ больницу, дабы повидать «своего паціента».

«Иначе, какъ «паціентомъ царя», докторъ меня не называлъ.

«Скоро это извѣстіе заглушилось разными другими сообщеніями, главнымъ же образомъ и больше всего проникавшими съ улицы въ госпиталь разсказами о произведенномъ тогда покушеніи на жизнь государя. Все померкло передъ этимъ событіемъ; не

только мой докторъ, но и вообще всѣ врачи больницы, фельдшера, сестры милосердія и служители очень волновались, передавая разныя подробности гнусной продѣлки безумнаго юноши, который оказался полякомъ, по фамиліи Березовскимъ. Докторъ, особенно возмущаясь поступкомъ мальчишки, съ тѣмъ вмѣстѣ по-своему преклонялся передъ величіемъ государя.

«—Знаете ли,—разсказывалъ докторъ на разные лады:—царь нисколько не потерялся, ходитъ всюду одинъ, отказывается отъ какой бы то ни было охраны и старается только о томъ, чтобы сыновья его—цесаревичъ Александръ и великій князь Владиміръ, не были при немъ во время его прогулокъ по улицамъ и при посѣщеніи имъ общественныхъ мѣстъ; онъ опасается лишь того, что при новомъ покушеніи на его жизнь они могутъ вновь подвергнуться опасности. А можетъ ли быть новое покушеніе? Застрахованнымъ противъ этого царь, къ стыду нашему, врядъ ли можетъ себя считать. О! нѣтъ, нѣтъ,—горячился французъ:—помилуйте, наши министры представлялись ему въ Елисейскомъ дворцѣ и не нашли лучшаго разговора, какъ выражать царю въ глаза свое удивленіе по поводу того, что онъ рѣшается ходить по улицамъ Парижа одинъ, безъ всякой охраны!

«Наша судьба, какъ и все, находится въ рукахъ Промысла Божія», отвѣтилъ имъ царь.—И это очень поучительно. Да, —говорилъ докторъ съ большимъ воодушевленіемъ,—царь во всѣхъ отношеніяхъ поражаетъ своимъ величіемъ; ни на одинъ часъ онъ не сократилъ предназначеннаго имъ срока пребыванія своего въ гостяхъ у Наполеона и у насъ—у Франціи, ни на іоту не измѣнилъ намѣченнаго имъ строя своей жизни здѣсь. Мы не дали ему ни малѣйшаго основанія вѣрить въ насъ; но онъ съ великимъ, свойственнымъ ему благородствомъ души, старается вѣрить; если же это ему не удается, то онъ, во всякомъ случаѣ, заглушаетъ это глубокою вѣрою въ охрану Промысла Божія. Онъ не нашелъ нужнымъ нисколько измѣнить въ себѣ ничего въ такую минуту и при тѣхъ обстоятельствахъ, когда гостепріимные хозяева столицы великой Франціи не могутъ приложить заботу къ огражденію такого гостя своего отъ оскорбленій, безпрестанно наносимыхъ ему не только малодушными людьми улицы, но и болѣе солидными, стыдно сказать, членами общества. Правда, все это представляется слишкомъ мелочнымъ для царя, который великъ своимъ снисхожденіемъ; онъ умѣетъ стать и стоитъ выше всего этого; но это никоимъ образомъ не возвышаетъ тѣхъ гражданъ, которые, встрѣчая дорогого и почетнаго гостя мирно входящимъ въ какой-либо музей, пантеонъ, во дворецъ юстиціи или во дворецъ, отведенный для его пребыванія,—съ озвѣрѣніемъ бросаютъ ему безсмысленный упрекъ въ видѣ избитой, стремящейся задѣть его фразы: «да здравствуетъ Польша!» Не простые уличные мальчишки дѣлаютъ это, —разсказывалъ докторъ,

а такіе люди, которые должны быть и считаются людьми дѣла, науки, идеи; уподобляясь уличнымъ бездѣльникамъ, они поносятъ, унижаютъ и грязнятъ оскорбленіемъ званіе французскаго гражданина и обликъ честнаго человѣка. Посмотрите, при входѣ императора всероссійскаго въ судъ, въ домъ правосудія (palais de justice), нѣсколько человѣкъ силятся оскорбить его этими возгласами, при чемъ оказываются они представителями высокаго, во всѣхъ странахъ пользующагося большимъ почетомъ сословія адвокатовъ! Можетъ ли служить намъ утѣшеніемъ то, что государь не подозрѣваетъ истиннаго общественнаго положенія ихъ и, быть можетъ, принимаетъ ихъ за какихъ-нибудь безпутныхъ людей, не тронутыхъ ни воспитаніемъ, ни образованіемъ, ни—главное — обязательностью и для нихъ чести!»

«Такими и подобными простыми сужденіями почтенный докторъ пересыпалъ свои ежедневные разговоры и бесѣды въ часы осмотра и перевязыванья больныхъ.

«— А печать,—говорилъ онъ:—загляните въ наши журналы и газеты, какъ и чѣмъ они угощаютъ гостя! Ихъ понятія представляются совершенно низменными; они не могутъ постичь настоящаго положенія, не понимаютъ того, что въ настоящую минуту царь является гостемъ великой націи французской; а вѣдь печать обязана являться отголоскомъ понятій, сужденій и чувствъ народа. Какого сорта благородство по отношенію къ царю проявляютъ органы этой печати! Вспоминая слова государя о томъ, что Промысломъ Божіимъ охраняются правители народовъ такъ же, какъ и всѣ и все, можно выразить пожеланіе, чтобы этотъ же Божій Промыселъ, въ премудрости своей, не допустилъ на его свѣтлыя царскія очи нашихъ газетъ, роняющихъ себя до уровня простыхъ уличныхъ листковъ, вовсе не отличающихся даже намекомъ на нравственную чистоту, ужъ не говоря о солидности и рыцарствѣ!

«Какимъ живымъ укоромъ служитъ имъ то, что сыны той самой Польши, именемъ которой они силятся оскорбить царя, сами отъ себя, по своей благородной иниціативѣ, представили Наполеону адресъ съ живымъ протестомъ противъ преступнаго покушенія Березовскаго, котораго они искренно считаютъ отщепенцемъ, а себя стыдятся считать солидарными не только съ его продѣлкой, но и съ нимъ вообще. Будьте добры, прочтите въ «Moniteur» имена этихъ благородныхъ людей—имена сыновъ Польши, — продолжалъ докторъ; — сердца ихъ немало наболѣли и продолжаютъ болѣть изъ-за того положенія, которое досталось въ удѣлъ ихъ великой родинѣ,—однако они успѣли въ этихъ наболѣвшихъ сердцахъ съ полнымъ разумомъ разграничить, что такое историческій ходъ событій, приведшихъ ихъ отчизну къ печальному положенію, и что такое представляетъ собой образъ великаго царя, только что

снявшаго оковы съ милліоновъ населенія своей державы, а въ данный моментъ явившагося гостемъ Франціи. Прочтите имена представителей Польши, далеко не довершившей своего прекраснаго прошлаго, своей прекрасной исторіи и далеко не отказывающейся отъ дальнѣйшаго хода ея. Вотъ списокъ этихъ именъ: Платеръ, Лангевичъ, Александровичъ, Рупрехтъ, Савинскій, Веромскій, Анборскій, Кисенловскій, Получисскій; съ какимъ открытымъ благородствомъ они довели о своемъ протестѣ до свѣдѣнія хозяина Франціи—Наполеона!

«Съ другой стороны, какъ благородно они выражаютъ свой протестъ черезъ посредство газеты «Temps». Съ какою ясностью они укоризненно подчеркиваютъ въ обращеніи своемъ къ ней то обстоятельство, что она, вмѣстѣ съ такими органами печати, каковы «Opinion», «Nationale», «Siècle», умалчивая о самомъ актѣ покушенія безголоваго мальчишки, поддерживаетъ и не только оправдываетъ, но и восхваляетъ поведеніе наглецовъ, рѣшающихся дѣлать царю дерзкую встрѣчу, чуть ли не въ минуту входа его въ православную церковь для принесенія молитвы передъ престоломъ Всевышняго, къ Которому онъ съ горячей вѣрой обращается и съ неимовѣрной трогательностью отдаетъ всего себя.

Вспоминая всѣ эти разсказы своего доктора, Кузьминскій приходилъ въ восторгъ и умиленіе отъ такого благороднаго отношенія его къ Россіи и къ нашему великому государю. Цѣня въ докторѣ симпатичныя и сочувственныя заключенія его, онъ не могъ, однако, сладить съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, насколько вообще благожелательныя Россіи и ея царю сужденія доктора были вѣрны съ фактической стороны: проболѣвъ столько времени, онъ не сумѣлъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило; газетъ ему давно не доводилось читать, а все прочитанное когда-нибудь прежде, несомнѣнно, оказалось перезабытымъ.

Поэтому поверхностно выхваченные французомъ-докторомъ факты онъ считалъ непреложно вѣрными; не замѣчая ихъ дѣтской наивности, онъ принималъ на вѣру, будто бы поименованные въ разсказѣ доктора полячки были изъ числа такихъ представителей, подписи которыхъ подъ адресомъ имѣли какое-либо значеніе, а самый текстъ адреса могъ оказаться цѣннымъ выраженіемъ правдивыхъ чувствъ сыновъ Польши.

Онъ восторгался, но такъ же, какъ и докторъ, не зналъ и не могъ знать о томъ, что настоящіе, вліятельные поляки передъ прибытіемъ ихъ законнаго государя въ столицу Франціи демонстративно скрылись изъ нея, посѣявъ ту позорную программу, которая во время ихъ отсутствія исполнялась въ мелочахъ противъ особы ц ря по ихъ настоянію. Ни докторъ, ни Кузьминскій не

знали и рѣшительно не могли сообразить того, что люди, подписавшіеся подъ адресомъ и подъ письмомъ къ редактору газеты «Temps», были отчасти сжившіеся съ Франціей профессора, учителя и вообще дѣятели польскихъ школъ, открытыхъ въ Парижѣ на счетъ мутившихъ противъ Россіи французскихъ состоятельныхъ людей,— остальные же въ большинствѣ пройдохи, собравшіеся подъ крыло бывшаго самозваннаго диктатора Лангевича, соучастники только что тогда усмиреннаго послѣдняго мятежа, чуть ли не жандармы-вѣшатели, благополучно ускользнувшіе въ свое время отъ нашихъ войскъ, преслѣдовавшихъ и разсѣивавшихъ крамольно дѣйствовавшія мятежныя шайки.

Не получивъ ни малѣйшей возможности дать себѣ отчетъ во всемъ этомъ, ни Кузьминскій, ни докторъ, ни многіе другіе, искренно и наивно вѣрившіе тому, будто бы тѣ люди являлись честными и правдивыми сынами Польщизны, не могли добраться и до смысла самаго адреса, а между тѣмъ въ немъ тѣ сыны, въ сущности, опять дерзко подносили и царю и его здравомыслящимъ подданнымъ старое, избитое, порожденное ихъ тупоуміемъ оскорбленіе, подчеркивавшее долгъ и обязанности Россіи возвратить вѣроломной, мятежной Польшѣ ни больше, ни меньше, какъ всѣ земли, заключавшіяся когда-то въ границахъ «крулевства» между Балтійскимъ и Черными морями... [1]).

Ясно было, что наводнявшіе Францію поляки, своими несолидными и имѣвшими мало общаго съ честью искательствами, проявили тогда большое умѣнье и искусство въ дѣлѣ возбужденія сочувствія къ своимъ поступкамъ, какъ будто выражавшимъ передъ Наполеономъ брезгливость по отношенію къ тому, что взялъ на себя юный безмозглый полячокъ; эти поляки, лукаво упоминая о томъ, что ни царь, ни Россія не хотятъ внимать покаянію ихъ, привлекали будто бы вниманіе сочувствовавшихъ намъ сердецъ, а въ сущности, черезъ ихъ посредство, вербовали большее и большее число враговъ державы царя.

Навсегда останется непонятнымъ, какъ среди французовъ, ополчившихся противъ Россіи въ защиту поляковъ, почти не находилось людей, которые, по зрѣломъ размышленіи о томъ, чѣмъ собственно Польша заслуживала ломанья копій изъ-за нея, могли бы понять ужасъ противорѣчія, въ которое сами они впадали: защищая Польшу, они поощряли и поддерживали принципы, отвергнутые, затоптанные и забракованные людьми 89-го и 93-го годовъ, а силясь оскорбить царя—гостя Франціи—въ сущности дѣлали это по отношенію къ царю-человѣку, только что передъ тѣмъ добровольно и великодушно разорвавшему такія самыя рабскія цѣпи,

[1]) Пресловутыя границы 1772 года.

какія ихъ предки въ тѣ годы хода великой революціи усиливались разорвать, проливая на баррикадахъ свою «дорогую» кровь.

И вотъ эта Франція второй половины XIX столѣтія, со своимъ проходимцемъ императоромъ, упрямо брала подъ свою защиту топтанье великихъ» принциповъ, топтанье, которое открыто, но крайне лукаво, практиковала польская нація, закусившая удила «въ придавливаньи личности вообще, на основахъ сословныхъ привилегій и широкаго «ультрамонтанства».

Какъ прекрасно все это чувствовалъ и сознавалъ императоръ Александръ II и какъ терпѣливо, по-христіански онъ сносилъ все это передъ лицомъ всего міра! Кому неизвѣстно, какъ онъ былъ готовъ каждую минуту снизойти къ примиренію съ этой націей и какъ тщетно онъ ожидалъ въ ней замѣны вѣроломства чистою искренностью, подобною той, которая переполняла всѣ помышленія и чувства его высокоблагородной натуры.

Продолжаю разсказъ Кузьминскаго о наивныхъ, но не менѣе честныхъ, разговорахъ француза-доктора.

Равнодушно и хладнокровно офиціозная трибунальная газета сообщила о дерзости господъ адвокатовъ и подтвердила, что совершить ее они вышли «въ присвоенной имъ судебной формѣ». Оказывается, что они не погнушались для своей малодушной продѣлки надѣть на себя аттрибуты своихъ присяжныхъ, священныхъ обязанностей.

Одна лишь газета «Pays», на другой день послѣ покушенія, нашла нужнымъ и сумѣла сказать гостю Франціи нѣсколько благородныхъ и въ высшей степени симпатичныхъ словъ утѣшенія; она обратилась къ царю съ такой просьбой: «Государь, не судите Франціи по тому, что происходило здѣсь вчера!»

Если государь, хотя немного вдавался въ огорченіе по поводу тѣхъ оскорбленій, которыми безумцы, съ назойливостью мелкой мошки усиливались ему досадить и отравить время пребыванія въ нашей столицѣ, то онъ все-таки увидѣлъ не мало утѣшенія во многомъ, что проявлялось со стороны благомыслящихъ людей, умѣвшихъ уважать себя и относиться съ достоинствомъ ко всему, касавшемуся великаго царя великой державы.

— Завтра, о! завтра будетъ для насъ особый день,—сообщилъ докторъ 28-го мая со свойственнымъ французамъ азартомъ:—завтра императоръ россійскій посѣтитъ нашу больницу; онъ выразилъ желаніе навѣстить своего паціента, дабы не только повидать его вообще, но и посмотрѣть, какъ мы его оберегаемъ и лечимъ.

IV.

Осмотръ государемъ больницъ и казармъ въ Парижѣ.—Посѣщеніе раненаго Кузьминскаго.—Упущеніе, обнаружившееся передъ тѣмъ.—Нашъ посолъ Будбергъ.—Военный агентъ князь Витгенштейнъ.—Разсказъ его помощника Джуліани.—Наши заграничныя миссіи сорокъ лѣтъ назадъ.

Во всѣхъ большихъ русскихъ газетахъ послѣднихъ дней мая 1867 года была напечатана изъ Парижа отъ 29-го числа телеграмма, въ которой Сѣверное агентство сообщало о томъ, что «государь императоръ Александръ Николаевичъ въ тотъ день осматривалъ парижскія больницы и казармы».

Это случилось черезъ три дня послѣ покушенія Березовскаго на жизнь государя; поэтому русская публика, ловившая въ печати подробности извѣстій объ ужаснувшемъ Россію и весь міръ событіи, врядъ ли обратила вниманіе на сообщеніе объ осмотрѣ больницъ; она не показала интереса къ этой вѣсти, тѣмъ болѣе, что на краткомъ сообщеніи объ этомъ посѣщеніи всѣ свѣдѣнія рѣшительно оборвались; подробностей не было дано ни тогда, ни послѣ.

«29-го мая, среди дня, императоръ Александръ Николаевичъ дѣйствительно доставилъ намъ счастье посѣщеніемъ нашей больницы,—разсказывалъ Кузьминскій:—я ожидалъ этого посѣщенія не только съ большимъ нетерпѣніемъ, съ большой радостью, но и съ большимъ смущеніемъ; меня, между прочимъ, неотступно занимала мысль о томъ, какъ я, въ моментъ этого посѣщенія, не встану передъ государемъ; меня просто безпокоило то, что я принужденъ буду оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь по цѣлымъ днямъ уже съ самаго начала леченія; дѣло въ томъ, что особенности моихъ ранъ, поразившихъ, главнымъ образомъ, спинной хребетъ, обусловили необходимость такъ называемаго подвѣшенья меня на обручахъ; это единственное положеніе, при которомъ, въ подобныхъ случаяхъ, всѣ манипуляціи хирургическаго леченья могли производиться совершенно свободно и безпрепятственно. Смущеніе, овладѣвшее мною, конечно, зависѣло отъ угнетенности нервнаго состоянія моего; будь я здоровъ, я понималъ бы, что государь, всегда въ самой высокой степени снисходительный, нашелъ бы возможнымъ оказать снисхожденіе и той позѣ, въ которой я вынужденъ былъ его встрѣтить при его посѣщеніи.

«Смутно припоминаю я,—разсказывалъ Кузьминскій:—какъ государь, котораго я привыкъ видѣть только въ военной формѣ, вошелъ къ намъ въ штатскомъ сюртукѣ; его сопровождали нѣсколько человѣкъ, изъ коихъ двое-трое были одѣты во французскіе мундиры, остальные пришли также въ штатскомъ платьѣ. Я никого изъ нихъ не зналъ и потому рѣшительно на всѣхъ смотрѣлъ безразлично;

это, впрочемъ, не могло быть иначе даже и въ томъ случаѣ, если бы я кого-нибудь изъ нихъ и зналъ,—государь, конечно, всѣхъ затмевалъ, и мое вниманіе всецѣло приковывалъ къ своей фигурѣ; не до разсматриванья другихъ было мнѣ въ тѣ незабвенныя минуты.

«Поздоровавшись съ докторомъ, котораго одинъ изъ военныхъ французовъ представилъ, государь, со своей безконечно привѣтливой улыбкой, сказалъ ему:

«— Я пришелъ осмотрѣть ваше заведеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ прошу дозволенія взглянуть на раненаго офицера, котораго я направилъ въ столицу Франціи искать чудеснаго исцѣленія во всемірномъ городѣ чудесъ.

«Докторъ тотчасъ же разсыпался въ массѣ поклоновъ; видимо, государь, сразу очаровалъ француза.

«— Поддается ли мой больной вашему искусству?—спросилъ государь и, получивъ кучу отвѣтныхъ фразъ, сказалъ:

«— Я очень радъ случаю васъ лично поблагодарить; а теперь, повидавъ васъ, больного и всю обстановку, въ которую онъ здѣсь попалъ, могу сказать вамъ, что я выйду отсюда вполнѣ спокойнымъ за дальнѣйшую участь моего израненнаго героя. Я также очень доволенъ тѣмъ, что удалось повидать тебя; я непремѣнно хотѣлъ также лично поблагодарить тебя за твою службу, которая завершилась геройскимъ подвигомъ, во всѣхъ подробностяхъ мнѣ извѣстнымъ и меня много порадовавшимъ. Помоги, Господи, тебѣ поправиться.

«Помолчавъ немного, государь спросилъ: «Чего ты желалъ бы въ дальнѣйшемъ?» При этомъ государь протянулъ мнѣ руку, а въ отвѣтъ на мои несвязно произнесенныя слова о томъ, что у меня есть одно лишь желаніе: имѣть счастье до конца жизни служить ему беззавѣтно, государь нагнулся, поцѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ:

«— Конечно, это такъ и будетъ; повторяю, далъ бы Господь тебѣ только скорѣе выздоровѣть; объ этомъ докторъ, въ руки котораго тебѣ посчастливилось попасть, приложитъ всѣ свои мудрыя заботы, а мы вмѣстѣ съ тобой будемъ молить Всевышняго.

«Сказавъ это, государь опять обратился къ доктору и, снова пожавъ ему руку, произнесъ:

«— Я боюсь обезсилить больного и потому долго оставаться у васъ не буду; теперь вы покажете мнѣ ваше заведеніе, а потомъ кто-нибудь изъ моихъ объяснитъ вамъ все, что я здѣсь вынужденъ былъ говорить на своемъ, непонятномъ для васъ, языкѣ.

«— Джуліани,—сказалъ государь, обратившись къ одному изъ находившихся при немъ, совершенно молодому человѣку,—ты разскажешь доктору дословно обо всемъ, что я здѣсь говорилъ и что случится мнѣ еще говорить по-русски при осмотрѣ больницы.

«— Благословитъ тебя Господь,—сказалъ государь, вновь подавъ мнѣ руку, а затѣмъ перекрестилъ меня и поцѣловалъ въ голову.

«Докторъ, видя все это, расчувствовался и, какъ потомъ не разъ со слезами на глазахъ говорилъ, едва удержался отъ того, чтобы не разрыдаться».

Вотъ все, что сохранилось у Кузьминскаго сравнительно въ связной формѣ изъ его воспоминаній объ этомъ, какъ онъ всегда говорилъ, «великомъ въ его жизни днѣ».

Много онъ еще разсказывалъ отрывочнаго; кое-что я постараюсь привести при случаѣ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь нахожу болѣе подходящимъ изложить, въ возможно сжатомъ видѣ, то, что мнѣ довелось впослѣдствіи не разъ слышать именно отъ того самаго Джуліани, которому государь, движимый всегда и во всемъ высокою степенью деликатности, заботливо поручилъ поставить доктора въ извѣстность обо всемъ произнесенномъ имъ въ больницѣ.

Джуліани, Владиміръ Юліевичъ, въ то время былъ поручикомъ гвардейской конно-артиллерійской бригады и состоялъ въ прикомандированіи къ нашей миссіи въ Парижѣ въ качествѣ помощника нашего военнаго агента; должность агента въ то время занималъ флигель-адъютантъ полковникъ свѣтлѣйшій князь Эмануилъ Людвиговичъ Зейнъ - Витгенштейнъ - Берлебургъ; за время пребыванія государя въ Парижѣ онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-ей степени и произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ въ свиту его величества, а Джуліани былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени.

Я лично въ то время, только что выпущенный (1866 г.) изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, служилъ въ арміи—подпоручикомъ въ третьей конно-артиллерійской бригадѣ, стоявшей въ царствѣ Польскомъ въ городѣ Радинѣ Сѣдлецкой губерніи; черезъ два съ половиною года послѣ того я былъ переведенъ въ гвардейскую конную артиллерію (1868 г.)—въ третью батарею, которая, со времени польскаго возстанія 1863 года, была расположена въ Варшавѣ въ Лазенкахъ. Такимъ образомъ, пришлось мнѣ сдѣлаться сослуживцемъ В. Ю. Джуліани по бригадѣ; хотя онъ собственно въ строю въ то время уже не состоялъ, но числился въ бригадѣ, носилъ ея славный мундиръ, бывалъ въ ней въ Петербургѣ и связи съ сослуживцами не терялъ, а при частыхъ, по дѣламъ службы, изъ Франціи въ Россію поѣздкахъ неизмѣнно каждый разъ останавливался въ Варшавѣ у нихъ.

Прошли года; Джуліани, оставивъ военную службу, занимался обширными частными дѣлами своими; мнѣ случалось съ нимъ нерѣдко встрѣчаться, при чемъ онъ не разъ въ своихъ разсказахъ касался всегда занимавшаго меня трогательнаго эпизода посѣщенія

императоромъ Александромъ Николаевичемъ больницы въ Парижѣ и пребыванія государя въ этомъ чудномъ городѣ вообще.

Джуліани, къ слову сказать, вообще говорилъ очень красно, отличался большою наблюдательностью, начитанностью и считался человѣкомъ прекрасно образованнымъ. Языки французскій, англійскій, нѣмецкій и итальянскій онъ зналъ въ совершенствѣ.

Вотъ, съ нѣкоторыми пропусками, разсказъ, записанный мною тогда за нимъ:

«20-го мая 1867 года государь пріѣхалъ въ Парижъ и былъ встрѣченъ на дебаркадерѣ Сѣверной желѣзной дороги Наполеономъ III, который прибылъ на вокзалъ въ сопровожденіи маршала Канробера, всѣхъ министровъ, съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Реньо во главѣ, а также начальника города Парижа барона Османа (Haussmann) и другихъ лицъ

«Занимавшій тогда постъ россійскаго посла въ Парижѣ баронъ Андрей Ѳедоровичъ Будбергъ выѣзжалъ для встрѣчи государя на границу Французской имперіи. На Сѣверный вокзалъ выѣзжалъ также весь составъ высшихъ чиновъ нашего посольства вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ въ Парижъ за два дня до пріѣзда его величества шефомъ жандармовъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ; къ этимъ лицамъ присоединился военный агентъ князь Витгенштейнъ, пригласившій съ собой и меня.

«Съ государемъ прибыли также великіе князья: наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и Владиміръ Александровичъ, а также министръ двора, командовавшій императорской главной квартирой, завѣдывавшій военно-походной государевой канцеляріей генералъ-адъютантъ графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ.

«Въ тотъ же день мы представлялись государю въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ его величеству и великимъ князьямъ были отведены аппартаменты.

«Здѣсь случилось нѣчто такое, что потомъ долго оставалось крайне непріятнымъ для барона Будберга, а отчасти и для князя Витгенштейна. Государь спросилъ:

«— Гдѣ лечится уланскій офицеръ Кузьминскій, присланный сюда по моему распоряженію оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Крыжановскимъ?

«Ни тотъ, ни другой не могли дать на это отвѣта; я тоже не имѣлъ объ этомъ понятія. Государь, видя общее смущеніе, сказалъ со всегдашнею, отличавшею его лаской:

«— Вѣрно, еще не успѣли дать вамъ о немъ свѣдѣній. Ты узнай,— обратился государь ко мнѣ,—и доложи подробно барону.

«Не прошло и получаса, какъ я уже имѣлъ всѣ свѣдѣнія черезъ Османа; очень досадно было, что раньше эти обстоятельства оста-

лись неизвѣстными намъ. Еще больше мы досадовали, когда оказалось, что въ посольствѣ имѣлись свѣдѣнія объ этомъ отъ врача, по фамиліи, насколько я припоминаю,—сказалъ Джуліани,— Суворова, сопровождавшаго раненаго и сдавшаго его въ больницу на излеченіе. Онъ, явившись весной въ посольство, оставилъ объ этомъ увѣдомленіе, которому, къ сожалѣнію, не дали значенія. Ничего не всплыло бы до тѣхъ поръ, пока у бѣдняги раненаго не явилась бы какая-либо нужда, съ которой ему пришлось бы обратиться въ посольство. Нужно полагать, что тогда ее удовлетворили бы съ грѣхомъ пополамъ, а затѣмъ забыли бы или спохватились бы объ ней только въ случаѣ его смерти, когда мѣстныя власти, поневолѣ, принуждены были бы искать содѣйствія посольства въ столь важный моментъ по такому серьезному дѣлу.

«Что дѣлать, надо признаться, въ нашихъ заграничныхъ миссіяхъ вообще, если служащіе, быть можетъ, и переживаютъ съ большимъ вниманіемъ все относящееся до лежащихъ на нихъ обязанностей по части служебно-дипломатической, то ко всему касающемуся нуждъ частныхъ лицъ русскихъ поданныхъ вниманія искать не приходится, такъ какъ все равно его не найти. Правда, для этихъ нуждъ и дѣлъ должно быть по закону приспособлено не само посольство, а подвѣдомственное и частью подчиненное ему консульство, но и въ немъ вообще тщательнаго удовлетворенія всевозможныхъ частныхъ искательствъ по нуждамъ, нерѣдко вопіющимъ, врядъ ли можно спрашивать съ надеждами на полученіе болѣе или менѣе осязательныхъ результатовъ съ смыслѣ успѣшности».

Такое мнѣніе и такія сужденія сорокъ пять лѣтъ тому назадъ не стѣсняясь высказывалъ человѣкъ, которому, такъ или иначе, пришлось окунуться въ жизнь нашего заграничнаго представительства и нѣсколько лѣтъ прожить въ средѣ лицъ, служившихъ въ немъ. Не хотѣлось бы вѣрить, чтобы могло быть такъ, а не вѣрить нельзя. Непріятность этого случая совершенно загладилась и прошла безслѣдно, конечно, лишь благодаря безконечной снисходительности государя.

Когда ему доложили, гдѣ и въ какой обстановкѣ находится раненый, его величество сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ къ числу мѣстъ, которыя намѣчено мнѣ показать, надо добавить больницы; передайте объ этомъ Канроберу, онъ, въ полной мѣрѣ любезно, предложилъ мнѣ посѣтить казармы,—это будетъ кстати.

Такъ вышло, что государь рѣшилъ сдѣлать осмотръ больницъ; днемъ же осмотра его величество назначилъ 29-ое число.

Больница, о которой идетъ рѣчь, помѣщается недалеко отъ Университетской набережной, въ Латинскомъ кварталѣ, въ улицѣ Бакъ. Не мало удивило всѣхъ то обстоятельство, что въ назначен-

ный день и часъ государь, съ полнѣйшей довѣрчивостью, пріѣхалъ туда одинъ, въ то время, когда всѣ лица, коимъ было назначено присутствовать при осмотрѣ, уже собрались и ожидали на мѣстѣ.

Въ числѣ этихъ лицъ были: занимавшій постъ парижскаго военнаго генералъ-губернатора маршалъ Канроберъ, префектъ парижской полиціи Пьетри, префектъ департамента Сены баронъ Гаусманъ, старшій медицинскій инспекторъ городскихъ врачебныхъ заведеній, одинъ изъ высшихъ чиновъ полиціи Латинскаго квартала, а также наши — посолъ баронъ Будбергъ, графъ Адлербергъ, графъ Шуваловъ, князь Витгенштейнъ и я.

Государь съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ въ тотъ день три больницы и пять казармъ, при чемъ, — несмотря на то, что очень утомился,—сдѣлалъ массу замѣчаній обо всемъ найденномъ имъ достойнымъ вниманія и не прекратилъ своихъ посѣщеній до тѣхъ поръ, пока не осмотрѣлъ все намѣченное. Послѣ осмотра первой казармы государь сказалъ князю Витгенштейну:

— Запиши все, на что мы обратимъ вниманіе, не пропусти ничего, здѣсь очень много поучительнаго можно заимствовать; надо будетъ потомъ переслать, вмѣстѣ съ другими твоими донесеніями, въ главный штабъ для передачи Дмитрію Алексѣевичу [1]).

V.

Посѣщеніе государемъ оперы.—Допросъ Березовскаго слѣдователемъ.—Участіе въ немъ французскихъ министровъ—Руэра и Бароша.—Приглашеніе графа П. А. Шувалова къ участію.—Поведеніе Наполеона III.—Балъ, данный государемъ въ русскомъ посольствѣ.—Разсказъ шталмейстера Фирлона Рембо.—Награжденіе его государемъ и Наполеономъ.—Заботы государя о Кузьминскомъ.—Государь объ умѣстности и своевременности коронованія Франца-Іосифа венгерскою короною.—Государь о судьбѣ Максимиліана и о вмѣшательствѣ Наполеона въ дѣла Мексики.—Рембо о Числьгёрстѣ.

Дня черезъ два послѣ осмотра казармъ и больницъ былъ назначенъ отъѣздъ государя изъ Парижа. Со всегдашнимъ громаднымъ вниманіемъ своимъ, государь,— какъ разсказывалъ Джуліани,— не упустилъ назначить и посольству, и чинамъ военнаго представительства часы прощанія передъ отъѣздомъ. Приблизительно за часъ до времени, назначеннаго для прощальнаго представленія, всѣ собрались въ Елисейскомъ дворцѣ и сгруппировались возлѣ шефа жандармовъ графа Петра Андреевича Шувалова. Онъ долженъ былъ сопровождать государя въ его обратномъ путешествіи и хотѣлъ въ дорогѣ представить его величеству докладъ обо всемъ,

---

[1]) Военному министру генералъ-адъютанту Милютину, продолжавшему въ тѣ времена заниматься усиленной передѣлкой всего нашего въ военной системѣ на французскій ладъ.

что оказалось по дѣлу покушенія, но за два дня до отъѣзда государь сказалъ ему:

— Обо всемъ этомъ ты мнѣ разскажи лучше здѣсь передъ моимъ отъѣздомъ на вокзалъ; можетъ быть, представится необходимымъ сказать что-нибудь императору Наполеону.

Слѣдователь дѣлалъ допросъ Березовскому въ присутствіи министровъ Руэра и Бароша; графъ Шуваловъ, конечно, не могъ считать себя въ правѣ въ это дѣло вмѣшиваться, но министры предложили ему присутствовать при допросѣ, а во время производства самаго допроса не разъ обращались къ нему съ предложеніемъ,—не пожелаетъ ли и онъ спросить что-либо.

Извѣстно, что государь черезъ день послѣ пріѣзда въ Парижъ посѣтилъ оперу, при чемъ находился въ императорской ложѣ, куда прибылъ пѣшкомъ одинъ къ девяти съ половиною часамъ, за полчаса до прибытія императрицы Евгеніи и Наполеона. Березовскій, между прочимъ, далъ показаніе о томъ, что намѣтилъ выстрѣлить въ государя въ оперѣ и, передъ прибытіемъ государя туда, встрѣтилъ его величество.

Царь на меня взглянулъ такъ презрительно, какъ будто бы въ умѣ его сложилась мысль: вотъ одинъ изъ поляковъ.

Это, очевидно, горячечный бредъ больного юноши, задумавшаго ужасное преступленіе, и, какъ по нѣкоторымъ даннымъ допроса можно заключить, не рѣшившагося произвести выстрѣлъ подъ впечатлѣніемъ взгляда государя.

— Взглядомъ этимъ онъ, видимо, былъ очень смущенъ и обезкураженъ,—сказалъ графъ Шуваловъ, вспоминая и перебирая эпизоды, происходившіе при допросѣ.

Графъ Шуваловъ разсказывалъ, что Наполеонъ очень взволновался покушеніемъ; до момента выстрѣла, не подозрѣвая предстоявшаго, онъ держалъ себя съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и даже съ достоинствомъ.

Покушеніе, какъ извѣстно, было произведено у каскада въ аллеѣ Булонскаго лѣса, близъ Лоншана, на пути слѣдованія императорскаго кортежа со смотра войскъ, которыя Наполеонъ заранѣе намѣтилъ показать во всемъ блескѣ нашему государю и прусскому королю; онъ былъ очень доволенъ исходомъ блестящаго парада. Съ нимъ въ четырехмѣстномъ экипажѣ ѣхали государь императоръ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ; король Вильгельмъ ѣхалъ за ними поодаль въ экипажѣ съ императрицей Евгеніей. Наполеонъ, послѣ выстрѣла, послѣдовавшаго съ его стороны, сразу засуетился; пуля Березовскаго попала въ морду лошади шталмейстера Рембо, ѣхавшаго рядомъ съ экипажемъ подлѣ Наполеона; много крови отъ

лошади попало въ экипажъ; обиліе крови объяснялось и тѣмъ, что пистолетъ въ рукахъ преступника разорвался и у безумца оторвало два или три пальца правой руки. Наполеонъ каждому изъ своихъ гостей-спутниковъ задалъ вопросъ: у васъ кровь, не ранены ли вы? А убѣдившись, что всѣ невредимы, поднялся въ экипажѣ и объявилъ объ этомъ стоявшей по пути публикѣ; послѣ этого онъ высказалъ увѣренность въ томъ, что стрѣлялъ непремѣнно итальянецъ въ него; когда же государь отвѣтилъ категорически, что, вѣрнѣе, полякъ въ него,—Наполеонъ не возразилъ, но какъ-то суетливо сказалъ: «Ваше величество, мы вмѣстѣ были въ огнѣ». На это государь совершенно спокойно отвѣтилъ:

— Благодарю Бога, что онъ васъ сохранилъ; вотъ, однако, до какой степени никому нельзя ни на минуту быть увѣреннымъ въ цѣлости своей жизни,—все въ рукахъ Божіихъ...

При допросѣ очень хорошо держалъ себя приглашенный для представленія своихъ показаній шталмейстеръ Наполеона Фирлонъ Рембо. По всѣмъ даннымъ онъ, прослышавъ ранѣе о томъ, что готовится какое-то покушеніе, во все время сопровожденія императорскаго экипажа былъ на чеку; увидѣвъ въ Березовскомъ что-то подозрительное, онъ налетѣлъ на него всѣмъ грузомъ своего коня. Березовскій былъ сбитъ съ ногъ, отъ этого послѣдовалъ въ тотъ же моментъ выстрѣлъ, но зарядъ попалъ въ морду лошади Фирлона Рембо и такимъ образомъ оказался безопаснымъ для тѣхъ или для того, кому предназначался и въ кого былъ направленъ.

Это самое можно было заключить изъ несвязнаго разсказа преступника; давая свое показаніе, онъ со злобой сказалъ:

— Если бы сѣдокъ, ѣхавшій съ лѣвой стороны экипажа, не наскочилъ на меня,—результатъ былъ бы совсѣмъ иной, чортъ возьми, но вотъ что, къ несчастію, вышло; объ этомъ мнѣ остается только пожалѣть; это обидно, но непоправимо.

Фирлонъ Рембо, видимо, былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что все это произошло именно такъ; изъ скромности онъ, однако, не говорилъ объ этомъ вполнѣ ясно.

— Я хотѣлъ этого человѣка сбить или подмять, дабы онъ не произвелъ выстрѣла, но это мнѣ не удалось,—твердилъ онъ.

Императоръ Наполеонъ сидѣлъ въ экипажѣ съ лѣвой стороны, противъ него находился наслѣдникъ русскаго престола; государь, сидя съ правой стороны, имѣлъ противъ себя великаго князя Владимира. Рембо ѣхалъ со стороны Наполеона: исполняя приказанія своего императора, онъ устремился отдать распоряженіе о томъ, чтобы, въ виду страшной давки, экипажъ свернулъ на боковую аллею; въ эту-то минуту онъ замѣтилъ показавшуюся ему подозрительною фигуру и въ одинъ мигъ рѣшилъ направить своего коня на нее.

Грянувшій выстрѣлъ скорѣй напоминалъ какой-то взрывъ; Рембо думалъ, что взорвалась бомба; эскортъ въ паническомъ испугѣ остановился; у наслѣдника цесаревича виднѣлась кровь на бѣлыхъ перчаткахъ; взглянувъ на кровяное пятно, его высочество сказалъ Фирлону Рембо: «Это отъ вашей лошади, посмотрите, она ранена въ ноздри». У царя была обрызгана кровью голубая орденская лента.

— Въ самый моментъ выстрѣла,—говорилъ Рембо,—я почувствовалъ ожогъ шеи; лошадь моя долго бѣжать не могла, я принужденъ былъ ее оставить, почему и передалъ одному изъ солдатъ; меня же, въ то время уже спѣшившагося, пригласилъ къ себѣ въ коляску ѣхавшій за экипажемъ Евгеніи и короля прусскаго Вильгельма племянникъ императора Александра принцъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, старшій сынъ сестры его величества Маріи Николаевны, состоявшей въ замужествѣ за герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ.

— Мнѣ лично,—говорилъ Джуліани,—пришлось впослѣдствіи нерѣдко въ Парижѣ встрѣчаться съ Рембо; это былъ скромный, набожный человѣкъ и вѣчный труженикъ; онъ съ особенной трогательностью вспоминалъ все здѣсь разсказанное и вообще весь этотъ ставшій, несомнѣнно, достояніемъ исторіи эпизодъ изъ его немудреной жизни.

— Происходя изъ старой дворянской фамиліи,—разсказывалъ онъ,—я служилъ во время крымской кампаніи простымъ рядовымъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ въ корпусѣ генерала Канробера и лишь къ концу войны дослужился до званія унтеръ-офицера; императоръ Наполеонъ, возведя меня въ свои шталмейстеры, не забывалъ того, что я въ военной службѣ дальше званія нижняго чина не пошелъ; даже пожелавъ наградить меня въ этотъ день ужаснаго покушенія, произведеннаго голоднымъ безумцемъ - полякомъ, онъ предназначилъ мнѣ пятую степень ордена Почетнаго Легіона,—кавалерскій крестъ, полагающійся для награжденія лицъ неофицерскаго званія.

Извѣстно, что государь заранѣе, на дни своего пребыванія въ столицы Франціи, назначилъ балъ въ посольствѣ; когда оказалось, что въ день бала утромъ случилось покушеніе Березовскаго, Наполеонъ просилъ объ отмѣнѣ этого бала, но государь не призналъ нужнымъ отмѣнять что-либо; все должно было итти въ томъ порядкѣ, какъ было намѣчено; поэтому балъ въ тотъ день вечеромъ состоялся; императоръ Александръ поражалъ всѣхъ своимъ полнымъ спокойствіемъ и необычайною привѣтливостью гостепріимнаго хозяина,—это въ одинъ голосъ сообщали со словъ своихъ рецензентовъ газеты всѣхъ партій, фракцій и оттѣнковъ,

— Императоръ Александръ, приказавъ пригласить меня на балъ,—говорилъ Рембо,—тронулъ и меня и всѣхъ необыкновенною сердечностью своего ко мнѣ отношенія.

«Прибывъ на балъ за полчаса до прибытія Наполеона и Евгеніи, я былъ встрѣченъ въ первомъ залѣ министромъ двора графомъ Адлербергомъ; онъ тотчасъ же вручилъ мнѣ пожалованный русскимъ императоромъ орденъ св. Станислава съ короною; я его тотчасъ, по указанію графа, надѣлъ на себя. Въ слѣдующей комнатѣ царь, поздоровавшись со мною, забросалъ меня такой массой благодарностей, что мнѣ оставалось только смущаться и конфузиться; но императоръ Александръ какъ будто бы задался задачей больше и больше вводить меня въ смущеніе: его величество, взявъ меня подъ руку, провелъ черезъ помѣщеніе посольства, видимо, съ тою цѣлью, чтобы для разговоровъ со мною посадить меня возлѣ себя на виду у всѣхъ кавалеровъ, уже находившихся въ залѣ, и покинулъ меня лишь черезъ нѣсколько минутъ, когда было доложено, что начали пріѣзжать дамы.

«Императоръ Наполеонъ, узнавъ обо всемъ этомъ, не пожелалъ сдѣлать неловкости противъ своего высокаго гостя и въ тотъ же вечеръ, вмѣсто предназначенной, но еще не переданной мнѣ пятой степени ордена, передалъ четвертую, т. е. офицерскій крестъ».

Наполеонъ никогда не разлучался съ этимъ своимъ слугою, которому впослѣдствіи довелось въ числѣ другихъ выдержать большое испытаніе: онъ сопровождалъ императора изъ Седана въ Вильгельмсгеэ; правда, это было соединено съ большимъ для него счастіемъ—продолжать служить Наполеону и въ этомъ замкѣ во время плѣненія и долго еще послѣ того—во время тяжелаго, поневолѣ бездѣльнаго, проживанія въ Англіи—въ Числьгёрстѣ.

— Приблизительно черезъ часъ послѣ того, какъ мы собрались,— разсказывалъ Джуліани,—государь потребовалъ къ себѣ князя Витгенштейна и меня.

«Поблагодаривъ насъ и сообщивъ о назначенныхъ намъ наградахъ, государь сказалъ, обращаясь къ намъ обоимъ:

«— Вы, конечно, не будете забывать Кузьминскаго; навѣщайте его; тебѣ, Витгенштейнъ, я поручаю сообщать мнѣ о ходѣ его леченія, о всѣхъ нуждахъ, какія у него могутъ оказаться, а также о средствахъ, какія надо будетъ ему назначить пожизненно; онъ искалѣченъ совершенно, лечиться ему придется всю жизнь; я полагаю назначить ему аренду въ 1000 рублей ежемѣсячнаго дохода; но окажется ли этого достаточно для будущаго,—присмотрись и мнѣ сообщи при первомъ же удобномъ случаѣ».

«Князь Витгенштейнъ, по своему происхожденію, считался въ родствѣ съ императрицей Маріей Александровной; государь относился къ нему очень хорошо и съ большимъ довѣріемъ.

«Среди разговора о пребываніи своемъ въ Парижѣ государь съ грустнымъ видомъ упомянулъ о томъ, что, посѣтивъ сестру свою

Марію Николаевну въ «Грандъ-Отелѣ», онъ вспомнилъ съ ней о происходившихъ въ тѣ дни въ Пештѣ торжествахъ коронованія австрійскаго императора Франца-Іосифа короною короля Венгріи.

«Какимъ фатальнымъ является совпаденіе этихъ празднествъ съ ужаснымъ концомъ только что въ эти же дни трагически разрѣшившейся въ Мексикѣ участи младшаго брата его — австрійскаго эрцгерцога Максимиліана, котораго наполеоновскія продѣлки сдѣлали императоромъ.

«— Я много объ этомъ говорилъ съ императоромъ Наполеономъ,—сказалъ государь:—зачѣмъ было ему вмѣшиваться въ эту аферу? Наше ли дѣло было непрошенно стремиться осчастливить мало-вѣдомую, шедшую своей собственной жизнью заокеанскую республику. Въ императорѣ Наполеонѣ это похоже на какое-то влеченіе подражать своему дядѣ въ дѣлѣ могущественной раздачи коронъ и троновъ. Теперь, когда Наполеону пришлось «созданнаго императора» оставить, затѣмъ забросить безъ поддержки на произволъ судьбы и полудикихъ властей, — сколько придется ему имѣть на совѣсти самаго тяжелаго, угнетающаго чувства!»

«Этотъ весь разговоръ,—говорилъ Джуліани,—рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти; послѣднія слова государь произнесъ со слезами на добрыхъ, привѣтливыхъ глазахъ».

Послѣ смерти Наполеона Рембо возвратился въ Парижъ, гдѣ Джуліани и встрѣчался съ нимъ въ концѣ 1873 года. Много разсказывая о жизни своихъ повелителей, совершенно состарившійся шталмейстеръ всегда особо подчеркивалъ то, что оба они—Наполеонъ съ большой грустью, а Евгенія съ досадой,—во время частыхъ ссоръ своихъ, въ одинаковой степени признавали одною изъ самыхъ важныхъ и грубыхъ ошибокъ своего, только что тогда минувшаго прошлаго, громадное пренебреженіе, съ которымъ они во все время своего царствованія [1]) относились къ Россіи, къ ея правительству, а главное къ ея великому, благороднѣйшему императору.

Рембо воспроизводилъ происходившія нерѣдко между супругами сцены, которыхъ ему приходилось быть свидѣтелемъ или о которыхъ онъ слышалъ отъ людей еще болѣе приближенныхъ и интимныхъ.

Стоило Евгеніи отъ чего бы то ни было прійти хотя бы въ малѣйшее нервное раздраженіе,—а это съ самаго начала ихъ жизни въ Англіи стало дѣломъ обыденнымъ,—она немедленно, съ одина-

---

[1]) «Царствовали они оба вмѣстѣ», говаривалъ простякъ Рембо.

ковой злобой и почти всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, начинала преназойливо выставлять мужу своему упреки въ томъ, съ какимъ тупымъ упорствомъ (entêtement stupide) онъ нападалъ и всѣхъ, съ какой-либо стороны причастныхъ къ дѣлу управленія несчастной Франціей, увлекалъ къ безсмысленнымъ нападкамъ на императора Александра II.

Наполеонъ обыкновенно усиливался возражать съ полной сдержанностью; онъ спокойно стоялъ на томъ, что вообще не нападалъ, а если говорилъ,—не противъ императора Александра, а противъ Россіи,—то меньше всего говорилъ безъ государственной къ тому нужды, вызывавшейся явнымъ со стороны правительства той державы стремленіемъ портить хорошія отношенія съ Франціей.— «Нельзя,—говорилъ ex-императоръ,—ставить мнѣ въ укоръ то, что приходилось говорить и дѣлать въ минуты разлада добрыхъ отношеній съ Александромъ II и при явномъ проявленіи со стороны его правительства отсутствія корректности въ дѣлахъ и сношеніяхъ съ Франціей».

Подробностямъ одной изъ такихъ ссоръ суждено было навсегда врѣзаться въ память и остаться въ сердцѣ крайне впечатлительнаго шталмейстера. Это произошло въ концѣ ноября 1872 года.

— Нѣтъ, нѣтъ,—не слушая спокойныхъ возраженій мужа, вдругъ злобно затвердила Евгенія въ тотъ день:—вы всегда безсмысленно нападали на царя,—это впечатлѣніе моихъ первыхъ дней знакомства съ вами, тѣхъ дней, въ которые я, въ свою очередь, относилась къ вамъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ, какъ къ повелителю Франціи; вы одинаково, безъ разбора относились и въ тяжелые для Россіи дни нашихъ предсвадебныхъ компіенскихъ торжествъ [1]), и позже, въ дни появленія на свѣтъ нашего Лулу,— когда Россія усиливалась, хоть сколько-нибудь успокоившись, воспользоваться плодами только что заключеннаго съ Франціей мира [2]). Еще мать моя говорила, что вы одинаково жестоко на-

---

[1]) Въ 1852 г. императоръ Наполеонъ на одной изъ большихъ охотъ какъ будто случайно встрѣтилъ семью маркиза Монтихо гр. де Теба и сразу былъ обвороженъ молодой графиней Евгеніей: онъ не хотѣлъ допустить мысли о томъ, что она не будетъ ему принадлежать. Все это было подстроено крайне искусно. Въ 1853 г. происходили на охотахъ въ Компіенѣ пиры, которые Евгенія въ передаваемомъ разговорѣ назвала предсвадебными торжествами; въ томъ же году Наполеонъ сочетался съ нею бракомъ. Это былъ годъ начала турецкой войны, скоро обратившейся въ Крымскую кампанію. Авт.

[2]) Въ 1856 г., въ годъ заключенія парижскаго мира у французской императорской четы родился сынъ Наполеонъ-Людовикъ-Евгеній; въ 1874 г. бонапартисты объявили его императоромъ подъ именемъ Наполеона IV, а въ 1879 году императрица, жаждавшая карьеры, согласилась отправить сына въ африканскую экспедицію англичанъ противъ зулусовъ; въ этой войнѣ онъ былъ убитъ, причемъ оффиціально было объявлено, что Лулу не могли уберечь, на самомъ же дѣлѣ врядъ ли кто и старался его беречь. Авт.

падали на своего врага, когда онъ, послѣ геройской защиты своего отечества, былъ притиснутъ, прижатъ вами, такъ же, какъ и тогда, когда, отдавши вамъ все, онъ имѣлъ полное право отдохнуть отъ тяготы своихъ печалей; моя мать изумлялась вашей безтактности и отсутствію въ васъ благороднаго великодушія къ врагу, когда вы, послѣ заключенія съ нимъ мира, продолжали издѣваться надъ нимъ воспоминаніями о томъ, какъ вы разгромили сѣвернаго колосса, притомъ увѣряли, что готовитесь его вновь разгромить, дабы совсѣмъ уничтожить, стереть съ лица земли—шутка сказать—кого! великую, мощную Россію!...

Вдругъ Наполеонъ, всегда спокойный, гнѣвно засверкалъ своими обычно тусклыми глазами, а затѣмъ, задыхаясь отъ волненія и гнѣва, громко, но отрывисто произнесъ:

— Недоставало еще, чтобы вы приписывали мнѣ то, въ чемъ виновата была именно ваша мать; эта женщина съ какимъ-то необъяснимымъ безуміемъ, свойственнымъ сынамъ легкомысленной испанской націи, нападала не только на Александра II и Россію, на Вильгельма и Пруссію, но и на всѣхъ, съ кѣмъ моя страна приходила или въ конфликтъ или въ какія бы то ни было частыя сношенія. Я васъ разъ навсегда приглашаю не думать впредь сваливать на меня результаты всѣхъ тѣхъ безтактностей, которыя графинѣ Монтихо де-Теба угодно было себѣ позволять въ ея малодушныхъ порывахъ. Она, всею жизнью своей при моемъ дворѣ, заслужила полную ненависть и презрѣніе французовъ; теперь вамъ, только вамъ, слѣдовало бы если не уничтожить,—такъ какъ уничтожить это уже невозможно,—то, по крайней мѣрѣ, хоть сколько-нибудь умѣрить или смягчить въ близкихъ людяхъ эту ненависть, а ужъ никакъ не разжигать ее больше и больше; слушать ваши бредни я вовсе не расположенъ и не буду,—закончилъ Наполеонъ свою рѣчь и рѣзко вышелъ изъ зала.

Не ожидала ех-императрица такого крутого и грубаго поворота, а потому въ истерикѣ вдругъ свалилась въ обморокъ, послѣ котораго была врачами уложена въ постель и окружена самымъ заботливымъ уходомъ.

И въ ней и въ ея мужѣ, какъ видно, все дошло до той крайности, которая должна была вызвать ужасный кризисъ. Послѣ того они вовсе не видѣлись больше мѣсяца. Евгенія лежала, Наполеонъ въ теченіе этого времени старался бодриться, но его силы, видимо, угасали, бодрость болѣе и болѣе покидала его, и въ то время, когда все вниманіе врачей было обращено на состояніе здоровья слабой императрицы,—сахарная и каменная болѣзнь императора совершенно неожиданно для всѣхъ, а для докторовъ болѣе, чѣмъ для кого-либо, сдѣлала сразу большіе успѣхи, и 9-го января 1873 года Наполеона не стало. Послѣ Седана онъ прожилъ три года, пять мѣсяцевъ и три дня.

Безплодные споры привели къ такому печальному концу; Евгенія раньше не думала, что потеря мужа для нея была потерей всего; только тогда она это сознала, когда его не стало,—тогда она поняла, что пропала и та надежда, которой, впрочемъ, ни у кого, кромѣ нея, не было—надежда вернуть престолъ.

— Спорить было поздно, и о чемъ было спорить?—говорилъ Рембо:—нужно было раньше думать о томъ, чтобы не испортить въ конецъ свои отношенія именно съ повелителемъ той державы, которая одна могла укрѣпить навсегда положеніе Франціи и императора французовъ; императрица спорила съ императоромъ, забывъ, что собственнаго локтя не укусишь.

— Изъ всѣхъ разсказовъ Рембо,—говорилъ Джуліани,—видно было, что онъ больше держалъ сторону Наполеона, чѣмъ Евгеніи; это было вполнѣ естественно; а вообще этотъ преданный ех-императору слуга съ полнѣйшей, свойственной ему простотой какъ бы застылъ на чувствѣ самой глубокой и почтительно-признательной преданности нашему государю; иначе о немъ онъ не упоминалъ, какъ именуя его: гуманнѣйшій рыцарь, царь-освободитель и благодѣтель своего народа.

Всю жизнь Рембо выражалъ желаніе во что бы то ни стало побывать въ Россіи, но это у него такъ и осталось навсегда мечтой.

VI.

Отъѣздъ государя изъ Парижа.—Молва объ его отношеніи къ Березовскому и къ покушенію.—Защитникъ Араго и обвинитель де-Марна.—Роль Жюля Фавра въ дѣлѣ Орсини.—Французскія газеты о законахъ, карающихъ покушеніе на жизнь главы государства.—Частный отзывъ Виктора Гюго.—Полковникъ Гальяръ.—Воспоминанія Джуліани объ адресѣ проживавшихъ въ Парижѣ поляковъ.—Маневры 1878 г. во Франціи.—Маршалъ Канроберъ.—Отзывъ государя о немъ и о сенскомъ префектѣ Гаусманѣ.

«Прощаясь съ нами,—продолжалъ Джуліани свой разсказъ,—государь, между прочимъ, сказалъ:

«— Передайте Кузьминскому мое пожеланіе ему скораго выздоровленія; пусть продолжаетъ имѣть то же терпѣніе, какимъ до сихъ поръ отличался, и пусть бережетъ себя. Доктору я назначилъ крестъ въ награду; Наполеонъ далъ согласіе на награжденіе этого симпатичнаго, самоотверженнаго и дѣльнаго врача; барону Будбергу я передалъ объ этомъ, онъ распорядится».

«По отъѣздѣ государя до насъ дошла, распространившаяся въ столицѣ Франціи молва о томъ, будто бы при прощаньи онъ обратился къ Наполеону съ просьбой,—въ случаѣ, если Березовскому судомъ будетъ назначена смертная казнь,—оказать съ своей стороны мощное содѣйствіе тому, чтобы онъ отъ нея былъ избавленъ.

Трудно вѣрится этому,—весьма вѣроятно, что государь не желалъ казни этого преступника-безумца, но ходатайствовать за пройдоху не сталъ бы; молва добавляла, что Наполеонъ обѣщалъ и будто бы «несомнѣнно искренно».

Однако подпольныя интриги революціонныхъ элементовъ приготовили изъ этого дѣла совсѣмъ другое: несомнѣнно, въ насмѣшку, ходъ судебнаго разбирательства былъ такъ подстроенъ, что Березовскаго какъ будто бы хотѣли приговорить къ особой наградѣ за это дѣло; оно ему было поставлено почти въ заслугу; обвиняемымъ чуть ли не явился нашъ государь, а Наполеонъ, конечно, былъ и безсиленъ противъ этого и слишкомъ равнодушенъ вообще ко всему, что, съ какой бы то ни было стороны, касалось хотя бы такого его гостя.

Всѣмъ памятны рѣчи Араго, Флоке и другихъ рисовавшихся въ этомъ процессѣ своими крайними убѣжденіями и безумно бравировавшихъ всѣмъ тѣмъ, что было всегда дорого для христіанина, а также для людей разума и чести.

Не въ одной изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ того времени было сообщено, что, къ прискорбному удивленію, и государственный генеральный прокуроръ де-Марна, обвинявшій Березовскаго въ судѣ, скорѣй вторилъ защитникамъ, чѣмъ исполнялъ свой святой долгъ безпристрастнаго обвинителя.

Защитникъ Березовскаго Араго, какъ бы возражая людямъ, пытавшимся признать дѣяніе этого безумца преступнымъ, прямо съ наглостью говорилъ, что онъ ни одной секунды не считаетъ себя въ правѣ думать о какихъ-то смягчающихъ вину обстоятельствахъ или надѣяться на нихъ: «вины нѣтъ, я ея не вижу; въ дѣйствіяхъ Березовскаго,—этого патріота Польши,—нѣтъ ничего такого, что даже можно было бы смягчать, а потому я, какъ защитникъ, требую полнаго оправданія,—не говорю и не нахожу нужнымъ сказать—виновнаго, нѣтъ, не виновнаго, а просто моего кліента, случайно, по какому-то произволу, попавшаго въ обвиняемые. Не знаю, доколѣ еще во Франціи будутъ возможны и терпимы эти и подобныя насмѣшки надъ людьми!..» воскликнулъ съ паѳосомъ этотъ слуга сплошного беззаконія. Печать, почти сплошь вся, вторила этому, она не видѣла преступленія въ дѣйствіяхъ полячка, записавшагося въ спасители «ойчизны». Присяжные, также не признававшіе слишкомъ криминальнымъ поступокъ его, не рѣшились, однако, высказать то, что Араго имъ старательно внушалъ,—они все-таки, съ нѣкоторымъ намекомъ на участіе въ этомъ дѣлѣ совѣсти, въ окончательномъ словѣ признали смягчающія вину обстоятельства, значитъ, нашли эту вину.

Араго много потомъ писалъ объ этомъ, изливая желчь и извергая ругательства на этихъ, по его словамъ, тупоумныхъ присяжныхъ.

Тогда же многіе вспоминали, что за девять лѣтъ передъ тѣмъ знаменитый Жюль Фавръ [1]), такой же, въ сущности, республиканецъ-адвокатъ, какъ и Араго, защищая извѣстнаго Орсини, бросившаго въ 1858 году бомбу подъ экипажъ Наполеона, взялъ такую середину въ дѣлѣ защиты, что вся тогдашняя печать признала его слова за «простой пріемъ, стремившійся увеличить витіеватость адвокатской рѣчи»; онъ упомянулъ въ ней, что его кліенту надлежитъ рядомъ съ эшафотомъ поставить навѣки его статую, т.-е. воздвигнуть памятникъ. Памятника этому Орсини рядомъ съ эшафотомъ не воздвигли, а то обстоятельство, что эшафотъ былъ поставленъ, дало каждому право сказать, что адвокатъ, какъ бы то ни было, высказался, въ согласіи съ прокуроромъ, за смертную казнь, которая и постигла этого преступника.

Нѣкоторыя газеты живо припомнили этотъ случай и, комментируя его въ дни горячихъ разговоровъ о дѣлѣ Березовскаго, отважились высказать, что, выстрѣливъ въ царя, онъ явился преступникомъ, заслужившимъ высшую кару по закону. Къ этому, однако, какъ бы сговорившись, всѣ онѣ спѣшили добавлять массу фразъ, разсужденій и оговорокъ о томъ, что во всякомъ случаѣ законы Франціи не позволяютъ за такое преступленіе примѣнять кару, которая подходила бы подъ понятіе о высшей мѣрѣ наказаній вообще. Все это продѣлывалось чисто въ духѣ французовъ: съ тою отмѣнною, изворотливою фальшью, которую въ этой славной націи всѣ ненавидятъ.

Одна лишь газета «Pays» однажды попробовала смѣло высказать совершенно прямой взглядъ на это дѣло, заклеймивъ продѣлку безумца; но ее заставили замолчать и много тяжелаго она перенесла отъ тѣхъ самыхъ властей, которыя должны были бы благородно стоять на стражѣ въ такое время общей распущенности.

Многія изъ газетъ, стоявшихъ на томъ, что законъ не позволяетъ къ дѣянію Березовскаго примѣнить высшую кару, ядовито добавляли: «къ сожалѣнію».

---

[1]) Тотъ самый Жюль Фавръ, который послѣ Седана явился въ германскую главную квартиру уполномоченнымъ уже отъ правительства установившейся наканунѣ республики для переговоровъ объ условіяхъ мира и пережившій всю жестокость предложеній побѣдителя въ лицѣ безжалостнѣйшаго Бисмарка. Разсказывали, что настойчивостью желѣзнаго канцлера и насмѣшливостью его тона было со стороны Жюль Фавра вызвано замѣчаніе, произнесенное сквозь горькія слезы: «Вы болѣе жестоки, чѣмъ былъ въ свое время жестокъ членъ конвента Жозефъ Лебонъ...» На это Бисмаркъ будто бы съ презрительностью въ тонѣ отвѣтилъ: «Я вашихъ членовъ конвента не знаю, не зналъ и знать не хочу; время не ждетъ, будемъ говорить о дѣлѣ, или разойдемся».

Упомянутый членъ конвента, терроризируя Аррасъ, главный городъ департамента Па-де-Калэ на сѣверѣ Франціи въ Нормандіи, отправлялъ на эшафотъ безъ разбора всѣхъ, кто ему попадался подъ руку, и дошелъ въ своемъ звѣрствѣ до того, что, получивъ доносъ о нахожденіи въ одномъ семействѣ того города попугая, который выкрикивалъ слова: «vive le roi»,—велѣлъ казнить всю семью и непремѣнно вмѣстѣ съ преступной птицей. **Авт.**

Всѣ онѣ, во всякомъ случаѣ, дозволили себѣ передержку и умышленную подтасовку: не могли же всѣ онѣ забыть о томъ, что за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ былъ казненъ покушавшійся на жизнь Наполеона итальянецъ Піанори (1855 г.); очевидно, помнили онѣ и приведенный ими же по поводу воспоминанія о рѣчи Жюля Фавра фактъ казни тоже итальянца—Орсини (1858 г.).

«Законы съ тѣхъ поръ не были измѣнены», напомнила тогда нѣсколько разъ газета «Pays».

Надо помнить, что большая часть статей, появлявшихся тогда во французской печати, предназначалась, съ одной стороны, для назиданія нашей отечественной печати, единодушно ополчившейся, а съ другой—для поднесенія пріятнаго букета правительству Наполеона, котораго власть въ тотъ годъ поднялась на зенитъ, какъ бы собираясь съ силами къ 1870 году для совершенія болѣе эффектнаго спуска, т.-е. попросту позорнаго паденія...

Не только интересно, но и поучительно вспомнить исторію закона, на который такъ робко ссылалась часть печати. Эта исторія должна до нѣкоторой степени выяснить, какимъ образомъ газеты могли найти себѣ лазейку для обхода здравости взгляда на все это дѣло,—печальное само по себѣ и ставшее рѣшительно прискорбнымъ въ виду проявленнаго всѣми слоями общества Франціи стремленія «отвернуться отъ добрыхъ указаній совѣсти».

Вотъ краткое изложеніе этой исторіи.

Послѣ революціи 1789 года, при введеніи во Франціи въ 1791 году конституціи, въ законѣ было отмѣнено особое дѣлопроизводство по дѣламъ о преступленіяхъ противъ особы государя [1]) и уничтожена исключительность наказаній за такія преступленія. Въ 1810 году Наполеонъ I возстановилъ полностью прежніе законы на этотъ счетъ, поставивъ, однако, тѣ преступленія наравнѣ съ отцеубійствомъ. Правительство Людовика-Филиппа въ 1832 году приравняло цареубійство къ обыкновеннымъ убійствамъ.

Наполеонъ III, тотчасъ по укрѣпленіи своей власти, попытался въ 1853 году возстановить все установленное на этотъ счетъ его дядей; но законодательное собраніе отвергло правительственное предложеніе объ этомъ. Не взирая на то, правительство тотчасъ же «велѣло» судамъ «ввести въ практику дѣйствій своихъ часть распоряженій 1810 года и признавать покушеніе на убійство государя равносильнымъ отцеубійству.

Покорный Наполеону III судъ безпрекословно подчинился этому велѣнію. И вотъ два покушенія на жизнь императора Наполеона,—въ 1855 году покушеніе итальянца Піанори, который,

[1]) Или вообще главы государства.

въ исходѣ суда надъ нимъ, оказался графомъ Винерани, и въ 1858 году итальянца же Орсини,—кончаются смертною казнью обоихъ преступниковъ.

Раздавались во Франціи смѣлые, хотя и одинокіе голоса, поучавшіе тому, что съ одинаковымъ правомъ можно было бы примѣнить это наказаніе къ русскому поляку, какъ и къ тѣмъ итальянцамъ-пьемонтцамъ; разницы не было, хотя полякъ стрѣлялъ во Франціи въ чужого для нея государя —однако въ своего...

Но безумцы, а главное люди безсовѣстные, не придерживались того, чтобы эти разсужденія оспаривать или опровергать,—они просто, забывъ честь, кричали и повторяли, что покушеніе именно на жизнь русскаго императора не есть преступленіе.

Въ то время одинъ считавшійся и считающійся крайне достойнымъ высокаго уваженія человѣкъ, «гражданинъ французской республики», эмигрантъ, замѣтилъ изъ своего изгнанія, что такое беззаконіе, какое было учинено надъ Орсини и надъ Піанори-Винерани, скорѣе могло бы найти—не снисхожденіе, нѣтъ, но нѣкоторое объясненіе «безправности права» для примѣненія къ дѣянію русскаго подданнаго Березовскаго, стрѣлявшаго во Франціи, во-первыхъ, въ своего законнаго государя, во-вторыхъ, въ почетнаго гостя Франціи и, въ-третьихъ, въ царя великой души—Освободителя; тогда какъ оба итальянца стрѣляли въ нашей странѣ въ чужого имъ государя, а для самой страны нашей незаконнаго, узурпировавшаго власть и основавшаго въ 1851 году какъ эту власть, такъ и всю силу свою на фундаментѣ, обильно—вслѣдствіе переданныхъ черезъ Сентъ-Арно [1]) его велѣній,—пропитанномъ кровью честныхъ сыновъ нашего отечества.

Съ начала семидесятыхъ годовъ въ теченіе почти десяти лѣтъ у насъ въ Россіи пребывалъ въ качествѣ военнаго агента Французской республики полковникъ Гальяръ, очень сжившійся съ нашимъ отечествомъ и отъ всей души его полюбившій. Однажды, во время войны за освобожденіе Болгаріи, случилось мнѣ, по порученію главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго, выѣхать изъ главной квартиры, находившейся въ Горномъ Студнѣ,—на Плевну, изъ-за которой тогда началась усиленная

---

[1]) Маршалъ Сентъ-Арно—тотъ самый, который не далѣе, какъ черезъ два года послѣ вѣроломнаго подвига 2-го декабря 1851 года былъ назначенъ главнокомандующимъ французской арміи, дѣйствовавшей противъ насъ въ Крыму; тамъ онъ вскорѣ и умеръ. Въ 1851 году онъ занималъ постъ начальника парижскаго гарнизона и въ ночь на второе декабря дѣйствовалъ крайнѣ энергично, какъ противъ революціонеровъ, укрѣпившихся на баррикадахъ, такъ и противъ членовъ національнаго собранія при роспускѣ и арестованіи ихъ. Наполеонъ III считалъ его своимъ «благодѣтелемъ», вынесшимъ на своихъ плечахъ весь переворотъ и помогшимъ ему провозгласить Францію имперіей, а себя императоромъ. **Авт.**

борьба между сосредоточивавшейся въ ту пору у этого пункта арміей Османа-паши и нашимъ девятымъ корпусомъ, состоявшимъ подъ командой генералъ-лейтенанта Криденера. Къ нему я, какъ ординарецъ главнокомандующаго, и былъ командированъ [1]).

Только что я успѣлъ проѣхать пять-шесть верстъ,—меня нагналъ ѣхавшій въ коляскѣ Гальяръ.

— Какъ я радъ, что мнѣ удалось догнать васъ,—сказалъ онъ любезно:—услышавъ, что вы выѣхали, я поторопился за вами.— Теперь у меня большая просьба къ вамъ,—если бы вы были добры обождать нѣсколько минутъ, пока подойдутъ мои верховыя лошади, я пересяду на коня и тогда буду вамъ спутникомъ въ болѣе пріятномъ путешествіи—верховомъ; погода чудная,—восторгался французъ,—можно, ею наслаждаясь, наговориться вдоволь.

Я съ большимъ удовольствіемъ согласился обождать, сошелъ съ коня, и мы, въ ожиданіи конвоя и лошадей полковника, пошли пѣшкомъ, а затѣмъ стали скоро продолжать свой путь на коняхъ.

Разговорившись въ пути и бесѣдуя о нашемъ государѣ, котораго Гальяръ обожалъ, мы затронули время и обстоятельства пребыванія его въ Парижѣ въ 1867 году; цѣлый десятокъ лѣтъ отдѣлялъ насъ отъ того года. Мало-по-малу я разсказалъ многое изъ того, что здѣсь изложено; не успѣлъ я окончить разсказъ объ отзывѣ «гражданина-республиканца», какъ симпатичный «colonel» приподнялся на стремена и съ крайнею живостью произнесъ:

— Mais oui, oui, justement; c'était bien Victor Hugo qui l'a dit; et ces paroles de notre grand homme,— ne sont elles pas la verité même?...[2]).

Глубже вдумываясь въ это сообщеніе, не приходится ли давать этимъ словамъ большее и большее значеніе при воспоминаніи о томъ, что произнесъ ихъ старецъ-поэтъ, не столько осуждавшій

---

[1]) Именно во время этой командировки мнѣ довелось, временно состоя при генералѣ Криденерѣ, участвовать въ большомъ сраженіи, которое тогда въ дѣйствующей арміи получило оставшееся за нимъ названіе «вторая Плевна» (18-го іюля).

Тогда при генералѣ Криденерѣ состояли, между прочимъ, свиты его величества генералъ-майоры свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій и графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ. Предвидя по ходу дѣлъ или, быть можетъ, получивъ въ главной квартирѣ свѣдѣнія о томъ, что сраженіе это должно было состояться,—ко дню его съѣхались въ корпусъ генерала Криденера почти всѣ состоявшіе при главной квартирѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго иностранные военные агенты; такъ, во время хода этого боя съ нами находились: французскій агентъ полковникъ Гальяръ, прусскіе подполковникъ графъ Ведель и майоръ Вельомъ, австрійскій подполковникъ фонъ-Болла, румынскій генералъ Зефкаръ, черногорскій воевода Станко Радовичъ, японскій Ямазава, къ вечеру того дня прибылъ и засталъ конечные эпизоды боя претендентъ на испанскій престолъ инфантъ донъ-Карлосъ. **Авт.**

[2]) Да, да, именно; Викторъ Гюго сказалъ это; и эти слова нашего великаго человѣка—не являются ли они самóю правдою?..

примѣненіе смертной казни, сколько отвергавшій право людей произвольно отнимать, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, жизнь у подобныхъ себѣ; онъ отвергалъ то, что съ такою наглостью уже давно присвоили себѣ террористы.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить о томъ, что слышалъ Джуліани въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ ему приходилось вращаться въ Парижѣ, и о чемъ онъ не разъ разсказывалъ среди своихъ знакомыхъ и товарищей по поводу адреса, поданнаго проживавшими въ Парижѣ поляками.

Лечившій Кузьминскаго докторъ, восторгаясь съ искренностью простого человѣка поступкомъ поляковъ, подписавшихся подъ адресомъ, и восхваляя ихъ благородство, перечислялъ ихъ по фамиліямъ, которыя онъ могъ, нѣсколько коверкая и переиначивая, позаимствовать и изъ газетъ и изъ устной передачи молвы, ходившей тогда въ Парижѣ. Почти всѣ эти фамиліи были переданы также въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ.

Находилось, однако, въ столицѣ Франціи не мало лицъ, которыя, вслѣдствіе своей освѣдомленности, имѣли на это дѣло совершенно иной взглядъ. Джуліани, по версіямъ, слышаннымъ имъ тогда, былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что, во-первыхъ, адресъ, поданный Наполеону, имѣлъ въ виду обезпеченіе подписавшихъ его лицъ отъ какихъ бы то ни было обвиненій на случай возникновенія таковыхъ въ посягательствѣ Березовскаго на Наполеона и въ солидарности тѣхъ лицъ съ этимъ безумцемъ. Составителямъ адреса хотѣлось лишь подладиться подъ тонъ того, будто бы они осуждаютъ покушеніе на жизнь нашего государя; поэтому адресъ былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ, будто бы онъ имѣлъ въ виду выставить овладѣвшее подавшими его чувство возмущенія по поводу покушенія, котораго цѣль выяснилась изъ показаній Березовскаго при слѣдствіи, т.-е. покушенія на жизнь царя. Въ адресѣ это было не досказано, но могло быть такъ понято; конечно, двусмысленностью большинство вводилось въ обманъ, а потому видѣло и признавало въ томъ адресѣ порицаніе именно этого покушенія; во-вторыхъ, весь адресъ, отъ начала до конца, представлялся іезуитскимъ, смѣшливаго характера, измышленіемъ и наивно было бы въ немъ искать хоть каплю искренности, такъ какъ о трехъ изъ числа лицъ, подписавшихъ его, объ Рупрехтѣ, Кисенловскомъ и Получисскомъ, было извѣстно всѣмъ и каждому, что они издавна принадлежали къ составившемуся въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Швейцаріи, имѣвшему массу приверженцевъ въ Италіи и во Франціи «обществу изведенія коронованныхъ особъ» (въ Женевѣ, въ Цюрихѣ, въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Парижѣ, въ Страсбургѣ, въ Ліонѣ и т. д.).

Всѣмъ памятны вышедшія вскорѣ послѣ покушенія Березовскаго, воззванія извѣстнаго французскаго эмигранта-революціонера Феликса Піа (Pyat), который въ Лондонѣ, въ воспоминаніе славныхъ дней 1848 года, между прочимъ, поставилъ и объявилъ Наполеона III внѣ закона, «предоставивъ каждому право лишить его жизни».

Тогда же газета «Pays», которая, какъ сказано выше, одна рѣшилась обратиться къ императору Александру, гостю Франціи, съ теплыми, симпатичными словами, если не оправданія всего того, что происходило тогда въ Парижѣ, то нѣкотораго смягченія,—эта газета съ ужасомъ привела по поводу сообщеній о воззваніи Феликса Піа извѣстія о воззваніяхъ другихъ демагоговъ; они восхваляли Каракозова, Орсини, Березовскаго, Зифелоге [1]), Любени [2]), Піанори [3]), Белламоре [4]), Беккера [5]), а также убійцъ сербскаго князя Михаила Обреновича въ саду топчидерскаго дворца, и при всемъ этомъ разстрѣлъ императора Максимиліана они выставили, какъ особый, высокій подвигъ мексиканскаго президента Хуареса, зачтя ему его въ громадную заслугу.

Если Феликса Піа и другихъ авторовъ этихъ «оцѣнокъ» считали дѣятельными членами «общества изведенія коронованныхъ особъ», а Рупрехтъ стоялъ съ ними въ однихъ рядахъ, то какое же значеніе могла имѣть его подпись подъ адресомъ, о которомъ идетъ рѣчь!

Присутствовавшіе на первоначальномъ слѣдствіи министры Руэръ и Барошъ поразились, увидѣвъ между прочей перепиской, найденной у Березовскаго во время обыска, записку, въ которой кто-то его увѣдомляетъ, что въ 1865 году на конгрессѣ въ Дрезденѣ созрѣло рѣшеніе отправить въ три страны убійцъ и поручить имъ убійство коронованныхъ правителей тѣхъ странъ.

Въ какія государства были назначены тѣ наемники, а также кто авторъ той записки,—осталось не выясненнымъ; предсѣдательствовалъ на дрезденскомъ конгрессѣ князь Сапѣга, по всѣмъ даннымъ тотъ самый, который проживалъ въ Парижѣ и, въ числѣ другихъ польскихъ аристократовъ, выѣхалъ изъ этого города чуть ли не наканунѣ прибытія туда нашего государя.

Кромѣ разныхъ записокъ и рукописей, у Березовскаго были подвергнуты выемкѣ нѣсколько книгъ, дававшихъ цѣлое ученіе

---

[1]) Баварецъ артиллеристъ, ранившій въ Берлинѣ короля Фридриха-Вильгельма IV въ правую руку выстрѣломъ изъ пистолета въ 1857 году.

[2]) Венгерецъ, ранившій въ 1853 году въ Прессбургѣ австрійскаго императора Франца-Іосифа въ шею.

[3]) Въ 1855 году въ апрѣлѣ на Монмартрѣ далъ два выстрѣла въ Наполеона III.

[4]) Въ томъ же году 8-го сентября выстрѣлилъ въ Наполеона III.

[5]) Выстрѣлилъ два раза изъ ружья въ только что вступившаго на престолъ короля Вильгельма I, при чемъ король былъ легко раненъ въ затылокъ (въ Баденъ-Баденѣ 1861 года).

о цареубійствѣ. Такимъ образомъ, господа министры знали объ этомъ обстоятельствѣ, но ни они, ни слѣдователи, ни судьи не дали значенія ему, хотя, казалось бы, оно могло съ достаточною опредѣленностью выяснить, какое участіе въ дѣлѣ направленія полуголоднаго, полоумнаго мальчика-неврастеника на гнусное преступленіе принимали тѣ, отъ кого онъ получилъ эти изданія, судя по виду и по содержанію, стоившія не дешево; на деньги, полученныя отъ заклада рванаго пальто, Березовскій не могъ ихъ купить; бѣдные родители также не имѣли возможности ему ихъ подарить; очевидно, вручилъ ему ихъ кто-то во всемірной столицѣ при окончательной отполировкѣ этого юноши-идіота, жаждавшаго сдѣлаться спасителемъ отечества и искавшаго возможности этого спасенія въ покушеніи на жизнь монарха, у котораго одинъ за другимъ назрѣвали рыцарскіе планы самыхъ разнообразныхъ освобожденій.

Одного не могли взять себѣ въ толкъ и не взяли эти «добрые люди», занявшіеся обработкой своего несчастнаго земляка,—что, желая навредить Россіи и стремясь принести ей самое большое горе и несчастье — лишить ее благороднѣйшаго царя, — они вредили гораздо больше и, конечно, больше всего,— своей «отчизнѣ», которая, по свойственной сынамъ ея фальши, съ фальшью понимала и свои пользы и пользы великой братской державы, своей сосѣдки, уже имѣвшей громадное несчастье въ томъ, что она получила во владѣніе «крулевство», вѣчно мутившее Россію и вѣчно тѣмъ самымъ въ конецъ портившее больше всего свою же собственную исторію.

Джуліани, приводя свои полныя интереса воспоминанія о малѣйшихъ подробностяхъ пребыванія государя въ Парижѣ, между прочимъ, разсказывалъ о томъ, какъ его величество отнесся къ Канроберу, которому, благодаря занимавшемуся имъ высокому посту—начальника парижскаго гарнизона,—счастливый случай далъ возможность приблизиться къ «великодушнѣйшему монарху», какъ самъ Канроберъ называлъ государя.

Услышавъ предложеніе маршала сопровождать его величество при осмотрѣ казармъ и другихъ учрежденій, государь принялъ это предложеніе; оно ему показалось простымъ, безхитростнымъ и искреннимъ, и онъ остался имъ «въ полной мѣрѣ» довольнымъ. Во время производства осмотра государь былъ крайне любезенъ съ маршаломъ, а по окончаніи осмотра сказалъ ему:

— Я очень благодаренъ вамъ за то, что вы—военный хозяинъ Парижа, какъ начальникъ его гарнизона,—сочли возможнымъ занять меня на цѣлый день осмотромъ въ высшей степени интересныхъ статей подвѣдомственной вамъ части; съ истиннымъ удивленіемъ осмотрѣвъ все, благодарю васъ за то, что вы не задумались пожертвовать мнѣ свое время; я очень заинтересовался всѣмъ видѣннымъ;

искренно сожалѣю, что въ настоящую минуту мое истинное наслажденіе окончилось и что я долженъ разстаться съ такимъ дорогимъ спутникомъ, какимъ вы сумѣли сдѣлаться для меня!»

Старый воинъ былъ крайне тронутъ этой любезностью государя, и, низко поклонившись, сказалъ:

— Ваше величество, изъ моей благодарной памяти никогда не изгладится этотъ счастливый день высокомилостивой ласки вашей ко мнѣ и ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя вы осчастливили своимъ посѣщеніемъ; позвольте мнѣ засвидѣтельствовать то, что я глубоко чувствую своимъ тронутымъ сердцемъ: на всю жизнь я останусь почтительнѣйше преданнымъ и приверженнымъ вамъ слугою....

— А я только что сейчасъ подумалъ и приготовился сказать вамъ, что я никогда этого всего не забуду и что мы навсегда останемся друзьями,—почти перебилъ государь слова старика-маршала.

Канроберъ [1]) былъ на девять лѣтъ старше государя, но на видъ онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ и разницу въ ихъ годахъ можно было признать лѣтъ въ двадцать.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого эпизода, въ 1878 году, мнѣ случилось, по волѣ государя Александра Николаевича, находиться на маневрахъ во Франціи. Прибывъ въ Везуль—главный городъ департамента Верхней Соны (Haute Saone), мы, иностранные офицеры, послѣ представленія командиру корпуса герцогу Омальскому, пожелали представиться прибывшему туда на маневры по приглашенію герцога маршалу Канроберу. Старика это очень тронуло; выйдя къ намъ въ садъ герцогскаго дома въ старенькомъ, заношенномъ мундирѣ и въ запыленной маршальской шляпѣ, какъ будто прямо изъ траншей, онъ былъ со всѣми нами въ высшей

[1]) Франсуа-де-Канроберъ—маршалъ имперіи Наполеона III; это былъ очень способный и храбрый боевой генералъ; практической школой для него, какъ и для многихъ видныхъ французскихъ генераловъ тѣхъ временъ, служилъ Алжиръ. Случается слышать, что этотъ маршалъ во время Крымской войны былъ главнокомандующимъ французской, дѣйствовавшей противъ насъ арміи; на самомъ дѣлѣ онъ лишь временно принялъ командованіе арміей по случаю смерти главнокомандующаго Сентъ-Арно; по пріѣздѣ же новаго начальника арміи Пелиссье сдалъ ему должность и остался попрежнему командиромъ 3-го корпуса; какъ при Сентъ-Арно, такъ и при Пелиссье на Канробера было возложено выполненіе въ деталяхъ дѣла осады Севастополя.

Всей французской арміи извѣстенъ воспроизведенный тогда въ средѣ иностранныхъ офицеровъ прусскимъ артиллерійскимъ капитаномъ фонъ-Генцгофомъ разсказъ объ этомъ маршалѣ. Однажды, во время обхода имъ рядовъ арміи, одинъ кавалерійскій солдатъ, приставивъ ему двуствольный пистолетъ почти въ упоръ, спустилъ курокъ. «Ну, дальше», остановился и произнесъ Канроберъ, услышавъ осѣчку. Когда раздался звукъ второй осѣчки, онъ сказалъ: «Судъ, въ свое время, скажетъ рѣшеніе, а пока за неисправность оружія выдержать этого бездѣльника недѣлю на хлѣбѣ и водѣ въ темномъ подвалѣ». Авт.

степени любезенъ и произвелъ на всѣхъ, не исключая и пруссаковъ, очень хорошее впечатлѣніе.

Въ тотъ годъ пруссаки были въ первый разъ послѣ войны 1870 года приглашены во Францію для присутствованія на маневрахъ; этотъ тактичный, вполнѣ оцѣненный и императоромъ Вильгельмомъ и германской арміей шагъ былъ предпринятъ по твердому настоянію тогдашняго президента республики маршала Макъ-Магона, герцога Маджентскаго, который на своемъ посту замѣстилъ, какъ извѣстно, Тьера.

Обходя во время нашего представленія въ Везулѣ офицеровъ всѣхъ армій, Канроберъ подошелъ особо ко мнѣ и сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно пожать руку молодому представителю арміи всѣмъ сердцемъ глубокопочитаемаго мною императора всероссійскаго; я ни на минуту не забываю и никогда не забуду того высокомилостиваго отношенія, которое его величеству, великодушнѣйшему монарху, угодно было проявить по моему адресу уже болѣе десятка лѣтъ тому назадъ, когда государь, какъ гость покойнаго императора Наполеона, осчастливилъ Парижъ своимъ въ немъ пребываніемъ; не буду вспоминать, какъ болѣзненно отозвалось въ сердцѣ всѣхъ благородныхъ людей ужасное преступленіе, которымъ для парижанъ было отравлено пребываніе у нихъ высокопочитаемаго гостя, царя-Освободителя!

Затѣмъ маршалъ отъ слова до слова воспроизвелъ приведенный выше со словъ Джуліани разсказъ объ эпизодѣ, столь тронувшемъ и осчастливившемъ его, маршала,—лично.

Когда, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, мнѣ довелось доложить объ этомъ государю, его величество, милостиво выслушавъ, задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, а затѣмъ сказалъ относительно Канробера:

— Достойный человѣкъ, честный, умный старикъ и, главное, въ полной мѣрѣ скромный; я такъ и буду всегда къ нему относиться неизмѣнно дружески. Кромѣ того, что онъ доставилъ мнѣ много хорошихъ минутъ при осмотрѣ мною показанныхъ имъ мнѣ учрежденій, онъ много порадовалъ меня тѣмъ, что не забылъ моего больного, тяжело раненаго героя взятія Джизака—Кузьминскаго; по моемъ отъѣздѣ изъ Парижа онъ нѣсколько разъ навѣстилъ его; это, съ его стороны, высокоблагородный поступокъ.

— Ты помнишь ли Кузьминскаго?—спросилъ затѣмъ государь и, на мой утвердительный отвѣтъ, немного помолчавъ, добавилъ съ большой печалью въ голосѣ и въ выраженіи лица:—Очень грустно кончилъ бѣдняга свою жизнь уже въ Молдавіи въ прошедшемъ году, во время моего проѣзда черезъ Яссы въ Плоэшты [1]).

При этомъ государь набожно перекрестился.

---

[1]) См. дальше, гл. VIII.

По должности префекта Сенскаго департамента, къ которому принадлежитъ Парижъ, государя сопровождалъ при осмотрѣ больницъ баронъ Георгъ Гаусманъ. Должность эту онъ занималъ съ 1853 по 1870 годъ. Во время управленія этимъ департаментомъ онъ энергично занимался перестройкой города Парижа по планамъ и непосредственнымъ указаніямъ Наполеона; всю древнюю часть города, съ узкими улицами и проулками, они, какъ бы по волшебству, обратили въ роскошную столицу съ широкими, длинными, прямыми улицами, авеню, бульварами, обширными площадями; несомнѣнно, съ точки зрѣнія навѣщающаго эту столицу обывателя это было прекрасно; самый пріѣздъ въ нее и простое краткое обозрѣніе ея доставляетъ громадное удовольствіе и наслажденіе. Но сколькихъ небогатыхъ домовладѣльцевъ эта перестройка разорила и пустила по міру; Наполеонъ, а по его волѣ и Гаусманъ, руководились, повидимому, тѣмъ и придерживались того, что «гдѣ рубятъ, тамъ и щепки летятъ». Между прочимъ городское хозяйство приведено было этими милліардными перестройками въ полное разореніе; городъ былъ втянутъ въ баснословные, рѣшительно неоплатные долги.

По нѣкоторымъ даннымъ, Гаусманъ происходилъ изъ нѣмецкой семьи, процвѣтавшей въ эльзасъ-лотарингскихъ провинціяхъ; это былъ офранцузившійся нѣмецъ, фамилію котораго французы произносили Османъ (Haussmann); названный въ честь его большой бульваръ, идущій отъ Большой оперы къ Тріумфальной аркѣ, такъ до сихъ поръ и величается «Бульваръ Османъ» [1]).

Парижъ, доставшійся весной 1871 года на разграбленіе коммунаровъ, безъ сомнѣнія, былъ ими «доразоренъ»; они разрушили безъ разбора и часть случайныхъ остатковъ древняго «темнаго» города и многое изъ построеннаго Гаусманомъ. Когда, по усмиреніи коммуны, пришлось все приводить въ порядокъ, этотъ дѣлецъ, уже не состоявшій въ должности префекта, былъ, какъ извѣстно, уполномоченъ оказать своимъ громаднымъ опытомъ содѣйствіе «достройкѣ» всемірной столицы: правительство третьей республики, съ президентомъ Тьеромъ во главѣ, оказало ему столько довѣрія, что рѣшилось привлечь его къ участію въ производствѣ необходимыхъ работъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ теченіе этого времени сумѣлъ пристроиться къ службѣ по кредитнобанковой части, явившейся чувствительно необходимою въ ту именно пору—изысканія возможности скорѣйшей уплаты чудовищнаго бисмарковскаго пятимилліарднаго штрафа, наложеннаго «за слишкомъ смѣлые шаги Наполеона и его клевретовъ въ дѣлѣ вызова войны и за робость, проявленную этими авантюристами въ дѣлѣ веденія той войны».

---

[1]) Перестройка города не была закончена къ моменту начала войны 1870 года.

Впослѣдствіи Гаусманъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ попадалъ въ палату депутатовъ; многіе объясняли это тѣмъ, что, давая массѣ народа громадные заработки по перестройкѣ города, онъ являлся благодѣтелемъ неимущаго класса и такимъ образомъ привлекалъ большое расположеніе лично къ себѣ, а также преданность къ проходимцу Наполеону. Выставляя цѣлью производства этихъ работъ всевозможныя удобства населенія столицы, а отчасти и доставляя такія удобства (хорошая вода, ширь движенія по улицамъ, улучшенный воздухъ), въ сущности Наполеонъ и Гаусманъ, главнымъ образомъ, достигали при этомъ того, что держали въ рукахъ успокоенное населеніе, такъ какъ сотни тысячъ ремесленниковъ и поденщиковъ, обезпеченные заработкомъ, почти два десятка лѣтъ кричали «vive l'Empereur», и смута имъ не лѣзла въ голову; кстати, большія, прямыя, широкія улицы, авеню, проспекты затрудняли возможность хода уличныхъ возстаній, которымъ всегда помогаетъ тѣснота и загроможденность. Несомнѣнно, проведеніемъ хорошей воды и освѣженіемъ воздуха былъ сильно пониженъ процентъ смертности въ городѣ.

Вотъ почему избраніе депутатомъ явилось для Гаусмана вознагражденіемъ послѣ паденія имперіи; а въ какой степени много оставалось сторонниковъ у нея,—это многіе усматривали въ томъ, что въ депутаты Гаусманъ при республикѣ попадалъ по избирательному округу бонапартистовъ,—по городу Аяччіо на островѣ Корсикѣ. Этимъ, въ нѣкоторой степени, подтверждались слухи, ходившіе насчетъ того, что Гаусманъ вообще издавна пристроился къ семьѣ Бонапартовъ и ихъ средствами прокармливался; это дало ему случай особо прислужиться Наполеону III 2-го декабря 1851 года. Немало остатковъ силы низвергнутаго императора многіе видѣли въ томъ, что съ первыхъ же дней водворенія республики изъ года въ годъ по его «лейбъ-округу» избирался нѣсколько лѣтъ угодный ему прислужникъ—уроженецъ Лотарингіи.

Когда маршалъ Макъ-Магонъ, послѣ итальянской войны 1859 года, за одержанную побѣду былъ возведенъ въ герцоги [1]) (duc), нѣкоторые балагуры, очевидно, изъ его завистниковъ, говорили при дворѣ, что скорѣй слѣдовало дать этотъ высокій титулъ Гаусману.

— За что?—спросилъ самъ Гаусманъ.

— За украшенія и преобразованія всемірной столицы.

— Какимъ же герцогомъ вы меня прочили бы сдѣлать?

— Парижскимъ.

— Нѣтъ, Парижъ не герцогство, а лишь графство; вы знаете, что уже имѣется принцъ крови, которому присвоенъ титулъ графа Парижскаго...

---

[1]) Онъ, какъ извѣстно, получилъ титулъ герцога Маджентскаго за побѣду, одержанную при Маджентѣ.

— Ну, все равно, васъ можно сдѣлать герцогомъ Булонскимъ или Венсенскимъ, или, наконецъ, еще болѣе по достоинству—«герцогомъ Дюисскимъ».

Дюиссъ—названіе небольшой, но крайне быстрой рѣчонки, протекающей въ окрестностяхъ Парижа; изъ нея Гаусманъ снабдилъ водой бѣднѣйшія части города; эта вода, будучи взята изъ самыхъ холодныхъ ключей рѣки Дюисса, была самою чистою и здоровою для питья.

Вспоминая объ этой своей заслугѣ, Гаусманъ говорилъ:

— Если искать награды за Дюиссъ, то мнѣ мало одного титула герцога (duc).

— Чего же вы хотите еще,—князя, что ли?

— Нѣтъ, я объ этомъ не помышляю, а горю нетерпѣніемъ скорѣй получить aqueduc (водопроводъ).

Наполеону эта шутка показалась очень находчивою и остроумною; онъ много смѣялся; кромѣ того, онъ изъ нея заключилъ, будто Гаусманъ, не думая о себѣ и о своихъ благахъ, помышляетъ лишь о нуждахъ общественныхъ и о благосостояніи города; поэтому, обратившись къ нему, онъ сказалъ:

— При всей похвальности вашихъ заботъ о городѣ, я не могу вамъ предоставить придуманной вами награды, не могу дать вамъ титулъ акведука; съ вашимъ умѣньемъ, несомнѣнно, вы его доставите Парижу, я же вамъ придумалъ другое: отнынѣ пусть самый большой бульваръ, идущій отъ Оперы до Тріумфальной арки, носитъ ваше имя на память.

Вотъ какъ объясняютъ парижане происхожденіе этого названія, оставшагося за бульваромъ и понынѣ, и, повидимому, закрѣпленнаго за нимъ навсегда, несмотря на то, что были моменты, когда злоба, кипѣвшая въ націи противъ Евгеніи и Наполеона, не въ меньшей степени изливалась противъ ихъ слуги—Гаусмана (Османа) [1]).

Императоръ Александръ II, повидавъ нѣсколько разъ Гаусмана, при спеціальныхъ представленіяхъ и аудіенціяхъ, а также при осмотрѣ больницъ, когда съ нимъ, какъ съ гражданскимъ хозяиномъ города, приходилось вести бесѣды, высказалъ впослѣдствіи о немъ такое заключеніе: энергіей онъ кипитъ, человѣкъ способный и распорядительный; при этомъ ясно видно, что въ его жилахъ течетъ много семитской крови.

Дѣйствительно, можно было про него прямо сказать, что во всемъ его существѣ было видно много не только еврейскаго, но и

---

[1]) Французы, какъ извѣстно, не могутъ произносить иностранныя слова и фамиліи такъ, какъ они произносятся на томъ языкѣ, которому принадлежатъ. Изъ насъ четверыхъ, посланныхъ въ 1878 году на маневры во Францію, двое удостоились того, что ихъ фамиліи были исковерканы: вмѣсто графъ Игнатьевъ французы говорили Иньятевъ, а вмѣсто Энденъ—Анданъ (colonel Enden). Авт.

жидовскаго. Несмотря на это, а, можетъ быть, именно благодаря этому, онъ окончилъ свою, полную превратностей и изворотливости жизнь въ высокомъ званіи сенатора.

— Ни въ чемъ у него нельзя усмотрѣть ничего общаго съ Канроберомъ,—сказалъ государь:—а меньше всего въ присущей маршалу скромности.

VII.

Маневры 1878 года во Франціи.—Герцогъ Омальскій.—Его жизнь и служба.—Разсказы, характеризующіе его отношенія къ Наполеону III, къ бонапартистамъ, къ Франціи, къ Россіи и къ императору Александру II.—Герцогъ Омальскій, какъ командиръ корпуса.—Пріѣздъ Кузьминскаго изъ Парижа въ Петербургъ ко дню столѣтняго юбилея ордена св. Георгія.—Вниманіе государя къ нему; отправленіе его въ Крымъ.—Государь широко, по-царски обезпечиваетъ его въ матеріальномъ отношеніи.—Непріятности въ Варшавѣ.—Своеобразная американская дуэль.

Изъ лицъ, командированныхъ въ 1878 году на маневры во Францію, двое — командиръ Кавалергардскаго его величества полка свиты его величества ген.-майоръ графъ А. П. Игнатьевъ и л.-гв. Павловскаго полка полковникъ флигель-адъютантъ П. П. Энденъ — должны были пробыть въ два срока по двѣ недѣли въ двухъ корпусахъ, а начальникъ 29-ой пѣхотной дивизіи, бывшій воспитатель великаго князя Николая Константиновича ген.-лейт. А. Ф. Мирковичъ 1-й и я въ двухъ другихъ корпусахъ. На нашу долю выпало пробыть вторую половину августа въ Везулѣ въ VII корпусѣ герцога Омальскаго, а первую половину сентября въ Аррасѣ, въ I корпусѣ генерала Кленшана (Klinchan). Генералъ Мирковичъ опоздалъ прибытіемъ во Францію и попалъ только въ корпусъ генерала Кленшана; въ корпусъ же герцога прибылъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ замѣстившій свѣтлѣйшаго князя Витгенштейна въ должности нашего военнаго агента въ Парижѣ генеральнаго штаба полковникъ баронъ Л. А. Фредериксъ.

Принцъ Евгеній-Людовикъ Орлеанскій герцогъ Омальскій былъ четвертый сынъ Луи-Филиппа I, короля Франціи (1830—1848); онъ родился въ 1822 году, съ юныхъ лѣтъ служилъ въ Алжирѣ, гдѣ стяжалъ себѣ славу прекраснаго боевого офицера. Когда въ 1847 году алжирскому военному губернатору Ламорисьеру сдался знаменитый предводитель арабскихъ племенъ Абдъ-эль-кадэръ, въ теченіе многихъ лѣтъ упорно сопротивлявшійся французамъ,—двадцатипятилѣтній командиръ полка и полковникъ генеральнаго штаба герцогъ Омальскій былъ признанъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ блестящей побѣды; герой былъ награжденъ чиномъ генерала, командорскимъ крестомъ ордена Почетнаго Легіона, назначенъ бригаднымъ генераломъ, а затѣмъ вскорѣ замѣстилъ Ламорисьера. Разсказываютъ, что онъ съ большимъ упорствомъ и съ

не меньшею искренностью отказывался отъ наградъ, выставляя прямо и откровенно, что является крайне неловкимъ сыну короля получать сразу столько боевыхъ отличій; потребовалось вмѣшательство отца его для того, чтобы устранить возникшія затрудненія.

Вспыхнувшая въ слѣдующемъ 1848 году революція заставила Луи-Филиппа отказаться отъ престола; вслѣдъ затѣмъ и сынъ его, покинувъ свой постъ, удалился въ Англію, гдѣ занялся литературой.

Это былъ очень способный, высокообразованный, начитанный человѣкъ; онъ отличался гуманностью взглядовъ и крайнимъ благородствомъ души. Написанная имъ въ 1861-мъ году противъ сенатской рѣчи Наполеона III рѣзкая статья, изданная въ видѣ отдѣльной брошюры «Lettre sur l'histoire de France», въ свое время произвела большую сенсацію во Франціи и долго шумѣла; другое рѣзкое сочиненіе его «Qu'a-t-on fait de la France» увидѣло очень мало свѣта во Франціи: какъ запрещенное и преслѣдовавшееся судебнымъ порядкомъ въ имперіи, оно было сразу «при въѣздѣ» конфисковано и предано уничтоженію.

Находившійся въ 1878 году между прочими иностранными офицерами въ Везулѣ на маневрахъ отъ Пруссіи капитанъ Генцгофъ, очень способный и серьезно образованный артиллеристъ, разсказывалъ, что Наполеонъ III, снаряжая въ 1853 году свою армію въ Крымъ, предложилъ герцогу Омальскому, котораго способности были ему хорошо извѣстны, должность командира одного изъ корпусовъ. Многіе французскіе офицеры и нѣкоторые генералы, изъ числа находившихся въ Везулѣ, подтверждали это сообщеніе. Состоявшій же при насъ прекрасно владѣвшій русскимъ языкомъ французскаго генеральнаго штаба майоръ Кардо, не опровергая въ цѣломъ сообщенія Генцгофа, далъ подробное освѣщеніе этой исторіи.

Извѣстно, что Наполеонъ былъ большой руки фокусникъ и интриганъ; у него дѣйствительно могла созрѣть всякая продѣлка, имѣющая въ основѣ что-либо дурное и низменное; его вообще направленный къ низкому умъ могъ додуматься до предложенія—ввѣрить командованіе бонапартовскими войсками во время войны одному изъ самыхъ видныхъ представителей Орлеанскаго дома. Пустивъ украдкой слухъ объ этомъ своемъ планѣ, онъ его нигдѣ не рѣшился сразу поддержать, такъ какъ долженъ былъ чувствовать и предвидѣть, что такое предложеніе было заранѣе обречено на полный провалъ. Не такой былъ человѣкъ герцогъ Омальскій, чтобы повѣрить въ искренность чего бы то ни было, исходившаго отъ «булонско-гаврскаго заговорщика и арестанта»; герцогъ отказался бы, о чемъ прямо и говорилъ, слыша вѣсти о пущенномъ тайкомъ слухѣ, добавляя, что во всякомъ предложеніи этого «узурпатора» всегда можно заподозрѣть какую угодно ловушку и западню.

Капитанъ Генцгофъ увѣрялъ, будто бы Наполеонъ все-таки сдѣлалъ предложеніе герцогу Омальскому черезъ кого-то изъ своихъ приближенныхъ и будто бы герцогъ отказался наотрѣзъ, сказавъ, что предложеніе командовать корпусомъ онъ счелъ бы лестнымъ, какъ отданіе долга его военнымъ заслугамъ; для Франціи онъ готовъ всегда беззавѣтно и всецѣло жертвовать собой и, конечно, охотно взялся бы за оружіе, но никогда не рѣшился бы стать въ ряды бонапартовской арміи, въ особенности противъ Россіи.

— Кто не знаетъ,—добавилъ Генцгофъ:—что и Орлеаны и Бурбоны считаютъ себя обязанными Россіи за 1814 годъ, когда императоръ Александръ I, послѣ сверженія Наполеона I, не только посадилъ на французскій престолъ Людовика XVIII, но совершенно дружески руководилъ имъ, а затѣмъ оказалъ ему мощную поддержку въ 1815 году, когда Наполеонъ, поднявшись съ острова Эльбы и высадившись на берегъ въ Провансѣ, пошелъ на Парижъ.

Выслушавъ все разсказанное пруссакомъ, майоръ Кардо вскочилъ и горячо, съ нѣкоторою запальчивостью возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, герцогъ Омальскій вовсе не изъ числа тѣхъ людей, которые не понимаютъ всей громадности разъѣдающаго Францію несчастья, держащагося на томъ, что «всѣ отношенія у насъ теперь складываются мелочами политики», подмѣшиваемой нами во все безъ разбора и въ ущербъ всякому, самому серьезному дѣлу. Герцогъ лучше всѣхъ понимаетъ, что все орлеанское, бонапартистское, бурбонское и всякое иное должно сглаживаться, стираться и уничтожаться, когда вопросъ идетъ о чести отечества. Я уже слышалъ раньше о томъ, что Наполеонъ нашелъ-таки способъ дойти со своимъ предложеніемъ до герцога, — сказалъ дальше Кардо: — но я знаю и то, что не такой отвѣтъ далъ герцогъ, рѣзко указавшій Наполеону въ своемъ отпорѣ на то, чего Наполеонъ никакъ не ожидалъ услышать, въ особенности отъ него; вотъ его отвѣтъ:

«Я никогда не стану во главѣ какой бы то ни было части и не стану въ ряды арміи,—будь она бонапартовская или какая бы то ни было иная, когда, толкаемая своимъ представителемъ, она позорно идетъ противъ святого дѣла, предпринятаго великой державой и ея царемъ въ защиту христіанъ, угнетаемыхъ грубою силою полумѣсяца. Изъ-за чего, въ сущности, армія сыновъ Франціи идетъ на эту борьбу? Она поневолѣ топчетъ честь отечества исключительно изъ-за меркантильныхъ расчетовъ людей, коимъ посчастливилось 2-го декабря захватить власть, получивъ такимъ образомъ возможность заглушать, давить, уничтожать и душить все чистое, честное, великое для осуществленія того, что обусловливается ихъ мелкими вожделѣніями...».

— Вотъ что отвѣтилъ герцогъ Омальскій, если вы хотите знать истину,—пояснилъ Кардо:—ничто узкое бонапартовско-орлеанское тутъ значенія не имѣло и роли не играло. Честь Франціи и за-

щитѣ благородныхъ порывовъ Россіи съ царемъ во главѣ далъ первое мѣсто благородный принцъ...

Такъ майоръ Кардо закончилъ свое возраженіе, ярко охарактеризовавшее герцога Омальскаго.

Въ 1871 году, послѣ отмѣны правительствомъ третьей республики изданнаго въ 1848 году декрета объ изгнаніи изъ Франціи Бурбоновъ и Орлеановъ, герцогъ Омальскій возвратился во Францію, призналъ республику и былъ допущенъ въ національное собраніе; въ 1873 году онъ предсѣдательствовалъ въ засѣдавшемъ въ Тріанонѣ судѣ надъ маршаломъ Базеномъ; съ 1875 года—командовалъ VII корпусомъ въ Везулѣ.

Иностранныхъ офицеровъ, прибывшихъ къ нему въ 1878 году, онъ очаровалъ своею любезностью; эта ровная серьезная любезность, общительность, деликатнѣйшее обращеніе герцога, непринужденность простоты этого обращенія были тогда отмѣчены и подчеркнуты всѣми иностранными офицерами, даже чопорно-грубые пруссаки приходили въ восторгъ, насколько вообще способность восторгаться доступна ихъ характеру и нраву.

Его крайне привлекательная любезность изобличала въ немъ человѣка самаго высшаго круга прежнихъ французскихъ салоновъ; тончайшею обходительностью своей онъ дѣлалъ то, что каждому казалось, будто онъ именно къ нему относится съ особымъ расположеніемъ; а между тѣмъ въ его обращеніи не было видно ни особаго старанія быть любезнымъ, ни даже усиленія какой-либо ласки; еще меньше проявлялось чего-либо дѣланнаго или фальшиваго, словомъ, такого, что, не будучи способно привлечь, обманываетъ лишь самого расточающаго фальшь и полагающаго вызвать ею чувства расположенія къ себѣ, въ сущности же достигающаго совершенно противоположныхъ результатовъ.

Во все время нашего десятидневнаго пребыванія въ Везулѣ мы пользовались широкимъ гостепріимствомъ герцога; ежедневно рано утромъ мы выѣзжали на маневры въ его разнообразныхъ экипажахъ до намѣченнаго пункта, на которомъ герцогъ, его начальникъ штаба, лица свиты и всѣ мы пересаживались на коней.

Тамъ въ полѣ, около полудня, въ боевой обстановкѣ, среди войскъ, которымъ на это время давался перерывъ, мы у него завтракали, располагаясь для этого въ шатрѣ или просто въ прохладѣ лѣса на чистомъ воздухѣ. По возвращеніи съ маневровъ, обыкновенно около восьми часовъ вечера, обѣдали у него въ домѣ; затѣмъ онъ насъ приглашалъ къ разбору происшедшихъ за день движеній и дѣйствій войскъ, при чемъ просилъ каждаго высказываться просто, прямо, откровенно обо всемъ, что было замѣчено относительно войскъ.

Нѣсколько разъ, въ общемъ разговорѣ, герцогъ Омальскій обращался къ своимъ воспоминаніямъ о государѣ Александрѣ Николаевичѣ, которому давно, «въ юности своей, въ Лондонѣ, имѣлъ счастливый случай и высокую честь представиться—тогда еще наслѣднику престола».

Однажды среди обѣда герцогъ совершенно неожиданно всталъ и, провозгласивъ тостъ за здоровье государя императора, сказалъ:

— Я знаю, что сегодня день тезоименитства его величества, и помню это со дня лондонскаго представленія моего; оно случилось въ этотъ же день 30-го августа стараго стиля; это день святого, имя котораго носитъ царь.

Занявъ послѣ тоста свое мѣсто, герцогъ снова разговорился объ государѣ, вселившемъ въ немъ самыя лучшія воспоминанія, «постоянно согрѣвающіяся, по словамъ герцога, непрерывными извѣстіями о реформахъ, которыя вызываютъ сплошное преклоненіе передъ гуманнымъ царемъ, такъ легко и неустанно во все время своего царствованія осчастливливающимъ свой народъ и свою необъятную страну. Богъ дастъ, мнѣ удастся осуществить свое задушевнѣйшее желаніе — еще разъ представиться «этому великому человѣку и величайшему изъ государей нынѣшняго вѣка».

Сидѣвшій рядомъ съ герцогомъ маршалъ Канроберъ сказалъ:

— Ваше высочество испытаете совершенно особое, не поддающееся описанію чувство, которымъ чаруетъ сердечная мягкость обращенія государя.

— Я прошу васъ, если это возможно, вмѣстѣ съ представленіемъ его величеству чувствъ просившаго васъ объ этомъ достоуважаемаго маршала, представить также засвидѣтельствованіе моей почтительнѣйшей преданности.

Эти слова герцогу невольно пришлось обратить ко мнѣ, такъ какъ никого тамъ больше не находилось, кто вскорѣ долженъ былъ возвращаться въ Россію.

Герцогъ наговорилъ столько любезностей и такъ много занялся государемъ и Россіей, что поневолѣ приходилось озираться,—не задѣнетъ ли это кого-либо; но ни одинъ баварецъ, ни одинъ пруссакъ и даже ни одинъ австріецъ нисколько не насупилъ бровей...

При герцогѣ въ теченіе всего времени маневровъ состоялъ и исполнялъ службу ординарца его племянникъ—старшій сынъ его старшаго брата, уже тогда покойнаго герцога Орлеанскаго, графъ Парижскій, къ которому дядя относился какъ къ нѣжно любимому сыну. Графъ въ то время считался самымъ старшимъ представителемъ Орлеанскаго дома, имѣлъ всѣ права на занятіе французскаго королевскаго престола, а въ семьѣ и среди партіи считался кандидатомъ на него.

Представивъ государю кратко то, о чемъ просилъ герцогъ Омальскій, я выслушалъ отъ государя въ высшей степени привѣтливыя слова:

— Я очень радъ, что ты вспомнилъ объ этомъ,—сказалъ государь:—герцогъ меня тогда же очень тронулъ своей телеграммой, а затѣмъ и письмомъ; я отвѣтилъ ему, прося его списаться со мной о томъ, гдѣ и когда намъ удобнѣе было бы свидѣться; я очень радъ былъ бы его повидать.

Свиданію, однако, не суждено было состояться: въ слѣдующемъ 1879 году интриги выставили противъ герцога подозрѣніе въ честолюбивыхъ происках и въ концѣ того года онъ былъ уволенъ отъ службы на 57-мъ году жизни; это такъ удручило его, что онъ очень долго проболѣлъ тяжелою болѣзнью; а затѣмъ всякія надежды оборвались 1-мъ марта 1881 года.

Герцогъ Омальскій былъ на пять лѣтъ моложе государя; онъ умеръ въ 1897 году 75-ти лѣтъ отъ роду.

Послѣ длиннаго перерыва продолжаю разсказъ о Кузьминскомъ.

По отъѣздѣ государя онъ оставался на излеченіи въ Парижѣ до конца мая 1868 года; лѣтомъ его отправили въ предѣлахъ Франціи на воды; въ теченіе зимы 1868—9 продолжали лечить въ той же больницѣ улицы Бакъ; лѣто 1869 года ему пришлось провести на водахъ, сначала во Франціи, а потомъ въ Теплицѣ.

Какова была его радость, когда къ столѣтію со дня учрежденія великою Екатериною ордена св. Георгія онъ получилъ возможность прибыть въ Петербургъ и, хотя на костыляхъ, представиться государю въ самый день принятія царемъ званія гроссмейстера ордена и возложенія имъ на себя ленты св. Георгія 1-й степени, согласно статута, установленнаго учредительницей.

Пребываніе въ сѣверной столицѣ, рѣзкость перемѣнъ погоды, различныя пиршества, вызывавшіяся чествованіями при встрѣчахъ со старыми знакомыми, съ товарищами и друзьями, а также необходимость подвергать себя вліянію жестокихъ морозовъ,—все это обусловило большое и замѣтное ухудшеніе здоровья израненнаго страдальца.

Государь, узнавъ о послѣдовавшемъ ухудшеніи, огорчился и очень заботливо поручилъ лейбъ-медикамъ Здекауэру, Цицурину и Боткину, осмотрѣвъ его внимательно, избрать ему мѣсто жительства. Доктора склонялись къ тому, чтобы отправить его въ Каиръ, но онъ взмолился и просилъ, въ видѣ милости, оставить его въ Россіи.

— Истосковавшись по родинѣ,—сказалъ онъ:—я отъ одной тоски могу умереть на чужбинѣ.

Это было доложено государю съ приложенiемъ того мнѣнiя, что, если выбирать мѣстность въ Россiи, то лучше всего остановиться на назначенiи южнаго берега Крыма.

Тогда государь велѣлъ немедленно отправить его въ Крымъ, тамъ начать правильно производить ему ту ренту, о которой его величество говорилъ въ Парижѣ князю Витгенштейну и которую велѣлъ назначить ему пожизненно, отпустивъ разомъ всю сумму, причитавшуюся ему по расчету со дня полученiя имъ ужасныхъ въ конецъ искалѣчившихъ его ранъ, т. е. со дня совершенiя имъ геройскаго подвига.

Не остановившись на этомъ, государь, съ тѣмъ вмѣстѣ, велѣлъ сохранить ему тотъ мундиръ, въ которомъ онъ былъ въ моментъ совершенiя подвига—мундиръ Волынскаго уланскаго полка, а командующему войсками одесскаго военнаго округа генералъ-адъютанту П. Е. Коцебу лично приказалъ считать Кузьминскаго состоящимъ при немъ, оберегать его и обо всѣхъ нуждахъ его, когда такiя окажутся, всеподданнѣйше доносить.

Послѣ того Кузьминскiй пробылъ пять лѣтъ въ Крыму, пользуясь въ лѣтнiе мѣсяцы то сакскими грязями, то одесскимъ лиманомъ, то водами липецкими или старорусскими.

Вотъ послѣ чего онъ, надумавъ вернуться въ свой полкъ, появился лѣтомъ 1874 года въ привѣтливой Варшавѣ. Оставленiе ему дорогого мундира славнаго Волынскаго полка онъ считалъ самою высокою царскою милостью и самою большою, послѣ георгiевскаго креста, наградою.

Ходилъ онъ при помощи костылей, однако по временамъ позволялъ себѣ, съ разрѣшенiя врачей, ѣздить верхомъ; при этомъ лишь было поставлено условiемъ стараться избѣгать очень большихъ переходовъ и не утомлять себя движенiемъ крупной рысью.

Вообще можно сказать, житье его было полуздоровое, а здоровье полукрѣпкое; хотя оно съ теченiемъ времени физически укрѣплялось, но въ нервномъ отношенiи — сильно ухудшалось; больной дошелъ почти до той высшей степени раздражительности, какая у него замѣчалась только во времена начала постановки правильнаго научнаго метода леченiя въ парижской больницѣ улицы де-Бакъ.

Ко времени, о которомъ предстоитъ рѣчь, со дня раненiя прошло болѣе восьми лѣтъ; года эти Кузьминскiй прожилъ почти въ полномъ одиночествѣ, отъ людей отвыкъ, одичалъ и огрубѣлъ. Первый годъ его пребыванiя въ Варшавѣ прошелъ, можно сказать, почти благополучно, но слѣдующiй годъ сразу сталъ чреватъ разнообразными непрiятностями, или, вѣрнѣе сказать, «исторiями», изъ которыхъ каждая представляла собой нѣчто подобное тому, что можно назвать «уличнымъ скандаломъ».

Вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Кузьминскій изъ-за какой-то мелочи задрался съ какимъ-то очень мелкимъ обывателемъ во время обычнаго концерта Штрауса «въ Швейцарской долинѣ», при чемъ онъ пригрозилъ какому-то «пану добрдзію» костылями; въ другой разъ, когда бравому офицеру случилось, промчавшись на великолѣпной русской тройкѣ своей, кого-то сшибленнаго ею съ ногъ переѣхать, онъ, на требованіе городового назвать себя для составленія протокола, опять отвѣтилъ обѣщаніемъ познакомить съ расправой костылями; по счастію, оба раза это осталось простой угрозой.

Однако третье столкновеніе прямо началось съ костылей. Кузьминскій на той же своей бросавшейся въ глаза и славившейся среди варшавянъ тройкѣ подъѣхалъ къ одному изъ театровъ и, подойдя къ кассѣ, спросилъ себѣ нѣсколько билетовъ въ кресла.

— Кресла всѣ распроданы,—отвѣтилъ кассиръ.

— Неправда, я вижу, что билеты еще остались.

— Эти уже запроданы по особому заказу.

— Сейчасъ подай!—потребовалъ онъ грозно и громко.

— Нѣтъ, я не могу ихъ дать, не смѣю...

— Не можешь, не смѣешь! Повторяю: подай сію секунду, негодяй.

— Алежъ не, не́дамъ,—имѣлъ кассиръ неосторожность отвѣтить по-польски.

— Какъ! ты осмѣливаешься отвѣчать мнѣ не на томъ языкѣ, на которомъ я съ тобой говорю!..

Опершись крѣпко на одинъ костыль, Кузьминскій просунулъ другой въ маленькое окошко кассы и прижалъ имъ бѣднягу кассира, пришпиливъ его къ стѣнѣ на манеръ того, какъ пришпиливаютъ бабочекъ и жучковъ при составленіи коллекціи насѣкомыхъ.

Несчастный кассиръ отдѣлался отъ большой бѣды, но какъ вышло, что онъ остался живъ, цѣлъ и невредимъ,—это одинъ Богъ вѣдаетъ. Черезъ нѣсколько дней произошло подъ рядъ нѣсколько исторій, относительно которыхъ приходилось удивляться тому, какъ самъ Кузьминскій оставался въ нихъ цѣлымъ. Натолкнувшись въ комендантскомъ управленіи на отказъ или на промедленіе въ выдачѣ ему какого-то документа или въ помѣщеніи спѣшной отмѣтки въ таковомъ, онъ схватилъ со стола довольно увѣсистую хрустальную песочницу и бросилъ ее писцу въ голову; этотъ чиновникъ управленія получилъ разсѣченную рану и едва отдѣлался отъ сильныхъ припадковъ нервнаго разстройства. Генералъ-адъютантъ Коцебу, не признавъ возможнымъ оставить этотъ случай безъ вниманія, велѣлъ арестовать Кузьминскаго и продержать его трое сутокъ на гауптвахтѣ; тамъ онъ придрался къ сторожу и побилъ его костылемъ.

Отбывъ это наказаніе, герой Ура-Тюбе и Джизака уѣхалъ въ началѣ лѣта сравнительно на долгій срокъ въ какой-то курортъ, изъ котораго вернулся лишь осенью.

Надо замѣтить, что онъ особенно любилъ поухаживать за хорошенькими дамами и никакъ не могъ себѣ представить, чтобы противъ его обаятельной, мужественной красоты можно было устоять. Случилась ему на пути очень молодая, красивая, миніатюрная, въ видѣ прелестной куколки, брюнетка, русская, за годъ передъ тѣмъ вышедшая замужъ и поселившаяся въ Варшавѣ съ мужемъ, также чисто русскимъ человѣкомъ, только что начавшимъ тогда свою ученую карьеру; она съ такимъ твердымъ упорствомъ показывала полнѣйшее равнодушіе въ отвѣтъ на начатыя имъ съ весны ухаживанья за ней и увиванья возлѣ нея, что его это стало серьезно озабочивать; выказывалъ онъ свою озабоченность нервнымъ раздраженіемъ, легко переходившимъ въ ражъ; онъ злобствовалъ и безумствовалъ въ такой степени, что всѣ его исторіи можно было приписать этому неудачному ходу его романическаго похожденія. Спокойствіе молоденькой красавицы его бѣсило; онъ готовъ былъ ея индифферентное къ нему отношеніе приписать чему угодно, но не могъ постичь того, что она могла питать къ мужу тѣ чувства, которыхъ онъ, герой, требовалъ по отношенію къ себѣ, и, кромѣ того, что она могла просто держаться прежде и больше всего чувства долга. Ни она, ни ея мужъ не усмотрѣли необходимости какъ-либо отдѣлаться отъ такого знакомаго, тѣмъ болѣе, что, вымещая свои неудачи на другихъ, онъ умѣлъ держать себя въ ихъ домѣ совершенно корректно и прилично. Что въ его поведеніи имѣлась какая-то неловкость, всѣмъ близкимъ къ дому пришлось почувствовать только тогда, когда всѣ увидѣли, насколько съ его отъѣздомъ изъ Варшавы всѣмъ сразу стало легче и какъ-то свободнѣе,—точно всѣ избавились отъ тяжелаго стѣсненія.

По своемъ возвращеніи Кузьминскій не могъ ни въ толкъ себѣ взять, ни простить дамѣ, когда увидѣлъ, что она не только продолжала упорствовать въ своемъ нежеланіи отвѣчать ему взаимностью, но какъ будто за время его отсутствія усвоила себѣ привычку отъ него совершенно отворачиваться и его персону рѣшительно игнорировать.

Испробовавъ все, чтобы вернуть хотя бы прежнюю степень ея внимательности къ нему,—если ужъ исканіе расположенія являлось невозможнымъ,—Кузьминскій съ досадой увидѣлъ безуспѣшность предпринятаго и потому совершенно просто рѣшилъ, что происходитъ все изъ-за ея чувствъ къ какому-нибудь другому, болѣе счастливому ухажавателю.

Такъ рисовалось дѣло въ его больномъ, разстроенномъ воображеніи.

Сложнаго въ этой исторіи онъ не усмотрѣлъ ничего, а, понаблюдавъ въ тоскѣ дня три-четыре, подкараулилъ незнакомаго ему молодого гвардейскаго офицера при выходѣ его изъ квартиры красавицы и, остановивъ его, предъявилъ ему обвиненіе въ томъ, что, заходя къ дамѣ во время отсутствія ея мужа, офицеръ компрометируетъ ее и

оскорбляетъ мужа,—онъ же, Кузьминскій, какъ другъ мужа, обязанъ оберегать его честь, почему требуетъ отъ офицера удовлетворенія.

Нечего было вдумываться въ то, чтобы усмотрѣть, насколько разстроилась въ несчастномъ способность думать и разсуждать; измышленіе такого поворота дѣла дало ему полный аттестатъ; несмотря на это, не далѣе, какъ черезъ два-три часа, секунданты гвардейскаго офицера явились въ назначенное мѣсто. Не найдя секундантовъ Кузьминскаго и прождавъ ихъ напрасно до вечера, они рѣшили разойтись по домамъ и увѣдомить объ этомъ уполномочившаго ихъ товарища.

Оказалось, что тѣмъ временемъ какъ бы разыгралось продолженіе этой «исторіи». Молодой гвардеецъ, прождавъ напрасно возвращенія своихъ пріятелей-секундантовъ, отправился искать ихъ, а кстати рѣшилъ зайти куда-либо наскоро пообѣдать. Дома денщику своему онъ объяснилъ, что очень скоро возвратится, а если, до своего возвращенія, онъ понадобится кому бы то ни было, то искать его въ ресторанѣ Стемпковскаго на Театральной площади.

Только что онъ началъ обѣдать, какъ въ залъ небольшого ресторана вошелъ Кузьминскій и, оглядѣвшись, направился прямо къ своему сопернику съ видимымъ намѣреніемъ заговорить, при чемъ смущенно произнесъ:

— Я къ вамъ...

— Что вамъ угодно?—сказалъ офицеръ, какъ бы перебивъ подошедшаго:—дѣло свое мы передали секундантамъ, а потому никакихъ разговоровъ между нами быть не можетъ и не должно.

— Я васъ очень прошу,—запинаясь проговорилъ Кузьминскій:— выслушайте меня; я весь день старался найти секундантовъ, но это мнѣ не удалось; прошу васъ, возьмите одинъ изъ этихъ билетовъ.

Онъ раскрылъ руку; на его ладони оказались двѣ тщательно свернутыя въ трубочку записки, очевидно, нарочно заготовленныя раньше.

Гвардейскій офицеръ, совершенно машинально, взялъ одинъ изъ билетовъ и развернулъ; онъ оказался чистымъ; на другомъ билетѣ, который развернулъ Кузьминскій, было крупно написано какое-то слово,—онъ какъ бы поторопился скомкать его и спрятать въ карманъ съ очевидною цѣлью не дать никому разобрать это слово...

— Ну,—сказалъ онъ въ растерянномъ раздумьи:—мнѣ, по обыкновенію, одинъ удѣлъ...

Тутъ только молодой офицеръ догадался, что создалось нѣчто подобное американской дуэли.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо произнесъ онъ:—это напрасно; если бы мнѣ достался вашъ билетъ, я не исполнилъ бы никакой надписи, говорю и утверждаю прямо; наше дѣло передано въ руки довѣренныхъ лицъ—секундантовъ, и мы должны ожидать окончанія ихъ переговоровъ; надо надѣяться, что вы наконецъ найдете секундантовъ...

— Прощайте,—грубо перебилъ Кузьминскій:—живите счастливо, а ей скажите, что я за нее погибаю совершенно спокойно; мнѣ не въ первой...

Онъ быстро вышелъ, сѣлъ на извозчика и умчался.

Случайно присутствовавшіе при этой сценѣ два артиллерійскихъ офицера и одинъ пѣхотный, а также трое штатскихъ ничего не поняли въ ней, тѣмъ не менѣе всѣмъ она показалась какою-то дѣланною, театральною, аффектированною, или, просто сказать, похожею на пошлую комедію.

Секунданты, которымъ ихъ довѣритель поторопился разсказать все происшедшее, нашли въ этомъ много смѣшного и, сопоставляя случившееся съ тѣмъ, что секунданты джизакскаго героя въ теченіи цѣлаго дня не были присланы для переговоровъ,—сочли всю эту выходку его за ясный признакъ исчезновенія въ немъ мощнаго духа, когда-то подвигавшаго его на подвиги богатырскаго мужества и колоссальнаго молодечества.

— Духъ геройства,—говорили они,—пропалъ въ Кузьминскомъ.

— Нельзя такъ просто осуждать, надо знать всю суть дѣла; можетъ быть, оно не такое простое, мало ли что можетъ въ немъ скрываться,—возражалъ молодой гвардейскій офицеръ, но самъ чувствовалъ, что возраженіе его не имѣетъ твердаго основанія.

Казалось, что вообще все продѣланное Кузьминскимъ за послѣднее время въ Варшавѣ было подчинено тому мозговому разслабленію, которое людямъ свѣдущимъ могло указать на ясные признаки явившагося у несчастнаго героя самой сложной формы разжиженія мозга и прогрессивнаго паралича.

Въ теченіе слѣдовавшаго за этимъ вечеромъ дня вся Варшава была занята толками о подвигѣ героя и пересудами объ этой странной исторіи съ бѣгствомъ его.

Среди разговоровъ, между прочимъ, громко объяснялось, что тяжкія раненія, вынесенныя въ свое время страдальцемъ, лишили его, какъ тогда выражались, радостей жизни; говорили, будто бы парижскій врачъ, ясно видѣвшій все безжалостно произведенное въ организмѣ ужаснымъ искалѣченіемъ, съ грустью констатировалъ полную безвозвратную импотенцію, о которой, взывая къ благоразумію своего паціента, прямо и честно освѣдомилъ его.

Обо всемъ, что произошло въ теченіе дня вызова, было подлежащею властью формально доведено до свѣдѣнія генералъ-адъютанта графа Коцебу; онъ призналъ нужнымъ взять и съ гвардейскаго офицера и съ Кузьминскаго подписку въ томъ, что они обязуются честнымъ словомъ ничего не предпринимать для осуществленія какой бы то ни было дуэли—«настоящей или хотя бы изобрѣтенной кѣмъ-либо изъ нихъ». Давъ коменданту генералъ-лейтенанту графу Развадовскому распоряженіе объ исполненіи этого, П. Е. Коцебу, однако, при всей своей серьезности, много смѣялся, когда до его

свѣдѣнія было доведено обо всемъ томъ, что произошло вечеромъ, въ особенности, когда тотъ же графъ Развадовскій послѣднюю сцену разсказалъ въ шутливомъ и забавномъ тонѣ, съ дополненіемъ заключенія о театральности, проявленной Кузьминскимъ.

— Совсѣмъ развинтился бѣдный Кузьминскій,—добавилъ графъ Коцебу серьезно:—вѣдь это все въ немъ творятъ болѣзни; онѣ его извели и совершенно исковеркали; надо непремѣнно поручить врачамъ внимательно освидѣтельствовать его и слѣдить за состояніемъ его здоровья; оно совершенно пропадаетъ.

Сколько впослѣдствіи случаевъ представилось всѣмъ знавшимъ джизакскаго героя пожалѣть о томъ, что эти слова остались не исполненными; комендантъ графъ Развадовскій за дряхлостью и разбитостью могъ не разслышать ихъ или не взять въ толкъ; самому же командующему войсками, графу Коцебу, входить во всѣ подобныя мелочи не представлялось возможнымъ. Такъ все и осталось втуне.

Можно себѣ представить, какъ всѣ много толковавшіе обо всей этой исторіи были поражены, когда на другой день къ вечеру графъ Коцебу получилъ изъ мѣстечка, въ которомъ стоялъ Волынскій уланскій полкъ, телеграмму съ официальнымъ донесеніемъ о томъ, что «штабъ-ротмистръ Кузьминскій, желая лишить себя жизни, выстрѣлилъ изъ револьвера себѣ въ лѣвое легкое; пуля, пройдя насквозь, пробила легкое и вышла въ спину подъ лопаткой; положеніе его признано крайне тяжкимъ и опаснымъ».

Это произошло въ концѣ октября 1875 года, а въ первый день новаго 1876 года раненый уже бодро разъѣзжалъ по Петербургу. Этотъ случай еще разъ съ полной несомнѣнностью доказалъ, въ какой степени отъ природы натура этого человѣка отличалась живучестью и могучей силой.

Пробывъ въ Петербургѣ мѣсяца два, Кузьминскій возвратился въ полкъ, гдѣ въ отношеніи службы вообще, а въ особенности верховой ѣзды сталъ проявлять гораздо больше выносливости, чѣмъ до случая съ прострѣломъ легкаго. Мозговыя затменія, однако, у него въ сильной степени стали увеличиваться.

VIII.

Болѣзнь подточила организмъ Кузьминскаго.—Изъ ряду выходящее воинское преступленіе его.—Арестъ.—Побѣгъ съ гауптвахты.—Кузьминскій на сербскомъ театрѣ войны 1876 г.—Новый подвигъ.—Яссы 1877 г.—Ходатайство передъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ.—Обращеніе къ государю.—Расчетъ съ жизнью.

Всѣ эти исторіи достаточно выяснили, что жестокія раненія оставили большой слѣдъ въ организмѣ этого человѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе въ немъ развивалась та ненормальность, которая въ дальнѣйшемъ привела его къ гибели. Всѣ, знавшіе его, замѣчали,

что онъ сдѣлался до невозможности раздражительнымъ, мелочно-обидчивымъ, болѣзненно-щепетильнымъ и вообще во всѣхъ отношеніяхъ сталъ неузнаваемъ. Не всѣ его столкновенія здѣсь разсказаны; массу его «исторій» не стоило запоминать, а тѣмъ болѣе записывать; въ частыхъ столкновеніяхъ многое ему извинялось, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда лица, на которыхъ онъ наталкивался, знали его прошлое въ отношеніи здоровья. Но вотъ случилась исторія, которая ни въ какомъ случаѣ не могла пройти безслѣдно; она, въ сущности, его и погубила.

Выше сказано, что онъ иногда ѣздилъ верхомъ; вообще въ полку онъ несъ фронтовую службу очень старательно. Случалось иногда его избавлять отъ этой службы,—когда заранѣе предвидѣлись трудные походы; дѣлать это, однако, надо было какъ-нибудь незамѣтно и осторожно съ тѣмъ, чтобы онъ этого не уловилъ, на это не обратилъ бы вниманія и не обидѣлся бы—иначе, Боже избави,—изъ-за пустяка онъ могъ прійти въ бѣшенство и трудно было предвидѣть все то, что могло произойти, во что могла обратиться его внутренняя буря.

Весной 1876 года въ мѣсто расположенія полка прибылъ начальникъ 6-й кавалерійской дивизіи свиты его величества генералъ-майоръ Э—нъ; это былъ честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, всю собственно строевую службу прослужившій въ гвардіи на виду и окончившій ее въ Петергофѣ въ должности командира лейбъ-гвардіи уланскаго полка, котораго шефомъ состоялъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій.

Вообще въ командиры гвардейскихъ полковъ, какъ извѣстно, выбираются лучшіе штабъ-офицеры. Генералъ-инспекторъ кавалеріи, несомнѣнно, въ должность командира своего шефскаго полка обычно избиралъ совершенно особо того, кого хорошо, близко зналъ и признавалъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшимъ.

И вотъ на такомъ прекрасномъ командирѣ Кузьминскому довелось жестоко и безбожно сорвать свой безразсудный гнѣвъ.

Генералъ Э—нъ считалъ для себя за особую честь поддерживать ту репутацію, которую стяжала принятая имъ кавалерійская дивизія; поэтому онъ во всемъ, касавшемся службы, проявлялъ особую требовательность и безъ строгихъ указаній не оставлялъ ничего изъ того, что случалось ему замѣчать. Въ тотъ разъ, о которомъ идетъ разсказъ, дѣлая смотръ Волынскому уланскому полку въ конномъ строю, онъ увидѣлъ, что одинъ офицеръ, стоявшій передъ своимъ взводомъ въ первомъ эскадронѣ, обернулся къ фронту и дѣлаетъ замѣчанія нижнимъ чинамъ. Начальникъ дивизіи спросилъ громко полкового командира, какъ фамилія офицера, который вмѣсто того, чтобы при встрѣчѣ стоять смирно, позволяетъ себѣ оборачиваться къ фронту и потому встрѣчаетъ начальника чуть не спиной? Получивъ отъ командира полка отвѣтъ, онъ обратился издали къ офицеру и замѣтилъ ему:

— Штабъ-ротмистръ Кузьминскій, вы не знаете, какъ надо стоять, когда скомандовано смирно; какой примѣръ вы подаете нижнимъ чинамъ?

Тогда Кузьминскій, несомнѣнно, застигнутый въ ту минуту однимъ изъ тѣхъ припадковъ, которые въ послѣднее время стали его одолѣвать чаще и чаще, повернулся въ сторону начальника дивизіи и, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, громко произнесъ:

— Я вотъ тебѣ покажу примѣръ.. мнѣ передъ фронтомъ замѣчаній никогда не приходилось выслушивать, я ихъ никогда не заслуживалъ; вишь, нашелся..

Несомнѣнно, продѣлалъ онъ это въ припадкѣ нашедшаго на него помѣшательства. Телеграммой было донесено объ этомъ случаѣ генералъ-адъютанту Коцебу, и Кузьминскій получилъ приказъ явиться въ Варшаву; тамъ онъ былъ посаженъ на главную гауптвахту (на Саксонской площади), послѣ чего ему было объявлено, что онъ предается суду.

Въ дивизіи генералъ Э—нъ былъ совершенно новый человѣкъ, офицеровъ онъ не зналъ; о болѣзни Кузьминскаго слышалъ, но не успѣлъ узнать силы этой болѣзни; узнавъ же офиціально о чудовищно-болѣзненномъ состояніи его здоровья, онъ, какъ тогда разсказывали, пытался просить командующаго войсками оказать этому офицеру снисхожденіе; но генералъ-адъютантъ графъ Коцебу отвѣтилъ, что никоимъ образомъ не воленъ въ этомъ по закону и просьбу генерала считаетъ неудобоисполнимою, такъ какъ, если онъ «Н. А.» Э—нъ лично находитъ въ себѣ внутреннюю силу и право, погасивъ всякія другія чувства, простить въ душѣ офицеру его въ высшей степени дерзкую, оказанную передъ фронтомъ продѣлку, то раздѣльно — «генералъ» Э—нъ на это не имѣетъ никакого права.

Хотя генералъ-адъютантъ Коцебу высказалъ все это въ мягкой, деликатной формѣ, но для генерала Э—на урокъ тотъ явился очень тяжелымъ; онъ даже вознамѣрился тотчасъ же выйти въ отставку; и только одинъ изъ добрыхъ, старыхъ друзей уговорилъ его забыть объ этой исторіи, въ которой онъ не былъ виноватъ, такъ какъ причиной послужило сумасбродство находившагося дѣйствительно въ убійственно-болѣзненномъ состояніи, тяжко раненаго и изувѣченнаго офицера.

— Что касается отзыва генерала Коцебу, то думаю, что его взглядъ ты самъ считаешь вполнѣ правильнымъ и обиднаго для себя въ немъ видѣть, конечно, ничего не можешь, — отечески пояснилъ генералу Э—ну его другъ [1]).

---

[1]) Здѣсь будетъ кстати замѣтить въ скобкахъ, что такимъ другомъ для генерала Э—на явился великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Такъ умѣлъ онъ своимъ отеческимъ наставленіемъ приходить на помощь подчиненнымъ.

Продѣлка Кузьминскаго, или, вѣрнѣе, печальная исторія съ Э—номъ, поразила, огорчила и возмутила тогда всѣхъ офицеровъ не только подчиненной генералу Э—ну кавалерійской дивизіи и всего варшавскаго военнаго округа, но и всей арміи.

Не долго виновный просидѣлъ подъ арестомъ: не далѣе, какъ черезъ недѣлю, онъ вдругъ ночью сбѣжалъ съ гауптвахты и неизвѣстно куда исчезъ.

Съ точки зрѣнія чисто военной, онъ совершилъ громадное преступленіе, оскорбивъ такимъ образомъ начальника дивизіи передъ фронтомъ и усугубивъ вину бѣгствомъ изъ-подъ ареста, съ явнымъ намѣреніемъ отдѣлаться отъ суда и наказанія; тяжкое наказаніе ожидало его по суду, въ случаѣ поимки или даже явки. Конечно, можно было надѣяться на участіе суда къ состоянію его здоровья; съ этой стороны судъ могъ взглянуть на дѣло такъ, что все преступленіе было обусловлено неизлечимою, тяжкою, болѣе и болѣе развивавшеюся болѣзнью и исключительно ею было вызвано; судъ,—но только судъ,—могъ взяться за то, чтобы облегчить его участь; только судъ могъ направить дѣло сначала къ врачебно-медицинскому испытанію обвиняемаго, а потомъ къ новому леченію, которое остановило бы дальнѣйшее разстройство его организма и только судъ же могъ въ концѣ концовъ обратить дѣло къ монаршему милосердію. Но именно того, что въ данномъ случаѣ единственно могло оказаться благодѣтельнымъ,—суда,—больной герой постарался избѣжать и тѣмъ самымъ пресѣкъ себѣ путь къ чему-либо иному, кромѣ гибели. Сдѣлалъ онъ это, безъ сомнѣнія, только вслѣдствіе безумія, имъ въ послѣднее время безысходно овладѣвавшаго.

Толки по поводу этого пошли повсюду громадные; несчастный же, вызвавшій ихъ цѣлымъ рядомъ не менѣе нашумѣвшихъ поступковъ, исчезъ безслѣдно; не представлялось никакой надежды привлечь его къ суду и тѣмъ спасти.

Въ тотъ годъ лѣтомъ возгорѣлась война Турціи съ Сербіей; главное командованіе надъ сербской арміей принялъ на себя нашъ боевой генералъ Черняевъ, самостоятельно и самоотверженно въ 60-хъ годахъ положившій смѣлое начало завоеванію обширнаго Туркестанскаго края и, въ сущности, присоединившій его къ владѣніямъ имперіи Бѣлаго царя. Со всей Россіи въ Бѣлградъ, столицу Сербіи, подъ его начальство стекались большія массы добровольцевъ.

Какъ-то среди хода сербской кампаніи въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что одною изъ дружинъ подъ Дзюнишемъ командуетъ Кузьминскій, что онъ играетъ видную роль въ этой неравной борьбѣ мелкаго сербскаго княжества съ гигантской Оттоманской имперіей, отличается большой храбростью, предпріимчивостью и

туркамъ очень досаждаетъ; прошелъ слухъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ, въ разгарѣ боя, взялся взорвать мостъ, который бдительно караулили и защищали сильные турецкіе отряды; невозможнаго для него попрежнему не было, онъ блестяще исполнилъ намѣченное; туркамъ была отрѣзана всякая возможность отступленія, и они въ томъ мѣстѣ потерпѣли сильное пораженіе. Вскорѣ, однако, тѣ же газеты стали настойчиво утверждать, будто бы это былъ вовсе не тотъ Кузьминскій, не уланскій офицеръ, не герой Джизака.

Оказалось, что въ этомъ опроверженіи было проявлено стремленіе не обнаружить мѣсто его пребыванія.

Прошли мѣсяцы; наступила пора нашей мобилизаціи; въ Кишиневѣ помѣстилась главная квартира арміи великаго князя Николая Николаевича; пошла кипучая работа подготовки этой арміи; наконецъ, послѣ долгаго выжиданія, послѣдовало объявленіе войны, и потянулись наши войска за границу. Въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая многіе изъ направлявшихся къ Дунаю встрѣчали на желѣзнодорожной станціи Яссы вооруженнаго съ ногъ до головы красиваго брюнета-черкеса съ окладистой черной бородой, сурово, недружелюбно взиравшаго на всѣхъ большими, неестественно увеличенными зрачками своихъ черныхъ, лихорадочныхъ глазъ.

При проѣздѣ великаго князя главнокомандующаго этотъ черкесъ протиснулся сквозь толпу и прямо сталъ на томъ пути, которымъ его высочество пошелъ по выходѣ изъ вагона; когда главнокомандующій остановился, онъ сказалъ:

— Ваше высочество, позвольте мнѣ просить васъ исходатайствовать мнѣ помилованіе, я хочу драться съ врагомъ, буду служить вѣрой и правдой...

— Кто ты такой?

— Кузьминскій, штабъ-ротмистръ Волынскаго уланскаго полка...

Великій князь, какъ прямой начальникъ всей кавалеріи, безъ сомнѣнія, зналъ исторію Кузьминскаго; кромѣ того, онъ зналъ ее, какъ начальникъ, благоволившій къ генералу Э—ну; да и кто ее тогда не зналъ.

— А! Кузьминскій, вотъ ты гдѣ; тебя такъ ищутъ вездѣ... Ну, братъ, немного еще подожди; здѣсь скоро проѣдетъ государь; обратишься къ нему съ просьбой. Жаль, жаль, что ты такъ оплошалъ и именно въ строю, а затѣмъ на такой долгій срокъ затянулъ свое дѣло; уже ему давно было бы пора окончиться; проси государя, онъ, конечно, помнитъ твои заслуги, можетъ быть, и смилуется; жаль, что ты такъ много напортилъ себѣ...

24-го мая государь переѣхалъ границу Россіи въ Бессарабіи, въ Унгенахъ; царскій поѣздъ на нѣсколько минутъ остановился въ Яссахъ. Выйдя на платформу, государь былъ встрѣченъ черкесомъ, въ которомъ, конечно, такъ же, какъ и великій князь, не могъ сразу

признать хорошо ему извѣстнаго Кузьминскаго, составлявшаго такъ долго предметъ его заботъ. Прошло уже много лѣтъ съ того времени, когда государь его видѣлъ. Въ послѣдній разъ Кузьминскій представлялся его величеству случайно въ Ливадіи черезъ годъ послѣ франко-прусской войны; на чистомъ лицѣ его красовались лишь черные, красиваго рисунка усы; а тутъ предсталъ и опустился передъ государемъ на колѣни загорѣлый, обросшій окладистой, почти сѣдой бородой, огрубѣвшій мужчина въ черкескѣ.

— Что это? Кто ты?—спросилъ государь, разглядывая его лицо почти въ упоръ...

— Я Кузьминскій... виноватъ, простите, государь...

Можетъ быть, великій князь и написалъ государю о немъ послѣ своей съ нимъ встрѣчи; несомнѣнно, однако, государь и такъ не забылъ о немъ.

— Я помню твои подвиги и отличія, но дѣло твое должно быть разсмотрѣно судомъ,—сказалъ государь:—когда судъ опредѣлитъ свое рѣшеніе, тогда я скажу свое слово; теперь же ты отправишься въ Кишиневъ и будешь судиться.

Сказавъ это, государь направился въ вагонъ. Кузьминскій же, не поднимаясь на ноги, выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и пырнулъ имъ въ наболѣвшее сердце свое. Государю уже на одной изъ слѣдующихъ станцій доложили телеграмму о томъ, что несчастный послѣ этого скончался на мѣстѣ...

— Жаль его,—сказалъ государь, получивъ печальное извѣстіе:— могъ бы еще показать себя молодцомъ въ дѣлахъ, и я очень радъ былъ бы слышать объ его боевыхъ успѣхахъ; но рѣшить его дѣло безъ того, чтобы судъ сказалъ свое слово, не приходилось: слишкомъ много онъ самъ себѣ натворилъ бѣдъ. Жаль, что же дѣлать, — такъ же дурно кончилъ жизнь, какъ, къ сожалѣнію, велъ ее въ послѣдніе годы... Царствіе ему небесное,—сказалъ государь, прослезившись и осѣнивъ себя знаменіемъ креста.

Рѣшительно никто раньше не догадался доложить подробно ни государю, ни великому князю и не поддержалъ блеснувшую у генерала Коцебу мысль о томъ, что не Кузьминскій продѣлывалъ такіе непозволительные поступки, а болѣзнь, гнѣздившаяся въ немъ, заѣдавшая всѣ его соображенія, помыслы и всю работу его мозга... Обо всемъ этомъ нельзя было не пожалѣть.

Быть можетъ, удалось бы спасти его и изъ его боевыхъ качествъ извлечь громадную пользу, если бы представилось возможнымъ продолжить его лихую, незамѣнимую службу противъ врага.

Разсказываютъ, что главнокомандующій сербскою арміей генералъ Черняевъ, обративъ вниманіе на подвиги этого героя и узнавъ о прошлыхъ его дѣйствіяхъ въ дорогомъ его сердцу Турке-

станскомъ краѣ, пригласилъ его къ себѣ. Тамъ, подъ Алексинацемъ, вручая ему крестъ Такова, онъ посовѣтовалъ ему ѣхать прямо въ Варшаву, явиться съ повинной, итти подъ судъ и ожидать милостей царя-батюшки. Внялъ онъ благому совѣту родного русскаго вождя, поѣхалъ съ повинной, но не нашелъ никого, кто могъ бы, настаивая надъ его больной, истрепавшейся волей, свезти его прямо къ цѣли—къ суду. Самъ же онъ предпочелъ иной путь, показавшійся ему болѣе вѣрнымъ, но оказавшійся менѣе правильнымъ и болѣе медленнымъ, а также скользкимъ.

Такъ погибъ истинный герой; сгорѣла его жизнь, погибла его много набурлившая и накипѣвшая натура.

Сколько такихъ героевъ-богатырей родишь ты, матушка Русь! Не даетъ имъ жизнь прямого и гладкаго пути; сворачиваетъ она ихъ, гибнутъ они не отъ того, такъ отъ другого, подвертывающагося подъ ихъ могучія ноги и разбивающаго ихъ крѣпкія неизносимыя силы!..

Е. К. Андреевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СВОБОДА ДУХА [1].

(Повѣсть).

X.

Въ БЛИЖАЙШЕЕ воскресенье, въ солнечное, яркое утро, Егоръ Карапетычъ выбрился особенно тщательно. Предъ небольшимъ складнымъ зеркаломъ въ деревянной оправѣ онъ долго корчилъ гримасы, водя старой бритвой по шеѣ и подбородку. Бритвѣ этой было много лѣтъ, она пріѣхала еще изъ Россіи и была шведской работы. Она была по рукѣ Егору Карапетовичу, и онъ ее любилъ гораздо болѣе, чѣмъ Генріеттъ, одѣвавшуюся въ той же комнатѣ. По крайней мѣрѣ, если бъ ему предложили потерять жену или бритву, онъ, ни секунды не задумываясь, остановился бы на женѣ: старыя привязанности много значатъ!

Онъ трижды намыливалъ себѣ щеки облѣзшей кисточкой и трижды соскабливалъ острымъ лезвіемъ душистую пѣну, обтирая ее о полотенце, лежавшее тутъ же возлѣ зеркала. Увидя, что Генріеттъ облачается въ новое платье, онъ спросилъ ее:

— Куда это? Спозаранку ты уже одѣваешься въ изысканный туалетъ?

— Я обѣщала мамѣ быть у нея сегодня въ Венсенѣ,—проговорила Генріеттъ, держа въ зубахъ металлическую шпильку.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX, стр. 83.

Жоржъ брезгливо выдвинулъ нижнюю губу, протеръ полотенцемъ намоченнымъ арникой сдѣланный на щекѣ порѣзъ и саркастически освѣдомился:

— Одна?

Она молчала и усердно хлопотала о завязкахъ узкихъ лентъ на высокой таліи.

— Я тебя спрашиваю, ты ѣдешь одна?—строго повторилъ мужъ.

— Меня обѣщался проводить Жюль,—небрежно замѣтила она.

Жоржъ захохоталъ дѣланно, деревянно, какъ хохочутъ плохіе комики на сценѣ.

— Я такъ и думалъ,—проговорилъ онъ, злобно поводя близорукими глазами.—Не знаю, что мѣшаетъ мнѣ зарѣзать васъ обоихъ? Вотъ этой бритвой провести и тебѣ и ему по лицу кровавые кресты?

— Въ тебѣ нѣтъ и на это храбрости!—сказала она.—Ты способенъ что-нибудь сдѣлать подлое и гадкое, но безнаказанно. А за это тебя пошлютъ на галеры.

— Ты ошибаешься!—сказалъ онъ и взялъ въ руки бритву.

Теперь она захохотала, но смѣхъ ея былъ гораздо искреннѣе его. Ея бѣлые зубы блистали на солнцѣ, и все здоровое лицо такъ и дышало молодостью и беззаботностью. Егоръ Карапетовичъ скрипнулъ зубами и точно про себя сказалъ:

— Рукъ не стоитъ марать о такую дрянь!

— Не стоитъ,—подтвердила та.

Съ улицы послышался стукъ. Иветтъ, должно быть, отворила дверь и долго съ кѣмъ-то разговаривала.

— Это твой Жюль, должно быть?—сказалъ мужъ.

— Нѣтъ, это не Жюль,—отвѣтила она.

Вошла Иветтъ и подала Егору Карапетовичу письмо.

— Тотъ мальчикъ, что вы посылали, воротился съ отвѣтомъ,—сказала она.

— А!—обрадовался онъ и, сломивъ сургучъ, сталъ читать писанное мелкимъ почеркомъ съ хитрыми завитушками на подписи посланіе. Онъ прочелъ его внимательно, издалъ радостный звукъ и сложилъ письмо, какъ оно было.

— Сейчасъ я мальчику дамъ за его комиссію,—сказалъ онъ и всталъ изъ-за зеркала.

— Вы получили пріятное письмо?—спросила жена.

— Да, любовное. Мнѣ тоже назначаютъ свиданіе,—проговорилъ онъ, придавая себѣ озабоченный видъ. Онъ посмотрѣлъ на плоскіе золотые часы, висѣвшіе надъ бюро въ бисерномъ подчасникѣ, что-то сообразилъ, сжалъ губы и, отворивъ шкапъ, началъ дѣловито копаться въ своихъ платьяхъ. Выбирая то̀, что ему нужно, онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, бросивъ на жену загадочный, по его мнѣнію, взглядъ, заставившій ее только улыбнуться. И не то, чтобы ей было особенно весело, но она знала, что его болѣе всего бѣсятъ ея

чудесные зубы, поэтому она показывала ихъ при каждомъ случаѣ. Теперь, смотря въ овальное ручное зеркало на отраженіе въ трюмо своего затылка, она продолжала улыбаться. Такъ ее и застала Иветтъ.

— Какъ жаль, дурочка, что перестали носить тѣ платья, что носили при восшествіи на престолъ,—сказала она.—Я говорю о чистѣйшихъ empire, узкихъ, открытыхъ, съ застежками отъ плеча до локтя. Мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ, я шла замужъ въ первый разъ. Ко мнѣ удивительно шла эта мода.

— Я думаю, сударыня,—сказала Иветтъ.

— Теперь шею закрываютъ все выше, стали закрывать даже горло. Кончится тѣмъ, что воротникъ дойдетъ до самаго носа. Я предпочла бы, чтобъ это случилось съ мужскими модами. По крайней мѣрѣ тогда съ мосье можно будетъ показываться на улицу. Теперь у насъ въ модѣ даже длинные рукава. Но я попрежнему буду носить короткіе. Закрывать руки нужно тѣмъ, у кого онѣ худы и некрасивы.

Она вытянула во всю длину свою красивую бѣлую руку. Иветтъ посмотрѣла искоса на свои пухленькія ручки и рѣшила, что она тоже не будетъ носить модныхъ рукавовъ. Она достала барынѣ шляпку изъ большой полосатой картонки и спросила:

— Шаль возьмете зеленую?

— Конечно,—отвѣтила она.—Въ ридикюлѣ есть пудра? Омбрель я не возьму: солнце осеннее грѣетъ мало, а у меня зонтикъ стараго фасона—съ высокой ручкой. Теперь никто такихъ не носитъ.

Вошелъ Егоръ Карапетовичъ. Онъ былъ въ шляпѣ, въ пальто съ цѣлымъ рядомъ капюшоновъ и съ палкой. Его кривыя ноги въ обтянутыхъ желтыхъ панталонахъ были засунуты въ черные сапоги съ коричневыми отворотами. Съ болтавшимся двойнымъ лорнетомъ, онъ былъ похожъ на того карикатурнаго петиметра, котораго такъ любили изображать художники начала девятнадцатаго вѣка.

— Ты обѣдаешь у maman?—сердито спросилъ онъ.

— Да. У насъ обѣда сегодня не готовятъ. Иветтъ тоже не будетъ дома. Она уходитъ къ своей крестной.

— А ты ѣдешь къ своей драгоцѣнной мамашѣ, и тамъ будетъ совокупно съ Жюлемъ семейный совѣтъ, какъ поступить далѣе? Я же буду обѣдать въ улицѣ Ришелье. Теперь я иду по дѣламъ. Пока ты будешь наслаждаться жизнью и праздникомъ, я буду добывать хлѣбъ, который необходимъ для того, чтобъ не умереть съ голода. Онъ необходимъ вотъ для этихъ тряпокъ.

Послѣднюю угрозу онъ крикнулъ на весь домъ и трагически потрясъ складку ея платья. Затѣмъ онъ надѣлъ цилиндръ и вышелъ на улицу, взявъ съ собою ключъ отъ квартиры. Тамъ, у дверей, ждалъ его мальчикъ, принесшій письмо. На немъ была разорванная жокейская шапочка, полосатая, желтая съ краснымъ и съ синей пуговицей наверху, и разорванные сѣрые сапоги.

— Ты еще здѣсь?—строго спросилъ Жоржъ.

— Я еще не получилъ за комиссію,—отвѣтилъ мальчикъ и снялъ свою каскетку.

Онъ запустилъ руку въ карманъ, вынулъ завернутыя въ обрывокъ синей бумаги деньги и бросилъ ихъ мальчику. Тотъ развернулъ бумагу и увидѣлъ нѣсколько мѣдныхъ су. Онъ изумился щедрости господина и, побѣжавъ за нимъ слѣдомъ, сказалъ:

— Если хотите, я могу прослѣдить madame и monsieur Жюля,—проговорилъ онъ.

Палка Жоржа поднялась, чтобы ударить мальчика, но тотъ увернулся. Жоржъ хотѣлъ обругать его за нахальство но воздержался: пусть отъ себя мальчикъ дѣлаетъ, что хочетъ. Можетъ быть, ему пригодится его служба.

Вскорѣ гаменъ отсталъ отъ него, перейдя на другую сторону улицы, къ знакомому мальчугану, и Егоръ Карапетовичъ одинъ продолжалъ дорогу.

День только что начинался. Магазины еще были открыты до окончанія обѣдни, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые съ утра по праздникамъ закрыты и торгуютъ только въ будни. По троттуарамъ уже двигалась толпа, шурша ногами по опадавшимъ съ молодыхъ каштановъ листьямъ. Стало на улицѣ точно свѣтлѣе отъ этой порѣдѣвшей зелени. Осеннее солнце ярко заливало одну сторону бульваровъ. Жоржъ поднимался все выше въ гору—ему надо было въ ту мѣстность, которая называлась Chateau d'eau и которая помѣщается сѣвернѣе большихъ бульваровъ. На углу одной изъ улицъ, гдѣ выставлены были на витринѣ магазина разныя мелкія вещи, онъ заинтересовался новыми маленькими записными книжками и карманными карандашами. Онъ зашелъ въ лавочку и купилъ двѣ книжки и два карандаша. Онъ былъ очень доволенъ покупкой: и дешево было, и ему нравились эти «бездѣлушки». «Можетъ быть, кому сегодня подарю», подумалъ онъ.

XI.

Въ одномъ изъ переулковъ близъ Шато-д'О онъ поднялся на нѣсколько ступеней по темной узкой лѣстницѣ и трижды стукнулъ у двери.

Издали послышался голосъ:

— Войдите!

Онъ вошелъ въ крохотную полутемную комнату, болѣе похожую на курятникъ, чѣмъ на жилое помѣщеніе, освѣщенное дверью, открытою въ сосѣдній свѣтлый аппартаментъ.

— Мосье Жоржъ?—спросилъ тотъ же голосъ.

— Онъ самый! —весело отозвался вошедшій.—Надѣюсь, позволяется войти?

Онъ вошелъ въ пальто, но снялъ шляпу. По серединѣ комнаты стоялъ бѣлокурый одутловатый молодой человѣкъ въ восточномъ халатѣ и фескѣ, кисточка которой свѣшивалась назадъ.

— У меня впереди есть полчаса времени,—проговорилъ хозяинъ.— Поэтому садитесь и разсказывайте, въ чемъ дѣло. Надѣюсь, madame Жоржъ чувствуетъ себя хорошо?

Егоръ Карапетовичъ сказалъ, что надежда не обманула его и что сегодня madame уѣхала въ Венсенъ къ мамашѣ, что рисуетъ миніатюры.

— Праздникъ,—подтвердилъ хозяинъ.

Егоръ Карапетовичъ, какъ былъ въ пальто, такъ и сѣлъ въ кресло, только разстегнулся, и заложилъ нога на ногу.

— Я знаю, Горшельдъ, вамъ время дорого, и потому я не медля приступлю къ дѣлу. Дѣло касается нашего милѣйшаго князя.

Горшельдъ, встрѣтившій гостя небрежно, сталъ внимательнѣе, но при этомъ сказалъ:

— Я пойду за ширмы и буду одѣваться, а вы разсказывайте.

Онъ разстегнулъ петли шлафрока, посмотрѣлъ, прищурившись, на гостя и, шлепая туфлями по ковру, скрылся за ширмы.

Егоръ обвелъ глазами комнату. Здѣсь все было попрежнему. Тотъ же коверъ внизу, то же бюро съ дѣлами, уложенными въ систематичномъ порядкѣ, тѣ же Діана и Актеонъ въ англійской гравюрѣ, висящей надъ софой въ золоченой рамѣ. Тѣ же профильные черные силуэты въ рамахъ краснаго дерева,—все попрежнему. Онъ втянулъ въ себя воздухъ и, протирая свой лорнетъ, сказалъ:

— Нашъ милѣйшій князь, кажется, лѣзетъ въ силокъ.

— Вы про кого говорите?—спросилъ хозяинъ изъ-за ширмъ.

— Про очаровательнаго Boris.

— Почему же онъ лѣзетъ въ силокъ?

— Онъ сидитъ безъ денегъ.

Ширмы вдругъ пошатнулись, какъ будто Горшельдъ собрался упасть въ обморокъ. Но онъ удержалъ «параванъ» за одно изъ копій, которыя составляли, по замыслу художника, главную ихъ основу, и спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Продолжайте, это интересно.

— Онъ сидитъ безъ денегъ,—продолжалъ Жоржъ,—и обратился ко мнѣ съ просьбою достать по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

— Вы что же сдѣлали?

— Я къ вамъ пришелъ.

— Дальше что?

— Что дальше? Мнѣ кажется, это ясно безъ моихъ объясненій. Я далъ вамъ слово сообщать все интересное о князѣ. Вы — управля-

ете всѣми имѣніями его тестя, который ненавидитъ его. Вы каждое воскресенье ѣздите къ нему съ докладомъ.

— Да, я поѣду черезъ двадцать пять минутъ,—сказалъ Горшельдъ.

— Поэтому я и сообщилъ вамъ эту новость. Что такое пятьдесятъ тысячъ франковъ! Для вашего патрона это все равно, что для меня пятьдесятъ сантимовъ. Быть можетъ, онъ дастъ эти деньги, конечно, черезъ подставное лицо, и князь будетъ въ его рукахъ.

Горшельдъ ничего не отвѣтилъ. Слышно было, какъ онъ сопѣлъ носомъ, натягивая, должно быть, сапоги. Потомъ онъ спросилъ:

— Это все, что вы мнѣ хотѣли сказать?

Егоръ Карапетовичъ скорчилъ гримасу, но, подумавши, что хозяинъ можетъ за нимъ слѣдить въ щель между створками ширмъ, замѣтилъ:

— Развѣ эта новость такъ незначительна?

— Нѣтъ, она значительна!—почти про себя буркнулъ хозяинъ.

— Крестьяне сосѣдняго селенія,—продолжалъ Жоржъ,—относятся къ князю подозрительно. Хотя онъ скрываетъ, что онъ бывшій русскій офицеръ и русскій подданный, но въ немъ готовы ваши добрые крестьяне видѣть чуть ли не шпіона. Они если не считаютъ его за русскаго, то во всякомъ случаѣ знаютъ, что онъ не французъ.

— Откуда вамъ все это извѣстно?

— Не все ли вамъ равно?

Горшельдъ вышелъ изъ-за ширмъ. На немъ были узкіе свѣтло-сиреневые штаны, къ которымъ онъ пристегивалъ бретели. Онъ подошелъ къ зеркалу и не торопясь сталъ прицѣплять ихъ, нисколько не стѣсняясь своимъ гостемъ.

— Мнѣ все равно, откуда вы это знаете,—проводя пальцами по мягкому подбородку съ ямочкой, проговорилъ онъ.—Но насколько эти свѣдѣнія достовѣрны?

— Они достовѣрны,—серьезно сказалъ Жоржъ.— Я развѣ приносилъ когда-нибудь ложныя свѣдѣнія?

Въ его голосѣ звучала отчасти обида на то, что ему не повѣрили. Но Горшельдъ не обратилъ на это вниманія.

— Очень важно, это очень важно!—только сказалъ онъ.—Вы не можете себѣ представить, насколько это важно!

Сказавъ это, онъ опять ушелъ за ширмы.

Егоръ Карапетовичъ изумленно похлопалъ вѣками. Онъ именно послѣднему сообщенію и не придавалъ значенія. Впрочемъ, онъ зналъ, что хозяинъ не скажетъ причину важности, и потому направилъ теченіе разговора въ прежнее русло.

— Деньги нужны на неопредѣленный срокъ. Вотъ это такъ важно. Тутъ надо запутать князька. Какъ широкая натура, онъ свысока подпишетъ обязательство, не входя въ детали.

Горшельдъ опять вышелъ изъ-за ширмъ, уже въ бѣломъ жилетѣ.

— И вы хотите его подвести?—иронически спросилъ онъ.

— Я ничего не хочу, мнѣ все равно до него, какъ до того снѣга, который былъ причиной гибели великой арміи.

Горшельдъ похлопалъ себя по жирнымъ бокамъ ладонями и спросилъ:

— Что же, по-вашему, я долженъ сказать моему патрону?

— Вы ему должны дать совѣтъ.

— Какой?

— Вы должны посовѣтовать ему, чтобъ онъ непремѣнно одолжилъ князю просимую сумму. Вы должны нарисовать ему какую хотите картину, положительную или отрицательную, но такъ ли, иначе ли, деньги должны быть.

Горшельдъ надѣлъ голубой фракъ и сталъ выправлять свое жабо.

— Вы ѣдете верхомъ?—спросилъ Егоръ Карапетовичъ, смотря на его шпоры.

— Да,—отвѣтилъ онъ, опрокидывая флаконъ съ духами на платокъ.—До замка всего полтора часа ѣзды средней рысью, а галопомъ можно доѣхать менѣе, чѣмъ въ часъ. Мнѣ надо къ обѣду быть уже въ Парижѣ.

— А если васъ оставитъ обѣдать патронъ?

— Я извинюсь, и скажу, что занятъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не отказывался.

— Когда вы будете на моемъ мѣстѣ, тогда и обѣдайте.

— Я? на вашемъ?—съ дѣланнымъ изумленіемъ спросилъ гость.

— О, господинъ Жоржъ, да неужели я не знаю, вы спите и видите, какъ бы сѣсть на мое мѣсто и грабить направо и налѣво. Вы знаете, что годовой оборотъ, проходящій черезъ мои руки, достигаетъ четырехъ милліоновъ франковъ?

Жоржъ невольно издалъ восклицаніе.

— Ничья смерть васъ не порадовала бы такъ, какъ моя,—останавливаясь предъ нимъ, сказалъ хозяинъ.—Но, другъ мой, никогда и ни въ какомъ случаѣ васъ не возьметъ Сенъ-Дизье своимъ управляющимъ.

Онъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу.

— Мнѣ уже привели лошадь,—сказалъ онъ.—А потому я сажусь и подвожу итогъ нашему разговору.

Онъ сѣлъ на свое мѣсто у бюро.

— Князь нуждается въ деньгахъ, ему нужно пятьдесятъ тысячъ. Хорошо, я передамъ это моему патрону и безо всякаго давленія съ моей стороны. Онъ отвѣтитъ мнѣ, какъ найдетъ нужнымъ, а, можетъ быть, и совсѣмъ не отвѣтитъ.

Онъ началъ натягивать желтыя перчатки и, натянувъ, взялъ въ руки хлыстъ.

— О результатѣ моего сегодняшняго разговора вы будете знать завтра,—сказалъ онъ.

Жоржъ тоже всталъ и потрепалъ Горшельда по плечу.

— Хе-хе! я зналъ, что васъ обрадуетъ моя новость,—сказалъ онъ.

— Да, я очень обрадованъ,—сказалъ хозяинъ и повернулъ свое каменное, неподвижное лицо съ пухлыми глазками къ гостю.— Только я удивляюсь одному: за что вы хотите мстить князю? У васъ есть старые счеты?

Жоржъ опустилъ глаза.

— Есть,—сказалъ онъ.—Но объ этомъ да позволено мнѣ будетъ умолчать.

— Пожалуйста!—отвѣтилъ хозяинъ.—Между нами та разница, что вы хотите не только сдѣлать дѣло, но и отомстить за что-то прошлое, а я только исполняю свой долгъ.

Онъ не торопясь повернулъ ключь въ замкѣ двери, для чего взялъ хлыстъ подъ мышку. Потомъ онъ попробовалъ, хорошо ли заперъ дверь, и спустился вмѣстѣ съ гостемъ на крыльцо. Рослый малый съ утинымъ лицомъ подвелъ ему вороную лошадь. Горшельдъ протянулъ гостю руку и сказалъ:

— Завтра я извѣщу васъ.

Потомъ онъ вложилъ лѣвую ногу въ стремя, оттолкнулся и перекинулъ ногу черезъ англійское сѣдло. По тому пріему, съ какимъ онъ разобралъ поводья и попятилъ коня назадъ, видно было, что онъ опытный ѣздокъ и дальняя дорога въ замокъ патрона для него дѣло привычное.

Онъ слегка тронулъ шпорой бокъ лошади и съ мѣста поднялъ ее галопомъ. Сдѣлано это было для Жоржа, или такая была у него привычка,—трудно сказать. Легкое облако пыли закрутилось за нимъ и исчезло. Жоржъ какъ-то встряхнулся и пошелъ своей дорогой, помахивая палкой.

Въ сущности, ему рѣшительно не за что было мстить князю. Онъ никогда не видѣлъ отъ князя презрительнаго отношенія ни къ себѣ, ни къ своимъ поступкамъ. И даже, когда въ Петербургѣ князь уплатилъ своимъ кредиторамъ нѣсколько тысячъ процентныхъ денегъ, никогда ни словомъ ни намекомъ онъ не выказалъ своего недовольства. Правда, нажившій кое-что на этомъ займѣ Егоръ Карапетовичъ считалъ, что князь ему долженъ хоть немного былъ дать «ну, тыщенку, ну, хотя бы пятьсотъ рублей», но не въ этомъ заключалась причина его ненависти. Ему казалось, что Борисъ, какъ прирожденный баринъ, ничего не заслуживаетъ, кромѣ эксплоатаціи.

Онъ вышелъ на бульвары и пошелъ внизъ, помахивая палкой и слегка посвистывая. Визитъ къ Горшельду не привелъ его въ хорошее настроеніе, но увеличилъ ту желчь, что съ утра поднималась

въ немъ. Онъ завидовалъ сегодня всѣмъ, въ томъ числѣ и пухлому блондину.

— Обворовываетъ этого стараго идіота,—шепталъ онъ.—Не менѣе тысячъ тридцати франковъ ежегодно прилипаетъ къ его ладонямъ. А туда же корчитъ честнаго малаго! Знаемъ мы этихъ честныхъ. Ужъ если честный хапнетъ, такъ ужъ такъ, что только перья полетятъ... Хорошо, что я ему не отдалъ записную книжечку. Пригодится кому-нибудь другому.

XII.

Между тѣмъ, «честный человѣкъ», покачиваясь на ворономъ иноходцѣ, ѣхалъ по версальской дорогѣ въ превосходномъ настроеніи. Онъ былъ очень доволенъ визитомъ Жоржа, и если не показалъ ему этого, то потому, что вообще не любилъ показывать своихъ чувствъ другимъ. Причинъ этого довольства было много. Во-первыхъ, Жоржъ, очевидно, въ немъ нуждался, это разъ. Второе—пахло въ воздухѣ жаренымъ, и можно было хапнуть и много. Въ-третьихъ, можно было доставить патрону удовольствіе; пусть патронъ не покажетъ что онъ радъ, но все это будетъ большой плюсъ въ пользу управляющаго. Въ-четвертыхъ,—а это чуть ли не самое главное,—онъ позоветъ при первомъ удобномъ случаѣ кривого Пишо, и съ нимъ устроитъ такое дѣло, что чертямъ въ аду будетъ тошно, если вообще тошнитъ когда-нибудь чертей, и если они существуютъ гдѣ-нибудь во вселенной, и если это мѣсто называется адомъ.

Онъ вспоминаетъ, какъ еще мальчикомъ онъ здѣсь, по этой самой дорогѣ, вмѣстѣ съ ватагой мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ верхомъ по-мужицки на упряжныхъ лошадяхъ, и съ цѣлой оравой пѣшихъ сопровождалъ карету послѣдняго короля, котораго везла чернь въ Парижъ съ требованіями отчета. Онъ помнитъ, какъ онъ долго бѣжалъ возлѣ самой королевской кареты и какъ видѣлъ ясно рыхлое лицо толстаго короля, повидимому, спокойно относившагося къ этой шумихѣ. Тогда онъ бѣжалъ въ коротенькихъ штанахъ и кричалъ что-то вмѣстѣ съ революціонерами. Ему было весело, какъ бываетъ всегда весело подростку, когда онъ бѣжитъ и кричитъ со всѣми, безразлично будь то революціонеры или роялисты.

А теперь? какая разница! Онъ ѣдетъ на своемъ, на своемъ собственномъ скакунѣ. На немъ отличный синій фракъ, за который заплачено портному все до послѣдняго сантима. Онъ никому не долженъ, а сколько у него есть золота и бумагъ въ банкѣ, про это знаетъ только кассиръ банка и онъ самъ.

Онъ вдохнулъ полной грудью живительный осенній воздухъ и громко сказалъ:

— Да, теперь лучше, чѣмъ тогда, когда везли короля.

Потомъ онъ перешелъ мыслями на будущее, на то будущее, что сейчасъ предстояло ему. Онъ обдумывалъ докладъ патрону, обдумывалъ тѣ выраженія, въ какихъ придется ему изложить извѣстіе объ его зятѣ, и думалъ: сумѣетъ патронъ скрыть на своемъ лицѣ радость, или нѣтъ? Онъ бы сумѣлъ скрыть. Но вѣдь онъ только ученикъ своего патрона, не больше.

Ровно въ опредѣленный часъ онъ въѣхалъ во дворъ стариннаго замка. Его поросшія мохомъ башни помнили не только короля-Солнце, но и Карла Седьмого, который когда-то ночевалъ здѣсь.

Горшельдъ сдалъ лошадь на руки красно-ливрейнаго стремяннаго и вошелъ въ вестюбиль замка. Помощникъ швейцара смахнулъ съ него щеткой насѣвшую на дорогѣ пыль и сдалъ на руки старому лакею, который повелъ его наверхъ, показывая давно знакомый путь, но совершая этотъ обрядъ съ такою торжественностью, точно гость былъ впервые въ замкѣ.

Гость слѣдовалъ за нимъ, сжавъ губы, взглядывая мимоходомъ въ зеркала и видя отраженіе своего круглаго блѣднаго лица. Сѣдой лакей, мягко поскрипывая башмаками съ пряжками, велъ его изъ залы въ залу, мимо севрскихъ и китайскихъ фарфоровъ, мимо саксовъ, черезъ старую оружейную комнату.

Въ знакомой пріемной, что была передъ кабинетомъ, представительный лакей повернулся и важно сказалъ:

— Я сейчасъ доложу.

Дверь неслышно отворилась и неслышно затворилась. Сейчасъ же лакей появился снова. Онъ съ глубокимъ поклономъ прошепталъ:

— Просятъ подождать нѣсколько минутъ, они изволятъ заканчивать свои занятія.

Горшельдъ мотнулъ головой и сталъ мѣрить комнату по топкому выцвѣтшему ковру. Часы съ изображеніемъ барана задорно тикали на каминѣ.

Онъ остановился у окна. Запущенный, угрюмый садъ разстилался передъ домомъ. Каскады молчали. Тѣнь отъ деревьевъ была угрюма, какъ сами деревья, и весь садъ казался кладбищемъ. И здѣсь провела свои юные годы Клеръ, отсюда она поѣхала вѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ! Отецъ остался одинъ въ огромномъ замкѣ...

Изъ кабинета донесся звукъ колокольчика. Старый лакей опять появился и, распахнувъ двери розоваго дерева съ бронзой, радостно оповѣстилъ:

— Просятъ.

Управляющій вошелъ въ кабинетъ.

По бритому лицу старика Горшельдъ сразу увидѣлъ, что онъ въ духѣ. Онъ сидѣлъ за большимъ рабочимъ столомъ, обложенный

бумагами, въ просторномъ домашнемъ шлафрокѣ. Онъ только что получилъ сообщеніе, что войска Наполеона еще отступили, и это привело его въ прекрасное настроеніе. Чѣмъ большее униженіе суждено его Франціи, тѣмъ лучше. Какъ онъ ни разу не показался при дворѣ корсиканца, онъ, представитель вымиравшаго французскаго рода, такъ онъ готовъ былъ на всякое униженіе передъ своимъ «несчастнымъ другомъ» Людовикомъ Шестнадцатымъ. Онъ терпѣть не могъ этого несчастнаго друга. Это широкое лицо, глупый профиль, ватная безхарактерность, все говорило противъ него. Но онъ былъ представитель королевской власти, и этого довольно. И потому Шарль Сенъ-Дизье готовъ былъ склонить передъ нимъ колѣна и развязать ремень его сапога, въ знакъ того, что онъ преданный ему вассалъ, что не даромъ кровь величайшихъ родовъ Франціи, не даромъ кровь дѣвственницы Іоанны лилась въ защиту призрака священной власти. Но теперь онъ предоставилъ мѣсто тѣмъ «выскочкамъ», тѣмъ, кого его учитель ксендзъ называлъ homo novus, и которые не имѣли ничего общаго съ величіемъ Франціи. Пусть это были люди талантливые, даже геніальные, но между великимъ полководцемъ и императоромъ огромное разстояніе и совмѣстить геній правителя съ геніемъ главнокомандующаго нельзя.

Онъ слѣдилъ по огромной картѣ средней Европы за всѣми движеніями французскихъ войскъ; какъ французъ, онъ желалъ имъ побѣды, какъ внукъ того дѣда, который стоялъ возлѣ трона короля-Солнца, весь осіянный его лучами, онъ былъ радъ за это униженіе.

Онъ встрѣтилъ Горшельда восклицаніемъ:

— А! а я васъ задержалъ на пять минутъ.

Горшельдъ сказалъ что-то вродѣ того, что онъ можетъ и подождать и что Сенъ-Дизье можетъ не стѣсняться.

Сенъ-Дизье сдвинулъ свои черныя брови, какъ два жирныхъ черныхъ червяка, расположившіяся внизу его лба.

— Я знаю, мой милый, что мнѣ можно и чего нельзя,—нравоучительнымъ тономъ сказалъ онъ:—кого я могу заставить ждать, кого не могу. Не вамъ давать мнѣ уроки: вы слишкомъ молоды.

Кровь бросилась въ голову пухлаго блондина. Даже шея его, съ большимъ прыщомъ сбоку, покраснѣла.

— Если вы изволили извиниться предо мной,—сказалъ онъ:—то я изъ чувства деликатности и уваженія къ вамъ нашелъ нужнымъ вамъ отвѣтить.

Старикъ посмотрѣлъ на него и такъ собралъ носъ въ сборки, точно почувствовалъ запахъ чего-то прѣлаго. Но онъ сложилъ руки, пальцами другъ въ друга, и проговорилъ:

— Ну, хорошо. Имѣете ко мнѣ дѣла какія-нибудь?

— Дѣлъ никакихъ нѣтъ,—сказалъ Горшельдъ.—Продажа сѣна для арміи пріостановлена согласно вашему приказанію. Хоть я боюсь...

— Чего?

— Если непріятель вступитъ въ наши предѣлы, то запасы достанутся имъ даромъ. Впрочемъ, мы бы успѣли ихъ истребить.

Сенъ-Дизье засмѣялся.

— Если императоръ Александръ,—не безъ ироніи сказалъ онъ,—найдетъ возможнымъ взять мое сѣно для арміи и ничего не заплатить мнѣ—это его дѣло. Я не варваръ и жечь сѣно не буду, такъ какъ не веду борьбы съ животными.

Горшельдъ покорно наклонилъ голову.

— А еще что?—спросилъ старикъ.

— Ничего. Я узналъ, впрочемъ, одну новость, и достовѣрную.

Глаза старика поднялись съ ожиданіемъ на управляющаго. Онъ видѣлъ по равнодушному тону докладчика, что новость важная.

— Ну?—спросилъ онъ.

Горшельдъ будто внезапно подавился.

— Князь ищетъ денегъ,—сказалъ онъ, дѣлая виноватое лицо, точно извиняясь за него.

— Какой князь?

— Вашъ зять. Онъ ищетъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Очевидно, ему нужно,—такъ какъ за процентами, какъ я узналъ, онъ не стоитъ.

Старикъ помолчалъ. Онъ медленно вертѣлъ своей табакеркой и спокойно смотрѣлъ куда-то въ пространство.

— У него долги?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, имѣніе чистое,—отвѣтилъ Горшельдъ.

— Пятьдесятъ тысячъ... это такіе пустяки... А говорили, что онъ богатъ?..

Онъ опять помолчалъ, пожевавъ губами, и вдругъ спросилъ у управляющаго:

— А его супруга получила свои семьдесятъ пять тысячъ франковъ, что завѣщаны были ея крестной матерью и достались ей, когда она была лѣтъ десяти?

Глаза Горшельда забѣгали.

— Семьдесятъ пять тысячъ?—спросилъ онъ.—Я никогда даже о нихъ не слышалъ.

— Мало ли, мой милый, о чемъ вы не слышали!—пренебрежительно проговорилъ Сенъ-Дизье.—Значитъ, ей не выданы онѣ?

— Сколько я знаю—нѣтъ,—отвѣтилъ Горшельдъ.

— Завтра вы лично свезете ихъ къ владѣтельницѣ. У насъ путаются чужія деньги, а вы даже не знаете?...

— Я къ новому году провѣрялъ всѣ бумаги,—серьезно сказалъ управляющій:—даже слѣда нѣтъ суммъ, о которыхъ вы изволили сказать...

— Это не ваша вина, а вашего предшественника.

— Княгинѣ Клэръ извѣстно объ этомъ наслѣдствѣ?

Старикъ вытянулъ губы.

— Почемъ мнѣ знать, извѣстно ей это, или нѣтъ! Вы свезете завтра ей семьдесятъ пять тысячъ.

— Если это было болѣе двѣнадцати лѣтъ назадъ, то съ тѣхъ поръ успѣли нарасти проценты,—проговорилъ управляющій.

— Вы свезете семьдесятъ пять тысячъ,—крикнулъ старикъ:— и ни о какихъ процентахъ ни она, ни вы говорить не будете. Если эти деньги лежали у насъ въ замкѣ золотомъ, то... Но во всякомъ случаѣ, это не ваше дѣло...

— Слушаю,—проговорилъ Горшельдъ.

— У васъ новый фракъ!—вдругъ воскликнулъ старикъ.—Мнѣ нравится этотъ цвѣтъ.

Горшельдъ отдулся и не сказалъ ни слова.

— Хорошій фракъ,—повторилъ Сенъ-Дизье и, помолчавъ, прибавилъ:

— Я могу не видѣть мою дочь, не видѣть своего зятя. Но моя дочь не можетъ нуждаться.

Онъ ударилъ тетрадкой по столу.

— Моя дочь, отрасль нашего рода, не можетъ не только отказывать себѣ въ необходимомъ, но не можетъ себѣ отказывать даже въ прихотяхъ.

Онъ строго посмотрѣлъ на управляющаго.

— У нихъ нѣтъ дѣтей?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Мой сынъ, Франсуа, умеръ,—продолжалъ старикъ. Но потомъ вдругъ остановился и повторилъ:

— Завтра же вы поѣдете и свезете семьдесятъ пять тысячъ.

Онъ открылъ ящикъ стола, нашелъ какую-то засаленную старую книжку, всю исписанную цифрами, нашелъ что-то, надѣвъ очки и проводя вылощеннымъ ногтемъ по какимъ-то графамъ.

— Клэръ получила въ наслѣдство семьдесятъ тысячъ,—сказалъ онъ.—Но я сказалъ семьдесятъ пять... Вы свезете семьдесятъ пять и возьмете расписку въ семидесяти пяти... А теперь—все. Вы можете итти. Завтра предъ обѣдомъ вы заѣдете ко мнѣ и сообщите, какъ исполненъ мой приказъ. До свиданія!

Старикъ сдѣлалъ что-то вродѣ кивка своей лысой головою. Управляющій поклонился и вышелъ.

XIII.

Утромъ на слѣдующій день вороная лошадь, взмыленная и потная,—должно быть, всадникъ сегодня пускалъ въ ходъ и хлыстъ и шпоры,—остановилась предъ крыльцомъ маленькаго замка.

— Могу я видѣть кого-нибудь изъ хозяевъ?—спросилъ всадникъ выбѣжавшему на стукъ подковъ груму.

— Какъ о васъ сказать?—спросилъ мальчикъ, взявшись за удила лошади.

Горшельдъ не торопясь слѣзъ съ сѣдла, назвалъ свою фамилію и прибавилъ мальчику, повернувшемуся, чтобъ итти:

— По важному дѣлу, прошу немедленно принять.

Онъ заставилъ вороного фыркнуть два раза и тѣмъ освободить ноздри отъ набившейся при скачкѣ пыли. Потомъ онъ перекинулъ черезъ голову ему повода и не безъ любопытства осмотрѣлся. Онъ былъ здѣсь впервые. Все обличало порядокъ и полное довольство.

— Барскія прихоти!—подумалъ онъ про деньги и пощупалъ свой карманъ, гдѣ онѣ лежали, нѣсколько оттопыривая одну сторону фрака.

— Просятъ въ садъ,—сказалъ лакейченокъ, показывая на калитку сада.—По аллеѣ сейчасъ направо,—прибавилъ онъ, и самъ пошелъ съ лошадью къ службамъ, гдѣ былъ конюхъ.

Горшельдъ направился по аллеѣ, потомъ направо. Среди цвѣтника, на большой каменной скамьѣ сидѣлъ князь и держалъ въ рукахъ старую книжку съ краснымъ обрѣзомъ. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на приближающагося гостя и, видя, что онъ снялъ шляпу, всталъ со скамьи и спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

— Робертъ Горшельдъ, по важному дѣлу,—сказалъ онъ.

Борисъ показалъ ему на скамью возлѣ себя. Но гость не сѣлъ. Онъ вынулъ пакетъ изъ кармана и не торопясь освободилъ его отъ бумаги.

— Я управляющій всѣми дѣлами вашего тестя, господина Сенъ-Дизье,—сказалъ онъ,—и пріѣхалъ сюда, чтобы сообщить княгинѣ, не можетъ ли она получить тѣ семьдесятъ пять тысячъ ея денегъ, которыя до сихъ поръ находятся у насъ, но принадлежатъ ей по завѣщанію графини Шантильи?

Борисъ удивленно повелъ головою.

— Мнѣ жена никогда о нихъ даже не говорила,—сказалъ онъ.

— Княгиня, можетъ быть, не знаетъ о нихъ даже,—усмѣхаясь возразилъ Горшельдъ.—Вчера, на докладѣ, мнѣ настоятельно приказано сегодня же покончить этотъ вопросъ. Деньги я привезъ съ собою. Ваша супруга благоволитъ пересчитать ихъ и выдать расписку въ полученіи.

Управляющій протянулъ князю свертокъ. Но князь его не взялъ.

— Княгиня одѣвается,—сказалъ онъ.—Я передамъ ей о вашей миссіи, и пусть она считается съ вами.

Онъ пошелъ къ дому, не позвавъ за собою гостя. Песъ выбѣжалъ ему навстрѣчу и подозрительно сталъ обнюхивать гостя. Горшельдъ не любилъ собакъ и поднялъ руки, чтобы онѣ остались въ цѣлости. Что же касается ногъ, онъ о нихъ не особенно безпо-

коился, такъ какъ ботфорты, по его мнѣнію, были надежной защитой отъ собачьихъ попытокъ. Невдалекѣ онъ увидѣлъ стараго садовника, что-то подвязывавшаго на клумбахъ. Потомъ онъ сѣлъ на скамью и сталъ посвистывать. Небо было голубое, погода для осени великолѣпная. Цвѣты еще цвѣли пышно. Гортензіи большими шапками окружали его; настурціи вились по самой скамьѣ, и ихъ огненные фіалы безстрашно смотрѣли на приближавшуюся осень.

Опять появился мальчикъ. Онъ предложилъ Горшельду пройти въ домъ, сказавъ, что его «просятъ».

Въ кабинетѣ онъ увидѣлъ за столомъ князя и стоящую по серединѣ комнаты Клэръ. Она была одѣта въ утренній розовый пеньюаръ, подъ самою грудью перехваченный лентой, концы которой шли до самаго пола.

— Давно не видались,—сказала она гостю, кивая ему головою.— О какихъ деньгахъ вы говорите, Горшельдъ? Я ничего не знаю.

Пухлыя вѣки заморгали, маленькіе глаза зорко посмотрѣли на молодую женщину.

— Я такъ и думалъ, это вы не знаете,—развязно заговорилъ онъ.—Вашъ достопочтенный батюшка поручилъ мнѣ эти деньги свезти къ вамъ сегодня же, чтобъ онѣ не путались между другими. Я исполнилъ его волю, или, вѣрнѣе, его приказъ,—вотъ и все. А что, какъ и почему,—этого я не знаю и не желаю знать. У меня столько дѣлъ, что я не могу вдаваться въ подробности, которыя меня не касаются.

Онъ положилъ пакетъ на край стола.

— Какого рода расписку княгиня должна дать?—спросилъ Борисъ.—Продиктуйте, я напишу, а она подпишетъ.

— Въ какой угодно формѣ, но чтобы изъ нея было видно, что отъ меня деньги такими-то бумагами получены. Не угодно ли посмотрѣть.

Князь небрежно взглянулъ на бумаги и началъ писать. Горшельдъ посмотрѣлъ на княгиню.

— Вы очень поправились,—сказалъ онъ фамильярно.—Счастливъ, что засталъ васъ въ полномъ здоровьѣ.

Она окинула его удивленнымъ взглядомъ и ничего не сказала. Она слѣдила за мужемъ, что писалъ онъ. Потомъ подошла къ столу, подписала новымъ, только что очиненнымъ перомъ свою фамилію,— и спросила:

— Больше вамъ ничего не надо?

— Ничего.

Онъ провелъ платкомъ по блѣдному, толстому лицу, прищурившись, внимательно прочелъ расписку, не торопясь положилъ ее въ карманъ и проговорилъ:

— Имѣю честь кланяться!

«Даже не предложили сѣсть,—косо усмѣхаясь, подумалъ онъ, выѣхавъ изъ воротъ замка.—Они взяли семьдесятъ пять тысячъ франковъ, точно выпили стаканъ воды,—точно это дѣлается ежедневно, точно они привыкли къ этому».

Онъ повернулъ не къ Парижу, а направо, къ небольшому селенію, что виднѣлось своею церковкою изъ-за холмовъ. Да и было время, потому что изъ города къ замку ползло новое облачко пыли. Это ѣхалъ его знакомый, мосье Жоржъ, съ которымъ онъ сейчасъ не имѣлъ нужды и никакой охоты встрѣчаться.

Когда онъ вышелъ изъ кабинета, Клэръ сказала мужу:

— Я ничего не понимаю. Настоящія это бумаги, не фальшивыя?

Князь улыбнулся.

— Настоящія. Онѣ кстати пришли. Тебѣ нужны деньги?

Она отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, возьми ихъ себѣ, мнѣ ничего не надо. Будетъ надо, спрошу,—отвѣтила она.

Онъ положилъ конвертъ въ стѣнной шкапъ. Теперь эти деньги избавляли его отъ необходимости займа и давали возможность расплатиться съ мелкими долгами, образовавшимися за послѣдній годъ, и прожить пока, не думая о будущемъ.

Когда онъ убиралъ деньги въ бюро, во дворѣ опять послышался топотъ.

— Сегодня, кажется, здѣсь раутъ?—замѣтилъ онъ женѣ:—опять пріѣхалъ кто-то.

Въ дверяхъ показалась фигура Боклевскаго. Онъ недовольнымъ голосомъ заявилъ:

— Этотъ, какъ его,—черноногій, маленькій, что въ Петербургѣ все вился, Егоръ Карпычъ, что ли,—пріѣхалъ.

Теперь, послѣ того, какъ деньги были въ шкапу, этого гостя можно было и не принять. Но онъ, какъ бы то ни было, хлопоталъ по его дѣлу и пріѣхалъ за двѣнадцать лье. Поэтому Борисъ велѣлъ его просить въ кабинетъ.

Егоръ Карапетовичъ вошелъ съ неизбѣжной счастливой улыбкой на гладко пробритомъ лицѣ, съ височками и хохолкомъ, во фракѣ и желтыхъ панталонахъ. Онъ успѣлъ сказать два-три пріятныхъ слова Боклевскому и нѣсколько разсѣять то непріятное впечатлѣніе, которое смутно осталось въ немъ отъ прежняго времени, связанное съ проигрышемъ барина, какими-то деньгами и хмурой петербургской погодой.

Клэръ уже вышла, когда Егоръ Карапетовичъ вступилъ въ комнату. Онъ радостно привѣтствовалъ хозяина:

— Какъ вы поживаете? Супруга что? Ну, очень радъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ monsieur George, въ немъ появилась какая-то фамильярность. Попрежнему тонъ его былъ почтите-

ленъ, но въ немъ сквозило какое-то «амикошонство», какъ принято тогда было говорить.

— Ну, драгоцѣнный мой, весь я Парижъ обрыскалъ по вашему дѣлу. Сказать, что успѣшно—не могу,—началъ онъ.—И главная причина временнаго неуспѣха заключается въ томъ, какъ я и предупреждалъ васъ,—въ нашей національности.

— Въ нашей?—переспросилъ съ удивленіемъ князь.—Развѣ мы съ вами одной національности?

— Конечно, мы оба русскіе!—воскликнулъ Егоръ Карапетовичъ.—То-есть были оба русскими. Я перешелъ въ католичество и принялъ здѣшнее подданство.

Онъ захохоталъ, точно провелъ все человѣчество.

— Нашелъ это нужнымъ. Мнѣ все равно—быть грекомъ, русскимъ, англичаниномъ... Я космополитъ и отечества не признаю. Гдѣ я сейчасъ живу,—тамъ мое отечество.

Егоръ Карапетовичъ опять захохоталъ. Онъ былъ, повидимому, счастливъ, несмотря на распри съ женой и на то, что вчера она, выйдя изъ дома утромъ, вернулась только поздно ночью. Правда, она была, по ея словамъ весь, день, въ Венсенѣ у мамаши, но это не помѣшало ему во второмъ часу ночи разыграть бурную сцену. Такія сцены повторялись регулярно раза три въ недѣлю, и послѣ нихъ Егоръ Карапетовичъ, повидимому, былъ лучше настроенъ.

— Я въ своихъ убѣжденіяхъ считаю себя совершенно свободнымъ человѣкомъ,—продолжалъ онъ, закладывая нога на ногу и отваливаясь въ сафьянномъ креслѣ. Онъ теперь сознавалъ себя по отношенію князя нужнымъ человѣкомъ и потому держалъ себя независимо. Онъ вѣрилъ своему credo и считалъ, что долгъ совѣсти обязываетъ его открыто исповѣдывать свою вѣру.

— Революція тѣмъ велика, тѣмъ значеніе ея для человѣчества громадно, что она на первый планъ поставила разумъ. Разумъ одинъ можетъ руководить дѣйствіями человѣка. Если бываютъ несчастья, то оттого только, что люди недостаточно дѣйствуютъ разумно.

— Итакъ, вы денегъ не достали?—спросилъ Борисъ.

— Пока мои поиски были почти безплодны.

— Что значитъ «почти»?

— Почти—такъ какъ не иначе вамъ предлагаютъ денегъ, какъ подъ залогъ недвижимости. Но такъ какъ у васъ недвижимости нѣтъ...

— Да, этотъ замокъ принадлежитъ княгинѣ,—подтвердилъ Борисъ.

— Ну, вообще подъ залогъ такой недвижимости денегъ не дадутъ на обыкновенныхъ условіяхъ,—продолжалъ Егоръ Карапетовичъ.—Замокъ лежитъ какъ разъ на пути союзныхъ войскъ къ Парижу. Кто поручится, что онъ не будетъ сожженъ союзниками?

Кто поручится, что въ эти картины и вазы не будутъ отъ нечего дѣлать стрѣлять изъ пистолетовъ русскіе и нѣмецкіе офицеры?

— Такъ вы пріѣхали ко мнѣ только затѣмъ, чтобы сообщить о безуспѣшности вашихъ розысковъ?—перебилъ его князь.

— Не совсѣмъ такъ,—отвѣчалъ гость.—Я, конечно, пріѣхалъ къ вамъ сообщить о результатахъ поисковъ,—потому что обѣщалъ сообщить ихъ вамъ. Достать деньги можно, давъ документъ на большую сумму, чѣмъ вы получите.

— Въ два раза?

— Около того.

— Вы бы ѣхали домой.

Егоръ Карапетовичъ покраснѣлъ.

— Вамъ, значитъ, не очень нужно,если вы сердитесь?

— Я нисколько не сержусь.

— Ваше предложеніе мнѣ ѣхать домой доказываетъ, что вы сердитесь. Кто даетъ вамъ денегъ, тотъ рискуетъ.

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что онъ не получитъ денегъ обратно... Постойте, не дѣлайте трагическихъ жестовъ, князь. Я говорю, не получитъ въ назначенный срокъ, а значительно позже. Вы можете получить не скоро ваше наслѣдство. Наконецъ,—извините за откровенность,—васъ могутъ... Ну, какъ это сказать деликатнѣе... убить.

— Кто же меня убьетъ?

— Патріоты. Словомъ, кто даетъ, тотъ рискуетъ. Я зналъ, что вы не согласитесь на тѣ условія, что вамъ предлагаютъ,—это ваше дѣло. Но я счелъ своимъ долгомъ передать вамъ.

— Это все?

— Не совсѣмъ. Дня чрезъ два я жду одного человѣчка изъ Брюсселя. Быть можетъ, онъ предложитъ болѣе легкія условія.

Въ кабинетъ вбѣжала собака и зарычала на гостя.

— Она не кусается?—спросилъ онъ.

— Вы ее не укусите, а она не укуситъ,—отвѣтилъ Борисъ.

Егоръ Карапетовичъ хотѣлъ обидѣться,—но, раздумавъ, дѣланно засмѣялся.

— Это очень остроумно,—сказалъ онъ.—Но я не люблю собакъ. У всѣхъ есть свои пристрастія, чудачества и склонности. Я не люблю собакъ.

— А я не люблю людей,—проговорилъ князь.

— То-есть вы ихъ презираете?—подхватилъ гость.—Я тоже ихъ презираю, особенно женщинъ. На что онѣ нужны и чего достойны? Я не средневѣковый рыцарь...

Онъ увидѣлъ, что князь встаетъ, и тоже всталъ.

— Забылъ совсѣмъ,—жена просила вамъ кланяться,—продолжалъ онъ.—Я хотя поздно, но передалъ ея порученіе, и совѣсть моя спокойна.

Онъ посмотрѣлъ въ окно на желтѣющіе листья и сказалъ:

— А помните, князь, Петербургъ? Фонтанку, Новый мостъ? Ха-ха! Хорошее время было. Какъ гвардія пила тогда, какъ кутила! Ну-съ, до свиданія. Я сообщу вамъ, если что будетъ...

— Да вы не хлопочите, не стоитъ,—проговорилъ князь.

Егоръ Карапетовичъ удивился и спросилъ: почему не стоитъ? Князь ему не отвѣтилъ: онъ стоялъ у окна и задумчиво смотрѣлъ въ садъ. Monsieur Жоржъ вышелъ, надѣлъ въ вестибюлѣ плащъ и уже за оградой проговорилъ:

— Аристократы проклятые!

XIV.

Надъ Парижемъ еще висѣло сѣрое утро, еще магазины только отворялись, и одни газетчики, повара, кухарки и служащіе въ лавкахъ шаркали ногами по троттуару, когда три удара въ дверь квартиры въ переулкѣ близъ Шато д'О, усиленно повторяемые черезъ каждыя двѣ минуты, разбудили Горшельда. Онъ надѣлъ туфли и не одѣваясь подошелъ къ двери.

— Кто тамъ ломится?—сердитымъ и хриплымъ со сна голосомъ спросилъ онъ.

— Гаспаръ Пишо,—послышалось въ отвѣтъ:—я уже съ полчаса стучу здѣсь подъ дверью.

Горшельдъ откинулъ мѣдный крючокъ затвора.

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ вошедшему кривому мужчинѣ, которому на видъ было лѣтъ шестьдесятъ. Если бы я зналъ, что это вы, я бы еще спалъ.

— Солнце уже давно взошло,—пробормоталъ вошедшій.

— Вы бы вломились часа въ четыре!—продолжалъ хозяинъ.— Ну, входите же! Вы вчера были пьяны?

— Я каждый день пьянъ къ вечеру, ваша милость!—не смущаясь отвѣтилъ кривой.

— Поэтому вчера вы и не пришли на мой зовъ?

— О томъ, что ваша милость были у меня, мнѣ сказали только поздно ночью, когда я вернулся домой. На зарѣ я сейчасъ же побѣжалъ къ вамъ.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ Горшельдъ и, приподнявъ крышку кофейника, посмотрѣлъ внутрь и поставилъ его на таганъ.— Теперь вы трезвы?

— Я по утрамъ настолько же трезвъ, насколько пьянъ по вечерамъ,—отвѣтилъ Пишо.

— Вы мнѣ нужны.

— Къ вашимъ услугамъ. Такъ какъ у меня нѣтъ теперь работы, то я весь въ распоряженіи вашей милости.

— Я что-то не помню, чтобы у васъ была когда-нибудь работа,— пробормоталъ сквозь зубы хозяинъ.

— Такъ, иногда... съ большими промежутками бываетъ...

— Большіе промежутки. Когда вы сидите въ тюрьмѣ?

— Не всегда я сижу тамъ,—обидчиво сказалъ Пишо.—Всего я былъ приговоренъ къ тюрьмѣ шесть разъ, и четыре изъ нихъ совершенно несправедливо.

— А два раза по заслугамъ?

— Объ этомъ можно спорить. Все зависитъ отъ того, какъ посмотрѣть на то, что они называли преступленіемъ.

— Кто они?

— Судьи.

— Вы во время террора только случайно не были вздернуты за поджоги?

— Случайно, мосье.

— Вы очень находчивы. Говорятъ вы служили тѣмъ, съ кѣмъ васъ судьба сталкивала? Сегодня за однихъ, завтра за другихъ?

— Я человѣкъ неграмотный, мосье.

— Изо всѣхъ правъ человѣка вы, кажется, свободу дѣйствій признавали выше всего и дѣйствовали, какъ въ данную минуту находили нужнымъ?

— Вы удивительно вѣрно, мосье, поняли мой характеръ.

Горшельдъ ничего не отвѣтилъ на этотъ комплиментъ, а, поднявъ крышку, сталъ мѣшать въ кофейникѣ. Совершивъ эту операцію, онъ откинулся на спинку мягкаго кресла и спросилъ:

— Возлѣ вашего селенія живетъ князь Вязьмитиновъ?

— Живетъ, мосье.

— Имъ довольны или недовольны?

— Кто, мосье?

— Не стройте дурака,—я спрашиваю про крестьянъ?

Пишо скорчилъ удивленную гримасу.

— Быть довольными или недовольными княземъ у крестьянъ нѣтъ причинъ, мосье. Если бы это была эпоха славной революціи, быть можетъ, его бы повѣсили на воротахъ его замка. Но такъ какъ,— слава тебѣ Господи,—времена террора миновали, то онъ живетъ спокойно со своей молодой женой.

— Онъ бываетъ въ церкви?

— Рѣдко, мосье. Чаще моего, но рѣдко.

— Прошу васъ говорить болѣе опредѣленно.

— Я никогда не бываю.

— А онъ?

— Онъ раза два былъ у обѣдни.

— Вы знаете, что онъ не католикъ?

Сѣрый, заплывшій глазъ Пишо остановился на Горшельдѣ.

— А кто же онъ, мосье?

— Онъ греческой вѣры.

— Но онъ полякъ, мосье, а всѣ поляки католики.

— Онъ русскій,—а всѣ русскіе принадлежатъ восточной церкви.

Пишо даже попятился.

— Русскій? Мосье ошибается.

— Я никогда не ошибаюсь.

Горшельдъ поднялъ на него свои глазки и внимательно посмотрѣлъ на своего гостя.

— Ваши финансы плохи?—спросилъ онъ.

— Всегда плохи.

— Отчего?

— Я уже сказалъ, мосье, что въ настоящее время лишенъ работы.

— Вязьмитиновъ—русскій.

Пишо переступилъ съ ноги на ногу.

— Не понимаете? Это для васъ источникъ дохода?

— Я глупъ сталъ отъ времени, мосье, а потому прошу васъ объяснить мнѣ, что вы хотите сказать?

— Гмъ... Вы слыхали, что русскіе стоятъ во главѣ союзной арміи?

— Слыхалъ, мосье.

— Слыхали, что армія эта не сегодня-завтра вступитъ въ предѣлы Франціи?

— Слыхалъ, мосье.

— Знаете ли вы, что она подступитъ, быть можетъ, къ Парижу?

— И это тоже говорили, мосье.

— Что же вы скажете?

— Я думаю, что этого не допустятъ,—чтобы варвары заняли такую столицу, какъ Парижъ, когда у насъ во главѣ войска стоитъ геніальный императоръ.

— Давно ли, Пишо, вы стали монархистомъ?

Пишо на это ничего не отвѣтилъ.

Горшельдъ началъ наливать въ стаканъ ароматную горячую жидкость. Ноздри Пишо раздулись, и онъ, точно завороженный, сталъ внимательно слѣдить за паромъ, клубившимся надъ кофейникомъ.

— Итакъ,—началъ Горшельдъ, ударяя себя ладонью по правому колѣну, въ тактъ своимъ словамъ,—русскіе, пруссаки и всякое отрепье надвигается на насъ. Мы должны дать отпоръ. Мы должны положить свою жизнь, чтобы спасти дорогую родину. Мы должны сжечь наши жилища, и пусть враги встрѣтятъ однѣ развалины. Такъ сдѣлали русскіе—и такъ поступимъ и мы.

— Такъ поступимъ и мы!—какъ эхо, отозвался Пишо.

— Но вѣдь у васъ нѣтъ своего дома?

— Я живу у своего дяди. Но это ничего не значитъ; если явится необходимость, я могу поджечь его домъ.

— Я нисколько, мой другъ, не сомнѣваюсь въ этомъ. Но гораздо лучше, если вы сожжете виллу князя.

Горшельдъ глотнулъ изъ большой чашки.

— Неужели ваши односельцы такъ глупы,—спросилъ онъ:— что не понимаютъ, кто такой Вязьмитиновъ?

— Что же его понимать, мосье?

— Это шпіонъ, русскій обыкновенный шпіонъ. Ему такъ хорошо и удобно шпіонить, сидя въ часѣ ѣзды отъ Парижа и посылая условныя письма въ армію.

— Едва ли это такъ, мосье. Нашъ духовникъ отецъ Жозефъ утверждаетъ, что князь не только полякъ, но и превосходный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. Когда въ мартѣ умерла старуха Бюветъ, онъ похоронилъ ее на свой счетъ и поставилъ крестъ на ея могилѣ. Э? не всякій сдѣлаетъ это!

— Ну, Пишо, я думаю, вы дали бы су за то, чтобы васъ похвалилъ отецъ Жозефъ въ воскресной проповѣди? А погребеніе Бюветъ для князя было то же, что вамъ затратить одно су.

Онъ опять глотнулъ кофе и блаженно улыбнулся.

— Да, хорошо быть богатымъ,—сказалъ онъ:—лежать въ теплой комнатѣ, въ тепломъ халатѣ и пить горячій кофе. И какъ судьба несправедлива: однимъ дала все, а другимъ ничего. Одни—по пяти разъ въ день могутъ пить кофе. Другіе не могутъ его пить въ пять дней разъ.

Онъ зажмурился и опять глотнулъ.

XV.

— Это вѣковѣчный вопросъ!—продолжалъ онъ:—равномѣрное распредѣленіе богатствъ должно соотвѣтствовать равномѣрному распредѣленію труда.

— Я знаю, ваша милость цѣлые дни въ работѣ,—замѣтилъ Пишо.

— Я цѣлые дни полонъ трудовъ и заботъ,—строго сказалъ Горшельдъ.—Вы уйдете, я сяду за книги. Видите вы эту кучу записокъ и счетовъ? Ихъ надо разнести по счетамъ и графамъ. И это не грошевые счеты. Тутъ есть одинъ въ семьдесятъ пять тысячъ. Что вы на это скажете?

— Это большой капиталъ.

— Я думаю. А знаете ли вы, гдѣ онъ теперь находится? Возлѣ васъ въ замкѣ. Вамъ ничего не стоитъ собраться двумъ десяткамъ человѣкъ и взять эти деньги. Въ кабинетѣ сзади бюро есть вдѣланный въ стѣнѣ ящикъ съ старой дверцей. Два-три удара хорошимъ ломомъ, и дверца не выдержитъ.

— У мосье есть нѣсколько пистолетовъ,—сказалъ задумчиво Пишо.—Я самъ видѣлъ, какъ лѣтомъ князь стрѣлялъ въ цѣль.

— Пусть у него будетъ цѣлый арсеналъ пистолетовъ, но болѣе двухъ за разъ онъ не возьметъ. Ну, убьетъ онъ двоихъ, что же такое?

Пишо похлопалъ глазами.

— Надо будетъ дѣлиться съ меньшимъ числомъ участниковъ, вотъ и все! — продолжалъ пухлый молодой человѣкъ.—Семьдесятъ пять тысячъ большая сумма.

— Нынче правительство очень строго относится къ насилію!— нерѣшительно сказалъ Пишо.—Солдаты могутъ въ завоеванномъ городѣ грабить и жечь. А честнымъ гражданамъ это запрещено.

— Вы считаете себя честнымъ гражданиномъ?—спросилъ удивленно Горшельдъ.

— Я никого не обманулъ, мосье. Да, я убилъ въ то время, когда брали Бастилію и казнили Капета, двадцать восемь человѣкъ,— но они или первые начали драку, или принадлежали къ аристократическому роду.

— Въ этомъ была ихъ вся вина?—спросилъ Горшельдъ.

— Въ этомъ, мосье... Они являлись представителями неправильнаго распредѣленія имуществъ. Они являлись жертвами съ одной стороны, а я—мстителемъ съ другой.

— Такъ что вы не прочь были бы съ головой княгини на палкѣ обойти съ пѣснями вокругъ замка?

Пишо безпокойно сталъ перебирать поля шляпы, что держалъ въ рукахъ.

— Разсчитываться съ женщинами—это дѣло бабъ,—проговорилъ онъ.—Я никогда не посягалъ на ихъ жизнь.

Его взглядъ вдругъ упалъ на стопку пятифранковиковъ, лежавшую возлѣ кофейника и прикрытую до сихъ поръ носовымъ платкомъ Горшельда.

— Вы смотрите на деньги, Пишо?—спросилъ хозяинъ.—Я приготовилъ ихъ для васъ. Возьмите изъ нихъ, сколько вамъ нужно. Тутъ двадцать пять франковъ...

Пишо приблизился, взялъ задумчиво одну монету, потомъ другую.

— Мнѣ довольно десять франковъ, мосье,—сказалъ онъ.

— Вы очень скромны,—замѣтилъ Горшельдъ и распустилъ длинный кошелекъ съ кольцомъ, повидимому, почти пустой.—Я хочу вамъ сдѣлать подарокъ, Пишо,—сказалъ онъ, вытаскивая оттуда большой золотой.—Я хочу подарить вамъ сорокъ франковъ. Посмотрите, какой блестящій червонецъ, съ профилемъ императора и съ отмѣткой 1812. Это великій годъ похода на Москву. Возьмите эту монету, я ничего не имѣю, если вы ее не размѣняете, а по завѣщанію оставите дѣтямъ.

— У меня нѣтъ дѣтей, мосье,—конфузливо замѣтилъ Гаспаръ:— то есть, можетъ быть, они и есть, только я про нихъ никогда ничего не слышалъ.

Молодой человѣкъ нахмурился.

— Я повторяю,—проговорилъ онъ:—что князь русскій. Если вы не только возьмете всѣ деньги, находящіяся въ замкѣ, или, говоря безъ обиняковъ, ограбите его,—но если даже убьете его, когда онъ будетъ стрѣлять въ васъ, убьете, конечно, для самозащиты, всякій судъ васъ оправдаетъ потому уже, что онъ русскій и въ васъ говорилъ болѣе патріотизмъ, чѣмъ звѣрскіе инстинкты. Кто заставляетъ васъ разсказывать вашимъ сообщникамъ, что въ стѣнѣ есть восемьдесятъ тысячъ франковъ? Скажите просто: вѣроятно, тамъ есть деньги.

Пишо переступилъ съ ноги на ногу. Это всегда обозначало у него нерѣшительность.

— Вы какъ будто хотите что сказать, Пишо?—спросилъ хозяинъ и опрокинулъ въ ротъ чашку съ остатками кофе.

— Я хотѣлъ сказать, мосье, что я... окончательно хотѣлъ пойти по пути блаженныхъ...

— Что вы называете путемъ блаженныхъ?

— Путь вѣчнаго спасенія, про который всегда говоритъ отецъ Жозефъ.

— Вы, мой другъ, на это не способны. Довольно того, что у васъ появилось доброе желаніе исполнить это. Удовольствуйтесь только намѣреніемъ.

Пишо положилъ золотой за щеку.

— Вы хорошо дѣлаете, что, какъ мандрилъ, прячете лакомый кусокъ въ укромное мѣсто. Только не проглотите его, а то придется вамъ долго возиться съ нимъ,—онъ достаточно великъ, даже для вашего горла.

— Зачѣмъ глотать, мосье,—отвѣтилъ Пишо.

Хозяинъ всталъ и отряхнулъ крошки булки съ колѣнъ.

— Я очень заинтересованъ, чтобъ вы исполнили то, о чемъ я говорилъ,—сказалъ онъ.—Нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ будутъ болѣе способствовать къ приведенію васъ на путь истинный, чѣмъ отдалятъ отъ него. Подумайте хорошенько о всемъ, что я вамъ сказалъ. Помните, что вы будете дѣйствовать въ силу величайшей правды—уравненія правъ человѣка. Нельзя вѣчно лежать на канапэ, не пахать, не жать, не рубить,—и наслаждаться жизнью. Откуда деньги у князя? Отъ его предковъ. А кѣмъ добыты эти деньги? Жалкими рабами, кровавымъ потомъ... Положимъ, Пишо, вы тоже ничего не дѣлаете. Но вы часто спите на навозной соломѣ, и въ правѣ возмущаться существующими порядками.

— Я и возмущаюсь, мосье.

— Я вижу по вашему лицу, что вамъ хочется выпить стаканъ добраго краснаго вина?

— Если мосье будетъ такъ добръ.

— Вы у меня его не получите, Пишо. У меня слишкомъ дорогое вино, и оно вамъ не по рылу. Вы можете зайти въ любую лавочку

и выпить, сколько захотите, да кстати размѣнять сорокъ франковъ. Но вотъ вамъ мой совѣтъ.

Онъ положилъ руку ему на плечо.

— Не напейтесь.

— Я пью, мосье Горшельдъ, только отъ бездѣлья; когда же я занятъ дѣломъ, то не болѣе, какъ подкрѣпляюсь.

— Хорошо, вы подкрѣпитесь, и идите щупать почву среди вашихъ односельчанъ. Да не замедлите,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Теперь вы идите,—у меня много дѣла. Въ это время вы всегда меня застанете. Приходите,—вы еще получите столько же, сколько получили сегодня. А теперь убирайтесь.

— Счастливо оставаться,—сказалъ Пишо.—Я постараюсь. Не знаю, что выйдетъ, но постараюсь.

Онъ ухмыляясь вышелъ въ переднюю и отперъ дверь на лѣстницу. Хозяинъ вышелъ за нимъ и крикнулъ ему въ щель прежде, чѣмъ захлопнулъ крюкъ.

— Смотрите же, не напейтесь!

Пишо обѣщалъ и, стуча своими подошвами, спустился по каменной лѣстницѣ. Горшельдъ вошелъ въ свою комнату, сдѣлалъ два пируэта, такъ что полы халата раздулись кругомъ его, потомъ упалъ, залился хохотомъ и проговорилъ:

— Вотъ дуракъ-то! Вотъ прирожденный идіотъ!

XVI.

Борисъ, проснувшись утромъ, отдернулъ занавѣсъ окна. Хмурое небо посмотрѣло на него. Нѣсколько золотыхъ листьевъ порхая летѣло съ деревьевъ. Онъ вспомнилъ про вчерашніе два визита,— и ему стало какъ будто свѣтлѣе на душѣ.

Боклевскій, подавая ему сапоги, замѣтилъ:

— Осень начинается, ваше сіятельство.

— Осень,—отвѣтилъ онъ.

— Теперь у насъ въ Знаменскомъ русаковъ травятъ.

— Травятъ,—подтвердилъ князь. Ему показалось, что еще что-то хотѣлъ прибавить его слуга, да не сказалъ.

Клэръ, блѣдная, но, какъ всегда, свѣжая, чистая, сидѣла въ столовой. Онъ наклонился къ ней, цѣлуя ея нѣжную щечку. Ея рука обвила его шею, и она сказала:

— Ты хорошо спалъ, Борисъ?

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ.

— Я такъ рада, что ты получилъ вчера эти деньги,—проговорила она.—Мнѣ показалось, что въ послѣднее время ты сталъ безпокоенъ и задумчивъ именно потому, что у тебя не было денегъ и ты не зналъ, откуда взять,

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Я гораздо богаче твоего отца,—смѣясь сказалъ онъ.

— Ты не знаешь, какъ богатъ онъ,—возразила Клэръ.—У него есть нѣсколько замковъ, много земель, много денегъ и въ Лондонѣ и здѣсь.

— Ты не знаешь, какъ мы богаты,—въ свою очередь, сказалъ онъ.—У насъ тоже много замковъ, только они называются помѣстьями... У насъ есть и дома въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и тысячъ пятнадцать крестьянъ...

— И у тебя есть крестьяне?—спросила Клэръ.

— Есть.

— Они платятъ тебѣ подати?

— Платятъ. И я могу сдѣлать съ ними, что хочу: могу отдать ихъ въ солдаты, могу сослать ихъ, могу продать.

Брови ея дрогнули.

— Ты можешь продавать людей?

— Могу. У насъ еще есть рабы.

— Значитъ, вы—рабовладѣльцы?

— Мы — рабовладѣльцы. Мы не только можемъ мучить рабовъ и убивать, но и отпускать на свободу.

— Есть такіе, что отпускаютъ?

— Есть.

— А ты?

Борисъ молчалъ, помѣшивая въ чашкѣ ложечкой.

— Я слишкомъ молодымъ покинулъ семью,—сказалъ онъ.—Но теперь, когда ворочусь,—я раскрѣпощу своихъ крестьянъ. Здѣсь, живя во Франціи, я многому научился и на многое сталъ смотрѣть иначе. Заря людской свободы поднялась здѣсь... Во Франціи еще есть остатки феодаловъ... тѣхъ же нашихъ помѣщиковъ, но только подкрашенныхъ цивилизаціей Запада. У нихъ были тѣ же нечеловѣческія права, что и у насъ. Какъ у насъ молодую отъ вѣнца крѣпостные должны были приводить къ помѣщику, такъ и у васъ во Франціи было такое право у феодаловъ. У васъ, можетъ быть, все это было раньше, чѣмъ у насъ, но было...

Большіе глаза Клэръ съ изумленіемъ остановились на мужѣ.

— У насъ тоже это было?—спросила она.—Я никогда объ этомъ не слыхала.

— Радость моя,—всюду и вездѣ одно и то же. Вотъ дождь льется, и по стекламъ нашихъ оконъ бѣгутъ потоки. Въ Россіи такой же дождь,—и также онъ идетъ и въ Китаѣ, и въ Америкѣ, и въ Италіи. Такія же драмы разыгрываются, также вездѣ людей мучаютъ, убиваютъ и жгутъ,—вездѣ одинаковы несчастья и радости...

Онъ замолчалъ. Собака лежала подъ столомъ и изрѣдка вздыхала. Сѣрый день хмурился все больше. Дождь стучалъ по крышѣ и

смачивалъ сбоку веранду. Часы мѣрно тикали во всѣхъ комнатахъ. Въ углахъ собиралась темнота, точно былъ вечеръ, а не полдень. Холодомъ вѣяло отъ оконъ. Мокрыя вѣтки тихо качались въ саду. Рафаэлевская Мадонна смутно проступала изъ полутьмы, и два младенца—Христосъ и Іоаннъ—бѣлѣли по бокамъ сидящей въ полѣ дѣвушки. Осеннія астры увядали въ стеклянной подставкѣ съ водой на его письменномъ столѣ: ихъ Клэръ еще три дня назадъ поставила сюда.

Онъ развернулъ книгу съ краснымъ обрѣзомъ. Это былъ подарокъ Жакелинъ, что онъ нашелъ въ своемъ кабріолетѣ, когда воротился изъ Парижа. Книга была на латинскомъ языкѣ и представляла сводъ сочиненій Плинія Младшаго. Борисъ зналъ латинскій языкъ и здѣсь во Франціи еще больше, отъ нечего дѣлать, освоился съ нимъ. Онъ свободно читалъ теперь, и отецъ Жозефъ помогалъ ему своимъ отличнымъ знаніемъ.

Теперь князь принялся за письмо Плинія къ Тациту, гдѣ онъ описываетъ смерть своего дяди и разрушеніе Помпей. Съ первыхъ строкъ авторъ захватилъ его. Дядя Плинія, извѣстный естествоиспытатель, сталъ звать племянника поѣхать съ нимъ смотрѣть изверженіе вулкана. Издали оно казалось тучей, то молочной, то желтой съ грязными подпалинами, то пепельной, то коричневой,— и она имѣла форму гигантской пиніи. Плинію-дядѣ показалось такое явленіе знаменательнымъ, онъ взялъ либурнскій корабль и думалъ ѣхать съ племянникомъ...

— Ваше сіятельство, патеръ Жузефъ пришелъ,—сказалъ Боклевскій, входя въ кабинетъ.—Къ вамъ просится.

— Жозефъ?—удивился князь.

Жозефъ никогда не бывалъ безъ приглашенія. Должно быть, было что-нибудь важное. Вдобавокъ у Плинія одна фраза оказалась запутанной и непонятной. Борисъ велѣлъ просить его.

Лицо Жозефа было возбуждено, губы судорожно поджимались. Онъ вытиралъ мокрыя руки платкомъ и говорилъ:

— Хотя я въ плащѣ и перчаткахъ, но промокъ.

— Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ князь:—какъ вы переведете эту фразу?

Жозефъ прищурился, сразу перевелъ и сказалъ:

— Это Плиній. Превосходная латинская проза.

Онъ закрылъ книгу, какъ бы показывая этимъ, что теперь имъ заниматься не время, и спросилъ:

— Вы, князь, когда думаете ѣхать?

Борисъ не ожидалъ такого вопроса.

— Куда?

— Въ Англію.

— Зимой... какъ-нибудь.

Жозефъ потупилъ глаза и закусилъ нижнюю губу.

— Обстоятельства идутъ быстрѣе, чѣмъ я думалъ,—сказалъ онъ.—И вамъ ѣхать придется немедленно.

— То есть?—спросилъ князь.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Объяснитесь.

Жозефъ оглянулся кругомъ.

— У насъ непокойно въ селеньѣ. Сейчасъ ко мнѣ приходили выборные. Они кричали и махали руками. Знаете, зачѣмъ они ворвались ко мнѣ? Узнать правду, какъ говорили они. И правда эта касается васъ. Они спрашивали: русскій вы или нѣтъ?

Князь захлопнулъ словарь и сталъ внимательнѣе.

— Русскій ли я?

— Они васъ считали за поляка, и я поддерживалъ эту увѣренность. Видя васъ въ церкви, зная, что княгиня, ваша жена, отросль стараго французскаго рода,—васъ они считали католикомъ. Теперь откуда-то до нихъ дошло сообщеніе, что вы православный, и они явились ко мнѣ.

— А что же вы?

— Я сказалъ, что навѣрно не знаю.

— Вы же знаете.

— Мнѣ нужно выиграть время и предупредить васъ. Я считаю своимъ долгомъ остеречь васъ отъ этихъ сумасшедшихъ людей. Что сказать имъ?

— Скажите правду.

— Что вы принадлежите къ восточной церкви? Это невозможно.

— Почему?

— Они потребуютъ, чтобы вы уѣхали отсюда. И это въ лучшемъ случаѣ.

— А въ худшемъ?

— Вы должны быть ко всему готовы. У насъ вообще населеніе деревни настроено противъ васъ.

— Почему же? Что я имъ сдѣлалъ?

— А все это отрыжка революціи. До сихъ поръ девятидесятые годы еще памятны многимъ. Расчетныя книжки, что установлены для рабочихъ императорскимъ правительствомъ, породили недовольство. Неуспѣхъ французскихъ войскъ—толчокъ для всякихъ безпорядковъ. Если они окончательно убѣдятся, какой вы націи,—ваше дѣло проиграно. Бѣжать въ Англію вы должны и должны немедля, или...

— Ну?

— Или то, что я говорилъ вамъ раньше,—принять католичество.

Борисъ наклонился къ духовнику своей жены и сказалъ:

— Никогда!

Жозефъ пожалъ плечами.

— Какъ хотите! Но вамъ надо предпринять какое-нибудь рѣшеніе, и немедля.

— Благодарю васъ, отецъ Жозефъ, за предупрежденіе. Я поговорю съ женою.

Жозефъ поднялся.

— Вы въ закрытомъ экипажѣ?—спросилъ Борисъ.

— Я пѣшкомъ, но подъ зонтикомъ,—отвѣтилъ священникъ.

— Я велю сейчасъ заложить.

— Не трудитесь, я скорѣе дойду—тутъ десять минутъ, если итти не торопясь.

Онъ пожалъ руку князю и еще разъ сказалъ:

— Не медлите...

Дождь лилъ какъ изъ ведра. Деревья гнулись, стѣны замка казались насквозь промоченными. Отецъ Жозефъ подобралъ полы своей сутаны, хорошенько закутался въ плащъ и, раскрывъ зонтикъ, смѣло пошелъ по грязи. Онъ шелъ большими шагами, выставляя свои длинныя ноги въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Онъ былъ озабоченъ и все бормоталъ:

— Какое легкомысліе, ахъ, какое легкомысліе!

Подходя къ своему дому, стоявшему возлѣ церковки, онъ увидѣлъ небольшой крытый экипажъ, запряженный парой. Онъ удивился, кто могъ пріѣхать къ нему въ такую погоду, и ускорилъ шагъ. Подойдя къ крыльцу, онъ спросилъ:

— Чей экипажъ?

— Капелланъ monsieur Сенъ-Дизье,—отвѣтилъ кучеръ.

Отецъ Жозефъ еще выше приподнялъ полы и взбѣжалъ по крыльцу, складывая мокрый зонтикъ.

XVI.

Дождь лилъ не переставая. Когда туча набѣгала, дѣлалось темнѣе; когда она проходила, больной свѣтъ проникалъ сквозь небольшіе промежутки тяжелыхъ оконныхъ портьеръ.

Борисъ ходилъ по кабинету. Его безпокоило будущее. Та «недвижимость», которая, повидимому, принадлежала ему, теперь вдругъ какъ будто ускользала отъ него. Будь онъ одинъ—онъ ни на минуту не задумался бы и смотрѣлъ въ будущее такъ же спокойно, какъ всегда. Но теперь онъ связанъ судьбою съ этой маленькой стройной женщиной и онъ долженъ охранять ея покой. Особенно теперь, когда она должна стать матерью. И въ первый разъ онъ почувствовалъ всю тяжесть брачныхъ узъ.

Обѣдъ какъ будто разсѣялъ его. Осунувшееся блѣдное личико Клэръ показалось ему такимъ роднымъ и близкимъ. Онъ не могъ оставаться одинъ въ своемъ кабинетѣ — и долго они вдвоемъ хо-

дили по комнатамъ. Онъ обнялъ ее, и они, крѣпко прижавшись другъ къ другу, все ходили, ходили. Они любили другъ друга, и дождь, стучавшій въ окно, не могъ нарушить ихъ праздничнаго настроенія. И холодъ и мокрые цвѣты на куртинахъ—все было далеко отъ нихъ, а они все ходили по мягкимъ коврамъ по теплымъ комнатамъ.

Сумерки смѣнились тьмою. Вѣтеръ вылъ и гнулъ деревья. Зажглись лампы и свѣчи. Занавѣски плотно задернулись у оконъ.

Вошелъ Боклевскій.

— Дозвольте въ деревню сбѣгать—тамъ пожаръ,—вдругъ сказалъ онъ.

Борисъ отдернулъ драпировку. Зарево играло сквозь деревья. Огненный столбъ дыма вздымался къ небу. Трепетно дрожали въ ночномъ mракѣ вспышки огня. Должно быть, занялось высушенное сѣно,—потому что дымъ былъ полонъ искръ и галокъ.

— Можетъ, помочь надо,—я пожары тушить смолода лютъ,—проговорилъ Лука.

Борисъ отослалъ его. Онъ стоялъ у окна съ женою. Зарево все разрасталось. Остроконечный куполъ деревенской церковки какъ огненный столбъ рисовался на темномъ фонѣ. Теперь ясно слышался неясный говоръ толпы и тотъ шумъ, который всегда сопутствуетъ пожарамъ.

— Я пойду туда,—сказалъ Борисъ.

Онъ накинулъ плащъ и шляпу. Дождь прошелъ. Во дворѣ никого не было,—ворота замка были полуоткрыты. Дорога слабо освѣщалась мерцающимъ отблескомъ пожара. Навстрѣчу ему попалось человѣкъ десять. Они зачѣмъ-то шли съ зажженнымъ фонаремъ и двумя желѣзными ломами. Тотъ, кто несъ фонарь, поднялъ и освѣтилъ лицо князя. Никто не поздоровался, не сказалъ ничего: и князь и они прошли мимо другъ друга молча.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Борисъ почему-то остановился. Ему пришла мысль: куда они идутъ? Онъ сталъ смотрѣть. Они подошли къ открытымъ воротамъ замка и остановились. Потомъ они медленно вошли одинъ за другимъ въ ограду.

Князь поворотилъ назадъ. Ясно всплыло впечатлѣніе, что во дворѣ никого нѣтъ. Онъ позволилъ Боклевскому пойти на пожаръ, но пошли всѣ—ушла вся прислуга. Дома оставалась одна Клэръ.

У воротъ стояло двое молодыхъ, совсѣмъ ему незнакомыхъ крестьянъ. Онъ посмотрѣлъ на нихъ, они молча посторонились и пропустили его. Во дворѣ сновало шесть-восемь человѣкъ. Они остановились, когда онъ вошелъ.

— Что вамъ надо?—громко спросилъ онъ.

Они молчали. Если бы прислуга была дома, онъ велѣлъ бы имъ уйти прочь. Но прислуги не было. Онъ уже поднялся на третью ступеньку, когда сзади послышался голосъ:

— Постойте!

Онъ вполоборота остановился и сказалъ:

— Что вамъ надо?

— Мы пришли говорить съ вами.

— Кто вы такіе?

— Не все вамъ равно? Мы крестьяне здѣшняго селенья.

— Вамъ мѣсто на пожарѣ, а не здѣсь.

— Мы знаемъ, гдѣ наше мѣсто, не хуже васъ.

— Ну, мы завтра поговоримъ, теперь темно,—сказалъ Борисъ и сдѣлалъ еще два шага къ двери.

Рослый плечистый малый въ толстой курткѣ удержалъ его за плащъ.

— Мы съ тобой должны сейчасъ побесѣдовать,—проговорилъ онъ.

Борисъ поглядѣлъ на темныя фигуры и сказалъ:

— Хорошо. Будемъ говорить. Я сейчасъ приду.

Онъ отстегнулъ воротъ плаща, бросилъ его на руки плечистаго малаго и вошелъ въ домъ.

— Я воротился,—сказалъ онъ женѣ.

— Съ кѣмъ ты говорилъ?—спросила она.

— Крестьяне о чемъ-то хотятъ спросить меня.

— О чемъ?

— Почемъ я знаю!

Онъ прошелъ въ кабинетъ и снялъ со стѣны два пистолета.

— Зачѣмъ?—спросила Клэръ.

— Они не любятъ огнестрѣльнаго оружія,—больше ничего.

Наружная дверь отворилась, и тяжелые шаги послышались въ вестибюлѣ.

— Ты пойди къ себѣ и запрись,—сказалъ онъ.

— Я останусь здѣсь —проговорила она.

— Какъ хочешь.

Онъ пошелъ навстрѣчу доносившихся шаговъ. Въ гостиную вошли люди, мокрые, распространяя вокругъ запахъ вина. Борисъ присѣлъ на край стола и взвелъ курки.

— Это что жъ такое?—спросилъ плечистый малый.

— Я у себя дома,—отвѣтилъ Борисъ,—и могу дѣлать, что угодно мнѣ, никому, и особенно вамъ, не отдавая отчета.

За рослымъ малымъ стоялъ Пишо. Онъ мутнымъ единственнымъ глазомъ поводилъ по стѣнамъ и тихо повторялъ:

— Вотъ они, пропріетеры-то! Ахъ, какъ живутъ!

— Спрашивайте или убирайтесь вонъ!—крикнулъ Борисъ.

Длинный, худой, съ просѣдью человѣкъ, державшій въ рукахъ ломъ, засмѣялся.

— Какъ поговариваетъ!—сказалъ онъ.

— Мы долго будемъ вздоръ болтать?—спросилъ князь.

— Мы пришли сказать тебѣ, чтобъ ты проваливалъ къ чорту отсюда,—сказалъ рослый малый.—Мы даемъ тебѣ три дня сроку: въ три дня ты долженъ убраться отсюда.

— Ого! вы смѣло предписываете. По какому праву?

— По тому праву, что мы французы. Мы бы могли тебя повѣсить на первомъ деревѣ, какъ во время революціи перевѣшано много вашихъ братьевъ. Но мы хотимъ показать все наше великодушіе.

Теперь князь засмѣялся.

— Ну, а если я не уѣду черезъ три дня?

— Замокъ будетъ сожженъ. Ночью онъ займется съ четырехъ сторонъ.

— Вы не крестьяне, а бродячіе разбойники!—сказалъ Борисъ.

— Мы не разбойники!—возразилъ старикъ съ ломомъ.—Мы истые граждане. У насъ есть дома жены, дѣти и скотъ. Но мы не желаемъ, чтобъ ты оставался здѣсь. Твоя жена можетъ остаться, но ты долженъ уѣхать.

— Это все?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, извините —не все,—возразилъ Пишо, какъ-то присѣдая и разводя руками.—Вы должны намъ дать денегъ.

— Сколько?

— Онъ спрашиваетъ: сколько?—засмѣялся Пишо и обратился къ своимъ спутникамъ.—Почемъ мы знаемъ, сколько.

Его смѣхъ не нашелъ отзвука въ его товарищахъ.

— Вы живете въ сто разъ лучше, чѣмъ мы,—сказалъ старикъ.—Мы хотимъ жить въ другихъ условіяхъ. Мы не хотимъ спать на полу и сидѣть въ полутемныхъ сырыхъ комнатахъ, когда у васъ свѣтло и сухо.

— Кто же вамъ мѣшаетъ быть чистоплотными?—иронически спросилъ Борисъ.

— Нужда,—отвѣтилъ старикъ и, поднявши ломъ, ударилъ по близъ стоявшей лампѣ. Ударъ пришелся по самой горѣлкѣ и, раздробивъ ее, погасилъ фитиль.

Это было точно сигналомъ. Одинъ даже сталъ засучивать рукавъ, а Пишо крикнулъ:

— Молодецъ, Жакъ, ей-Богу, молодецъ!

Князь крѣпко сжалъ ручку пистолета, но сдержался и сказалъ:

— Я прощаю, что вы испортили мнѣ лампу. Но если еще кто подниметъ ломъ, я убью его на мѣстѣ.

Онъ поднялъ дуло на уровень ихъ головъ.

— Опустите ваше оружіе, мы его не боимся,—продолжалъ Жакъ, прямо смотря въ маленькое черное отверстіе дула.—Вы лучше подѣлитесь съ нами своими деньгами.

— Повторяю, сколько вамъ надо?

— На все селеніе намъ надо тысячъ двадцать франковъ,—весело сказалъ Пишо.

— Отчего же не тридцать и не сорокъ?—усмѣхнулся Борисъ.— Просите больше.

— Зачѣмъ намъ сорокъ, когда нужно двадцать?—сказалъ Жакъ.

— Вообще,—заговорилъ рослый,—вы дадите намъ все, что теперь найдется у васъ въ домѣ.

Князь пожалъ плечами.

— Почему же вамъ, а не той деревнѣ, что за рощей? Почему мнѣ не отдать деньги бѣднымъ Парижа, которые въ десять разъ больше нуждаются, чѣмъ вы? У васъ есть дома и земли, а у столичной голи этого нѣтъ.

— Столичная голь!—закричалъ рыжеволосый горбунъ, у котораго все лицо было въ какихъ-то красныхъ пятнахъ.—Я хорошо знаю, что такое парижская голь! У меня сынъ тамъ. Его затянуло въ ихъ топь. Если бъ они всѣ передохли, люди вздохнули бы спокойнѣе. А ты хочешь ихъ поддерживать своими деньгами.

XVIII.

— Дѣти наши спятъ на полу,—повторилъ Жакъ.—Дочери наши въ грязныхъ хлѣвахъ встрѣчаютъ своихъ возлюбленныхъ, и потомъ выходятъ за нихъ замужъ. Когда у нихъ родятся дѣти, они бросаютъ ихъ на рожокъ и уходятъ въ замки въ кормилицы. Ихъ мужья, не стѣсненные женами, безпутничаютъ и пьютъ на тѣ деньги, что добываетъ жена собственнымъ молокомъ. Наши сыновья работаютъ на фабрикахъ. Мои оба сына ушли въ Ліонъ и тамъ на станкахъ ткутъ шелковую матерію. Третьему моему сыну оторвало руку на фабрикѣ, потому что теперь дьяволъ выдумалъ паровые котлы и теперь колеса сами вертятся. На фабрикахъ и заводахъ, кромѣ разврата, ничего нѣтъ,—намъ они не нужны.

— Поэтому я долженъ вамъ отдать свои деньги?—спросилъ князь.

— Поэтому вы намъ должны отдать свои деньги,—проговорилъ весело Пишо.—Мы знаемъ, мы хорошо знаемъ, что у васъ много есть. Такъ много, что намъ и не поднять. Когда насыплемъ въ карманы, они прорвутся отъ тяжести!.. Ха-ха!

Онъ опять сталъ приплясывать и опять повернулся къ спутникамъ, но встрѣтилъ серьезныя лица. Жакъ даже сказалъ:

— Чего ты ломаешься! Не такое время. Мы за дѣломъ пришли. Намъ некогда. Давай намъ деньги сейчасъ же.

— Нѣкоторые изъ васъ пьяны,—возразилъ князь.—Вы протрезвитесь къ завтраму и приходите. Мы поговоримъ и поладимъ. Денегъ у меня нѣтъ, но жена можетъ вамъ дать, сколько захочетъ....

— Если у твоей жены есть деньги, такъ онѣ, значитъ, и у тебя есть,—закричалъ дюжій парень.—Такъ мы и повѣримъ, что ты не

можешь распоряжаться жениными деньгами! Посмотрѣлъ бы я, какъ моя жена не позволила бы мнѣ распоряжаться ея имуществомъ.

Его словамъ, очевидно, нашлось сочувствіе среди толпы. Двое улыбнулись: дескать, все это одна отговорка, и то, что принадлежитъ женѣ, принадлежитъ и мужу.

Но Борисъ стоялъ на своемъ.

— Повторяю,—сказалъ онъ:—что денегъ у меня нѣтъ.

— Мы заставимъ тебя показать, гдѣ онѣ спрятаны,—весело сказалъ Пишо.—Ты думаешь, мы не знаемъ, кто у тебя былъ вчера утромъ на вороной лошади и сколько привезъ денегъ? Ты думаешь, мы не видали расписки въ полученіи денегъ?

Борисъ почувствовалъ, что банда, ворвавшаяся въ замокъ, организована заранѣе. Что дѣло было не безъ участія Горшельда, было ему ясно. Онъ рѣшилъ бить крестьянъ тѣмъ же оружіемъ, съ какимъ нападали на него.

— Я думалъ, что вы придете раньше,—сказалъ онъ.—Ждалъ васъ съ утра, но не думалъ, что вы вернетесь ночью, да еще во время пожара, когда каждый порядочный гражданинъ долженъ помогать своему сосѣду.

— Ты насъ не учи, какъ намъ поступать,—сказалъ Жакъ.—Мы поступаемъ такъ, какъ надо, какъ подсказываетъ намъ совѣсть. Если бъ дѣло было двадцать лѣтъ назадъ, ты давно бы болтался на первомъ сучкѣ.

— Ты чего стращаешь насъ пистолетами,—вдругъ заоралъ Пишо.—Не видали мы пистолетовъ! Стрѣляй! Ну, убьешь одного, ну, двоихъ убьешь... Троихъ! А насъ здѣсь одиннадцать. Остальные восемь тебя придушатъ... Стрѣляй! боимся мы тебя, какъ же!

Жакъ взялъ за плечо Пишо и отстранилъ его.

— Мы хорошо знаемъ, кто ты такой,—проговорилъ онъ и уставился прямо на князя.

Тотъ въ первый разъ дрогнулъ.

— Мы знаемъ, что ты русскій—не полякъ, не нѣмецъ, а русскій. Ты изъ племени тѣхъ, что идутъ сюда, что вносятъ сюда весь ужасъ войны. Мой братъ утонулъ при какой-то переправѣ великой арміи. И виновники его смерти были тѣ же проклятые русскіе, что шли противъ насъ. И много десятковъ тысячъ французовъ легло костями на вашихъ степяхъ. И какой же результатъ всего этого? Мы, непобѣдимая армія, валяемся на соломѣ, а ты—живешь, какъ Лазарь богатый, въ виссонъ одѣваешься?..

— Слышалъ я уже это!—проговорилъ князь.

— Мы вѣдь не шутимъ,—продолжалъ Жакъ.—Сначала многіе думали тебя придушить, какъ кошку. Но какая намъ польза въ твоей смерти? Терпѣть тебя, русскаго шпіона, подъ бокомъ у нашего селенія мы не хотимъ. А потому рѣшили, что ты долженъ отсюда убраться.

— Кланяйся и благодари, что на это тебѣ даютъ время,—проговорилъ дюжій.

— Но чтобъ денегъ ты не скрылъ куда, не положилъ ихъ въ банкъ въ Парижѣ, ты долженъ намъ ихъ отдать сейчасъ.

— Да, ты долженъ ихъ отдать намъ сейчасъ!—повторилъ Пишо, приплясывая на мѣстѣ.

— Возьмите все, но уходите сейчасъ вонъ!—прозвучалъ голосъ сзади.

Борисъ оглянулся. Это жена съ горящими глазами стояла въ дверяхъ и, вся дрожа, вызывающе смотрѣла на крестьянъ.

— Съ тобой, гражданка, мы не говоримъ,—весело крикнулъ Пишо.—Мы пришли объясняться съ твоимъ мужемъ. Но ежели ты дашь намъ двадцать тысячъ, мы возьмемъ.

За окнами послышался крупный разговоръ и топанье шаговъ, въ переднюю кто-то вошелъ. Шаги стали звучать ближе и ближе. На порогѣ остановилась костлявая фигура Жозефа; онъ былъ весь мокрый отъ воды и черный отъ сажи. Онъ поводилъ длиннымъ носомъ направо и налѣво, шапки на головѣ не было.

— Ну, я такъ и зналъ, что вы здѣсь!—крикнулъ онъ.

Изъ-за его спины показался Боклевскій, онъ перешелъ на сторону барина, взялъ пистолетъ со стола и сказалъ:

— Чего это челядь сюда навалила?

— Они пришли требовать денегъ и того, чтобы я уѣхалъ немедля,—съ кривой улыбкой сказалъ князь и повторилъ послѣднюю фразу для священника по-французски.

— Черезъ три дня,—поправилъ его Жакъ.

— Кромѣ того, они требуютъ немедля дать имъ денегъ. Жена обѣщала,—продолжалъ Борисъ.

— Ты бы, святой отецъ, шелъ молиться,—посовѣтовалъ Жакъ:—а не путаться, куда тебя не спрашиваютъ.

Жозефъ такъ сжалъ кулаки, какъ того не долженъ бы былъ дѣлать служитель алтаря, и сказалъ:

— Я сейчасъ переговорю съ вами. Но попрошу князя и его супругу оставить насъ глазъ на глазъ.

— Да мы съ вами не хотимъ говорить,—сказалъ Пишо.

Жозефъ шагнулъ къ нему.

— Что ты сказалъ?—сдавленнымъ голосомъ зашипѣлъ онъ.—Ты не хочешь говорить со мною, со мною, твоимъ духовникомъ?.. Да знаешь ли ты, что я нахожусь подъ сѣнью святѣйшей римской церкви, а ты—порожденіе дьявола, достойное ада.

— Ну, что жъ—ада, такъ ада!—добродушно рѣшилъ Пишо.—Коли мнѣ адъ назначенъ,—я заслужилъ его, туда мнѣ и дорога. А теперь намъ деньги надо.

— Прежде я вамъ отвѣчу на тотъ вопросъ, что вы мнѣ поставили утромъ, и на который я вамъ могу отвѣтить те-

перь. Уйдите, князь, и вы, княгиня... Мнѣ нужно поговорить съ ними.

Жозефъ точно выросъ. Онъ выпрямился. Его талія, гибкая не по лѣтамъ, колыхалась, туго перетянутая поясомъ. Разорванная, должно быть, на пожарѣ, сутана волочилась сзади шлейфомъ, отчего онъ только выигрывалъ и во всемъ его видѣ было что-то театральное.

Онъ вывелъ за дверь князя и его жену.

— Ты будешь стоять здѣсь, мой сынъ!—сказалъ онъ Боклевскому и поставилъ его у двери. Тотъ понялъ и остался.

Услышавъ, какъ шаги хозяевъ замолкли въ залѣ, Жозефъ обратился къ крестьянамъ.

— Какія вы деньги требуете себѣ?—спросилъ онъ, скрещивая руки и смотря на нихъ сверху.

— Которыя намъ принадлежатъ!—сурово отвѣтилъ Жакъ.

— Вы ихъ заработали?

— Ихъ заработали такіе же, какъ мы, земледѣльцы. Да не въ этомъ дѣло. Достаточно того, что онъ русскій и что онъ греческой вѣры,—для того, чтобы онъ былъ нашимъ врагомъ.

— Кто вамъ сказалъ, что онъ греческой вѣры?—спокойно спросилъ священникъ.

— Мы знаемъ.

— Отвѣчайте на мой вопросъ: отъ кого вы это слышали?

Жакъ запнулся на секунду, а потомъ сказалъ:

— Пишо это знаетъ изъ вѣрныхъ источниковъ.

— Пишо?—удивился Жозефъ.

Пишо выступилъ.

— Да, отецъ, я знаю это изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

— Развѣ въ чемъ-нибудь ему можно вѣрить?

— Мнѣ ни въ чемъ нельзя вѣрить,—вы правы. Но въ данномъ случаѣ...

— Въ данномъ случаѣ ты такъ же лжешь, какъ во всѣхъ остальныхъ.

Крестьяне переглянулись.

— Онъ сегодня клялся намъ, что это вѣрно,—сказалъ Жакъ.

— Онъ солгалъ.

— Кто же такой этотъ молодчикъ?—спросилъ дюжій малый.

— Не знаю его происхожденія,—проговорилъ Жозефъ:—но что онъ принадлежитъ къ святѣйшей католической церкви, я это знаю. Сегодня былъ у меня капелланъ, который былъ свидѣтелемъ его присоединенія. Я видѣлъ подпись, подтверждающую, что онъ состоитъ на лонѣ римской церкви.

Жакъ обернулся къ Пишо.

— Это что же такое?—спросилъ онъ.

Пишо совсѣмъ размокъ. Онъ потерянно стоялъ и щурился, какъ отъ сильнаго свѣта.

— Это что такое, я тебя спрашиваю?—повторилъ Жакъ.

Пишо развелъ руками.

— Я нагло обманутъ!—проговорилъ онъ.—Если святой отецъ говоритъ правду...

— Вонъ!—загремѣлъ Жозефъ, ударяя кулакомъ по столу и поднимаясь.—Вытолкайте эту пьяную образину, потерявшую образъ человѣческій!

Пишо сопротивлялся, но его спровадили не только во дворъ, но и за ворота замка.

— Ты меня попомнишь, минога!—крикнулъ онъ и рысцой кинулся къ деревнѣ.

— Итакъ, вы вовлечены въ обманъ,—заговорилъ отецъ Жозефъ оставшимся.—Завтра княгиня дастъ крестьянамъ денегъ на поправку уничтоженныхъ пожаромъ зданій и на возстановленіе сгорѣвшаго имущества. За это я вамъ ручаюсь.

— Это насъ не касается!—упрямо смотря въ землю, сказалъ малый.

— То есть, какъ это не касается?—спросилъ священникъ.—Какъ же васъ не касается, что у вашихъ односельчанъ сгорятъ дома, и что имъ дадутъ нѣсколько тысячъ франковъ на постройку?

— Отъ русскаго мы не возьмемъ,—возразилъ малый.

— Это надо спросить тѣхъ, кто погорѣли,—сказалъ Жозефъ.—Да и дастъ не князь, а княгиня, такая же француженка, такая же вѣрная католичка, какъ и вы. Не принимать отъ нея денегъ... это вздоръ, нелѣпость. Во имя дѣтей и внуковъ, наконецъ, во имя общины вы не имѣете право протестовать. Я, вашъ духовный отецъ, настаиваю на этомъ.

Взглядъ его упалъ на разбитую лампу.

— Кто это сдѣлалъ?—строго спросилъ онъ.

— Это ударилъ я ломомъ,—сказалъ Жакъ.

— Зачѣмъ?

— Я не хотѣлъ, чтобъ она горѣла.

— Вы знаете, что такая лампа стоитъ нѣсколько сотъ франковъ?

— Я и знать не хочу.

— Зачѣмъ же ты билъ?

— Я хотѣлъ бить, и билъ. Если бъ она стоила въ тридцать разъ дороже, я и тогда не остановился бы.

— Это содержаніе крестьянской семьи въ теченіе года,—сказалъ священникъ.

Всѣ молчали.

— Если бъ вы отнимали, грабили,—это было бы осмысленнѣе,—продолжалъ Жозефъ.—Продавъ вещи, вы могли жить на вырученныя деньги. Но истреблять добро,—это достойно животныхъ, а не людей.

— Или людей свободныхъ!—сказалъ Жакъ.

— Повторяю: животныхъ!—повторилъ священникъ.—Свободные люди неспособны на насиліе.

Страсти понемногу стали утихать. Отецъ Жозефъ думалъ уже спровадить буяновъ и пойти къ Борису, который ходилъ молча по кабинету. Княгиня сидѣла въ креслахъ и все повторяла:

— Что мы имъ сдѣлали?

Борисъ, подойдя къ стеклянной двери, выходящей на веранду, вдругъ замѣтилъ, что церковь какъ-то неестественно свѣтится внутри. Онъ крикнулъ Боклевскому.

— Скажи отцу Жозефу,—сказалъ онъ, показывая ему на занявшійся костелъ.—Скажи ему: l'église brule.

Башиловъ потащилъ отца Жозефа къ окну и повторилъ два раза слова князя. Священникъ глянулъ въ окно, но только усмѣхнулся.

— Французскіе крестьяне!—сказалъ онъ.—Кто-то поджегъ вашу церковь. Бѣгите ее тушить. Я буду вслѣдъ за вами.

Онъ отворилъ дверь къ князю и крикнулъ ему:

— Завтра утромъ я приду къ вамъ.

XIX.

Ночь прошла тревожно. Хотя пожаръ вскорѣ прекратился, чему содѣйствовало и то, что затихъ вѣтеръ и опять начался дождь, но до утра еще слышался шумъ, долетали крики. Утро застало выжженнымъ большое пространство, на которомъ сгорѣло шесть домовъ, плотно прилѣпленныхъ другъ къ другу. Черная, мокрая масса углей и обгорѣлыхъ головешекъ шипя дымилась и наполняла гарью воздухъ. Печи уныло возвышались среди пожарища и торчали, какъ опаленные въ огнѣ трупы, своими полуобвалившимися трубами. Черные колья, какъ одинокіе пальцы гигантскихъ рукъ, протягивали кверху обуглившіеся концы. Погорѣльцы бродили унылые, запачканные; убогій скарбъ былъ сваленъ кучами на мокрой землѣ, въ сторонѣ отъ пожарища, и какая-то старуха громко кричала и жаловалась на пропавшіе лохмотья.

Отецъ Жозефъ пришелъ въ замокъ утромъ, съ блѣднымъ лицомъ отъ безсонной ночи, но чистый, вымытый, строгій. Борисъ съ Клэръ тоже не спали,—ихъ лица тоже носили слѣды безсонницы.

— Двѣнадцати тысячъ франковъ довольно за глаза,—сказалъ онъ.—Да тысячи на двѣ кое-что сгорѣло въ церкви, которую вовремя успѣли отстоять.

— А причина пожара?—спросилъ Борисъ.

— Поджогъ, конечно.

— Хорошо, княгиня дастъ пятнадцать тысячъ. Они правы,—прибавилъ онъ.

— Кто?

— Крестьяне. Мы должны помочь имъ, это наша обязанность.

Отецъ Жозефъ скорчилъ гримасу.

— Если вы говорите о той любви, которую мы должны проявлять къ ближнему, то правы.

— Нѣтъ, я не про то,—сказалъ князь.—Я говорю, что они въ правѣ требовать, чтобъ Клэръ вознаградила имъ убытки пожара.

— Почему?

— Потому что огромное состояніе ея отца сложилось вѣками, при помощи тѣхъ же поселянъ. Она отдастъ деньги потомкамъ тѣхъ, которые когда-то работали на ея предковъ.

— Охъ, какая коммунистическая теорія!—сказалъ Жозефъ.

— Эти крестьяне такіе же люди, какъ и предки княгини. Развѣ вы дѣлаете различіе между ними?

— О, и большое. Отъ хорошей охотничьей собаки родятся щенки, за которыхъ платятъ дорого, потому что они навѣрно будутъ превосходны на охотѣ, тогда какъ отъ дворняжки, кромѣ глупыхъ псовъ,—но, быть можетъ, вѣрныхъ сторожей,—ничего иного нельзя ожидать. Отъ арабской лошади можетъ родиться только арабская лошадь. Я вѣрю въ кровь и ея силу.

— А почему вы думаете, что наша кровь выше, чѣмъ кровь этихъ крестьянъ? Почему вы думаете, что, благодаря инстинктамъ вашихъ феодаловъ и нашихъ помѣщиковъ, ихъ кровь не разбавлена въ достаточной степени «благородной» кровью?

— Вы соціологъ!—воскликнулъ Жозефъ.—Ну, объ этомъ говорить не будемъ, а вотъ что вы скажите: вы внимательно читали то, что прописывали въ церковной книгѣ въ день вѣнчанья?

Борисъ пожалъ плечами.

— Я, кажется, совсѣмъ не читалъ.

Брови Жозефа сдвинулись.

— Вамъ могли подсунуть то, что вы не хотѣли.

— То есть?

— Ну, скажемъ, обязательство на милліонъ франковъ?

Борисъ засмѣялся.

— Это было въ замкѣ моего тестя. Тамъ на мошенничество не способны. Говорите прямо, если хотите что-нибудь сказать.

— Я ничего не знаю, но ко всему я отношусь осторожно и подозрительно.

Онъ ушелъ. Безотчетное безпокойство еще болѣе овладѣло княземъ.

Онъ рѣшилъ переселиться въ Англію, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Жакелинъ, получившая утромъ отъ Клэръ письмо, тоже пріѣхала къ нимъ и сказала, по обыкновенію одновременно произнося три слова:

— Все цѣнное, все немедля ко мнѣ, на парижскую квартиру. Картины, всѣ библо, все ко мнѣ, — и поѣзжайте въ Лондонъ. Я буду вслѣдъ за вами, и мы отлично проведемъ зиму. Извѣстія, что приходятъ съ театра войны,—ужасны.

Она побыла съ полчаса, повертѣлась, обошла весь домъ, садъ, сказала, что она ужаснулась, увидя пожарище въ деревнѣ; дала племянницѣ двадцать франковъ для покупки гостинцевъ погорѣвшимъ дѣтямъ и сказала, что необходимо деньги изъ парижскихъ банковъ перести въ лондонскій.

— Я не люблю англичанъ,—сказала она:—но не могу не отдать имъ справедливости,—они положительнѣе французовъ.

Все окрасилось въ другой цвѣтъ. И садъ, и самый замокъ потеряли сразу всю прелесть. Холодный вѣтеръ колыхалъ послѣдніе цвѣты. Они пугливо жались къ стѣнамъ дома и къ землѣ. Точно гнѣздо змѣй завелось возлѣ: — за ворота замка перестали выходить иначе, какъ за очень важнымъ дѣломъ. Наняли трехъ ночныхъ сторожей, по рекомендаціи Жозефа, и они ходили всю ночь вокругъ замка, стуча въ желѣзную доску, что повѣсилъ на дворѣ князь. Эти заунывные звуки, разносившіеся гулко въ свѣжемъ, ночномъ воздухѣ, не успокаивали обитателей дома, а, казалось, говорили:

«Не спите, близка опасность!»

Вставали раньше,—какъ только начинало свѣтать. Вытряхали ковры, портьеры, завертывали и укладывали вещи. Изъ Парижа пріѣхалъ человѣкъ, котораго прислала Жакелинъ и который назвался спеціалистомъ по укладкѣ. Онъ укладывалъ посуду, вазы, фарфоръ, вездѣ набросалъ соломы и сѣна, стучалъ молоткомъ по гвоздямъ, заколачивая ими ящики. Деревья все болѣе облетали въ сонномъ, застывшемъ воздухѣ; князь разбиралъ свой столъ, приводилъ въ порядокъ бумаги и полузабытыя дѣла. Онъ чувствовалъ, что большой перегонъ жизненнаго пути пройденъ и заканчивался съ ихъ отъѣздомъ отсюда. Иногда глаза его останавливались на окнахъ, откуда издали была видна деревня, и онъ повторялъ:

— Да, они правы!

XX.

Сундуки были уже всѣ уложены. Картины, статуи и вазы въ ящикахъ поѣхали уже въ Парижъ. Пять парныхъ подводъ тихимъ шагомъ двинулись къ городу. Солнце золотыми волнами обливало окутанные бѣлыми брезентами возы.

Теперь садъ стоялъ полузабытымъ, осиротѣлымъ. Смятая пожелтѣвшая зелень проглядывала на куртинахъ то тамъ, то тутъ, не убранная садовникомъ. Уголъ большой вазы отколотый лежалъ у ея подножья. На дорожкахъ сверкали осенніе опавшіе листья.

Они горѣли на солнцѣ и золотомъ и кровью, сухо шуршали подъ ногами. Иногда по утрамъ ночной иней сверкалъ на нихъ, какъ мелкія розы ювелира. И сердце Клэръ сжималась невольно: не то она вспоминала невозвратное прошлое, не то боялась за неизвѣстное будущее.

Домъ тоже принялъ новый, незнакомый ей видъ. Гдѣ висѣли портреты и картины, остались темные четырехугольники и овалы невыгорѣвшихъ стѣнъ. Висѣли на гвоздяхъ шнурки. Шкапы, люстры, диваны, стулья окутались въ саваны чехловъ. Шторы были сняты съ оконъ, и было непривычно свѣтло въ комнатахъ. За окнами деревья казались задумчивыми, грезившими о какихъ-то кровавыхъ сказкахъ. Казалось, видѣли они далекую змѣю вооруженныхъ людей, медленно ползшую съ востока все ближе и ближе къ Парижу...

Въ кабинетѣ сидѣлъ Борисъ. Передъ нимъ стоялъ Боклевскій. Онъ былъ, противъ обыкновенія, серьезенъ и сосредоточенъ.

— Ну, такъ что же?—спрашивалъ Борисъ.

— А то, что мнѣ въ Петербурхъ надо пробираться,—отвѣчалъ Боклевскій.

— Безъ языка?

— Зачѣмъ мнѣ языкъ? Сытъ буду и безъ языка. А только безпремѣнно мнѣ надлежитъ къ тетушкѣ вашей явиться. Изготовьте вы мнѣ письмецо. Съ чего къ вамъ письма не доходятъ? Что такое? Почему?

— Куда ты поѣдешь, дуракъ?—спросилъ Борисъ.

— Дуракъ—это совсѣмъ другое дѣло,—возразилъ Боклевскій.—Можетъ, я и дуракъ, только никакого прикосновенія къ нашему разговору это не имѣетъ.

— Ты понимаэшь, что я привыкъ къ тебѣ?

Лука переступилъ съ ноги на ногу.

— Я это знаю и очень твердо,—не смущаясь отвѣтилъ онъ.—А только при вашемъ капиталѣ невозможно въ такихъ стѣсненіяхъ быть?

Борисъ посмотрѣлъ на него.

— Почемъ ты знаешь мой капиталъ?

— Мнѣ капиталовъ вашихъ не знать?—укоризненно завопилъ Боклевскій.—А Захарьевское? А Марьино? А Знаменская мыза? Нешто это не ваше все? Въ Захарьевскомъ въ одномъ округѣ осемьсотъ душъ. И души-то еще отъ дѣдиньки Василья Никитича, родовыя. А Знаменская мыза?

— Цѣлы ли они?—спросилъ задумчиво Борисъ.

Онъ, въ знакъ полнаго несогласія съ бариномъ, даже руками шлепнулъ по бедрамъ.

— А съ чего жъ имъ не цѣлыми быть? Господи! то есть, что вы говорите!

— Мало послѣ похода французскаго разорено?

— Это что пожжено-то было? Все, что получше, чай, въ землю зарыли, ушли на недѣльку, на три, а потомъ назадъ воротились и откопали. И деревни, и села не сплошь, должно, жгли. Ну, десять избъ сгорѣло, а остальныя цѣлы остались.—Дяденька вашъ, Микита Васильичъ, коли ополченіе собиралъ на свои деньги,—такъ очень они за тѣмъ постоятъ, чтобъ на каждый сгорѣвшій дворъ лѣса дать... И какъ они померли весною, должны же вы отъ нихъ капиталъ получить? А гдѣ онъ, капиталъ? И не иначе, какъ тутъ задержка какая изъ-за военныхъ дѣйствій.

— Зачѣмъ же тебѣ ѣхать?—спросилъ Борисъ.

— Чтобъ все какъ на ладо́нькѣ выложено было, и все въ полной ясности стало. Пущай деньги пришлютъ... А такъ невозможно.

Борисъ посмотрѣлъ на корявый, изрытый лобъ Луки. Онъ стоялъ передъ нимъ въ рабочей курткѣ и въ темныхъ штанахъ, засунутыхъ за голенища сапогъ. Онъ стоялъ спокойно. Его нисколько не пугали тѣ тысячи верстъ, которыя онъ долженъ былъ проѣхать отъ Франціи до Россіи. Онъ зналъ, что ему надо пробраться въ Петербургъ, и этого «надо» было для него совершенно довольно.

— Хорошо, я подумаю,—сказалъ Борисъ.

— Тутъ чего жъ думать,—возразилъ онъ.—Какъ вы двинетесь, такъ и я. Вы только напишите адресокъ вашъ, куда писать. Я какъ пріѣду, въ тотъ же моментъ рапортую вамъ.

Лицо Боклевскаго было еще загорѣлымъ отъ лѣта. Онъ по военному, по старой привычкѣ, все еще держалъ руки по швамъ. Глаза смотрѣли на барина зорко и какъ-то вызывающе. Борисъ понималъ, что онъ все выполнитъ и сдѣлаетъ лучше, чѣмъ десятки писемъ.

— Я и мѣшокъ сложилъ свой,—прибавилъ онъ.—Мнѣ хоть сейчасъ итти, такъ впору.

— Ты развѣ пѣшкомъ пойдешь?—спросилъ Борисъ.

— Гдѣ и подвезутъ,—философически замѣтилъ ех-денщикъ.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда луна уже глядѣла съ южной стороны замка и набрасывала желтые квадраты оконъ на незакрытый коврами полъ кабинета, Борисъ позвалъ Луку.

Тотъ вошелъ. Борисъ сидѣлъ за длиннымъ письменнымъ столомъ. Круглый подсвѣчникъ въ восемь свѣчей подъ синимъ колпакомъ горѣлъ передъ нимъ. На маленькой свѣчѣ онъ зажигалъ сургучъ и капалъ имъ на только что конченное и свернутое конвертомъ письмо. Онъ освѣщался и этой свѣчкой и горящимъ сургучомъ снизу, и это огненное освѣщеніе напоминало ту картину, изображающую голландца съ кружкой пива, что висѣла у нихъ въ столовой.

— Я рѣшилъ,—сказалъ Борисъ:—что ты съ нами поѣдешь въ Англію.

Лука вскинулъ на него глазами, но ничего не возразилъ.

— Когда мы устроимся въ Лондонѣ, я посажу тебя на корабль, и ты поплывешь либо въ Кёнигсбергъ,—откуда ужъ недалеко до нашей границы,—либо прямо на Либаву, а не то и въ Ригу поѣдешь, коли не замерзло еще.

Боклевскій хлопнулъ глазами, хотѣлъ что-то сказать, но удержался.

— Ты что?—спросилъ Борисъ.

— Потонуть можно...—подумавъ, сказалъ Лука.

— Какъ потонуть? Съ чего ты?

— Вода—она глупая. Захлестнетъ волной, и поминай, какъ звали. Ежели по серьезному дѣлу, такъ черезъ нѣмцевъ по сухому пути лучше. Вѣрнѣе.

Борисъ потушилъ свѣчку.

— Глупый ты, глупый!—сказалъ онъ.—Вѣдь тамъ война. Еще попадешься, вздернутъ тебя на сукъ.

— Чего меня вздергивать, что я такое сдѣлалъ?—недовольно отозвался онъ.

— За шпіона примутъ.

— Невозможно. Я сторонкой обойду.

— Ты поѣдешь съ нами въ Лондонъ. Я сказалъ, такъ будетъ,—закончилъ Борисъ.

— Какъ угодно,—недовольно отозвался Лука.

Прошло съ минуту. Борисъ отвалился въ креслѣ и задумчиво смотрѣлъ въ открытыя двери, за которыми смутно рисовалась анфилада уходящихъ вдаль комнатъ. Свѣчи потрескивали подъ колпакомъ, въ каминѣ догорали дрова. Борисъ поднялъ глаза и встрѣтился со взглядомъ денщика.

— Ты сказать еще что хочешь?—спросилъ онъ.

Лука ступилъ два шага къ нему и протянулъ небольшой помятый листокъ съ акварельнымъ видомъ.

— Что это такое?—спросилъ Борисъ, взявъ листокъ въ руки:—кто это рисовалъ?

— Сергѣй Миколаичъ,—вдругъ распускаясь въ улыбку, сказалъ Боклевскій.—А потомъ выбросили. Я изъ сора вынулъ.

На продолговатомъ лоскуткѣ бумаги былъ изображенъ пейзажъ. Подъ густо-синимъ небомъ, между зелени виднѣлась крыша барскаго большого дома. Лѣвѣе, тоже изъ-за деревьевъ, болѣе напоминавшихъ своей формою кочни капусты, глядѣли главы церкви съ колоколенкой и тщательно вырисованными перышкомъ крестами.

— Это Знаменское!—не безъ удовольствія замѣтилъ князь.

— Знаменское?—точно удивился Боклевскій.—То-то я смотрю, какъ бытдо знакомое что...

— Зачѣмъ же ты принесъ мнѣ это?..

— Укладалъ я скарбъ свой, и нашелъ... Такъ, можетъ, вамъ пріятно, какъ братца вашего... Годовъ ужъ пятнадцать у меня

картинка это валявшись... Все не къ чему мнѣ. А теперь, такъ какъ въ Знаменское я ѣду... Дозвольте вамъ, какъ сувениръ...

Борисъ понялъ, что это былъ вѣжливый подарокъ. По смущенному лицу Луки онъ видѣлъ, какъ онъ боится, что этотъ подарокъ не будетъ принятъ. Онъ всталъ, отодвинулъ кресло, подошелъ къ нему и положилъ руки на плечи. Посмотрѣвъ ему въ глаза, онъ вдругъ поцѣловалъ его, сказалъ:

— Зачѣмъ ты врешь? Ты всегда зналъ, что это Знаменское. Иди!

Бэклевскій повернулся налѣво кругомъ и вышелъ. Входя въ свою каморку, подъ лѣстницей, онъ протеръ грязнымъ платкомъ свои глаза: ихъ все застилало чѣмъ-то постороннимъ, ненужнымъ...

XXI.

Рѣшено было ѣхать на разсвѣтѣ въ наемныхъ экипажахъ до моря, гдѣ легко было найти корабли, шедшіе въ Дувръ. Патеръ вызвался нанять лошадей и устроить все къ ихъ отъѣзду.

Раннія осеннія сумерки уже наступили, когда наканунѣ отъѣзда, усталый, запыленный, въ маленькой телѣжкѣ подъѣхалъ онъ къ замку. Неизбѣжный шелковый зонтикъ былъ съ нимъ. Не было той чистоты и порядка, которые всегда встрѣчали посѣтителей замка. На полу валялись обрывки веревокъ и смятая бумага. Только собака попрежнему мокрымъ носомъ ткнулась въ его костлявую руку и понюхала его пахнувшіе телѣжкой и новой кожей башмаки.

— Мы думали, вы пріѣдете къ обѣду,—сказала Клэръ.

— Я хотѣлъ видѣть содержателя здѣшняго тракта,—сказалъ священникъ въ свое оправданіе.—Онъ былъ въ Парижѣ, и мнѣ пришлось его долго ждать.

— Я вамъ велю сейчасъ накрыть,—предложила хозяйка.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—остановилъ ее Жозефъ.—Если вы мнѣ дадите стаканъ лафита и нѣсколько гренковъ или бисквитовъ, съ меня будетъ совершенно довольно.

Но, однако, несмотря на свой отказъ, онъ съѣлъ цѣлую тарелку пюре и огромный кусокъ тетерева, что принесъ наканунѣ егерь. Служитель алтаря, должно быть, былъ очень голоденъ, потому что его кадыкъ такъ и прыгалъ отъ его непрерывнаго глотанія. Между глотками онъ успѣлъ сказать нѣсколько комплиментовъ и супу, и тетереву. Онъ доѣлъ салатъ, что подали ему, самъ приготовивъ его полную тарелку, обильно посоливъ и обливъ прованскимъ масломъ. Онъ выпилъ и мадеры и лафиту, не отказался отъ кофе и пришелъ изъ нервнаго въ спокойное состояніе только тогда, когда осушилъ три чашки.

— Вы ѣдете въ самый подходящій моментъ,—сказалъ онъ, въ послѣдній разъ усаживаясь въ свое обычное кресло въ кабинетѣ.

— А что?—спросилъ князь.

Патеръ, какъ всегда, на всякій случай оглянулся.

— Дѣла Франціи совершенно проиграны,—трагическимъ шопотомъ сказалъ онъ:—и одинъ Господь вѣдаетъ, чѣмъ это кончится.

Онъ посмотрѣлъ на потолокъ, за которымъ, по его представленію, находился Зиждитель міра, и сложилъ руки на животикѣ.

— Вы имѣете какія-нибудь новыя свѣдѣнія?—освѣдомился Борисъ.

— И, какъ всегда, самыя достовѣрныя,—замѣтилъ Жозефъ,—прихлебывая бенедиктинъ. — Скоро союзники подступятъ сюда. Вопросъ быстроты ихъ движенія зависитъ отъ множества случайностей. Можетъ быть, это будетъ чрезъ полгода, а, можетъ быть, черезъ нѣсколько недѣль. Они будутъ сидѣть на тѣхъ самыхъ стульяхъ и въ тѣхъ креслахъ, гдѣ сидимъ мы... Вы хорошо сдѣлали, что все отправили въ Парижъ, хотя...

Онъ остановился—или отъ избытка патріотизма, или для того, чтобы выпить новую рюмку бенедиктину.

— Вы не кончили вашу мысль,—сказала Клэръ.

— Я не кончилъ свою мысль, потому что она такъ ужасна,—сказалъ отецъ Жозефъ.

Князь сказалъ спокойно:

— Все равно, вы ее скажите.

— Я боюсь, что русскія пушки не пощадятъ сокровищъ Парижа,—сказалъ онъ,—и что въ огнѣ пожаровъ сгоритъ и то, что вы перевезли въ домъ madame Жакелинъ.

— А я не боюсь,—сказалъ Борисъ.—До сихъ поръ русскіе безцѣльно ничего не разрушали и не жгли. Здѣсь больше опасности со стороны крестьянъ.

— Но русскіе сожгли сами себя, начиная съ Москвы и кончая Березиной?

— На всю огромную Россію сожжена только смоленская дорога.

— Но какова дикость самосожженія!—воскликнулъ Жозефъ.

— Это входило въ наши стратегическіе планы. Отступленіе врага было задумано по опустошенной мѣстности. Крестьянамъ, которые не хотѣли, было приказано все сжечь. Если бы они не сожгли, сожгли бы русскіе солдаты.

Жозефъ вытянулъ губы.

— Почему, князь, вы знаете? Почему вы думаете, что это не былъ порывъ патріотизма?

Борисъ пожалъ плечами.

— Потому что мнѣ писали объ этомъ. Потому что русскому духу чужда всякая аффектація, даже патріотическая. Народъ нашъ покоренъ. Онъ перенесъ даже реформы Петра, что было не менѣе тяжело, чѣмъ война прошлаго года. Въ новомъ городѣ умерло столько народа, среди его финскихъ топей, что...

Онъ остановился и началъ ходить.

— Недавно былъ пугачевскій бунтъ,—продолжалъ онъ.—Этотъ бунтъ былъ противъ помѣщиковъ. Это зарница далекой свободы. Если туча прошла мимо, то изъ этого не слѣдуетъ, что она навсегда разсѣялась. Рано или поздно, она налетитъ и многое опустошитъ.

Жозефъ сдѣлалъ значительную мину.

— Ваша страна молодая,—сказалъ онъ:—ей суждено занять видную роль въ концертѣ Европы.

Борисъ опять остановился и сказалъ:

— Будетъ о политикѣ, давайте лучше сыграемъ въ послѣдній разъ въ шахматы.

При свѣтѣ двухъ свѣчей, тускло озарявшихъ кабинетъ, они сѣли за свою обычную игру. Клэръ, усталая, въ новой, непонятной ей истомѣ, легла на софу. Она видѣла игроковъ, какъ они передвигали слоновъ, пѣшки, офицеровъ, щурилась на огонь свѣчей, который лучами расходился во всѣ стороны, точно сіяніе отъ святыхъ въ церквахъ. Два луча—одинъ длинный, другой короткій—задѣвали Жозефа, и лицо его за ними совсѣмъ терялось.

Боклевскій, стараясь не стучать, прошелъ по лаковому полу, и замѣтилъ мимоходомъ, что свѣчи послѣднія, а новыхъ теперь взять неоткуда.

Борисъ ничего не сказалъ и потушилъ одну свѣчку. На каминныхъ часахъ пробило одиннадцать, потомъ и двѣнадцать. Клэръ заснула въ глубинѣ дивана. Жозефъ, отвалившись на спинку кресла, тоже клевалъ носомъ. Борисъ прошелъ къ своему столу. Онъ въ послѣдній разъ отодвинулъ всѣ ящики, посмотрѣлъ, не осталось ли тамъ чего-нибудь важнаго, имѣющаго значеніе.

Темная ночь надвинулась и обняла все вокругъ. Какой-то неясный шумъ послышался на дворѣ. Онъ всталъ и вышелъ на крыльцо. Это говорили бубенчики пріѣхавшихъ четверокъ.

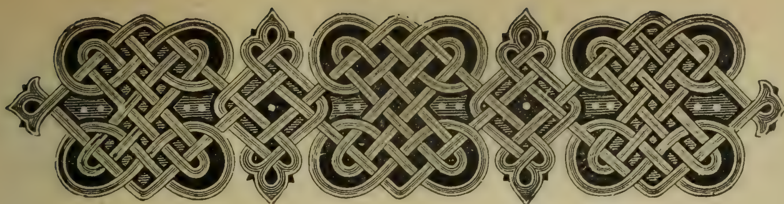
Начались послѣдніе сборы. Баулы, ларцы и ящики размѣстились въ двухъ дорожныхъ каретахъ. Собака, обезпокоенная необычнымъ ночнымъ движеніемъ, недоумѣвая, ходила взадъ и впередъ за людьми, что носили вещи, и иногда рычала. Часы попрежнему тикали и отбивали уплывавшее въ вѣчность время.

Наконецъ всѣ усѣлись въ экипажи. Жозефъ сдѣлалъ видъ, что разстроенъ разлукой. Онъ сказалъ небольшую рѣчь. Упомянулъ о лучшихъ временахъ, говорилъ о счастьи, котораго вполнѣ достойны князь и его супруга. Ему въ подарокъ Борисъ далъ пятьсотъ франковъ, прося охранять замокъ и писать въ Лондонъ, если встрѣтится нужда. Когда карета двинулась, онъ крикнулъ:

— Желаю вамъ маленькаго князя!

П. П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

(Литературныя характеристики и курьезы).

VII.

В. О. Португаловъ и Ломоносовъ.—В. П. Острогорскій и выразительное чтеніе.—Незлобивый рецензентъ.—Два тенора.—Недостроенная Вавилонская башня.—Желѣзнодорожный обличитель.—На юбилеѣ А. И. Поповицкаго.—Покровитель «несчастненькихъ» и «многострадальныхъ».—Репортеръ въ роли лакея.—Фабрика новостей.—Мнимые филантропы.—Авторепортерское свѣдѣніе.—Литературные обѣды.—Споръ о Пушкинѣ.

ОРТУГАЛОВЪ, В. О.—публицистъ, гигіенистъ, популярный врачъ, боровшійся съ пьянствомъ, и ярый шестидесятникъ. Его статьями молодежь и даже гимназистки зачитывались. Говорятъ, что одна гимназистка на экзаменѣ на вопросъ: какихъ она читала авторовъ?—отвѣтила: «Ломоносова, Фонвизина и Португалова».

Идеалы шестидесятыхъ годовъ Португаловъ проводилъ въ своихъ статьяхъ въ «Новостяхъ». Онъ оставался вѣренъ имъ до конца дней, хотя немало выстрадалъ за нихъ.

Не выходя почти изъ-подъ надзора самарской полиціи, Португаловъ доставлялъ большія огорченія администраціи своими протестами противъ беззаконій провинціальныхъ Держимордъ и угрозами поднять на ноги «весь Петербургъ», «всю Европу».

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 122.

— Помилуйте!—жаловался однажды губернаторъ прибывшему изъ Петербурга писателю, заинтересовавшемуся португаловскими разоблаченіями въ печати. — Я назначилъ заслуживающаго довѣріе чиновника для производства дознанія, а Португаловъ мнѣ заявляетъ: «Я тогда только успокоюсь, когда вы и меня пріобщите къ слѣдствію, иначе подниму шумъ на весь міръ...»

Только безвременная кончина и успокоила неугомоннаго борца за правду.

В. П. Острогорскій — симпатичнѣйшій педагогъ, писатель-гражданинъ и общій любимецъ: онъ былъ любимъ своими многочисленными учениками, какъ педагогъ, любимъ въ журнальныхъ и художественно-литературныхъ кружкахъ. Въ «Новостяхъ» помѣщалъ иногда литературно-юбилейные очерки.

На литературно-юбилейныхъ обѣдахъ и поминкахъ на В. П. возлагали характеристики чествуемыхъ выдающихся писателей.

Обладая скудными голосовыми средствами,—у Острогорскаго былъ сиплый голосъ,—онъ составилъ прекрасную книгу о выразительномъ чтеніи и ратовалъ за обученіе юношества такому чтенію.

Н. Ѳ. Соловьевъ—композиторъ, профессоръ музыки и самый незлобивый изъ музыкальныхъ критиковъ. Свою незлобивость Соловьевъ объяснялъ тѣмъ, что критикъ долженъ быть учителемъ и другомъ артистовъ, а не хулителемъ quand même, что самый голосистый пѣвецъ можетъ отъ волненія лишиться голоса, если изо дня въ день ругмя ругать его, а второстепенный артистъ можетъ развить свои артистическія данныя, если относиться къ нему благосклонно и доброжелательно и въ безобидной формѣ указывать ему на недочеты. Свои взгляды Соловьевъ иллюстрировалъ фактами изъ артистической жизни.

Вспоминается анекдотъ о двухъ артистахъ-пѣвцахъ—М., обладателѣ дивнаго, чарующаго голоса и плохомъ актерѣ, и Ф., умѣвшемъ владѣть своимъ небольшимъ голосомъ и обладавшемъ большимъ драматическимъ талантомъ.

— Если бы,—сказалъ однажды Ф. М—ву,—я имѣлъ твой голосъ, то покорилъ бы міръ.

— А если бы я,—возразилъ тотъ,—при своемъ неумѣньи играть имѣлъ еще твой голосъ, то ходилъ бы по міру...

Ф. сдѣлалъ блестящую карьеру и теперь антрепренерствуетъ, а М. умираетъ съ голоду, и въ его пользу устраиваются концерты.

Въ «Новостяхъ» о музыкальномъ легкомъ жанрѣ давалъ рецензіи одновременно съ Соловьевымъ солидный государственный мужъ, тайный совѣтникъ Я. И. Плющикъ-Плющевскій, онъ же Дельеръ, передѣлавшій романы Достоевскаго въ драмы.

За суровые отзывы Плющика-Плющевскаго о подвизавшейся въ Кононовскомъ залѣ опереточной труппѣ покойнаго I. I. Сѣтова редакція была лишена рецензентскаго ырнсла. В. О. Михневичъ

разразился тогда по этому поводу остроумнымь фельетономъ, гдѣ заявилъ, что рецензентъ, дѣйствительно, не подходитъ для сѣтовской оперетки, и редакція отнынѣ будетъ посылать въ театръ своего сторожа Онуфрія, который будетъ доволенъ составомъ труппы бывшаго артиста русской оперы Сѣтова: по Сенькѣ и шапка...

О балетѣ писалъ хорошо извѣстный въ свое время Д. Д. Коровьяковъ. Юристъ по образованію и лекторъ въ драматической школѣ, гдѣ читалъ о декламаціи, Коровьяковъ пуще всего интересовался балетомъ. Надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ толстый съ горбомъ балетоманъ изображалъ «элеваціи» прославленныхъ танцовщицъ!

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ газеты участвовали два литературныхъ Аякса—покойный Альбовъ и К. С. Баранцевичъ. Они приступили было къ печатанію писавшагося въ четыре руки романа «Вавилонская башня», гдѣ выведены были дѣятели Пушкинскаго клуба. Впрочемъ, канва романа принадлежала Баранцевичу. Это была безпощадная карикатура на тогдашнихъ поэтовъ, беллетристовъ и критиковъ: Фофанова, Соймонова, Алѣева, Скабичевскаго, Оболенскаго и другихъ. Даже себя авторы романа не пощадили. Въ литературныхъ кружкахъ произведеніе Баранцевича и Альбова вызвало такое неудовольствіе, что пришлось конецъ его скомкать. Такимъ образомъ, и литературная «Вавилонская башня» осталась не достроенной...

Талантливый Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, тогда еще молодой писатель, помѣщалъ въ «Новостяхъ» превосходные очерки «Съ Урала».

Въ «Новостяхъ» участвовала масса женщинъ. Достаточно назвать госпожъ Аданъ, Цебрикову, Кашеварову-Рудневу, Клемансъ-Ройе, Бартеневу, Назарьеву, Давыдову, Ламанскую, Некрасову и др. Это былъ цѣлый феминистскій клубъ.

Въ газетѣ участвовали и лица, которыя, строго говоря, къ сонму писателей причислены быть не могутъ. Это были скорѣе поставщики матеріала для статей: ихъ произведенія приходилось облекать въ литературную форму. Нерѣдко такіе авторы не узнавали своихъ произведеній, предполагая, что помѣщенныя въ газетѣ статьи доставлены другими лицами, предвосхитившими ихъ идеи.

Къ числу такихъ авторовъ слѣдуетъ отчасти отнести К. О. де-Скроховскаго, занимавшаго впослѣдствіи должность главнаго контролера Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ.

К. О. де-Скроховскій былъ желѣзнодорожный обличитель.

Онъ всегда изобличалъ желѣзныя дороги, или, вѣрнѣе, бывшее главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, велъ процессъ съ

этимъ обществомъ изъ-за копейки, переброшенной у него, и довелъ его до высшей судебной инстанціи. Книга его «Желѣзнодорожное хозяйство и бюрократія», напечатанная въ восьмидесятыхъ годахъ, была сожжена.

Своими разоблаченіями, печатавшимися, кромѣ «Новостей», въ «Гражданинѣ» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», де-Скроховскій спасъ, какъ онъ говорилъ, не одинъ милліонъ казнѣ и находился поэтому подъ особымъ покровительствомъ покойнаго Т. И. Филиппова, государственнаго контролера. Наградою за обличительную дѣятельность послужила казенная служба съ хорошимъ окладомъ...

Статьи де-Скроховскаго и инженера Т—го были причиною процесса о диффамаціи, затѣяннаго противъ «Новостей» желѣзнодорожнымъ королемъ Ададуровымъ, представителемъ котораго явился князь А. И. Урусовъ, самъ сотрудникъ «Новостей». Редактору газеты, помнится, инкриминированы были какъ разъ фразы, которыя принадлежали мнѣ и написаны были на основаніи разсказаннаго однимъ изъ инженеровъ, поставлявшихъ обличительный матеріалъ.

Разумѣется, Урусовъ порвалъ тогда съ редакціею, куда являлся иногда корректировать свои рѣчи, внося большое оживленіе. Слушать его было истинное наслажденіе. Онъ чарующе дѣйствовалъ на васъ своимъ симпатичнымъ баритономъ.

Помню, когда Урусовъ корректировалъ свою знаменитую рѣчь по дѣлу люцинскихъ евреевъ, обвинявшихся въ ритуальномъ убійствѣ, онъ съ такимъ негодованіемъ говорилъ объ этомъ и другихъ поклепахъ, что Нотовичъ, замѣтилъ:

— Я не удивлюсь, если евреи изберутъ васъ въ раввины...

Какъ человѣкъ непричастный къ литературѣ, де-Скроховскій на редакціонныхъ собраніяхъ попадалъ иногда въ комическое положеніе.

Вся почти редакціонная семья участвовала въ юбилейномъ чествованіи покойнаго редактора «Паломника» А. И. Поповицкаго, издававшаго до того и «Театральный Листокъ». Поповицкаго уважали и любили, какъ добраго и симпатичнаго человѣка.

Въ юбилейный день явился случайно въ редакцію де-Скроховскій.

— Вы обѣдаете съ нами сегодня у Понсэ?—спросилъ его кто-то.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

Народу собралось много. Де-Скроховскій былъ немного изумленъ при видѣ массы незнакомцевъ, изъ коихъ большинство были во фракахъ. Отправляясь на обѣдъ, онъ полагалъ, что многочисленная дружина «Новостей» рѣшила просто отобѣдать и провести хорошо время. Но вотъ, когда, по выраженію обѣденныхъ репортеровъ, въ бокалахъ запискрилось шампанское и кто-то сталъ гово-

рить рѣчь, упоминая про уважаемаго всѣми «Александра Ивановича», де-Скроховскій, недоумѣвая, обратился къ своему сосѣду:

— Скажите на милость, что это за Александръ Ивановичъ и по какому случаю что-то объ немъ тутъ говорятъ?

— Да вѣдь это юбиляръ.

— Какой такой юбиляръ?

— Котораго мы сегодня чествуемъ—Поповицкій.

— Ничего не понимаю. Кто это «мы» и кто Поповицкій? Никогда не слыхивалъ. Что онъ сдѣлалъ?

— Онъ писатель.

— А что онъ писалъ?

Оказалось, что и сосѣдъ былъ не изъ особенно свѣдущихъ людей по части литературы. И онъ, какъ и де-Скроховскій, былъ зѣло сконфуженъ. На выручку де-Скроховскому явился болѣе знакомый съ заслугами юбиляра Г. К. Градовскій.

Конторою газеты «Новости» завѣдывалъ В. Н. Никитинъ, извѣстный писатель, тюрьмовѣдъ и спеціально тюремный филантропъ, авторъ «Многострадальныхъ» и другихъ произведеній изъ быта всевозможныхъ «многострадальныхъ» кантонистовъ, тюремныхъ обитателей и вообще всякихъ униженныхъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ.

Ратуя за интересы этихъ послѣднихъ, Никитинъ вступалъ въ драку со всѣми, кто покушался на благополучіе покровительствуемыхъ имъ «несчастненькихъ».

Въ «Новостяхъ» Никитинъ помѣщалъ статьи по тюремнымъ и другимъ вопросамъ.

Обладая несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, Никитинъ, какъ бывшій кантонистъ, учившійся чему-нибудь да какъ-нибудь, не всегда писалъ въ согласіи съ Гротомъ.

Въ качествѣ тюремнаго филантропа, онъ однажды обвинялъ профессора-филантропа чуть ли не въ присвоеніи филантропической копейки...

По репортерской части подвизался въ «Новостяхъ» въ мое время король репортеровъ Юлій Шрейеръ.

Чинъ статскаго совѣтника, прежняя служебная карьера (Шрейеръ занималъ въ Варшавѣ постъ предсѣдателя цензурнаго комитета) и почтенный уже возрастъ не мѣшали королю репортеровъ изгибаться въ три погибели, когда нужно было добыть какое-нибудь цѣнное свѣдѣніе.

Однажды Шрейеръ узналъ, что заправилы одного акціонернаго учрежденія, желая скрыть отъ печати свой обмѣнъ мнѣніями, рѣшили собраться въ ресторанѣ на якобы товарищескій обѣдъ.

— Отчетъ будетъ своевременно вамъ доставленъ,—заявилъ онъ редактору газеты.

И участники конспиративнаго обѣда на слѣдующій день, къ изумленію своему, прочитали въ одной газетѣ всѣ свои сужденія и дебаты. Оказалось, что среди прислуживавшихъ офиціантовъ за обѣдомъ затесался какими-то судьбами «король репортеровъ».

По репортерской части, кромѣ «короля репортеровъ» Ю. О. Шрейера, подвизался и «вице-король» Животовъ, авторъ цѣлаго ряда уголовныхъ романовъ, онъ же редакторъ «Вѣстника общества покровительства животнымъ», устроитель въ Нижнемъ Новгородѣ лоттереи въ пользу общества покровительства животныхъ, за которую генералъ Барановъ отнесся весьма немилостиво къ покровителю животныхъ, державшемуся завѣта: «блаженъ, иже скоты милуетъ». Барановъ усмотрѣлъ какіе-то недочеты въ кассѣ и дефекты въ устройствѣ лоттерейныхъ урнъ.

Голова Животова—была настоящая фабрика новостей. У него всегда имѣлись въ записной книжкѣ и въ карманахъ огромные запасы свѣдѣній. Стоило сказать ему, что хроника скудная, и Животовъ садился за столъ и фабриковалъ новости, пока его не просили «заткнуть фонтанъ».

Среди репортеровъ попадались интересные экземпляры. Поставлялъ въ газету или, вѣрнѣе, во всѣ газеты небольшія замѣтки нѣкто Волокитинъ. Когда-то Волокитинъ былъ юркій и шустрый репортеръ. Но по старости лѣтъ или другимъ причинамъ, онъ сократилъ свою репортерскую дѣятельность и сталъ ограничиваться измышленіемъ слуховъ. Онъ свелъ знакомство съ двумя спившимися субъектами изъ захудалыхъ купцовъ и приписывалъ имъ, съ ихъ согласія, всякія затѣи, которыя имъ и въ голову не приходили, вродѣ учрежденія разныхъ обществъ, благотворительныхъ пріютовъ и т. п. Ни одна изъ этихъ затѣй, разумѣется, осуществлена не была. Такъ какъ фамиліи и званіе мнимыхъ филантроповъ назывались полностью, то газеты попадались на удочку.

Были у Волокитина еще поставщики матеріала въ лицѣ «угличанъ». Дѣло въ томъ, что въ Петербургъ прибыло нѣсколько угличанъ съ цѣлью хлопотать о возвращеніи изъ ссылки изъ Тобольска знаменитаго угличскаго колокола. «Ходоки» или депутаты застряли въ Петербургѣ, обивали пороги всевозможныхъ канцелярій и разныхъ лицъ, и о каждомъ ихъ шагѣ Волокитинъ исправно оповѣщалъ читающую публику. Это было выгодно и для Волокитина, и для депутатовъ, получавшихъ средства отъ пославшихъ ихъ въ столицу земляковъ. Къ депутатамъ примкнули случайно жившіе въ Петербургѣ угличане, возникло цѣлое общество или колонія угличанъ, и съ ихъ жизнью и знакомилъ Волокитинъ. Газеты скоро раскусили недоброкачественность волокитинскихъ свѣдѣній, и его свели на нѣтъ.

Такая же судьба постигла и нѣкоего Э.—поставщика административныхъ новостей, зарабатывавшаго по шестидесяти и болѣе ко-

пеекъ за строчку, смотря по количеству столичныхъ и провинціальныхъ изданій, печатавшихъ сообщенія этого писателя. У него даже была дома цѣлая канцелярія, гдѣ фабриковались эти сообщенія, а фабриковались они такимъ образомъ.

Э. пріобрѣталъ въ государственномъ контролѣ или другомъ учрежденіи проектъ какой-нибудь предполагаемой и часто не осуществляемой реформы и выкраивалъ изъ него замѣтки. Сегодня сообщитъ сущность проекта, завтра отзывъ одного вѣдомства, запрошеннаго по предмету реформы, затѣмъ другого, третьяго и т. д. Такъ какъ въ проектахъ приводились и мнѣнія губернаторовъ, то Э. и ихъ приводилъ, а затѣмъ сталъ варьировать свои прежнія сообщенія. Въ однѣхъ только «Новостяхъ» Э. зарабатывалъ 100—150 руб. въ мѣсяцъ, а когда раскрылся секретъ фабрикаціи имъ сообщеній, то заработокъ его палъ до 20—30 руб. въ мѣсяцъ. И въ другихъ газетахъ стали слѣдовать примѣру «Новостей», и Э. занялся другими дѣлами, сталъ ѣздить по выставкамъ и писать въ газеты отчеты объ экспонатахъ и экспонентахъ, выпускавшіеся потомъ въ видѣ роскошныхъ книгъ и альбомовъ.

Были и репортеры вполнѣ добросовѣстные, честно зарабатывавшіе свои скромные гонорары. Припоминаю такой эпизодъ.

Явившемуся въ редакцію К—скому я заявилъ, что онъ давно уже не доставлялъ ни одного интереснаго свѣдѣнія.

— Что же? Прикажете мнѣ утопиться или утопить кого-нибудь и затѣмъ описать вамъ это?—заявилъ въ шутку К—скій.

На слѣдующій день К—скій явился въ редакцію блѣдный, точно въ воду опущенный.

— Ну, вотъ и накаркали мнѣ!

— Что случилось?

— А случилось то, что я и цѣлая компанія отправились кататься по Невѣ, лодку накренило, всѣ очутились во водѣ, присяжный повѣренный Гребенщиковъ утонулъ, а мы всѣ спаслись; вотъ вамъ и интересное свѣдѣніе очевидца, которое вы желали имѣть...

Поставляли репортерскія свѣдѣнія и извѣстные писатели, и даже именитые обыватели не гнушались заниматься репортерствомъ, т. е. описывать факты и событія, очевидцами коихъ они являлись, и затѣмъ предъявлять требованія объ уплатѣ соотвѣтственнаго гонорара.

Одно время предполагалось распредѣлить репортерскія обязанности между «набольшими».

Отчеты о засѣданіяхъ кредитнаго общества писалъ В. О. Михневичъ, о философскихъ и филологическихъ докладахъ—профессоръ Модестовъ, о врачебныхъ засѣданіяхъ врачи и т. д. Реформа эта не привилась.

Вообще Нотовичъ былъ неистощимъ по части реформъ въ газетѣ, заведенія новыхъ рубрикъ и т. п., но все это не спасало «Новостей» отъ хроническихъ дефицитовъ и полнаго крушенія въ осво-

бодительные дни, когда Нотовича покинули всѣ сотрудники, не сошедшіеся съ нимъ во взглядахъ на тогдашнія событія.

Нотовичъ не вѣрилъ въ близкое торжество всѣхъ конституціонныхъ свободъ, а молодая редакція была другого мнѣнія на этотъ счетъ. Не послѣднюю роль играли и личныя недоразумѣнія съ не особенно уживчивымъ редакторомъ.

Получивъ тогда отъ Нотовича телеграмму съ просьбою заѣхать въ редакцію, я не заставилъ себя долго ждать.

— Вернитесь ко мнѣ и сформируйте мнѣ новую редакцію,— обратился ко мнѣ О. К. Нотовичъ.

Я поблагодарилъ за добрую память, обѣщалъ направить къ нему нѣкоторыхъ товарищей по «Биржевымъ Вѣдомостямъ», оставшихся не у дѣлъ съ переходомъ газеты въ руки кадетовъ, но самъ не пожелалъ фигурировать въ роли «шрейкбрехера». Обѣщаніе я выполнилъ, но ,на бѣду, забастовалъ и фактическій издатель покойный Н. П. Бакъ, отказавъ въ отпускѣ средствъ. «Новости» исчезли навсегда съ журнальнаго горизонта.

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, стали прививаться литературные обѣды, устраивавшіеся ежемѣсячно сотрудниками «Новостей» по иниціативѣ И. Ѳ. Василевскаго и В. О. Михневича.

Къ участію въ обѣдахъ привлекались и сотрудники другихъ изданій. Тутъ можно было встрѣчать и престарѣлаго В. П. Безобразова, и В. Д. Спасовича, Е. И. Утина, В. Д. Стоюнина, С. В. Максимова, П. В. Гайдебурова, В. А. Полетику, С. Н. Шубинскаго, И. Ѳ. Горбунова и всю дружину «Новостей». На обѣдахъ произносились рѣчи, говорились экспромты, читались стихотворенія, смѣшилъ всѣхъ неистощимый генералъ Дитятинъ.

Обѣды, какъ нельзя болѣе, способствовали сближенію писателей.

Нѣкоторые обѣды носили характеръ чествованій или поминокъ.

Съ большою торжественностью были обставлены поминки по А. С. Пушкинѣ, по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины.

Помню, какое сильное впечатлѣніе произвела на всѣхъ присутствовавшихъ фраза прекрасной рѣчи Г. К. Градовскаго:

«А вѣдь, господа, Пушкинъ могъ бы быть среди насъ, и мы чествовали бы его по какому-либо другому случаю».

На этомъ же обѣдѣ произошелъ крупный инцидентъ, вызванный рѣчью В. Д. Спасовича. Послѣдній сравнилъ Пушкина съ Альфредомъ Мюссе, Гейне и еще какимъ-то второстепеннымъ польскимъ писателемъ, фамиліи котораго теперь не помню. За обиженную память Пушкина заступился В. А. Полетика и особенно В. В. Комаровъ. Въ спорѣ принялъ участіе и В. И. Модестовъ и другіе, но противники остались при своихъ мнѣніяхъ.

VIII.

Возвращеніе въ Одессу.—Редакціонное пронунціаменто.—П. А. Монтеверде.—Терніи провинціальнаго журналиста.—Недоразумѣнія съ цензурой и администраціей.—Запретныя темы.—Запрещеніе писать о кафешантанныхъ этуаляхъ.—Распря газетъ и ея родоначальникъ въ Одессѣ.—Газетная конкурренція на почвѣ народнаго голода.—Сборникъ «Откликъ» и его сотрудники.—Заколоченное общежитіе имени Пушкина для немощныхъ тружениковъ печати.—Какъ чествовали П.И. Чайковскаго въ Одессѣ.—С. Г. Рубинштейнъ и Чайковскій.—В. И. Стасовъ объ одесситахъ.

Въ концѣ 1888 года я получилъ приглашеніе черезъ композитора Н. Ѳ. Соловьева взять на себя завѣдываніе газетою «Одесскій Листокъ», покинутою всѣмъ редакціоннымъ составомъ. «Пронунціаменто» произошло изъ-за вмѣшательства редактора-издателя въ литературную часть. Не желая выступать въ роли «штрейкбрехера»,—этого моднаго нынче слова тогда еще не было въ нашемъ обиходѣ,—я отклонилъ сдѣланное мнѣ предложеніе. Приглашенъ былъ П. А. Монтеверде, который черезъ нѣкоторое время долженъ былъ уложить свои чемоданы и вернуться въ Петербургъ. Тѣмъ временемъ старая редакція въ полномъ составѣ пристроилась въ другомъ мѣстномъ изданіи.

Получивъ вторичное приглашеніе, я далъ свое согласіе, соблазненный лучшими климатическими условіями и болѣе самостоятельнымъ положеніемъ въ газетѣ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ статьѣ «Журнальное страстотерпство» мною было уже разсказано отчасти, при какихъ цензурныхъ условіяхъ и административномъ гнетѣ приходилось мнѣ работать въ Одессѣ. Отъ услугъ откликнувшихся на мое приглашеніе петербургскихъ писателей и бывшихъ моихъ коллегъ по «Новостямъ» пришлось скоро отказаться.

Въ Одессѣ, конечно, оказалось немало талантливыхъ и честныхъ писателей и дѣльныхъ газетныхъ работниковъ. Одесса снабжала и столицы своими писательскими силами.

Многострадальнымъ одесскимъ журналистамъ приходилось выбирать темы для своихъ статей съ большой опаской. Имъ разрѣшалось писать только о погодѣ, о внѣшней политикѣ, о театральныхъ зрѣлищахъ и ругать думу и городскую управу. Впрочемъ, и въ этой узкой, отмежеванной журналистамъ области ими встрѣчались большія затрудненія. Нельзя было, напримѣръ, порицать исполненіе кафешантанной «этуали» или артистки, пользовавшейся благоволеніемъ мѣстнаго градоправителя П. А. Зеленого или правителя его канцеляріи. Зато одесскіе журналисты могли безпрепятственно смѣшивать другъ друга съ грязью.

———

Существовавшій много лѣтъ въ Одессѣ «Новороссійскій Телеграфъ» велъ нескончаемую полемику со своими конкуррентами, возводя на нихъ самыя нелѣпыя обвиненія, хотя формуляръ самого издателя этой газеты не изобиловалъ большими подвигами.

Если престижъ журналиста въ Одессѣ стоялъ не особенно высоко, если въ мѣстной думѣ то и дѣло обзывали мѣстныхъ писателей «шантажистами» и «проходимцами», то это всецѣло заслуга издателя «НовороссійскагоТелеграфа» М. Л. Озимидова, немало постаравшагося для умаленія довѣрія къ печатному слову своими полемическими выпадами.

Публика, воспитанная на газетной ругани, скучала, когда въ номерѣ газеты кого-нибудь не раздѣлывали подъ орѣхъ. Когда въ Одессѣ говорили о журналистѣ, что онъ хорошо пишетъ, то это означало, что онъ мастеръ ругаться.

Чаще всего объектами полемики являлись евреи. Направленіе газеты Озмидова по еврейскому вопросу достаточно извѣстно. Статьи «Новороссійскаго Телеграфа» писались такимъ тономъ, что, какъ выяснилось на судѣ изъ показанія свидѣтеля-священника, наканунѣ погрома въ мѣстечкѣ Ширяевѣ мѣстный корреспондентъ читалъ ихъ толпѣ, какъ правительственныя распоряженія.

Если одна какая-нибудь газета отзывалась хорошо объ игрѣ артиста, то можно было быть заранѣе увѣреннымъ, что ея конкуррентка разругаетъ его въ пухъ и прахъ. Даже общенародныя бѣдствія и имена выдающихся людей не могли объединять одесскихъ журналистовъ.

Когда въ 1891 году въ Россіи вспыхнулъ голодъ со всѣми его ужасами, редакція «Одесскаго Листка» предложила мѣстнымъ журналистамъ выпустить литературный сборникъ въ пользу голодающихъ. Предложеніе это сочувствія не встрѣтило. Издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій предпринялъ тогда изданіе на свои личныя средства. На мои приглашенія откликнулись присылкою своихъ произведеній и автографовъ писатели самыхъ противоположныхъ направленій: Вл. Соловьевъ, П. Боборыкинъ, В. Буренинъ, Я. Полонскій, Лѣсковъ, Португаловъ, П. Вейнбергъ, Шеллеръ, Острогорскій, профессоръ Вагнеръ (Котъ-Мурлыка), академикъ Я. Гротъ, профессоръ Н. Гротъ, Иловайскій, Вальбасовъ, П. Менделѣевъ, бывшій военный министръ графъ Д. А. Милютинъ, графъ Л. Н. Толстой, приславшій свою «Суратскую Кофейню», нѣсколько другихъ своихъ произведеній и выдержку изъ статьи «О голодѣ», не попавшія въ сборникъ, по милости одесской цензуры.

Сборникъ, вышедшій подъ заглавіемъ «Отклики», разошелся весь и доставилъ голодающимъ пару тысячъ.

Чтобы помѣшать распространенію «Откликовъ», нѣкоторые одесскіе журналисты выпустили заднимъ числомъ, подъ фирмою обще-

ства вспомоществованія литераторамъ другой сборникъ, не имѣвшій успѣха.

На юбилеѣ «Одесскаго Листка» рѣшено было соорудить въ Одессѣ общежитіе имени Пушкина для немощныхъ тружениковъ печати съ просвѣтительными учрежденіями: школами, аудиторіей, библіотекой и т. п. Дѣло быстро подвинулось впередъ. Собрано было пожертвованій, отъ спектаклей, концертовъ, лоттерей, что-то около двухсотъ тысячъ рублей.

Городъ назначилъ ежегодную субсидію въ пять тысячъ рублей и отвелъ безплатно мѣсто, на которомъ выросло огромное роскошное зданіе общежитія. Претендентовъ на комнаты въ общежитіи изъ писателей было немного: преобладали наборщики, печатники и т. п.

Одного того обстоятельства, что иниціаторомъ дѣла явился издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій, было достаточно, чтобы нѣкоторые писатели еще до сооруженія общежитія отнеслись къ нему отрицательно. Впослѣдствіи выяснилось, что затѣя была неудачная. Русскій писатель самолюбивъ, независимъ и въ богадѣльню не идетъ даже тогда, когда ему негдѣ голову приклонить на старости лѣтъ. Нынѣ зданіе Пушкинскаго общежитія заколочено. Вмѣсто писателей тамъ свили гнѣзда вороны, голуби и галки. Впрочемъ, не послѣднюю роль въ крахѣ учрежденія играло неумѣлое хозяйничанье.

Еще примѣръ.

Незадолго до кончины своей гостилъ въ Одессѣ знаменитый нашъ композиторъ П. И. Чайковскій, приглашенный для постановки его оперъ. Покойный адвокатъ-писатель Л. А. Куперникъ за своею подписью и за подписью автора этихъ строкъ разослалъ редакціямъ одесскихъ газетъ приглашенія примкнуть къ чествованію особымъ банкетомъ П. И. Чайковскаго, являющагося и донынѣ красой и гордостью родного искусства. На приглашенія изъ всѣхъ одесскихъ газетъ,—а ихъ было нѣсколько,—откликнулись «Вѣдомости Градоначальства» и листокъ нѣмецкихъ колонистовъ юга—«Odessaer Zeitung».

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на покойнаго композитора такое отношеніе къ нему представителей прессы.

Кстати любопытная подробность, къ моему разсказу прямого отношенія не имѣющая.

Одною изъ первыхъ подписалась на ужинъ Чайковскаго С. Г. Рубинштейнъ—сестра знаменитыхъ піанистовъ и популярная мѣстная преподавательница пѣнія.

С. Г. сдѣлала соотвѣтствующій взносъ, засвидѣтельствовала своею подписью уваженіе П. И. Чайковскому, но на банкетъ не явилась, не пожелавъ, какъ говорили, обидѣть память своего знаменитаго брата А. Г. Рубинштейна, который находился въ дурныхъ отношеніяхъ со своимъ бывшимъ питомцемъ П. И. Чайковскимъ.

Такъ какъ въ сферѣ театральныхъ вопросовъ печатное слово пользовалось относительной свободой, то и туда одесскіе писатели вносили полемическій тонъ. Не послѣднюю роль играло тутъ то обстоятельство, у какого издателя-типографа данный антрепренеръ печаталъ афиши.

До какой безпардонности доходили «рецензіи» «Новороссійскаго Телеграфа», показываетъ слѣдующій фактъ.

Подвизалась въ Одессѣ труппа популярнаго въ свое время Н. К. Милославскаго. По какому-то случаю на сцену выведенъ былъ оселъ, вмѣсто обѣщанныхъ въ афишѣ звѣрей. Въ рецензіи «Новороссійскій Телеграфъ» заявилъ, что, кромѣ «осла Милославскаго», другихъ звѣрей не было.

На слѣдующій день Милославскій въ отдѣлѣ объявленій пустилъ публикацію о томъ, что, кромѣ его осла, на сценѣ находился еще одинъ оселъ—на рецензентскомъ мѣстѣ «Новороссійскаго Телеграфа».

Одесситы были воспитаны на отличной итальянской оперѣ, что подало однажды поводъ пропагандисту русской музыки покойному В. В. Стасову въ письмѣ ко мнѣ (отъ 13-го апрѣля 1889 года) выдать всѣмъ одесситамъ такую нелестную аттестацію: «Одесская публика въ музыкальномъ отношеніи такъ мало образована, что никакая опера, кромѣ итальянской, ей не можетъ быть надобна».

Какъ бы то ни было, успѣхомъ могли пользоваться въ Одессѣ только выдающіеся пѣвцы.

Одному импрессаріо вздумалось удивить одесситовъ пѣніемъ Мазини, когда отъ его нѣкогда дивнаго голоса осталось одно лишь воспоминаніе. Мнѣнія одесскихъ газетъ объ итальянской знаменитости раздѣлились. «Одесскій Листокъ», издатель котораго имѣлъ отношеніе къ устройству концерта, такъ какъ откупилъ сборъ у импрессаріо и поднялъ цѣны, авансомъ восторгался голосомъ артиста. «Одесскимъ Новостямъ», которыми я тогда завѣдывалъ, градоначальникъ Зеленой запрещалъ писать о Мазини, угрожая всевозможными административными карами за, якобы, возбужденіе умовъ сдержанными отзывами о пѣвцѣ и указаніемъ на необычайно высокія цѣны за билеты на концертъ. Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» былъ сдѣланъ тогда же доносъ на меня, что я, лишенный возможности касаться концертовъ Мазини въ мѣстной газетѣ, посылалъ, будто бы, возбуждающаго свойства телеграммы въ петербургскую газету «Новости».

Болѣе подробно о моихъ злоключеніяхъ по поводу концертовъ Мазини разсказано извѣстнымъ писателемъ г. Діонео въ сборникѣ «Въ защиту слова», вышедшемъ въ 1905 году.

Инцидентъ по поводу Мазини—одинъ изъ многихъ. Онъ характеренъ въ томъ отношеніи, что къ этому «дѣлу» приложили свои руки мѣстные журналисты.

IX.

Типы и силуэты одесскихъ издателей, редакторовъ и писателей.—Издатель съ тремя отчествами.—Голодающая редакція.—Забракованный «Челкашъ» М. Горькаго.—Война издателя и градоначальника.—Градоначальникъ въ роли-редактора.—Издатель-самородокъ.—Изъ развозчика сельтерской воды въ редакторы.—Какъ чествовали уѣзжавшаго писателя.—Отецъ фельетонистовъ.—Популяризація великихъ писателей.—Уроды журнальной семьи.

Среди редакторовъ-издателей одесскихъ газетъ были люди, далекіе отъ меркантильныхъ и любостяжательныхъ стремленій, смотрѣвшіе на служеніе печатному слову, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. Но были и такіе, которые торговали оптомъ и въ розницу печатнымъ словомъ.

Много лѣтъ тому назадъ я помѣстилъ въ нынѣ не существующей газетѣ обличительную замѣтку, направленную противъ одного дѣятеля М—на, у котораго рыльцо было въ пуху. На слѣдующій день меня останавливаетъ на улицѣ М—нъ.

— Ну, милый человѣкъ, ваше обличеніе не достигло цѣли. Вы меня только разорили на пятьдесятъ рублей, которые я долженъ былъ уплатить за письмо въ редакцію.

Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» была особая рубрика въ текстѣ «За и противъ», гдѣ можно было печатать все, что угодно, уплачивая по таксѣ. Въ этой рубрикѣ, какъ выяснилось на судѣ въ 1887 году при разборѣ дѣла двухъ издателей Навроцкаго и Озмидова о клеветѣ, обѣляли за деньги подрядчиковъ, обиравшихъ русскаго солдата во время русско-турецкой войны. Какъ заявилъ допрошенный въ качествѣ свидѣтеля журналистъ С. Т. Герцо-Виноградскій, ему предложили три тысячи рублей за статью въ защиту поставщиковъ Грегера, Горвица и Когана. Предложеніе было отвергнуто, и статья появилась въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» за плату въ пять тысячъ рублей.

Въ текстѣ газетъ попадались иной разъ рекламы пріятелямъ издателя, торговцамъ, ресторатормъ, антрепренерамъ, особливо за хорошо оплачивавшіяся объявленія.

Завѣдывавшимъ газетами журналистамъ приходилось часто вести упорную борьбу со вторженіемъ лавочническаго элемента въ литературу. Мнѣ самому пришлось просить цензора зачеркнуть замѣтку о полученномъ однимъ мануфактуристомъ транспортѣ заграничнаго бархата, на помѣщеніи которой сильно настаивала контора.

— Но я не въ правѣ это дѣлать,—взмолился цензоръ: — тутъ ничего нецензурнаго нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, очеркните только злополучную замѣтку краснымъ карандашомъ...

Цензоръ согласился, и неудобная замѣтка не попала.

Апеллировать къ цензору пришлось мнѣ и въ другой разъ по поводу открытія новаго ресторана.

Дружескія рекламы и сведеніе личныхъ счетовъ широко практиковались на столбцахъ «Новороссійскаго Телеграфа». Но издатель этой нѣкогда либеральной газеты, какъ я уже говорилъ, занимался, главнымъ образомъ, травлей разныхъ инородцевъ. Это не мѣшало нѣкоторымъ утверждать, что, выражаясь словами историка Устрялова, онъ едва ли не былъ жидъ. У Озмидова было цѣлыхъ три «отчества»: Львовичъ, Лукичъ и Павловичъ. Метаморфозу въ направленіи газеты Озмидова приводили въ связь съ недоразумѣніемъ съ мѣстнымъ финансистомъ евреемъ Бродскимъ, лишившимъ его теплаго мѣста въ одномъ изъ банковъ.

Озмидовъ сослужилъ городу службу, какъ гласный, находившійся въ оппозиціи, и немало содѣйствовалъ городскому благоустройству. Онъ былъ по спеціальности архитекторъ, но и его архитекторская и служебная дѣятельность также являлась не разъ предметомъ обличенія въ печати и на судѣ.

Въ одесской печати Озмидовъ не былъ «уникумомъ».

Одинъ, нынѣ покойный, одесскій издатель расплачивался со своими должниками старыми чеками по текущему счету, который былъ раньше исчерпанъ полностью.

Издатель «Одесскихъ Новостей» Старковъ обрекалъ своихъ сотрудниковъ на жизнь впроголодь. Онъ забиралъ не только доходы газеты, но и авансы у объявителей подъ будущія объявленія. Бумагу, отпускавшуюся ему въ кредитъ, С—въ закладывалъ въ ломбардѣ, и ее приходилось выкупать катушками для очередныхъ номеровъ, закладывая кольца и часы сотрудниковъ.

Благодаря такимъ убыточнымъ операціямъ и переплатамъ, бумага обходилась издателю втридорога. И совершенно правъ былъ С—въ, когда онъ однажды воскликнулъ:

— Я единственный издатель въ мірѣ, который не желаетъ распространенія своей газеты: каждый лишній подписчикъ, т. е. потребитель бумаги, приноситъ мнѣ ущербъ...

Когда запасъ бумаги истощился, издатель раздобылъ гдѣ-то оберточную бумагу розоватаго цвѣта и сталъ печатать на ней газету. Въ объявленіи отъ редакціи перемѣна бумаги объяснялась стремленіемъ охранять зрѣніе читателей отъ порчи.

На весь редакціонный составъ выдавалось, послѣ цѣлаго ряда домогательствъ, отъ пятидесяти до семидесяти пяти рублей въ недѣлю. Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ, довольно извѣстный журналистъ П. Р., получалъ — и весьма неаккуратно — пять-

десятъ рублей въ мѣсяцъ за ежедневныя политическія передовицы, переводы изъ газетъ и литературные обзоры.

Для приглашенія новаго сотрудника, извѣстнаго фельетониста и публициста С. С. Г—ва, потребовавшаго авансъ, завѣдующій редакціей долженъ былъ заложить у своего пріятеля купчую крѣпость на домъ издателя.

Когда завѣдующаго кто-то обвинилъ въ печати, что онъ забраковалъ присланнаго ему М. Горькимъ для напечатанія «Челкаша», тотъ отвѣтилъ:

— М. Горькій, вѣроятно, потребовалъ бы за свою повѣсть какой-нибудь гонораръ, а таковой редакція предложить ему не могла бы: въ лучшемъ случаѣ ему платили бы двѣ копейки за строчку. Но М. Горькій былъ предусмотрителенъ и повѣсти своей въ газету не присылалъ.

Издатель часто уѣзжалъ надолго, забирая всю свободную наличность въ кассѣ, и оставлялъ газету на произволъ судьбы. Многострадальные сотрудники безропотно покорялись этой судьбѣ и даже не проявляли враждебныхъ чувствъ къ издателю, отличавшемуся большимъ добродушіемъ и незлобивостью.

Старковъ живалъ подолгу въ Петербургѣ. Здѣсь онъ однажды нашумѣлъ докладомъ въ астрономическомъ обществѣ о борьбѣ съ наводненіями въ Петербургѣ, какъ явленіемъ, періодически повторяющимся. Онъ совѣтовалъ лить масло въ Неву. Предложеніе это вышутили, какъ нелѣпое.

При всемъ томъ Старковъ, по прежней профессіи—штурманъ дальняго плаванія и учитель математики, былъ человѣкъ съ большими познаніями по астрономіи и математикѣ и хорошій синологъ. Объ его познаніяхъ и умственныхъ запросахъ свидѣтельствовала библіотека, пожертвованная имъ императорской публичной библіотекѣ незадолго до кончины: Старковъ умеръ въ одной изъ петербургскихъ больницъ для душевно-больныхъ.

Въ дурныхъ отношеніяхъ находился постоянно Старковъ съ цензурой и градоначальникомъ Зеленымъ. Въ отсутствіе Старкова Зеленой вымещалъ свою злобу на пишущемъ эти строки, завѣдывавшемъ тогда газетою. Старковъ въ письмахъ своихъ изъ Петербурга успокаивалъ меня сообщеніями, что дни Зеленого сочтены, что въ бытность его въ столицѣ его нигдѣ не принимали, что въ высшемъ «свѣтѣ» извѣстны-де произволъ и чудачества градоначальника.

Находясь въ Одессѣ, Старковъ готовъ былъ лѣзть въ драку съ градоначальникомъ за обиду, нанесенную его сотрудникамъ, и ни за что не уступилъ бы его требованію объ удаленіи изъ редакціи кого-либо изъ нихъ. Кромѣ Старкова, я зналъ еще одного издателя, который имѣлъ мужество противостоять требованію начальства объ

удаленіи сотрудника. Это былъ В. А. Полетика, редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Молвы». Когда, послѣ закрытія «Голоса», Г. К. Градовскій былъ приглашенъ Полетикой, начальникъ главнаго управленія Абаза потребовалъ его устраненія.

— Приглашеніе сотрудниковъ—мое личное дѣло, а не ваше!—отвѣтилъ Полетика Абазѣ.

Рѣшительный отвѣтъ возымѣлъ дѣйствіе: на слѣдующій день Абаза явился съ визитомъ въ редакцію, гдѣ Полетика представилъ ему сидѣвшаго у него въ кабинетѣ «революціонера» Градовскаго...

Не легко дышалось журналистамъ и тогда, когда генералъ Зеленой уѣзжалъ въ отпускъ и его замѣщалъ братъ издателя В. П. Старковъ.

Исправлявшій обязанности градоначальника акушеръ Старковъ также сносился съ редакціей родственной газеты чрезъ посредство приставовъ. Онъ выступалъ и въ роли редактора, требовалъ къ себѣ на просмотръ значительную часть матеріала и производилъ въ немъ большія опустошенія, зачеркивая и вставляя цѣлыя замѣтки на правахъ градоначальника и издательскаго брата. Вчера еще Старковъ любезно пожималъ вамъ руки, а сегодня, въ качествѣ исполняющаго обязанности градоначальника, давалъ чувствовать свою силу. Даже отношенія къ женѣ мѣнялись, когда начальникъ карантиннаго округа превращался въ градоначальника...

Скончавшійся два года назадъ редакторъ-издатель «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкій былъ самородокъ въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ и назвалъ его И. Н. Потапенко въ посвященномъ ему очеркѣ въ одномъ журналѣ.

Навроцкій никогда ничему не учился, не умѣлъ почти писать, но это не помѣшало ему около сорока лѣтъ издавать газету и быть ея руководителемъ и вдохновителемъ.

— Если бы вы, Василій Васильевичъ,—сказалъ ему на одномъ чествованіи покойный адвокатъ-публицистъ Куперникъ,—родились въ Америкѣ, то, при вашихъ талантахъ, непремѣнно достигли бы наивысшаго въ государствѣ поста—президентскаго.

И надо отдать справедливость Навроцкому: если онъ сдѣлался чуть ли не первымъ лицомъ въ Одессѣ, если весь городъ его зналъ, цѣнилъ, избиралъ на почетныя должности гласнаго и другія, если онъ съ дырявымъ двугривеннымъ въ карманѣ нажилъ крупное состояніе на созданной имъ газетѣ, то всѣмъ этимъ былъ обязанъ своей необычайной энергіи и издательской сноровкѣ.

Навроцкій прибылъ въ Одессу изъ Полтавской губерніи, служилъ мальчикомъ въ типографіи, былъ развозчикомъ сельтерской воды

фирмы «Водолей», а во время франко-прусской войны продавалъ на улицѣ телеграммы о прусскихъ побѣдахъ.

— Базенъ взятъ въ плѣнъ!—выкрикивалъ будущій издатель, собирая пятачки.

Для увеличенія своихъ заработковъ Навроцкій, какъ онъ самъ мнѣ потомъ разсказывалъ, купилъ гдѣ-то мышеловку, въ которой сидѣла фигурка, изображавшая Наполеона III, заказалъ фотографическій снимокъ и пустилъ его въ продажу.

Въ 1873 году Навроцкому пришла въ голову мысль заняться издательствомъ. Имѣя всего нѣсколько рублей въ карманѣ, онъ отправился къ покойному городскому головѣ извѣстному Н. А. Новосельскому и просилъ его выхлопотать ему разрѣшеніе на изданіе «Листка объявленій». Тотъ обѣщалъ, и черезъ нѣкоторое время на стѣнахъ одесскихъ домовъ и заборахъ стала расклеиваться газета, заключавшая, кромѣ объявленій, городскія происшествія. Послѣднія собиралъ самъ редакторъ по городу, записывая ихъ на своихъ манжетахъ. Навроцкій самолично собиралъ и объявленія для своей газеты по магазинамъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и «Одесскій листокъ объявленій» превратился въ большую политическую и литературную газету— «Одесскій Листокъ», существующую и теперь. Не будучи писателемъ, Навроцкій привлекалъ въ газету лучшія провинціальныя и столичныя силы. Успѣхъ газеты способствовалъ и вящшей популярности ея издателя. «Ваську»—какъ звали Навроцкаго—знала вся Одесса, отъ мала до велика. Его немало побаивались дѣльцы, у которыхъ рыльца были въ пуху.

Въ своей газетѣ Навроцкій интересовался преимущественно злобами дня, театральной хроникой и городскими происшествіями. Незнаніе грамоты не мѣшало ему вдохновлять своихъ сотрудниковъ, давать имъ темы и находиться постоянно на стражѣ интересовъ газеты. Работая самъ съ пяти часовъ утра до поздней ночи, онъ требовалъ и отъ сотрудниковъ преданности его дѣлу.

Когда онъ находилъ въ газетѣ невѣрное сообщеніе, то дѣлалъ на ней свои собственноручныя отмѣтки: «чипуха и юрунда, штрафъ въ три рубля».

Система штрафовъ и выговоровъ широко практиковалась въ одесскихъ редакціяхъ. Озмидовъ разсылалъ ежедневно по редакціи, типографіи и конторѣ особые приказы и наказы.

Навроцкій былъ самый усердный читатель своей газеты, которая явилась для него и школой грамоты.

Одинъ изъ вновь назначенныхъ въ Одессу генералъ-губернаторовъ, кажется, графъ Тотлебенъ полюбопытствовалъ, гдѣ кто изъ представлявшихся ему редакторовъ одесскихъ газетъ учился.

Редакторъ «Одесскаго Вѣстника» П. А. Зеленой заявилъ, что онъ питомецъ университета, Озмидовъ кончилъ строительное училище.

— А вы?—обратился генералъ-губернаторъ къ Навроцкому,—гдѣ кончили?

— Въ Полтавской губерніи!—былъ отвѣтъ.

Питомецъ Полтавской губерніи поразилъ однажды своею начитанностью одну даму. Газета была пріостановлена, и Навроцкій отправился въ Петербургъ хлопотать о снятіи съ него кары. Хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ рѣшилъ испробовать послѣднее средство, чтобы умилостивить начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Ѳеоктистова. Онъ отправился къ нему на квартиру и вступилъ въ переговоры со швейцаромъ, которому сунулъ на чай пять рублей. Разсказываю объ этомъ со словъ самого Навроцкаго.

— А скажи-ка, любезный, что больше всего любитъ твоя барыня?—спросилъ издатель.

— Кажись, цвѣты, потому давеча ей все цвѣты приносили... (повидимому, Ѳеоктистова была именинница).

И Навроцкій отправился въ цвѣточный магазинъ, купилъ роскошный букетъ и предсталъ предъ свѣтлыя очи Ѳеоктистовой.

— Ваше превосходительство,—обратился къ ней Навроцкій,—разрѣшите поднести вамъ въ знакъ моего глубочайшаго почтенія...

— Очень вамъ благодарна, но чему я обязана такимъ вашимъ вниманіемъ и чѣмъ я могу быть полезна?—недоумѣвала супруга начальника печати.

— Вы все можете, ваше превосходительство. О, женщины!—сказалъ Шекспиръ...

Цитируя великаго классика по фельетонамъ своего фельетониста барона Икса, Навроцкій упустилъ изъ виду конецъ шекспировской фразы: «ничтожество вамъ имя». Если супруга начальника печати была знакома съ Шекспиромъ, то эффектъ цитаты издателя долженъ былъ быть большой.

Какъ бы то ни было, супруга начальника сумѣла, по словамъ Навроцкаго, убѣдить мужа переложить гнѣвъ на милость...

Насколько Навроцкій былъ нетвердъ въ грамотѣ, свидѣтельствуютъ, напримѣръ, слѣдующіе факты.

Одному изъ своихъ фельетонистовъ, подписывавшемуся Осой, онъ рекомендовалъ однажды отмѣтить въ своей бесѣдѣ заслуги старѣйшаго присяжнаго повѣреннаго Ш—ва, баллотировавшагося на должность первоприсутствующаго сиротскаго суда.

— Вы такъ и пишите: онъ былъ «ветеринаромъ» сословія присяжныхъ повѣренныхъ (читай: ветераномъ)...

Фельетонисту-стихотворцу Маркярону Навроцкій совѣтуетъ поговорить о пріѣздѣ въ Одессу цирка Труцци и новаго капельмейстера городского театра Труффи.

— У васъ и риѳма готова: Труффи—Труцци...

Въ вопросахъ политическихъ, экономическихъ и литературныхъ Навроцкій считалъ себя малосвѣдущимъ и предоставлялъ въ нихъ своему фактическому редактору и сотрудникамъ полнѣйшую свободу.

Разрѣшалъ онъ раздѣлывать подъ орѣхъ мѣстныхъ городскихъ дѣятелей и даже подбадривалъ въ такихъ случаяхъ сотрудниковъ. Чѣмъ больше «раздѣлывали», тѣмъ больше было шансовъ на хорошую розницу, по мнѣнію Навроцкаго.

Въ первый день моего пріѣзда въ Одессу, подписавъ договоръ, въ силу котораго онъ предоставилъ мнѣ фактическое редактированіе газеты, Навроцкій заявилъ мнѣ:

— Раздѣлывайте въ газетѣ, кого хотите, даже меня, пощадите мнѣ одного только человѣка: моего доктора Вдовиковскаго. Касперовской иконѣ Божіей Матери да Вдовиковскому я обязанъ тѣмъ, что, будучи приговоренъ уже къ близкой смерти всѣми врачами и причастившись, я ожилъ снова.

Навроцкій былъ глубоковѣрующій, и въ редакціи служились молебны по случаю каждаго крупнаго событія въ жизни газеты, юбилея сотрудниковъ и т. п.

Не былъ Навроцкій свободенъ отъ нѣкоторыхъ суевѣрій. На обѣдѣ сотрудниковъ въ ресторанѣ оказалось 13 человѣкъ. Навроцкій ни за что не хотѣлъ садиться за столъ и потребовалъ, чтобы привлекли къ литературному обѣду ресторатора, который и возсѣдалъ среди пишущей братіи...

Начальство Навроцкій всегда почиталъ и зѣло боялся его. Зная эту его боязнь, одесскій градоначальникъ, знаменитый Зеленой, не разъ измывался надъ Навроцкимъ, обращался съ нимъ довольно безцеремонно и грубо, требовалъ къ себѣ почти весь газетный матеріалъ, вычеркивалъ и задерживалъ значительную часть его, высылалъ сотрудниковъ за мнимыя провинности, не имѣя на то никакого права.

Особенно огорченъ былъ Навроцкій незаконною высылкой талантливаго фельетониста В. М. Дорошевича, который первымъ дебютнымъ своимъ фельетономъ, въ которомъ разнесъ одесскаго лордъ-мэра Маразли, сразу завоевалъ себѣ успѣхъ. Впрочемъ, Зеленой поспѣшилъ переложить гнѣвъ на милость, но г. Дорошевичъ отвергъ эту милость и лишь впослѣдствіи вернулся въ Одессу, гдѣ еще болѣе выдвинулся, особенно своими талантливыми сахалинскими письмами, такъ очаровавшими Л. Н. Толстого.

Дорошевичъ пользовался среди одесситовъ рѣдкою популярностью. Когда онъ однажды выступилъ съ воззваніемъ о помощи семьѣ умершаго репортера, то въ редакцію посыпались пожертвованія, достигшія въ нѣсколько дней крупной цифры—что-то около 12.000 рублей!.. Это былъ не единственный читательскій откликъ на обращенія и воззванія писателя...

Трепеща передъ начальствомъ, Навроцкій въ сношеніяхъ съ людьми равными обнаруживалъ большую прямоту и излишнюю подчасъ откровенность.

Когда сотрудники собрались чествовать уѣзжавшаго изъ Одессы фельетониста, беллетриста и поэта К—ва, Навроцкій сказалъ чествуемому слѣдующее привѣтствіе:

— А, знаете, вы у меня задаромъ деньги брали, такъ какъ совсѣмъ не умѣли потрафлять публикѣ, писали все больше о необходимости распространять полезныя книжки и бороться съ пьянствомъ.

Всѣ были такъ смущены этимъ неожиданнымъ привѣтствіемъ, что словно воды въ ротъ набрали, а самъ чествуемый поглядывалъ на двери.

— Что же это, господа,—прервалъ молчаніе самый скромный изъ репортеровъ:—мы зазвали человѣка въ ресторанъ подъ предлогомъ чествованія и попросту высѣкли его. Вотъ ужъ благодарю, не ожидалъ!..

Присутствовавшій на чествованіи Л. Е. Оболенскій пытался загладить впечатлѣніе издательской рѣчи, замѣтивъ, что задачи писателя не только потрафлять улицѣ, что чествуемый служилъ газетѣ вѣрою и правдою, будилъ въ читателяхъ хорошія чувства, любовь къ добру, просвѣщенію и т. д.

Среди туземныхъ журналистовъ, какъ я уже говорилъ въ началѣ моихъ воспоминаній, пользовался большою популярностью С. Т. Герцо-Виноградскій, писавшій подъ псевдонимомъ «Баронъ Иксъ».

Молодежь на рукахъ носила любимаго писателя, котораго можно было встрѣчать постоянно въ обществѣ студентовъ...

Вся Одесса буквально зачитывалась фельетонами Икса. Одно время онъ редактировалъ и юмористическо-иллюстрированное приложеніе въ газетѣ—«Пчелку» и надѣлалъ немало шума, когда въ день Пушкинскихъ поминокъ счелъ умѣстнымъ изобразить жену поэта и у ногъ ея—его убійцу Дантеса. Вызванное этимъ рисункомъ негодованіе доставило писателю не мало огорченій.

При цензурныхъ условіяхъ въ провинціи и при одесскомъ «безтемьѣ» талантъ барона Икса зачахъ. Онъ переходилъ постоянно изъ газеты въ газету въ погонѣ за независимостью сужденій. Большой театралъ, Герцо-Виноградскій бросалъ насиженное мѣсто и обрекалъ себя на временную безработицу изъ-за вычеркнутой фразы въ его театральной рецензіи. Редакторы-издатели, которые въ театральныхъ дѣлахъ преслѣдовали свои интересы афишно-типографскаго свойства, не задумывались жертвовать цѣннымъ сотрудникомъ ради интересной прибыли.

Помню такое недоразумѣніе изъ-за замѣтки объ итальянской пѣвицѣ Аркель.

Барону Иксу наканунѣ бенефиса пѣвицы приснился сонъ, что весь городъ у ногъ его любимицы и подноситъ ей цѣлые ювелирные и цвѣточные магазины.

Издатель, который не ладилъ съ антрепренеромъ I. I. Сѣтовымъ, запротестовалъ противъ воспроизведенія въ газетѣ гиперболическаго сна.

— Пусть состоится бенефисъ,—заявилъ онъ барону Иксу,— и тогда пишите правду...

Но фельетонистъ былъ неумолимъ и перенесъ свою дѣятельность въ другую газету.

Столкновенія съ цензурой и издателями не оставались безъ вліянія на психику впечатлительнаго журналиста. За отсутствіемъ матеріала, баронъ Иксъ все чаще и чаще сталъ злоупотреблять цитатами изъ Гейне, Берне, Виктора Гюго, Шекспира и др., способствуя вящшей ихъ популярности.

Въ старѣйшей одесской библіотекѣ Бортневскаго долго выдавали этихъ авторовъ безъ многихъ вырванныхъ страницъ:

— Это все ушло въ фельетоны Икса,—объяснялъ вамъ библіотекарь.

Баронъ Иксъ преждевременно состарился и умеръ 50-ти лѣтъ пенсіонеромъ писательскаго фонда при академіи наукъ.

Баронъ Иксъ по праву считается отцомъ одесскихъ фельетонистовъ и журналистовъ, воспитывавшихся на его талантливыхъ фельетонахъ.

Въ одесской печати принималъ дѣятельное участіе старый заслуженный писатель С. И. Сычевскій. Это былъ рѣдкій знатокъ европейской и русской литературы. Сычевскій наизусть читалъ цѣлыя страницы изъ Шекспира, Шиллера, Виктора Гюго, Алексѣя Толстого и др. Онъ имѣлъ всѣ права на болѣе широкую извѣстность, но, къ сожалѣнію, былъ подверженъ пороку, преждевременно сведшему въ могилу не одного талантливаго русскаго писателя: Сычевскій умеръ въ больницѣ, куда мнѣ пришлось свезти его, когда недугъ его обострился.

С. И. Сычевскій былъ очень близокъ съ однимъ виднымъ желѣзнодорожнымъ дѣятелемъ, занимавшимъ впослѣдствіи высокій административный постъ. По его порученію, Сычевскій составлялъ какія-то записки и однажды предъявилъ мнѣ толстую рукопись имъ написанной работы, вышедшей потомъ за подписью будущаго государственнаго дѣятеля.

Въ теченіе 40 лѣтъ неутомимо проработалъ въ одесскихъ газетахъ, въ качествѣ политическаго обозрѣвателя и фактическаго редактора, скончавшійся въ 1910 году А. С. Попандопуло, который былъ руководителемъ и учителемъ многихъ одесскихъ журналистовъ. Это былъ человѣкъ очень мирный и покладистый, за что его особенно цѣнилъ издатель.

Помню, когда мы съ нимъ помѣнялись ролями, и я изъ завѣдующаго превратился временно въ передовика и фельетониста, онъ передавалъ мнѣ, скрѣпя сердце, директивы, о чемъ и какъ писать или о чемъ совсѣмъ не писать...

— Баронъ Каульбарсъ (командующій войсками) рекомендуетъ объ «измѣнникѣ» Дрейфусѣ отнюдь не писать въ благопріятномъ для него смыслѣ...

— Но развѣ эта «рекомендація» для насъ обязательна?

— Почти... что прикажете дѣлать!

Другая мѣстная газета сумѣла стяжать себѣ симпатіи читающей Одессы своими смѣлыми статьями и сообщеніями въ защиту «измѣнника» и отодвинуть «Одесскій Листокъ» на второй планъ...

С. Т. Герцо-Виноградскій, С. И. Сычевскій и А. С. Попандопуло не единственные одесскіе писатели, которыхъ можно помянуть добрымъ словомъ. Но многіе и посейчасъ подвизаются въ одесской и столичной печати, и для ихъ характеристики не наступило еще время.

Существовала еще въ Одессѣ газета «Южное Обозрѣніе», которая была предпринята мною вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ Чижовымъ. Я далъ газетѣ названіе, выработалъ программу, послалъ ее на утвержденіе, составилъ объявленіе о подпискѣ, которое уже было разослано въ газеты. Когда надо было приступить къ дѣлу, то Чижовъ заявилъ, что своихъ денегъ на газету не дастъ, и предложилъ кому-нибудь изъ насъ обратиться за субсидіею къ одесскому милліонеру Г. Г. Маразли. Я отклонилъ отъ себя это посредничество. Къ тому же переговоры по дѣламъ газеты Чижовъ назначалъ въ ресторанахъ и пивныхъ и приступалъ къ нимъ послѣ изрядной выпивки, когда у него языкъ заплетался.

Я поспѣшилъ уклониться отъ новой газетной затѣи, и «Южное Обозрѣніе» стало переходить изъ рукъ въ руки, и теперь существуетъ подъ другимъ названіемъ.

Освободительное движеніе произвело большую пертурбацію въ одесской печати. Появились новыя, преимущественно копеечныя газеты, народились новые писатели. Читательскій элементъ сильно увеличился, и тиражъ газетъ достигаетъ небывалыхъ раньше цифръ.

Журнальная семья въ Одессѣ, какъ и всякая другая, не была свободна отъ уродовъ. Долго работавшій въ Одессѣ журналистъ, сотрудничавшій и въ московской газетѣ, учелъ однажды въ мѣстномъ банкѣ вексель за подписью своего издателя. Когда наступилъ срокъ платежа и вексель былъ предъявленъ издателю, тотъ призналъ подпись подложной: она была поддѣлана рукою сотрудника. Инцидентъ былъ улаженъ мирно, и издатель, вознамѣрив-

шійся было посадить сотрудника на скамью подсудимыхъ, удержалъ его въ составѣ редакціи.

Среди одесскихъ журналистовъ были и такіе, которые занимались побочными дѣлами, отнюдь не гармонировавшими съ почетнымъ писательскимъ званіемъ.

Одинъ занимался поставкою куръ въ мѣстную больницу и надувалъ эконома, предъявляя ему для оплаты однѣхъ и тѣхъ же куръ по нѣсколько разъ.

Подвизались въ одесской печати и люди, побывавшіе въ тюрьмѣ. Я зналъ писателя Л—ра, который двукратно судился за подлогъ. Другой, побывавшій въ тюрьмѣ, К—въ изобличенъ былъ въ шпіонствѣ.

Журналистъ Л—скій въ замѣткѣ о торжественномъ молебствіи въ каѳедральномъ соборѣ, просмотрѣнной редакторомъ, сдѣлалъ въ оригиналѣ заднимъ числомъ каверзную поправку такого сорта, что газетѣ угрожала опасность быть закрытой или, въ лучшемъ случаѣ, лишиться своего ни въ чемъ не повиннаго редактора. Поправка была во время замѣчена и исправленное мѣсто возстановлено, но объ этомъ какими-то судьбами стало извѣстно жандармскому управленію. Произведено было дознаніе. Допрошенная управляющая типографіе йподтвердила инкриминировавшуюся Л—му поправку, которую она, какъ и другіе, объяснили его стремленіемъ подвести фактическаго редактора и занять его мѣсто.

По счастью, все кончилось къ общему благополучію и для редактора и для конкуррента, получившаго скоро службу по одному вѣдомству.

На ряду съ туземными уродами, среди журнальной семьи время отъ времени появлялись пришлые писатели съ подмоченными репутаціями. Видное мѣсто въ одной газетѣ занялъ высланный изъ другого города за уголовно-журнальныя дѣянія писатель. Появленіе его вызвало уходъ главныхъ сотрудниковъ и автора этихъ строкъ. Изъ сотрудниковъ, жившихъ внѣ Одессы, покойный В. В. Чуйко извѣстилъ меня, что онъ совершенно индифферентенъ къ составу редакціи и отвѣчаетъ только за свои статьи. Жившій тогда въ Кишиневѣ Л. Е. Оболенскій, подвизавшійся вмѣстѣ съ г. Гофштеттеромъ въ либеральномъ «Бессарабскомъ Вѣстникѣ», прилетѣлъ въ Одессу, чтобы учинить протестъ противъ приглашенія въ «Одесскій Листокъ» неудобнаго сотрудника и примкнуть къ протестантамъ, но остался въ газетѣ на новыхъ условіяхъ.

Если экземпляры съ подмоченной репутаціею выступали на столбцахъ газетъ въ роли моралистовъ, то неудивительно, что менѣе отвѣтственныя газетныя функціи исполняли еще болѣе сомнительные субъекты.

Такъ, разничной продажей въ газетѣ завѣдывали сыновья содержательницы пансіона безъ древнихъ языковъ Вайсманъ. Изъ

нихъ одинъ, Александръ Вайсманъ, прославился своею сыщицко-провокаторскою дѣятельностью на Балканскомъ полуостровѣ, за которую награжденъ орденами и другими знаками отличія. Послѣдніе его не избавили отъ скамьи подсудимыхъ, на которую онъ попалъ за свои уголовныя преступленія. Онъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ отличій и правъ состоянія и приговоренъ къ тюремному заключенію...

Вотъ съ какими экземплярами приходилось встрѣчаться на провинціальной журнальной почвѣ!

Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни...

Много терній по пути провинціальнаго журналиста. Ихъ не перечесть: административный гнетъ, цензурная опека, борьба съ внутренними врагами, въ лицѣ журналистовъ же, и съ внѣшними—обывателями и т. д., и т. д. Все это пришлось мнѣ испытать за мою многолѣтнюю журнальную дѣятельность. Изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ, кто побывалъ въ шкурѣ русскаго журналиста.

Обыватель—тотъ чаще всего сутяжничалъ, тянулъ редактора въ судъ, а сотрудникамъ угрожалъ расправами. Продѣлывалъ это иногда и незаурядный обыватель.

Хорошо извѣстный малороссійскій артистъ Садовскій выступилъ съ угрозами по моему адресу за не совсѣмъ благосклонное отношеніе къ его театру. Когда труппа талантливаго Кропивницкаго раскололась на дюжину отдѣльныхъ труппъ, и публикѣ набилъ оскомину старый репертуаръ съ его пьесами, въ которыхъ мужчины пьютъ «горілку» и «таньцуютъ» гопака, а женщины—льютъ «слізи»,—малороссы принялись сначала за Шекспира, и украинскій Гамлетъ восклицалъ: «чи буты, чи ни буты. Отъ-то заковыка»; затѣмъ стали давать на языкѣ Шевченка «Прекрасную Елену», «Птичекъ пѣвчихъ» и «Гейшъ». Я отмѣтилъ не совсѣмъ желательную эволюцію малороссійскаго театра. И въ результатѣ—издатель газеты Навроцкій получилъ ругательное письмо отъ Садовскаго, а я—не менѣе грозныя письма отъ другихъ почитателей малороссійскаго жанра.

Однажды я получилъ требованіе объ удовлетвореніи—до дуэли включительно. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло шло не о литературномъ моемъ преступленіи, и угроза исходила отъ небезызвѣстнаго поэта Б—ва.

Гипнотизеръ Фельдманъ устроилъ гипнотическій сеансъ въ частномъ кружкѣ журналистовъ. Въ состояніе гипноза приведена была молодая, талантливая писательница, страдавшая истеріею.

— Не хотите ли вы внушить спящей сюжетъ для разсказа или что-либо другое?—обратился ко мнѣ гипнотизеръ.

Я согласился и предложилъ писательницѣ написать разсказъ, случайно проронивъ слова: «она, онъ, вагонъ, гробъ». Тутъ же я предложилъ больной избѣгать сношеній съ дѣйствовавшими угнетающимъ образомъ на ея психику, по отзывамъ близкимъ, неуравновѣшеннымъ поэтомъ Б., фельетонистомъ В. и журналистомъ Г.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ прекрасный разсказъ, гдѣ фигурировала молодая женщина, сопровождающая въ фамильное имѣніе гробъ своего только что скончавшагося мужа и влюбляющаяся въ интереснаго попутчика, сумѣвшаго расположить ее въ свою пользу своимъ сочувствіемъ къ ея утратѣ. Такимъ образомъ, одна часть моего внушенія спавшей писательницѣ (она, онъ, вагонъ, гробъ) была блестяще выполнена. Другая часть и повлекла за собою грозныя требованія со стороны поэта дать ему удовлетвореніе. До барьера дѣло не дошло, поэтъ удовлетворился моимъ объясненіемъ и сталъ присылать мнѣ въ газету свои поэтическія и прозаическія произведенія.

Изъ огня провинціальной журналистики я снова попалъ въ полымя столичной,—незадолго до зарожденія освободительнаго движенія. Здѣсь уже не приходилось имѣть дѣло ни съ административнымъ гнетомъ, ни съ цензурой, ни съ сутяжничающимъ обывателемъ, но зато пришлось посидѣть двукратно на скамьѣ подсудимыхъ по 129 статьѣ, и было многое другое, о чемъ будетъ разсказано въ слѣдующемъ номерѣ «Историческаго Вѣстника»...

А. Кауфманъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВУНОГІЙ ЗВѢРЬ [1].

(Изъ человѣческихъ документовъ).

VII.

Графинюшка.

1.

ОЛЗУТЪ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками...

Въ непроглядные дни петербургской осени, когда по цѣлымъ недѣлямъ не показывается солнце, а вмѣсто синяго неба висятъ какіе-то сѣрые лохмотья облаковъ и въ промозгломъ воздухѣ всѣ окружающіе предметы точно плачутъ беззвучными слезами,—невольно хочется свѣтлаго, радостнаго хоть на короткое время. И любой человѣкъ, въ комъ еще теплится искра жизни, создаетъ себѣ розовую легенду, старается ей вѣрить и ревниво укрываетъ ее отъ чужихъ мыслей и взоровъ.

Ползутъ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками, и вдругъ, словно молнія, загорится что-то яркое, откроются на мигъ прекрасныя дали, забьется сердце предчувствіемъ близкаго счастья... Это—розовая легенда; это—чары

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX стр. 150.

ся обмана, а потомъ опять—свинцовое небо, мокрыя улицы, блѣдныя, измученныя лица и только тамъ, гдѣ-то далеко, смутное воспоминанье и робкая надежда... пока не оборвутся и они.

Грушу Портновскую называли «графинюшкой» отчасти по созвучію имени, отчасти за изящество, умѣнье одѣваться и вообще держать себя въ каждомъ кругу.

— Изъ благородныхъ. Панская кровь!—говорили о ней подруги и явно завидовали.

Свое прошлое ей удавалось прятать, и эта таинственность еще больше выдвигала ее.

Полгода какъ появилась Груша въ столицѣ, но о ней уже ходила молва, искали ея знакомства и съ ея прозвищемъ связывали всевозможныя небылицы.

— Если послушать Золя, во всякой модисткѣ скрывается въ зародышѣ герцогиня, а тутъ—несомнѣнное *сіятельство*, ручается моя опытность!.. Портновская—вымышленная кличка,—утверждалъ свѣтскій франтъ, который давно искалъ случая сблизиться съ какой угодно любительницей приключеній, лишь бы она имѣла фамильные гербы:—мы натолкнулись на интересную тайну, вотъ и все...

Такъ создавалась слава «графинюшки».

Стройная, съ притягивающей загадочностью въ глазахъ, съ безукоризненно очерченнымъ профилемъ, она гордо проходила въ толпѣ, какъ бы не замѣчая взглядовъ, заранѣе убѣжденная, что побѣдитъ, и на губахъ у нея пробѣгала мимолетная усмѣшка презрѣнья, когда попадавшіеся навстрѣчу мужчины и женщины неотступно впивались въ нее безчисленными черными точками зрачковъ, то блестящихъ, то поддернутыхъ старческой мутью, то негодующихъ, то полныхъ ласки и робкихъ ожиданій или дерзкаго вызова.

«Мошкара!» вертѣлось на языкѣ сравненье, и Груша ускоряла шаги.

Она не сомнѣвалась, что на житейскомъ аукціонѣ первенство за тѣмъ, кто цѣнитъ не покупаемую на торгахъ вещь, а возможность отбить ее у соперника.

«Можетъ ли такой покупщикъ заслуживать уваженья? Тысячу разъ нѣтъ!..»—рѣшила она въ умѣ и навсегда выработала для всѣхъ общее правило: «ты съ ложью, и я съ ложью; у тебя деньги, у меня тѣло; но о душѣ и не заикайся, самъ выворачивай ее, если есть охота, и я посмѣюсь надъ тобой за свое униженье, за свои обиды... И моихъ думъ ненужно тебѣ знать,—получай пустыя слова. Пускай они тебя потѣшатъ, коль ты довѣрчивъ. Твои-то все равно мимо меня пройдутъ!.. Такъ и запомни. Дружба? любовь? Ладно, поищи-ка ихъ!..»

Размышляла и тихо посмѣивалась. Сладость мести утѣшала ее

2.

Ползутъ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками...

Груша поздно ложится спать и, поэтому, встаетъ не раньше часу-двухъ.

Ея небольшая квартира въ первомъ этажѣ съ окнами на улицу прекрасно обставлена.

Нѣтъ роскоши, но много вкуса.

Фрося приходитъ будить, приноситъ кофе.

Груша быстро вскакиваетъ, умывается, набрасываетъ пеньюаръ на плечи.

Постоянная, неотвязчивая, какъ муха, въѣдливая мысль безпокоитъ ее. Она пробуетъ ее пересилить, нерѣшительно беретъ ломтикъ булки съ масломъ, хочетъ ѣсть и вдругъ останавливается съ застывшимъ лицомъ, схватываетъ порывистымъ жестомъ тарелку съ гренками и бутербродами, подбѣгаетъ къ окошку.

— Опять, Аграфена Семенна! Да что вы, креста на васъ нѣту!.. Не ѣмши, не пимши...—ворчитъ Фрося, выглядывая изъ-за дверей.

— Уйди въ кухню. Нечего бурчать! Не умру съ голоду. Чепуху мелешь... Все тебѣ жалко.

Отворяетъ форточку, становится на подоконникъ, всматривается.

На мокромъ тротуарѣ, дрожа отъ холода, лежитъ косматая собака, калачомъ свернулась.

Груша зоветъ ее:

— Мохнатка, Мохнатка... На̀ хлѣба, на̀...

А вотъ еще какой-то заброшенный, голодный фоксъ, живой скелетъ, тихо плетется, испуганно оглядывается. Ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ уже ничего для него не осталось.

Его тоже кличетъ Груша.

Недовѣріе озлобленнаго, покинутаго пса смѣняется жалобнымъ визгомъ собаки, разучившейся радоваться.

Тартинки розданы и гренки тоже.

Закрывается форточка.

Фрося не въ силахъ ворчать.

— Добренькая вы, Аграфена Семенна! Страсть, какая добренькая! Господь наградитъ васъ на томъ свѣтѣ,—причитаетъ она, съ рѣсницъ смахивая слезу.

— Ступай, ступай!... Плакса...

Ушла Фрося, но Грушѣ какъ-то жутко. Она задумывается, запрокинувъ голову на спинку кресла, и смотритъ вверхъ, словно тамъ, на лѣпныхъ украшеньяхъ потолка, разбираетъ невидимыя надписи:

«Бездомныя собаки... бездомныя дѣти... бродячія женщины... За что эти пытки, за что эти мученья!.. Отвратительный, прожор-

ливый городъ! О, какъ я тебя ненавижу, какъ проклинаю тебя съ твоимъ золотомъ, съ твоей ненасытной похотью! Пей нашу кровь, упивайся!.. Палачъ...»

Встала передъ окномъ, забрызганнымъ каплями дождя.

Тащ тся закрытыя извозчичьи пролетки, запачканныя грязью; снуютъ мелкіе продавцы съ лотками; спѣшатъ какія-то пасмурныя фигуры пѣшеходовъ...

Ни свѣтлаго луча, ни улыбки. На всемъ отпечатокъ унынія и жалкой покорности судьбѣ.

Минута слабости, и Груша топаетъ ногой.

«Въ руки себя бери, въ руки, негодница! Не себѣ, такъ другимъ нужна... Еще рано падать...—шепчетъ ей чей-то голосъ:—что толку, если станешь такой же бродячей собакой, какими полны улицы и закоулки! Сволокутъ на Горячее поле, зароютъ въ навозную кучу и сказкѣ конецъ... Глупая!..»

— Фрося, одѣваться!—кричитъ уже окрѣпшій, властный голосъ Портновской, и тутъ же мысленно подбадриваетъ себя Груша: «крѣпись, рабыня! допингу, что ли, тебѣ надо? крѣпись!..»

И Фрося тоже отвѣчаетъ совсѣмъ инымъ голосомъ;

— Слушаю-съ, милая барышня... сейчасъ... А тутъ письмецо къ вамъ, доложить давеча не осмѣлилась... и корзинка съ цвѣточками.

Втащила цвѣты, записку подала, егозитъ.

Уже не Груша, а «графинюшка» передъ ней.

Развернула, прочла страницу, скомкала, нахмурилась.

— Не будетъ отвѣта... и цвѣты обратно...

— Слушаю-съ, милая барышня... Какъ прикажете... Только человѣка нѣту-съ, не дождался...

— Выбросить... Одѣваться, я вамъ сказала! Черное бархатное...

Фрося летаетъ отъ шкапа къ комоду, отъ комода къ туалетному столу.

Шуршатъ шелковыя юбки. Пахнетъ духами. Корзина съ розами и лиліями еще не унесена и наполняетъ комнату запахомъ оранжереи.

— Я сказала—унести цвѣты! Точно покойникъ въ домѣ... Мерзость.

Фрося кряхтитъ надъ тяжелой ношей и не противорѣчитъ.

Она прекрасно изучила свою госпожу и знаетъ безошибочно, когда она—барышня, когда Аграфена Семенна, а когда и просто—«родненькая».

3.

Рѣдко получаются извѣстія изъ другого города, но когда почтальонъ приноситъ конвертъ съ семикопеечной маркой со штемпелемъ изъ какой-то далекой станціи, «графинюшка» опять становится тихой, доброй, безконечно-ласковой Грушей, гладитъ по рукѣ

Фросю, иногда даже поцѣлуетъ въ щеку и проситъ оставить ее одну «на часокъ». Потомъ весь день ходитъ съ заплаканными глазами.

Сегодня пришло такое же письмо, скорѣй, чѣмъ ожидала его Груша. Это почему-то встревожило ее. Она побѣжала въ спальню, заперлась, нервно разорвала конвертъ, стала читать.

«Милая дочечка, спасибо, что не забыла, изъ бѣды выручаешь. Стыдно обижать тебя, да безъ твоей подмоги не обойтись. Маня подрастаетъ, за Колюшу платить въ гимназію. Жизнь все труднѣй. А тутъ, какъ на зло, мать расхворалась. Когда же съ тобой-то увидимся? Все только обѣщаешь пріѣхать. Пишешь, что дѣла твои хорошо обстоятъ, что на государственной службѣ тебя любятъ и дорожатъ тобою. Это за наши молитвы тебя Богъ награждаетъ, славная моя дочечка. А теперь прощай, будь здорова и весела. Мы всѣ тебя обнимаемъ и цѣлуемъ. Стариковская память! И писать вѣдь сѣлъ, чтобы сообщить пріятную вѣсть. Ты помнишь Степу, а теперь Степана Марковича Подлетаева? Собирается въ Питеръ по какимъ-то дѣламъ (получилъ наслѣдство тысячъ двадцать съ хвостикомъ!) и къ тебѣ хочетъ завернуть. Чуетъ моя душа, что онъ и по сію пору не охладѣлъ къ тебѣ, все справляется, какъ да что. Любящій тебя отецъ, Семенъ Портновскій».

На этотъ разъ не было слезъ, съ сухими, лихорадочными глазами дважды перечитала она родительскія строки.

Знакомый почеркъ, крупный, неустойчивый, скользящій книзу, точно язвилъ ее, и, машинально подчиняясь первому порыву, Груша, старательно расправивъ и сложивъ помятый почтовый листокъ, спрятала его въ шкатулку съ прежней перепиской.

«Такъ лучше... Подальше...» И заперла на ключъ.

«Графинюшка» поймала себя на безсознательномъ страхѣ, что въ эту тревожную минуту, когда ея сердце горитъ отъ жгучаго стыда за умышленную ложь и въ рукѣ письмо,—мысль невольно летитъ туда, къ бѣдной семьѣ, живущей на ея деньги, и, почемъ знать, можетъ быть, какъ безпроволочный телеграфъ, передастъ отцу частицу ея думъ и зародитъ въ немъ сомнѣнье, котораго уже ничѣмъ не заглушить....

Долго сидѣла съ напряженнымъ, остановившимся взглядомъ.

«И зачѣмъ онъ ѣдетъ сюда?... Однимъ ударомъ все разрушаетъ. Какъ будто такъ-таки и не было ничего!... *Облетѣли цвѣты, догорѣли огни*... Всюду пойдетъ справляться, знаю его... Придира... А можетъ, уже все извѣстно и Степа давно здѣсь?.. Вотъ и расплата!.. Еще и зданія настоящаго нѣтъ, а кругомъ обломки»...

Неудержимое желанье—скрыть свой позоръ, свою страшную тайну разрумянило ее. Она неувѣренно позвонила и обратилась къ Фросѣ совсѣмъ новымъ, необычнымъ голосомъ, словно въ груди у нея что-то обрывалось, а нельзя было показывать, что невыносимо больно:

— Фрося, ты жалѣешь меня, любишь, бережешь?

Какая-то жалобная струнка звучала въ тихихъ, почти робкихъ, неувѣренныхъ словахъ.

— Ой, родненькая! Да неужто жъ я когда съ тобой...

— Полно, Фрося, постой... я вѣрю... Слушай... Есть такой мужчина... Ахъ, какъ же тебѣ описать-то! Запомни, Фрося, запомни!—говоритъ Груша съ дрожью, съ пылающимъ, сосредоточеннымъ взоромъ:—средняго роста, невысокій, русакъ... на лбу глубокій шрамъ... Понимаешь? Запомни же, Фрося! Если придетъ, подъ шляпу загляни, а узнай... Сразу въ глаза бросится шрамъ... Не пускай ко мнѣ, ради всего святого... выдумай что-нибудь... Усы или онъ съ бородой—не знаю, не помню, а по шраму догадаешься... И пятно родимое возлѣ носа... пятно...

Торопилась, припоминала, наводила Фросю на догадки, вырисовывала портретъ товарища своего дѣтства.

— Слушаю, барышня, слушаю,—отвѣчала перепуганная, сбитая съ толку Фрося:—и на порогъ-то негодяя не пущу.

— Ругаться не надо. Не заслуживаетъ онъ. Негодяемъ не за что называть... Онъ, пожалуй-то, и не очень дурной, а не пускай, если добра мнѣ желаешь. Награду получишь,—сестрой моей будешь. Прошу тебя.

Наклонилась, поцѣловала низенькую, толстую Фросю, посадила рядомъ съ собой, гладила по рукѣ и нѣжно приговаривала:

— Обѣ мы—несчастныя, обѣ мы—бѣдныя... Жалко мнѣ тебя, Фрося... Есть у тебя кто-нибудь изъ родныхъ?

И ярославка Фрося долго разсказывала ей о деревнѣ, о матери, пока совсѣмъ не стемнѣло. Груша любила сумерничать.

Было нѣсколько звонковъ. Всѣмъ пришлось услышать одинъ отвѣтъ:

— Нѣту дома барышни и не сказывали, когда вернутся.

4.

Недѣля прошла, другая, третья... Мѣсяцъ промелькнулъ. Страшный кошмаръ начиналъ тускнѣть, исчезать и мало-по-малу почти растаялъ. Только по временамъ еще оставалась какая-то смутная тѣнь тревоги и то больше по ночамъ, когда не спалось и нервы пошаливали. Правда, бывало какъ-то и днемъ на прогулкахъ, и однажды въ театрѣ ощущеніе чьихъ-то въ упоръ зорко смотрѣвшихъ глазъ, настойчивыхъ, рѣжущихъ, притягивающихъ, такъ что замирало сердце и точно голова кружилась; но едва Груша поворачивалась по направленію этого загадочнаго взора,—все пропадало.

«Фантазія! — утѣшала она себя:—разстроенное воображеніе... Онъ забылъ обо мнѣ, это ясно. Получилъ деньги и до меня ли ему

теперь! Да и слава Богу! Спасена, спасена!.. Пріѣхалъ, пожилъ, погулялъ и обратно... Такъ естественно».

Хотѣлось вѣрить возможнымъ мечтамъ, но все-таки надолго послѣ такихъ переживаній оставался слѣдъ безотчетной боязни и, возвращаясь домой, Груша опять говорила Фросѣ объ особыхъ примѣтахъ Степы и въ сотый разъ брала съ нея клятву, что не впуститъ его ни подъ какимъ видомъ.

Въ концѣ концовъ Фрося больше начинала бояться ужаснаго незнакомца со шрамомъ на лбу и родимымъ пятномъ возлѣ носа, чѣмъ сама Портновская.

Въ уютной квартиркѣ словно поселилось безплотное существо, незамѣтный, но ощущаемый призракъ, который каждую минуту могъ отравить покой хозяйки и ея прислуги.

Настоящаго страха передъ нимъ не было, но было какъ бы предвидѣніе этого страха, ожиданіе его.

— Пропаду на *него*, окаяннаго, нѣту!—бурчала Фрося:—и не згинетъ... Накликалъ кто-то...

Осунулась, загрустила, тайкомъ отъ Груши ходила къ гадалкѣ и, послѣ возвращенія отъ нея, стала еще печальнѣе.

— Ежели бъ не вы, родненькая моя барышня, ушла бы я въ деревню, ей-ей говорю... Вотъ крестъ святой. Ну его къ Богу!—призналась она тутъ въ своихъ сокровенныхъ помыслахъ и разсердилась даже:—трепалка я, что ли!

— Что ты, что ты!.. съ ума сошла...—испугалась Груша:—развѣ теперь могу безъ тебя обойтись? Не всегда же такъ... дай отдышаться... Скоро сама тебя отправлю, снаряжу въ путь, отдохнешь.... Уже недолго, очень недолго... Видишь, я повеселѣла. плюю на него, не боюсь нисколько, изъ одного упрямства впустить къ себѣ не желаю... смѣюсь надъ нимъ. А ты думала? Да и не придетъ вовсе, уѣхалъ давнымъ-давно. Ты что молчишь?... Я не шучу...

Покачала головой Фрося, направилась въ кухню, не повѣрила, что барышня не боится, не такой она раньше бывала, точно подмѣнилъ ее кто или «хвостъ подрѣзалъ», какъ выражалась она посвоему, безконечно обсуждая на разные лады событія послѣдняго мѣсяца.

Затѣмъ точно сжалилась, вернулась и, стоя въ дверяхъ, сказала, запинаясь:

— Простите, Аграфена Семенна, дуру, Христа ради... Никуда-то я безъ васъ не поѣду. Болтаю все попустому. Вѣчно за васъ Богу молюсь. Никакъ къ подушечкѣ прилегли?.. А я-то и не запримѣтила. Ухожу, ухожу...

Ни сонъ ни явь, ни дремота, томленье какое-то охватывало. Груша полулежала, смотря въ окошко.

Уже мгла повисла. Надвигались вечернія сумерки.

По занесенной снѣгомъ улицѣ чертили темный узоръ мелькающія тѣни.

Фонари еще не зажжены.

Пробѣжала собака, лаяла.

Чей-то надрывающій голосъ тянулъ пьяную пѣсню.

Груша по обыкновенію думала:

«Сестру поставлю, брата выведу въ люди... Года четыре—пять, и цѣль моей жизни закончена... Не все ли равно, на какія деньги!.. Вздоръ!.. Деньги не краденныя,—заработаны. Кто смѣетъ упрекать? Кто судья?... Но старики не должны знать, старики не поймутъ... За стариковъ, какъ кошка, глаза выцарапаю,.. Не всякая правда—правда; иная, вѣдь, такая, что хуже обмана. Я и спряталась въ скорлупу со своей правдой... Никому жить не мѣшаю, а лѣзутъ»...

Вскочила, прошлась по комнатѣ, облокотилась о подоконникъ.

Опять назойливыя думы...

«Судьба шагаетъ безъ разбора и по живымъ бьющимся тѣламъ, и по гніющимъ трупамъ, гнететъ слабыхъ, не бережетъ сильныхъ, не замѣчаетъ, кого давитъ, кого тѣснитъ... Ей безразлично, кому что... Пускай! Я не сдамся, поборемся... О, многимъ гораздо тяжелѣй, чѣмъ мнѣ. Я, по крайней мѣрѣ, сознаю, куда иду и зачѣмъ. А грязью все равно закидаютъ... Гм... Сколько этихъ лицемѣровъ, обивающихъ порогъ моей спальни! Двуногіе волки... Унижаются, размѣниваютъ душу, никого не щадятъ, совѣстью торгуютъ, и ихъ деньги—честныя, а мои, отъ нихъ же полученныя,—запачканныя!.. Они воруютъ все, даже имя, чужое счастье, продаютъ убѣжденья, мысли и это—ничего, а я за то, что ихъ же тѣшу, не жалѣю своей молодости, я—не человѣкъ, я—внѣ ихъ круга, я—ничто передъ ихъ женами, сестрами, дочерьми, которыя такъ же лгутъ, какъ и я... Я не имѣю права быть счастливой; не смѣю разсчитывать на ничтожную долю снисхожденья; меня не прощаютъ... Клеймятъ и сейчасъ же ползаютъ у моихъ ногъ, у ногъ *графинюшки*... Неужели моя ложь страшнѣе ихъ лжи? Стоитъ кому-нибудь, вродѣ напомаженнаго Степы, явиться ко мнѣ, бросить косой взглядъ, а потомъ пустить сплетню, и всѣ ему повѣрятъ, а не мнѣ... Для меня нѣтъ оправданья»...

Ноздри раздуваются. Въ глазахъ — огонекъ затравленнаго звѣрка.

«Стереть бы ихъ,—стереть съ лица земли!..»

Но брызнулъ свѣтъ; на улицѣ вспыхнули фонари, и погасли грезы, навѣянныя сумерками.

5.

Послѣ нѣкотораго перерыва Портновская вновь стала всюду появляться, точно вырвавъ изъ памяти всякое воспоминаніе о Степѣ.

Попрежнему принимала и у себя старыхъ и новыхъ знакомыхъ, ищущихъ у нея минутнаго забвенія отъ будничныхъ работъ, отъ разочарованій, отъ лжи, которую наивно замѣняли такою же ложью. Здѣсь, можетъ быть, иные изъ нихъ видѣли въ гордой, обаятельной «графинюшкѣ» хоть слабое воплощенье той именно розовой легенды, что даетъ человѣку намекъ на счастье...

Звонокъ—нетерпѣливый, быстрый, нервный.

Груша только что покормила у форточки своихъ любимцевъ—бродячихъ, бездомныхъ собакъ, едва сдѣлала прическу. По характеру звонка, она порою угадываетъ, кто пришелъ.

«Навѣрно, художникъ», мелькаетъ догадка, и на губахъ уже снисходительная полуулыбка.

Это дѣйствительно Укладовъ, мечтательный, блѣдный, увлекающійся.

— Такъ рано?.. Я еще едва съ постели,—разочарованно бросаетъ она вскользь и протягиваетъ руку, которую тотъ покрываетъ поцѣлуями.

— Рано? Я только тогда и живу, когда солнце... Насыщаюсь его лучами, ловлю тончайшіе оттѣнки переливовъ...—заговорилъ онъ съ обычной горячностью, размахивая руками и откидывая густые, непослушные кудри, но вдругъ остановился, выражая восторгъ — взглядомъ, движеньемъ, всей своей живописной фигурой:—вы такъ колоритны, такъ стильны... Не хочу сказать «красивы»... Въ словѣ «красивая» что-то банальное, избитое...

— Вѣчные комплименты... Живя въ Петербургѣ, я научилась цѣнить ихъ не особенно высоко,—отозвалась Груша, стоя возлѣ зеркала и поправляя волосы.

— Вѣрьте—не вѣрьте, а я буду говорить. Знаете, какъ я васъ называю? «Мистическая дѣвушка Россетти». Странно, но вы—олицетвореніе этого знаменитаго типа... Тамъ, въ европейскихъ галереяхъ я видѣлъ уже ваши черты на его холстахъ. Конечно, лишенные эстетической тенденціи, можетъ, пройдутъ мимо...

Она обернулась и смѣрила его долгимъ, насмѣшливымъ взоромъ.

— Вамъ что-нибудь нужно?.. Вѣдь не мнѣ одной вы такъ поете!.. Насквозь вижу... не первый вы... Натурщицу пріискиваете для новенькой картины?.. э?..

Укладовъ немного смутился.

— Восторгъ мой—искренній, Агриппина Семенна... Но и натурщица нужна. Гдѣ же противорѣчіе?..

Еще двѣ-три фразы, и опять звонокъ, но робкій, едва слышный.

«Камбалинъ... вырвался со службы...»—рѣшаетъ въ умѣ Портновская и сердито сдвигаетъ брови.

— Вотъ и поболтать не удалось, а вы кричали: «рано!» Постоянно такъ. Значитъ, позировать ни-ни?

— Н-не знаю... подумаю... Надѣйтесь.

— И за то спасибо. Ручку!

— Сюда, сюда, въ боковую дверь... осторожнѣй!—торопитъ Груша, и вслѣдъ ему произноситъ вполголоса:—сумасшедшій!

Портновская и на этотъ разъ угадала: пугливо изъ-за портьеры выглянуло полное, бритое лицо пожилого мужчины, съ бородавкой на вискѣ.

— Кажется, тутъ постороннихъ нѣтъ?—спрашиваетъ Камбалинъ, и его потѣшный фальцетъ заставляетъ Грушу расхохотаться.

— А зачѣмъ ходишь, если трусишь! Жена воображаетъ, что въ засѣданіи, а господинъ вице-директоръ...

Приземистая фигура, наконецъ, рѣшается выйти изъ-за дверей.

— Здравствуй, милочка... Ну, чмокъ-чмокъ,—говоритъ онъ теперь совершенно спокойно и выпячиваетъ губы, желая сочно поцѣловать ее, но Груша отстраняется, и поцѣлуй виснетъ въ воздухѣ:—потерянное удовольствіе!—жалуется онъ, словно про себя:—какая ты сварливая! и чего разсердилась? Нельзя же мнѣ на показъ! Я—человѣкъ, извѣстный въ обществѣ, и дорожу семейнымъ очагомъ...

Портновская упала въ кресло, залилась смѣхомъ, а потомъ вдругъ смѣхъ этотъ словно застылъ, и она слегка нахмурилась.

— Я терпѣть не могу никакихъ нотацій... слышите?

— М-м... да здѣсь кто-то былъ сейчасъ!.. окурокъ?..—съ неудовольствіемъ визжитъ голосъ вице-директора, пропускающаго мимо ушей ея восклицанье относительно нотацій.

— Да, былъ... обойщикъ... Я позволила выкурить папироску. Даже къ нему ревнуете?..—и, видя, что онъ еще продолжаетъ оставаться въ дурномъ расположеніи духа, принимаетъ выраженье томной усталости:—фи, какъ скучно, дутикъ! Все ты дуешься... Иди поближе, сядь... Я, право, буду думать, что ты меня больше не любишь, дѣдка.

Камбалинъ расплывается въ довольной усмѣшкѣ.

— Ей-Богу, ты—такая странная дѣвчурка! Что же меня влечетъ, какъ не любовь, въ этотъ мятежный пріютъ?.. Да, именно мятежный! Ты—нимфа, увлекающая хитроумнаго Улисса...

Не въ выгодахъ Груши разубѣждать вице-директора въ правотѣ его высокаго мнѣнія о своихъ достоинствахъ, но она все-таки не можетъ удержаться, чтобы не уронить исподтишка:

— А трудолюбивая Пенелопа?.. Работаетъ?.. э?..

На полномъ, бритомъ лицѣ снова—отраженье испуга, обиды.

— Я просилъ уже... Вонъ Поликарповъ, мой бывшій сослуживецъ, отравился, когда до него дошло, что жена живетъ съ начальникомъ отдѣленія. Видишь! Семейный очагъ—моя святыня неприкосновенная.

— Святыня, святыня! чистѣйшая правда...—комически подхватываетъ Портновская, но сейчасъ же мѣняетъ тонъ и роняетъ тихо,

едва слышно:—бѣдный мой, бѣдный Одиссей, какъ мнѣ тебя жалко!.. бездомникъ!.. Я жалѣю всѣхъ бездомныхъ, всѣхъ бродячихъ...

И приземистая фигура съеживается, будто осѣдаетъ, и сживаются глазки, точно готовые расплакаться, часто моргаютъ, и зрачки бѣгаютъ по сторонамъ, какъ мышки, попавшіяся въ ловушку.

— Грушенька... Я не къ тому... Я такой несчастный,—такой несчастный...

«Графинюшка» уже забыла всякое сожалѣнье и сердится.

— А, «надоѣли вы до смерти»!—вырываются у нея слова цыганской пѣсни:—и безъ того горько, скука одолѣваетъ, а тутъ вы всѣ ко мнѣ... со своими печалями, жалобами, да еще нюни распускаете... Ступай-ка къ своей Пенелопѣ! Ждетъ—не дождется тебя... съ женихами сидитъ...

— Зачѣмъ такъ жестоко, зачѣмъ!.. О ней не нужно... не нужно... О тебѣ поговоримъ... Я помню, что обѣщалъ. Вотъ въ конвертѣ, возьми...—и онъ разстегиваетъ сюртукъ дрожащими пальцами, торопится, вынимаетъ и кладетъ на столъ измятый пакетикъ:—я еще немножко посижу... посижу и уйду... Я тамъ, въ сторонкѣ, у камелька... Вѣдь, довольно бранились, теперь и помириться въ пору... Ну, чмокъ-чмокъ...

Сегодня Грушѣ никакъ не удается итти на обычную прогулку. Не успѣла выпроводить вице-директора, явился Вершинскій — худощавый, жилистый, съ мясистыми, чрезмѣрно большими ушами, съ нависшимъ лбомъ и впалыми щеками.

Въ гимназіи, гдѣ онъ преподаетъ исторію и географію, его называютъ Аракчеевымъ.

И въ характерѣ Вершинскаго тоже что-то отъ его двойника: мрачность и грубая чувственность.

— Не догадалась, что вы, г. педагогъ, а то не велѣла бы принимать,—съ отвращеніемъ восклицаетъ Груша, когда его длинная, тонкая шея, прорѣзанная синими жилками, выдѣлилась на зеленомъ фонѣ обоевъ.

— Ругайся, ругайся! Я люблю, когда меня ругаютъ. Въ гимназіи, видишь ли, я издѣваюсь надъ школьниками, а сюда когда прихожу—разрѣшаю, чтобы надо мной издѣвались... Но не очень!.. понимаешь? Не очень... до предѣла... ибо разгнѣваться могу, ха-ха-ха-ха-ха,—и онъ разразился удивительнымъ хохотомъ, не то напоминающимъ странный звукъ поскрипывающихъ качелей, не то заглушенный плачъ совы.

Фрося часто говорила объ этомъ смѣхѣ:

— Какъ лѣшій, прости Господи, заливается,—и всегда крестилась втихомолку.

— И водкой отъ васъ пахнетъ, какъ изъ бочки... Спички нельзя поднести—вспыхнетъ,—продолжаетъ Груша, отмахиваясь носовымъ платкомъ, сильно продушеннымъ, и закашлялась.

— Какой тамъ водкой! Пойди ты, небось, много понимаешь... Ликеры, видишь ли, выпивали, «плошку» смастерили съ мандаринами, коньякомъ и малиновымъ вареньемъ, а теперь, какъ слыхалъ отъ господъ офицеровъ, легкій «дрыгансъ» въ ножкахъ, ха-ха-ха-ха-ха... У насъ мѣстный праздникъ,—престольный, такъ сказать.

— И не стѣсняетесь? Уходите-ка... Я не люблю пьяныхъ.

— И что ты, грѣшная весталка, можешь со мной подѣлать?.. Издѣвайся, издѣвайся!.. Я—ничего... терпѣливъ. Эхъ, да и чертовка же ты! Люблю такихъ... А то какая-нибудь рухлядь, дрыгалка, тьфу!.. Ударь меня плеткой... Я ничего... терпѣливъ. Не хочешь?.. Слушай, за пивомъ можно послать?.. полдюжины, а? Да я съ презрѣннымъ металломъ, не воображай!.. Рѣдко пью, но ужъ если напьюсь—не подходи,—кто мнѣ не по селезенкѣ, первому же попавшемуся—по физіи... А ты меня плеткой стегай, и я—ничего... Но не очень, понимаешь? ха-ха-ха-ха-ха...

Только когда раздался еще одинъ звонокъ и затѣмъ въ передней зазвенѣли шпоры, Груша вздохнула свободнѣй.

— Кто это?—кисло спросилъ Вершинскій и судорожно сморщилъ подбородокъ:—теперь, значитъ, вонъ? адью?

— Ваше дѣло. Непрошенными пришли, безъ разрѣшенія и уйдете.

Глаза ея горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Темные круги легли подъ ними, оттѣняя блѣдное, измученное лицо «мистической дѣвушки».

— Не солоно хлебавши?.. здорово!.. Эхъ, чертовка!.. Попадешься мнѣ когда-нибудь...

На порогѣ встрѣтился съ кавалеристомъ , но никакихъ столкновеній не было.

— Pardon, какъ будто я неудачно?.. А, впрочемъ, куда ни шло!..

Груша приняла беззаботный видъ.

— Не стѣсняйтесь, будьте, какъ дома, ротмистръ.

— Жаль, что этотъ болванъ прилѣзъ... разогналъ иллюзію, а, впрочемъ, куда ни шло!.. Я сяду... Я люблю, знаешь, тишину, полумракъ, крѣпкіе духи, кружева, шуршащіе шелка и пылающій, жаркій каминъ... И цвѣты... цвѣты... царство грезъ... Это—восхитительно, восхитительно!.. Но ты—не Груша, нѣтъ! Я буду звать тебя Кларой... Милая Клара...

Онъ закатилъ свѣтлые глаза и погрузился въ мечты.

«Однако, денекъ!—думаетъ Портновская:—часъ отъ часу хуже... Что они? Притворяются или взаправду спятили?..»

Привычная Фрося растапливаетъ каминъ.

Офицеръ медленно курилъ тонкую египетскую папироску.

Голубой дымокъ змѣйкой расплывался и таялъ, смѣшиваясь съ запахомъ ириса и опопанакса.

6.

Груша почти готова.

Оставалось надѣть только мѣховой токъ, отдѣланный по модѣ «старымъ золотомъ», и котиковое пальто, принесенные Фросей.

У подъѣзда ожидала тройка, фыркала, и лѣвая пристяжная копытами вздымала снѣгъ, смѣшанный съ пескомъ.

Звенѣли бубенчики. Ямщикъ дремалъ и сквозь сонъ покрикивалъ на лошадей.

Студенты университета, Ветошниковъ и Михаленко, два земляка, увозили «графинюшку» на открытіе загороднаго уголка.

Пригласилъ, собственно, первый—веселый, безшабашный транжира, которому пока все удавалось въ жизни; второй—былъ иного склада: онъ прибéрегалъ каждую копейку, сознавая, что «судьба-злюка» зорко слѣдитъ за нимъ и жадно ждетъ малѣйшаго промаха, чтобы схватить его желѣзными когтями и не выпускать.

Ветошниковъ смѣялся.

— Ѣдемъ въ злачныя мѣста, а вы оба точно на панихиду собрались.

Михаленко вспыхнулъ и внимательно поглядѣлъ на Грушу.

— Ты знаешь, что я для компаніи, чтобы не разстраивать. Я не люблю кабаковъ... Скучаю въ нихъ.

— Трезвенникъ и цѣломудренникъ!.. Однако посматриваешь направо... Гм... вкусъ у тебя все же хорошъ...—продолжалъ посмѣиваться Ветошниковъ и хлопалъ по плечу, боясь, что онъ разсердится, потомъ порывисто поднялся и подошелъ къ Портновской:—шикъ да и только!.. изумрудное вельветиновое платье... вѣдь такъ?.. мѣховая отдѣлка... матовое личико... Ты просто обворожительна сегодня! Боже!.. Я погибъ.

— Не дурачься,—прошептала Груша, застегивая перчатки и продолжая сохранять серьезность:—у меня плохое предчувствіе, а вотъ ѣду,—наперекоръ здравому смыслу ѣду.

— Чепуха! Бери примѣръ съ меня. Поэтъ сказалъ:

«Я—сынъ моей поры. Она развратна;
Въ ней тлѣнъ и прахъ и мало хрусталю...
Я—сынъ ея, и въ ней люблю всѣ пятна,
Весь ядъ ея люблю» [1]).

— Нашелъ, чѣмъ гордиться!—съ досадой подхватилъ Михаленко, и въ мягкомъ, женственномъ голосѣ его что-то дрогнуло:—постыдился бы Агриппины Семеновны... Она—славный, милый товарищъ. Надо ее уважать, а ты... И твой поэтъ никуда не годится.

---

[1]) Владиміръ Ж.

Писателю не мѣшало бы пробуждать въ насъ, читателяхъ, бодрыя чувства... надо...

— Не ссориться, иначе я не ѣду,—рѣшительно заявила Груша:— Фрося, одѣваться!

Черезъ нѣсколько минутъ тройка неслась по освѣщеннымъ улицамъ, то пугая, то веселя прохожихъ, у иныхъ вызывая зависть, у другихъ невольный приливъ радости, у третьихъ забытыя воспоминанья, а нѣкоторые даже не замѣчали ея, не слышали ея рѣзваго звона, поглощенные собственными мыслями и тревогами...

Балагурилъ все больше Ветошниковъ.

Михаленко, когда было удобно, подавалъ свои излюбленныя реплики.

— Оглянитесь назадъ, Агриппина Семеновна, на пройденный путь и сбросьте всю эту лживую мишуру... Вы—достойны лучшей доли... Какъ знать? Не суждены ли вамъ великіе порывы?.. Вы— энергичная, смѣлая, бодрая, прекрасная дѣвушка. Передъ вами— будущее...

— Окончится тѣмъ, что ты посватаешься,—небрежно перебилъ его жизнерадостный пріятель и захохоталъ.

— На такихъ, какъ я, не принято жениться! Не безпокойтесь!— рѣзко оборвала Груша и вдругъ наклонилась къ Михаленку близко-близко:—а васъ благодарю, Ваня... да... Рѣдко слышу то, что вы сказали, и вѣрю, что вы—по прямотѣ, вѣрю... дайте, пожму вашу руку... Вы—честный.

— Нѣтъ, господа, такъ не подобаетъ!—возмущался Ветошниковъ:—сегодня съ вами даже пошутить невозможно, сейчасъ контры, недоразумѣнія... высокія фразы,—и онъ затянулъ себѣ подъ носъ:

«Ну же, ямщикъ, погоняй свою троечку!
Ну же, ямщикъ, поскорѣй...»

Залъ, въ который они вошли, казалось, былъ созданъ для «радостей бытія»: ласкающая музыка, нарядная толпа петербургскихъ «открывателей» и «открывательницъ», обиліе цвѣтовъ, много свѣту...

И все-таки чувствовалось, что это все напускное, придуманное, насильно притянутое сюда, что не праздникъ здѣсь, а ползутъ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками, и что не здѣсь царство розовой легенды...

Грушу опять мучило ощущенье чьихъ-то острыхъ, рѣжущихъ глазъ, неотступно манящихъ, пронизывающихъ, и оно не проходило, какъ прежде, напротивъ, усиливалось, причиняя прямо физическую боль...

И она рѣшилась, наконецъ, пойти на этотъ упрямый, настойчивый зовъ и взглянуть въ упоръ на невѣдомаго друга или врага, хотя безотчетно и боялась его.

«Нѣтъ, это—врагъ... Друзья такъ не смотрятъ».

— Куда же ты?

— Куда же вы?

И Ветошниковъ, и Михаленко вмѣстѣ обратились къ ней съ одинаковымъ вопросомъ,—такъ поразила она ихъ напряженнымъ выраженіемъ поблѣднѣвшаго лица и страннымъ, сухимъ блескомъ въ глазахъ.

— Я провожу,—добавилъ второй и всталъ.

— Нѣтъ, я не согласна! Посидите. Я скоро вернусь. Останьтесь, говорю вамъ!

Оба студента застыли подъ звукомъ ея ледяного голоса, и даже Ветошниковъ не пытался, по обыкновенію, вышучивать.

Все же они невольно слѣдили за ней, пока Груша не скрылась за поворотомъ, гдѣ стояли пальмы, и видѣли, минуту спустя, какъ неизвѣстный какой-то мужчина тоже поднялся изъ-за столика и пошелъ за ней.

«Можетъ, случайно?»—подумалъ Михаленко.

«За ней или самъ по себѣ?»—мелькнуло въ мозгу Ветошникова.

Груша очутилась въ гостиной, прошлась до трельяжа, затѣмъ быстро повернулась и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Подлетаевымъ.

Навѣрно не узнала бы его, такъ онъ возмужалъ, измѣнился, обросъ рыжеватой бородой, но глубокій шрамъ выдавалъ его и темное пятно возлѣ ноздри.

«Лицо дикой рыси и на лбу—Каинова печать»...—пробѣжалъ, какъ молнія, зигзагъ мысли.

Она вздрогнула и зажмурилась, но черезъ секунду уже поборола волненіе и отвѣчала твердымъ взглядомъ на его неподвижный взглядъ.

Заговорили, не здороваясь, словно только что видѣлись.

— Мнѣ писали, что вы пріѣдете,—безучастно первая обратилась она къ нему, и не было на лицѣ ея ничего, кромѣ отчужденности.

Онъ, не отрываясь, продолжалъ разглядывать ее съ ногъ до головы и молчалъ, а когда Груша предложила сѣсть на диванъ, чтобы не обращать вниманія постороннихъ, Подлетаевъ неохотно повиновался и присѣлъ бокомъ, нѣсколько поодаль отъ нея, будто стѣсняясь близкаго сосѣдства.

— Да, я давно въ Петербургѣ, больше мѣсяца, а завтра уѣзжаю,—протянулъ онъ и опустилъ рѣсницы:—я узналъ всю твою подноготную... Справлялся и на службѣ... дуракъ! Думалъ, глупая деревенщина, что дѣйствительно ты служишь. Разъ десятокъ подходилъ къ твоей двери и не рѣшался позвонить. Однажды, какъ мальчишка, потащился за тобой по пятамъ и даже звалъ тебя по имени, но голосъ оборвался, слова застряли въ горлѣ, и ты не услы-

хала. Сколько разъ хотѣлъ заставить твои безстыжіе глаза увидѣть меня и не могъ... Недѣли двѣ шлялся по улицамъ и закоулкамъ, какъ шальной,—себя винилъ, а потомъ отрезвился. «Что ей!—думаю:—дослужилась до *графинюшки*... Чего же еще?..»

Начавъ почти шопотомъ, онъ все возвышалъ голосъ, горячился, и щеки его то блѣднѣли, то краснѣли. Шрамъ ярко выступалъ багровой впадиной, и Груша почему-то не спускала съ него глазъ. Это еще болѣе раздражало Подлетаева.

— Хорошо,—процѣдила она сквозь зубы, когда онъ примолкъ:—съ какой же цѣлью вы такъ долго присматривались ко мнѣ? Развѣ эти восемь лѣтъ вы поинтересовались когда-нибудь моей участью?.. Развѣ я обязана давать вамъ отчетъ въ своихъ поступкахъ?..

— Не мнѣ, а тому, кто поручилъ мнѣ узнать, какъ ты живешь... Неужели ты хотѣла бы, чтобы о немъ говорили: «отецъ той самой, которая...».

— Остановитесь же, довольно! слишкомъ довольно!—вскипѣла Груша и чувствовала, что кровь отливаетъ отъ мозга и голова кружится:—зачѣмъ отца вспоминать!.. И такъ вдосталь натѣшились... его-то не трогайте, по крайней мѣрѣ! Слышите вы, рыцарь?..

«Лицо дикой рыси», какъ подумала о немъ Груша, загорѣлось отъ задѣтаго самолюбія.

— А, вы не просите, вы требуете!.. Вы въ самомъ дѣлѣ—*графинюшка*,—перешелъ онъ на «вы» и выпрямился:—я, стало быть, правильно поступилъ... совѣсть моя теперь чиста.

Они сразу оба поднялись съ дивана, и Портновская вплотную приблизилась и заглянула къ нему прямо въ глаза, безпокойные, бѣгающіе (еще недавно съ неподвижнымъ взглядомъ), и сердитые, и точно сконфуженные, такъ что онъ отступилъ на шагъ. И вдругъ поняла... Углы рта какъ-то опустились; мускулы лица ослабѣли; муть заслонила зрѣніе.

— Думалъ, у твоихъ ногъ буду валяться, милости вымаливать?.. Написалъ отцу?.. да?

— Да... какъ честный человѣкъ... не могъ смолчать.

— Такъ ты бы меня лучше убилъ, а то старика!.. Честный человѣкъ!..—и засмѣялась вдругъ такимъ тихимъ, чужимъ смѣхомъ, въ которомъ вылились и отчаянье, и страданье, и презрѣнье, и пережитыя горести, и разбитая вѣра; но глаза были сухіе и не могли плакать.

Веселый мотивъ несся изъ сосѣдней залы, точно дразнилъ воображенье, обѣщая утѣхи. Мелькали фигуры пріѣзжающихъ и уходящихъ.

— Я знаю,—такъ лучше,—сказалъ Подлетаевъ глухимъ, упавшимъ голосомъ:—ты полагаешь, мнѣ легко?.. Я во имя справедливости, не по злобѣ... Старику надо было прозрѣть... Твои деньги—нехорошія деньги... Согласна?

— Эхъ ты, честный человѣкъ съ хорошими деньгами! А помнишь, когда я ходила въ епархіальное училище и ты еще называлъ меня «пархалочкой», кто обѣщалъ братомъ моимъ быть, горой за меня стоять, э?..

— Сама виновата... ушла отъ насъ... Отрѣзанный ломоть.

— Ушла въ искупительную даль, а ты этого и не понялъ своимъ лбомъ... Лгала передъ отцомъ святой ложью,—ты и этого не уразумѣлъ, справедливый человѣкъ. Всю себя въ жертву принесла, ничего для себя не оставила, кромѣ одинокой муки,—ты и тутъ заклеймилъ меня... Проходи же, проходи, Степа!.. Нѣтъ у меня словъ для тебя... Все сказано...

— Груша...—что-то вродѣ стона вырвалось у него, когда онъ услышалъ свое имя.

Но она ускользнула отъ него, когда онъ пытался ее удержать, и направилась въ залу, гдѣ Ветошниковъ уже сидѣлъ съ какой-то пѣвичкой, а Михаленко мрачно посматривалъ по направленію идущей Груши и волновался.

— Опоздала!.. твое мѣсто занято... Бросила насъ... я обидѣлся... Ну, присядь, все-таки... я шучу...

Замѣтно было, что Ветошниковъ подвыпилъ и говорилъ нетвердо.

Михаленко вскочилъ, какъ ужаленный.

— Агриппина Семеновна, видите, куда вы попали!—вскричалъ онъ, еле сдерживая возмущенье и гнѣвъ на товарища, и тутъ только обратилъ вниманіе на перемѣну ея лица:—что съ вами, Бога ради?.. вамъ нездоровится?

— Проводите меня,—съ трудомъ отвѣчала она и, не смотря на Ветошникова, который въ это время любезничалъ съ новой своей избранницей, повернулась и пошла.

Перекрестные взгляды сопутствовали ей, улыбки, замѣчанія.

Она двигалась, какъ въ туманѣ. «Волки... волки...»—мелькнуло у нея въ мозгу.

— Сядемъ на простого извозчика... Мнѣ, Ваня, много,—много нужно вамъ поразсказать.

Полусонная лошадь бѣжала легкой рысцой.

— Вы обидѣлись на Володю?—спросилъ студентъ, еще не понимая, въ чемъ дѣло:—не стоитъ!.. по пьяному дѣлу.

— На Володю? Кто это—Володя?.. Охъ, я такъ далека и отъ него, и отъ всего этого міра... Они позади остались, на тысячу верстъ... Какъ вы говорили на тройкѣ?... Да, да, помню: «передъ вами—будущее... вы достойны лучшаго... вы—энергичная, смѣлая... прекрасная»... Благодарю васъ, благодарю! Если бы не вы, не ваша вѣра въ меня, можетъ, я бы теперь на себя руки наложила... а вы согрѣли мою душу... благодарю.

Еще недавно гордая, неприступная «графинюшка», — она прислонилась къ его плечу и заплакала тѣми почти беззвучными,

чистыми слезами, которыми плачутъ иногда дѣти послѣ какой-нибудь горькой обиды.

И Михаленко невольно обнялъ ее и старался, какъ могъ, утѣшить, когда она, вздрагивая и всхлипывая, разсказывала повѣсть своей жизни.

— Вы не забыли Некрасова?

«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы—смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!»

Вотъ и я вамъ скажу: бѣгите отсюда, бѣгите изъ этого звѣринаго логовища!.. Я придумаю что-нибудь для васъ... Я и отцу вашему напишу, хоть и незнакомъ съ нимъ... даже поѣду къ нему, если нужно... Успокойтесь!

Не прошло и недѣли, какъ «графинюшка» скрылась съ петербургскаго кругозора, и никто не зналъ, куда.

Одинъ Михаленко, можетъ быть, зналъ.

Онъ твердо вѣрилъ, что Груша не изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя погибаютъ.

— Если она вернется,—вы не узнаете ея.

Такъ говорилъ онъ Ветошникову и другимъ, и глаза у него сіяли, точно онъ вспоминалъ или видѣлъ что-то свѣтлое, хотя кругомъ ползли сѣрые будни, надвигались тяжелыми призраками...

VIII.

Въ сѣтяхъ.

1.

Французская гражданка Сюзаннъ Пье имѣла роскошную квартиру, занимавшую цѣлый этажъ на одной изъ боковыхъ улицъ, прилегавшихъ къ главному проспекту.

Комнаты были изысканно меблированы. Все свидѣтельствовало объ утонченномъ вкусѣ хозяйки.

Почти ежедневно у нея—наплывъ гостей, которыхъ, однако, впускаетъ горничная не иначе, какъ по особому паролю. Это правило распространялось на всѣхъ, за исключеніемъ князя Караксари.

Его блестящій военный мундиръ, обходительность, красивая наружность и связи въ обществѣ служили необходимымъ украшеніемъ салона француженки.

Иные приносили сюда деньги, князь—давалъ вывѣску. Одно другого стоило.

Сюзаннъ, съ своей стороны, предлагала гостямъ то, что они искали и къ чему неудержимо стремились, т. е. игрокамъ—возможность попытать счастье у «золотого стола», любителямъ и любительницамъ приключеній—соотвѣтствующія встрѣчи и знакомства.

Въ распоряженіи француженки имѣлись опытные посредники и посредницы, доводившіе до ея свѣдѣнія о новыхъ лицахъ, которыхъ желательно было бы привлечь въ салонъ.

Разумѣется, глубокая тайна покрывала каждую встрѣчу.

Допускались одинаково и подростки, и старики.

Сюзаннъ Пье богатѣла.

Даже иностранныя конторы обращались иногда къ ней насчетъ поставки «живого товара».

Дѣло расширялось.

Любя искусство, Сюзаннъ устраивала разъ въ мѣсяцъ «эстетическіе вечера», на которые приглашала «избранныхъ».

Князь всегда бывалъ среди нихъ и, когда чувствовалъ себя въ ударѣ, танцовалъ лезгинку съ кинжаломъ.

Тутъ впервые увидѣлъ онъ танцовщицу Мерседесъ.

Она исполняла рѣдкій танецъ, вывезенный съ Востока, «Ночь одалиски».

Подъ нѣжные звуки рыдающихъ скрипокъ склонялись ея колѣни, и танцовщица замирала, потомъ вдругъ зажигались ея глаза, распускались волосы, руки простирались и начинали метаться, словно въ ужасѣ отгоняя кого-то... Послѣ безчисленныхъ оттѣнковъ страха и гнѣва, Мерседесъ тихо поднималась, расправляла гибкій станъ, мчалась, ускользала, вертѣлась вихремъ и падала въ изнеможеніи на пушистый коверъ, а музыка продолжала свой надрывающій душу мотивъ.

Восхищенный князь сидѣлъ затѣмъ между Сюзаннъ и Мерседесъ и, посматривая на обѣихъ любвеобильными глазами, напѣвалъ вполголоса:

«Entre les deux mon coeur balance
Et je ne sais le quel aimer».

2.

Поѣздъ приближался къ городу ***.

Въ вагонѣ 1-го класса мало пассажировъ: какой-то старикъ, не разстающійся съ газетой и сигарой, военный докторъ съ книгой

въ рукѣ и видный мужчина въ штатскомъ, широкоплечій, высокій, съ отличнымъ цвѣтомъ лица, пышащій здоровьемъ.

Онъ медленно пускалъ кольца дыма и о чемъ-то думалъ или просто имѣлъ видъ размышляющаго.

На послѣдней остановкѣ въ вагонъ вошли двѣ француженки въ сопровожденіи офицера, внося крѣпкую струю духовъ, оживленіе и веселость.

Нарядныя, всегда готовыя фразы такъ и полетѣли, закружились, заполонили купе для курящихъ.

Обѣ француженки не отличались красотой, но изящные костюмы, удивительныя шляпы и художественный гримъ дѣлали свое дѣло.

По крайней мѣрѣ ихъ кавалеръ, жгучій брюнетъ южнаго типа, небольшой, но прекрасно сложенный, казался очарованнымъ, и тенорокъ его звучалъ такъ же пронзительно, какъ звучитъ зурна подъ небомъ его родины.

«Актерки!» съ пренебреженіемъ рѣшилъ въ умѣ штатскій и беззаботно покуривалъ, словно не замѣчая вошедшихъ.

Обѣ громко и свободно разговаривали, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ.

Старикъ пріостановилъ чтеніе газеты и бросалъ на нихъ недовольные взоры.

Одна, которую офицеръ называлъ Сюзаннъ, довольно беззастѣнчиво, точно дама, нанимающая въ конторѣ выѣздного лакея, разглядывала въ лорнетъ широкоплечаго сосѣда и наконецъ сказала, почти не понижая голоса и, вѣроятно, разсчитывая, что онъ не понимаетъ по-французски, или нарочно прикидываясь наивной, чтобы поставить незнакомца въ неловкое положеніе:

— Какой красавецъ! Интересно, кто онъ...

— Шведъ,—отвѣчала другая:—посмотри, навѣрно, силачъ... О, mon Dieu! Любить такого мужчину...

Всѣ трое расхохотались.

Старикъ опять сердито обернулся, и только докторъ не отрывался отъ книги.

Штатскій равнодушно закуривалъ новую папиросу, стараясь войти въ роль не понимающаго.

Бываютъ нерѣдко мужчины, не принадлежащіе къ женскимъ поклонникамъ, проходящіе мимо самыхъ обольстительныхъ красавицъ съ видомъ спокойныхъ наблюдателей.

Онъ именно былъ такимъ, хотя и носилъ обручальное кольцо, слѣдовательно, отдалъ дань увлеченью, можетъ быть, разсудочному, холодному, но все-таки увлеченію.

— Прекрасенъ, какъ Аполлонъ... N'est ce pas? И, вообрази, женатъ!.. какая глупость!—вновь подхватила Сюзаннъ.

— Однако, ma chérie, если онъ пойметъ,—прокартавилъ офицеръ.

Но та снова защебетала:

— Давай держать пари, что онъ атлетъ изъ цирка?... Что ты скажешь, Мерседесъ?

— Скорѣй массажистъ...—и, наклонившись къ самому уху Сюзаннъ, что-то прибавила, но такъ осторожно, что даже офицеръ не разобралъ, и обѣ сейчасъ же залились увлекающимъ хохотомъ.

Штатскій не выдержалъ и посмотрѣлъ на нихъ въ упоръ.

Въ это время и старикъ съ газетой метнулъ по направленію штатскаго недоумѣвающій взглядъ, полный соболѣзнованія, точно пытаясь внушить ему на разстояніи какую-то мысль; даже докторъ сталъ прислушиваться и отложилъ книгу.

— Mesdemoiselles,—заговорилъ вдругъ широкоплечій красавецъ на великолѣпномъ французскомъ языкѣ, и чувствовалось, что онъ плѣненъ пѣвучестью собственнаго баритона:—я не имѣю чести принадлежать къ вашей изысканно-вѣжливой національности; я—*русскій* и нисколько отъ этого не страдаю, такъ какъ держу себя въ обществѣ, даю вамъ слово, не хуже нѣкоторыхъ иностранцевъ, и, хотя массажемъ не занимаюсь и въ циркѣ не состою борцомъ, какъ вы полагаете, тѣмъ не менѣе, надѣюсь, вы не возьмете назадъ вашего лестнаго мнѣнія обо мнѣ...

Говорилъ онъ съ достоинствомъ и какъ будто немного сердился и задиралъ, но глаза сохраняли попрежнему пріятное выраженіе самодовольства.

Лицо старика съ газетой сіяло искреннимъ восхищеніемъ. Онъ, видимо, былъ вполнѣ удовлетворенъ.

Француженки лукаво перемигнулись и, пожалуй, готовились продолжать легкую бесѣду съ красавцемъ, но ихъ кавалеръ сразу какъ-то поблѣднѣлъ, началъ шептаться съ ними, и, видя, что поѣздъ уже подходитъ къ платформѣ, рѣзко всталъ и съ вызовомъ обратился къ штатскому по-русски, при чемъ слова произносилъ хотя и правильно, но съ акцентомъ:

— Съ незнакомыми я обыкновенно не разговариваю, но вы позволили себѣ вступить въ бесѣду съ моими дамами, которымъ вы не были представлены...

Голосъ его дрожалъ отъ волненія и въ глазахъ пылали угольки.

— Совершенно вѣрно. Я тоже не бесѣдую съ незнакомыми, а обыкновенно попросту учу ихъ, если они не умѣютъ себя прилично держать.

Офицеръ вспыхнулъ и вынулъ порывистымъ движеніемъ визитную карточку.

Поѣздъ остановился.

Бѣжали носильщики. Мелькали фигуры жандармовъ, таможенныхъ, начальника станціи.

— Прошу покорно... Я къ вашимъ услугамъ.

— Не угодно ли, если такъ, и мою...—и, обращаясь къ старику, который съ окуркомъ сигары въ зубахъ поровнялся съ нимъ, штатскій процѣдилъ, но такъ, что офицеръ, бывшій у дверей, могъ разслышать:—громкая фамилія и хорошій мундиръ, а поступки...

— Милостивый государь, я не позволю!.. Вы мнѣ отвѣтите!..—взвизгнулъ офицеръ и хотѣлъ броситься назадъ, но француженки схватили его подъ руки, стараясь успокоить, хотя онъ и упирался, и вытащили изъ вагона.

На визитныхъ карточкахъ были слѣдующія имена:

1) Князь Эсперъ Эсперовичъ Караксари, N-скаго полка.

2) Ксенофонтъ Максимовичъ Гавриловъ, отставной полковникъ.

3.

Черезъ два-три дня состоялась дуэль, на которой князь былъ смертельно раненъ, а Гавриловъ принужденъ былъ поторопиться отъѣздомъ въ далекое путешествіе «съ научной цѣлью».

Караксари былъ популярнымъ, въ особенности среди дамскаго круга, и его смерть встрѣчена была взрывомъ негодованія по адресу Гаврилова и француженокъ.

Было много опечаленныхъ. Надѣли трауръ.

На француженокъ чуть не показывали пальцами, и въ обществѣ невольно стали интересоваться тѣмъ, кто онѣ такія.

Если профессія Мерседесъ, какъ танцовщицы, не внушала особенныхъ подозрѣній, то положеніе Сюзаннъ, дѣятельность которой обставлялась какой-то тайной полишинеля, развязывало языки и заставляло строить различныя легенды на ея счетъ.

Все это было невыгодно ей, и Сюзаннъ Пье, скрѣпя сердце, рѣшила временно перенести свое учрежденіе въ другой городъ.

Исчезла и Мерседесъ, чтобы не возбуждать излишнихъ толковъ. Имя «убійцы князя» запечатлѣлось въ памяти Сюзаннъ огненными буквами, какъ имя человѣка, который не только лишилъ ее близкаго и очень нужнаго друга, но и разрушилъ ея выгодное дѣло.

Она кипѣла негодованіемъ и дала себѣ слово отомстить «русскому медвѣдю».

Своей довѣренной экономкѣ, Марьѣ Петровнѣ, она оставила рядъ наставленій:

1) слѣдить за настроеніемъ въ городѣ, чтобы, при первой возможности, когда утихнутъ сплетни, вызвать ее обратно;

2) открыть меблированныя комнаты, куда пускать только желательныхъ лицъ, чтобы постоянно имѣть наготовѣ надежный уголокъ;

3) если вернется Гавриловъ, безъ вѣсти пропавшій, немедленно донести ей объ этомъ.

И вотъ роскошная квартира въ бельэтажѣ въ одинъ прекрасный день оказалась запертой.

Швейцаръ всѣмъ объявлялъ: «Барыня уѣхали за границу и неизвѣстно, когда изволятъ вернуться».

Золотой столъ пересталъ собирать звонкую жатву.

Залъ не оглашался больше звуками рояля и скрипокъ.

Въ укромныхъ гостиныхъ не раздавалось влюбленнаго шепота.

Еще наканунѣ состоялся «эстетическій вечеръ», привлекшій нарядную публику. Правда, въ пѣніи и въ декламаціи, въ разговорахъ чувствовалась элегія, и приглашенные чутьемъ угадывали, что среди нихъ должна незримо присутствовать тѣнь князя; но никто не предполагалъ, что это послѣдній вечеръ.

А черезъ мѣсяцъ уже распродавались вещи.

Теперь не сомнѣвались, что Сюзаннъ Пье не вернется назадъ.

Общество, привыкшее скоро забывать самыя дорогія имена, еще разъ на минуту вспомнило князя Караксари и сдало его въ архивъ, гдѣ хранятся милліоны другихъ позабытыхъ именъ...

4.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Гавриловъ снова появился на горизонтѣ.

Любитель сильныхъ ощущеній, онъ не только изъѣздилъ разныя экзотическія страны въ качествѣ путешественника, но и принималъ близкое участіе въ войнѣ буровъ съ англичанами.

Избытокъ силъ, бившихъ ключомъ, заставлялъ отставного полковника искать для нихъ выхода то въ томъ, то въ другомъ предпріятіи, подчасъ рискованномъ, которое, однако, давало нѣкоторое удовлетвореніе его мятущейся душѣ.

Попадаются иногда мощныя натуры, созданныя какъ бы для героическихъ подвиговъ, но современная тусклая жизнь, чуждая понятій о сказочныхъ богатыряхъ, не открываетъ имъ подходящей обстановки, и витязей мы что-то не замѣчаемъ.

Среди повседневной суеты, они теряютъ все свое эпическое обаяніе и нерѣдко вызываютъ у насъ улыбку, вмѣсто восторга.

Можетъ быть, въ эпоху былинъ Гавриловъ занялъ бы мѣсто рядомъ съ Алешей Поповичемъ или кѣмъ-нибудь инымъ, но теперь онъ просто казался «человѣкомъ со странностями», «воякой», «бреттеромъ», даже «авантюристомъ»... Особенно доставалось ему, когда вспоминали случай съ княземъ Караксари... Впрочемъ, сейчасъ же объ этомъ забывали.

Жена Гаврилова, миловидная шатенка съ нѣжными чертами грустнаго лица, хрупкая, скромная, была рада, что мужъ опять вмѣстѣ съ нею...

Подвижной нравъ не позволялъ ему, однакожъ, отдыхать, и вотъ «бурскій герой», какъ окрестили его друзья и недруги, началъ читать публичныя лекціи о видѣнномъ и пережитомъ, о Трансваалѣ и пр.

Любопытные переполняли аудиторію.

«Читаетъ *тотъ* Гавриловъ!»—этого было достаточно для матеріальнаго успѣха лекцій.

Какъ-то утромъ пріѣхалъ къ нему на квартиру невысокій блондинъ, лѣтъ тридцати—тридцати пяти, съ рыжеватой бородкой и закрученными кверху жидкими усиками. Заикаясь и, повидимому, конфузясь, онъ разсыпался въ похвалахъ.

— Не пропускалъ ни одного вашего собесѣдованія... Изумительная манера передачи! Радъ представиться вамъ...—торопливо громоздилъ онъ фразу на фразу, искательно улыбался, сверкалъ зрачками и ежеминутно шаркалъ правой ногой.

На лесть падки не одни мелкіе и слабые. Лесть побѣждаетъ крѣпкихъ и сильныхъ съ той же изобрѣтательной находчивостью.

И Гавриловъ увлекся похвалами.

Новый знакомый, Графининъ, занялъ въ его сердцѣ маленькій, но вѣрный уголокъ. Завязалась, если не настоящая дружба, то теплая привязанность.

У сильныхъ—много довѣрчивости.

Графининъ началъ заѣзжать къ нему все чаще и чаще подъ различными предлогами: то осмотрѣть коллекцію вывезенныхъ предметовъ, то получить какое-нибудь разъясненіе.

Въ концѣ концовъ онъ нерѣшительно заявилъ:

— Ксенофонтъ Максимовичъ, я довольно васъ эксплоатировалъ. Больше не въ моготу!.. Хотите или нѣтъ читать мнѣ лекціи на дому, давать уроки?.. Я собираюсь въ Трансвааль и въ Абиссинію поѣду (поэзія моей жизни!)... Множество плановъ!! Ожидается сближеніе Россіи съ Менеликомъ... Сколько перспективъ! Вы понимаете меня? Я—человѣкъ особаго уклада... Желаю выдвинуться... Понимаете меня? Вы—единственный, кто дастъ мнѣ нужную подготовку...

Графининъ точно гипнотизировалъ его узкими, зелеными глазами, какъ-то тревожно бѣгающими по сторонамъ.

Гавриловъ отнѣкивался, потомъ согласился.

Предложенная сумма вознагражденія вполнѣ устраивала его. Онъ любилъ деньги.

Два раза въ недѣлю онъ неизмѣнно посѣщалъ своего слушателя, вводя его въ курсъ этнографіи, исторіи, географіи, даже политики тѣхъ странъ, которыя такъ привлекали Графинина.

Отъ полковника страшно, при этомъ, доставалось сентъ-джемскому кабинету, и уроки воспринимались съ явнымъ удовольствіемъ.

— Хорошо вы говорите, Ксенофонтъ Максимовичъ! Если бы мнѣ да вашъ языкъ...—подшучивалъ Графининъ и какъ-то криво усмѣхался.

Иногда въ его комнату заходила хозяйка квартиры, уже не особенно молодая, но еще не лишенная возможности нравиться.

Въ углахъ ея рта лежало что-то чувственное, и это отталкивало отъ нея Гаврилова... И въ глазахъ ея не было доброты, хотя она и старалась быть доброй.

5.

Лекціи читались мѣсяца полтора.

— Я къ вамъ съ просьбой,—вскричалъ какъ-то Графининъ, обращаясь къ Гаврилову:—завтра у моей хозяюшки, Марьи Петровны, праздничная вечеринка. Именинница и васъ будетъ просить къ себѣ... Не упирайтесь!.. Я знаю васъ...

Когда онъ что-нибудь говорилъ и въ глазахъ его вспыхивалъ зеленоватый огонекъ,—всегда казалось отставному полковнику, что тамъ гдѣ-то глубоко, внутри, у этого невзрачнаго человѣка идетъ какая-то постоянная творческая работа и что слова только мѣшаютъ ее разгадать. Эта будто вдавленная въ плечи голова точно находилась во власти гнетущихъ думъ.

— Нѣтъ, спасибо, не буду... Я не пью, не играю въ карты, за женщинами не ухаживаю... Я—скучный въ веселомъ обществѣ,—подбиралъ доводы Гавриловъ, хотя ему было и неловко отказывать въ просьбѣ.

Вошла Марья Петровна, на этотъ разъ немного изможденная, можетъ—отъ безсонной ночи, можетъ—отъ нездоровья, и зажурчала, складывая губы бантикомъ, словно приготовляясь къ поцѣлую:

— И не прощу вамъ этого!.. Въ кои-то вѣки собралась... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

— Да вы развѣ подслушивали?—съ неудовольствіемъ спросилъ Графининъ, дѣлая непріятную гримасу.

— Такъ и стану подслушивать, еще бы! Кричите на весь коридоръ, а я проходила...

Въ ея сердитомъ возгласѣ уже не было прежняго журчанья. Чтобы прекратить непріятную сцену, Гавриловъ, неожиданно для самого себя, принялъ приглашеніе.

— Такъ и быть, на часокъ... Не хочу васъ обидѣть,—протянулъ онъ, съ видимымъ усиліемъ, стараясь притвориться любезнымъ, и сейчасъ же подумалъ: «И зачѣмъ я ломаюсь!.. дурака свалялъ... что общаго между мной и этой старой куклой?».

— Вотъ славно!.. Благодарствую... Дайте ручку пожать... Безъ васъ былъ бы и вечеръ не вечеръ.

А Графининъ сверкалъ зрачками и потиралъ ладони.

— Впередъ, Марья Петровна, возьмите себѣ за правило: стучать, когда входите,—бросилъ онъ ей вслѣдъ и усмѣхнулся.

— Ладно ужъ!.. Такой стукъ подыму, что останетесь рады... хоть святыхъ выносить...

«Какъ будто ссорятся и какъ будто забавляются», размышлялъ Гавриловъ, когда они перекидывались колкими фразами. Съ каждымъ днемъ онъ подмѣчалъ разныя странности въ ихъ домѣ, въ которыхъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, и то хорошее чувство, что сначала вызвалъ въ немъ Графининъ, мало-по-малу замѣнялось смутнымъ сомнѣніемъ, недовѣріемъ... Лекціи стали его тяготить, представлялись ему совершенно ненужными, и онъ уже мечталъ о прекращеніи ихъ.

«Даромъ деньги беру».

Когда, вернувшись, разсказалъ женѣ о приглашеніи, она пожала плечами.

— Охота!.. какой-нибудь игорный притонъ... Еще попадешься!..

Ему захотѣлось подразнить ее.

— Ну, что жъ, опущусь на колѣни передъ твоей кроватью и со слезой жалобно начну ныть: «прости, женушка, твой муженекъ *продувекался*»... — но не выдержалъ и тутъ же засмѣялся.

— Шутка—шуткой, а мнѣ почему-то непріятно, что ты туда идешь.

— На предчувствіяхъ, Настя, нельзя строить жизнь... Гавриловъ не утонетъ и въ огнѣ не сгоритъ... «Рожденный женщиной меня не покоритъ», съ улыбкой перефразировалъ слова Шекспира.

— Это тоже предчувствіе?

— Нѣтъ, это—увѣренность сильнаго,—гордо вскричалъ Гавриловъ и вдругъ задумался.

6.

Въ квартирѣ Марьи Петровны было сильно натоплено и накурено. Маленькія комнаты, убранныя «случайной» мебелью и различными безвкусными бездѣлушками, казались еще меньше, когда (довольно поздно) появилась рослая, широкоплечая фигурка Гаврилова.

Гости, какъ сонныя мухи, бродившіе изъ угла въ уголъ или сидѣвшіе за картами, тоже имѣли отпечатокъ какой-то бутафорской случайности. Исключеніе составляли оживленно бесѣдовавшіе о чемъ-то Графининъ и Тупиковъ,—худой старикъ съ длинной сѣдою бородой, кокетливо подвитой. Изъ-подъ его нависшихъ черныхъ бровей свѣтились смѣющіеся, хитрые глазки, ежеминутно скользившіе по лицу отставного полковника, когда тотъ этого не замѣчалъ.

Именинница юлила, стараясь угодить каждому изъ «почетныхъ» гостей. На остальныхъ не обращала вниманія, точно они служили живой декораціей «безъ рѣчей».

Гавриловъ не зналъ, какъ себя держать, и, немного поболтавъ, порывался уйти, но его не пускали. Особенно лѣзли изъ кожи Графининъ и Тупиковъ, чтобы всячески занять его, и ледъ, наконецъ, сломался.

Ксенофонтъ Максимовичъ безпрекословно усѣлся за карты.

«Э, да все равно!—подумалъ онъ:—держу себя недотрогой... Надо же и ихъ пожалѣть... Надоѣлъ имъ порядкомъ... Какіе любезные, а я—настоящій индѣйскій пѣтухъ...»

— Какъ стоитъ барометръ?—таинственно спросила Марья Петровна, когда Тупиковъ подошелъ къ ней и не было постороннихъ свидѣтелей.

Лицо его вдругъ приняло непріятный видъ, точно онъ проглотилъ что-то невкусное, но глазки неизмѣнно посмѣивались.

— Все хорошо, что хорошо кончается, —еле слышно процѣдилъ онъ, держа въ зубахъ папиросу и усиленно дымя:—Сусаннѣ Карловнѣ заготовилъ телеграмму...

— Я боялась, что не придетъ... Помните одно: мы обѣщали и намъ обѣщали...

— Дѣйствуйте по хозяйству... Такъ-то лучше!—перебилъ онъ ее и повернулся къ окну.

Марья Петровна проплыла въ сосѣднюю комнату, и черезъ нѣсколько минутъ донесся стукъ тарелокъ.

Графининъ игралъ сосредоточенно и дѣлалъ недовольное лицо, когда подходилъ Тупиковъ.

— Вы — положительно «porte-malheur», — съ досадой шепталъ онъ.

Подали вино и разлили по стаканамъ. Одинъ Гавриловъ не пилъ, даже губами не притронулся.

Ему необыкновенно везло, и щеки его разгорались румянцемъ. Старикъ съ длинной бородой похаживалъ около играющихъ и загадочно улыбался.

— Новичковъ Богъ любитъ,—приговаривалъ онъ.

— Вы еще поиграйте. Тѣ отужинаютъ, а потомъ и мы сядемъ, а иначе тѣсно, повернуться негдѣ... — оправдывалась хозяйка, ежеминутно перебѣгавшая изъ комнаты въ комнату, и томно поглядывала на полковника.

Игра шла съ повышеннымъ азартомъ.

Графининъ проигрывалъ и волновался.

Уже было довольно поздно, когда положили карты и перекочевали въ столовую.

— Не подозрѣвалъ, что я увлекусь зеленымъ полемъ... Ахъ, какъ я засидѣлся! Что-то небывалое... Жена безпокоится... Да я и не ужинаю, — сказалъ Гавриловъ, пытаясь ускользнуть въ переднюю:—видите, уже многіе уѣхали, пока мы картежничали!

— Совсѣмъ нѣтъ!—немного смутившись, преувеличенно горячо запротестовала Марья Петровна, становясь въ дверяхъ и не пропуская его:—кто, правда, ушелъ, а кто—въ сосѣдней квартирѣ, банчокъ открыли... тоже, вѣдь, моя! Не слыхали развѣ? Первая очередь откушала, теперь чередъ для второй, болѣе почетной, а вы—наипочетнѣйшій. Выпейте же хоть рюмку за мое здоровье.

— О, я—непьющій!... Горбатаго могила исправитъ.

Тупиковъ замахалъ руками.

— Полковникъ, дама проситъ, а вы... не вѣрю, не вѣрю! Незачѣмъ водки, вина выпейте... а то вотъ этого... моего... какъ, бишь, его?.. Марья Петровна, забыли? а? Еще просили... я старался, стариной тряхнулъ. Признаться, давно оставилъ всѣ хозяйственныя заготовки... Гдѣ мнѣ, старику! Ну, ради именинъ почтенной Марьи Петровны...

— Господи, въ самомъ дѣлѣ!.. Эка память!..

Всплеснула руками и убѣжала.

Графининъ и Тупиковъ пересмѣивались не то лукаво, не то сконфуженно.

— Пальчики оближете!

— Превкусно!

Въ одинъ голосъ протянули оба.

— Да что это такое?—заинтересовался Гавриловъ.

— Умственная штука! — подтвердилъ старикъ, поглаживая бороду:—мы называемъ «лампопò...» У Даля, конечно, нѣтъ подобнаго словца. На корку, видите ли, солдатскаго хлѣба съ мукой наливается пиво, и все это ставится въ духовку часа на два... Попробуйте! Я отъ одного офицера научился. Гурманъ былъ!

Говоритъ, а у самого плотоядное выраженье и губы причмокиваютъ.

Тутъ и Марья Петровна пришла съ глинянымъ сосудомъ.

Въ комнатѣ запахло пивомъ и еще чѣмъ-то, чего не могъ разобрать Гавриловъ.

«Какіе домовитые!»—подумалъ онъ.

— Покушайте балычка, ветчинки... А это на закусочку... за мое здоровьице,—пѣла Марья Петровна, какъ-то избѣгая его взгляда.

Ксенофонтъ Максимовичъ сознавалъ, что находится точно подъ какимъ-то назойливымъ гипнозомъ.

Невѣдомый кругъ словно замкнулъ его и все суживался и суживался.

Всѣ были до крайности предупредительны, всѣ улыбались и съ заискивающимъ видомъ угощали его и смотрѣли на него масляными глазами.

Именинница налила въ стаканъ таинственное «лампопо» и поднесла полковнику.

— За мое здоровье, господинъ герой (при этомъ она бросила вызывающій взоръ, но сейчасъ же отвела глаза), а то я могу подумать, что вы не такой храбрецъ, какъ о васъ ходятъ слухи... На дуэляхъ сражались, на войнѣ бились, а здѣсь... —и, не договоривъ, она сдѣлала презрительную гримасу и опустила стаканъ.

Руки Графинина и Тупикова потянулись къ недопитому вину. Гавриловъ нервно повелъ бровями. Малѣйшій намекъ на то, что онъ трусливъ, раздражалъ его. Уравновѣшенный и невозмутимый, онъ мгновенно терялъ обычное самообладаніе.

Впрочемъ, на этотъ разъ Гавриловъ сдержался, и только бѣглая усмѣшка искривила линію рта.

— Хорошо, я сдѣлаю исключеніе, разъ вы почему-то требуете... А вы что же, господа, этого самаго «ламnопо?» Эге, да и вы не пьете!

— Мы—подъ конецъ, у насъ еще рюмочныя недоимки,—отшучивался Тупиковъ и покраснѣлъ:—это вѣдь моя стряпня... Ее не слѣдуетъ мѣшать съ другими напитками.

— За ваше здоровье, Марья Петровна.

Гавриловъ мигомъ осушилъ стаканъ, но не успѣлъ чокнуться: что-то густое, туманное залило ему зрачки. Казалось, будто потухло электричество и какая-то свинцовая тяжесть опустилась на голову и придавила все тѣло.

Онъ потерялъ сознаніе...

7.

Тревога Настасьи Николаевны, жены Гаврилова, росла съ каждымъ часомъ.

Три часа... половина... четыре... половина... пять...

Она не ложилась спать, ходила по освѣщеннымъ комнатамъ и строила самыя ужасныя предположенія относительно мужа: и хулиганы-то его убили, и ограбили-то его, и разрывъ-то сердца съ нимъ приключился, и многое другое. Лишь въ началѣ шестого, когда на дворѣ еще было совсѣмъ темно, Гаврилова, сидя въ прихожей съ измученнымъ, осунувшимся лицомъ уловила чуткимъ слухомъ отдаленные, а затѣмъ болѣе близкіе шаги по лѣстницѣ, негромкіе голоса.

Не ожидая звонка, она уже сама отворила дверь, выскочила на площадку и ахнула: Графининъ и швейцаръ осторожно несли полковника.

Настасья Николаевна взялась за голову, и сдавленный крикъ замеръ у нея на губахъ.

Медленно двинулись въ комнаты точно съ покойникомъ. Укладывая Ксенофонта Максимовича на кушетку въ гостиной, Графининъ говорилъ вкрадчиво и сладко:

— Ради Создателя, не безпокойтесь и его не безпокойте. Не привыкъ пить, а его уговорили, не понимаю—зачѣмъ... Это бы-

ваетъ съ нашимъ братомъ! Сномъ все пройдетъ... Повѣрьте опытности, голубушка! Ему дано успокоительное... Больше ничего не требуется. Пускай онъ спитъ! Я загляну провѣдать. До вечера...

Настасья Николаевна не удерживала. Его странная фамильярность, эта «голубушка»—совсѣмъ ей не нравились.

Слезы катились у нея по щекамъ. Она не желала даже смотрѣть на мужа, «такъ грубо оскорбившаго вдругъ лучшія чувства». «Пьяницъ» ненавидѣла и не оправдывала.

Потушила лампу, присѣла въ углу комнаты, задумалась, вздохнула и, противъ собственнаго желанія, задремала въ креслѣ.

Проснулась, когда было свѣтло, и вотъ сразу вспомнила, какъ принесли Ксенофонта Максимовича.

Обида поднялась въ душѣ...

Подскочила Гаврилова къ кушеткѣ, заглянула мужу въ лицо, стала расталкивать, звать по имени.

Отставной полковникъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

Тогда негодованье, гнѣвъ, досада смѣнились бурнымъ отчаяньемъ и, пока не прибѣжала заспанная прислуга, она, какъ потерянная, металась и кричала:

— Умеръ, умеръ... Господи!... помогите же!... доктора!... Опоили, проклятые... умеръ....

Дальнѣйшія звенья нисколько не разъяснили Настасьѣ Николаевнѣ, скорѣй запутали эту темную страницу изъ жизни ея мужа.

Явившійся врачъ заподозрѣлъ отравленіе.

Изъ кармана сюртука больного вынули толстый бумажникъ съ деньгами, часы... Все было въ сохранности. Слѣдовательно, корысть исключалась изъ поводовъ къ преступленью.

Была еще найдена тутъ же съ бумажникомъ визитная карточка покойнаго князя Караксари съ траурной каймой.

Гаврилова отвезли въ больницу, гдѣ подтвердили фактъ отравленія какимъ-то ядомъ и переломъ двухъ реберъ. Положеніе признали серьезнымъ, но не безнадежнымъ.

Пока Ксенофонтъ Максимовичъ находился на излеченіи, ничего не помня изъ того, что произошло съ нимъ послѣ выпитаго стакана странной настойки, Настасья Николаевна съ знакомымъ адвокатомъ отправилась къ Графинину, который ни разу больше не заѣзжалъ.

Добытыя свѣдѣнія оказались мало утѣшительными: Марья Петровна куда-то совсѣмъ уѣхала, распродавъ обстановку на другой же день послѣ именинъ, а Графининъ никогда и не жилъ у нея, по сообщенію домовой конторы; даже фамиліи такой никто не слышалъ.

О Тупиковѣ тоже не имѣли понятія.

Гавриловъ, поправившись, наотрѣзъ отказался начинать уголовное дѣло.

— Месть за князя?.. Но кто мститъ? — только разъ вырвалось у него восклицаніе, когда жена вспомнила о таинственной визитной карточкѣ.

Вскорѣ началась русско-японская война, и неутомимый Гавриловъ поступилъ въ дѣйствующую армію, но въ первомъ же сраженіи какая-то шальная пуля положила его на мѣстѣ.

Осторожная Сюзаннъ Пье такъ и не возобновляла своихъ «эстетическихъ вечеровъ» въ городѣ * * *.

Повидимому, другое мѣсто, гдѣ она обосновалась, не было для нея убыточнымъ.

У нея опять видѣли въ качествѣ экономки Марью Петровну, но она уже имѣла гораздо болѣе независимую осанку.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

ОДИНЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МОГИКАНЪ.

ДНИМЪ изъ крупныхъ по таланту и рѣзко выдающихся литературныхъ дѣятелей современнаго мнѣ литературнаго кружка былъ Петръ Ивановичъ Кичеевъ, многосторонняя дѣятельность котораго выдвинула бы его несомнѣнно, ежели не на первый, то на очень видный планъ въ средѣ его литературныхъ современниковъ, ежели бы не его до крайности тревожная натура, внесшая столько драматическихъ и даже трагическихъ моментовъ въ его кипучую, полную волненій жизнь.

Кичеевъ былъ прекрасный поэтъ и владѣлъ стихомъ, какъ мало кто имъ владѣетъ... Театръ онъ зналъ въ совершенствѣ, и ежели никогда самъ не написалъ ничего выдающагося для сцены, то былъ исключительно умѣлымъ и всегда почти безпристрастнымъ цѣнителемъ какъ драматическихъ произведеній, такъ и ихъ исполнителей на всѣхъ сценахъ.

Къ критическимъ статьямъ его артисты относились съ большимъ вниманіемъ и его безцеремонной и ѣдкой сатиры боялись, какъ огня.

Кромѣ того, вслѣдствіе своего подробнаго знакомства со сценой, онъ былъ такимъ преподавателемъ сценическаго искусства, о ка-

кихъ наши быстро расплодившіеся драматическіе классы и школы и понятія не имѣютъ!

Ко всему этому онъ былъ человѣкъ рѣдкой души и отзывчивости, и попавшій въ бѣду товарищъ ни у кого не могъ встрѣтить ни того братскаго участія, ни той братской помощи, которую онъ встрѣчалъ у Петра Кичеева, а между тѣмъ никто не пережилъ такихъ громкихъ и вѣскихъ скандаловъ, какіе пережилъ онъ, испытавшій на своемъ вѣку всѣ невзгоды, начиная отъ мелкихъ столкновеній съ администраціей, вплоть до лишенія правъ и ссылки въ каторжныя работы включительно.

Началомъ всѣхъ его бѣдствій и злоключеній была его горячая любовь къ красавицѣ-сестрѣ, увлеченной какимъ-то студентомъ, бросившимъ ее въ ту минуту, когда она готовилась быть матерью. Узнавъ о положеніи сестры, Кичеевъ не сталъ ее упрекать, отъ души посовѣтовалъ ей не бросать ни въ чемъ неповиннаго ребенка, и когда она назвала ему имя соблазнителя, то Кичеевъ вскользь вспомнилъ, что онъ его какъ-то разъ или два видѣлъ и встрѣчалъ съ сестрою. На вопросъ, гдѣ въ настоящую минуту отецъ несчастнаго ребенка, сестра отвѣтила, что онъ уѣхалъ и неизвѣстно, когда вернется, и собранныя Кичеевымъ на сторонѣ справки подтвердили это сообщеніе. Нечего было дѣлать, приходилось покориться горькой участи, и когда у молодой красавицы Екатерины Ивановны родилась дочь, то мать самоотверженно стала сама кормить ее, не имѣя средствъ для найма кормилицы. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды Кичеевъ издали увидѣлъ на Тверскомъ бульварѣ гнуснаго соблазнителя сестры. Въ привычкахъ Кичеева было всегда носить съ собой въ карманѣ револьверъ. При видѣ ненавистнаго ему студента онъ вскочилъ, не задумываясь, быстро догналъ врага и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Выстрѣлъ былъ мѣткій, пуля попала въ цѣль, студентъ былъ убитъ наповалъ. На выстрѣлъ сбѣжалась публика, подбѣжали дежурные чины полиціи, словно изъ-подъ земли выросли два доктора, но имъ уже нечего было дѣлать, и сбѣжавшійся народъ живымъ кольцомъ оцѣпилъ и убійцу и жертву убійства.

Схваченный за руки, Кичеевъ и не пробовалъ защищаться. Онъ убѣжденно сказалъ, что совершилъ актъ высшей справедливости, и, самъ отдаваясь въ руки полиціи, ни на минуту не отрекаясь отъ совершеннаго преступленія, выразилъ желаніе только прямо въ лицо взглянуть сраженному врагу. Едва сдерживаемый полиціантами, онъ ринулся впередъ и быстро нагнулся надъ лежавшимъ еще на аллеѣ трупомъ убитаго студента, но тутъ изъ его груди вырвался нечеловѣческій крикъ, и онъ, до той минуту сохранявшій полное спокойствіе, внезапно истерически зарыдалъ.

— Ошибся!... ошибся!... Не онъ!... Я не того убилъ!.. — въ глубокомъ, невыразимомъ отчаяніи повторялъ несчастный Кичеевъ,

дѣйствительно въ порывѣ слѣпого гнѣва выстрѣлившій въ совершенно ему незнакомаго человѣка, обманутый наружнымъ сходствомъ.

Тутъ же на мѣстѣ арестованный, Кичеевъ былъ препровожденъ въ одиночную камеру Тверского частнаго дома, и здѣсь подавленное состояніе его было такъ сильно, что по приговору мѣстнаго врача ему угрожало безповоротное безуміе.

Его успокаивали, какъ могли, но изъ-подъ ареста его было невозможно освободить, и докторъ могъ только настоять на томъ, чтобы допросъ его былъ отложенъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и чтобы до тѣхъ поръ къ нему положительно никого не допускали. Допущены были только посѣщенія сестры, но и то не иначе, какъ съ разрѣшенія каждый разъ частнаго врача и въ присутствіи прокурора или его помощника.

Всѣ эти подробности я позднѣе слышала отъ самого Кичеева, который между прочимъ передавалъ мнѣ слѣдующій курьезный случай.

Однажды въ его камеру явился дежурный старшій городовой (то же, что въ настоящую минуту околоточный надзиратель) и передалъ ему, что его въ пріемной спрашиваетъ какой-то господинъ, заручившійся пропускнымъ билетомъ отъ прокурора для свиданія съ нимъ. Кичееву этотъ визитъ нимало не улыбался, онъ никого къ себѣ не вызывалъ, никого положительно не ждалъ, и отвѣтилъ, что онъ не желаетъ никого видѣть и отъ всякаго свиданія наотрѣзъ отказывается. Тогда явился уже дежурный офицеръ, который и уговорилъ Кичеева принять пріѣхавшаго къ нему посѣтителя, убѣждая его, что отказать неловко и что отказъ этотъ можетъ пасть на нихъ и надѣлать имъ непріятностей.

— Газеты тутъ, батюшка, запутаны!..—прибавилъ онъ:—а намъ, какъ вы сами знаете, съ газетами ссориться не расчетъ.

Нечего было дѣлать, пришлось покориться необходимости и выйти къ досадному посѣтителю, который оказывался именно тѣмъ непрошеннымъ гостемъ, что хуже татарина считается. Пройдя вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ черезъ дворъ, на которомъ возвышалось зданіе полицейской тюрьмы, Кичеевъ вошелъ въ канцелярію частнаго дома, гдѣ ему навстрѣчу всталъ совершенно ему незнакомый человѣкъ, фамильярно протянувшій ему руку. Видъ непрошеннаго посѣтителя, очевидно, пришедшаго только изъ любопытства, взбѣсилъ Кичеева, и онъ, не подавая ему руки, рѣзко, почти грубо спросилъ его:

— Кто вы и что вамъ угодно?..

— Я глубоко интересуюсь вами, Петръ Ивановичъ! — развязно отвѣтилъ незнакомецъ.—Я принимаю въ васъ искреннее участіе и пріѣхалъ, чтобы своимъ присутствіемъ доказать это вамъ!

— Это все, что вамъ нужно?..—тѣмъ же непривѣтливымъ тономъ продолжалъ свой допросъ, Кичеевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я хотѣлъ дать вамъ доказательства моего участія, и вотъ привезъ вамъ... небольшое стихотвореніе, которое я завтра же напечатаю вмѣстѣ съ тѣми біографическими свѣдѣніями, въ которыхъ вы мнѣ, надѣюсь, не откажете?..

И прежде, нежели озадаченный Кичеевъ успѣлъ опомниться, незнакомецъ сталъ въ позу и трагическимъ тономъ, съ легкимъ завываніемъ началъ:

«Нашла виноватаго пуля,
«Погибъ въ половинѣ іюля...»

Дальше, по его собственному сознанію, Кичеевъ уже ничего не слыхалъ. Онъ успѣлъ только громко воскликнуть: «дуракъ», и впалъ въ такой истерическій припадокъ, что пришлось немедленно вызвать доктора и почти на рукахъ отнести его обратно въ одиночную камеру.

Впослѣдствіи Кичееву приходилось не разъ встрѣчаться съ этимъ господиномъ въ московскихъ редакціяхъ, и никогда ни при какихъ встрѣчахъ оригинальный посѣтитель не получалъ отъ него иного привѣтствія, какъ: «Здравствуй, дуракъ!» Онъ увѣрялъ, что этотъ непризнанный стихотворецъ былъ глупъ «до святости», и въ минуты особо тяжкихъ испытаній,—а такихъ минутъ въ многострадальной жизни Кичеева встрѣчалось не мало,—онъ пресерьезно обращался къ своему «дураку» съ просьбой помолиться за него.

— Ты блаженный!—говорилъ онъ:—ты святой!.. Ты только по оплошности и недосмотру не взятъ живымъ на небо!.. Ты что ни скажешь, тебя, дурака, на небѣ послушаютъ, потому что ты нищій духомъ, а это, братъ, степень высокая!

Вообще оригинальнѣе и самобытнѣе Петра Кичеева трудно было себѣ что-нибудь представить, и судьба, выпавшая ему на долю, была такъ же оригинальна, какъ и онъ самъ.

Сосланный за убійство на каторгу, Кичеевъ бѣжалъ, затѣмъ былъ амнистированъ, послѣ этого вновь попалъ подъ судъ по какому-то политическому дѣлу и долгое время содержался въ московскомъ тюремномъ замкѣ, въ такъ называемой Пугачевской башнѣ, гдѣ, по преданію, нѣкоторое время содержался Пугачевъ. Одно это указаніе уже достаточно поясняетъ ту степень строгаго ареста, который выпалъ долю на Кичеева, и онъ, даже объ этомъ говорившій въ шутливомъ тонѣ, передавалъ страшныя подробности о своемъ сидѣніи въ Пугачевской башнѣ. По его словамъ, тѣсная, какъ гробъ, камера и вышиной немногимъ отличалась отъ гроба, и въ ней во весь ростъ встать было невозможно. Воздухъ въ ней былъ такой спертый, что имъ трудно было дышать, а крысы, разгу-

ливавшія по ней, были такъ смѣлы, что бороться съ ними было совершенно невозможно, и Кичееву приходилось, довольствуясь только корками приносимаго ему хлѣба, весь мякишъ оставлять крысѣ, которая приходила къ нему за этой ежедневной данью съ аккуратностью самаго безпощаднаго кредитора. На полу стоять было и холодно и страшно потому, что крысы приходили по нѣсколько разомъ, и несчастный, завидѣвъ ихъ, вскакивалъ на своихъ нарахъ и стоялъ тамъ, согнувшись почти вдвое, такъ какъ выпрямиться во весь ростъ на нарахъ было нельзя.

Какъ ни закалила его жизнь, но объ этой эпохѣ онъ вспоминалъ съ ужасомъ и прямо говорилъ, что ежели бы что-либо въ этомъ родѣ повторилось, то онъ непремѣнно бы лишилъ себя жизни.

Изъ этого заключенія онъ опять усланъ былъ куда-то далеко и, возвратясь въ Москву, опять отданъ былъ за что-то подъ судъ. Здѣсь въ его положеніе вошелъ членъ окружнаго суда Сумбулъ, человѣкъ необыкновенно добрый и гуманный и къ тому же или съ дѣтства знавшій Кичеева, или даже бывшій съ нимъ въ какомъ-то отдаленномъ родствѣ.

Желая дать ему возможность хоть немножко отдохнуть въ антрактахъ между всѣми судами, на которыхъ ему предстояло фигурировать, онъ взялъ его на поруки, внеся за него залогъ въ 10,000 рублей. Кичеевъ далъ ему слово никуда не отлучаться безъ разрѣшенія суда, а самъ тѣмъ временемъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ на ярмарку и оттуда вскорѣ получено было извѣстіе объ его самоубійствѣ. Въ пригородной мѣстности, на крутомъ берегу рѣки, найдено было платье несчастнаго, и въ карманѣ его записка съ просьбой никого въ его смерти не винить, такъ какъ жить онъ болѣе не въ силахъ. О самоубійствѣ его было сообщено въ московскій окружный судъ, гдѣ находилось въ производствѣ дѣло о немъ, а добрякъ Сумбулъ былъ поставленъ въ горькую необходимость поплатиться внесеннымъ имъ залогомъ.

Сумбулу въ уваженіе того положенія, какое онъ занималъ въ судѣ, обѣщано было, что часть его залога будетъ возвращена, и всѣ мало-по-малу начали забывать о талантливомъ и неугомонномъ неудачникѣ, когда изъ Сербіи, которая въ это время вся кишѣла русскими добровольцами, получена была корреспонденція, сообщавшая о томъ, что въ крагуевацкомъ госпиталѣ лежитъ опасно раненый русскій поэтъ Кичеевъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ зачислившійся въ ряды сербской арміи и выказавшій чудеса храбрости. Онъ былъ опасно раненъ въ одной изъ смѣлыхъ вылазокъ, въ которыхъ принималъ участіе охотникомъ.

Въ ту минуту, когда получена была эта корреспонденція, больной герой уже поправлялся и надѣялся скоро выписаться изъ больницы. Въ армію онъ зачислился подъ какимъ-то вымышленнымъ именемъ, но его тотчасъ узнали по прекраснымъ стихамъ, ка-

кіе онъ посвящалъ Черняеву и его сподвижникамъ, и, узнанный, онъ уже перестал скрываться.

Корреспонденція эта, полученная и прочитанная въ Москвѣ, надѣлала много переполоха, въ Сербію послано было распоряженіе объ арестѣ Кичеева, и онъ, на время болѣзни изолированный отъ остальныхъ больныхъ и окруженный особо приставленнымъ къ нему карауломъ,—тотчасъ по выпискѣ изъ больницы препровожденъ былъ въ Москву и здѣсь снова подвергнутъ аресту.

Чѣмъ окончился судъ надъ нимъ, я хорошенько не знаю, я познакомилась съ нимъ уже послѣ всѣхъ этихъ горькихъ перипетій, но самъ онъ разсказывалъ о подробностяхъ суда съ тѣмъ юморомъ, который былъ ему одному присущъ. Между прочимъ онъ совершенно серьезно увѣрялъ, что вызванные на судъ эксперты-психіатры единодушно признали его ненормальнымъ и одержимымъ именно той формой сумасшествія, какой до него страдали Магометъ, Наполеонъ, Неронъ и, кажется, еще Христофоръ Колумбъ.

Откуда у него въ мозгу сложился такой сумбуръ именъ и представленій, одинъ Богъ вѣдаетъ, но разсказывалъ онъ весь этотъ вздоръ съ такимъ серьезнымъ видомъ, что трудно было разобрать, шутитъ онъ, или на самомъ дѣлѣ вѣритъ въ то, что говоритъ.

Рѣзокъ онъ былъ до крайности, и я знала людей, почти ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не пассовавшихъ, которые готовы были отступиться отъ крупныхъ интересовъ, лишь бы не вступать въ пререканія въ Петромъ Ивановичемъ.

Нуждался онъ всегда страшно, но знамя своей рѣзкой правды держалъ высоко и всегда смѣло отстаивалъ всѣ разъ высказанныя имъ мнѣнія, какъ бы они не были странны и необычайны.

Въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности онъ былъ редакторомъ созданной въ Москвѣ докторомъ Раммомъ газеты «Новости сезона», и хотя это редакторство давало ему возможность существовать въ такую минуту, когда никакихъ другихъ рессурсовъ у него не было, это все-таки не мѣшало ему самымъ безцеремоннымъ образомъ относиться къ Рамму, котораго онъ пресерьезно увѣрялъ, что у него «мозги бараньи».

— Хорошій вы человѣкъ, Владимиръ Ивановичъ, и душа у васъ хоть и жидовская, а есть, ну, а мозги у васъ бараньи!..—сокрушеннымъ тономъ говорилъ онъ, не стѣсняясь многочисленной аудиторіей, при которой ему приходилось исповѣдывать эти нелестныя истины.

Ежели Раммъ пробовалъ протестовать противъ такого прямолинейнаго убѣжденія, Кичеевъ убѣдительно качалъ головой и настойчиво повторялъ:

— Нѣтъ, нѣтъ и не говорите!.. Бараньи, положительно бараньи!..

Послѣдствія показали, что онъ жестоко ошибался... Издатель всяческихъ изданій Раммъ еще о сю пору продолжаетъ часто на-

поминать о себѣ публикѣ, терпящей немало отъ его изобрѣтательности.[1]

Умеръ Кичеевъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ полнѣйшемъ забвенiи и, конечно, въ самой непроглядной бѣдности, и проводить его въ могилу не нашлось охотниковъ, несмотря на то, что при жизни онъ всегда братски шелъ на выручку всякаго, кто обращался къ нему съ какой бы то ни было просьбой.

Какъ литераторъ и въ особенности какъ поэтъ, Кичеевъ былъ человѣкъ способный, но его участiе въ перiодической прессѣ ограничивалось всецѣло театральной критикой, которую онъ, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, низводилъ до такого мизернаго заработка, что не только себя обезцѣнивалъ, но и другимъ работать мѣшалъ. Какъ велико было его семейство, я въ точности сказать не умѣю, я лично помню только его дочь, маленькую и очень способную бѣлокуренькую дѣвочку, которую онъ почему-то называлъ Сарра Бернаръ и которую любилъ до обожанiя.

По поводу этой маленькой Сарры Бернаръ мнѣ припоминается одна изъ невозможныхъ выходокъ Петра Ивановича, едва очень дорого не поплатившагося за свою дерзкую находчивость. При помѣщенiи Сарры Бернаръ въ одну изъ московскихъ гимназiй потребовалось свидѣтельство о званiи родителей, и какому-то остроумному учрежденiю пришло въ коллективную голову выдать дѣвочкѣ удостовѣренiе въ томъ, что она «дочь ссыльно-каторжнаго». Такая непомѣрная глупость, само собой разумѣется, взбѣсила Кичеева, который и отправился по начальству, съ цѣлью по возможности исправить такую нелестную аттестацiю. Въ числѣ лицъ, къ которымъ ему пришлось обратиться, былъ одинъ изъ многочисленныхъ на Руси князей Голицыныхъ, имѣвшiй прямое касательство къ тому учрежденiю, изъ котораго выдано было остроумное свидѣтельство. Онъ думалъ, что князь, какъ человѣкъ развитой, пойметъ всю несообразность такой офицiальной бумаги и распорядится ея измѣненiемъ, тѣмъ болѣе, что «ссыльно-каторжнымъ» Кичеевъ уже давнымъ-давно не былъ, даже получилъ разрѣшенiе на повсемѣстное жительство во всей Россiйской имперiи.

Но его надеждѣ на просвѣщенную гуманность князя не суждено было оправдаться. Князь принялъ его свысока и съ видимымъ недоумѣнiемъ спросилъ:

— Что же вамъ угодно? И въ чемъ заключается ваша претензiя?

Кичеевъ взбѣсился и, сверкнувъ глазами, отвѣтилъ:

— Мнѣ угодно, чтобы дочери моей, по крайней мѣрѣ, не ставилось въ вину несчастiе ея отца.

— Но... ежели то, что написано... дѣйствительная правда?

— Во-первыхъ, это не такъ, потому что ежели бы я былъ ссыльно-каторжный, то въ данную минуту я находился бы въ сибирскихъ

рудникахъ, а не въ кабинетѣ вашего сіятельства, но, предположивъ даже, что я каторжникъ, не вижу, почему мое прошлое должно быть полностью «прописано» въ свидѣтельствѣ моей дочери? Такое наслѣдственное ошельмованіе, сколько мнѣ извѣстно, не практикуется. Вѣдь исторически извѣстно, напримѣръ, что одинъ изъ князей Голицыныхъ былъ придворнымъ шутомъ, а между тѣмъ я никогда не видалъ, чтобы его потомки на визитныхъ карточкахъ своихъ проставляли: «Князь Голицынъ, прямой потомокъ придворнаго шута».

Легко себѣ представить то впечатлѣніе, какое было произведено на князя этой необычайной выходкой, и всѣ принимавшіе участіе въ судьбѣ Кичеева сильно испугались за него, но онъ всѣхъ ободрялъ, увѣряя, что князь Голицынъ не будетъ такъ глупъ, чтобы придать извѣстность своему разговору съ нимъ и, навѣрное, догадается промолчать. Предположеніе его оказалось справедливымъ, и князь дѣйствительно догадался промолчать.

Въ послѣдніе годы литературной дѣятельности Кичеева у него произошло знаменитое столкновеніе съ женой трагика Россова, которая, въ отмщеніе за строгій отзывъ театральнаго критика объ игрѣ ея супруга, ударила Кичеева наотмашь по лицу бывшимъ у нея въ рукахъ мѣшечкомъ, въ которомъ, по несчастной случайности, въ это время лежалъ бинокль. Ударъ былъ настолько силенъ, что Кичеевъ чуть не лишился глаза, но никакого дѣла не затѣялъ и никакого преслѣдованія противъ не въ мѣру воинственной дамы не возбудилъ, найдя, что съ бабой связываться не стоитъ.

— За глупость не судятъ!..—презрительно отозвался онъ, великодушно и совершенно справедливо разсуждая, что умная женщина никогда не дошла бы до такого поступка.

Щедрый самъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда судьба давала ему возможность быть щедрымъ, Кичеевъ и самъ не находилъ ни неловкимъ, ни обиднымъ для себя обращаться за матерьяльными услугами къ другимъ, и въ театральномъ мірѣ всегда носились слухи о томъ, что онъ прибѣгалъ къ богатымъ артистамъ за посильной помощью въ особенно трудныя минуты. Ежели это и правда, то въ укоръ это ему поставлено быть не можетъ, потому что на его рецензіи и отзывы объ артистахъ это не вліяло, и кредитора своего, ежели бы онъ дурно исполнилъ роль, Кичеевъ разругалъ бы такъ же безпощадно, какъ и самаго яраго своего врага.

Въ антипатіяхъ своихъ Кичеевъ былъ безпощаденъ и, нуждаясь и почти голодая, онъ демонстративно не подавалъ руки богатымъ и вліятельнымъ газетнымъ сотрудникамъ, дѣятельность которыхъ казалась ему предосудительной и несогласной съ достоинствомъ литератора.

Глубокій и убѣжденный атеистъ въ теченіе всей своей долгой жизни, онъ, въ виду надвигавшейся смерти, измѣнилъ свои религіозныя убѣжденія, и я помню, какъ мы всѣ, въ бытность его еще

редакторомъ «Новостей сезона», были обрадованы извѣстіемъ, что Кичеевъ, лежавшій въ самомъ помѣщеніи редакціи, готовится къ исповѣди и причастію и что ожидается прибытіе священника со св. дарами. Отъ этой болѣзни онъ выздоровѣлъ совершенно и мнѣ неизвѣстно, вернулся ли онъ затѣмъ къ прежнему безвѣрію, или остался при вновь сложившихся христіанскихъ убѣжденіяхъ.

Въ общемъ итогѣ русская литература въ лицѣ П. И. Кичеева похоронила крупную, не использованную литературную силу и товарища, отзывчиваго и сердечнаго человѣка.

А. Соколова.

АНЕКДОТИЧЕСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ.

(Изъ недавняго прошлаго).

ОДНОЙ изъ небольшихъ и захолустныхъ сѣверныхъ епархій—Олонецкой—въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ управлялъ замѣчательный въ своемъ родѣ архіепископъ Аркадій. Получивъ только семинарское образованіе, онъ выдвинулся модною тогда миссіонерскою дѣятельностью среди старообрядцевъ, удостоенъ былъ архіерейскаго сана и, прослуживъ на епархіи десять лѣтъ съ небольшимъ, оставилъ по себѣ—какъ объ администраторѣ—такую память, что среди духовенства и до сихъ поръ разсказывается о немъ множество анекдотовъ и даже передаются цѣлыя легенды о владыкѣ «сфинксѣ».

Дѣятельность владыки Аркадія была настолько выдающеюся, что онъ награжденъ былъ саномъ архіепископа и высочайше пожалованъ брильянтовымъ крестомъ для ношенія на клобукѣ, что еще—въ то недавнее время—было чрезвычайною рѣдкостью и для лицъ съ академическимъ образованіемъ и высокими учеными степенями, присужденными за выдающіяся научно-богословскія изслѣдованія. Человѣкъ абсолютно безкорыстный, преданный своему служенію до самозабвенія, безусловно умный, владыка Аркадій представлялъ въ своей дѣятельности, дѣйствительно, живой ходячій анекдотъ, такъ что свѣжій человѣкъ, особенно не принадлежавшій къ духовному званію, и тогда на многія дѣйствія владыки не могъ смотрѣть иначе, какъ на совершенно непонятныя. Всѣ тогда признавали его умъ, и никто не сомнѣвался въ томъ, что

онъ все совершалъ для достиженія благихъ цѣлей, но нерѣдко самыхъ дѣйствій владыки рѣшительно никто не понималъ. Эти дѣйствія часто казались очень странными, неодобрительными, даже иногда жестокими.

Лишь только теперь, когда улеглись страсти, нерѣдко возбуждавшіяся дѣйствіями владыки Аркадія, можно съ достовѣрностью опредѣлить, что странность и неодобрительность многихъ его дѣйствій обусловливались исключительно горячимъ желаніемъ владыки—сдѣлать всѣхъ такими же дѣятельными, до забвенія личной жизни, какъ и онъ самъ. Владыка Аркадій съ ранняго утра и до поздняго вечера былъ въ трудахъ исполненія своего долга, можно сказать—горѣлъ въ работѣ. Много сдѣлалъ онъ для просвѣщенія ввѣреннаго ему темнаго края и, прежде всего, требовалъ отъ духовенства истоваго—безъ всякихъ пропусковъ—совершенія богослуженія и твердаго знанія церковнаго устава. Самъ же онъ зналъ наизусть всю Библію и рѣшительно всѣ многочисленныя церковно-богослужебныя книги. Располагалъ, затѣмъ, владыка Аркадій подчиненное ему духовенство къ обученію своихъ дѣтей грамотѣ и поощрялъ всякаго хотя бы и за малые труды въ этомъ направленіи. И если много страннаго, рѣзкаго, а, можетъ быть, и жестокаго обнаруживалось иногда въ дѣйствіяхъ владыки Аркадія, то да проститъ ему это Богъ за то неизмѣримое добро, какое сдѣлалъ онъ для епархіи! Да и времена тогда были суровыя, нравы и обычаи тяжелые, а потому, при всемъ своемъ умѣ, и выдающійся среди другихъ архіереевъ владыка Аркадій былъ все-таки человѣкомъ своего времени и, желая достичь—во что бы то ни стало—намѣченныхъ имъ цѣлей, естественно, не чуждъ былъ и ошибокъ.

Теперь жизнь духовенства далеко ушла отъ анекдота. Въ средѣ духовенства идетъ дѣятельный процессъ зарожденія и развитія новыхъ духовныхъ силъ. За послѣднія пять-шесть лѣтъ духовенство пережило и измѣнилось больше, чѣмъ въ обычное время за десятки лѣтъ. Рѣзко измѣнились также условія его жизни и дѣятельности. Пронесшіеся бурные «освободительные» годы оставили неизгладимый слѣдъ на духовенствѣ и взаимоотношеніяхъ между нимъ и паствой. Появились запросы, какихъ не было, пробудилось критическое отношеніе къ дѣйствительности, сознаніе необходимости пересмотра привычнаго уклада жизни. Правда, періодъ увлеченія смѣнился теперь затишьемъ, но это—не мертвецный покой бездѣятельности, а спокойное начало строительства, спокойный, безъ излишней торопливости, пересмотръ недостатковъ и несовершенствъ жизни церковной и личной. Опытъ послѣднихъ лѣтъ—повторяемъ—многому научилъ, далъ незабываемый урокъ, пробудилъ сознаніе необходимости работы и стремленіе къ ней.

Но, съ другой стороны, и «анекдотическое» прошлое жизни духовенства не является безынтереснымъ: оно даетъ тоже много очень

хорошихъ уроковъ, небезполезныхъ при началѣ новаго строительства. И въ этомъ отношеніи жизнь и дѣятельность такихъ типичныхъ лицъ изъ эпохи духовнаго «анекдота», каковъ архіепископъ Аркадій,—помимо возбуждаемаго ими историческаго интереса, представляются безусловно не лишенными глубокаго значенія: многому могутъ научить онѣ тѣхъ, кому предстоитъ руководящая роль въ жизни духовенства.

Я не задаюсь цѣлью дать полную характеристику или оцѣнку жизни и дѣятельности архіепископа Аркадія, такъ какъ для этого было бы слишкомъ мало размѣра обычной журнальной статьи. У архіепископа Аркадія, несомнѣнно, будетъ свой историкъ, который и оцѣнитъ всесторонне этого огромнаго «анекдотическаго» владыку. Я же, въ рядѣ очерковъ, не связанныхъ между собою какимъ-либо опредѣленнымъ планомъ и не облеченныхъ въ строго литературную форму, постараюсь обрисовать архіепископа Аркадія такъ, какъ представляется онъ мнѣ самому и какъ разсказываютъ о немъ въ епархіи, которою онъ управлялъ.

I.

Каверзы.

Такъ назывались странныя и совершенно непонятныя, а также, повидимому, жестокія дѣйствія владыки Аркадія.

Не получивъ высшаго богословскаго образованія, владыка Аркадій личною жизнью старался показать, что никакой дипломъ не достаточенъ для того, чтобы сдѣлать человѣка совершеннымъ, а что, напротивъ—чѣмъ выше дипломъ, тѣмъ больше требуетъ онъ отъ человѣка труда и усилій для своего оправданія, какъ показателя научныхъ знаній, съ одной стороны, и осуществленія ихъ въ самой жизни человѣка, съ другой. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ дѣятелей духовно-учебныхъ заведеній, какъ на неусыпныхъ тружениковъ, обязанныхъ заботиться, прежде всего, о своемъ собственномъ совершенствованіи и въ наукахъ, какія кто преподаетъ, и непремѣнно—въ жизни, чтобы служить безукоризненнымъ примѣромъ для своихъ питомцевъ—будущихъ пастырей церкви.

Зная глубоко человѣческую природу, склонную слѣдовать въ своей дѣятельности наличнымъ впечатлѣніямъ окружающей обстановки и, по этой причинѣ, въ большинствѣ случаевъ мало расположенную къ самоуглубленію и усовершенствованію въ научномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи, владыка Аркадій велъ преподавателей духовной семинаріи къ пріобрѣтенію знаній въ области преподаваемыхъ ими наукъ противъ ихъ воли, такъ сказать, силою, въ то же время и виду не показывая, что онъ сознаетъ

Архіепископъ олонецкій Аркадій.

свое насиліе надъ ними. Въ этомъ случаѣ онъ употреблялъ обыкновенно слѣдующій оригинальный пріемъ.

Владыка выписывалъ рѣшительно все, что выходило тогда въ духовной литературѣ. И вотъ получалась съ почты какая-либо книжка богословскаго содержанія. Владыка оставлялъ всякія текущія занятія и основательно знакомился съ полученною книгою. Надѣлаетъ разныхъ замѣтокъ, наставитъ на поляхъ всевозможныхъ знаковъ, своимъ быстрымъ и проницательнымъ умомъ опредѣлитъ общія достоинства и недостатки книги, глубину или по-

верхностность отдѣльныхъ мыслей. Проходило, обыкновенно, два-три дня и, наконецъ, владыка, кончивъ работу, хлопаетъ въ ладоши. Выбѣгаетъ изъ служительской комнаты келейникъ и, остановившись, какъ статуя, замираетъ на одномъ мѣстѣ.

— Живой ногой, Карпушка, въ семинарію!—приказываетъ владыка.—Пять минутъ осталось до конца уроковъ... какъ пробьетъ звонокъ, пригласи ко мнѣ профессора Завулонова! Да скорѣй бѣги, время уходитъ...

Келейникъ исчезаетъ, какъ духъ, а владыка, потирая руки, съ загадочной улыбкой быстро ходитъ по комнатѣ, живо представляя себѣ, какую недовольную физіономію скорчитъ профессоръ Завулоновъ...

Преподаватель церковной исторіи Завулоновъ держалъ себя съ достоинствомъ и терпѣть не могъ, если кто начиналъ при немъ обнаруживать претензію выказывать знанія по церковной исторіи, почему-либо неизвѣстныя ему, Завулонову. Въ разговорахъ онъ всегда держалъ себя такъ, словно дѣлалъ великое одолженіе своему собесѣднику, и въ то же время показывалъ видъ, что умъ его занятъ чѣмъ-то болѣе важнымъ и что поэтому время ему очень дорого. Владыкѣ все это было хорошо извѣстно.

— А, Дмитрій Иванычъ, Дмитрій Иванычъ!—раскрывая, какъ бы для объятія, руки, встрѣчалъ Завулонова владыка.—Книжку вотъ я получилъ! Читалъ, читалъ... Зачитываюсь, а многаго не понимаю, многаго не знаю... Гдѣ мнѣ, убогому... Ученье мое, сами знаете, недалекое... Дай, думаю, попрошу-ка я Дмитрія Иваныча! Онъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ! Ну, и вотъ—ужъ не поскучайте со старикомъ!

— Карпушка!—звалъ владыка келейника:—обѣдъ готовъ? Подавай...—и, радушно обращаясь къ Завулонову, приглашалъ:

— Пока пойдемте-ка, Дмитрій Иванычъ, пообѣдаемъ вмѣстѣ по-монашески! А тамъ и за дѣло...

Обѣдъ всегда простой—уха да каша, въ скоромные дни еще стаканъ молока—быстро проходитъ въ отрывочныхъ разговорахъ о семинарской жизни, объ урокахъ, объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ, вскользь о семинарскомъ начальствѣ и преподавателяхъ и порядкахъ въ семинаріи. И надо было быть очень опытнымъ и искуснымъ, чтобы не выдать въ разговорѣ чего-либо, набрасывающаго тѣнь на семинарію и на семинарскіе порядки... Вывѣдывать владыка умѣлъ!

— Итакъ, за дѣло, Дмитрій Иванычъ! — скажетъ владыка послѣ обѣда и, подавъ Завулонову книгу, велитъ читать вслухъ. А самъ сядетъ въ кресло, подопретъ голову рукой, закроетъ глаза и слушаетъ.

— А вотъ, вотъ! Мысль-то какая! Смотрите, какъ тонко и какъ вѣрно и глубоко! Вѣдь эта мысль у Григорія Богослова въ шестомъ

огласительномъ словѣ есть...—перебьетъ владыка и опять слушаетъ, закрывъ глаза.

А затѣмъ снова на чемъ-нибудь остановитъ чтеца и снова восхищается или глубиною, или формой изложенія, или вообще тонкостью оборотовъ рѣчи. И такъ за четыре-пять часовъ обратитъ вниманіе чтеца на всѣ отмѣченныя имъ заранѣе въ книгѣ чѣмъ-либо замѣчательныя мѣста.

— Вотъ, мы и поработали...—вставая, говоритъ владыка.—Да, ай-ай, какъ времени-то ужъ много! Да ладно—не даромъ времечко-то пропало! Не потеряли мы его съ вами, Дмитрій Иванычъ. Слава Богу!

— Ну,и спасибо вамъ, что не отказались посидѣть со мной,—ласково говорилъ, прощаясь съ Завулоновымъ, владыка.

Усталый, разбитый, въ отвратительномъ настроеніи духа уходитъ изъ архіерейскаго дома Завулоновъ, а владыка, оставшись одинъ, загадочно повторяетъ:

— Не даромъ провели время! Не потеряли времени...

А у самого уже опять играетъ на лицѣ загадочная улыбка. Это значитъ, что опять кому-либо готовится каверза...

Семинарія находилась недалеко—минутахъ въ пяти ходьбы—отъ архіерейскаго дома, а потому тамъ всѣ были въ постоянной тревогѣ, ожидая то самого владыку, который иногда по нѣскольку дней подъ рядъ бывалъ въ семинаріи, то келейника съ какимъ-нибудь приказаніемъ. И лишь только показывалась на семинарскомъ дворѣ долговязая фигура келейника Карпушки, какъ кто-либо изъ преподавателей съ тоскою говорилъ:

— По чью-то душу сегодня посолъ идетъ?

И всѣ ждали, въ какомъ-то тупомъ состояніи,—точно неизбѣжность какая надвигается и нѣтъ способовъ отъ нея избавиться.

— Ивана Петровича владыка проситъ сейчасъ къ себѣ,—докладываетъ явившійся въ учительскую комнату семинарскій служитель.

У всѣхъ вырывается вздохъ облегченія. А преподаватель священнаго писанія Иванъ Петровичъ Гущинъ краснѣетъ до корней волосъ,—точно онъ Богъ знаетъ какое предосудительное дѣло сдѣлалъ,—срывается съ мѣста и быстро уходитъ.

Гущинъ былъ знающій и опытный преподаватель, но любилъ ежедневно за обѣдомъ искусственно возбуждать аппетитъ... Владыка зналъ это и, по всей вѣроятности, имѣлъ благое намѣреніе—излечить Гущина отъ указанной привычки. Призоветъ его къ себѣ и дастъ какую-либо новую богословскую книгу, комично извиняясь, что онъ хочетъ воспользоваться знаніями и опытомъ Ивана Петровича.

— Ужъ простите, ради Бога, старика, Иванъ Петровичъ,—заговоритъ владыка;—самому рѣшительно нѣтъ времени ознакомиться

съ книгой, а по первымъ страницамъ, которыя я просмотрѣлъ, вижу, что книга достойна вниманія. Прочитайте, пожалуйста, а потомъ, какъ-нибудь на досугѣ, и передадите мнѣ ея содержаніе... Что будешь дѣлать? Все охота знать, а времени ни на что не хватаетъ...

— Такъ ужъ, этакъ денька черезъ три, сами и приходите, а то забыть могу о книгѣ-то...—говоритъ владыка, провожая Ивана Петровича.—Старъ сталъ и память хромать начинаетъ! А бывало, еще лѣтъ десятокъ тому назадъ, все, что прочитаешь, что увидишь или услышишь, все вотъ какъ на ладони написано! А теперь часто забываюсь... Вотъ, чего ужъ—въ семинаріи давно не былъ! А почти каждый день собираюсь. Утромъ встаю и думаю—сегодня ужъ непремѣнно схожу! А тамъ то одно, то другое—и забудешь. Плоха память стала! Плоха...

А между тѣмъ эта плохая память все записала, чтобы ужъ никогда не забыть: и болтающуюся пуговицу на вицъ-мундирѣ Ивана Петровича, и грязноватую манишку, и потъ, начавшій выступать на его лицѣ, и то, что лицо это давно совсѣмъ не брито... Все это, при случаѣ, будетъ припомнено и высказано семинаристамъ, съ приправою злѣйшаго сарказма, на тему: «О, будущіе пастыри, апостолы Христовы! Блюдитеся! Все доброе, что рекутъ вамъ человѣцы-книжницы,—слушайте, но по дѣламъ ихъ не поступайте! Вѣдь, если внѣшность человѣка неисправна, то въ душѣ у него—тьма кольми?»

Иногда только что уйдетъ отъ владыки кто-либо изъ преподавателей, совершенно переконфуженный и мокрый отъ испарины, какъ тотъ опять кричитъ келейнику:

— Карпушка! Рабе лукавый и лѣнивый! Гдѣ ты тамъ?

Является Карпушка, какъ встрепанный, пережевывая кусокъ чего-либо, схваченнаго на ходу.

— Сбѣгай-ка въ семинарію, позови отца ректора! Да не окошеливайся! Знаю я тебя, лодыря... Пожалуй, сначала пообѣдаешь, а сходить потомъ удосужишься... У-у, лѣнивецъ...

Звонокъ. Владыка, жизнерадостный, въ выцвѣтшей коричневой ряскѣ нараспашку, въ сдвинутой на затылокъ черной скуфеечкѣ, быстрыми шагами идетъ навстрѣчу ректору семинаріи.

— Отецъ архимандритъ, отецъ архимандритъ! Какъ я радъ видѣть васъ! Садитесь-ка, садитесь,—любезно приглашаетъ онъ ректора.—А я вотъ только что докончилъ чтеніе книжки... Замѣчательная и достойная, чтобы ее прочелъ всякій профессоръ. Я, при особомъ отношеніи на имя семинарскаго правленія, приношу ее въ даръ семинарской библіотекѣ. Вотъ, люди пишутъ, да еще какъ пишутъ! Что бы и нашимъ профессорамъ пробудиться? Уснули вѣдь... Уснули вѣдь, добрѣйшій отецъ ректо-оръ! Разбудите-ка, разбудите своихъ соратниковъ! Вспомните, какое выраженіе-то у

святого отца сильное, обращенное къ лѣнивцамъ: «иди, лѣниве, ко мравію (муравью) и научися»...

— Вотъ хоть бы этотъ Иванъ Петровичъ Гущинъ: неглупый вѣдь человѣкъ. Могъ бы и самъ что-нибудь написать... А опустился! Въ самомъ дѣлѣ, что у васъ въ семинаріи? Профессора отбываютъ повинность... Мертвечина! Вотъ и будите-ка, будите сонливыхъ и лѣнивыхъ! Дѣлайте, доколѣ день есть, а то пріидетъ нощь—и тогда дѣлати никто же можетъ...

— Такъ вотъ, возьмите-ка книжку-то, и съ Богомъ!—встаетъ владыка, показывая, что аудіенція кончена.—А у меня тутъ на сегодня еще дѣлъ—во-о сколько!

Возвратясь въ семинарію, ректоръ тотчасъ же читаетъ учителямъ отношеніе владыки. Въ отношеніи владыкою написанъ похвальный отзывъ о книгѣ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, а въ концѣ приписано: «Хорошо люди пишутъ! И находятъ время писать. А professores seminarii dormiu-unt!»

Одно время ректоръ и инспекторъ семинаріи—оба были въ санѣ архимандрита, и между ними не существовало должныхъ отношеній. Инспекторъ былъ постояннымъ антагонистомъ ректора, и, кажется, никто не помнилъ случая, когда бы они были въ чемъ-нибудь согласны. Инспекторъ страдалъ запоями и потому былъ далеко не безупреченъ въ служебномъ отношеніи. Особенно во время своей «болѣзни» онъ былъ для ректора сущимъ наказаніемъ. Рыжій, свирѣпый, растрепанный, инспекторъ какъ разъ въ эти болѣзненные періоды и дѣлалъ попытки показать свои педагогическіе таланты и «мудрую» инспекторскую дѣятельность. И ничего другого нельзя было съ нимъ подѣлать въ такихъ случаяхъ, какъ запирать въ отдѣльной комнатѣ.

Владыка очень хорошо зналъ недружелюбныя отношенія архимандритовъ и,—Богъ знаетъ для чего, да самому ему вѣдомо было объ этомъ,—постоянно натравливалъ ихъ одного на другого. Случалось, что владыка такъ раздувалъ непріязнь между архимандритами, что они не находили болѣе возможнымъ и служить вмѣстѣ, ибо дѣло доходило до открытой вражды. А это-то и доставляло, повидимому, великое удовольствіе владыкѣ, и онъ ни которому изъ нихъ рѣшительно не позволялъ оставить службу въ семинаріи.

Одинъ разъ ректоръ былъ по дѣлу у владыки. Поговорили. Благодушно простились. При уходѣ ректора, владыка, словно что-то вспомнивъ, и говоритъ:

— Кстати, отецъ ректоръ! Пришлите-ка ко мнѣ отца инспектора.

А самъ такъ многозначительно посмотрѣлъ на ректора, что у того пошли по спинѣ мурашки...

«Ужъ устроитъ каверзу,—думалъ ректоръ по дорогѣ въ семинарію.—Владыка хорошъ, да и инспекторъ—штука!»

Отецъ инспекторъ не замедлилъ явиться къ владыкѣ. Войдя въ пріемную, онъ вразвалку направился къ нему со сложенными для принятія благословенія руками.

— Ну, что у васъ тамъ такое вышло опять, отецъ инспекторъ?— почти шопотомъ, таинственно заговорилъ владыка.—Былъ сейчасъ отецъ ректоръ... Ужъ такого-то наговорилъ на васъ, что волосъ дыбомъ становится! Отецъ инспекторъ, говоритъ, и такой-то и сякой-то... И не архимандритомъ бы ему быть и не инспекторомъ семинаріи! Да ему бы, говоритъ, самое подходящее мѣсто тамъ, куда Макаръ и телятъ не гоняетъ...

— Ой-ой-ой, отецъ инспекторъ, отецъ инспекто-о-оръ!—зажимая виски ладонями, восклицалъ владыка.—Какъ же мы жить-то теперь станемъ, бѣдный отецъ инспекторъ?!

Инспекторъ, блѣдный, со сжатыми кулаками, едва сдерживаясь, началъ ворочать налившимися кровью глазами и хрипло бормотать по адресу ректора: «Ахъ, онъ! Князь тьмы... Да я ему... Не ручаюсь за себя...»

— Не поддавайтесь, не поддавайтесь, отецъ инспекторъ!—подливалъ масла въ огонь владыка.—Этакъ вамъ, пожалуй, и житья не будетъ... Долго ли вѣдь, обидѣть человѣка-то?

Разозленный до крайности, инспекторъ, по возвращеніи въ семинарію, набрасывался на ректора и до изступленія поносилъ его самымъ безпощаднымъ образомъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Ректоръ, разобиженный до слезъ, снова идетъ къ владыкѣ, чтобы разъяснить причину гнѣва инспектора и спросить совѣта, какъ ему теперь быть.

А владыка уже давно ждетъ у окна и высматриваетъ изъ-за шторы.

«Прибѣжитъ, обязательно прибѣжитъ...—думаетъ онъ, весело хихикая. А самъ съ воодушевленіемъ читаетъ какую-то книгу богословскаго содержанія, вслухъ произнося слова. И все-таки посматриваетъ на улицу.

— Началось!—отложивъ книгу и потирая отъ удовольствія руки, со смѣхомъ заговорилъ владыка.—Отецъ ректоръ бѣжитъ... Будетъ теперь потѣха. Баталія настоящая! Такъ его! Отецъ инспекторъ умѣетъ ругаться... А отецъ ректоръ ученъ больно... А мы вотъ его и поскребемъ скребочкомъ... Горденекъ ученостью-то, а мы тебя и поучимъ добродѣтели братолюбія! И потерпи отъ брата своего! А братъ-то тебѣ—отецъ инспекторъ... Хи-хи-хи, любезнѣйшій! А и лютъ отецъ инспекторъ! Свяжись-ка съ нимъ...

Какъ ни въ чемъ не бывало, съ удивленіемъ встрѣтилъ владыка ректора семинаріи.

— Сейчасъ были и опять?—и, не давая ректору заговорить, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ его не перебилъ, началъ съ крайнимъ изумленіемъ сообщать:—А отецъ инспекторъ-то мнѣ на васъ чего только и не наговорилъ! Ужасъ беретъ! И вы такой и вы сякой...

— И даже знаете, что говорилъ?—принимая таинственный видъ и подходя вплотную къ ректору, спросилъ владыка.—Что будто вы употребляете всевозможные способы тамъ, въ Петербургѣ, черезъ знакомыхъ, чтобы меня удалили на покой, а вамъ самимъ бы на мое мѣсто...

Ректоръ, пораженный и красный, какъ ракъ, стоитъ, не зная, что сказать. А владыка весело продолжаетъ:

— Вотъ вѣдь, бѣдный отецъ ректоръ, какъ можно наговорить на человѣка-то! А вы его по-начальнически, отца инспектора-то! Нечего церемониться... Рапортецъ на него, да и все тутъ. Иначе вѣдь житья вамъ не дастъ... И не дастъ! Я самъ его боюсь. О, свирѣпъ онъ!

— Ну, подите, отецъ ректоръ,—прощается владыка:—да построже съ инспекторомъ-то! Я васъ въ обиду не дамъ... Развѣ я васъ не знаю? Нѣтъ, отецъ инспекторъ, руки коротки да и зубы худы, чтобы тебѣ поймать и съѣсть отца ректора! Такихъ отцовъ инспекторовъ-то цѣлые запасы валяются по разнымъ захолустьямъ... Ну ихъ къ Богу! Нѣтъ, нѣтъ, отецъ ректоръ,—построже, построже! Да и посмѣлѣе!

Такъ и раздувалъ постоянно владыка «огонь», и это какъ будто доставляло ему великое удовольствіе.

Въ захолустномъ городишкѣ, какъ водится, не существовало въ то, хотя и недавнее еще, время, рѣшительно никакихъ разумныхъ развлеченій—въ видѣ театровъ, концертовъ и т. п., гдѣ бы можно было отдохнуть отъ обычной служебной дѣятельности. Поэтому служилое населеніе пользовалось всякимъ ничтожнымъ случаемъ, чтобы гдѣ-нибудь собраться и провести вечеръ за картами, танцами и другими незатѣйливыми увеселеніями. И учителя духовно-учебныхъ заведеній держались плотнымъ кружкомъ и въ именины—свои и своихъ женъ, а также и по нѣкоторымъ другимъ, иногда совершенно пустымъ поводамъ, устраивали,—какъ попросту тогда называлось,—пирушки.

Соберутся гости иной разъ сразу послѣ уроковъ. Пируютъ сначала осторожно, ибо знаютъ, что владыкѣ извѣстно ихъ времяпровожденіе,—онъ всегда за нѣсколько дней узнавалъ, гдѣ и по какому поводу устраивается пирушка,—а потому и не позволяютъ себѣ лишней свободы въ употребленіи питей, такъ какъ владыка можетъ «потревожить» во всякое время. Подобные случаи бывали нерѣдки...

Но владыка очень хорошо зналъ эту осторожность педагоговъ и «тревожилъ» ихъ совсѣмъ не тогда, когда они этого ожидали. Обыкновенно онъ въ семь часовъ уже ложился спать. Это знали

всѣ, а потому часовъ съ восьми пирушка начинала принимать болѣе непринужденный характеръ. Педагоги становились шумливѣе и въ разговорѣ смѣлѣе. Къ десяти же часамъ веселье достигало своего апогея. Раздавались уже нестройныя пѣсни подвыпившихъ и неистовые крики и пьяный хохотъ успѣвшихъ упиться.

И вотъ въ это-то самое «горячее» время, какъ снѣгъ на голову, вдругъ появлялся среди пирующихъ долговязый Карпушка и передавалъ приказаніе: безотлагательно пожаловать къ владыкѣ по важному дѣлу такому-то преподавателю... Начиналось неописуемое смятеніе, ибо владыка зналъ, кого позвать: всегда звалъ непремѣнно того, кто не могъ явиться. А на другой день владыка обязательно проводилъ на семинарскихъ урокахъ почти все учебное время. И на каждомъ урокѣ, призывая учениковъ къ болѣе усерднымъ занятіямъ науками, громогласно восклицалъ:

— О, юноши духовные! Трезвитеся и бодрствуйте, ибо супостатъ вашъ діаволъ ищетъ, кого поглотити-и... А трезвиться и бодрствовать теперь легко намъ, когда ветхій завѣтъ, какъ тѣнь грядущихъ благъ, прошелъ и на помощь намъ пришла Божія благодать... Такъ-то, други мои-и!—И, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, начиналъ пѣть догматикъ: «прейде сѣнь законная, благодати пришедши»...

Ни одному же изъ преподавателей владыка ничего не говорилъ. А между тѣмъ своими восторженными восклицаніями и вдохновеннымъ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній буквально вьıматывалъ за день душу у каждаго изъ нихъ.

Эти восклицанія владыки и особенно его старческое, дребезжащее пѣніе, которымъ онъ всегда любилъ подкрѣплять свои рѣчи, терзали, какъ скрипъ пилы по желѣзу, всѣ внутренности не въ мѣру повеселившихся наканунѣ педагоговъ.

При всякомъ удобномъ случаѣ владыка давалъ понять, что какъ начальствующіе, такъ и учащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ непремѣнно всегда и вездѣ обязаны показывать воспитанникамъ примѣръ доброй христіанской жизни. Поэтому онъ строго требовалъ, чтобы они обязательно присутствовали во всѣ воскресные и праздничные дни въ каѳедральномъ соборѣ за богослуженіями, которыя почти всегда совершалъ онъ самъ и при томъ рѣшительно безъ всякихъ сокращеній. Всенощная поэтому продолжалась не менѣе четырехъ часовъ, а иногда и дольше. Простому народу это нравилось, и онъ охотно выстаивалъ всю службу до конца. Чиновники же, которыхъ въ городѣ было сравнительно немного, если и заходили ко всенощной въ соборъ, то обыкновенно стояли гдѣ-нибудь въ углу или около стѣнъ, чтобы, въ случаѣ усталости, можно было привалиться, и при первой возможности уходили...

Одни только педагоги духовно-учебныхъ заведеній, какъ непосредственно и безусловно зависимые отъ архіерея, не дерзали явно выходить изъ церкви, а придумывали всевозможныя «хитрости». Изобрѣтательность же въ этомъ отношеніи была далеко не легкой: владыка употреблялъ разные способы для провѣрки того, аккуратно ли посѣщаютъ духовные педагоги богослуженія...

Никому не было въ диковинку, если владыка на другой день послѣ какого-либо праздника вызывалъ къ себѣ то одного, то другого преподавателя: къ этому всѣ привыкли, какъ къ явленію, ставшему вполнѣ естественнымъ. Напротивъ, если послѣ праздника проходилъ день или два, и владыка никого не потревожилъ, событіе это считалось изъ ряду вонъ выходящимъ, и всѣ были увѣрены, что это не спроста.

— Готовится, вѣрно, за что-нибудь разнести или каверзу опять какую-нибудь придумалъ...—тоскливо говорили въ такихъ случаяхъ въ учительской комнатѣ.

И вотъ при обычномъ теченіи жизни вызываетъ къ себѣ владыка кого-либо изъ преподавателей, по самому, повидимому, пустѣйшему поводу, на дѣлѣ же, чтобы удостовѣриться, былъ ли тотъ за всенощной подъ воскресенье и всю ли службу выстоялъ... Вызывалъ онъ для этой цѣли большею частью тѣхъ преподавателей, относительно исправности которыхъ въ этомъ отношеніи закрадывалось въ его душу сомнѣніе. И всегда владыка умѣлъ придумать поводъ къ вызову преподавателя. Кажется, въ голову никому бы не пришло, а онъ умѣлъ воспользоваться всякимъ предметомъ и обстоятельствомъ...

— Такъ, такъ... Гос-по-ди, прежде, даже до конца не погибну, спа-а-си мя...—тихо мурлычетъ про себя владыка, медленно похаживая взадъ и впередъ по кабинету и обѣими руками перебирая связанныя изъ черной шерсти узловатыя четки... Точно весь онъ объятъ молитвеннымъ настроеніемъ... На самомъ же дѣлѣ—на умѣ у него совсѣмъ не то... Вдругъ, остановившись, онъ хлопаетъ въ ладоши и кричитъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:

— Карпушка-а!

— Сбѣгай въ семинарію,—приказываетъ онъ явившемуся келейнику: — попроси ко мнѣ профессора Егора Васильевича Оглоблина!

Оглоблинъ—преподаватель греческаго языка, трезвой жизни и во всемъ порядочный человѣкъ—находился у владыки въ подозрѣніи относительно исполненія требованій христіанской жизни. Единственною причиною этого было то, что онъ переводилъ съ учениками съ греческаго языка на русскій «Иліаду» Гомера. «А тамъ, въ этой самой Иліадѣ,—говаривалъ владыка,—ой, что говорится, и про боговъ языческихъ богомерзкихъ... и про войну изъ-за безнравственной причины... и прочее»...

Оглоблинъ, коренастый, пышащій здоровьемъ человѣкъ, чистенькій, опрятный, нѣсколько свободный въ манерахъ,—чего владыка терпѣть не могъ въ духовныхъ педагогахъ,—скоро является на зовъ.

— Егоръ Васильевичъ! Егоръ Васильевичъ!—точно какого задушевнаго пріятеля, встрѣчаетъ его владыка, еще издали идя ему навстрѣчу.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте!—благословляя Оглоблина, говоритъ онъ.—Какъ васъ Богъ хранитъ? Какъ идутъ у васъ успѣхи въ греко-эллинской премудрости?

— Да ничего, ваше высокопреосвященство!—стараясь быть развязнымъ, но смущенно отвѣчаетъ Оглоблинъ.—Слава Богу, учимся помаленьку! Особенно блестящихъ успѣховъ нѣтъ, чтобы сказать на отлично, а на добропорядочно и иные на довольно хорошо—всѣ ученики стараются. Лѣнивыхъ, смѣю доложить, нѣтъ...

— Ой-ой-ой! А, впрочемъ, въ скромномъ смиреніи великая похвала себѣ,—не то укоризненно, не то шутливо, какимъ-то плачевнымъ голосомъ говоритъ владыка.

— А я, знаете, и пригласилъ-то васъ къ себѣ,—продолжалъ онъ,—по поводу преподаванія греческаго языка... Сокровище вѣдь я нашелъ настоящее! Рылся тутъ, въ библіотекѣ, въ старомъ книжномъ хламѣ и вотъ что нашелъ!—указалъ владыка на лежавшую на столѣ почернѣвшую отъ времени толстую, въ папковыхъ коркахъ книгу.

— Вѣдь, это Шеревеллій! Лексиконъ, въ которомъ можно разыскать всѣ основные корни словъ греческаго языка-а! Вѣдь это неоцѣненная книга для пониманія священнаго писанія Новаго Завѣта, написаннаго первоначально на греческомъ языкѣ... Вѣдь это, Егоръ Васильевичъ, прямо талисманъ, который небесную радость можетъ возбудить въ душѣ благочестиваго христіанина, любящаго размышлять о глаголахъ живота вѣчнаго.

— Вотъ я,—подойдя къ столу, положилъ владыка руку на книгу,—читаю, напримѣръ, всегда чудное, всегда восхищающее, все существо охватывающее страхомъ и трепетомъ, до забвенія всякаго личнаго бытія, зачаровывающее событіе о благовѣщеніи архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ о рожденіи отъ Нея Предвѣчнаго Бога Слова... Смутися о словеси... Что это такое смутися? Мы понимаемъ, что значитъ — смутиться въ обычномъ значеніи. Но что значитъ смущеніе Пресвятой Дѣвы отъ словъ архангела? Она жила при храмѣ на половину небесною жизнію и не знала смущенія въ нашемъ смыслѣ. Въ Назаретѣ, у старца Іосифа, Она оставалась такою же полунебесною и смущеніе въ человѣческомъ смыслѣ для Нея было неизвѣстно. Что же значитъ смутися?—поднимаетъ владыка глаза на покраснѣвшаго, какъ ракъ, Оглоблина.—А вотъ надо справиться въ греческомъ! Тамъ это слово обо-

значается *діетарахте*... Вотъ Шеревеллій-то и помогъ! По коренному составу, это слово значитъ: ужасомъ была объята, была испугана... Да! Все въ душѣ Ея перевернулось отъ словъ архангела. И смѣшались вмѣстѣ страхъ предъ Богомъ-Вседержителемъ и радость отъ предсказанія о рожденіи отъ Нея Мессіи Спасителя...

— А хорошо третьяго дня за всенощной догматикъ пѣли!— неожиданно перемѣнилъ владыка разговоръ.—А канонархъ-то какъ выкрикивалъ! Слышали? Ну, и голосъ! Какъ по-вашему?— обратился онъ къ Оглоблину.

— Да, голосъ хорошій...—замялся тотъ.

— Годился бы въ протодіаконы? По-моему, такъ очень подходящъ... Стараго-то ужъ пора на покой: худъ сталъ... Такъ подходящъ?—хитро посмотрѣлъ владыка на Оглоблина.—Согласны вы со мной, Егоръ Васильевичъ?

— Да... согласенъ...—едва пробормоталъ совсѣмъ какъ-то опустившійся отъ смущенія Оглоблинъ.

— Такъ... такъ...—весело потирая руки, говорилъ владыка, провожая Оглоблина.—Неужели вы гдѣ-нибудь видѣли, чтобы протодіакономъ былъ теноръ! Хе-хе-хе...

На такихъ неожиданныхъ вопросахъ часто попадались въ разставленную владыкой «ловушку» не бывшіе за богослуженіемъ или ушедшіе раньше времени изъ церкви учителя семинаріи. А такъ какъ выстоять всю службу было трудновато, да иногда и некогда почему-либо было итти въ церковь, то учителя и придумали «хитрость», чтобы къ отвѣту на неожиданные вопросы владыки всякому быть всегда готовымъ. Они устроили дежурства поочередно ходить въ соборъ къ службамъ. Часто ходили по двое: одинъ простоитъ половину службы, а затѣмъ его смѣняетъ другой, который и достаиваетъ до конца. Дежурные эти должны были утромъ въ первый учебный послѣ праздника день давать полный отчетъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими за богослуженіемъ: кто служилъ, какое Евангеліе читалось, на какой гласъ пѣли «Господи воззвахъ», что пѣлось по нотамъ и что простымъ напѣвомъ, о чемъ говорилось въ проповѣди и прочее т. п.

Въ общемъ, это хорошо помогало. Правда, невозможно было предвидѣть всякій вопросъ, какой могъ предложить владыка, а потому въ отвѣтахъ промахи были неизбѣжны. Но неправильный отвѣтъ на какой-нибудь частный вопросъ изобличалъ вопрошаемаго большею частью лишь въ разсѣянности и недостаточной внимательности во время богослуженія. А это уже было полбѣды.

Введеніе во храмъ Богородицы—храмовой праздникъ въ крестовой церкви. Такъ какъ крестовая церковь—это домовая церковь владыки, то послѣ торжественной литургіи и молебна у него всегда

полагалось «утѣшеніе братіи», какъ называлъ владыка обѣдъ. Къ обѣду вмѣстѣ съ другими гостями приглашались обязательно и всѣ сослужившіе ему за богослуженіемъ.

Послѣ общей молитвы и благословенія стола владыкой всѣ садятся и чинно закусываютъ. Бутылокъ со всевозможными питіями много, но никто къ нимъ не прикасается; всѣ чувствуютъ какую-то неловкость... И владыка это хорошо знаетъ.

Наконецъ онъ, видя, что неловкость эта достигла достаточной степени, обращается, какъ бы спохватившись, къ ректору семинаріи:

— Ахъ, отецъ архимандритъ! Что же это вы? Клюйте-ка, клюйте!— указывая на бутылки, говоритъ онъ.—А мнѣ это и ни къ чему...

— Да клевать-то нельзя,—невозмутимо отвѣчаетъ отецъ ректоръ:—бутылки-то, ваше высокопреосвященство, не откупорены даже...

— Карпушка! Ахъ, злодѣй! Ахъ, душегубъ! Что ты со мной только ни продѣлываешь, нечестивецъ...—горячится владыка, хотя по его строгому наказу ни одна бутылка и не была откупорена келейникомъ. Ахъ, лиходѣй! И присрамилъ же для такого праздника! Откупоривай скорѣе, бестія! Вѣдь у порядочнаго человѣка нынѣ и аппетита не бываетъ безъ возбужденія! Развѣ не знаешь этого?

Намекъ на возбужденіе аппетита относился къ страдавшему извѣстной «келейной болѣзнью» инспектору семинаріи, тоже архимандриту.

Наконецъ бутылки откупорены. Отецъ ректоръ семинаріи наливаетъ себѣ рюмку водки, выпиваетъ и основательно принимается за закуску. Владыка же наливаетъ себѣ полный стаканъ воды и, впадая въ лирическій тонъ, обращается къ ректору:

— Вотъ напитокъ богоданный, чистый и безпримѣсный, какъ хрусталь! Въ немъ оживленіе тѣлесныхъ силъ, врачевство противъ всякихъ болѣзней, очищеніе всего вредоноснаго въ организмѣ... О, уважаемый отецъ ректоръ! Вода—вѣдь это восхищеніе, это божественный нектаръ, вѣдь она кровь очищаетъ... веселитъ все существо человѣка и къ Богу, Творцу вселенныя, неудержимо влечетъ нашу грѣховную душу-у...

— Воду-то, ваше высокопреосвященство, и звѣри пьютъ,—попрежнему невозмутимо говоритъ ректоръ, продолжая закусывать:— а вино—и въ писаніи сказано—веселитъ сердце человѣка...

— Ну, ну, отецъ ректоръ! Я вѣдь человѣкъ неученый, гдѣ мнѣ? Всякаго звѣря не вспомнишь во время...—ехидно отражаетъ ударъ владыка.—Кушайте-ка, кушайте, братіе, во славу Божію, и не осудите меня убогаго.

А самъ въ это время смотритъ на всѣхъ такимъ взглядомъ, который ясно говоритъ: «Ужъ и напьетесь же вы, голубчики, сегодня гдѣ-нибудь! А мнѣ все это будетъ извѣстно отъ вѣрныхъ

людей... И видно будетъ, что цѣннѣе: ваша ли ученость, или мое убожество?»

Наушничество и доносы владыкѣ были развиты до крайнихъ размѣровъ и доходили иногда до удивительныхъ курьезовъ. Случилось разъ ректору семинаріи поѣхать на ревизію духовнаго училища въ отдаленный уѣздный городъ. На пути туда онъ остановился ночевать въ другомъ уѣздномъ городѣ, у знакомаго протоіерея—настоятеля городского собра. Была суббота, и потому ректоръ присутствовалъ за всенощной въ алтарѣ. На другой день онъ распростился съ гостепріимнымъ хозяиномъ и уѣхалъ по назначенію.

По возвращеніи съ ревизіи ректоръ явился къ владыкѣ, какъ водится, съ докладомъ.

— А, отецъ ректоръ! Съ пріѣздомъ, съ пріѣздомъ... — весело встрѣтилъ его владыка.—Все ли благополучно? Какъ ѣздилось? А вотъ тутъ про васъ что пишутъ!—вдругъ, взявъ со стола письмо, продолжалъ владыка.—Читайте-ка, вотъ! Читайте!

Въ письмѣ сообщалось, что отецъ ректоръ, въ бытность его за всенощнымъ бдѣніемъ въ городѣ N—скѣ, стоя въ алтарѣ, многократно нюхалъ за богослуженіемъ табакъ. Авторъ письма, совершавшій богослуженіе, возмущался этимъ, какъ дѣйствіемъ, не только позорнымъ, но и грѣховнымъ и для духовной особы, стоящей во главѣ духовной семинаріи, воспитывающей будущихъ пастырей церкви, совершенно не извинительнымъ...

— А что?—заговорилъ владыка, когда ректоръ дочиталъ письмо.—Вотъ вѣдь какъ надо быть осторожнымъ, отецъ архимандритъ! И соблазнились малыи сіи... А вѣдь знаете—аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ—лучше бы ему камень на шею, да въ пучину морскую. Да и сами посудите, отецъ ректоръ! Что за мерзкая привычка пристрастіе къ табаку...—И на лицѣ владыки появилось презрительное, смѣшанное съ брезгливостью выраженіе, точно предъ нимъ было, дѣйствительно, что-то очень скверное.—А тутъ еще этого мерзкаго дѣла не стыдятся и передъ людьми... Да еще въ святѣйшемъ мѣстѣ-ѣ! Э-эхъ, ужъ! И вправду вѣдь,—стоите во главѣ заведенія, воспитывающаго будущихъ священниковъ... О, о, какъ надо заботиться о семинаріи-то!..

И самъ владыка въ своихъ заботахъ буквально д о п е к а л ъ семинарію. И въ урочное, и не въ урочное время нѣсколько разъ въ недѣлю бывалъ онъ въ семинаріи. Иногда придетъ запросто, неофиціально, чтобы никто изъ начальствующихъ и не зналъ...

Вотъ, напримѣръ, случай, которому трудно повѣрить. А между тѣмъ случай этотъ, дѣйствительно, былъ и есть еще много старцевъ-священниковъ, помнящихъ этотъ случай и даже принимавшихъ въ немъ участіе.

Было время экзаменовъ передъ лѣтними каникулами. А тутъ владыка особенно изощрялся, чтобы «перехитрить» учащихъ и ярко отмѣтить тѣ или другіе недочеты въ ихъ учебной дѣятельности. Въ день, назначенный для экзамена въ выпускномъ классѣ по нравственному богословію, которое преподавалъ ректоръ семинаріи, владыка явился въ семинарію ровно въ пять часовъ утра, когда все еще спало крѣпкимъ сномъ. Въ легкой ряскѣ, съ палочкой въ рукѣ, въ скуфьѣ вмѣстѣ клобука вошелъ онъ на семинарскій дворъ. Только что вставшій швейцаръ вышелъ въ это время со шваброй, чтобы подмести соръ на парадной лѣстницѣ. Увидавъ владыку, онъ бросился было бѣжать—доложить начальству.

— Эй, слышь ты!—закричалъ владыка: — не валяй дурака! Слушай хорошенько... Ступай въ спальню богословскаго класса и тихонько всѣхъ перебуди. Скажи, чтобы сейчасъ же въ классъ, по одному, безъ шуму шли... Архіерей, молъ, стоитъ у дверей. Да помни, чтобы никакого шуму! А самъ тамъ и стой—ни шагу! Если же вздумаешь улизнуть и разбудить начальство или хоть когонибудь—будетъ плохо!..

Десяти минутъ не прошло, какъ весь богословскій классъ былъ за партами, а дрожащій отъ страха швейцаръ стоялъ въ коридорѣ у дверей, не смѣя сдѣлать шага въ ту или другую сторону. Во всей семинаріи—гробовая тишина...

Владыка вынулъ изъ портфеля списокъ учениковъ и началъ экзаменъ.

— Ну, скажи, juvenis,—обращается онъ къ одному изъ учениковъ:—что есть нравственность?

— Нравственность, или этика,—отъ греческаго эфосъ—нравъ обычай,—есть отличительный признакъ духовно-нравственныхъ существъ отъ всѣхъ земныхъ твореній,—скороговоркой затараторилъ семинаристъ,—и настолько возвышаетъ его надъ всѣми земнородными живыми тварями, что это духовно-нравственное существо—человѣкъ—малымъ чѣмъ умаленъ отъ ангеловъ и славою и честію вѣнчанъ отъ Бога, но такъ какъ...

— Постой, постой,—замахалъ руками владыка.—Все это, можетъ быть, и очень хорошо... А вотъ скажи-ка мнѣ: скверными словами ругаешься?

— Бываетъ...—смущенно и какимъ-то упавшимъ голосомъ проговорилъ семинаристъ.

— Ну, такъ вотъ, это и есть нравственность твоя,—поучаетъ владыка:—стыдно—это значитъ, что совѣсть твоя признала твой поступокъ сквернымъ, да еще и подсказала тебѣ, что этимъ ты унижаешь свое человѣческое достоинство и самъ себя топчешь въ грязь. А вотъ и въ лекціяхъ-то у тебя говорится, что Господь малымъ чѣмъ умалилъ человѣка, сравнительно съ ангелами... А ты, вопреки Божію милосердію, позоришь самого себя, когда произносишь скверныя слова! Противникомъ Божіимъ являешься...

— О, всемилосердный Господи! Прости ты этихъ неразумныхъ юношей, готовящихся служить Тебѣ и вести къ Себѣ людей, какихъ Ты поручишь имъ... Просвѣти Ты ихъ, Свѣтъ истинный!..

Долго такъ молитвенно восклицалъ владыка. Любилъ вездѣ воодушевленіе... Каждаго семинариста спросилъ, съ каждымъ поговорилъ, какъ и съ первымъ, поставилъ всѣмъ баллы и, благословивъ каждаго, пошелъ домой. А на прощанье сказалъ:

— Экзаменъ у васъ кончился и больше не будетъ! Никому не говорите, что я былъ тутъ... Смотрите, узнаю—бѣда!

Утромъ, въ половинѣ девятаго, ректоръ торжественно, при орденахъ, отправился къ владыкѣ съ приглашеніемъ на свой экзаменъ.

— Ну, что, любезнѣйшій pater rector, чѣмъ порадуете?—весело встрѣтилъ ректора владыка.

— А благодать-то на улицѣ какая!..—благословляя его, продолжалъ онъ:—жаворонки поютъ. Всякая птичка Божія... О, Господи, какъ ты милостивъ къ намъ, грѣшнымъ! Хорошо-о! Садитесь-ка да выкладывайте, съ чѣмъ пожаловали?

— Покорнѣйше прошу на экзаменъ, выше высокопреосвященство!—съ низкимъ поклономъ произнесъ ректоръ.—Сегодня по нравственному богословію... мой экзаменъ...

— Хе-хе, любезнѣйшій о. архимандритъ! Это ужъ кого другого приглашайте, а не меня! Экзаменъ уже давно кончился и больше не будетъ!

Съ этими словами владыка всталъ, подошелъ къ столу и, взявъ экзаменаціонный списокъ съ выставленными имъ баллами и уже имъ подписанный, подалъ его оторопѣвшему ректору.

Ректоръ посмотрѣлъ на списокъ и, совершенно обезкураженный, заговорилъ:

— Да какъ же это, владыко! Что же теперь дѣлать? Вѣдь профессора придутъ на экзаменъ!

— Э, добрѣйшій о. ректоръ! Спать намъ некогда и дважды экзаменъ производить совсѣмъ неразумно. Помните-ка, что Петръ-то Великій въ это время уже обѣдать садился, наработавшись вволю, а мы только съ постели встаемъ и на экзаменъ собираемся Работайте, работайте-е, дондеже день есть...

— А теперь простите, почтеннѣйшій, мнѣ надо своими дѣлами заниматься,—рѣшительно благословилъ владыка окончательно сконфуженнаго ректора...

Случаи, подобные описаннымъ, передаются цѣлыми десятками. Но и того, что приведено, вполнѣ достаточно, чтобы понять, насколько мѣры, принимавшіяся владыкой Аркадіемъ въ цѣляхъ воспитанія духовныхъ педагоговъ, могли казаться этимъ послѣднимъ странными и не только совершенно непонятными, а даже и безсмысленными.

Но въ то время, какъ «каверзы» владыки Аркадія по отношенію къ духовнымъ педагогамъ носили, въ общемъ, добродушный характеръ и рѣдко шли дальше сарказмовъ и легкихъ издѣвательствъ,—воздѣйствіе его на подчиненное духовенство было совсѣмъ инымъ: оно носило уже ярко выраженный характеръ тяжелаго гнета.

II.

Гнетъ.

Чтобы пріучить духовенство къ тщательности въ исполненіи служебнаго долга и особенно къ смиренію, главному, по его мнѣнію, качеству священнослужителя, владыка Аркадій былъ особенно строгъ и чрезмѣрно требователенъ. Еще при опредѣленіи на мѣста онъ употреблялъ всевозможные способы, чтобы «испытать терпѣніе» желающаго получить священный санъ или занять мѣсто причетника.

И, дѣйствительно, надо было запастись невѣроятнымъ терпѣніемъ, чтобы безропотно перенести иногда очень продолжительный и въ высшей степени унизительный искусъ. Владыка тонко умѣлъ угадать наиболѣе чувствительныя струны въ душѣ просителя и мѣтко ударялъ по нимъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. И чѣмъ безропотнѣе и терпѣливѣе былъ испытуемый, тѣмъ ожесточеннѣе и грубѣе становились испытанія... Вотъ, въ общемъ, примѣръ того, какъ обычно происходило при архіепископѣ Аркадіи назначеніе на священнослужительскія мѣста и самое посвященіе въ духовный санъ.

Является окончившій курсъ семинаріи, съ прошеніемъ объ опредѣленіи на свободное священническое мѣсто. Владыка, благословивъ просителя, дружескимъ тономъ спрашиваетъ:

— Ну, что, за какимъ дѣломъ пожаловалъ? Не обижаетъ ли кто, храни Богъ, тебя, безпомощнаго? Въ обиду не дамъ! Ну, что же?

— Священническое мѣсто занять желаю...—отвѣчаетъ проситель, ободренный покровительственнымъ отношеніемъ владыки.

— А, вотъ, хорошо! Вотъ-то хорошо!—съ восторгомъ восклицаетъ владыка.—Будущій пастырь—служитель Христовъ! О, боголюбезнѣйшій, гряди во имя Господне... А куда просишься?

— Въ Козій Рогъ, ваше преосвященство...

— Ну, вотъ, и слава Богу! А то, вѣдь, туда не скоро найдется охотникъ... Далеко очень, да и дорогъ-то лѣтомъ нѣтъ... Похвально, очень похвально! А ты кончилъ курсъ или не изъ кончалыхъ?

— Кончилъ, нынѣшнимъ лѣтомъ...

— Слава тебѣ, Господи!—восклицаетъ владыка.—Въ Козьемъ-то Рогѣ будетъ священникъ изъ кончившихъ курсъ! Да тамъ еще

и не бывало такихъ... Ну, слава Богу, слава Богу. Давай прошеніе...

— Такъ, такъ...—разсматриваетъ владыка прошеніе.—Добре... А спой-ка на седьмой гласъ догматикъ! Вотъ обиходъ... —подаетъ владыка, взявъ со стола всегда лежавшій тамъ «Обиходъ», книгу церковнаго нотнаго пѣнія.

Проситель старательно пѣлъ. И если гдѣ дѣлалъ ошибку; владыка начиналъ охать и стонать, сѣтуя на то, что почти некого въ священники ставить:

— Просятся, а сами пѣть не умѣютъ! Что же это за пастырь будетъ? Какъ же онъ будетъ отъ причетниковъ требовать правильнаго пѣнія или чтенія? А вѣдь безъ этого что же и за служба будетъ? О, Господи, доколѣ-ѣ?...

И на прошеніи владыка тутъ же писалъ резолюцію, опредѣляющую просителя въ монастырь на мѣсяцъ, для наученія церковному пѣнію. Если же испытуемый пропѣлъ требуемое правильно,— ему давалось пропѣть другое, затѣмъ третье. А потомъ владыка заставлялъ читать что-нибудь по богослужебнымъ книгамъ. Если и чтеніе оказывалось правильнымъ,—чего, однако, почти никогда не бывало,—то проситель опредѣлялся на искомую должность.

Но, повторяемъ, этого почти никогда не бывало: владыку удовлетворить было трудно. Въ самомъ лучшемъ случаѣ дѣло кончалось тѣмъ, что проситель прикомандировывался на недѣлю ежедневно ходить ко всѣмъ службамъ въ крестовую церковь и пѣть на клиросѣ. А большею частію для наученія пѣнію просители отсылались куда-нибудь въ монастырь, на мѣсяцъ и на два. Да еще и послѣ этого иногда снова должны были возвращаться на новый срокъ въ тѣ же монастыри.

По выдержаніи новаго испытанія въ пѣніи, въ знаніи священной исторіи и богословія и многихъ другихъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія, проситель опредѣлялся наконецъ на мѣсто.

Послѣ исполненія всевозможныхъ формальностей, консисторскихъ справокъ, присяги, исповѣди у духовника назначался и день посвященія ставленника въ архіерейской церкви. И тутъ ставленнику все нужно было разузнать отъ келейника, чтобы посвященіе прошло благополучно, ибо это послѣднее случалось очень рѣдко: и тутъ владыка продолжалъ учить ставленника и смиренію и бодрствованію. Бывали, напримѣръ, такіе случаи.

Наканунѣ посвященія владыка призываетъ къ себѣ ставленника и говоритъ:

— Завтра въ это время благодать діаконства уже будетъ почивать на главѣ твоей! Готовься усердно къ сему великому дару, къ воспріятію божественной благодати! Туне пріясте—туне дадите...

На другой день — для ставленника великій день — приходитъ онъ въ крестовую церковь, гдѣ назначено архіерейское служеніе,—

приходитъ ровно въ девять часовъ, когда только что долженъ начаться звонъ къ обѣднѣ... И—о, ужасъ! Обѣдня уже началась... Читаютъ Апостолъ... Несчастный ставленникъ чуть въ обморокъ не падаетъ... Дрожащій, весь въ холодномъ поту, онъ падаетъ на колѣни и въ изнеможеніи прислоняется къ стѣнѣ, тутъ же, у дверей церковныхъ. Народу въ церкви почти никого нѣтъ; день будній. Старушекъ десятокъ—вотъ и всѣ богомольцы.

А владыка служитъ, какъ всегда—воодушевленный, сіяющій, изрѣдка посматривая на ставленника.

Кончается служба... Владыка торжественно идетъ домой... Ставленникъ въ ноги...

— Надо въ свое время приходить, голубчикъ!—говоритъ владыка.—Я вотъ для тебя нарочно служилъ! Думаешь, у меня дѣла нѣтъ, отъ нечего дѣлать служу?.. А я думалъ: вотъ посвящу тебя поскорѣй—поскорѣе и въ приходъ пріѣдешь... Тамъ тоже давно ждутъ... А ты вотъ видишь—не торопишься, знать, въ городѣ пожить хочется подольше... А я все-таки постараюсь тебя поскорѣе отсюда отправить на приходъ, жаль прихожанъ... Приходи послѣзавтра, въ субботу. Ужъ отслужу для тебя другой разъ на недѣлѣ...

Въ субботу ставленникъ приходитъ въ церковь въ восемь часовъ—по обыкновенному расчету за часъ до звона къ обѣднѣ. Увы! Уже поютъ «Херувимскую»...

Ставленникъ не входитъ и въ церковь, ибо его бьетъ лихорадка.

Послѣ обѣдни та же сцена съ владыкой.

— О, вы лѣнивіи, о, нерадивіи!—восклицаетъ онъ.—Что же мнѣ дѣлать то-о? Второй разъ на недѣлѣ служу, чтобы поскорѣе пастыря послать на приходъ, а пастырь не радитъ, не торопится! О, Іисусе сладчайшій, вразуми Ты неразумн-ы-ыхъ!..

— Ну, завтра въ соборъ приходи ужъ,—обращается владыка къ ставленнику:—звонъ въ девять часовъ.

Въ соборѣ время службы мѣнять было неудобно, и владыка туда прибывалъ всегда аккуратно, въ половинѣ десятаго. Наконецъ-то ставленникъ получалъ благодать діаконства. Тутъ же владыка послѣ обѣдни объявлялъ ему день для посвященія въ священники, въ крестовой церкви, на предстоящей же недѣлѣ.

И начиналась опять «исторія». Въ семь часовъ иногда придетъ ставленникъ въ церковь, а уже обѣдня къ концу! Въ половинѣ пятаго часа утра иногда владыка начиналъ литургію.

Если же ставленникъ приходилъ къ обѣднѣ рано, когда владыка еще не выходилъ изъ своихъ покоевъ, то, узнавши отъ келейника, что ставленникъ уже тутъ, владыка иногда объявлялъ, что ему что-то нездоровится и что служить поэтому онъ не можетъ...

Бывали случаи, что ставленники тутъ гдѣ-нибудь и ночевали у слугъ архіерейскихъ. Въ такихъ случаяхъ владыка обыкновенно былъ милостивъ, ибо любилъ «бдительныхъ»...

Можно себѣ представить, какія муки переживалъ ставленникъ за двѣ-три недѣли своего посвященія въ священныя степени... Иногда, буквально, едва душа въ тѣлѣ держится...

Былъ даже такой случай. Послѣ инспектора семинаріи архимандрита инспекторомъ состоялъ свѣтскій человѣкъ изъ учителей семинаріи, уже пожилой—лѣтъ сорока пяти, магистръ богословія. Почему-то владыка пожелалъ, чтобы инспекторъ принялъ священный санъ, а такъ какъ насильно сдѣлать это было нельзя, то онъ и началъ соблазнять инспектора хитростью. Раза четыре на недѣлѣ позоветъ за какимъ-нибудь дѣломъ, переговоритъ, а затѣмъ и начнетъ насѣдать:

— Почтеннѣйшій Петръ Васильевичъ, будьте вы священникомъ! Что прекраснѣе для семинаріи—какъ инспекторъ священникъ? Я и протоіереемъ сразу же сдѣлаю, а вѣдь до протоіерейства-то люди десятки лѣтъ служатъ! Соглашайтесь, будете довольны!

И такъ каждый разъ. Инспекторъ едва отговорится.

Наконецъ владыка началъ настойчиво просить:

— Ну, сдѣлайте это для меня, достоуважаемый Петръ Васильевичъ! Утѣшьте стараго человѣка,—успокойте! Я и за семинарію буду спокоенъ,—ректоромъ сдѣлаю! И супруга ваша рада будетъ...

Согласился наконецъ инспекторъ. Посвященіе въ священники состоялось въ Вербное воскресенье. Послѣ обѣдни владыка въ восторгѣ поздравляетъ новорукоположеннаго съ благодатію священства и, напоминая ему слова изъ апостольскаго чтенія на тотъ день, говоритъ, обнимая и лобызая:

— О, іерее! Елика суть честна, елика суть праведна, елика пречиста, елика доброхвальна,—аще кая добродѣтель, и аще кая похвала—сія помышляйте-е! Вотъ тебѣ программа на всю жизнь... Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай...

Для захолустнаго городка цѣлое событіе совершилось: инспекторъ семинаріи принялъ священный санъ. Значитъ, ректоромъ будетъ.

А между тѣмъ этого самаго инспектора въ тотъ же вечеръ зоветъ владыка къ себѣ и безъ церемоніи говоритъ:

— Были у меня тутъ мужички. Тридцать пять верстъ отсюда церковь есть, приписная къ Векшинскому приходу. Просили меня прислать къ нимъ священника, послужить въ Страстную недѣлю и Пасху. Ахъ, думаю, вотъ я удружу вамъ, мужички! Есть, говорю, священникъ, да еще какой! Во всей губерніи нѣтъ такого—ученый... Вотъ и поѣзжай-ка завтра, отецъ Петръ, и утѣшь сѣрую братію...

У инспектора въ головѣ помутилось.

— Не могу, владыка,—забормоталъ онъ.—Я инспекторъ семинаріи, а потомъ—семья у меня... Какъ же такіе великіе дни да и св. Пасху семья безъ меня встрѣтитъ?..

— Ой-ой-ой, сколько наговорилъ,—возразилъ владыка.—Ой, какой великій человѣкъ... Инспекторъ семинаріи, вишь!.. Да, вчера былъ инспекторъ, а сегодня іерей,—и инспекторомъ всякую минуту можешь перестать быть! А за непослушаніе епископу іерей да извержется изъ сана... Слыхалъ такое правило-то? Такъ завтра утромъ поѣзжай...

— У меня малютка сынъ очень нездоровъ, безъ меня померетъ можетъ,—попытался еще о. Петръ.

— Этого не знаю,—сказалъ владыка:—а завтра ты поѣзжай... Не забывай правила, какія я сказалъ...

И поѣхалъ о. Петръ въ глухую деревню на всю Страстную недѣлю и Пасху, а дороги уже рушились, ростепель... А дома въ семьѣ оставилъ слезы и тоску... Сынъ больной, дѣйствительно, безъ него умеръ...

Это былъ единственный сынъ у о. Петра. А ректоромъ о. Петра владыка все-таки сдѣлалъ.

Любилъ учить смиренію владыка Аркадій и высшее епархіальное духовенство, особенно ученыхъ, т.-е. лицъ съ академическимъ образованіемъ. Вотъ два случая.

Въ Великій четвергъ на Страстной недѣлѣ назначено торжественное служеніе литургіи въ крестовой, архіерейской церкви. Въ числѣ сослужащихъ владыкѣ за богослуженіемъ—и ректоръ семинаріи, архимандритъ.

Всѣ священнослужители выходятъ для встрѣчи владыки къ дверямъ его покоевъ. Стоятъ пять минутъ, десять... Нѣтъ и нѣтъ владыки... Наконецъ отворяется дверь, и келейникъ объявляетъ:

— Владыка служить не будетъ, а проситъ о ректора облачиться и начинать литургію.

Священнослужители уходятъ къ царскимъ дверямъ, читаютъ входныя молитвы, уходятъ въ алтарь и облачаются въ ризы. А владыка въ это время зорко слѣдитъ изъ своихъ комнатъ черезъ щель двери, ведущей въ церковь. И—только бы начинать литургію,—какъ въ алтарѣ появляется келейникъ.

— Владыка надумалъ самъ служить!—объявляетъ онъ.

Всѣ въ смущеніи разоблачаются и снова идутъ къ дверямъ архіерейскихъ комнатъ, встрѣчать—по чину—владыку.

Стоятъ и ждутъ. И опять вмѣсто владыки появляется келейникъ и говоритъ:

— Нѣтъ, владыка не осмѣливается служить! Вѣрно, что ли, нездоровится... Просилъ служить безъ него.

Всѣ опять съ конфузомъ удаляются въ алтарь, въ высшей степени дивятся поведенію владыки, но облачаются къ служенію... и только бы начинать литургію, какъ снова является келейникъ

— Владыка проситъ обождать... Рѣшилъ служить...

Снова идетъ разоблаченіе служащихъ, снова ожиданіе архіерея у дверей и та же исторія: келейникъ заявляетъ, что владыка извиняется и проситъ служить безъ него...

Почти до слезъ разобиженные служащіе входятъ въ алтарь, облачаются и готовы начать литургію, а келейникъ опять тутъ, какъ тутъ.

— Владыка будетъ служить...

Опять всѣ разоблачаются и идутъ встрѣчать владыку. Но первенствующій изъ служащихъ, архимандритъ, ректоръ семинаріи, одѣваетъ шубу и идетъ, вмѣсто встрѣчи архіерея, къ выходу.

Видя это, разгнѣванный владыка отворяетъ дверь и кричитъ:

— Куда ты? Куда ты, ослушникъ? Какъ осмѣлился отъ службы уйти! Я вотъ тебя!

Но ректоръ ушелъ. Владыка же вышелъ и служилъ литургію. А на ослушника онъ донесъ въ синодъ. Вскорѣ ректоръ семинаріи «за ослушаніе епископа» былъ переведенъ въ число братіи одного изъ захолустныхъ монастырей.

А вотъ другой случай.

Ректору семинаріи нужно было говорить въ каѳедральномъ соборѣ очередную проповѣдь, которую онъ представлялъ по обыкновенію на предварительную цензуру самому владыкѣ. Просмотрѣвъ проповѣдь, владыка призвалъ къ себѣ цензора проповѣдей, протоіерея, преподавателя семинаріи, и приказалъ ему раскритиковать ректорскую проповѣдь, указавъ, гдѣ и въ какихъ выраженіяхъ это сдѣлать.

— Хорошенько его, хорошенько, о. Ѳедоръ!—говорилъ владыка.—Не бойся! Ты, какъ профессоръ семинаріи, подчиненъ ректору, но, какъ цензоръ проповѣдей, имѣешь право и зачеркнуть его проповѣдь...

— Вотъ такъ!—показалъ владыка, дѣйствительно, поставивъ крестъ на всѣхъ страницахъ проповѣди.

— Да какъ же, владыко святый?—дѣлая послѣднюю попытку отказаться отъ критики ректорской проповѣди, замѣтилъ цензоръ.— Вѣдь проповѣди отца ректора у меня въ цензурѣ никогда не бывали.

— А вотъ теперь пусть отецъ ректоръ знаетъ, что цензоръ и надъ его проповѣдями есть...—хитро посмѣиваясь, говорилъ владыка.

По настоянію владыки, цензоръ написалъ неодобрительную рецензію и не призналъ проповѣдь годною къ произнесенію. Проповѣдь же владыка оставилъ у себя, тогда какъ, обыкновенно, отсылалъ проповѣднику дня за два до произнесенія.

Ректоръ ждетъ проповѣдь отъ владыки, а ея нѣтъ какъ нѣтъ! «Что же это значитъ?» думаетъ ректоръ. Нѣтъ проповѣди и наканунѣ произнесенія... «Ну,—думаетъ ректоръ,—вѣрно, послѣ всенощной пришлетъ»... Прошла и всенощная—проповѣди нѣтъ...

Сильное безпокойство овладѣваетъ ректоромъ. «Что за искушеніе! Завтра служить литургію съ владыкой въ каѳедральномъ соборѣ... Вѣрно, пришлетъ утромъ»...

Но вотъ и утро, а проповѣди нѣтъ! Поѣхалъ ректоръ въ соборъ къ обѣднѣ... «Значитъ, отдастъ тамъ», думаетъ.... Вскорѣ прибылъ и владыка. Поздоровались... Служатъ обѣдню, а проповѣди ректору владыка не даетъ... Наконецъ служащіе причастились и ректору надо итти произносить проповѣдь...

Владыка вынимаетъ изъ кармана тетрадку и, указывая на нее пальцемъ подошедшему ректору, съ язвительной улыбкой говоритъ:

— Смотрите-ка, о. ректоръ,—всю, вѣдь, проповѣдь исчеркалъ о. Ѳедоръ! А на поляхъ-то что написалъ! А резолюція-то какая! Не одобряетъ къ произнесенію... Хе-хе-хе...

А о. Ѳедоръ стоитъ тутъ же, по другую сторону престола, не смѣя глазъ поднять на своего начальника, ректора.

Гнѣвъ овладѣлъ ректоромъ, и неизвѣстно, что бы могло тутъ произойти, но ректоръ сдержался и, не ожидая окончанія литургіи, уѣхалъ домой. А на другой день онъ написалъ въ синодъ жалобу на владыку, приложивъ къ ней и злополучную проповѣдь.

Жалоба эта была оставлена безъ послѣдствій и отослана владыкѣ вмѣстѣ съ проповѣдью. Долго послѣ этого при всякомъ удобномъ случаѣ подсмѣивался владыка надъ ректоромъ и намекалъ на «неудачную попытку»...

Въ высшей степени строгъ былъ владыка Аркадій къ провинившемуся духовенству. Онъ не стѣснялся наказывать назначеніемъ на «черныя работы» даже священниковъ.

Рядомъ съ городомъ, въ дремучемъ лѣсу, тянувшемся на десятки верстъ, и сейчасъ находится архіерейская дача, съ хуторскимъ хозяйствомъ. На этомъ хуторѣ, обыкновенно, и работало провинившееся чѣмъ-либо духовенство. Лѣтомъ владыка всегда жилъ на этой дачѣ и любилъ гулять по двору, гдѣ работали провинившіеся... Ходитъ и распѣваетъ церковныя пѣснопѣнія, время отъ времени обращаясь къ работающимъ съ ѣдкими замѣчаніями.

— Что, отецъ Кузьма, вспотѣлъ?—скажетъ, бывало, владыка.— Здѣсь чарочки не дадутъ, а работать заставляютъ? Хи-хи... то-то и оно-то...

Отецъ Кузьма угрюмо молчитъ, обѣими руками опершись на навозныя вилы, которыми онъ накладывалъ на телѣгу навозъ.

— Да-а-а!—вздыхалъ владыка, сдвигая на затылокъ скуфью.— Вотъ іерей Божій! Служить бы ему у престола Господня, таинства небесныя совершать... А онъ вотъ навозъ ковыряетъ... Ай, стыдъ какой!

— Владыко святый,—не выдерживаетъ о. Кузьма:—я вѣдь и дома тоже работаю! Тоже навозъ ковыряю... Семью кормлю трудами рукъ своихъ...

— А, ты вонъ какой! Еще и съ языкомъ безъ привязи...—начиналъ горячиться владыка.—Да понимаешь ли ты, несчастный, что дома ты работаешь во славу Божію, а здѣсь ты въ умѣ ругаешь меня на чемъ свѣтъ стоитъ? И на работѣ твоей нѣтъ благословенія Божія!

— Богъ съ вами, владыко,—утирая заскорузлымъ рукавомъ балахона невольно скатившуюся слезу, говоритъ о. Кузьма.—Я и здѣсь работаю во славу Божію, какъ нѣкогда пастыри-мученики въ каменоломняхъ... Съ тою только разницею, что во время работы вспоминаю и слезы своей жены, которая принуждена теперь вмѣсто меня ковырять навозъ... Время-то вездѣ одно... А она не праздна...

— Ладно... Знаю васъ, пьяницъ...—машетъ рукою владыка и, смущенный, убѣгаетъ. «Вретъ все Кузьма», думаетъ онъ.—«А ну, какъ правду говоритъ?» точно подсказываетъ кто владыкѣ...

— Э-эхъ! Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый... И покрыла мя есть чуждая тьма, окаяннаго...—мурлычетъ въ раздумьи, владыка, точно силясь разгадать, что же это за тьма покрыла его...

Очень часто, усмотрѣвъ какія-либо упущенія въ каѳедральномъ соборѣ или узнавъ о неисправности въ службѣ соборянъ, владыка перемѣщалъ соборныхъ священниковъ въ самыя бѣдныя села, а на ихъ мѣсто переводилъ священниковъ изъ селъ.

III.

Благорасположеніе.

Насколько владыка Аркадій строгъ и суровъ былъ къ неисправнымъ, нерадивымъ и провинившимся, настолько онъ былъ ласковъ и снисходителенъ къ людямъ усерднымъ и выдающимся какою-либо дѣятельностью. Особенно любилъ онъ и всегда отличалъ заботящихся о просвѣщеніи народа черезъ обученіе его грамотѣ.

Узнаетъ, напримѣръ, владыка, что понамарь какого-нибудь захолустнаго села учитъ въ своей избѣ по зимамъ деревенскихъ ребятъ грамотѣ, и пишетъ ему собственноручное письмо, въ родѣ слѣдующаго:

«Достойнѣйшій Платонъ Петровичъ! Какъ сердце мое взыгралось радостію, когда мнѣ довелось узнать, что у тебя школа... О, какое великое дѣло ты дѣлаешь! Ты научишь читать десятокъ дѣтей, а они своимъ чтеніемъ доставятъ радость сотнямъ безграмотныхъ. Ты выучишь другой десятокъ дѣтей, а они будутъ утѣшать новыя

сотни... За всю-то жизнь ты сколькимъ тысячамъ безграмотныхъ людей доставишь духовную радость черезъ выученныхъ тобою грамотѣ! А самъ ты, безвѣстный труженикъ, даже и не догадываешься о своемъ удивительно великомъ дѣлѣ...

«О, святая простота! Трудись, и помогай тебѣ Богъ! Благословеніе Божіе да почіетъ на твоемъ домѣ! Какъ-нибудь пріѣзжай ко мнѣ. Хочется тебя видѣть и расцѣловать. Молись и за меня, грѣшника, а я тебя въ молитвахъ поминаю»...

Захолустный понамарь, получивши такое письмо, вставляетъ его въ рамку, за стекло, и привѣшиваетъ на стѣнѣ около божницы. И каждый день, какъ молится Богу, поминаетъ въ молитвахъ, обливаясь слезами умиленія, «милостиваго владыку»... А надъ обученіемъ ребятъ трудится онъ послѣ этого съ удвоеннымъ рвеніемъ.

Обученіе тогда совершалось въ самой простой обстановкѣ обыденной деревенской жизни и въ теченіе всего дня. Въ единственной комнатѣ, правильнѣе — въ простой деревенской избѣ, гдѣ и хлѣбы и всякую стряпню жена понамаря готовитъ и пойло для скота, въ переднемъ углу, за большимъ обѣденнымъ столомъ сидятъ съ букварями и деревянными указками ученики и твердятъ во весь голосъ заданныя упражненія. Понамарь Платонъ Петровичъ примостился тутъ же, рядомъ со столомъ, у окна, и занимается своимъ дѣломъ. Онъ чеботарь—шьетъ сапоги. Время отъ времени онъ покрикиваетъ на школьниковъ, замѣтивъ у кого-либо изъ нихъ ошибку въ «затверживаніи». А ошибокъ случалось немало!

Возлѣ Платона Петровича на скамейкѣ всегда лежала «шелопуга»—ремень съ широкимъ кускомъ кожи на концѣ. Это для того, чтобы когда кто-либо изъ учениковъ заглядится въ окно или на другое что—хлопнуть его по спинѣ и тѣмъ привести къ порядку.

И выучивалъ Петровичъ ребятъ «мараковать», т.-е. разбирать по складамъ грамоту, вытверживать часословъ и два или три псалма изъ псалтири, медленно списывать изреченія съ прописей, писать цифры до сотни и пѣть нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній. Учиться ребята ходили сколько кому вздумается. Иной ходитъ зиму, другой—двѣ, три, а то и четыре.

Такъ просвѣщали тогда темный народъ церковники и почти всѣ на одинъ манеръ и по одной программѣ. Вотъ такихъ-то педагоговъ и любилъ и отмѣчалъ владыка Аркадій, будь это священникъ, дьяконъ или причетникъ и даже понамарь. Если кто-нибудь изъ такихъ являлся къ владыкѣ по какому-нибудь дѣлу, тотъ былъ очень радъ и всегда угощалъ явившагося обѣдомъ.

Сидитъ гдѣ-нибудь въ углу владычной пріемной какой-нибудь понамарь и жмется. У него и дѣла никакого нѣтъ до владыки. Онъ просто привезъ батюшкина сына въ семинарію: батюшкѣ некого больше было послать въ городъ съ лошадью... И домой бы сразу надо, да не посмѣлъ не явиться, потому—въ письмѣ ему,

понамарю, десницею самого владыки написано: «Будешь въ городѣ—смотри, зайди ко мнѣ». Какъ же можно не зайти? Вотъ и зашелъ, и сидитъ въ темномъ углу, точно для того, чтобы никто его не увидѣлъ...

— Понамарь изъ Заозерья... Платонъ Свистуновъ...—точно нехотя роняетъ, между прочимъ, келейникъ, переставляя стулья и обтирая съ нихъ пыль.

— Какой Свистуновъ? гдѣ онъ?..—сердито спрашиваетъ владыка.

— Давно ужъ сидитъ въ пріемной... Что приросъ къ мѣсту... не шевельнется...—ухмыляясь отвѣчаетъ келейникъ.

— Свистуновъ? Платонъ Свистуновъ...

Минуты двѣ-три владыка стоитъ въ раздумьи.

— Ахъ, ты, бестія!—наконецъ въ гнѣвѣ набрасывается владыка на опѣшившаго келейника.—Что ты дѣлаешь, закоснѣлый нерадивецъ? Да вѣдь это—Платонъ Петровичъ, котораго пальца ты не стоишь! Вотъ кто тамъ у тебя сидитъ...

И владыка бросается въ пріемную встрѣчать понамаря Свистунова, точно мать родную, съ которою лѣтъ десять не видался...

— Ужели я удостоился такой милости Божіей, что Платонъ Петровичъ навѣстить меня, убогаго, вздумалъ?—неподдѣльно радостнымъ голосомъ кричитъ онъ.—Да за что же это мнѣ счастье такое, милосердный Господи-и?..

А Платонъ Петровичъ, поклонившись по обычаю того времени въ ноги, такъ и лежитъ на полу, вздрагивая отъ рыданій всѣмъ своимъ мощнымъ тѣломъ. Владыка наклоняется надъ нимъ и, похлопывая его по широкой спинѣ, говоритъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Да встань же, Платонъ Петровичъ! Полно! Этакъ, пожалуй, мы съ тобой ничего и не поговоримъ...

Поднимается понамарь весь заплаканный. Силится онъ засунуть руку въ карманъ подрясника, чтобы вынуть оттуда бумажный платокъ и утереть носъ, и не можетъ.

А владыка уже цѣлуетъ его, со смѣхомъ приговаривая:

— Вонъ ты какой, Платонъ Петровичъ! Я думалъ, что ты въ родѣ меня, сухой старикашка, а ты Голіафъ! Ну, пойдемъ-ка, дорогой, побесѣдуемъ! У меня, братъ, такіе дорогіе гости не часто бываютъ.

— Ты, Карпушка, обѣдъ торопи! Сегодня мы пораньше обѣдать будемъ съ гостемъ...—скажетъ владыка келейнику, а понамаря посадитъ на диванъ, самъ сядетъ рядомъ, и начнется бесѣда. Да еще какая! При простотѣ и ласкѣ владыки понамарь скоро увлекается и, забывая, что съ нимъ разговариваетъ архіерей, начинаетъ спорить, доказывать что-нибудь и утверждать, что онъ лучше это знаетъ, чѣмъ тотъ, кто самъ не учитъ ребятъ.

— Да какъ же,—разводя руками, непринужденно ораторствуетъ понамарь:—ему, канальцу, мальчишкѣ-то, твердишь, твердишь: ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій, Богъ, Божество, Богородица... А онъ, шельмецъ, за тобой-то повторяетъ, а самъ такъ и впился глазами въ таракана и руку протянулъ ,чтобы, значитъ, стреконуть его... Ну, и тутъ самое что ни на есть время — тяпнуть его по спинѣ шелопугой...

— Ха-ха-ха... Платонъ Петровичъ! — по-дѣтски хохочетъ владыка за обѣдомъ, угощая Свистунова.—Кушай на здоровье! Каша добрая! Я такъ люблю такую... Да кушай досыта! Обѣдъ вѣдь у меня простой... Люблю картошку, грибки... Такъ шелопугой, говоришь?—опять хохочетъ владыка.—Ха-ха-ха...

— Да ужъ вѣрнѣе нѣтъ ничего...—говоритъ сконфуженный понамарь.

Послѣ обѣда владыка наберетъ въ подарокъ гостю разныхъ книгъ, прикажетъ келейнику увязать ихъ въ холстину и затѣмъ распростится съ гостемъ, точно съ роднымъ или близкимъ ему человѣкомъ.

И такіе труженики никогда не забывались владыкою. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ писалъ имъ одобрительныя и благодарственныя письма, посылалъ книги и просто поклоны и, наконецъ, опредѣлялъ на священническія мѣста.

Вотъ еще примѣръ простого, дружелюбнаго отношенія владыки Аркадія къ «работающему» духовенству.

Пріѣхалъ въ городъ по дѣлу священникъ, а также зашелъ и къ владыкѣ. Владыка былъ лѣтомъ у этого священника въ селѣ и всѣмъ остался очень доволенъ. Священникъ, пожилой, обстоятельный и серьезный, дѣйствительно былъ выдающимся дѣятелемъ.

— А, о. Матвѣй! Вотъ удружилъ!—встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями владыка.—Спасибо, что вспомнилъ меня, грѣшнаго. Обѣдать со мною будешь! Ужъ никакъ не увернешься! Въ кои-то вѣки удостоилъ...

За обѣдомъ—самый разнообразный разговоръ. Между прочимъ, владыка вдругъ и говоритъ:

— Ну, о. Матвѣй, не могу я забыть, какъ въ церкви-то у тебя. Ужъ такъ хорошо! И служишь ты прекрасно... А знаешь ли ты уставъ-то церковный?

— Полноте глупости-то говорить, владыка!—совершенно спроста возразилъ ему о. Матвѣй.—На что мнѣ знать уставъ? Уставъ у меня всегда передъ глазами лежитъ въ алтарѣ на столикѣ... Какъ нужно, сейчасъ и посмотрю... Вотъ и все!

Владыка, требовавшій отъ духовенства точнаго знанія устава и ссылавшій за незнаніе его въ монастыри на тяжкія работы, только ухмыльнулся и какъ-то извинительно сказалъ:

— Ну, ну... Вишь, ты какой занозистый, о. Матвѣй!..

Придетъ къ владыкѣ какая-либо духовная вдова съ прошеніемъ о пособіи или объ опредѣленіи въ просфорни—всякую обласкаетъ, посочувствуетъ ей, поохаетъ, ободритъ...

— Ахъ, ты, болѣзная моя...—говоритъ онъ.—Такъ дѣтокъ-то, говоришь, трое у тебя осталось?

— Трое владыка, три дѣвочки...—съ рыданіемъ выговариваетъ вдова.—Какъ я съ ними жить буду? Ужъ и сама не знаю...

— Ну, ну... Промыселъ Божій помни, матушка-а! Ужъ если о птицахъ небесныхъ заботится Господь, то кольми паче о васъ, маловѣри-и? Пособьишко-то, вѣдь, малое дадутъ... Рублей десять въ годъ, не больше... А ты въ просфорни поступай! Ужъ я тебя устрою! Вотъ и сыта будешь...

Просфорни при сельскихъ церквахъ жалованье получали тогда ничтожное—отъ шести до десяти рублей въ годъ. Но осенью онѣ собирали по всему приходу такъ называемую «новь»—зерновой хлѣбъ, ленъ, шерсть и проч., какъ доброхотное даяніе. Во всѣ же праздники, когда духовенство ходитъ по приходу, вмѣстѣ съ нимъ и просфорня собирала въ свою пользу пироги и печеный хлѣбъ. Въ Петровъ постъ просфорня производила сборъ «петровщины»—яйца и сметану съ каждаго дома. Кромѣ того, причтъ церковный давалъ просфорнѣ небольшой кусокъ усадебной земли подъ огородъ, а иногда полоску и въ полѣ. Такимъ образомъ, просфорнямъ жилось довольно сносно; особенно, если приходъ былъ побогаче.

Потому-то владыка и старался устраивать осиротѣвшія семьи духовенства на мѣста просфоренъ.

IV.

Снисхожденіе.

Весьма интересны были отношенія владыки Аркадія къ духовной консисторіи. И въ настоящее время консисторская волокита всѣмъ извѣстна и—нечего грѣха таить—взяточничество, подъ разнообразными деликатными видами, и нынѣ преспокойно продолжаетъ существовать, какъ чуть ли не главный двигатель дѣлъ на тѣхъ или другихъ консисторскихъ стадіяхъ. А въ описываемое время консисторіи вообще представляли собою такія учрежденія, въ которыхъ безъ взятокъ не дѣлалось рѣшительно ничего.

А владыка Аркадій, какъ человѣкъ своего времени, самъ будучи безсребренникомъ, на консисторское взяточничество смотрѣлъ какъ на нѣчто не только не предосудительное, но даже какъ бы узаконенное. Взяточничество представлялось ему не какъ зло,—проявленіе преступной воли,—и вошедшее въ пословицу выраже-

ніе взяточниковъ «сухая ложка ротъ деретъ»—не какъ проявленіе дурныхъ наклонностей, а какъ нѣчто неизбѣжное со стороны принимающаго взятку и похвальное со стороны дающаго. Въ послѣднемъ случаѣ взятка даже поощрялась владыкою.

Одинъ разъ, на шестой недѣлѣ Великаго поста, пришелъ къ владыкѣ по дѣлу ректоръ семинаріи. Владыка былъ занятъ съ экономомъ архіерейскаго дома. Поздоровавшись съ ректоромъ, онъ сказалъ:

— Ужъ извините, о. ректоръ! Я минуточку докончу тутъ нужное дѣло съ экономомъ. Посидите пока, а я сейчасъ...

— Ну, такъ пиши, о. экономъ, какъ я началъ диктовать: пудъ, значитъ, секретарю... По десяти фунтовъ столоначальникамъ... Ну, а писцамъ я пошлю деньгами по полтинѣ... Записалъ?

— Записалъ, владыка,—отвѣтилъ экономъ.

— Такъ завтра непремѣнно пошли... Ну, а пока ступай!

— Пасха святая близко,—обратился владыка по уходѣ эконома къ ректору:—такъ я вотъ консисторцамъ гостинцы посылаю... Секретарю пудъ коровьяго масла изъ хозяйства архіерейскаго хутора, а столоначальникамъ по десяти фунтиковъ... Остальной мелкой братіи деньжишекъ малую толику...

— Нельзя, знаете!—продолжалъ владыка.—Жалованьишко малое получаютъ, а жить надо чѣмъ-нибудь... Да и призадобрить не мѣшаетъ... Съ секретаремъ консисторіи надо въ ладахъ жить, а нѣтъ—подведетъ такую штуку, что и-и! Вѣдь онъ у насъ все равно, что прокуроръ... Да и примѣръ другимъ надо подать! Самъ будешь добрымъ, и къ тебѣ будутъ всѣ добры... Вездѣ даютъ, вездѣ и берутъ... Да и спасибо, что берутъ,—возьмутъ, такъ и сдѣлаютъ, что тебѣ нужно. И при томъ безъ задержки... О-охъ, о. ректоръ, безъ этого нельзя!

— Такъ-то оно такъ, ваше высокопреосвященство, но давать-то за то, что и такъ должны дѣлать,—преступно...—замѣтилъ внимательно слушавшій ректоръ.

— Кто же этого не знаетъ?—замахалъ руками владыка.—Да, ваше высокопреподобіе! Да не дайте вы гривенника моему келейнику Карпушкѣ о праздникѣ, такъ онъ отъ васъ и рыло свое отворачивать будетъ, а въ другой разъ и шубу съ васъ не сниметъ и калоши не подастъ! Будетъ услуживать въ это время другимъ, а если никого нѣтъ, то представится, что чѣмъ-то неотложнымъ занятъ и вамъ услужить не можетъ... Кто его знаетъ? Возьметъ да при вашемъ входѣ руку въ трубу по самое плечо и запихаетъ. И будетъ еще ворчать: «ахъ разбойники, ахъ, душегубы! а вѣдь пожаръ могъ случиться»...

— Нѣтъ, о. ректоръ! Дать вездѣ надо...—закончилъ владыка.

И консисторія брала и ничего безъ «даяній» не дѣлала. Брала, правда, по нынѣшнимъ временамъ—пустяки, но вѣдь тогда и

времена были другія и цѣна деньгамъ была не та, да и жизнь недорого стоила. Три рубля составляли въ то время большія деньги, которыми секретарь консисторіи вполнѣ удовлетворялся въ безконечномъ множествѣ случаевъ.

Система взятокъ въ консисторіи, благодаря естественной наблюдательности чиновниковъ и развитію у нихъ чутья въ этомъ направленіи, достигала такого совершенства, что каждый большой и маленькій чиновникъ безошибочно угадывалъ, что именно онъ, лично, можетъ получить съ того или иного просителя. Какъ только проситель вступалъ въ консисторію, такъ съ перваго же шага мытарства и начинались. И счастливъ былъ тотъ, кто зналъ, какъ и чѣмъ могъ откупиться на каждой ступени этихъ мытарствъ. Неопытные и недогадливые или же черезчуръ скупые теряли время не сутками, а недѣлями—и то никакого толку не добивались. Дѣло ихъ лежало безъ движенія, изъ-за «собиранія» справокъ...

При входѣ въ консисторію просителя встрѣчалъ сторожъ, который сразу же опредѣлялъ, что за птица проситель и по очень ли нужному дѣлу онъ явился, или такъ, по пустяковому. Сторожъ угадывалъ, надо ли просителю поклониться и если надо, то какъ... и какъ нужно спросить: «къ кому пожаловали», или «что надо», или просто—только посмотрѣть на вошедшаго и показать видъ, что у него дѣла много... Если проситель вынималъ изъ кармана кошелекъ и подавалъ семитку или гривну, то сторожъ подобострастно суетился и моментально убѣгалъ докладывать. Онъ и секретарю сообщалъ, что посѣтитель—человѣкъ стоящій...

Секретарь принималъ въ кабинетѣ обязательно одинъ на одинъ. При входѣ посѣтителя,—если послѣдній уже бывалъ здѣсь и ублаготворялъ секретаря, лично или черезъ чьи-либо руки,—секретарь любезно шелъ къ нему навстрѣчу и привѣтствовалъ. А потомъ, усадивъ посѣтителя на стулъ, вступалъ съ нимъ въ интимную бесѣду—и дѣло скоро налаживалось...

— Для васъ все сдѣлаемъ наискорѣйшимъ образомъ...—увѣрялъ секретарь посѣтителя.

Если же посѣтитель вступалъ въ консисторію въ первый разъ, то секретарь, не отрываясь отъ перебиранія и разсматриванія бумагъ, сухо спрашивалъ: «Что, отче, скажете? Я васъ слушаю»...

Смотря по важности дѣла, посѣтитель, наученный заранѣе кѣмъ-либо, тоже за «благодарность»,—дѣйствовалъ навѣрняка, и— какъ бы иногда худо дѣло его ни было—благополучно выкручивался. Даже за большія преступленія отдѣлывался пустякомъ, денежнымъ штрафомъ въ нѣсколько рублей или монастырскимъ послушаніемъ на извѣстный срокъ, который во время самаго отбыванія могъ быть и укороченъ.

— Ужъ иначе нельзя!—любезно говорилъ секретарь.—Сами знаете, что за это полагается? Посидите немного въ монастырѣ,

а тамъ мы васъ и изведемъ оттуда за хорошее поведеніе! Дадимъ знать настоятелю, чтобы заготовилъ хорошій отзывъ...

— Да ужъ не оставьте...—кланяясь, говорилъ благодарный проситель.—Вѣкъ не забуду вашу услугу...

Насколько консисторскіе чиновники были безцеремонны воспользоваться хоть чѣмъ-нибудь, можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Дьяконъ одного бѣднаго села, привезшій послѣ каникулъ своего сына въ духовное училище, зашелъ въ консисторію по просьбѣ вдовы псаломщика—справиться о назначеніи ей пособія. Чиновникъ, къ которому онъ обратился за справкой, вдругъ спросилъ:

— Что у тебя карманъ оттопырился? Что тамъ?

— Да два огурца... Домой поѣду, такъ дорогой закусить...

— Давай ихъ сюда!—властно сказалъ чиновникъ.—Ты себѣ купишь снова...

И дьяконъ безпрекословно отдалъ просимое...

Все это владыка хорошо зналъ и не считалъ особенно предосудительнымъ.

— И вездѣ это есть и нигдѣ безъ этого не обходится,—говорилъ онъ, вздыхая, когда кто-нибудь заговаривалъ случайно о разныхъ поборахъ съ просителей въ консисторіи. — Да вѣдь говорится же: худа безъ добра не бываетъ...—какъ бы въ оправданіе присовокуплялъ владыка:—дѣла скорѣе дѣлаются, да и чиновники добрѣе къ просителямъ.

Такое снисходительное отношеніе владыки Аркадія къ консисторскимъ поборамъ объясняется, по всей вѣроятности, еще и тѣмъ, что эти поборы не представляли, въ большинствѣ случаевъ, большой тяжести для дающихъ. Главные подарки были натурою, т.-е. тѣмъ, что у духовенства было не покупное, а свое. Въ подарокъ «нужному человѣку» привозилось обычно—лукошко рѣпы или картофеля, грибы, ягоды, коровье масло и т. п.

Но, допуская мелкіе поборы, какъ необходимое и всеобщее тогда зло, владыка, однако, зорко слѣдилъ, чтобы поборы не превратились въ лихоимство и вымогательство.

Какъ памятникъ своего служенія въ епархіи, архіепископъ Аркадій воздвигъ величественный каѳедральный соборъ рѣшительно изъ ничего. Денегъ на постройку не было никакихъ. Рѣшено было учинить сборъ и для сбора послать каѳедральнаго протоіерея по всѣмъ городамъ, куда только онъ вздумаетъ... И тутъ мудрый владыка, съ одной стороны, подъ вліяніемъ, можетъ быть, мысли: «сухая ложка ротъ деретъ», а съ другой—изъ опасенія не ввести сборщика въ искушеніе утаить часть сбора, — оффиціально назна-

чилъ въ пользу сборщика пять процентовъ съ собранной на соборъ суммы.

На закладку собора владыка привлекъ весь городъ, заявивъ, что всякій личнымъ трудомъ долженъ принять участіе въ основаніи соборнаго храма. И, дѣйствительно, явились и старый и малый, съ различными орудіями для работы. По окончаніи молебна владыка сказалъ одушевленную рѣчь и въ концѣ ея громогласно воскликнулъ:

— Гдѣ моя любезная мотыга? Дайте мнѣ мотыгу-у! Своими руками мы будемъ строить храмъ Создателю вселенной... О, Господи, благослови!

Съ этими словами владыка, въ полномъ облаченіи, взялъ въ руки желѣзную лопату и началъ копать землю. За нимъ принялся за работу и народъ—рыть ровъ подъ фундаментъ, по намѣченной архитекторомъ чертѣ...

Владыка работалъ минутъ десять, а потомъ, молча благословивъ всѣхъ общимъ осѣненіемъ рукъ, тихо возвратился въ старый деревянный соборъ и оттуда отбылъ въ раздумьи домой, точно предчувствуя, что подъ воздвигаемымъ соборомъ не приведетъ ему Богъ сложить свои кости...

Дѣйствительно, скоро онъ былъ уволенъ на покой, споткнувшись наконецъ на одной изъ своихъ «каверзъ», доложенной Синоду однимъ изъ ректоровъ, назначеннымъ въ архіереи.

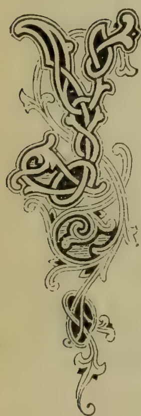
Скончался владыка Аркадій на покоѣ, въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, близъ города Олонца, гдѣ и погребенъ на монастырскомъ кладбищѣ. Келіи владыки, съ небольшою домовою церковью,—гдѣ онъ жилъ на покоѣ,—остаются въ неприкосновенности, со всею скромнѣйшею обстановкою, какъ было при немъ.

Х. Толшемскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОЭТѢ-САТИРИКѢ П. В. ШУМАХЕРѢ.

МЕНЯ есть одна знакомая старуха-генеральша, которая постоянно беретъ у меня книги для чтенія.

— Вы не можете себѣ представить, какая гора воспоминаній выросла передо мной, когда я прочитала статью А. М. Бѣлова «Забытый поэтъ-сатирикъ»,—сказала она мнѣ, возвращая книжку «Историческаго Вѣстника».—Петръ Васильевичъ Шумахеръ былъ мой хорошій знакомый. Въ Иркутскѣ, когда онъ состоялъ при генералѣ-губернаторѣ Корсаковѣ, онъ у насъ бывалъ чуть ли не каждый день. Какъ много я могла бы разсказать о немъ!

— Такъ разскажите.

— Стара я очень стала. Житейскія невзгоды отшибли память. Когда читала о Шумахерѣ, онъ стоялъ передо мной, какъ живой, и картины пережитого проносились одна за другой. Прошло нѣсколько дней, и то, что такъ живо и яркими красками рисовалось мнѣ, исчезло изъ моей памяти. Повседневная жизнь съ ея заботами о насущномъ хлѣбѣ все ненасытно поглощаетъ. Постараюсь припомнить и разобраться въ моихъ воспоминаніяхъ, хотя теперь это мнѣ и трудно будетъ. Такъ какъ я буду разсказывать о жизни Шумахера въ Иркутскѣ, я по необходимости должна буду коснуться и тогдашней общественной жизни въ этотъ городѣ.

Какъ вамъ извѣстно, мой мужъ былъ военнымъ,—послѣ нѣкотораго молчанія начала она.—Въ 1865 году, въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ въ Иркутскъ на одну изъ видныхъ должностей по военному вѣдомству.

Послѣ долгаго и утомительнаго путешествія пріѣхали мы, наконецъ, въ Иркутскъ. Первое впечатлѣніе на меня, коренную жительницу Петербурга, въ которомъ я родилась и жила до замужества, городъ произвелъ болѣе, чѣмъ неблагопріятное. Со слезами на глазахъ я разсматривала деревянные домишки на узкихъ и грязныхъ улицахъ и думала только объ одномъ, долго ли мнѣ придется жить въ этомъ скверномъ, скучномъ городѣ. Въ это время мое вниманіе привлекли люди въ какихъ-то странныхъ костюмахъ, которые сидѣли на землѣ на площади и ѣли, повидимому, съ величайшимъ наслажденіемъ что-то бѣлое, длинное. На мой вопросъ, что это за люди, ямщикъ объяснилъ, что это буряты и что ѣдятъ они сальныя свѣчи. Меня это обстоятельство и поразило и забавило. Долго не могла я забыть объ этомъ бурятскомъ лакомствѣ и поэтому, при всякомъ удобномъ случаѣ, разспрашивала о бурятахъ и объ ихъ правахъ и обычаяхъ. Къ сожалѣнію, теперь все перезабыла. Помню только о довольно странномъ способѣ леченія ими лихорадки. Больного раздѣваютъ догола, привязываютъ къ нему большой камень и на веревкѣ опускаютъ его въ рѣку или озеро нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не посинѣетъ отъ холода. Тогда его завязываютъ въ шкуры и накладываютъ на него теплыя одежды, подъ которыми держатъ до появленія у него сильнѣйшей испарины, съ появленіемъ которой болѣзнь безслѣдно исчезаетъ.

Не подумайте, однако, что въ Иркутскѣ были одни буряты. Въ то время было тамъ очень много интеллигентныхъ людей, благодаря большому количеству сосланныхъ туда послѣ возстанія образованныхъ поляковъ. Въ числѣ ихъ были помѣщики, литераторы, доктора, музыканты. На всѣхъ балахъ и въ театрѣ игралъ прекраснѣйшій оркестръ изъ тридцати поляковъ. Жили всѣ очень весело. По крайней мѣрѣ, я была въ этомъ увѣрена. Я была молода, веселилась и мнѣ казалось, что и всѣмъ тогда было весело.

Однако я обѣщала вамъ разсказать о Шумахерѣ и до сихъ поръ еще не упомянула о немъ.

При первой же встрѣчѣ Петръ Васильевичъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. При дальнѣйшемъ знакомствѣ я убѣдилась, что это былъ не только удивительно умный, но и неимовѣрно хитрый человѣкъ. Несмотря на то, что онъ воспитывался у ксендзовъ, онъ былъ полнѣйшій атеистъ. Литературу и иностранные языки онъ зналъ великолѣпно. Для общества это былъ незамѣнимый человѣкъ. Онъ очень любилъ разсказывать. Когда онъ начиналъ говорить, пересыпая рѣчь шутками и остротами, всѣ умолкали. Дѣйствительно, имъ можно было заслушаться, такъ интересно онъ велъ разговоръ. Къ сожалѣнію, онъ былъ большой циникъ, и, не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ, говорилъ непозволительныя вещи. Утверждая, что необходимо серьезное мѣшать съ весельемъ, онъ постоянно выкидывалъ разныя дурачества. Несмотря на то, что въ Иркутскѣ

была сильно развита карточная игра, онъ никогда въ карты не игралъ, но зато пилъ, и очень много пилъ. Водку иначе онъ не пилъ, какъ большими чайными стаканами. Съ своими друзьями, фотографомъ Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитомъ и докторомъ Персинымъ, за одинъ присѣстъ обыкновенно выпивали четверть ведра. Несмотря на невѣроятное количество выпиваемыхъ имъ спиртныхъ напитковъ, я пьянымъ его никогда не видѣла. Это была сильная и закаленная натура. Выходя на улицу, онъ не одѣвалъ ни шубы, ни пальто, и въ самые сильные морозы щеголялъ въ одномъ сюртукѣ. Домашній костюмъ его былъ—длинная женская рубашка и больше ничего.

Въ Иркутскѣ онъ ничего не дѣлалъ. Ежедневно кутилъ, дурачился и веселился. Говорили мнѣ, что будто бы онъ писалъ исторію Амура, но я этому не вѣрила. Иногда онъ, дѣйствительно, исчезалъ куда-то на неопредѣленное время вмѣстѣ съ Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитомъ. Возвратившись, онъ разсказывалъ, что ѣздилъ осматривать разныя историческія мѣста. Я относилась къ этимъ разсказамъ съ большимъ недовѣріемъ. Мнѣ казалось, что ѣздилъ онъ вовсе не съ научною цѣлью, а просто отдохнуть отъ безконечныхъ кутежей. Вообще онъ всегда такъ говорилъ, что трудно было уловить, правду ли онъ говоритъ, или вретъ.

Врать онъ любилъ вообще. Если же онъ замѣчалъ, что ктонибудь вѣритъ его болтовнѣ, того онъ совершенно, что называется, одурачивалъ. Въ этомъ отношеніи попался къ нему въ руки адъютантъ начальника штаба Пороховъ, надъ которымъ онъ просто потѣшался. Будучи, какъ я уже сказала, атеистомъ и не вѣря нисколько въ загробную жизнь, Шумахеръ увѣрилъ Порохова, что онъ, какъ сильный медіумъ, имѣетъ постоянное общеніе съ духами. Тотчасъ же было устроено нѣсколько спиритическихъ сеансовъ при полной темнотѣ. Трескъ въ столикѣ, постукиванье и разговоръ по азбукѣ произвели на Порохова большое впечатлѣніе. Скоро Шумахеръ увѣрилъ его, что къ нему особенно благосклонно относится и покровительствуетъ ему духъ Клеопатры. Онъ такъ часто и такъ много сталъ передавать ему отъ имени духа поученій и предсказаній, что Пороховъ ничего не предпринималъ, предварительно не посовѣтовавшись съ Клеопатрой, конечно, черезъ Шумахера. Вь отсутствіи Порохова, разсказывая о сеансахъ, Шумахеръ съ хохотомъ передавалъ, какой именно совѣтъ дастъ Порохову Клеопатра на слѣдующій день.

Пороховъ безусловно подчинялся волѣ Клеопатры и исполнялъ ея совѣты. Однако въ послѣдній разъ, передъ своею трагическою смертью, онъ отнесся критически къ предсказанію Клеопатры.

Теперь я хочу вамъ разсказать о смерти Порохова.

Какъ я вамъ говорила, въ Иркутскѣ жило на свободѣ много сосланныхъ поляковъ. Еще больше ихъ было въ тюрьмахъ. По ту

сторону Байкала, на станціи Посольскъ, ихъ было въ тюрьмѣ тысяча человѣкъ. Въ городѣ часто говорили, что тюрьма эта охраняется только десятью конвойными, и, находя такую охрану недостаточной, постоянно ждали бунта. И дѣйствительно, въ іюнѣ мѣсяцѣ дали знать, что арестанты взбунтовались. Они перебили конвойныхъ и, разломавъ окружавшій дворъ тюрьмы частоколъ, ушли. Вооружились они пиками, которыя смастерили изъ жердей частокола и большихъ гвоздей, которыми были утыканы доски наверху частокола.

Начальникомъ штаба въ Иркутскѣ былъ Кукель, полякъ. Всѣ служившіе у него офицеры были тоже поляки, кромѣ одного Порохова. Поэтому Кукель, посылая въ погоню за бѣжавшими арестантами казаковъ, начальствованіе надъ ними поручилъ Порохову. Извиняясь, что такое опасное порученіе онъ даетъ ему, Кукель объяснилъ, что онъ не можетъ послать въ эту командировку поляка. Отъ Кукеля Пороховъ прямо поѣхалъ къ Шумахеру. Тотчасъ же былъ приведенъ въ движеніе столикъ, и отъ имени Клеопатры Шумахеръ объявилъ, что командировка окончится вполнѣ благополучно. Пороховъ задумался и сказалъ:

— Въ первый разъ я не вѣрю Клеопатрѣ, потому что предчувствіе мнѣ говоритъ совершенно иное.

Видя удрученное состояніе Порохова, многіе давали ему совѣтъ отказаться отъ этой командировки, но онъ отвѣчалъ всѣмъ одною и тою же фразой, что долгъ службы для него выше всего и что если бы онъ даже зналъ, что его ждетъ тамъ смерть, онъ все-таки поѣхалъ бы. Передъ отъѣздомъ ему давали совѣты держаться самому вдали, не горячиться и даже не брать съ собой револьвера. Онъ благодарилъ за совѣты и прощался, какъ бы отправляясь умирать. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней было получено извѣстіе, что Пороховъ убитъ.

Преслѣдуя бѣжавшихъ, онъ скоро напалъ на ихъ слѣдъ и, обогнавъ, сѣлъ въ засаду. Разсыпавъ казаковъ по опушкѣ лѣса, онъ спрятался въ кустахъ, не оставивъ около себя ни одного казака. Увидѣвъ проходившихъ вблизи четырехъ арестантовъ, Пороховъ не выдержалъ, выстрѣлилъ въ нихъ изъ револьвера и промахнулся. Тѣ бросились на него и прежде, чѣмъ подоспѣли на помощь казаки, закололи его пиками. На тѣлѣ было найдено четырнадцать ранъ.

Пороховъ былъ прекрасный человѣкъ, его всѣ любили и поэтому долго оплакивали этого «человѣка долга службы».

Часть бѣжавшихъ поляковъ была поймана, немногимъ удалось скрыться, остальные же погибли въ тундрахъ.

Съ Шумахеромъ было много разныхъ приключеній. Я хорошо помню объ одномъ бывшемъ съ нимъ случаѣ потому, что въ теченіе долгаго времени мужчины потѣшались надъ Шумахеромъ. Обыкновенно онъ высмѣивалъ всякаго, а здѣсь онъ самъ попался на зу-

бокъ, и всѣ были рады отомстить ему. Случай былъ довольно оригинальный.

Въ февралѣ мѣсяцѣ у китайцевъ бываетъ праздникъ, носящій названіе «Бѣлый мѣсяцъ». Проѣзжавшіе изъ Маймачина въ Кяхту богатые китайскіе купцы остановились въ Иркутскѣ и устроили торжественныя празднества. Шумахеръ заинтересовался ими и отправился къ купцамъ въ гости. Его приняли очень радушно и стали поить и кормить. Шумахеръ пилъ всѣ напитки и пробовалъ всѣ китайскія кушанья. Въ особенности ему понравились какіе-то красные шарики. Его сейчасъ же предупредили, что много шариковъ нельзя ѣсть, но онъ не послушалъ и сталъ отправлять въ свою богатырскую утробу одинъ шарикъ за другимъ. Впослѣдствіи оказалось, что это было сильное возбуждающее средство. Послѣдствія невоздержанія были для Шумахера довольно печальны. Не успѣлъ онъ доѣсть послѣдній шарикъ, какъ почувствовалъ себя нехорошо. Онъ пришелъ въ такое возбужденное состояніе, что его сначала обливали холодной водой, а потомъ должны были пригласить доктора.

Оказывалъ ему врачебную помощь докторъ Вишневскій, также сосланный полякъ. Это былъ опытный врачъ и хорошій, добрый человѣкъ, всегда готовый оказать помощь ближнему. У него на первомъ планѣ была наука, и поэтому онъ не былъ «заядлымъ» польскимъ патріотомъ. Онъ разсказывалъ, и ему вѣрили, что во время польскаго возстанія онъ жилъ въ Кіевѣ, занимался наукой, практикой и не думалъ принимать какое бы то ни было, хотя бы косвенное, участіе въ польскомъ движеніи. Однажды къ нему явились неожиданно нѣсколько человѣкъ польскихъ эмиссаровъ и предложили ему отправиться съ ними «до лясу» оказывать помощь больнымъ и раненымъ. На предложеніе его откупиться деньгами онъ получилъ отказъ. Тогда онъ заявилъ, что ѣхать не желаетъ. Ко лбу былъ приставленъ револьверъ и былъ предоставленъ выборъ: или онъ сію минуту отправляется съ ними, или будетъ убитъ, какъ «измѣнникъ». Пришлось подчиниться. Черезъ мѣсяцъ онъ былъ задержанъ и затѣмъ сосланъ въ Сибирь.

Умеръ онъ также неожиданно. Въ одномъ семействѣ, гдѣ онъ былъ постояннымъ врачомъ, онъ приласкалъ комнатную собачку. Та неожиданно укусила его за палецъ. На небольшую ранку онъ не обратилъ вниманія. Черезъ нѣсколько дней выяснилось, что собачка эта страдала бѣшенствомъ. О прививкахъ тогда не знали, и Вишневскій сталъ замѣчать, что у него появляются всѣ признаки водобоязни. Черезъ шесть недѣль онъ потребовалъ, чтобы его связали и отправили въ больницу, гдѣ онъ и умеръ. Мужъ мой одинъ разъ навѣстилъ его въ больницѣ. Вишневскій его узналъ.

— Закурите папиросу, вложите ее мнѣ въ ротъ и быстро отдерните руку. Иначе я могу укусить,—сказалъ онъ.

Послѣ нѣсколькихъ затяжекъ Вишневскій крикнулъ:

— Я больше не въ силахъ себя удержать. Сейчасъ брошусь кусаться. Уходите!..

Со слезами на глазахъ мужъ ушелъ и больше его уже не видѣлъ.

Теперь я вамъ разскажу объ одной изъ продѣлокъ Шумахера.

Наканунѣ какого-то торжественнаго дня, въ который обыкновенно губернаторъ Шалашниковъ бывалъ въ театрѣ, въ городѣ распространился слухъ, что на слѣдующій день Шумахеръ обѣщалъ своимъ пріятелямъ устроить какой-нибудь скандалъ въ театрѣ. Объ этомъ знали всѣ, кромѣ, конечно, начальства, и поэтому театръ былъ полонъ. Шла «Аскольдова могила». Шумахеръ сидѣлъ въ первомъ ряду. Не успѣлъ взвиться занавѣсъ, какъ Шумахеръ началъ чихать. Прошло нѣсколько минутъ, Шумахеръ чихать не переставалъ. Публика начинаетъ волноваться и смѣяться. Губернаторъ, сидѣвшій въ своей ложѣ, морщится и дѣлаетъ знакъ полицеймейстеру Думанскому. Этотъ срывается съ мѣста, летитъ въ ложу губернатора, получаетъ инструкціи, подбѣгаетъ къ Шумахеру и шепчетъ ему на ухо. Шумахеръ въ отвѣтъ киваетъ ему головой и чихаетъ. Думанскій начинаетъ его уговаривать. Шумахеръ безнадежно разводитъ руками, поднимается съ мѣста и, не переставая чихать на ходу, идетъ въ бельэтажъ, усаживается тамъ и продолжаетъ чихать. Губернаторъ опять зоветъ къ себѣ полицеймейстера. Публика давно уже не смотритъ на сцену, а слѣдитъ съ интересомъ за разыгрывающейся комедіей въ партерѣ. Изъ ложи губернатора полицеймейстеръ опять бѣжитъ къ Шумахеру и ведетъ его къ губернатору. Шумахеръ входитъ въ губернаторскую ложу, почтительно кланяется и чихаетъ. Губернаторъ, повидимому, кипятится и что-то сердито говоритъ Шумахеру. Въ отвѣтъ на это тотъ киваетъ головой и опять чихаетъ. Затѣмъ, сопровождаемый дружнымъ хохотомъ публики, продолжаетъ чихать безъ конца, медленно направляется къ выходу и уходитъ изъ театра.

А вотъ еще одна изъ его продѣлокъ. Одинъ изъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ былъ женатъ на богатой, но малообразованной купчихѣ. Послѣ смерти мужа она стала заниматься широкой благотворительностью, пріобрѣла поэтому большую извѣстность и вездѣ была желанной гостьей.

Однажды генералъ-губернаторъ Корсаковъ давалъ раутъ. Получивъ письменное приглашеніе, благотворительница попросила пришедшаго къ ней Шумахера объяснить ей слово раутъ.

— Какъ? вы не знаете, что это значитъ?! Это очень интересное зрѣлище,—сталъ импровизировать Шумахеръ.—Балы могутъ давать всѣ смертные, но рауты только великіе міра сего. Собственно говоря, раутъ это тотъ же балъ, но при особенной обстановкѣ. Начнется этотъ раутъ очень торжественно. На особенномъ, богато убранномъ тронѣ генералъ-губернаторъ будетъ сидѣть по срединѣ зала.

Всѣ приглашенные на раутъ въ теченіе получаса будутъ ходить кругомъ парами. Впереди всѣхъ будетъ барабанщикъ и выбиваетъ дробь, за нимъ дамы и потомъ мужчины. Передъ началомъ шествія адъютанты и чиновники особыхъ порученій устанавливаютъ пары по росту. Впереди идутъ болѣе высокаго роста и самые маленькіе сзади. Такъ какъ вы очень высокаго роста, несомнѣнно, вамъ будетъ оказана особая честь, и вы пойдете въ первой парѣ сейчасъ же вслѣдъ за барабанщикомъ.

Дама поблагодарила за объясненіе, которому безусловно повѣрила. Въ этотъ же день она написала Корсакову письмо, въ которомъ, благодаря за приглашеніе на раутъ, выразила сожалѣніе, что не можетъ быть на немъ по болѣзни.

Послѣ раута на слѣдующій же день генералъ-губернаторъ заѣхалъ провѣдать больную благотворительницу. Найдя ее совершенно здоровой, Корсаковъ понялъ, что болѣзнь была фиктивная и что дама отказалась отъ приглашенія по какой-нибудь другой причинѣ. Поговоривъ немного, онъ попросилъ хозяйку сказать ему откровенно, почему она не захотѣла пріѣхать къ нему въ гости. Та обиженнымъ тономъ отвѣтила, что она не молоденькая, да если бы была и помоложе, то и тогда бы не пошла на раутъ, такъ какъ считаетъ для себя унизительнымъ ходить вслѣдъ за барабанщикомъ. Корсаковъ, что называется, раскрылъ ротъ отъ удивленія. Заподозрѣвъ, что дама сошла съ ума, онъ перемѣнилъ разговоръ. Убѣдившись, однако, что она разумно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, онъ попросилъ объяснить ему, о какомъ она упоминаетъ барабанщикѣ. Когда, наконецъ, изъ ея дальнѣйшаго разсказа онъ понялъ, какъ подшутилъ надъ ней Шумахеръ, онъ сталъ хохотать, какъ безумный. Въ теченіе долгаго времени хохоталъ и весь городъ.

По дѣламъ благотворительности дама эта бывала часто и у архіерея. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Шумахеръ для продолженія своихъ надъ ней насмѣшекъ по слѣдующему поводу.

Однажды архіерей въ проповѣди своей, направленной противъ безумной роскоши, привелъ не совсѣмъ удачный примѣръ, сказавъ, что дамы «даже кальсоны и тѣ шьютъ батистовыя».

Узнавъ объ этомъ, Шумахеръ, при первой же встрѣчѣ въ обществѣ съ благотворительницей, сталъ разспрашивать ее, часто ли она бываетъ у архіерея, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, спросилъ, не можетъ ли она, въ такомъ случаѣ, объяснить ему, отъ кого архіерей пріобрѣтаетъ такія подробныя свѣдѣнія о дамскомъ туалетѣ, какія даже ему, свѣтскому человѣку, неизвѣстны.

Кстати скажу еще нѣсколько словъ объ архіереѣ. Стоило ему сѣсть на пароходъ, какъ Байкалъ начиналъ волноваться. Какъ ни избѣгалъ архіерей ѣздить водою, но иногда приходилось, потому что другого пути не было. Увидѣвъ архіерея на пристани, многіе изъ отправлявшихся въ путь откладывали свою поѣздку и возвра-

щались домой. И они были правы. Каждая поѣздка архіерея сопровождалась бурей. Тотъ путь, который пароходъ проходилъ обыкновенно въ теченіе девяти дней, продѣлывался около двухъ недѣль. Объяснить причину было невозможно, съ фактомъ же приходилось считаться.

Какъ я уже говорила, Шумахеръ бывалъ у насъ очень часто. О многомъ мы съ нимъ переговорили и немало поспорили. Нужна была извѣстная опытность, чтобы примѣниться къ его способу изложенія мыслей. Разсказывая что-нибудь, онъ не могъ не начать фантазировать и прибавлять отсебятину, такъ что, слушая его, необходимо было смотрѣть ему прямо въ лгаза и улавливать моменты, когда онъ перестанетъ говорить правду. Спорила я съ нимъ всегда по вопросамъ религіознымъ. Какъ я уже сказала, онъ былъ атеистомъ, я же и тогда, хотя была молода, но была уже глубоко вѣрующей. Такъ какъ онъ любилъ касаться этой темы, споры у меня съ нимъ бывали чуть ли не ежедневные.

Послѣ переѣзда моего изъ Иркутска въ Петербургъ я вела съ нимъ дѣятельную переписку. Всѣ письма его были на французскомъ языкѣ. Писалъ онъ по разнымъ вопросамъ, преимущественно по тѣмъ же религіознымъ. Къ величайшему моему огорченію, вся переписка, заключавшаяся въ двухъ большихъ пачкахъ его писемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня пропала. Исчезъ также и данный имъ мнѣ на память передъ моимъ отъѣздомъ изъ Иркутска его портретъ, на оборотѣ котораго имъ были написаны слѣдующіе стихи:

Желалъ бы очень посмотрѣть я,
Какъ вы, прабабушка, шестидесяти лѣтъ,
На рубежѣ двадцатаго столѣтья
Съ нѣмою грустію возьмете мой портретъ;
Какъ на него, съ улыбкой дѣтской глядя,
Вашъ баловень, любимый внукъ,
Васъ спроситъ: «бабушка, кто это, толстый дядя?»
Скажите: «это былъ мой другъ».

М. Ф. Чулицкій.

ТЕАТРЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

(Изъ далекаго прошлаго).

I.

Провинція добраго стараго времени.—Бродячія труппы.—Выходцевъ и его антреприза.—Семья Новиковыхъ.—Харьковскій антрепренеръ Дюковъ и его актеры.

ВО ВТОРОЙ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія губернскій городъ Полтава представлялъ собою порядочное захолустье. На главныхъ улицахъ—досчатые тротуары, полусгнившіе, называвшіеся на обывательскомъ языкѣ «пѣшеходами»; черезъ улицы болтались протянутыя между деревьями веревки, съ привязанными по серединѣ уличными фонарями. Губернаторъ, типичный щедринскій помпадуръ, необычайно сухой и высокій, всѣ свои помыслы сосредоточивалъ на «внѣдреніи» политической благонадежности во «ввѣренной» его превосходительству губерніи и не обращалъ никакого вниманія на все остальное. Когда ему болѣе смѣлые обыватели дерзали говорить, что не худо бы «столицѣ Малороссіи» немножко пообчиститься и облагообразиться, напыщенный и въ достаточной степени злобный помпадуръ сердито отвѣчалъ, что въ другихъ губерніяхъ еще хуже.

Вотъ въ этомъ-то глухомъ провинціальномъ городкѣ интеллигенція сумѣла, несмотря на условія тогдашней жизни, жить сплоченно и весело. Зимой Полтава оживлялась съѣздомъ помѣщиковъ съ извѣстнымъ княземъ Львомъ Кочубеемъ во главѣ. На первомъ

мѣстѣ стоялъ театръ, которымъ положительно бредило мѣстное общество. Среди любителей, постоянныхъ участниковъ спектаклей, выдѣлялись: душа полтавскаго общества той эпохи А. М. Абаза съ женой, А. И. Пальмъ съ женой, Башкирцевъ (отецъ Маріи Башкирцевой), князь и княгиня Долгоруковы, двѣ дочери начальницы полтавскаго института Л. Ѳ. и Е. Ѳ. Дейтрихъ (сестры нынѣшняго члена государственнаго совѣта В. Ѳ. Дейтриха), молодой Милорадовичъ, котораго всѣ фамильярно называли Гришей, и другіе. Когда любители однажды поставили «Женитьбу» Гоголя, на спектаклѣ присутствовала жившая въ Полтавѣ сестра великаго писателя Анна Васильевна Гоголь-Яновская.

Постояннаго театра въ городѣ не было. Наѣзжали всевозможныя бродячія провинціальныя труппы. Одна изъ такихъ труппъ была составлена мѣстнымъ учителемъ танцевъ Аведиковымъ; главный актеръ этой труппы, онъ же и декораторъ, Максинъ, игравшій первыхъ любовниковъ, выходилъ на сцену въ блестящихъ мелкихъ резиновыхъ калошахъ вмѣсто лакированныхъ ботинокъ. Пріѣзжала итальянская оперная труппа подъ управленіемъ буффо Камарано. Примадонны Аббати (сопрано) и Баратти (контральто) плѣняли полтавцевъ, подѣлившихся на двѣ партіи. Самъ Камарано производилъ фуроръ въ комическихъ операхъ «Донъ-Кекко», «Фальшивые монетчики» и «Криспино и его кума». Въ первой изъ этихъ оперъ донъ-Кекко выходитъ измоченный дождемъ; Камарано, для реальности, передъ выходомъ велѣлъ себя окачивать изъ ведра настоящей водой и, появляясь передъ зрителями дѣйствительно насквозь промокшимъ, вызывалъ цѣлую бурю восторговъ.

Наѣзжалъ и пользовавшійся громадной популярностью на югѣ актеръ Выходцевъ со своею труппой, каждую роль, будь то проза или стихи, говорившій своими словами и уснащавшій ее глупыми добавленіями и пошлыми остротами на потѣху райка. Каждое свое появленіе на сценѣ Выходцевъ неизмѣнно сопровождалъ отчаянно-громкими возгласами за кулисами, напримѣръ: «Хо-хо-хо!» или «Вотъ и я иду», или «А ну-ка, нажаривай!». Раекъ узнавалъ голосъ своего любимца и встрѣчалъ Выходцева громовыми рукоплесканіями и криками «браво! браво!»

Вотъ образчики выходцевскихъ добавленій и измѣненій. Въ мольеровскомъ «Донъ-Жуанѣ», шедшемъ въ какой-то невозможной передѣлкѣ, Выходцевъ, играя Лепорелло, называвшагося почему-то Педрилло, въ сценѣ со статуей командора на кладбищѣ, каждый разъ говорилъ:

— Господинъ командиръ, пожалуйте къ моему барину кушать мятныя (!) котлеты...

Когда Выходцева спрашивали:

— Откуда вы, Григорій Алексѣевичъ, взяли мятныя котлеты?

Онъ отвѣчалъ:

— А что жъ, станемъ еще мы покойника кормить настоящими котлетами!

Въ концѣ пьесы, когда донъ-Жуанъ проваливался съ командоромъ, на сцену выбѣгало нѣсколько статистовъ въ костюмахъ балаганныхъ чертей; черти гонялись за Педрилло, а тотъ отъ нихъ увертывался. Въ разгарѣ бѣготни занавѣсъ падалъ; Выходцевъ, оставаясь передъ занавѣсомъ, обращался къ публикѣ, грозя пальцемъ, съ такими словами:

— И всѣмъ такъ будетъ, кто не хочетъ къ намъ въ театръ ходить!

Въ сценѣ съ донъ-Жуаномъ, передъ появленіемъ статуи командора, Выходцевъ произносилъ такую фразу... на малороссійскомъ языкѣ:

— Въ (у) Педрилло усе горло сгорило,—добавляя по-русски:— Дайте, господинъ баринъ, стаканчикъ запеканки (наливки).

Играя Фамусова, въ первой сценѣ съ Лизой Выходцевъ такъ «передѣлалъ» Грибоѣдова:

— Я баринъ, а ты паршивая дѣвчонка на всю улицу гремишь и симфоніи разводишь. Брысь!

Публика гоготала, а интеллигенція смотрѣла на Выходцева, какъ на балаганнаго шута, и незлобиво смѣялась, прощая чудаку его нелѣпыя выходки. Однако и у Выходцева была роль, въ которой онъ не дѣлалъ никакихъ добавленій и, будучи, несомнѣнно талантливымъ по натурѣ комикомъ, игралъ безусловно хорошо: Левъ Гурычъ Синичкинъ, въ водевилѣ того же названія, передѣланномъ извѣстнымъ водевилистомъ Ленскимъ изъ французской пьески «Le père de la débutante».

Выходцевъ первый поставилъ въ Полтавѣ оффенбаховскаго «Орфея въ аду». Анонсъ о постановкѣ оперетки, съ ума сводившей всю Европу, взбудоражилъ всѣхъ полтавцевъ. Мѣстный стихоплетъ, учитель гимназіи Ст. Павл. Стеблинъ-Каминскій (братъ его былъ въ то время полтавскимъ полицеймейстеромъ), сейчасъ же написалъ цѣлое стихотвореніе «Посланіе къ полтавцамъ», шибко ходившее по рукамъ и начинавшееся такимъ перломъ стихокропанія стараго учителя:

«Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ,
И въ Полтавѣ Оффенбахъ».

Постановка и исполненіе были, разумѣется, въ выходцевскомъ вкусѣ. Роль Общественнаго Мнѣнія играла маленькая дѣвочка (лѣтъ девяти) и первый свой монологъ, съ большими сокращеніями, не декламировала, а пѣла на мотивъ русской пѣсни «Во саду ли, въ огородѣ». Выходцевъ объяснялъ эту «вольность» такъ:

— Пусть французы кургузые знаютъ, что и у насъ есть хорошія пѣсни!

Роль Купидона играла жена Выходцева, толстѣйшая немолодая особа, являвшаяся въ столь откровенномъ костюмѣ, что изъ райка на первомъ представленіи дружно кричали:

— Выходцева! поди одѣнься, безстыдница!

Въ финалѣ второй картины, когда Купидонъ, сидя на табуретѣ у ногъ Юпитера, вертится, Выходцевъ, поднимая бутафорскую молнію и замахиваясь ею, кричалъ:

— Не вертись, какъ дзыга (волчокъ), а то я тебѣ всю морду сейчасъ разобью!

Въ той же картинѣ, когда Геба читаетъ стихотвореніе на модную въ тѣ времена тему о свободѣ женщинъ, Выходцевъ, послѣ декламаціи, обращался къ Гебѣ съ такими словами:

— Гэба! Иды соби съ нэба, намъ тоби не треба,—ищи себѣ хлѣба у другихъ антрепренеровъ, а Выходцевъ не такой дуракъ!

Актеры у Выходцева были на всѣ руки: сегодня трагикъ, завтра комикъ, сегодня драматическій любовникъ, завтра танцоръ. Напримѣръ, вотъ что гласила одна изъ афишъ временъ выходцевской антрепризы:

«Сегодня, въ бенефисъ г. и г-жи Міодушевскихъ представлена будетъ въ первый разъ по возобновленіи историческая (!) драма въ трехъ дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», съ пожаромъ, разрушеніемъ и бенгальскими огнями. Роль Жоржа де-Жермани исполнитъ бенефиціантъ, роль его страдающей жены исполнитъ бенефиціантка. Въ заключеніе спектакля бенефиціанты протанцуютъ малороссійскій танецъ «Казачекъ» съ новыми фигурами».

Конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ ознаменовались крупнымъ переворотомъ въ полтавской театральной жизни. На смѣну балаганныхъ фигляровъ и балаганныхъ представленій явились настоящіе артисты. Систематически посѣщали Полтаву двѣ труппы: извѣстнаго актера Никифора Ивановича Новикова и харьковскаго антрепренера Николая Николаевича Дюкова, причемъ труппа Дюкова пріѣзжала ежегодно во время Ильинской ярмарки. Н. И. Новиковъ, получившій впослѣдствіи широкую извѣстность по всей Россіи и приглашенный затѣмъ въ Петербургъ на императорскую сцену, былъ, дѣйствительно, выдающимся талантомъ. Въ составѣ его труппы находились всѣ члены даровитой новиковской семьи: мать (комическая старуха), жена (водевильная актриса) и три сестры—драматическая актриса Наталья Ивановна Степанова, яркій талантъ которой захватывалъ зрителя, ingénue Варвара Ивановна Лаврова и субретка Шелехова. Мужъ Натальи Ивановны, впослѣдствіи также извѣстный Петербургу комикъ Николай Петровичъ Никоновъ-Ивановъ, былъ цѣннымъ самородкомъ, не получившимъ, къ сожалѣнію, необходимой шлифовки. Старинный двухактный водевиль «Бродяги», съ Никифоромъ Ивановичемъ

Новиковымъ въ роли Роберта и Николаемъ Петровичемъ Новиковымъ-Ивановымъ въ роли Бертрама, не сходилъ съ репертуара. Мужъ Варвары Ивановны Лавровой, актеръ Лавровъ, былъ наименѣе талантливымъ изо всей артистической семьи, но и онъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ выходцевскихъ актеровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Наталья Ивановна Степанова въ «Горькой судьбинѣ» (Елизавета), «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», «Грозѣ», мелодрамѣ «Дѣтскій докторъ» и другихъ заставляла плакать весь зрительный залъ. Однажды третій актъ «Горькой судьбины» пришлось прервать и опустить занавѣсъ, такъ какъ въ театрѣ поднялись истерическія рыданія, заглушавшія слова исполнителей. Самъ Никифоръ Ивановичъ Новиковъ производилъ одинаково сильное впечатлѣніе какъ въ сильно драматическихъ, такъ и въ комическихъ роляхъ. Идеальный Левъ Красновъ и Ананій Яковлевъ былъ въ то же время безподобнымъ Сквозникъ-Дмухановскимъ и Репетиловымъ. Даже въ такой вымученной и скучнѣйшей пьесѣ, какъ «Расточитель» Лѣскова, Новиковъ умудрился создать изъ Князева необычайно типичное, жизненное лицо. Слабенькая драма Чернышева «Отецъ семейства» съ участіемъ Новикова смотрѣлась съ напряженнымъ интересомъ. И глубоко неправы тѣ поверхностные лѣтописцы, которые утверждали, что Никифоръ Ивановичъ Новиковъ былъ раздутой провинціальной знаменитостью, сошедшей на нѣтъ при вступленіи въ ряды дѣятелей Александринскаго театра. Это сущій вздоръ. Никогда Новиковъ въ Петербургѣ не «сходилъ на нѣтъ»; если же, подъ конецъ своей жизни, образъ его, какъ актера императорскихъ театровъ, нѣсколько и потускнѣлъ, то виноваты въ этомъ были, во-первыхъ, серьезная болѣзнь Новикова и, во-вторыхъ, тогдашній современный репертуаръ, не дававшій возможности Никифору Ивановичу развернуть во всю ширь свой мощный талантъ; да и вообще многія, чисто закулисныя обстоятельства складывались такъ, что у Новикова опускались руки.

Харьковскій антрепренеръ Николай Николаевичъ Дюковъ первый показалъ Полтавѣ правильно и солидно организованное театральное дѣло. Большая труппа, въ которой находились крупныя провинціальныя артистическія силы, тщательная срепетовка, разнообразный репертуаръ, прекрасные по тому времени костюмы и декораціи—все это сразу же обратило на себя вниманіе публики, валомъ валившей въ театръ. Постановкой трагедіи Алексѣя Толстого «Смерть Іоанна Грознаго» Дюковъ произвелъ сенсацію; въ теченіе полутора мѣсяца сезона трагедія шла десять разъ при переполненномъ театрѣ,—фактъ безпримѣрный. Въ труппѣ Дюкова, насчитывавшей немало выдающихся актеровъ того времени, блистали неподдѣльнымъ юморомъ и комическимъ талантомъ комикъ Аркадій Большаковъ и молодая веселая актриса Марья Николаевна Акенфьева. Смотрѣть на эту парочку, впослѣдствіи сочетавшуюся

законнымъ бракомъ, было истиннымъ наслажденіемъ; какой-нибудь пустенькій водевильчикъ исполнялся ими концертно. Дюковъ, отдавая дань зарождавшейся модѣ на оперетку, поставилъ, впервые въ Полтавѣ, «Прекрасную Елену», «Синюю бороду» и другія только что появлявшіеся въ переводѣ на русскій языкъ шедевры Оффенбаха. Въ «Птичкахъ пѣвчихъ» Акенфьева (Перикола), несмотря на маленькій голосъ, производила фуроръ. Съ постановкой «Птичекъ пѣвчихъ» не обошлось безъ курьеза. Одинъ изъ видныхъ чиновниковъ (молва упорно называла тогдашняго прокурора окружнаго суда Непорожнева, любившаго изображать изъ себя «недреманное око» и частенько отличавшагося довольно эксцентрическими выходками въ области вмѣшательства въ мирную обывательскую жизнь), присутствовавшій на первомъ представленіи оперетки, возмутился глумленіемъ надъ губернаторскою властью и сообщилъ объ этомъ его превосходительству начальнику губерніи. Тотъ призвалъ полицеймейстера, разнесъ его и приказалъ сдѣлать внушеніе антрепренеру. Полицеймейстеръ струхнулъ и поспѣшно вызвалъ къ себѣ Дюкова.

— У васъ тамъ осмѣиваютъ губернатора! Кто это смѣетъ?—рѣзко началъ полицеймейстеръ.

Дюковъ, отличавшійся хладнокровіемъ и сдержанностью, почесалъ себѣ лѣвую бакенбарду (любимый «жестъ» Дюкова, когда бывали какія-нибудь непріятности по театру) и замѣтилъ, что никто никого не осмѣиваетъ и что актеры говорятъ на сценѣ и дѣлаютъ только то, что разрѣшено въ цензурованномъ экземплярѣ пьесы.

— Не можетъ быть! никогда цензура не разрѣшитъ смѣяться надъ правительственной властью.

Дюковъ сказалъ, что сейчасъ привезетъ цензурованный экземпляръ, поѣхалъ въ театръ, взялъ пьесу и привезъ полицеймейстеру. Тотъ посмотрѣлъ, увидѣлъ, что фигурируетъ въ опереткѣ, дѣйствительно, губернаторъ, и поскакалъ къ начальнику губерніи съ экстреннымъ докладомъ. О чемъ совѣщались оскорбленныя власти—неизвѣстно, но Дюкову было приказано, чтобы впредь, при представленіи «Птичекъ пѣвчихъ», каждый разъ, когда говорится слово «губернаторъ», непремѣнно добавлялось: «города Лима въ Перу», чтобы публика не подумала,—добавилъ полицеймейстеръ,—что рѣчь идетъ о мѣстномъ начальникѣ губерніи. Приказаніе, конечно, исполнялось въ точности. Публика, узнавшая объ «инцидентѣ», много смѣялась и когда, на одномъ изъ представленій, актеръ, игравшій роль Панателлы, забылъ сдѣлать добавленіе и сказалъ просто «губернаторъ», то изъ райка послышались дружные голоса:

— Губернаторъ города Лима въ Перу, не забывай, а то посидишь за рѣшеткой.

Партеръ встрѣтилъ «райскіе» голоса дружными апплодисментами и смѣхомъ.

Большимъ успѣхомъ пользовался гремѣвшій по южной Россіи молодой трагикъ Любскій. Талантъ это былъ выдающійся. Однако пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ дѣлало то, что въ игрѣ Любскаго не было середины: или онъ игралъ вдохновенно, блестяще, потрясая весь зрительный залъ, или бормоталъ что-то подъ носъ, отбарабанивая, какъ школьникъ, заученный урокъ. Разъ, играя Франца Моора въ шиллеровскихъ «Разбойникахъ», Любскій до того увлекся, что на самомъ дѣлѣ затянулъ себѣ шелковымъ шнуркомъ, привязаннымъ къ креслу, петлю на шеѣ. Когда занавѣсъ опустился, актеры съ ужасомъ увидѣли, что Любскій лежитъ безъ движенія, съ багровымъ лицомъ, и храпитъ. Бросились къ нему.

— Онъ задушилъ себя! задушилъ! Доктора! Спасайте!..

Еле разрѣзали петлю, вынули Любскаго, начали приводить въ чувство и еле-еле спасли. При первомъ представленіи «Гамлета» Любскій, блистательно сыгравъ первые три акта, во время сцены сумасшествія Офеліи въ четвертомъ актѣ, когда Гамлетъ не появляется на сценѣ, напился мертвецки пьянымъ и свалился въ уборной подъ скамейку, гдѣ и заснулъ. Начинается пятый актъ, а Любскаго нѣтъ. Искали, искали, такъ и не нашли. Дѣлать нечего: нарядили въ костюмъ Гамлета второстепеннаго актера Малевскаго, а публикѣ анонсировали, что «по внезапной болѣзни г. Любскаго роль Гамлета докончитъ экспромптомъ г. Малевскій». Кончился спектакль, всѣ разошлись. Среди ночи Любскій проснулся, выпрыгнулъ изъ окна уборной въ садъ (театръ былъ въ городскомъ саду) и въ костюмѣ и гримѣ пошелъ по улицѣ искать, нѣтъ ли гдѣ кабачка или ресторанчика, гдѣ можно было бы опохмелиться. Въ результатѣ датскій принцъ попалъ въ полицію, гдѣ его продержали до утра, а затѣмъ на извозчикѣ повезли прямо въ театръ (актеры жили тогда въ театрѣ, гдѣ для нихъ было особое помѣщеніе). Шедшіе въ гимназію гимназисты, увидавъ своего любимца, подбѣжали къ извозчику, столкнули сидѣвшаго на козлахъ полицейскаго, схватили Любскаго на руки и отнесли его въ театръ. Гимназическое начальство посадило семерыхъ зачинщиковъ въ карцеръ на сутки, но затѣмъ по просьбѣ Любскаго, ѣздившаго къ директору, арестованныхъ выпустили, сбавивъ имъ въ четверти одинъ баллъ за поведеніе.

На амплуа трагиковъ съ Любскимъ пытался конкурировать трагикъ Михаилъ Ѳедоровичъ Яковлевъ, актеръ старинной школы, ни за что не хотѣвшій примириться съ мыслью, что рычанье, вмѣсто рѣчи, ворочанье бѣлками, патетическія завыванія и другіе пріемы доморощеннаго «трагизма» вышли изъ моды и даже въ тѣ времена возбуждали только улыбку. Михаилъ Ѳедоровичъ, раздраженный успѣхами Любскаго, разъ до того обозлился, что въ день именинъ Любскаго послалъ ему въ подарокъ коробку ваксы и двѣ сапожныя щетки. Любскій, догадавшись, отъ кого присланъ такой подарокъ, пошелъ къ Яковлеву.

— Михаилъ Ѳедоровичъ! сердечно благодарю васъ за вниманіе и ласку. Объясните только, сдѣлайте милость, какъ понимать вашъ презентъ?

— И понимать не надо,—рѣзко отвѣтилъ Яковлевъ:—ты только и годишься, какъ актеръ, чтобы чистить намъ, артистамъ, сапоги!..

Любскій, засмѣявшись, ушелъ, но не остался въ долгу у Яковлева. Въ день бенефиса Михаила Ѳедоровича «могикану русскаго театра», какъ называлъ себя Яковлевъ, Любскій поднесъ въ красивомъ картонажѣ, перевязанномъ розовой лентой, пару телячьихъ мозговъ. Яковлевъ страшно разсердился и грозилъ «убить, какъ собаку», Любскаго. Разумѣется, добродушный трагикъ никогда не привелъ бы угрозы въ исполненіе, но Дюковъ, ревниво оберегавшій свою актерскую семью отъ всякихъ скандаловъ, вмѣшался и въ тотъ же вечеръ помирилъ Любскаго съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Впослѣдствіи, несмотря на разницу въ лѣтахъ, оба трагика сдѣлались пріятелями.

Яковлевъ очень часто оговаривался на сценѣ, что служило поводомъ къ гомерическому хохоту публики. Въ драмѣ «Парижскій ветошникъ» главное дѣйствующее лицо, проводивъ любимую дѣвушку, возвращается на сцену и съ горечью восклицаетъ:

— Ахъ ты, скука, скука!

Яковлевъ, смущенный тѣмъ, что публика вызвала за удачно проведенную сцену драматическую актрису, подойдя къ авансценѣ, оговорился и патетически прокричалъ:

— Ахъ ты сука, сука!..

Весь зрительный залъ расхохотался. Въ мелодрамѣ «Лондонскій звонарь», въ сценѣ съ графомъ, на вопросъ: «Кто ты?» вмѣсто «лондонскій звонарь!» рѣзко отчеканилъ:

— Лондонскій свинаръ!

И долго-долго дразнили добряка Михаила Ѳедоровича этимъ «свинаремъ». Въ драмѣ «Эсмеральда или четыре рода любви» (сценической передѣлкѣ романа Гюго «Notre Dame de Paris») Квазимодо, котораго игралъ Яковлевъ, по уходѣ Клодъ-де-Фрелло, послѣ объясненія съ Эсмеральдой, угрожающе говоритъ вслѣдъ: «Трепещи меня, проклятый синдикъ!»

Яковлевъ сказалъ.

— Трепещи меня, сиклятый пиндикъ!

Публика, привыкшая къ яковлевскимъ оговоркамъ, каждый спектакль съ участіемъ Яковлева ожидала, что трагикъ непремѣнно ее насмѣшитъ, такъ оно неизмѣнно и бывало.

Когда Дюковъ въ одинъ изъ годовъ почему-то не привезъ своей труппы, Полтава была неподдѣльно огорчена. Вмѣсто Дюкова явился изъ близкаго къ Полтавѣ Кременчуга какой-то антрепренеръ Глейзманъ, юркій еврейчикъ, объявившій, что привезъ перво-классную труппу «русскихъ драматическихъ актеровъ» и что ре-

пертуаръ составленъ изъ новыхъ пьесъ, «никогда не игранныхъ предъ почтеннѣйшей полтавской публикой». Для открытія сезона поставлена была, дѣйствительно въ первый разъ въ Полтавѣ, переводная мелодрама «Дебора». Публика наполнила театръ, думая, что обѣщанія ловкаго антрепренера хоть отчасти оправдаются. Первый дебютъ вышелъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ, окончившись грандіознымъ скандаломъ. «Первоклассные русскіе драматическіе актеры» оказались плохими любителями, сплошь евреями, да еще отвратительно говорившими по-русски, съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ. По первому же абцугу Дебора, выйдя на сцену съ отцомъ и подойдя къ стоявшей скамьѣ, сказала (словъ этихъ, кажется, въ пьесѣ не было):

— Пашматри, атець, какой ждѣсъ пилъ (какая здѣсь пыль).

— Выжу, дочке, выжу,—отвѣтилъ отецъ.

Въ публикѣ начался свистъ, а затѣмъ сначала отдѣльные возгласы «вонъ», потомъ дружные крики:

— Вонъ! долой со сцены! Опустите занавѣсъ!

Растерянные Дебора и ея отецъ не знали, что имъ дѣлать, поднялись со скамьи, подошли къ авансценѣ, начали размахивать руками, пытаясь что-то сказать, но въ зрительномъ залѣ бушевала такая буря, что занавѣсъ опустили. Тогда публика начала вызывать антрепренера.

— Глейзмана! Глейзмана!

Глейзманъ не выходилъ. Партеръ, поддержанный райкомъ, неистовствовалъ:

— Деньги обратно! деньги обратно!

Публика хлынула къ кассѣ, гдѣ блѣдный, какъ полотно, Глейзманъ и перепуганный кассиръ, подъ наблюденіемъ полицеймейстера, начали выдавать обратно деньги за купленные билеты. Понятно, на другой же день Глейзмана и его труппы и слѣдъ простылъ.

Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ Никифоръ Ивановичъ Новиковъ,— и сразу глейзмановскій скандалъ былъ позабытъ. Снова восхищали всѣхъ и каждаго любимые актеры и актрисы. Когда вышелъ на сцену Новиковъ—Ананій Яковлевъ (шла «Горькая судьбина»), аплодисменты и крики «браво» длились, какъ замѣтилъ по часамъ одинъ изъ театраловъ, шесть минутъ, а это цѣлая вѣчность въ театрѣ! Послѣ «Горькой судьбины» поставленъ былъ извѣстный водевиль П. Григорьева «Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семенъ Иванычъ»; старосту игралъ Новиковъ, еврея-смотрителя почтовой станціи—Новиковъ-Ивановъ, ямщика Степку—жена Новикова Елизавета Николаевна. Произошелъ небывалый въ лѣтописяхъ русскаго театра случай: по окончаніи «Ямщиковъ» вся публика, какъ одинъ человѣкъ, потребовала, чтобы весь водевиль, отъ начала до конца, былъ повторенъ. Актеры подчинились энтузіазму полтав-

цевъ, занавѣсъ былъ поднятъ, и весь водевиль сыгранъ второй разъ. Это былъ послѣдній пріѣздъ труппы Н. И. Новикова, труппы, о которой долго вспоминала Полтава; на ея долю выпало любоваться пышнымъ расцвѣтомъ всѣхъ членовъ талантливой семьи Новиковыхъ.

На слѣдующій годъ снова пріѣхалъ Дюковъ и въ первый разъ поставилъ «Русскую свадьбу» Сухонина. Постановка этой интересной картины жизни нашихъ предковъ превзошла всѣ дюковскія постановки. На второмъ представленіи «Русской свадьбы» присутствовалъ пріѣхавшій въ Полтаву концертировать Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ; дня черезъ три, во время своего второго концерта, Антонъ Григорьевичъ, на одинъ изъ многочисленныхъ бисовъ, сыгралъ экспромтъ собственной композиціи на тему пѣсни шута изъ «Русской свадьбы», особенно ему понравившейся, сыгралъ, конечно, такъ, какъ всегда игралъ нашъ знаменитый піанистъ. Капельмейстеръ оркестра Дюкова, молодой и очень танантливый Лисовскій-Козловскій, разсказывая, какъ его послѣ «Русской свадьбы» позвалъ къ себѣ Антонъ Григорьевичъ, какъ разспрашивалъ объ его музыкальномъ образованіи и хвалилъ, не могъ удержаться отъ волненія и восторженно повторялъ:

— Какое громадное счастье! со мной говорилъ самъ Рубинштейнъ!..

Послѣдней большой постановкой Дюкова въ Полтавѣ былъ шекспировскій «Отелло» съ Любскимъ. Роль венеціанскаго мавра совершенно не удалась талантливому трагику; Любскій такъ утрировалъ въ передачѣ моментовъ безумной ревности Отелло, что вызывалъ легкій смѣхъ. Послѣ перваго представленія трагедія была снята съ репертуара и больше не повторялась. Неудачу съ «Отелло» загладилъ крупный успѣхъ лермонтовскаго «Маскарада», гдѣ Любскій въ Арбенинѣ превзошелъ самого себя. Впослѣдствіи Любскій спился, скитался грязный и оборванный по провинціи, и умеръ, всѣми забытый, въ крайней бѣдности.

Въ опереткахъ пѣвучія роли исполнялись дочерью Дюкова Дубровичъ, вышедшей вскорѣ замужъ за телеграфиста Форкатти, поступившаго въ дюковскую труппу, и Лентовскимъ, пользовавшимся значительнымъ успѣхомъ. Лентовскій прямо отъ Дюкова поѣхалъ въ Москву, гдѣ послѣ удачнаго дебюта былъ принятъ на императорскую сцену; но не она создала Лентовскому широкую популярность. Лентовскій, подъ фамиліей Рюбанъ, выступалъ въ концертахъ и на сценахъ клубовъ, какъ исполнитель входившихъ въ моду съ легкой руки Монахова (въ Петербургѣ) комическихъ куплетовъ, эти-то куплеты и положили начало театральнымъ тріумфамъ этой талантливой натуры, отличавшейся необыкновенной энергіей и организаторскими способностями. Лентовскій первый создалъ въ Москвѣ въ широкомъ масштабѣ частный театръ и

достигъ колоссальнаго успѣха. Имя Лентовскаго въ теченіе долгаго времени гремѣло не только въ обѣихъ столицахъ, но и по всей Россіи.

У Дюкова же начиналъ свою сценическую карьеру Ивановъ-Козельскій. Изъ остальныхъ актеровъ дюковской труппы, кромѣ ранѣе упомянутыхъ, слѣдуетъ отмѣтить: Стружкина, Горева, сестеръ Фанни и Ольгу Козловскихъ, Андреева-Бурлака и другихъ. Послѣ Дюкова Харьковъ не имѣлъ, да, вѣроятно, и не будетъ имѣть такой блестящей драматической труппы, а о Полтавѣ и говорить нечего. Полтавскій театръ въ настоящее время занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди провинціальныхъ театровъ. Sic transit!

II.

Театръ въ Самарѣ. — Антрепренеръ Нѣмовъ и его труппа. — Самарскіе театралы.— Бѣглый раскольникъ.—Антреприза пензенскаго помѣщика.—П. П. Васильевъ, П. А. Никитинъ и Н. К. Милославскій.

Въ семидесятыхъ годахъ городъ Самара былъ включенъ въ число «мѣстъ не столь отдаленныхъ», куда по приговорамъ окружныхъ судовъ ссылались обвиненные въ различныхъ «не тяжкихъ» преступленіяхъ и проступкахъ. Хотя суды ссылали «въ Самарскую губернію», но тогдашній губернаторъ, человѣкъ мягкій и сердечный, зря не свирѣпствовалъ и разрѣшалъ всѣмъ интеллигентнымъ ссыльнымъ жить въ губернскомъ городѣ. Въ тѣ времена желѣзная дорога доходила лишь до Сызрани и зимой можно было добраться до Самары только на лошадяхъ. Городъ жилъ исключительно торговлей хлѣбнымъ зерномъ, и на этой торговлѣ зиждилось все благосостояніе обывателей. Хорошій урожай, отправка зерна большая—городъ оживленъ, жизнь кипитъ весельемъ, купцы бойко торгуютъ; урожай плохъ—городъ замираетъ, все уныло, пустынно. Тонъ всей самарской жизни половины семидесятыхъ годовъ задавали г.г. «пшеничники»,—такъ назывались скупщики и оптовые торговцы пшеницей.

Кромѣ неизбѣжныхъ клубовъ, для удовольствія горожанъ имѣлись: лѣтомъ—Струковскій садъ на берегу Волги, гдѣ, какъ полагается провинціальному саду, имѣлся «буфетъ», а зимой—театръ, стоявшій на площади, передѣланный изъ хлѣбнаго амбара..

Изъ антрепренеровъ симпатіями «публики» пользовался Иванъ Константиновичъ Нѣмовъ, сухощавый человѣкъ съ густыми черными усами, чахоточный, нервный и раздражительный. На афишкахъ Нѣмовъ называлъ себя «артистомъ императорскихъ театровъ», хотя на вопросы, въ какомъ именно императорскомъ театрѣ онъ служилъ и какое мѣсто занималъ,—Нѣмовъ отмалчивался. Велъ онъ театральное дѣло вполнѣ по-провинціальному. Жена его,

Надежда Николаевна Нѣмова, довольно красивая молодая женщина, главенствовала въ женскомъ персоналѣ труппы, играя, какъ опытная лицедѣйка, исключительно выигрышныя роли. Нѣмова обладала небольшимъ симпатичнымъ голоскомъ и пѣла въ водевиляхъ и опереткахъ. Въ сезонъ 1874—1875 гг. въ составѣ труппы Нѣмова были: драматическая актриса Лаврецкая-Черкасова, мужъ ея комикъ Черкасовъ (впослѣдствіи небезызвѣстный на югѣ антрепренеръ), молодая ingénue comique Лебедева, любовникъ и фатъ Аркадьевъ (настоящая фамилія его Лангаммеръ, служилъ до Самары въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ на небольшихъ роляхъ), старый комикъ Глушковскій и другіе.

На роляхъ вторыхъ резонеровъ былъ преинтересный типъ— прогорѣвшій помѣщикъ-аристократъ князь Иванъ Яковлевичъ Болховской, поступившій на сцену, какъ онъ увѣрялъ, изъ любви къ искусству и выбравшій себѣ псевдонимъ Далье.

— Зачѣмъ вы, Иванъ Яковлевичъ, взяли французскую фамилію?—спрашивали его.

— Ахъ, mon cher, все-таки, знаете, не могу отстать отъ барскихъ привычекъ!—отвѣчалъ онъ.

При чемъ тутъ были барскія привычки,—Далье не пояснялъ.

Всѣмъ и каждому Иванъ Яковлевичъ разсказывалъ, что онъ разводится съ женой (жившей въ Самарѣ же) и что «княгиня Болховская» выходитъ замужъ за самарскаго присяжнаго повѣреннаго Павла Аркадьевича Андріевскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ переѣхавшаго въ Кіевъ и издававшаго тамъ газету «Кіевская Заря». Какъ актеръ, Далье былъ совершеннымъ ничтожествомъ, но въ Самарѣ всѣ его знали и поэтому добродушно апплодировали ему, хотя прогорѣвшій князь выступалъ въ самыхъ незначительныхъ роляхъ.

Въ то время въ Самарѣ жилъ сосланный туда Петръ Ивановичъ Кичеевъ, впослѣдствіи небезызвѣстный поэтъ и театральный критикъ, размѣнявшій, къ сожалѣнію, свой недюжинный литературный талантъ на пятачки московской уличной прессы. Кичеевъ былъ записнымъ театраломъ, усердно посѣщалъ спектакли нѣмовской труппы и пописывалъ театральныя рецензіи въ маленькой мѣстной газетѣ «Самарскій Листокъ Объявленій». Однажды въ рецензіи о «Бѣдности не порокъ» Кичеевъ разразился громовымъ обвиненіемъ въ бездарности самого Нѣмова, игравшаго Любима Торцова. «Такъ сыграетъ каждый плохой любитель», писалъ Кичеевъ. Нѣмовъ, зная, что Кичеевъ считаетъ себя талантливымъ актеромъ на драматическія и характерныя роли, встрѣтивъ Кичеева въ театрѣ, въ антрактѣ подошелъ къ нему.

— Вотъ вы, Петръ Ивановичъ, раздѣлали меня подъ орѣхъ, а сами, поди-ка, еще хуже меня сыграете.

— Хуже васъ?—иронически отвѣтилъ Кичеевъ:—да развѣ можно сыграть хуже васъ?

— А я вамъ докажу, что можно,—отвѣтилъ Нѣмовъ.—Сыграйте-ка!.. Я спеціально для васъ повторю «Бѣдность не порокъ», хотя увѣренъ, что не будетъ никакого сбора.

— Вы это серьезно?—спросилъ Кичеевъ.

— Конечно, серьезно. Когда вы можете выступить?

— Да хоть черезъ недѣлю,—храбро отвѣтилъ Кичеевъ.

— Ну, по рукамъ.

Черезъ недѣлю афиша гласила, что «сегодня, для перваго дебюта Петра Иванова, представлена будетъ комедія А. Н. Островскаго «Бѣдность не порокъ». Сбору, какъ предвидѣлъ опытный Нѣмовъ, не было никакого, но Кичеевъ не унывалъ и передъ выходомъ сказалъ помощнику режисера:

— Я имъ покажу, какъ надо играть Островскаго.

Бѣдный Петръ Ивановичъ былъ жестоко наказанъ за свою самоувѣренность: онъ торжественно провалился. Человѣкъ пятьдесятъ собравшейся «публики» безжалостно ошикали дебютанта. На Кичеева это такъ повліяло, что онъ до самаго отъѣзда изъ Самары больше не писалъ театральныхъ рецензій и никогда уже не дерзалъ публично выступать на театральныхъ подмосткахъ. Въ одной изъ своихъ первыхъ рецензій о нѣмовскихъ спектакляхъ Кичеевъ посвятилъ чудаку Далье слѣдующее четырестишіе:

«Въ гостиной онъ—актеръ,
Въ театрѣ—полотеръ,
И авторамъ на диво
Молчитъ краснорѣчиво»...

Далье ужасно обидѣлся и просилъ передать Кичееву, что лучше краснорѣчиво молчать, чѣмъ печатно говорить глупости. Къ концу сезона Далье буквально обожалъ, какъ институтка, Кичеева и съ гордостью говорилъ:

— Петръ Иванычъ — мой лучшій другъ; такихъ свѣтлыхъ головъ днемъ съ огнемъ не сыщешь. Я опустился, но Кичеевъ разбудилъ во мнѣ человѣка, и я чувствую, что ко мнѣ возвращается человѣческое достоинство.

Самымъ талантливымъ въ труппѣ Нѣмова былъ комикъ Глушковскій, несмотря на то, что талантъ его шелъ уже къ закату и что его одолѣвали физическіе недуги—глухота и ожирѣніе. Нѣкоторыя роли Глушковскій игралъ прямо-таки виртуозно. Природный юморъ въ соединеніи съ недюжиннымъ талантомъ выдвигали Глушковскаго изъ рядовъ современныхъ ему актеровъ, а между тѣмъ, благодаря скромности и робкой неувѣренности въ своихъ силахъ, Глушковскій скитался по маленькимъ провинціальнымъ городамъ, не мечтая даже о крупныхъ провинціальныхъ театрахъ, гдѣ онъ занялъ бы первое мѣсто. Въ веселой комедіи съ пѣніемъ

«Со ступеньки на ступеньку» (довольно удачной передѣлкѣ нѣмецкой Posse mit Gesang «Fon Stuffe zu Stuffe») въ одной изъ картинъ сидитъ за столомъ въ увеселительномъ саду подвыпившій купецъ, періодически повторяющій одну и ту же фразу «Бутылку пива!» Изъ этой роли Глушковскій дѣлалъ такую крупную и интересную фигуру, что все вниманіе публики только на ней и сосредоточивалось. Курослѣпова въ комедіи Островскаго «Горячее сердце» Глушковскій игралъ въ полномъ смыслѣ слова артистически. Дикой въ «Грозѣ», Ляпкинъ-Тяпкинъ въ «Ревизорѣ», Яичница въ «Женитьбѣ», старый докторъ Гловъ въ водевилѣ Баженова «Бѣдовая бабушка»—были настоящими шедеврами Петра Кузьмича Глушковскаго.

Въ самарскомъ обществѣ, посѣщавшемъ усердно театръ, образовалась цѣлая группа театраловъ, считавшихся въ актерской семьѣ своими людьми. Во главѣ ихъ находился мѣстный полицеймейстеръ Иванъ Николаевичъ Пикаръ, одно время служившій въ Петербургѣ, а затѣмъ за какую-то провинность переведенный въ Самару. Пикаръ, образованный и общительный человѣкъ, отличался постоянно веселымъ расположеніемъ духа; онъ острилъ, балагурилъ, являлся неисчерпаемымъ источникомъ всевозможныхъ анекдотовъ. Актеры его ужасно любили, и онъ платилъ имъ тѣмъ же. На своемъ вѣку онъ перевидалъ всѣхъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ артистовъ и поэтому считался строгимъ цѣнителемъ театра. Пикаръ довольно зло и остроумно при всякомъ удобномъ случаѣ поднималъ на смѣхъ упомянутаго выше адвоката Андріевскаго, пользовавшагося въ самарскомъ обществѣ довольно сомнительной репутаціей. Андріевскій, чванный и напыщенный, считалъ себя необыкновеннымъ знатокомъ драматическаго искусства, а на самомъ дѣлѣ ничего въ немъ не смыслилъ. Словесныя схватки между добродушнѣйшимъ Пикаромъ и зеленѣющимъ отъ злости заносчивымъ Андріевскимъ обыкновенно происходили въ театральномъ буфетѣ; Андріевскій неизмѣнно оставался побѣжденнымъ и удалялся подъ аккомпаниментъ дружнаго хохота всѣхъ присутствовавшихъ на этихъ забавныхъ турнирахъ; подливалъ масло въ огонь Кичеевъ, органически не переваривавшій нахальства и чванливой самоувѣренности. Любимымъ удовольствіемъ Пикара было въ присутствіи приглашенныхъ имъ актеровъ и театраловъ устраивать по фальшивой тревогѣ выѣзды пожарной команды!..

— Вы посмотрите, какой у меня брандмейстеръ!—самодовольно хвалился Пикаръ, указывая на дюжаго дѣтину въ блестяще начищенной пожарной каскѣ.—А вотъ эта парочка пѣгихъ?.. А каковъ брандспойтъ? И въ столицахъ не найдете!

Когда окружающіе поддакивали и разсыпались въ похвалахъ, Пикаръ везъ всѣхъ гостей къ себѣ домой и угощалъ ихъ шампанскимъ.

Однажды, часовъ въ шесть вечера, въ двадцатипятиградусный морозъ съ вѣтромъ, когда добрый хозяинъ собаки не выгонитъ на улицу, въ уборную къ только что пріѣхавшему въ театръ Нѣмову робко вошелъ худощавый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, безъ всякой растительности на лицѣ, одѣтый въ тоненькій рваный пиджакъ, наброшенный на темносинюю косоворотку.

— Что тебѣ надо?—закричалъ разсерженный Нѣмовъ, увидавъ незнакомца.

— Я къ вамъ съ просьбой, Иванъ Константиновичъ. Слыхалъ я, что вы человѣкъ добрый. Возьмите меня!

— Куда? Полный комплектъ рабочихъ на сценѣ имѣется, капельдинеровъ больше не надо, куда жъ я тебя возьму?

— Въ актеры.

— Что-о?

Нѣмовъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Молодой человѣкъ, дрожа отъ холода и волненія, разсказалъ, что онъ сынъ богатаго самарскаго купца раскольника, что отецъ не позволяетъ ему учиться и заставляетъ помогать приказчикамъ въ хлѣбномъ амбарѣ, что онъ, тайкомъ отъ отца, каждый вечеръ бѣгалъ въ театръ и такъ полюбилъ театръ, что рѣшилъ во что бы то ни стало пойти въ актеры.

— Вчера отецъ уѣхалъ недѣли на три въ Бузулукъ (уѣздный городъ Самарской губерніи),—продолжалъ молодой человѣкъ:—а сегодня утромъ я совсѣмъ убѣжалъ изъ дому и больше туда никогда не вернусь. Весь день я скитался по городу, насилу дождался вечера. Если вы меня не возьмете,—я повѣшусь, другого выхода мнѣ нѣтъ. Позвольте мнѣ и жить въ театрѣ, я гдѣ-нибудь найду себѣ уголочекъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ Нѣмовъ.

— Василій Иванычъ!

— Ну, вотъ что, Василій Иванычъ. Прежде всего—подите въ каморку къ ламповщику Семену...

— Знаю, знаю!—радостно закричалъ молодой человѣкъ.

— И погрѣйтесь, да велите, отъ моего имени, чтобы онъ васъ накормилъ, а потомъ потолкуемъ, послѣ спектакля.

— Стало быть, вы меня не выгоните? Какое счастье!—обрадовался бѣглый раскольникъ.

Черезъ два дня въ труппѣ Нѣмова прибавился одинъ актеръ «на вторыя роли»—Васильевъ. Оказалось, что у молодого человѣка, помимо страстнаго желанія поступить на сцену, былъ и несомнѣнный талантъ. Въ концу сезона Васильевъ началъ замѣтно выдѣляться, а черезъ два года я его видѣлъ уже настоящимъ актеромъ. Въ судьбѣ Васильева принялъ большое усердіе Пикаръ. Отецъ Васильева, вернувшись въ Самару и узнавъ о бѣгствѣ сына, только рукой махнулъ и не дѣлалъ никакихъ попытокъ отыскать его.

Разумѣется, старикъ не зналъ, что сынъ пошелъ въ актеры, и не узналъ этого, какъ мнѣ потомъ разсказывалъ Василій Ивановичъ, до самой смерти.

Зимній сезонъ 1876—1877 года начался въ самарскомъ театрѣ антрепризой помѣщика Пензенской губерніи князя Кутыева. Молодой князекъ, страстный любитель театра, соблазнился и, забросивъ собственное хозяйство и заложивъ имѣніе, пустился въ рискованное театральное предпріятіе. Среди сезона у Кутыева не хватило денегъ, актеры начали, по обыкновенію, ссориться; Кутыеву надоѣли театральныя дрязги, надоѣли постоянные займы, и онъ отказался, передавъ театръ самимъ актерамъ, образовавшимъ товарищество.

Театральныя дѣла шли неважно, да и не мудрено: въ Самарской губерніи свирѣпствовалъ голодъ. Но, несмотря на рядъ неудачъ, въ теченіе этого сезона самарская публика увидѣла на сценѣ своего театра трехъ знаменитостей: артистовъ императорскихъ театровъ Павла Васильевича Васильева 2-го, Павла Александровича Никитина и Николая Карловича Милославскаго.

Павелъ Васильевичъ Васильевъ, имя котораго, какъ громадной театральной величины, никогда не умретъ въ исторіи русскаго театра, пріѣхалъ въ Самару на четыре спектакля. Нечего и говорить, что театръ былъ переполненъ и знаменитый артистъ сдѣлался предметомъ шумныхъ овацій публики, изумленной не только талантомъ Павла Васильевича, но и невиданными до тѣхъ поръ пріемами сценическаго исполненія. Расплюевъ («Свадьба Кречинскаго») и Любимъ Торцовъ («Бѣдность не порокъ»)—перлы творчества красы и гордости русскаго театра П. В. Васильева. Для третьей гастроли Павелъ Васильевичь выступилъ въ Львѣ Красновѣ («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ»), но въ этой роли артистъ, благодаря своей смѣшной фигурѣ и тембру голоса, не производилъ цѣльнаго впечатлѣнія, хотя моментами потрясалъ своею игрой весь зрительный залъ. Павелъ Васильевичъ, идеальный комическій актеръ, имѣлъ удивительное пристрастіе къ трагическимъ или сильно драматическимъ ролямъ. Давно ужъ онъ лелѣялъ мысль сыграть Гамлета и не скрывалъ своего страстнаго желанія. Въ бесѣдѣ объ этомъ съ актерами Павелъ Васильевичъ, предупреждая весьма естественные вопросы относительно пригодности такой фигуры и такого голоса для олицетворенія мечтательнаго принца-философа, настойчиво увѣрялъ, что по Гервинусу (!) и другимъ комментаторамъ Шекспира, Гамлетъ долженъ быть небольшого роста, толстый, съ короткой шеей, выше среднихъ лѣтъ и съ хриплымъ голосомъ. По этому вопросу Павелъ Васильевичъ не терпѣлъ никакихъ возраженій и сурово обрывалъ спорщика возгласомъ:

— Что вы тамъ понимаете?!

Павелъ Васильевичъ, для прощальнаго бенефиса-гастроли въ Самарѣ, хотѣлъ во что бы то ни стало поставить «Гамлета», но недостатокъ времени помѣшалъ знаменитому комику добровольно выставить себя на публичное позорище. Вмѣсто проектированнаго «Гамлета» поставлена была модная тогда въ Петербургѣ комедія съ куплетами «Петербургскіе когти», въ которой Васильевъ морилъ со смѣху въ роли Антоши Безноженскаго, и старинная одноактная комедія-водевиль «Незнакомые знакомцы», гдѣ одно появленіе Павла Васильевича, игравшаго Дерюгина, въ коротенькомъ военномъ сюртукѣ и потертой военной фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, вызывало гомерическій хохотъ. Васильевъ, вѣчно враждовавшій съ другимъ корифеемъ тогдашней императорской сцены Василіемъ Васильевичемъ Самойловымъ, придирался къ каждому случаю, чтобы обругать Самойлова гаеромъ, шарлатаномъ и фокусникомъ. Самойловъ платилъ Васильеву тѣмъ же. Что возбудило такую непримиримую вражду,—непонятно. Оба занимали совершенно различное амплуа, оба были одинаково крупными талантами, оба пользовались одинаковымъ успѣхомъ, и одинъ не могъ переварить другого!

При отъѣздѣ Павла Васильевича изъ Самары общество устроило столичной знаменитости торжественные проводы. Театралъ-полицеймейстеръ И. Н. Пикаръ, за прощальнымъ ужиномъ, привѣтствовалъ отъѣзжающаго теплой рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

— Примите, дорогой Павелъ Васильевичъ, нашу горячую любовь, вызванную близкимъ знакомствомъ съ вами, и нашу неподдѣльную скорбь, вызываемую горестной разлукой. На берегахъ Невы не забывайте о гостепріимной Волгѣ. Склоняя передъ вами голову, я отъ лица всей Самары говорю вамъ: до скораго свиданья.

Вслѣдъ за полицеймейстеромъ поднялся П. И. Кичеевъ и произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Къ брегамъ Невы россійско-финскимъ
Онъ ѣдетъ,—Волга замутилась
И предъ талантомъ исполинскимъ
Сама полиція склонилась.

Популярнѣйшій чтецъ-декламаторъ Павелъ Александровичъ Никитинъ, изъѣздившій почти всю Россію, пріѣхалъ въ Самару въ первый разъ. Какъ актеръ, онъ выступилъ въ драмѣ Дьяченка «Жертва за жертву», комедіи князя Кугушева «Корнетъ Отлетаевъ», передѣлкѣ комедіи Сарду «Nos intimes»—«Друзья-пріятели», одноактной комедіи въ стихахъ Н. И. Куликова «Которая изъ двухъ» и въ «Горѣ отъ ума». Всѣ эти роли были отдѣланы у Никитина до мелочей; Чацкаго игралъ онъ посредственно, но читалъ грибоѣдовскіе стихи удивительно, въ особенности монологи «А

судьи кто?» и «Не образумлюсь,—виноватъ». Успѣхъ Никитина можно назвать бѣшенымъ. Затѣмъ Никитинъ нѣсколько разъ выступалъ, въ заключеніе спектаклей, какъ чтецъ—и тутъ уже театръ просто ревѣлъ онъ восторга. Юмористическія стихотворенія Пушкарева, Минаева, Петра Вейнберга, Жулева, «Грѣшница» А. Толстого, «Поля» Майкова, «Парадный подъѣздъ» Некрасова—вызывали нескончаемыя рукоплесканія. Въ Самарѣ Никитинъ вздумалъ сыграть Хлестакова, но попытка оказалась неудачной. Зато въ популярной въ тѣ времена комедіи въ стихахъ «Житейская школа» Никитинъ былъ художественъ.

Актеры, получившіе передъ пріѣздомъ Никитина въ свое распоряженіе отъ Кутыева театръ и устроившіеся на товарищескихъ началахъ, упросили Петра Александровича, приглашеннаго на двѣ недѣли, стать во главѣ товарищества и остаться до конца сезона. Никитинъ согласился и повелъ дѣло блестяще: товарищи за послѣдніе полтора мѣсяца получили свое жалованье полнымъ рублемъ. Послѣднимъ спектаклемъ въ сезонѣ шла «Житейская школа»; по болѣзни одного изъ актеровъ роль его (очень маленькая) была передана за четыре дня до спектакля актеру Желѣзникову, отличавшемуся тѣмъ, что никогда не училъ ролей. «Житейская школа», какъ я сказалъ, написана стихами, а стиховъ вѣдь «своими словами» не скажешь. Однако Желѣзниковъ остался вѣренъ себѣ, и своей маленькой роли все-таки не потрудился выучить, понадѣясь на суфлера. По пьесѣ Желѣзниковъ долженъ былъ въ сценѣ съ Никитинымъ, сказать:

«Вы говорите—да, а что какъ вдругъ да нѣтъ?
«Что дѣлать станете? ну-съ, дайте-ка отвѣтъ!?»

Желѣзниковъ, поймавъ на лету крики суфлера, сказалъ:

«Вы говорите да, а я говорю нѣтъ,
«Вотъ вамъ и весь отвѣтъ».

Никитинъ расхохотался и тотчасъ же отвѣтилъ Желѣзникову слѣдующимъ экспромтомъ:

«Сперва ты выучи-ка роль,
А ужъ затѣмъ играть изволь...
Для насъ же неучи—великіе нахалы,
Достоинъ свиста ты всей театральной залы».

Публика тогда сообразила, въ чемъ дѣло, и отвѣтила на никитинскую отповѣдь взрывомъ апплодисментовъ.

Третьимъ и послѣднимъ гастролеромъ сезона 1876—77 г.г. былъ Николай Карловичъ Милославскій, о которомъ во всевозможныхъ лѣтописяхъ, запискахъ, дневникахъ т. п. разсыпано множество анекдотовъ. Современники Милославскаго, рѣшившіе подѣлиться съ русскимъ читателемъ воспоминаніями объ этой оригинальной личности, словно специализировались на анекдотахъ о популярномъ южномъ антрепренерѣ и, во всякомъ случаѣ, незаурядномъ сцени-

ческомъ дѣятелѣ. И никто изъ этихъ современниковъ не разсказалъ своихъ впечатлѣній о Милославскомъ-артистѣ, словно Николай Карловичъ только затѣмъ и посвятилъ себя театральнымъ подмосткамъ, чтобы и на сценѣ и въ закулисной жизни разыгрывать анекдоты въ лицахъ. Милославскій, по тѣмъ временамъ, когда театры были заполнены необразованными и невѣжественными людьми, могъ считаться самымъ образованнымъ, воспитаннымъ и начитаннымъ изъ своихъ сверстниковъ. Вотъ эти-то качества Милославскій и утилизировалъ, добавивъ необходимую дозу смѣлости, граничащей съ нахальствомъ. Умъ и образованіе, въ связи съ житейской ловкостью, создали Милославскому успѣхъ. Таланта же, дара Божьяго, управляющаго сердцами и чувствами зрителей, у Милославскаго не было. Поэтому смѣшно и досадно было читать нерѣдко появлявшіяся въ печати конца семидесятыхъ годовъ сравненія Милославскаго съ В. В. Самойловымъ, И. В. Самаринымъ, С. В. Шумскимъ и др. крупными талантами отечественнаго театра. Игра Милославскаго была умная, выученная; въ техникѣ онъ достигалъ виртуозности, но отсутствіе таланта сказывалось въ каждой роли, какъ бы таковая ни была детально отдѣлана. Провинціальная публика семидесятыхъ годовъ была воспитана на грубой, топорной игрѣ большинства тогдашнихъ провинціальныхъ лицедѣевъ; образованные, умные актеры являлись единицами. Вотъ къ этимъ-то единицамъ и принадлежалъ Н. К. Милославскій. Въ «Старомъ баринѣ» и «Ришелье» Милославскій до смѣшного копировалъ В. В. Самойлова, и только люди, не видавшіе оригинала, могли восхищаться блѣдной копіей.

Въ Самарѣ Николай Карловичъ выступилъ въ «Старомъ баринѣ»; для второго выхода Николая Карловича поставлена была драма «Смерть Ляпунова». Пріѣзжій гость имѣлъ внѣшній успѣхъ, но сборовъ не дѣлалъ. Третьей ролью Милославскаго былъ Жоржъ Дорси въ «Гувернерѣ» Дьяченка. Какъ бы то ни было, а знакомство самарской публики съ Милославскимъ имѣло, до извѣстной степени, воспитательное значеніе. Публика поняла, до какого совершенства можетъ доходить театральная техника и какихъ результатовъ на сценѣ можно достигнуть исключительно умомъ, образованіемъ и широкою опытностью. Наиболѣе понравился самарскимъ театраламъ Николай Карловичъ въ роли донъ-Сезара-де-Базанъ въ комедіи «Испанскій дворянинъ»; роль эту артистъ исполнялъ, съ внѣшней стороны, вполнѣ артистически и давалъ цѣльный, выдержанный типъ, а не карикатуру, какъ это было у другихъ провинціальныхъ исполнителей донъ-Сезара.

Послѣ «кутыевскаго» сезона самарскій театръ переходилъ изъ рукъ въ руки. Одно время онъ даже вспомнилъ о былыхъ своихъ успѣхахъ, когда антрепренерствовалъ актеръ Новиковъ (однофа-

милецъ извѣстныхъ Новиковыхъ). Но мало-по-малу Самара, какъ театральный городъ, падала, и въ настоящее время самарскій театръ считается однимъ изъ захудалыхъ.

III.

Вершители судебъ провинціальныхъ театровъ. — Крупные и мелкіе антрепренеры.— Наплывъ новыхъ лицедѣевъ.—Какъ замапивали публику.—Ростовскій антрепренеръ Вальяно.—Крахъ провинціи.

Кто же въ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ насаждалъ въ провинціи драматическое искусство? Въ чьихъ рукахъ находилась судьба русскаго драматическаго театра?

Наиболѣе «видными» антрепренерами той эпохи считались: Дюковъ въ Харьковѣ (о немъ говорилось уже въ первой главѣ этихъ краткихъ и отрывочныхъ воспоминаній), Смольковъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ, Павловъ—въ Тулѣ и Калугѣ, Кастровскій—въ Саратовѣ, Медвѣдевъ—въ Казани, Лаухинъ—въ Орлѣ, Максимовъ—въ Одессѣ и Вальяно—въ Ростовѣ-на-Дону и Таганрогѣ.

Кромѣ Дюкова, наибольшею популярностью пользовался казанскій антрепренеръ Петръ Михайловичъ Медвѣдевъ, изъ школы котораго (медвѣдевскій театръ былъ настоящей школой для актеровъ) вышли почти всѣ выдающіеся артисты, впослѣдствіи составившіе себѣ крупное имя на казенныхъ и частныхъ сценахъ обѣихъ столицъ. Самъ Медвѣдевъ, на склонѣ своей дѣятельности, попалъ въ Александринскій театръ и даже одно время занималъ мѣсто режиссера, но звѣзда Медвѣдева начала тускнѣть еще до переѣзда его въ Петербургъ и быстро закатилась. Настали иныя времена, отъ театра требовалось уже не то, что десять-пятнадцать лѣтъ назадъ, и Петръ Михайловичъ очутился въ самомъ безпомощномъ положеніи.

Нижегородскій Смольковъ, орловскій Лаухинъ, саратовскій Кастровскій—всѣ были типичными провинціальными антрепренерами, преслѣдующими чисто коммерческіе интересы и весьма мало заботящимися объ искусствѣ, которое служило имъ источникомъ наживы. Въ труппахъ всѣхъ трехъ попадались хорошіе, талантливые актеры, но въ то время на хорошихъ актеровъ былъ большой урожай.

Михаилъ Андреевичъ Максимовъ, старый актеръ, бывшій артистъ императорскихъ театровъ, выѣзжалъ въ Одессѣ больше на опереткѣ. Мелкіе провинціальные антрепренеры—Матковскій, Семенъ Никодимовичъ Новиковъ и др.—сдѣлали изъ театровъ совсѣмъ мелочныя лавочки и своимъ веденіемъ театральнаго дѣла напоминали ловкихъ торгашей, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ драматическому искусству.

Актеровъ съ каждымъ годомъ плодилось все больше и больше; всѣхъ неудачниковъ, выгнанныхъ за лѣнь гимназистовъ, бѣсящихся съ жиру провинціальныхъ барышень, мелкихъ приказчиковъ, прогнанныхъ со службы маленькихъ чиновниковъ плѣняли будущіе лавры, сравнительная незначительность предстоявшаго «театральнаго» труда, абсолютная легкость заработать ежемѣсячно рублей сорокъ-пятьдесятъ, а то и болѣе, веселая жизнь театральной богемы и проч. Великимъ постомъ, когда, по изстари заведенному обычаю, въ Москвѣ начинается съѣздъ провинціальныхъ Гарриковъ на актерскую биржу, бритыя физіономіи и набѣленныя вызывающія женскія лица на каждомъ шагу попадались по улицамъ Бѣлокаменной. Въ излюбленныхъ маленькихъ актерскихъ ресторанчикахъ появлялись все новые и новые служители Мельпомены.

Тульско-калужскій антрепренеръ Павловъ, прозванный въ театральныхъ кружкахъ «Червончикомъ», первый сообразилъ, что разъ предложеніе превышаетъ спросъ, то, значитъ, и актерское жалованье должно понизиться, а доброкачественность актера—пустое дѣло: главное—забористая афиша и заманчивый репертуаръ. И вотъ, съ легкой руки «Червончика», на актерской биржѣ появились герои за сто рублей въ мѣсяцъ, драматическія актрисы за сто пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, любовники и фаты не свыше семидесяти пяти рублей и т. д. Разумѣется, каждая пьеса проваливалась, но антрепренеръ не унывалъ, такъ какъ все равно приходилось не повторять пьесъ, ставить ежеспектакльно или новыя, или въ первый разъ возобновленныя. Сборы хоть были неважные, но и расходы по содержанію труппы сократились по крайней мѣрѣ на половину.

Театральное дѣло мало-по-малу падало. Прогары антрепренеровъ приняли характеръ какой-то эпидеміи. Чтобы какъ-нибудь заставить публику ходить въ театръ, практиковались самые антихудожественные, болѣе того—шарлатанскіе пріемы. Театральная провинція изощрялась въ изобрѣтательности: бенефиціанты объявляли безпроигрышную лоттерею, при чемъ главнымъ выигрышемъ являлась лошадь или большой серебряный самоваръ; афишки составлялись во вкусѣ захолустныхъ цирковъ; на афишкахъ пьеса расписывалась по дѣйствіямъ съ самыми кричащими названіями. Вотъ, напримѣръ, какъ была составлена афиша одного изъ спектаклей въ Воронежѣ:

«Съ новой блестящей помпезной обстановкой представлена будетъ въ первый разъ идущая съ громаднымъ успѣхомъ на императорскихъ сценахъ бытовая и салонная драма знаменитаго драматурга Николая Антиповича Потѣхина «Злоба дня» въ четырехъ дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ. Дѣйствіе первое, картина первая—«Въ нѣдрахъ генеральской семьи», картина вторая—«Блуд-

ный сынъ», картина третья—«За что же гибель?» Дѣйствіе второе, картина четвертая—«Желѣзнодорожный тузъ купеческаго званія», картина пятая—«У сынка Сережи морозъ по кожѣ», картина шестая—«Помяни царя Давида и всю кротость его». Дѣйствіе третье, картина седьмая—«Роковой день», картина восьмая—«Генеральша влюбилась», картина девятая—«Попка куснулъ». Дѣйствіе четвертое, картина десятая—«Балъ въ оранжереѣ», картина одиннадцатая—«Милый дороже жизни», картина двѣнадцатая—«Она застрѣлилась, бѣдная голубка!»

Провинціальный театръ возвращался къ временамъ Выходцева и ему подобныхъ!

Среди антрепренеровъ не университетскихъ второстепенныхъ провинціальныхъ городовъ рѣзко выдавался Григорій Ставровичъ Вальяно, антрепренеръ-любитель, горячій поклонникъ театра, брезгливо относившійся вообще къ театральному шарлатанству, все глубже и глубже пускавшему корни.

По происхожденію таганрогскій грекъ, блестящій гусаръ, богатый помѣщикъ, Вальяно до того увлекся театромъ, что въ одинъ прекрасный день сразу порвалъ всѣ связи съ прошлымъ, бросилъ военную службу, отказался отъ общества, въ которомъ вращался, и сдѣлался антрепренеромъ и актеромъ, всецѣло отдавшись театру. Смѣлый шагъ Вальяно вызвалъ въ его роднѣ и въ обществѣ суровое осужденіе, а частью и недоумѣніе. Какъ? пренебречь будущей карьерой? промѣнять «свѣтъ» на театральные подмостки? превратиться въ жалкаго фигляра, когда въ жизни все кругомъ только улыбалось? Непонятно, необъяснимо!

Оставивъ въ сторонѣ всякія матерьяльныя соображенія, Вальяно собралъ большую и удачную по своему подбору труппу и взялъ въ аренду два театра: въ Ростовѣ-на-Дону и сосѣднемъ Таганрогѣ. Постояннымъ мѣстопребываніемъ труппы былъ Ростовъ, а въ Таганрогъ посылалась нѣсколько разъ въ мѣсяцъ часть труппы. Репертуаръ составлялся изъ драмъ, комедій, водевилей и, впослѣдствіи, опéретокъ. Самъ Вальяно всѣ свои симпатіи перенесъ на оперетку. Зная хорошо музыку и отлично владѣя французскимъ и нѣмецкимъ языками, Вальяно завелъ сношенія съ Парижемъ и Вѣной, откуда, изъ первыхъ рукъ, получалъ новыя оперетки и самъ же переводилъ или передѣлывалъ ихъ для русской сцены. Кромѣ «Прекрасной Елены», «Орфея въ аду» и «Периколы», всѣ остальныя оперетки ставились на русскомъ языкѣ въ Ростовѣ у Вальяно, а затѣмъ уже на другихъ русскихъ театрахъ, включая и столичные.

Работоспособность Вальяно была изумительной. Онъ спалъ не болѣе четырехъ-пяти часовъ въ сутки, большею частью сидя въ креслѣ, а все остальное время посвящалъ работѣ. Оперетки онъ переводилъ по ночамъ и непремѣнно стоя за конторкой. Будучи недюжиннымъ художникомъ, Вальяно самъ рисовалъ модели ко-

стюмовъ, дѣлалъ макеты для декорацій, а зачастую самъ рисовалъ декораціи. Онъ не жалѣлъ денегъ на постановку и обставлялъ пьесы подчасъ роскошно. На квартирѣ его въ громадномъ залѣ цѣлые дни и вечера шились костюмы, изготовлялись бутафорскія вещи и проч. Постановка оперетты Лекока «La fille de madame Angot» въ маленькомъ ростовскомъ зимнемъ театрѣ (нынѣ уже не существующемъ) обошлась Вальяно въ три съ половиною тысячи, что, по тѣмъ временамъ, для провинціи считалось просто сумасшествіемъ. Страстный любитель играть, Вальяно участвовалъ въ каждомъ спектаклѣ, въ то же время режиссируя, ставя лично каждую новую пьесу. Вальяно дышалъ театромъ, внѣ театра его ничто не интересовало, безъ театра онъ не могъ прожить ни одного часа.

Ростовская публика переполняла театръ, аншлагъ на театральной кассѣ «всѣ билеты проданы» былъ почти обычнымъ явленіемъ, и тѣмъ не менѣе фанатикъ-антрепренеръ не избѣгнулъ общей антрепренерской участи: влѣзъ въ долги, спустивъ все свое состояніе въ два-три года, и прогорѣлъ... Со слезами на глазахъ покидалъ онъ любимый Ростовъ, гдѣ началась его театральная дѣятельность, Ростовъ, носившій на рукахъ своего антрепренера.

Больной, съ разбитыми нервами и пустыми карманами, бѣднякъ Григорій Ставровичъ переселился въ Петербургъ и вынужденъ былъ, спрятавъ въ дальній ящикъ самолюбіе, подвизаться у Егарева, передъ полупьяной кафешантанной публикой. Затѣмъ старикъ перекочевалъ въ Москву къ пріютившему его Лентовскому. У Лентовскаго Вальяно работалъ, пока хватало силъ; изъ Москвы поѣхалъ опять въ Петербургъ, гдѣ пробылъ недолго, а оттуда въ провинцію, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Богачъ-помѣщикъ, свѣтскій левъ, душа аристократическаго общества, окончилъ свое житейское поприще больнымъ, всѣми забытымъ бѣднякомъ!

По стопамъ Вальяно пошли и многіе крупнѣйшіе провинціальные антрепренеры, не выдержавъ борьбы съ безденежьемъ и равнодушіемъ загадочнаго сфинкса, называемаго публикой. Солидные антрепренеры старились, прогорали, уходили на покой, а на смѣну имъ появлялись ловкачи-шарлатаны, надувавшіе толпу и безсовѣстно эксплоатировавшіе довѣрчиваго простяка-актера. Лучшіе провинціальные актеры потянулись къ столицамъ: часть поступила въ императорскіе театры, часть нашла широкое поле дѣятельности на частныхъ сценахъ Москвы, гдѣ появились, послѣдовательно смѣняя другъ друга, умѣлые и солидные антрепренры: Танѣевъ, Лентовскій, Бренко и Коршъ.

Провинція переживала періодъ упадка драматическаго театра. Растерзанную драму добивали сперва оперетка, а потомъ опера, занявшая почетное мѣсто во всѣхъ крупныхъ провинціальныхъ городахъ. Москва съ чисто русскимъ радушіемъ встрѣчала зарожде-

ніе частныхъ театровъ, крѣпнущихъ и развивающихся, а въ то же время въ Петербургѣ нарождался новый типъ частнаго театра—театра при буфетѣ различныхъ увеселительныхъ садовъ, со специфической буфетно-садовой публикой, собственными, по мѣткому выраженію В. П. Буренина, распивочно-бутербродными рецензентами, за извѣстную мзду возносившими до небесъ различныхъ поваровъ, буфетчиковъ и кухонныхъ мужиковъ, сдѣлавшихся театральными антрепренерами.

Театръ въ провинціи и посейчасъ находится въ критическомъ положеніи. Хорошо «работаютъ» пять-шесть провинціальныхъ городовъ, а въ остальныхъ театры влачатъ самое жалкое существованіе.

Пять-шесть на всю необъятную Русь!

Г. А. Пальмъ.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Я ТОЛЬКО что вернулся изъ дѣловой поѣздки вглубь Россіи, что въ послѣднее время мнѣ случалось дѣлать много разъ и по своимъ и по служебнымъ надобностямъ.

Приходилось главнымъ образомъ заглядывать въ убогія деревни и иногда проводить по нѣскольку дней сряду въ захолустныхъ «медвѣжьихъ углахъ».

Всюду глушь необъятная, безпробудная тишь, сонное царство... Даже какъ-то странно думать, сидя въ этихъ забытыхъ небомъ уголкахъ, что, вѣдь, это страна, гдѣ толкуютъ о «парламентскихъ функціяхъ», «группахъ» государственнаго совѣта и реформѣ избирательнаго права.

Приходилось бесѣдовать съ мѣстными землевладѣльцами... Есть милые, добрые люди, не безъ образованья, выписывающіе газеты и журналы. Чего же лучше!

— Ну, что: какъ у васъ тутъ?—спрашиваю, бывало, кого-нибудь побойчѣе.

— Да что же, ничего... Живемъ—хлѣбъ жуемъ...

— А какъ насчетъ направленья у васъ здѣсь?

— Какого то-есть направленья?—удивляется чистосердечно собесѣдникъ, и его добродушное, пухлое лицо съ русской бѣлокурой бородкой и сѣрыми обывательскими глядѣлками расплывается въ недоумѣвающую улыбку.

— Да кто вашъ депутатъ въ государственной думѣ?

— Порфирій Демьянычъ Ермошкинъ.

— Ну, вотъ какой же онъ партіи?

— Націоналистъ, кажется... Да, вѣдь, это что жъ, не все ли равно?

— Какъ «не все ли равно»? Да у васъ въ уѣздѣ-то направленье-то какое же?

— Да всякаго здѣсь бываетъ... А намъ вотъ главное насчетъ бы нашихъ дѣловъ здѣшнихъ... желѣзная вотъ дорога теперь...

— Да, вѣдь, ихъ, дѣла-то ваши, надо же провести въ думѣ чрезъ партію.

— А ну ихъ къ Богу, всѣ эти ваши партіи,—говоритъ, позѣвывая, другой «милый» помѣщикъ:—и къ чему это ихъ такъ много наплодили?

— А что, господа,—мѣняя тонъ, обращается онъ къ намъ обоимъ:—не пора ли и червячка заморить? Самый теперь настоящій адмиральскій часъ,—и онъ подноситъ намъ подъ носъ свой золотой хронометръ съ аккуратно стоящей на двѣнадцати стрѣлкой.

— Конечно,—любезно соглашаюсь я, но все-таки пытаюсь предложить еще вопросъ:—Ну, а скажите, вотъ этотъ самый депутатъ вашъ Ермошкинъ выступалъ уже въ думѣ? И какъ, удачно?

Собесѣдники въ нерѣшительности посматриваютъ другъ на друга, а потомъ на меня.

— А кто его тамъ знаетъ?—говоритъ первый. —Кажется, что-то будто говорилъ... Пишетъ онъ намъ, видите ли, рѣдко...

— А думскіе отчеты въ газетахъ? Развѣ не читаете?

Помѣщики пересмѣиваются.

— А лѣнь, батенька, все это прочитывать... Такую уйму пишутъ... иной разъ и не пересмотришь всего...

Что бы сказали на это наши Родичевы, такъ отважно утверждавшіе о полной подготовленности всей Россіи къ «новому режиму»?

Въ другой губерніи завожу разговоръ съ земскимъ начальникомъ.

— Что въ вашемъ участкѣ подѣлывается? Съ народомъ справляетесь?

— Ахъ, ужъ и не говорите!—махаетъ рукой земскій начальникъ съ краснымъ носомъ и сиповатымъ баскомъ, изъ бывшихъ военныхъ, вышедшій изъ полка «по недоразумѣнію»,—съ нимъ просто сладу нѣтъ! Тихоней прикидывается, а вы посмотрите-ка на дѣла нашихъ канцелярій: все сплошь завалено дѣлами о конокрадствѣ и лѣсопорубкахъ... И при этомъ всѣ пьютъ, канальи, поголовно, даже дѣтей малыхъ спаиваютъ!

— Зачѣмъ же дѣтей-то?

— Да ужъ повѣрьте,—любой крестьянскій мальчишка 12—14 лѣтъ преисправно тянетъ сивуху... И бабы тоже...

— Неужели и бабы?

— И бабы и дѣвки—всѣ пьютъ-съ!

— А вотъ вы бы ихъ, по возможности, просвѣтили: разъясняли бы имъ понемножку ихъ дикость, школку бы, что ли, устроили,— говорю я не безъ колебанія.

— Да что вы?!—хохочетъ земскій.—Развѣ что съ этими пропойцами можно сдѣлать? Въ холодную при волости посадить,— тамъ очухается... Жаль, что пороть этихъ мерзавцевъ нельзя!

И это говоритъ при всѣхъ чиновникъ, назначенный законодателемъ быть попечителемъ народнымъ, судьей праведнымъ, защитникомъ, добрымъ совѣтникомъ!..

Другой земскій начальникъ за большимъ ужиномъ у мѣстнаго «воротилы» громогласно утверждалъ:

— Никакого интереса въ народѣ къ думѣ нѣтъ! Ему поставьте ведро водки,—вотъ и все, что ему надо. И всѣ эти грабежи, разбои, осады дворянскихъ усадебъ, поджоги,—все это вовсе не было «революціоннымъ движеніемъ», какъ наивно предполагаютъ господа «эсеры» и «эсдеки», а просто жаждой легкой наживы, зудомъ попользоваться чужимъ добромъ, побарствовать на даровщинку, всѣ барскія снѣди пожрать, всѣ вина осушить, а усадьбу и домъ спалить, чтобъ и «духу барскаго» не оставалось...

Ему, конечно, возражали:

— Позвольте, вы слишкомъ мрачно рисуете нашего крестьянина! Конечно, въ то время, о которомъ вы говорите, въ немъ проснулись дикіе инстинкты, но, вѣдь, это подъ вліяніемъ пропаганды...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, эту «пропаганду» и этихъ всѣхъ «анархистовъ», приписывающихъ себѣ подготовку событій 1905—1906 годовъ,—возражалъ земскій начальникъ:—это все вздоръ, самообманъ. Раскидывались по деревнямъ прокламаціи, а ихъ крестьяне на «цыгарки» употребляли. Ходили сюда разные «соціалисты» и пытались толковать нашимъ мужикамъ объ ихъ общественныхъ и иныхъ правахъ, но чѣмъ же это обыкновенно кончалось?..

— Чѣмъ же?—полюбопытствовали присутствовавшіе.

— А вотъ-съ чѣмъ: поговоритъ, поговоритъ этотъ самый «соціалъ-демократъ» доморощенный, мужикъ его будто слушаетъ, а потомъ и преподнесетъ: «это точно что... правильно, значитъ, а твоя милость на косушку намъ, значитъ, пожалуй,—за твое здоровье выпьемъ».

Вице-губернаторъ, исполнявшій обязанности начальника губерніи, съ торжествомъ разсказывалъ мнѣ о только что подавленномъ имъ въ зародышѣ рабочемъ бунтѣ на фабрикѣ.

— Дѣло теперь передано судебной власти,—закончилъ онъ свой разговоръ:—и виновные будутъ наказаны... Да это, вѣдь, имъ какъ съ гуся вода... А жаль,—прибавилъ онъ вдругъ, помолчавъ:—что до нихъ теперь нельзя пальцемъ дотронуться, а то бы вотъ ихъ, до суда-то, выпороть бы нещадно...

И полная рука юнаго «администратора» съ короткими пальцами, украшенная рубиномъ на мизинцѣ, сложилась въ напряженный кулакъ и съ шумомъ опустилась на зеленое сукно письменнаго стола.

Это «нещадно» рѣзнуло по ушамъ чѣмъ-то давно прошедшимъ. Нашихъ рабовъ безправныхъ били «нещадно» только до Александра I, и въ его царствованіе это ужасное слово было уже совсѣмъ исключено изъ нашего кодекса.

У меня не нашлось словъ продолжать бесѣду съ этимъ представителемъ правительственной власти XX вѣка, сладко мечтающимъ о нещадной поркѣ.

Провинціальные «батюшки», съ которыми мнѣ доводилось встрѣчаться,—въ унынiи и тяготѣ... Безспорно, ихъ положенье до такой степени трудно и безвыходно, что дальше итти некуда, и нужно только удивляться, что находятся еще люди, которые добровольно подвергаютъ себя безконечной пыткѣ быть въ порабощенiи у прихода и существовать съ презрѣнiемъ бросаемой имъ, наравнѣ съ нищими, милостыней, подъ лицемѣрнымъ названiемъ «доброхотнаго даянiя».

Главнымъ образомъ, конечно, страдаетъ деревенское духовенство, такъ какъ быть въ матерiальной зависимости отъ нашего мужика—это чего-нибудь да стоитъ! Священники особенно жалуются на молодое крестьянское поколѣнiе, отъ котораго имъ приходится терпѣть всевозможныя издѣвательства и самую отборную брань.

У деревенскаго причта есть, правда, свой «церковный надѣлъ», но мало того, что эти надѣлы въ огромномъ большинствѣ случаевъ запольные, никогда не видавшiе удобренiя,—какъ трудно найти въ наше время дешевый и добросовѣстный землледѣльческiй трудъ и до какихъ баснословныхъ цѣнъ доходятъ кормовые продукты! Содержать собственный скотъ для деревенскаго причта становится совершенно немыслимымъ, и священникъ поневолѣ радъ уступить свой надѣлъ въ аренду или въ «испольную» обработку, но въ послѣднемъ случаѣ, при современномъ развращенiи деревни, «церковныя копны» то и дѣло таинственно исчезаютъ съ поля, а какъ причту за ними усмотрѣть?

— Одна была у насъ надежда—на государственную думу, но до сихъ поръ она не оправдалась,—съ скорбной улыбкой сказалъ мнѣ одинъ уѣздный священникъ изъ Пензы.—Да и можно ли чего отъ думы ждать для нашего брата? Тамъ, вѣдь, все больше о правахъ человѣчества разсуждаютъ, кадетскую «тактику» преподносятъ да хохочутъ надъ добровольнымъ комикомъ Пуришкевичемъ...

И священникъ, съ нервнымъ молодымъ лицомъ и добрыми глазами, въ которыхъ уже видпѣлась тоска и покорность своей горькой долѣ, безотрадно махнулъ рукой.

— Потерпите,—сказалъ я:—все по-хорошему устроится...

— А развѣ мы не терпимъ? Всю жизнь только и терпимъ...

И, прощаясь и крѣпко пожимая мнѣ руку, прибавилъ:

— Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ!

Вотъ она, эта «матушка Русь»—безконечныя поля направо и налѣво, убогія селенія, церкви на курьихъ ножкахъ, угрюмые лѣса и столь же угрюмыя лица крестьянъ съ выраженіемъ притупленности и равнодушія.

Повсюду безнадежность, уныніе, апатія...

Но заѣзжайте въ самую деревенскую глубь, гдѣ я только что побывалъ, и тамъ васъ ожидаютъ уже такіе неожиданные и до трагизма грустные «курьезы», что диву дивишься и невольно опускаются руки.

Вотъ что мнѣ разсказывалъ одинъ мѣстный помѣщикъ, гостепріимствомъ котораго я пользовался въ теченіе нѣсколькихъ дней.

— Наступило холодное время, начались заморозки, надо и топить печи, а подходящихъ дровъ въ нашихъ мѣстахъ не сразу иной разъ добудешь... Случайно купилъ я прекрасныя бревна, но претолстѣйшія, а наколоть некому,—прислугѣ не подъ силу. Ну, что жъ, думаю, надо кого-нибудь съ деревни позвать помочь. Зову кухарку. Сходи, говорю, сейчасъ, пожалуйста, въ деревню и попроси кого знаешь прійти къ намъ эти бревна вотъ на дрова наколоть; скажи,—на чай баринъ хорошо каждому заплатитъ. Чрезъ малость времени кухарка возвращается... но одна. «Никто,—говоритъ,—не идетъ».—Неужели некому?—«Какъ некому?! А вотъ не идутъ: неохота имъ, значитъ».—Да почему же? За работу, вѣдь, заплатимъ.—«Говорила я, а имъ все одно,—никто не идетъ, не нужно имъ...»

Помѣщикъ остановился и недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня.

— Вы слышите: «не нужно имъ»? Деньги въ руки суютъ, приди только на какіе-нибудь полчаса,—вотъ работа, но никто не идетъ... И денегъ не надо: работать неохота! Какъ вамъ вотъ это понравится?

Я тоже въ недоумѣніи молчалъ.

— И такъ теперь у насъ во всемъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ.—Деревенька у насъ бѣдная,—никакихъ постороннихъ заработковъ, никакихъ отхожихъ промысловъ и въ поминѣ нѣтъ. Вѣдь, вотъ тутъ, кажется, какъ не дорожить, коли какая ни на есть работишка подвернется,—вѣдь, каждый лишній грошъ здѣсь пригодится... И вотъ какая картина: никому ничего не нужно! Дровъ за деньги наколоть,—ужъ это ли не пустяки?—и того не хотятъ! И денегъ вашихъ не надо,—работать, молъ, не хотимъ... Пальцемъ шевельнуть не хотятъ: всѣ въ какой-то дремѣ. Нѣтъ энергіи, нѣтъ воли, нѣтъ самодѣятельности, предпріимчивости!

Ничего никому не нужно! Какая-то безконечная, за душу щемящая обломовщина... Какая-то мертвая зыбь!..

Да, дѣйствительно, что за спящее царство эта наша русская деревня, которой рѣшительно ни до чего нѣтъ дѣла! Иной разъ въ ней и купить что-нибудь крайне трудно. Никто не старается продать, и вотъ вся эта живность и молочные продукты остаются безъ потребленія. Предложеніе играетъ въ прятки, а спросъ долженъ его самъ всюду разыскивать съ большими хлопотами.

Недавно на то же самое горько жаловались въ газетахъ съ сѣвера, изъ Архангельской губерніи, и съ Поволжья.

И не въ одной, конечно, деревнѣ бьетъ въ глаза это больное равнодушіе къ собственнымъ нуждамъ и чисто обломовское отношеніе къ окружающему міру, а вообще внутри страны. Вездѣ все та же невозможность достать просто, удобно и легко все то, что въ данную минуту требуется, при несомнѣнной, однако, наличности требуемаго гдѣ-то тутъ же вблизи, и то же странное равнодушіе населенія къ заработку, рядомъ съ вопіющей нуждой.

Нигдѣ никому ничего не нужно!

Благодаря нашимъ писателямъ-классикамъ, мы издавна привыкли смотрѣть на русскаго «барина», только какъ на лѣнивца и лежебоку. Цѣлый рядъ мастерски нарисованныхъ портретовъ у насъ предъ глазами... Обломовы, Райскіе, Маниловы, Тентетниковы, Рудины, Веретьевы, Потугины, Литвиновы, Лежневы—одинъ другого стоятъ. Одновременно господа «народники» усердно рекомендовали намъ «русскаго мужичка» съ самой похвальной стороны, какъ нашего поильца и кормильца и трудолюбивую пчелку, волею злого рока поставленнаго въ невозможность развернуть свою кипучую энергію, которой, будто бы, нѣтъ предѣловъ.

Конечно, все это было предвзятой утрировкой, но мы, однако, наивно вѣрили въ барскую «обломовщину» и мужицкую мощь.

И вотъ какъ теперь все измѣнилось и обнаружилось.

Обломовы, истративъ выкупные платежи, вскочили-таки наконецъ съ своихъ мягкихъ пуховиковъ и пошли въ земскіе начальники, Райскіе стали земцами, Рудины заняли каѳедры въ университетахъ, Веретьевы, бросивъ гитару и водку, занялись хозяйствомъ, Потугины пошли въ чиновники, а Литвиновы и Лежневы стали строить винокуренные заводы... Однакоже наша родная лѣнь, наша врожденная обломовщина не перевелась, но давно засѣла и сидитъ тамъ, гдѣ ее прежде не хотѣли видѣть!...

Загляните-ка хорошенько въ русскую деревню,—да развѣ это не самая настоящая обломовщина? Тысячу лѣтъ живемъ мы на свѣтѣ, а правильно пахать до сихъ поръ еще не научились,—самаго что ни на есть нужнѣйшаго для себя дѣла за тысячу лѣтъ дѣлать не припоровились!

И какъ теперь чувствуютъ себя «великія тѣни» сантиментальнаго Добролюбова и скороспѣло мыслившаго Писарева? Гдѣ же онѣ, эти народныя силы? Гдѣ же онъ, этотъ дивный мужичокъ, который однимъ своимъ видомъ долженъ жестоко стыдить баръ-лежебокъ?

Гдѣ? Онъ лежитъ полупьяный въ своей убогой хибаркѣ, а когда придутъ и позовутъ на какой-нибудь заработокъ и предложатъ деньги, въ которыхъ онъ всегда такъ нуждается, онъ только лѣниво отмахнется: работать ему неохота и ничего ему не нужно...

Теперь уже нечего все сваливать на «соціальный строй». Онъ перемѣнился коренным образомъ, и тотъ, кто вправду хочетъ работать, можетъ всюду приложить свои силы, свою энергію и Богомъ данные таланты.

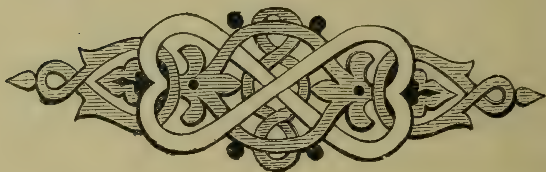
Но развѣ можно работать съ пользой для страны съ такой обломовщиной? Ее прежде всего надо искоренить, съ ней прежде всего надо бороться!

И это въ XX вѣкѣ, наканунѣ уже четвертой государственной думы съ ея «фракціями» и при наличности либеральныхъ группъ въ государственномъ совѣтѣ!

Наверху—дикость, втайнѣ мечтающая о «нещадной» поркѣ, внизу—безпробудный сонъ, апатія, полное отвращеніе что-либо дѣлать, чего-либо добиваться.

Невеселая картина...

С. У—цъ.

КНЯЗЬ Д. М. ПОЖАРСКІЙ И ЕГО УСЫПАЛЬНИЦА.

Въ НОЯБРѢ настоящаго года исполняется триста лѣтъ со времени окончательнаго освобожденія Москвы отъ поляковъ, а 21-го февраля 1913 г.—триста лѣтъ со дня избранія на русскій престолъ Михаила Ѳеодоровича, родоначальнкиа нынѣ царствующаго дома Романовыхъ. Однимъ изъ главныхъ вершителей этихъ двухъ важнѣйшихъ и тѣсно связанныхъ между собою историческихъ событій былъ князь *Дмитрій Михайловичъ Пожарскій*. Вполнѣ естественно, на нашъ взглядъ, вспомнить въ настоящій моментъ объ этомъ великомъ народномъ вождѣ, и мы, желая это сдѣлать, вовсе не имѣемъ въ виду повторять всѣмъ извѣстные историческіе факты, въ которыхъ участвовалъ князь Д. М. Пожарскій, а сообщимъ лишь нѣкоторыя, мало доступныя широкой публикѣ свѣдѣнія объ его родичахъ и о знаменитой обители, пользовавшейся большимъ вниманіемъ князей Пожарскихъ въ XVI и XVII вв. и хранящей прахъ народнаго вождя и великолѣпный памятникъ надъ нимъ, воздвигнутый въ 1885 году, обители, бывшей многіе годы «монастыремъ-крѣпостью».

Обитель эта—*Спасо-Евѳиміевъ* монастырь въ гор. Суздалѣ, основанный въ 1350-хъ годахъ современникомъ и «близкимъ духовнымъ собесѣдникомъ» преподобнаго Сергія Радонежскаго—инокомъ *Евѳиміемъ*. За 50 лѣтъ своего управленія Спасскимъ монастыремъ

архимандритъ Евѳимій построилъ въ немъ три церкви: 1) храмъ въ честь Преображенія Господня, ставшій главнымъ соборнымъ храмомъ и сохранившій архитектурный стиль храмовъ второй половины XVI в. до нашихъ дней; 2) каменную церковь во имя преподобнаго Іоанна Лѣствичника и 3) деревянную во имя св. Николая Чудотворца. Будучи самъ великимъ подвижникомъ, онъ и жизнь монастырской братіи довелъ до извѣстнаго идеала, благодаря чему основанная имъ обитель вскорѣ стала какъ бы мѣстной святыней для всѣхъ классовъ населенія бывшаго Суздальскаго княжества. Но особенными ревнителями и щедрыми жертвователями были потомки суздальскихъ и стародубскихъ удѣльныхъ князей и нѣкоторые частные вотчинники. Обрѣтеніе мощей преподобнаго Евѳимія въ 1507 году, во время перестройки Спасо-Преображенскаго храма, и затѣмъ канонизація ихъ на Московскомъ соборѣ 1547 года еще болѣе подняли значеніе обители, куда теперь потянулось все, что такъ или иначе тяготѣло къ Суздалю, и понесло свои разнообразныя жертвы. Немудрено, поэтому, что Спасскій монастырь уже къ концу XVI в. былъ богатѣйшимъ монастыремъ на Руси.

Одними изъ щедрыхъ жертвователей его въ XVI вѣкѣ и потомъ въ XVII вѣкѣ были князья *Пожарскіе*. Потомки князей Стародубскихъ, князья Пожарскіе получили свое прозваніе отъ вотчины «Пожаръ», первымъ владѣльцемъ которой и вмѣстѣ первымъ княземъ Пожарскимъ былъ *Василій Андреевичъ*. Сынъ его *Данило* послѣ 1438 года промѣнялъ «Пожаръ» на «Мугрѣево», а внукъ *Ѳедоръ Даниловичъ* къ послѣднему имѣнію вернулъ часть бывшей вотчины — с. Троицкое съ деревнями, и, благодаря этому, уже въ началѣ XVI вѣка у князей Пожарскихъ были вотчины въ двухъ пунктахъ бывшаго Стародубскаго княжества—въ «Пожарѣ» и «Мугрѣевѣ», по сосѣдству съ Суздалемъ. Послѣдняя вотчина была въ родѣ прямыхъ предковъ князя Д. М. Пожарскаго, каковыми были слѣдующія лица: прадѣдъ *Иванъ Третьякъ*, по очень правдоподобному предположенію Л. М. Савелова [1]), одно лицо съ инокомъ Елизаріемъ, по душѣ котораго дѣлалъ вкладъ его сынъ въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь; дѣдъ *Ѳедоръ Ивановичъ Нѣмой*, въ иночествѣ Ѳеодоритъ, бывшій въ 1550 г. въ числѣ боярскихъ дѣтей 3-й статьи и въ составѣ московскаго дворянства, и отецъ *Михаилъ Ѳедоровичъ Глухой*, умершій въ 1588 году. Кромѣ Дмитрія Михайловича, по прозвищу Хромого (род. 1-го ноября 1578 г.; ум. 20-го апрѣля 1642 г.), у Михаила Ѳедоровича были еще дѣти: *Василій Михайловичъ*, бывшій стольникомъ въ 1588 г. и умершій инокомъ Вассіаномъ, *Юрій Михайловичъ*, о которомъ ничего не-

---

[1]) См. родословіе князей Пожарскихъ, сост. Л. М. Савеловымъ въ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ», 1906 г., вып. 2—3.

Видъ Спасскаго монастыря.

извѣстно, и *Дарья Михайловна*, род. въ 1753 г. и бывшая замужемъ за княземъ Никитой Андреевичемъ Хованскимъ. Самъ Дмитрій Михайловичъ имѣлъ троихъ сыновей: стольника и воеводу *Петра*, имѣвшаго только двухъ дочерей; стольника и рынду при пріемахъ и отпускахъ иностранныхъ пословъ *Θедора*, умершаго въ 1633 г. безпотомно, и воеводу и окольничаго, вѣдавшаго челобитнымъ приказомъ, *Ивана Дмитріевича*, сыновья котораго Семенъ и Юрій Ивановичи скончались безпотомно, а съ ними прекратился и родъ князей Пожарскихъ въ 1685 году.

Въ моментъ прибытія пословъ изъ Нижняго Новгорода князь Д. М. Пожарскій проживалъ въ своей вотчинѣ—Мугрѣевѣ. Здѣсь, по свѣдѣніямъ писцовыхъ книгъ 1628—1630 г.г., было тогда двѣ церкви: одна во имя св. Николая Чудотворца, «древяна вверхъ шатровая», съ придѣлами Иліи пророка, св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, Никиты переяславскаго чудотворца и мученика Луппа, и другая, тоже деревянная, теплая, въ честь Пресвятыя Троицы, съ придѣлами во имя св. Алексія, митрополита московскаго, и преподобнаго Сергія Радонежскаго. По смерти Дмитрія Михайловича Мургѣевская вотчина перешла къ его старшему сыну Петру, а въ 1653 г. была дана въ приданое дочери князя Петра Дмитріевича—Аннѣ, при выходѣ ея замужъ за Аθ. Бор. Репнина и во второй разъ въ 1655 г. за Ивана Андреевича Милославскаго. Въ 1669 г. Мугрѣево перешло въ приданое другой дочери Петра Дмитріевича Евдокіи при выходѣ ея замужъ за второго мужа, князя Юрія Алексѣевича Долгорукова. Въ родѣ князей Долгоруковыхъ оно оставалось до второй четверти XVIII в., а потомъ стало переходить къ разнымъ владѣльцамъ.

Изъ сородичей князя Д. М. Пожарскаго, въ качествѣ болѣе или менѣе крупныхъ дѣятелей, можно назвать лишь трехъ лицъ: *Дмитрія Петровича*, по прозванію *Лопата*, участвовавшаго въ 1612 году при занятіи Ярославля и Москвы, бывшаго воеводою въ Самарѣ (1614 г.), Твери (1618—1619 гг.), на Двинѣ (1621—1623 гг.), въ Верхотурьѣ (1625—1627 гг.) и Псковѣ (1628—1629гг.) и умершаго въ званіи московскаго дворянина въ 1641 г.; брата предыдущаго, *Романа Петровича*, по прозванію *Перелыга*, подписавшаго въ 1613 г. грамоту объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича и бывшаго воеводой въ Брянскѣ (1626—1628гг.) и Вязьмѣ (1631—1632 гг.) и межевымъ судьей въ Брянскѣ (1634 г.) и сына послѣдняго *Семена Романовича*, окольничаго и воеводу, плѣненнаго въ Конотопскомъ бою и убитаго, по приказанію крымскаго хана, въ 1659 г. Недаромъ же въ мѣстническихъ спорахъ съ Д. М. Пожарскимъ противники утверждали: «Князья Пожарскіе при прежнихъ государехъ опричь городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ не бывали».

Спасо-Преображенскій храмъ въ Спасскомъ монастырѣ.

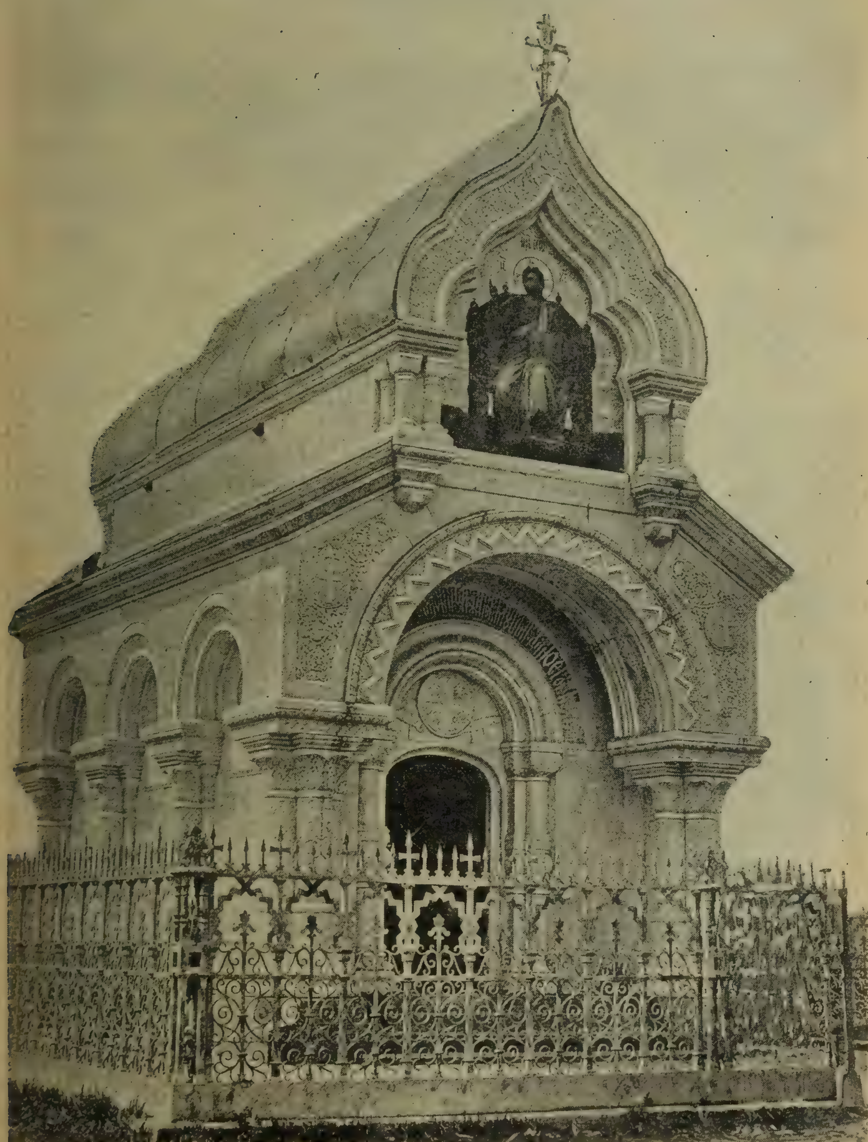
Князья Пожарскіе, какъ уже сказано выше, были очень щедрыми жертвователями въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, какъ вотчинами, деревнями, пустошами и проч., такъ и разными цѣнными предметами, но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ пожертвованіяхъ,—«вкладахъ по душѣ»,—продолжимъ вкратцѣ исторію Спасо-Евѳиміева монастыря. Въ годину лихолѣтья богатѣйшая обитель подверглась жестокому разоренію. Ею овладѣлъ Лисовскій со своею шайкой и обратилъ въ укрѣпленный лагерь, обнеся новымъ острогомъ. Разоривъ монастырь, его шайка сильно пограбила и разорила монастырскія вотчины. Понадобилось не мало времени и трудовъ, чтобы оправиться отъ такого разоренія; однако уже по описи монастыря 1660 г. видно, что храмы его въ то время были богато украшены святыми иконами, утварью и ризницей; при монастырѣ была богатая по тому времени библіотека, состоявшая изъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ; въ «казенной кельѣ» было много дорогой серебряной посуды. Большая часть келій и другихъ монастырскихъ построекъ были каменныя. Въ монастырѣ было 118 человѣкъ монашествующей братіи» [1]).

По переписнымъ книгамъ 1678 г. въ вотчинахъ Спасо-Евѳиміева монастыря насчитывалось 2936 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ съ населеніемъ въ 10.300 душъ мужского пола. Нѣсколько лѣтъ спустя въ монастырѣ выстраивается новая каменная церковь во имя святого Николая Чудотворца и при ней больничныя каменныя кельи; самый монастырь обносится высокою каменною оградою съ двѣнадцатью башнями. Ограда эта въ настоящее время имѣетъ въ окружности 542 сажени, высотою въ три съ половиной—четыре аршина; толщина стѣнъ около трехъ аршинъ. Изъ двѣнадцати башенъ наиболѣе высокая надъ святыми воротами, болѣе одиннадцати саженъ высоты, четырехугольная башня съ бойницами и окнами, имѣвшая назначеніе сторожевого пункта. Какъ ограда, такъ и башни придаютъ монастырю видъ крѣпостного сооруженія для защиты отъ нападенія внѣшнихъ враговъ. Такою крѣпостью была и Троице-Сергіева лавра, выдержавшая шестнадцатимѣсячную осаду поляковъ.

Съ первыхъ годовъ XVIII вѣка положеніе монастырей, какъ извѣстно, мѣняется; призываемые указами Петра Великаго на службу государству, они несутъ разныя повинности, отзывавшіяся тяжело на ихъ благосостояніи. Введеніемъ въ 1764 г. для монастырей штатнаго содержанія Спаса-Евѳиміева обитель перестаетъ быть монастыремъ-вотчинникомъ и зачисляется во второй классъ, съ братіей въ семнадцать человѣкъ. Хотя въ 1865 г. монастырь

---

[1]) См. «Суздаль и его достопамятности» въ XIV книгѣ «Трудовъ владимирской ученой архивной коммиссіи» (М. 1912.),

Памятникъ надъ могилою князя Пожарскаго.

и былъ возведенъ на степень первокласснаго, но теперь является богатымъ болѣе историческими преданіями.

Главную святыню соборнаго Спасо-Преображенскаго храма составляютъ мощи преподобнаго Евѳимія, хранящіяся въ особой ракѣ, деревянной, обложенной внутри и снаружи серебромъ съ серебряно-позолоченными клеймами. При ракѣ находятся и вещи, принадлежавшія, по преданію, святому Евѳимію: желѣзныя вериги, мѣдный крестъ напрестольный, митра, шитая золотомъ и серебромъ по вишневому атласу, и евангеліе. Въ храмѣ находится и Корсунская икона Божіей Матери, почитаемая чудотворною далеко за предѣлы Суздаля. Кромѣ этого собора, въ монастырѣ имѣются еще церкви Успенская, святого Николая Чудотворца и Благовѣщенская и оригинальной архитектуры звонница (колокольня).

Особенное вниманіе обители преподобнаго Евѳимія князья Пожарскіе стали оказывать со второй четверти XVI столѣтія, послѣ открытія мощей преподобнаго и съ началомъ церковнаго его прославленія. Въ 1527 г. князь Данило Семеновичъ далъ въ монастырь «по душѣ его» свою вотчину (четыре деревни) и, дѣлая этотъ вкладъ, прибавилъ, что, если данныя деревни архимандриту «не полюбятся», то вмѣсто нихъ онъ дастъ «мѣринъ сѣръ, сани да два рубля денегъ». Далѣе, начиная съ 1557 г., почти ежегодно текли пожертванія деревнями, пустошами и даже селами отъ князей Пожарскихъ. Въ частности Дмитрій Михайловичъ впервые пожертвовалъ монастырю деревню Три Дворища въ 1587 г. Въ 1604 г. «приложилъ» паникадило, хранящееся и понынѣ въ монастырской ризницѣ; въ 1608 г. по зятѣ своемъ Никитѣ Хованскомъ онъ далъ деревню Елисѣеву и половину деревни Череповой въ Мугрѣевѣ; въ 1615 г.— напрестольное евангеліе въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ и украшенномъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Къ концѣ евангелія имѣется собственноручная надпись Дмитрія Михайловича такого содержанія: «лѣта 7123 году октября въ 14 день при державѣ великова государя и великова князя Михаила Ѳеодоровича всея русіи царства его въ лѣта при архимандритѣ Митрофанѣ далъ въ домъ Всемилостивому Спасу и великому чудотворцу Евфимію бояринъ князь Димитрей Михайловичъ Пожарской съ матерью своею со княгинею Маріею Ѳедоровною сію книгу глаголемое святое Евангеліе». Въ 1618 г. на средства его былъ перелитъ разбившійся въ пожаръ 1610 г. поліелейный колоколъ вѣсомъ въ 335 пудовъ. Въ 1633 г. было дано «по душѣ» сына его Ѳедора село Петроково, и, кромѣ того, въ разное время «приложены»: образъ Преображенія Господня, серебряный золоченый съ драгоцѣнными украшеніями, сохранившійся донынѣ; книги: уставъ новой печати, прологъ, толкованіе на Дѣянія апостоловъ, Потребникъ, Маргеритъ, Многосложный свитокъ объ иконномъ поклоненіи и Минея мѣсячная.

Символическое изображеніе князя Пожарскаго, находящееся въ кельѣ настоятеля Спасскаго монастыря.

Послѣ смерти Дмитрія Михайловича отъ семьи его поступили въ монастырь слѣдующіе вклады: образъ Казанской Богоматери въ кіотѣ, богато украшенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; образъ митрополита Алексія московскаго; «ризы—бархатъ золоченой цвѣтной персидской, ердань и крестъ и звѣзда шиты золотомъ и серебромъ, по червчатому бархату (бархатъ взятъ съ его вкладной шубы); плащаница, шитая золотомъ и серебромъ по червчатому атласу; шапка серебряная (митра) низана жемчугомъ; ризы, «камка двоеличная индѣйская»; палица, «на ней Нерукотворенный образъ Спасовъ шитъ золотомъ и серебромъ» и много другого.

Какъ личныя пожертвованія Дмитрія Михайловича, такъ и его женъ и сыновей, свидѣтельствующія о весьма благоговѣйномъ отношеніи ихъ къ обители проподобнаго Евѳимія, дали возможность историкамъ, начиная съ А. Ѳ. Малиновскаго, предположить, что эта обитель, въ которой еще въ XVI вѣкѣ погребались члены рода князей Пожарскихъ, и была мѣстомъ «упокоенія» нашего великаго вождя народнаго ополченія 1612 г. Въ 1852 г. графъ А. С. Уваровъ, слѣдуя монастырской описи 1660 г., нашелъ въ Преображенскомъ храмѣ мѣсто разобранной, по приказу архимандрита Ефрема, въ 1766 г. «полатки», т. е. общей родовой усыпальницы князей Хованскихъ и Пожарскихъ, которая была устроена Ив. Никит. Хованскимъ и Ив. Дм. Пожарскимъ, сыномъ Дмитрія Михайловича; вскрылъ эту «полатку» и въ числѣ находившихся въ ней труповъ особая комиссія признала и́ трупъ народнаго вождя. Тогда же императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ соорудить на мѣстѣ могилы надгробный памятникъ и открыть съ этой цѣлью по всей имперіи добровольную подписку. Къ 1858 г. подписка дала 75,000 рублей; немедленно было приступлено къ сооруженію памятника, но послѣдній, по всегдашнему обычаю нашихъ строительныхъ комиссій, былъ оконченъ и освященъ лишь въ 1885 году. «Памятникъ построенъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора въ стилѣ надгробныхъ палатокъ XVII вѣка, со входомъ съ восточной стороны. Входъ закрывается тяжелою бронзовою дверью художественной работы, съ рельфными изображеніями Минина и Пожарскаго. Въ верхней части двери изображенъ торжественный моментъ призванія князя Пожарскаго нижегородскими послами на великое дѣло освобожденія отечества отъ враговъ; въ нижней части изображенъ моментъ битвы на Срѣтенкѣ, въ Москвѣ, 19-го марта 1611 г., когда онъ былъ раненъ. По краямъ двери вязью написаны слова его, сказанныя на призывъ Минина: «*Мужаемся и укрѣпимся о людехъ нашихъ и о градехъ Бога Нашего и Господь сотворитъ благое очами своима*». Надъ дверною аркою написаны слова: «*боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому благодарное потомство*». На фронтонѣ помѣщено мозаичное изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ. На наружныхъ стѣнахъ памятника славянскими буквами вырѣзано крат-

кое сказаніе о подвигахъ князя Пожарскаго, взятое изъ лѣтописи о мятежахъ. Внутри надъ могилою сдѣлано небольшое мраморное надгробіе; на западной стѣнѣ помѣщена мозаичная икона Казанской Богоматери, съ которой онъ выступилъ въ походъ; предъ иконой поставленъ массивный бронзовый вызолоченный подсвѣчникъ художественной работы. Въ этомъ подсвѣчникѣ должна теплиться неугасимая лампада, для чего былъ присланъ въ монастырь особый капиталъ въ тысячу рублей [1]).

Памятникъ, обнесенный чугунною оградою, сооруженъ по проекту академика Горностаева; всѣ работы производились подъ наблюденіемъ академіи художествъ, въ вѣдѣніи которой памятникъ находится и въ настоящее время. По устройствѣ памятника были приняты мѣры и къ охраненію различныхъ священныхъ предметовъ, пожертвованныхъ самимъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ и его семьей, а именно устроенъ массивный дубовый шкапъ съ зеркальными стеклами.

Въ кельи архимандрита монастыря находится еще символическое изображеніе князя Пожарскаго, очевидно, недавняго времени. Послѣдній представленъ на немъ вручающимъ скипетръ дому Романовыхъ, что явствуетъ изъ надписи наверху: «Царствующій домъ Романовыхъ». Внизу изображенія неискусно скопированная подпись Пожарскаго.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о той печальной извѣстности, какую имѣлъ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, какъ «крѣпость», какъ мѣсто заключенія, въ теченіе почти ста сорока лѣтъ, начиная съ 1766 г. по 1905 годъ.

Первоначально, до 1764 г., въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, равно и какъ и въ другіе монастыри, заключали только «безумствующихъ колодниковъ», содержавшихся на монастырскія средства. Съ учрежденіемъ же въ этомъ году монастырскихъ штатовъ, монастыри не могли уже содержать колодниковъ на свои средства; были назначены особыя суммы отъ правительства, но въ то же время избрали для этой цѣли лишь нѣкоторые, болѣе укрѣпленные монастыри; для средней Россіи центральнымъ пунктомъ оказался суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь. Къ 1 января 1767 г. сюда были присланы изъ разныхъ монастырей первые десять «безумствующихъ колодниковъ». Помѣщены они были въ больничныхъ кельяхъ при Никольской церкви; для надзора за ними былъ приставленъ военный караулъ, подчиненный архимандриту. Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ числа заключенныхъ, для нихъ были отведены другія зданія, а во второй половинѣ XIX столѣтія всѣ заключенные

---

[1]) См. «Суздаль и его достопамятности», стр. 72—73.

были сосредоточены въ одномъ низкомъ и длинномъ каменномъ зданіи, гдѣ была для нихъ устроена и особая каменная церковь въ честь Корсунской иконы Божіей Матери. Зданіе это было обнесено высокою каменною оградою съ крѣпкими воротами. Въ концѣ зданія находились камеры для «секретныхъ арестантовъ».

За сто сорокъ лѣтъ въ крѣпости перебывало 380 заключенныхъ, изъ которыхъ 63 присланы были до 1800 г., а остальные въ теченіе XIX и перваго пятилѣтія XX столѣтія. Изъ этихъ заключенныхъ около трети были лица духовнаго званія, представители чернаго и бѣлаго духовенства, сосланные въ крѣпость за уклоненіе отъ православной вѣры или за дурное поведеніе, уже послѣ испытанія всѣхъ мѣръ церковной дисциплины. Заключались въ крѣпость, по просьбѣ родителей, и свѣтскіе молодые люди, за позорное и развратное поведеніе, а также по волѣ начальства офицеры и гражданскіе чины. Значительную долю составляли «безумствующіе» разныхъ категорій, ненормальные въ разныхъ формахъ люди. Были здѣсь и старообрядческіе епископы, представители молоканства, штундизма и среди нихъ начальникъ скопческой секты Кондратій Селивановъ; наконецъ, сюда попадали священники, подозрѣвавшіеся въ участіи въ польскомъ мятежѣ, въ имеретинскомъ возстаніи на Кавказѣ, въ сношеніяхъ съ политическими эмигрантами и прочіе.

Къ сожалѣнію, любопытный архивный матеріалъ по «крѣпости» еще не разобранъ. Едва ли не единственный Н. Маклаковъ опубликовалъ два дѣла за 1820 и 1821 гг. о буйныхъ арестантахъ («Труды Владимирской архивной комиссіи», т. II, 1901 г.), но и изъ нихъ видно, какія хлопоты и безпокойство доставляли монастырскимъ и губернскимъ властямъ эти «безумствующіе», безусловно вліявшіе и на уменьшеніе числа богомольцевъ въ монастырѣ.

В. Рудаковъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ ПЕТЕРГОФСКОЙ ДАЧИ № 2.

ВЪ АВГУСТОВСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ я прочелъ статью «Петергофская дача № 2» и у меня невольно явилось желаніе написать продолженіе ея исторіи.

Дачѣ этой посчастливилось. Имѣя, по словамъ г-жи Мариной, своимъ архитекторомъ государя Николая Павловича, она очень недолго, послѣ продажи семьею Соломко, находилась въ рукахъ какихъ-то нѣмцевъ-сапожниковъ, не успѣвшихъ испортить ее выжиманіемъ возможныхъ доходовъ, и уже въ 1875 г. вновь перешла къ старой дворянской семьѣ, поддерживавшей добрыя традиціи симпатичной старины до сего времени.

Родоначальницей новыхъ владѣльцевъ являлась вдова генералъ-адъютанта генерала-отъ-кавалеріи барона Ивана Карловича Сталь-фонъ-Гольштейнъ [1]) баронесса Марья Карловна, урожденная Гербель.

Оставшись послѣ смерти мужа съ многочисленной семьей и имѣя двухъ сыновей въ Уланскомъ Ея Величества полку [2]), Марья

---

[1]) Началъ службу въ гвардейской конно-артиллерійской бригадѣ. Командовалъ лейбъ-гвардіи Драгунскимъ полкомъ, 2-й легкой кавалерійской дивизіею, 6-мъ армейскимъ корпусомъ. Умеръ въ 1868 году членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

[2]) Старшій сынъ Владиміръ Ивановичъ, теперь генералъ-лейтенантъ, помощникъ коменданта петербургской крѣпости; младшій—Алексѣй Ивановичъ, генералъ-майоръ, завѣдующій дворомъ великаго князя Петра Николаевича.

Карловна переѣхала въ Петергофъ и жила тамъ зиму и лѣто до тѣхъ поръ, пока болѣзни и необходимость въ постоянной медицинской помощи не заставили ее переселиться въ Петербургъ всего за нѣсколько лѣтъ до кончины, послѣдовавшей въ 1895 году.

Теперь этой дачей владѣютъ дочери ея баронесса Александра Ивановна и вдова генералъ-адъютанта Бобрикова [1]) Елизавета Ивановна.

Дача, судя по описанію г-жи Мариной, осталась почти такою же. Существуетъ и бельведеръ съ цвѣтными стеклами, существуютъ старыя тѣнистыя деревья, существуетъ и прудъ, въ которомъ до сихъ поръ «будто бы водятся караси».

Какъ въ былое время Агнія Львовна являлась главой семьи и блюстительницей семейныхъ традицій, такъ и позднѣйшая владѣтельница дачи баронесса Марья Карловна проживала здѣсь счастливые дни, окруженная многочисленными дѣтьми, внуками и внучками, сохранившими до сихъ поръ теплое чувство къ доброй и милой бабушкѣ Машѣ. Любя свою дачу, имѣя какъ бы прирожденныя способности къ хозяйству и домоводству, баронесса Марья Карловна все время заботилась объ ея благоустройствѣ и усовершенствованіи. Какъ только подъ лучами весенняго солнца подсыхалъ огромный окружающій дачу садъ, она съ корзинкой для неизмѣннаго вязанья на рукѣ и въ сопровожденіи дворника Кирилла обходила свои владѣнія, указывая, что пересадить, что подсадить, что подчистить. Результатомъ этихъ хлопотъ вскорѣ явился обширный садъ, разведенный на пустырѣ, примыкающемъ къ дачѣ по Александрійской улицѣ, новые кусты крыжовника, черной смородины, образцовый порядокъ въ саду и огородъ. Внуки и внучки не отставали отъ бабушки и, подражая ей, развели въ углу сада маленькій садикъ изъ папоротниковъ, извѣстный въ семьѣ подъ именемъ «симбирскаго», такъ какъ устраивали его дѣти симбирскаго вице-губернатора В. А. Тройницкаго [2]), женатаго на дочери Марьи Карловны—Софіи Ивановнѣ.

Тамъ, гдѣ былъ птичникъ, т. е. подъ окнами столовой, превращенной теперь въ классную, уже въ позднѣйшее время, маленькой дочерью Елизаветы Ивановны былъ устроенъ тоже небольшой садикъ, названный «французскимъ».

Симбирскій садъ до сихъ поръ существуетъ, папоротники достигли огромныхъ размѣровъ, а забота объ его благоустройствѣ переходитъ преемственно на очередныхъ младшихъ представителей семьи.

---

[1]) Н. И. Бобриковъ—финляндскій генералъ-губернаторъ. Предательски убитъ Шаумановъ въ 1904 году.

[2]) Нынѣ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ. Дочь его Марія Владимировна замужемъ за подполковникомъ генеральнаго штаба Ю. Н. Плющевскимъ-Плющикомъ. авторомъ этой замѣтки.

Никакихъ построекъ въ новомъ декадентскомъ стилѣ на мѣстѣ старой дачи не возведено, но кухня съ людской и баней баронессой Марьей Карловной передѣлана въ уютную маленькую дачу, въ которой она жила съ младшей дочерью Елизаветой Ивановной, вышедшей замужъ за Н. И. Бобрикова уже послѣ ея кончины.

Эта маленькая дача до сихъ поръ еще носитъ слѣды хлопотъ и заботъ бабушки. Каждая вещь здѣсь имѣетъ свою исторію. Портреты родственниковъ и друзей въ красивыхъ генеральскихъ мундирахъ николаевскаго и александровскаго времени, старая бронза, старая мебель, старинная, потемнѣвшая отъ времени картина въ столовой, не то произведеніе одного изъ фламандскихъ мастеровъ, не то работа крѣпостного живописца, выцвѣтшіе дагеротипы, являются какъ бы живыми свидѣтелями давно минувшаго, даютъ неуловимый уютъ, свойственный обстановкѣ и людямъ начала и середины минувшаго вѣка.

Къ этой дачѣ была придѣлана выходившая въ садъ огромная стеклянная веранда, исполнявшая роль гостиной, и только нѣсколько лѣтъ назадъ къ ней же пристроили двѣ небольшихъ комнаты.

Хозяйственныя постройки, заботами все той же Маріи Карловны, также нѣсколько измѣнились. На мѣстѣ стараго развалившагося сарая возвели новый съ помѣщеніемъ для дворника, которое вышло столь обширнымъ и красивымъ, что его передѣлали въ дачу, выстроивъ для дворника отдѣльную избу. Крытый ходъ изъ кухни сняли, частью за ветхостью, а главное потому, что самая кухня превратилась въ самостоятельную дачу.

Все остальное почти не измѣнилось. Комнаты, конечно, распланированы иначе, но въ нихъ можно узнать и прежнее распредѣленіе. Узкій балконъ по лицевому фасаду существуетъ, а вмѣсто прежняго широкаго крыльца, выходящаго въ садъ, устроена крытая стеклянная веранда.

Верхній этажъ попрежнему остался низкимъ, но имѣетъ самостоятельный парадный ходъ со двора.

Жизнь на старой дачѣ, повидимому, тоже сохранила свой прежній, какъ бы заповѣдный характеръ. Центромъ, все объединяющимъ, была Марія Карловна. Вокругъ нея собиралось, развивалось и росло многочисленное поколѣніе ея внуковъ и внучекъ, которые то временно, то постоянно проживали въ Петергофѣ.

Здѣсь жила ея вторая дочь, княгиня Гагарина [1]), съ мужемъ, двумя дочерьми и двумя сыновьями, сюда пріѣхала, овдовѣвъ, ея

---

[1]) Князь Василій Владимировичъ Гагаринъ долгое время былъ чиновникомъ особыхъ порученій при государственномъ контролерѣ.

старшая дочь графиня де-Тулузъ-Лотрекъ [1]) съ четырьмя дочерьми, сюда же пріѣзжала гостить изъ Симбирска и Софья Ивановна Тройницкая съ мужемъ и дѣтьми.

Все это многочисленное поколѣніе находило пріютъ, уютъ и ласку подъ гостепріимнымъ кровомъ. За столъ садилось до тридцати человѣкъ, и баронессѣ Вѣрѣ Ивановнѣ (четвертая дочь) приходилось немало хлопотать въ качествѣ завѣдующей хозяйствомъ, чтобы удовлетворить и ублажить всѣхъ.

А что происходило 22-го іюля, въ день именинъ хозяйки!

Многочисленные гости увеличивали и безъ того огромную семью. Многіе пріѣзжали съ ночевкой. Всѣхъ надо было устроить, размѣстить. Много было шуму, бѣготни, много было и веселья. До сихъ поръ вспоминаютъ, какъ одному изъ племянниковъ, огромнаго роста, досталось, въ качествѣ одѣяла, куцое кувръ-пье, къ немалому удивленію ночевавшаго съ нимъ въ одной комнатѣ другого свойственника, небольшого и кругленькаго, который, закутавшись въ одѣяло нормальныхъ размѣровъ, издѣвался надъ нимъ, не выражая ни малѣйшаго желанія помѣняться.

Молодежь веселилась во-всю, старички играли въ преферансъ, до котораго Марія Карловна была большая охотница. Вечеромъ составлялись танцы подъ звуки стараго рояля, на которомъ всегда съ удовольствіемъ играла баронесса Александра Ивановна.

Этотъ рояль, за его почтенный возрастъ, извѣстный таперъ Альквистъ называлъ Ноевымъ ковчегомъ. Иногда ставились любительскіе спектакли. Играли водевили, легкія пьесы. Мечтали поставить и оперу, въ которой долженъ былъ участвовать извѣстный артистъ императорскихъ театровъ Яковлевъ, бывшій тогда уланскимъ офицеромъ. Роль театра исполнялъ старый сарай, пришедшій въ концѣ концовъ въ такую ветхость, что, по выраженію князя Гагарина (beau-fils Маріи Карловны), угрожалъ рухнуть отъ однихъ апплодисментовъ.

Генералъ Баумгартенъ—тогдашній завѣдывающій петергофскимъ дворцовымъ управленіемъ, безъ разрѣшенія котораго не могли производиться постройки въ районѣ города, будучи самъ большой театралъ, въ шутку увѣрялъ послѣ замѣны стараго сарая новымъ, что онъ утверждалъ постройку театра, а возведеніе столь прозаическаго строенія является для него сюрпризомъ.

Зимой жизнь гостепріимной дачи измѣнялась мало. Петергофская молодежь, уланы и конно-гренадеры цѣнили домъ баронессы за ласковый пріемъ и за возможность весело провести время среди ея

---

[1]) Графъ де-Тулузъ-Лотрекъ былъ начальникомъ 4-й Кавказской кавалерійской дивизіи. За годъ до смерти (1881 г) былъ назначенъ состоять при великомъ князя Михаилѣ Николаевичѣ.

взрослыхъ дочерей и подрастающихъ внучекъ, а постоянные обитатели города, среди которыхъ Марья Карловна считалась почетной представительницей, собирались къ ней по вторникамъ повинтить и поболтать.

Самое распредѣленіе комнатъ мѣнялось сравнительно часто, въ зависимости отъ даннаго состава семьи. При полномъ комплектѣ внизу жила Марія Карловна сама съ незамужними дочерьми и сыномъ Алексѣемъ Ивановичемъ—уланскимъ офицеромъ, а наверху помѣщались Гагарины и Лотреки; при уменьшенномъ составѣ—пустовалъ то верхъ, то низъ, а находившіеся налицо перемѣщались въ маленькія дачи. Иногда освободившееся помѣщеніе на лѣто сдавалось.

Въ то время, когда низъ дачи занималъ генералъ-адъютантъ Семеко съ женой, къ нему неоднократно пріѣзжали великій князь Михаилъ Николаевичъ съ великой княгиней Ольгой Θеодоровной. Въ одно изъ посѣщеній великой княгинѣ такъ понравился тогда еще не передѣланный въ веранду балконъ-крыльцо, что она, обращаясь къ мужу, въ шутку просила построить ей такой же въ Михайловкѣ.

Послѣ смерти Маріи Карловны незамужнія дочери ея переселились окончательно въ Петербургъ и пріѣзжали въ Петергофъ только на лѣто. Въ этотъ періодъ времени низъ большой дачи сдавался на круглый годъ, какъ зимняя квартира; сами баронессы, пріѣзжая лѣтомъ, занимали маленькую, такъ называемую бабушкину дачу, а верхъ и другая дача либо сдавались, либо уступались тѣмъ изъ членовъ семьи, кого Петергофъ, какъ дачное мѣсто, въ данное время устраивалъ.

Послѣ трагической кончины Николая Ивановича Бобрикова и послѣ смерти баронессы Вѣры Ивановны произошло послѣднее перемѣщеніе, и теперь на большой дачѣ обыкновенно живетъ Елизавета Ивановна Бобрикова съ дочерью и баронесса Александра Ивановна, а на маленькой—семья Софіи Ивановны Тройницкой.

Большая дача, какъ ей и подобаетъ, стоитъ во главѣ колоніи. Здѣсь проводятъ лѣто двѣ княжны Гагарины, дочери Елены Ивановны, сюда ежегодно на іюль и часть августа пріѣзжаетъ изъ Ревеля отдохнуть племянница барона Ивана Карловича—баронесса Елизавета Густавовна фонъ-деръ-Ховенъ, пользующаяся въ Прибалтійскомъ краѣ большимъ уваженіемъ за свою педагогическую дѣятельность, сюда постоянно пріѣзжаетъ со Знаменки (четыре версты отъ Петергофа) кто-нибудь изъ семьи Алексѣя Ивановича, который живетъ тамъ, какъ управляющій дворомъ великаго князя Петра Николаевича.

Въ праздники и въ дни семейныхъ торжествъ большая дача особенно оживаетъ. Попрежнему за столъ садятся до сорока—пятидесяти

человѣкъ Сталевскаго потомства съ мужьями и женами, попрежнему здѣсь бываетъ шумно и весело.

Вотъ въ краткихъ словахъ продолженіе «Исторіи Петергофской дачи № 2». Хорошая, прочная дача не только сохранилась въ полномъ порядкѣ, но ей удалось удержать въ своихъ стѣнахъ славныя традиціи симпатичной дворянской старины почти на протяженіи цѣлаго вѣка.

Ю. Плющевскій-Плющикъ.

ПЕРІОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ [1].

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятыхъ годовъ.

XXXII.

Если графъ Д. А. Толстой и К. П. Побѣдоносцевъ являлись своего рода идейными вдохновителями внутренней политики Россіи въ описываемую эпоху, то и остальные сотрудники и сподвижники императора Александра III въ достаточной послѣдовательности проводили въ своихъ вѣдомствахъ тѣ начала порядка и твердой власти, осуществленіе которыхъ Царь-Миротворецъ поставилъ ближайшею задачею своимъ министрамъ въ интересахъ успокоенія Россіи послѣ смутныхъ годовъ предыдущаго царствованія. Всѣ эти сподвижники представляли собою то однородное единство, которое въ государственной жизни восьмидесятыхъ годовъ давало ей вполнѣ опредѣленный отцвѣтъ, внося сюда каждый въ отдѣльности свою любопытную индивидуальность, съ которою верховный правитель Россіи легко мирился и которую въ послѣдовательномъ рядѣ реформъ умѣлъ подчинять цѣлостности своей программы государственнаго управленія. Изъ числа такихъ дѣятелей мы остановимся на своеобразныхъ фигурахъ Тертія Ивановича Филиппова, графа Ивана Давидовича Делянова и Михаила Николаевича Островскаго. Всѣмъ имъ суждено было въ тотъ періодъ играть вы-

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXX, стр. 297.

дающіяся роли въ дѣлахъ внутренняго управленія и ближайшимъ образомъ осуществлять программу своего повелителя.

Какъ свидѣтельствуетъ юбилейное изданіе «Государственнаго Контроля» [1]), послѣ Дмитрія Мартыновича Сольскаго государственнымъ контролеромъ былъ назначенъ 26-го іюля 1889 года товарищъ государственнаго контролера сенаторъ Тертій Ивановичъ Филипповъ, снискавшій себѣ еще въ молодые годы широкую извѣстность, какъ литераторъ и публицистъ, а въ болѣе зрѣлые—и какъ видный общественный дѣятель.

Т. И. Филипповъ получилъ образованіе въ императорскомъ московскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету. Въ 1850 году онъ поступилъ на службу въ 1-ю московскую гимназію старшимъ учителемъ русской словесности и въ томъ же году, вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ, принялъ энергичное участіе въ журналѣ «Москвитянинъ», издававшемся въ то время извѣстнымъ профессоромъ русской исторіи М. П. Погодинымъ, а также въ «Московскомъ Сборникѣ». По предложенію оберъ-прокурора святѣйшаго синода графа А. П. Толстого, Тертій Ивановичъ перешелъ на службу по вѣдомству святѣйшаго синода и съ увлеченіемъ отдался церковному дѣлу, принявъ самое близкое участіе въ разработкѣ многихъ церковныхъ вопросовъ—въ частности вопросовъ раскола и старообрядчества и положенія православной церкви на Востокѣ. За защиту первенствующаго положенія іерусалимской церкви Т. И. Филипповъ въ 1883 году получилъ, по грамотѣ іерусалимскаго патріарха Никодима, званіе епитропа Гроба Господня и представителя іерусалимскаго патріаршаго престола. По приглашенію государственнаго контролера В. А. Татаринова, Тертій Ивановичъ перешелъ въ 1864 году на службу въ государственный контроль на должность помощника управляющаго временною ревизіонною комиссіею, а черезъ семь лѣтъ, будучи уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ сдѣланъ управляющимъ этою комиссіею. Въ 1878 году Т. И. Филипповъ былъ назначенъ товарищемъ при государственномъ контролерѣ статсъ-секретарѣ Д. М. Сольскомъ и въ этой должности оставался все время пребыванія во главѣ вѣдомства Дмитрія Мартыновича, являясь, такимъ образомъ, его ближайшимъ сотрудникомъ. Кромѣ того, на него было возложено предсѣдательствованіе въ особой организаціонной комиссіи, учрежденной для предварительнаго обсужденія вопросовъ по улучшенію кассоваго и ревизіоннаго порядка и существующей системы счетоводства и отчетности. Принималъ онъ также участіе въ качествѣ члена отъ государственнаго контроля и въ комиссіяхъ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта статсъ-секретаря Каханова по преобразованію губернскаго и уѣзднаго администра-

---

[1]) «Государственный контроль. 1811—1911».

тивнаго управленія и подъ предсѣдательствомъ варшавскаго архіепископа Леонтія по вопросу объ обезпеченіи за духовенствомъ надлежащаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія.

Произведенный въ 1889 году въ дѣйствительные тайные совѣтники, Т. И. Филипповъ въ томъ же году, 26-го іюля, былъ назначенъ государственнымъ контролеромъ, а вскорѣ и членомъ комитета финансовъ. Званіе же сенатора было ему пожаловано въ 1883 году. Вступивъ въ управленіе вѣдомствомъ, Тертій Ивановичъ обратилъ прежде всего вниманіе на необходимость составленія новыхъ ревизіонныхъ руководствъ, такъ какъ нѣкоторыя, составленныя еще при В. А. Татариновѣ, инструкціи не отвѣчали измѣнившимся и усложнившимся послѣ реформы условіямъ ревизіи. При Т. И. Филипповѣ были сдѣланы нѣкоторыя преобразованія въ центральныхъ учрежденіяхъ. Такъ, по закону 9-го іюня 1896 г. былъ образованъ департаментъ желѣзнодорожной отчетности изъ бывшаго желѣзнодорожнаго отдѣла, а по закону 12-го февраля 1896 года въ составѣ департамента гражданской отчетности было учреждено особое отдѣленіе для ревизіи государственныхъ кредитныхъ учрежденій; съ 1892 года начала дѣйствовать, какъ постоянное учрежденіе, комиссія для повѣрки денежной и матеріальной отчетности управленій государственнаго контроля. При Тертіи Ивановичѣ былъ между прочимъ разрѣшенъ доступъ на вольнонаемную службу по учрежденіямъ государственнаго контроля и лицамъ женскаго пола.

Служебная дѣятельность не мѣшала Тертію Ивановичу принимать живое участіе во многихъ обществахъ, поставившихъ себѣ цѣлью интересы научные, литературные, художественные или религіозные. Такъ, онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ славянскаго благотворительнаго комитета, общества любителей духовнаго просвѣщенія, союза ревнителей чистоты русскаго языка и др. Но особенную память онъ оставилъ по себѣ въ императорскомъ географическомъ обществѣ по собиранію русскихъ пѣсенныхъ напѣвовъ. По его почину при географическомъ обществѣ въ 1884 году возникла особая пѣсенная комиссія, и по его же ходатайству этой комиссіи были дарованы средства для снаряженія особыхъ экспедицій по собиранію русскихъ пѣсенъ съ напѣвами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Признательное общество избрало за это Т. И. Филиппова въ 1882 году въ свои почетные члены. Такимъ же избраніемъ въ почетные члены академіи наукъ, московской духовной академіи и общества исторіи и древностей россійскихъ были почтены и другія заслуги Т. И. Филиппова въ области исторіи, литературы и искусства. Кромѣ того, онъ состоялъ почетнымъ членомъ константинопольскихъ филологическаго и средневѣковаго археологическихъ обществъ, археологическаго общества въ Аѳинахъ и др. Изъ сочиненій его наиболѣе извѣстны: «Сборникъ о старообрядчествѣ», «Современные церковные вопросы» и «Сборникъ Т. И. Филиппова».

Скончался Тертій Ивановичъ на посту государственнаго контролера 30-го ноября 1899 года.

Таковъ сухой перечень фактовъ изъ жизни и послужного списка Т. И. Филиппова, изъ каковаго перечня на насъ выглядываетъ характерный образъ мецената-сановника, придававшаго своимъ участіемъ въ дѣлѣ государственнаго управленія послѣднему особый народно-націоналистическій оттѣнокъ, столь родственный и близкій самому тогдашнему вершителю судебъ Россіи.

Обращаясь отъ этого перечня къ живымъ воспоминаніямъ о Т. И. Филипповѣ, мы отмѣтимъ прежде всего уже знакомыя намъ воспоминанія князя В. П. Мещерскаго, дающія такой богатый матеріалъ для характеристики эпохи императора Александра III. Издатель «Гражданина» повѣствуетъ слѣдующее [1]):

«Тертій Ивановичъ Филипповъ былъ очень интересной и оригинальной личностью въ созвѣздіи нашихъ выдававшихся государственныхъ людей. Рядомъ съ Вышнеградскимъ онъ, подобно ему, сталъ подниматься кверху съ самыхъ скромныхъ ступеней жизненной лѣстницы. Онъ былъ уроженецъ Ржева, Тверской губерніи, сынъ, сколько помнится, мѣстнаго аптекаря, и съ перваго до послѣдняго шага своей поднимавшейся въ гору жизни онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, то-есть труду, энергіи и своимъ способностямъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ нашихъ близкихъ отношеній я не запомню, чтобы хоть разъ Т. И. Филипповъ у кого-нибудь заискивалъ или творилъ себѣ компромиссами и уступками въ угоду сильнымъ друзей отъ мамоны. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ онъ жилъ въ бѣдности и поддерживалъ свое существованіе частными уроками и затѣмъ литературною работою. На этомъ поприщѣ онъ успѣлъ создать себѣ имя. Съ молодыхъ лѣтъ онъ уже считался авторитетомъ въ знаніи русской словесности и въ церковныхъ вопросахъ. Знаніе первой ему доставило мѣсто преподавателя въ одной изъ гимназій московскаго учебнаго округа. Потомъ знаніе церковныхъ вопросовъ было причиною начала его карьеры на государственной службѣ. Его успѣлъ узнать и оцѣнить одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей того времени, графъ Александръ Петровичъ Толстой, который, по назначеніи его оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода послѣ генерала Ахматова, пригласилъ Филиппова въ директоры своей канцеляріи. Графъ А. П. Толстой былъ не легкаго характера, и, не взирая на это и на то, что должность начальника канцеляріи при немъ не допускала проявленія иниціативы, Т. И. Филипповъ сумѣлъ своимъ тактомъ и своею ревностью къ интересамъ православной церкви создать себѣ и авторитетное положеніе и имя. Послѣ ухода графа Толстого Т. И. Филипповъ оставилъ службу въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода и перешелъ, по

[1]) Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». Ч. III. (1881 –1894 г.).

странной случайности, въ вѣдомство, къ которому онъ всего менѣе былъ подготовленъ. Казалось, его призваніемъ было двигаться на службѣ или педагогической, или въ вѣдомствѣ церкви, но и съ тою и съ другою областями онъ простился навсегда и пошелъ на зовъ создателя новаго учрежденія—государственнаго контроля—Татаринова, который для своего новаго и труднаго дѣла искалъ, какъ Діогенъ съ фонаремъ, наиболѣе способныхъ людей и въ числѣ таковыхъ остановился на Т. И. Филипповѣ. Когда я узналъ отъ Т. И. о поворотѣ его на служебномъ пути, я ему сказалъ: «Не хочется васъ поздравлять, Тертій Ивановичъ».—«Отчего такъ?» спрашиваетъ онъ.—«Оттого, что вы мѣняете столь полныя жизнью поприща дѣятельности для ума и для души—церковь и школу—на мертвыя цифры, для которыхъ всегда найдутся способные люди, а для церкви или для школы вы очень нужны, и Филипповыхъ не скоро найдешь».—«Спасибо за ваши слова,—отвѣтилъ мнѣ Филипповъ:—правда, что сердце мое лежитъ къ тѣмъ двумъ вѣдомствамъ, которыя я оставилъ: къ школѣ, съ которой я началъ свою жизненную дѣятельность, и къ церкви, на службѣ которой я отдавалъ всю свою душу, но я иду, куда Богъ ведетъ, и, къ тому же, знаю, что въ тѣхъ двухъ вѣдомствахъ у меня врагъ; врагъ этотъ—мой языкъ, онъ мнѣ не далъ бы тамъ ни простора, ни успѣха, а въ государственномъ контролѣ языкъ можно держать за зубами».

«Въ Россіи это явленіе нерѣдкое,— говоритъ князь Мещерскій:— человѣкъ, подготовленный образованіемъ и призваніемъ къ извѣстной дѣятельности, случайно попадаетъ на поприще совершенно ему чужое. Т. И. Филипповъ былъ призванъ или къ должности оберъ-прокурора синода, или къ должности министра народнаго просвѣщенія, а попалъ въ государственный контроль и дошелъ въ немъ до должности государственнаго контролера. Хорошо, что онъ, съ его способностями, справился и съ этою дѣятельностью, а вѣдь вѣроятнѣе было предвидѣть, что онъ именно потому не справился бы съ дѣятельностью въ совсѣмъ чужомъ ему вѣдомствѣ, что совсѣмъ не былъ къ ней подготовленъ. Въ началѣ своей новой дѣятельности онъ еще настолько былъ духомъ близокъ къ церковному міру, что, во всеоружіи своихъ познаній и вдохновленный догматическою правдою, выступилъ въ печати обличителемъ самовольнаго отдѣленія болгарской церкви отъ константинопольскаго патріархата и этимъ вызвалъ къ себѣ сочувствіе всѣхъ восточныхъ патріарховъ, болѣе теплое и искреннее, чѣмъ то, съ которымъ отнесся къ его труду нашъ святѣйшій синодъ. Этотъ трудъ былъ лебединою пѣснью Т. И. Филиппова въ области церковной, и талантливое перо его, столь ярко проявившееся на зарѣ его жизни въ московской «Бесѣдѣ» славянофиловъ и гораздо позже въ «Гражданинѣ», навсегда перешло къ корректурамъ и къ подписямъ по государственному контролю. На моихъ литературныхъ средахъ Т. И. Филипповъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣд-

никовъ и, какъ пріятель Достоевскаго, Майкова, Полонскаго, Писемскаго, Страхова и другихъ моихъ гостей, привѣтствовался ими съ самымъ искреннимъ радушіемъ. Онъ услаждалъ насъ своимъ остроуміемъ, изумлялъ своею памятью и внушалъ къ себѣ уваженіе своими непоколебимо твердыми убѣжденіями и принципами во всѣхъ вопросахъ, какъ церковныхъ, такъ политическихъ и литературныхъ. И подчасъ, когда онъ уходилъ раньше другихъ моихъ гостей, всѣ въ одинъ голосъ говорили: какъ жаль, что государственный контроль отнялъ у Россіи такой крупный талантъ и такую мощную умственную силу. Сколько бы онъ могъ создать прекраснаго своимъ умомъ, своими знаніями и своимъ талантомъ!

«Но, увы, пришла минута, когда іерархическое возвышеніе Филиппова до министерскаго поста начало свое психическое дѣйствіе и на его духовную личность; съ одной стороны, мало-по-малу началъ проникать въ него ядъ самообольщенія отъ власти и отъ поклоненія отъ него зависѣвшихъ людей, а съ другой стороны, у него явилась слабая струна—избытокъ самолюбивой чувствительности. Онъ обижался отъ каждаго малѣйшаго укола своего самолюбія. даже въ мелочахъ будничныхъ, какъ, напримѣръ, если кто-нибудь слишкомъ неглиже ему поклонится или скажетъ недостаточно почтительное слово. А за оскорбленіе въ служебной сферѣ онъ мстилъ. Помню, какъ вчера, маленькій образчикъ проявленія оскорбленнаго самолюбія въ пустякахъ, во время игры у меня въ винтъ. Одинъ изъ игравшихъ, въ отвѣтъ на довольно жесткій упрекъ Филиппова по адресу его партнера за неправильный ходъ, отвѣтилъ ему: «Вольно же было вамъ лѣзть». Гляжу, нашъ Тертій Ивановичъ вздрогнулъ, какъ ужаленный въ своемъ величіи этими словами, и мы услыхали, какъ онъ произнесъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ: «Позвольте вамъ замѣтить, что государственный контролеръ никогда никуда не лѣзетъ». Его злосчастный партнеръ погибъ въ его глазахъ навсегда. Но, увы, рядомъ съ этимъ комическимъ мимолетнымъ эпизодомъ я запомнилъ цѣлую политическую драму, въ которой палъ одинъ изъ министровъ жертвой мести Филиппова за обиду, имъ нанесенную его самолюбію. Это было въ послѣдніе годы жизни Т. И. Филиппова. Жертвою его мести палъ назначенный Александромъ III министромъ путей сообщенія А. К. Кривошеинъ. Назначенный въ 1892 году, онъ въ концѣ 1894 года былъ удаленъ отъ должности по представленію Филиппова, обвинявшаго его въ некрасивыхъ злоупотребленіяхъ властью, между прочимъ въ томъ, что онъ принялъ на себя поставку дровъ изъ своей дачи на одну изъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ по возвышенной цѣнѣ. Это обвиненіе не было доказано; впослѣдствіи я узналъ, что данныя, приведенныя въ основу этого обвиненія, были невѣрны, но, само собою разумѣется, въ виду офиціальнаго представленія государственнаго контролера, увольненіе Кривошеина было неизбѣжно. Такой конецъ краткой дѣятельности Кривошеина

въ должности министра я предвидѣлъ рано или поздно и предупреждалъ его объ опасности отъ мести Филиппова, ибо отъ него слыхалъ, что онъ не могъ простить Кривошеину его черезчуръ абсолютное неухаживаніе за нимъ, которое называлъ *игнорированіемъ его личности*. Кривошеинъ былъ способный человѣкъ, онъ успѣлъ сдѣлать немало хорошаго и полезнаго на посту министра и обѣщалъ многое еще сдѣлать, а въ такомъ грубомъ проявленіи корыстолюбія, какъ то, въ которомъ его обвинилъ Филипповъ, онъ уже потому не могъ быть виновнымъ, что не могъ въ такихъ жидовскихъ аферахъ нуждаться, ибо имѣлъ большое собственное состояніе. Незадолго до смерти Филиппова я съ нимъ видѣлся и сказалъ ему: «На вашей душѣ тяжкій грѣхъ, Тертій Ивановичъ: вы оклеветали Кривошеина».—«Я исполнилъ свой долгъ», отвѣтилъ онъ. «Нѣтъ,—сказалъ я:—вашъ долгъ былъ провѣрить строго и всесторонне обвиненіе; вы этого не сдѣлали, а основали обвиненіе на непровѣренныхъ данныхъ». Это было одно изъ послѣднихъ моихъ свиданій съ Филипповымъ. Какъ далекъ онъ былъ въ то время отъ Филиппова своей весны!»

XXXIII.

Т. И. Филипповъ въ своей религіозно-философской и просвѣтительной дѣятельности приходился не по душѣ всевластному оберъ-прокурору святѣйшаго синода, и его назначеніе на высокій отвѣтственный постъ государственнаго контролера произошло помимо воли К. П. Побѣдоносцева. Въ данномъ случаѣ Александръ III не послѣдовалъ указаніямъ своего постояннаго совѣтника, проводившаго на эту должность другого кандидата. Побѣдоносцевъ въ своемъ нежеланіи дать ходъ Филиппову какъ будто руководился эгоистическимъ чувствомъ соревнованія, не желая терпѣть рядомъ съ собою на верхахъ бюрократической лѣстницы такого же знатока церковныхъ вопросовъ, каковымъ былъ онъ, и притомъ въ освѣщеніи этихъ вопросовъ болѣе мягкимъ и теплымъ свѣтомъ.

Его исповѣданіе вѣры наиболѣе полно представлено въ статьяхъ и замѣткахъ, ему посвященныхъ Аѳ. Вас. Васильевымъ въ его книгѣ «Міру—народу мой отчетъ за прожитое время» [1]). Извѣстный славянофилъ и видный общественный дѣятель г. Васильевъ на разныхъ ступеняхъ русской жизни имѣлъ возможность поработать совмѣстно съ Тертіемъ Ивановичемъ, близко его изучить и, благодаря этому, въ любовью и теплымъ чувствомъ нарисовать его духовный обликъ безъ наличія на своей красочной палитрѣ той «пыли земли», которую подсыпалъ въ свои воспоминанія князь Мещерскій во имя обѣленія

[1]) Сборникъ статей, докладовъ, рѣчей, стиховъ и замѣтокъ по вопросамъ христіанской нравственности, права, государственнаго управленія и хозяйства. Спб. 1908 г.

министра Кривошеина, съ коимъ былъ связанъ узами дружбы и выгодныхъ себѣ дѣловыхъ отношеній.

Характеризуя Филиппова въ статьѣ «Памяти Тертія Ивановича Филиппова», Аѳ. Вас. Васильевъ говоритъ:

«Это былъ прежде всего искренній, не по имени только, христіанинъ; и не мертва, но дѣятельна была его вѣра. Онъ непостыдно исповѣдывалъ ее и жилъ по ней: ею опредѣлялъ онъ свои отношенія и обязанности къ церкви, къ государству, обществу и отдѣльнымъ людямъ.

«Вотъ, въ 1854 г., слѣдовательно, въ началѣ своего почти полувѣкового жизненнаго подвига, учитель русской исторіи и словесности первой московской гимназіи, Т. И. Филипповъ произноситъ въ торжественномъ собраніи гимназіи замѣчательную рѣчь «О началахъ русскаго воспитанія», въ которой онъ такъ впервые исповѣдалъ намъ свою задушевную мысль, свое твердое убѣжденіе въ томъ, что религія, и именно христіанство и православіе, есть единственно прочная и вѣрная основа истинно человѣческаго воспитанія и единственно вѣрное руководящее начало жизни и для отдѣльнаго человѣка, и для цѣлаго народа:

«Основаніемъ дѣлу воспитанія служитъ религія: она воспитываетъ въ насъ тѣ общія вѣчныя, всеобщія стихіи духа, которыя необходимы всякому человѣку безъ различія мѣста, времени и народности. Хотя она собственно приготовляетъ насъ къ жизни, ожидающей человѣка по ту сторону гроба, но въ ней находится единственное руководство и для нашего земного пути: ибо только тотъ способенъ пройти безпреткновенно путь земной жизни, кто видитъ въ ней пріуготовленіе къ вѣчности, а не заключаетъ въ ея тѣсные предѣлы всѣхъ своихъ ожиданій. Науки и искусства суть цвѣтъ человѣческой дѣятельности: онѣ не только украшаютъ и услаждаютъ нашу жизнь, но и составляютъ существенную ея принадлежность, безъ коей нѣтъ полноты жизни; однако благо человѣку и народу, который отводитъ имъ въ составѣ своей жизни принадлежащее имъ мѣсто и не теряетъ изъ виду ихъ отношенія къ высшей, духовной дѣятельности человѣка—религіозной. Въ противномъ случаѣ изъ орудій блага онѣ становятся источникомъ частнаго и общественнаго зла, разрушаютъ внутренній міръ человѣка и благосостояніе общества.

«Мы знаемъ, что Западъ стоитъ во главѣ человѣчества въ дѣлѣ знаній и искусства, однако замѣчаемъ тамъ крайнее смущеніе совѣсти въ отдѣльныхъ лицахъ и страшное колебаніе всѣхъ общественныхъ основъ въ государствахъ. Причины тому очевидны. Оторвавшись отъ истинныхъ начала жизни, проповѣданныхъ Евангеліемъ, западный человѣкъ ищетъ для нея новыхъ основаній и, разумѣется, не находитъ: ибо ихъ нѣтъ. Все, что бы ни создалъ человѣкъ самъ отъ себя, взамѣнъ отвергнутой имъ истины, все будетъ

ложь: до истинныхъ законовъ человѣческаго естества не можетъ возвыситься наше поврежденное умствованіе,—они открыты только божественному вѣдѣнію. Итакъ, въ основаніе христіанскаго воспитанія должно положить ученіе христіанское: оно одно можетъ указать человѣку, въ чемъ состоитъ истинное просвѣщеніе, истинная добродѣтель и истинное счастіе, безъ него онъ нигдѣ и ни въ

Тертій Ивановичъ Филипповъ.

какомъ случаѣ не можетъ быть ни счастливъ самъ, ни полезенъ другимъ.

«Но, говоря о христіанскомъ воспитаніи, мы не должны забывать и того, что оно должно быть не какое иное, какъ предлагаемое православною церковью: ибо единственная и неизмѣнная хранительница правой вѣры въ то же время есть по необходимости и единственная сокровищница истиннаго разумѣнія вещей и чистыхъ нравственныхъ понятій. Кромѣ исключительной истины и чистоты

своего ученія, православіе дорого русскому народу и по безчисленнымъ благодѣяніямъ, которыя оно оказало ему въ теченіе его исторіи... Оно и до конца жизни нашего народа да будетъ ея неизмѣннымъ основаніемъ, источникомъ нашего величія и славы, нашею первою похвалою!»

«Эта глубокая преданность провославію и «похвала» имъ не имѣли въ Т. И. ничего общаго съ встрѣчающимися нерѣдко у насъ самомнѣніемъ и самохвальствомъ своею вѣрою, или съ препебрежительнымъ отношеніемъ къ другимъ, хотя бы и уклонившимся отъ истины, исповѣданіямъ. Въ напечатанной имъ въ 1862 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьѣ «О несторіанахъ» Т. И., порицая наше собственное сонливое равнодушіе и бездѣйствіе, съ величайшимъ уваженіемъ и похвалою отзывается о миссіонерской, благотворительной и просвѣтительной дѣятельности на азіатскомъ Востокѣ протестантовъ американскихъ. «Во имя христіанской любви они распространяютъ между этими забытыми міромъ людьми свѣтъ знанія и блага гражданственности, предоставляя дѣло единомыслія и согласія въ предметахъ вѣры свободному произволенію самихъ несторіанъ». Съ такимъ же уваженіемъ и похвалой говоритъ онъ и о представителяхъ англиканской, такъ называемой «высокой церкви», о ихъ горячемъ участіи въ судьбѣ всѣхъ древнихъ неправославныхъ исповѣданій Востока и о глубокомъ изслѣдованіи ими писаній древнихъ отцовъ церкви и вообще церковныхъ древностей. Не одобряя, наоборотъ, нетерпѣливую религіозную жадность латинскихъ миссіонеровъ, которую, скажемъ мы отъ себя, наши братья галичане такъ образно называютъ «душехватствомъ», Т. И. говоритъ, что такая «религіозная жадность должна быть чужда всякому, кто въ отношеніяхъ съ разномыслящими христіанами желалъ бы прійти къ успѣшному и въ то же время достойному концу. Между посѣвомъ и жатвою должно быть порядочное разстояніе времени, въ подобныхъ дѣлахъ неблагоразумно и недостойно просвѣщеннаго духовнаго правительства желать непремѣнно полнаго и немедленнаго успѣха. Немалый успѣхъ слѣдуетъ видѣть и въ томъ, если между разномыслящими церквами устанавливаются братолюбивыя и довѣрчивыя сношенія». Но осторожное отношеніе къ убѣжденіямъ иновѣрцевъ не должно переходить въ полное равнодушіе къ ихъ религіозному состоянію. «Мы далеки отъ ласкательства или ослѣпленія и признаемъ не только ложною, но и совершенно безнравственною мысль, которую, впрочемъ, имѣютъ нѣкоторые члены нашей церкви: будто бы обладающимъ истиною довольно стоять въ ней и нѣтъ обязанности ходить съ ея благовѣствованіями по всему лицу земли». «Даръ истины и вѣры дается не для скупого храненія, а для независтнаго сообщенія всѣмъ, кто по судьбамъ Промысла еще не озаренъ ихъ свѣтомъ».

Продолжая свои воспоминанія, г. Васильевъ повѣствуетъ:

«Въ 1862 году изданъ Тертіемъ Ивановичемъ первый сборникъ его статей, посвященныхъ современнымъ церковнымъ вопросамъ, и именно: греко-болгарской церковной распрѣ, или, какъ самъ онъ говоритъ, точнѣе опредѣляя свою мысль,—«болгарской церковной смутѣ», и—«нуждамъ единовѣрія». «Не побѣдити ищемъ,—говоритъ онъ въ эпиграфѣ къ этой книгѣ словами Григорія Богослова:—но пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся». Этими словами какъ нельзя лучше опредѣлены цѣль и духъ посвященныхъ церковнымъ вопросамъ статей, которыя покойный Т. И. считалъ едва ли не важнѣйшимъ дѣломъ своей жизни. Не «побѣдить», т. е. не мѣрами внѣшняго принужденія заставить смолкнуть церковныя несогласія, но справедливымъ изъясненіемъ истины и каноническимъ постановленіемъ единственно законной въ подобныхъ дѣлахъ власти—церковнаго собора—надѣялся онъ достигнуть вожделѣннаго мира церковнаго—«пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся...»

«Не буду долго останавливаться на отношеніяхъ Т. И. къ государству и на его служебныхъ передъ нимъ заслугахъ. Онѣ у всѣхъ, имѣвшихъ очи и уши, чтобы видѣть и слышать,—на памяти и на виду. Замѣчу только, что и въ этихъ, зачастую трудныхъ дѣлахъ онъ, ополчась за правое дѣло, прислушивался только къ голосу своей христіанской совѣсти и совѣтамъ тѣхъ людей, въ которыхъ ощущалъ присутствіе той же вѣрующей совѣсти, и не справлялся съ числомъ и силами противоборствовавшихъ ему и потворствовавшихъ злу враговъ, вѣруя, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.

«Въ вопросахъ государственной и народной жизни Т. И. Филипповъ, по собственному его свидѣтельству, являлся сторонникомъ «охранительныхъ началъ». Обязанностью каждаго убѣжденнаго человѣка выходить на защиту этихъ началъ, побѣда коихъ недостаточно еще въ общественномъ сознаніи утверждена и обезпечена,—объясняетъ онъ, между прочимъ, изданіе второго своего сборника. «Обязанность эту,—говоритъ онъ въ предисловіи къ этому сборнику,—я признаю во всей ея силѣ, и кто удостоитъ взглянуть въ издаваемую мною книгу, тотъ увидитъ, что въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ я служилъ этимъ началамъ неизмѣнно, въ свободѣ искренняго исповѣданія, и не тогда только, когда это было покойно и выгодно, но и въ самый разгаръ бѣшеныхъ противъ нихъ ополченій, когда борьбу съ ними вели не одни Чернышевскіе и Благосвѣтловы, но и разные Савлы, выжидавшіе лишь благопріятныхъ для себя обстоятельствъ, чтобы объявить себя внезапно обращенными Павлами... И вотъ я предстою передъ моимъ благосклоннымъ и неблагосклоннымъ читателемъ, какъ давній, убѣжденный и вѣрный послѣдователь направленія охранительнаго. Считаю, однако, нужнымъ оговориться: есть охранитель и охранитель. Вѣдь и опричникъ говоритъ, что онъ охранитель, и даже гордится тѣмъ, что онъ песъ. «Ни! но и худшій пса», сказалъ бы я такому охранителю, который

своимъ нечистымъ прикосновеніемъ оскверняетъ непорочное само по себѣ исповѣдываніе.

«Я имѣю основаніе надѣяться, что даже недоброжелательно относящіеся къ моему направленію судьи не пожелаютъ обидѣть меня смѣшеніемъ съ такими охранителями, но, чтобы еще болѣе оберечь себя отъ опасности подобнаго смѣшенія, я укрылъ свои произведенія подъ сѣнь имени И. В. Кирѣевскаго. Это имя крѣпкій и надежный щитъ... Онъ былъ надо мной отъ дней моей юности, онъ осѣнялъ первыя незрѣлыя попытки моей литературной дѣятельности. И если отъ юности до перваго псаломскаго предѣла жизни (котораго я уже достигъ) я оставался неизмѣнно вѣренъ своему образу мысли, то право на посвященіе моей книги непорочной памяти Ивана Васильевича Кирѣевскаго я могу счесть за мною. Могу съ тѣмъ вмѣстѣ выразить надежду, что вѣрность исповѣданію, котораго я держался всю жизнь, сохранится и до ея не очень уже далекаго конца».

«И эта надежда остаться вѣрнымъ тому направленію, которое Т. И. называетъ охранительнымъ и которое мы, не обинуясь, назовемъ славянофильскимъ, въ первоначальномъ, чистомъ его значеніи,—направленію Хомякова, К. Аксакова, Самарина, Кирѣевскаго,—эта надежда пребывала съ нимъ неизмѣнно, и онъ не измѣнилъ ей»,—свидѣтельствуетъ г. Васильевъ.

«Есть охранитель и охранитель,—говоритъ онъ.—Не къ охранителямъ, исполненнымъ зложелательства и проповѣдующимъ всякую опричину и косность, принадлежалъ Т. И. Филипповъ. Можно охранять драгоцѣнные историческіе національные преданія и завѣты и въ то же время въ нихъ самихъ черпать указанія и силу для движенія впередъ.

«Въ новизнахъ твоего царствованія,— говорятъ типичные представители охранительныхъ началъ, наши старовѣры, императору Александру II,— наша старина намъ слышится». Не охранители ли историческихъ нашихъ началъ—славянофилы Хомяковъ, Юр. Самаринъ, Н. Милютинъ и другіе сотрудники Т. И. Филиппова по «Русской Бесѣдѣ» и прилагавшемуся къ ней «Сельскому Благоустройству»,—явились дѣятельнѣйшими сотрудниками императора Александра II въ его вѣчно благословенномъ дѣлѣ—освобожденіи крестьянъ и надѣленіи ихъ землею.

«Къ такимъ именно охранителямъ принадлежитъ и незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ. Охраняя то, что есть въ русской жизни дѣйствительно цѣннаго, онъ радовался всякой хорошей новизнѣ и готовъ былъ не только содѣйствовать, но первый двинуть впередъ всякое благое начинаніе.

«Онъ первый широко открылъ двери подвѣдомственнаго ему правительственнаго учрежденія женскому труду, и едва ли не послѣднимъ его значительнымъ дѣломъ передъ кончиною были послан-

ныя имъ государственному совѣту замѣчанія на первую главу проекта уголовнаго уложенія, гдѣ онъ рѣшительно высказался противъ оставленія въ числѣ уголовныхъ наказаній, даже за политическія преступленія, смертной казни.

«Если смертная казнь,—говорится въ этихъ замѣчаніяхъ,—безполезна въ смыслѣ устрашенія и отклоненія отъ общихъ преступленій, не удерживая даже отъ мелкихъ кражъ у самой висѣлицы казнимыхъ за кражу,—то тѣмъ болѣе она не только недѣйствительна, но прямо вредна въ примѣненіи къ преступленіямъ государственнымъ, ибо въ однихъ случаяхъ она надѣваетъ на дѣйствительныхъ преступниковъ, въ глазахъ ихъ единомышленниковъ, вѣнецъ мученичества, а въ другихъ отымаетъ у самого же государства и у человѣчества преданнѣйшихъ добру слугъ.

«Смертная казнь Казеріо, убійцы Карно, не удержала его современника Лукези отъ убійства Елизаветы Австрійской. Послѣдній, какъ сообщали телеграммы, выразилъ даже сожалѣніе, что швейцарскій законъ, оставляя ему жизнь, лишаетъ его тѣмъ самымъ возможности показать примѣръ своимъ единомышленникамъ, какъ надо умирать. Достоевскій же былъ судимъ, какъ государственный преступникъ, и приговоренъ къ смерти, теперь же къ памяти его благоговѣйно относится не только русское общество, но и русская государственная власть: если бы онъ былъ казненъ, какая была бы это огромная потеря для Россіи! Голгоѳа—вѣчный укоръ и осужденіе смертной казни. Изъ трехъ на ней распятыхъ одинъ былъ Богочеловѣкъ, беззаконно осужденный, другой осужденъ былъ справедливо по дѣламъ своимъ, но нравственное его существо уже переродилось, и онъ во время совершенія надъ нимъ казни былъ праведникомъ, достойнымъ быть въ раю со Христомъ.

«И Моисей былъ политическимъ убійцей, и Савлъ—злодѣемъ, и по человѣческому суду они справедливо могли подвергнуться казни; но не была ли бы ихъ казнь величайшимъ злодѣяніемъ въ отношеніи всего человѣчества!

«Лучшія преданія отдаленнѣйшей русской старины, связанныя съ священною для Россіи памятью двухъ Владимировъ:—Равноапостольнаго и Мономаха, побуждаютъ исключить изъ издаваемаго на порогѣ двадцатаго вѣка закона такую безполезную и противохристіанскую мѣру взысканія, какъ смертная казнь».

XXXIV.

Обращаясь къ характеристикѣ его, какъ дѣятеля Славянскаго благотворительнаго общества, Аѳ. Вас. Васильевъ свидѣтельствуетъ:

«Т. И. Филипповъ былъ однимъ изъ учредителей петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, до переѣзда же своего въ Петербургъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ такими основопо-

ложниками и отцами славянофильства, какъ Хомяковъ и Кирѣевскіе, и руководилъ важнѣйшимъ изъ славянофильскихъ изданій—«Русскою Бесѣдою». Когда же на славянскомъ югѣ разыгралась гроза, и для нашихъ славянскихъ комитетовъ настала пора рѣшительно дѣйствовать, беря при этомъ на себя всю полноту отвѣтственности, такъ какъ приходилось дѣлать то, что требовали общественный долгъ и чувство, но на что нельзя было просить разрѣшеній и указаній,—тогда стоявшее во главѣ славянскаго комитета «исполнительное присутствіе» сочло себя не въ силахъ справиться съ поставленной временемъ задачей и само отошло въ сторону, а на его мѣсто стала избранная въ сентябрѣ 1875 года общимъ собраніемъ «комиссія для сбора пожертвованій», которая, просуществовавъ тринадцать мѣсяцевъ, собрала на славянское дѣло болѣе милліона рублей, напечатала и разбросала по лицу всей земли Русской болѣе милліона листковъ разнаго содержанія и вида воззваній, накормила и одѣла тысячи несчастныхъ нашихъ братій за Балканами и Дунаемъ и выслала на помощь имъ тысячи русскихъ добровольцевъ—вольныхъ ратниковъ за славянскую свободу. Словомъ, за годъ времени эта комиссія по сбору сдѣлала для славянскаго дѣла и русскаго самосознанія неизмѣримо больше, нежели славянскіе комитеты и общества за все остальное время ихъ существованія, и, что особенно важно, она впервые призвала къ самоопредѣляющему и рѣшающему участію въ политическомъ событіи русскій народъ послѣ двухвѣкового, полнаго, хотя и невольнаго отчужденія его отъ всякой политики.

«Дѣятельнѣйшимъ членомъ, а затѣмъ предсѣдателемъ этой, скажу не обинуясь, знаменитой комиссіи по сбору былъ незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ, не побоявшійся и въ этомъ, какъ и въ церковномъ дѣлѣ, взять на себя odium всякаго рода подозрѣній и превратныхъ толкованій, которымъ подвергалась комиссія по сбору и ея предсѣдатель и со стороны органовъ петербургской печати, изъ которыхъ одни, какъ «Биржевыя Вѣдомости» (Полетики) или «Голосъ» Краевскаго, враждебно относились вообще къ славянскому дѣлу или къ тому направленію, какое оно приняло, другіе—свора мелкой печати—сводили путемъ нападокъ на комиссію чьи-то старые счеты съ однимъ изъ ея членовъ, заправлявшимъ прежде дѣлами одного клуба [1]).

«... Не слѣдуетъ забывать, что по отношенію къ славянскому движенію и дѣятельности нашихъ славянскихъ комитетовъ правительство тогда двоилось. Одни изъ сотрудниковъ императора Александра II, какъ, напримѣръ, Абаза и Милютинъ, съ наслѣдникомъ цесаревичемъ во главѣ, сочувствовали славянскому движенію, другіе близкіе къ государю люди, едва ли не большинство,

[1]) В. И. Аристовымъ. *Авт.*

относились враждебно и къ самому движенію, и къ участвовавшимъ въ немъ и до нѣкоторой степени руководившимъ имъ комитетамъ. Въ числѣ этихъ лицъ были такіе могущественные въ то время люди, какъ министры: Горчаковъ, Валуевъ и начальникъ Третьяго Отдѣленія графъ Шуваловъ; самъ императоръ Александръ II долгое время смотрѣлъ на славянское дѣло одинаково съ ними. И вотъ, даже въ то время, какъ наши мобилизованные полки стояли уже близъ границы, въ правительственныхъ кругахъ все еще держалась, трудно, впрочемъ, сказать, на чемъ основанная, увѣренность, что войны не будетъ, и шла рѣчь о закрытіи славянскихъ комитетовъ.

«Для того, чтобы такъ бодро итти противъ этой волны во главѣ встрѣчнаго ей теченія, какъ шелъ Тертій Ивановичъ, требовалось большое гражданское мужество. При оцѣнкѣ этого его подвига не забудемъ и того, что въ то время Т. И. занималъ второстепенное, хотя и видное, служебное положеніе, что его непосредственный начальникъ А. С. Грейгъ неодобрительно относился къ участію Т. И. въ славянскомъ дѣлѣ, и что у него на рукахъ была семья, и онъ былъ въ сущности ничего не имѣвшимъ, кромѣ небольшого домика въ глухомъ уѣздномъ городѣ бѣднякомъ, который жилъ однимъ двадцатымъ числомъ...

«Я сказалъ только о трехъ важныхъ сторонахъ дѣятельности Т. И. Филиппова, но остается еще много другихъ, быть можетъ, не менѣе важныхъ ея сторонъ. Слѣдовало бы сказать еще, и именно о взглядѣ его на задачи, способы и программы воспитанія, о значеніи въ дѣлѣ воспитанія церковно-славянскаго языка, о томъ, какъ глубоко зналъ Т. И. этотъ языкъ и особенно языкъ русскій, какъ проникновенно и вмѣстѣ художественно изъяснялъ онъ смыслъ отдѣльныхъ его реченій, напримѣръ, въ спорѣ съ Буслаевымъ—объ истолкованіи имъ слова «міръ», тождественнаго съ греческимъ «космосъ»,—какъ совмѣщающаго въ себѣ понятія мѣры, порядка и красоты, о глубокомъ знаніи имъ русской пѣсни и вообще народнаго творчества въ области звуковъ и слова, и о томъ, какъ много сдѣлано имъ для сохраненія уцѣлѣвшихъ еще драгоцѣнныхъ его остатковъ и слѣдовъ. Слѣдовало бы сказать о необыкновенной его отзывчивости на всякую обращенную къ нему просьбу о помощи, и особенно о той сильной поддержкѣ, какую оказывалъ онъ вдохновеннымъ труженикамъ, работавшимъ въ одномъ съ нимъ направленіи на пользу народной жизни и народнаго творчества. Кто, какъ не онъ, оказалъ могущественную поддержку В. В. Андреву? Такъ же задушевно отнесся онъ и къ дѣлу трудовыхъ артелей Н. В. Левицкаго. Познакомленный мною съ нимъ, онъ готовился оказать такую же поддержку и артельному дѣлу, какая была имъ оказана народной музыкѣ и пѣсни».

Показанія г. Васильева, особенно въ той ихъ части, которая касается вопроса о смертной казни, чрезвычайно характерны, какъ

равно характерно и отношеніе Филиппова къ вопросу о привлеченіи къ государственной службѣ представителей писательскаго сословія [1]), женщинъ, о его меценатствѣ и дѣятельности на пользу укрѣпленія и развитія народнаго творчества.

Въ лицѣ Филиппова, такимъ образомъ, русская государственность имѣла типичнаго представителя, который какъ бы разряжалъ сухую бюрократичность, вливая въ нее интеллигентныя струи и спеціально-націоналистическія начала, благодаря чему она теряла свою сухость и въ ней начинала чувствоваться пульсація жизни. Въ немъ государственность какъ бы сливалась съ общественностью и роднилась съ коренными устоями русской жизни, которые онъ утверждалъ изъ быта, преданій и лѣтописей русской исторіи. Человѣкъ живой, отзывчивый и многосторонній, онъ, правда, давалъ нерѣдко пищу злымъ языкамъ, и съ его именемъ сплошь и рядомъ связывались анекдоты, почерпавшіе свое происхожденіе изъ свойствъ его характера, привычекъ и вкусовъ. Но эти анекдоты задѣвали его преимущественно какъ частнаго человѣка, но ни малѣйшимъ образомъ не набрасывали на него тѣнь, какъ на государственнаго дѣятеля. По должности государственнаго контролера онъ стоялъ на высотѣ призванія, и никакія соображенія «кумовства», угодливости и дружбы не останавливали его начинаній тогда, когда нужно было поднять свой «контрольный» голосъ. Благодаря этому, въ его лицѣ императоръ Александръ III имѣлъ вѣрнаго слугу, который работалъ на пользу Россіи и для упорядоченія ея государственнаго хозяйства не только за страхъ, но и за совѣсть.

Не столь яркимъ и многостороннимъ былъ и другой представитель тогдашней государственности, министръ государственныхъ имуществъ, Михаилъ Николаевичъ Островскій, попавшій также на верхи іерархической лѣстницы изъ нѣдръ государственнаго контроля.

Родной братъ извѣстнаго нашего драматурга А. Н. Островскаго, онъ родился въ Москвѣ въ 1827 году. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ московской первой гимназіи; въ 1849 году, по окончаніи московскаго университета со степенью кандидата, покойный состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при симбирскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Съ 1864 года, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, онъ получалъ командировки въ города Псковъ, Ревель, Митаву и губерніи: Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую и др., для собиранія необходимыхъ свѣдѣній по образованію мѣстныхъ контрольныхъ учрежденій. Въ тайные совѣтники М. Н. произведенъ въ 1871 году, а въ слѣдующемъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера, въ 1882 году сенаторомъ.

---

[1]) Объ этомъ у Аѳ. В. Васильева имѣются особыя указанія въ той же статьѣ.

Въ статсъ-секретари его императорскаго величества покойный пожалованъ въ 1876 году; въ 1878 году назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Опредѣленный къ присутствованію въ департаментѣ государственной экономіи, М. Н. въ 1879 году былъ назначенъ предсѣдателемъ особой комиссіи, учрежденной для пересмотра узаконеній о казенныхъ заготовкахъ для арміи и флота, почетнымъ опекуномъ опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи и

Михаилъ Николаевичъ Островскій.

членомъ особыхъ комиссій для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ, совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества и комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1881 году М. Н. получилъ отвѣтственный постъ министра государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

М. Н. Островскій, человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ въ такое время, когда это министерство заставляло говорить о себѣ

не въ связи съ нуждами сельскаго хозяйства, а скорѣе въ связи съ такъ называемыми «уфимскими хищеніями». Крупною заслугою покойнаго является упорядоченіе оброчныхъ статей и установленіе выгоднаго какъ для казеннаго, такъ и для народнаго хозяйства порядка отдачи ихъ въ аренду. М. Н. Островскому принадлежитъ также заслуга относительно проведенія закона 1-го апрѣля 1888 года объ охранѣ лѣсовъ. Особенно ярко выдѣлялись его заботы о сельско-хозяйственномъ образованіи, въ связи съ общей тогдашней тенденціей къ упроченію у насъ профессіональнаго образованія.

Мы уже знаемъ, что въ началѣ царствованія Александра III М. Н. Островскому суждено было сыграть рѣшающую роль на томъ историческомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ государя императора, гдѣ слушался проектъ графа Н. П. Игнатьева по созыву земскаго собора. Онъ былъ тотъ, который выступилъ оппонентомъ министру внутреннихъ дѣлъ и, какъ знатокъ русскаго государственнаго права и русской исторіи, нанесъ этому проекту такіе сильные удары, послѣ чего идея этихъ соборовъ, какъ государственнаго установленія, была навсегда похоронена. Ему же суждено было, какъ увидимъ далѣе, играть и нѣкоторую роль въ обсужденіи вопроса о борьбѣ противъ шумныхъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разыгравшихся съ особенною силою въ періодъ 80-хъ годовъ.

XXXV.

На ряду со всѣми очерченными выше дѣятелями государственнаго механизма при императорѣ Александрѣ III чрезвычайно оригинальною фигурою рисуется личность министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давидовича Делянова, назначеннаго въ 1882 году на смѣну барону Николаи. Деляновъ былъ свой человѣкъ въ бюрократическомъ мірѣ, пережилъ вмѣстѣ съ нимъ разныя вѣянія и, имѣя за собою громадный опытъ жизни, отлично умѣлъ приспособляться и къ тѣмъ многочисленнымъ служебнымъ постамъ, которые ему въ разные періоды его службы приходилось занимать, и къ той общественной средѣ, въ которой суждено было дѣйствовать.

И. Д. Деляновъ родился въ 1818 году и, получивъ прекрасное для своего времени домашнее воспитаніе, впослѣдствіи поступилъ въ московскую гимназію, а затѣмъ въ московскій же университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ былъ на счету трудолюбиваго и прекраснаго занимающагося студента. Такъ, въ 1835 году онъ участвовалъ совмѣстно съ другими товарищами по факультету въ переводѣ съ французскаго языка «Исторіи среднихъ вѣковъ» профессора Демишеля, изданномъ Погодинымъ на слѣдующій годъ отдѣльною книгою. Сверстниками его и товарищами по университету были

студенты-словесники, столь извѣстные впослѣдствіи въ исторіи нашей науки и литературы—М. Н. Катковъ и Ѳ. И. Буслаевъ, съ коими покойный И. Д. Деляновъ сохранилъ наилучшія отношенія на всю жизнь; также былъ его товарищемъ по факультету извѣстный директоръ Публичной библіотеки А. Ѳ. Бычковъ. По окончаніи университета, 20 лѣтъ отъ роду, первымъ кандидатомъ, онъ въ 1838 году поступилъ на службу въ бывшее II отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, гдѣ подъ руководствомъ графа Блудова занимался работами по составленію уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Эти работы, гдѣ онъ проявилъ отличныя способности и которыя имъ были прекрасно исполнены, обратили на него особенное вниманіе графа Блудова, и онъ сталъ съ тѣхъ поръ возлагать самыя разнообразныя и отвѣтственныя порученія на своего молодого подчиненнаго, дѣлая его участникомъ на засѣданіяхъ многочисленныхъ въ то время комиссій. Благодаря этому, онъ скоро выдѣлился изъ среды петербургскихъ чиновниковъ, и уже въ 1854 г. мы видимъ его въ отвѣтственномъ званіи управляющаго дѣлами секретнаго комитета о раскольникахъ. Гуманное и просвѣщенное отношеніе къ раскольничьему вопросу имѣло слѣдствіемъ постановленіе о допущеніи раскольниковъ имѣть свои училища или же учиться въ общихъ школахъ, посѣщая уроки православнаго законоучителя или не посѣщая. На либеральный складъ образа мыслей молодого петербургскаго администратора имѣла въ тотъ періодъ времени особенное вліяніе атмосфера гостиной графини А. Д. Блудовой, гдѣ онъ встрѣчался съ представителями тогдашняго славянофильства, а также его близость съ извѣстнымъ профессоромъ и цензоромъ А. В. Никитенкомъ, съ которымъ онъ сошелся послѣ своего назначенія членомъ главнаго цензурнаго управленія. Здѣсь онъ, подобно Никитенку, былъ врагомъ крайности въ ту или другую сторону и былъ проникнутъ идеей взаимнаго довѣрія и дружнаго взаимодѣйствія власти и печати на пользу благоразумнаго и умѣреннаго прогресса.

На сороковомъ году жизни, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, онъ перешелъ на службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія, гдѣ на первыхъ порахъ занялъ постъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа. По этому поводу ректоръ здѣшняго университета Плетневъ писалъ князю Вяземскому: «Нашъ Деляновъ вышелъ прекрасный попечитель. Онъ добръ, откровененъ и во всемъ дѣйствуетъ, какъ надобно благородному, скромному и честному человѣку». Дѣйствительно, новый попечитель какъ нельзя больше являлъ своей личностью полное согласіе съ тогдашнимъ настроеніемъ правящихъ классовъ и въ своей дѣятельности, въ качествѣ руководителя учебнаго округа, вполнѣ отвѣчалъ освободительнымъ и либеральнымъ вѣяніямъ, которыя въ такомъ изобиліи носились въ воздухѣ того историческаго періода нашей жизни. Иванъ Давидо-

вичъ по своемъ назначеніи на новый постъ проявилъ кипучую дѣятельность по управленію обширнымъ тогда петербургскимъ учебнымъ округомъ, непрестанно посѣщая столичныя и провинціальныя подвѣдомственныя учебныя заведенія, знакомясь лично съ составомъ учащихъ и учащихся. Мягкій отъ природы, съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, онъ дѣйствительно любилъ молодежь и, благодаря своему тогдашнему нескрываемому свободомыслію, пользовался среди студентовъ широкою популярностью. Насколько силенъ былъ въ немъ тогда духъ либерализма, показываетъ то, что онъ считалъ даже профессора Ор. Миллера слишкомъ консервативнымъ, а потому и нежелательнымъ членомъ профессорской корпораціи. Черезъ тридцать лѣтъ тотъ же Деляновъ, уже на посту министра народнаго просвѣщенія, подписалъ тому же Ор. Миллеру отставку за вредное политическое направленіе! Tempora mutantur et nos mutamur in illis!

Студенты часто искали защиты попечителя противъ придирчивыхъ требованій старой инспекціи и нерѣдко ее находили: попечитель становился на ихъ сторону, искусно предупреждая серьезныя столкновенія. По поводу тогда ужъ возникшихъ студенческихъ волненій онъ, подобно Никитенку, полагалъ, что эти безпорядки и волненія суть печальныя послѣдствія прежняго крайняго угнетенія и что они могутъ быть устранены только лучшею организаціею университетскаго преподаванія и всей вообще университетской жизни. Начала, которыя потомъ легли въ основу устава 1863 года, постепенно вырабатывались въ комиссіяхъ, собиравшихся подъ предсѣдательствомъ Делянова. Впослѣдствіи ему же пришлось объявить войну этому уставу и высказаться рѣшительно противъ тѣхъ началъ, которыя онъ защищалъ въ 1863 году.

Избранный въ 1859 г. академіею наукъ почетнымъ членомъ, онъ въ томъ же году въ первый разъ вступилъ временно въ завѣдываніе, вмѣсто А. С. Норова, учебною частію нѣкоторыхъ женскихъ институтовъ. Съ этихъ поръ и до назначенія его директоромъ департамента народнаго просвѣщенія дѣятельность его была всецѣло посвящена воспитанію и образованію юношества. Въ 1865 году, при Головнинѣ, не было товарища министра, и управленіе министерствомъ, за отсутствіемъ Головнина, было ввѣрено Делянову, который удостоился за это высочайшей признательности. Тогда же состоялось его назначеніе сенаторомъ, а годъ спустя онъ занялъ постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, оставаясь директоромъ Публичной библіотеки (въ эту должность онъ вступилъ еще въ 1860 г.) и присутствуя постоянно въ собраніяхъ первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената. Являясь въ теченіе восьми лѣтъ ревностнымъ помощникомъ министра графа Д. А. Толстого по введенію у насъ классической системы образованія, И. Д. Деляновъ нерѣдко въ отсутствіе министра

замѣнялъ его и въ общей сложности за этотъ періодъ времени управлялъ самостоятельно министерствомъ три года. Помимо этихъ обязанностей, онъ въ 1871 г. былъ назначенъ членомъ совѣта Павловскаго института по учебной части и принималъ весьма близкое участіе въ разныхъ комиссіяхъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія и IV отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Въ 1867 г. Деляновъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, а въ 1874 —членомъ государственнаго совѣта съ увольненіемъ отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія. Съ этого времени до 1882 г. дѣятельность его сосредоточивалась, съ одной стороны, въ государственномъ совѣтѣ и въ Публичной библіотекѣ, а съ другой—въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, гдѣ въ 1877 г. онъ исполнялъ обязанности, особымъ высочайшимъ повелѣніемъ на него возложенныя, а съ 1880 г. управлялъ этимъ вѣдомствомъ на правахъ главноуправляющаго. Въ 1882 г. онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Вспоминая объ этомъ назначеніи, князь В. П. Мещерскій говоритъ [1]):

«Послѣ неудачи назначенія Н. М. Баранова градоначальникомъ вторая неудача оказалась въ выборѣ министра народнаго просвѣщенія въ лицѣ барона Николаи. Я имѣлъ случай только разъ бесѣдовать съ барономъ Николаи во время его управленія министерствомъ, и, признаюсь, все время, пока сидѣлъ у него, доискивался въ его разговорѣ узнать: кто онъ по убѣжденіямъ своимъ, и такъ и не могъ доискаться. Это впечатлѣніе врѣзалось мнѣ въ память, какъ нѣчто рѣдкое, ибо трудно себѣ представить въ роли министра человѣка, про котораго нельзя сказать, какихъ онъ убѣжденій. Словоохотливымъ онъ не былъ, но все же говорилъ и высказывалъ мысли; по временамъ казалось, что онъ будто не изъ либераловъ того времени, а потомъ скажетъ что-то такое, что свидѣтельствуетъ объ его неохотѣ быть консервативнаго направленія. Его уволили въ началѣ 1882 года, и на его мѣсто назначенъ былъ всѣмъ извѣстный и симпатичный Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, человѣкъ не новый для вѣдомства, такъ какъ онъ долго былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа. Еще задолго до его назначенія я видѣлся съ нимъ послѣ моей бесѣды съ барономъ Николаи и высказалъ ему мои впечатлѣнія объ этомъ человѣкѣ. Деляновъ тонко-насмѣшливо меня слушалъ и затѣмъ съ своимъ мѣткимъ юморомъ опредѣлилъ барона Николаи такъ: «онъ умный человѣкъ, все понимаетъ, и благонамѣренный, но, какъ бы вамъ сказать, онъ не умѣетъ быть министромъ». Затѣмъ, когда назначили Делянова министромъ на мѣсто барона Николаи, я къ нему явился и, припомнивъ нашъ разговоръ о Ни-

---

[1]) Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». Ч. III. (1881—1894 гг.).

колаи, говорю ему: «Ну, а вы, Иванъ Давыдовичъ, сумѣете быть министромъ?»

«— Ну, не знаю,—отвѣтилъ милый старикъ:—попробую; вѣдь критиковать министра легко, быть министромъ трудно, особливо просвѣщенія... Ну, какое у насъ нынче просвѣщеніе, тьма кромѣшная повсюду да либеральная слякоть.... Вѣдь Лорисъ-Меликовъ и школу-то всю испакостилъ, людей съ панталыку сбилъ. Надо съ азбуки начинать... Ну, Богъ дастъ, какъ-нибудь справимся.

«Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ лакея.

«— Что?

«— Студентъ, ваше выс—ство, желаетъ видѣть.

«Министръ сморщился.

«— Скажи, что я утромъ принимаю.

«— Онъ говоритъ, что очень нужно.

«— Ну, пускай подождетъ въ гостиной, приду къ нему.

«Припоминаю эту сцену потому, что въ ней вылился весь милый, добрый и простой Деляновъ. Ну, какой бы министръ принялъ какого-то студента въ четвертомъ часу дня? А онъ, какъ сказали: очень нужно,—сейчасъ же принялъ.

«Самая обстановка Ивана Давыдовича отличалась своей простотой отъ обстановокъ всѣхъ другихъ министровъ. Во-первыхъ, у него не было даже пріемной комнаты, а просители принимались въ гостиной. Затѣмъ не было курьера, а когда уходилъ лакей, то пришедшій входилъ въ кабинетъ министра прямо безъ доклада, и изъ глубины кабинета раздавалось удивленное, но всегда гостепріимное, ласковое: «А!» Кабинетъ представлялъ узкую комнату въ одно окно, выходящее на дворъ, гдѣ по срединѣ стоялъ письменный столъ, у окна кресло, въ которомъ сидѣлъ спрятанный имъ министръ, два-три стула, шкапы съ книгами, масса книгъ, разбросанныхъ по столамъ и на полу, и больше ничего.

«Бывало, войдешь къ нему и застанешь картину: за столомъ сидитъ министръ, передъ нимъ стоитъ студентъ или курсистка.

«— Здравствуйте,—говоритъ онъ входящему.—Вотъ пишу записку рекомендательную, не знаю, выйдетъ ли прокъ, а все-таки пишу.

«И такихъ записокъ онъ писалъ десятки въ день, никогда никому не отказывая.

«Потомъ бывала такая сцена. Одинъ изъ важныхъ лицъ въ министерствѣ былъ Георгіевскій. Министръ пишетъ ему записку и даетъ ее просителю.

«— Ну, вотъ, идите: онъ бѣдовый, и я даже его боюсь,—говорилъ, улыбаясь, министръ про своего подчиненнаго:—но, Богъ дастъ, смилуется.

«Тутъ кстати припомнить прелестный эпизодъ съ однимъ студентомъ, пришедшимъ къ министру просить о помилованіи, такъ какъ онъ былъ исключенъ изъ университета.

«— А за что васъ исключили?—спросилъ министръ.

«— Право, не знаю, ваше в—ство.

«— Ужъ чѣмъ-нибудь да провинились?

«— Ей-Богу, не помню...

«— Ну, припомните хорошенько; можетъ быть, вы были въ компаніи товарищей, весело поужинали, развязался языкъ и, когда къ слову пришлось, вашего министра старымъ дуракомъ назвали?

«Когда министръ кончилъ свои слова, передъ нимъ уже стояло другое лицо, въ видѣ бѣлой мраморной статуи, у которой единственными признаками жизни были капли холоднаго пота, выступившія на лбу.

«Студентъ схватилъ себя за голову...

«— Ваше в—ство... простите... Ваши слова во мнѣ вдругъ пробудили совсѣмъ забытое воспоминаніе; да, я былъ однажды пьянъ и говорилъ что-то противъ васъ... я смутно помню... Да, это было... Простите...

«— Ну, вотъ видите, мораль та, что лучше слишкомъ много не пить. А вѣдь я могъ бы обидѣться,—прибавилъ, добродушно-лукаво улыбаясь, министръ:—потому пословица говоритъ: «что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ».

«— Простите. Больше ничего не могу сказать,—прошепталъ студентъ, возвращенный къ жизни добротою министра.

«— Ну, идите, я васъ велю принять въ московскій университетъ.

«И такихъ жизней много спасъ на своемъ вѣку Иванъ Давыдовичъ Деляновъ и какъ попечитель округа, и какъ министръ народнаго просвѣщенія.

«Оттого назначеніе Делянова министромъ народнаго просвѣщенія было встрѣчено съ огромнымъ сочувствіемъ во всѣхъ слояхъ общества. Либералы одни поморщились, потому что Деляновъ былъ другомъ Каткова, а Катковъ изображалъ собою двойной столпъ: консерватизма и классицизма.

«Но, радуясь назначенію Делянова, никто изъ знавшихъ его не дѣлалъ себѣ иллюзій и не ждалъ отъ него ни крутыхъ и крупныхъ дѣйствій, ни подвиговъ энергіи».

XXXVI.

При назначеніи на постъ министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянову было преподано высочайшее указаніе дѣйствовать въ подвѣдомственной ему области согласно съ духомъ мѣропріятій министерства внутреннихъ дѣлъ, проводимыхъ въ то время графомъ Д. А. Толстымъ. По сему предмету онъ удостоился рескрипта отъ 15-го мая 1882 года, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Призвавъ васъ на тяжелый отвѣтственный постъ министера народнаго просвѣщенія, я не сомнѣваюсь, что многолѣтняя на этомъ поприщѣ

опытность ваша, искреннее ваше усердіе помогутъ мнѣ, въ пользу грядущимъ поколѣніямъ и во славу отечества, окончательно установить дѣло народнаго образованія на прочныхъ основахъ и не только одного расширенія научныхъ средствъ, но еще и яснаго пониманія достигаемыхъ этимъ истинно-человѣческихъ цѣлей: правды, добра и любви къ ближнимъ». Оцѣнивая черезъ шесть лѣтъ службу министра народнаго просвѣщенія и возводя его въ графское достоинство, императоръ Александръ III всемилостивѣйше сказалъ ему въ высочайшемъ на его имя рескриптѣ: «Опытность ваша на учебно-административномъ поприщѣ, ваша справедливость и человѣколюбіе побудили меня съ полнымъ довѣріемъ поручить вамъ важный и отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія. Обдуманно и неуклонно устрояемое дѣло университетскаго образованія служитъ предметомъ особыхъ заботъ вашихъ. Вами обращено должное вниманіе на устройство техническихъ и профессіональныхъ училищъ, столь необходимыхъ на пользу нашего отечества. По указаніямъ вашимъ, начальное обученіе въ народныхъ школахъ въ духѣ постояннаго общенія съ церковью направляется къ одной цѣли съ недавно возникшими на благо народа церковно-приходскими школами. Постепенное, но непреклонное направленіе, даваемое подъ руководствомъ вашимъ устройству учебнаго дѣла на одинакихъ началахъ во всей Россіи, упрочиваетъ въ будущемъ господство русскаго языка на всѣхъ окраинахъ нашей имперіи».

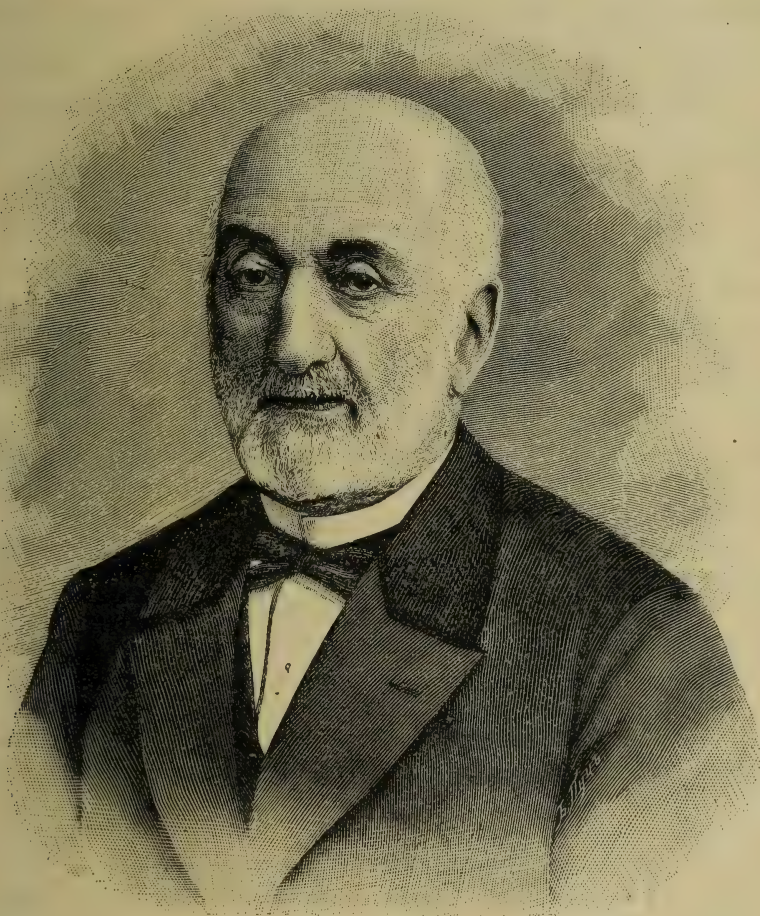
Мѣропріятія министерства народнаго просвѣщенія за время его управленія графомъ Деляновымъ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ сводились къ слѣдующимъ даннымъ [1]).

Въ 1887 году составленъ новый уставъ россійскихъ императорскихъ университетовъ; открытъ университетъ въ Томскѣ; пересмотрѣны (въ 1890 г.) учебные планы классическихъ гимназій, причемъ главныя перемѣны коснулись древнихъ языковъ: на счетъ послѣднихъ расширено преподаваніе русскаго языка; ограниченъ процентъ евреевъ, допускаемыхъ въ высшія и среднія учебныя заведенія; открытъ харьковскій технологическій институтъ; измѣненъ уставъ петербургскаго технологическаго института и утвержденъ уставъ коммерческаго училища въ Харьковѣ; затѣмъ были расширены и организованы: Комиссаровское техническое училище въ Москвѣ, красноуфимское Пермской губерніи реальное училище, приспособленное къ сельско-хозяйственнымъ потребностямъ, иркутское техническое училище; пересмотрѣнъ уставъ реальныхъ училищъ 1888 года; выработано положеніе о среднихъ и низшихъ техническихъ и промышленныхъ училищахъ и образована особая комиссія для дальнѣйшаго направленія дѣла; открыто нѣсколько

---

[1]) Настоящія свѣдѣнія заимствованы изъ нашего некролога гр. И. Д. Делянова, напечатаннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1988 г., № 2.

такихъ училищъ: въ Казани, Екатеринославѣ, Петрозаводскѣ, Златоустѣ, Брянскѣ; въ посадахъ Павловѣ, Клинцахъ и др. Закрытые въ 1886 году высшіе женскіе курсы были вновь открыты въ 1889 г. на измѣненныхъ основаніяхъ; пересмотрѣно положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ и, наконецъ, въ видахъ объединенія

Графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ.

окраинъ съ иновѣрнымъ населеніемъ, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія приняты изъ министерства внутреннихъ дѣлъ до 2.000 сельскихъ школъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Для управленія этими школами образованы дирекціи и нѣсколько инспекцій, и выработаны особыя правила для завѣдыванія этими училищами. Въ прибалтійскихъ же губерніяхъ преобразованы и открыты вновь болѣе двадцати городскихъ училищъ, открыты

русскія прогимназіи въ Полангенѣ, русскія реальныя училища въ Ригѣ и другихъ городахъ; введено обязательное преподаваніе на русскомъ языкѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами казенныхъ училищъ. Въ томъ же духѣ произведены весьма значительныя преобразованія въ императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, рижскомъ политехническомъ и многихъ другихъ училищахъ; вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія при графѣ И. Д. Деляновѣ подчинены всѣ школы, существующія при протестантскихъ церквахъ, а также всѣ иновѣрческія школы Юго-Западнаго края; издано новое положеніе о городскихъ училищахъ варшавскаго учебнаго округа; къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія присоединены послѣдовательно: кавказскій учебный округъ, кавказскій музей, тифлисская публичная библіотека и физическая обсерваторія и городскія школы Терской области.

Изъ разсмотрѣнія этихъ главныхъ моментовъ жизни министерства народнаго просвѣщенія при покойномъ графѣ Деляновѣ мы убѣждаемся, что наибольшее вниманіе тутъ обращалось на преобразованіе окраинныхъ школъ, на подчиненіе ихъ министерскому надзору, что находилось въ непосредственной связи съ общей программой внутренней политики прошлаго царствованія. Кромѣ того, большинство мѣропріятій по своему характеру носятъ здѣсь ограничительный отпечатокъ, придающій дѣятельности министра какъ бы иное освѣщеніе, нежели оно носило на себѣ въ предыдущіе годы его дѣятельности, какъ попечителя округа. Это объясняется опять-таки всѣми авторами некрологовъ почившаго графа тѣми общими вліяніями, которыя наступили въ нашемъ отечествѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда во внутренней политикѣ произошелъ крутой переломъ, и правительство отъ принциповъ «диктатуры сердца» перешло къ усиленію власти и строгому административному режиму. Силою вещей, И. Д. Деляновъ какъ бы былъ унесенъ потокомъ времени отъ тѣхъ основъ, коимъ служилъ до 1880 годовъ, но было бы жестокою несправедливостью утверждать, будто онъ цѣликомъ невозвратно ушелъ отъ стараго къ новому и не дѣлалъ попытокъ примиренія былого съ настоящимъ, нѣтъ, такія попытки именно имъ дѣлались во все время своего министерства, а потому придаютъ этому времени, если въ него всмотрѣться внимательнѣе, въ высшей степени любопытный, оригинальный характеръ. Правильнѣе всего это время было бы назвать періодомъ ликвидаціи наслѣдія, оставленнаго Россіи графомъ Д. А. Толстымъ и его единомышленникомъ, знаменитымъ публицистомъ Страстного бульвара. Ликвидація эта, правда, совершалась чрезвычайно медленно, осторожно, но во всякомъ случаѣ совершалась, и ходъ ея довольно удачно обрисованъ въ статьѣ г. Н. А. «Наши гимназіи и графъ Деляновъ», напечатанной вскорѣ послѣ смерти министра [1]).

[1]) «Новое Время», № 7851.

«Дѣйствующая нынѣ система нашей средней школы, какъ извѣстно, была унаслѣдована графомъ Деляновымъ отъ его предшественника по управленію министерствомъ, графа Толстого,—говоритъ авторъ.—Нужно сознаться, это наслѣдіе было не изъ особенно пріятныхъ, потому что введенная въ 1871 году графомъ Толстымъ система была выкроена изъ чужого матеріала, по готовымъ шаблонамъ, не пришлась намъ впору и потому прививалась туго, какъ нѣчто чуждое и насильно навязанное. Широкообразованный и въ высшей степени гуманный, покойный графъ Деляновъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, чувствовалъ несовершенство этой системы, но, признавая вредъ радикальной ломки, такъ сказать, основы народнаго просвѣщенія, онъ избралъ другой путь и въ теченіе всего времени своего управленія министерствомъ (16 лѣтъ) старался постепенно сгладить крайности толстовскаго (вѣрнѣе—«катковскаго») классицизма. Это дѣлалось сначала, такъ сказать, административнымъ путемъ, при посредствѣ циркуляровъ, которыми дѣлались «разъясненія», «дополненія» и, наконецъ, «упрощенія» въ дѣйствующей системѣ, пока, наконецъ, не назрѣла реформа, осуществленная въ 1890 году извѣстною комиссіей изъ спеціалистовъ, профессоровъ и учителей, подъ предсѣдательствомъ князя Волконскаго (тогда товарища министра народнаго просвѣщенія). На обязанность комиссіи возлагалось: 1) Сохраняя нынѣ дѣйствующую систему классическаго образованія, сократить и упростить программы, съ цѣлью облегченія учениковъ при прохожденіи ими курса, безъ ущерба, однако, для основательности образованія, причемъ главное вниманіе должно быть обращено на необходимость исключенія изъ программъ подробностей, составляющихъ излишнее обремененіе для учащихся. 2) Сосредоточить изученіе грамматическаго матеріала языковъ въ низшихъ классахъ (до V включительно) и посвятить большее количество времени на чтеніе древнихъ авторовъ въ старшихъ классахъ (VI, VII и VIII), чтобы ученики гимназій, оканчивая курсъ, могли понимать и толково переводить тѣхъ латинскихъ и греческихъ писателей, произведенія коихъ составляли предметъ занятій въ гимназіи. 3) Облегчить домашнюю подготовку уроковъ. 4) Обсудить вопросъ о совершенномъ устраненіи изъ употребленія тѣхъ учебниковъ, которые, по своей обширности и обилію излишняго для средней школы матеріала, значительно затрудняютъ прохожденіе курса, и о мѣрахъ къ тому, чтобы вызвать появленіе учебныхъ руководствъ, сколь можно болѣе упрощенныхъ и сокращенныхъ, но не въ ущербъ основательности образованія, и при томъ по цѣнѣ своей возможно дешевыхъ. 5) Устроить классныя занятія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ такихъ расчетомъ времени, чтобы ученики могли заниматься гимнастикой и, если возможно, музыкой и рисованіемъ,—и 6) распредѣлить болѣе правильно и равномѣрно занятія по днямъ недѣли, причемъ коснуться вопроса о классныхъ

наставникахъ, а равно и результатовъ, достигнутыхъ институтомъ классныхъ наставниковъ въ періодъ семнадцатилѣтняго существованія его. Въ результатѣ двухлѣтнихъ трудовъ этой комиссіи въ зиму 1888—1889 годовъ явились новые, нынѣ дѣйствующіе планы и программы, въ которыхъ подверглись наибольшему измѣненію именно классическіе языки; былъ сокращенъ въ значительной степени грамматическій матеріалъ и классное время, отводившееся ранѣе на долю древнихъ языковъ. Такимъ образомъ, реформа 1890 года объединила прежнія распоряженія и, казалось, подвинула въ значительной степени разрѣшеніе вопроса о нашей средней общеобразовательной школѣ въ желательномъ направленіи».

Но реформа 1890 года не удовлетворила ни общества, ни самого министерства, которое нѣсколько времени спустя рѣшительно высказалось за необходимость кореннаго «органическаго» преобразованія нашей средней школы. По этому предмету мы читаемъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» [1]), что многіе профессора университетовъ жалуются на неподготовленность студентовъ къ университетскому ученію: «филологи—на неподготовленность ихъ къ филологическимъ студіямъ; естественники—на неподготовленность ихъ къ наблюденіямъ изучаемыхъ явленій, на неумѣніе ихъ ни видѣть, ни слышать, ни обонять; историки—на неподготовленность ихъ къ историческому пониманію; иные—на неумѣнье ихъ излагать свои мысли на родномъ языкѣ, такъ что профессоръ не хуже учителя родного языка принужденъ скучать за исправленіемъ письменныхъ работъ студентовъ по наукамъ; всѣ же вообще—на ученическое отношеніе къ дѣлу, на механическое усвоеніе знаній и равнодушіе къ интересамъ науки... Явно, что между гимназіей и университетомъ существуетъ теперь какъ бы нѣкоторая пропасть, которая замѣтно все болѣе и болѣе увеличивается».

Чтобы сгладить эту рѣзкую аномалію въ соотношеніяхъ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, были министерствомъ въ послѣднее время выработаны новыя программы, гдѣ сдѣланы существенныя измѣненія сравнительно съ программами 1890 года. «Такъ, по древнимъ языкамъ главнѣйшею задачею поставлено чтеніе авторовъ и переводъ ихъ на толковый русскій языкъ; грамматикѣ же отведено второстепенное мѣсто, и она будетъ впредь проходиться въ размѣрѣ, какой безусловно необходимъ для вышеуказанной основной задачи изученія древнихъ языковъ. Наиболѣе же симпатичною стороною перемѣнъ въ методахъ и способахъ преподаванія этихъ предметовъ слѣдуетъ признать совершенное устраненіе такъ называемыхъ экстемпоралій, имѣвшихъ не дидактическій, а экзаменаціонный характеръ. Взамѣнъ экстемпоралій вво-

---

[1]) 1895 года, № 5.

дятся письменныя упражненія въ классѣ, выполняемыя при помощи пособій (словарей и текста съ толкованіями) и при дѣятельномъ участіи въ работѣ самого преподавателя.

«По русскому языку и словесности, кромѣ сокращенія (особенно въ области древней словесности), дано новое распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, болѣе соотвѣтствующее раціональной постановкѣ изученія этого предмета, и обращено особенное вниманіе на письменныя работы. Что же касается до церковно-славянскаго языка, то изученіе этого предмета поставлено въ надлежащія рамки, потребность въ которыхъ давно чувствовалась въ виду отсутствія удовлетворительныхъ учебниковъ по этому предмету и увлеченія филологическими подробностями нѣкоторыхъ, особенно молодыхъ преподавателей. Обращено, наконецъ, вниманіе на возобновленіе литературныхъ бесѣдъ, которыя, помимо своего общеобразовательнаго значенія, много способствуютъ знакомству съ избранными произведеніями классической литературы.

«По географіи и исторіи признано возможнымъ сдѣлать тоже весьма существенныя сокращенія, для избѣжанія обремененія памяти учениковъ совершенно излишними подробностями, а также сдѣланы значительныя измѣненія и въ постановкѣ изученія этихъ предметовъ.

«По математикѣ и физикѣ сдѣланы существенныя измѣненія, особенно въ теоретической сторонѣ предмета, предложеніемъ нѣкоторыхъ упрощенныхъ выводовъ. Наиболѣе же симпатичнымъ является рекомендація преподавателямъ разучивать предметъ въ классѣ, особенно въ младшемъ возрастѣ.

«Одновременно съ введеніемъ новыхъ программъ въ петербургскомъ учебномъ округѣ, министерство народнаго просвѣщенія образовало особую комиссію для разсмотрѣнія этихъ программъ, въ видахъ введенія ихъ въ остальныхъ округахъ имперіи. Названная комиссія успѣла до рождественскихъ каникулъ разсмотрѣть только программы по русскому языку, исторіи и математикѣ».

Такимъ образомъ, если сопоставить первоначальное состояніе нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, относящееся къ началу семидесятыхъ годовъ, съ тѣмъ же состояніемъ, въ коемъ мы находимъ ихъ ко дню смерти графа Делянова, мы увидимъ, что въ классической системѣ графа Толстого сдѣлано уже немало существенныхъ измѣненій, въ значительной степени придающихъ среднимъ учебныхъ заведеніямъ уже иной характеръ, нежели тотъ, который желалъ видѣть создатель знаменитой системы.

То же самое можно сказать и про университетскій уставъ 1884 г., который былъ введенъ въ началѣ министерства графа Делянова и который имъ же съ теченіемъ времени былъ понемногу реформированъ. «При вступленіи его въ министерство сохранили свое положеніе ближайшіе сотрудники графа Толстого,—читаемъ мы

по этому предмету въ офиціальномъ некрологѣ министерскаго журнала.—Тѣмъ не менѣе онъ не безъ колебанія рѣшился на внесеніе проекта въ государственный совѣтъ; московскому другу [1]) пришлось печатно дѣлать строгія напоминанія о послѣдовательности и соединенныхъ съ нею обязательствахъ. Когда реформа прошла, то уже на первыхъ порахъ она была проводима не съ тою суровостью и непреклонностью, какъ сначала предполагалось, затѣмъ послѣдовали измѣненія, устраняющія то, что въ ней было наиболѣе тягостнаго. Здѣсь сказался личный характеръ министра, примирительный и смягчающій. Государственные экзамены сближены съ университетскимъ преподаваніемъ и связаны непосредственно съ окончаніемъ четырехлѣтняго курса, не требуя еще новой затраты времени и обыкновенно скудныхъ матеріальныхъ средствъ у нашей учащейся молодежи. Теперь поставленъ на очередь вопросъ о гонорарѣ, имѣющій весьма существенное значеніе и касающійся самыхъ основъ реформы».

Постепенное смягченіе классической системы и возвращеніе университетамъ ихъ прежняго значенія, съ одной стороны, и съ другой — насажденіе въ нашемъ отечествѣ преимущественно разсадниковъ опытнаго знанія, вотъ тотъ ликвидаціонный ходъ наслѣдія графа Д. А. Толстого, руководить которымъ выпало на долю графу Делянову. Полной ликвидаціи и созданія на опустѣломъ мѣстѣ чего-нибудь новаго, живого, согласнаго съ духомъ времени и громкими запросами общества И. Д. Делянову не суждено было увидать, какъ равно мы не видимъ полнаго упорядоченія нашего школьнаго дѣла и о сю пору, какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

XXXVII.

Изъ всѣхъ заботъ и мѣропріятій по учебному дѣлу въ ту эпоху особеннымъ вниманіемъ министерства и его главы пользовался вопросъ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ въ теченіе всѣхъ восьмидесятыхъ годовъ шли непрерывные безпорядки, имѣвшіе подъ собою, какъ на то указывалось неоднократно въ нашихъ очеркахъ, политическую подкладку. Объ этихъ безпорядкахъ мы въ свое время еще будемъ говорить въ связи съ революціонными теченіями того времени, какъ равно у насъ будетъ описано участіе здѣшняго студенчества въ дѣлѣ 1-го марта 1887 года, котораго я уже касался въ своей статьѣ: «Въ тюремномъ заключеніи» [2]).

Безпорядки эти въ 1881 году связывались съ цареубійствомъ на Екатерининскомъ каналѣ, и въ результатѣ ихъ, однако, ока-

---

[1]) То-есть Каткову.
[2]) «Историческій Вѣстникъ», 1906 г. іюнь.

залось не столь много пострадавшихъ, какъ того можно было ожидать. Осенью 1882 года эти безпорядки возобновились, охватили собой не только университеты, но и спеціальныя высшія учебныя заведенія и особенно шумно проявились въ петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ. Тогда, по всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ М. Н. Островскаго, послѣдовало высочайшее повелѣніе: «вопросъ о томъ, какія общія мѣры могутъ быть приняты къ устраненію на будущее время подобныхъ прискорбныхъ явленій въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣть въ совѣщаніи г.г. министровъ народнаго просвѣщенія, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ, а также управляющаго морскимъ министерствомъ и оберъ-прокурора святѣйшаго синода». На этомъ совѣщаніи К. П. Побѣдоносцевымъ было предложено [1]) отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для ихъ исправленія. Предложеніе это было сдѣлано уже послѣ того, какъ первоначальная мысль, на которой останавливалось совѣщаніе, именно о принудительномъ привлеченіи къ отбыванію воинской повинности, съ лишеніемъ всѣхъ льготъ по оной, молодыхъ людей, уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, встрѣтила сильнѣйшія возраженія со стороны представителей военнаго и морского вѣдомствъ—генералъ-адъютантовъ П. С. Ванновскаго и И. А. Шестакова. Совѣщаніе гг. министровъ постановило поручить особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, изъ представителей отъ министерства народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ подробно разсмотрѣть и окончательно разработать вышеозначенную мѣру. Комиссія эта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ князя М. С. Волконскаго, изъ тайныхъ совѣтниковъ В. И. Вешнякова и А. И. Георгіевскаго, генеральнаго штаба генералъ-майора Н. И. Петрова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. К. Плеве, въ засѣданіяхъ 27-го ноября, 1-го, 3-го, 7-го и 15-го декабря 1882 года, подвергла обстоятельному разсмотрѣнію вопросъ объ отдачѣ уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные батальоны, нашла эту мысль непримѣнимою, особенно же къ массѣ участниковъ въ студенческихъ безпорядкахъ, выяснила, благодаря особенно заявленіямъ В. К. Плеве, весь вредъ, причиняемый студенческими безпорядками и ихъ послѣдствіемъ—исключеніемъ

[1]) «Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи». Выпускъ I. Матеріалы эти извлечены изъ книги А. И. Георгіевскаго: «Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ».

виновныхъ изъ учебныхъ заведеній, и подвергла подробному разсмотрѣнію мысль о привлеченіи исключаемыхъ за безпорядки студентовъ тотчасъ же къ исполненію воинской повинности, съ лишеніемъ льготъ, которыя вообще установлены уставомъ объ оной.

Но, отклонивъ мысль объ отдачѣ уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные батальоны, комиссія испросила себѣ разрѣшеніе разсмотрѣть вопросъ о привлеченіи означенныхъ лицъ въ ряды войскъ для отбыванія общей для всѣхъ гражданъ воинской повинности, но безъ вынутія жребія, хотя и на положеніи жеребьевыхъ. Мысль эта возникла въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, какъ свидѣтельствуютъ указанные «Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи», еще въ 1879 году при обсужденіи вопроса объ устройствѣ университетской инспекціи на предположенныхъ въ то время основаніяхъ. Она была заявлена тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ тѣмъ изъ генералъ-губернаторовъ, которые командовали и войсками соотвѣтственныхъ военныхъ округовъ, и нѣкоторые изъ нихъ не были противъ осуществленія этой мѣры, особенно въ мѣстахъ казарменнаго расположенія войскъ. Затѣмъ въ 1880 г. главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ былъ возбужденъ довольно близко соприкасающійся съ этою мѣрою вопросъ объ образованіи изъ лицъ, подлежащихъ, вслѣдствіе своей политической неблагонадежности, надзору полиціи, особыхъ военныхъ командъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи; но военное министерство признало неудобнымъ учреждать команды изъ нижнихъ чиновъ, завѣдомо неблагонадежныхъ, такъ какъ подобныя команды не могутъ быть полезны ни для какого рода военной службы, не говоря уже о томъ, что собранныя въ такія команды лица, оставаясь постоянно въ обществѣ людей одинаковаго превратнаго образа мыслей, могутъ не только поддерживать, хотя и въ тайнѣ, эти убѣжденія, но и измышлять систематическія правила для преступнаго осуществленія ихъ убѣжденій по окончаніи службы. Въ концѣ 1880 г., именно 24-го декабря, состоялось высочайшее повелѣніе, установившее слѣдующія временныя правила о порядкѣ отбыванія воинской повинности лицами, высланными за участіе въ революціонной пропагандѣ административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи: 1) лица эти не принимаются на службу ни въ сухопутныя войска, ни во флотъ на правахъ вольноопредѣляющихся, но привлекаются къ исполненію воинской повинности исключительно жеребьевымъ порядкомъ; 2) тѣ изъ означенныхъ лицъ, которыя, по доставшемуся имъ нумеру жребія, будутъ подлежать поступленію на службу, зачисляются въ части войскъ отдаленныхъ округовъ, при чемъ наиболѣе упорные изъ пропагандистовъ назначаются въ

войска, расположенныя въ Туркестанскомъ краѣ; 3) за ними вообще устанавливается особо бдительный надзоръ со стороны военнаго начальства, и 4) начальники частей, при увольненіи въ запасъ означенныхъ лицъ, сообщаютъ о томъ мѣстному губернатору, вмѣстѣ со свѣдѣніями о ихъ поведеніи во время состоянія на службѣ. Губернаторъ со своей стороны входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ тѣхъ мѣстностей, куда отправляются такія лица, для установленія надъ ними негласнаго наблюденія въ теченіе одного года, не стѣсняя ихъ, однако, ни въ свободѣ передвиженія, ни въ способахъ пріисканія занятій и средствъ къ жизни.

Высочайшее повелѣніе это не было обнародовано во всеобщее свѣдѣніе и повлекло за собою лишь секретныя распоряженія. Высочайше назначенная 25-го мая 1881 г. комиссія подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова, со своей стороны, «признавая, что высшую, во многихъ случаяхъ неизбѣжную и единственную мѣру наказанія, зависящую отъ власти учебнаго начальства, составляетъ удаленіе виновныхъ изъ учебнаго заведенія, обратила вниманіе на опасность и вредъ празднаго блужданія удаленныхъ и высказала желаніе, чтобы приняты были мѣры для своевременнаго и даже ускореннаго отбыванія таковыми лежащей на нихъ воинской повинности, касательно же лишенія наиболѣе виновныхъ такихъ льготъ, которыя имъ предоставлены, и сосредоточенія таковыхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства предполагала войти въ дальнѣйшее обсужденіе; но въ виду заявленія одного изъ своихъ членовъ, что вопросъ этотъ уже обсуждается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, комиссія воздержалась отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. И дѣйствительно, 19-го сентября 1881 г. министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало на этомъ пути дальнѣйшій шагъ, войдя, съ высочайшаго разрѣшенія, въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ объ отбываніи поднадзорными воинской повинности на правахъ вынувшихъ жребій, съ лишеніемъ ихъ льготъ по образованію и семейному положенію. Проводя то начало, что высланный за политическую неблагонадежность тѣмъ самымъ лишается нѣкоторыхъ правъ, министерство внутреннихъ дѣлъ полагало вполнѣ соотвѣтственнымъ измѣнить, по отношенію къ административно-ссыльнымъ, общеустановленную форму отбытія воинской повинности въ томъ смыслѣ, что всякое лицо, подвергнутое за политическую неблагонадежность полицейскому надзору и подлежащее отбытію воинской повинности, перестаетъ пользоваться льготами, указанными въ уставѣ по воинской повинности, по семейному положенію, а также по образованію, и обязательно зачисляется, на правахъ вынувшихъ жребій, въ опредѣленныя военнымъ начальствомъ части войскъ или же въ особыя военныя команды въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Со введеніемъ такой мѣры, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, правительство имѣло

бы возможность, съ одной стороны, сократить въ значительной степени весьма обременительную для него административную ссылку, а съ другой—сдѣлать военную службу для упомянутыхъ лицъ наилучшимъ средствомъ исправленія.

Военное министерство не нашло возможнымъ согласиться съ такимъ предположеніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ виду того, что «лишеніе поднадзорныхъ, отбывающихъ воинскую повинность, дарованныхъ закономъ правъ на льготы по образованію и семейному положенію, имѣя характеръ карательной мѣры, обратитъ тѣмъ самымъ военную службу въ наказаніе. Въ такомъ видѣ предполагаемая мѣра должна поколебать законъ о воинской повинности въ самомъ существенномъ основаніи его, ибо эта повинность не есть наказаніе, а священная обязанность каждаго русскаго подданнаго (ст. 1 уст. о воинск. пов.) и притомъ такая обязанность, къ исполненію которой не допускаются порочные люди, лишенные правъ состоянія или особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ (№ 16 уст. о воинск. пов.). Сверхъ того означенная карательная мѣра была бы въ противорѣчіи со ст. 2115 ч. кн. 1 св. воен. пост., на основаніи которой состоящіе на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ сохраняютъ права состоянія и присвоенныя имъ преимущества по образованію и учеными степенями пріобрѣтенныя. Кромѣ того, военное министерство указало на то, что по ст. 36 правилъ, приложенныхъ къ указу правительствующему сенату отъ 4-го сентября 1881 г., административная ссылка назначается на время отъ одного года до пяти лѣтъ, по уставу же о воинской повинности срокъ службы въ войскахъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи, опредѣленъ въ 6 лѣтъ, а въ дальнихъ областяхъ въ 7 лѣтъ, а потому, при отбываніи воинской повинности высланными административнымъ порядкомъ безъ права на сокращенные сроки, всѣ они, оставаясь одинаковые сроки въ рядахъ войскъ, подверглись бы такимъ образомъ одинаковому наказанію, несмотря на различіе своей виновности. Отклоняя затѣмъ вопросъ объ образованіи особыхъ военныхъ командъ изъ лицъ, политически неблагонадежныхъ, по соображеніямъ, которыя были приведены выше, генералъ-адъютантъ Ванновскій высказалъ, что если, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, военная служба для означенныхъ лицъ признается средствомъ исправленія, то было бы послѣдовательнѣе сформировать изъ нихъ не обыкновенныя воинскія команды, а дисциплинарныя или, по крайней мѣрѣ, одинаково съ дисциплинарными организованныя команды, съ особымъ наблюдательнымъ составомъ изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, что, кромѣ увеличенія военныхъ расходовъ, не можетъ представить какихъ-либо особыхъ затрудненій. Впрочемъ, приводя доводы противъ образованія изъ политически неблагонадежныхъ лицъ

особыхъ командъ (обыкновенныхъ), военное министерство высказывало ту мысль, что «лица, политически неблагонадежныя, при распредѣленіи ихъ по различнымъ частямъ войскъ, подъ строгимъ надзоромъ и подъ вліяніемъ войсковой среды, скорѣе могутъ измѣнить свои неразумныя убѣжденія», нежели будучи собраны въ отдѣльныя, только изъ нихъ однихъ составленныя команды. Какъ бы то ни было, однакоже бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 25-го октября 1881 г. высказался въ томъ смыслѣ, что, «будучи поставленъ въ необходимость не настаивать на своемъ предположеніи объ обращеніи въ ряды войскъ лицъ поднадзорныхъ, въ видѣ карательной для нихъ мѣры», онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ полезнымъ осуществленіе предположенія относительно зачисленія подвергнутыхъ полицейскому надзору лицъ, поступившихъ уже въ военную службу на общемъ основаніи, въ особыя дисциплинарныя команды, сформированныя въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была примѣнена также ко всѣмъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи за политическую неблагонадежность лицамъ, которыя впредь будутъ поступать въ войска. Эту же мѣру, въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 4-го декабря 1881 г., графъ Игнатьевъ считалъ полезнымъ распространить и на увольняемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній. «Характеръ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—писалъ графъ Игнатьевъ,—нерѣдко бываетъ таковъ, что эти безпорядки являются результатомъ дѣятельности тѣхъ злоумышленниковъ, которые стремятся къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка и находятъ между воспитанниками учебныхъ заведеній лицъ, имъ не только сочувствующихъ, но и начинающихъ проявлять свое сочувствіе въ формѣ подстрекательствъ къ различнымъ волненіямъ среди своихъ сотоварищей, причемъ волненія эти служатъ для многихъ первымъ шагомъ на пути къ дѣятельности, направленной прямо къ колебанію существующаго порядка. Посему къ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, замѣшаннымъ въ подобныя волненія, вполнѣ примѣнима мѣра, соотвѣтствующая вышеприведенной, а именно для молодыхъ людей, уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ или признанныхъ въ университетахъ университетскимъ судомъ въ сихъ безпорядкахъ виновными въ качествѣ зачинщиковъ или подстрекателей, данныя имъ для окончанія образованія отсрочки немедленно прекращаются, и они немедленно, не ожидая общаго срока, призываются въ войска. Мѣра сія для осуществленія своего требуетъ лишь, чтобы военное министерство для подобныхъ молодыхъ людей назначало особыя части, образованныя по типу, указанному въ отношеніи военнаго министра отъ 6-го октября 1881 г. за № 419, и отданныя подъ управле-

ніе особо надежныхъ начальниковъ, способныхъ къ тому особому надзору, который необходимъ для командованія частями, пополняемыми вышеозначеннымъ порядкомъ». Наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія 14-го мая 1882 г. были утверждены правила, въ силу коихъ: 1) воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, арестованные по какому-либо политическому дѣлу и затѣмъ освобожденные безъ всякихъ послѣдствій съ выдачею о томъ удостовѣренія подлежащей властью, безпрепятственно допускаются къ продолженію курса ученія; 2) признанные участвовавшими въ тайныхъ сообществахъ, но по легкомыслію, безъ обдуманнаго намѣренія, могутъ быть, по усмотрѣнію начальства высшаго учебнаго заведенія, уволены изъ заведенія на одинъ, на два или на три года, съ правомъ или безъ права тотчасъ же вступить въ другое учебное заведеніе, и, наконецъ, 3) изобличенные въ злонамѣренномъ участіи въ тайномъ противоправительственномъ сообществѣ или въ политической противоправительственной агитаціи, и при томъ или преданные въ обычномъ порядкѣ суду и признанные въ какомъ-либо государственномъ преступленіи виновными, или за преступленія того же свойства подвергнутые взысканію въ административномъ порядкѣ, т.-е. по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, удостоенному высочайшаго утвержденія, или понесшіе за доказанную политическую ихъ неблагонадежность взысканіе въ порядкѣ закона о государственной охранѣ, подвергаются со стороны учебнаго начальства исключенію навсегда изъ учебнаго заведенія, съ лишеніемъ права поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія, но могутъ быть вновь приняты въ то же или въ другое высшее учебное заведеніе, равно какъ и лица вышеозначенной второй категоріи, по сношенію подлежащаго министра съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и по испрошеніи на то высочайшаго соизволенія и при соблюденіи еще двухъ слѣдующихъ условій: а) если исключенный изъ заведенія въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ послѣ окончательнаго освобожденія отъ наложеннаго на него подлежащею властью взысканія и притомъ непремѣнно послѣ отбытія воинской повинности докажетъ, что онъ вполнѣ раскаялся и порвалъ всякія связи съ сообщниками, и б) если кто-либо изъ преподавателей или чиновъ инспекціи приметъ его подъ ближайшій свой надзоръ и руководство. Отбытіе воинской повинности во всѣхъ подобныхъ случаяхъ признавалось какъ бы средствомъ къ исправленію и какъ бы ручательствомъ, что исправленіе дѣйствительно достигнуто; такую силу и значеніе придаютъ вообще правительственныя лица, болѣе, впрочемъ, гражданскаго, чѣмъ военнаго вѣдомства, военной дисциплинѣ и военной средѣ, какъ бы способнымъ отрезвить и охладить самыя разгоряченныя головы. Лица же военнаго вѣдомства, скорѣе, напротивъ, опасаются, какъ бы отъ вліянія этихъ сравнительно

весьма немногочисленныхъ горячихъ головъ не пострадало нравственное здоровье самой этой среды. Такъ, между прочимъ, и въ комиссіи конца 1882 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія представитель военнаго министерства генералъ-майоръ Н. И. Петровъ высказывался все время самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ принудительнаго привлеченія въ армію студентовъ, уволенныхъ за участіе въ безпорядкахъ, и, по приказанію г. военнаго министра, отказался отъ участія въ обсужденіи подробностей этой мѣры и отъ подписанія относящагося къ сему журнала, но изъявилъ готовность быть въ самомъ засѣданіи и давать объясненія комиссіи по вопросамъ, касающимся военнаго вѣдомства.

XXXVIII.

Убѣждаясь доводами комиссіи, особое совѣщаніе гг. министровъ съ участіемъ въ этотъ разъ министра юстиціи, въ засѣданіи своемъ 18-го марта 1883 г., отказалось отъ первоначальной своей мысли отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты всѣхъ исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству и рѣшилось предложить эту мѣру лишь для случаевъ исключительныхъ, когда проступокъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и требуетъ примѣрнаго наказанія, распространивъ ту же мѣру взысканія и въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ и на воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, если они не моложе 18-ти лѣтъ. По отношенію же къ массѣ молодыхъ людей, увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, управляющій морскимъ министерствомъ предложилъ, а военный министръ генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, съ своей стороны, одобрилъ нижеслѣдующую мѣру: «Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за дерзкое поведеніе, за грубое неповиновеніе начальству, за подготовленіе безпорядковъ или производство ихъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если при этомъ они не изобличаются въ участіи въ противозаконныхъ тайныхъ сообществахъ или въ политической противоправительственной агитаціи, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію и хотя бы даже они вынули по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются къ вынутію жеребья, при чемъ въ случаѣ поступленія на службу обязаны прослужить шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать, въ случаѣ одобрительнаго поведенія, о сокращеніи этого срока». Хотя нѣкоторые члены совѣщанія оставались неизмѣнно при томъ убѣжденіи, которое было высказано ими еще 20-го ноября 1882 г., что обязательное «привлеченіе участниковъ въ безпорядкахъ къ

отбыванію воинской повинности безъ вынутія жеребья болѣе всего могло бы воздерживать и постороннихъ агитаторовъ, и болѣе испорченныхъ изъ студентовъ отъ организаціи безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а всѣхъ другихъ студентовъ отъ участія въ оныхъ, въ случаѣ же принятія въ нихъ участія и затѣмъ исключенія изъ учебнаго заведенія могло бы наиболѣе содѣйствовать ихъ отрезвленію и огражденію отъ окончательнаго вовлеченія въ ряды крамольниковъ», и большинство совѣщанія было того же мнѣнія, тѣмъ не менѣе, «желая по возможности достигнуть соглашенія съ военнымъ министромъ и съ управляющимъ морскимъ министерствомъ, совѣщаніе рѣшилось воспользоваться для настоящаго времени, впредь до указанія дальнѣйшаго опыта, предложенною генералъ-адъютантами Ванновскимъ и Шестаковымъ мѣрою. Особое совѣщаніе не отрицало возможности, что опасеніе подвергнуться лишенію льготъ по образованію и по семейному положенію, а въ случаѣ особенно дерзкихъ поступковъ и быть отдану въ дисциплинарные батальоны, до нѣкоторой степени въ состояніи будетъ образумить учащуюся молодежь и воздержать ее отъ безпорядковъ скопомъ или заговоромъ. Но при этомъ совѣщаніе не скрывало отъ себя многихъ неудобствъ этой полумѣры, а именно, что по жеребью поступаютъ въ армію не болѣе 1/4 всѣхъ вынимающихъ оный, что обстоятельство это, извѣстное и всѣмъ учащимся, значительно будетъ ослаблять дѣйствіе на нихъ этой мѣры, что положеніе трехъ четвертей всѣхъ привлеченныхъ къ жеребью и оставшихся свободными отъ поступленія въ армію будетъ представлять всѣ тѣ же неудобства и опасности, какъ и нынѣшнее положеніе исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, что жребій можетъ поблагопріятствовать наиболѣе участвовавшимъ въ организаціи и производствѣ безпорядковъ и, напротивъ, оказаться неблагопріятнымъ для лицъ, наименѣе виновныхъ. Тѣмъ не менѣе и эта мѣра въ видѣ опыта могла бы быть испробована».

Совѣщаніе затѣмъ опредѣлило, что отдача въ дисциплинарные батальоны или роты можетъ состояться лишь по рѣшенію особаго совѣщанія, состоящаго при департаментѣ полиціи изъ представителей отъ министровъ юстиціи, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и того вѣдомства, къ которому принадлежитъ исключаемый (п. 1-й), при чемъ постановленіе сего совѣщанія подлежитъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ тѣмъ изъ министровъ, въ вѣдѣніи коего находится учебное заведеніе, къ коему принадлежитъ исключаемый (п. 6-й); что порядокъ содержанія исключенныхъ молодыхъ людей въ этихъ батальонахъ опредѣляется особыми правилами, которыя устанавливаются военнымъ министромъ—примѣнительно къ общему положенію о дисциплинарныхъ батальонахъ (п. 2-й); что дѣла по разсмотрѣнію проступковъ, подвергающихъ воспитанниковъ исклю-

ченію изъ учебныхъ заведеній, съ обращеніемъ ихъ въ дисциплинарные батальоны и роты или къ отбыванію воинской повинности съ лишеніемъ всѣхъ льготъ, разсматриваются порядкомъ, указаннымъ комиссіей князя Волконскаго въ п. 6-мъ ея положеній, и что мѣры эти распространяются и на всѣхъ нынѣ состоящихъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (п. 4-й). На журналѣ особаго по сему предмету совѣщанія гг. министровъ государю императору благоугодно было собственноручно написать (въ Москвѣ, 27-го мая 1883 г.): «Я согласенъ на эти мѣры въ видѣ опыта, но полагаю, что онѣ будутъ недостаточны и не принесутъ той пользы, которую ожидаютъ», и возвратить оный министру государственныхъ имуществъ. При этомъ, въ виду выраженнаго статсъ-секретаремъ Островскимъ сомнѣнія, чтобы комитетъ министровъ рѣшился принять предлагамыя особымъ совѣщаніемъ мѣры, когда онѣ самимъ государемъ императоромъ признаются недостаточными, а также и вслѣдствіе заявленія, что и большинство совѣщанія рѣшилось принять мѣры, предложенныя военнымъ министромъ и управляющимъ морскимъ министерствомъ лишь во избѣжаніе разногласія съ ними, а не по убѣжденію въ ихъ достаточности и практичности, его императорское величество всемилостивѣйше разрѣшилъ особому совѣщанію подвергнуть вновь эти вопросы обсужденію, не стѣсняясь положенною на журналѣ высочайшею резолюціей, и объ окончательномъ заключеніи совѣщанія представить на высочайшее усмотрѣніе.

20-го іюня 1883 г. состоялось третье совѣщаніе гг. министровъ, которое, за исключеніемъ лишь военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ, взамѣнъ сдѣланнаго имъ 18-го марта предложенія, постановило, что «воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній за нанесеніе оскорбленія начальству дѣйствіемъ подвергаются отдачѣ въ дисциплинарные батальоны и роты» (п. 1-й); «воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за грубое неповиновеніе начальству и за производство безпорядковъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если притомъ они не изобличаются въ принадлежности къ противозаконнымъ тайнымъ сообществамъ, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію, а равно и принадлежащихъ имъ по семейному положенію, и хотя бы даже они вынули уже по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются принудительно, вслѣдъ за исключеніемъ, къ отправленію воинской повинности, безъ вынутія жеребья, и на положеніи жеребьевыхъ правилъ они обязаны прослужить въ военной службѣ шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія о сокращеніи имъ этого срока» (п. 2-й). «О принужденныхъ къ обязательному отбыванію воинской повинности, безъ жеребья, съ лишеніемъ пріобрѣтен-

ныхъ уже льготъ по образованію и по семейному положенію, сообщаются подробные списки подлежащимъ министромъ военному министру съ обозначеніемъ именъ, отчествъ, фамилій и проступковъ каждаго лица, дабы военное начальство могло установить должное наблюденіе за поведеніемъ таковыхъ молодыхъ людей въ арміи». Прочіе пункты были сохранены въ прежней ихъ редакціи. По прочтеніи журнала совѣщанія по сему предмету и приложеннаго къ нему особаго мнѣнія генералъ-адъютантовъ Ванновскаго и Шестакова, его императорское величество 30-го января 1884 г. высочайше повелѣть соизволилъ разсмотрѣть это дѣло въ комитетѣ г.г. министровъ съ приглашеніемъ въ это засѣданіе великихъ князей Владимира Александровича, Алексѣя Александровича и Николая Николаевича Старшаго. Засѣданіе по сему дѣлу состоялось въ февралѣ 1884 г. 14 особъ (ихъ императорскія высочества великіе князья Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ Барановъ, статсъ-секретари: баронъ Николаи, Сольскій и Гротъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стояновскій, генералъ-адъютантъ Ванновскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ Фришъ, генералъ-адъютантъ Шестаковъ и тайные совѣтники Бунге и Влангали) высказались противъ предложенной большинствомъ совѣщанія мѣры, а предсѣдатель комитета министровъ графъ Н. Хр. Рейтернъ и пять членовъ (дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой, статсъ-секретари: Деляновъ, Островскій и Набоковъ и генералъ-адъютантъ Посьетъ) за оную.

Когда журналъ засѣданія комитета министровъ по настоящему предмету былъ представленъ государю императору, на немъ послѣдовала 20-го февраля 1884 г. собственноручная его императорскаго величества резолюція: «*Не раздѣляя опасеній и мнѣній четырнадцати особъ, полагаю отложить окончательное рѣшеніе этого дѣла до утвержденія новаго университетскаго устава*».

Этотъ уставъ былъ высочайше утвержденъ 23-го августа 1884 года, но дѣло о лишеніи виновныхъ въ студенческихъ безпорядкахъ льготъ по воинской повинности болѣе не возобновлялось.

Новый университетскій уставъ, какъ равно и нѣкоторыя дополненія къ нему, послѣдовавшія въ 1887 году, являлся для первой половины восьмидесятыхъ годовъ своего рода боевымъ вопросомъ въ нашей литературѣ, усматривавшей въ немъ посягательство на тѣ общественныя свободы, которыя были завоеваны въ «эпоху великихъ реформъ». Когда новый университетскій уставъ былъ высочайше утвержденъ, гдѣ былой автономіи университета наносился опредѣленный ударъ, главный лидеръ этого устава въ нашей литературѣ М. Н. Катковъ усматривалъ въ этомъ громкую и славную побѣду правительства надъ обществомъ и либеральной бюрократіей. Привѣтствуя начинанія правительства въ этомъ направленіи,

онъ бросилъ свою крылатую фразу: «Итакъ, господа, встаньте, правительство идетъ, правительство возвращается!.. Не вѣрите?» Онъ считалъ новый университетскій уставъ первою органическою мѣрою новаго царствованія по проявленію въ странѣ началъ сильной и твердой власти, причемъ рекомендовалъ продолжать слѣдовать тѣмъ же путемъ въ мѣропріятіяхъ по отношенію земства и судебныхъ учрежденій.

Университетскія преобразованія, осуществленныя графомъ И. Д. Деляновымъ, согласно идейной программѣ графа Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева, были дѣйствительно тѣмъ рубежомъ, за которымъ послѣдовали реформы земская и судебная, и, такимъ образомъ, ему, былому либералу шестидесятыхъ годовъ, пришлось первому изъ министровъ вести борьбу противъ тѣхъ началъ русской жизни, которымъ двадцать лѣтъ назадъ онъ такъ горячо сочувствовалъ. Но эти преобразованія не достигли своей прямой политической и культурной задачи, подъ эгидой которой онѣ проводились. Во все пребываніе графа Делянова у власти безпорядки во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ непрерывно продолжались. Явно было, что корень ихъ лежитъ не въ организаціи академической жизни, а въ чемъ-то, покоящемся за предѣлами ея, куда власть министра народнаго просвѣщенія не распространялась.

Если Т. И. Филипповъ на своемъ посту вносилъ въ окружающую его бюрократическую жизнь и сферы, такъ или иначе съ нею соприкасающіяся, элементъ меценатской культурности, то графъ Деляновъ распространялъ вокругъ себя элементы человѣческаго доброжелательства, мягкости и гуманности, о которыхъ уже упоминалъ князь Мещерскій и которыя очень ярко сказались въ его рѣчи къ молодежи, произнесенной при открытіи реформированнаго Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Обращаясь и къ учащимъ, и къ учащимся сдѣсь, онъ говорилъ [1]):

«Привѣтствую край съ этою новою дарованною ему монаршею милостью и, покорнѣйше прося его высокопревосходительство г. начальника края принять институтъ въ его обновленномъ составѣ подъ свое высокое покровительство, поручаю это заведеніе попеченію и охранѣ попечителя варшавскаго учебнаго округа, ближайшаго начальства и членовъ учебнаго состава. Уповаю, что единомысленная единодушная охрана эта поставитъ институтъ на высоту его призванія. Среди заботъ и трудовъ нашего служенія будемъ воодушевляться христіанскою любовью, которая не ищетъ своего и требуетъ, чтобы знающіе и сильные помогали незнающимъ и слабымъ, а не себѣ угождали. Пусть ввѣренное намъ юношество видитъ въ насъ образецъ усердія къ дѣлу, доброжелательство, справедливость, готов-

---

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1897 года, № 376.

ность содѣйствовать его благу всѣми зависящими отъ насъ способами. Будемъ помнить, что мы всѣ—дѣти одного Творца вселенной, сыны одного отца-государя, сердцу коего одинаково близки и высокіе и низкіе, имущіе и неимущіе, и учащіе и учащіеся, къ какому бы роду или племени они ни принадлежали, лишь бы они были вѣрными подданными и исполняли долгъ свой не за страхъ, а за совѣсть. Призываю на институтъ миръ, тишину, спокойствіе, безъ которыхъ немыслимо преуспѣяніе никакого учебнаго заведенія. Обращаюсь теперь къ вамъ, молодые люди, и, въ лицѣ вашемъ, ко всѣмъ тѣмъ, которые поступятъ въ институтъ послѣ васъ. Вы поступили сюда для пріобрѣтеній знаній въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, не только полезныхъ для васъ, но даже необходимыхъ для всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи. Все, что здѣсь вы пріобрѣтете хорошаго для себя, будетъ полезно и для общества. При вступленіи сюда вамъ были предъявлены правила, въ коихъ опредѣлены ваши обязанности. Вы дали обязательство въ точномъ ихъ выполненіи. Между институтомъ и вами заключенъ нѣкоторымъ образомъ договоръ, но договоръ для васъ самый легкій и льготный: институтъ требуетъ отъ васъ исполненія извѣстныхъ правилъ, пока вы въ немъ находитесь, а вы, съ своей стороны, имѣете право во всякое время, безъ задержки и стѣсненія, оставить его, если, по мнѣнію того или другого изъ васъ, заведеніе налагаетъ на васъ бремя неудобоносимое. Оставаясь же въ институтѣ, помните, друзья мои, говорю вамъ силою души моей, помните, что вы здѣсь не кто другіе, какъ учащіеся, подчиненные начальству и наставникамъ вашимъ, что вы поступили сюда не для веселья, но для борьбы съ невзгодами жизни,—отъ которыхъ да избавитъ васъ Господь Богъ!— для того, чтобы работать надъ умственнымъ и нравственнымъ своимъ развитіемъ, подъ руководствомъ людей знанія и опыта научнаго и житейскаго. Знаю, друзья мои, что въ молодыхъ лѣтахъ люди часто увлекаются и принимаютъ воображаемое за дѣйствительное и желаемое за существующее или легко осуществимое. Прошедшее многихъ нашихъ учебныхъ заведеній и тяжелыя времена, которыя они переживали, ясно показываютъ, какъ опасны бываютъ иногда увлеченія. Посему не давайте слишкомъ много воли воображенію; въ особенности же удаляйте отъ себя въ высшей степени ложную мысль о какомъ-то государственномъ значеніи студенчества, о томъ, что вы будто бы имѣете право устраивать жизнь учрежденія по собственнымъ планамъ. Друзья мои, говорю съ вами не какъ министръ, не какъ человѣкъ съ силою и властію, потому что все это преходяще: сегодня полонъ жизни, а завтра хладенъ и бездыханенъ. Говорю вамъ это просто, какъ отецъ, радѣющій о дѣтяхъ своихъ, говорю отъ полноты сердца, любящаго человѣчество вообще и молодежь въ особенности, говорю по участію и состраданію къ вашимъ родителямъ, которые нерѣдко жертвуютъ послѣдними рублями, да хорошо

когда они есть, а то и послѣдними копейками, обращая въ деньги домашній скарбъ, лишая себя всего необходимаго, чтобы только дать вамъ средства къ образованію. Имѣйте всегда передъ умственнымъ взоромъ вашимъ отчаянную скорбь родителей, которые нерѣдко вмѣсто ожидаемой отъ дѣтей радости и помощи видятъ ихъ гибнущими въ безднѣ грѣха и преступленій. Не забывайте словъ поэта:

«Не долженъ сынъ смотрѣть спокойно
На слезы матери родной».

«Въ заключеніе выражаю не только увѣренность, но и убѣжденіе, что всѣ добрыя стремленія ваши найдутъ въ начальникахъ и наставникахъ вашихъ оплотъ и поддержку, какъ въ стѣнахъ института, такъ и внѣ оныхъ, что они употребятъ всѣ усилія, чтобы обогатить васъ познаніями, чтобы утвердить васъ въ покорности Провидѣнію, въ безпредѣльной преданности престолу, что они внесутъ въ жизнь вашу тотъ свѣтъ и ту теплоту, которые освѣжаютъ и ободряютъ молодое сердце, и постараются влить въ душу вашу силу и энергію для достиженія намѣченныхъ благихъ цѣлей и для борьбы съ невзгодами жизни, отъ которыхъ да избавитъ васъ Господь Богъ!»

Въ заключеніе общей характеристики Ивана Давидовича приведемъ эпизодъ изъ его жизни, въ свое время разсказанный княземъ В. П. Мещерскимъ. Эпизодъ этотъ относится къ царствованію государя Александра III, когда въ петербургскомъ университетѣ шли безпрерывные безпорядки, направленные главнымъ образомъ противъ личности тогдашняго ректора М. И. Владиславлева. Одинъ изъ министровъ дѣйствительно подалъ государю записку, въ которой излагалъ свое мнѣніе по университетскимъ безпорядкамъ и совѣтовалъ государю смѣну ректора, въ видахъ успокоенія молодежи. Государь передалъ эту записку И. Д. Делянову, тогда еще не бывшему графомъ, и спросилъ его мнѣнія по этому вопросу.

— Что жъ, — отвѣтилъ министръ: — если вашему величеству угодно, я смѣню ректора, это очень легко, и, пожалуй, студенты на время успокоятся, но только на время и потомъ хуже будетъ, молодежь легкомысленна, скажутъ себѣ: мы смѣнили ректора, такъ мы, значитъ, сила, кого захотимъ, того и смѣнимъ. И чуть что—они и на новаго ректора пойдутъ походомъ... Ну, а про меня скажутъ: ишь подлецъ какой, предалъ, какъ Пилатъ, своего честнаго подчиненнаго, чтобы подслужиться; да я и самъ про себя это скажу.

— Нѣтъ, — сказалъ государь:—этого не будетъ; пусть ректоръ остается.

Наступилъ 50-лѣтній юбилей Делянова; вѣрный своей скромности, онъ уѣхалъ въ провинцію прятаться отъ чествованія... Получилъ онъ графскій титулъ и говоритъ государю: «Ваше величество,

не по дѣламъ моимъ вы меня наградили, какія у меня заслуги, и какой я графъ!»

— Нѣтъ, по дѣламъ вашимъ я васъ наградилъ, графъ,—отвѣтилъ государь:—я цѣню въ васъ вашу честность и стойкость. А помните, два года назадъ эпизодъ съ Владиславлевымъ... Я его не забылъ...

Эти бесѣды между царемъ и его министромъ очень характерны и рисуютъ обоихъ въ удивительно симпатичномъ, тепломъ освѣщеніи.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЙ ГОСПИТАЛЬ ВЪ АБИССИНІИ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

ЕПЕРЬ, когда русскій госпиталь въ Аддисъ-Абебѣ (столицѣ Абиссиніи) прекратилъ свою дѣятельность, когда постоянная миссія наша въ Абиссиніи, съ особымъ медицинскимъ при ней отдѣломъ, свелась къ пребыванію тамъ лишь одного повѣреннаго въ дѣлахъ и одного же врача, съ дѣятельностью спеціально для потребностей состава миссіи (повѣренный въ дѣлахъ, его жена, драгоманъ, два-три русскихъ слуги, нѣсколько десятковъ абиссинскихъ слугъ), когда дѣло, потребовавшее значительныхъ расходовъ, но зато блестяще поставленное и приносившее громадную пользу, помимо спеціально медицинской, еще какъ свѣточъ знаній и разсадникъ культуры и гуманныхъ идей, исходящихъ изъ единовѣрной Россіи, сошло почти на нѣтъ,—теперь, можетъ быть, наступило время разсказать исторію возникновенія, роста и жизни перваго госпиталя въ Абиссиніи и перваго, вѣроятно, и единственнаго, русскаго лечебнаго заведенія въ Африкѣ.

Къ сожалѣнію, цифровыя данныя будутъ лишь обнимать періоды съ 1898 по 1900 г. и съ 1903 до 1905 г., т. е. тѣ годы, въ теченіе которыхъ въ госпиталѣ работали авторъ настоящей замѣтки и д-ръ Бровцынъ, такъ какъ матеріалы за промежуточные годы въ госпиталѣ не сохранились, а имѣются ли данныя за 1905 г. (вторая половина) и за 1906 и часть 1907 г., намъ неизвѣстно.

Въ началѣ марта 1896 г. въ Европѣ было получено извѣстіе о разгромѣ, которому подверглась въ Восточной Африкѣ итальянская армія въ сраженіи съ абиссинцами подъ городомъ Адуей. Маленькій городокъ въ сѣверной Абиссиніи въ провинціи Тигрэ (14° 10′ сѣв. широты и 36° восточной долготы отъ Парижа), до этого времени почти никому неизвѣстный, привлекъ къ себѣ вниманіе всего міра. Въ Россіи тогда мало кто интересовался тѣмъ, что гдѣ-то въ далекой Африкѣ итальянцы ведутъ какую-то войну, еще менѣе интересовались, чѣмъ была вызвана эта война и что за люди абиссинцы, и только, когда эти абиссинцы разбили прекрасно организованную европейскую армію, заговорили и въ Россіи объ этомъ интересномъ, родственномъ намъ по вѣрѣ черномъ народѣ и объ его славномъ вождѣ-побѣдителѣ негусѣ Менеликѣ.

Правда, лѣтомъ 1895 года въ Петербургъ пріѣзжало посольство отъ императора Эѳіопіи негуса Менелика съ подарками къ Государю Императору, пробыло оно въ Петербургѣ около мѣсяца, пробыло почти незамѣтно и также почти незамѣтно уѣхало въ свою далекую таинственную страну.

Извѣстіе о томъ, что снабженная всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ области военной техники, хорошо дисциплинированная итальянская армія, со всею артиллеріею, подверглась почти полному уничтоженію со стороны людей, вооруженныхъ лишь копьями, саблями и щитами (тогда не знали, что у абиссинцевъ имѣлись и винтовки, правда, въ очень небольшомъ количествѣ и далеко несовершенныя) поразило всѣхъ, какъ громомъ.

Такъ какъ, по дополнительнымъ свѣдѣніямъ, выяснилось, что потери съ обѣихъ сторонъ были громадныя [1]), а медицинская помощь на сторонѣ абиссинцевъ совершенно отсутствовала, то россійское общество Краснаго Креста рѣшило немедленно организовать и выслать санитарный отрядъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ съ цѣлью оказанія пособія пострадавшимъ.

Тогда еще никто не зналъ и даже не могъ предполагать, что битва подѣ Адуей была финаломъ борьбы, борьбы, которую велъ за свою независимость и самостоятельность маленькій геройскій на-

---

[1]) Считаю не лишнимъ привести данныя о числѣ участвовавшихъ въ бою и о потеряхъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ (бѣжавшихъ, во главѣ съ начальникомъ арміи генераломъ Баратьери, было всего около 500) съ обѣихъ сторонъ: со стороны итальянцевъ принимало участіе около 17.000 при 62 орудіяхъ; убито, ранено и взято въ плѣнъ два генерала (?),296 офицеровъ и 14.275 нижнихъ чиновъ (Н. Орловъ. «Итальянцы въ Абиссиніи»); два генерала, 383 офицера и 11.000 нижнихъ чиновъ убитыхъ и тяжело раненыхъ, одинъ генералъ, 41 офицеръ и 3.600 нижнихъ чиновъ—плѣнныхъ (Елецъ. («Императоръ Менеликъ и война его съ Италіей»); число абиссинцевъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи, надо считать около 80.000,что же касается потерь, то точно опредѣлить число невозможно, слѣдуетъ считать убитыхъ отъ 4 до 5 тысячъ и раненыхъ отъ 6 до 10 тысячъ; плѣнныхъ, по понятнымъ причинамъ, не было.

родъ, вооруженный копьемъ и мечомъ, противъ одной изъ великихъ европейскихъ державъ, имѣвшей въ своемъ распоряженіи все, что могъ придумать человѣческій умъ для истребленія себѣ подобныхъ.

Посылка отряда Краснаго Креста и послужила началомъ правильныхъ сношеній Россіи съ Абиссиніей, причемъ спустя шесть лѣтъ, въ 1902 году, учреждена и постоянная миссія.

Отрядъ, снаряженный Краснымъ Крестомъ, на что, благодаря крайней энергіи участниковъ экспедиціи, потребовалось всего десять дней, отправился изъ Петербурга 25-го марта и состоялъ изъ семи врачей, одного фармацевта, четырехъ студентовъ-медиковъ старшихъ курсовъ, четырехъ классныхъ фельдшеровъ, двадцати сестеръ милосердія и шестнадцати санитаровъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Такой же отрядъ одно время предполагалось отправить и въ распоряженіе главнокомандующаго итальянской арміей, но Италія категорически отказалась отъ всякой помощи и даже, разрѣшивъ вначалѣ отряду, предназначенному для Абиссиніи, прослѣдовать на театръ военныхъ дѣйствій черезъ принадлежащій ей на Красномъ морѣ портъ Массову, затѣмъ совершенно неожиданно, когда отрядъ находился въ Александріи, отказала въ томъ.

Такъ какъ другіе пути были въ то время мало извѣстны, а для Россіи и вовсе почти неизвѣстны, а между тѣмъ приближался періодъ дождей, когда передвиженія въ тропическихъ странахъ становятся крайне затруднительными,—часть отряда, а именно всѣхъ сестеръ милосердія, пришлось изъ Александріи отправить обратно въ Россію.

Несмотря, впрочемъ, на это, отрядъ Краснаго Креста, высадившись во французскомъ портѣ Джибути (за Бабъ-Эль-Мандебскимъ проливомъ, на южномъ берегу Таджурскаго залива), т.е. уже на совершенно противоположномъ концѣ театра военныхъ дѣйствій, послѣ тяжелаго пути чрезъ Сомалійскую пустыню и Данакильскую степь, благополучно прибылъ въ столицу Абиссиніи Аддисъ-Абебу. Въ предѣлахъ Абиссиніи отряду пришлось перенести всѣ трудности пути вслѣдствіе того, что подошло время большого періода дождей [1]), бывшее особенно тяжелымъ въ этомъ году. По пути отрядъ выдѣлилъ часть своего персонала для оказанія пособія больнымъ и раненымъ изъ арміи раса Маконена, правителя Харраріӣской области, и оставилъ его въ городѣ Харрарѣ, резиденціи раса (350 километровъ отъ Джибути, около 600 отъ Аддисъ-Абебы).

Санитарный отрядъ пробылъ въ Абиссиніи около полугода. Дѣятельность его была очень разнообразна и плодотворна. Полный

---

[1]) По-абиссински «кромтъ». Охватываетъ наши лѣтніе мѣсяца съ мая по сентябрь, оканчиваясь около 17-го сентября (весенній абиссинскій праздникъ Маскаля—Воздвиженіе св. Креста).

отчетъ о ней представилъ бы громадный интересъ, и остается только пожалѣть, что до сихъ поръ онъ не составленъ и не изданъ [1]).

По отъѣздѣ отряда Краснаго Креста негусъ Мениликъ началъ тотчасъ же хлопотать передъ русскимъ правительствомъ о присылкѣ изъ Россіи вновь врачей, взамѣнъ уѣхавшихъ, такъ какъ онъ самъ и народъ, впервые познакомившіеся съ методами леченія и увидавшіе блестящіе результаты леченія и операцій, были поражены всѣмъ ими видѣннымъ.

Просьба его была уважена. Въ составъ чрезвычайной миссіи, отправившейся по высочайшему повелѣнію въ Абиссинію въ октябрѣ 1897 года, вошелъ особый отдѣлъ—санитарный, состоявшій изъ двухъ врачей, одного фармацевта и двухъ классныхъ фельдшеровъ. Во главѣ посольства находился П. М. Власовъ, почти всю свою жизнь проведшій въ Персіи и отлично изучившій Востокъ, его потребности и нужды [2]). Онъ понималъ все громадное значеніе, которое могутъ и должны имѣть врачи въ Абиссиніи въ дѣлѣ распространенія русскаго вліянія, и сдѣлалъ все, чтобы медицинскій отдѣлъ былъ обставленъ и снабженъ, насколько возможно, богато.

Миссія прибыла въ Джибути 8-го ноября. Здѣсь въ ожиданіи снаряженія каравана пришлось прожить около мѣсяца, и здѣсь уже началась дѣятельность отряда.

За помощью обращалось все мѣстное и окрестное населеніе, европейцы и туземцы-сомали, но въ широкихъ размѣрахъ она проявилась по вступленіи миссіи въ предѣлы Абиссиніи, такъ какъ во время пути ежедневно приходилось оказывать врачебную и хирургическую помощь значительному количеству являвшихся изъ окрестныхъ мѣстностей туземныхъ жителей.

Мѣсяцъ спустя по прибытіи миссіи въ Аддисъ-Абебу, резиденцію негуса Менелика, въ началѣ марта 1898 года былъ открытъ госпиталь съ амбулаторіей, хотя пріемъ и оказаніе помощи больнымъ и раненымъ не прерывались почти вовсе.

Санитарный отдѣлъ миссіи расположился въ томъ же самомъ помѣщеніи, гдѣ находился ранѣе и отрядъ Краснаго Креста, на западной окраинѣ города, у подножья горнаго хребта Экка-Марьямъ на высокомъ склонѣ берега горной рѣки Кабаны, притока Акакэ, впадающей въ Авашъ, въ верстѣ разстоянія отъ помѣщенія миссіи, находящейся на другомъ берегу рѣки Кабаны.

Для нуждавшихся въ госпитальномъ леченіи больныхъ и раненыхъ были поставлены оставленныя отрядомъ Краснаго Креста наши

---

[1]) Въ 1897 г. вышелъ краткій отчетъ главноуполномоченнаго въ Абиссиніи Н. К. Шведова: «Русскій Красный Крестъ въ Абиссиніи въ 1896 году».

[2]) Умеръ въ Тегеранѣ въ 1903 году отъ крупознаго воспаленія легкихъ, будучи нашимъ посланникомъ въ Персіи.

У перехода черезъ р. Эреръ.

Въ заросляхъ около Мулю.

русскія палатки офицерскаго образца; для большаго удобства палатки эти были соединены по двѣ и по три вмѣстѣ.

Для амбулаторіи негусъ Менеликъ предоставилъ большую, круглой формы, абиссинскую палатку, діаметромъ около шести метровъ; двумя перегородками изъ бумажной ткани (абужедди) палатка эта была раздѣлена на три части: въ средней производилась запись больныхъ, выдача имъ очередныхъ билетовъ и лекарствъ, а изъ боковыхъ — въ одной принимались больные, требовавшіе хирургическаго леченія, а въ другой съ внутренними, венерическими, кожными, ушными и глазными болѣзнями.

Подъ операціонную также была дана императоромъ Менеликомъ такого же типа палатка, но меньшихъ размѣровъ, около четырехъ метровъ въ діаметрѣ.

До наступленія період̆а дождей, абиссинской зимы, т. е. до второй половины мая, дѣло шло сравнительно благополучно, но вотъ дожди пошли каждый день, пошли настоящіе тропическіе ливни, съ грозами по цѣлымъ часамъ, и скоро земля превратилась въ жидкую кашу, а сама мѣстность въ болото; палатки перестали просыхать и начали пропускать чрезъ себя воду и гнить.

Во время пріема толпы больныхъ, укрываясь отъ дождя и непогоды, стали наполнять амбулаторную палатку,—нечѣмъ было дышать, невозможно становилось работать.

А въ палаткахъ, гдѣ лежали больные и оперированные, было и того хуже: тамъ стояла сплошная, непролазная грязь. Чтобы согрѣться, больные разводили костры, въ палаткахъ стояли чадъ и дымъ; тутъ же они готовили себѣ пищу, тутъ хранили убитыхъ барановъ и запасы провизіи; тутъ же, не желая мокнуть подъ дождемъ и стыть отъ холода, отправляли всѣ свои естественныя потребности, выкапывая для этой цѣли въ землѣ ямку (айн-мэдыръ—земляной глазъ).

Въ операціонной палаткѣ часто во время производства операціи дождь пробивалъ матерію и вода каплями падала и на оперируемаго, и на оперирующаго, и на присутствующихъ.

Всѣ эти неудобства, а съ ними и много другихъ привели къ концѣ концовъ къ тому, что негусъ Менеликъ послушался совѣтовъ и убѣжденій врачей о необходимости выстроить постоянный госпиталь, гдѣ бы больные не подвергались вліянію перемѣнъ погоды и который въ то же время стоилъ бы дешевле, нежели палатки, выдерживавшія только одинъ періодъ дождей.

Въ октябрѣ 1898 года, съ уходомъ Менелика въ походъ противъ возставшаго раса Мангаши, сына покойнаго императора Іоанна, и приступлено было къ постройкѣ перваго въ Абиссиніи госпиталя, причемъ имѣлось въ виду всѣ постройки закончить къ марту слѣдующаго 1898 года.

Милюзы въ Данакильской степи.

Канделябровидные молочаи на Манджирѣ.

Госпиталь былъ построенъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ 1896 г. находился временный госпиталь русскаго Краснаго Креста, рядомъ съ помѣщеніемъ санитарнаго отдѣла русской миссіи, ея временнымъ госпиталемъ и амбулаторіей, на берегу рѣки Кабаны.

Постройка госпиталя не мѣшала правильному теченію дѣлъ, и только пришлось убрать двѣ палатки, т. е. уменьшить число коечныхъ больныхъ, что не легло особенной тяжестью на населеніе, такъ какъ съ уходомъ Менелика въ походъ городъ совершенно опустѣлъ.

Домъ построенъ по плану швейцарскаго инженера Ильга, проживавшаго въ Абиссиніи, при дворѣ негуса, свыше двадцати лѣтъ и занимавшаго тогда постъ совѣтника по иностраннымъ дѣламъ.

Къ сожалѣнію, добрыя отношенія между посланникомъ Власовымъ и Ильгомъ во время постройки госпиталя были нарушены, почему, при составленіи плана и расчетахъ, русскіе врачи не принимали участія, и для насъ явилось неожиданностью, что на другой день по отбытіи императора въ походъ прибылъ министръ двора Азагъ Гезау съ заявленіемъ, что со слѣдующаго дня начнется, по приказанію негуса, постройка госпиталя.

Впослѣдствіи, благодаря этому обстоятельству, многое пришлось передѣлать и измѣнить, такъ какъ многое не соотвѣтствовало требованіямъ и назначенію.

Госпитальное зданіе построено абиссинскими рабочими такъ, какъ строятъ всѣ дома въ Абиссиніи, но по наружному виду оно явилось совершенно новымъ и произвело переворотъ въ постройкѣ домовъ въ Аддисъ-Абебѣ.

Построено оно было изъ камня, тутъ же ломаемаго, очень рыхлаго и легко вывѣтривающагося известняка; вмѣсто извести при постройкѣ служила жидкая липкая грязь, смѣшанная съ тонкой, нѣжной соломой тэфа (наиболѣе распространенное хлѣбное растеніе изъ семейства просовыхъ), для чего солома замѣшивалась тутъ же въ ямкахъ вмѣстѣ съ грязью и подвергалась броженію.

Домъ одноэтажный, имѣющій форму длиннаго четырехугольника съ закругленными углами; размѣры его по длинѣ 24,5 метра, по ширинѣ 9,5 метра. Въ средней части помѣщаются шесть отдѣльныхъ квадратныхъ комнатъ по четыре метра въ длину и ширину, по три комнаты съ каждой стороны коридора въ 1,5 метра ширины, идущаго по серединѣ; каждая комната имѣетъ дверь въ коридоръ и большое окно: отдѣлены комнаты одна отъ другой деревянными перегородками изъ расколотыхъ на щепы тиссовыхъ досокъ, вымазанныхъ глиной съ тэфовой соломой; перегородки вышиною въ три метра и не доходятъ до потолка.

Полъ въ зданіи изъ толстаго слоя известняка, разбитаго на мелкія части, плотно утрамбованнаго; потолка, какъ и во всѣхъ абиссинскихъ постройкахъ, начиная съ дворцовъ вельможъ и кончая хижиной бѣдняка, не имѣется. Крыша соломенная, изъ очень тол-

Рѣка Кабана, протекающая между миссіей и госпиталемъ.

Въѣздъ въ госпиталь.

стаго слоя особой высохшей на корню травы, причемъ отдѣльные пучки переплетены узкими лентами разноцвѣтныхъ матерій и привязаны такими же лентами къ поперечнымъ тонкимъ лучинамъ изъ тиссоваго дерева, со свойственнымъ въ дѣлѣ покрытія крышъ абиссинцамъ искусствомъ.

Домъ снаружи и внутри выбѣленъ бѣлою клеевою краской.

Въ каждой палатѣ поставлено по четыре кровати (альга); по двѣ вдоль боковыхъ стѣнъ. Кровати абиссинскаго типа: на рамѣ изъ деревянныхъ брусьевъ, шириною около двухъ вершковъ, укрѣпленной на четырехъ толстыхъ точеныхъ ножкахъ, натянута частая сѣтка изъ переплетающихся воловьихъ сыромятныхъ ремней, шириною въ $1^1/_4$—$1^1/_2$ пальца [1]); поверхъ сѣтки обыкновенно кладется коверъ. Въ госпиталѣ, вмѣсто ковровъ, положены парусинные мѣшки, набитые сѣномъ, а поверхъ простыни, подушки и одѣяло. Кровать описаннаго типа довольно удобна и покойна, и въ достаточной степени гигіенична.

Такимъ образомъ, въ шести комнатахъ имѣлось 24 кровати, въ случаѣ необходимости число это могло быть увеличено до 30, такъ какъ у стѣны съ окномъ вполнѣ свободно можно было поставить еще по одной кровати въ каждой комнатѣ, тѣмъ болѣе, что высота оконъ отъ полу была одинъ метръ.

Изъ краевыхъ помѣщеній во время постройки госпиталя одно предназначалось для амбулаторіи, а другое для операціонной, причемъ имѣлось въ виду послѣднюю отдѣлить плотною дверью. Впослѣдствіи прибывшему изъ похода негусу были выяснены всѣ неудобства такого совмѣстительства въ одномъ зданіи и амбулаторіи, и госпитальныхъ палатъ, и операціонной,—и для послѣдней было рѣшено выстроить отдѣльное помѣщеніе, что и было вскорѣ исполнено.

Амбулаторія устроена по тому же типу, какъ и прежняя въ палаткѣ, т. е. комната двумя перегородками изъ абужедди раздѣлена на три части. Средняя для записи больныхъ, здѣсь же имѣется большой столъ съ необходимыми растворами и лекарствами въ жидкомъ видѣ и мазями, шкапъ съ прочими медикаментами и умывальникъ.

Одна изъ боковыхъ частей приспособлена для пріема хирургическихъ больныхъ, а также для оказанія первой помощи приносимымъ раненымъ и для производства различныхъ легкихъ операцій; другая для пріема съ внутренними и прочими болѣзнями.

Крыша поддерживается внутренними стѣнами, отдѣляющими коридоръ отъ палатъ, а снаружи деревянными столбами, поставлен-

---

[1]) Ремень вырѣзывается изъ цѣлой шкуры одинъ; шкура намачивается и растягивается на землѣ, причемъ плотно прибивается къ ней колышками; ремень начинаютъ вырѣзывать отъ средины, идя концентрическими кругами къ наружнымъ частямъ кожи,

ными вокругъ всего дома на разстояніи отъ него на 1,5 метра и между собою на два метра. Пространство между стѣнами дома и этими столбами все заполнено мелкимъ камнемъ и плотно утрамбовано. Такимъ образомъ получается нѣчто вродѣ веранды; въ ненастное время года здѣсь же прогуливаются больные, находящіеся въ госпиталѣ, а во время амбулаторныхъ пріемовъ ожидаютъ своей очереди приходящіе за помощью.

Другое краевое помѣщеніе двумя бамбуковыми перегородками раздѣлено на три части:—средняя является продолженіемъ кори-

Видъ госпиталя со стороны города.

дора, расположеннаго по срединѣ зданія, а изъ боковыхъ—одна предназначалась для помѣщенія больныхъ, другая для храненія расходнаго бѣлья и различныхъ принадлежностей ухода за больными.

Вскорѣ послѣ окончанія постройки госпиталя было приступлено къ постройкѣ отдѣльной операціонной: на разстояніи восьми метровъ отъ госпиталя выстроенъ небольшой круглой формы деревянный домъ, абиссинскаго типа.

Стѣны изъ толстыхъ щепъ тиссоваго дерева (taxus baccata), врытыхъ на поларшина въ землю; снаружи и внутри залѣплены жидкой грязью съ тэфовой соломой и вымазаны гладко жидкой гли-

ной, точно также смѣшанной съ мелко-изрубленной соломой тэфа и затѣмъ выбѣлены, полъ цементный, крыша соломенная, потолка не имѣется. Съ трехъ сторонъ дома подъ прямымъ угломъ другъ къ другу имѣется три небольшихъ окна со стеклами, на четвертой сторонѣ дверь. Внутри всѣ деревянныя части, а равно поддерживающій крышу проходящій по срединѣ столбъ выкрашены бѣлой эмалевой краской.

Въ операціонной имѣется составной изъ двухъ частей столъ для производства операцій, шкапъ для инструментовъ, столъ для растворовъ, столъ для необходимыхъ при операціи инструментовъ и столъ, гдѣ помѣщается умывальный приборъ. Всѣ столы и шкапы со всѣхъ сторонъ выкрашены бѣлымъ риполиномъ.

Почти всѣ инструменты и приборы пріобрѣтены на заводѣ военно-врачебныхъ заготовленій.

По окончаніи постройки госпиталя и операціонной имѣлось въ виду приступить тотчасъ же къ постройкѣ новаго помѣщенія для аптеки, отдѣльныхъ помѣщеній для кухни, для прислуги, а также кладовыхъ для храненія запаснаго бѣлья, различныхъ госпитальныхъ принадлежностей, перевязочнаго матеріала и проч., но, въ силу различныхъ условій, планъ этотъ былъ приведенъ много позднѣе, а именно въ 1903—1904 годахъ.

Постройка госпитальнаго зданія, помимо цѣли, для которой оно строилось, представляла еще особенный интересъ въ томъ отношеніи, что домъ этотъ является новшествомъ въ строительномъ дѣлѣ.

Обыкновенно дома въ Абиссиніи строятся одноэтажные, круглые, различныхъ размѣровъ,—изъ дерева или камня. Есть, правда, нѣсколько церквей въ покинутой столицѣ Энтото двухъэтажныхъ не круглой формы, но выстроены они индусами по индусскимъ же образцамъ; есть и продолговатые дома, но комнаты въ нихъ расположены въ одинъ рядъ, а не въ два, какъ въ госпитальномъ зданіи.

Не даромъ негусъ Менеликъ очень гордился своею новой постройкой и каждому прибывавшему въ Аддисъ-Абебу знатному человѣку настоятельно совѣтовалъ посмотрѣть на госпиталь.

Негусъ Годжама, блестящій Текля-Хайманотъ, съ любопытствомъ осматривалъ постройку, восхищался ею, но тутъ же прибавилъ:

— А все-таки въ такомъ домѣ я бы не согласился жить, мнѣ бы все казалось, что онъ упадетъ.

Вся европейская колонія пріѣзжала смотрѣть новый домъ-госпиталь, и всѣ поражались и удивлялись тому, чего достигли русскіе врачи.

Только человѣкъ, жившій въ Абиссиніи и хорошо ознакомившійся съ мѣстными условіями и укладомъ жизни, можетъ понять, насколько дѣйствительно трудно было выполненіе сдѣланнаго,

Императоръ Менеликъ по выходѣ изъ операціонной.

Зданіе миссіи.

Профессоръ медицинскаго факультета парижскаго университета Р. Вюрцъ, прибывшій въ столицу Эѳіопіи со спеціальною цѣлью организовать на широкихъ началахъ оспопрививаніе и предохранительную прививку чумы рогатаго скота, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ едва могъ добиться кое-какихъ передѣлокъ въ отведенномъ ему помѣщеніи: около двухъ мѣсяцевъ онъ ожидалъ, неоднократно обращаясь съ просьбами даже къ самому императору, чтобы ему увеличили оконное отверстіе и вставили рамы въ два маленькихъ стекла; столько же времени ему пришлось ожидать изготовленія двухъ небольшихъ столовъ, необходимыхъ для лабораторной работы.

Прибывъ въ русскій госпиталь, онъ былъ пораженъ видѣннымъ и высказалъ прямо:

— Да я вижу, что отношенія Менелика къ русскимъ врачамъ совершенно иныя, чѣмъ къ кому-либо, и вы можете этимъ гордиться.

Много лестнаго для имени русскаго врача пришлось выслушать отъ посѣтившаго госпиталь англійскаго врача Р. Кетлица и члена германской научно-дипломатической миссіи д-ра Фольбрехта.

Фактически госпиталь началъ функціонировать съ лѣта 1899 г., хотя капитальныя работы были закончены лишь къ осени этого года, а внутренняя отдѣлка потребовала еще значительнаго времени.

Конечно, далеко не совершененъ былъ этотъ первенецъ Абиссиніи, далеко ему до европейскихъ собратьевъ, но важенъ былъ починъ, важно начало.

Россія можетъ гордиться: принесенная ею крупная жертва не пропала даромъ, она дала богатый плодъ. Пройдутъ года, много, можетъ, будетъ въ Абиссиніи лечебныхъ заведеній, но первый госпиталь есть всецѣло дѣло Россіи, русскихъ врачей. Въ темное сознаніе людей она внесла свѣтъ, не путемъ насилія, а путемъ разума и высокой гуманной идеи оказанія помощи больному и раненому.

Къ глубокому сожалѣнію, впослѣдствіи многое измѣнилось. Дѣло, богатое по идеѣ и по его первоначальному осуществленію, дѣло, которое, казалось бы, имѣло всѣ данныя, чтобы окрѣпнуть и разрастаться все болѣе и болѣе, по прошествіи уже нѣсколькихъ лѣтъ пострадало въ самой основѣ своей, и въ 1907 году госпиталь закрылся, имущество его частью было перевезено въ распоряженіе миссіи, частью распродано, а само помѣщеніе было передано императору Менелику, распоряженіемъ котораго завѣдывающимъ госпиталемъ былъ назначенъ уроженецъ острова Мартиники, французскій врачъ Витальенъ. Русская миссія спокойно отошла отъ своего дѣтища, передавъ его въ чужія руки, и какъ будто никогда не была хозяйкой великаго дѣла.

Здѣсь считаю не лишнимъ привести списокъ лицъ медицинскаго персонала, работавшихъ въ Абиссиніи.

Въ экспедиціи Краснаго Креста 1896 г. приняли участіе слѣдующія лица: врачи Г. В. Бобинъ, Н. П. Бровцынъ, Л. Д. Глинскій, Ф. Ф. Гольцингеръ, М. А. Перфильевъ, Б. А. Родзевичъ, К. А.Якса-Быковскій, фармацевтъ А. П. Вильде; студенты-медики (нынѣ врачи) К. Н. Кречунеско, П. П. Миллеръ, Г. Г. Федоровъ, П. В. Щусевъ; классные фельдшера и кандидаты на классную должность—П. К. Кузнецовъ, С. Э. Сасонъ, П. Рошковскій, В. Филипповъ и Ф. Павловъ.

Медицинскій отдѣлъ чрезвычайной миссіи, отправившейся въ октябрѣ 1897 года, составляли врачи: Н. П. Бровцынъ и М. И. Лебединскій, фармацевтъ Б. Г. Лукьяновъ и классные фельдшера П. К. Кузнецовъ и С. Э. Сасонъ.

Въ началѣ 1901 года означенныхъ лицъ смѣнили вновь прибывшіе врачи А. Н. Коріандеръ и А. Е. Корсунскій и фельдшера-кандидаты на классную должность А. П. Ниловъ и А. А. Пѣтуховъ.

Въ 1903 году (въ началѣ) вновь прибыли врачи Н. П. Бровцынъ и М. И. Лебединскій, фармацевтъ Б. Г. Лукьяновъ и классный фельдшеръ С. Э. Сасонъ, причемъ изъ находившихся ранѣе остался классный фельдшеръ Пѣтуховъ, перешедшій на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Всѣ выше перечисленныя лица были командируемы изъ состава чиновъ военнаго вѣдомства, кромѣ врачей Гольцингера и Быковскаго.

Въ 1905 году прибыли въ Аддисъ-Абебу лица постояннаго состава миссіи, зачисленные по министерству иностранныхъ дѣлъ, врачъ Н. А. Владыкинъ и фармацевтъ Б. Э. Бушманъ, пробывшіе—первый около двухъ лѣтъ, второй немного больше года.

Въ настоящее время находится въ Аддисъ-Абебѣ врачъ А. И. Кохановскій.

Дѣятельность госпиталя распадается на два самостоятельныхъ отдѣла: собственно госпиталь и амбулаторіи при немъ.

За періодъ времени съ 5-го марта 1898 г. по 20-е января 1900 года, т. е. за одинъ годъ и 10 мѣсяцевъ въ госпиталѣ находилось на излеченіи 338 человѣкъ, а съ 1-го апрѣля 1903 г. по 18-е февраля 1905 г., т. е. за одинъ годъ и десять съ половиною мѣсяцевъ—355; приходящихъ больныхъ принято въ первый періодъ 10,237 (не считая повторныхъ), а за второй 21,237, повторныхъ за первый періодъ принято 15,589 въ Аддисъ-Абебѣ (въ 1898 г.—4,489 и въ 1899 г.—10,600), сверхъ того тогда же, во время похода негуса Менелика въ Тигрэ противъ раса Мангаши, принято 6,219 человѣкъ; за второй періодъ число повторныхъ 27,916 (въ 1903 г.—9,816 и въ 1904 г.—18,100). Число оспопрививаній за второй періодъ—1,754.

Приведенныя цифры слѣдуетъ считать ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ въ книги о больныхъ рѣдко заносились тѣ больные изъ болѣе или менѣе знатныхъ людей, которые, пріѣзжая на домъ къ вра-

чамъ съ визитами, въ сопровожденіи иногда большой свиты, обращались за помощью для себя, своихъ близкихъ и слугъ. А такихъ посѣтителей бывало въ день иногда по нѣсколько человѣкъ.

Операцій сдѣлано за первый періодъ 629, изъ нихъ подъ хлороформеннымъ наркозомъ 160, подъ мѣстной анестезіей 184, а за второй періодъ 581, причемъ 194 подъ хлороформомъ и 259 подъ мѣстной анестезіей.

Въ виду небольшихъ размѣровъ госпиталя и ограниченнаго числа кроватей, въ госпиталь на излеченіе принимались главнымъ образомъ требовавшіе хирургическаго вмѣшательства (въ первый періодъ многіе раненые въ битвѣ подъ Адуей), а съ внутренними болѣзнями или очень тяжелые, или когда имѣлось достаточное количество свободныхъ мѣстъ.

Услугами госпиталя пользовалось въ широкихъ размѣрахъ все населеніе Абиссиніи, безъ различія сословій и классовъ, начиная съ императора, императрицы, ихъ родственниковъ и лицъ приближенныхъ, митрополитовъ и кончая полуголодными, полуголыми поденщиками гурауги и неграми-рабами.

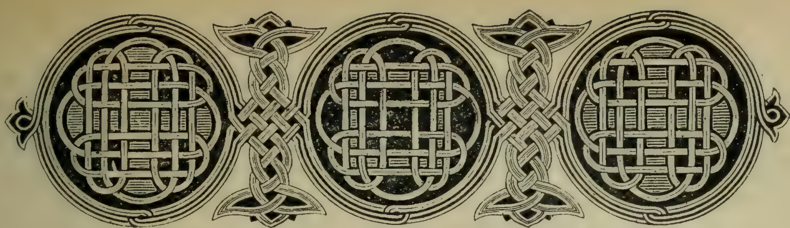
Вся европейская колонія, отъ посланниковъ великихъ державъ до послѣднихъ ихъ слугъ, частныя лица всѣхъ державъ: французы, англичане, итальянцы, греки, армяне, индусы, всѣ обращались постоянно къ помощи русскихъ врачей и русскаго госпиталя. Двери госпиталя были широко открыты для всѣхъ ночью и днемъ.

Госпиталь видѣлъ въ своихъ стѣнахъ людей всевозможныхъ религій: за помощью шли и христіане, и мусульмане, и послѣдователи ученія браминовъ, и язычники. Главный контингентъ стаціонарныхъ больныхъ состоялъ изъ людей средняго и низшаго класса, но ложились часто въ госпиталь, какъ больные или для производства операцій, и люди богатые или высокаго положенія, даже главный священникъ всего абиссинскаго духовенства, лицо наиболѣе почитаемое всей страной, Ичачэ-Габро-Сэлясіе, старикъ 95 лѣтъ, по личному совѣту и настоянію негуса Менелика, заболѣвъ тяжело, легъ въ госпиталь, гдѣ и пробылъ свыше мѣсяца, выйдя изъ него совершенно оправившимся и сохранивъ о госпиталѣ почти благоговѣйное воспоминаніе.

Императоръ Меникъ былъ очень частымъ посѣтителемъ госпиталя, присутствуя многократно при производствѣ операцій; всѣ знатныя лица считали своимъ долгомъ навѣщать госпиталь, знакомиться съ постановкой дѣла, методами леченій и производствомъ операцій.

М. И. Лебединскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Smolensk. Les origines. L'epopée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits. Par le baron de Baye. Paris. Librairie academique. Perrin et C-ie. 1912. Prix 5 franc.

Смоленскъ, его возникновеніе. Эпопея 1812 года. По неизданнымъ документамъ составилъ баронъ де-Бэ. Парижъ. 1912.

АРОНЪ де-Бэ, очень хорошо владѣющій русскимъ языкомъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи всегда очень безпристрастно относящійся къ Россіи, ко дню столѣтней годовщины жестокихъ битвъ подъ Смоленскомъ 4—6 августа 1812 года составилъ очень любопытную и живо написанную книгу, подъ выше приведеннымъ заглавіемъ, которая собственно раздѣляется на двѣ главныя части. Первая, составленная преимущественно по русскимъ изслѣдованіямъ (какъ-то: Никитина, «Исторія города Смоленска»; Грачева, «Путеводитель по Смоленску»; Мурзакевича, «Исторія города Смоленска»; «Историческое обозрѣніе города Смоленска». С.-Петербургъ. 1894 г. и многихъ другихъ), имѣетъ предметомъ краткій историческій очеркъ самаго города Смоленска, упоминаемаго лѣтописцами уже въ десятомъ вѣкѣ, въ которомъ княжившій съ 1078 года около 38 лѣтъ Владимиръ Мономахъ, основалъ въ 1101 году церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время возвышается извѣстный Успенскій соборъ, заложенный въ 1677 году и оконченный лишь въ 1772 году. Въ эту церковь Владимиръ Мономахъ поставилъ икону Божіей Матери, такъ называемой Одигитріи (что значитъ: укрывающая путь). По преданію, этою иконою, принадлежавшею императору Константину Багрянородному, была благословлена имъ его дочь Анна при отъѣздѣ ея въ Россію

для вступленія ея въ предстоявшій бракъ съ отцомъ Владиміра Мономаха великимъ княземъ Всеволодомъ. Равнымъ образомъ де-Бэ, посѣтившій лично Смоленскъ, съ большимъ сочувствіемъ говоритъ и о другихъ достопримѣчательностяхъ города и особенно довольно много объ его знаменитыхъ стѣнахъ въ $2^1/_2$ сажени толщины и въ три яруса, такъ сказать, сооруженныхъ еще Борисомъ Годуновымъ въ 1602 году на протяженіи пяти верстъ вокругъ города. Въ виду важности его въ стратегическомъ отношеніи Смоленскъ являлся въ то время сильнымъ оплотомъ противъ Польскаго королевства, у котораго онъ былъ отвоеванъ царемъ Василіемъ Іоанновичемъ въ 1514 году. Во время наступившаго позднѣе смутнаго времени король польскій Сигизмундъ, желая пріобрѣсти себѣ этотъ городъ, осадилъ его 29-го сентября 1609 года, при чемъ мужественною обороною Смоленска прославились бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шейнъ и его товарищъ князь Петръ Горчаковъ. Шейнъ оборонялся въ теченіе двухъ лѣтъ. Посланный ему на подкрѣпленіе отрядъ войска въ 38 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ князя Дмитрія Шуйскаго, брата царя Василія, былъ разбитъ гетманомъ Жолкевскимъ, но Шейнъ и обыватели Смоленска не падали духомъ и съ успѣхомъ отбивали неоднократные приступы поляковъ, даже на двадцатомъ мѣсяцѣ осады. Осажденные наконецъ стали терпѣть отъ недостатка продовольствія, наличный составъ гарнизона очень уменьшился, къ тому же среди его появилась цынга (скорбутъ), такъ что число здоровыхъ было не болѣе 400 человѣкъ. Въ это время при содѣйствіи измѣнника, указавшаго полякамъ наиболѣе слабую часть стѣны, имъ удалось пробить въ ней брешь, чрезъ которую и ворвались въ городъ 30-го іюня 1611 года. Тогда началась страшная борьба холоднымъ оружіемъ на улицахъ и стѣнахъ города, по трупамъ поляки дошли до большой церкви Божьей Матери, гдѣ укрывались семейства храбрыхъ защитниковъ съ ихъ имуществомъ, тутъ же были и склады пороха. Видя, что нѣтъ спасенія, укрывшіеся въ храмѣ зажгли эти склады и взлетѣли всѣ на воздухъ. Шейнъ тѣмъ не менѣе съ небольшимъ числомъ войновъ держался въ башнѣ (получившей названіе Шейна башня), не желая пережить паденія Смоленска. Только по усиленнымъ просьбамъ жены и дочери онъ наконецъ сдался Потоцкому. Позднѣе, въ 1630 году, Шейнъ и окольничій Измайловъ были отправлены отвоевать этотъ городъ. Но Шейнъ, столь доблестно оборонявшій городъ, не могъ имъ овладѣть въ то время и только гораздо позднѣе, въ 1654 году, царь Алексѣй Михайловичъ при содѣйствіи казаковъ возвратилъ себѣ Смоленскъ послѣ двухмѣсячной осады съ бомбардированіемъ и нѣсколькихъ приступовъ. Съ тѣхъ поръ Смоленскъ непрерывно принадлежитъ Россіи, и стѣны его оказали не малую ему услугу и въ войнѣ 1812 года при попыткѣ Наполеона I овладѣть имъ. Извѣстно, что при вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи въ 1812 году наши обѣ арміи, Багратіона и Барклая-де-Толли, стоявшія близъ западной границы, стали отходить въ предѣлы отечества съ намѣреніемъ также соединиться въ одну армію, но этого послѣдняго долго не могли достигнуть, потому что Наполеонъ предупреждалъ ихъ соединеніе, занимая ранѣе своими войсками назначенныя къ тому мѣста, какъ-то: Минскъ, Борисовъ, Могилевъ. Императоръ Александръ I въ письмѣ къ адмиралу Чичагову не одобрялъ образа дѣйствій ни Багратіона,

ни Барклая (это письмо въ «Воспоминаніяхъ адмирала Чичагова». Лейпцигъ. 1862 года. стр. 126, на французскомъ языкѣ) и въ то же время находилъ, что Наполеонъ сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ ихъ соединеніе въ Смоленскѣ, которое онъ былъ въ состояніи не допустить, направившись самъ на Смоленскъ изъ Могилева и Орши. Подойдя къ Смоленску, армія Наполеона, какъ сообщаетъ Ланжеронъ, имѣла только треть своего первоначальнаго состава; кромѣ того, отъ непрерывныхъ дождей съ начала выступленія изъ Ковны до Вильны въ теченіе трехъ недѣль ощущался недостатокъ въ продовольствіи и въ фуражѣ для лошадей, отъ котораго погибло до 30.000 лошадей. Въ Смоленскѣ Наполеонъ имѣлъ въ строю только 150.000 человѣкъ, при Бородинѣ—только 134.000 человѣкъ, такъ что его армія на пути отъ Ковны до Бородина потеряла болѣе 125.000 человѣкъ. Предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ подробнымъ и притомъ безпристрастнымъ изложеніемъ барона де-Бэ всѣхъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ въ первыхъ числахъ августа подъ Смоленскомъ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ, что составляетъ вторую часть его любопытнаго труда,—мы упомянемъ лишь, что подъ Смоленскомъ произошли упорныя и кровопролитныя сраженія, покрывшія славою Дохтурова, Невѣровскаго и Раевскаго,—Наполеонъ, несмотря на упорныя атаки корпусовъ Нея и Даву, не могъ овладѣть городомъ. Онъ возымѣлъ намѣреніе обойти Смоленскъ съ другой стороны, наведя мостъ, чтобы отрѣзать русскимъ отступленіе къ Москвѣ, но это намѣреніе не было приведено имъ въ исполненіе, и битва вокругъ Смоленска снова возобновилась. Наполеонъ надѣялся, что въ ней приметъ участіе вся русская армія, но она ограничилась только обороною города съ большимъ ожесточеніемъ и удержала за собою всѣ предмѣстья города до вечера. Но ночью русскія войска получили приказаніе очистить городъ, что и исполнили безъ затрудненія и на другой день утромъ французы вступили въ Смоленскъ, почти весь зажженный непріятельскими снарядами. Множество труповъ покрывали улицы и площади; большинство жителей покинули городъ. Наполеонъ назначилъ сперва генерала Делаборда, а потомъ Шарпантье управлять городомъ и всею областью, приказалъ привести городъ въ оборонительное положеніе и вытребовать цѣлый артиллерійскій полкъ и три осадныя батареи изъ Магдебурга. Замѣчательно, что въ это почти время генералъ Шварценбергъ, бывшій въ войскахъ Наполеона, писалъ въ великой тайны Меттерниху что «положеніе великой арміи безвыходное», а извѣстный Дюрокъ, оберъ-гофмаршалъ Наполеона, немного ранѣе писалъ: «Императоръ не добьется мира ни въ Смоленскѣ, ни въ Москвѣ, онъ только будетъ находиться въ большемъ отдаленіи отъ Франціи. Миръ будетъ ускользать отъ насъ, какъ и русская армія отъ сраженія съ нами, но когда непріятель увидитъ, что мы обезсилены походомъ, когда большая часть нашей кавалеріи очутится безъ лошадей, русскіе попытаются дать намъ большое сраженіе; потерпѣвъ пораженіе, они спокойно отойдутъ еще далѣе, не будучи преслѣдуемы нами, быстро соберутъ подкрѣпленія, потому что они у себя дома, тогда какъ мы...» и т. д.

По словамъ де-Бэ, многіе генералы совѣтовали не итти далѣе въ глубь Россіи, при приближающейся осени, но остановиться на Днѣпрѣ, сдѣлавъ Смо-

ленскъ главнымъ центромъ зимняго расположенія войскъ, заняться устройствомъ арміи и заготовленіемъ всего для нея необходимаго ко второй кампаніи, которую должно въ 1813 году начать съ наступленіемъ хорошей погоды, а тѣмъ временемъ поднять Польшу, откуда можно было бы достать армію въ сто тысячъ человѣкъ. Но польскіе генералы, пользовавшіеся въ то время большимъ расположеніемъ Наполеона, побуждали его, по словамъ герцога Невшательскаго, итти въ Москву, чтобы этимъ прежде всего облегчить страну отъ тягостей, которыя она испытала бы при расположеніи французской арміи въ предѣлахъ Польши; они же завѣрили Наполеона, что онъ свободно, безъ выстрѣла, вступитъ въ первопрестольную столицу, а разъ Москва въ его рукахъ,—русскіе принуждены будутъ заключить миръ съ нимъ. По словамъ же другихъ, предположеніе ограничиться въ первую кампанію достиженіемъ истоковъ Двины и Днѣстра обсуждалось еще ранѣе, до начала войны, въ Парижѣ. Наполеонъ, любившій вести войну непродолжительно и быстро заключать миръ, не согласился съ подобнымъ предположеніемъ. Поэтому въ Смоленскѣ таковое и не обсуждалось, а только шла рѣчь о томъ, двинуться ли на Москву, или Петербургъ. Какъ извѣстно, Наполеонъ пошелъ въ Москву скоро и возвращался въ бѣдственномъ положеніи чрезъ тотъ же Смоленскъ, имѣя не болѣе 42.000 солдатъ. При этомъ онъ приказалъ разстрѣлять подъ стѣнами Смоленска полковника Энгельгардта и дворянина Шубина, двухъ помѣщиковъ Смоленской губерніи, составившихъ партизанскіе отряды, которые были захвачены въ плѣнъ французами. Позднѣе императоръ Николай I приказалъ соорудить памятникъ этимъ вѣрнымъ сынамъ отечества. Описаніемъ этого послѣдняго пребыванія Наполеона въ Смоленскѣ и заканчивается любопытное и прекрасно изложенное изслѣдованіе барона де-Бэ, которое снабжено весьма интересными приложеніями, а также очень хорошими гравюрами, преимущественно относящимися къ Смоленску.

П. Майковъ.

Б. Б. Глинскій. Революціонный періодъ русской исторіи. (1861—1881 гг.). Историческіе очерки. Ч. I, съ 40 портретами и иллюстраціями. Стр. 528. Ч. II, съ 59 портретами и иллюстраціями. Стр. 554. Изд. т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1913. Цѣна за обѣ части 5 руб. 50 коп.

Русское общество двухъ послѣднихъ десятилѣтій съ особымъ вниманіемъ обращалось къ «60-мъ» годамъ XIX в., интересуясь всякимъ проявленіемъ тогдашней общественной мысли и настроенія, знакомясь и съ революціонными выступленіями того времени, которыя до событій 1905 года пріобрѣтали для многихъ идейно-симпатичный характеръ. Послѣ недавней революціи отношеніе къ революціоннымъ и террористическимъ актамъ стало совершенно инымъ, однако вниманіе и интересъ къ 60—80-мъ годамъ хотя и ослабѣли, но все же продолжали быть весьма значительными. Къ тому же годы смягченія цензурныхъ условій сдѣлали возможнымъ появленіе множества новаго, весьма любопытнаго и важнаго матеріала, освѣщающаго недавнюю, но подернутую туманомъ конспирацій и запретовъ эпоху: появились разсказы и воспоминанія стариковъ,

уцѣлѣвшихъ еще отъ того времени (Пантелѣева, Обручева и др.), напечатанъ богатый матеріалъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ надъ революціонными дѣятелями и лицами, привлекавшимися къ суду по обвиненію ихъ въ политическихъ преступленіяхъ (дѣла «великоруссцевъ», «воскресниковъ», «Чернышевскаго», «193-хъ», «1-го марта» и проч.).

Уже были попытки связать имѣющійся въ печати разрозненный матеріалъ въ одно послѣдовательное историческое изложеніе. Таковы, напримѣръ, книги: Туна, «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи»; Сватикова, «Общественное движеніе въ Россіи»; Лемке, «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ» (ср. его же, «Политическіе процессы Михайлова, Писарева и Чернышевскаго») и наиболѣе обработанная книга А. А. Корнилова «Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881 гг.)». Этими книгами намѣчены были основныя вѣхи въ изображеніи общественнаго и революціоннаго движенія 60—80 годовъ XIX вѣка. Но онѣ или давали сырой матеріалъ въ мало обработанной формѣ, какъ, напримѣръ, книги Лемке, или давали схемы, которыя недостаточно вводили читателя въ живую, конкретную обстановку, съ бытовыми подробностями.

Примирить схемы съ бытомъ, объединить въ одинъ общій разсказъ событія 60—80-хъ годовъ, собрать многочисленныя разбросанныя по отдѣльнымъ изданіямъ свѣдѣнія объ этой эпохѣ и беретъ на себя авторъ «историческихъ очерковъ» г. Глинскій. «Не претендуя на оригинальность своей работы,—читаемъ въ предисловіи первой части,—авторъ отводитъ ей скромное мѣсто популяризаціи уже имѣющихся въ печати источниковъ, разбросанныхъ въ многочисленныхъ журналахъ, книгахъ и брошюрахъ, вышедшихъ по преимуществу въ 1905—1906 гг., доступъ къ которымъ по большей части для читателя затруднителенъ или почти невозможенъ; онъ исходитъ изъ того, что «популярная компановка обширнаго матеріала необходима, дабы не только спеціалисты по исторіи и любители ея, знакомые со всѣми источниками ея, но и широкая читающая публика имѣла правильное пониманіе о судьбахъ родной земли за вторую половину XIX столѣтія». Историческіе очерки г. Глинскаго первоначально печатались на страницахъ «Историческаго Вѣстника», а теперь вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ видѣ двухъ, обширныхъ по объему, частей.

Не пытаясь изложить содержаніе обширной работы Б. Б. Глинскаго, я напомню основную манеру разсказа и характеристикъ, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ. Онъ противопоставляетъ двѣ силы: правительство и общество, и въ «реальныхъ фактахъ русской жизни» слѣдитъ за взаимоотношеніемъ и борьбой этихъ силъ, останавливаясь даже и на крайнихъ, порой жестокихъ и кровавыхъ, выпадахъ той и другой стороны. Предъ взоромъ читателя проходитъ рядъ правительственныхъ дѣятелей (Валуевъ, графъ Д. Толстой, Лорисъ-Меликовъ и др.) съ ихъ программами реформъ, съ одной стороны, съ ихъ медлительностью, колебаніями и боязнью, съ другой, боязнью передъ «конституціей», которая казалась ненужной и несвоевременной, противъ которой боролись мѣрами репрессій. Предъ читателями проходитъ также длинный рядъ либеральныхъ и революціонныхъ дѣятелей: Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій, Михайловъ, Писаревъ, Серно-Соловьевичъ, «воскресники», «нечаевцы», Лавровъ, Ткачевъ, «чайковцы»,

Кравчинскій, народники, пропагандисты, «террористы», Вѣра Засуличъ, Морозовъ, Желябовъ, Перовская, Рысаковъ и множество другихъ. Книга заканчивается разсказомъ объ ужасномъ событіи 1-го марта, которое унесло въ могилу императора Александра II, но оно же развѣяло и уничтожило самихъ террористовъ.

Приступая къ разбору книги г. Глинскаго, укажу на нѣкоторые неизбѣжные во всякой работѣ недочеты. Прежде всего отмѣчу, что авторъ не пользуется всей той литературой, которая имѣется о времени Александра II, что ведетъ къ нѣкоторой неясности и неполнотѣ изложенія. Такъ, напримѣръ, относительно виднѣйшихъ публицистовъ того времени Чернышевскаго и Добролюбова г. Глинскій лишь кратко, и то объ одномъ Чернышевскомъ, замѣчаетъ, что онъ былъ «поклонникомъ нѣмецкаго философа Фейербаха» (стр. 72), тогда какъ извѣстно, что горячимъ поклонникомъ того же философа былъ и Добролюбовъ; извѣстно и то, что Фейербахъ, вообще, оказалъ сильнѣйшее вліяніе на мысль и настроеніе передовыхъ круговъ общества (Собр. соч. Н. А. Добролюбова, изд. «Дѣятель», подъ ред. Е. Аничкова, т. I, 56, 68). Кстати отмѣчу маленькій курьезъ: на слѣдующей страницѣ (73) г. Глинскій, цитируя Иванова-Разумника, пишетъ: «по словамъ г. Разумника»... Разумникъ не фамилія, а имя. О Герценѣ авторъ не цитируетъ статей Н. А. Котляревскаго (печатались въ «Вѣстн. Европы»), превосходно разъяснившаго упадокъ популярности Герцена.

Затѣмъ укажу, что г. Глинскій написалъ книгу собственно не на основаніи «источниковъ» только, но и на основаніи пособій историческихъ и литературныхъ, изъ которыхъ онъ часто беретъ свѣдѣнія, не прибѣгая къ первоисточникамъ. У него цитируются работы С. А. Венгерова, Н. И. Карѣева, Е. Соловьева (Андреевича), Русанова (Н. Кудрина), Лемке, Корнилова, Татищева и др. Иногда же авторъ нейдетъ къ самому источнику, а заимствуетъ выдержку изъ него по другой книгѣ, впрочемъ, указывая на это въ примѣчаніи (напримѣръ, стр. 258, 381). Наконецъ отмѣчу излишнее увлеченіе автора цитатами и выдержками изъ другихъ книгъ.

Но всѣ эти недочеты съ избыткомъ покрываются тѣми значительными достоинствами, которыя имѣютъ историческіе очерки г. Глинскаго. Если имѣть въ виду ту главную цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, то она имъ вполнѣ достигнута. Имъ собранъ живой и богатый фактическій матеріалъ, онъ широко захватилъ намѣченную имъ эпоху, далъ фактически полное, мѣстами очень яркое изображеніе правительственныхъ мѣропріятій, общественныхъ настроеній и революціонныхъ выступленій за два послѣднихъ десятилѣтія царствованія императора Александра II; изложены событія съ возможной объективностью, въ мягкихъ тонахъ, безъ особыхъ нападокъ, порицаній и похвалъ той или другой изъ борющихся сторонъ; съ внѣшней стороны изложеніе—ясное и живое. Очерки иллюстрированы многочисленными хорошо исполненными портретами и снимками (около 100), набраны отчетливымъ шрифтомъ и оттиснуты на хорошей бумагѣ. Книгу Б. Б. Глинскаго можно смѣло рекомендовать широкому кругу читателей, которые прочтутъ ее съ пользой и интересомъ.

М. Клочковъ.

Курскій Сборникъ. Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей секретаря комитета Н. Н. Златоверховникова, выпускъ VII. Курскъ. 1912. Краткій историческій очеркъ Курскаго края. Составилъ Н. Н. Златоверховниковъ. Курскъ. 1912.

При поразительной бѣдности не только историческихъ сочиненій и изданій, но даже статей въ періодическихъ изданіяхъ о Курскомъ краѣ появленіе въ свѣтъ двухъ книгъ одного изъ выдающихся мѣстныхъ дѣятелей на научномъ поприщѣ представляетъ отрадное явленіе. Благопріятное впечатлѣніе усиливается вслѣдствіе ближайшаго ознакомленія съ новымъ выпускомъ «Курскаго Сборника» и «историческаго очерка». Здѣсь находимъ нѣсколько работъ сотрудниковъ «Сборника», которыя заключаютъ въ себѣ данныя интересныя не только для курянъ, но и для другихъ читателей. Во главѣ «Сборника» находимъ статью «Годъ священной памяти», гдѣ сообщены новыя свѣдѣнія изъ исторіи Отечественной войны, въ особенности о проявленіи горячаго патріотизма населенія. Такъ, напримѣръ, курскій помѣщикъ, офицеръ Флоръ Михайловичъ Абросимовъ писалъ курскому губернатору А. Н. Нелидову: «Я за всеавгустѣйшаго всероссійскаго императора и за всю царскую фамилію и за все отечество желаю вступить въ ополченіе и стать охотно въ шеренгу подъ ружье; когда двинется ополченіе въ походъ, то и меня послать туда въ первомъ отрядѣ, ибо я—русскій человѣкъ, а русское имя есть твердая вѣрность, желаю служить на собственномъ моемъ коштѣ». Курское дворянство послѣ 1812 года не пожелало избрать въ губернскіе предводители иного лица, кромѣ героя Бородинскаго боя, генералъ-майора Ивана Михайловича Ушакова, раненаго въ этомъ бою и получившаго орденъ святого Георгія Побѣдоносца, который, будучи предводителемъ, оставленъ былъ самимъ государемъ Александромъ I на дѣйствительной военной службѣ, что представляетъ чрезвычайно рѣдкій случай въ исторіи русскаго дворянства. Интересенъ также тотъ фактъ, что всѣ сословія Курской губерніи приписывали благоразумнымъ, корректнымъ и гуманнымъ дѣйствіямъ губернатора Нелидова легкость, съ которою населеніе Курской губерніи выполнило многочисленныя и тяжелыя повинности для содѣйствія успѣху борьбы съ Наполеономъ. «Въ другихъ губерніяхъ, гдѣ мы владѣемъ имѣніями,—сказано было въ приговорѣ курскихъ дворянъ,—мы не видѣли такихъ благодѣтельныхъ распоряженій, какія видимъ здѣсь, какъ несравненное противъ прочихъ губерній облегченіе, такъ и самое правосудіе, оказываемое А. И. Нелидовымъ съ человѣколюбіемъ и кротостью». Ему были поднесены адресъ и особая золотая медаль дворянствомъ, серебряное блюдо купечествомъ. Какимъ чувствомъ любви окружали А. И. Нелидова купеческое и мѣщанское общества городовъ Курской губерніи, видно изъ того, что черезъ десять лѣтъ послѣ Отечественной войны, когда Нелидовъ былъ уже давно частнымъ человѣкомъ, эти общества не забыли его, поднесли ему прекрасный портретъ съ надписью и постановили помѣстить его въ думѣ. «Если ктолибо,—писалъ Нелидову городской голова,—прежде могъ заподозрѣть лесть въ поступкѣ нашемъ, то пусть нынѣшній нашъ поступокъ подтвердитъ искрен-

ность нашихъ чувствъ. Дѣти наши должны узнать благодѣтеля отцовъ своихъ». Портретъ Нелидова былъ написанъ извѣстнымъ художникомъ Рембауромъ.

Для біографіи безсмертнаго Пушкина весьма цѣнно въ «Сборникѣ» сообщеніе, доселѣ неизвѣстное, взятое изъ фамильныхъ бумагъ состоявшаго при государѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ генералъ-лейтенанта С. А. Юрьевича объ отношеніи цесаревича къ смерти А. С. Пушкина. Въ дневникѣ Юрьевича за январь 1837 года было написано:

«29, пятница. Поэтъ нашъ А. Пушкинъ умеръ сегодня около полудня (онъ третьяго дня былъ раненъ на дуэли съ Дантесомъ). Жуковскій сообщилъ эту вѣсть великому князю съ подробностями о его кончинѣ и причинѣ дуэли. Великій князь искренно пожалѣлъ о невозвратной потерѣ необыкновеннаго таланта, обѣщавшаго много еще для русской литературы». Весьма интересны матеріалы для этнографіи Курскаго края, напримѣръ, «приказка» подъ заглавіемъ: «Чого люды не роблять по праздныкамъ», полный ритуалъ народной современной свадьбы, изложенный В. В. Тарянимовымъ. Ограничиваясь, въ виду краткости замѣтки, только упоминаніемъ объ этихъ матеріалахъ, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе всѣхъ провинціальныхъ дѣятелей по мѣстной исторіи на ученый архивъ императорскаго русскаго географическаго общества. Этотъ архивъ обыкновенно остается внѣ вѣдѣнія ихъ, вслѣдствіе незнанія того, что въ указанномъ архивѣ хранятся, въ большомъ числѣ, рукописи для исторіи, географіи и этнографіи разныхъ мѣстностей Россіи, гдѣ находится множество данныхъ для исторіи нашихъ провинцій. Такъ, напримѣръ, авторъ статьи объ архивѣ императорскаго русскаго географическаго общества Д. К. Зеленинъ даетъ описаніе 44-хъ рукописей о Курской губерніи, поступившихъ въ ученый архивъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ отъ разныхъ лицъ, к торыя имѣли въ виду подѣлиться своими историко-этнографическими изслѣдованіями съ географическимъ обществомъ. Содержаніе этихъ рукописей въ большинствѣ случаевъ оказывается неизвѣстнымъ для людей, хорошо знающихъ и систематически изучавшихъ прошлое Курскаго края... То же, разумѣется, должно сказать и о другихъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Описи ученаго архива, говоритъ г. Зеленинъ, до сихъ поръ не существуетъ, и богатѣйшій матеріалъ, заключающійся въ немъ, доступенъ и извѣстенъ весьма немногимъ. «Краткій историческій очеркъ Курскаго края» представляетъ первый опытъ изложенія, въ конспективномъ видѣ, прошлой жизни этого края и можетъ быть прочтенъ съ интересомъ для знакомства съ нѣкоторыми болѣе или менѣе значительными событіями Курской исторіи.

А. Танковъ.

С. Горяиновъ. 1812. Документы государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архивовъ. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1912. 19+562+184 стр. Ц. 5 руб.

Среди многочисленныхъ изданій матеріаловъ и документовъ, относящихся къ «священной памяти двѣнадцатому году», изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, внимательно приготовленное къ печати С. М. Горяиновымъ, занимаетъ

одно изъ видныхъ мѣстъ. Въ немъ въ хронологическомъ порядкѣ кратко описано громадное число, именно 15.171 номеръ документовъ, хранящихся въ государственномъ и петербургскомъ главномъ архивахъ, и напечатаны въ подлинникѣ: 1) 140 записокъ Александра I къ канцлеру графу Румянцову; 2) два проекта рескриптовъ графу Голенищеву-Кутузову, рапортъ послѣдняго императору Александру I (отъ 20-го апрѣля); 3) проектъ «инструкціи новому главнокомандующему (Чичагову) и 24 письма изъ переписки Александра I съ адмираломъ Чичаговымъ; 4) письмо Наполеона изъ Москвы 8 (20-го сентября) Александру I, просьба Мюрата Наполеону и перехваченное письмо неаполитанской королевы ему же, и 5) вѣдомость о числѣ истребленныхъ труповъ по изгнаніи непріятеля изъ Россіи (430.707 человѣческихъ труповъ, 230.677 скотскихъ).

Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель личныхъ именъ, облегчающій справки и розыски нужныхъ документовъ. **М. К.**

В. Г. Дружининъ. Писанія русскихъ старообрядцевъ. Перечень списковъ, составленный по печатнымъ описаніямъ рукописныхъ собраній. Изданіе императорской археографической комиссіи. Спб. 1912. Стр. XIV+534. Цѣна 3 рубля.

При изученіи литературы русскаго старообрядчества изслѣдователю приходится разыскивать интересующія его произведенія въ рукописныхъ собраніяхъ, для чего необходимо пересматривать описанія рукописей; описанія эти часто находятся съ трудомъ; кромѣ того, нужно имѣть въ виду также собранія, еще вовсе не описанныя. Указатель г. Дружинина имѣетъ своею цѣлью облегчить работу изслѣдователя, представляя свѣдѣнія о памятникахъ старооо̂брядческой литературы изъ напечатанныхъ описаній рукописей. Для этого составитель воспользовался всѣми извѣстными ему, какъ историку раскола, описаніями рукописей и отчетами общественныхъ книгохранилищъ. Въ основу его труда положены описанія: Хлудовскаго собранія рукописей, сдѣланное А. Н. Поповымъ, и собранія Богданова, описанное И. А. Бычковымъ. Изъ ненапечатанныхъ описаній г. Дружининъ воспользовался лишь 1) рукописнымъ описаніемъ собранія рукописей Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, составленнымъ о. Власовымъ, и 2) указаніями на нѣкоторыя рукописи изъ собранія, принадлежащаго изслѣдователю (въ библіотекѣ г. Дружинина въ настоящее время находится 680 старообрядческихъ рукописей).

Перечень состоитъ изъ двухъ частей.

Въ первой помѣщены сочиненія въ алфавитномъ порядкѣ именъ ихъ авторовъ; во второй—перечислены сочиненія безыменныя по алфавиту перваго слова заглавій, а гдѣ заглавія нѣтъ, то по первому слову начала текста. Письма и посланія соединены и расположены по именамъ ихъ отправителей или адресатовъ. Для облегченія нахожденія текстовъ приложенъ указатель, въ которомъ помѣщены начальныя строки памятниковъ, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ перваго слова строки.

Почтенный трудъ г. Дружинина, безъ сомнѣнія, облегчитъ и упроститъ работы изслѣдователей старообрядчества. Иллюстрируемъ это примѣромъ. Положимъ, изслѣдователю попадается въ пріобрѣтенномъ имъ рукописномъ сборникѣ статья, авторъ коей ему неизвѣстенъ, начинающаяся со словъ: «Человѣкъ есть вещь дивна велія и прекрасная». Обращаясь къ указателю начальныхъ строкъ, изслѣдователь видитъ, что свѣдѣнія объ этой статьѣ можно найти на стр. 117-й труда г. Дружинина. На данной страницѣ онъ усматриваетъ, что указанными словами начинается «Слово о человѣкѣ», принадлежащее перу Андрея Денисова, которое находится также въ сборникѣ № 268 Хлудовскаго собранія, начинаясь на л. 123, и въ сборникѣ № 531 собранія В. Г. Дружинина на л. 136. Такимъ образомъ опредѣляется сразу авторъ статьи, и указываются для могущаго понадобиться сравненія тѣ сборники, въ коихъ она также встрѣчается, и книгохранилища, гдѣ эти сборники находятся. Какъ изданіе справочное и библіографическое, книга г. Дружинина является цѣннымъ вкладомъ въ литературу вопроса о старообрядчествѣ. **В. В. Т.**

И. И. Соневицкій. Холмщина. Очерки прошлаго. Спб. 1912. Стр. 53. Цѣна 65 коп.

Въ числѣ законопроектовъ, вызвавшихъ при своемъ прохожденіи въ законодательныхъ учрежденіяхъ большой интересъ всего общества, былъ благополучно завершившійся законопроектъ объ учрежденіи особой Холмской губерніи. Исторія этой древне-русской окраины для очень многихъ совершенно неизвѣстна, а если и имѣются кой-какія свѣдѣнія, то, почерпнутыя изъ періодической печати и обработанныя подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, они носятъ узко-партійный характеръ. Первой болѣе или менѣе безпристрастной попыткой напомнить прошлое забытаго края являются очерки г. Соневицкаго, знакомящіе читателя въ легкой и живой формѣ съ событіями развитія Холмщины, имѣвшими мѣсто въ теченіе послѣдняго полустолѣтія. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что его очерки «не имѣютъ характера компилятивнаго труда. Составляя ихъ, авторъ не пользовался ни печатными, ни рукописными источниками, а описалъ лишь то, что ему сдѣлалось извѣстнымъ изъ офиціальныхъ источниковъ за время продолжительной государственной службы въ губерніяхъ Царства Польскаго, причемъ съ нѣкоторыми изъ дѣятелей Холмщины, положившихъ не мало заслугъ для ея обновленія, былъ знакомъ лично и по ихъ разсказамъ составилъ настоящее, далеко не полное описаніе ея судебъ».

На ряду съ положительными сторонами исторіи Холмщины авторъ не замалчиваетъ и отрицательныхъ; такъ, напримѣръ, мы узнаемъ объ участіи военной силы въ 1875 г. въ дѣлѣ насажденія православія среди уніатовъ и въ увѣщеваніи «упорствующихъ» и т. п. Это безпристрастіе автора въ изложеніи историческихъ фактовъ подкупаетъ читателя, и книга прочитывается съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что самый вопросъ о Холмщинѣ еще до сихъ поръ не потерялъ своей остроты. **М—о.**

Н. Н. Соболевъ. Набойка въ Россіи. Исторія и способъ работы. Москва. 1912. Стр. 107. Цѣна 75 коп.

Считая Индію «классической страной набивного дѣла», авторъ распространеніе послѣдняго ведетъ черезъ Финикію, Палестину, Египетъ, Византію въ Италію, Францію, Германію и Англію, полагая, однако, что «въ Россіи возникновеніе набивного дѣла не было зависимо отъ тѣхъ причинъ, которыя оказывали свое вліяніе на Западѣ». Въ этомъ дѣлѣ Россія всецѣло находилась подъ вліяніемъ Востока «не только вслѣдствіе политической зависимости, но и вслѣдствіе постояннаго оживленнаго товарообмѣна. Продукты, вывозимые русскими изъ своей страны, обмѣнивались на товары, зачастую вызывавшіе у насъ подражаніе».

До нашего времени набоекъ сохранилось главнымъ образомъ въ музеяхъ и церквахъ сравнительно много, хотя и болѣе поздняго происхожденія. «Что окрашиваніе тканей и набойка существовали уже въ XII вѣкѣ на Руси, на это указываютъ намъ части церковной одежды, оставшейся послѣ святителя Варлаама Хутынскаго (умершаго 1193 г.). Одежды эти подложены лазоревой крашениной».

Перенося иностранный рисунокъ на отечественную почву, наши набойщики перерабатывали его согласно своему національному творчеству и такимъ образомъ создавали все новыя и новыя композиціи. И дѣйствительно, многочисленныя названія показываютъ, насколько разнообразны были самые рисунки. Да оно и понятно, такъ какъ не только иностранное вліяніе давало темы и матеріалъ для тѣхъ или иныхъ рисунковъ набойки, но и окружающая природа, животный и растительный міръ, вышивки одеждъ, деревянная рѣзьба домовыхъ украшеній, творческія произведенія народной фантазіи, первыя лубочныя картины, узорныя кафели печей, украшенія рукописей и первыхъ печатныхъ книгъ,—все это нашло откликъ въ рисункахъ набивныхъ тканей.

Вообще настоящую книгу можно порекомендовать любителямъ нашей древне-русской старины, владѣльцамъ коллекцій набоекъ и хранителямъ музеевъ, такъ какъ почти въ каждомъ изъ нихъ (музеевъ) сохранились или набивная доска, или же образцы набойки. А если вовсе не имѣется этого, то настоящая книга, можетъ быть, толкнетъ на собраніе образцовой коллекціи набоекъ, которую и въ наши дни, хотя и съ большимъ трудомъ, но возможно все-таки еще составить, и которая, по нашему мнѣнію, все же необходима почти для каждаго музея.

Съ внѣшней стороны книга производитъ прекрасное впечатлѣніе, а недорогая цѣна даетъ возможность болѣе широкимъ кругамъ ознакомиться съ нею. Масса снимковъ (есть и въ краскахъ) съ набоекъ, раскрашенныхъ матерій и моментовъ набойнаго производства. Кстати маленькая подробность: обложка книги также представляетъ собою одинъ изъ многочисленныхъ образцовъ набивной матеріи натуральнаго цвѣта.

Д. Бочковъ.

Графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ. Замѣтка о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году въ мѣстности Новогрудскаго и Ошмянскаго уѣздовъ. Петербургъ. 1911. Стр. 20 Цѣна не обозначена.

Среди обширной литературы, вызванной юбилеемъ 1812 года, нельзя не обратить вниманія на изданную подъ редакціей извѣстнаго историка событій наполеоновскихъ войнъ г. Военскаго брошюру графа К. А. Хрептовича-Бутенева о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году въ мѣстности Новогрудскаго и Ошмянскаго уѣздовъ, гдѣ расположены имѣнія автора брошюры, чѣмъ отчасти и объясняется его интересъ къ событіямъ, разыгравшимся въ 1812 году именно въ указанной мѣстности.

Графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ сынъ извѣстнаго дипломата первой половины прошлаго вѣка А. П. Бутенева, современника и очевидца-участника кампаніи 1812 года, оставившаго объ этой эпохѣ любопытные мемуары, напечатанные въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1881—1884 гг.; кромѣ того, авторъ названной выше брошюры приходится внучатнымъ племянникомъ другому выдающемуся дѣятелю того же времени, графу Адаму Хрептовичу, стоявшему во главѣ временнаго правительства, избраннаго французами для гражданскаго управленія Литвой.

На основаніи печатныхъ матеріаловъ и вообще литературы, посвященной знаменательной эпохѣ 1812 года, а также по даннымъ семейнаго архива и документамъ хозяйственнаго управленія своихъ имѣній Щорсъ, Вишнева и Башенковичей, около которыхъ разыгрывались крупныя событія кампаніи 1812 года, авторъ освѣщаетъ детально военныя дѣйствія, происходившія въ предѣлахъ Ошмянскаго и Новогрудскаго уѣздовъ, исправляя по этимъ новымъ, неизвѣстнымъ еще въ исторической литературѣ матеріаламъ ошибки такихъ авторитетныхъ изслѣдователей, какъ Михайловскій-Данилевскій, Богдановичъ, Харкевичъ и другіе.

Между прочимъ авторъ брошюры «О военныхъ дѣйствіяхъ въ Новогрудскомъ и Ошмянскомъ уѣздахъ» даетъ отвѣты на слѣдующіе вопросы, имѣющіе весьма существенное значеніе для правильнаго пониманія движенія нашихъ армій послѣ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ, для сосредоточенія у Смоленска, а именно: 1) дѣйствительно ли 21-го іюня присоединился къ Багратіону въ Новогрудкѣ генералъ Невѣровскій съ 27-й пѣхотной дивизіей? На этотъ вопросъ, пользуясь записями въ хозяйственныхъ книгахъ своей Щорсовской экономіи, графъ Хрептовичъ-Бутеневъ отвѣчаетъ, что въ дѣйствительности дивизія Невѣровскаго присоединилась ко второй арміи, слѣдуя форсированными маршами изъ Минска, около Кореличей, т.-е. за Новогрудкомъ, при томъ двумя днями позднѣе.

2) Былъ ли князь Багратіонъ съ VII пѣхотнымъ корпусомъ на ночлегѣ въ Новомъ Сверженѣ съ 24-го на 25-ое іюня? На этотъ вопросъ, на основаніи чисто топографическихъ данныхъ указанной мѣстности и другихъ соображеній и сопоставленій, авторъ брошюры даетъ отрицательный отвѣтъ, устанавливая, что князь Багратіонъ лично произвелъ лишь кавалерійскую рекогносцировку въ направленіи Новаго Сверженя, для соединенія съ отрядомъ Дорохова, а

вторая армія двинута была имъ 25-го іюня изъ Мира прямымъ путемъ на Несвижъ, по столбовой дорогѣ.

3) Какимъ именно путемъ присоединился къ арміи князя Багратіона атаманъ Платовъ, прибывшій изъ Ивья въ Бакшты 23-го іюня? Руководствуясь детальнымъ знаніемъ мѣстности, гдѣ совершились упомянутыя событія, авторъ брошюры даетъ объясненіе, какъ именно совершилось внезапное появленіе казаковъ Платова около Вишнева, едва не окончившееся плѣненіемъ маршала Даву, а затѣмъ устанавливаетъ движеніе отряда Платова не черезъ болота и лѣса, пересѣченные массою рѣчекъ у Волжина черезъ Камень и Хатово, а изъ Бакштъ къ Николаеву и далѣе тѣмъ же путемъ, по которому двигалась и вся вторая армія.

Нельзя не поблагодарить графа Хрептовича-Бутенева за его изслѣдованіе, основанное, какъ мы сказали, на неизвѣстныхъ до сихъ поръ еще архивныхъ матеріалахъ, и не пожелать, чтобы побольше появилось такихъ изслѣдованій, освѣщающихъ детали военныхъ дѣйствій великой эпохи 1812 года, необходимыхъ для правильнаго пониманія крупныхъ событій приснопамятной борьбы съ Наполеономъ въ предѣлахъ Россіи.

В. Мустофинъ.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Томъ XIV (1734). Спб. 1910 г. VI+1128 стран. Цѣна 3 руб. 25 коп.—Томъ XX (1740 г.). Спб. 1908 г. VII+1216 стран. Цѣна 3 руб. 50 коп.—Томъ XXIII (1743 г.). Спб. 1911 г. VII+1120 стран. Цѣна 3 руб. 25 коп.—Т. XXVI (1746 г.). Спб. 1907 г. VIII+874 стран. Цѣна 3 руб. 25 коп.—Т. XXXI (1751 г.). Спб. 1909 г. III+806 стран. Цѣна 2 руб. 75 коп. Т. XXXIX (1759 г.). Спб. 1910 г. VII+848 стран. Цѣна 2 руб. 75 коп.

Существующая съ 1865 года и состоящая нынѣ подъ предсѣдательствомъ академика тайнаго совѣтника А. И. Соболевскаго высочайше учрежденная при святѣйшемъ синодѣ комиссія по описанію синодальнаго архива издаетъ томъ за томомъ «Описаніе хранящихся въ архивѣ документовъ и дѣлъ» и имѣетъ въ настоящее время вышедшими изъ печати 21 томъ, печатающимися въ четырехъ типографіяхъ 15 томовъ и готовящимися къ печати такое же количество томовъ. Всѣ эти томы содержатъ въ себѣ массу не использованнаго еще, въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно важнаго, а иногда и единственнаго церковно-историческаго матеріала. Матеріалы эти имѣютъ громадное значеніе для составленія біографій выдающихся лицъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ духовному вѣдомству, для исторіи епархій, ихъ административныхъ органовъ, церквей, монастырей, духовно-учебныхъ заведеній и миссій, для исторіи раскола, ересей, сектъ и т. д. Разсматривая вышеперечисленные томы «Описанія документовъ и дѣлъ», мы переносимся въ отдаленныя времена царствованія императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, совершенно противоположныя по характеру правленія одного другому. Присутствуемъ на судѣ и допросахъ длиннаго ряда духовныхъ лицъ, начиная съ епископовъ и кончая церковниками, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, въ неотправленіи положенныхъ бого-

служеній, въ уклоненіи отъ присяги, въ ложномъ сказываніи «слова и дѣла», въ нарушеніи указовъ о непостриженіи въ монашество, въ волшебствѣ, колдовствѣ, въ почитаніи за святого юродиваго и т. п.; видимъ и помилованіе всѣхъ этихъ безъ вины виноватыхъ лицъ, начавшееся сряду послѣ кончины Анны Іоанновны. Путешествуемъ вмѣстѣ съ миссіонерами въ Осетію, Якутскъ, Камчатку, Китай; ѣдемъ по Волгѣ и встрѣчаемся съ калмыками, мордвою, чувашами, черемисами, вотяками, лопарями, самоѣдами и раскольниками всѣхъ толковъ и согласій. Слышимъ стоны родителей при тяжелыхъ разборахъ дѣтей духовенства во время аннинскаго правленія, читаемъ и о прекращеніи этой жестокой мѣры собиранія войска; узнаемъ о секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, длившейся около года и какъ бы предвозвѣстившей законодательный актъ екатерининскаго времени; о защитѣ православныхъ въ Польшѣ отъ притѣсненія уніатовъ; объ устройствѣ православныхъ церквей во вновь завоеванныхъ городахъ Кенигсбергѣ, Пиллау и Мемелѣ; видимъ распоряженія святѣйшаго синода объ улучшеніи нравственнаго состоянія духовенства, а также по дѣламъ брачнымъ, заботы объ улучшеніи иконописанія; получаемъ интересныя свѣдѣнія объ издательской дѣятельности святѣйшаго синода (закончено начатое въ 1712 году печатаніе библіи); встрѣчаемъ извѣстіе, какъ благочестивые цари пріобщались святыхъ тайнъ; знакомимся съ началомъ дѣятельности знаменитаго борца за права церкви митрополита Арсенія Мацѣевича; находимъ осмотръ и описаніе всѣхъ петербургскихъ и московскихъ церквей того времени и проч. и проч.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые предшествующіе перечисленнымъ томы «Описанія» составляютъ уже библіографическую рѣдкость, а иные, какъ съ II-го по VIII-й, продаются съ уступкою до 75 проц., такъ какъ печатались въ большомъ количествѣ экземпляровъ. **М—ловъ.**

Бытъ и нравы русской арміи послѣ 1812 г. По письмамъ генерала Фези изъ Польши и Кавказа. Перевелъ съ рѣдкой рукописи и обработалъ шт.-кап. В. Н. Жилинскій. Изданіе В. Березовскаго. 1912 Стр. 208. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Подъ этимъ заглавіемъ г. Жилинскимъ изданъ сборникъ писемъ извѣстнаго русскаго генералъ-лейтенанта Фези, швейцарца по происхожденію, поступившаго на русскую службу и весьма успѣшно, благодаря своей ловкости и способностямъ, сдѣлавшаго военную карьеру. Письма эти, обнимая періодъ съ 1813 по 1844 г., адресованы къ отцу Фези, жившему въ Швейцаріи, отличаются искренностью и правдивостью и характеризуютъ бытъ, нравы, мирную службу и боевую дѣятельность нашихъ войскъ въ Польшѣ и на Кавказѣ. Въ 1816 году, по ходатайству графа Каподистрія и цесаревича Константина Павловича, швейцарской службы майоръ Фези, по высочайшему повелѣнію, былъ принятъ капитаномъ въ квартировавшій тогда въ Варшавѣ первый батальонъ Финляндскаго полка, изъ котораго былъ вслѣдъ засимъ сформированъ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду Фези уже былъ полковникомъ, а въ двадцать восемь лѣтъ командовалъ Житомирскимъ полкомъ и притомъ командо-

валъ настолько хорошо, что постоянно получалъ высочайшія благодарности, въ 1830 году онъ уже произведенъ въ генералы и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ польской войнѣ. Такая быстрая карьера Фези объясняется тогдашними порядками, легкостью, съ которою онъ усвоилъ себѣ русскій языкъ, а также умѣньемъ сойтись съ товарищами и понравиться великому князю Константину Павловичу, который, главнымъ образомъ, и вывелъ его въ люди. «Сегодня, въ часъ дня,—пишетъ Фези,—я далъ чудный завтракъ въ честь моихъ обоихъ полковниковъ и также многихъ другихъ офицеровъ и двухъ адъютантовъ великаго князя, завтракъ съ бѣлымъ и краснымъ бордо, мадерою, шамбертеномъ, шампанскимъ, ликерами и кофе, причемъ всѣ подвыпили»... и далѣе: «вообще говоря, я со всѣми старшими офицерами въ хорошихъ отношеніяхъ, но моя главная опора самъ великій князь, который чрезвычайно пришелся мнѣ по сердцу; вы не можете себѣ представить, какъ онъ привѣтливъ и добръ; онъ можетъ сердиться, но скоро успокаивается»... Этотъ бойкій фронтовикъ настолько успѣлъ ознакомиться съ нашими порядками и со всею обстановкой, что далъ слѣдующую характеристику своихъ новыхъ соотечественниковъ: «русскіе, при обычной обстановкѣ, предаются лѣни и всѣмъ ея послѣдствіямъ; они избѣгаютъ всякой работы, требующей терпѣнія и настойчивости; только чрезвычайныя событія могутъ пробудить русскаго отъ его глубокаго сна; тогда имъ овладѣваетъ неудержимый порывъ, и онъ побѣждаетъ непреодолимыя препятствія. Но потомъ онъ снова предается праздности и лѣни, и въ этомъ состояніи главною забавою являются карты и женщины, въ жертву которымъ онъ приноситъ все свое достояніе. Лишь только у русскаго завелся грошъ въ карманѣ, онъ кутитъ во всю, не заботясь о будущемъ». Отсюда ясно, съ безпощадною логикою прибавляетъ Фези, что не потребуется ни большого ума, ни большого таланта, чтобы выдѣлиться среди русскихъ, причемъ приводитъ въ примѣръ цѣлый рядъ иностранцевъ, занимавшихъ въ то время высшія государственныя должности. Но, кромѣ свѣтскаго лоска и умѣнья ладить съ людьми, молодой швейцарецъ въ теченіе своей карьеры выказалъ немало боевыхъ достоинствъ въ польскую войну и въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ; всегда лично храбрый и распорядительный, онъ кончилъ свою карьеру въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ должности начальника дивизіи и имѣя орденъ св. Георгія 4-й степени и ленту Бѣлаго Орла. Вообще въ предлагаемой небольшой книжкѣ найдется немало матеріала для характеристики того времени. Переводъ обработанъ тщательно; книжка снабжена портретами и рисунками.

Л. Н.

Я. Л. Барсковъ. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Съ тринадцатью таблицами снимковъ. Спб. 1912. Стр. XVI+426. Цѣна 2 рубля.

Въ 1834 г. при учрежденіи государственнаго архива въ него поступили драгоцѣнные историческіе матеріалы изъ комнатъ Зимняго дворца и дѣла давно упраздненныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, тайнаго приказа или тайной канцеляріи. Ранѣе дѣла эти болѣе ста лѣтъ хранились въ кладовыхъ петровскихъ коллегій, помѣщавшихся въ зданіи, занимаемомъ нынѣ петербургскимъ

университетомъ. При передачѣ ихъ въ государственный архивъ «многія дѣла представляли собою или вороха легкой трухи, или увѣсистыя глыбы, распадавшіяся на мелкія части при попыткѣ отдѣлить плотно прилегавшіе одинъ къ другому листы».

При посѣщеніи государемъ императоромъ 8-го марта 1900 г. государственнаго архива Его Императорское Величество изволилъ обратить свое вниманіе на ветхія дѣла, пострадавшія отъ наводненія 1824 года. Началась кропотливая работа по расчлененію и раскладкѣ полуистлѣвшихъ бумагъ, которая производилась однимъ изъ дѣлопроизводителей архива г. Цитовичемъ. Когда послѣдній приступилъ къ составленію описи документовъ по карточной системѣ, онъ столкнулся съ группой докладовъ и челобитныхъ на имя царя Алексѣя Михайловича. За разъясненіями по поводу найденнаго г. Цитовичъ обратился къ Я. Л. Барскову, который и опредѣлилъ, что эти документы представляютъ не что иное, какъ рѣдкостные автографы дѣятелей старообрядчества XVII вѣка и нѣкоторыхъ ихъ православныхъ противниковъ, какъ, напримѣръ, письма протопопа Аввакума, митрополита Газскаго Паисія Лигарида, патріарха Никона, митрополита Іоакима и другихъ, допросы разныхъ лицъ, челобитныя, житіе протопопа Аввакума, житіе инока Епифанія,—частью извѣстные наукѣ только по спискамъ, но большею частью вновь открытые. Г. министръ иностранныхъ дѣлъ разрѣшилъ г. Барскову напечатать эти списки въ «Лѣтописи занятій императорской археографической комиссіи».

По мнѣнію г. Барскова, изъ памятниковъ, которые впервые становятся доступны изслѣдователямъ, наибольшаго вниманія заслуживаютъ письма. Для изученія XVII вѣка русскіе историки обладаютъ богатымъ матеріаломъ рукописнымъ и печатнымъ, но матеріалъ этотъ по преимуществу дѣловой, актовый или книжный; письма же въ немъ встрѣчаются очень рѣдко. Напечатанныя г. Барсковымъ нѣкоторыя письма поборницъ старообрядчества, боярынь Ѳ. П. Морозовой и Е. И. Леонтьевой и братьевъ послѣдней представляютъ образцы интимной переписки русскаго дворянскаго круга XVII вѣка; написаны они не книжнымъ, а живымъ русскимъ слогомъ. Они, кромѣ того, расширяютъ извѣстный наукѣ кругъ единомышленниковъ Аввакума и даютъ картину сношеній «пустозерскихъ узниковъ» съ Москвою, Мезенью и Соловками. Памятники «Извѣтъ старца Серапіона» и «Посланіе инока Аврамія» содержатъ въ себѣ новыя извѣстія о послѣдователяхъ одного изъ учителей старообрядчества Капитона.

Къ памятникамъ приложено одиннадцать таблицъ снимковъ и указатель, въ который внесены имена личныя и названія географическія.

В. В. Т.

Памятники древне-русской литературы. Выпускъ I. Житія преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Приготовилъ къ печати С. П. Розановъ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1912. Стр. XXVI+166. Цѣна 2 руб.

Изданіемъ текстовъ житія Авраамія Смоленскаго древнѣйшей редакціи открывается новая серія памятниковъ древне-русской письменности, давно уже задуманная академіей наукъ. Если не считать издаваемыхъ археографической комиссіей Миней-Четьихъ митрополита Макарія (главнымъ образомъ по одному списку), то «Памятники» являются полной научной новостью въ изученіи старинной русской литературы, и наша академія въ данномъ случаѣ слѣдуетъ примѣру юго-славянской, загребской академіи, давно уже давшей единственную въ своемъ родѣ серію—«Хорватскіе писатели». Объ изданіи отдѣльныхъ памятниковъ и цѣлыхъ группъ ихъ, конечно, мы не говоримъ. Они были и раньше. Новостью же оказывается здѣсь извѣстная система, и можно только привѣтствовать начинаніе академіи и выразить пожеланіе поскорѣе видѣть окончаніе изданія памятниковъ XI—XIV вѣковъ.

Редакторомъ «Памятниковъ древне-русской литературы» приглашенъ академикъ В. М. Истринъ, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ спеціалистовъ въ данной области, и, судя по первому выпуску, имъ приняты всѣ мѣры, чтобы изданіе академіи наукъ стояло на высотѣ.

На основаніи агіографическихъ памятниковъ, С. П. Розановъ даетъ въ предисловіи характеристику замѣчательнаго святителя XII—XIII в. «Игуменъ одного изъ монастырей города Смоленска, Авраамій явился крупнымъ дѣятелемъ въ современной ему церковно-общественной жизни. Человѣкъ способный, самостоятельный и съ сильнымъ характеромъ, онъ не умѣстился въ обычныя, установившіяся тогда рамки церковной дѣятельности, и не только столкнулся съ толпой другихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, но и сталъ центромъ интересовъ и борьбы всѣхъ слоевъ современнаго ему смоленскаго общества. И въ концѣ концовъ, послѣ ряда пораженій, униженій, страданій, вышелъ полнымъ побѣдителемъ, а по смерти былъ увѣнчанъ званіемъ небеснаго покровителя града и земли Смоленской». Дѣятельность преподобнаго Авраамія и описана въ его житіи, составленномъ приблизительно около половины XIII столѣтія ученикомъ его Ефремомъ. «Для такой древней эпохи мы и вообще владѣемъ очень небольшимъ количествомъ памятниковъ,—продолжаетъ С. Розановъ:—если же принять во вниманіе, что этотъ памятникъ вскрываетъ намъ интереснѣйшія страницы изъ жизни не только самого Авраамія, для котораго, кстати, этотъ источникъ и единственный, но и цѣлаго центральнаго областного города, то цѣнность этого памятника становится вполнѣ очевидной. Вотъ почему его не обходилъ и не обойдетъ ни одинъ изъ историковъ не только Смоленска, но и вообще русской церковно-общественной жизни той эпохи. Къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ не только подлинникъ этого житія, но и ни одинъ изъ его списковъ ранѣе начала XVI столѣтія. Тѣмъ не менѣе всѣ извѣстные теперь списки XVI и XVII столѣтій представляютъ собою въ общемъ одну редакцію, восходящую, несомнѣнно, къ Ефремовской. Четыре пред-

шествующія изданія этого житія (въ «Прав. Собес.» за 1858 годъ; въ «Смол. Епарх. Вѣд.» за 1875 годъ; тамъ же за 1905 годъ и въ «Смол. Стар.» вып. 1, 1909 годъ) основывались на спискахъ случайныхъ и при томъ то дефектныхъ, то въ смѣшеніи съ позднѣйшими передѣлками. Впрочемъ, ни одинъ изъ извѣстныхъ списковъ не сохранилъ намъ текста житія его въ первоначальномъ, не искаженномъ видѣ: есть темныя мѣста, не поддающіяся возстановленію и при сравненіи всѣхъ извѣстныхъ списковъ». При такихъ условіяхъ, работа представляла большія затрудненія.

Прежде всего, для работы приведены въ извѣстность всѣ списки агіографическихъ памятниковъ, посвященныхъ Авраамію. Эта часть изданія составлена очень внимательно: кромѣ общихъ свѣдѣній, сообщаются и мелкія, въ большинствѣ случаевъ характерныя особенности списковъ, а иногда и описки. Изъ такихъ списковъ подведены варіанты къ основнымъ. О житіи, какъ литературномъ памятникѣ, говорится немного, именно, что «по содержанію оно основывается на сообщеніяхъ очевидцевъ и собственныхъ воспоминаніяхъ автора; въ обработкѣ же видно вліяніе житій: Авраамія Затворника, Өеодосія Печерскаго, Саввы Освященнаго, сочиненій Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго и нѣкоторыхъ учительныхъ сборниковъ».

Очень цѣнны свѣдѣнія объ изображеніяхъ Авраамія (часто вмѣстѣ съ Меркуріемъ Смоленскимъ). Пять изъ нихъ изданы на отдѣльныхъ листахъ изъ рукописи XVII вѣка и по иконамъ XVII—XVIII вв. Цѣнны и свѣдѣнія о болѣе позднихъ передѣлкахъ житія Авраамія Смоленскаго. Первая изъ нихъ, изъ сборника бывшей Новгородско-Софійской библіотеки XVI вѣка, «довольно тщательная и совершена, повидимому, въ Богородицкомъ Авраамієвскомъ монастырѣ. Судя по тому, что здѣсь вмѣсто Ефремовской похвалы читается другая, вновь составленная похвала, а авторъ передѣлки называетъ себя составителемъ житія, можно предполагать, что здѣсь мы встрѣчаемся съ обновленіемъ житія послѣ какого-то, повидимому, неблагопріятнаго для города Смоленска періода, когда едва нашелся лишь одинъ ветхій экземпляръ житія, безъ похвалы, «да не въ конецъ забвенію сія предана будутъ». Авторъ говоритъ, что онъ написалъ, «елика слышахъ отъ добрѣ вѣдящихъ его житіе и терпѣніе», но новыхъ фактовъ здѣсь мы не находимъ, кромѣ общихъ свѣдѣній, что «въ самый часъ исхода... (Авраамій) святыхъ и пречистыхъ таинъ... причастися... и, еще молитвѣ въ устѣхъ его суще, предастъ Господеви душу свою», да что ему «отъ Бога даровашеся изрядная чюдеса: лукавыхъ духовъ отгнаніе, недугомъ различнымъ исцѣленіе, слѣпымъ прозрѣніе...» Стиль переработки и слѣды книжныхъ вліяній какъ въ текстѣ самаго житія, такъ и особенно въ похвалѣ, составленной въ духѣ старыхъ житій, по мнѣнію С. Розанова, говорятъ за то, что, авторъ былъ человѣкъ не только начитанный, но и имѣлъ навыкъ въ литературной работѣ».

Кромѣ житій полной и сокращенной редакцій и передѣлокъ, въ первый выпускъ «Памятниковъ древне-русской литературы» вошли и богослужебные тексты, «Молитва св. Авраамія» и выписки изъ иконописнаго подлинника.

Начало сдѣлано, и можно ожидать выхода дальнѣйшихъ выпусковъ «Памятниковъ», которые должны положить прочное основаніе для серьезнаго изученія древне-русской письменности домонгольскаго періода. **И. А.**

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1911 г. Тома XVI-го книжка 1-я. Спб. 1911. Стр. 350. Тома XVI-го книжка 2-я. Спб. 1911. Стр. 351. Цѣна каждой книжки 1 р. 50 к.

Обѣ книжки названныхъ «Извѣстій» представляютъ большой научный интересъ, хотя первая изъ нихъ посвящена работамъ болѣе историко-филологическаго характера, имѣющимъ спеціальное назначеніе. Только одна статья «Раннія этнографическія работы Н. И. Костомарова», принадлежащая перу А. С. Грушевскаго, имѣетъ болѣе широкій общественный интересъ. Не перечисляя здѣсь всѣхъ работъ, напечатанныхъ въ первой книжкѣ «Извѣстій», мы назовемъ, по крайней мѣрѣ, болѣе крупныя изъ нихъ. Таковы, по нашему мнѣнію: 1) «Изъ исторіи Кіева и Днѣпра въ былевомъ эпосѣ», Станислава Рожницкаго, который усматриваетъ тѣсную связь древне-скандинавскаго Kaenugardr съ былинными: Кыянъ-городомъ, Кіянъ-градомъ, Кіяновымъ градомъ и Кіевомъ-градомъ и затѣмъ варяжскихъ Нѣпръ и Нѣпровскій городъ съ Днѣпромъ и Кіевомъ, и 2) «Источники, время составленія и личность составителя ѳеодосіевской редакціи «Житія Саввы Сербскаго», С. П. Розанова. На поставленные вопросы изслѣдователь резюмируетъ свой отвѣтъ въ такихъ словахъ: «Такимъ образомъ, представляется, что Ѳеодосій, родомъ изъ Солуни, около 1322 г. приходитъ въ Хиландарскій монастырь. Какъ человѣкъ образованный, съ одной стороны, и знакомый съ неизвѣстными хиландарцамъ болгарскими преданіями о жизни Саввы Сербскаго, онъ обращаетъ на себя вниманіе старца Ѳеодула, давно уже искавшаго новаго біографа для Саввы. Ѳеодулъ и поручаетъ ему составить новое житіе Саввы, давъ ему тѣ матеріалы, которые, повидимому, были собраны еще при Никодимѣ, включая сюда и тѣ преданія, которыя слышалъ Ѳеодулъ еще отъ Доментіана, ученика св. Саввы. Ѳеодосій, повидимому, собиралъ преданія и по другимъ монастырямъ Аѳона и вмѣстѣ провѣрилъ, исправилъ и дополнилъ свой основной источникъ «Житіе Доментіана»..

Что же касается второй книжки (стр. 181) «Извѣстій», то она должна возбуждать къ себѣ особое вниманіе не только нашихъ историковъ литературы, но и широкихъ круговъ общества. Во главѣ ея находимъ неизвѣстныя доселѣ и впервые печатаемыя стихотворенія Н. М. Языкова и В. А. Жуковскаго. Напечатавшій ихъ съ своими примѣчаніями И. А. Бычковъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее: «Въ 1902 г. императорская публичная библіотека пріобрѣла цѣлый рядъ стихотвореній Н. М. Языкова, частью въ подлинникахъ, частью въ спискахъ, а также копіи съ нѣсколькихъ произведеній В. А. Жуковскаго. Эти рукописи нѣкогда принадлежали Маріи Николаевнѣ Дириной, бывшей съ 1827 г. замужемъ за профессоромъ русскаго права въ дерптскомъ университетѣ Александромъ фонъ-Рейтцемъ; отъ нея онѣ перешли къ ея дочери М. А. Сарычевой, въ имѣньи которой (въ Гдовскомъ уѣздѣ) долго и хранились. Н. М. Языковъ, въ бытность свою студентомъ дерптскаго университета, увлекался нѣкоторое время М. Н. Дириной и, какъ извѣстно, воспѣвалъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ. Нѣсколько новыхъ его стихотвореній, посвященныхъ М. Н. Дириной, нашлось и въ бумагахъ, поступившихъ въ библіотеку. Въ этихъ же бума-

гахъ имѣются и другія стихотворенія Языкова, относящіяся къ дерптскому періоду его жизни, оставшіяся досслѣ не изданными. Новое пріобрѣтеніе библіотеки, содержа такимъ образомъ цѣнныя дополненія къ печатнымъ изданіямъ стихотвореній Языкова, имѣетъ значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Оно является важнымъ для хронологіи произведеній Языкова, такъ какъ на многихъ его стихотвореніяхъ означено время ихъ написанія. Къ тексту извѣстныхъ въ печати стихотвореній Языкова рукописи его изъ собранія М..Н. Дириной даютъ немало варіантовъ и возстановляютъ первоначальное чтеніе стиховъ, измѣненныхъ по цензурнымъ соображеніямъ, а также пропуски, иногда въ нѣсколько строкъ, допущенные по тѣмъ же соображеніямъ... Стихотворенія Жуковскаго, хранящіяся въ бумагахъ М. Н. Дириной, за исключеніемъ двухъ, въ печати тоже не появлялись. Мнѣ не встрѣчалось указаній, чтобы гдѣ-либо имѣлись подлинники этихъ неизданныхъ стихотвореній; тѣмъ большое значеніе пріобрѣтаютъ дошедшіе до насъ ихъ списки».

Изъ стихотвореній Н. М. Языкова напечатаны: 1) «Пѣсни», 2) «Островокъ», 3) «Поздравленіе Маріи Николаевнѣ», 4) стихотвореніе, «писанное, очевидно, къ ней же», 5) «Мой апокалипсисъ», большое стихотвореніе съ стихотворными «примѣчаніями» и «эпилогомъ», и 6) «Вторая присяга» (1826 г.).

А изъ стихотвореній В. А. Жуковскаго находимъ, во-первыхъ, большую шуточную пьесу или «греческую балладу»—«Муретово. 1811.», два небольшихъ стихотворенія: «Призваніе» и «Персидская пѣсня», «Посланіе» (въ 170 строкъ) и два небольшихъ стихотворенія, по поводу найденнаго имъ перстня—Аполлонова голова.

Любопытно самое заглавіе «греческой баллады» — «Муретово». Вотъ оно: «Елена Ивановна Протасова, ино Дружба, нетерпѣніе и капуста. Греческая баллада, преложенная на русскіе нравы Маремьяномъ Даниловичемъ Жуковятниковымъ (т. е. самимъ В. А. Жуковскимъ), предсѣдателемъ комиссіи о построеніи муретовскаго дома, авторомъ тѣсной конюшни, огнедышащимъ экс-президентомъ стараго огорода, кавалеромъ ордена трехъ печенокъ и командиромъ Галиматьи».

Далѣе, въ своемъ довольно пространномъ изслѣдованіи «Кольцовъ и народная лирика (Опытъ параллельнаго анализа)» А. И. Некрасовъ, рѣшая вопросъ объ отношеніи пѣсенъ Кольцова къ народной лирикѣ, приходитъ къ такому выводу: «Въ Кольцовѣ вовсе не было той народной непосредственности, о которой хочется думать, имѣя въ виду форму и языкъ его пѣсенъ. Ихъ содержаніе говоритъ намъ противное. Кольцовъ стоитъ подъ вліяніемъ основныхъ теченій русской литературы и гораздо ближе къ сентиментально-романтическому, чѣмъ къ реалистическому ея лагерю. Налетъ сентиментальныхъ и романтическихъ чертъ сильно сказывается во всѣхъ его стихтвоніяхъ вплоть до послѣдняго. Кольцовъ взялъ у народа форму пѣсенъ и часть ихъ содержанія. Послѣднее онъ добавилъ и переработалъ соотвѣтственно своему складу и вкусу, довольно далекимъ отъ склада и вкуса народа, и лишь въ такомъ видѣ пѣсни Кольцова стали достояніемъ русской литературы» (стр. 134—135).

Наконецъ, любопытными для историка литературы являются и небольшія статьи: «Гоголь въ славянскихъ переводахъ (Библіографическая замѣтка)»,

П. А. Заболотскаго и «Къ литературной исторіи «Горя отъ ума». (Несостоявшееся изданіе комедіи подъ редакціей П. Е. Басистова, 1857 г.)» Н. К. Пиксанова, автора недавно вышедшей книжки «А. С. Грибоѣдовъ. Біографическій очеркъ. (Съ иллюстраціями). Отдѣльный оттискъ изъ перваго тома «Полнаго собранія сочиненій А. С. Грибоѣдова», изд. разряда изящной словесности императорской академіи наукъ».

Послѣ всѣхъ этихъ весьма интересныхъ сообщеній, касающихся новой русской литературы въ ея лучшихъ представителяхъ, помѣщены, въ концѣ книжки, «Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературамъ. LVI—LXX», А. И. Яцимирскаго, составляющіе продолженіе его кропотливой и цѣнной работы, печатающейся въ «Извѣстіяхъ» уже нѣсколько лѣтъ.

В. Рудаковъ.

Ѳ. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, библіографическимъ указателемъ, примѣчаніями, варіантами, факсимиле и портретомъ. Изданіе шестое, исправленное и дополненное. Редакція изданія П. В. Быкова. Изданіе товарищества А. Ф. Маркса. С.-Петербургъ. 1912. Стр. XLVII+694. Ц. 3 р.

Со времени послѣдняго изданія сочиненій Тютчева прошло 12 лѣтъ, но оно уже съ половины 900-хъ годовъ стало библіографической рѣдкостью, и случайные экземпляры, попадавшіе къ букинистамъ, продавались по цѣнѣ, во много разъ выше номинальной. Такой не прекращающійся спросъ на сочиненія Тютчева въ наше время представляется понятнымъ. Путь, по которому пошла русская поэзія, во многихъ отношеніяхъ воспитанная на тютчевскихъ образцахъ, подготовилъ читателя къ пониманію какъ философской и художественной стороны тютчевскаго творчества, такъ и своеобразныхъ техническихъ его пріемовъ.

Тютчевъ подлинно одинъ изъ «вѣчныхъ спутниковъ» всякаго литературно-образованнаго человѣка. Несмотря на то, что начало его творческой дѣятельности восходитъ къ 1820 году, онъ не устарѣлъ и способенъ въ полной мѣрѣ отвѣчать наиболѣе глубокимъ запросамъ современной души. Въ этомъ отношеніи характерно, что средній читатель склоненъ относить поэзію Тютчева къ эпохѣ его позднѣйшихъ современниковъ Майкова, Фета и Полонскаго, забывая или не зная, что наиболѣе проникновенныя стихотворенія Тютчева, какъ «Silentium», «О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной», «Не то, что мните вы—природа»... и т. д. появились въ печати въ 30-хъ гг. при жизни и съ благословенія Пушкина.

Самобытный политическій мыслитель, заставлявшій своими публицистическими выступленіями въ заграничной прессѣ прислушиваться къ своему голосу дипломатическіе круги Европы,—Тютчевъ отзывался въ своей поэзіи и на политическія темы. Неизмѣнно остроумный, владѣвшій въ совершенствѣ язвительной мѣткостью стиха, онъ былъ любимцемъ тогдашняго образованнаго общества, ловившаго на лету и восторженно повторявшаго его злободневныя строфы. Но этой стороной творчества Тютчевъ принадлежитъ уже

исторіи, и правъ былъ редакторъ настоящаго изданія, выдѣливъ тютчевскія политическія стихотворенія, равно какъ и его политическія статьи, въ особый отдѣлъ.

Возрожденіе интереса къ Тютчеву въ наше время замѣчается не только среди поэтовъ и цѣнителей поэзіи, но также и въ средѣ ученыхъ изслѣдователей литературы и психологіи художественнаго творчества. Не говоря о нынѣ здравствующихъ Д. Н. Овсянико-Куликовскомъ, А. Г. Горнфельдѣ и др., посвятившихъ много вниманія Тютчеву, его поэзіей съ увлеченіемъ занимался, какъ достовѣрно извѣстно пишущему эти строки, знаменитый лингвистъ, покойный профессоръ А. А. Потебня, оставившій о Тютчевѣ драгоцѣнныя замѣтки, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще полностью не изданныя.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе несомнѣнное значеніе Тютчева для нашего времени, нельзя не привѣтствовать намѣренія редактора новаго изданія сочиненій Тютчева какъ бы подвести имъ итоги тютчевской роли въ нашей литературѣ.

Изданіе открывается вступительной статьею г. Брюсова, которая распадается на двѣ далеко не равноцѣнныя части: насколько блѣденъ и вялъ очеркъ жизни Тютчева, настолько, наоборотъ, блестяща характеристика его творчества, столь близкаго многими мотивами поэзіи самого г. Брюсова.

Вполнѣ добросовѣстно, хотя и безъ живого участія къ личности характеризуемаго писателя, г. Брюсовъ излагаетъ біографическія данныя о Тютчевѣ, причемъ наиболѣе интересными здѣсь являются страницы, посвященныя позднему увлеченію Тютчева г-жою Денисьевою, съ такою яркостью озарившему послѣднимъ свѣтомъ поэзію Тютчева. Впрочемъ, первыя свѣдѣнія объ этомъ романѣ появились въ 1903 году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (Т. XCIII, № 7, іюль, Ѳ. Т. «Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ.—Матеріалы къ его біографіи»),—намекъ же на это событіе можно найти еще въ воспоминаніяхъ А. А. Фета.

Нѣкоторыя частности въ очеркѣ г. Брюсова вызываютъ возраженія. Такъ, напримѣръ, едва ли правильно видѣть въ довольно двусмысленномъ стихотвореніи «Декабристамъ»—проявленіе юношескаго свободомыслія Тютчева. Сомнительно также предположеніе г. Брюсова о томъ, что статья Некрасова о творчествѣ Тютчева оказала такое вліяніе на поэта, что онъ сталъ охотнѣе появляться въ печати. Сомнительнымъ это является потому, что въ свое время на Тютчева не оказалъ такого вліянія даже отзывъ Пушкина. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ лириковъ, Тютчевъ былъ «самъ свой высшій судъ».

Что касается характеристики поэзіи Тютчева, то ее безъ преувеличеній слѣдуетъ признать блестящею. Съ чуткой тонкостью вскрываетъ г. Брюсовъ роковую антитезу поэзіи Тютчева: съ одной стороны—пантеистическое обожествленіе природы и вызываемое ею воспѣваніе «блеска проявленій» дневного міра, съ другой же—проникновеніе въ «ночной хаосъ», рождающій тѣ «страшныя пѣсни», которыя взрываютъ въ смятенномъ сердцѣ «порой неистовые звуки». Г. Брюсовъ не дѣлаетъ вывода, который напрашивается самъ собою: быть можетъ, именно этою-то раздвоенностью и близка намъ особенно «вѣщая», какъ самъ онъ называлъ ее, душа поэта.

Въ стремленіи систематизировать поэзію Тютчева г. Брюсовъ не останавливается на тѣхъ,—мы сказали бы,—«срывахъ», когда Тютчевъ бывалъ одинаково далекъ какъ отъ пантеистическаго воспріятія міра, такъ и отъ чувства хаоса и когда струны его души звучали тѣмъ, что Ницше называетъ «Menschliches, allzu Menschliches». Эти «срывы», минуты человѣческой слабости и безнадежности, отражены въ стихотвореніяхъ «Слезы», «Не разсуждай, не хлопочи» и, въ особенности, «О этотъ югъ, о эта Ницца». Въ послѣднемъ—г. Брюсовъ напрасно видитъ проявленіе безсилія передъ прелестью природы,—оно продиктовано поэту чувствомъ горя отъ потери любимаго человѣка. Въ пользу этого предположенія говорятъ какъ дата написанія стихотворенія, такъ и свидѣтельство А. А. Фета.

Въ послѣдней главѣ очерка о тютчевскомъ творчествѣ г. Брюсовъ останавливается на литературныхъ вліяніяхъ въ поэзіи Тютчева, на пріемахъ его творчества и, въ частности, на формахъ и структурѣ его стиха. Эти замѣчанія г. Брюсова отличаются особенною цѣнностью.

Очень интересны приводимые г. Брюсовымъ примѣры звукоподражательности въ стихахъ Тютчева. Къ нимъ хочется прибавить еще кощунственно пропускаемую въ хрестоматіяхъ послѣднюю строфу «Весенней грозы».

Переходимъ къ тексту сочиненій Тютчева.

Нужно отдать справедливость редактору настоящаго изданія, онъ положилъ на него много трудовъ. Текстъ стихотвореній дѣйствительно провѣренъ и тщательно исправленъ. Кромѣ того,—что крайне важно,—дано много неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ варіантовъ. Изданіе обогащено пятнадцатью новыми стихотвореніями, среди которыхъ встрѣчаются истинные шедевры, какъ, напримѣръ: «Вотъ бреду я вдоль большой дороги», или «Опять стою я надъ Невой». Кстати, принадлежащее къ этому циклу стихотвореніе «Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло...» очень напоминаетъ по настроенію одинъ изъ сонетовъ Петрарки.

Заслуживаютъ самой горячей похвалы мастерски составленныя и подробныя примѣчанія, въ которыхъ встрѣчаются чрезвычайно интересные комментаріи къ стихотвореніямъ и политическимъ статьямъ. Весьма полезна извлеченная изъ печатныхъ источниковъ «Тютчевіана»: это—первый опытъ и, конечно, онъ не можетъ быть исчерпывающе полнымъ. Въ заключеніе дана заботливо собранная библіографія произведеній Тютчева. Въ ней отмѣтимъ одинъ пропускъ: составителемъ забытъ прекрасный сборникъ нѣмецкихъ переводовъ изъ Тютчева, сдѣланныхъ Ф. Ф. Фидлеромъ.

Вообще же сочиненія Тютчева въ изданіи т-ва Марксъ, несмотря на частичные недосмотры и промахи, являются настоящимъ подаркомъ для любителей русской поэзіи и почитателей Тютчева. Можно радоваться, что редакція этого изданія попала въ руки такихъ глубокихъ знатоковъ нашей литературы, какими являются г. г. Брюсовъ и Быковъ, не пожалѣвшіе трудовъ и времени и сдѣлавшіе дѣйствительно все возможное, чтобы дать намъ изданіе сочиненій Тютчева, достойное имени этого великаго поэта.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Наталія Грушко. Стихи. Спб. 1912 г. Стр. 78. Цѣна 1 руб.

Поэтическое дарованіе госпожи Грушко внѣ сомнѣній, но ему подчасъ недостаетъ продуманности и ровности въ исполненіи. Это, конечно, объясняется молодостью поэтессы. Наиболѣе закончены въ ея стихахъ образы изстрадавшагося «Безсилья», скрываемаго гордымъ видомъ человѣка, боящагося выдать свое горе толпѣ; въ томъ же духѣ хороша «Волна», гдѣ авторъ сравниваетъ насмѣшливо душу съ пескомъ и, бравируя, замѣчаетъ: что напишетъ въ ней одна жизненная волна—безслѣдно сотретъ другая... Недурно опоэтизирована борьба трезваго разума со сказкой земли и ея иллюзіями; хороша у поэтессы и жажда счастья, солнца, пѣсенъ и цвѣтовъ; ея робкое влеченье «къ сильной, ласковой рукѣ» или грѣшная и знойная страсть «съ улыбкою святой»... Поэтично воспроизведены ею «Малороссійскіе мотивы», страсти «Послушницы» и собственныя признанія въ томъ, что «жизнь безъ счастья надоѣла» и что, отвертываясь отъ прежняго друга, она ищетъ съ другимъ «прежней яркой ласки».

Кромѣ лирики, молодой поэтессѣ прекрасно удаются и бытовые стихи: «Пьяница», «На улицѣ», «Призывъ», «Предатель» и т. д.

Но рядомъ съ красивыми поэтическими стихотвореніями у госпожи Грушко имѣются стихи послабѣе и, такъ какъ въ юности полезнѣе самокритика, чѣмъ сплошныя похвалы, то укажемъ ей на цѣлый рядъ милыхъ бездѣлушекъ, навѣянныхъ какъ будто музой К. М. Фофанова. Всѣ эти ея «утра» и «вечера», съ блѣдными туманами, съ поющими по рѣкѣ тростниками о заповѣдныхъ сказкахъ, зори лучистыя, одежды серебристыя, дымка прозрачной вуали, бѣлыя ночи съ брачными пѣснями въ воздухѣ—прямое наслѣдіе Фофановской поэзіи. Слабы и произведенія, о внутреннемъ смыслѣ которыхъ поэтесса, повидимому, мало думаетъ. Напримѣръ: свиданіе во время снѣжной мятели, гдѣ «ей» на снѣгу «вкусить отъ жизни древа не помогъ премудрый змѣй», потому что «мятель съ разгульнымъ свистомъ слѣдъ «его» замела... Видимо, что когда «ея» душа «слиться жаждала съ его», онъ просто струсилъ и убѣжалъ... Ну, можно ли одухотворять подобныя картины поэтическимъ настроеніемъ? А между тѣмъ, къ сожалѣнію, у госпожи Грушко попадаются такіе образцы, ничтожные по содержанію. Конечно, при большей вдумчивости за работой и большей требовательности къ своему дарованію, поэтесса легко избѣгнетъ указанныхъ недостатковъ, такъ какъ всѣ они только ошибки молодости.

А. Фаресовъ.

Извѣстія общества Толстовскаго музея. 1911. №№ 3, 4 и 5. Цѣна 3 р.

«Извѣстія» Толстовскаго музея, хотя и вышли объемистымъ томомъ съ многочисленнымъ перечнемъ отдѣльныхъ статей въ оглавленіи,—въ общемъ представляютъ мало разнообразія.

Большинство матеріаловъ, какъ-то: письма Толстого и къ Толстому, газетныя извѣстія, сгруппированныя по поводу отдѣльныхъ эпизодовъ жизни или

смерти великаго писателя, выставочные отчеты—все это въ свое время, въ той или иной мѣрѣ, уже было извѣстно въ публикѣ.

Наибольшій интересъ настоящихъ «Извѣстій» представляетъ собою корректурный текстъ очерка «Севастополь въ августѣ 1855 года» съ поправками И. С. Тургенева и Чернышевскаго. Большинство поправокъ принадлежитъ перу Чернышевскаго, и характеръ ихъ сводится въ общемъ къ сокращеніямъ въ обрисовкахъ деталей того или иного художественнаго образа. Поправки эти немногочисленны и никакого существеннаго вліянія въ характеръ произведенія Л. Н. Толстого не вносятъ.

Далѣе, очень полно представлены отчеты о толстовскихъ выставкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ,—съ приложеніемъ двадцати трехъ недурно исполненныхъ фотографическихъ снимковъ съ отдѣльныхъ уголковъ выставокъ. Весьма подробно также приведена и отчетность посѣщаемости петербургскаго Толстовскаго музея. За время съ 27-го марта 1911 года по 1-е января 1912 года музей посѣтило болѣе пяти тысячъ человѣкъ.

Но все это въ настоящее время не представляетъ собою уже интереса свѣжей новости и служитъ лишь залогомъ памяти для потомства. Съ этой только точки зрѣнія и можно цѣнить громадный, исполненный съ величайшей любовью и тщательностью трудъ общества Толстовскаго музея.

А. Нечаева.

А. М. Брянскій и В. П. Лачиновъ. «Глаголинъ и его роли». Отзывы и портреты. Изданіе З. Элькиндъ. Спб. 1912. Стр. 44. Съ 23 рис.

Изъ молодыхъ актеровъ нашего времени Глаголинъ, безспорно, выдающійся сценическій талантъ, при томъ талантъ, который, не надѣясь на одно вдохновеніе, совершенствуется замѣтно и въ техникѣ своего искусства.

Вотъ именно это качество его, какъ артиста, и даетъ ему полное право на вниманіе критики и общества.

Данная книга представляетъ собою краткую біографію артиста, пришедшаго къ извѣстности совершенно самостоятельнымъ путемъ, благодаря лишь упорному труду надъ своими способностями и истинному актерскому таланту, рядъ отзывовъ объ исполненіи имъ нѣкоторыхъ ролей, какъ, напримѣръ, Димитрія Самозванца, Орлеанской Дѣвы, Хлестакова, Бальзаминова, маркиза Позы и многихъ другихъ, и статьи А. М. Брянскаго, кратко, но мѣтко опредѣлившаго дарованіе Глаголина.

Между прочимъ авторъ только что вышеупомянутой статьи совершенно справедливо отмѣчаетъ, что «Шерлокъ Холмсъ» и «Милый Жоржъ», за которые артистъ въ свое время получилъ немало упрековъ, съ точки зрѣнія чисто театральной остаются блестящими созданіями Глаголина.

А. М. Брянскій находитъ даже историческое оправданіе для Глаголина: «развѣ не получалъ такіе же упреки великій Мартыновъ? А между тѣмъ въ водевиляхъ Мартыновъ оставилъ цѣлую галерею блестящихъ артистическихъ созданій, въ которыхъ со всею щедростью проявилъ божественный даръ своей актерской души».

Простота, естественность, замѣчательная способность быть разнообразнымъ въ творчествѣ, полное перевоплощеніе въ изображаемую личность, блестящая внутренняя и внѣшняя техника, чуждая рутины, банальности и пошлости— вотъ яркія, характеристическія черты таланта Глаголина, выдѣленныя этою книгою.

Слабая сторона книги заключается въ томъ, что отзывы не полны и расположены не хронологически, что не даетъ возможности послѣдовательно прослѣдить ростъ таланта артиста. Надо оговориться, что отзывы собраны только болѣе основательные и похвальные, что, конечно, сдѣлано не безъ умысла. Составители книги, видимо, разумно воспользовались благороднымъ совѣтомъ французскаго драматурга Мари-Жозефъ-Шенье, сказавшаго, что «невѣжда не видитъ красотъ, хулитель не хочетъ ихъ видѣть, критикъ ихъ видитъ и указываетъ на нихъ».

Приложенные къ книгѣ рисунки изображаютъ артиста въ различныхъ роляхъ и въ жизни. Особенно хорошъ портретъ, выполненный пастелью художникомъ П. Шмаровымъ и прекрасно переданный въ краскахъ искусною на этотъ счетъ типографіею Вильборгъ и Голике.

А. Рябовъ.

Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 г.г. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 годъ. Изданіе переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Спб. 1911. Стр. 501, съ 12 картами.

Внушительный фоліантъ, составленный учрежденіемъ, вѣдающимъ переселеніе, детально знакомитъ съ дѣятельностью правительства въ области переселенія за послѣднія пять лѣтъ. Послѣднее пятилѣтіе, по словамъ составителей отчета, является наиболѣе характернымъ періодомъ переселенческаго движенія на Уралѣ. Періодъ этотъ ознаменовался осуществленіемъ закона 6-го іюня 1904 года о свободѣ переселенія сельскихъ обывателей и мѣщанъ-землепашцевъ на казенныя земли Азіатской Россіи, вызвавшаго небывалый подъемъ переселенія. Такъ, въ 1906—1910 г.г. проslѣдовало въ Сибирь переселенцевъ 2.516,075 душъ обоего пола (въ четыре сибирскія губерніи—1.485,143, или 59 процентовъ, въ Степной край—770,211, или 31 процентъ и въ области Дальняго Востока—260,721, или 10 процентовъ). Насколько увеличилась волна переселенія, видно, напримѣръ, изъ того, что въ теченіе предшествующаго десятилѣтія 1896—1905 г.г. переселенцевъ прослѣдовало только 1.279,909 душъ.

Однако, не всѣ эти переселенцы нашли подходящія для себя земли и прочно осѣли на новыхъ мѣстахъ. Трудныя условія водворенія вынуждали многихъ, даже уже начавшихъ обзаводиться хозяйствомъ, возвращаться обратно на родину, и за періодъ 1906—1910 г.г. возвратилось 264,031 человѣкъ.

Между прочимъ, замѣчается увеличеніе движенія переселенцевъ въ Степной край, объясняемое тѣмъ, что послѣ недавнихъ обслѣдованій хозяйственнаго

быта киргизовъ обращены подъ переселеніе крестьянъ значительные излишки годныхъ для земледѣльческой культуры государственныхъ земель, находившихся въ пользованіи кочевниковъ. Отведенный для переселенцевъ за послѣдніе годы земельный фондъ въ степныхъ областяхъ исчисляется милліонами десятинъ. Переселенческое вѣдомство находитъ, что киргизы утратили нужду въ тѣхъ огромныхъ земельныхъ пространствахъ, на которыхъ раньше бродили стада кочевниковъ... Въ видѣ же компенсаціи киргизамъ отводились надѣлы для занятія ихъ земледѣліемъ. Однако переходъ киргизовъ къ осѣдлости происходилъ довольно медленно и, какъ отмѣчаетъ само вѣдомство, «для большей части многоскотныхъ киргизскихъ хозяйствъ, еще далеко не приспособившихся къ интенсивному использованію степныхъ пространствъ, такой переходъ на ограниченные осѣдлые надѣлы представляется пока преждевременнымъ. Они не научились еще заготовлять запасовъ сѣна для скота, травосѣяніе же имъ недоступно. Невольно, поэтому, напрашивается вопросъ, не преждевременно ли вообще было изъятіе изъ киргизскаго землепользованія земельныхъ «излишковъ». По крайней мѣрѣ въ періодической прессѣ указывалось на болѣзненность подобной земельной операціи, къ тому же грозящей паденіемъ скотоводства. Точно такія же заявленія раздавались въ печати по поводу землеустройства въ Восточной Сибири, гдѣ изъ пользованія бурятъ были изъяты огромные участки земли. Взволнованные и обиженные буряты посылали депутаціи въ Петербургъ, ходатайствуя не уменьшать ихъ доли, такъ какъ иначе имъ грозитъ разореніе. Какъ извѣстно, результатомъ землеустроительныхъ работъ было то, что инородцы массами переселялись на Витимъ, несмотря на суровый климатъ (въ концѣ мая выпадаютъ инеи).

Не одни, однако, инородцы оставались недовольны работами землеустроительныхъ комиссій. Стоитъ припомнить исторію землеустройства села Павловскаго на Алтаѣ. Здѣсь, какъ извѣстно, на почвѣ недовольства землеустройствомъ русское населеніе произвело крупные безпорядки, за которые около двухсотъ человѣкъ заключены въ тюрьму. Впослѣдствіи же выяснилось, что протесты крестьянъ села Павловскаго были совершенно правильны.

Къ сожалѣнію, переселенческое вѣдомство въ своемъ отчетѣ обходитъ молча тѣневыя стороны дѣятельности его чиновъ; тѣмъ не менѣе появленіе въ печати изданія, подобнаго этому, нельзя не привѣтствовать.

Въ немъ заключаются всѣ мѣропріятія правительства къ содѣйствію переселенію, къ улучшенію перевозокъ переселенцевъ въ новую для нихъ страну и вообще по устройству ихъ на новомъ мѣстѣ. Цѣлый рядъ діаграммъ и таблицъ наглядно показываетъ, что именно сдѣлано правительствомъ для переселенцевъ во всѣхъ областяхъ жизни и, въ связи съ этимъ, по землеустройству старожиловъ, надѣлы которыхъ приводились въ извѣстность поземельно-устроительными комиссіями въ виду стремленія старожиловъ къ внутринадѣльному межеванію, такъ какъ порядокъ общиннаго землепользованія, вредно отражавшійся на условіяхъ ихъ быта, вызывалъ общее недовольство.

Для всѣхъ, интересующихся вопросами колонизаціи Сибири, для которой главнѣйшимъ двигателемъ экономической жизни является именно переселеніе,— рецензируемое изданіе представляетъ значительную цѣнность. Но оно, пови-

димому, въ продажу не предназначается и, къ сожалѣнію, не для всѣхъ будетъ доступно.

Въ книгѣ много картъ, фотографій и плановъ, исполненныхъ въ высшей степени художественно. **Вит. Ткачукъ.**

В. А. Мелиховъ. Культъ римскихъ императоровъ. Харьковъ. 1912.

Въ русской литературѣ не существуетъ спеціальнаго изслѣдованія о культѣ римскихъ императоровъ, который при посредствѣ Византіи отразился на Московской Руси. Этотъ пробѣлъ до извѣстной степени пополняетъ маленькая книжка г. Мелихова. Поклоненіе императору началось со временъ Августа III. Въ организованномъ при Августѣ почитаніи божественности императорской особы основная религіозная идея была почерпнута изъ древняго вѣрованія римлянъ въ геніевъ и мановъ. Кромѣ того, въ культѣ императоровъ отразилось и вліяніе Востока, гдѣ почитаніе правителей играло видную роль въ Египтѣ и азіатскихъ монархіяхъ. Съ Востока же была воспринята и политическая идея культа, по возможности приспособленная къ римскимъ понятіямъ. Впослѣдствіи религіозное и государственное значеніе императорскаго культа тѣсно переплелись другъ съ другомъ и образовали настолько прочную религіозно-политическую идею, что она, преобразованная подъ вліяніемъ христіанства, въ видѣ пережитковъ продолжала существовать много вѣковъ спустя послѣ окончательнаго упраздненія божественнаго почитанія императоровъ.

П. Б.

Ладо. Сборникъ литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской націоналъ-демократіи. Спб. 1911 Стр. 240. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ Ладо (славянское—согласіе) представляетъ собою знаменательное и любопытное явленіе нашихъ дней. Не даромъ онъ привлекъ къ себѣ вниманіе всей печати, а въ лѣвой ея части удостоился ярыхъ нападокъ. Идеи, заложенныя въ этомъ сборникѣ, отнимаютъ у враговъ русской національной мысли поводъ къ нападкамъ, будто бы русскому національзму сочувствуютъ лишь нѣкоторые помѣщичьи и чиновные круги, будто бы въ русскомъ національзмѣ нѣтъ творческихъ демократическихъ началъ. Ладо состоитъ изъ двухъ частей: беллетристической и публицистической. Въ послѣдней развивается широкая послѣдовательная націоналъ-демократическая программа въ рядѣ очерковъ, написанныхъ съ пониманіемъ и знаніемъ дѣла, талантливо и мѣстами даже вдохновенно. Русской космополитической и потерявшей чувство здоровой государственности интеллигенціи сказано немало горькихъ истинъ и отдана справедливость честнымъ журналистамъ оппозиціоннаго лагеря Струве и Булгакову вмѣстѣ съ остальными сотрудниками столь нашумѣвшихъ «Вѣхъ». «Ладо» исходитъ изъ общеславянской идеи, но державной русской народности отводитъ подобающее ей господствующее мѣсто. Свѣтлое будущее русскаго народа зависитъ отъ силы возрождающагося національнаго чувства. «Національзмъ,—говоритъ одинъ изъ

сотрудниковъ «Ладо» г. Балясный,—это культъ всего лучшаго на Руси, соединенный со стремленіемъ обновить, просвѣтить, возвеличить свой народъ и родину и закрѣпить за формами ея государственнаго и народнаго бытія русскія начала». Съ прозорливостью историка и общественнаго дѣятеля вкладываетъ руки въ наши общественныя язвы и указываетъ путь лучшаго будущаго г. Владиміръ Онежскій. Графъ В. А. Бобринскій и Д. Н. Вергунъ въ сжатой, но очень содержательной формѣ касаются существа и значенія современныхъ русско-славянскихъ отношеній въ ихъ различныхъ видахъ. Жаль, что сборнику не предпослано обобщающаго введенія, которое облегчило бы читателю образованіе цѣльности впечатлѣнія отъ книги. Любопытно участіе въ беллетристической части «Ладо» почтеннаго профессора Бехтерева, давшаго прочувствованное стихотвореніе «Идеалъ»; здѣсь же обращаетъ на себя особое вниманіе въ ряду другихъ политическій сатирикъ и памфлетистъ Иванъ Пересвѣтовъ, недавно выпустившій сборникъ своихъ талантливыхъ стихотвореній. Производятъ сильное впечатлѣніе статья І. В. Никанорова, разрабатывающаго основы возрожденія русской національной церкви, и изящный очеркъ «Соколиные слеты» г. Воронова. В. Гр—скій.

Митрополитъ Антоній. Рѣчи, слова и поученія. Изданіе третье. Спб. 1912 г. Стр. 527.

Съ исполнившимся въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года двадцатипятилѣтіемъ служенія владыки митрополита Антонія въ епископскомъ санѣ совпало третье, дополненное изданіе его «Рѣчей, словъ и поученій». Изящно-красивая обложка обнимаетъ 527 страницъ глубоко-интереснаго текста, прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ отпечатаннаго на лучшей бумагѣ. Въ книгѣ содержится сто двадцать четыре рѣчи, четырнадцать словъ, пятнадцать поученій, одна бесѣда, два привѣтствія, два письма и два разсужденія. Высокопреосвященный авторъ, какъ бывшій профессоръ церковнаго краснорѣчія на академической каѳедрѣ, строго различаетъ перечисленные сейчасъ виды ораторскаго слова и съ точностью отмѣчаетъ соотвѣтствующимъ названіемъ каждую изъ своихъ проповѣдей. По его собственнымъ словамъ, только небольшая часть помѣщенныхъ въ книгѣ проповѣдей сказана по назначенію начальства на заранѣе опредѣленныя темы, всѣ же остальныя рѣчи произнесены по непосредственному побужденію и настроенію, или, лучше сказать, по вдохновенію, и вызваны разными особенными обстоятельствами и событіями двадцатипятилѣтней академической, столичной, церковной и общественной жизни. Это особенно важно и дорого, придаетъ книгѣ живой интересъ и вызываетъ въ памяти читателей минувшія событія за цѣлую четверть вѣка. Такъ, семь рѣчей, произнесенныхъ на славленьи Христа у Ихъ Императорскихъ Величествъ и нѣсколько рѣчей по поводу различныхъ событій въ царствующемъ домѣ переносятъ насъ въ царскій дворецъ, и мы слышимъ первоіерарха русской церкви, искренно-патріотически говорящаго тамъ о великихъ событіяхъ государства. Рѣчи, сказанныя въ государственной думѣ и въ государственномъ совѣтѣ, въ предсоборномъ присутствіи при св. синодѣ,

предъ присягою дворянъ и др., знакомятъ читателей съ законодательными и правительственными учрежденіями и происходящею въ нихъ работою. Тридцать четыре рѣчи при врученіи жезловъ цѣлому сонму россійскихъ архипастырей, въ большинствѣ нынѣ здравствующихъ, а также—архимандритамъ и игуменамъ, и шестнадцать рѣчей къ новопостриженнымъ инокамъ вводятъ въ міръ монашества и церковнаго пастырства съ ихъ идеалами и стремленіями, и слышенъ здѣсь убѣжденный голосъ архипастыря, прошедшаго всѣ ступени іерархической лѣстницы и перечувствовавшаго всѣ волненія и тяготы жизни инока и церковнаго пастыря. Нѣсколько десятковъ рѣчей, сказанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ—духовной академіи, университетѣ, пажескомъ корпусѣ, женскихъ институтахъ, клиническомъ повивальномъ институтѣ, на актахъ городскихъ училищъ и другихъ, влекутъ въ шумную среду многолюдной учащейся молодежи съ ея радостями, заботами, надеждами и ожиданіями. Слова и рѣчи въ дни праздничные, воскресные, высокоторжественные и въ дни Страстной седмицы, а также сказанныя при освященіи церквей и при заупокойныхъ богослуженіяхъ по выдающимся ученымъ и общественнымъ дѣятелямъ, ведутъ въ храмъ, оживляютъ давно минувшія событія церковной исторіи, воскрешаютъ ихъ дѣятелей и въ то же время напоминаютъ о скоропреходящей нынѣшней жизни и пріоткрываютъ завѣсу жизни загробной. Наконецъ, цѣлый рядъ рѣчей, произнесенныхъ по особымъ случаямъ—при открытіи братствъ, съѣздовъ, при вступленіи въ управленіе и при обозрѣніи епархій, при юбилеяхъ, при встрѣчѣ финляндскаго генералъ-губернатора, при встрѣчѣ и проводахъ французскаго президента, къ рабочимъ Путиловскаго завода и много другихъ,—всѣ такъ живы, вдохновенны, интересны и впечатлительны, что читатели какъ бы вновь присутствуютъ на минувшихъ, волновавшихъ и интересовавшихъ въ свое время общество событіяхъ. Читая эти краткія, но всегда содержательныя и прекрасно отдѣланныя рѣчи маститаго первосвятителя русской церкви, не можешь оторваться и жалѣешь, что книга имѣетъ конецъ. Въ прибавленіи къ книгѣ помѣщены: всеподданнѣйшее письмо владыки по случаю японской войны, разсужденіе по поводу войны—«Настоящее горе Россіи», необходимое разъясненіе по поводу открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго и отвѣтъ графинѣ С. А. Толстой по поводу отпаденія ея мужа отъ церкви. **К. З.**

Э. Дюркгеймъ, проф. соціологіи. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Перев. съ франц. А. Н. Ильинскаго. Съ предисловіемъ д-ра Г. И. Гордона. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1912. Стр. 541. Цѣна 3 р. 50 к.

Участившіеся за послѣднее время случаи самоубійства во всѣхъ уголкахъ русской жизни невольно обратили на себя вниманіе нашего нервнаго общества. Въ газетахъ стали появляться краткія и длинныя статьи, заговорили даже о какихъ-то таинственныхъ клубахъ самоубійцъ. Почувствовалась настоятельная потребность разобраться въ этомъ мрачномъ явленіи. Это создало спросъ на соотвѣтствующую литературу, а создавшійся спросъ, въ свою очередь,

заставилъ книжныхъ издателей выпустить на рынокъ, за истощеніемъ оригинальныхъ трудовъ, и переводные, почерпнутые въ иностранныхъ литературахъ.

Вотъ условія, при которыхъ появилась въ русскомъ переводѣ книга извѣстнаго французскаго соціолога Дюркгейма. Несмотря на сложность темы, трудъ этотъ написанъ такъ, какъ умѣютъ писать только французы, т.-е. удобопонятно и ясно. Авторъ каждый свой выводъ иллюстрируетъ богато и разносторонне подобраннымъ фактическимъ матеріаломъ. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый калейдоскопъ чрезвычайно любопытныхъ фактовъ, раскрывается такой уголокъ жизни человѣческой, куда, быть можетъ, ему никогда прежде не доводилось заглядывать. Извлекая изъ этихъ фактовъ свои заключенія, Дюркгеймъ облекаетъ ихъ въ точно и ясно формулированныя положенія, а прекрасное предисловіе къ русскому переводу, написанное д-ромъ Гордономъ, какъ бы даетъ ключъ къ уразумѣнію всей схемы Дюркгейма.

Такимъ образомъ, чтеніе этой книги не только не отпугнетъ читателя своею трудностью, но, наоборотъ, способно заинтересовать его своею темой еще шире, еще глубже.

Но, какъ всегда бываетъ, и относительно книги Дюркгейма имѣются свои но...

Прежде всего французскій подлинникъ вышелъ въ свѣтъ уже лѣтъ 15 тому назадъ. Слѣдовательно, всѣ статистическія и цифровыя данныя, приводимыя въ книгѣ Дюркгейма, теперь устарѣли и въ настоящее время, можетъ быть, не только не подтверждаютъ, но даже опровергаютъ его взгляды. Во-вторыхъ, трудъ Дюркгейма написанъ до извѣстной степени ad majorem gloriam соціологіи—науки, которая до сихъ поръ не сумѣла ни опредѣлить своего объема, ни установить своихъ методовъ изслѣдованія. Вмѣсто того, чтобы взглянуть на самоубійство, какъ на явленіе страшно сложное, зависящее отъ множества причинъ самаго разнообразнаго порядка—психическихъ, физіологическихъ, экономическихъ и т. п., авторъ беретъ самоубійство исключительно какъ явленіе соціологическое, объясняемое характеромъ отношеній единичнаго лица къ обществу. Если индивидуумъ развивается черезчуръ быстро, опережаетъ общество, связи его съ этимъ обществомъ разрушаются, и это разрушеніе можетъ вызвать самоубійство носителя такого крайняго индививуализма. По схемѣ Дюркгейма это будетъ типомъ самоубійства эгоистическаго. Противоположнымъ ему типомъ будетъ самоубійство альтруистическое, т.-е. добровольный уходъ изъ жизни во имя блага другого. Таковы самоубійства неизлечимыхъ больныхъ, стариковъ, ставшихъ въ тягость другимъ, или—въ болѣе замаскированномъ видѣ—самоубійства женъ послѣ смерти мужей, рабовъ послѣ смерти господъ и т. д. Третій, смѣшанный типъ самоубійства будетъ самоубійство аномичное, вызываемое всякаго рода общественными неустройствами и потрясеніями. Внутри намѣченной общей схемы Дюркгеймъ проводить множество дѣленій и подраздѣленій, выясняя, напримѣръ, такія частные поводы къ самоубійству, какъ всемірныя выставки или вліяніе температуры и т. п. Но и здѣсь авторъ, вѣрный своей соціологической доктринѣ, старается наблюдать дѣйствіе каждаго фактора на увеличеніе или уменьшеніе числа самоубійствъ отдѣльно, беретъ каждый факторъ изолированно, закрывая глаза

на то, что въ дѣйствительной жизни бываетъ совсѣмъ не такъ, и человѣкъ каждую минуту находится подъ дѣйствіемъ цѣлаго комплекса силъ, равнодѣйствующая которыхъ и опредѣляетъ его поведеніе. Но схематичность—это ужъ общій грѣхъ современной соціологіи.

А. Б.

Актовыя книги Полтавскаго городового уряда XVII вѣка. Выпускъ I. Справы поточныя 1664—1671 годовъ. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Черниговъ. 1912. Стр. 4 + 216 + 19.

Въ музеѣ украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго черниговскаго губернскаго земства уже нѣсколько лѣтъ хранятся полтавскія актовыя книги, никѣмъ еще изъ историковъ Полтавщины не использованныя. Нынѣ В. Л. Модзалевскій, разсмотрѣвшій ихъ, извлекъ изъ первой части книги подъ № 54 судебные акты и на средства полтавской ученой архивной комиссіи предалъ ихъ тисненію. Эти акты, цѣнные уже потому, что относятся къ интереснѣйшему времени прошлаго Гетманщины—эпохѣ ««Руины», когда «гетманствовали Иванъ Мартыновичъ Брюховецъ и Демьянъ Многогрѣшный,—раскрываютъ за цѣлыхъ семь лѣтъ (1664—1671 гг.) все то, что творилось въ городской жизни самой Полтавы и въ жизни ближайшихъ къ ней селъ, нерѣдко съ любопытнѣйшими бытовыми подробностями. Кромѣ того, въ нихъ нашли отраженіе нѣкоторыя политическія событія того времени; по нимъ можно судить о степени участія на судѣ и особенно въ постановкѣ «декретовъ» московскихъ властей и городового суда «товариской ряды»; наконецъ въ нихъ немало данныхъ для исторіи собственно уряда, т.-е. мѣстной власти, его состава, формъ и т. п. и исторіи языка.

Акты напечатаны съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника, съ примѣчаніями редактора и съ приложеніемъ къ нимъ, для удобства пользованія, двухъ алфавитныхъ указателей: именъ личныхъ и географическаго. Съ внѣшней стороны изданіе выполнено вполнѣ удовлетворительно, и остается только пожелать, чтобы полтавская ученая архивная комиссія не замедлила печатаніемъ дальнѣйшихъ выпусковъ этихъ интереснѣйшихъ матеріаловъ для бытовой исторіи Малороссіи.

В. Р—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЛЕКСАНДРЪ I и баронесса Крюденеръ.—Уже слишкомъ много появилось статей объ отношеніяхъ императора Александра I и баронессы Крюденеръ, чтобы не вызвать невольнаго вопроса: что новаго можетъ сообщить Пьеръ Рэнъ въ своей статьѣ «Alexandre I et Madame de Krudener» [1]? И, дѣйствительно, онъ ничего не сообщаетъ новаго, развѣ только, разсматривая эти отношенія съ опредѣленной точки зрѣнія, онъ, между прочимъ, спрашиваетъ: въ какую именно вѣру увлекала г-жа Крюденеръ Александра?—и при этомъ подробно критикуетъ Священный союзъ.

Ея успѣхъ зависѣлъ отъ удачно выбраннаго момента для вліянія на императора: почва для этого была уже подготовлена. «Я вижу по всему происходящему, что Провидѣніе требуетъ большихъ жертвъ. Я готовъ подчиниться его волѣ!»—сказалъ Александръ Павловичъ Мишо, когда тотъ явился къ нему съ донесеніемъ о взятіи Москвы и о пожарѣ. Необъятность этого несчастія настолько его поразила, что онъ обратился къ послѣднему прибѣжищу—религіи. Съ нимъ произошелъ кризисъ, и изъ ученика Лагарпа онъ превратился въ мистика.

Александръ пожелалъ ознакомиться съ Библіей, которую попросилъ у императрицы Елизаветы. Въ Библіи все ему казалось любопытной новинкой и пророчествомъ, и онъ объявилъ, что до тѣхъ поръ его жизнь была безполезна и пуста, потому что въ ней онъ не давалъ мѣста для великихъ задачъ жизни. Всю отвѣтственность за свое незнаніе Бога и несовершенство религіознаго воспитанія онъ слагалъ на Екатерину: «святая сущность христіанства укрылась отъ ея взглядовъ», говорилъ онъ.

---

[1] «La Revue hebdomadaire», 14 Septembre 1912.

Въ ноябрѣ 1813 года адмиралъ Чичаговъ написалъ исторію русскаго похода, пересыпанную евангельскими изреченіями, согласно которымъ Александру предназначалось играть мистическую роль въ Европѣ. Читая эту исторію, онъ заливался слезами. Въ томъ же году послѣдовало открытіе въ Петербургѣ библейскаго общества, состоящаго изъ трехсотъ комитетовъ и сектъ различныхъ вѣроисповѣданій. Цѣлью открытія такого общества было распространеніе среди народа истинъ христіанской религіи. Мысль этой христіанской пропаганды была нѣсколько химерична, говоритъ авторъ, и потому въ 1818 году царь самъ же упразднилъ эту группировку всѣхъ религій, которую съ такимъ жаромъ создавалъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ.

Одна дама изъ Риги преподнесла ему копію съ псалма XCI, и Александръ нашелъ въ немъ много намековъ на его собственную судьбу. Этотъ псаломъ сдѣлался излюбленнымъ его чтеніемъ.

Такое религіозное настроеніе все увеличивалось до самаго заключенія мира. Александръ хотѣлъ себя убѣдить, какъ это было съ Наполеономъ, что онъ идетъ къ побѣдѣ, въ сопровожденіи Бога, и свою побѣду онъ приписывалъ Ему. Свои религіозныя чувства онъ доводилъ до крайности, какъ вообще во всемъ свои чувства.

Неизбѣжно было, чтобы этимъ настроеніемъ кто-нибудь воспользовался и создалъ себѣ роль, которая прославила бы его возлѣ посредника Европы. Эту роль взяла на себя баронесса Крюденеръ, вѣрно предсказавъ Александру два событія. Въ то время, какъ въ Вѣнѣ всѣ были увѣрены въ окончательномъ возстановленіи Бурбоновъ, она предсказала въ январѣ 1815 года, что «лилія только покажется и опять исчезнетъ». Когда Александръ отказался дать свое согласіе на перемѣщеніе Наполеона на островъ св. Елены, чтобы сдержать слово, данное павшему сопернику,—обезпечить ему пребываніе на островѣ Эльбѣ,—баронесса предсказала, что держать «корсиканскаго людоѣда» такъ близко къ континенту будетъ пагубно для Европы. Въ сущности, въ этихъ предсказаніяхъ не было ничего необыкновеннаго, однако, когда они сбылись, Александръ вспомнилъ о пророчицѣ и пожелалъ познакомиться съ нею.

Посвятивъ нѣсколько страницъ пространной и уже давно извѣстной русскому читателю біографіи баронессы Крюденеръ, Рэнъ переходитъ къ обстоятельствамъ, при которыхъ произошла ихъ первая встрѣча, а затѣмъ къ лучшимъ мѣсяцамъ жизни баронессы, въ качествѣ друга Александра. Здѣсь авторъ также не даетъ ничего новаго, а затѣмъ задаетъ вопросъ: въ какую именно религію баронесса хотѣла обратить Александра? Сама она офиціально была православная, но воспитывалась въ основахъ лютеранской религіи. Сопровождавшій ее повсюду пасторъ Эмпейтацзъ былъ протестантъ. Оба они черпали свои доводы изъ Библіи, но въ своихъ комментаріяхъ они развивали мысль Кальвина и такъ ее преобразовывали, что она приближалась къ квіетизму Фенелона и г-жи Гюонъ. Имъ все-таки не удалось установить формулу для своего ученія, и они только проповѣдывали духовную набожность, полетъ души къ Богу и полное врученіе своей судьбы его волѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли сдѣлать каждаго послѣдователя ихъ ученія апостоломъ, способнымъ увлечь массы, вдохнуть въ него то восторженное настроеніе, которымъ сами были

переполнены. Они вездѣ видѣли Христа, и Меттернихъ передавалъ графу Сентъ-Олэръ слѣдующій анекдотъ. Александръ пригласилъ Меттерниха обѣдать втроемъ съ баронессой Крюденеръ и сказалъ ему: «Мы будемъ безусловно втроемъ и одинъ приглашенный, котораго вы, навѣрно, не узнаете». Дѣйствительно, на столѣ было четыре прибора. Добавочный приборъ былъ накрытъ для «нашего Господа Бога Іисуса Христа».

Въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Сталь баронеса Жерандо писала ей, что секретъ баронессы Крюденеръ привлекать къ себѣ людей состоитъ въ необыкновенной добротѣ. На это г-жа Сталь отвѣтила: «Я вѣрю въ мистицизмъ, т. е. религію Фенелона, святилище которой находится въ сердцѣ, и которая присоединяетъ любовь къ дѣлу; я вѣрю въ реформацію реформаціи, развитіе христіанства, которое соединило бы то, что хорошо въ католичествѣ и протестантствѣ, что вполнѣ отдѣляетъ религію отъ политическаго вліянія священниковъ. Какая прекрасная вещь для императора Александра,—сказала она въ заключеніе,—быть во главѣ двухъ благородныхъ усовершенствованій человѣческаго рода: внутренней душевной религіи и представительнаго правительства».

Хотя баронесса Крюденеръ и посѣщала православныя церковныя службы въ присутствіи государя, но своимъ послѣдователямъ не указывала на нихъ, какъ на необходимую церемонію. Она надѣялась добиться соединенія церквей, на что Александръ охотно согласился бы, но ей не удавалось осуществить эту мечту. Александръ каждый вечеръ посѣщалъ пророчицу, и при его появленіи она падала на колѣни и принималась молиться, остальные присутствовавшіе всѣ сидѣли. Затѣмъ составлялся кругъ, и Александръ садился рядомъ съ баронессой и подолгу разговаривалъ съ нею. Пасторъ Эмпейтазъ также вмѣшивался въ разговоръ, затѣмъ всѣ расходились, «пораженные всѣмъ и въ восторгѣ».

Сближенію императора съ пророчицей помогло еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1814 году, во время своего пребыванія въ Англіи, Александръ вступилъ въ сношенія съ многими религіозными обществами и между прочимъ съ нѣкоторыми квакерами. Онъ задалъ имъ вопросъ: какъ они смотрятъ на женскую миссію и ихъ дѣятельность въ церкви? Тѣ отвѣтили: «Во Христѣ женщина и мужчина—одно, и женщинъ съ соотвѣтствующими способностями мы допускаемъ примѣнять ихъ таланты въ качествѣ священнослужителя, какъ это было въ первоначальной церкви». Этотъ отвѣтъ послужилъ еще однимъ толчкомъ къ сближенію съ баронессой Крюденеръ. «Александръ избранъ Богомъ,—писала баронесса своей подругѣ 30-го августа 1815 года:—онъ идетъ по пути отреченія. Я знаю каждую подробность его жизни, скажу даже—почти каждую его мысль; онъ всегда неизмѣнно приходитъ сюда, и эти духовныя узы, созданныя Богомъ, все болѣе и болѣе крѣпнутъ. Когда онъ долженъ иногда посѣщать общество, то никогда не бываетъ, чтобы онъ отправился въ театръ или на балъ: онъ говоритъ мнѣ, что онъ болѣе не можетъ постичь свѣтскихъ людей, которые предлагали ему увеселенія».

Эти слова баронессы вызываютъ со стороны Рэна замѣчаніе, что она, какъ и многіе другіе, сама подпала подъ чары этого «несравненнаго чародѣя, безсознательно лукаваго». Кто могъ прочитать сущность его мысли подъ этой загадочной улыбкой! Увлеченный порывомъ, онъ иногда казался завоеван-

нымъ, въ самомъ же дѣлѣ онъ бывалъ полузавоеванъ и тотчасъ же ускользалъ, какъ только проходилъ порывъ. Баронесса Крюденеръ имѣла на него вліяніе въ августѣ 1815 года, быть можетъ, болѣе сильнѣе, чѣмъ кто-либо другой, но и она окончила такъ же, какъ Чарторыжскій, Сперанскій, Нарышкина, Наполеонъ. Если она преувеличивала, хвастаясь, что знаетъ его каждую сокровенную мысль, то говорила правду, что ея религіозное вліяніе на императора распространялось и на область политики.

Не будемъ останавливаться на эпизодѣ въ Вертю во время смотра войскъ, на восторженной брошюрѣ баронессы Крюденеръ и перейдемъ къ Священному союзу. Рэнъ рисуетъ сцену, когда Александръ въ сопровожденіи баронессы Крюденеръ отправился къ ліонскому философу и ученику Месмера Николя Бергасу совѣтоваться о Священномъ союзѣ. Прямой, гордый и желчный, благодаря пережитымъ несчастіямъ, шестидесятилѣтній философъ, жившій въ скромномъ домикѣ, казался восьмидесятилѣтнимъ. При его появленіи Бергасъ едва приподнялся со стула. Госпожа Крюденеръ усѣлась на другой стулъ, а Александръ удовольствовался табуретомъ и протянулъ свои длинныя ноги подъ стулъ философа. Между пророчицей и политическимъ философомъ начался разговоръ, касавшійся нравственныхъ, психологическихъ и соціологическихъ задачъ. Авторъ «Закона существъ и ихъ судьбы» развивалъ свою мысль, а императоръ молча прислушивался къ разговору, и текстъ манифеста о священномъ союзѣ понемногу приготовлялся въ его головѣ. «Въ свое время много спорили о томъ, кто былъ редакторъ этого текста», говоритъ Рэнъ. Паскье думалъ, что онъ написанъ рукою Бергаса. Баронесса Крюденеръ, конечно, вставила нѣкоторыя изъ своихъ любимыхъ выраженій, а императоръ, если не самъ продиктовалъ, то, конечно, вставилъ нѣсколько параграфовъ.

Дипломаты были очень недовольны, когда императоръ Александръ I сообщилъ имъ свой манифестъ. Австрійскій императоръ и прусскій король не хотѣли его подписывать, не посовѣтовавшись съ министрами. Александръ предвидѣлъ это и предупредилъ Меттерниха. Послѣдній въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что попробовалъ убѣдить Александра, что подобный политически-религіозный манифестъ безполезенъ и даже опасенъ, но Александръ такъ горячо отстаивалъ этотъ манифестъ, что императоръ Австріи не могъ отказаться отъ подписи акта, который не обязываетъ ни къ чему опредѣленному. Фридрихъ-Вильгельмъ тѣмъ менѣе могъ отказать своему союзнику и покровителю, и 26-го сентября 1815 г. трактатъ былъ подписанъ тремя государями.

«Никогда союзъ не былъ болѣе священнымъ, но менѣе понятнымъ,—говоритъ Рэнъ:—никогда политическая система не была болѣе смутно опредѣлена, а между тѣмъ никогда международный актъ не былъ возведенъ на высоту принципа: задача Священнаго союза была въ глазахъ публики борьбой противъ революціонныхъ идей, которыя въ теченіе тридцати лѣтъ пропагандировались въ Германіи, Испаніи, Италіи и въ самой Франціи. Это было вмѣшательствомъ государей въ дѣла народовъ; это былъ режимъ конгрессовъ, на которыхъ обсуждались и рѣшались различныя вмѣшательства. Конечно, эта система европейскаго правительства не вся оборудована мозгами пророчицы. Мало-по-малу она нагромождалась подъ вліяніемъ Меттерниха, который въ нѣсколько лѣтъ

преобразовалъ Священный союзъ до такой степени, что сдѣлалъ изъ него орудіе и символъ политическаго самовластія».

Александръ былъ въ 1815 году либераломъ и убѣжденнымъ конституціоналистомъ, поэтому манифестъ былъ привѣтомъ Провидѣнію и пѣсней всемірнаго братства. Представляя міру этотъ манифестъ, Александръ думалъ увѣнчать свои ниспосланныя Провидѣніемъ дѣянія. Два раза Провидѣніе побѣдоносно приводило его въ Парижъ. Въ 1814 году, ослѣпленный своей побѣдой, онъ упустилъ случай установить на солидной основѣ общій міръ и конституціонный режимъ французовъ. Въ 1815 году, съ согласія соперниковъ, онъ окончательно отстранилъ Наполеона, послѣдняго предводителя революціи и безпорядка. Онъ основалъ въ Парижѣ наблюдательный совѣтъ изъ посланниковъ побѣдоносныхъ державъ для руководства первыми шагами возстановленнаго правительства. 13 октября онъ вернулся въ Петербургъ, съ рѣшеніемъ составить счастье своего народа.

Дальнѣйшая судьба баронессы Крюденеръ уже не разъ была описана. Она умерла въ одномъ и томъ же году съ императоромъ въ Карасу-Базарѣ, невдалекѣ отъ Таганрога, гдѣ скончался Александръ I.

— Кое-что о Вагнерѣ.—«Нѣтъ, не жалѣй о тѣхъ ласкахъ, которыми ты украсила мнѣ жизнь. Я не зналъ этихъ благоухающихъ цвѣтовъ, сорванныхъ съ дѣвственной почки благородной любви. Итакъ, мечта поэта должна измѣниться въ чудную дѣйствительность. Эта роса довѣрчивой радости должна хотя разъ упасть на неблагодарную почву моей земной жизни. Теперь я получилъ мое званіе рыцаря. Я былъ освобожденъ отъ міра твоимъ сердцемъ, твоими глазами, твоими губами. Я еще вдыхаю магическія благоуханія этихъ цвѣтовъ, сорванныхъ тобою для меня на твоемъ сердцѣ. Это не ростокъ земной жизни: это благоуханіе сверхъестественныхъ цвѣтовъ божественной смерти, вѣчной жизни. Нѣкогда эти цвѣты украшали тѣла героевъ предъ тѣмъ, какъ огонь превращалъ ихъ въ пепелъ. Возлюбленная бросалась въ эту могилу пламени и благоуханій, соединяя свой пепелъ съ пепломъ возлюбленнаго. Тогда они составляли одно! Нѣтъ, не раскаивайся. Это сжигаетъ пламя, блестящее и чистое. Никакой мрачный пылъ, никакое пламя томленія не оскорбитъ его ясности. Эти ласки любви—вѣнецъ моей жизни, розы радости, расцвѣтшія на моемъ терновомъ вѣнцѣ. Я гордъ и счастливъ! Болѣе никакихъ хотѣній, никакихъ желаній! Наслажденіе, высшее сознаніе и сила. Сила не страшится никакихъ жизненныхъ бурь. Нѣтъ, нѣтъ, не раскаивайся!»

«О ночь безмѣрная, ночь любви, спустись и излей полное забвеніе. О ненависть къ неумолимому ненавистному дню. Будь проклятъ вѣроломный день! А ты, ночь, святая ночь любви, священная ночь сладострастья, восхитительное желаніе вѣчнаго сна, прими насъ въ твои объятія, на твое ложе. Освободи меня отъ вселенной».

Всѣ, кто помнитъ эту музыку души геніальнаго Вагнера и ожидалъ появленія третьяго тома его воспоминаній, которыя по времени совпадаютъ съ пережитой эпохой любви къ г-жѣ Везендонкъ, будутъ разочарованы. Въ Берлинѣ вышелъ третій томъ, но въ немъ лишь сдержаннымъ, холоднымъ тономъ Вагнеръ сообщаетъ о г-жѣ Везендонкъ: «Одно семейство Везендонкъ, только что

поселившееся въ Цюрихѣ, добилось знакомства со мною при посредничествѣ Маршаля-фонъ-Биберштейна, моего стариннаго пріятеля по дрезденской революціи. Тогда моя жизнь вступила въ фазу, которая сама по себѣ не имѣла большого значенія, но все-таки повела за собою значительныя перемѣны въ моемъ существованіи, вслѣдствіе моихъ сношеній съ этой дружественной семьей. Ежедневныя свиданія, доставляемыя сосѣдствомъ, невольно сдѣлали эти сношенія болѣе интимными. Тогда я замѣтилъ уже нѣсколько разъ, что Везендонкъ, по своей честной откровенности, началъ проявлять нѣкоторое безпокойство, что я становлюсь такъ близокъ къ его дому. Необходимо было объясниться. Въ результатѣ послѣдовало болѣе или менѣе молчаливое соглашеніе, которое со временемъ приняло особое значеніе въ глазахъ другихъ людей, такъ что въ наши отношенія мы должны были внести извѣстную сдержанность, что часто надоѣдало обоимъ». Замѣчательная вещь!—Эта близость сосѣдей началась именно съ созданіемъ «Тристана». Послѣ вышеприведенныхъ страстныхъ строкъ, третій томъ воспоминаній кажется холоднымъ, пустыннымъ, при отсутствіи самыхъ красивыхъ страницъ изъ жизни геніальнаго автора—его душевныхъ переживаній.

Вдохновительницѣ «Тристана», которой самъ Вагнеръ написалъ: «создавъ «Тристана», я тебѣ навѣкъ имъ обязанъ», посвящены такимъ образомъ лишь эти холодныя слова. Вопросъ, что заставило Вагнера такъ поступить, вызываетъ различныя предположенія. Одно изъ нихъ кажется правдоподобнымъ Полю Фля, и онъ его приводитъ въ «Revue Bleue». Описывая, какъ Гансъ Бюловъ разыгрывалъ первые два акта «Зигфрида», еще только набросаннаго карандашомъ, Вагнеръ прибавляетъ: «Тогда у насъ бывало нѣсколько слушателей, чаще всего г-жа Везендонкъ. Козима слушала, склонивъ голову, и ничего не говорила, а когда настаивали, чтобы она разговорилась,—она принималась плакать!»

Очевидно, въ эту эпоху Козима была уже увлечена, и присутствіе г-жи Везендонкъ ее волновало. Диктуя ей свои мемуары, Вагнеръ изъ чувства деликатности сдерживался. Прежняя страсть замѣнилась новой—къ Козимѣ. Если ревность считать проявленіемъ сильной страсти, то Вагнеръ очень любилъ эту женщину, и она послужила причиной разрыва между нимъ и Ницше. Это заключеніе сдѣлалъ Гансъ Белартъ въ своемъ трудѣ, недавно вышедшемъ въ Берлинѣ.

Авторъ выясняетъ причины, создавшія разрывъ между Ницше и Вагнеромъ. Какъ извѣстно, они были лучшими друзьями на свѣтѣ, и вдругъ между ними произошелъ разрывъ. Причиной его всѣ считали интеллектуальное противорѣчіе обоихъ геніальныхъ людей, но Белартъ серьезно принялся за выясненіе этого вопроса и вынесъ убѣжденіе, что причиной размолвки была женщина и эта женщина была Козима Вагнеръ, хотя сестра Ницше горячо это отрицаетъ.

Когда Ницше вошелъ въ домъ Вагнера, ей была тридцать одинъ годъ. Эта дочь Листа и графини д'Агу умѣла очаровывать и была сама грація. Въ своихъ письмахъ Ницше восторженно отзывался о ней съ перваго дня знакомства. Для него г-жа Козима Вагнеръ была единственная женщина высокаго стиля. «Козима,—писалъ онъ,—самая обожаемая женщина моего сердца». Съ ея стороны тоже проявлялась симпатія, и, прочитавъ его «Происхожденіе траге-

дій», она написала Ницше: «Не могу вамъ выразить, насколько меня привело въ восторгъ чтеніе этой книги, гдѣ такъ просто и точно вы опредѣляете трагедію въ нашей жизни и такъ глубоко вникаете въ самыя серьезныя задачи». Ницше далъ отчетъ о драмѣ «Тристанъ и Изольда», и Козима написала, что онъ освѣтилъ самое глубокое чувство въ ея жизни. Нерѣдко Козимѣ приходилось брать подъ свою защиту Ницше, когда окружающіе нападали на него, и самъ онъ писалъ одному своему другу 31-го января 1873 года: «Въ Лейпцигѣ все еще неистовствуютъ противъ меня: г-жа Козима Вагнеръ выдержала изъ-за меня большое сраженіе со старымъ Брокгаузомъ».

Собственно разрывъ произошелъ въ 1877 году, когда Ницше напечаталъ свое «Человѣческое слишкомъ человѣческое», и тогда Козима возстала противъ него вмѣстѣ съ другими. Недоразумѣнія изъ-за «Парсиваля» были вымышлены; настоящая причина размолвки между великимъ музыкантомъ и великимъ мыслителемъ иная: Ницше было болѣе не подъ силу имѣть какія-либо отношенія съ Вагнеромъ, онъ слишкомъ увлекся Козимой, и этотъ крикъ сердца вырвался у него 4-го января 1889 года въ четырехъ словахъ: «Аріана, я тебя люблю!»

— Театръ и цензура XIX вѣка въ Италіи.—Двадцатый вѣкъ—вѣкъ исканій, изслѣдованій, какъ впечатлѣній, такъ и чувствъ, наслажденій, одинаково умственныхъ и эстетическихъ. Не только писатели, но и сама публика стремится давать себѣ отчетъ во всемъ переживаемомъ матеріально и духовно, даже въ наслажденіяхъ. Театръ во всѣ времена являлся эстетическимъ удовольствіемъ: имъ наслаждались, не слишкомъ задаваясь вопросомъ: полезенъ ли онъ и можетъ ли онъ служить мѣриломъ прогресса и упадка общества? Въ наше время вопросъ этотъ возникаетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Французскіе писатели, по словамъ журнала «Les Marges», смотрятъ на театръ различно: только двое изъ современныхъ писателей—Поль Зудэ и Мазель—признаютъ, что любовь къ театру служитъ серьезнымъ доказательствомъ прогресса въ умственномъ развитіи. Два другіе писателя, Дюкотэ и Биннэ Вальмеръ, воздерживаются высказать свое мнѣніе, опасаясь ошибиться. Большинство же французскихъ писателей, касаясь этихъ вопросовъ, отрицательно относятся къ театру, а также къ тому, что театръ возбуждаетъ въ современной массѣ страсти. Буалевъ не только отрицаетъ, но онъ смотритъ на театръ, какъ на доказательство нашей лѣности. Кромѣ того, онъ видитъ въ этомъ проявленіе у современниковъ общительности: въ театръ идутъ не для того, чтобы испытать эстетическое наслажденіе, но для того, чтобы почерпнуть въ немъ сюжеты для салонной болтовни. Кольра утверждаетъ, что театра вовсе не существуетъ, а только спектакли. Пеляданъ вполнѣ съ нимъ соглашается и допускаетъ только трехъ авторовъ греческихъ, одного англійскаго, двухъ французскихъ и двухъ нѣмецкихъ. Напротивъ, Пьеръ Милль признаетъ, что публика, заплативъ за свое мѣсто въ театрѣ, болѣе обезпечиваетъ себѣ удовольствіе, чѣмъ покупая книгу, потому что импрессаріо, подвергаясь большему риску, старается сдѣлать лучшій выборъ, чѣмъ издатель.

О степени умственнаго прогресса и упадка публики судить по ея любви къ театру довольно рискованно. Монтескье говоритъ, что публика, наслаждающаяся «S. Sebastian», «Viel Homme», «Femme nue», одинаково достойна ува-

женія, какъ и почитатель «Torse che si», «Desenchantées» и «Secret de Tolede». Но тотъ, кто читаетъ до упоенія «Souffles» герцогини Роганъ, не возвышеннѣе, не низменнѣе того, кто рукоплещетъ пьесѣ «Un Cas» герцогини Узесъ. Писатель Винсенъ д'Инди даже въ музыкѣ предпочитаетъ чтеніе—представленію. Того же мнѣнія и Эдмонъ Пилонъ: онъ стоитъ за книгу, которая можетъ продолжить удовольствіе настоящаго театра. Страсть Расина, грація Мариво, иронія Бомарше, томность Мюссе, каламбуры Банвилля, горькое вдохновеніе Бека лучше понятны при молчаливомъ созерцаніи, чѣмъ при блестящемъ освѣщеніи люстръ.

Вообще большинство писателей отмѣчаетъ, что тяготѣніе публики къ легкому театру, который становится на скользкій путь по направленію къ café-concert и кинематографу, указываетъ на склонность публики какъ можно менѣе дѣлать умственныхъ усилій. О воспитательномъ значеніи театра французскіе писатели не высказались въ этомъ запросѣ, но общее впечатлѣніе получается то, что современный театръ ихъ не удовлетворяетъ.

Напротивъ, изъ итальянскихъ журналовъ видно, что на театръ возлагаются большія надежды въ дѣлѣ воспитанія и образованія народа. Это мнѣніе высказывается въ «Umanitaria», въ статьѣ, посвященной открытію народнаго миланскаго театра, давшаго блестящіе результаты за первый годъ своего существованія. Въ этомъ театрѣ, вѣрнѣе, большомъ народномъ домѣ, отводится мѣсто какъ для драматическихъ спектаклей, такъ и для музыкальнаго отдѣленія. Въ послѣднемъ большими концертами будутъ руководить лучшія силы Тулліо Серафинъ, нашъ соотечественникъ Сафоновъ и Гвидо ди-Мондроне. Какъ въ театрѣ, такъ и въ концертахъ будутъ участвовать лучшіе артисты. Вообще этотъ театръ будетъ объявленъ въ программѣ, какъ «школа художественнаго и нравственнаго воспитанія народа», говорится въ «Nuova Antologia».

Но итальянцевъ смущаетъ вообще цензура и система ея дѣятельности. Этому вопросу посвятилъ статью въ другой книжкѣ «Nuova Antologia [2]) Уго Императори, гдѣ даетъ очеркъ итальянской цензуры XIX вѣка до нашихъ дней. Обрисовавъ ея смѣшныя, иногда даже нелѣпыя стороны и указавъ на ея большое зло—децентрализацію, вызывающую самыя противорѣчивыя распоряженія въ столицѣ и провинціяхъ, Императори желаетъ ея полнаго уничтоженія.

Въ первой половинѣ восьмисотыхъ годовъ итальянская комедія пришла въ упадокъ; вмѣсто нея побѣду одержали историческая трагедія и драма, по рольшей части лишенныя художественной цѣнности. Въ этомъ торжествѣ истобическихъ драмы и комедіи немалую роль играла политическая восторженность. Часто средневѣковые герои говорили со сцены либеральнымъ языкомъ, за которымъ, по выраженію автора, такъ гонятся театральные зрители. Нерѣдко было достаточно одной фразы для возбужденія патріотическаго воодушевленія народа, какъ случилось во Франціи въ концѣ XVIII вѣка.

---

[1]) Il teatro del popolo a Milano. «Nuova Antologia». 1 Settembro 1912.
[2]) La liberta e le censura. Ugo Imperatori. «Nuova Antologia». Febraio 1912.

Короли принимали болѣе или менѣе строгія мѣры противъ свободы въ театральной литературѣ, согласно большей или меньшей свободѣ, предоставленной гражданамъ. Въ этомъ отношеніи они всѣ сходились во мнѣніи, что цензура нужна болѣе для историческаго театра, основавшаго свой успѣхъ, главнымъ образомъ, на политическихъ намекахъ, чѣмъ для бытового, который при своемъ возрожденіи уже встрѣтилъ препятствіе со стороны французскихъ водевилей. Поэтому вниманіе цензоровъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на политическихъ намекахъ.

Въ Пьемонтѣ первой половины восьмидесятыхъ годовъ театральная цензура находилась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь, поручившаго ее довѣренному лицу. Тогдашній министръ графъ Таонъ-ди-Ревель-ди-Пралунго передалъ завѣдываніе цензурой профессору Фачелли, человѣку довольно образованному, но строго придерживавшемуся установленныхъ правилъ.

Появленіе на сценѣ историческихъ пьесъ осложнялось всякими предосторожностями. Не достаточно было добиться разрѣшенія поставить на сценѣ ту или другую пьесу, необходимо было еще подвергать ее новой цензурѣ. Главное вниманіе, какъ мы уже упоминали, сосредоточивалось на одномъ пунктѣ: какъ бы не пропустить какого-нибудь политическаго намека. Даже въ Римѣ, гдѣ жилъ викарій Христа, папа, цензора скользили по вопросамъ морали и на общественныхъ спектакляхъ допускали скорѣе оскорбить нравственное чувство, чѣмъ задѣть самый невинной фразой восторженный патріотизмъ народа.

Въ туринскихъ театрахъ часто разыгрывали вульгарно-шутовскіе французскіе водевили, допускаемые цензурой. Когда же въ нихъ рядомъ съ вульгарными шутками стали появляться политическіе намеки—эти водевили цензура подвергла запрету.

Историческая драма и лирическія произведенія стали такъ изобиловать намеками на политику, что пьемонтская цензура устала слѣдить за ними. Къ политикѣ стали примѣшиваться еще случайныя сходства характера героевъ съ характеромъ современныхъ и политическихъ дѣятелей и высокопоставленныхъ лицъ, чего не допускала цензура. Иногда щепетильность цензуры доходила до смѣшнаго. Напримѣръ, Лукрецію Борджіа пришлось окрестить «Eustorgia da Romana», въ «Elisir d'amor» («Любовный напитокъ») цензура нашла невозможнымъ допустить, чтобы фигурировала дочь сенатора, и потому послѣдняго превратили въ профессора. Слово «свобода» (liberta) цензоръ также не допускалъ и обращалъ его въ слово «lealta», прямодушіе. Когда до короля доходили свѣдѣнія о чрезмѣрной щепетильности цензоровъ, то онъ самъ исполнялъ ихъ работу. Напримѣръ, Анжело Брофферіо представилъ въ цензуру свои «Scene elleniche» (древне-греческія сцены), и цензоръ потребовалъ, чтобы Санторре ди-Сантораза не назывался своимъ именемъ; онъ предложилъ другое имя—Энторэ ди-Сантъ-Эльмо. Но Карлъ-Альбертъ указомъ 30-го декабря 1844 года не позволилъ умалчивать имя героя. Однако это были исключительные случаи; обыкновенно король не вмѣшивался въ дѣла столичныхъ цензоровъ, и послѣдніе изъ этого дѣлали политическое оружіе. Они не довольствовались исканіемъ фразъ въ историческихъ трагедіяхъ, но часто даже вовсе запрещали ставить

ихъ на сценѣ. Такова была судьба трагедіи «Biance di Burbone» (Біанка Бурбонская) и «La Conguera di Fiesche». Первая уже давалась во многихъ уголкахъ Италіи, даже въ Генуѣ, и во всѣхъ городахъ цензура слегла ее измѣнила. Вторая была представлена въ Римѣ, но въ Туринѣ запрещена. Цензура нашла ее «скандальнымъ, нелѣпымъ и нечистымъ произведеніемъ, оскорбляющимъ здравый смыслъ и нравственность» ихъ.

Кромѣ того, отъ 23-го декабря 1846 года по 13-го февраля 1847 года въ Италіи существовала странная цензура для драматическихъ произведеній, по счастію длившаяся недолго, всего два мѣсяца. Всѣ драматическія произведенія доставлялись на просмотръ гофмаршалу двора, который одобрялъ или запрещалъ ихъ.

Въ Римѣ той эпохи цензура не отличалась отъ существующей въ остальной части Италіи. Строгость цензоровъ и тамъ проявлялась, главнымъ образомъ, по отношеніи политической свободы и лицъ вліятельныхъ въ данный моментъ. Вдобавокъ римская цензура строго преслѣдовала либерализмъ въ религіи, а также въ любви. Часто случалось, что цензора придирались къ какой-нибудь фразѣ, которую едва ли можно было бы признать смѣлой, а за нею уничтожали все, что казалось имъ двусмысленнымъ или непристойнымъ. Такая строгость была, конечно, понятна въ городѣ папы, гдѣ особенно заботились, чтобы безнравственныя слова не достигали уха зрителей. Поэтому цензора должны были подписывать на послѣдней страницѣ всякаго драматическаго сочиненія, что оно просмотрѣно цензурой и разрѣшено къ представленію. Уцѣлѣвшіе экземпляры даютъ идею, какъ хозяйничали надъ ними цензора въ началѣ XIX вѣка. Однимъ изъ знаменитыхъ цензоровъ былъ аббатъ Сомаи, и Уго Императори приводитъ нѣкоторые примѣры его дѣятельности. Когда въ Римѣ должны были появиться на сценѣ «Пуритане», въ то время носившіе названіе «Elisa Walton», этотъ цензоръ передѣлалъ все либретто и слово «liberta»(свобода) повсюду замѣнилъ словомъ «lealta». Мало того, онъ не могъ равнодушно слышать слово парламентъ «il parlamento» и потому замѣнилъ его словомъ «regimento» полкъ, а вмѣсто Стюартовъ поставилъ слово «nemici» (враги).

Другой, не менѣе извѣстный цензоръ былъ Руджіери. Когда въ декабрѣ 1840 года давали фарсъ Скриба «La soffita degli artisti», щепетильность цензора дошла до того, что онъ нашелъ неприличнымъ слово amica (подруга), angiolitta (ангелочекъ), moglia (жена) и замѣнилъ ихъ словами carina (дорогая) и sorella (сестра), а фразу «O dio, dio! (о Боже, Боже) превратилъ въ cielo, cielo! (O небо, небо!). Въ произведеніи Росси «Una comedia per la poste», появившейся въ 1858 году, Руджіери немилосердно исказилъ фразу «nemo propheta in patria», уничтожилъ слово cielo, бывшее въ милости у цензоровъ ранѣе восемнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, а слово «esposta» (подкидышъ) замѣнилъ словомъ «orfano» (сирота). Но особенно очевиднымъ примѣромъ строгаго надзора цензора служила популярная драма «Giosue il grardacosto». Въ ней по желанію цензора слово «governatore» (губернаторъ) превратилось въ «comandante» (командиръ), чтобы публикѣ не напомнило это о губернаторѣ Рима. Фраза «Ah, quelli era il bel tempo» (ахъ, какое это было хорошее время) совсѣмъ вычеркнута изъ опасенія, какъ бы не намекнуть на 1848 годъ. Въ «Francesco da Rimini»

цензоръ уничтожилъ фразу: «Я буду сражаться за тебя, за тебя, моя Италія, которой измѣнили граждане». Сцену дуэли Паоло Феррари перенесли въ Лондонъ и всѣмъ персонажамъ дали англійскія имена.

Такова была цензура въ Италіи первой половины восьмисотыхъ годовъ. Признаки либерализма впервые появились при министрѣ Гальваньо, признавашемъ, что охраненіе нравственности важнѣе охраненія народа отъ политическихъ намековъ. Въ циркулярѣ отъ 1-го января 1852 года находятся его слѣдующія слова: «Принципы морали должны быть охраняемы театральной цензурой болѣе, чѣмъ политическіе принципы, потому что первые составляютъ основу вторыхъ». А еще ранѣе онъ сказалъ: «Искренно либеральное правительство, пріобрѣтшее полную увѣренность, что оно основано на слишкомъ надежномъ фундаментѣ, не боится радикальныхъ стремленій какой-нибудь драмы». Не менѣе замѣтный прогрессъ проявился и по отношеніи народныхъ театровъ. Между тѣмъ, какъ въ остальной Италіи театральная цензура дѣйствовала по старой системѣ злоупотребленій властью и придирокъ, пьемонтскій театръ тоже сдѣлалъ шагъ къ свободѣ. Согласно указу 1850 года и закону 13-го ноября 1859 года театральная цензура находилась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, поэтому въ Неаполѣ, Флоренціи и Палермо спеціальные чиновники исправляли должность цензоровъ. Но указомъ отъ 4-го января 1864 года власть разрѣшать театральныя представленія въ соотвѣтственныхъ провинціяхъ переходила въ руки префекта.

Въ 1865 году плачевное положеніе цензуры усложнилось закономъ общественной безопасности, указывавшимъ въ статьѣ 32 на спеціальную норму. Согласно второй части статьи 35 этого закона, никакое театральное произведеніе не могло быть представлено или продекламировано безъ письменнаго разрѣшенія провинціальныхъ властей общественной безопасности. Власти мѣстной общественной безопасности, однако, могли всегда разрѣшить и запретить постановку таковаго произведенія, одинаково какъ и декламацію, если какія-нибудь обстоятельства требовали этого запрещенія во избѣжаніе публичныхъ волненій и безпорядка. Это вызвало цѣлую серію противорѣчивыхъ мѣръ, составлявшихся въ различныхъ провинціяхъ и въ различныхъ общинахъ той же самой провинціи. Министръ Риказоли попытался ограничить, если не совсѣмъ уничтожить эту неурядицу, издавъ 4-го апрѣля 1867 года инструкцію, гдѣ выяснилъ случаи, которые вызываютъ запрещенія театральныхъ произведеній. Эти причины: посягательство на принципы нравственности и стыда, возстановленіе одного класса общества противъ другого, оскорбленіе величества, парламента и представителей дружественныхъ державъ, подстрекательство презирать законъ и уставы, возмущать общественный порядокъ, оскорбительно клеветать на частную жизнь личностей и затрогивать семейные принципы, даже намеками. Другой циркуляръ отъ 9-го февраля 1874 года запрещалъ авторамъ задѣвать публично и оскорблять военный мундиръ.

Но Риказоли, по мнѣнію Уго Императори, пренебрегъ другимъ ограниченіемъ свободы театра, быть можетъ, наиболѣе полезнымъ, чѣмъ ограниченіе свободы относительно политическихъ намековъ, особенно въ настоящее время—запрещать пьесы, гдѣ выставляются факты, которые своей

мерзостью волнуютъ общественное мнѣніе, или которыми заняты судебные власти.

Эта новая норма укрѣпляла циркуляръ 22-го марта 1879 года и дополнила тотъ, которымъ уже въ концѣ 1852 года министръ Гальваньо произвелъ переворотъ въ народномъ театрѣ, давъ ему воспитательное значеніе, въ чемъ давно нуждался народъ. Такимъ образомъ, цензура набралась силъ, чтобы дать народу воспитательный театръ, противоположный прежнему, гдѣ долго царило презрѣніе къ закону и судебнымъ лицамъ, покровительство общественному преступленію, прикрытому вредной сентиментальностью. Планъ новаго закона общественной безопасности 1889 года установлялъ 40 статью, по которой оперы, драмы, хореографическія представленія или декламаціи не могли быть исполняемы на сценѣ безъ разрѣшенія префекта. Противъ этой нормы возмутились многіе депутаты. Они отстаивали убѣжденіе, что всѣ театральныя произведенія должны быть предоставлены свободному приговору публики, которая своимъ здравымъ смысломъ сумѣетъ оцѣнить ихъ художественную и моральную стоимость и защитить общественную нравственность.

Въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Криспи, а докладчикомъ этого проекта въ палатѣ депутатовъ Курчіо, человѣкъ либеральный. И вотъ между ними возникъ странный ультра-либеральный разговоръ. Курчіо настаивалъ на единственной цензурѣ для театра—общественномъ мнѣніи. Криспи стоялъ на своемъ, чтобы въ проектѣ сохранили норму относительно театральной цензуры согласно 40 статьи, которая обезпечивала свободу для итальянскаго театра. Онъ упорствовалъ, однако, на томъ, что къ театру надо относиться одинаково строго, какъ и къ печати, и написалъ на статьѣ 40 свое рѣшеніе: «Префектъ можетъ запретить представленіе или декламацію по причинѣ нравственнаго и общественнаго безпорядка». И цензура очутилась въ рукахъ полиціи.

Далѣе авторъ переходитъ къ современной цензурѣ въ Италіи. Онъ разсматриваетъ, насколько она дѣйствительно достигаетъ намѣченной цѣли и насколько примѣнимы слова Криспи объ ея равноправіи съ печатью при существующемъ порядкѣ. Въ подготовительныхъ работахъ закона общественной безопасности 1889 года говорится: префектъ можетъ запретить представленіе, когда находитъ въ пьесѣ что-нибудь противъ уголовнаго кодекса и противъ нравственности. Къ первому относятся причины общественнаго порядка, ко второму—нравственнаго. Префектъ прочитываетъ пьесу и усматриваетъ въ ней преступленіе или объективные элементы преступленія и, опасаясь, чтобы появленіе на сценѣ не нарушило публичнаго порядка, долженъ ее запретить. А между тѣмъ Криспи поддерживалъ мнѣніе, что театръ не заслуживаетъ болѣе строгой цензуры, чѣмъ печать. Для печати же давно отмѣнены предварительные аресты, тогда какъ театръ до сихъ поръ подвергается предварительной цензурѣ.

Если Криспи въ то время былъ убѣжденъ, что не считаетъ моментъ удобнымъ для отнятія права театральной цензуры безъ ущерба и опасности для политическаго авторитета, то подавно теперь, когда свобода печати настолько ушла впередъ сравнительно съ существовавшей въ 1889 году.

Новая норма, хотя уничтожила предварительную цензуру въ театрѣ, но оставила авторитетъ общественной безопасности въ силѣ. Онъ всегда могъ

примѣнить ее прямо на спектаклѣ, когда въ пьесѣ появлялся элементъ преступленія, согласно статьѣ 41.

Если одинаково относиться къ театру и печати, какъ хотѣлъ Криспи, сохраняя предварительную цензуру лишь относительно непристойныхъ пьесъ, то надо такъ же поступать и съ порнографіей въ печати.

Если ради сохраненія нравственности народа преобразовать законъ общественной безопасности, то театръ можно обратить въ настоящую педантичную школу благонравія и безукоризненности и т. д., какъ намѣревались прежніе цензора. Современныя государства не могутъ насильно принудить гражданъ подчиниться нравственному воспитанію. Но если необходимо ограничить свободу гражданъ, чтобы побѣдить безнравственность даже въ далекомъ будущемъ, къ этому слишкомъ трудно приступить, не нарушая свободы личности, что можетъ имѣть плачевныя послѣдствія.

Императори находитъ, что децентрализація цензорскаго авторитета—большое зло, такъ часто порождающее притиворѣчивыя мѣры цензоровъ согласно закону 1865 года, благодаря которому драматическое произведеніе, просмотрѣнное либеральнымъ префектомъ, умно исполнившимъ свою обязанность, совсѣмъ не обезпечено, что провинціальные цензора разрѣшатъ поставить его на провинціальной сценѣ. Такимъ образомъ, это произведеніе то одобряется къ постановкѣ, то запрещается и искажается. Мѣстныя власти общественной безопасности могутъ произвести и вторую цензуру, послѣ которой воспретятъ ставить пьесу на сценѣ, хотя ее разрѣшилъ въ столицѣ префектъ. Но едва ли не хуже случается, когда цензору покажутся особенно опасными тѣ или другія слова или фразы, и онъ не запрещаетъ пьесы, а уничтожаетъ слова и цѣлыя фразы. При этомъ онъ такъ ее искажаетъ, что она теряетъ весь художественный и этическій смыслъ.

Если въ Италіи теперь рѣдко запрещаютъ драматическія произведенія, то очень часто случается, что цензора дѣйствуютъ двойственно, какъ это было съ извѣстной сатирической комедіей Родольфа Лотара «Arlechino Re»—(Король Арлекинъ), которую разрѣшили играть по всей Италіи послѣ того, какъ ее исказили въ цензурѣ и между прочимъ выбросили три фразы: «Хорошій арлекинъ самое важное лицо въ королевствѣ: онъ говоритъ вамъ правду безнаказанно. Его убѣжище—сцена». Цензура выбросила эти три фразы, но оставила ту, гдѣ арлекинъ продолжаетъ прославлять возможность говорить правду, даже въ тронномъ залѣ. «Я не могу жить безъ правды,—говоритъ онъ:—если я долженъ закрыть ротъ,—я задохнусь. Я могу говорить правду здѣсь, въ этомъ залѣ, гдѣ воняетъ хищничествомъ, грабежомъ, убійствомъ, сластолюбивыми животными и похотливыми женщинами».

Чѣмъ руководилась цензура, выбрасывая первыя три фразы и оставивъ послѣднюю, гдѣ заключаются оскорбительныя слова относительно родственниковъ короля,—необъяснимо.

Такимъ образомъ, часто наблюдалось, что авторамъ предоставляется свобода, даже когда у нихъ попадается фраза, опасная для морали и общественнаго порядка, ускользающая отъ вниманія цензора.

Но зато итальянская цензура въ послѣднее время пренебрегала народнымъ театромъ. Изъ всѣхъ нормъ, вышедшихъ въ Италіи для урегулированія вмѣшательства государства въ жизнь театра, кажется самой благородной и полезной та, что находится въ циркулярѣ отъ января 1852 года и марта 1879 года, относительно народнаго театра. Но эта норма наименѣе примѣнима вслѣдствіе того, что на сценѣ народнаго театра, по словамъ Императори, очень часто ставятся произведенія безнравственныя, порочныя, возбуждающія къ преступленію: скандалы дня, сенсаціонные процессы, возбуждающіе низкіе инстинкты. Если, дѣйствительно, желательно, чтобы театръ не былъ академическимъ, снотворной школой добронравія, то не слѣдуетъ изъ этого, что онъ долженъ быть школой безнравственности и преступленій. Не легко, чтобы смѣлыя шутки художественной комедіи, предназначенной для избранной публики, посѣщающей первыя представленія первоклассныхъ театровъ, могли возбуждать опасныя чувства юридическаго порядка; но, напротивъ, вульгарныя драмы, написанныя «густыми красками», легко возбудятъ болѣзненную чувствительность плебея и подготовятъ ему печальное будущее. Итакъ, если 40-я статья теперешняго закона общественной безопасности, содержащая слишкомъ серьезныя ограниченія индивидуальной свободы, не представляетъ гарантіи въ жизни современнаго театра, то, по мнѣнію Императори, лучше театръ освободить отъ мало умѣстныхъ и мало полезныхъ узъ, предлагаемыхъ 40-й статьей. Противъ злоупотребленій и вольностей на сценѣ достаточно карательной системы, заботливо и умно примѣняемой, и если даже среди роскошной жатвы великаго искусства распустятъ свои отпрыски плевелы, посѣянные ремесленниками сцены, мы должны послѣдовать притчѣ Христа: «Оставьте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали съ ними пшеницы».

— Новая наука о возстановленіи красоты человѣческаго рода.—Ученый міръ Стараго и Новаго Свѣта обогатился еще одной наукой, стремящейся къ развитію красоты, къ улучшенію расъ, названною создавшимъ ее англійскимъ ученымъ Френсисомъ Гальтономъ «Eugenique». Сущность этой науки ея авторъ опредѣлилъ слѣдующими словами: «Eugenique»—изученіе причинъ, подчиненныхъ соціальному контролю и могущихъ улучшить или ослабить качество расы будущаго поколѣнія, умственно или физически». Первый международный конгрессъ этой науки состоялся въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ майора Дарвина. Въ программу его входило: законъ наслѣдственности, наслѣдственность алкоголизма, эпилепсіи, ограниченіе права на бракъ, нейтрализація нежелательныхъ, вліяніе неомальтузіанизма на гигіену расъ и т. д.

Многочисленные доклады, поданные на конгрессъ, раздѣлялись на двѣ категоріи. Нѣкоторые изъ нихъ, принадлежавшие въ большинствѣ случаевъ американцамъ, придерживались точки зрѣнія Дарвина, доказывавшаго существованіе недостатка, порока, передачи его согласно закону Менделя, но не домогавшагося поразить его въ зародышѣ. Онъ надѣется очистить человѣчество отъ этого ущерба, препятствуя такому выродку воспроизводить себѣ подобныхъ.

Другая категорія—послѣдователи Ламарка, который безпокоился прежде всего и особенно о передачѣ недостатка, то есть объ условіяхъ, среди которыхъ онъ появился. Думаютъ, что можно достичь той же цѣли, дѣйствуя скорѣе на среду, чѣмъ на самого человѣка, уничтожая скорѣе недостатки, чѣмъ ихъ жертву. Фредерикъ Уссе, профессоръ факультета академіи наукъ, въ своемъ докладѣ выразилъ идею послѣдней группы о передачѣ недостатковъ. Но оба эти теченія могутъ существовать вмѣстѣ, улучшая разомъ наслѣдственность и среду.

Докторъ Мануври нашелъ, что смыслъ этой науки долженъ быть расширенъ. Тогда eugenique будетъ означать какія бы то ни было средства, имѣющія цѣлью омоложеніе и улучшеніе, даже тѣ, что ускользаютъ отъ соціальнаго контроля, такъ какъ можетъ существовать благопріятное и неблагопріятное вліяніе въ образѣ предыдущей жизни. Профессоръ біологіи въ Кембриджѣ Поннетъ высказалъ мнѣніе, что, за исключеніемъ малаго количества случаевъ, наше познаніе о наслѣдственности у человѣка въ дѣйствительности очень слабо, чтобы служить основой законоположенія. Докторъ Апертъ далъ объясненіе, почему законъ наслѣдственности, установленный у животныхъ Нодэномъ и Менделемъ, не вполнѣ подтверждается у людей: онъ нарушенъ элементами возмутителями, и сначала надо уничтожить ихъ вліяніе. Такая работа можетъ быть исполнена для многочисленныхъ семейныхъ болѣзней, гдѣ нѣкоторыя физіологическія соотношенія (полъ, годы) мѣшаютъ проявленію болѣзней. Тогда будетъ видно, что законъ наслѣдственности замаскированъ, но существуетъ. Онъ подтверждается у людей, и, благодаря ихъ сознанію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно помѣшать появленію наслѣдственности, даже кажущейся роковою.

Докторъ Антоніо Марро, директоръ дома умалишенныхъ въ Туринѣ, сообщилъ о вліяніи возраста родителей на психо-физическій характеръ дѣтей. Въ качествѣ тюремнаго врача онъ изслѣдовалъ преступниковъ, чтобы открыть, существуетъ ли отношеніе между преступленіемъ, за которое они были подвергнуты заключенію, и годами ихъ родителей въ моментъ зачатія. Онъ замѣтилъ, что посягательства противъ собственности совершались сыновьями молодыхъ родителей; праздность, непредусмотрительность и любовь къ удовольствіямъ—привилегія молодыхъ лѣтъ—порождаютъ воровство. Мошенничество, требующее предварительнаго обдумыванія, скорѣе преступленіе зрѣлыхъ лѣтъ. Но особенно въ статистикѣ преступленій противъ личности господствуютъ дѣти родителей въ зрѣломъ возрастѣ.

Докторъ Мари-де-Вилльжуа высказалъ мнѣніе, что годы производителя имѣютъ нѣкоторое вліяніе на психопатическую наслѣдственность. Послѣднее замѣчаніе имѣетъ большое біологическое значеніе. Согласно Уссе, это отъ недостатка производителя, который продолжаетъ все болѣе подвергаться отравленію токсиномъ, и, какъ доказательство, докторъ сообщилъ, что куры, которыхъ онъ кормилъ сырымъ мясомъ, становились все менѣе и менѣе плодовиты. Докторъ Моттъ, врачъ въ домѣ душевно-больныхъ въ Лондонскомъ графствѣ, представилъ сообщеніе объ отношеніи наслѣдственности къ безумію, которое онъ опредѣлилъ: сумасшедшій—это индивидуумъ, который болѣе не можетъ ни чувствовать, ни думать согласно привычкамъ и обычаю, среди которыхъ онъ живетъ.

Статистика указываетъ, что количество сумасшедшихъ увеличилось въ Лондонѣ, тогда какъ народонаселеніе осталось прежнее. Этотъ приростъ болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный. Природа стремится уничтожить выродившіяся семьи, когда ее заставляютъ молчать. Ребенокъ, наслѣдственный невропатъ, унаслѣдовавшій недостатокъ съ обѣихъ сторонъ, въ четыре раза болѣе имѣетъ шансовъ стать сумасшедшимъ, чѣмъ если бы больнымъ былъ только одинъ изъ родителей. Докторъ Уикъ высказалъ, что ребенокъ обоихъ родителей-эпилептиковъ роковымъ образомъ эпилептикъ. Онъ опасается, что въ скоромъ времени эпилептики составятъ большую часть населенія, и въ своемъ докладѣ нарисовалъ печальную картину.

Докторъ Мьоенъ изъ Христіаніи, въ докладѣ о дѣйствіи алкоголя на плазму зародыша, доказывалъ, что алкоголь вредитъ качеству поколѣнія, у отца измѣняя клѣточки зародыша, а у матери вліяя на развитіе зародыша. Для борьбы съ алкоголемъ онъ предложилъ систему, по которой такса на спиртъ поднимается вмѣстѣ съ усиленіемъ градусовъ спирта. Директоръ убѣжища для душевно-больныхъ докторъ Маньянъ и докторъ Филасье воспользовались статистикой отъ 1867—1912 годовъ, чтобы изучить вырожденія у алкоголиковъ. Болѣе половины ежегодно рождаемыхъ дѣтей родятся отъ алкоголиковъ. Дѣти, рожденныя отъ такихъ родителей, умираютъ преждевременно или влачатъ самое плачевное существованіе. Главный виновникъ въ этомъ несчастьи—государство: оно или остается бездѣятельнымъ, или, видя это несчастье, поддерживаетъ его, увеличивая количество заведеній и поддерживая ихъ на свои средства. Но особенно печальное явленіе—алкоголизмъ, повсюду развивающійся среди женщинъ.

Доклады изъ Америки свидѣтельствуютъ о вредномъ вліяніи на поколѣніе, родившееся отъ браковъ между двоюродными сестрами и братьями. Это вліяніе настолько отражается на будущемъ поколѣніи, что государство издаетъ законъ о запрещеніи такихъ браковъ.

— Отовсюду.—Кингъ-Пао, самая древняя газета, выходившая въ Китаѣ тысячу пятьсотъ лѣтъ, прикончила свое существованіе. Когда европейцы еще не имѣли мысли издавать газетъ, китаецъ Гу-Кунгъ нашелъ способъ сдѣлать шрифтъ изъ свинца и серебра. Свое изобрѣтеніе онъ примѣнилъ для печатанія газеты, которую основалъ въ четырехсотомъ году до Рождества Христова. Она существовала до нашихъ дней и состояла изъ десяти шелковыхъ страницъ желтаго цвѣта, сшитыхъ вмѣстѣ. Сначала ее разсылали высокопоставленнымъ лицамъ въ имперіи, но мало-по-малу она сдѣлалась самой распространенной газетой въ Китаѣ. Въ императорской библіотекѣ находятся интересные документы, относящіеся до ея исторіи. Главные ея редакторы время отъ времени выказывали отважный патріотизмъ. Такъ, въ XIII вѣкѣ редакторъ Ф. Мо-Хинга былъ обвиненъ въ измѣнѣ императорскому величеству и подвергнутъ пыткѣ, а затѣмъ сожженъ живымъ. Эти документы, кромѣ того, представляютъ интересъ тѣмъ, что въ нихъ девятьсотъ лѣтъ тому назадъ находились идеи, которыя мы считаемъ современными, напримѣръ, въ XI вѣкѣ главный редакторъ этой газеты, знаменитый китайскій поэтъ Гуръ-Нонъ-Чангъ осмѣлился настаивать предъ правительствомъ, чтобы распростились со старыми

традиціями и церемоніями и послали въ Европу способнаго человѣка для изученія какъ новыхъ костюмовъ, такъ и всего, что дѣлается въ Европѣ. За этотъ совѣтъ редактору отрѣзали уши, вырвали языкъ и обезглавили, а затѣмъ выставили голову на посмѣшище во всѣхъ городахъ сѣвернаго Китая.

— Marzocca—имя незамѣтной героини крымской кампаніи, которой Англія на дняхъ отпраздновала девятидесятилѣтній юбилей. Марія Станислава-Жозефина—была правой рукой извѣстной Флоренціи Найнтенгэлъ въ ея благотворительной дѣятельности. Въ 1846 г. она поступила въ монастырь, но въ октябрѣ 1854 г. отправилась въ качествѣ помощницы Флоренціи Найнтенгэлъ въ Крымъ. Здѣсь она съ рѣдкой самоотверженностью ухаживала за ранеными. Часто ее видѣли возлѣ раненыхъ сидѣвшей прямо на землѣ или отбивающейся отъ крысъ, въ большемъ количествѣ наполнявшихъ палату. Теперь уже глухая и почти слѣпая, она находится въ Лондонѣ, въ монастырѣ св. Іоанна и св. Елизаветы и впервые рѣшилась покинуть келью, только чтобы принять поздравленія въ день юбилея.

— «Semaine litteraire» 28-го сентября передаетъ перипетіи, пережитыя несчастной великой арміей во время похода 1812 года, и между прочимъ отмѣчаетъ замѣчательную отвагу швейцарцевъ. Наполеонъ цѣнилъ швейцарскихъ солдатъ, и когда его братъ Іосифъ вступалъ на неаполитанскій престолъ, то императоръ говорилъ ему: «Ты возьмешь съ собою первый швейцарскій полкъ. Это отважные люди. Ты можешь положиться на нихъ. Они никогда тебѣ не измѣнятъ!» Онъ такъ былъ увѣренъ въ швейцарцахъ, что взялъ въ русскій походъ четыре швейцарскихъ полка, около 7,265 солдатъ, и не раскаялся: настолько ихъ поведеніе было образцово во время этого несчастнаго для французовъ похода. Особенно злополучны были для нихъ два дня, 18-го октября и 28-го ноября; первое было особенно смертоносно, когда они прикрывали отступленіе Сенъ-Сирскаго отряда въ Полоцкѣ и этимъ мѣшали русскимъ его раздавить, а 28-го ноября при переходѣ Березины они выдерживали въ теченіе десяти часовъ натискъ обѣихъ русскихъ армій и этимъ спасали остатки Великой арміи. Вообще швейцарцы всегда предпочитали оборонительную войну, но при случаѣ умѣли перейти и въ наступательную, какъ случилось въ Полоцкѣ. Они выказали столько отваги во время несчастнаго похода, что французскій генералъ Мерль, поздравляя полковника одного полка, участвовавшаго въ полоцкомъ бою, писалъ: «Невозможно выказать болѣе отваги и хладнокровія». А когда Тьеръ обвинялъ швейцарцевъ, что они выказали слишкомъ много пыла, водуазскій капитанъ Луи Вего, одинъ изъ героевъ того дня, вспоминая эти слова, написалъ въ своихъ мемуарахъ: «Слишкомъ много пыла! Но, г. Тьеръ, вы забываете, что надо было воспрепятствовать, чтобы остатки Великой арміи не нашли могилу въ Березинѣ». Швейцарцы ни разу не потеряли ни одного орла, ни одного знамени.

Когда швейцарцы служили въ иностранныхъ арміяхъ, замѣчаетъ авторъ статьи Гильянъ, они приносили съ собою любовь къ родинѣ на знаменахъ, подъ которыми сражались. Это утверждаютъ всѣ швейцарскіе офицеры, написавшіе воспоминанія. «Страдали за родину, — писалъ поручикъ Пьеръ-де-Шалле:—за родину дрались!» А другой капитанъ, невшателецъ Росслэ, эту отвагу

и любовь къ родинѣ объясняетъ тѣмъ, что швейцарцы хотѣли доказать, что они не выродились и берега Двины и Березины надолго еще удержать память о славѣ швейцарскаго имени.

— «Rivista di Roma» разсказываетъ любопытный эпизодъ изъ жизни Наполеона I, переданный сенаторомъ Габба со словъ восьмидесятилѣтней Лены Биньяни. Это была въ свое время красавица, и въ ея жизни, разумѣется, было не мало пикантныхъ анекдотовъ. Среди нихъ одинъ случившійся на празднествѣ въ честь Наполеона, устроенномъ миланскими купцами. Императору были представлены дамы, присутствовавшія на празднествѣ, и между ними синьора Биньяни. Наполеонъ почти ко всѣмъ обращался съ какими-нибудь вопросами, съ нею разговоръ былъ болѣе продолжительнымъ. Спросивъ ее объ ея имени, мѣстѣ рожденія и соціальномъ положеніи, онъ прибавилъ: «Никогда не забуду вашихъ глазъ!» Затѣмъ онъ спросилъ: замужемъ ли она? есть ли у нея сыновья? На ея утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ ей: «Если вы хотите хорошо воспитать сыновей, исключите изъ вашего жилища диваны».

— Письма Коклэна и Зоненталя.—Въ Германіи, Австріи и даже во Франціи были распространены слухи, что извѣстный нѣмецкій актеръ Ларошъ—сынъ Гете. Эти слухи основывались не на солидномъ фундаментѣ, а теперь ихъ сомнительность еще болѣе увеличивается, благодаря словамъ извѣстнаго нѣмецкаго трагика Зоненталя, скончавшагося въ Прагѣ 4-го апрѣля 1909 года. Въ октябрьскомъ «Deutsche Revue» [1]) находится его переписка съ различными выдающимися лицами и между прочимъ съ французскимъ актеромъ Коклэномъ.

Послѣдній въ своемъ письмѣ къ Зоненталю какъ разъ поднимаетъ этотъ вопросъ. Онъ проситъ сообщить ему свѣдѣнія о «вашемъ Ларошѣ». Онъ былъ французскаго происхожденія, и генералъ Раппъ предложилъ ему подготовиться для поступленія во «Французскую Комедію». «Я слышалъ,—пишетъ Коклэнъ:— что подозрѣваютъ, будто Гете его отецъ. Мнѣ хотѣлось бы имѣть относительно этого кое-какія подробности: я хочу написать небольшую повѣсть, которую у меня просятъ уже давно, и мнѣ кажется, что она была бы интересна съ Ларошемъ—героемъ».

На это Зоненталь отвѣтилъ, что объ этомъ столько басенъ пущено въ ходъ, что затруднительно добраться до истины. Онъ, напримѣръ, слышалъ, что это басня, будто Ларошъ сынъ Гете и, вѣроятно, это результатъ случайнаго сходства съ великимъ поэтомъ. Въ 1822 году Ларошъ былъ приглашенъ въ Веймаръ, гдѣ именно онъ познакомился съ Гете и подъ его руководствомъ изучалъ «Фауста». Вотъ настоящая правда, остальное досужій-вымыселъ.

Въ своемъ письмѣ Коклэнъ говоритъ, что онъ попрежнему намѣревается исполнить роль Мефистофеля. Но такъ какъ онъ не могъ добиться, чтобы «Фауста» дали на сценѣ «Théâtre Français», то рѣшилъ отправиться въ Америку для исполненія этой роли и разсчитываетъ, что по его возвращеніи «Фауста» поставятъ на французской сценѣ. Коклэнъ выражалъ желаніе имѣть старый текстъ «Фауста», какъ его играли прежде, чѣмъ была поставлена вся поэма.

---

[1]) Briefe von Adolf v. Sonnenthal. «Deutsche Revue», October 1912.

На это Зоненталь выражаетъ радость, что Коклэнъ хочетъ сыграть Мефистофеля. «Я не отрицаю, что для васъ это будетъ двойная и тройная громадная работа; вѣдь «Фаустъ» специфически нѣмецкая пьеса. Самому вамъ еще легче играть Мефистофеля, такъ какъ чортъ подходитъ ко всякой націи; но Гретхенъ, этотъ трогательный прототипъ нѣмецкой дѣвушки, и особенно самого Фауста—трудно». «Только хватитъ ли терпѣнія у французской публики, чтобы понять нѣмецкаго поэта?» спрашиваетъ онъ.

— «Hebdo-Debat» въ нѣсколькихъ словахъ передаетъ исторію въ свое время излюбленнаго танца «польки». Въ Россіи принято считать «польку» польскимъ танцемъ, благодаря его названію. Между тѣмъ онъ чешскаго происхожденія и означаетъ полу-па, «полка», что по-чешски половина. Исторія этого танца слѣдующая. Одна прислуга какъ-то, соскучившись въ своей кухнѣ, принялась плясать, выдѣлывая па, какія ей вбрели въ голову, подпѣвая себя какой-то мотивъ ея родины. Хозяева, заставъ служанку за пляской, позвали ее въ гостиную и заставили проплясать этотъ танецъ предъ однимъ музыкантомъ, по имени Неруда, который записалъ какъ мотивъ, такъ и па. Прошло немного времени, и на балу одной буржуазной семьи впервые протанцовали этотъ танецъ. Это произошло въ 1830 году. Чрезъ пять лѣтъ этотъ же самый танецъ, состоящій изъ полу-па, появился въ Прагѣ, гдѣ его назвали «полка» половина. Четыре года спустя, въ 1839 году, онъ появляется уже въ Вѣнѣ. Здѣсь онъ произвелъ положительный фуроръ, и композиторы принялись наперебой сочинять для него мотивы. Въ 1840 году пражскій танцоръ Роабъ впервые протанцовалъ польку въ Парижѣ въ театрѣ «Одеонъ»; съ этого момента слава о немъ обѣжала Европу, и со сцены онъ попалъ въ салоны.

— «Excelsior» передаетъ анекдотъ, разсказанный однимъ членомъ нѣмецкаго яхтъ-клуба. Когда однажды «Hohenzollern» вошелъ въ норвежскій портъ, то императоръ Вильгельмъ, которому надоѣлъ медленный ходъ яхты, выйдя изъ терпѣнія, самъ позвонилъ въ колоколъ, чтобы прибавить ходу. Но, къ его великому удивленію, пилотъ, старый норвежецъ, по имени Нардунъ, бросился къ телефону и закричалъ механикамъ: «Замедлите, не обращайте вниманія на звонъ». Вильгельмъ смѣрилъ взглядомъ дерзкаго, осмѣлившагося такъ говорить въ его присутствіи и произнесъ: «Пилотъ... ступайте и прикажите себя арестовать».—«Я не покину этого мѣста,—возразилъ старый пилотъ, не сморгнувъ глазомъ.—Судно подъ моимъ управленіемъ, и никто, даже императоръ не можетъ отдавать мнѣ приказаній».

Присутствовавшіе офицеры молча переглянулись, зная, что на сторонѣ пилота всѣ морскія правила. Они очень удивились, увидя, что Вильгельмъ покинулъ мостикъ и предоставилъ пилоту, какъ ему угодно управлять яхтой.

На другой день дурное расположеніе духа Вильгельма разсѣялось, онъ вознаградилъ стараго пилота орденомъ и назначилъ его своимъ оффиціальнымъ пилотомъ въ норвежскихъ водахъ.

— «Nuova Antologia» приводитъ выдержки изъ статьи въ «Gazette de Lausanne», посвященной Льву Николаевичу Толстому, въ которой дается очеркъ его военной дѣятельности. Собственно очеркъ не представляетъ для русскихъ новинки, какъ заимствованный изъ русскихъ источниковъ. Можно отмѣтить только иска-

женія русскихъ именъ и названій. «Современникъ» обращенъ въ «Surimmenik» Татьяна Александровна (невѣстка Толстого) въ «Taziane Alexandrovka».

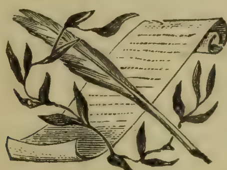
— «Literarische Echo» помѣстило цѣлую серію статей Ансельмо Гейне, посвященныхъ «колоніи писателей». Нѣмецкіе писатели сдѣлали оригинальную попытку обособиться собственнымъ кружкомъ, и въ 1910 году эту мысль осуществили братья Гартъ вмѣстѣ съ своими товарищами, положивъ начало колоніи индивидуалистовъ. Извѣстное число сторонниковъ этой идеи собралось въ нанятомъ помѣщеніи, какъ въ сборномъ мѣстѣ. Гейне такъ рисуетъ впечатлѣніе, произведенное на него этой общиной. Что-то мистическое витало надъ этими людьми, собиравшимися на большія празднества посвященія (пріемъ новыхъ членовъ), гдѣ проповѣдывалось «новое ученіе». Сущность его состояла въ культѣ героевъ. Въ конференціяхъ членовъ разъяснялись различныя обстоятельства, при которыхъ проявлялся героизмъ. Въ этой новой манерѣ жить и дѣйствовать долженъ былъ господствовать и идеалъ, также какъ религія, наука и искусство. Братья Гартъ, а также ихъ сторонники съ такимъ жаромъ, серьезностью и авторитетомъ проводили свою идею, сила внушенія была такъ велика, что даже проникла въ ряды буржуазіи и увлекла многихъ изъ ихъ среды.

Новая община не хотѣла слышать ни о правящихъ, ни о повинующихся; главы и руководители должны были являться піонерами, пролагающими новый путь. Одинаково среди нихъ не было и судей. Вмѣсто «брака крови», представляющаго союзъ чувственности и случая, явился бракъ ума (интеллектъ). Весною 1900 г. справлялся праздникъ весны, и во время ночной прогулки члены кружка пѣли и мечтали,—настолько они были поклонники природы. Но все это еще слишкомъ чувствовалось мозгами; все, что до тѣхъ поръ было лишь просто словами, должно было сдѣлаться фактомъ.

Съ этой цѣлью была нанята старая санаторія «Schlochtensee» съ паркомъ и полемъ. Предполагалось существовать общиной, не только во время какихъ-нибудь собраній, но ежедневно чтобы вмѣстѣ совершать необходимыя работы, какъ, напримѣръ, содержать домъ, садъ. Но здѣсь именно проявилась блестящая безпечность братьевъ Гартъ. Братъ Генрихъ возился въ нижнемъ этажѣ въ кухнѣ съ кухоннымъ персоналомъ и въ то же время велъ бесѣду по телефону, соединявшему его съ берлинскимъ издательскимъ домомъ Шерлъ, которому онъ попрежнему давалъ критическія статьи и фельетоны. Сестры общины, а также жены и ихъ подруги поочередно брали на себя роль хозяекъ и заботились о хозяйствѣ. Являвшіеся въ колонію гости думали, что жили въ старинной сказкѣ. Члены общины жизнерадостно веселились вмѣстѣ, одѣтые безъ различія пола въ фантастическія туники яркихъ цвѣтовъ. Въ полѣ нѣжная какая-нибудь дорафаэльская мадонна дѣлала попытки посѣять рѣпу; въ паркѣ находился театрикъ, гдѣ всегда что-нибудь разыгрывали. Кушанье приносилъ первый встрѣчный прямо на листахъ растеній. Расчетъ велся за все не деньгами а билетиками и фишками общины. И надъ всѣмъ этимъ парилъ ароматъ юности, довѣрія и производилъ впечатлѣніе опьяняющаго и увлекающаго чуда. Здѣсь было и безумное веселье, и смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ,

мечта и тѣлесныя упражненія. Но это была пока попытка, которая имѣла свой скорый конецъ.

— «Deutsche Revue» за сентябрь мѣсяцъ, говоря о внѣшней политикѣ Германіи («Hindernisse auf dem Wege deutscher aus wurdiger Politic» (Препятствія на пути нѣмецкой внѣшней политики), старается увѣрить, что сама Германія настроена самымъ миролюбивымъ образомъ, а сѣмя вражды расбрасываютъ пангерманисты. Они сѣютъ недовѣріе къ Германіи или, вѣрнѣе, къ ея политикѣ. Они вызываютъ конфликты, грозящіе войной, и если бы германское правительство хотѣло ея, то использовало обстоятельства. Германія хочетъ одного: сближенія съ Англіей; однако это сближеніе немыслимо, пока существуетъ обоюдная вражда—въ сердцѣ германцевъ ненависть къ англичанамъ, въ сердцѣ англійскаго народа—недовѣріе къ нѣмцамъ. Правда, имъ нужны колоніи, но не настолько велика эта надобность, чтобы изъ-за этого заводить войну. Напротивъ, для этого именно и слѣдуетъ сблизиться съ Англіей: это будетъ способствовать удержанію прежнихъ колоній и, быть можетъ, пріобрѣтенію другихъ. Такого мнѣнія придерживался и Бисмаркъ. Поэтому Германія должна стремиться и поставить себѣ цѣлью разсѣять недовѣріе англичанъ. Но этому мѣшаютъ пангерманисты.

СМѢСЬ.

УБЛИЧНОЕ собраніе императорской академіи наукъ. 25-го сентября, подъ предсѣдательствомъ вице-президента императорской академіи наукъ П. В. Никитина, состоялось публичное засѣданіе академіи для присужденія наградъ графа Уварова. Непремѣнный секретарь академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ прочиталъ отчетъ о присужденіи премій, изъ котораго видно, что всего къ конкурсу было представлено 8-ю авторами 9 сочиненій. Большую награду въ 1,500 рублей особая комиссія постановила присудить Н. Ѳ. Каптереву за сочиненіе его «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ». Какъ видно изъ отзыва о сочиненіи, даннаго заслуженнымъ профессоромъ П. В. Знаменскимъ, трудъ этотъ, посвященный обозрѣнію прогрессивныхъ движеній въ патріаршество Іосифа и устанавливающій историческое значеніе времени Никона и царя Алексѣя Михайловича, какъ времени, когда у русскихъ людей стала укрѣпляться мысль о необходимости обратиться за образованіемъ къ Западу,—трудъ весьма полезный не только въ научномъ, но и въ практическомъ отношеніи—для противораскольнической полемики. Малая награда въ 500 рублей присуждена А. Л. Петрову за его «Матеріалы для исторіи Угорской Руси». Давая отзывъ объ этомъ трудѣ, заслуженный профессоръ Т. Д. Флоринскій видитъ главное значеніе его въ обнародованіи извлеченныхъ изъ архивовъ новыхъ, весьма важныхъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на экономическое положеніе крестьянъ въ Угріи въ XVIII вѣкѣ и на состояніе книжной и устной рѣчи угроруссовъ въ ту же пору, что въ цѣломъ вноситъ нѣчто новое, весьма цѣнное въ изученіе Угорской Руси. Въ частности, рецензентъ отмѣчаетъ широкую эрудицію автора, его начитанность въ мадьярской научной литературѣ и въ высшей степени добросовѣстное, любовное отношеніе его къ процессу работы и къ предмету его трудныхъ, кропотливыхъ изысканій. Та-

кая же малая награда въ 500 рублей присуждена труду И. И. Лаппо «Великое княжество Литовское во второй половинѣ XVI вѣка. Литовскій-русскій повѣтъ и его сеймикъ». Авторъ стремится къ изслѣдованію и изображенію соціально-политическаго строя великаго княжества Литовскаго въ эпоху заключенія и реализація уніи его съ короною польскою. Авторъ дѣлаетъ починъ въ изслѣдованіи и изображеніи тѣхъ учрежденій, которыя можно назвать политическими органами шляхетской демократіи, т.-е. сеймика, съѣзда великаго княжества и вольнаго сейма. Автору, по отзыву профессора М. К. Либавскаго, удалось выполнить только часть задуманной имъ программы, но авторъ обнаружилъ огромную начитанность въ первоисточникахъ, далеко выходящую за предѣлы эпохи, къ которой ближайшимъ образомъ относятся его изслѣдованія. Недостатками труда являются: преобладаніе простого описанія надъ историческимъ, отсутствіе сопоставленія литовско-русскаго повѣтоваго сеймика съ польскимъ, повторенія, длинноты, излишнія подробности. Тѣмъ не менѣе, для всѣхъ, кто будетъ изучать внутренній строй литовско-русскаго государства въ эпоху установленія и осуществленія его уніи съ Польшей, книга эта дастъ богатый, надежный матеріалъ и руководство. Наконецъ, за неимѣніемъ болѣе въ своемъ распоряженіи денежныхъ наградъ, комиссія постановила присудить почетный отзывъ изслѣдованію священника М. С. Попова «Арсеній Мацѣевичъ и его дѣло». Первая часть книги посвящена первому періоду жизни Арсенія, до его назначенія на ростовскую каѳедру, вторая—періоду служенія Арсенія на этой каѳедрѣ и имѣетъ не столько біографическій, сколько общій церковно-историческій интересъ, сообщая богатый матеріалъ какъ для мѣстной ростовской церковной исторіи, такъ и для исторіи русской церкви вообще. По отзыву рецензента, профессора Б. В. Титлинова, авторомъ затронуто много историческихъ фактовъ и вопросовъ, касающихся не только одного Арсенія Мацѣевича, но, конечно, центральной фигурой является и долженъ быть послѣдній, такъ какъ личность и «дѣло» Арсенія тѣсно сплетаются между собою, такъ что освѣщеніе той и другой становится въ неизбѣжную взаимную зависимость. По отзыву рецензента, изъ всѣхъ существующихъ работъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ трудъ М. С. Попова, безспорно, самый обстоятельный и научный, и со стороны фактовъ едва ли остается желать чего-либо большаго. Въ изъявленіе своей признательности рецензентамъ за понесенные ими труды академіи постановила благодарить ихъ и назначила имъ установленныя для постороннихъ ученыхъ золотыя Уваровскія медали.

Собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 7 октября состоялось подъ предсѣдательствомъ Я. Н. Колубовскаго собраніе членовъ кассы. Около 3 часовъ времени собравшіеся посвятили дебатамъ по вопросу объ экономкѣ дома писателей имени В. Ф. Голубева, Ивановой, остающейся еще до сихъ поръ въ этой должности, несмотря на протесты представителей кассы въ совѣтѣ по управленію означеннымъ домомъ. Въ концѣ концовъ вопросъ попрежнему остался открытымъ. Въ комиссію по измѣненію устава о недоимкахъ избраны: Колубовскій, Линевъ, Коровиченко, Кремлевъ и Либровичъ; въ ревизіонную комиссію Я. Н. Колубовскій, Линевъ, Михайловъ, Пекарскій и Коровиченко. По вопросу о завѣщаніи умершаго члена кассы К. В. Скурховича собраніе

постановило, согласившись съ мнѣніемъ правленія, оставленные завѣщателемъ около 2,000 рублей причислить къ ссудному капиталу. Въ заключеніе избраны 22 новыхъ члена кассы.

Музей училища правовѣдѣнія. Немногіе знаютъ о существованіи интереснѣйшаго музея при императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, куда собрано, если и не все, то очень многое, что можетъ напомнить о жизни училища и о знаменитыхъ правовѣдахъ-законодателяхъ, ученыхъ, писателяхъ, музыкантахъ и особенно объ основателѣ училища принцѣ П. Г. Ольденбургскомъ. Музей основанъ по инициативѣ графа Г. П. Сюзора и главнымъ образомъ его стараніями, при содѣйствіи принца А. П. Ольденбургскаго. Еще раньше по мысли Г. К. Рѣпинскаго была учреждена библіотека изъ сочиненій бывшихъ правовѣдовъ или изъ такихъ произведеній, которыя освѣщали бы жизнь и дѣятельность училища и его питомцевъ. Библіотека занимала уголъ въ фундаментальной библіотекѣ училища. Для музея тамъ стало тѣсно (а музей открытъ въ день семидесятипятилѣтняго юбилея училища въ 1910 году), почему съ разрѣшенія директора подъ музей была отведена часть дортуара старшаго курса. Въ музеѣ между прочимъ имѣются нѣкоторыя вещи изъ рабочаго кабинета композитора А. Н. Сѣрова, его портреты и его дѣтскіе фантастическіе рисунки, какъ, напримѣръ, «Буря»—съ надписью: «моей первой учительницѣ музыки Жебелевой». Музею обѣщанъ братомъ покойнаго В. А. Сѣровымъ рояль композитора, за которымъ онъ создавалъ свои геніальныя произведенія. Слабо представленъ П. И. Чайковскій, такъ какъ братомъ композитора М. И. устроенъ музей въ гор. Клину, куда собрано все, что только можно было раздобыть. Въ 1905 году, во время аграрныхъ безпорядковъ, музей былъ перевезенъ въ Москву, а теперь онъ опять въ Клину. Приходится жалѣть, что музей не въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ онъ былъ бы доступенъ для широкой публики. Много собрано реликвій поэта Апухтина, несмотря на то, что братомъ его были ликвидированы сейчасъ же послѣ смерти поэта всѣ его вещи. Имѣется маска, полученная отъ профессора Баха, шапка, которую онъ носилъ двадцать лѣтъ, палка, съ которой онъ не разставался до послѣднихъ дней, и портреты. Особенно интересенъ портретъ поэта въ то время, когда онъ былъ худенькимъ правовѣдомъ. Благодаря содѣйствію дочерей А. М. Жемчужникова, удалось получить большой портретъ его и фотографію домика въ Тамбовѣ, гдѣ поэтъ снятъ на балконѣ. Имѣются портреты композитора Г. А. Лишина, извѣстнаго судебнаго дѣятеля, поэта и художника А. А. Маркова и В. Н. Энгельгардта, извѣстнаго астронома, жившаго въ окрестностяхъ Дрездена, гдѣ онъ имѣлъ свою обсерваторію. (Онъ же на свои средства выстроилъ въ Казани обсерваторію и пожертвовалъ въ университетъ свою богатѣйшую библіотеку; а въ Суворовскомъ музеѣ есть цѣлая комната его имени). Исключительный интересъ представляютъ письма правовѣда перваго выпуска Барановскаго и его дневникъ, который будетъ отпечатанъ только послѣ смерти жертвователя. Барановскій пріѣзжалъ на юбилейное торжество училища и всѣхъ поразилъ своею бодростью и живостью ума, несмотря на свои девяносто пять лѣтъ. Во главѣ музея стоитъ цѣлый совѣтъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ сенаторъ Н. Д. Чаплинъ, который относится къ музею съ огромнымъ интересомъ и любовью; секретаремъ и главнымъ дѣятелемъ является графъ Г. П. Сюзоръ.

Чеховскій уголокъ. Чеховскій уголокъ въ «комнатѣ сороковыхъ годовъ» въ Румянцовскомъ музеѣ понемногу пополняется. Въ настоящее время этотъ уголокъ представляетъ одну витрину, заполненную изданіями, письмами, фотографіями и т. п.; вокругъ витрины—серебряные, числомъ шестнадцать, вѣнки съ гроба А. П. Чехова, хранившіеся прежде въ историческомъ музеѣ, теперь переданные сюда. Какъ въ свое время сообщалось, непосредственную заботу объ устройствѣ въ Румянцовскомъ музеѣ комнаты имени Чехова и ея пополненіе взяли на себя М. П. Чехова, И. П. Чеховъ, О. Л. Книпперъ и В. В. Каллашъ. Помимо нихъ, музей поручилъ этотъ вновь организующійся чеховскій уголокъ наблюденію одного изъ хранителей музея, А. А. Борзову. За лѣто въ комнату поступила цѣлая коллекція новыхъ фотографій А. П. Чехова. Есть, напримѣръ, интересная серія фотографій, изображающая писателя на лонѣ природы, въ дачной мѣстности, въ обществѣ жены, К. С. Станиславскаго, нѣсколькихъ «дачницъ» и одного друга. Повидимому, снимки дѣлались въ веселый часъ. Вся группа на цѣломъ рядѣ снимковъ позируетъ вокругъ одного и того же стога сѣна. Лица у всѣхъ веселыя, за исключеніемъ лица самого А. П. Но подъ конецъ эта фотографическая забава развеселила, повидимому, и его: на послѣдней фотографіи онъ—съ милой, веселой улыбкой. Подарена фотографія А. П. Чехова въ молодости съ Т. Щепкиной-Куперникъ и Яворской. Поступили фотографіи А. П. Чехова въ молодости въ семейномъ кругу. Устроители комнаты приступили къ собиранію коллекцій фотографій друзей покойнаго писателя. Есть уже нѣсколько очень интересныхъ группъ. Поступили уже и письма Чехова, но пока въ небольшомъ количествѣ. А. Н. Веселовскій передалъ сюда письма Чехова къ издателю журнала «Артистъ» Ѳ. А. Куманину. Г. Безносовъ прислалъ серію писемъ Чехова, сохраненныхъ его покойнымъ братомъ-врачомъ. Общество любителей россійской словесности прислало свои изданія, въ которыя вошли произведенія Чехова. Подаренъ суфлерскій экземпляръ пьесы «Лѣшій» въ изданіи Разсохина въ весьма скромномъ литографированномъ видѣ, цѣлая серія программъ юбилейныхъ и иныхъ чеховскихъ спектаклей и др. Чешскій писатель Іеромиръ Поѣздный, большой поклонникъ и пропагандистъ на своей родинѣ Чехова, прислалъ произведенія Чехова въ его переводѣ на чешскомъ языкѣ и др. Но по настоящему комната имени А. П. Чехова въ Румянцовскомъ музеѣ обогатится и расширится, когда М. П. Чехова и О. Л. Книпперъ передадутъ въ нее, что ими съ большой любовью собрано о покойномъ писателѣ.

Гдѣ родился Пушкинъ? Общество любителей россійской словесности, получивъ отъ городского управленія предложеніе установить точно мѣсто, гдѣ родился А. С. Пушкинъ, поручило заняться этимъ вопросомъ своимъ членамъ—В. В. Каллашу и В. Я. Брюсову. В. В. Каллашъ и В. Я. Брюсовъ выяснили, что доска на домѣ Клюгина на Нѣмецкой улицѣ съ указаніемъ на то, что въ этомъ домѣ родился великій поэтъ, помѣщенная нѣкогда московскимъ городскимъ управленіемъ, поставлена, безусловно, по недоразумѣнію. Дома, въ которомъ родился Пушкинъ, въ настоящее время не существуетъ, и единственная задача, которую придется выполнить,—только точно установить ту

усадьбу, на которой когда-то стоялъ этотъ домъ. Это будетъ сдѣлано по старымъ планамъ Москвы и другимъ многочисленнымъ матеріаламъ, имѣющимся въ распоряженіи общества любителей россійской словесности.

Столѣтній юбилей церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (въ Большой Коломнѣ). Въ воскресенье 30-го сентября исполнилось ровно сто лѣтъ со дня освѣщенія, въ 1812 году, главнаго алтаря Покровской церкви. Она была основана въ 1798 году въ мѣстности, съ 1740-хъ годовъ носившей имя «Коломны» (отъ слова «Kolonie») и населенной по преимуществу адмиралтейскими служащими, корабельщиками, мелкими чиновниками, переведенными сюда изъ погорѣвшихъ во время большихъ пожаровъ 1736 и 1737 годовъ морскихъ и адмиралтейскихъ свободъ, расположенныхъ по Мойкѣ. Церковь строилась по плану и рисункамъ И. Г. Старова (1743—1808), знаменитаго зодчаго того времени, строителя Троицкаго собора, Александро-Невской лавры и зданія Таврическаго дворца. Средства на постройку и украшеніе церкви составились исключительно изъ пожертвованій мѣстнаго приходскаго населенія. Церковь Покрова тѣсными узами связана съ жизнью Коломны,—увеличеніе численности и благосостоянія жителей увеличивало и размѣры, и благолѣпіе храма. Онъ былъ дважды расширенъ: въ 1848—1850 годахъ, ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія, и вторично, еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ 1899—1902 годахъ,—заботами нынѣшняго своего настоятеля протоіерея В. А. Акимова. Зданіе храма, вся утварь и убранство—все это есть жертва народной вѣры и любви къ церкви. Къ юбилею вышли въ свѣтъ иллюстрированная «Исторія Покровско-Коломенской церкви», составленная І. Д. Туренскимъ, и «Краткое сказаніе о построеніи и благоукрашеніи» ея, составленное настоятелемъ протоіереемъ В. А. Акимовымъ.

Юбилей профессора В. С. Серебреникова. Петербургская духовная академія праздновала 1-го октября двадцатипятилѣтній юбилей ординарнаго профессора по каѳедрѣ опытной психологіи В. С. Серебреникова. Въ 1882 году В. С. поступилъ въ духовную академію, гдѣ уже, будучи студентомъ, обнаружилъ особенную склонность къ психологіи и для лучшаго ознакомленія съ новѣйшими сочиненіями по этому предмету проходилъ практическій курсъ подъ руководствомъ профессоровъ военно-хирургической академіи Грубера и Лесгафта. Юбиляръ имѣетъ высшую ученую степень доктора за сочиненіе «Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка». Между прочимъ, В. С., не удовольствовавшись работами въ Россіи, отправился за границу, гдѣ ознакомился съ институтами экспериментальной психологіи въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ, Парижѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ и Берлинѣ и прослушалъ полный курсъ у знаменитыхъ Вундта и Кюльпе. Юбиляръ, помимо академіи, преподаетъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія исторію философіи въ связи съ исторіей философіи права (съ 1897 года) и состоитъ много лѣтъ членомъ совѣта петербургскаго философскаго общества, товарищемъ предсѣдателя русскаго общества нормальной и патологической психологіи при военно-медицинской академіи и въ рядѣ другихъ обществъ. Среди служащихъ и учащихся академіи юбиляръ пользуется самыми искренними симпатіями.

Археологическія развѣдки въ Вяземскомъ уѣздѣ [1]). Въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года по неоднократной и настоятельной просьбѣ мѣстнаго учителя Н. С. Кириллова мною были произведены археологическія развѣдки и раскопки въ окрестностяхъ села Стараго Меншикова Вяземскаго уѣзда, давшія весьма интересные результаты. Въ верстѣ отъ села, при впаденіи рѣчки Боровки въ рѣку Вязьму, скрытое въ еловомъ лѣсу, раскинулось обширное поле кургановъ, гдѣ ихъ насчитано свыше семидесяти пяти. Урочище это называется въ одной части «Маденово», въ другой—«Семичастное». Здѣсь были разрыты три кургана, давшіе погребенія съ трупосожженіемъ XI—XII вѣковъ, сопровождаемыя обычными могильными украшеніями: золотисто- и серебристо-стеклянными бусами, височными кольцами, гривнами, привѣсками, перстнями, курганными ножами, погребальными урнами и проч. При опредѣленіи положенія кургановъ по отношенію рѣки Вязьмы были усмотрѣны курганы среди распаханныхъ полей, частью заѣзженные пролегающей здѣсь дорогой, гдѣ пробныя раскопки обнаружили необычайно мощный зольный слой и никакихъ остатковъ ни вещей, ни костяка. Эти послѣдніе курганы вывели къ самому берегу рѣки Вязьмы, къ высокой песчаной дюнѣ, совершенно лишенной растительности, но именуемой «Боромъ». Дюна эта дала самое неожиданное и цѣнное открытіе: на ней обнаружены и по возможности тщательно изслѣдованы двѣ другъ подъ другомъ залегающихъ неолитическихъ стоянки, при чемъ верхняя характеризовалась тонкимъ зольнымъ слоемъ—слоемъ не толще вершка, болѣе культурными и лучше обожженными черепками, а также и очень маленькими желѣзными обломками, тогда какъ нижній зольный слой, залегающій на глубинѣ пяти вершковъ отъ перваго, доходилъ мощностью до трехъ—трехъ съ половиной вершковъ и обнаруживалъ множество древнѣйшихъ горшечныхъ обломковъ весьма плотной обжиги съ примѣсью крупнаго кварцеваго песку. Этотъ послѣдній слой далъ въ одномъ, хотя уже попорченномъ «вывѣйкой» мѣстѣ цѣлое скопленіе ядрищъ (нуклеусовъ) кремневыхъ осколковъ и различныхъ каменныхъ орудій, характерную особенность коихъ составляетъ ихъ необычайная миніатюрность. Орудія являются сколотыми, но безо всякой ретуши (послѣдующей обивки), что даетъ право отнести ихъ къ самому раннему «неолиту», можно сказать, связываютъ его съ «палеолитомъ». Къ сожалѣнію, по самой дюнѣ проходитъ дорога и, вѣроятно, брался песокъ для строительныхъ надобностей, вслѣдствіе чего и образовалась вышеупомянутая «вывѣйка». Кромѣ того, эта дюна уже на половину сползла въ рѣку Вязьму, ежегодно подмывающую ея пятнадцатисаженный обрывъ, и на днѣ рѣки, вѣроятно, погребено множество каменныхъ орудій. Далѣе, по берегу той же рѣки Вязьмы, въ четырехъ верстахъ отъ Стараго Меншикова была произведена раскопка (одной поперечной траншеей въ двадцать пять аршинъ длины и три аршина ширины) городища при деревнѣ Тупичино, давшая обычные желѣзные предметы, массу черепковъ, какіе-то особые глиняные рюмкообразные сосуды, но самое интересное—остатки глинобитныхъ и затѣмъ обожженныхъ сооруженій квадратной формы съ входами на югъ. Тутъ же, шагахъ въ семидесяти отъ городища,

---

[1]) Сообщила Е. Клетнова.

произведена пробная раскопка одного изъ цѣлой группы кургановъ, обнаружившая болѣе древнее и бѣдное погребеніе съ неполнымъ трупосожженіемъ, приблизительно IX—X вѣковъ, чѣмъ дали вышеописанныя раскопки въ урочищахъ Маденово и Семичастное.

Раскопки, произведенныя профессоромъ Брауномъ. Лѣтъ восемнадцать назадъ профессоръ Браунъ, производя раскопки въ пещерномъ городѣ Мангупъ-Кале, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бахчисарая, открылъ древній христіанскій храмъ византійской эпохи. Раскопки эти были прекращены и только въ настоящее время возобновились и производятся подъ наблюденіемъ Р. Х. Леппера, ведущаго раскопки въ Херсонесѣ. Подъ храмомъ, обнаруженнымъ профессоромъ Брауномъ, г. Лепперъ открылъ другой храмъ—болѣе древней постройки.. Вокругъ храма оказалось кладбище, много могильныхъ христіанскихъ памятниковъ съ красивыми орнаментами и съ греческими надписями. Въ нѣкоторомъ отдаленіи открытъ еще храмъ малаго размѣра, съ древними гробницами и барельефомъ, изображающимъ св. Георгія Побѣдоносца. Раскапывая курганъ, изслѣдователь открылъ еще одно древнее сооруженіе—это дворецъ князя Алексѣя, что видно изъ греческой надписи на каменной плитѣ съ воротъ дворца. На этой плитѣ, помимо надписи, оказался хорошо сохранившійся византійскій двуглавый орелъ и орнаменты, мастерски выполненные. Дворецъ относятъ къ X вѣку до покоренія Мангупъ-Кале турками. Въ одномъ ближайшемъ ущельѣ обнаружено древнее кладбище и нѣсколько памятниковъ съ надписями на древне-еврейскомъ языкѣ. Памятники эти трехъ видовъ—двугорбые, одногорбые и гладкія плиты. Судя по датамъ, они относятся къ X и XII вѣку. На нѣкоторыхъ плитахъ высѣчены инструменты, указывающіе на профессію покойнаго. При вскрытіи гробницъ древне-еврейскаго или караимскаго кладбища—въ одной оказался деформированный черепъ, въ другой—въ зубахъ черепа серебряная монета, но настолько стертая, что невозможно опредѣлить, къ какому времени она относится. Подобные черепа находили при раскопкахъ въ Херсонесѣ, Керчи и другихъ мѣстахъ.

Древній крестъ. Въ церкви погоста Унжи, Меленковскаго уѣзда Владимирской губерніи, особенное вниманіе обращаетъ на себя древній панагійный крестъ изъ чистаго червоннаго золота съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ. Вѣсу въ крестѣ четырнадцать золотниковъ семьдесятъ пять долей; крестъ этотъ на серебряной цѣпи; онъ вложенъ въ серебряно-вызолоченный ковчегъ, украшенный жемчугомъ. На верхней доскѣ ковчега по краю вырѣзано вглубь вязью: «Спаси, Богъ, люди своя и благослови достояніе Свое, побѣды благовѣрному царю и великому князю Михаилу на сопротивныя даруяй и Своя сохраняя крестомъ люди». На задней доскѣ также вязью вырѣзано: «Повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи самодержца и матери его государыни инокини Марѳы Ивановны, здѣланъ сей ковчегъ животворящему Кресту Господню въ Муромъ въ соборную церковь архистратига Михаила въ третье лѣто государства его, лѣто 7123 Ѳевр. 4». Къ этому кресту издревле питали особенное благоговѣніе русскіе цари и народъ. Изъ подписи на богослужебныхъ книгахъ, пожалованныхъ царями Іоанномъ Алексѣевичемъ и Петромъ Алексѣевичемъ въ Унженскую Архангельскую

церковь, видно, что этотъ панагійный крестъ «приносимъ былъ въ Москву, въ царскій дворецъ, въ великимъ государямъ каждогодно». Такъ, въ Цвѣтной Тріоди по листамъ (на 53) надписано: «7200 года октября въ 20 день, по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, дана сія книга Треодь Цвѣтная изъ приказу Большого дворца въ Муромскій уѣздъ въ Унженскій станъ къ церкви Воздвиженія честного креста Господня, который приносится къ нимъ, великимъ государямъ, къ Москвѣ, на вся годы».

Россійская лига равноправія женщинъ. Лига равноправія женщинъ созываетъ, съ разрѣшенія правительства, первый всероссійскій съѣздъ по образованію женщинъ въ Петербургѣ съ 26-го декабря 1912 года по 4-е января 1913 года. Членами съѣзда могутъ быть: а) академики, профессора и всѣ преподающіе въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; б) завѣдующія этими заведеніями лица; в) члены ученыхъ, педагогическихъ и просвѣтительныхъ обществъ; г) дѣятели по образованію; д) всѣ члены Россійской лиги равноправія женщинъ и ея отдѣленій Членскій взносъ пять рублей. За всѣми справками, заявленіями объ участіи въ съѣздѣ просятъ обращаться въ россійскую лигу равноправія женщинъ (Знаменская, 20, кв. 22) на имя предсѣдательницы доктора П. Н. Шишкиной-Явейнъ.

НЕКРОЛОГИ.

Быховецъ-Самаринъ, Я. В. Въ четвергъ 27-го сентября въ Лиговѣ въ часъ дня скончался старѣйшій артистъ Литературно-Художественнаго общества (Малый театръ) Яковъ Васильевичъ Васютинскій, по сценѣ Быховецъ-Самаринъ. Покойный родился въ Одессѣ, въ 1848 году, происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Херсонской губерніи. Будучи студентомъ харьковскаго университета, увлекся сценой, въ молодыхъ годахъ служилъ еще у извѣстнаго Милославскаго, играя даже его репертуаръ—любовниковъ и героевъ. Въ Петербургѣ впервые въ 1889 году служилъ у Бабикова. Въ Тифлисѣ у Форкатти былъ режиссеромъ тифлисскаго музыкальнаго кружка, гдѣ впервые выступали гг. Шаляпинъ, Сѣверскій и др. Въ театръ Литературно-Художественнаго общества Я. В. былъ приглашенъ Е. П. Карповымъ, дебютировалъ въ «Норѣ», играя характерную роль прокурора-шантажиста, и затѣмъ принималъ участіе почти во всѣхъ послѣдующихъ спектакляхъ. Его дѣловитость, распорядительность, аккуратность и знаніе сцены выдвинули его въ новомъ театрѣ: послѣ г. Федорова-Юрковскаго онъ принялъ въ свое вѣдѣніе режиссерскую часть театральнаго предпріятія. Режиссеромъ покойный былъ четыре сезона и въ этотъ періодъ явился дѣятельнѣйшимъ исполнителемъ руководящихъ указаній А. С. Суворина. Затѣмъ снова сдѣлался рядовымъ артистомъ на характерныя роли, исполняя ихъ съ успѣхомъ. При его участіи были поставлены впервые «Юлій Цезарь», «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», «Максимъ Сумбуловъ», «Измаилъ» и многія пьесы Островскаго. Наибольшей удачей онъ пользовался въ роляхъ Суворова («Измаилъ») и пана Валевскаго («Наполеонъ и пани Валевская»). Послѣдняя роль была впервые исполнена имъ въ бенефисъ, данный ему дирекціей въ прошломъ году по случаю сорокалѣтія его артистической дѣятельности. Покойный только наканунѣ участвовалъ въ утреннемъ спектаклѣ «Лѣсъ» Островскаго въ роли Милонова. И внезапная кончина

его опечалила товарищей, чтившихъ покойнаго, какъ хорошаго интеллигентнаго артиста и отзывчиваго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13129).

† **Виноградскій, А. Н.** Телеграфъ принесъ печальную вѣсть о большой потерѣ, понесенной нашимъ музыкальнымъ міромъ, о кончинѣ послѣ продолжительной болѣзни Александра Николаевича Виноградскаго, энергичнаго и талантливаго дирижера, много содѣйствовавшаго распространенію русской музыки за предѣлами своего отечества. Уроженецъ Кіева, А. Н. тамъ же окончилъ сначала гимназію (вторую), а потомъ университетъ по юридическому факультету; но съ малыхъ лѣтъ его тянуло къ музыкѣ, которую онъ обожалъ (прекрасно игралъ на роялѣ); состоятельные родители поддерживали въ немъ это чувство, давая возможность посѣщать всѣ лучшіе концерты. По окончаніи образованія А. Н. сталъ изучать теорію композиціи (у профессора Соловьева); карьеру дирижера началъ онъ, когда былъ директоромъ саратовскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества (1884—1886 гг.). Послѣ того, какъ А. Н. былъ избранъ предсѣдателемъ кіевскаго отдѣленія названнаго общества, онъ здѣсь сталъ во главѣ симфоническихъ концертовъ, число которыхъ поднялъ съ 2—3 до 8—9; благодаря его таланту, энергіи и любви къ дѣлу, концерты эти имѣли большой успѣхъ, и Кіевъ занялъ одно изъ крупнѣйшихъ, послѣ столицъ, мѣстъ по своей музыкальной жизни. Слава его быстро выросла, и онъ сталъ получать приглашенія на гастроли, и не только отъ нашихъ музыкальныхъ центровъ (Петербургъ, Москва, Одесса и др.), но и отъ заграничныхъ, гдѣ онъ исполнялъ исключительно русскихъ авторовъ, знакомя иностранную публику съ лучшими образцами нашей симфонической музыки и пользуясь здѣсь выдающимся успѣхомъ. Въ Парижѣ онъ выступалъ три раза и между прочимъ на всемірной выставкѣ 1900 года, дирижировалъ онъ также на всемірной выставкѣ въ Антверпенѣ, филармоническими концертами въ Вѣнѣ и Берлинѣ (1899 г.). Покойный А. Н. между прочимъ первый исполнялъ первую симфонію преждевременно скончавшагося талантливаго композитора Калинникова, и не только въ Кіевѣ, но и повсюду, гдѣ онъ выступалъ въ качествѣ дирижера въ Россіи и за границей, завоевавъ такимъ образомъ признаніе этого дарованія. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ А. Н. сравнительно недавно оставилъ свою дирижерскую дѣятельность въ Кіевѣ, и значеніе этихъ концертовъ замѣтно уменьшилось. А. Н. умеръ далеко не старымъ (родился въ 1856 году), и смерть его огорчила всѣхъ любящихъ родное искусство и лично знавшихъ этого симпатичнаго и добраго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13138).

† **Гожевъ, А. К.** 11-го октября скончался сенаторъ, присутствовавшій въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ, Александръ Константиновичъ Гожевъ. Покойный родился 6-го октября 1847 года и вскорѣ по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ кандидатомъ правъ опредѣлился на службу въ сенатъ. Съ 1868 года его сорокачетырехлѣтняя дѣятельность была сосредоточена по преимуществу въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ, гдѣ онъ занималъ должности секретаря, товарища оберъ-прокурора и съ 1901 года былъ сенаторомъ. Два раза онъ временно удалялся изъ сената, будучи

назначенъ въ первый разъ членомъ с.-петербургскаго окружнаго суда и въ 1899 году предсѣдателемъ департамента кіевской судебной палаты. Покойный считался дѣльнымъ и знающимъ цивилистомъ. При составленіи гражданскаго уложенія онъ былъ привлеченъ въ особую комиссію по этой работѣ, въ 1878 г. составилъ и издалъ «Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента», въ двухъ томахъ: «Матеріальное право» и «Судопроизводство», въ 1885 году въ сотрудничествѣ съ г. Цвѣтковымъ—«Сборникъ гражданскихъ законовъ». Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ эмеритальной кассѣ министерства, будучи членомъ совѣта этой кассы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13143).

† **Гоппе, Э. Д.** 9-го октября скончался Эдуардъ Дмитріевичъ Гоппе, бывшій издатель «Всемірной Иллюстраціи», журналовъ «Трудъ» и «Модный Свѣтъ», «Всеобщаго Календаря» и другихъ изданій, предпринятыхъ его братомъ Германомъ Гоппе. Покойный вошелъ въ это дѣло, какъ его главный руководитель, послѣ смерти своего брата. Богатыя средства позволили ему улучшить эти изданія и довести ихъ до уровня лучшихъ заграничныхъ иллюстрацій. Однако затраты покойнаго не окупились. Ежегодный убытокъ вызвалъ въ 1898 г. полную ликвидацію дѣлъ; Э. Д. разорился и провелъ послѣдніе годы своей жизни, нуждаясь въ необходимомъ. Какъ человѣкъ, онъ отличался замѣчательной трудоспособностью, скромностью и доброжелательствомъ. Умеръ 71 года. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13141),

† **Михайловскій, П. М.** Въ часъ ночи на 27-е сентября въ Ново-Екатерининской больницѣ скончался отъ рака желудка присяжный повѣренный Петръ Михайловичъ Михайловскій. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія. Отецъ его былъ священникомъ села Брыкова Звенигородскаго уѣзда. Первоначальное образованіе П. М. получилъ въ виѳанской духовной семинаріи, а по окончаніи курса поступилъ въ московскую духовную академію. Это было въ началѣ 70-хъ годовъ, когда волна общественнаго движенія подъ вліяніемъ реформъ 60-хъ годовъ проникла и въ духовныя учебныя заведенія, вызывая сочувствіе къ новымъ идеямъ среди учащейся молодежи. Волна эта захватила и П. М., котораго не удовлетворяла схоластическая наука духовныхъ учебныхъ заведеній, какъ и предстоявшая дѣятельность въ духовномъ вѣдомствѣ, и онъ искалъ болѣе живого знанія и иной работы. Пробывъ въ духовной академіи годъ, онъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета. П. М. блестяще окончилъ курсъ и былъ оставленъ профессоромъ Павловымъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію по каѳедрѣ каноническаго права. Вскорѣ затѣмъ П. М. зачислился помощникомъ присяжнаго повѣреннаго къ А. Е. Носу. Какъ часто бываетъ, молодому адвокату пришлось искать и другихъ заработковъ. Въ началѣ 1881 года онъ нашелъ работу въ редакціи газеты «Московскій Телеграфъ», издававшейся И. И. Родзевичемъ. Черезъ годъ изданіе было прекращено, и П. М. поступилъ въ канцелярію комитета художественно-промышленной выставки 1882 г., а по окончаніи выставки онъ занялъ мѣсто корректора «Русскихъ Вѣдомостей». Съ тѣхъ поръ въ теченіе 30-ти лѣтъ П. М. безъ перерыва работалъ въ газетѣ, занимаясь, кромѣ корректуры, составленіемъ замѣтокъ и статей по московской хроникѣ, библіо-

графическихъ замѣтокъ и отдѣльныхъ статей по юридическимъ вопросамъ. Много лѣтъ подъ рядъ онъ работалъ по выпуску нумеровъ «Русскихъ Вѣдомостей». (Некрологъ его: «Рус. Вѣдом.», 1912 г., № 223).

† **Наумовъ, Я. Н.** 7-го октября скончался бывшій директоръ петербургскаго учительскаго института Яковъ Николаевичъ Наумовъ. Покойный вскорѣ по выходѣ изъ петербургскаго университета кандидатомъ физико-математическихъ наукъ былъ приглашенъ преподавателемъ физики въ только что открытый с.-петербургскій учительскій институтъ. Съ этого 1872 года дѣятельность его всецѣло и тѣсно была связана съ институтской жизнью. Преподавая физику и естествовѣдѣніе, анатомію и физіологію, онъ одновременно несъ обязанности воспитателя, еженедѣльно проводившаго цѣлый день въ средѣ воспитанниковъ института. При К. К. Сентъ-Илерѣ онъ былъ помощникомъ директора и затѣмъ его преемникомъ по должности директора. Какъ педагогъ, покойный вкладывалъ въ дѣло воспитанія и образованія будущихъ учителей городскихъ училищъ всѣ свои знанія и силы. Онъ, отличаясь сердечностью и доброжелательствомъ, близко зналъ каждаго изъ институтскихъ воспитанниковъ и своими совѣтами и указаніями старался создать изъ нихъ будущихъ дѣятелей, стойкихъ по нравственному складу и чуткихъ къ идеямъ правды и справедливости. Изъ числа первыхъ институтскихъ преподавателей онъ оставался въ 900-хъ годахъ единственнымъ и, какъ директоръ, хранилъ въ институтскомъ учебномъ обиходѣ завѣты хорошаго прошлаго. Одновременно предсѣдательствовалъ въ обществѣ вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ института и дѣятельно заботился о своевременной матеріальной и моральной помощи въ трудную минуту учительскихъ невзгодъ. Особенно тяжелая задача выпала на его долю во время такъ называемаго освободительнаго движенія, когда духъ общаго протеста проникъ въ школьную среду. Покойный—сторонникъ порядка и законности—принялъ съ своей стороны всевозможныя мѣры къ недопущенію безпорядковъ и дѣйствовалъ неустанно въ духѣ миролюбія и успокоенія. Благодаря ему, волненія воспитанниковъ, нашедшихъ поддержку нѣкоторыхъ институтскихъ преподавателей, не вылились въ уродливыя формы. Этотъ тяжелый годъ сильно подорвалъ здоровье покойнаго, и въ 1906 году онъ по болѣзни покинулъ учительскій институтъ. Будучи директоромъ, Я. Н особенно много сдѣлалъ для образцовой постановки мастерской ручного труда, какъ разсадника будущихъ руководителей по ручному труду. Помимо петербургскаго института, онъ состоялъ преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ и въ Маріинскомъ институтѣ. Имъ составленъ въ двухъ изданіяхъ—болѣе подробномъ и сжатомъ—учебникъ по анатоміи и физіологіи, получившій широкое распространеніе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я .Н. скончался 68 лѣтъ, оставивъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ знавшихъ его, всегда скромнаго, доброжелательнаго и отзывчиваго. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13139).

† **Пассекъ, Е. В.** Въ Москвѣ скончался 1-го октября бывшій ректоръ юрьевскаго университета Евгеній Вячеславовичъ Пассекъ. Покойный учился въ московскомъ лицеѣ цесаревича Николая, затѣмъ получилъ отъ московскаго университета степень кандидата правъ и сталъ читать въ качествѣ приватъ-доцента

въ этомъ университетѣ лекціи по римскому праву. Въ 1892 г. онъ перешелъ въ юрьевскій лниверситетъ на каѳедру римскаго права и съ этого времени сосредоточилъ свою профессорскую дѣятельность въ Юрьевѣ, защитивъ въ 1893 г. диссертацію «Неимущественный интересъ въ обязательствѣ» на степень магистра римскаго права. Въ 1905 г. при веденіи университетской автономіи покойный былъ избранъ ректоромъ юрьевскаго университета. Принявъ на себя административныя обязанности, Е. В. при возникновеніи студенческихъ безпорядковъ настолько оказался немощнымъ для ихъ прекращенія, что противъ него было возбуждено уголовное преслѣдованіе въ непринятіи своевременныхъ мѣръ противъ безпорядковъ. Въ 1910 г. Е. В. покинулъ профессуру. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13133).

† **Сацъ, И. А.** 11-го октября, около 11 часовъ утра, въ лечебницѣ доктора А. В. Тихоновича скончался молодой талантливый музыкантъ Илья Александровичъ Сацъ, пользовавшійся въ Москвѣ большою извѣстностью, благодаря своей музыкѣ, исполнявшейся въ спектакляхъ Художественнаго театра. Смерть его поразила всѣхъ, его знавшихъ, своею большою неожиданностью. Правда, И А. всегда былъ здоровья хрупкаго, съ плохимъ сердцемъ и съ расшатанными нервами. Но ничего угрожающаго въ состояніи его здоровья, казалось, не было. Меньше недѣли назадъ онъ былъ на одной изъ закрытыхъ генеральныхъ репетицій «Пера Гинта», жаловался тогда на ознобъ и на недомоганіе. Въ воскресенье болѣзнь вдругъ проявилась съ грозной силой. Поздно вечеромъ больного въ 40-градусномъ жару пришлось перевезти въ лечебницу. Былъ созванъ консиліумъ врачей, который констатировалъ острое воспаленіе почекъ, принявшее характеръ нефрита. Болѣзнь шла стремительно впередъ. Впрочемъ, третьяго дня больному стало какъ будто лучше, затеплилась надежда. Она оказалась обманчивой. Вчера съ утра температура опять пошла круто въ гору. Слабое сердце не выдержало. Около 11 часовъ утра И. А. не стало. И. А. съ его красивымъ, искреннимъ дарованіемъ долго оставался въ Москвѣ въ полной неизвѣстности. Его зналъ лишь очень тѣсный кружокъ его молодыхъ друзей и товарищей. Здѣсь его очень цѣнили, особенно увлекались имъ какъ музыкантомъ-пародистомъ. Задолго до появленія такъ прославившейся «Вампуки» написалъ онъ пародію на оперу, на пошлые пріемы ея исполненія и постановки, и эта пародія, названная «Месть любви», исполнялась въ интимномъ кружкѣ. Въ пародіи было нѣсколько жемчужинъ музыкальнаго шаржа. Одинъ изъ товарищей провелъ И. А. въ студію К. С. Станиславскаго, тогда только что открывшуюся. И. А. принялъ живое участіе въ ея работѣ, въ ея исканіяхъ. Черезъ студію попалъ онъ въ Художественный театръ, и скоро почти ни одна постановка этого театра уже не обходилась безъ музыки Саца. Первый опытъ музыкальной работы для Художественнаго театра былъ сдѣланъ для «Драмы жизни» Кнута Гамсуна. У публики эта музыка имѣла большой успѣхъ. И такой же успѣхъ имѣли всѣ послѣдующія композиціи Саца, сопровождавшія спектакли художественниковъ. Цѣлый рядъ музыкальныхъ нумеровъ былъ написанъ И. А. для «Жизни человѣка», метерлинковской «Синей птицы», для «Анатемы», для «Miserere» С. Юшкевича, для «У жизни въ лапахъ». Хороводъ въ «Анатемѣ», вальсъ въ послѣднемъ актѣ драмы Юшкевича пріобрѣли боль-

шую популярность и, изданные отдѣльно, получили широкое распространеніе въ публикѣ. Въ послѣдній разъ И. А. писалъ для Художественнаго театра для «Гамлета». Неизвѣстною публикѣ осталась музыка И. А. къ «Смерти Тентажиля». Смертью прервана работа И. А. надъ большой симфоніей «Смерть». Любовь къ музыкальному шаржу, къ пародіи никогда не покидала И. А. Для «Кривого зеркала» имъ была написана пародія на русскія оперы «Не хвались, идучи на рать», для «Летучей Мыши»—нѣсколько небольшихъ вещицъ того же жанра пародіи. Въ предстоящемъ въ концѣ этого мѣсяца открытіи «Летучей Мыши» долженъ исполняться его маленькій балетъ. Въ семьѣ Художественнаго театра И. А. пользовался общею любовью, какъ рѣдкій товарищъ, чуткій человѣкъ и талантливый музыкантъ. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1912 г., № 235).

† Тихоплесецъ, М. А. Умеръ писатель-народникъ М. А. Тихоплесецъ (Логиновъ). Родился онъ въ 1871 году въ деревнѣ Казанской губерніи, и на восьмомъ году его отдали въ науку къ старообрядческому начетчику, гдѣ указка и греча для стоянія на колѣняхъ, славянская азбука и псалтирь были единственными учебными пособіями. Когда ему минуло 10 лѣтъ, его пришлось въ голодный годъ сбыть на мельницу—съ хлѣба долой. До 13 лѣтъ онъ прожилъ у татарина-мельника, не слыша почти русскаго слова. Затѣмъ онъ въ Казани судомойкой въ трактирѣ, тамъ зимогоритъ по Волгѣ босякомъ и все время читаетъ каждую попавшуюся книжку, учится. Изъ Рыбинска добирается до Петербурга, торгуетъ съ лотка, въ 1890 году перебирается въ Москву, учится живописи, пишетъ полуграмотные стихи и торгуетъ посуднымъ клеемъ, который изобрѣлъ самъ. Пособравъ деньжонокъ, въ 1896 году уѣзжаетъ въ Парижъ, чтобы поступить куда-нибудь простымъ рабочимъ и только бы изучить французскій языкъ и познакомиться съ картинными галереями. Пробуетъ писать красками и продаетъ двѣ свои картины за 20 франковъ. Въ концѣ концовъ, полуголодный, возвращается въ Москву, работаетъ свой клей и весь отдается народному писательству. Выпускаетъ книжку «Пробные аккорды», сотрудничаетъ въ «Правдѣ Божіей», «Народной Газетѣ», «Москвичѣ», «Лѣтописи», редактируетъ журналы «Мужицкая Правда», «Звѣзда Утренняя» и «Думы Народныя». Членъ Суриковскаго кружка и послѣдователь Сурикова. Трезвый и работящій, бѣдный и больной. Послѣдніе годы у него развился туберкулезъ, который и свелъ его въ могилу. М. А. умеръ въ ночь на 7-е октября въ Басманной больницѣ въ Москвѣ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912 г., № 232).

Щукинъ, П. И. 12-го октября скончался Петръ Ивановичъ Щукинъ, основатель извѣстнаго Щукинскаго музея въ Москвѣ и издатель цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Большой любитель и знатокъ русской старины и искусства, покойный принадлежалъ къ ревностнымъ собирателямъ ея памятниковъ и предметовъ искусства. Безъ офиціальной поддержки, незамѣтно и мало-помалу создалъ онъ свой музей, представляющій обширное собраніе, чрезвычайно цѣнное въ отношеніи культурномъ и художественномъ. Въ музеѣ П. И. Щукина находятся произведенія русскаго искусства, главнымъ образомъ—древняго его періода, предметы стариннаго русскаго быта, картины современныхъ французскихъ и итальянскихъ художниковъ, различные художе-

ственные предметы персидскаго, японскаго, китайскаго и индійскаго искусствъ, затѣмъ старинныя русскія рукописи, архивныя бумаги, старопечатныя книги и разныя сочиненія по русскому искусству и археологіи. Кромѣ того, въ музеѣ имѣются рукописныя книги, писанныя на пергаментѣ, берестѣ и бумагѣ, изъ которыхъ иныя восходятъ къ XIII вѣку. Здѣсь можно видѣть: псалтыри, евангелія, апостолы, апокалипсисы, нотныя книги, сборники словъ и поученій, книги по географіи, путешествія, сказки, басни, повѣсти, стихи и прочее. Изъ печатныхъ книгъ между прочимъ составляютъ собственность музея такія книги, какъ библія, напечатанная въ Острогѣ повелѣніемъ князя Константина Константиновича Острожскаго, евангеліе московской печати 1606, 1627 (мѣстами напечатано золотымъ шрифтомъ), 1688, 1697, 1740 и 1741 годовъ, нюрнбергская хроника 1493 года, апокалипсисъ 1498 года. Обширныя коллекціи Щукинскаго музея размѣщены въ двухъ домахъ, находящихся на одномъ участкѣ земли и соединенныхъ подземнымъ тоннелемъ. Этотъ участокъ былъ пріобрѣтенъ покойнымъ П. И. Щукинымъ, и оба дома сооружены на его же средства. Въ 1905 году эти оба дома съ землею и всѣ свои собранія покойный принесъ въ даръ россійскому историческому музею въ Москвѣ. Согласно желанію жертвователя его музей получилъ названіе «отдѣленія императорскаго россійскаго историческаго музея имени императора Александра III—музея Петра Ивановича Щукина». Съ благодарностью былъ принятъ этотъ даръ управленіемъ историческаго музея. Историческій музей въ томъ же 1905 г. избралъ П. И. Щукина своимъ почетнымъ членомъ. Покойнымъ на собственныя средства изданы: «Краткое описаніе Щукинскаго музея въ Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ», «Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ томъ же музеѣ» въ 10-ти частяхъ, «Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя П. И. Щукинымъ», въ 10-ти частяхъ, «Русскіе портреты изъ собранія П. И. Щукина», въ 4 частяхъ и др. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1912 г., № 237).

† **Яблонскій, П. О.** Въ Царскомъ Селѣ скончался 27-го сентября Петръ Осиповичъ Яблонскій, бывшій гласный и членъ управы петербургской думы. Въ дѣятельности городского управленія онъ принималъ видное участіе съ 1877 г. по 1893 г. въ бытность городскимъ головою И. И. Глазунова и В. И. Лихачева. Въ то же время онъ основалъ въ Лештуковомъ переулкѣ свою типографію, поставилъ ее сравнительно образцово и предпринялъ изданіе справочной книги «Весь Петербургъ». Покинувъ общественную дѣятельность, покойный почти всецѣло отдался типографскому дѣлу, устроивъ при типографіи цинкографію и переплетную мастерскую. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13129).

XXVIII.

По истинѣ царственная мечта герцога стала дѣйствительностью. Съ безпримѣрной преданностью министерство, ландтагъ и народъ помогали своему обожаемому государю. Тратились милліоны за милліонами. Бюджетъ герцогства испытывалъ небывалую еще тяжесть государственнаго долга. Цѣлыя десять лѣтъ въ тихихъ горахъ шла неутомимая работа по планамъ герцога и его архитекторовъ.

Герцогская вилла, эта позолоченная игрушка, второй Тріанонъ въ сказочной глубинѣ волшебнаго лѣса, была окончена, дворецъ былъ готовъ, гроты построены, парки разбиты, фонтаны начали дѣйствовать.

На мѣловой скалѣ, стоявшей на самой границѣ горъ, гордо и смѣло возвышался, далеко глядя на стлавшуюся у его ногъ равнину, герцогскій замокъ, истинное чудо строительнаго искусства. Онъ былъ готовъ только на половину, но снаружи онъ производилъ впечатлѣніе вполнѣ законченнаго. Надъ бушующей пропастью, метрахъ въ ста отъ подошвы дикаго ущелья, былъ переброшенъ легко и красиво мостъ, съ котораго можно было вполнѣ видѣть эту копію средневѣковаго Вартбурга. Отсюда же открывался головокружительный видъ въ сѣдую глубину чернѣющей пропасти. Но внутри этого замка святого Грааля съ его четырьмя этажами, съ сотнями комнатъ, были готовы лишь аппартаменты для жилья самого герцога, отдѣланные съ неслыханной роскошью. Въ большой залѣ пѣвцовъ съ эстрадой, въ тронной залѣ съ Всевидящимъ Окомъ и фигурами христіанскихъ добродѣтелей работы еще производились, а между тѣмъ финансы сравнительно небольшой страны, видимо, истощались.

Но Альфредъ, словно подгоняемый какимъ-то демономъ, толкалъ себя и другихъ впередъ и впередъ. Онъ устроилъ теперь постоянное мѣстопребываніе свое въ раззолоченныхъ покояхъ виллы среди волшебнаго лѣса. Здѣсь бродилъ онъ въ одиночествѣ, сопровождаемый лишь немногими вѣрными служителями. Здѣсь сидѣлъ онъ цѣлыя ночи, словно какой-то сказочный король. Большую часть дня онъ спалъ или мечталъ, лежа въ раззолоченной постели, стоявшей на эстрадѣ съ золотой рѣшеткой въ залитой золотомъ комнатѣ. Поднимался онъ тогда, когда солнце уже заходило. Лѣтній вѣтерокъ тянулъ прохладой съ горъ, гигантскіе фонтаны приводились въ дѣйствіе, цвѣты парковъ посылали къ нему свой одуряющій ароматъ.

Одиноко садился онъ за обѣдъ въ золотой столовой, за золотымъ столомъ, на золотыхъ блюдахъ. Безмолвно, не встрѣчая ниоткуда привѣтствій, невидимая никѣмъ, пробиралась его высокая

фигура черезъ эти комнаты, залитыя свѣтомъ и золотомъ. Былъ отданъ строжайшій приказъ, чтобы никто не попадался навстрѣчу и не смотрѣлъ на герцога, ни адъютантъ, ни служитель, безъ особаго на то приказанія.

Въ часъ сумерекъ Альфредъ входилъ въ столовую. Здѣсь онъ садился на золотой стулъ, нажималъ кнопку, и стоявшій передъ нимъ столъ безшумно опускался подъ полъ. Онъ нажималъ еще разъ, и столъ поднимался, съ лихорадочной быстротой нагруженный въ кухнѣ всѣмъ, что онъ любилъ. Онъ съѣдалъ все поспѣшно, послѣ чего столъ съ остатками ѣды беззвучно опускался.

Герцогъ подходилъ къ окну. Съ счастливой улыбкой на прекрасномъ лицѣ онъ блуждалъ взоромъ по фонтанамъ, по деревьямъ парка, по горамъ и глубокому лѣсу, гдѣ, казалось, исполнились наконецъ его давно желанныя мечты.

Зажигались свѣчи, тысячи свѣчъ. Въ ихъ ровномъ свѣтѣ золото, которымъ были отдѣланы комнаты, какъ будто согрѣвалось, получало жизнь. Что днемъ имѣло тусклый и взлупившійся видъ, теперь преображалось. Вся эта своеобразная, воплотившаяся въ золотѣ мечта получала въ этомъ тихомъ свѣтѣ какой-то сказочный видъ.

Закутавшись въ свѣтло-голубой плащъ, который онъ носилъ въ своей юности, Альфредъ обходилъ весь дворецъ, комнату за комнатой, одну другой раскошнѣе. Такъ бывало каждую ночь въ первый часъ послѣ его ужина.

Нѣжно гладила его рука золотые предметы искусства и мебель, которую онъ особенно любилъ, и настоящее чувство счастья наполняло его грудь—это, по крайней мѣрѣ, хоть это исполнено!

Съ изображеній стѣнъ его привѣтствовали портреты тѣхъ, которые были нарисованы на стѣнахъ Тріанона рядомъ съ королемъ-Солнцемъ, свидѣтели иныхъ, лучшихъ, по его мнѣнію, временъ.

Съ ними велъ онъ тайные разговоры, всецѣло погружаясь въ дивный сонъ, будто бы и онъ сталъ здѣсь господиномъ земли, абсолютнымъ королемъ, который царствовалъ въ силу своего собственнаго права.

Такъ медленно шла ночь. Изъ-за горъ показывалась блѣдная полная луна и лила свой серебряный свѣтъ на цвѣты и деревья парка, на серебристыя струи фонтановъ, которыя, казалось, падали съ неба. И плеску этихъ струй внималъ одинокій герцогъ.

Облокотившись на окно, онъ всматривался въ ночь своими большими черными глазами, искалъ сказочнаго царства силы и сверхчеловѣческаго величія, которое было не отъ міра сего. Даже золотая Венера, которой онъ въ дѣйствительности не смѣлъ даже коснуться, живо улыбалась ему изъ-за зеленыхъ вѣтвей деревьевъ его виллы.

Паркъ начиналъ оживать. Друзья и близкіе Людовика XIV, галантныя дамы минувшаго вѣка, казалось, гуляли по аллеямъ,

подстриженнымъ на манеръ Тріанона, за этими боскетами изъ деревьевъ и кустовъ какъ бы слышался шопотъ. Онъ былъ король-Солнце. Одуряющій ароматъ несся отъ тысячъ цвѣтовъ герцогскихъ садовъ. А тамъ на вершинѣ вѣковой липы ночной вѣтеръ легкимъ дуновеніемъ разсказывалъ его чуткому уху исторію о неслыханной мощи и сладкомъ чувствѣ, гнаться за которымъ составляло его роковую судьбу.

Пришло время и для его волшебнаго лѣса. Лакей съ маской на лицѣ освѣщалъ ему путь факеломъ. Онъ уходилъ въ самую глубь лѣса, который былъ теперь живъ,—его оживляли карлики, эльфы, могучіе герои германскихъ сказаній. Путь велъ его къ хижинѣ, а отсюда въ тихое уединеніе его равнины, гдѣ онъ отпускалъ лакея.

Дверь этого маленькаго зданія, гдѣ не одну ночь проводилъ онъ въ смѣлыхъ мечтахъ и жестокихъ страданіяхъ, была открыта настежь. Какъ и въ своемъ охотничьемъ домикѣ у подошвы горной стѣны, но не такой радостный, онъ садился здѣсь, и тутъ его посѣщали Воданъ и Зигурдъ, Брунгильда и рыцарь лебедя, Тристанъ и Торъ.

Большую часть своихъ одинокихъ, страшныхъ ночей онъ могъ проводить, погрузившись въ чтеніе. Или онъ часами смотрѣлъ въ лѣсъ, изъ мха котораго гогенарбургскій садовникъ сдѣлалъ цвѣтной коверъ, изъ чащи котораго медленно, одно за другимъ, выходили животныя, которыхъ онъ болѣе всего любилъ, и, казалось, привѣтствовали царя уединенія и пустыни, какъ своего владыку и защитника.

На крышѣ этой уединенной хижины висѣлъ серебряный колокольчикъ. Герцогъ самъ звонилъ въ него. Его чистый звонъ звалъ слугу, который долженъ былъ снова свѣтить ему черезъ волшебный лѣсъ.

Погрузившись въ свои мысли, Альфредъ возвращался на герцогскую виллу. По крутымъ дорожкамъ парка онъ пробирался къ гроту, въ которомъ исчезалъ на цѣлые часы. Чудо красоты открывалось его восхищеннымъ глазамъ. Словно голубой сапфировый свѣтъ его озеръ, такъ блестѣла въ гротѣ вода, озаренная какимъ-то волшебнымъ голубымъ свѣтомъ всякій разъ, какъ онъ посѣщалъ этотъ уголокъ, устроенный изъ камней. Входъ сюда былъ строго запрещенъ всѣмъ.

Какъ будто въ неизмѣримой глубинѣ здѣсь царилъ темно-голубой свѣтъ, и двигались тихо серебряные лебеди, какихъ нѣтъ въ дѣйствительной жизни. Альфредъ садился на тронъ изъ темнокрасныхъ коралловъ. Въ спинкѣ его была сдѣлана кнопка, съ помощью которой онъ могъ мѣнять игру цвѣтовъ въ фонтанахъ. Его гротъ могъ освѣщаться во всѣ цвѣта радуги. Движеніе руки, и новый міръ съ новымъ освѣщеніемъ поднимался передъ его глазами, ненасытно ищущими свѣта и красоты.

Когда искусственно возбуждаемыя волны въ бассейнахъ начинали шумѣть, онъ, какъ Афродита, садился на раковину и сидѣлъ беззвучно, неподвижно, какъ царь вымершихъ глубинъ, какъ владыка царства тѣней. Заднiй фонъ этой грандiозной декорацiи составляла огромная картина: рыцарь въ Герзельбергѣ.

«Они могутъ спать въ объятiяхъ нѣжныхъ бѣлыхъ, обнаженныхъ рукъ...» вспоминалось ему, который не долженъ былъ знать любви.

Его фонтаны, волны, колонны грота, все было залито такимъ же темно-голубымъ свѣтомъ, какимъ свѣтились на берегахъ почти забытаго Лаубельфингенскаго озера глаза Адельгейды. Весь гротъ былъ словно одинъ гигантскiй сапфиръ, словно очи любимой, навсегда потерянной дѣвушки, словно перья его великолѣпныхъ павлиновъ, которыхъ онъ такъ любилъ на своемъ островѣ розъ и которыхъ она такъ ненавидѣла.

Вдругъ картина перемѣнялась. Вмѣсто лазури кроваво-красный свѣтъ, рубины въ глубинѣ воды, рубины, словно капли крови, падали сверху со скалъ на чувственную, блещущую плотью статую. Венера ожила, пустынникъ протягивалъ руки, готовясь обнять это цвѣтущее тѣло, ставшее живымъ благодаря искусству художника и свѣтовымъ эффектамъ.

Минуты двѣ она была жива въ его фантазiи, пока сводъ грота не потонулъ въ темно-зеленомъ свѣтѣ. Все какъ бы перенеслось въ лѣсъ его родныхъ горъ. Этотъ свѣтъ дѣйствовалъ на небо, какъ золото солнца, пробивающееся сквозь майскiя вѣтви. Потомъ онъ погрузилъ все въ страшный, ледяной, смертью вѣющiй бѣлый свѣтъ. Потухла жизнь въ гротѣ, явилось царство смерти, все превратилось въ ледъ. Настала словно одна изъ зимнихъ ночей въ горахъ, когда онъ, гонимый впередъ фурiями, лишенный покоя, мчался въ раззолоченныхъ саняхъ.

Но вотъ надъ этимъ подземнымъ ледянымъ дворцомъ смерти и ужаса играла уже всѣми семью цвѣтами радуга. Альфредъ съ ужасомъ бѣжалъ изъ грота отъ этого зрѣлища, придуманнаго его раздраженной фантазiей. Скорѣе назадъ, въ сады виллы, къ порталу его бѣлаго дворца, подъ высокимъ навѣсомъ котораго, въ стилѣ барокко, ждалъ его золотой экипажъ, запряженный шестью бѣлоснѣжными лошадьми. Онъ не зналъ усталости. Такiя ночи видѣли его лихорадочную подвижность, съ которой онъ старался разсѣяться, изгнать демоновъ пучины, мчаться впередъ и впередъ до самаго утра, пока не восходило солнце и сонъ не падалъ ему на вѣки.

На башенкѣ герцогской виллы бьетъ полночь. Форейторъ въ бѣломъ парикѣ, въ парадной ливреѣ временъ короля-Солнца, вскакиваетъ на сѣдло. Факелы ярко вспыхиваютъ, бѣлоснѣжные кони готовы въ дорогу.

Герцогъ садится въ экипажъ, которой мчится съ быстротою вѣтра.

черезъ ближайшую деревню! Яростно заливались собаки, крестьяне бросались къ окнамъ. Словно привидѣніе, проносилась мимо золотая карета съ бѣлыми конями, красными лакеями, факелами и герцогомъ, который, глубоко забившись въ мягкія подушки, пристально смотритъ своими черными глазами въ бездонную ночь—его друга и утѣшительницу, его побѣдительницу и владычицу. Онъ предчувствуетъ, что когда-нибудь она совершенно поглотитъ его навсегда. Онъ несется къ озеру, которое онъ любитъ больше всего изъ всѣхъ горныхъ озеръ.

Словно изумрудъ, лежитъ оно, темно-зеленое, огромное. Великолѣпно оно въ эту ночь, когда полная луна отражается на его волнахъ. Бѣшеная скачка продолжается сквозь волшебный лѣсъ его мечты. Бѣлые арабскіе кони герцогскаго экипажа пролетаютъ въ нѣсколько минутъ разстояніе, на которое пѣшеходъ употребилъ бы по крайней мѣрѣ полчаса. Озеро уже блеститъ въ концѣ лѣса. Видна уже темно-зеленая его поверхность, а сзади его, какъ фонъ картины, поднимается отвѣсная недостижимая гряда скалъ.

Весна, май! Міръ живетъ и просыпается... все ликуетъ и цвѣтетъ... и онъ... выходитъ изъ своего золотого экипажа.

На берегу озера онъ съ рыданіемъ бросается на землю въ лѣсу, изъ котораго ему свѣтятся тысячи звѣздочекъ. Онъ не можетъ ихъ ловить, у него нѣтъ силы, жизнь и красота слишкомъ сильны, слишкомъ!...

Безцѣльно и безпокойно скользитъ герцогъ въ лодкѣ по этому озеру. Вдругъ въ ночной тиши раздается его звучный голосъ: «Дальше! Дальше!»

Онъ бросается въ экипажъ, форейторъ съ факеломъ впереди, лошади трогаютъ и несутся галопомъ. Онъ хочетъ быть въ своемъ новомъ, еще недостроенномъ дворцѣ въ ту же ночь, пока не взошло солнце.

Лошади летятъ, а онъ, который такъ ихъ любитъ, и не думаетъ пожалѣть ихъ. Снова несутся онѣ черезъ спящую деревеньку, черезъ Гогенвальдъ, мимо знакомой деревенской гостиницы. Бѣлокурая Христина, которая уже въ теченіе многихъ лѣтъ привѣтствуетъ здѣсь проѣзжающаго герцога, теперь уже не подаетъ ему букета цвѣтовъ. Дальше и дальше мчатся лошади!

Онъ хочетъ только бросить взглядъ на смѣлое воплощеніе своей мечты. Наконецъ до его ушей долетаетъ дикій ревъ потока въ ущельѣ, наконецъ показывается скала, на которой стоитъ новая мечта герцога—его дворецъ.

Какъ сіяетъ онъ при свѣтѣ луны, этотъ замокъ Спасенія и Искупленія!

Кони съ трудомъ поднимаются по широкой новой улицѣ вверхъ на скалу.

Альфредъ подъѣзжаетъ къ замку. Тысячи огней вспыхиваютъ

разомъ. Изумительное освѣщеніе замка, о которомъ говоритъ весь свѣтъ, какъ бы привѣтствуетъ его. Онъ не хочетъ входить сегодня въ комнаты, которыя кажутся ему святыми, онъ желаетъ взглянуть лишь издали на чудесное твореніе святого Грааля. Сегодня онъ безпокоенъ, нѣтъ міра въ его душѣ, его что-то гонитъ впередъ, онъ бѣжитъ, какъ отлученный, которому запрещено переступать порогъ этихъ чертоговъ. И вотъ онъ забирается все выше и выше въ горы, къ мосту, который ведетъ черезъ страшную пропасть надъ бушующимъ потокомъ. Отсюда онъ смотритъ внизъ на замокъ Искупленія, залитый по его приказанію моремъ свѣта.

Часами стоитъ на мостикѣ этотъ герцогъ-пустынникъ, пока не догоритъ послѣдняя изъ тысячи свѣчей, пока медленно не исчезнетъ изъ глазъ величавая картина его дворца среди роскошнаго ландшафта его юности и изъ горныхъ расщелинъ не явится сѣрый, робкій день.

Золотая карета несется обратно. Его манитъ на виллу роскошная кровать, въ которой онъ будетъ искать убѣжища отъ страшнаго вида этого дня, гдѣ онъ будетъ мечтать и ждать, пока солнце не спрячется за горами и вечернія тѣни не лягутъ на виллу, когда снова зашумитъ вода въ его фонтанахъ.

XXIX.

Уединеніе его волшебнаго лѣса и его горъ было неожиданно нарушено жалобой, поступившей къ Альфреду изъ юго-западнаго угла его герцогства. Герцогъ отчетливо услышалъ этотъ настойчивый голосъ и весь превратился въ слухъ. Словно указаніе судьбы, прозвучалъ для него этотъ волшебный голосъ! То былъ соблазнъ, которому онъ не могъ не поддаться. Словно голосъ какихъ-то волшебныхъ существъ звучалъ издали и тянулъ его къ себѣ.

У подножія его могучихъ горъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ вдругъ соприкасаются съ необъятной и болотистой равниной, лежало величайшее изъ его озеръ, «синее море», какъ его прозвалъ народъ, видя, какъ исчезаютъ его берега въ утреннемъ туманѣ и въ удивительномъ вечернемъ освѣщеніи. Беззвучно скользилъ одинокій челнокъ бѣднаго рыбака по этой безконечной, ярко блестящей на солнцѣ поверхности воды, направляясь къ поросшимъ соснами и буками островамъ.

Тысячелѣтняя исторія сдѣлала святымъ и озеро и его острова.

Въ началѣ здѣсь была священная дубовая роща изъ временъ древнихъ германцевъ. Вь средніе вѣка на роскошномъ зеленомъ коврѣ возникъ здѣсь сѣрый монастырь, стѣны котораго не могли, впрочемъ, оказать никакого сопротивленія дикимъ шайкамъ хищныхъ мадьяровъ. Мѣсто благочестія покрылось развалинами, дикой калиной заросъ разрушенный соборъ. Только въ срединѣ XIII вѣка монастырь снова поднялся на ноги и достигъ небывалаго расцвѣта.

На одинокомъ островѣ голубого озера появились монастырскія постройки, зданія для князей и прелатовъ, по серединѣ его возникъ новый, великолѣпный соборъ. Далеко разносились по поверхности воды мѣдные голоса его колоколовъ.

Прошло нѣсколько столѣтій, исчезло могущество епископа, исчезъ и монастырь. Его священныя мѣста потеряли значеніе, и теперь уже тянутся жадныя руки покупщиковъ къ чуднымъ мѣстамъ острова.

И вотъ окрестные обитатели подали жалобу.

Сокровищу красоты, уцѣлѣвшимъ остаткамъ тысячелѣтняго прошлаго, грозитъ опасность. Только отъ одного человѣка можно было ждать спасенія, и этотъ человѣкъ былъ герцогъ. Умоляя о помощи, его подданные обратились прямо къ нему. Передъ его глазами вдругъ раскрылась вся картина.

Одно названіе, о которомъ онъ давно мечталъ и которое онъ, увлекшись постройкой новаго дворца и виллы, почти забылъ, но которое уже много лѣтъ сидитъ у него въ головѣ, вдругъ отодвинуло назадъ и замокъ св. Грааля и его Тріанонъ и овладѣло его мыслью и чувствомъ: озеро герцога!

Среди бумагъ, доставленныхъ ему въ уединенный волшебный лѣсъ изъ его кабинета въ Кронбургѣ, онъ нашелъ и прошеніе жителей окрестностей озера и немедленно распорядился, чтобы всѣ острова Синяго озера съ ихъ лѣсами были пріобрѣтены для него на его личный счетъ.

Словно крикъ спасенія, прокатилась эта новость по берегамъ озера. Рыбаки и окрестное населеніе ликовали.

Прошло немного времени, и въ одну прекрасную сентябрьскую ночь на уединенномъ постояломъ дворѣ на берегу Синяго озера остановился поѣздъ придворныхъ экипажей. Сопровождаемый камеръ-лакеями, нѣсколькими художниками, взятыми со стройки новаго дворца, и адъютантомъ фонъ-Ласфельдомъ, Альфредъ покинулъ свой волшебный лѣсъ и пріѣхалъ сюда, никто не зналъ, съ какими намѣреніями.

Какъ тамъ, въ лѣсахъ, такъ и здѣсь, на берегу озера, мчался въ глухую осеннюю ночь золотой экипажъ, передъ которымъ ѣхалъ съ факеломъ форейторъ.

Экипажъ остановился на берегу тихой бухты, залитой яркимъ луннымъ свѣтомъ. Здѣсь Альфредъ сѣлъ въ лодку, отдѣланную золотомъ и голубымъ бархатомъ, и поѣхалъ къ острову, который теперь сталъ его собственностью.

Много дней провелъ онъ тамъ. Въ старинномъ замкѣ монастырскихъ властей онъ приказалъ устроить свою главную квартиру. Во время его прогулокъ по великолѣпнымъ развалинамъ острова его сопровождали художники и архитекторы, а онъ все смотрѣлъ и мечталъ!

И вдругъ передъ его глазами возсталъ идеалъ всѣхъ его царственныхъ сооруженій—то, что онъ видѣлъ у порога Парижа, гигантскій дворецъ короля-Солнца, перенесенный на этотъ островъ голубого озера.

Улыбка побѣдителя скользнула по его лицу при этой грандіозной мысли.

— Король царствуетъ самодержавно,—вполголоса произнесъ онъ.

Отсюда онъ отправился къ себѣ въ кабинетъ, который наскоро соорудили для него въ одномъ изъ помѣщеній бывшаго монастыря, и отправилъ отсюда приказъ фонъ-Галлереру, управлявшему министерствомъ финансовъ,—выпустить заемъ въ сто милліоновъ марокъ для постройки новаго дворца на Герцогскомъ озерѣ.

Въ тотъ же день герцогскій курьеръ поскакалъ съ этимъ приказомъ въ Кронбургъ.

Альфредъ словно чудомъ преобразился. Вся его ненависть къ людямъ, боязнь окружающихъ разомъ исчезла въ немъ, какъ только онъ спустился изъ уединеннаго горнаго лѣса на берегъ этого озера.

Вечеромъ пріѣхалъ Галлереръ.

— Это невозможно, ваше высочество,—былъ его отвѣтъ.—Далеко еще не погашены долги, сдѣланные на постройку новаго дворца и виллы.

— Невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ,—заявилъ герцогъ своему министру финансовъ, посѣдѣвшему на военной службѣ.—Это будетъ сдѣлано, хотя бы для этого мнѣ пришлось заложить все герцогство!

Фонъ-Галлереръ не нашелся, что отвѣтить.

— Ну-съ, господинъ министръ, медлитель, человѣкъ, не знающій выхода,—издѣвался надъ нимъ Альфредъ.

— Ваше высочество изволите знать, что я преданнѣйшій слуга престола, но сто милліоновъ... никогда ландтагъ...

— Мнѣ дѣла нѣтъ до ландтага, —закричалъ герцогъ.—Я хочу этого!

— Въ такомъ случаѣ...

— Извольте исполнить это, господинъ министръ.

— Въ такомъ случаѣ...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Я принимаю вашу отставку.

Фонъ-Галлереръ удалился.

Черезъ четверть часа герцогскій курьеръ скакалъ съ Синяго озера на станцію желѣзной дороги.

Ему велѣно было передать собственноручное письмо герцога банкиру Гринбергу, богатѣйшему человѣку въ герцогствѣ.

На слѣдующій день Гринбергъ уже стоялъ передъ герцогомъ. Альфредъ принялъ его съ изысканной любезностью.

— Заемъ въ сто милліоновъ, ваше высочество?—переспросилъ финансистъ.—Сто милліоновъ!

— Для самого герцога,—перебилъ его Альфредъ, котораго уже охватило нетерпѣніе.—Согласны вы или нѣтъ? Государственная казна, уваженіе страны, финансы всего герцогства—вотъ вамъ ручательство.

— Такъ стремительно, ваше высочество, даже безъ...

— Что такое это: даже безъ?

— Даже безъ согласія министерства?

— Государство—это я, —загремѣлъ Альфредъ.—Я даю вамъ мое герцогское слово.

— А какимъ образомъ добыть эти деньги, эту огромную сумму?

— Это ваше дѣло,—отвѣчалъ Альфредъ.—За этимъ я и позвалъ васъ сюда. Вы должны знать сами. Галлереръ этого не зналъ. Сотни милліоновъ находятся въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ. Я хочу изъ этихъ сотенъ милліоновъ получить всего одну сотню. Здѣсь, по срединѣ этого острова долженъ возникнуть новый Версаль—не болѣе, не менѣе!

— Однако... сто милліоновъ!

— Дворецъ короля Солнца поглотилъ ихъ тысячу, а я требую отъ васъ только сотню. Я назначу васъ министромъ герцогства, если вамъ удастся въ непродолжительномъ времени осуществить этотъ заемъ! Понимаете?

— Можно попробовать въ Австріи и Франціи, въ Америкѣ и въ Англіи.

— Ваши источники меня не касаются, —леденящимъ тономъ сказалъ Альфредъ.—Можете вы добыть сто милліоновъ марокъ или нѣтъ?

— Обаяніе герцогскаго имени... величина страны...

— Можете вы или нѣтъ?

— Постараюсь.

Альфредъ милостиво протянулъ финансисту руку.

Гринбергъ удалился. Назначеніе его министромъ финансовъ, на которое ему намекнулъ герцогъ, совершенно ошеломило его. Онъ былъ собственникомъ международнаго банка, имѣвшаго свои отдѣленія въ Петербургѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Нью-Іоркѣ. Онъ имѣлъ сношенія и съ милліардерами Соединенныхъ Штатовъ и съ Гиршемъ, Ротшильдомъ, Блейхредеромъ и Мендельсономъ. Въ концѣ концовъ это значило съ помощью финансовой знати вызвать къ жизни гигантскіе замыслы этого герцога, о которомъ по всей странѣ разсказываютъ такія удивительныя вещи! А онъ? Онъ можетъ вѣдь стать всемогущимъ въ этой странѣ, сдѣлаться неограниченнымъ владыкой кронбургской биржи. Стоитъ только достать денегъ для этого герцога.

Онъ попытается достичь этого, хотя подобный заемъ, о которомъ мечталъ герцогъ, совершенно испортилъ бы финансовое положеніе герцогства, поглотилъ бы огромное состояніе герцогскаго дома.

Въ концѣ концовъ противъ неудержимаго стремленія Альфреда къ тратамъ возстанетъ народъ и страна. Но онъ самъ могъ бы съ большой выгодой ворочать милліонами на международномъ денежномъ рынкѣ.

Нетерпѣливо ждалъ Альфредъ отвѣта Гринберга. Великолѣпный Версаль уже стоялъ готовый передъ его глазами, съ шумящими фонтанами и невиданными доселѣ бассейнами. Золото, чистое золото! Еще больше, возвышеннѣе, великолѣпнѣе, чѣмъ настоящій Версаль, на который онъ смотрѣлъ опьянѣвшими отъ восторга глазами!

Гринбургъ достанетъ для него денегъ. Гринбергъ будетъ его новымъ министромъ финансовъ, управляющимъ состояніемъ герцогскаго дома. Онъ будетъ давать деньги на осуществленіе его плановъ, которые затмятъ всѣхъ владыкъ міра и всѣ ихъ дѣла. Золото и золото должно озарить, какъ солнце, этотъ островъ! И черезъ эти будущіе покои и аппартаменты будетъ проходить онъ—новый, истинный владыка страны, какого еще никто не видалъ.

Какъ зеркало, свѣтилась передъ нимъ бѣлая поверхность Синяго озера. Отчего онъ раньше не подумалъ объ этомъ единственномъ сокровищѣ, объ этомъ величавомъ озерѣ своего далеко раскинувшагося герцогства!

Въ зеркалѣ этого озера онъ ужъ видѣлъ законченную постройку новаго Версаля, съ которымъ не можетъ сравниться ни одинъ дворецъ на землѣ, не исключая и дворца короля-Солнца.

Альфредъ былъ въ восторгѣ. О томъ, съ какою трудностью можно достать почти обѣщанныя ему деньги, онъ не думалъ. Онъ весь ушелъ въ мечты. Чистыя высоты замка св. Грааля, мирное спокойствіе волшебнаго лѣса, жуткая тишина его охотничьяго домика на краю горнаго обрыва—все это было вдругъ забыто.

Изъ оконъ бывшаго жилища пріора, въ которомъ онъ теперь помѣщался, его взоръ блуждалъ по синеватой дали озера. Въ эти странныя недѣли онъ, усиліями своей непреклонной воли, чувствовалъ себя почти здоровымъ и могъ переносить присутствіе людей и ихъ голоса. То, что природа его горной страны давала ему даромъ, далеко оставляло за собой настаящій Версаль съ его искусственными прудами, появившимися среди песчаной пустыни съ такимъ трудомъ и съ такимъ напряженіемъ.

Прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ Гринбергъ, по порученію герцога, отправился въ Парижъ и Вѣну, а Альфредъ уже измучился отъ нетерпѣнія. Сто милліоновъ! Какъ будто недостаточно его герцогскаго слова, чтобы получить эти деньги по мановенію руки. Достаточно топнуть, и изъ-подъ земли должно явиться золото, которымъ онъ зальетъ свой будущій волшебный дворецъ.

Да, этотъ дворецъ будетъ изъ одного золота, чистаго золота, съ сотнями залъ и аппартаментовъ—залы для герцога, для герцогини, аппартаменты для свиты, для гостей, комнаты для служителей, для

караула! Золотой домъ, мраморъ котораго будетъ закрыть одеждой изъ драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ металловъ.

Этотъ золотой дворецъ будетъ стоять среди парковъ невиданныхъ еще размѣровъ и великолѣпія. О громадности и царственномъ величіи этого дворца будутъ съ почтеніемъ говорить по всей землѣ.

Отъ берега Синяго озера до гигантскаго передняго фасада этого длиннаго зданія будутъ вести широкія лѣстницы изъ бѣлаго мрамора. Все зданіе будетъ въ одинъ этажъ, ибо несовмѣстно съ достоинствомъ герцога подниматься по лѣстницамъ. Дворъ будетъ вымощенъ плитами изъ мрамора, съ фронтона будутъ привѣтствовать его статуи, роскошь дворца будетъ свѣтиться въ тысячахъ зеркалъ, и тихіе бассейны у подножія его будутъ отражать эту невиданную еще людьми постройку!

Кромѣ всего этого—группы гигантскихъ фонтановъ, которые будутъ хранить блескъ его имени, истинно царственную славу.

Такова была новая мечта Альфреда въ эти дни.

XXX.

То, что для фонъ-Галлерера представлялось невозможнымъ, удалось Гринбергу. Его связи облегчили ему путь. Международные денежные короли, до которыхъ дошелъ слухъ о любви герцога къ роскоши и страсти къ тратамъ, охотно выслушали его. Одни въ надеждѣ пріобрѣсти вліяніе, получить орденъ, повышенія, другіе въ томъ предположеніи, что въ одинъ прекрасный день герцогство будетъ вынуждено взять на себя уплату долговъ своего государя.

Когда Гринбергъ привезъ столь благопріятныя извѣстія, Альфредъ былъ внѣ себя отъ счастья. Онъ обнялъ финансиста, поручилъ ему управленіе своими личными дѣлами и сдѣлалъ его министромъ финансовъ.

То же самое, что происходило вверху надъ ущельемъ и внизу у волшебнаго лѣса, началось теперь на тихомъ островѣ Синяго озера, къ развалинамъ котораго никто не прикасался въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Теперь тутъ работали тысячи прилежныхъ рукъ. Явился новый дворецъ—«Герцогское озеро».

Архитекторы, разработавшіе планъ и руководившіе постройкой далеко еще не законченнаго новаго дворца и герцогской виллы, уже не удовлетворяли Альфреда. Ему вдругъ стало казаться мелкимъ все то, что онъ сдѣлалъ до сихъ поръ, мелкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что должно было возникнуть теперь и отражаться въ темноголубыхъ водахъ острова, который, казалось, нарочно былъ созданъ для этой цѣли.

Видъ острова былъ довольно пустынный. Здѣсь валялся мусоръ, накопившійся столѣтіями, руины вспоминали о давно прошедшихъ временахъ и ждали ихъ возвращенія.

Альфредъ опять жилъ въ старинномъ замкѣ и всецѣло погрузился въ работу съ вновь назначеннымъ архитекторомъ и его художниками.

Его пламенная душа стремилась впередъ. Опять все шло для него слишкомъ медленно. Однѣ предварительныя работы по расчисткѣ мѣста, на которомъ долженъ былъ возникнуть будущій дворецъ изъ мрамора и золота, заняли нѣсколько мѣсяцевъ. Нужно было свести сначала лѣса, сравнять холмы прежде, чѣмъ думать о закладкѣ новаго дворца.

Эти огромныя работы уже поглотили сотни тысячъ марокъ. Но Гринбергъ не унывалъ. Его источники были, повидимому, неистощимы; а герцогъ не спрашивалъ, откуда берутся эти огромныя средства.

Спустя много мѣсяцевъ, изъ которыхъ сложились уже цѣлые годы, покончили наконецъ съ этими предварительными работами. Началась постройка самаго дворца. Тяжело нагруженныя барки, буксируемыя небольшими пароходами, оживляли Синее озеро. Онѣ везли дорогой строительный матеріалъ, изъ котораго долженъ былъ воздвигнуться дворецъ Альфреда—мраморъ и золото. Съ берега острова шла въ глубь желѣзная дорога. Этотъ безпрерывный подвозъ матеріаловъ стоилъ огромныхъ денегъ.

Альфредъ торопилъ. Со времени закладки дворца прошелъ уже годъ, передній фасадъ колоссальной постройки былъ уже выведенъ подъ крышу. Послѣ этого началось внутреннее украшеніе комнатъ. Въ это время рабочіе заканчивали вчернѣ постройку двухъ боковыхъ флигелей...

Черезъ каждыя двѣ недѣли Альфредъ пріѣзжалъ сюда лично, поселялся въ старинномъ помѣщеніи монаховъ и опьянѣвшими отъ красоты глазами смотрѣлъ, какъ подвигается впередъ его изумительная затѣя. А дворецъ росъ и росъ!

Въ темную ночь герцогскій поѣздъ вдругъ появлялся у постоялаго двора, расположеннаго въ глубинѣ лѣса, на берегу Синяго озера. Здѣсь уже стоялъ наготовѣ золотой экипажъ, въ который быстро запрягались бѣлоснѣжные кони, и при свѣтѣ факеловъ съ быстротой молніи ѣхали дальше, къ длинному мысу, далеко вдававшемуся въ озеро.

Здѣсь стояла наготовѣ герцогская лодка для переѣзда на островъ. Колоссальный фронтонъ новаго зданія ярко отражался въ серебряной водѣ, освѣщенный тысячами свѣчей.

Лодка съ герцогомъ-художникомъ скользитъ по водѣ. Громко шумятъ фонтаны, окны освѣщены безчисленными свѣчами, зажженными въ залахъ изъ чистаго золота и мрамора.

Герцогъ вступаетъ въ свое новое царство черезъ золотыя двери, которыя широко распахиваются передъ нимъ, какъ по волшебству. Задумчиво поднимается онъ вверхъ по мраморной лѣстницѣ, устланной пурпуровыми коврами. Золоченый бронзовый павлинъ съ глазами изъ сапфира и изумруда встрѣчаетъ его на лѣстницѣ этого изумительнаго зданія, созданнаго его творческой фантазіей. Къ его пріему придворный садовникъ превратилъ лѣстницу въ цвѣточный лугъ, но золотыя стѣны, висящія на нихъ картины, великолѣпіе ея ступеней и перилъ, яркій свѣтъ тысячи свѣтильниковъ—все это затмеваетъ цвѣты, дѣлаетъ ихъ чѣмъ-то второстепеннымъ.

Послѣ семилѣтней напряженной работы средняя часть дворца наконецъ готова. Теперь тысячи рукъ возводятъ боковые флигеля.

При появленіи герцога они перестаютъ работать. Ни одинъ рабочій не долженъ попадаться ему на глаза. Его страхъ передъ людьми, его ненависть къ медлительнымъ исполнителямъ его плановъ заставляютъ ихъ держаться отъ него по возможности дальше. Комната за комнатой, залъ за заломъ раскрывается передъ нимъ, передъ нимъ однимъ, сіяя неслыханной роскошью, обнаруживая такія драгоцѣнности, которыми не владѣлъ на землѣ ни одинъ Крезъ.

Задумчиво проходитъ Альфредъ двадцать залъ. Болѣе десяти тысячъ свѣчей освѣщаютъ ему путь. Залы, одна другой богаче, великолѣпнѣе, открывались передъ нимъ.

Въ большой зеркальной галереѣ онъ останавливается. Это вѣнецъ его созданія. Болѣе тридцати люстръ свѣшиваются съ потолка, болѣе сорока канделябровъ стоятъ въ нишахъ. Зеркала отбрасываютъ ихъ свѣтъ, и кажется, что ихъ здѣсь нѣсколько тысячъ. Галерея дѣлается безконечной, какъ безконечная мечта истинно-королевскаго величія, какъ то, что онъ задумалъ создать. Ибо духъ его не знаетъ и не будетъ знать покоя!

Его высокая, стройная фигура останавливается у круглаго угольнаго окна стеклянной галереи. Онъ мечтаетъ. Когда это будетъ окончено черезъ нѣсколько лѣтъ,—что же дальше? Милліоны Гринберга неистощимы, должны быть неистощимы, а его творческая сила и геній не знаютъ теперь никакой границы.

Одна за другой начинаютъ погасать свѣчи, какъ въ замкѣ Грааля. Въ ночной тьмѣ эта мечта изъ золота и мрамора исчезаетъ изъ глазу герцога, и его необузданная фантазія снова принимается за работу.

По его знаку, гигантскіе фонтаны останавливаются, свѣжій утренній вѣтерокъ пробѣгаетъ по верхушкамъ деревьевъ острова. Луна зашла. Сѣрый полумракъ лежитъ на серебристой поверхности широкаго озера.

Огромная гряда скалъ вырисовывается вдали, окрашенная пурпуровымъ свѣтомъ. Утро побѣдоносно поднимается надъ горными ущельями. Съ колокольни сосѣдняго острова несется колокольный звонъ.

Альфредъ думаетъ.

Великолѣпна была мечта—мелко и ничтожно ея осуществленіе, даже и это, начавшееся много лѣтъ тому назадъ и поглотившее столько мильоновъ, это чудо изъ чистаго золота и мрамора, даже оно мелко и ничтожно, какъ вся его жизнь—это непрерывное исканіе и борьба за красоту.

Одинокая фигура герцога вся ушла въ себя. Свѣжій утренній вѣтеръ треплетъ его темные волосы и освѣжаетъ его высокій, бѣлый, какъ мраморъ, лобъ. Большіе черные глаза широко распахнуты, губы открыты и шепчутъ:

— Эта золотая мечта недостижимой роскоши и величія была такъ прекрасна!

Но нѣтъ здѣсь довольства, спокойствія, счастія, убѣжища отъ страха, которому нѣтъ названія. Ни здѣсь, ни въ замкѣ Грааля, даже ни на виллѣ!

Печально смотритъ онъ передъ собой. Какъ все это холодно и мертво! Этотъ мраморъ и золото, эти картины его художниковъ, вся эта мечта о королевскомъ величіи и власти — все холодно, мертво!

Внезапная дрожь, словно въ лихорадкѣ, охватываетъ его. Снова даютъ себя знать головныя боли, давно уже не появлявшіяся. Онъ боленъ, несмотря на это бѣгство отъ самого себя въ уединенныя горы, несмотря на бѣгство отъ людей, несмотря на осуществленіе своей мечты изъ золота и мрамора.

Какъ могло случиться, что онъ, поддавшись увлеченію и зову прибрежныхъ обитателей, возымѣлъ мысль построить сказочный замокъ здѣсь, на этомъ островѣ, такъ близко отъ людей равнины и такъ далеко отъ его уединенныхъ горъ, въ которыхъ онъ жилъ, какъ горный орелъ на недосягаемой высотѣ?

Мирныя веселыя деревеньки жались на цвѣтущемъ берегу темно-синяго озера, блестѣвшаго подъ лучами солнца. Люди весело шли по своимъ дорогамъ. Что нужно здѣсь ему, отшельнику, почти погрузившемуся уже во мракъ ночи съ своими грезами о неслыханной красотѣ и роскоши?

Никто не войдетъ въ это царство красоты—за это онъ ручается... Да и онъ самъ... сегодня, можетъ быть, онъ здѣсь въ послѣдній разъ, ибо онъ не отъ міра сего!

Онъ вдругъ вспомнилъ о Лаубельфингенѣ, объ Адельгейдѣ, о счастьѣ, разбившемся о каменныя дворовыя плиты его кронбургскаго дворца.

Онъ запретъ эти золотые залы и аппартаменты и убѣжитъ обратно въ горы, куда не посмѣютъ слѣдовать эти веселыя, смѣющіяся лица долины.

Вдругъ ему пришло въ голову другое.

Нѣсколько недѣль тому назадъ въ глубокую ночь онъ мчался

въ золотомъ экипажѣ, запряженномъ бѣлоснѣжными конями, на западъ. И вдругъ передъ его глазами открылась одинокая скала, еще выше, чѣмъ его замокъ Грааля, еще круче, еще недоступнѣе. Она упрямо возвышалась на равнинѣ. На ея вершинѣ виднѣлись развалины какаго-то стариннаго замка.

Это орлиное гнѣздо будетъ отнынѣ называться Скалой Герцога. Никто не проберется туда, никто не приблизится тамъ къ нему. Никто, никто! Тамъ онъ будетъ въ безопасности отъ своихъ враговъ. О, у него враги есть!

Онъ рѣшилъ завтра же утромъ переговорить съ Гринбергомъ и сдѣлать распоряженіе архитектору относительно этой новой постройки.

Она должна быть крѣпостью, оплотомъ противъ всѣхъ тѣхъ, кто вздумаетъ съ какими бы то ни было цѣлями приближаться къ нему. Это должно быть чѣмъ-то недоступнымъ, въ этихъ стѣнахъ онъ долженъ имѣть возможность расположить цѣлую армію.

Онъ отлично зналъ, какъ на него смотрятъ, какъ за нимъ слѣдятъ по пятамъ. Ему было небезызвѣстно, что многіе его поступки и привычки считаются неподобающими. Вѣроломные слуги, которые льстятъ ему въ глаза, разглашаютъ всѣ подробности его ночной жизни, безотлагательно сообщаютъ въ Кронбургъ объ его привычкахъ. Многіе были удалены наобумъ, но и тѣмъ, которые остались на службѣ, онъ уже давно не довѣрялъ. А князь Филиппъ, возненавидѣвшій его со времени его разрыва съ Адельгейдой, и тѣ, которые должны его ненавидѣть—уволенный Бауманнъ - фонъ-Брандтъ, попавшій въ немилость Галлереръ, Монтебелло, фонъ-Глаубахъ, Пфистерманъ, испытавшіе то же самое! Нужно быть на сторожѣ противъ нихъ, нужно жить не по сосѣдству съ ними, въ равнинѣ, а на недосягаемой скалѣ, въ орлиномъ гнѣздѣ, которое онъ построитъ на Скалѣ Герцога въ горахъ и которое принесетъ ему счастье.

Узкій дворъ замка будетъ запираться желѣзными воротами. Тамъ съ нѣсколькими вѣрными друзьями можно будетъ оказать сопротивленіе цѣлой арміи!

Страшна пропасть, низвергающаяся съ Герцогской скалы въ равнину, и непобѣдимы окрестныя скалы!

Въ эту-то пропасть онъ и столкнетъ своихъ враговъ, если они рѣшатся приблизиться къ нему. А въ одинъ прекрасный день они непремѣнно придутъ, чтобы испытать его силу и могущество. И тогда онъ сброситъ ихъ всѣхъ съ высоты Герцогской скалы и раздавитъ ихъ!

Отчего онъ только сегодня подумалъ объ этой опасности?

Ему стало страшно.

Всѣ свѣчи въ залахъ были потушены, и возвышенная мечта о величіи, красотѣ, мраморѣ, золотѣ, великолѣпіи и счастьѣ снова по-

грузилась во мракъ! А онъ опять вытолкнутъ, преслѣдуемый фуріями.

Онъ опять подошелъ къ окну. Паркъ лежалъ въ глубокомъ мракѣ. Утромъ онъ тайно отъ всѣхъ переговоритъ съ архитекторомъ, чтобы онъ выстроилъ ему на скалѣ неприступное убѣжище!

Фонтаны не шумятъ, не блеститъ золото. Онъ отдалъ распоряженіе о томъ, что проведетъ сегодняшнюю ночь въ золотой спальнѣ новаго дворца.

Ему опять стало страшно. Достаточно ли безопасенъ этотъ дворецъ? Не можетъ ли кто-нибудь, по порученію князя Филиппа или Бауманна-фонъ-Брандта, тайкомъ забраться сюда изъ Кронбурга?

И вдругъ съ дьявольской силой его поразила страшная мысль о томъ, что, несмотря на все свое могущество, онъ нигдѣ не свободенъ отъ преслѣдованій!

Да, онъ непремѣнно долженъ построить себѣ замокъ, который нельзя было бы взять, къ которому не могли бы приблизиться измѣнники. Широкія извилистыя улицы, проложенныя для его золотой кареты въ Герцогсбургѣ, были смѣшны. Смѣшно было и оставаться на этомъ озерѣ, голубыя воды котораго были доступны любому рыбачьему челну.

Отъ страха дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ не могъ больше оставаться въ золотомъ дворцѣ, великолѣпіе котораго представлялось ему когда-то чудесной мечтой. Онъ долженъ бѣжать отъ преслѣдователей, которые гонятся за нимъ по пятамъ, бѣжать отъ нихъ и отъ самого себя.

Онъ немедленно садится въ лодку. Онъ снова на материкѣ, и бѣлоснѣжные кони мчатся въ горы.

XXXI.

Альфредъ заперся въ золотыхъ палатахъ своего новаго дворца Герцогсбурга надъ шумящими потоками ущелья. Конечно, дворецъ св. Грааля не могъ доставить такой безопасности, какъ замокъ на Герцогской скалѣ, о которомъ онъ теперь мечталъ. Однако мѣловая скала все-таки поднималась отвѣсно, почти неприступно, надъ равниной. Теперь къ ея уединенной вершинѣ могучими изгибами поднималась удобная проѣзжая дорога, которая, по его приказанію, была проложена въ самой массѣ горъ при помощи динамита

Динамитъ!.. Онъ вдругъ вздрогнулъ. Развѣ одинъ изъ его камердинеровъ не разсказывалъ ему еще недавно, что значительное количество этого страшнаго вещества было украдено при постройкѣ дороги и исчезло какимъ-то таинственнымъ образомъ. Куда дѣвался этотъ динамитъ? Что задумали съ этимъ страшнымъ разрушительнымъ средствомъ? Зачѣмъ было красть динамитъ.

А что, если его враги?—князь Филиппъ, Монтебелло, уволенный Бауманнъ-фонъ-Брандтъ!... О, у него есть враги въ Кронбургѣ, да и по всему герцогству, это ему хорошо извѣстно. Что, если динамитъ украли съ единственною цѣлью пустить его въ ходъ противъ него, противъ его герцогской мощи и величія!

Онъ былъ одинъ. Даже самому вѣрному своему слугѣ, старому другу Ласфельду онъ велѣлъ сказать черезъ лакея, чтобы онъ сегодня не попадался на глаза его высочеству.

Страхъ охватилъ его.

Никто не принимаетъ въ немъ участія. Нѣтъ ни любви, ни дружбы... одна роскошь, пурпуровая мантія и тронъ изъ золота и слоновой кости, воздвигнутый въ тронномъ залѣ подъ всевидящимъ окомъ Божіимъ.

И вдругъ его охватилъ какой-то странный страхъ передъ этимъ заломъ.

Что ему предсказалъ маэстро много лѣтъ тому назадъ?

— Ни одинъ смертный не дерзнетъ построить замокъ для св. Грааля.

А онъ отважился.

Даже день, превращенный по его желанію въ ночь, не далъ ему на этотъ разъ сна. Безпокойный, какъ Агасѳеръ, внезапно охваченный страхомъ, что преслѣдователи гонятся за нимъ по пятамъ, Альфредъ бѣжалъ изъ комнаты въ комнату. Онъ не могъ нигдѣ сосредоточиться.

Комната адъютанта была пуста. Его строгій приказъ заставилъ вѣрнаго Ласфельда держаться вдали. Въ кабинетѣ онъ остановился передъ картинами, изображавшими приключенія рыцаря Грааля. Того, какъ и его самого, преслѣдовали, но тотъ нашелъ избавленіе у папы, и рисъ началъ снова расти.

А онъ? Его не влекло уже въ гротъ. Онъ напоминалъ ему гротъ въ новомъ дворцѣ, гдѣ онъ мечталъ о неземной красотѣ, наслаждаться которой онъ оказался сегодня не въ состояніи.

Что такое? Не послышались ли ему шаги, вдругъ громко раздавшіеся въ этихъ золотыхъ залахъ, куда входъ былъ строжайше запрещенъ для всѣхъ? Не ворвались ли туда подъ предводительствомъ его дяди-князя Филиппа солдаты, возмутившіеся противъ него?

Какъ сумасшедшій, бросился Альфредъ къ окну. Ничего не было видно, онъ обманулся. И, однако, онъ такъ ясно слышалъ все, его ухо отчетливо уловило лязгъ оружія и хриплые голоса ворвавшихся людей. И ничего этого не было. Что это было за привидѣніе среди бѣла дня, что за галюцинація чрезмѣрно раздраженной фантазіи? Онъ слышалъ голоса, которые не говорили, видѣлъ солдатъ, которыхъ тамъ не было, и отчетливо слышалъ лязгъ оружія?

Холодъ пробѣжалъ у него по спинѣ. Что такое съ нимъ?

Снова быстрымъ шагомъ прошелъ онъ по всѣмъ комнатамъ. Онъ уже не замѣчалъ ни картинъ, ни золота и его сверкающаго великолѣпія. Передъ алтаремъ, стоявшимъ въ нишѣ, онъ бросился на колѣни и пробормоталъ нѣсколько безсмысленныхъ отъ страха словъ, но молиться онъ не могъ. Его мозгъ былъ какъ бы выжженъ, голова пуста, могучая фантазія истощилась.

И вдругъ у него вырвался смѣхъ надъ самимъ собой и надъ царствомъ сказочной красоты, которое онъ создалъ тамъ въ своихъ уединенныхъ горахъ. Онъ танцовалъ въ золотомъ залѣ, хлопая въ ладоши. Затѣмъ вдругъ остановился и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ. Какъ долго онъ стоялъ—этого онъ не зналъ. Проходили минуту, протекали часы, а Альфредъ все стоялъ, не двигаясь, смотря въ полъ, безъ мыслей, безъ чувствъ. Представленіе о самомъ себѣ, о мірѣ, о людяхъ, о своихъ планахъ, о всемъ—какъ будто погасло у него въ головѣ.

Наконецъ онъ пришелъ въ себя.

Опомнившись, онъ позвонилъ. Теперь, должно быть, уже вечеръ. Въ золотыхъ комнатахъ стало смеркаться. Онъ былъ голоденъ. Прошло не менѣе двадцати четырехъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ онъ ѣлъ на поднимающемся столѣ въ своемъ новомъ дворцѣ.

Робко вошелъ служитель.

Увидѣвъ человѣка, Альфредъ громко разсмѣялся. Что съ этимъ малымъ?

У него на лбу ярко-красная печать.

То былъ его собственный приказъ. Всѣ головы, которымъ извѣстны тайны его уединенной прекрасной и страшной жизни, должны носить на лбу печать, какъ герцогское письмо.

Альфредъ, не говоря ни слова, показалъ на столовую.

Слуга понялъ его и вышелъ.

Черезъ пять минутъ онъ голодный сѣлъ за свой обѣдъ. Онъ ѣлъ безъ вилки и ножа, прямо руками.

Рѣзче и рѣзче выяснялись очертанія событій, которыя, словно туманные призраки, гнѣздились въ его головѣ. Онъ сталъ опять думать — къ удивленію ясно и логично, какъ онъ думалъ прежде нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ снова овладѣлъ своими силами. Онъ пришелъ къ заключенію, что это онъ съ голоду впалъ въ такое странное загадочное состояніе, состояніе какой-то апатіи и страшныхъ галюцинацій.

Онъ приказалъ позвать къ себѣ фонъ-Ласфельда.

Тотъ зналъ своего государя. Его нигдѣ не было видно и тѣмъ не менѣе онъ незамѣтно для Альфреда былъ всегда около него наготовѣ.

Малѣйшее промедленіе въ исполненіи приказанія могло вызвать приступъ жесточайшаго гнѣва. Настроеніе герцога нельзя было учесть заранѣе.

— Какія дѣла сегодня, Ласфельдъ?—спросилъ его герцогъ.

Ласфельдъ одну секунду изумленно посмотрѣлъ на него.

Какъ онъ можетъ быть спокоенъ и такъ владѣть собою послѣ того, что случилось утромъ, послѣ всего того, что разсказывала прислуга новаго дворца.

— Я спрашиваю, какія дѣла у насъ?—услышалъ онъ вторично голосъ Альфреда.

— Все готово, все лежитъ въ кабинетѣ вашего высочества.

Альфредъ всталъ и пошелъ. Ласфельдъ двинулся за нимъ.

Герцогъ сѣлъ за свой письменный столъ и пробѣжалъ телеграммы и отчеты, пришедшіе за истекшій день изъ Кронбурга.

— Изволите, ваше высочество, принять сегодня кого-либо?—спросилъ адъютантъ.

— Нѣтъ, никого,—вскричалъ герцогъ.

Его губы дрожали, ноздри раздувались отъ ярости.

— Я думалъ...

— Что такое вы думали?

— Его превосходительство министръ финансовъ г. Гринбергъ...

— Гринбергъ?

Это имя поразило теперь Альфреда, какъ будто онъ слышалъ его сегодня въ первый разъ. Наконецъ онъ вспомнилъ, кто доставилъ ему милліоны на постройку Герцогштейна и о комъ онъ совсѣмъ забылъ.

— Гринберга, говорите вы? Я приму его. Подождите, Ласфельдъ. Пусть онъ пройдетъ въ комнату адъютанта. Я не могу его видѣть, но хочу переговорить съ нимъ. Онъ долженъ говорить со мной черезъ полуотворенную дверь, предупредите его, Ласфельдъ. Гдѣ онъ?

— Все будетъ исполнено, какъ изволили приказать. Онъ находится внизу въ Гогенарбургѣ и уже три дня тщетно ждетъ аудіенціи. Я сейчасъ предупрежу...

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ долженъ быть въ адъютантской, понимаете, Ласфельдъ.

— Какъ прикажете, ваше высочество. Онъ находится въ Гогенарбургѣ потому, что въ Кронбургѣ не знаютъ, что ваше высочество изволили переѣхать въ Герцогсбургъ.

— И не должны знать. Какъ вы думаете, Ласфельдъ, могутъ солдаты моей арміи взобраться на эту гору.

— А какъ вы сами полагаете, ваше высочество?

— Никакъ, позовите Гринберга.

— Но...

— Что вы медлите?—загремѣлъ голосъ герцога.

— Я всеподданнѣйше позволю себѣ возразить...

— Мнѣ—никакихъ возраженій!

— Въ вашихъ же собственныхъ интересахъ. Его превосходительство давно не получалъ никакой милости. Въ цѣляхъ достиженія

вашихъ желаній! Я позволю себѣ настоятельно просить принять его превосходительство лично и не разговаривать съ нимъ черезъ дверь.

Результатъ отъ этихъ словъ получился самый неожиданный.

— Хорошо, я переговорю съ Гринбергомъ глазъ на глазъ, Ласфельдъ,—сказалъ Альфредъ совершенно спокойно.—Да, вы правы: въ цѣляхъ достиженія моихъ собственныхъ желаній.

— Въ такомъ случаѣ, я сейчасъ увѣдомлю его превосходительство.

Фонъ-Ласфельдъ удалился.

Альфредъ совершенно овладѣлъ собою. Онъ прочелъ письма, лежавшія передъ нимъ на золотомъ столикѣ, спокойно, одно за другимъ и дѣлалъ, по своему обыкновенію, отмѣтки на поляхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ сопровожденіи адъютанта явился Гринбергъ.

— Оставьте насъ однихъ, Ласфельдъ.

Адъютантъ вышелъ.

— Садитесь, ваше превосходительство,—началъ Альфредъ:—я долженъ сообщить вашему превосходительству нѣчто весьма важное. Вы знаете развалины на островѣ Герцогштейнѣ?

— Нѣтъ, ваше высочество.

— Это ничего не значитъ. Я рѣшилъ выстроить тамъ новый дворецъ.

Министръ измѣнился въ лицѣ. Это не укрылось отъ Альфреда.

— Ну-съ, ваше превосходительство.

— Ваше высочество изволите видѣть, что я совершенно изумленъ. Оба дворца, тамъ и на островѣ, еще далеко не закончены, а вы изволите говорить...

— Да, о новой постройкѣ. Вы на то и министръ и должны достать мнѣ денегъ. Я закончу то, что уже начато, и начну новое, что я теперь проектирую.

Словно какое-то глухое рычаніе слышалось въ сильномъ голосѣ герцога.

— Я не знаю, ваше высочество...

— Чего вы не знаете?

— Я не знаю, какъ ландтагъ и народъ внесетъ проценты за занятые милліоны, несмотря на повышеніе налоговъ, и вдругъ...

— А мои личныя средства, мой цивильный листъ?

— Насколько я знаю, личныя средства вашего высочества въ настоящее время истощены.

— Истощены!

Это страшное слово прозвучало въ ушахъ Альфреда, какъ крикъ боли.

— Что вы сказали? Истощены?

— Да, я сказалъ это, я долженъ былъ сказать это! Каждый день въ гофмаршальскую часть въ Кронбургѣ поступаютъ счета, по ко-

торымъ нечѣмъ платить. Къ вашему высочеству начинаютъ приставать, какъ къ самому обыкновенному должнику.

— Что?!—загремѣлъ Альфредъ.—У кого хватитъ духа приставать ко мнѣ, герцогу? Кто это смѣетъ?

— Поставщики вашего высочества.

— Неблагодарные!

Альфредъ былъ внѣ себя. Крупная дрожь прошла по его тѣлу. Онъ зарыдалъ, какъ дитя.

— Что же мнѣ дѣлать, Гринбергъ? Посовѣтуйте, помогите мнѣ?

— Вашему высочеству въ самомъ дѣлѣ угодно выслушать мой совѣтъ?

— Да.

— Хорошо. Нужно вернуться въ Кронбургъ, во дворецъ, пріостановить всѣ дальнѣйшія постройки. Истрачено уже нѣсколько миліоновъ, и нужно сначала ихъ заплатить.

— Вернуться въ Кронбургъ! Никогда! Пріостановить постройки! Никогда! Такова моя воля! Я герцогъ!

— Ваше высочество спрашивали у меня совѣта, и я повиновался вашему желанію! Такъ дальше не можетъ продолжаться. Страна наканунѣ финансоваго краха.

Альфредъ горько разсмѣялся.

— Это говорите мнѣ вы, взявшій на себя обязательство изъ земли достать милліоны. Ха-ха-ха! Вы плохой финансовый геній. Я буду строить дальше. Будутъ выпущены новые займы, и я докончу всѣ дворцы, поняли? Пусть продадутъ коронныя драгоцѣнности, пусть обратятся къ иностраннымъ дворамъ съ просьбою о займѣ. Я отдамъ въ залогъ герцогство, распущу армію, если безъ этого нельзя будетъ обойтись, но все-таки буду продолжать постройки. Нужно умѣть доставать мнѣ деньги! На дняхъ въ ландтагъ будетъ внесено мною предложеніе объ увеличеніи цивильнаго листа и объ отпускѣ перваго взноса въ тридцать милліоновъ, для начала построекъ въ Герцогштейнѣ.

— Въ такомъ случаѣ...

— Знаю, знаю! Я найду другихъ! Я знаю, знаю! Хоть сегодня!

Гринбергъ отвѣсилъ глубокій поклонъ.

Альфредъ усмѣхнулся про себя.

— Кого же вы намѣтили себѣ въ преемники, ваше превосходительство?

— Ваше высочество, во всей странѣ я знаю только одного человѣка, который способенъ привести ваши дѣла въ порядокъ

— Единственный человѣкъ?

— Да, ваше высочество.

— Кто же это?

— Я не рѣшаюсь назвать здѣсь его имя.

— Я приказываю вамъ.

— Это Бауманнъ-фонъ-Брандтъ.

Альфредъ отвѣтилъ:

— Никогда!—такимъ страшнымъ голосомъ, котораго потомъ министръ никогда не могъ забыть.

— Лучше пусть гибнетъ герцогство, чѣмъ онъ!

Аудіенція была кончена.

XXXII.

Почти въ то же самое время, когда министръ Гринбергъ былъ уволенъ въ отставку, въ Кронбургъ прискакалъ курьеръ. Онъ направился въ соединенное министерство и вручилъ тамъ строгій приказъ, чтобы долги, вызванные постройкою двухъ дворцовъ, были уплачены безотлагательно и чтобы въ ландтагъ внесено было предложеніе объ отпускѣ дальнѣйшихъ тридцати милліоновъ для герцогскихъ построекъ.

Внизу энергичными, крупными буквами было написано: «Пребываю къ вамъ неблагосклонный! Альфредъ».

Гринбергъ и его министры не знали, что дѣлать. Они послали извѣщеніе князю Филиппу, который одиноко жилъ въ своемъ Филиппсбургѣ съ тѣхъ поръ, какъ Адельгейда нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла замужъ за одного иностраннаго принца. Подъ предсѣдательствомъ князя состоялось экстренное засѣданіе коронныхъ чиновъ и министровъ.

Вся столица пришла въ невиданное до сихъ поръ волненіе. Газеты печатали длинныя статьи и злыя замѣтки о совершенно нелѣпомъ финансовомъ хозяйничаньѣ герцога; невѣроятные слухи о его ночномъ образѣ жизни, о которомъ приходилось слышать изъ устъ придворныхъ слугъ, распространялись во всѣ стороны и передавались изъ устъ въ уста.

Ужасъ, предчувствіе того, чего еще никогда не приходилось переживать, охватило всю страну.

Князь Филиппъ колебался и не могъ рѣшиться на что-нибудь. Онъ былъ единственнымъ братомъ покойнаго герцога Бернарда, на немъ, какъ на главѣ герцогскаго дома, лежала теперь обязанность принять нужныя мѣры. Онъ же долженъ былъ принять вмѣсто племянника бразды правленія, и это обстоятельство значительно затрудняло его дѣйствія. Взоры страны и народа были устремлены на него, давно державшагося вдали отъ дѣлъ, а теперь вдругъ ставшаго центромъ всего.

Первое засѣданіе прошло безрезультатно. Князь Филиппъ уклонялся, говоря, что нужно назначить комиссію и послать ее въ Гогенарбургъ къ его высочеству. Нужно всеподданнѣйше просить его отказаться отъ его плановъ, вернуться въ Кронбургъ и тамъ

вести очень строгій образъ жизни, чтобы мало-по-малу погасить огромные долги.

Это щекотливое порученіе было возложено, по желанію князя Филиппа, на личнаго секретаря герцога и двухъ коронныхъ сановниковъ.

Черезъ двадцать четыре часа они вернулись въ Кронбургъ ни съ чѣмъ. Они не были приняты ни днемъ, ни ночью. Ворота новаго дворца были заперты.

Князь Филиппъ рѣшился на чрезвычайный шагъ. Онъ обратился за совѣтомъ къ своему старому другу Бауманну-фонъ-Брандту, который стоялъ во главѣ правительства при его братѣ и котораго Альфредъ съ такимъ легкимъ сердцемъ устранилъ отъ дѣлъ.

И вотъ этотъ человѣкъ, съ лицомъ хищной птицы, наводившій страхъ на Матильду въ Лаубельфингенѣ, сидѣлъ лицомъ къ лицу съ княземъ въ его Филиппсбургѣ.

— Ваша свѣтлость приказали явиться?—спросилъ онъ.

— Я пригласилъ васъ, ваше превосходительство, въ качествѣ стариннаго совѣтника моего покойнаго брата. Скажите, что дѣлать?

— Ваше свѣтлость желаете оставаться на почвѣ конституціи этой страны?

— Конечно.

— Хорошо. Конституція нашей страны гласитъ: если царствующій герцогъ по болѣзни или другимъ причинамъ не можетъ исполнять своихъ обязанностей болѣе, чѣмъ въ теченіе одного года, то назначается регентство. Этимъ какъ разъ разрѣшается настоящій случай. На васъ, ваша свѣтлость, лежитъ обязанность безотлагательно увѣдомить ландтагъ черезъ министерство и коронныхъ чиновъ о вступленіи въ силу закона о регентствѣ.

Князь Филиппъ невольно отступилъ шагъ назадъ.

— Ваше превосходительство!—въ испугѣ вскричалъ онъ:—а какъ же онъ?

— Онъ боленъ. Его образъ жизни даетъ неопровержимое тому доказательство. Его стремленіе уединяться, страсть къ роскоши и тратамъ, которая не соображается съ имѣющимися средствами, показаніе дворцовыхъ служителей, странное устройство его дворцовъ—все это даетъ достаточно поводовъ для того, чтобы ваша свѣтлость могли выступить.

Лицо князя Филиппа сдѣлалось блѣдно, какъ полотно.

— Вы говорите, что я долженъ, что я обязанъ выступить?

— Вы обязаны сообщить странѣ, что его высочество герцогъ Альфредъ, вслѣдствіе помраченія умственныхъ способностей, по рѣшенію царствующаго дома, министерства и коронныхъ чиновъ устраняется отъ престола и что дѣла правленія переходятъ въ руки вашей свѣтлости, какъ законнаго регента.

— А кто возьметъ на себя отвѣтственность за этотъ важный шагъ? Кто знаетъ, какія онъ будетъ имѣть послѣдствія?

— Я, ваша свѣтлость, если вы мнѣ дадите соотвѣтствующія полномочія. Одного освидѣтельствованія состоянія здоровья герцога будетъ достаточно въ виду характера его заболѣванія.

— Ужасно... свидѣтельство... смертный приговоръ, хотите вы сказать! Есть у васъ подъ рукой врачи, которые рѣшатся объявить царствующаго государя помраченнымъ, врачи, у которыхъ хватитъ духа совлечь съ недосягаемой высоты любимца народа, его обожаемаго герцога?

— Да, у меня есть врачи. Я проведу это дѣло, если ваша свѣтлость немедленно объявите регентство и назначите меня вашимъ отвѣтственнымъ министромъ-президентомъ. Ибо только въ качествѣ министра-президента я могу взять на себя отвѣтственность за все.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я не могу объявить регентство прежде, чѣмъ я не увѣдомлю моего племянника, законнаго государя этой страны.

— Вамъ такъ же мало посчастливится въ Гогенарбургѣ, какъ и комиссіи, ваша свѣтлость. Вчера она вернулась въ Кронбургъ ни съ чѣмъ. Ее заставили простоять напрасно передъ запертыми воротами его дворца. Хорошо еще, если васъ не прогонятъ силой.

— Силой! Ваше превосходительство рисуете мнѣ призраки революціи.

— И съ возможностью революціи надо считаться, ваша свѣтлость. Нельзя считаться только съ одними горными крестьянами. Герцогъ долженъ быть устраненъ отъ престола и, какъ больной, переданъ въ руки врачей. Иначе я ни за что не ручаюсь.

— Какой ужасъ! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Это нападеніе изъ-за угла! Нѣтъ! Что скажетъ свѣтъ, что подумаетъ Кронбургъ и горные жители! Нѣтъ, онъ долженъ оставаться герцогомъ, пока не узнаемъ о рѣшеніи герцогской семьи, коронныхъ чиновъ и министерства.

— Какъ прикажете, ваша свѣтлость. Но я не ручаюсь ни за что. Я позволю себѣ дать вамъ еще одинъ благой совѣтъ: какъ можно скорѣе привести гарнизонъ Кронбурга къ присягѣ на ваше имя и распорядиться, чтобы онъ держался наготовѣ... ибо... его высочество, въ своемъ болѣзненномъ состояніи, способенъ на все!.. Измѣна! Революція! Я очень совѣтую вамъ быть осторожнымъ!

— Я соглашаюсь съ вами. Манифестъ долженъ быть написанъ на основаніи врачебнаго освидѣтельствованія и рѣшенія герцогскаго дома и министерства. Но ни подъ какимъ видомъ я не соглашусь дѣйствовать безъ офиціальнаго увѣдомленія моего племянника. Пусть будетъ, что будетъ. Онъ долженъ узнать объ этомъ прежде, чѣмъ будетъ извѣщена страна. На кого бы мнѣ возложить это порученіе?

— Я предложилъ бы вашей свѣтлости назначить, въ качествѣ регента, особую государственную комиссію. Она могла бы соста-

виться изъ министра-президента новаго министерства, двухъ членовъ изъ коронныхъ чиновъ, двухъ штабъ-офицеровъ герцогской арміи и, наконецъ, изъ врачей, которымъ будетъ поручено леченіе герцога. Эта комиссія могла бы произвести освидѣтельствованіе его высочества, а затѣмъ перевезти его и заключить въ какой-нибудь изъ дворцовъ.

— Это ужасно!—повторялъ безпрестанно князь Филиппъ.

Онъ подошелъ къ окну и закрылъ лицо обѣими руками. Неумолимый Бауманнъ-фонъ-Брандтъ, который, повидимому, уже давно обдумалъ этотъ ужасный планъ, казалось, не замѣчалъ его слезъ.

— Какой же дворецъ ваше превосходительство намѣтили для заключенія, какъ вы выражаетесь, моего несчастнаго племянника?

— Можно, пожалуй, въ Герцогсбургѣ... нѣтъ... его положеніе слишкомъ опасно... на виллѣ... нѣтъ, слишкомъ далеко отъ Кронбурга... Позвольте... Для этой цѣли лучше всего былъ бы Турмъ, ваша свѣтлость.

— А озеро, Лаубельфингенское озеро!—воскликнулъ князь Филиппъ, объятый смертельнымъ страхомъ.

— Его будутъ внимательно стеречь. Слишкомъ близко отъ Кронбурга, мнѣ бы этого не хотѣлось, но и слишкомъ далеко гдѣ-нибудь среди горныхъ крестьянъ—тоже нежелательно. Турмъ какъ разъ годится. До него легко добраться и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ достаточно далеко отъ Кронбурга. Главный докторъ и его ассистенты будутъ отвѣтственны за него передъ вами и мной, его жизнь должна быть неприкосновенна.

— И когда вы думаете осуществить все это?

— Безотлагательно, ваша свѣтлость, сегодня же ночью. Прежде, чѣмъ учрежденіе регентства не будетъ совершившимся фактомъ, и прежде, чѣмъ отзывъ моихъ врачей не будетъ безусловно не въ пользу герцога, никто не долженъ даже догадываться объ этомъ въ Гогенарбургѣ, никто не долженъ знать объ этомъ въ Кронбургѣ.

— Уже сегодня ночью?

— Да. Онъ имѣетъ обыкновеніе обѣдать около полуночи. Если я явлюсь съ членами комиссіи въ Герцогсбургѣ часа въ три ночи, то есть надежда, что онъ насъ приметъ. Я прошу полномочій вашей свѣтлости, какъ регента этой страны...

— Вы слишкомъ торопитесь, ваше превосходительство. Онъ еще пока герцогъ.

— Въ силу этихъ отзывовъ, не слишкомъ.

И съ этими словами Бауманнъ-фонъ-Брандтъ вынулъ изъ кармана нѣсколько бумагъ.

— Это отзывы первыхъ медицинскихъ авторитетовъ нашего герцогства, данные подъ личною ихъ отвѣтственностью,—произнесъ онъ, подавая бумаги князю Филиппу.

Тотъ углубился въ чтеніе.

— Вы быстро обдѣлываете дѣла, — горько сказалъ онъ,—очень быстро. Герцогъ Альфредъ всегда долго колебался подписать смертный приговоръ, хотя преступленіе и было доказано, онъ не хотѣлъ умерщвлять кого бы то ни было, а вы...

— Мой благой совѣтъ остается только совѣтомъ, ваша свѣтлость. Пока еще зависитъ отъ васъ и отъ членовъ государственнаго совѣта считать герцога Альфреда здоровымъ. Я только не понимаю въ такомъ случаѣ, для чего меня сюда вызвали. Назначьте министромъ Гринберга или еще лучше упросите герцога, чтобы онъ вернулъ ему свою милость. Послѣдствіемъ этого будетъ новый заемъ, разореніе отечества и гибель герцога, предотвратить которую невозможно, по мнѣнію моихъ медицинскихъ авторитетовъ.

— Мнѣ трудно понимать васъ, ваше превосходительство.

— Согласенъ. Итакъ, все выяснено?

— Кромѣ формы.

— Что значитъ: кромѣ формы?

— Съ его высочествомъ будутъ обходиться, какъ съ герцогомъ, а не какъ съ больнымъ, пока онъ не получитъ извѣщенія о назначеніи регентства.

— Ваша свѣтлость, очевидно, недостаточно освѣдомлены о характерѣ этого заболѣванія.

— Что вы хотите сказать?

— Его высочество, по заключенію врачей спеціалистовъ, не всегда боленъ.

— Не всегда боленъ? А что если вы... если мы... здороваго.. какой ужасъ!

— Я сказалъ «не всегда». Здоровое состояніе духа уравновѣшиваетъ въ немъ больное. Онъ думаетъ логично, дѣйствуетъ послѣдовательно, онъ въ состояніи принимать нужныя мѣры, которыя такъ же разумны, какъ мѣры здоровыхъ людей. Онъ принадлежитъ къ числу высокоодаренныхъ государей, въ нѣкоторыхъ вещахъ онъ прямо геній, умница, съ которымъ нельзя обращаться, какъ съ больнымъ. Такъ говорятъ мои доктора!

— И на основаніи такого отзыва нужно совершить нѣчто неслыханное?

— Нужно это совершить, ваша свѣтлость, въ интересахъ цѣлой страны, которая пришла на край гибели, благодаря болѣзненнымъ наклонностямъ своего государя. Его склонность къ уединенію, его нежеланіе имѣть дѣло съ отвѣтственными чинами правительства, своеобразность его обхожденія съ народомъ и слугами, припадки ярости, поѣздки въ золотомъ экипажѣ, исчезновенія въ подземный гротъ или на эти покрытыя льдомъ горы—все это достаточно говоритъ за себя.

— Но, можетъ быть, это въ концѣ концовъ причуды великаго человѣка, котораго положеніе ставитъ выше милліоновъ людей?

— Можно называть и такъ, ваша свѣтлость, и тѣмъ не менѣе... Его манія величія, его страхъ преслѣдованія! Я не вижу другого спасенія для страны. Соберите государственный совѣтъ, ваша свѣтлость, и объявите регентство.

— Я прошу дать мнѣ два часа на размышленіе. Потомъ я сообщу вашему превосходительству о моемъ рѣшеніи

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ удалился.

Потрясенный князь Филиппъ опустился въ кресло.

Долго сидѣлъ онъ передъ своимъ письменнымъ столомъ и думалъ. Долженъ ли онъ, смѣетъ ли онъ, вопреки народу, міру, человѣчеству, самой исторіи, низвергнуть съ высоты знаменитѣйшаго изъ современныхъ государей, передъ которымъ преклоняются въ прахѣ милліоны народа? Что изъ этого выйдетъ, чѣмъ все это кончится? Ненадеженъ казался ему Альфредъ, ненадеженъ народъ и горные крестьяне, взиравшіе на герцога, какъ на нѣкое божество.

Онъ былъ истинный король въ царствѣ духа, искусства, всего прекраснаго въ области высшихъ человѣческихъ благъ, обожаемый женщинами, носимый на рукахъ мужчинами,—и вдругъ... Слѣдуетъ ли ему довѣрять Бауманну-фонъ-Брандту?

Да, довѣрять ему нужно. Въ этотъ часъ отечество повелительно требовало отъ него этой жертвы.

Самый прекрасный, самый геніальный изъ людей послѣдней четверти вѣка долженъ былъ пасть съ своей солнечной высоты, какъ Икаръ, предпринявшій полетъ по слѣдамъ колесницы божества.

Князь Филиппъ заплакалъ. Онъ плакалъ о своемъ племянникѣ. Чего только онъ не задумалъ, чего только не настроилъ! Какое сказочное царство красоты! И тѣмъ не менѣе!

И онъ отдалъ приказъ о томъ, чтобы собрали совѣтъ, который долженъ былъ принять окончательное рѣшеніе.

XXXIII.

Тяжелыя дождевыя облака ранняго лѣта нависли надъ изумительной постройкой новаго дворца—Герцогсбурга. Словно фантастическія туманныя чудовища, приплыли они съ запада, остановились на отвѣсныхъ скалахъ высоко поднявшихся горъ, надъ потускнѣвшей поверхностью обоихъ озеръ и набросили на голову горныхъ великановъ причудливый уборъ. Уже три дня не было видно солнца. Непрерывно шелъ дождь. Лиственницы и сосны волшебнаго лѣса плакали тысячами капель слезъ. Молча, беззвучно, мрачно стояло огромное сѣрое зданіе. Передъ его крѣпко запертыми воротами взадъ и впередъ шагали часовые съ заряженными ружьями и съ примкнутыми штыками.

— Не пропускать никого!

Таковъ былъ послѣдній строгій приказъ герцога, который онъ отдалъ Ласфельду.

Въ этотъ туманный день, который съ трудомъ можно было отличить отъ ночи, по извилистой дорогѣ, шедшей отъ деревни на вершину горъ, приближалась къ воротамъ дворца женская фигура. Чтобы защититься отъ дождя, она накинула капюшонъ своего платья на бѣлокурую голову. Видимо, она пришла издалека, она приближалась медленными, усталыми шагами.

Наконецъ она достигла мѣста, гдѣ стоялъ часовой.

— Стой! Нельзя итти!

Солдатъ загородилъ ей путь ружьемъ.

Она опустила капюшонъ, показалось свѣжее, милое, раскраснѣвшееся отъ возбужденія личико, обрамленное густыми, бѣлокурыми волосами, съ двумя огромными голубыми глазами.

— Я Христина, дочь содержателя гостиницы въ Обервальдѣ,— сказала она солдату.—Герцогу грозитъ опасность, я знаю это навѣрно. Онъ знаетъ меня, я поила всегда его коня и подносила ему букеты цвѣтовъ. Пропусти меня!

— Проходи дальше,—упрямо сказалъ часовой.—Намъ данъ строгій приказъ не пропускать никого.

— Нѣтъ,—твердымъ тономъ возразила дѣвуюка.—Я уже нѣсколько часовъ въ дорогѣ. Нашъ крестьянинъ Зеппъ, который служитъ на военной службѣ въ Кронбургѣ, пришелъ къ намъ вчера вечеромъ. Онъ уволенъ въ отпускъ на праздники, понимаешь?

— Ну?—спросилъ, заинтересовавшись, солдатъ.

— Онъ разсказывалъ въ Обервальдѣ, что герцога хотятъ схватить, что они уже двинулись въ путь, что они добьются пропуска во дворецъ и силою овладѣютъ герцогомъ.

— Неужели?—сказалъ солдатъ.

— Нашъ землякъ знаетъ это навѣрно. Полки, стоящіе въ Кронбургѣ, получили приказъ быть готовыми къ выступленію. Только очень немногіе, для отвода глазъ, получили отпускъ. Князь Филиппъ хочетъ занять престолъ. Это будетъ объявлено, а герцога куда-то увезутъ.

Часовой подошелъ къ воротамъ и далъ звонокъ.

Появился караульный офицеръ, которому Христина разсказала то же самое.

Офицеръ послалъ за фонъ-Ласфельдомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ адъютантъ явился. Онъ увелъ Христину въ кордегардію.

Около одного изъ оконъ дворца была видна высокая фигура. Окно было открыто настежь.

— Ласфельдъ,—раздался голосъ Альфреда на тихомъ дворѣ.

Адъютантъ вошелъ вмѣстѣ съ дѣвушкой.

Острый взоръ Альфреда тотчасъ узналъ дочь обервальдскаго трактирщика. Цѣлый рядъ воспоминаній хлынулъ на него.

Онъ сдѣлалъ знакъ.

— Позовите ко мнѣ эту дѣвушку, Ласфельдъ.

Бѣлокурая Христина шла за офицеромъ, какъ ослѣпленная роскошью этихъ аппартаментовъ, о которыхъ столько говорили не только въ Обервальдѣ, но и повсюду въ горахъ.

Наконецъ она очутилась передъ герцогомъ.

— Христина!—вскричалъ Альфредъ и протянулъ ей руку.— Сегодня ты не принесла мнѣ букета горныхъ цвѣтовъ!

— Нѣтъ, ваше высочество, дороги въ горы теперь непроходимы. Я едва добралась сюда. Вмѣсто цвѣтовъ я сегодня принесла вамъ нѣчто, что доказываетъ мою преданность вамъ. Будьте на сторожѣ, ваше высочество, они хотятъ схватить васъ.

Крикъ отчаянія и ярости вырвался у Альфреда.

— Они? Кто они?—загремѣлъ онъ.

— Князь Филиппъ, вашъ дядя. Онъ хочетъ взойти на тронъ.

— Кто тебѣ это сказалъ, Христина.

— Нашъ землякъ Зеппъ принесъ эту новость изъ Кронбурга. Тогда, несмотря на туманъ и ночное время, я сейчасъ же пустилась въ дорогу. Будьте на сторожѣ, ваше высочество.

Альфредъ въ отчаяніи билъ руками по воздуху. Онъ былъ внѣ себя. Что дѣлать?

— Это возможно, это правда, Ласфельдъ,—бормоталъ онъ.

— Ваше высочество, я, право, не знаю... опредѣленность, съ которой эта дѣвушка...

— Они явятся сегодня же,—повторяла бѣлокурая Христина:— будьте на сторожѣ.

Альфредъ уже не слушалъ ея. Онъ даже не смотрѣлъ на нее.

— Государственная измѣна,—прохрипѣлъ онъ.—Измѣна герцогу, Ласфельдъ. Дайте мнѣ совѣтъ, помогите мнѣ!

Съ минуту Ласфельдъ оставался въ глубокомъ молчаніи.

Тутъ герцогъ опять замѣтилъ Христину, которая стояла передъ нимъ ни жива, ни мертва.

— Благодарю тебя, Христина,—сказалъ онъ.—Надо дать ей что-нибудь съѣсть. Слышите, Ласфельдъ.

— Слушаю, ваше высочество.

Ласфельдъ повелъ дѣвушку въ боковую дверь и приказалъ лакею накормить ее.

Когда онъ вернулся, Альфредъ сидѣлъ на своемъ золотомъ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, погрузившись въ свои мысли.

— Что мнѣ дѣлать, Ласфельдъ?—забормоталъ онъ опять.

— Ваше высочество, мой совѣтъ—воспользоваться временемъ. Если тѣ, о комъ говоритъ эта дѣвушка, уже въ дорогѣ, то тутъ уже не простые слухи, порожденные вполнѣ понятнымъ опасеніемъ за

безопасность вашего высочества. Въ такомъ случаѣ время не терпитъ и надо дѣйствовать.

— Какъ дѣйствовать?

— Прикажите, ваше высочество, сейчасъ же приготовить поѣздъ, и прежде, чѣмъ они подъѣдутъ ко дворцу...

— И...

— Поѣзжайте сейчасъ же въ Кронбургъ, покажитесь вашей столицѣ, князю Филиппу, министрамъ, членамъ совѣта и своимъ появленіемъ разсѣйте всѣ слухи, которые ходятъ насчетъ вашего высочества. Мнѣ кажется,—это единственный путь къ спасенію.

— Къ спасенію? Почему вы сказали: къ спасенію? А кромѣ того— слухи... Какіе такіе слухи могутъ ходить обо мнѣ? Что вы разумѣете подъ этими слухами? Что я трачу деньги, что я строю дворцы, что для меня эти горы и ихъ жители пріятнѣе, чѣмъ Кронбургъ и его населеніе? Да, это всѣ знаютъ. Что же еще про меня говорятъ? Что они хотятъ сдѣлать со мной?

Большіе глаза Альфреда были пристально устремлены на поблѣднѣвшее лицо адъютанта. Ласфельдъ невольно отступилъ назадъ и сказалъ:

— Я не знаю, какія мѣры хотятъ принять противъ вашего высочества. Но, кажется, что-то затѣвается. Поэтому мой благой, мой, да позволено мнѣ будетъ сказать, дружескій и всеподданнѣйшій совѣтъ—распорядитесь немедленно объ отъѣздѣ въ Кронбургъ и покажите тамъ, что все то, что говорятъ о васъ, неправда.

— А что говорятъ обо мнѣ? Подъ страхомъ моей герцогской немилости приказываю вамъ дать мнѣ немедленный отвѣтъ.

— Я не могу дать опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, ваше высочество, ибо уже нѣсколько недѣль я нахожусь безвыѣздно здѣсь, а не въ Кронбургѣ. Но если придавать вѣру намекамъ заграничныхъ газетъ, которыя иногда попадаются мнѣ на глаза...

— Ну, что же тамъ такое?—загремѣлъ Альфредъ.

— Конституція этой страны знаетъ только одну причину, на основаніи которой возможно низложеніе царствующаго государя. Вашему высочеству конституція наша извѣстна—вы изволили присягать ей.

— Только одну причину?

И вдругъ все стало ясно Альфреду.

— Они хотятъ объявить меня идіотомъ, Ласфельдъ,—закричалъ онъ.—Возможно ли это? Смѣютъ ли они это? Кто въ цѣломъ герцогствѣ осмѣлится на это? Пусть подадутъ мнѣ вина! Что вамъ объ этомъ извѣстно, Ласфельдъ?

— Мнѣ извѣстно очень немного, ваше высочество. Я только знаю, что это по конституціи есть единственный поводъ и...

— И?

— И что къ числу совѣтниковъ князя Филиппа принадлежитъ уволенный министръ-президентъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ.

Альфредъ вдругъ разсмѣялся.

— Вѣрно! Бауманнъ-фонъ-Брандтъ. Я долженъ былъ приказать, чтобы ему перерѣзали горло. Лисицъ, которыя попадаютъ въ капканъ, щадить нечего, это напрасная сентиментальность.

Адъютантъ въ ужасѣ посмотрѣлъ на герцога.

Неужели онъ опять?.. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ недѣль онъ былъ такъ тихъ и разуменъ. Днемъ онъ оживалъ, предпринималъ далекія прогулки въ горы, и мрачные демоны пережитой, по мнѣнію Ласфельда, эпохи какъ будто отступили отъ него. И вдругъ...

— Да, да, слѣдовало перерѣзать горло этой лисицѣ,—снова повторилъ Альфредъ.—Измѣнникъ, который злоумышляетъ противъ меня вмѣстѣ съ моимъ дядей.

—Что вашему высочеству угодно будетъ рѣшить? Я жду немедленнаго приказа. Поѣздъ въ Кронбургъ... Стоитъ сказать одно слово начальнику станціи...

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Мы ихъ встрѣтимъ пулями, мы дадимъ имъ достойный герцога отвѣтъ, другъ мой.

Голосъ Альфреда звучалъ, какъ ревъ бури, которая клонитъ долу гигантскія деревья его горнаго лѣса.

— Я не знаю, ваше высочество, не будетъ ли этотъ способъ...

— О, замокъ достаточно крѣпокъ! Они даже не предчувствуютъ, какъ онъ крѣпокъ! А моя армія присягала мнѣ! Горные жители, жандармы, пожарные окрестныхъ деревень всѣ должны сплотиться вокругъ меня. Я сейчасъ напишу самъ приказъ. Посмотримъ, насколько хватитъ смѣлости у этихъ измѣнниковъ. Пошлите по телеграфу приказъ ближайшему батальону, чтобъ онъ выступилъ на защиту своего герцога и занялъ Гогенарбургъ и этотъ дворецъ.

— Распоряженіе вашего высочества будетъ немедленно исполнено. Клянусь до самой смерти сохранять вѣрность вашему высочеству.

— Смерть до гроба,—сказалъ Альфредъ.—Благодарю васъ, Ласфельдъ. Ни въ горахъ, ни въ этомъ дворцѣ не найдется никого, кто бы нарушилъ эту вѣрность. Я встрѣчу ихъ пулями. Мой замокъ неприступенъ и можетъ пасть только путемъ измѣны.

Альфредъ ходилъ по раззолоченному кабинету, какъ будто онъ уже одержалъ полную побѣду. Здѣсь онъ издалъ приказъ, чтобы его дворецъ заняли жандармы изъ окрестныхъ мѣстностей, а батальонъ былъ мобилизованъ.

— Они ошибутся, кронбургскія лисицы и змѣи, —шепталъ онъ.

Потомъ онъ подошелъ къ окну. Стѣны этого дворца, сложенныя изъ квадратныхъ плитъ, взятыхъ изъ его любимыхъ горъ, дадутъ ему надежную защиту, если только въ этихъ стѣнахъ не найдется измѣнниковъ. Не найдется измѣнниковъ? Но развѣ онъ можетъ быть увѣренъ въ нихъ, начиная отъ Асфельда и кончая послѣднимъ конюхомъ, которому поручено чистить серебряныя копыта его стараго Рустана?

Да, да! Тѣ, которые сидятъ въ Кронбургѣ, ненавидятъ его, они не понимаютъ его, да и не могутъ понять. Но вѣрный его народъ въ горахъ, голубоглазый народъ, для котораго онъ былъ богомъ? Только по грудѣ ихъ труповъ можно будетъ войти въ замокъ, онъ увѣренъ въ этомъ!

Они принесутъ послѣднія ружья изъ своихъ хижинъ, достанутъ послѣдніе топоры съ своихъ дворовъ и поспѣшатъ изъ своихъ норъ на его защиту и сложатъ въ окопахъ свои головы за герцога! Онъ представлялся себѣ въ этотъ день, въ этотъ рѣшительный часъ, настоящимъ героемъ, въ первый разъ—военнымъ героемъ!

И его замокъ святого Грааля представлялся ему теперь неприступнымъ для злыхъ силъ, живущихъ тамъ, въ глубинѣ.

Они придутъ сюда, и онъ встрѣтитъ ихъ, какъ встрѣчали своихъ враговъ, измѣнниковъ Неронъ и Калигула, Иванъ Грозный, султаны османскаго царства. О, онъ такъ ждетъ ихъ прибытія. Они должны узнать, кто царствуетъ надъ этимъ золотымъ царствомъ, кто повелитель этой задохнувшейся равнины.

— Узнаютъ они горнаго орла!

И онъ смѣялся отъ какого-то дикаго сладострастія.

Онъ придумаетъ для нихъ такія пытки, какихъ не сумѣлъ еще придумать ни одинъ государь и какихъ не придумаетъ и послѣ ни одинъ изъ нихъ. Онъ броситъ ихъ тѣла въ пищу дикимъ птицамъ своихъ горъ, украситъ стѣны замка вѣнкомъ изъ ихъ окровавленныхъ головъ, вырветъ еще при жизни ихъ фальшивые языки и прикажетъ ихъ жарить долго, долго на очагѣ своего дворца. Да, непремѣнно. Пусть только они придутъ. Блуманнъ-фонъ-Брандтъ, этотъ человѣкъ съ лицомъ хищной птицы, котораго онъ ненавидѣлъ, вотъ онъ-то и придетъ! Онъ будетъ держать его въ клѣткѣ, какъ дикаго звѣря, и будетъ его пытать, пытать каждый день, пока смерть отъ руки палача не покажется ему истинной милостью. Такъ онъ поступитъ со всѣми тѣми, которые отважутся посягнуть на величіе его личности, на его высокое положеніе, на него, помазанника Божія, государя, который царствуетъ самодержавно!

— Ха, ха, ха!—громко разсмѣялся онъ.

Онъ былъ одинъ. И все-таки пусть они придутъ, здѣсь, въ неприступномъ замкѣ, онъ готовъ ихъ встрѣтить!

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1913 году

(ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» издается въ 1913 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать три года (1880—1912).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **«Т-ва А. С. Суворина—Новое Время»** (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **«Т-ва А. С. Суворина—Новое Время»**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СПОЛАТБОГЪ.

ЖЕНА МИНИСТРА.

(Романъ [1]).

X.

Съ ЭТОГО вечера не только наружная, но и вся внутренняя жизнь Елены совершенно измѣнилась: проснулась дремавшая, кѣмъ-то убаюканная страстная натура, забурлила кровь, ударила тысячью молотовъ, застучала въ сердцѣ, и горячій пожаръ охватилъ мозгъ до сихъ поръ уравновѣшенной, спокойной женщины. Елена стала неузнаваема; въ ней ожилъ каждый фибръ, она вся рвалась навстрѣчу горячему солнцу, сжигающему, палящему, прекрасному своей мощной непосредственной силой. Проснувшійся бѣсъ дразнилъ всѣхъ окружающихъ своей дерзкой, вызывающей смѣлостью, своей счастливой свободной мыслью, и прошло очень немного времени, какъ отношенія Елены къ Башилову сдѣлались достояніемъ общества; она же со своей непосредственно свободной, прямой натурой не искала ширмъ для огражденія своего имени отъ пересудовъ.

Людомирова была внѣ себя. Назначеніе Башилова товарищемъ министра еще разъ доказало ей, что Елена всегда останется самостоятельно мыслящей и дѣйствующей; желая вредить ей, она всего больше вредила себѣ, играя смѣшную роль неудачно мстящаго

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 449.

врага. Теперь она вознаграждала себя тѣмъ, что направо и налѣво разсказывала, якобы съ добродушнымъ юморомъ, продѣлку Елены по отношенію Рихтера, котораго она, Людомирова, будто бы всегда такъ высоко цѣнила, что готова была сама просить министра объ его назначеніи, но довѣрилась Еленѣ, которая такъ горячо взялась помочь ей въ этомъ дѣлѣ, и вдругъ оказалось... Людомирова громко хохотала, затѣмъ внезапно переходила на серьезный тонъ и выражала глубокое сожалѣніе, что бѣдная Елена такъ неумѣло отдала свое чувство человѣку, на совѣсти котораго немало пятенъ; она упоминала имя Любови Ивановны и безвременно погибшей Данцовой. Ей пришло въ голову поговорить однажды на эту тему съ самой Еленой, но вмѣсто сконфуженнаго лица на нее прямо глядѣли загорѣвшіеся искристымъ смѣхомъ глаза.

— Да ты, Мариша, говори безъ предисловій: что ты хочешь знать? Люблю ли я Башилова? Да, люблю и не скрываю.

— Такъ выходи за него замужъ...

— Еще не хочу.

— Но вѣдь это же скандально. Богъ знаетъ, что говорятъ о тебѣ: что ты въ связи съ нимъ...

— Пусть говорятъ. А если бы и въ связи?—я свободна.

— Не проще ли тогда обвѣнчаться? Или ты ждешь, пока пристроишь его на мѣсто Ивана Ларіоновича?

— Браво, Мариша, ты угадала: не иначе, какъ жена министра!

— Смотри, не промахнись...

Съ этого дня съ улыбкой ироніи Людомирова не иначе называла Елену, какъ «жена министра»; это прозвище какъ-то сразу привилось. Чтобы не сказать «любовница Башилова», общество забавлялось съ ноткой насмѣшки величать ее женой будущаго министра.

Огорченный и раздосадованный баронъ нѣсколько разъ принимался урезонивать Елену, прося ее щадить свое доброе имя передъ злоязычной толпой. Елена негодовала.

— Молчите, баронъ, ради Бога, молчите и слушайте, что я вамъ скажу: никогда, слышите ли, никогда не подарю я клочка моего счастья въ угоду всей этой сѣрой толпѣ. Я счастлива, я пьяна, пьяна до потери своего я, потому что я люблю... наконецъ-то я люблю! Что вы хотите, чтобы я сдѣлала: вышла за него замужъ? Да, да, но не сейчасъ. Пусть пройдетъ этотъ бѣшеный угаръ, который туманитъ мнѣ разсудокъ. Такая, какъ я сейчасъ, я могу быть любовницей и хочу быть только ею. Вѣдь вы, мужчины, съ вашими узкими моралями, ползаете и пресмыкаетесь у такихъ любовницъ, какой я стала сейчасъ, но женъ съ такимъ вулканомъ вы бросаете къ своимъ ногамъ, смотрите на нихъ сверху внизъ и ставите себя въ роль владыки, господина, благосклонно принимающаго этотъ заслуженный пожаръ любви. О, я васъ знаю всѣхъ, потому что сама никогда не любила, а только наблюдала. Теперь—

я любовница, я дарю мою любовь, потому что я свободна и вольна подарить ее кому угодно, и тотъ, кого я выбрала, гордится ею и трепещетъ отъ страха, чтобы не потерять ея. Но съ момента, какъ я стану законной женой,—моя страсть обезцѣнится. Страсть любовницы—завидный и цѣнный товаръ, не всякому доступный, страсть жены—вещь для домашняго обихода, обезцвѣченная, подчасъ докучливая... И вы думаете, что я такъ глупа, что собственной властью выну драгоцѣнный камень изъ дорогой оправы и брошу ее въ мусоръ? Никогда! Пусть пройдетъ угаръ и охладится кровь, тогда бодро взгляну въ глаза любовнику и если найду въ ихъ глубинѣ залогъ дружбы и уваженія къ себѣ, то не побоюсь итти рука объ руку, какъ равная ему подруга, напоминающая ему изрѣдка, что я могу быть и любовницей моего мужа, но не иначе, если сама этого захочу. Понимаете ли вы теперь, почему я не хочу быть женой Башилова? Потому, что я пьяна, и разсудокъ мой помраченъ.

— Да, я это вижу: вы захлебнулись; но берегите себя, чтобы и въ роли любовницы этотъ человѣкъ васъ не обезцѣнилъ.

— Что такое? Что вы сказали? Баронъ, я хочу знать, что вы думаете? Объясните, что значитъ эта фраза.

— Mon ange, что бы я ни говорилъ вамъ теперь, это безполезно; пусть вамъ покажется страннымъ, но мнѣ очень больно, что вы потеряли ваше обычное равновѣсіе въ объятіяхъ именно этого несимпатичнаго мнѣ человѣка.

— Но почему? Чѣмъ онъ провинился передъ вами?

— Ничѣмъ, и все-таки онъ мнѣ антипатиченъ.

— Милый баронъ, это ревность.

— Не только ревность...

Жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ, но Елена совершенно отошла отъ нея и въ своемъ любовномъ экстазѣ витала надъ жизненной пошлостью и прозой, не замѣчая ея, отдаваясь счастью любить и быть любимой. Она не видѣла, какъ постепенно расползалась злая молва, опутывая ея имя за то, что она смѣло и высоко держала знамя любви, не ища снисхожденія у толпы, не прячась за лживыя ширмы. Смѣлыхъ люди не любятъ потому, что они напоминаютъ имъ ихъ слабость; они любятъ роль покровителей, прощающихъ якобы содѣянныя противъ нихъ ошибки; это даетъ обманчивую иллюзію силы. Елена оказалась слишкомъ дерзка, и ее наказывали злословіемъ и насмѣшливымъ порицаніемъ. Языкъ развязался даже у самыхъ сдержанныхъ, и однажды въ присутствіи Орлова было безцеремонно говорено объ Елениной связи съ Башиловымъ и другихъ подробностяхъ ея жизни.

Случилось это такъ. На Англійской набережной, въ просторной квартирѣ холостого сановника собралась небольшая компанія мужчинъ, друзей и знакомыхъ хозяина. Очень обширный кабинетъ, сплошь устланный по полу и стѣнамъ прекрасными восточными ков-

рами, былъ обставленъ съ умѣлымъ комфортомъ располагающаго хорошими средствами человѣка. На двухъ низкихъ восточныхъ диванахъ были разбросаны кожаныя и громадныя шелковыя подушки. Великолѣпный секретеръ краснаго дерева съ бронзой, массивный и стильный, съ откидывающейся письменной доской такого же стиля столъ и вокругъ стулья—останавливали на себѣ вниманіе любителя старины. Громадное полотно въ широкой золоченной рамѣ занимало одну изъ стѣнъ; это была работа извѣстнаго стариннаго мастера французской школы, изображавшая обнаженную, прекрасную, въ дѣйствительный ростъ нимфу у пруда и приближающагося къ ней фавна. Картина была съ двухъ боковъ ярко освѣщена и притягивала къ себѣ взоры. Нагая нимфа, съ распущенными золотистыми волосами, съ пышными упругими грудями, съ розоватыми пятнами стройныхъ нервныхъ ногъ, была соблазнительно прекрасна. Очевидно, хозяинъ былъ любитель «nudité», и, кромѣ нимфы, на стѣнахъ красовались еще двѣ-три полотна того же жанра.

Посреди кабинета свитскій генералъ съ длинными сѣдыми усами и живыми карими глазами раскатисто смѣялся, слушая плотнаго и подвижного инженера, умѣвшаго разсказывать съ серьезнымъ видомъ самыя смѣшныя вещи. На тахтѣ, полулежа и протянувъ ноги въ элегантныхъ лакированныхъ ботинкахъ, красивый брюнетъ съ глазами слегка навыкатъ курилъ сигару и сосредоточенно разглядывалъ нимфу, висѣвшую противъ.

— Павелъ Игнатьевичъ, un jour constater le vol de votre belle nymphe—sachez que c'est moi le voleur [1]),—обратился онъ къ хозяину дома.

— Cher ami, оставьте мнѣ на старости лѣтъ хоть эту иллюзію женщины; il ne me reste que ça! [2]). Отдайте мнѣ одно изъ вашихъ свиданій съ живой женщиной со всѣмъ пыломъ вашихъ лѣтъ, и я пожертвую и нимфой, и моимъ положеніемъ, и всѣми регаліями,— съ легкой грустью въ голосѣ отвѣчалъ хозяинъ, большого роста сухощавый старикъ съ зачесанными назадъ длинными прядями сѣдыхъ волосъ, мигающими близорукими и добродушными глазами, слегка глуховатый, съ мягкимъ тембромъ пѣвучаго голоса; страдающій подагрой, онъ добродушно острилъ и надъ своей старостью, и надъ старческими недугами. Радушный хозяинъ, онъ умѣлъ и любилъ принимать гостей, и у него часто и запросто собирались поіграть въ карты, покурить тонкія сигары и выпить хорошаго, дорогого вина. Въ сосѣдней комнатѣ—просторной библіотекѣ—усаживались за карточный столъ; въ ожиданіи партіи небольшого роста

---

[1]) Если вы когда-нибудь замѣтите исчезновеніе вашей прекрасной нимфы, знайте, что воръ—я.

[2]) Мнѣ остается только это.

брюнетъ съ просѣдью, viveur и страстный любитель женщинъ, наигрывалъ на роялѣ модный шансонеточный мотивъ. Генералъ Орловъ перелистывалъ, стоя неподалеку отъ двери, великолѣпное изданіе заграничнаго журнала; изъ кабинета его не было видно.

— Ah, le Beau-ris...—раздался возгласъ хозяина навстрѣчу входившему тучному толстяку съ бритой обрюзглой физіономіей и мясистыми отвислыми губами. Это былъ извѣстный собиратель новостей, сплетенъ, беззастѣнчивый разсказчикъ самыхъ скабрезныхъ анекдотовъ, гастрономъ, циникъ и милліонеръ.

— Пріѣхалъ къ тебѣ, Павелъ Игнатьевичъ, отдохнуть отъ вина и женщинъ; куда ни поѣдешь сегодня—или пьютъ, или съ женщинами возятся, чортъ знаетъ, что такое! Здравствуйте, генералъ... давненько не видались; третьяго дня поджидали васъ въ Англійскомъ клубѣ для партіи въ бриджъ, а вы не изволили пожаловать.

— Да, да... Вотъ и сегодня не попалъ.

— А я прямо оттуда. Слышали новость? На мѣсто товарища министра назначенъ какой-то Башиловъ.

— Это кто такой?

— А чортъ его знаетъ! Какъ и всегда, безсмысленное назначеніе. Опять кто-то ногу подставилъ Александру Александровичу Рихтеру. Очень жалко.

— Да, Рихтеру ходу не даютъ, а ему давно пора бы дать портфель министра: государственный умъ, хоть и шельма,—добродушно отозвался хозяинъ.—Откуда этотъ Башиловъ взялся?

— Hystoire de femme [1])...—продолжалъ толстякъ, грузно усаживаясь въ кресло.—Говорятъ, это любовникъ Елены Павловны Карцевой; она его тащитъ за уши, lui fait la reclame [2]), онъ ей обязанъ этимъ назначеніемъ.

— Да вѣрно ли это?

— Съ двухъ сторонъ слышалъ... Карцева ловкая и умница, знаетъ, гдѣ сказать, гдѣ улыбнуться, гдѣ приласкать... elle doit être joliment vicieuse [3])... я кое-что слышалъ объ ея похожденіяхъ въ Парижѣ... Пикантная, очень пикантная бабенка... Башиловъ, видно, не дуракъ, толкъ понимаетъ. Mais savez-vous ce qu'on raconte de cette liaison [4])?

Толстякъ перегнулся въ сторону сидящаго на диванѣ брюнета и вполголоса началъ разсказывать ему всѣ сплетни, ходившія насчетъ Елены. Орловъ, стоявшій за дверью и слышавшій весь разговоръ отъ слова до слова, чуть не выронилъ отъ волненія книгу, страшно поблѣднѣлъ и, не будучи въ силахъ владѣть собой,

---

[1]) Замѣшана женщина.
[2]) Рекламируетъ его.
[3]) Она должна быть очень порочна.
[4]) Знаете ли вы, что говорятъ объ этой связи?

вскорѣ распростился съ хозяиномъ и, весь дрожа отъ гнѣва и обиды, поѣхалъ прямо къ Еленѣ. Страшно нервный, впечатлительный, вспыльчивый и не справляющійся съ собой въ проявленіяхъ гнѣва и печали, онъ совершенно обезумѣлъ отъ неожиданно раскрывшейся передъ нимъ тяжелой картины Елениныхъ къ нему отношеній; не ожидая доклада, онъ вошелъ въ маленькую гостиную, гдѣ она въ эту минуту писала записку Башилову, полную жгучихъ выраженій своего любовнаго экстаза. Орловъ остановился въ дверяхъ и, чувствуя, какъ подкашиваются его ноги, схватился за притолку.

— Боже мой, что случилось? Вы больны?—тревожно поднялась со своего мѣста Елена.

— Я раненъ... смертельно раненъ...

Елена не поняла истиннаго смысла словъ и въ ужасѣ бросилась къ нему. Онъ слегка отстранилъ ее рукой.

— Душевно раненъ.

Елена поблѣднѣла. Она ожидала этой развязки, содрогалась при мысли о ней и изъ чувства жалости оттягивала неминуемо-тяжелое объясненіе. Оба молчали. Орловъ смотрѣлъ на нее скорбнымъ, полнымъ упрека и отчаянія взглядомъ.

— Неужели это правда?..—наконецъ тихо проговорилъ онъ. Елена закрыла глаза и закусила губы, не рѣшаясь нанести самый страшный, рѣшительный ударъ: въ его вопросѣ еще чуялась надежда.

— Вы молчите? Такъ это, значитъ, правда?..

— Да...

— О, Боже!—Орловъ закрылъ лицо руками, пошатнулся и вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ. Еленѣ съ трудомъ удалось усадить его въ кресло. Онъ рыдалъ неудержимо, захлебываясь, не находя силъ справиться съ горемъ. Прошло много мучительныхъ минутъ. Блѣдный, какъ полотно, съ дрожащей челюстью, онъ хотѣлъ подняться, чтобы уйти, но страшная слабость сковала его члены, и онъ безсильно вновь опустился въ кресло.

— Что вы сдѣлали съ моимъ сердцемъ? За что вы такъ глумились надо моей любовью? Я вѣрилъ въ васъ, какъ въ идеалъ, какъ въ святыню, а вы... вы только развратная женщина...

— Михаилъ Михайловичъ... что вы говорите...

— Да, вы жестокая и развратная женщина... Я все слышалъ и все узналъ. Въ то время, какъ я до поздней ночи молился передъ вашимъ портретомъ, считая васъ чистой, далекой отъ плотскихъ желаній, странной, но честной и благородной натурой, въ то время вы посѣщали холостую квартиру этого пьяницы-мальчишки, цѣловались съ нимъ, не маскируя своихъ отношеній, и одновременно вели интригу съ барономъ, имя котораго повсюду соединяется съ вашимъ; вѣдь, я васъ спрашивалъ... вы солгали, и я повѣрилъ...

— Я не лгала.

— Вы лгали… я вамъ больше не вѣрю, потому что въ своемъ жестокомъ глумленіи надъ моимъ святымъ идеаломъ вы заставили меня просить и хлопотать о вашемъ… не знаю, которомъ по счету любовникѣ, и я просилъ въ угоду вамъ, вѣря, что исполняю просьбу несчастной Евгеніи Михайловны, которую этотъ подлецъ бросилъ, не знаю ужъ теперь, съ вашего или безъ вашего вѣдома… Вы безпощадно толкнули ее въ могилу, какъ толкаете теперь и меня… О, пусть будетъ проклятъ ужасный день нашей встрѣчи!.. Вы убили во мнѣ всѣ чувства и желанія; я, какъ песъ, смотрѣлъ въ ваши глаза, готовъ былъ лизать слѣды вашихъ ногъ… Вы чудовищны… Парижъ, Pierre Paquin и всѣ эти притоны разврата, и ваше безстыдство,— теперь я все понялъ… въ груди моей я отогрѣвалъ змѣю… Боже, Боже, нечѣмъ жить, мнѣ нечѣмъ жить теперь, убито все!..

Орловъ былъ страшенъ. Мертвенно-блѣдный, худой, длинный, съ голымъ, трясущимся отъ волненія черепомъ, съ искаженнымъ отъ страданія и безсильной злобы лицомъ, онъ подошелъ къ Еленѣ и, тяжело дыша, уставился помутившимся взглядомъ въ ея широко открытые отъ ужаса глаза.

— Прощайте… Я васъ проклинаю…

Елена не слышала и не видѣла, какъ онъ вышелъ. На нее напалъ столбнякъ. Схватившись за голову, она въ позѣ внезапно поразившаго ея ужаса долго стояла окаменѣлая, точно лишилась разсудка. Вдругъ изъ устъ ея вырвался крикъ отчаянія: медленно, медленно, сперва въ туманѣ, потомъ яснѣе и отчетливѣе выплылъ нѣжный, прелестный обликъ маленькой маркизы съ картинъ Watteau въ бѣломъ парикѣ, съ мушкой на щекѣ, съ безжизненно свѣсившейся рукой и протянутыми вдоль дивана кокетливыми ножками въ голубыхъ туфелькахъ, которыя, не успѣвъ сдѣлать и перваго па менуэта, кѣмъ-то спугнутыя съ жизненнаго пира, покорно и безстрашно перешагнули таинственную черту невѣдомаго міра. Еленѣ показалось, что проклятіе изступленнаго въ своемъ горѣ старика легло на ея голову всей тяжестью суровой мести. Ночью у нея сдѣлался сильный бредъ и жаръ; это спасло ее отъ новаго страшнаго удара: утромъ разнеслась вѣсть о внезапномъ самоубійствѣ Орлова. Онъ застрѣлился поздней ночью, сидя въ своемъ кабинетѣ передъ письменныхъ столомъ, не оставивъ никакой записки, никакого указанія на причину смерти.

XI.

Было около семи часовъ вечера, когда Башиловъ, бодро, однимъ махомъ взбѣжавъ по своей лѣстницѣ, поспѣшно сбрасывалъ на руки лакея пальто.

— Переодѣться и давать обѣдъ,—почти машинально произнесъ онъ обычную фразу, весь погруженный въ дѣловыя мысли и пере-

живанія минувшаго дня. Съ момента назначенія товарищемъ министра у Башилова точно выросли крылья: онъ ощущалъ подъ ногами твердую почву, и пространство, отдѣлявшее его отъ головокружительныхъ высотъ величія и власти, казалось ему теперь такъ ничтожно, что онъ съ улыбкой представлялъ себѣ тотъ гордый и рѣшительный взмахъ крыльевъ, которымъ онъ его уничтожитъ. Во взглядѣ его прищуренныхъ близорукихъ глазъ появилось новое дерзновенное выраженіе, а въ интонаціяхъ голоса—металлическая нотка; осанка сдѣлалась внушительнѣе, движенія плавнѣе. Башилову стало казаться, что его личность внушаетъ окружающимъ глубокое удивленіе и преклоненіе, а въ подчиненныхъ—почти раболѣпный страхъ. Ни своихъ промаховъ, ни снисходительнаго тона высшихъ онъ не замѣчалъ, не понимая, что на него смотрятъ, какъ на «мелкую сошку», какимъ-то фокусомъ взлетѣвшую наверхъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, что не только сдѣлать шагъ впередъ, но даже удержаться на существующей позиціи представляетъ для него громадную трудность.

Стоя передъ умывальникомъ въ уборной и обтирая полотенцемъ сильныя, съ короткими пальцами пухлыя руки, онъ съ удовольствіемъ припоминалъ какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, выслушавъ въ думѣ проектъ тюремныхъ преобразованій, онъ объявилъ его «непріемлемымъ», не подозрѣвая, что однимъ этимъ словомъ сталъ въ оппозицію съ людьми, съ которыми ему необходимо было ладить. Въ его мозгу постепенно развивались картина того суроваго и непреклоннаго политическаго строя, борцомъ за который онъ объявитъ себя.

— Распущенность... неуваженіе къ властямъ... не смягченіе тюремнаго режима, а тѣлесныя наказанія намъ нужны... я докажу, что только суровый и даже жестокій режимъ можетъ спасти расшатавшіеся устои историческихъ традицій...

Смѣнивъ мундиръ на домашнюю бархатную куртку, Башиловъ вошелъ въ кабинетъ; первое, что ему бросилось въ глаза,—это было три громадныхъ портфеля, лежавшихъ на полу подлѣ рабочаго стола и напоминавшихъ по объему небольшіе чемоданы; остановившись передъ ними, онъ даже слегка присвистнулъ, покачавъ головой: въ нихъ были бумаги, которыя сегодня же вечеромъ онъ долженъ былъ подписать для отправки завтра по всевозможнымъ инстанціямъ Россійской имперіи. На столѣ лежали кипы бумагъ, присланныя для прочтенія и резолюцій; нѣсколько телефонограммъ, запрашивающихъ, ждущихъ немедленнаго отвѣта. Одна изъ нихъ вызвала тѣнь на лицѣ Башилова; онъ нервно отодвинулъ мѣшавшее кресло и стоя принялся просматривать бумаги, лежавшія отдѣльно и предназначенныя еще три дня тому назадъ для отправки министру.

— Чортъ возьми, какъ это я могъ упустить!..—недовольно проговорилъ онъ вслухъ, перелистывая докладъ.

Пообѣдалъ Башиловъ наспѣхъ и разсѣянно: онъ обдумывалъ, припоминалъ и отмѣчалъ въ записной книжкѣ все, что требовалось выполнить безотлагательно. Послѣ обѣда онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимую усталость и на четверть часа съ сигарой во рту опустился въ глубокое мягкое кресло, на которомъ давно ли впервые сидѣла Данцова и, слегка краснѣя, излагала ему затрудненія своего бракоразводнаго дѣла. Башиловъ откинулъ голову на спинку кресла и закрылъ глаза; передъ нимъ потянулась вереница воспоминаній недавняго прошлаго, замелькали образы Любови Ивановны Бергъ съ ямочками на розовыхъ щекахъ и всегда улыбающимися пухлыми губами; чистая, преданная, смертельно раненая имъ Данцова и Елена—гордая, непреклонная, наконецъ подчинившаяся ему. Потомъ стали выплывать еще и еще образы какихъ-то другихъ женщинъ, сердцами которыхъ онъ игралъ мимоходомъ. Вѣки начинали тяжелѣть, дѣйствительность уплывала.

— Довольно... Надо работать!

Башиловъ стряхнулъ съ себя сонныя грезы, рѣшительно поднялся съ кресла, зажегъ большую электрическую лампу на рабочемъ столѣ и при видѣ всей груды бумагъ, предназначенныхъ для подписи на сегодняшній вечеръ, въ немъ сразу проснулась бодрость и сознаніе важности и отвѣтственности своего положенія. Работа закипѣла. Только скрипъ пера отъ безконечно повторяющагося одного и того же росчерка нарушалъ тишину обширнаго кабинета или вдругъ неожиданно врывался трескъ телефоннаго аппарата, стоявшаго тутъ же на столѣ. Башиловъ быстро снималъ трубку и, не отрываясь отъ дѣловой бумаги, боясь потерять хотя бы одну минуту, пробѣгалъ ее глазами и въ то же время давалъ лаконическіе, толковые отвѣты на всевозможные запросы. Были телефонады, которыя онъ рѣзко обрывалъ:

— Извините, голубчикъ, не могу съ вами бесѣдовать: у меня сидитъ секретарь по срочнымъ дѣламъ... цѣлую ваши ручки-съ...

Или же морщась и слегка раздражаясь:

— Сколько разъ, матушка, я просилъ тебя не тревожить меня вечерними звонками... Что такое?.. Какіе тамъ ужины!.. тащись на нихъ сама и съ кѣмъ хочешь... некогда, некогда... до свиданія-съ...—И онъ съ сердцемъ макалъ въ чернильницу перо.—Чортъ ихъ подери, этихъ бабъ!... Лѣзутъ, какъ піявки...

Часы бѣжали за часами. Въ столовой и одновременно въ кабинетѣ пробило три, а Башиловъ все еще сидѣлъ у стола, не допивъ остывшаго чая и почти не чувствуя усталости. И такихъ вечеровъ потянулась въ жизни Башилова цѣлая длинная вереница; личная жизнь отодвинулась на задній планъ, и только вспышки страсти отрывали его отъ дѣла на короткіе часы.

Когда Елена, оправившись отъ болѣзни, узнала о самоубійствѣ Орлова, ее охватилъ страхъ одиночества и ужасъ, что проклятіе

оскорбленнаго старика будетъ тяготѣть надъ всей ея жизнью. Потрясенная нервной болѣзнью, съ испуганнымъ взглядомъ въ расширенныхъ зрачкахъ, Елена, сильно ослабѣвшая, лежала цѣлыми днями на кушеткѣ, силясь читать или работать, но работа и книга валились изъ рукъ, и неотвязныя мысли давили мозгъ. Кромѣ барона, она почти никого не хотѣла видѣть; онъ, какъ всегда, крайне осторожный, избѣгалъ всякихъ разговоровъ на тему происшедшаго печальнаго событія, и ему удавалось иногда отвлекать ея мысли. Башилова она долго отказывалась принять, не находя въ себѣ силы приступить къ объясненію, которое могло привести ее къ полному душевному краху. При одной мысли, что изъ устъ Башилова она можетъ услышать подтвержденіе словъ оскорбленнаго старика, ею овладѣвало тупое отчаяніе. Орловъ ушелъ въ иной міръ, не оставивъ возможности выяснить, были ли его слова объ Евгеніи Михайловнѣ брошены въ минуту злобы, какъ предположеніе, или же какъ достовѣрный фактъ. Елена не могла совмѣстить гнусный и жестокій поступокъ съ личностью Башилова; все существо ея было во власти очарованія, которымъ непонятнымъ образомъ онъ сумѣлъ окутать и Елену, а могучая страсть, вдругъ всколыхнувшаяся въ до сихъ поръ дремавшей природѣ, держала ее въ такомъ плѣну, что она, не находя исхода отъ противорѣчивыхъ мыслей и желаній, рѣшила призвать къ себѣ наконецъ Башилова и покончить эту муку. Онъ пріѣхалъ по первому же зову. Болѣзнь Елены его огорчила, лишая его тѣхъ часовъ опьянѣнія страстью, которыя она ему дарила; она наполняла пѣнящійся кубокъ такъ, что вино широкой струей лилось черезъ край. Привыкшій владѣть женщинами, Башиловъ, насколько это было въ его натурѣ, былъ и самъ захваченъ могучей и непосредственной страстью, которой обдавала его Елена. Его поразилъ измученный видъ больной, и онъ сочувственно поглаживалъ ея блѣдныя и похудѣвшія руки. Она, плохо владѣя собой отъ волненія, закрывъ глаза, тихо лежала, тяжело дышала и едва внятно отвѣчала на вопросы. Но когда онъ, прижавъ обѣ ея руки къ губамъ, началъ покрывать ихъ поцѣлуями, она вся содрогнулась и тихо застонала: страсть, подобно яду, разлитому въ крови, начинала зажигать ее и туманить разумъ; ей стало ясно, что, если она сейчасъ не выяснитъ положеніе, то, отдавшись силѣ вновь овладѣвающихъ чувствъ, позже не найдетъ въ себѣ мужества взглянуть правдѣ въ глаза. Съ усиліемъ она отняла руки:

— Мнѣ надо съ вами говорить...

— Съ вами? Это что значитъ? Говори мнѣ ты.

— Хорошо, Володя, но я спрошу тебя нѣчто очень для меня страшное, и ты мнѣ отвѣтишь только правду.

— Объясненіе, значитъ? Изволь, отвѣчу правду, какъ и всегда это дѣлаю. Только, долженъ тебѣ сознаться, голубчикъ, что страсть

какъ не люблю всѣхъ этихъ объясненій съ женщинами. Изволь... изволь... я слушаю.

Елена молчала. Она страшилась отвѣта и сжимала въ подавляемомъ волненіи пальцы своихъ рукъ.

— Ну-съ. Въ чемъ же дѣло?—Башиловъ улыбался.

— Володя, мнѣ страшно задать тебѣ этотъ вопросъ, но я должна, наконецъ, знать правду... скажи: въ какихъ отношеніяхъ ты былъ съ Женей, съ моей несчастной подругой?

— То есть про какія собственно отношенія ты говоришь? Ей-Богу, я и отвѣтить затрудняюсь. Въ симпатичныхъ, если можно такъ выразиться. Я ей былъ кое-чѣмъ полезенъ, какъ сама это знаешь, въ дѣлѣ ея развода съ шалопаемъ-супругомъ, она даже преувеличивала мою услугу, ну, и была мнѣ признательна, благодарна,—ужъ не знаю, какъ это назвать. Славная была... Я и приударить былъ бы, пожалуй, не прочь и даже какъ-то рискнулъ однажды намекнуть ей нѣчто въ такомъ духѣ, но она очень рѣшительно отсадила меня, ну, я и успокоился: значитъ, не во̀-время попалъ; мѣсто занято. Да я, кажется, уже тебѣ докладывалъ на эту тему. Почему тебѣ пришла въ голову эта мысль?

— Я измучена ею, Володя... Въ моей душѣ такая двойственность по отношенію тебя, что, ты видишь, я больна... я ночи не сплю...

— Полно, моя дорогая, просто нервы расходились. И чего ради далась тебѣ эта мысль? Ну, если бы и былъ у меня романъ съ твоей Женичкой, такъ что же тутъ за грѣхъ? Лежалъ бы у ея ногъ, цѣловался бы съ ней и, вѣроятно, пропустилъ бы счастье обладать тобой. Чего же тутъ страдать и ночи не спать?

— Не то, не то... Передо мной неотступно стоятъ двѣ тѣни: Орлова и Жени... Орловъ за нѣсколько часовъ до смерти вѣдь былъ у меня. Это было нѣчто ужасное... Я причиной его смерти... Я не думала, что онъ до такой степени любитъ меня. Онъ былъ страшенъ, Володя... И его слезы, и его гнѣвъ были потрясающіе. Онъ сказалъ, что я была причиной смерти Жени, что ты ее бросилъ изъ-за меня... Боже мой, неужели это правда? Неужели я виновница ея отчаянія?..

— Поистинѣ старый дуракъ этотъ твой Орловъ. И сажаютъ же такихъ ословъ въ товарищи министра! Во-первыхъ, откуда онъ могъ бы знать о моихъ отношеніяхъ къ Евгеніи Михайловнѣ? Развѣ она была съ нимъ близко знакома?

— Нѣтъ. Встрѣчалась у меня.

— Откуда же онъ высосалъ всю эту ахинею? Сказалъ на зло тебѣ, чтобы отомстить.

— Онъ не способенъ былъ на ложь: это былъ рыцарь.

— А поступилъ не по-рыцарски. Да онъ въ какихъ же собственно отношеніяхъ состоялъ при тебѣ?

— Онъ меня страшно любилъ и, очевидно, не терялъ надежды, что я исполню когда-нибудь мое обѣщаніе быть его женой. Кто-то подслужился и открылъ ему глаза на наши съ тобой отношенія.

— Такъ-съ. Не смѣю тебѣ не вѣрить, но думаю, что если пустилъ сдуру себѣ пулю въ лобъ, то, вѣрно, ты его слишкомъ къ себѣ близко подпускала.

— Володя, прошу тебя вѣрить тому, что я говорю.

— Да я вѣрю, какъ не вѣрить, а все же довѣряться вамъ, женщинамъ, слишкомъ не слѣдуетъ, чтобы не попадать въ дурацкія роли. Орловъ, какъ никакъ, а прикончилъ съ собой, довѣрясь женщинѣ. Исторія, конечно, для тебя непріятная, но болѣть и ночи не спать, голубчикъ мой, изъ-за людской глупости не стоитъ. Ему бы на старости лѣтъ Богу молиться надо, а не за женскія юбки цѣпляться. А про Женю свою ты и думать оставь. Былъ бы романъ съ ней, повѣрь мнѣ, я бы давно повинную принесъ и сознался бы въ этомъ прелюбодѣяніи, какъ только ты въ сердце мнѣ заглянула. Пора тебѣ знать меня: я не терплю никакихъ двусмысленныхъ положеній, а ужъ съ женщинами и подавно; съ дѣтства меня учили, что у женщинъ гдѣ любовь, такъ и драма, а драмъ я боюсь ужасно, хуже чумы. Такъ вотъ-съ! Закончимъ на этомъ наше страшное объясненіе; отправь съ миромъ тѣнь безпокоящаго тебя старца и подруги, которая, повидимому, сдѣлала ошибку, отсадивъ меня; я бы былъ ей вѣрнымъ поклонникомъ и травиться не позволилъ бы, да она со мной этого и не захотѣла бы. Поправляйся, голубчикъ, вставай скорѣе и пріѣзжай ко мнѣ. Не только я, а и кабинетъ мой совсѣмъ по тебѣ стосковались...

Башиловъ опять цѣловалъ Еленины руки, и она, прислушиваясь къ горячему ощущенію его ласки, отгоняла страшныя сомнѣнія, и снова душой ея овладѣвала довѣрчивая любовь и гордость, что этотъ родной ея убѣжденіямъ и принципамъ человѣкъ ей близокъ и она ему дорога.

Вскорѣ послѣ объясненія съ Башиловымъ Елена была обрадована и тронута визитомъ Юрьева. Онъ узналъ объ ея болѣзни и пріѣхалъ къ ней вечеромъ, предварительно сговорившись, что у нея никого не будетъ.

— Боже мой, Юрочка, на кого вы похожи? Что вы сдѣлали съ собой?—съ горечью проговорила Елена, протягивая ему еще слабую и блѣдную руку. Юрьевъ опустился въ стоящее рядомъ съ диваномъ кресло.

— Пью, Елена Павловна. Море вина и водки выпилъ, а толку мало.

— Бѣдный вы мой, бѣдный. Видите, и меня буря подломила.

Юрьевъ, совершенно отошедшій отъ общества и проводившій все время въ кутежахъ и безшабашныхъ попойкахъ, ничего не зналъ

объ ея жизни и лишь смутно припомнилъ, что слышалъ вскользь о смерти Данцовой и Орлова.

Онъ былъ попрежнему красивъ, но сильная блѣдность, подпухшія вѣки и морщины между бровей дѣлали его красоту суровой и печальной. Глаза, слегка померкшіе, иногда вспыхивали лихорадочнымъ, возбужденнымъ огнемъ. Онъ поминутно курилъ и морщась часто хватался за сердце. Елена съ братской откровенностью разсказала ему все пережитое за этотъ годъ. Юрьевъ сумрачно слушалъ ее, опершись локтями о колѣни и опустивъ на руки голову. Въ волнистыхъ прядяхъ его красивыхъ волосъ начинала слегка серебриться сѣдина.

— Видите, Юрочка, что со мной случилось и какъ это все мало на меня похоже.

— Этого надо было ожидать, и я нисколько не удивленъ. Но что же будетъ дальше, какой конецъ?

— Это вопросъ, который неотступно стоитъ передо мной. Разумѣется, конецъ долженъ быть, но въ душѣ моей такое смятеніе, столько яду, что я не могу, какъ прежде, здраво и логично мыслить. Юрочка, я безконечно счастлива, что вы пришли ко мнѣ сегодня; помогите мнѣ спокойно разобраться съ собой и поддержите мой сбившійся съ пути духъ.

— Елена Павловна, взгляните на меня: вѣдь я самъ сбился съ пути и, какъ видите, лечу внизъ головой; мнѣ ли указывать вамъ дорогу! Вы и умница, и сильная, а я что?

— Не въ томъ дѣло. Мнѣ нужна сила вашей доброй и простой души; вы кутите и пьете не потому, что ваша душа мрачна и порочна, а потому, что вы страдаете, ваша воля временно убита, и у васъ нѣтъ энергіи поднять опустившіяся крылья вашей души.

— Вы его любите?

— Всѣмъ существомъ люблю.

— И вѣрите ему?

— Вотъ, вотъ онъ, страшный вопросъ, который я не въ силахъ была сама себѣ задать. Слова Орлова запали мнѣ въ душу и отравили ее ядомъ сомнѣнія; съ тѣхъ поръ, вспоминая массу мелкихъ подробностей, незамѣтно скользившихъ мимо меня, мое сомнѣніе растетъ, и моя любовь бьется со сломанными крыльями во мракѣ охватившей меня страсти. Вѣдь Женя отравилась внезапно, въ бальномъ платьѣ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать веселиться. Съ ней что-то случилось, какое-то горе неожиданно сломило ее. Страшная шарада. Какъ разгадать ее? Стоитъ Башилову заглянуть мнѣ въ глаза, какъ сила страсти заглушаетъ ропотъ сомнѣнія, и, слушая его увѣренную, бодрую, всегда веселую рѣчь, я вижу въ немъ то, что породило въ сердцѣ моемъ любовь къ нему: честную, прямую и сильную натуру борца. Но въ часы одиночества его образъ затуманивается и искажается тѣнью моихъ сомнѣній. Я могу все

понять и все простить, но любить человѣка съ кривой душой я не хочу... Юрочка, что вы думаете? Скажите, не бойтесь меня огорчить. Что бы ни было, а я должна найти исходъ, должна освѣтить всѣ эти темные углы.

— Что я думаю?... Мои слова будутъ жестоки, но я ихъ вамъ скажу: я узналъ по опыту, что если въ чувство любви заползетъ змѣя сомнѣнія, то это вѣрный признакъ, что...—Юрьевъ умолкъ, грустно покачавъ головой.

— Что любовь построена на болотѣ?...

— Да...—тихо отвѣтилъ Юрьевъ.

— Ужасно!... Юрочка, вѣдь это моя единственная въ жизни любовь. Я отдала ей всѣ силы моей души, я построила капитальное зданіе, и если оно рухнетъ—я банкротъ. Ничего... ничего ни вокругъ меня, ни во мнѣ. Я слечу въ пропасть внизъ головой и разобьюсь на смерть.

— Не слетите. У васъ сильныя крылья; вы—не я.

— Кто знаетъ! можетъ быть, я преувеличивала силу власти надъ собой. Но все-таки что же дѣлать? Какъ разрубить этотъ Гордіевъ узелъ? Какъ узнать то, что Женя унесла въ могилу?

Долго за полночь они вели грустную бесѣду; ихъ души, потонувшія въ одномъ морѣ страданія, были такъ близки и понятны одна другой, что мозгъ не искалъ словъ для взаимнаго утѣшенія: оно выливалось въ этомъ духовномъ соприкосновеніи, въ обоюдномъ пониманіи и сочувствіи. Закутившій, безпутный въ прожиганіи опротивѣвшей жизни, слабой волей человѣкъ былъ братомъ по духу и поддержкой въ горѣ всегда сильной, трезвой умомъ, уравновѣшенной женщины; вихремъ налетѣвшая страсть опутала ея волю и мозгъ, и она протягивала руки, ища поддержки у человѣка, котораго не такъ давно сама увѣщевала и отрезвляла.

Было рѣшено, что Елена разыщетъ вѣрную слугу-горничную Дашу, служившую много лѣтъ у Данцовой, и добьется отъ нея правды.

Юрьевъ сталъ чаще навѣщать Елену; попрежнему прячась отъ людей и затопляя въ винѣ и водкѣ свою сердечную тоску, онъ въ немногіе часы отрезвленія собиралъ остатки своей парализованной душевной силы, чтобы поддержать Елену. Она почти совсѣмъ оправилась отъ болѣзни, но сердце оставалось надтреснутымъ. Свои сомнѣнія и тоску она, подобно Юрьеву, заливала пьянствомъ, но не вина, а страсти, которую Башиловъ разжигалъ въ ней съ каждымъ свиданіемъ все сильнѣе и неудержимѣе. Елена говорила, что она чувствуетъ, какъ со всѣхъ пальцевъ его рукъ на нее устремляются горячіе электрическіе токи.

— Вы сгубите себя, Елена Павловна; на вашемъ лицѣ печать злой силы,—сказалъ ей однажды Юрьевъ, вглядываясь въ ея лихо-

радочно блестящіе глаза и поблѣднѣвшее лицо со вспыхивающимъ нервнымъ румянцемъ.

— Я въ чаду и знаю, что съ бѣшеной силой стремлюсь внизъ. Когда буду падать и разбиваться на смерть, будьте подлѣ меня, Юрочка: вѣдь я безнадежно-одинока.

Такъ прошло еще нѣсколько времени, какъ вдругъ подъ ногами Елены сорвался первый камень съ края той пропасти, въ которую она должна была упасть.

Вся закутанная въ черное, съ густой черной вуалью на лицѣ, она входила позднимъ вечеромъ въ кабинетъ Башилова, атмосфера котораго, казалось для Елены, была вся пропитана знойными желаньями.

Безъ улыбки, скользнувъ по ея лицу острымъ и холоднымъ взглядомъ, онъ молча поцѣловалъ ей руку и придвинулъ кресло.

— Садись. Я сильно разстроенъ и долженъ имѣть съ тобой очень серьезный и непріятный разговоръ. Въ искренности твоихъ отвѣтовъ, конечно, не сомнѣваюсь.

— Что за прелюдія? Ты меня пугаешь.

— Я имѣлъ сегодня утромъ бурную сцену съ сыномъ. Мальчишка ворвался ко мнѣ въ кабинетъ и со слезами объявилъ, что я причина нанесенныхъ ему товарищами оскорбленій. Они тамъ перессорились и, чтобы досадить, объявили сыну, что одинъ изъ нихъ знаетъ достовѣрно, будто въ обществѣ имя его отца служитъ мишенью злыхъ насмѣшекъ, такъ какъ моя служебная карьера не есть слѣдствіе заслуженныхъ трудовъ и энергіи, а дѣло рукъ ловкой любовницы. Что ты на это скажешь?

— Пока—ничего. Сынъ разсказалъ тебѣ подробности? Я могу ихъ знать?

— Разъ всѣ знаютъ, почему же тебѣ не знать. Мальчишка говоритъ, что этотъ товарищъ самъ слышалъ, какъ Рихтеръ съ большими подробностями расписывалъ наши съ тобой отношенія, въ которыхъ ты, главнымъ образомъ, играешь роль моей протектриссы, такъ какъ всѣмъ якобы извѣстно, что мѣсто директора департамента я получилъ благодаря хлопотамъ твоего поклонника Орлова, а товарища министра выхлопотала ты сама, подаривъ этому сластолюбцу Ивану Ларіоновичу нѣсколько страстныхъ улыбокъ, или ужъ тамъ не знаю чего еще. Объясненіе съ сыномъ окончилось тѣмъ, что я долженъ былъ его выгнать вонъ изъ кабинета. Желаю знать, что ты мнѣ отвѣтишь?

Елена, страшно поблѣднѣвшая, чувствуя приближающуюся страшную опасность, боролась съ нахлынувшими противорѣчивыми мыслями. Лгать она не умѣла. Оставалось подтвердить истину. Башиловъ, заложивъ руки въ карманы, нагнувъ слегка голову впередъ, смотрѣлъ сквозь пенснэ суровымъ, незнакомымъ Еленѣ взглядомъ и поразилъ на мгновеніе сходствомъ съ быкомъ, который,

весь насторожась, разставивъ ноги и пригнувъ рога, ждетъ перваго удара со стороны врага.

— Лгать не хочу. Твоему сыну сказали правду: и въ первомъ и во второмъ твоемъ назначеніи я была причастна. Но лишь насколько, чтобы навести Ивана Ларіоновича на мысль о тебѣ.

— Развѣ я тебя когда-нибудь просилъ о такой услугѣ?—сдерживая подступающее бѣшенство, спросилъ Башиловъ.—Ты обязана была спросить моего согласія.

— Это было бы слишкомъ наивно, Володя: ты бы согласія не далъ.

— Въ такомъ случаѣ, кто же далъ тебѣ право распоряжаться моей особой?

Сжатый кулакъ Башилова тяжело опустился на столъ, уронивъ хрустальную пепельницу.

— Ты съ ума сошелъ, Володя! Какъ ты смѣешь такъ разговаривать со мной?

Елена поднялась съ кресла и гордо закинула голову назадъ.

— Какое тутъ смѣешь или не смѣешь? Да вѣдь это же чортъ знаетъ, что такое! Этому словъ нѣтъ! Кто далъ вамъ, женщинамъ, право соваться въ мою службу, въ мою карьеру? Если каждая моя любовница будетъ на себя брать роли патронессы, то гдѣ же тогда моя заслуга, кто ее захочетъ признать? И безъ постороннихъ хлопотъ я получилъ бы оба назначенія; своей дикой выходкой ты дала возможность злымъ и мстительнымъ завистникамъ вродѣ Рихтера дискредитировать публично мои заслуги и обезцѣнивать мою личность. Благодарнымъ за подобную услугу я быть не могу; я чувствую себя въ положеніи человѣка, которому связали руки и плюнули въ лицо. Положительно, самая умная женщина опаснѣе круглаго дурака... Благо бы еще жена хлопотала, а то наше вамъ—любовница!...

При послѣднихъ словахъ Башилова кровь ударила въ голову Елены, и красные круги поплыли передъ глазами.

— Молчать!... Вы забываете, что эта любовница я и что если я сохранила за собой это названіе, то лишь потому, что я сама не хотѣла назваться вашей женой.

Елена быстро вышла изъ кабинета; молча, съ лихорадочной поспѣшностью накинула на плечи манто и, не чувствуя подъ собой ногъ, сбѣжала съ лѣстницы, сѣла на перваго попавшагося извозчика и, точно оглушенная ударомъ грома, вернулась домой, затворилась въ своей спальнѣ и безъ слезъ, съ тупымъ выраженіемъ отчаянія просидѣла всю ночь въ креслѣ.

На другой день Башиловъ былъ у нея. Онъ пріѣхалъ извиниться за сорвавшуюся съ устъ дерзость. Елена вышла къ нему съ осунувшимся и строгимъ лицомъ, молча выслушала короткое объясненіе, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея измѣнившемся,

застывшемъ лицѣ. Башиловъ какъ будто бы не замѣчалъ происшедшей въ Еленѣ перемѣны и сосредоточенно говорилъ о возникшемъ въ министерствѣ осложненіи по отношеніи думы, въ которомъ онъ сможетъ очень выдвинуться и показать свою дѣловитость, если ему удастся отпарировать несправедливыя нападки.

Елена, сидя въ креслѣ, опустивъ голову, переплетала свои тонкіе пальцы черными лентами шелковаго капота и продолжала упорно молчать, совершенно безучастная ко всему, что онъ разсказывалъ. Когда онъ кончилъ и, щурясь близорукими глазами, сталъ отыскивать свою шляпу, Елена медленно подняла на него испытующіе и печальные глаза.

— Володя, отвѣть мнѣ: правда ли, что ты былъ въ связи съ покойной Женей?

Башиловъ рѣзко обернулся всѣмъ корпусомъ въ ея сторону, и лицо его какъ-то вдругъ сразу потемнѣло.

— Да что съ тобой творится? Я говорю о дѣлѣ, а ты опять съ этими дикими вопросами ко мнѣ пристаешь? Въ концѣ концовъ тебѣ-то что за дѣло, съ кѣмъ и когда я былъ въ связи?

— А если Женя отравилась изъ-за тебя?

— Какъ Орловъ изъ-за тебя пустилъ пулю въ лобъ.

— Я его любовницей не была и не...

— Однако, матушка, довольно на эту тему; ты знаешь, что я не терплю давать отчеты, когда ихъ требуютъ съ такимъ лицомъ, какъ сейчасъ у тебя. Пожалуйста, безо всякихъ скорбныхъ трагедій и драмъ, я люблю женщинъ, когда отъ нихъ вѣетъ зноемъ, а не дождливой погодой. Радъ буду видѣть тебя, когда найдешь свое обычное настроеніе; я самъ слишкомъ разстроенъ всѣмъ, что узналъ вчера, чтобы умиротворять тебя и разсѣивать твои несуразныя мысли. До свиданія, мнѣ пора. Когда захочешь, переговоримъ по телефону.

Раздосадованный и хмурый, Башиловъ холодно поцѣловалъ руку Елены и вышелъ. Она такъ же безучастно, далекая недавнему прошлому, смотрѣла ему вслѣдъ и, медленно опустивъ голову на руки, долго и неподвижно сидѣла, объятая мракомъ и тоской.

XII.

Цвѣтокъ Елениной радости съ каждой новой встрѣчей съ Башиловымъ вялъ и терялъ свои пышныя, радужныя краски; лепестки грустно осыпались и сохли. Она чувствовала, какъ исчерпывалась въ ней та сила, которая, пробудясь и властно заявивъ свои права, такъ недавно еще вдохновляла все существо ея и окрашивала блескомъ солнечныхъ лучей дни ея жизни. И вдругъ все померкло. Хотѣлось протянуть руки, упасть на колѣни, плакать, просить, любить и... было не передъ кѣмъ. Солнце, которымъ сама Елена озарила образъ любимаго человѣка, померкло подъ тѣнью сомнѣ-

ній, и тотъ же образъ предсталъ передъ ней лишеннымъ живительной красоты, хмурый и обыденный. Въ минуту затопившей ея душу тоски Елена, не находя себѣ мѣста, ища хоть мимолетнаго успокоенія, однажды рѣшила поѣхать къ Юрьеву и, не предувѣдомляя, позвонила въ его передней.

— Георгій Александровичъ дома?

— Дома-съ... только не такъ... чтобы совсѣмъ здоровы,—запинаясь, отвѣтилъ лакей.

Елена прошла черезъ маленькую столовую и, слегка постучавъ въ дверь пріотвореннаго кабинета, остановилась на порогѣ.

— Можно къ вамъ?

— Кто тамъ? А, это вы, моя хорошая... Ну, и скверно же вы попали: я совсѣмъ швахъ... простите, что не встаю... весь разбитъ...

Елена подошла къ письменному столу, у котораго сидѣлъ Юрьевъ въ сѣрой теплой тужуркѣ, подперевъ голову одной рукой и тщетно силясь другой сбросить пепелъ съ нагорѣвшей папиросы. Онъ поцѣловалъ руку Елены и указалъ ей на кресло, стоявшее по другую сторону стола.

— Я радъ, что вы пріѣхали. Посидите со мной, если можете... Э-эхъ...—онъ неожиданно вздрогнулъ и поморщился.

— Что съ вами? Вы больны?

— Ну, да, боленъ... Развѣ вы не видите?

Юрьевъ кивнулъ головой въ уголъ стола. Елена взглянула по тому же направленію и сразу все поняла. Рядомъ съ пустымъ стаканчикомъ стояла бутылка водки, на половину опорожненная; тутъ же лежало надрѣзанное большое антоновское яблоко и костяной фруктовый ножикъ.

— Юрочка, вы пьете? Водку пьете?

— Мгм...

— Давно?

— Не все ли вамъ равно?..

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? Неужели у васъ нѣтъ силъ воздержаться? Вѣдь вы губите себя?

— Ну, и къ чорту... и пускай... Слушайте, я вамъ противенъ?.. я это понимаю, но вы все-таки не уходите... И вы сгубили чью-нибудь жизнь, нанесли рану разочарованія. Ну, такъ смотрите же, какъ гибнутъ люди изъ-за женщинъ. Я хочу, чтобы вы смотрѣли... Видите?

Юрьевъ налилъ водки, всталъ, слегка пошатнулся и, невѣрной рукой поднеся стаканчикъ ко рту, быстро его опорожнилъ; поморщился, грузно опустился въ кресло и, полузакрывъ глаза, сталъ дрожащей рукой отрѣзывать отъ яблока небольшой ломтикъ. Елена смотрѣла на него испуганными глазами, полными недоумѣнія, скорби и... брезгливости. Она и не подозрѣвала, что видѣть разумнаго, добраго, любимаго человѣка въ такомъ живот-

номъ, унизительномъ состоянiи—можетъ доставить ей столько страданiя.

— Зачѣмъ она стала на мой путь?—бормоталъ Юрьевъ:—зачѣмъ скомкала и разбила всю мою жизнь?.. Я этого не хочу... я хочу забыть ее, совсѣмъ забыть... Моя душа тоскуетъ... О, Господи!.. кому мнѣ отнести душу мою?..

Онъ неожиданно поднялся и, широко протянувъ руки въ пространство, тягостно вздохнулъ, но вдругъ зашатался, чуть не упалъ и повалился всѣмъ корпусомъ на столъ, какъ-то всхлипнулъ и, охваченный приступомъ кашля, съ лицомъ, налившимся кровью, весь содрогаясь, бился головой о скрещенныя на столѣ руки.

— Какой ужасъ!

Елена, безсознательно вставъ со своего мѣста, отошла въ сторону и, сжимая у подбородка похолодѣвшiе пальцы, смотрѣла на Юрьева глазами, изъ которыхъ медленно скатывались слезы... «И сотвори его Господь по образу и подобiю своему...» съ грустной иронiей прошептали ея губы.

Когда приступъ кашля прошелъ, Юрьевъ заплетающимся языкомъ началъ говорить такiя отвратительныя циничности, что Елена поспѣшила поцѣловать его въ голову и уѣхала, совершенно разбитая морально. Душу ее наполнилъ мракъ и одиночество. Вернувшись домой, она узнала отъ лакея, что Башиловъ просилъ увѣдомить его по телефону, когда она вернется, такъ какъ онъ желаетъ прiѣхать къ ней. Въ первый разъ она не откликнулась на его зовъ: велѣла лакею сказать, что она еще не возвращалась, въ случаѣ бы повторился телефонъ, и, пройдя въ свою комнату безъ словъ, безъ одного вздоха легла на кушетку и до глубокой ночи, неподвижная, погруженная въ безмолвiе и тишину, пролежала съ суровымъ взглядомъ устремленныхъ въ темноту глазъ.

На слѣдующiй день Елена узнала, что около двухъ часовъ ночи былъ телефонный звонокъ отъ Башилова, и лакей, согласно ея приказанiю, доложилъ, что она еще не возвращалась. Къ вечеру Башиловъ, какъ это случалось не разъ, прiѣхалъ безъ предувѣдомленiя. Елена приняла его все въ томъ же состоянiи какого-то моральнаго паралича.

— Ты какъ будто бы нездорова, голубчикъ? Что-то блѣдна...

— Я здорова.

— Вчера, значитъ, поздно легла. Я весь вечеръ порывался къ тебѣ; было около двухъ часовъ ночи, когда рискнулъ еще разъ позвонить, и все-таки тебя дома не было.

— Да...

— Ты гдѣ это кутила?

— У Юрьева была.

— Какъ? Въ два часа ночи у Юрьева была?

— Ну, такъ что жъ!..

— Да ты въ умѣ ли?

Елена молчала, глядя прямо передъ собой.

— Матушка, да ты, ей-Богу, ошалѣла.

— Володя, я свободна въ своихъ поступкахъ, въ нихъ порицать нечего; оставь этотъ тонъ, я его не допускаю.

— Ну, такъ и я не допускаю, чтобы моя любовница шаталась ночью по квартирамъ холостыхъ мужчинъ.

Башиловъ нагнулъ голову и поверхъ пенснэ уставился на Елену потемнѣвшимъ суровымъ взглядомъ. Она поднялась и молча направилась къ двери, желая уйти. Башиловъ быстро всталъ, преградилъ ей путь и крѣпко сжалъ кисть руки.

— Я желаю кончить этотъ разговоръ... Я этого требую..

— Я слушаю,—беззвучно отвѣтила Елена, сжимая скрещенные пальцы съ такой силой, что они хрустнули.

— Довольно я слышу о твоихъ романахъ на всѣ стороны: и Рихтеръ, и баронъ, и этотъ пьяница... Если желаешь сохранить мою любовь, то я требую полнаго и исключительнаго послушанія моей волѣ; впредь я запрещаю всѣ эти эксцентричныя выходки, дающія поводъ къ двусмысленнымъ пересудамъ въ обществѣ. Я не Орловъ и стрѣляться не буду... Коли предпочитаешь проводить ночи съ Юрьевымъ, то наши отношенія должны быть ликвидированы. Прошу надъ этимъ подумать. А пока прощай.

— Да... прощай...

Башиловъ ушелъ; глядя ему вслѣдъ, она чуть слышно прошептала:

— Ну, вотъ и кончено.

Почти безсознательно, съ тупой болью въ сердцѣ Елена прожила еще два дня, съ нетерпѣніемъ ожидая пріѣзда изъ деревни горничной Даши, которую послѣ долгихъ поисковъ ей-таки удалось найти: послѣ смерти своей любимой госпожи она проживала въ деревнѣ и, получивъ отъ Елены деньги на дорогу и письмо съ настойчивой просьбой пріѣхать для нужнаго дѣла въ Петербургъ, отвѣтила ей, что на этихъ же дняхъ выѣдетъ. Елена ожидала рокового съ ней объясненія съ холоднымъ предчувствіемъ послѣдняго и неотвратимаго удара. Она не знала, куда дѣвать себя, что съ собой дѣлать, какъ получила неожиданную записку отъ Юрьева:

«Голубушка, Елена Павловна, цѣлую вашу ручку и со слезами извиняюсь за ужасный вечеръ, который вы провели у меня. Простите. Я несчастный, погибающій человѣкъ. Вчера, неожиданно и безъ предупрежденій, ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ братъ Александръ. Онъ пробудетъ здѣсь недолго. Помните, я обѣщалъ васъ съ нимъ познакомить, сдерживаю слово. Пріѣзжайте, когда хотите. Я совершенно боленъ, лежу въ постели, но вѣдь вы добрая и не взыщете. Цѣлую еще разъ вашу ручку. Душой вамъ преданный другъ.

Ю. Юрьевъ».

На одно мгновеніе Еленѣ показалось, что свѣтъ ей ударилъ въ лицо. Въ ея меркнувшей жизни чья-то невѣдомая рука осторожно затеплила свѣтильникъ и манила слѣдовать за его трепетнымъ огонькомъ; и Елена съ тихой, нахлынувшей на нее радостью пошла за нимъ.

Ее провели въ небольшую спальню Юрьева. Небольшая комната была неярко освѣщена лампой съ зеленымъ абажуромъ; комодъ, умывальникъ, ломберный столъ у окна, диванъ, стулья все было очень просто и неприхотливо. Юрьевъ лежалъ, закинувъ руки подъ голову. Подлѣ него у самой кровати сидѣлъ братъ Александръ. Елена на секунду остановилась въ дверяхъ, чувствуя странное волненіе. Оба повернули въ ея сторону головы; Юрій привѣтливо улыбнулся, братъ поднялся со своего мѣста и почтительно ей поклонился.

— Саша, это Елена Павловна; мой единственный здѣсь другъ... я ее обидѣлъ на дняхъ...

— Слышалъ, слышалъ... не повторяй. Позвольте вамъ представиться.

Передъ Еленой стоялъ высокій, хорошо сложенный человѣкъ, очень похожій на своего брата, менѣе красивый, но съ прекраснымъ, умнымъ выраженіемъ блѣднаго лица, на которомъ лежалъ отпечатокъ многихъ думъ и душевныхъ страданій. Взглядъ былъ прямой, смѣлый и въ то же время необыкновенно ласковый, завоевывающій полную симпатію. Волосы съ сильной сѣдиной были густы и вились; на немъ была плотно застегнутая тужурка брата, манеры спокойны и сдержанны, голосъ низкій, съ мягкими, ласкающими нотками.

— Какъ я рада съ вами познакомиться,—сказала Елена, крѣпко сжимая протянутую ей руку.

— Благодарю васъ. И я радъ случаю встрѣтиться съ вами, такъ какъ знаю отъ брата о душевномъ участіи, которое вы ему выказываете.

— Да, мы другъ друга утѣшали въ минуты душевнаго разлада.

Александръ уступилъ Еленѣ свой стулъ, а самъ помѣстился тутъ же рядомъ подлѣ ночного столика, на которомъ стояла полная окурковъ пепельница, бутылка, стаканъ недопитаго бѣлаго вина и тарелка съ виноградомъ. У Юрьева лицо было блѣдно и истомленно: онъ потянулся за папиросами, тутъ же лежавшими въ открытомъ портсигарѣ; Александръ предупредительно подвинулъ ихъ ему и зажегъ спичку.

— Ты совсѣмъ не куришь?—обратился Юрій къ брату.

— Не курю, голубчикъ,—отвѣтилъ тотъ съ ласковой улыбкой.

— Отдохнули съ дороги?—обратилась Елена къ Александру.

— Да я не очень и усталъ.

Завязался мало значащій разговоръ, Александръ, по просьбѣ брата, распорядился, чтобы подали чай, придвинулъ къ кровати

небольшой столъ и, привѣтливо поддерживая разговоръ, поражалъ Елену своей простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчивой, спокойной манерой въ рѣчахъ.

— Мнѣ такъ странно видѣть васъ. Неужели вы тотъ самый братъ, о которомъ мы столько съ вами говорили, Юрочка?

— Да, Елена Павловна, онъ и есть тотъ самый. Мы съ нимъ всю ночь проговорили... Онъ счастливѣе насъ съ вами. Посмотрите, какіе у него спокойные, хорошіе глаза. У меня туманные, испитые, а у васъ печальные.

— Да, ваши глаза очень печальны, я это сразу замѣтилъ,—подтвердилъ Александръ.

— У меня страшная тоска въ душѣ.

— Тоска можетъ быть вѣрнымъ путемъ къ счастью.

— Счастье! Какой это обманчивый призракъ. А вы счастливы?—спросила Елена Александра.

— Я счастливъ, потому что спокоенъ душой, и если бы я могъ передать Жоржу хоть часть этого великаго покоя, я бы умеръ вполнѣ удовлетвореннымъ.

— Протяните и мнѣ вашу руку, выведите изъ мрака, окутавшаго меня со всѣхъ сторонъ.

— Моя рука слаба, но, конечно, я готовъ протянуть ее вамъ,—ласково отвѣчалъ Александръ.

Елена ожидала встрѣтить суроваго, нелюдимаго и молчаливаго аскета, и ясная, привлекательная высокообразованная и общительная личность Александра все больше и больше ее къ себѣ располагала. Съ нимъ говорилось легко и просто и такъ же легко молчалось.

— Вы допускаете чувство любви, то есть влюбленности, страсти?—спросила его Елена послѣ довольно продолжительнаго обмѣна мыслей.

— Въ себѣ или вообще въ людяхъ?

— И въ себѣ, и въ людяхъ.

— Въ себѣ я его не то, чтобы не допускалъ, а оно исчерпалось, всегда принося мнѣ много страданія, и я съ благодарностью къ судьбѣ поддерживаю въ себѣ это отсутствіе потребности въ любви. Меня, какъ разбитое, идущее ко дну судно, волна жизни готова была совсѣмъ поглотить и уничтожить, но волей невѣдомой намъ мудрой силы выбросила на иной, далекій берегъ, и я тамъ воскресъ, но для другой жизни, ничего общаго не имѣющей съ пережитой. Въ людяхъ же я не только признаю чувство любви, но считалъ бы святотатствомъ его исключить, какъ волю опять той же мудрой силы, создавшей насъ. Но не всѣ умѣютъ пользоваться этимъ благомъ въ должной мѣрѣ. Излишнія требованія любви ведутъ къ краху, и вотъ вамъ печальный примѣръ...

Александръ повелъ глазами въ сторону брата.

— Но тому, кто, какъ вы сказали, не умѣетъ разумно пользоваться любовью и кому это чувство приноситъ только страданіе и отчаяніе,—тому лучше отрѣшиться отъ него, не правда ли?—спросила Елена, пытливо глядя на Александра.

— Разумѣется. Если человѣкъ, подходя къ яствамъ, предается невоздержанности, переполняетъ желудокъ и обращается въ обжору, переходя естественную границу, положенную природой, то такому человѣку лучше поститься, чтобы не терять равновѣсія и не впадать въ губительную крайность. Каждый изъ насъ долженъ сообразоваться со своей чисто индивидуальной природой и нельзя обобщать и указывать одни и тѣ же пути къ спасенію разнымъ натурамъ. Я нашелъ свой путь, нашелъ свое счастіе и спокойствіе и готовъ помогать каждому, кто ко мнѣ подойдетъ, совѣтомъ и помощью, отъ меня зависящей, но указывать ему мой путь и толкать на него—я считалъ бы преступленіемъ, такъ какъ у каждой изстрадавшейся души свои, индивидуально свои, порвавшіяся струны, совершенно разныя отъ моихъ. Могу ли я измученной страданіемъ по блудномъ сынѣ матери сказать: «брось жизнь, отрекись отъ сына, приносящаго твоему сердцу однѣ муки, и уйди, затеряйся, какъ я, среди обездоленныхъ и нищихъ». Нѣтъ, этого сказать я не посмѣлъ бы, такъ какъ въ сокровищахъ материнскаго сердца блудный сынъ черпаетъ, быть можетъ, единственную силу, удерживающую его отъ конечной гибели, и ея жизнь разбилась бы отъ сознанія, что она покинула свое несчастное, гибнущее дитя, и никакая обильная любовь къ человѣчеству, никакая молитва не замѣнила бы ей страдающей, но природой вложенной во всѣ нѣдра ея материнскаго сердца любви къ сыну. Или же опять, посмѣлъ ли бы я, напримѣръ, вамъ—полной еще жизни, жаждущей счастья женщинѣ указать мой путь?

— Вы не знаете моей жизни, не знаете, что я совсѣмъ затерялась въ какой-то тьмѣ и ищу выхода, который спасъ бы меня отъ отчаянія.

— Повѣрьте мнѣ: это временное... вотъ братъ Жоржъ—тутъ другое дѣло: онъ дошелъ, что называется, до послѣдней черты отчаянія, какъ было и у меня, только въ другой формѣ. Во всей нашей семьѣ одинъ и тотъ же складъ, тѣ же струны; всѣ мы легко гибнемъ отъ отчаянія, и путь, ведущій насъ къ великому покою души, одинъ и тотъ же: отрѣшеніе отъ своего я для служенія низшему, обездоленному люду и полное отчужденіе отъ мірскихъ благъ. Такимъ натурамъ, какъ мы, нужны крайности для полнаго отрезвленія. Разскажите мнѣ вашу жизнь, и я постараюсь проникнуть въ вашъ духовный міръ и понять его.

Съ этого вечера Елена ежедневно и подолгу видѣлась и бесѣдовала съ Александромъ; онъ, какъ настоящій братъ милосердія, любовно и ласково врачевалъ ея больныя раны и открывалъ ей широкіе горизонты въ духовной области. Она переживала новую эру; постепенно раскрывалась невидимая до того дверь, и изъ нея лились

потоки живительнаго свѣта. Ея душой завладѣлъ новый учитель, и она слушала его тихія, спокойныя рѣчи, которыя баюкали наболѣвшее сердце и переутомленный разгоряченной фантазіей мозгъ. Ей хотѣлось сейчасъ порвать со всей прежней жизнью и слѣдовать по стопамъ своего учителя, но онъ ласково, но настойчиво упрашивалъ ее повременить, успокоиться, провѣрить себя и не предпринимать никакихъ рѣшеній, по крайней мѣрѣ ранѣе года. Онъ обѣщалъ поддерживать ее и писать ей, но требовалъ строгаго анализа каждаго новаго побужденія, чтобы, благодаря ошибкѣ и поспѣшности, не впасть въ заблужденіе.

Съ братомъ Жоржемъ было совсѣмъ иное. Энтузіазмъ и горячность Елены ясно свидѣтельствовали о ея жизнеспособности, о радости жизни, которая лишь на время, подъ давленіемъ тоски и разочарованій, затуманилась, тогда какъ у Жоржа полная инертность воли, полная атрофія всякихъ желаній и жизненныхъ запросовъ дѣлали его подобнымъ живому трупу. Откинувъ, по обыкновенію, голову на спинку кресла и скрестивъ ноги, онъ молча курилъ, пуская клубы дыма, и глядѣлъ куда-то въ пространство остановившимся взглядомъ, въ которомъ, казалось, не отражалось никакой мысли; но стоило попристальнѣе вглядѣться въ эти темные, отуманенные глаза, какъ становилось жутко: изъ нихъ глядѣло отчаяніе измученной, изстрадавшейся души.

— Жоржъ, о чемъ ты все думаешь? Ты бы попробовалъ думать вслухъ: тебѣ бы легче стало,—говорилъ ему иногда братъ.

— Не могу, Саша: на мои думы нѣтъ словъ; развѣ мертвые могутъ говорить? Такъ и я.

Съ пріѣздомъ брата онъ пересталъ пить, но состояніе трезвости доставляло ему мучительную борьбу съ собой, и онъ не скрывалъ этого; однако воздерживался, насколько могъ, въ угоду брату, къ которому вдругъ почувствовалъ глубокую, сердечную дружбу, смѣшанную съ чувствомъ уваженія, почти восхищенія. Ни онъ, ни Елена не ожидали найти въ далекомъ, суровомъ къ своимъ поступкамъ отшельникѣ столько разумнаго отношенія къ слабостямъ людскимъ, столько уваженія къ личности каждаго человѣка, хотя бы ничего общаго съ его воззрѣніями не имѣющаго. Онъ пріѣхалъ въ старенькомъ пальто, которое, какъ онъ съ улыбкой объяснялъ брату, занялъ у одного бѣднаго сельскаго учителя, оставивъ ему на время свою поддевку, и сдѣлалъ это, считая гордостью и мелочнымъ хвастовствомъ всякое стремленіе выдѣлиться наружнымъ видомъ изъ общей массы людей, въ кругъ которыхъ онъ входилъ. Вмѣсто простой, сѣрой фланелевой косоворотки, которая была на немъ, онъ надѣвалъ тужурку брата, и такъ какъ рукава были слегка коротки, то онъ удлинилъ ихъ крахмальными рукавчиками, что придавало видъ элегантности его стройной и красивой фигурѣ. Съ Еленой онъ говорилъ много и охотно о своей жизни и идеяхъ:

со всѣми другими, кто заходилъ къ Юрію, говорилъ очень мало, совершенно избѣгая всякихъ разговоровъ на эту тему, но былъ такъ простъ и привѣтливъ, что невольно располагалъ къ себѣ.

XIII.

Послѣ описаннаго свиданія Башиловъ съ Еленой больше не видѣлись. Онъ рѣшилъ, что она на него дуется, и хотя ему не разъ хотѣлось вызвать ее на примиреніе, однако онъ пересиливалъ себя, разсчитывая, что молчаніемъ онъ вѣрнѣе сломаетъ ея своевольный, мало подчиняющійся его требованіямъ характеръ и побѣда будетъ на его сторонѣ, когда она, истомившись, какъ это ужъ было однажды, его отдаленіемъ, вернется послушная и вполнѣ ему подчиненная. Тѣмъ временемъ пріѣхала изъ деревни бывшая горничная Евгеніи Михайловны Даша и прямо съ вокзала пріѣхала къ Еленѣ. Узнавъ о ея пріѣздѣ, Елена сильно взволновалась; все, какъ ей казалось, отошедшее вдаль, всколыхнулось; сердце забило тревогу, и она поняла, что въ немъ таится еще послѣдняя, какъ тлѣющая искра надежды, и даже почудилось, что всѣ сомнѣнія были одинъ болѣзненный бредъ. Послѣ первыхъ привѣтствій Елена, съ трудомъ владѣя собой, приступила къ тяжелому объясненію. Даша, опустивъ глаза, съ лицомъ, принявшимъ непроницаемо-каменное выраженіе, на всѣ вопросы покачивала головой и тихо отвѣчала:

— Не знаю, ничего не знаю, голубушка Елена Павловна... гдѣ мнѣ знать?

Тогда Елена, подойдя къ ней, положивъ ей руки на плечи и прямо смотря ей въ глаза, проговорила тономъ, въ которомъ дрожали слезы:

— Даша, да вѣдь я же все, все знаю... вѣдь Евгенія Михайловна дѣлилась со мной всѣми своими радостями и печалями; вѣдь я же понимаю, что изъ-за него, но... видишь ли, Даша... какъ бы тебѣ это объяснить? Словомъ, если бы Евгенія Михайловна могла, то она съ того свѣта сама бы мнѣ навѣрное разсказала всю правду; мнѣ ее надо знать, иначе, Даша, и я могу быть такъ же несчастна, какъ и она. Башиловъ хочетъ на мнѣ жениться. Ты понимаешь теперь.

— Онъ-то жениться? Не бывать этому, никогда не бывать! Жестокій онъ и безъ сердца человѣкъ. Мало ли слезъ изъ-за него моя барыня пролила?.. Что жъ!.. Тутъ самъ Господь развязываетъ мои уста, и покойница гнѣваться не будетъ, что нарушу свою клятву, чтобы спасти васъ отъ этого человѣка. Вѣдь я послѣ смерти барыни всю его подноготную узнала. Съ какими онъ только бабами ни вожжался: и актриски, и шантанки, и тутъ еще гадалка была, и кого хошь, всякое есть, а самъ-то передъ барыней строгой жизни человѣка изъ себя изображалъ. Сама разъ слышала, какъ порицалъ всякія интриги. И вѣдь какую надежду покойницѣ подавалъ! Женихъ, какъ

есть женихъ. Она, бѣдная, вѣрила, а все-таки, бывало, ночи напролетъ не спитъ и плачетъ. Ну, а ужъ дальше, такъ сталъ и церемониться поменьше, особливо какъ къ вамъ наѣзжать часто пристрастился. Я-то знала, а вѣдь ей, голубушкѣ, и невдомекъ.

И Даша слово за слово разсказала во всѣхъ подробностяхъ всю драму, пережитую Елениной подругой, включительно до разговора по телефону, который она слышала изъ сосѣдней комнаты. Елена все блѣднѣла и блѣднѣла. Ея сердце сжималось холодными тисками.

«Лгалъ, все лгалъ, всегда лгалъ,—мысленно повторяла она про себя, и вся содрогалась отъ чувства гадливости, отъ оскорбленія, что этому пошлому, ходульному лгуну она подарила первые лучшіе плоды своихъ расцвѣтшихъ чувствъ. Въ концѣ концовъ Даша обѣщала прислать ей сафьяновую двойную рамку, подаренную подругѣ Башиловымъ, въ которой были портреты его и Евгеніи Михайловны и которую Даша взяла себѣ на память, вынувъ изъ ночного столика госпожи, гдѣ рамка всегда хранилась. Она не осмѣлилась вынуть портретъ ненавистнаго ей Башилова, считая волю покойницы священной.

— Онѣ своими ручками вставляли, не мнѣ послѣ ихъ смерти разрушать ихъ дѣло.

Черезъ нѣсколько дней въ рукахъ Елены была сафьяновая рамка въ видѣ книжки; раскрывъ ее, Елена увидѣла съ одной стороны прелестную фотографію Евгеніи Михайловны въ бальномъ платьѣ, съ нѣжной улыбкой на полуоткрытыхъ устахъ; съ другой—фотографію Башилова, точно такую же, какъ онъ преподнесъ и ей. Елена осторожно выдвинула ее и прочла на обратной сторонѣ: «Любимой женщинѣ». Всѣ сомнѣнія исчезли, и сразу ее охватило холодное, враждебное спокойствіе. Вынувъ фотографію Евгеніи Михайловны, она запечатала рамку въ большой конвертъ и надписавъ на немъ: «возвращаю по принадлежности», велѣла отнести и отъ ея имени передать въ руки Башилову, не прибавивъ ни одного слова прощанія, упрека или сожалѣнія.

Александръ Юрьевъ помогъ Еленѣ стойко перенести послѣдній ударъ чувству, похоронивъ которое, она ощутила только моральную усталость: ей казалось, что надъ головой ея пронесся бѣшеный ураганъ, безжалостно смявшій ея сердце. Проводя большую часть времени въ обществѣ Александра, въ сферѣ его духовнаго величаваго спокойствія, она казалась себѣ уже чужой и далекой окружающей ее жизни; ей хотѣлось тишины, одиночества и покоя, хотѣлось новой, ничего общаго съ прошедшимъ не имѣющей жизни и, только благодаря его настойчивымъ просьбамъ, она не послушалась влеченія внутренняго голоса и не послѣдовала за нимъ.

— Духовная жизнь человѣка не можетъ развиваться скачками,— говорилъ онъ ей.—Не черезъ пропасть надо прыгать, чтобы быть

пришельцемъ того далекаго, иного берега, съ котораго говорю вамъ я и всѣ подобные мнѣ люди, разбитые жизненной бурей и отошедшіе въ нѣдра вѣковыхъ исканій великой мудрости. Надо шагъ за шагомъ, до смертельной усталости итти по узкой, извилистой тропѣ, итти безконечно долго, много страдать и лить слезъ отчаянія надъ теряющимся слѣдомъ, сбиваться съ пути и вновь его находить. И когда такого скитальца извилистая тропинка черезъ многіе годы уведетъ далеко отъ жизни, и онъ станетъ ей чужимъ, какъ давно умершій и ею позабытый, тогда онъ будетъ креститься, чтобы принять новое крещеніе, войти въ жизнь съ инымъ духовнымъ обликомъ; и тогда всѣ люди и вся ихъ жизнь глубоко войдутъ въ его душу и станутъ ему близкими, родными, безконечно милыми и любимыми. Будьте просты въ своихъ рѣшеніяхъ и не насилуйте волю судьбы вашей. Нѣтъ того жизненнаго пути, на которомъ человѣку не дано бы было совершить волю Создавшаго его.

Елена еще поддерживала связь съ обществомъ изъ чувства гордости; она была увѣрена, что ея разрывъ съ Башиловымъ вскорѣ станетъ достояніемъ всегда алчнаго ко всякимъ скандальнымъ новинкамъ свѣтскаго круга, и ей не хотѣлось играть роль замученной жертвы. Съ равнодушнымъ и строгимъ, не допускающимъ никакихъ намековъ лицомъ она посѣщала журфиксы и возвращалась съ нихъ раздраженная, ищущая забвенія въ одиночествѣ или въ бесѣдахъ съ братьями Юрьевыми.

Еленино предположеніе было вполнѣ основательнымъ: слухъ объ ея разрывѣ съ Башиловымъ началъ понемногу проникать въ общество. Людомирова не брезгала посредничества горничныхъ для удовлетворенія своего любопытства и для пищи къ интригамъ и, благодаря беззастѣнчивой нескромности челяди, ей удалось узнать почти всѣ подробности финала Елениной любви. Пользуясь правомъ подруги, она первая заговорила съ Еленой на эту тему.

— Повѣрь мнѣ, дорогая, какъ другъ, я могу только радоваться происшедшей у тебя сердечной катастрофѣ. Я много разъ предупреждала тебя, что Башиловъ мерзкій человѣкъ, относящійся къ женщинѣ съ циничной распущенностью; лжетъ на каждомъ шагу и вѣчно сухъ изъ воды выходитъ. Онъ воображаетъ, что всѣ женщины отъ него безъ ума. Благодаря Любѣ Бергъ, я многое о немъ знаю. Что ты въ немъ нашла? Вотъ уже не понимаю! Хвастунъ, не элегантенъ, совсѣмъ ужъ не такъ уменъ, въ гостиной очень теряетъ, образованъ неважно и съ прескверными манерами. Теперь ему наклеютъ носъ, и тотъ же самый Рихтеръ сдѣлаетъ это съ наслажденіемъ. Что бы тамъ ни было, а товарища министра онъ получилъ благодаря тебѣ; посмотримъ, какъ теперь будетъ? Я бы на твоемъ мѣстѣ его съ грязью смѣшала... онъ этого стоитъ!

— Къ чему? Теперь онъ мнѣ безразличенъ.

— Да, но этотъ господинъ способенъ про тебя чортъ знаетъ что разсказывать, онъ это ужъ и дѣлаетъ...

— Ахъ, Мариша, перестань мучить! Ну, пусть разсказываетъ, что хочетъ. Что я его любила? Такъ вѣдь это же правда...

Людомирова уѣхала отъ Елены очень раздосадованная: она ожидала застать ее въ состоянiи вражды, ненависти и желанiя мести своему недавнему любовнику, и была крайне разочарована полной ея апатiей ко всему недавно минувшему. Зато съ барономъ, съ которымъ Елена давно не говорила откровенно, потому что онъ, видимо, избѣгалъ ея, разговоръ былъ сердечнѣе.

— Вы все знаете, баронъ?—прямо спросила она его.

— Да, все.

— И что же: одобряете?

— Радуюсь.

— А вѣдь я страдаю.

— Это пройдетъ. Вы скоро опять вернетесь къ жизни и будете такая же радостная, какой васъ создалъ Богъ.

Елена грустно качала головой. На ея подробные и восторженные разсказы объ Александрѣ Юрьевѣ онъ досадливо поморщился.

— Ну, вотъ, теперь недоставало, чтобъ этотъ толстовецъ васъ сбилъ съ пути. Экая у васъ манера, mon ange, поддаваться впечатлѣнiю оптомъ! Я увѣренъ, что у васъ уже работаетъ фантазiя на эту тему. Берегитесь!.. Вы способны броситься изъ одной крайности въ другую: вакханка и монашенка въ васъ свободно уживаются...

Александръ, пробывъ съ своимъ больнымъ и несчастнымъ братомъ почти мѣсяцъ, мало-по-малу убѣдилъ его бросить службу и уѣхать съ сестрой къ нему въ Саратовскую губернiю, гдѣ онъ работалъ надъ устройствомъ новаго типа общежитiя. Такъ какъ Юрiй былъ слишкомъ слабъ, чуждался людей и ждалъ полнаго покоя, то Александръ предлагалъ устроить его въ одной далекой усадьбѣ, гдѣ, кромѣ его и сестры, такъ же, какъ и онъ, порвавшей связь съ мiрской жизнью, никто не будетъ нарушать его спокойнаго одиночества. Юрiй, совершенно безразличный къ жизни, согласился на просьбы брата, подалъ прошенiе объ отставкѣ и, ни съ кѣмъ не простясь, никому не сообщивъ о своемъ отъѣздѣ, уѣхалъ съ Александромъ, не зная куда и зачѣмъ.

Уступивъ просьбамъ своего учителя провѣрить и испытать себя вдали отъ людей, затворясь на годъ у себя въ имѣнiи, Елена вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда стала ранней весной собираться на добровольное изгнанiе. Сильно похудѣвшая, съ выраженiемъ сосредоточенной мысли на блѣдномъ лицѣ, она безшумно двигалась по комнатамъ, убирая всѣ мелочи своей роскошной квартиры, и ей казалось, что она уже шлетъ имъ навсегда прощальный привѣтъ.

— Какъ, вы уже уѣзжаете? Покидаете насъ?—неожиданно раздался однажды за ея спиной голосъ барона, на правахъ друга безъ доклада вошедшаго къ ней.

— Какъ вы меня испугали, баронъ! Садитесь... Да, я уѣзжаю.

— Такъ рано! И надолго?

— Не знаю.

— Елена Павловна, посмотрите мнѣ въ глаза: это что-то новое?

— Можетъ быть.

Штаденъ сѣлъ и нѣкоторое время молчалъ.

— Елена Павловна, а я пріѣхалъ съ вами поговорить. Можно?

— Конечно, можно.

— Такъ вотъ, сядьте и постарайтесь, слушая меня, забыть на время всѣ ваши новыя идеи.

Елена улыбнулась и послушно сѣла подлѣ него.

— Мы хорошо знаемъ другъ друга, и потому предисловія не нужны. Я пріѣхалъ просить вашей руки...

— Что такое?

— Чему же вы такъ удивляетесь? Развѣ вы не знаете, что я всегда былъ вашимъ большимъ поклонникомъ, и если, быть можетъ, казался вамъ слишкомъ спокойнымъ и даже холоднымъ, то это происходило не отъ недостатка чувствъ, а изъ опасенія быть отвергнутымъ; вѣдь вы знаете, что я слегка избалованъ благосклонностью ко мнѣ женщинъ. Нѣсколько разъ я хотѣлъ смѣнить тонъ шаловливаго флирта на болѣе искренній и серьезный, но вы поддразнивали меня, и я откладывалъ, ища болѣе удобнаго момента.

— Позвольте, баронъ, а ваше увлеченіе Маришей?

— Каюсь, увлекся... но вы отлично видѣли, что оно было и несерьезно и непродолжительно. Такихъ увлеченій въ жизни холостого мужчины бываетъ много. Вы стояли въ сторонѣ ото всѣхъ этихъ срывающихся сердечныхъ аккордовъ. Не скрою, что вся ваша исторія съ Башиловымъ подѣйствовала на меня скверно: я былъ увѣренъ, что разлюбилъ васъ и что мы останемся только друзьями, но... сердцу не прикажешь! Когда я узналъ о происшедшемъ у васъ разрывѣ, то, неожиданно для себя, испыталъ такую радость, что сомнѣній въ значеніи ея быть не могло: я продолжалъ любить васъ. Вы знаете меня, Елена Павловна: я неспособенъ распинаться, неспособенъ безумствовать и терять голову изъ-за любви; въ моихъ жилахъ течетъ уравновѣшенная тевтонская кровь, но если я, рискуя показаться даже смѣшнымъ въ глазахъ свѣта, прошу васъ дать мнѣ право залечить незаслуженно нанесенную вамъ рану, то не есть ли это доказательство глубокаго и серьезнаго къ вамъ чувства?

— Спасибо вамъ за него, дорогой баронъ, но я теперь не гожусь въ жены ни вамъ, ни кому-либо другому. Кромѣ израненнаго сердца,

на мнѣ тяготѣетъ смерть Жени, смерть Орлова, и я должна уйти куда-нибудь такъ далеко, чтобы забыть, искупить прошедшее.

— Искупить? Что искупить? Развѣ вы знали о любви Евгеніи Михайловны и развѣ предполагали, что Орловъ любилъ васъ до потери разсудка, до духовнаго банкротства? Недоставало, чтобы вы въ монахини постриглись! Что за экзальтація! Этотъ вашъ черноризецъ, видно, совсѣмъ завладѣлъ вашимъ воображеніемъ. Бросьте-ка всѣ эти идеи искупленія, отреченія и посвященія себя; живите, пока молодость не ушла.

— Знаете ли, дорогой баронъ, я нахожусь въ такомъ состояніи, что говорить со мной вашимъ языкомъ—совершенно безполезно: я морально больна и неспособна думать о своей жизни иначе, какъ думаю теперь.

Елена сообщила барону о намѣреніи временнаго для себя изгнанія, чтобы провѣрить стойкость своихъ рѣшеній, и просила барона видѣть въ ней только преданнаго ему друга. Барону ничего не оставалось, какъ покориться ея желанію. Вскорѣ Елена уѣхала въ свое имѣніе, гдѣ большой барскій домъ привѣтливо распахнулъ передъ ней тяжелыя дубовыя двери. Старинная прадѣдовская мебель, фамильные портреты и невидимо и неслышно витающія отжившія тѣни въ вечернемъ полумракѣ пустыхъ залъ, бильярдной и массивной библіотеки, окутали Елену соннымъ, застывшимъ царствомъ потонувшей въ безвозвратно прошедшее жизни; Еленѣ, по прошествіи нѣкотораго времени, казалось, что и она начинаетъ засыпать и погружаться въ преждевременную смерть. Тогда она стряхивала себя и вступала въ борьбу съ тѣнями мертваго царства, стараясь пробудить засыпающую энергію общеніемъ съ окружающими ея усадьбу крестьянами, которые зачастую требовали переговоровъ лично съ ней, минуя приказчика. Мало-по-малу Елена начинала входить въ ихъ жизнь и интересы; передъ ея глазами развертывалась новая картина, къ которой она приглядывалась все внимательнѣе и сознательнѣе. Крестьянинъ-мужикъ, къ которому раньше она относилась съ какой-то снисходительной и покровительственной не то брезгливостью, не то жалостью, обрисовывался въ форму характерной индивидуальности, въ которой должно признавать русскую коренную душу, а не утилитарный придатокъ полей и огородовъ. Наблюдательная и отзывчивая, она поняла, что причину вражды къ ея усадьбѣ, къ ея барству надо искать не въ ихъ темнотѣ и очерствѣлости, а въ зломъ сѣмени, посѣянномъ ея прадѣдами и обильно поливаемомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Сѣмя возросло въ густой, непроницаемый лѣсъ, раздѣлившій Россію на два чуждыхъ лагеря: интеллигенцію и народъ, причемъ лагерь сытыхъ, богатыхъ, черпающихъ жизнь во весь размахъ широкой натуры, глумится, пренебрегаетъ и злобно угнетаетъ лагерь тѣхъ, которые со скрежетомъ зубовъ то подставляли, во времена крѣ-

постничества, свои рабскія, исхудалыя спины подъ плети и розги, то послушнымъ стадомъ загонялись въ ряды воинственныхъ полковъ, чтобы сражаться и умирать за непонятные имъ конфликты дипломатическихъ ошибокъ, то, наконецъ, служили безотвѣтнымъ орудіемъ необдуманныхъ, несозрѣлыхъ политическихъ идей и первые расплачивались за нихъ опять-таки своими спинами и даже жизнью. Все броженіе, кощунство по отношенію къ устоямъ родной страны, вся деморализація и распущенность нравовъ и мысли лагеря бюрократической интеллигенціи деморализуетъ народъ, не успѣвшій еще вылить свою индивидуальность въ прочную форму. Безпринципные, съ растлѣнной совѣстью, играющіе судьбой родной страны, холодные и алчные къ наживѣ и чинамъ карьеристы, запахивающіеся въ тогу показныхъ и лицемѣрныхъ идей, берутъ на себя роль реформаторовъ и учителей народа, забывая, что не громкія рѣчи, не фейерверки красивыхъ словъ, не трактаты преобразованій, созданные въ далекихъ, роскошныхъ кабинетахъ, пріобрѣтенныхъ зачастую невѣрными, темными путями, а честный примѣръ любви къ родинѣ, къ труду, къ высокимъ идеямъ—катится медленной, но неудержимой волной по лѣстницѣ соціальнаго строя и достигаетъ прибрежныхъ скалистыхъ береговъ, составляющихъ оплотъ, именуемый народомъ.

Далекій теперешней жизни и мыслямъ Петербургъ, со всей бѣшеной азартной игрой честолюбія и наживы, отчетливо предсталъ въ воображеніи Елены и ужаснулъ ее. Она сама была какой-то спицей этого огромнаго колеса и, легкомысленно шутя и смѣясь, расчищала дорогу къ власти человѣку, который алчно стремился къ ней, не отдавая себѣ яснаго отчета, что къ власти, какъ и къ славѣ, не должно прикасаться нечистыми руками и что на челѣ посвященнаго должна лежать печать душевнаго цѣломудрія. Башиловъ! Вотъ человѣкъ, которому она отдала свое святое святыхъ, на челѣ котораго ей мнилась эта печать избранника. Истинный борецъ за правду, за честь родины, носитель идей новыхъ преобразованій на благо Россіи—не можетъ быть мелкимъ лгуномъ. Ей стали припоминаться вспышки его гнѣва, когда онъ дѣлился съ ней подробностями служебныхъ дѣлъ, въ которыхъ его враги, зачастую люди талантливые и полезные, выдвигались впередъ и какъ бы затемняли первый планъ, на которомъ хотѣлъ стоять самъ Башиловъ; ясно всплыла непріятная сцена одного разговора, въ которомъ Башиловъ довольно безцеремонно открылъ Еленѣ темную глубь своей души: онъ поддерживалъ идею провокаторства, основывая на ней успѣхъ карьеры нужныхъ людей, считалъ всякое средство для достиженія цѣли допустимымъ и обозвалъ своего принципала «старымъ дуракомъ» за то, что онъ отрицалъ и не допускалъ никакихъ кривыхъ путей въ борьбѣ со зломъ. Крестьянъ и фабричныхъ онъ именовалъ мерзавцами и подлецами, которыхъ надо пороть безъ

жалости, и когда Елена напоминала ему объ идеяхъ гуманности, онъ называлъ ихъ миндальничаньемъ, несовмѣстимымъ съ задачами политическихъ преобразованій. Въ неутомимой энергіи, которая, по его словамъ, заставляла его бросаться на разнаго рода предпріятія, выступилъ теперь въ ея воспоминаніяхъ невысокаго калибра инстинктъ къ наживѣ, безъ разбора путей и средствъ. И этотъ человѣкъ еще такъ недавно былъ властелиномъ ея сердца, умѣвшимъ создать предъ ея очами изукрашенный высокими идеями и побужденьями образъ государственнаго борца за благо родины!.. Гдѣ были ея глаза, отуманенные страстью? И Рихтеръ—бретеръ въ поединкахъ за власть, и самовлюбленный Бергъ, цѣпляющійся за разметающій всякія сплетни и дрязги хвостъ фазаночки-Мариши, и графъ Эвенъ—царедворецъ, раздающій за деньги придворные чины, спотыкающійся и путающійся къ кружевныхъ трэнахъ и воланахъ француженки-актрисы, обирающей русскихъ сластолюбцевъ... и нѣтъ, нѣтъ числа всѣмъ этимъ мужамъ, стоящимъ въ первыхъ рядахъ правленія Россіей и обманывающимъ, забывающимъ ея интересы въ угоду своихъ мелкихъ позорныхъ страстишекъ. Елену охватило чувство брезгливости, и она радовалась своему отдаленію отъ всѣхъ этихъ лживыхъ и ходульныхъ людей.

А Башиловъ тѣмъ временемъ, со дня отдаленія Елены, велъ отчаянную и ожесточенную борьбу съ врагами, которые обступали его тѣснымъ кольцомъ. Предъ нимъ стояла не тупая стихійная толпа, психологію которой онъ давно разгадалъ и мечталъ, опираясь на нее, высоко взлетѣть, а отдѣльныя личности съ тонко разсчитанной системой вражды, умѣющія направлять противъ него острое жало злобы, умѣющія использовать каждую его ошибку, каждый необдуманный шагъ. Рихтеръ своими дѣловыми докладами и умѣньемъ во́-время и выгодно выставить свою широкую эрудицію и удивительную смѣтливость въ запутанныхъ дѣлахъ, положительно затмевалъ его, а иногда и подчеркивалъ его ошибки. Башиловъ начиналъ терять почву подъ ногами и съ ужасомъ однажды сознался себѣ, что теряетъ вѣру въ себя, въ свои административныя способности, путается, огрызается и совершенно не видитъ той перспективы, которая еще такъ недавно ему казалась совершенно опредѣленной. Его душила мелкая злоба къ врагамъ, отнимающая спокойное отношеніе къ дѣлу; все сводилось къ личнымъ интересамъ, къ страху утерять шансы на достиженіе той высокой ступени почестей, о которой онъ когда-то грезилъ маленькимъ провинціальнымъ чиновникомъ. Съ досадой онъ понялъ, что близость Елены давала ему какую-то увѣренность, что ея ловкость въ сношеніяхъ съ людьми и знаніе многихъ закулисныхъ сторонъ свѣтской жизни незамѣтно направляли его на вѣрный путь. Она зачастую остерегала его отъ необдуманныхъ выходокъ по отношенію людей, могущихъ быть ему полезными или вредными, муссировала его дѣятельность

и даже незамѣтно внушала ему ту или другую мысль, выполненіе которой всегда оказывалось блестяще. Съ ея удаленіемъ возлѣ него образовалась пустота, постепенно увеличивающаяся; онъ чувствовалъ, что надежды, на него возлагавшіяся, сразу померкли, и никто уже не относился къ нему съ затаенной завистью, какъ къ человѣку, близкое могущество котораго раздражаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ импонируетъ; теперь его мнѣніе зачастую игнорировалось. Провѣрить настроеніе общества онъ не могъ, такъ какъ послѣ разрыва съ Еленой понялъ, что большую часть приглашеній получалъ благодаря тому, что ихъ связь не была тайной и его звали изъ любезности къ Еленѣ. За всю зиму Людомирова, много принимавшая, ни разу его не позвала, и, какъ онъ слышалъ стороной, сильно поддерживала сторону Рихтера. Раздувала несправедливость его назначенія на постъ товарища министра помимо Рихтера и, гдѣ только могла, вредила ему злымъ языкомъ, называя выскочкой, parvenu и нахаломъ. У Рихтера образовалась сильная партія, бороться съ которой Башилову было совершенно не подъ силу, такъ какъ онъ утерялъ всѣ нити закулисной салонной интриги, которую Елена была такая мастерица и распутывать и парализовать гдѣ улыбкой, гдѣ открыто высказанной правдой, гдѣ добродушно-веселымъ юморомъ.

Раздраженный, хмурый, осунувшійся, онъ тайно, съ большими предосторожностями поѣхалъ къ своей старинной пріятельницѣ и совѣтницѣ въ трудныхъ минутахъ жизни—Аннѣ Ивановнѣ, неизмѣнно продолжавшей спутывать и распутывать нити судебъ довѣрчивыхъ и легкомысленныхъ посѣтительницъ ея отдаленной, полной таинственности квартиры...

Анна Ивановна, предупрежденная объ его раннемъ визитѣ, встрѣтила съ нѣкоторымъ трепетомъ человѣка, высокую судьбу котораго она предвидѣла, и силой своего убѣжденія укрѣпила вѣру въ себя и въ свое значеніе. Когда онъ вошелъ въ таинственно раскрывшуюся предъ нимъ низенькую дверь ея спальни, куда прошелъ, никѣмъ не видимый, прямо изъ полутемной передней, и молча опустился въ кресло подлѣ стола, гдѣ лежали карты и большое увеличительное стекло, Марья Ивановна чуть не ахнула:

— Что съ вами? Васъ не узнать?

— Боленъ, голубчикъ, боленъ... усталъ... терять времени не могу, видите, какую рань пріѣхалъ. Скорѣе погадайте, дѣла у меня очень важныя.

Анна Ивановна молчала, сосредоточенно разложила карты и не сразу рѣшилась заговорить.

— Что? Плохо? Говорите... не бойтесь...

Сѣрое, туманное утро глядѣло въ запотѣвшее окно маленькой комнаты и тоскливымъ, щемящимъ душу колоритомъ окрашивало всю ея внутреннюю обстановку. Неожиданно въ душу Башилова

закралась тоска предчувствія. Ему почудилось присутствіе той невѣдомой силы, которая руководитъ судьбой человѣка и, благопріятная ему, помогаетъ шутя взбираться на колесницу фортуны, или вдругъ, враждебная, бросаетъ внизъ головой, топчетъ, глумится и отходитъ навсегда прочь; и онъ понялъ, что въ эту минуту невидимая рука повернула колесо его судьбы, и оно соскользнуло въ пропасть.

— Говори, не бойся... я жду...—мрачно проговорилъ Башиловъ, устало закрывая глаза.

Онъ не ошибся: сколько разъ Анна Ивановна ни мѣшала карты, удачи не было... Отложивъ ихъ въ сторону, она просила откровенно передать ей все положеніе дѣла и, послѣ долгаго раздумья, посовѣтовала во что бы то ни стало вернуть Елену, счастливая удача которой могла спасти, поддержать скатывающееся въ бездну колесо его судьбы. Это былъ единственный выходъ, который она считала возможнымъ и полезнымъ, и Башиловъ, со свойственной ему быстротой рѣшенья, уѣхалъ отъ Анны Ивановны, оставивъ ей на столѣ двадцать пять рублей, и однимъ взмахомъ написалъ Еленѣ письмо, въ которомъ приносилъ повинную, звалъ ее обратно, увѣряя, что, сколько онъ ни ломàлъ своей воли, но забыть ее не можетъ и не хочетъ примириться съ мыслію, что она навсегда разсталась съ нимъ. Перечитавъ, онъ остался доволенъ своимъ письмомъ: тонъ былъ простой, искренній, очень сердечный и убѣдительный. Хотя и до него дошли какіе-то смутные слухи о добровольномъ отреченіи Елены отъ свѣта, и даже увѣряли, будто она постригается въ монастырь или посвящаетъ себя бродяжнической жизни для служенія народу, но онъ относился къ нимъ недовѣрчиво и, зная ея энергичную, кипучую натуру, былъ увѣренъ, что она вернется къ прежней жизни и, кто знаетъ, быть можетъ, и къ нему...

XIV.

Была ранняя весна. Передъ большой каменной террасой Еленина дома расчищали дорожки; снѣгъ стаялъ; лишь кое-гдѣ еще, журча и обгоняя другъ друга, пробивались подъ рыхлой землей прозрачные ручейки гдѣ-то залежалаго снѣга, теперь оттаявшаго подъ горячей ласковой улыбкой весеннихъ лучей. Отъ полей несся опьяняющій живительный воздухъ свѣжей земли, уже согрѣтой солнцемъ. Весна врывалась радостная, трепещущая свѣтомъ и тѣнями, и будила въ природѣ каждый задремавшій фибръ къ новой, всегда новой жизни. Окна Елениной усадьбы были открыты. Накинувъ на плечи бархатную пелеринку, она стояла на порогѣ широко распахнутой на террасу двери. Щуря глаза отъ ослѣпительнаго блеска лучей, она вдыхала широкой грудью пьяную струю воздуха, и на лицѣ ея играла бодрая, веселая улыбка, а глаза смотрѣли

радостно, съ живымъ огнемъ въ потемнѣвшихъ отъ страннаго волненія зрачкахъ. На дняхъ отъ нея уѣхалъ Александръ Юрьевъ, прогостивъ три дня. Все прошлое лѣто и зиму она прожила въ уединеніи, обновившемъ ея душу; пріѣздъ Александра Юрьева и долгія съ нимъ бесѣды легли прочной основой для ея дальнѣйшей жизни. Она чистосердечно исповѣдывалась ему во всѣхъ мысляхъ и движеніяхъ души, которыя она пережила за эти годы, и, мудрый чистотой и простотой своего сердца, учитель понялъ ея душевный складъ и распахнулъ предъ ней дверь ея добровольной темницы.

— Есть люди берущіе, и есть люди дающіе. Вы принадлежите къ послѣднимъ. Не прячьте же вашего капитала, давайте его нуждающимся щедрой рукой, и вы исполните волю пославшаго васъ. Идите туда, откуда вы пришли съ израненнымъ и больнымъ сердцемъ. Теперь вы здоровы и опять полны энергіи и силъ, которыя нужны на служеніе не одному только темному народу. Возьмите свѣтильникъ добра и правды и идите въ торжище совѣсти и чести, въ Вавилонъ разврата и деморализаціи высшихъ классовъ. Всѣ заблужденія вашей минувшей жизни вы сможете искупить, задавшись цѣлью благотворнаго вліянія на людей, поставленныхъ быть мудрыми руководителями, а не купцами и ворами народнаго довѣрія...

И Елена преклонилась предъ глубокимъ знаніемъ души человѣческой отрѣшившагося отъ міра, но близкаго каждому человѣку учителя и друга. Онъ не только не требовалъ и не толкалъ Елену на какіе-нибудь подвиги и отреченія, но разумно удерживалъ ее, понимая, что не каждой природѣ даны одинаковыя средства къ достиженію чистоты душевной и то, что является призваніемъ подвига для одного, для другого ложится тяжестью непосильнаго креста.

Послѣ свиданія съ Александромъ съ Елены какъ будто бы спали какія-то тяготѣющія надъ ней обязательства, и она мысленно сотни разъ посылала ему горячую благодарность, что онъ, имѣющій власть надъ ея волей, не придавилъ ее тяжестью, подъ которой она безропотно, но съ мучительной болью уничтожила бы свое еще полное жизненныхъ запросовъ я.

Съ утренней почтой ей привезли письмо отъ Башилова; хорошо знакомый почеркъ на конвертѣ неожиданно взволновалъ ее, и рука, вскрывшая конвертъ, сильно задрожала. Нѣсколько разъ перечла письмо, не вѣря тому, что было на его страницахъ. Какъ, неужели Башиловъ любилъ ее? Звалъ къ себѣ? Тосковалъ о ней? Гдѣ же правда?.. Мало-по-малу волненіе ея стихло, и Башиловъ—не тотъ прежній идейный борецъ, а шаблонный и холодный карьеристъ выплылъ въ ея воображеніи, и въ его прищуренныхъ близорукихъ глазахъ она еще разъ прочла затаенную, основанную на личныхъ интересахъ мысль, которой онъ силился придать теп-

лоту сердечнаго порыва. И теперь, стоя на порогѣ террасы и отвѣчая каждый нервомъ, каждымъ біеніемъ сердца на призывъ весны, Елена мысленно переносилась въ недавно пережитое, когда такъ дурно пробудилась въ ней женщина въ объятіяхъ этого ординарнаго карьериста. Чѣмъ дольше размышляла она, тѣмъ яснѣе для нея становилось, что не рядомъ съ нимъ она сможетъ провести ту идею, о которой намекалъ ей Александръ; она чувствовала въ себѣ наплывъ новыхъ силъ, отдать которыя на служеніе узкимъ и честолюбивымъ замысламъ Башилова она считала бы кощунствомъ передъ своей совѣстью. Вечеромъ въ тишинѣ уютнаго деревенскаго кабинета Елена написала Башилову слѣдующее письмо:

«Сегодня получила ваше письмо, Владимиръ Ивановичъ, и буду отвѣчать на него чистосердечно: въ моемъ сердцѣ не осталось къ вамъ ни любви, ни страсти, ни даже сожалѣнія о минувшемъ—тамъ пусто и холодно... Ваше имя мнѣ стало чуждо. Въ васъ я любила воплощеніе благородныхъ идей, порывовъ и стремленій; я хотѣла быть подругой завоевателя власти для служенія правдѣ. Вы сами открыли мнѣ глаза... Итти рядомъ съ вами, чтобы исчерпать всю свою духовную силу на служеніе вашимъ личнымъ, глубоко-эгоистичнымъ и потому мелкимъ интересамъ, я считаю безчестнымъ, потому что кому много дано, съ того много и спросится. А вы топчете честь родины, которой будто бы служите, честь женщины, которую будто бы любите, и свою собственную честь, которую будто бы имѣете. Наши пути никогда больше не сойдутся. Я васъ разгадала.

«Елена Карцева».

Прошелъ годъ. Все было по-старому въ пріемный день у Людомировой: такъ же пахло цвѣтами и духами элегантныхъ посѣтительницъ, тотъ же чай, «канапэ» и «пети-фуры» предлагались гостямъ любезной хозяйкой, расточались направо и налѣво тѣ же дѣланныя, не покидающія лица улыбки, затрагивались тѣ же темы свѣтскихъ новостей, сплетенъ или политическихъ вопросовъ. Хозяйка дома умѣло поддерживала нескончаемую нить разговора и съ каждымъ новымъ входившимъ гостемъ незамѣтно переходила съ одной темы на другую, повторяясь, противорѣча себѣ, не заботясь о логической связи всего, что ею было переговорено. Кромѣ двухъ дамъ въ громадныхъ шляпахъ, мѣшающихъ свободному повороту головы, весело щебетавшихъ о туалетахъ и балахъ, въ гостиной небольшими группами разговаривали мужчины.

— Прекрасное, прекрасное назначеніе,—раздалось изъ небольшой, неподалеку отъ хозяйки дома стоявшей группы.—Я всегда былъ увѣренъ, что Рихтеръ оправдаетъ надежды, на него возложенныя. Рѣдкій государственный умъ, удивительная дальнозоркость въ дѣлахъ политики и при томъ исключительная энергія и работо-

способность,—расправляя густыя сѣдыя баки и глядя на собесѣдника умными глазами сквозь пенснэ съ черной оправѣ, говорилъ Поповъ, высокій сѣдой сенаторъ-оккультистъ и прекрасный говорунъ, который принадлежалъ къ числу посѣтителей гостиной Елены.

— Все это такъ, но я остаюсь при своемъ мнѣніи, что онъ холодный карьеристъ высшей пробы.

Генералъ Бергъ, имѣвшій какіе-то личные счеты съ Рихтеромъ, недолюбливалъ его и открыто высказывалъ свое къ нему нерасположеніе. Промелькнувъ въ роли генералъ-губернатора очень недолгое время, онъ чувствовалъ нѣкоторую вражду къ людямъ, умѣвшимъ прочно держаться на своихъ высокихъ постахъ.

— Какое намъ дѣло до его личныхъ качествъ и побужденій, если вся его дѣятельность вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ его положенія. Рихтера, господа, я знаю давно и всегда говорилъ, что съ той минуты, какъ онъ достигнетъ желаемой власти и станетъ полнымъ господиномъ своего положенія, вся мелочность его деспотической натуры уступитъ сознанію великой отвѣтственности своего назначенія, и широкимъ государственнымъ умомъ онъ пойметъ, что съ момента назначенія на постъ министра честь родины и ея интересы неотъемлемо сплетаются съ его личной честью и интересомъ. Каждый его шагъ обдуманъ, и всѣ преобразованія высокой важности, могущія вызвать по своей смѣлости немало конфликтовъ, проведены съ поразительнымъ тактомъ и ловкостью. Такихъ государственныхъ людей, господа, мы должны цѣнить, оставивъ въ сторонѣ свои личные съ ними счеты и вражду.

— Браво, браво, Петръ Михайловичъ! Я рада, что это говорите именно вы—хорошій знатокъ людей и психологъ,—прервала свой разговоръ съ сосѣдомъ хозяйка дома, оборачиваясь въ сторону неподалеку стоящей группы.—Я всегда стояла за Рихтера, всегда говорила, что онъ добьется своей цѣли и будетъ прекраснымъ министромъ. Меня возмущала несправедливость, съ которой людямъ, не могущимъ соперничать съ нимъ ни въ какомъ отношеніи, расчищали дорогу и сажали ему на голову. Прошлогоднее назначеніе Башилова можно было назвать незаслуженной пощечиной. И что же вышло? Самъ Иванъ Ларіоновичъ удивлялся, насколько Башиловъ оказался бездарнымъ, даже въ такой несамостоятельной роли, какъ товарищъ министра. И при томъ эта алчность и нескрываемая погоня за властью просто отвратительны.

— Позволю себѣ, очаровательная заступница, не быть вполнѣ съ вами согласнымъ,—слащавымъ голосомъ заговорилъ Бергъ, дѣлая шагъ къ Людомировой.—Владимиръ Ивановичъ Башиловъ высказывалъ не больше алчности къ власти, какъ вы изволили выразиться, чѣмъ ваша симпатія, которой я готовъ завидовать, Александръ Александровичъ Рихтеръ, но бѣда въ томъ, что Баши-

ловъ попалъ въ крайне для себя невыгодное положенiе: онъ былъ окруженъ врагами, искавшими случая подчеркивать каждый его неудачный жестъ, каждое его еще не вылетѣвшее изъ устъ слово. Онъ не могъ чувствовать себя ни увѣреннымъ, ни спокойнымъ.

— Ни даже толковымъ исполнителемъ порученныхъ ему дѣлъ...— громко разсмѣялась Людомирова.—Нѣтъ ужъ, Оттонъ Александровичъ, вы, пожалуйста, мнѣ не противорѣчьте, потому что въ данномъ случаѣ потерпите полное пораженiе: мы всѣ апплодируемъ нашему новому министру и шикаемъ сошедшему со сцены Башилову; ваши симпатiи къ нему исключительно личнаго характера, да и тѣ, на мой взглядъ, неосновательны: я его всегда находила противнымъ.

— Скорблю за участь Владимира Ивановича Башилова и умолкаю согласно вашему велѣнiю, какъ послушный рабъ прелестной женщины.

— Toujours amoureux... cela devient chronique...—шепнула своей сосѣдкѣ одна изъ щебечущихъ дамъ, наводя лорнетъ въ сторону Берга и Людомировой.

Въ эту минуту вошла въ гостиную Любовь Ивановна Бергъ, слегка похудѣвшая, довольно интересная, въ черной шляпѣ съ громаднымъ огненнаго цвѣта панашемъ, улыбающаяся, съ неизмѣнными ямочками и румянцемъ на щекахъ. Первое время она была сильно огорчена необходимостью распроститься съ показной ролью генералъ-губернаторши, но переѣздъ въ столицу, новыя знакомства, туалеты, выѣзды, шляпки съ панашами, флирты, балеты, оперы, Кюба—калейдоскопомъ завертѣлись изо дня въ день, и она примирилась съ новымъ положенiемъ, тѣмъ болѣе, что столица сыпала на нее изъ рога изобилiя тѣ увеселенiя и радости, которыхъ она была лишена въ провинцiи, наложившей на нее неизгладимый отпечатокъ неуловимаго провинцiализма. Она вошла, шумно шурша шелками и распространяя вокругъ себя острый запахъ модныхъ духовъ, звонко расцѣловалась съ хозяйкой дома и, смѣясь, выговорила мужу за задержанную карету.

— Какую я сейчасъ новость узнала!—обратилась она къ хозяйкѣ дома.—Я была у Гончаровыхъ, встрѣтила тамъ, между прочимъ, барона Штадена, и, представь себѣ, тамъ говорятъ, будто бы достовѣрно извѣстно, что твоя подруга Карцева, вмѣсто обѣта монашества, къ которому вы всѣ ее присудили, выходитъ замужъ за Рихтера! Каково?

— Первый разъ слышу! Это не можетъ быть. Я ее не такъ давно видѣла, она ни слова объ этомъ не говорила. Кто-нибудь нарочно слухъ распустилъ.

— Я тебѣ говорю, что это такъ. Баронъ оспаривалъ, и ему сама Гончарова сказала, что кто-то видѣлъ Карцеву, поздравилъ ее, и она приняла поздравленiе.

— Но это невѣроятно! Вѣдь она никогда не симпатизировала Рихтеру... развѣ что соблазнилъ постъ министра?!

— Везетъ же Рихтеру,—отозвался опять генералъ Бергъ:— Елена Павловна и интересная, и умная, и ловкая женщина.

— Если это только не пустой слухъ, то я сердечно радуюсь за нашего министра,—убѣжденнымъ тономъ заговорилъ сенаторъ съ сѣдыми баками.—Елена Павловна прямая, честная, очень благородная натура и своимъ благотворнымъ вліяніемъ въ соединеніи съ недюжиннымъ умомъ только поддержитъ еще больше престижъ супруга. Я, m sdames, всегда находилъ, что женщины играютъ слишкомъ большую роль въ судьбѣ каждой страны, чтобы игнорировать ихъ вліяніе. Супругами управителей должны быть женщины культурныя, понимающія отвѣтственность своего вліянія.

Новость, привезенная Любовью Ивановной, сильно всполошила Людомирову; она почти негодовала, что такая интересная вѣсть разлетается не изъ ея гостиной и она не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ подробностей, которыми могла бы дѣлиться направо и налѣво. Къ вечеру ей удалось вызвать Елену къ телефону, и она убѣдилась, что услышанная днемъ новость не была пустой сплетней: Карцева очень спокойно подтвердила слухъ и съ улыбкой остановила потокъ упрековъ въ скрытности, предложивъ Людомировой завтра же заѣхать къ ней, чтобы сообщить всѣ интересующія ее подробности.

Часъ тому назадъ на ту же тему былъ у Елены разговоръ по телефону съ барономъ Штаденомъ, и теперь она ждала его къ себѣ съ нѣкоторымъ волненіемъ, припоминая его визитъ почти два года тому назадъ, передъ ея добровольной ссылкой въ деревню. Онъ никогда не напоминалъ ей о своемъ чувствѣ, которое, Елена была увѣрена, сумѣлъ безъ труда подавить логикой и разсудкомъ своего спокойнаго и уравновѣшеннаго темперамента. Они видѣлись попрежнему часто, и отношенія сохранились такія же дружескія, но безъ того элемента игривой влюбленности, которой баронъ маскировалъ раньше свое болѣе серьезное чувство.

Когда въ назначенный часъ онъ вошелъ въ гостиную Елены и, поцѣловавъ ея руку, удобно усаживался въ кресло, она съ удовольствіемъ отмѣтила его обычно спокойное выраженіе лица и полное отсутствіе какого-нибудь волненія или раздраженія въ тонѣ голоса.

— Итакъ, Елена Павловна, новость, поразившая меня своей неправдоподобностью, не есть вымыселъ? Вы выходите замужъ за Рихтера?

— Да, это такъ.

— Позвольте, въ такомъ случаѣ, пожелать вамъ все то, что при подобныхъ обстоятельствахъ полагается: исполненіе розовыхъ мечтаній etc, etc.

— Оставьте, баронъ, этотъ шутливый тонъ.

— Помилуйте, я пресерьезно.

— О какихъ розовыхъ мечтаніяхъ вы говорите? Шагъ, на который я рѣшилась, ничего общаго съ этимъ не имѣетъ.

Баронъ недовѣрчиво пожалъ плечами и умолкъ, сосредоточенно стряхивая пепелъ съ папироски.

На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе, тягостное для Елены.

— Баронъ, отчего вы не хотите сказать того, что у васъ на душѣ? Я жду, а вы нарочно молчите.

— Безполезно, mon ange, выворачивать свою душу передъ женщиной, которая предпочла другого.

— Вы сказали именно то, чего я ожидала и что не вѣрно. Послушайте, голубчикъ баронъ, я хочу, чтобы вы поняли меня, чтобъ въ вашемъ сердцѣ не было бы противъ меня незаслуженнаго упрека. Одному вамъ я чистосердечно открою свою душу. Скажите, похоже ли на то, чтобъ я была влюблена въ Рихтера?

— Откровенно говоря, нѣтъ. Вѣроятно, это бракъ по расчету, или, вѣрнѣе,—вопросъ честолюбія.

Елена отрицательно покачала головой:

— Вы ошиблись. Слава, почести, могущество, высокое положеніе,—все это слова, потерявшія для меня всякое обаяніе. Нѣтъ, дорогой баронъ, не то, совсѣмъ не то... Мой бракъ съ Рихтеромъ это то серьезное, большое, трудное и отвѣтственное, что я добровольно беру на себя, какъ идею, выполненіемъ которой оправдаю обязательства, возложенныя на меня сознаніемъ своихъ силъ. Вы не понимаете? Я объясню вамъ точнѣе и подробнѣе. Когда я уѣзжала два года тому назадъ въ деревню съ надломленной душой и израненнымъ сердцемъ, я была увѣрена, что никогда не вернусь сюда, потому что мнѣ стала противна эта безсмысленная, порочная для души жизнь: ни цѣли, ни смысла, ни радости. Любовь? Страсти? Что дали мнѣ онѣ? Одну муку. Я уѣзжала въ деревню, чтобы испытать свои силы, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ, насколько я уже умерла для жизни. На провѣрку оказалось, что сила и энергія у меня все тѣ же, но къ жизни я отношусь уже совсѣмъ иначе, понявъ, въ чемъ долженъ заключаться для меня главный двигатель всего жизненнаго механизма. Издали передо мной одна за другой проходила жизнь людей, которые соприкасались съ моей жизнью, и я съ болью въ душѣ, но отчетливо видѣла, что многіе изъ нихъ, какъ и я два года тому назадъ, гибли подъ обломками на пескѣ сооруженнаго зданія. Есть люди спокойные, нетребовательные, холодные къ запросамъ жизни—въ родѣ васъ, мой добрый баронъ, и эти люди не создаютъ лихорадочно трепещущими руками причудливыхъ замковъ себѣ же на погибель, а идутъ ровнымъ путемъ съ компасомъ въ рукѣ. Но есть и другіе: въ тѣхъ вложенъ элементъ безпокойнаго исканія, жажда вылить въ какую-нибудь форму запасъ силъ, вложенныхъ природой, и бѣда, бѣда, если вся сила за-

топится потокомъ какой-нибудь страсти безъ урегулированія мозга и безъ вмѣшательства духовныхъ запросовъ. Крахъ неминуемъ. Бѣдная Женя—эта молчаливая и кроткая раба своей слѣпой любви, на которой она построила все свое существованіе,—не вынесла грубаго толчка отстранившей ее холодной и властной руки и соскользнула въ темную таинственную бездну съ открытыми плечиками, съ мушкой на щекѣ, въ голубыхъ туфелькахъ. Къ любви она была довѣрчива, какъ дитя, и такимъ же довѣрчивымъ ребенкомъ изъ объятій обманувшей любви бросилась въ объятія смерти. Страшный, душу леденящій трагизмъ! Орловъ, затаившій въ сердцѣ и сосредоточившій въ немъ всю ту силу, которая озаряла свѣтомъ и облегчала тяготу его одинокой, пустой жизни, не давшей даже иллюзіи счастія, срывается съ одинокаго утеса и съ крикомъ отчаянія и проклятія летитъ въ ту же мрачную пропасть съ раздробленнымъ пулей черепомъ. Легкомысленный по виду, красавчикъ Юрьевъ топитъ въ разгулѣ и винѣ, въ растлѣвающемъ образъ человѣческій запоѣ свою прекрасную, цѣломудренную душу, всѣ струны которой онъ далъ оборвать глупенькой и пошлой кокеткѣ, не оставивъ для своей жизни ни одной струны; расточивъ свое прекрасное богатство—силу души—въ угоду капризной куклѣ, онъ, нищій, съ искалѣченной душой уходитъ на чуждый и еще непонятный ему берегъ, влекомый сильной и кроткой рукой отошедшаго отъ жизни брата. Башиловъ, всегда сжигаемый страстію честолюбія, власти и наживы, слѣпой и глухой ко всему, что не соприкасается съ этими задачами мелкаго эгоизма, хочетъ забраться на вершину своихъ вожделѣній, забывая, что нельзя опираться на довѣріе толпы для исключительнаго служенія своимъ интересамъ. Ему повезло, игра и фразы показались естественными, ему повѣрили, но на время, и затѣмъ развѣнчали, уличивъ въ обманѣ. Для него—это равносильно тому же паденію въ темную пропасть, ибо, утерявъ вѣру людей, онъ утерялъ вѣру въ себя и подвергся полному моральному банкротству. Меня ожидало то же паденіе, то же духовное банкротство, постигшее всѣхъ этихъ людей, одаренныхъ интенсивной душевной силой, но не сумѣвшихъ разумно справиться съ ней, концентрируя всѣ лучи ея и исключительно на удовлетвореніе и на служеніе своимъ эгоистическимъ страстямъ. Меня спасъ Александръ Юрьевъ и изгнаніе, въ которомъ разумъ мало-по-малу освѣтилъ всѣ темные углы заблужденій. И вотъ я проснулась вполнѣ. Страсть, всколыхнувшая во мнѣ горячіе инстинкты женщины, вѣроятно, потухла навсегда, а если и пробудится еще когда-нибудь, то, разумѣется, не съ такой слѣпой стихійной силой: разумъ и жизненный опытъ сумѣютъ ее урегулировать. Передо мной, дорогой баронъ, въ тишинѣ добровольнаго изгнанія постепенно и отчетливо вырисовывалась картина мутнаго потока, залившаго строй нашей общественной жизни. Мужчины давно облеклись въ халаты передъ

отвѣтственностью, которую они несутъ по отношенію своей страны; ея честь, слава, благосостояніе, культура, этика, искусство и даже любовь—все соразмѣряется со стремленіями мелкаго и пошлаго эгоизма, и невольно встаетъ трагически-унылая картина, нарисованная великимъ поэтомъ: «Толпой угрюмою и скоро позабытой надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда». Но нашему мутному потоку суждено, взрывъ почву дна ,унести илъ и всю муть, поднятую напоромъ теченія, и влиться въ новые берега чистой, ключевой водой. Просыпается отъ долгой вѣковой спячки женщина, воскресаетъ ея духъ и индивидуальность, культивируется мозгъ, очищаются отъ грубыхъ предразсудковъ мысли, и скоро, скоро она обовьетъ нѣжными, но сильными руками шею мужчины и воскликнетъ, смѣло глядя ему въ глаза: «Стыдись, вѣдь я уже не та! Давай руку, пойдемъ вмѣстѣ, и будемъ оба сильны въ исканіи идеала». Не улыбайтесь, баронъ, я не брежу и не фантазирую. Знаю, что время еще не пришло, что сами женщины еще ищутъ своихъ путей, и неувѣренными, слабыми руками ощупывая окружающій ихъ мракъ, сбиваются, падаютъ и вызываютъ насмѣшки и порицаніе толпы. Женщины какъ бы раздѣлились теперь на три группы, на три типа: женщины стараго поколѣнія «по Домострою», съ узкимъ кругозоромъ исключительнаго повиновенія желаніямъ мужа, обязанностей по отношенію семьи и полнымъ отсутствіемъ самостоятельныхъ сужденій. Свободная любовь и слово «любовникъ» порождаетъ въ ихъ мысляхъ страхъ и представляется имъ грязнымъ развратомъ, губящимъ женщину. Чужіе мужья ставятъ ихъ въ примѣръ своимъ непокорнымъ женамъ, а свои—относятся со снисходительностью старшаго къ младшему, привыкаютъ, какъ привыкаютъ къ удобнымъ вещамъ, къ мебели. Благо и этимъ терпѣливымъ носительницамъ зачастую тяжелаго креста; предъ ними должно преклониться за многовѣковое терпѣніе и служеніе прихотямъ и самодурству мужской власти. Эволюція женскаго вопроса породила новый типъ женщинъ, не признающихъ семьи, отвергающихъ всѣ обязательства по отношенію ея; онѣ ходятъ въ jupe culotte, громко разговариваютъ, курятъ папиросы, открыто идутъ на содержаніе, отвергаютъ материнство—эту святую лампаду чистѣйшаго угла женскаго сердца, проповѣдуютъ проституцію тѣла, не замѣчая, что добровольная, не вынужденная горькой долей и нуждой, проституція тѣла влечетъ къ проституціи души. Онѣ кричатъ о полномъ близкомъ переворотѣ соціальнаго строя, въ которомъ женщины займутъ первое мѣсто государственныхъ должностей, низвергнувъ мужчинъ на положеніе чуть ли не рабовъ и лакеевъ, топчутъ великую по своей гуманности идею христіанства, забывая, что мудрость и сила только въ любви. Такія женщины вызываютъ насмѣшку или сожалѣніе. Утерявъ стыдъ и женственность, онѣ нарушили гармонію красоты,

вложенной въ нихъ природой; онѣ, какъ диковинный фейерверкъ, собираютъ подлѣ себя толпу, но, вскорѣ наскучивъ ей трескомъ и однообразіемъ пущенныхъ въ пустое пространство огней краснорѣчія, остаются однѣ, раздраженно чего-то ищущія, даже озлобленныя. Какъ муть во всякомъ броженіи, эти женщины явленіе необходимое, и ихъ роль—разбудить дремлющіе умы, вложивъ представленіе о народившемся новомъ элементѣ историческаго движенія. И этихъ женщинъ не слѣдуетъ побивать каменьями презрительной насмѣшки: онѣ жалки отступленіемъ своей уродливой крайности отъ чистаго, идейнаго типа, въ который въ концѣ концовъ выльется женщина-супруга, любовница, другъ и, конечно, честная своему сердцу мать. Это третій и желанный типъ. Онѣ не отвергаютъ семьи, но представленіе о свободной любви и слово «любовникъ» не вызываетъ въ нихъ паническаго страха передъ обществомъ, въ дѣтяхъ онѣ видятъ радость жизни и глубоко задумываются надъ великой задачей вложить въ маленькія головки лучи яснаго пониманія жизненныхъ запросовъ, въ сердце—глубокую любовь къ низшимъ, обиженнымъ, обездоленнымъ и закалить волю и твердость духа для борьбы съ тупой узкостью, съ черствымъ упрямствомъ сибаритствующихъ невѣждъ. Ихъ мозгъ свободенъ отъ предразсудковъ обрядностей, но религіозная идея выливается у нихъ сама собою отношеніями къ ближнему. Эти женщины не только не отвергаютъ красоты своей женственной стыдливости, но яркимъ интеллектомъ понимаютъ, что въ этомъ дарѣ природы вложена громадная сила вліянія, которое можно и должно использовать для благихъ цѣлей. Онѣ подымутъ упавшую энергію, разбудятъ заснувшую честь и совѣсть, будутъ борцами за идею, активными подругами своихъ супруговъ или любовниковъ, свободными и равноправными въ вопросахъ своей личности. Вотъ, дорогой баронъ, идея моего брака. Я хочу моей жизнью набросать слабый рисунокъ той идеи, выполнить которую будетъ дано уже близко стоящему къ намъ новому поколѣнію женщинъ, сильныхъ духомъ, освободившихся отъ чуждаго и ненужнаго мужского вліянія. Я дѣлаюсь женой Рихтера, черстваго, холоднаго карьериста, я отдаю на служеніе родинѣ всю силу моей духовной энергіи, всю любовь къ идеѣ добра и правды и вѣрю, что, раздѣляя жизнь съ человѣкомъ, стоящимъ во главѣ правленія, я могу влить чистую струю благотворнаго вліянія и любви къ меньшей братіи тому, кто долженъ оправдать народное къ себѣ довѣріе. Счастлива та женщина, которая сумѣетъ соединить запросы своего сердца съ долгомъ по отношенію родной страны. Въ какой бы формѣ этотъ долгъ ни выливался, но онъ долженъ жить какъ въ сердцѣ мужчины, такъ и въ сердцѣ каждой женщины.

— Богатая у васъ фантазія, Елена Павловна,—чуть-чуть насмѣшливо пожимая плечами, проговорилъ баронъ.

— Какъ? Это все, что вы находите сказать въ отвѣтъ на мои мысли?

— Рѣшительно не нахожу ничего больше... Вѣдь я не этотъ вашъ отошедшій отъ міра черноризецъ, и ваши экстазы, признаюсь, мнѣ и непонятны, и не по душѣ.

— Какіе же мы съ вами разные люди, баронъ!—грустно качая головой, проговорила Елена.

— Что дѣлать, mon ange! Я человѣкъ средній, лишенный всякихъ крайностей какъ въ сторону добра, такъ и въ сторону зла. Неспособенъ ни пустить себѣ пулю въ лобъ отъ любовныхъ разочарованій подобно Орлову, ни взбираться на кручи, чтобы потомъ внизъ головой летѣть подобно Башилову, ни уходить изъ міра, подобно Юрьеву. Я беру отъ жизни то, что она мнѣ даетъ, и большаго не ищу.

— Баронъ, кто не пробуетъ летать, у того нѣтъ крыльевъ.

— Очевидно, у меня ихъ нѣтъ. Ну-съ, будьте счастливы. Летите за облока, а я ужъ останусь пониже, оно вѣрнѣе: головы не сломишь,

Елена горько усмѣхнулась, прощаясь съ барономъ, и когда онъ ушелъ, остановилась въ глубокой задумчивости; черезъ минуту. проведя рукой по затуманившимся грустью глазамъ, какъ бы отгоняя печальныя мысли, она энергично подняла голову, и свѣтлая улыбка озарила ея лицо:

— Эти будни сѣренькой жизни и мелкихъ страстишекъ!... О, нѣтъ, лучше страданіе и сердечное одиночество, но движеніе впередъ изъ тьмы и застоя, погрузившихъ общественную мысль и волю въ состояніе спячки.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА СОРОКЪ СЕМЬ ЛѢТЪ [1]).

IX.

Поручикъ Н. Н. Сполатбогъ; его увлеченіе Кузьминскимъ; служба въ Туркестанѣ; большой промахъ.—М. Д. Скобелевъ выручилъ.—Переводъ на Дунай; боевыя отличія. Отзывы Скобелева о Кузьминскомъ и объ Аленичѣ.—Унтеръ-офицеръ Терентій Соиновъ.—Служба Сполатбога въ болгарской арміи; большія непріятности.—Записки Сполатбога.

КОЛО того времени, когда Кузьминскій проявилъ себя въ изобрѣтенной имъ самимъ, особой формы американской дуэли, надѣлавъ ею въ Варшавѣ и въ варшавскомъ военномъ округѣ массу шума,—изъ расположеннаго въ Варшавѣ л.-гв. Литовскаго полка переходилъ на службу въ Туркестанъ поручикъ Николай Николаевичъ Сполатбогъ; разныя дѣла, главнымъ образомъ имущественныя, привели его къ тому. Это былъ воспитанный, дѣльный, полный энергіи офицеръ, подававшій съ самаго начала очень большія надежды; но судьбѣ угодно было свернуть его съ прямой дороги; онъ не пилъ, не кутилъ, не дебоширничалъ,—что, однако, среди тогдашнихъ офицеровъ было въ большомъ ходу,—но ударился въ картежную игру, исподволь пристрастившись къ ней, и это его погубило; съ полнымъ сохраненіемъ своего достоинства и чести онъ, какъ въ высшей степени самолюбивый человѣкъ, не считая возможнымъ

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 495.

оставаться въ той средѣ и обстановкѣ, въ которой онъ въ одинъ злосчастный вечеръ проигралъ все свое состояніе, самъ рѣшилъ свою участь, честно разрубивъ узелъ.

Задумавъ свой переводъ и твердо рѣшивъ вопросъ о немъ, онъ познакомился очень близко съ Кузьминскимъ; разспрашивая его подробно о службѣ въ тѣхъ далекихъ краяхъ, онъ хотѣлъ изучить все до мелочей и жалѣлъ, что новое знакомство, по временамъ, прерывалось отъѣздами этого полнаго боевого опыта, лихого офицера. Въ 1875 году, осенью, въ тѣ дни, когда Кузьминскій прострѣлилъ себѣ легкое, состоялся переводъ поручика Сполатбога въ одинъ изъ туркестанскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ капитаномъ, а въ концѣ декабря онъ уѣхалъ въ Ташкентъ, причемъ, какъ самъ не разъ говорилъ, типъ, характеръ и нравъ Кузьминскаго оставили въ немъ большое и неизгладимое впечатлѣніе.

Въ Туркестанѣ Сполатбогъ—исполнительный офицеръ и образцовый ротный командиръ—на первыхъ же порахъ попался въ томъ, что, будучи со своей ротой назначенъ въ передовой отрядъ, а изъ него отправленъ для поисковъ и преслѣдованія появившихся въ нашихъ предѣлахъ шаекъ киргизовъ и туркменъ, слишкомъ понадѣялся на молодецкую лихость своей роты, вошелъ въ азартъ и углубился въ дѣло преслѣдованія врага безъ тѣхъ строжайшихъ предосторожностей, которыя въ столкновеніяхъ съ разбойниками и вообще съ непріятелемъ тамошнія наши войска привычно принимали и обязательно соблюдали; поэтому въ одной перестрѣлкѣ въ горахъ онъ изъ наличнаго состава своей роты въ 250 человѣкъ потерялъ болѣе тридцати нижнихъ чиновъ ранеными, убитыми и безъ вѣсти пропавшими.

Такое дѣло туркестанскіе порядки считали преступнымъ, безъ наказанія не оставляли, и Сполатбогу грозила большая отвѣтственность; неизвѣстно, какъ пришлось бы ему пострадать, если бы его не взялъ подъ свою защиту Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, въ ту пору его лишь узнавшій и такимъ образомъ пришедшій ему на выручку совершенно случайно; онъ въ немъ увидѣлъ простого, честнаго, прямого офицера, не жалѣвшаго себя и попавшагося исключительно по крайней неопытности; ни распущенности, ни карьеризма въ его дѣйствіяхъ Скобелевъ не усмотрѣлъ, а этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы онъ, замолвивъ о немъ доброе слово передъ генералъ-адъютантомъ Константиномъ Петровичемъ фонъ-Кауфманомъ, взялъ его подъ свое начальство и покровительство. Съ тѣхъ поръ Скобелевъ съ нимъ почти не разставался. Въ отрядѣ Скобелева, на виду у этой восходившей тогда боевой звѣзды, онъ провелъ цѣлый годъ въ дѣлахъ.

М. Д. Скобелевъ съ удовольствіемъ слушалъ восторженные разсказы Сполатбога Кузьминскомъ, котораго онъ лично не зналъ. Въ увлеченіи Сполатбога подвигами этого полудикаго «героя Джи-

зака» онъ видѣлъ залогъ того, что, вмѣстѣ съ памятью объ немъ, будетъ въ молодежи развиваться желаніе ему подражать. Въ описаніяхъ Сполатбога и ближайшихъ сослуживцевъ Кузьминскаго онъ видѣлъ много легендарнаго и всегда говорилъ: это настоящій типъ удальца-туркестанца; не будь онъ «такъ рано выведенъ изъ строя»—это былъ бы изъ ряду выходящій лихой начальникъ партизанскихъ отрядовъ, которые въ этихъ краяхъ должны сослужить громадную службу.

Обо многихъ подвигахъ Кузьминскаго стоустая молва, по словамъ Скобелева, умалчивала, но не потому, что ей хотѣлось ихъ утаить, нѣтъ; въ этомъ сказывалась та хорошая сторона нашей арміи, которая показывала, что въ ней большіе подвиги нипочемъ, они считаются дѣломъ зауряднымъ.

Въ Джизакскомъ дѣлѣ Кузьминскій совершенно просто, подробнымъ ночнымъ осмотромъ, опредѣлилъ, что на намѣченномъ нами къ атакѣ фасѣ присланные эмиромъ бухарскимъ англійскіе мастера и инженеры устроили по послѣднему слову науки мины-торпедо и камнеметные фугасы, на которые джизакскій бей вполнѣ разсчитывалъ, носясь съ ними, какъ съ залогомъ побѣды. Представивъ объ этомъ подробное донесеніе генералу Романовскому, Кузьминскій настойчиво посовѣтовалъ перемѣнить фронтъ и тѣмъ сохранить атакующія колонны отъ явной гибели.

Въ лицѣ Кузьминскаго генералъ Романовскій имѣлъ настоящаго драгоцѣннаго лазутчика, богатаго боевымъ чутьемъ регулярнаго развѣдчика.

Такія расточавшіяся Скобелевымъ по адресу Кузьминскаго похвалы Сполатбогъ, видимо, съ особымъ удовольствіемъ приводилъ въ своихъ запискахъ и повторялъ въ своихъ разсказахъ.

Но не только этимъ восторгался Скобелевъ.

— Мнѣ довелось,—говорилъ онъ,—прочесть въ живомъ, прекрасномъ изложеніи описаніе того, какъ въ Джизакскомъ дѣлѣ Кузьминскій шелъ богатыремъ на приступъ.—Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, при встрѣчѣ съ авторомъ описанія, Михаиломъ Алексѣевичемъ Зиновьевымъ [1]), я спросилъ его,—разсказывалъ Скобелевъ:—почему онъ не сказалъ ни слова о той части подвига, которая собственно спасла отрядъ и въ сущности создала намъ побѣду при Джизакѣ?

— Я не зналъ тогда объ истинныхъ причинахъ отсрочки штурма и перемѣны фронта,—отвѣтилъ Зиновьевъ:—теперь же, узнавъ о нихъ отъ васъ, нахожу, что не фронтъ перемѣнить слѣдовало, а прибѣгнуть къ правильному употребленію артиллеріи; подведенныя, хотя бы и англичанами, мины не могли бы устоять противъ

---

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ» 1867 г., статья М. Зиновьева, тогда артиллеріи поручика, принимавшаго участіе во взятіи Ура-Тюбе и Джизака.

хорошаго обстрѣла подходящими снарядами; можно было бы все минированное пространство взорвать передъ штурмомъ.

— Но тогда артиллерія наша только что начала перевооружаться, обращаясь въ нарѣзную,—возразилъ Скобелевъ:—а простая, здравая сметка Кузьминскаго, съ безшабашною смѣлостью раскрывшаго тайну подземнаго снабженія крѣпостныхъ подступовъ смертоносными зарядами,—навсегда останется подвигомъ; онъ передалъ вамъ свои свѣдѣнія и выставилъ вамъ свои безхитростные совѣты, вы были вольны выбрать примѣненіе его совѣтовъ или нормальное употребленіе артиллеріи. Такимъ образомъ, перемѣна фронта штурма осталась его громадной, рѣдкой заслугой; эта заслуга раскрытія тайны врага не умалилась бы даже и въ томъ случаѣ, если бы вы своевременно приняли рѣшеніе «раскопать артиллеріей инженерное искусство».

— Я видѣлъ нѣсколько отчетовъ, представленныхъ Кузьминскимъ генералу Романовскому въ разное время объ рекогносцировкахъ,—говорилъ Скобелевъ:—съ формальной, нашей, регулярной стороны это образецъ всего самаго необходимаго и съ чудеснымъ искусствомъ выполненнаго; каждый изъ насъ, заработавшихъ аксельбанты у Николаевскаго моста, позавидовалъ бы,—до такой степени все въ нихъ изложено кратко, разумно, опредѣленно. Съ точки же зрѣнія туркестанской, сколько въ нихъ видно самобытной умѣлости,—углубиться во вражьи мѣста на десятки верстъ, пройти въ ночной темнотѣ и тишинѣ вдвоемъ съ какимъ-нибудь безшабашнымъ унтеръ-офицеромъ Терентіемъ Соиновымъ, довѣрившись взятому по чутью и довѣрію проводнику изъ мѣстныхъ жителей, и выйти оттуда съ массой такихъ свѣдѣній, какихъ и ожидать отъ простого смертнаго невозможно; воистину тѣ сокровенныя свѣдѣнія набираются чутьемъ, умомъ и ощупью; научить этому никакая академія не возьмется.

Поучительно то, что Кузьминскій, этотъ отмѣнный самородокъ, имѣвшій и выказавшій такъ много боевыхъ задатковъ, развилъ въ себѣ ихъ благодаря дружбѣ съ боевымъ товарищемъ своимъ Самсономъ Георгіевичемъ Аленичемъ [1]). Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ этотъ офицеръ началъ свою кипучую дѣятельность на Кавказѣ, а затѣмъ перешелъ въ Туркестанъ въ ту самую минуту, когда Кузьминскій жадно хватался за начатіе своей боевой жизни. Георгіевскій кавалеръ, подпоручикъ Аленичъ спокойными

[1]) Во время празднованія столѣтія учрежденія ордена св. Георгія, 26 ноября 1869 года, Аленичъ обратилъ на себя вниманія государя и былъ переведенъ въ л.-гв. Атаманскій наслѣдника цесаревича полкъ. Двѣ тяжкія контузіи въ голову совершенно измѣнили способности, характеръ и нравъ этого боевого офицера, отнявъ у него часть врожденной энергіи. Онъ скончался въ октябрѣ 1909 года отъ артеріальнаго склероза, при чемъ послѣдніе годы служба его проходила совершенно незамѣтно. Беззавѣтно жертвуя собой въ молодости, онъ тогдаже отдалъ этой службѣ все.

разсказами своими о безконечныхъ подвигахъ кавказцевъ воспалилъ и безъ того пылкое воображеніе Кузьминскаго, пріурочивъ его къ безотчетному стремленію искать случая выдѣлиться подвигомъ. Аленичъ, сначала разсказами, а потомъ совмѣстнымъ участіемъ въ бояхъ и въ подвигахъ, увлекъ Кузьминскаго и довершилъ образованіе изъ него героя. Нерѣдко, по словамъ самого Кузьминскаго, этотъ добрый, хорошій, энергичный, мужественный и отважный человѣкъ, увлекая его, ободрялъ на тѣ подвиги, которые, по силѣ обстоятельствъ войны, являлось для него обязательнымъ предпринять; часто рѣшимость, вообще не покидавшая Кузьминскаго, дѣлалась еще болѣе отважною въ немъ подъ впечатлѣніемъ какого-то особаго на него вліянія Аленича; часто доводилось имъ, осчастливленнымъ благополучнымъ окончаніемъ и вполнѣ успѣшнымъ исполненіемъ совмѣстнаго подвига безумной храбрости въ отчаянной опасности, соединять въ одно свои глубоко-религіозныя чувства и мысли и осѣнять крестнымъ знаменіемъ Кузьминскому Аленича, а Аленичу Кузьминскаго съ вознесеніемъ горячей благодарственной молитвы Всевышнему. Слушая такіе разсказы Сполатбога, нерѣдко приводившіеся со словъ Кузьминскаго, М. Д. Скобелевъ, человѣкъ вообще далеко не экспансивный, но успѣвшій отъ души полюбить отличеннаго имъ и выруческаго изъ большой бѣды офицера-сподвижника, говаривалъ ему: «Какъ Кузьминскій набрался боевой опытности и отмѣнной отваги отъ Аленича,—такъ вы часто показываете въ себѣ задатки не меньшаго мужества, перешедшаго къ вамъ и усвоеннаго вами по внушенію изъ разсказовъ Кузьминскаго, закалившагося прежде всего впечатлѣніями, навѣянными на него правдивой передачей Аленичемъ кавказскихъ вліяній, глубоко засѣвшихъ и внѣдрившихся въ немъ».

Вставленная сюда небольшая выдержка изъ имѣющихся въ моихъ запискахъ разсказовъ объ Аленичѣ введена въ извлеченіи для дополненія свѣдѣній о личности изображеннаго въ прошломъ очеркѣ [1]) героя П. Е. Кузьминскаго, всегда твердившаго: «Аленичъ служилъ такимъ же дополненіемъ мнѣ, какъ я дополнялъ его».

Жаль, что этотъ товарищъ Кузьминскаго не находился при немъ въ тѣ минуты его жизни, когда ему, привыкшему пользоваться своей энергіей для совершенія подвиговъ, доводилось расходовать ее на проявленіе того озорства, которое должно было бы довести его до психіатрической больницы и привело къ самоубійству, совершенному при такой ужасной обстановкѣ.

---

[1]) См. «Историч. Вѣстникъ», 1912 г. ноябрь.

Передъ началомъ войны 1877 года Скобелевъ, помимо своихъ плановъ, перешелъ на службу въ дѣйствующую армію подъ команду великаго князя Николая Николаевича Старшаго; вскорѣ послѣ того, какъ онъ, ставъ лично во главѣ кавалерійскаго полка у Зимницы, переплылъ верхомъ Дунай и началъ въ служебномъ отношеніи снова становиться на ноги при такихъ обстоятельствахъ, когда «друзья» хотѣли его принизить и придавить,—онъ озаботился переводомъ изъ Туркестана въ дѣйствующую армію нѣсколькихъ человѣкъ достойныхъ офицеровъ [1]) и въ числѣ ихъ Сполатбога, въ которомъ успѣлъ замѣтить массу боевыхъ задатковъ. Тамъ, въ Болгаріи этотъ, офицеръ своей ретивой службой поставилъ себя въ боевомъ отношеніи такъ хорошо, что, по представленію Скобелева же, за особое отличіе, проявленное на глазахъ Бѣлаго генерала на Зеленыхъ Горахъ подъ Кришинскимъ редутомъ, былъ произведенъ въ майоры. Онъ состоялъ въ первомъ (Владимирскомъ) полку шестнадцатой пѣхотной дивизіи, выдѣлившейся за время войны, получившей большую извѣстность и стяжавшей названіе «Скобелевской»; въ этомъ же полку онъ сдѣлалъ весь боевой походъ до конца кампаніи, пройдя за Балканы; тамъ онъ былъ довольно серьезно контуженъ въ голову. По заключеніи мира въ С.-Стефано полкъ со всей дивизіей былъ оставленъ въ Болгаріи въ составѣ отряда, назначеннаго для оккупаціи страны подъ общимъ начальствомъ командира девятаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Столыпина [2]); при этомъ майору Сполатбогу было ввѣрено командованіе однимъ изъ батальоновъ полка.

Вскорѣ, однако, онъ попалъ въ инструкторы въ числѣ лучшихъ штабъ-офицеровъ, избранныхъ для обученія юной болгарской

---

[1]) Между ними были герои туркестанскихъ боевъ: Куропаткинъ, Масловъ (Владимиръ), Кусонскій, Грекъ, Бородаевскій, Ѳедоровъ, Калитинъ; послѣдніе двое пали геройскою смертью подъ Эски-Загрой въ первомъ забалканскомъ походѣ генерала Гурко; майоръ Горталовъ палъ у Скобелева при вторичномъ отнятіи у турокъ Кришинскаго редута 30-го августа (во время третьей «Плевны»). Авт.

[2]) Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ, отецъ покойнаго предсѣдателя совѣта министровъ, съ начала сороковыхъ годовъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи; состоялъ въ должности адъютанта при генералъ-адъютантѣ князѣ Горчаковѣ въ Севастополѣ; занималъ должность уральскаго военнаго губернатора и атамана Уральскаго казачьяго войска. По возникновеніи войны 1877 года онъ былъ причисленъ къ штабу дѣйствующей арміи и одно время находился въ распоряженіи начальника артиллеріи—генералъ-адъютанта князя Н. Ѳ. Масальскаго; затѣмъ, по взятіи Никополя генераломъ Криденеромъ былъ назначенъ комендантомъ этой крѣпости, а затѣмъ принялъ отъ Криденера IX корпусъ. Онъ выказалъ громадную, энергичную распорядительность, требовавшуюся въ дѣлѣ благоустройства города и окрестностей, главное же въ удовлетвореніи нуждъ проходившихъ черезъ крѣпость войскъ дѣйствующей арміи, а также союзной арміи румынской и, кромѣ того, массы плѣнныхъ турокъ, направлявшихся въ Россію черезъ крѣпость и задерживавшихся въ ней до открытія возможности дальнѣйшаго движенія черезъ Дунай. Впослѣдствіи—командиръ гренадерскаго корпуса, генералъ-адъютантъ, а затѣмъ управляющій дворцовою частью въ Москвѣ. Авт.

арміи, создавшейся тогда, или, вѣрнѣе сказать, разворачивавшейся изъ собраннаго—еще до объявленія войны—въ Кишиневѣ кадра болгарскаго ополченія.

Сполатбогъ образцово поставилъ дружину, которою ему довеслось прокомандовать почти полтора года, когда надъ нимъ и надъ его всегда корректной службой вдругъ стряслась нежданная, лично для него громадная по послѣдствіямъ бѣда.

Наскоро и отрывочно составленныя записки, оставшіяся послѣ чего, довольно связно и вполнѣ ясно разсказываютъ, какими причинами была вызвана вопіющая бѣда; но записки говорятъ лишь о внѣшнихъ причинахъ; очевидно, для того, чтобы направить всю исторію по тому пути, на который она, волею начальника, была выведена, должны были имѣться причины внутреннія, скрытыя; объ нихъ въ запискахъ, вѣроятно, случайно, умолчано, а, можетъ быть, не упомянуто изъ чувства деликатности, дабы не была выставлена слишкомъ большимъ пятномъ ложащаяся на требовательнаго начальника его продѣлка, увлекшая его на путь произвола.

Судя по тому, что изложено въ запискахъ Н. Н. Сполатбога, надъ нимъ была учинена одна изъ тѣхъ вопіющихъ несправедливостей, которыхъ жертвою обычно становится подчиненный въ тѣхъ случаяхъ, когда высшій начальникъ,—изъ упрямства, по большой части, имѣющаго въ основѣ лишь свое собственное ложное самолюбіе,— не только отказывается перерѣшить то, что онъ совершенно неправильно постановилъ, или сгоряча въ минуту вспышки, или просто не давши себѣ труда отнестись къ дѣлу съ достаточною обдуманностью, но и не допускаетъ мысли о возможности такого перерѣшенія. Обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ такъ, что давать указанія или открывать глаза на правду никто изъ окружающихъ начальника не считаетъ себя въ правѣ,—это въ лучшемъ случаѣ; а то и просто всякій сторонится, лишь бы не побезпокоиться самому или не вызвать нареканія по отношенію къ себѣ; въ иныхъ случаяхъ начальникъ подвергаетъ себя большимъ непріятностямъ, когда, послѣ настоятельныхъ просьбъ и указаній подчиненнаго, выслушиваетъ отъ него доводы—правдивые, но съ тѣмъ вмѣстѣ самые рѣзкіе; такіе доводы, въ большинствѣ случаевъ, приводятъ лишь къ тому, чтобы обозлить начальника, и, думается, не встрѣчалось «въ природѣ» случая, чтобы они его, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, образумили; тутъ вѣдь и потерпѣвшій идетъ на то, что ужъ рискнетъ все потерять, а «правду отрѣжетъ», хотя обыкновенно безъ пользы для себя.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, первый начальникъ болгарскаго ополченія, вполнѣ кроткій и въ высшей степени справедливый, Н. Г. Столѣтовъ уже сдалъ свою должность и былъ откомандированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Афганистанъ, какъ особо довѣрен-

ное лицо, къ эмиру Ширъ-Али-хану [1]). О немъ уже остались лишь воспоминанія, въ одинъ голосъ говорившія, что онъ и въ самой большой строгости, которую приходилось ему иногда проявлять, всегда помнилъ и на первый планъ ставилъ осторожность по отношенію къ судьбѣ и къ карьерѣ каждаго подчиненнаго. Онъ и въ дѣлѣ сужденія о службѣ лицъ подвѣдомственныхъ ему не забывалъ сказать себѣ самому излюбленную имъ поговорку: «la critique est aisée, mais l'art est difficile», простымъ людямъ онъ неизмѣнно говорилъ: «знаю, понимаю, братъ, что мнѣ охаить легко, каково-то тебѣ исполнить, а ты все же старайся». Фактически высшее начальствованіе надъ болгарскими войсками въ то время находилось въ рукахъ генерала Педепе, который и нашелъ себя въ правѣ учинить подполковнику Сполатбогу громадную непріятность, въ сущности медленно отравившую все его существованіе.

Этотъ генералъ, слывшій за человѣка воспитаннаго и порядочнаго, не могъ усвоить себѣ того, что, въ случаѣ ошибки, сдѣланной въ управленіи или въ командованіи, честь состоитъ не столько въ настояніи на непремѣнномъ исполненіи отданнаго распоряженія, сколько въ томъ, чтобы, вò-время сознавшись въ замѣченной ошибкѣ, отмѣнить все причиненное ею, въ особенности если ею вызвана хотя бы малѣйшая несправедливость относительно кого-либо изъ подчиненныхъ и его судьбы. Педепе не могъ понять, что это, собственно говоря, пропись и что этого держаться велитъ азбука дѣла служебныхъ отношеній къ подчиненнымъ.

Считаю необходимымъ разсказать вкратцѣ самый тотъ эпизодъ, немало взбудоражившій въ свое время и братушекъ, служившихъ тогда въ юной, только что созданной арміи, и нашихъ офицеровъ, поставленныхъ въ ней руководителями тѣхъ братушекъ [2]).

Во время войны части войскъ очень рѣдко довольствуются горячей пищей изъ общаго котла; по большей части нижніе чины варятъ себѣ щи и кашу или похлебку въ маленькихъ ручныхъ котелкахъ. Такъ какъ болгарское ополченіе формировалось во время военнаго похода, то въ дружинахъ сразу котловъ и не было заведено; лишь послѣ войны онѣ, обзаведясь хозяйствомъ, пріобрѣли большіе чугунные котлы, купивъ ихъ на базарахъ въ городахъ, или получивъ изъ частей нашей арміи. Мало-по-малу нѣкоторые изъ командировъ дружинъ нашли нужнымъ обзавестись дорогими мѣдными котлами; самое обзаведеніе, въ связи съ необходимостью періодическаго возобновленія полуды, обходилось сравнительно дорого, но дружины щеголяли этимъ одна передъ другой, и каждая

---

[1]) См. главу V этихъ записокъ; «Историческій Вѣстникъ», октябрь, стр. 67.

[2]) Нынѣ въ Киркъ-Килисѣ, Чаталджѣ и подъ Адріанополемъ они показываютъ, до какой степени тогда все наше и все то, что они видѣли у насъ,—твердо усваивалось ими.

изъ нихъ при первой же возможности какъ бы торопилась пріобрѣсти роскошную новинку.

Однимъ изъ первыхъ продѣлалъ это бывшій гвардеецъ Сполатбогъ.

Однажды впослѣдствіи явился къ нему капитанъ Кехли и заявилъ, что, прибывъ въ городъ и представившись полковому командиру полковнику К—ву, онъ получилъ отъ него распоряженіе—для продовольствія его, капитана, команды, съ которою онъ, отправляясь за покупкой ремонтныхъ для артиллеріи лошадей, находился на дневкѣ въ томъ городѣ [1]), принять отъ майора Сполатбога котелъ, въ которомъ и начать немедленно варку пищи. При этомъ капитанъ Кехли предъявилъ майору наскоро набросанное на его имя предписаніе полковника К—ва, который, написавъ собственноручно это предписаніе, выѣхалъ въ Разградъ навстрѣчу генералу Педепе.

— Я не могу передать вамъ котелъ,—сказалъ Сполатбогъ капитану Кехли:—моя дружина останется безъ горячей пищи, а люди уже и безъ того нѣсколько дней подвергаются гастрическимъ заболѣваніямъ.

— Полковникъ сказалъ мнѣ, что у васъ два котла; что еще въ прошломъ году вы пріобрѣли большой мѣдный котелъ, значитъ, можете передать мнѣ малый чугунный; у меня рѣшительно ничего нѣтъ, люди пятый день довольствуются сухой пищей.

— Полковникъ, вѣрно, забылъ, что въ прошломъ же году онъ приказалъ мнѣ чугунный котелъ передать въ Рущукъ артиллерійской же командѣ; я говорилъ полковнику еще недавно, что во время полудки мѣднаго котла вышла задержка въ изготовленіи горячей пищи. Чтобы отчасти выручить васъ, я могу вамъ передать ручные котелки, но ихъ у меня осталось всего лишь тридцать штукъ,—больше я не могу ничего сдѣлать; попробуйте, поищите въ городѣ на базарѣ чугунный котелъ, можетъ быть, найдете возможнымъ пріобрѣсти его покупкой. Тутъ вышло, очевидно, недоразумѣніе, его надо выяснить.

Вотъ все, что между Сполатбогомъ и Кехли произошло.

Какъ съ этимъ дѣломъ справился капитанъ Кехли, неизвѣстно; но вышла подъ Разградомъ же или подъ Рущукомъ совершенно случайная встрѣча его команды съ генераломъ Педепе, который, прибывъ въ сопровожденіи полковника К—ва на бивакъ, пожелалъ получить понятіе о качествахъ изготовляемой для команды пищи, а потому потребовалъ пробную порцію изъ котла. На объясненіе капитана Кехли, что въ его командѣ имѣется лишь небольшое число ручныхъ котелковъ, генералъ тутъ же обратился съ вопросомъ къ полковнику К—ву. Словомъ, вся исторія о котлѣ всплыла

---

[1]) Въ Шумлѣ.

и сдѣлалась извѣстною генералу; Сполатбогъ оказался не исполнившимъ категорически отданнаго ему приказанія.

— Я давно замѣчаю,—сказалъ сурово Педепе:—что этотъ штабъ-офицеръ отличается строптивостью, не вяжущеюся съ дисциплиной, мало внимателенъ къ приказаніямъ прямого начальства и служитъ плохимъ примѣромъ для подчиненнымъ ему чиновъ дружины; передайте ему мое приказаніе подать отчисленіе отъ должности командира дружины; нахожу, что этотъ случай переполнилъ чашу... Быть можетъ, майоръ Сполатбогъ съ бо́льшимъ рвеніемъ примется за несеніе службы въ Россіи, а здѣсь я не признаю возможнымъ дозволить ему попирать на глазахъ молодой арміи дисциплину и коверкать все заводимое нами съ такимъ большимъ стараніемъ.

Полковникъ К—въ «попробовалъ было замолвить слово», но сдѣлалъ это по-своему и очень слабо.

— Я сказалъ и требую исполненія,—съ запальчивою горячностью отвѣтилъ Педепе, а затѣмъ перевелъ разговоръ на другіе предметы.

Такъ дѣло сразу и рѣшилось.

Сполатбогъ всегда съ особою горечью вспоминалъ этотъ эпизодъ, заставившій его оторваться отъ излюбленнаго имъ дѣла—воспитанія и обученія юныхъ воиновъ-болгаръ; тяжело ему было вспоминать сломавшую его жизнь несправедливость одного изъ высшихъ военныхъ чиновъ, начальствовавшихъ тогда въ юной Болгаріи.

— Положительно въ поступкахъ моихъ,—говорилъ онъ,—не было ничего такого, что могло бы вызвать по отношенію ко мнѣ такую, по истинѣ жестокую, кару, изобрѣтенную въ минуту вспышки и рѣшенную безъ суда, слѣдствія и какого бы то ни было разбора. Я просилъ и даже требовалъ того, другого и третьяго, но тщетно: произволъ надменнаго начальника доходилъ до того, что мои просьбы и настоянія оставлялись безъ отвѣта.

Все это происходило на глазахъ тѣхъ самыхъ воиновъ, которымъ, ко всему, между прочимъ, надлежало вселить и привычку къ строгой законности. Думается, что подобными эпизодами врядъ ли дисциплина оставлялась не попранною и врядъ ли не коверкалось «все заводившееся, хотя бы и самимъ генераломъ, съ такимъ, какъ онъ выражался, большимъ стараніемъ».

— Мало назвать дѣйствія генерала Педепе въ этомъ дѣлѣ пристрастными,—говаривалъ нерѣдко Сполатбогъ; это же онъ повторилъ и въ оставленныхъ имъ посмертныхъ запискахъ своихъ:—въ этихъ поступкахъ генералъ отважился отвернуться отъ доброй совѣсти и затопталъ въ себѣ всякій намекъ на порядочность. Если, положа руку на сердце, онъ находилъ меня виновнымъ вообще, то остаюсь твердо убѣжденнымъ, что и въ мысляхъ своихъ онъ никогда не могъ имѣть, по чистой совѣсти, оправданія для себя въ

чемъ-либо такомъ, что могло вызвать больше выговора мнѣ по службѣ, а онъ, съ большой жестокостью, увлекся до исключенія меня изъ числа инструкторовъ, наравнѣ съ тѣми двумя офицерами, изъ коихъ, на глазахъ у всѣхъ, одинъ проявилъ большое и упорное нерадѣніе по службѣ, а другой даже недобросовѣстное отношеніе къ служебному долгу и къ казенному имуществу.

— Будучи всѣми засвидѣтельствованнымъ пристрастіемъ «генерала» поставленъ на одну доску съ этими двумя лицами, я не выдержалъ и, послѣ долгаго, настойчиваго, но оказавшагося тщетнымъ исканія суда и правды въ своемъ мелкомъ дѣлѣ, вызвавшемъ такія опозорившія меня послѣдствія,—при прощаніи съ генераломъ сорвался фразой, въ которой крайне запальчиво, почти не помня себя, порекомендовалъ ему твердо помнить, что я не желаю срамить дорогое каждому изъ насъ званіе русскаго офицера и лишь потому щажу его, генерала, здѣсь, на глазахъ освобожденныхъ нами братьевъ и въ ихъ странѣ, а въ Россіи, при первой же встрѣчѣ, я сумѣю свести съ нимъ счеты; пусть онъ знаетъ это и считаетъ меня въ долгу.

— Не собирался я мстить лично за себя,—говорилъ Сполатбогъ: — дороги мнѣ были и принципы и честь оскорбленнаго въ моемъ лицѣ штабъ-офицера; сказанныя генералу въ присутствіи другихъ русскихъ офицеровъ слова всегда я считалъ съ своей стороны преступными и не разъ приходилъ къ тому заключенію, что напрасно не далъ себѣ труда твердо сдержаться.

«Впослѣдствіи же на родинѣ я, дошедши въ душѣ до полнаго раскаянія въ произнесеніи тѣхъ словъ, поражался, когда при встрѣчахъ съ тѣмъ генераломъ имѣлъ непріятность видѣть, какъ онъ, блѣднѣя и дрожа отъ страха, старался, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ другихъ, отъ меня не только спѣшно уходить или попросту убѣгать, но даже прятаться. Только тогда довелось мнѣ понять, какого сорта былъ этотъ врагъ и какимъ избыткомъ малодушія, ему присущаго, былъ вызванъ несправедливый по отношенію ко мнѣ поступокъ, немало поломавшій мою и безъ того не особенно счастливую карьеру, которою я, однако, дорожилъ и былъ въ то время счастливъ. Весь начальникъ тотъ, съ головы до ногъ, не стоилъ никакого вниманія; онъ лишь умѣлъ показать въ своихъ дѣйствіяхъ товаръ лицомъ. Все въ немъ было напускное, фальшивое, и большинство офицеровъ, служившихъ дорогой родинѣ и царю дѣломъ подготовки молодой братской арміи въ отвоеванномъ краѣ, сходилось въ томъ убѣжденіи, что не такого слабаго въ дѣлахъ справедливости и доблести представителя имъ нужно было передъ лицомъ воспитывавшагося ими въ духѣ воинскаго благородства молодого поколѣнія братушекъ—офицеровъ и солдатъ.

«Такъ думалось намъ тогда.

«Впослѣдствіи я, по-христіански, забылъ этому генералу все сдѣланное имъ мнѣ зло; мало того, я тщательно много разъ пересмотрѣлъ всѣ свои записки съ тѣмъ, чтобы нигдѣ не проскользнуло имя этого генерала; пусть знаютъ его только тѣ офицеры, коимъ довелось быть невольными свидѣтелями моихъ несчастій и тогда же видѣть, отъ кого эти мои невзгоды произошли; я не хочу,— говоритъ Сполатбогъ въ своей пространной запискѣ,—предавать имя этого генерала, тѣмъ болѣе, что и за нимъ, быть можетъ, имѣются большія заслуги, дающія ему право на полученіе такой пощады, какой мнѣ онъ не нашелъ нужнымъ дать, хотя не могъ не вѣдать, что онъ творилъ, когда чинилъ надо мной Шемякинъ судъ.

«Такъ думается мнѣ теперь.

«Совершенно расходясь съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые, разбирая заслуги этого генерала, приписывали ихъ другимъ,— именно тѣмъ, коихъ руками онъ будто бы загребалъ жаръ,—я всегда повторю то, на чемъ стоялъ въ горячихъ спорахъ съ товарищами о томъ, что отдавать справедливость заслугамъ каждаго, даже и врага, нашъ святой долгъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ я никогда не замолчу того, что такіе слабые, бездушные люди, какимъ представился этотъ человѣкъ, безжалостно потоптавшій все, имѣвшее даже малѣйшій намекъ на безпристрастіе,—такіе люди неспособны понимать и чувствовать, что большая легкость прощенія ихъ вины не засчитывается въ заслугу ни имъ, ни ихъ чести. Бѣда въ томъ, что на русской службѣ онъ находился, да не былъ въ полномъ смыслѣ слова русскій, чистый человѣкъ».

Эта выдержка изъ записокъ, которыя Н. Н. Сполатбогъ велъ,— очевидно, въ минуты просвѣтлѣнія,—позднѣе, въ ту пору, когда онъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни находился на излеченіи въ одной изъ кіевскихъ больницъ для душевно-больныхъ и нервно-разстроенныхъ людей, много обрисовываетъ и опредѣляетъ черты его характера и благородство его натуры.

Возвратясь въ Россію отщепленнымъ отъ состава товарищей, оставшихся при счастьи продолжать свою плодотворную дѣятельность на пользу братскаго народа, освобожденнаго волею великаго царя,—Сполатбогъ пережилъ много тяжелыхъ дней угнетеннаго состоянія и Богъ знаетъ, до чего дошелъ бы, если бы опять не пришелъ ему на выручку тотъ же М. Д. Скобелевъ, ставшій его добрымъ геніемъ.

Но объ этомъ впереди.

X.

Сватовство Н. Н. Сполатбога въ Болгаріи.—Отъѣздъ его въ Петербургъ.—Генералъ-адъютантъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.—Пріѣздъ невѣсты въ столицу.—Посѣщеніе Д. И. Скобелева (отца).—Телеграмма М. Д. Скобелева (сына).—Хлопоты о вѣнчаніи во время поста.—А. А. Боголюбовъ, К. П. Побѣдоносцевъ.—Митрополитъ Исидоръ, о. В. Б. Баженовъ, о. Менчицъ, священникъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора; кончина его.

Во время своей службы въ болгарскомъ ополченіи майоръ Сполатбогъ, посѣщая во время служебныхъ досуговъ семью одного хорошаго, добраго, довольно зажиточнаго болгарина-патріота, задумалъ жениться на его единственной дочери, очень развитой, быстроглазой, жизнерадостной дѣвушкѣ. Родители сначала дали обѣщаніе поступить въ этомъ такъ, какъ пожелаетъ сама безумно любимая ими Фроса. Но мать, не желая разстаться съ любимымъ, единственнымъ дѣтищемъ, выставляла массу различныхъ причинъ, которыми, видимо, старалась склонить дѣвушку, если не къ отказу, то къ проволочкѣ дѣла, въ томъ расчетѣ, чтобы оставленіе ею родительскаго дома затянулось и дальнѣйшій ходъ всего затормозился.

Прежде всего мать находила, что такъ какъ дѣвушкѣ едва исполнилось пятнадцать лѣтъ, то нечего и думать о скоромъ рѣшеніи этого вопроса въ положительную сторону; затѣмъ добрая женщина прямо и просто высказывала, что не вынесетъ разлуки со своимъ ребенкомъ. Женихъ возражалъ, что видитъ въ краѣ обычай выдавать замужъ не только пятнадцати, но и тринадцатилѣтнихъ дѣвушекъ; далѣе онъ говорилъ, что разлуки не предстоитъ, такъ какъ онъ служитъ въ Болгаріи, объ оставленіи службы не думаетъ, будетъ себѣ жить съ Фросой возлѣ родителей, стараясь, на радость имъ, устроить ея счастье. На это мать отвѣчала очень горячо, что не желаетъ и не признаетъ возможнымъ допускать глупости, которыя поддерживаются и допускаются въ другихъ семьяхъ; она уже видѣла много браковъ, коихъ несчастье обусловливалось именно тѣмъ, что они были ранніе.

— Относительно же разлуки развѣ вы вольны?—говорила она:—великій бѣлый царь, какъ послалъ васъ сюда на наше счастье, такъ можетъ признать, что довольно вы здѣсь уже потрудились и отзоветъ васъ всѣхъ; развѣ вы скажете хоть одно слово противъ его приказа; грѣхъ былъ бы великій, вы должны точно исполнять его волю, а потому уѣдете «на Руссія та», нашу Фросу возьмете съ собой, а мы здѣсь на кого останемся?

Затѣмъ слѣдовали нескончаемыя слезы; на нихъ разговоръ прекращался. Когда Сполатбогъ возобновлялъ его, со стороны матери неизмѣнно получались тѣ же отвѣты; но съ теченіемъ времени заботливая, обожавшая свое дѣтище женщина перестала дѣ-

лать свои возраженія, у нея такъ наболѣло на сердцѣ, что на всѣ просьбы, требованія, уговариванія и доводы она отвѣчала лишь слезами и просьбой «асамъ гурката» (пожалѣйте меня, пожалуйста).

Дѣвушка, видимо, хотѣла бы со своей стороны настаивать на уступкахъ для окончанія дѣла, но и не подумала дать хоть малѣйшій намекъ на то, что она могла бы пойти противъ желанія матери, которая съ безконечной любовью вырастила ее въ тяжелой жизни во время самаго разгара жестокаго ига, давившаго страну. Отецъ—суровый воинъ, раньше времени состарившійся въ бояхъ и стычкахъ, вѣчно отбиваясь отъ нападавшихъ черкесовъ и башибузуковъ, какъ будто не принималъ участія въ этомъ, вдругъ съ неба свалившемся, семейномъ эпизодѣ; онъ думалъ совсѣмъ другую думу, онъ ждалъ, когда-то и какъ окончится святое дѣло, задуманное царемъ-Освободителемъ, и всѣ его помыслы, всѣ чувства была заняты лишь желаніемъ и ожиданіемъ скорѣйшаго, благополучнаго окончанія этого дѣла; онъ думалъ о женѣ, о дочери, вообще о семьѣ лишь настолько, насколько семья эта выглядывала для него изъ-за другой, громадной семьи—родины[1]).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, опасенія матери, хотя и не въ полной точности, сбылись скорѣе, чѣмъ она могла предполагать; будущему зятю, котораго ея дочь любила до безумія, а потому и она успѣла полюбить, какъ сына,—пришлось скоро дожить до того, что надо было оставить насиженное въ странѣ освобожденныхъ братушекъ дѣло, пришлось уѣзжать «на Руссія та».

Съ большой твердостью и крайне серьезно взялся за это дѣло самъ Сполатбогъ; онъ видѣлъ, что отъѣздомъ, вызваннымъ громадной непріятностью, причиненной ему, обусловливалось лишеніе средствъ, а это вызвало необходимость заняться устройствомъ своей судьбы; понадобится много времени, энергіи, силъ и усиленныхъ хлопотъ; все можно было сдѣлать лишь на свободѣ, не втягивая въ это дѣло дѣвушку и оставляя до поры, до времени ея судьбу совершенно отдѣленною отъ него; только установивши и опредѣливши свое дальнѣйшее служебное положеніе, можно было подумать о рѣшеніи положенія жизненнаго и семейнаго.

Въ отвѣтъ на раздиравшія душу слезы и мольбы, съ которыми пришла къ нему мать, прослышавшая о происшедшемъ, Сполатбогъ прямо серьезно объяснилъ ей, что рѣшаетъ ѣхать въ Россію одинъ и, когда все приведетъ къ порядку, тогда или немедленно пріѣдетъ самъ въ Тырновъ, или попроситъ ихъ пріѣхать къ нему въ Россію; а до тѣхъ поръ все оставляетъ неизмѣннымъ. Для матери это рѣшеніе вышло до такой степени неожиданнымъ, что она долго

[1]) Какъ ясно слова эти рисуютъ теперешное положеніе братушекъ, призванныхъ тогда царемъ-Освободителемъ къ кипучей жизни, имъ, очевидно, предопредѣленной!

не только не хотѣла, но и не могла вѣрить въ дѣйствительность происшедшаго; она была счастлива тѣмъ, что срокъ разлуки съ дочерью откладывался на неопредѣленное время.

Въ назначенный день съ грустью, съ тяжелыми чувствами уѣхалъ майоръ на родину; при разлукѣ въ первый разъ довелось ему увидѣть горькія слезы, которыя тихо проливала не дрогнувшая до послѣдняго момента умная, сердечная и твердая Фроса.

По пріѣздѣ въ Петербургъ пошли у Сполатбога представленія самому разнообразному начальству; вездѣ хотѣлось ему объяснить свое положеніе и доказать свою правоту; хотѣлось не проронить обвиненія противъ кого бы то ни было, но не всегда это удавалось. Нѣкоторыя изъ выслушивавшихъ его лицъ находили его правымъ, другія виновнымъ, третьи, находя его правымъ, не менѣе правымъ признавали и «генерала», обрушившагося на него всею своею силою, суетно работавшею изъ-за мелкаго желанія, во что бы то ни стало, сломить волю и сорвать карьеру маленькаго дружиннаго командира, осмѣлившагося имѣть свое сужденіе и твердо его держаться.

Выбиваясь вездѣ изъ силъ, волнуясь, горячась, онъ имѣлъ лишь нѣкоторое утѣшеніе выслушать безусловное оправданіе своихъ дѣйствій со стороны бывшаго прямого начальника своего, генералъ-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова.

Почтенный генералъ, какъ извѣстно, раньше, т. е. тотчасъ по заключеніи Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, занималъ постъ генеральнаго комиссара Болгаріи и игралъ роль государева намѣстника; онъ вводилъ управленіе молодой страной и учреждалъ армію.

Несмотря на громадную массу серьезныхъ занятій и дѣлъ по проведенію въ странѣ царскихъ начертаній, онъ, этотъ старый опытный кавказецъ, умѣлъ соединять въ себѣ дѣятельность гражданскую съ военной; онъ слѣдилъ за образованіемъ учредительнаго собранія, за установленіемъ гражданскихъ властей, не пропуская мельчайшихъ подробностей всего касавшагося юной арміи.

Когда Сполатбогъ представился ему въ Петербургѣ, онъ встрѣтилъ его ласково, какъ стараго знакомаго, котораго старательная, энергичная и плодотворная дѣятельность по службѣ на поприщѣ устроенія арміи братушекъ была ему вполнѣ извѣстна.

Выслушавъ его, онъ изумился.

— Что сдѣлалось съ генераломъ,—говорилъ онъ:—это на него вовсе не похоже; видно, изнервничался онъ на своемъ посту; вѣдь я его знаю хорошо и никогда не повѣрилъ бы, что онъ могъ все это продѣлать, если бы не выслушалъ разсказа о немъ отъ васъ и не видѣлъ бы документовъ, ясно говорившихъ за правоту вашихъ дѣйствій. Я напишу ему и передамъ вамъ письмо, въ которомъ по-

прошу его сдѣлать то, о чемъ вы его просили и что является совершенно справедливымъ, т. е. дать вамъ возможность оправдаться судомъ.

Сполатбогъ былъ безконечно благодаренъ справедливому, разумному и великодушному начальнику, но въ волненіи не сразу сообразилъ, что изъ этого не выйдетъ ничего, такъ какъ онъ уже не былъ подчиненъ «генералу» и судить его въ Болгаріи никоимъ образомъ не могли; ему надо было просить содѣйствія князя къ опредѣленію его на какую-либо военную должность въ предѣлахъ Россіи. Упустивъ это, онъ уже не рѣшался, совѣстился вторично безпокоить крайне занятаго князя. Съ другой стороны, князь могъ искать содѣйствія, быть можетъ, только черезъ тѣхъ лицъ, кои, въ сущности, не имѣли ничего общаго съ нимъ во взглядахъ на всю исторію столкновенія Сполатбога.

Вообще, вся непривлядность этого дѣла угнетала майора; онъ всегда зналъ и понималъ, что, разъ потерявъ свое положеніе, нелегко возстановить его; теперь пришлось ему это самое съ горечью почувствовать на своемъ дѣлѣ; бывали дни, часы и минуты, когда онъ предавался полному отчаянію, при чемъ не могъ отдѣлаться отъ него, несмотря на то, что самъ себя укорялъ въ малодушіи. Поддержкой ему служили лишь чувства его къ юному, чистому созданію, съ которымъ онъ стремился и надѣялся соединить свою судьбу.

Вдругъ среди мрака тяжелаго угнетенія сверкнулъ для него лучъ свѣта: дѣвушка, занявшая всѣ его мысли и все его существо, почувствовала, поняла изъ писемъ безысходность его положенія и, уговоривши мать свою ѣхать къ нему, на далекій, холодный сѣверъ, неожиданно появилась въ непривѣтливой столицѣ великой «Руссіи».

Можно себѣ представить, какъ обрадовался этому появленію измученный Николай Николаевичъ и какъ оно ободрило его.

Видя радость его и счастье своей ненаглядной Фросы, которая въ Петербургѣ какъ бы ожила и переродилась, мать дала обѣщаніе больше не разстраиваться самой и не нервить другихъ; рѣшено было безъ промедленія повѣнчаться, зажить семейною жизнью и тогда спокойно продолжать тѣ хлопоты, успѣху которыхъ неопредѣленность семейнаго положенія, безъ сомнѣнія, должна была также служить непреодолимой помѣхой.

Суета помѣшала всѣмъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что уже наступилъ Рождественскій постъ и что съ вѣнчаніемъ придется обождать больше шести недѣль. Потужили немного и поневолѣ рѣшили назначить днемъ свадьбы 8-е января.

Черезъ нѣсколько времени послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ Н. Н. Сполатбогъ узналъ, что М. Д. Скобелевъ пріѣзжалъ въ столицу и что уѣхалъ лишь за нѣсколько дней до его пріѣзда. Онъ поспѣшилъ разыскать его отца Дмитрія Ивановича, былъ имъ принятъ ласково, при чемъ узналъ лишь, что сынъ вновь пріѣдетъ не скоро.

Узнавъ адресъ Бѣлаго генерала, Н. Н. написалъ ему длинное письмо, въ которомъ изложилъ все случившееся съ нимъ на службѣ въ Болгаріи. Радость прибытія невѣсты омрачилась тѣмъ, что отъ М. Д. не приходилъ отвѣтъ; грусть объ этомъ по временамъ смѣнялась сожалѣніемъ о своей рѣшимости написать; Сполатбогу часто приходило на умъ, что не слѣдовало тревожить М. Д. своимъ дѣломъ оно, навѣрное, ему показалось мелкимъ, мизернымъ...

Велика же была радость, когда въ ночь на день своихъ именинъ, онъ получилъ отъ М. Д. телеграмму:

«Увѣренъ, что не поддаетесь, остаетесь твердымъ; дѣло ничего не стоитъ, еще меньше стоитъ начальникъ, такъ легко губящій заслуженныхъ подчиненныхъ; приготовляйтесь прибыть ко мнѣ по первому зову; тронемся вмѣстѣ въ походъ. Скобелевъ».

Не утерпѣлъ Николай Николаевичъ, и снова отправился къ Дмитрію Ивановичу, причемъ показалъ ему телеграмму:

— Ну, вотъ, Миша ужъ и трезвонитъ,—сказалъ старикъ:—еще только разговоръ одинъ идетъ о назначеніи его командующимъ, если будетъ рѣшена новая экспедиція въ Текинскій край, а онъ уже разглашаетъ.

Затѣмъ добрый старецъ самъ, видимо, не утерпѣлъ и разсказалъ обо всѣхъ назрѣвшихъ предположеніяхъ.

Оказалось, что,—какъ впослѣдствіи сообщалъ въ своей книжкѣ лѣтописецъ ахалъ-текинской экспедиціи и дѣяній Скобелева, молодой инженеръ А. Н. Масловъ [1]),—осенью 1879 г., во время пріѣзда М. Д. Скобелева въ Петербургъ, государь самъ поднялъ вопросъ о необходимости снаряженія въ 1880-мъ году новой экспедиціи, которая покрыла бы неудачи похода генерала Ломакина, принявшаго отрядъ послѣ смерти генералъ-адъютанта Лазарева. Узнавъ объ отказѣ Тергукасова отъ командованія отрядомъ, государь намѣтилъ назначеніе М. Д. Какъ только Бѣлый генералъ узналъ объ этомъ полуофиціально, онъ тотчасъ же горячо «принялся ковать желѣзо»; дѣятельную работу надъ этимъ важнымъ дѣломъ и самыя разнообразныя приготовленія, соображенія, распоряженія онъ началъ задолго до выхода высочайшаго приказа объ его назначеніи; вотъ почему онъ, безъ всякаго стѣсненія, разсылалъ по телеграфу вызовы, приглашенія разнымъ лицамъ, которыхъ исподволь подбиралъ себѣ въ составъ служащихъ и отъ которыхъ, въ дѣлѣ под-

[1]) См. его «Завоеваніе Ахалъ-Теке», 2-ое изд. 1887 г., изд. А. С. Суворина.

готовки, надѣялся получить энергичное содѣйствіе; многихъ онъ сразу намѣтилъ и, рѣшивъ ихъ призвать, увѣдомилъ объ этомъ; въ числѣ такихъ лицъ состояли между прочимъ генеральнаго штаба полковникъ Гродековъ, продѣлавшій походъ съ Ломакинымъ, старшій адъютантъ штаба скобелевской дивизіи Баранокъ, адъютантъ Ушаковъ, майоръ Сполатбогъ и другіе, изъ труда которыхъ онъ разсчитывалъ извлечь возможно бо̀льшую пользу.

Ни одной минуты Сполатбогъ не заду̀мался надъ тѣмъ, чтобы остановиться дать или не дать свое согласіе; объ этомъ не могло быть ни рѣчи, ни мысли; онъ прямо предложеніе Михаила Дмитріевича счелъ для себя за рѣшеніе немедленно собраться и тотчасъ же пуститься въ путь, куда бы ни призвалъ Михаилъ Дмитріевичъ.

Начавшіяся усиленныя и, безъ сомнѣнія, суетливыя приготовленія къ свадьбѣ, днемъ которой былъ назначенъ день 8-го января, оборвались полученною отъ Бѣлаго генерала телеграммой; отсрочка до 8-го января не могла быть допущена; пришлось поневолѣ столкнуться съ положеніемъ невозможнымъ къ исполненію: выѣхать непремѣнно надо было до Рождества, а между тѣмъ наступившій постъ снова выступилъ, какъ досадное препятствіе къ совершенію вѣнчанія.

Разговорамъ и размышленіямъ не было конца; чтобы не послѣдовало какого бы то ни было разстройства въ предпринятомъ дѣлѣ соединенія ихъ судьбы, женихъ и невѣста раньше рѣшили во что бы то ни стало принять мѣры къ скорѣйшему принятію вѣнца, поэтому и послѣдовали у нихъ одно за другимъ рѣшенія—вѣнчаться немедленно, вѣнчаться скоро, вѣнчаться послѣ окончанія рождественскихъ праздниковъ:—все это рухнуло, и, что предстояло предпринять, никто не могъ себѣ этого представить.

Мать, какъ будто бы умышленно, воздерживалась отъ выраженія какихъ бы то ни было предложеній къ разрѣшенію вопроса; женихъ, если и не колебался, то и твердо на что-либо рѣшающимся въ началѣ не казался; все какъ будто затихло, замерло. Скоро, однако, невѣста начала ясно настаивать на томъ, чтобы женихъ бросилъ все, кромѣ энергичныхъ приготовленій, и выѣхалъ бы немедленно, какъ того требовалъ и желалъ Бѣлый генералъ, призывавшій къ боевой службѣ.

— Что дѣлать,—говорила она:—если Богъ рѣшитъ сохранить тебя въ бояхъ, успѣемъ составить свое счастье послѣ твоего возвращенія изъ труднаго похода, а если нѣтъ,—значитъ, не судьба, исполненіе же долга выше всего.

Такъ говорила дѣвушка, выросшая среди невзгодъ вѣчно боевого положенія на родинѣ и привыкшая знать, что достиженіе счастья возможно лишь при полнѣйшей точности въ дѣлѣ самаго добросовѣстнаго исполненія святого долга передъ отечествомъ.

Самсонъ Георгіевичъ Аленичъ.

Мать вторила дочери; но не долгъ службы жениха ставила она на первый планъ; со дня принятія рѣшенія покориться силѣ обстоятельствъ, не давать воли своей первности и открыть просторъ спокойному теченію событій, которыя, по словамъ окружающихъ, должны были привести къ устройству счастья ея дочери, — она нѣтъ-нѣтъ, да всплакнетъ горько наединѣ, тщательно стараясь скрыть отъ всѣхъ проявленіе такой слабости; а тутъ материнское

чувство находило успокоеніе въ предвидѣніи возможности дальнѣйшаго, по отъѣздѣ жениха, продолженія совмѣстной жизни съ дочерью; это порождало въ ней радость эгоизма, и она, не отдавая себѣ хорошо отчета во всемъ, готова была успокоиться на такой радости.

Не такъ сложилось рѣшеніе этого вопроса у самого Н. Н. Сполатбога. При помощи своихъ друзей и товарищей онъ немедленно началъ энергичныя хлопоты о невозможномъ, а именно о томъ, чтобы ему было дано разрѣшеніе, не взирая на постъ, повѣнчаться. Въ кружкѣ пріятелей рѣшено было обратиться съ просьбой по этому трудному дѣлу къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода Константину Петровичу Побѣдоносцеву.

Навелъ на эту мысль полковникъ генеральнаго штаба Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ, очень способный офицеръ, подававшій въ свое время большія надежды. Окончивъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, онъ съ 1868 года служилъ на Кавказѣ въ гренадерской великаго князя Михаила Николаевича артиллерійской бригадѣ, а въ 1872 году перешелъ на службу въ Варшаву въ третью батарею гвардейской конной артиллеріи; въ 1876 году онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ академіи генеральнаго штаба; затѣмъ, командуя во время войны 1877 года въ чинѣ подполковника батальономъ Подольскаго, драгомировской дивизіи, полка, былъ тяжело раненъ на Шипкѣ; пуля, пущенная съ горы св. Николая, попала ему въ правый бокъ и, пролетѣвъ насквозь, вышла изъ лѣваго, при чемъ задѣла спинной хребетъ съ внутренней стороны.

Перевезенный съ Шипки въ Габрово, онъ пролежалъ тамъ сравнительно долго въ параличѣ; только голова его оставалась совершенно свѣжею и здравою. Года черезъ два онъ поправился настолько, что началъ ѣздить верхомъ, поднимался по лѣстницѣ, немало ходилъ и опредѣлился на службу въ должность начальника таможеннаго округа на Кавказѣ. Исцѣленіемъ своимъ онъ былъ всецѣло обязанъ сестрѣ милосердія Н. А. Энгельгардтъ, которая съ рѣдкимъ самоотверженіемъ положила душу свою и отдала всѣ силы дѣлу ухода за молодымъ штабъ-офицеромъ; она, какъ онъ говорилъ, выходила его и спасла.

Первымъ дѣломъ его по возвращеніи въ Россію было жениться на ней; свадьба состоялась лѣтомъ 1879 года, при чемъ родная сестра ея, Екатерина Александровна Побѣдоносцева, была посаженною матерью ея жениха.

А. А. Боголюбовъ въ занятой имъ на Кавказѣ должности, проживъ нѣсколько лѣтъ, скончался совершенно независимо отъ раны,— его сразилъ пятнистый тифъ.

Хотя вообще К. П. Побѣдоносцевъ, этотъ серьезный государственный человѣкъ, считался въ достаточной степени доступнымъ, но, несомнѣнно, дружескія отношенія съ Боголюбовымъ дали Сполатбогу болѣе легкій доступъ къ этому рулю въ направленіи теченія жизни и службы святѣйшаго синода.

Хорошо изучивъ характеръ, нравъ и обычаи Константина Петровича, Боголюбовъ съ твердостью посовѣтовалъ не обращаться къ нему по этому дѣлу съ просьбой, а лишь попросить у него на этотъ счетъ совѣта и спросить, какъ можно вообще столь затруднительное дѣло разрѣшить и можно ли надѣяться его разрѣшить успѣшно.

Выслушавъ все съ большимъ вниманіемъ, К. П. спросилъ: «Нельзя ли обойтись безъ такого важнаго нарушенія правилъ церкви православной? Не лучше ли,—сказалъ онъ,—воспользоваться въ высшей степени благоразумнымъ совѣтомъ невѣсты-болгарки и поступить согласно этому мудрому совѣту?»

— Несомнѣнно, что если Господь захочетъ помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ, то сохранитъ васъ и дастъ вамъ возможность вернуться; тогда вы получите все къ тому, чтобы приступить къ устройству своей судьбы и судьбы этой умной дѣвушки, такъ свѣтло смотрящей въ глаза будущему,—вамъ не понадобится ломать принятые нашею церковью обычаи, нарушать законы и обходить постановленія, которыхъ она вообще старается строго держаться.

— Я твердо рѣшилъ сдѣлать этотъ шагъ до своего отъѣзда въ скобелевскій военный походъ,—отвѣтилъ Сполатбогъ:—конечно, дѣвушка, невѣста моя, во всякомъ случаѣ останется вѣрною нашему соглашенію, но если мнѣ суждено не вернуться,—я буду болѣе спокоенъ и спокойно умру, зная, что наши взаимныя чувства скрѣплены тою же святою церковью, о правилахъ которой вы говорите и которую я почитаю...

Эти и подобные разговоры происходили ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Болѣе всего дѣйствовалъ на К. П. Боголюбовъ; К. П. велъ разговоръ въ мягкой, иногда полушутливой формѣ, но, казалось, не было видно вѣроятности уступокъ съ его стороны; къ тому же дѣло это онъ все же принялъ, не какъ обращеніе за совѣтомъ, а какъ просьбу дать формально какой-либо исходъ.

Въ концѣ концовъ К. П., пересыпая свои рѣчи нескончаемыми разъясненіями того, что онъ въ подобномъ дѣлѣ вовсе не компетентенъ, а еще менѣе властенъ, посовѣтовалъ съѣздить къ митрополиту Исидору и прямо его попросить дѣло это, такъ или иначе, «благословить къ доброму исходу», если это окажется возможнымъ.

На поставленный Боголюбовымъ прямо вопросъ, позволяетъ ли К. П. сослаться на него, онъ отвѣтилъ, что рекомендуетъ сдѣлать такъ, какъ обстоятельства дѣла покажутъ.

— Вѣдь надо,—сказалъ онъ, какъ бы стараясь выставить свою прямоту,—добиться достиженія цѣли, которою вы задались, тре-

буется доведеніе дѣла до вполнѣ удовлетворительнаго результата; вѣдь не затѣмъ вы поѣдете, чтобы завѣдомо вернуться ни съ чѣмъ; поэтому попробуйте сначала обратиться также за совѣтомъ, а если увидите малую податливость митрополита или колебаніе съ его стороны, то скажите ему, что спрашивали моего совѣта и я направилъ васъ къ нему за совѣтомъ же».

Нельзя сказать, чтобы владыка Исидоръ встрѣтилъ вполнѣ благодушно и дружелюбно прибывшихъ къ нему въ довольно поздній вечерній часъ нежданныхъ гостей-просителей. Сполатбогъ какъ бы игнорировалъ сдержанность благоразумныхъ товарищей, взявшихся сопровождать его въ поѣздкѣ, вызванной такими непривычными обстоятельствами и создавшейся при такой странной обстановкѣ; онъ очень много волновался, горячился и нервничалъ. Все это было причиной того, что когда, при первой встрѣчѣ, митрополичій «служка» объявилъ, что владыка въ такіе часы не принимаетъ, Сполатбогъ пробовалъ спокойно заговорить о томъ, нельзя ли все-таки доложить о нихъ; они должны передать очень важное дѣло; но не долго выдержалъ онъ этотъ тонъ и на повторенный служкой отказъ тутъ же, совершенно не помня себя, выболталъ, что пріѣхали, молъ, мы всѣ отъ оберъ-прокурора. Это, должно быть, подвинуло служку отважиться доложить.

Просители были приняты митрополитомъ, быть можетъ, и не вслѣдствіе этого указанія, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, именно оно было главной причиной недружелюбія со стороны владыки. Потомъ самъ Сполатбогъ говорилъ, что, какъ рѣшительно неопытный въ дѣлахъ сношенія съ высшими духовными лицами, онъ въ отвѣтъ на благословеніе, данное ему владыкой, просто пожалъ его руку, чего не можетъ себѣ простить; а затѣмъ, какъ опытности не набравшійся, онъ и послѣ этого, приписывая неудачу мелочамъ, прибавлялъ: «оттого и все не удалось».

Выслушавъ совершенно спокойно разсказъ одного изъ прибывшихъ, митрополитъ сухо спросилъ:

— Чего же вы отъ меня въ этомъ дѣлѣ ожидаете?

— Можетъ быть, ваше преосвященство разрѣшите одному изъ священниковъ вашей паствы повѣнчать меня во время текущаго поста,— нетерпѣливо вставилъ или, попросту сказать, сболтнулъ Сполатбогъ.

— То-есть какъ это разрѣшите; развѣ у васъ уже есть на примѣтѣ одинъ изъ священниковъ, которому я могъ бы разрѣшить сдѣлать это?—спросилъ владыка не безъ ядовитости.

— Нѣтъ, у насъ такого священника нѣтъ, но вы можете разрѣшить...

— Попробовали ли вы сначала поговорить о такомъ дѣлѣ въ средѣ духовенства? Знаете ли вы, что ни одинъ изъ священниковъ не рѣшится пойти на такое дѣло, хотя бы я и взялъ на себя ему это поручить или, какъ вы выражаетесь, разрѣшить?

— Мы не были ни у одного священника и вообще съ духовными лицами объ этомъ говорить намъ еще не пришлось,—заговорилъ одинъ изъ товарищей:—но, ѣхавши къ вашему высокопреосвященству, мы надѣялись, что вы благословите насъ выслушать отъ васъ такой совѣтъ, который вывелъ бы изъ затруднительнаго положенія нашего товарища; этому товарищу необходимо теперь же устроить свое семейное дѣло и ѣхать къ исполненію долга на полѣ брани совершенно свободнымъ отъ этой мірской заботы...

— Какой вамъ совѣтъ?—почти перебилъ владыка:—Весь совѣтъ все тотъ же: тведро во всемъ держаться религіи, вѣры и указаній православной нашей церкви, а потому не думать о такихъ несуразностяхъ и не затѣвать ихъ ни подъ какимъ видомъ; экое дѣло придумали,—развѣ это возможно!...

— Что же придумали?! Насъ не осудилъ за это оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, онъ и далъ совѣтъ просить вашего рѣшенія,— вдругъ совершенно несдержанно и почти запальчиво бухнулъ Сполатбогъ, поддавшись громадному волненію, одолѣвшему его.

Видя все неприличіе принятаго тона съ высокой особой уважаемаго архипастыря, товарищи встали, дабы прекратить разговоръ и оставить владыку, не тревожить его больше.

— Оберъ-прокуроръ, — сказалъ въ раздумьи митрополитъ, не вставая съ дивана:—вотъ вы не подумали поговорить съ духовенствомъ, а прямо пошли въ бесѣду съ оберъ-прокуроромъ; да что тутъ оберъ-прокуроръ можетъ сдѣлать или хотя бы посовѣтовать? Какой тутъ совѣтъ? Вотъ вамъ еще совѣтъ, выслушайте его: какъ вамъ не стыдно безпокоить начальство такими неподходящими дѣлами; вы должны бы знать, что за всякою прихотью нельзя итти по верхамъ; вѣдь вы хотите не только нарушенія законовъ и установленной обрядности, но требуете и забвенія святой вѣры нашей.

Владыка всталъ, каждаго молча благословилъ и направился, насколько можно скоро, въ свои внутренніе покои.

Такъ эта добрая компанія и отошла отъ владыки далеко не съ миромъ.

К. П. Побѣдоносцевъ, видимо, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидавшій ихъ возвращенія, не измѣнивъ ни одной черты лица своего, выслушалъ весь отъ слова до слова переданный ему А. А. Боголюбовымъ разговоръ, происшедшій у митрополита, и сказалъ:

— Да, онъ такой, ни на іоту не поддастся ни въ чемъ ни при какихъ обстоятельствахъ; не даромъ онъ считается столпомъ, твердымъ устоемъ нашей церкви; я только не думалъ, что онъ будетъ съ вами такъ рѣзокъ; вѣдь все же для него вы представляли собой овецъ его обширной паствы, а онъ являлся для васъ пастыремъ добрымъ... Ну, что дѣлать, больше ужъ ничего и сдѣлать нельзя; я не могу придумать ничего, кромѣ того, что и сначала сказалъ:

надо послушать мудраго совѣта невѣсты, на томъ и рѣшить; поѣзжайте съ Богомъ къ безшабашному Скобелеву, воюйте тамъ храбро, какъ полагается, а объ узахъ Гименея подумаете по возвращеніи; дай Богъ вамъ успѣха; больше горя было бы, если бы невѣста не понимала этого; а съ такой болгарской, богатой военными доблестями дѣвушкой все дѣло ваше представляетъ собой полбѣды.

Не оставилъ, однако, этого дѣла Сполатбогъ и продолжалъ со своими товарищами выискивать возможность завершить его такъ, какъ оно было имъ намѣчено тотчасъ по полученіи телеграммы Скобелева.

Больше всего онъ помнилъ, что дѣло это не можетъ длиться; оно должно быть окончено въ теченіе двухъ, самое большое трехъ дней; поэтому, посовѣтовавшись коротко съ друзьями и выслушавъ отъ нихъ разныя предложенія и предположенія, онъ въ тотъ же вечеръ слеталъ къ какому-то морского вѣдомства (флотскому) священнику отцу К., который, какъ говорили, никому не отказывалъ ни при какихъ обстоятельствахъ въ услугѣ повѣнчать. Къ сожалѣнію, Сполатбогъ не засталъ его, а на дому у него сказали, будто бы онъ только что началъ отбывать при одномъ изъ монастырей «покаяніе» за незаконное повѣнчаніе какого-то моряка, женившагося такимъ образомъ на женѣ своего родного брата при жизни послѣдняго.

Затѣмъ, на общемъ совѣтѣ друзей было рѣшено отправиться къ протопресвитеру Бажанову, главному священнику гвардіи и арміи. Онъ не былъ подчиненъ митрополиту и потому, разсуждали друзья, могъ дать какое-либо самостоятельное рѣшеніе [1]).

Семидесятидевятилѣтній старецъ принялъ прибывшихъ къ нему ласково и любезно, но съ первыхъ же словъ объяснилъ, что дѣло это невозможное; въ дальнѣйшей бесѣдѣ, однако, онъ смягчился, вошелъ въ положеніе воина, отъѣзжавшаго на поле брани, и сказалъ: «Врядъ ли кто-либо изъ священниковъ возьмется сдѣлать это; кромѣ большой отвѣтственности, вѣдь въ этомъ самъ по себѣ таится грѣхъ большой противъ церкви нашей православной; я вполнѣ понимаю ваше положеніе и радъ бы вамъ помочь совѣтомъ, да ничего

---

[1]) Протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ, управляя придворнымъ духовенствомъ, занималъ постъ главнаго священника гвардіи, арміи и гренадеръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ состоялъ духовникомъ ихъ императорскихъ величествъ и царской семьи; это былъ высокообразованный человѣкъ; по окончаніи курса ученія въ петербургской духовной академіи онъ былъ оставленъ баккалавромъ, преподавателемъ англійскаго языка; родился онъ въ 1800 году, скончался 31-го іюля 1883 года, наканунѣ пятидесятилѣтняго юбилея своей плодотворной службы; онъ былъ иниціаторомъ и главнымъ участникомъ перевода евангелія на русскій языкъ. Авт.

не подѣлаешь; приказать или поручить, или разрѣшить я никакъ не могу, объ этомъ и слова нѣтъ...»

— Ужъ какъ-нибудь надумайте, ваше высокопреосвященство,— возвеличилъ его Сполатбогъ, все время пребывавшій въ нетерпѣливомъ желаніи, во что бы ни то ни стало, добиться благополучнаго разрѣшенія наболѣвшаго вопроса:—какъ-нибудь изыщите путь...

Василій Борисовичъ, углубившись въ свои мысли, какъ будто бы не слышалъ просьбъ и моленій, расточавшихся болѣзненно разстроеннымъ человѣкомъ, заладившимъ одно и не видѣвшимъ передъ собой ничего, кромѣ этого.

Нѣсколько минутъ казалось, что старикъ заснулъ надъ своими мыслями. Вдругъ онъ широко раскрылъ свои глаза, потухшій взоръ его просвѣтлѣлъ, и онъ произнесъ:

— Одно могу я вамъ сказать: въ Сергіевскомъ всей артиллеріи соборѣ имѣется молодой священникъ отецъ Менчицъ; онъ поступилъ изъ уніатовъ; можетъ быть, поэтому ему было бы сподручнѣе это сдѣлать; идите къ нему, живетъ онъ недалеко—на углу этой улицы [1]) и Литейнаго проспекта. Идите, спросите; но если укажете, что пришли отъ меня, все дѣло испортите, уніаты мнительный народъ: онъ можетъ подумать, что я дѣлаю ему какое-нибудь испытаніе.

Отправившись къ нему, застали его дома, но—онъ боленъ и лежитъ въ постели,—сказалъ случайно или не случайно оказавшійся въ квартирѣ его молодой причетникъ или понамарь.

— Пожалуйста, доложите, что на одну минуту пришли два офицера по дѣлу, по очень важному дѣлу, долго не задержимъ,— подступилъ къ нему вкрадчиво Сполатбогъ.

— Нельзя, очень крѣпко боленъ, не могу и докладать...

Вышла пожилая женщина. Выслушала.

— Видите ли, господа, батюшка очень нездоровъ, раньше, какъ черезъ недѣлю, ихъ тревожить нельзя...

— Попробуйте, матушка,—настаивалъ Сполатбогъ:—пожалуйста, доложите, спросите, вѣдь на минуту, только два слова сказать...

Старушка усердоболилась, подалась, пошла доложить.

Войдя въ спальню больного, оба посѣтителя пожалѣли о своей настойчивости: передъ ними лежалъ, разметавши свою постель, больной, изможденный, глубокій старикъ...

— Извините,—сказалъ товарищъ Сполатбога—мы, вѣрно, не туда попали; мы хотѣли видѣть молодого священника Сергіевскаго собора отца Менчица.

— Да, да, это я; а что вы говорите «молодого», такъ у насъ принято называть молодымъ «новаго»,—я недавно сюда опредѣленъ,—

---

[1]) Въ то время В. П. Бажановъ жилъ на Сергіевской улицѣ, въ небольшомъ одноэтажномъ казенномъ деревянномъ особнякѣ.

глухимъ, дребезжащимъ голосомъ произнесъ старикъ съ большой разстановкой, которую, очевидно, вызывала одышка.

— Нѣтъ, ужъ мы не будемъ васъ безпокоить, лучше въ другой разъ...

— Ничего, ничего, ужъ зашли, нечего дѣлать,—проговорилъ онъ, силясь приподнять голову съ низко лежавшей подушки.

— Почему же не будемъ?—сказалъ съ большимъ азартомъ Сполатбогъ, какъ бы спохватившись:—и [какой другой разъ...

— Да вѣдь батюшкѣ же нельзя, ты видишь, какъ онъ слабъ, гдѣ же ему...

— А, можетъ быть, онъ найдетъ другого, посовѣтуетъ, укажетъ, къ кому обратиться,—безжалостно продолжалъ свою настойчивость Сполатбогъ...

— Въ чемъ же могу быть полезнымъ, господа? Скажите.

Наскоро разсказавъ все дѣло, офицеры видѣли, какъ отецъ Менчицъ, изображая ужасъ на своемъ исхудаломъ лицѣ, болѣе и болѣе опускался въ подушку и закрывалъ свои старческіе, глубоко сидѣвшіе глаза.

— Что это вы, господа, какъ это можно; вѣдь я старикъ, мнѣ семьдесятъ восемь лѣтъ минуло, я вѣдь одной ногой уже стою въ гробу; какъ же я, сдѣлавъ такое дѣло, предсталъ бы передъ Всевышнимъ, который меня уже призываетъ къ себѣ; Боже сохрани и избави; «неможное» дѣло затѣяли вы, господа,—сквозь силу едва произнесъ старецъ.

Сполатбогъ думалъ было все-таки спросить его, не укажетъ ли онъ, къ кому можно обратиться, но товарищъ его, извинившись передъ старцемъ, попросилъ его благословенія, пожелалъ ему скорѣе поправиться и, попрощавшись, направился вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ, помимо своей воли, за нимъ къ выходу женихомъ, измученнымъ неудачами, постигавшими ихъ въ теченіе дня всюду. Изъ передней странные гости послали добрую женщину къ старцу-священнику, который впалъ, повидимому, въ глубокое забытье, близкое къ обмороку.

Въ ночь на понедѣльникъ, т.-е. ровно черезъ трое сутокъ послѣ этого и часа черезъ четыре послѣ-таки состоявшагося вѣнчанія Сполатбога, почтенный старецъ отецъ Менчицъ тихо скончался, а въ четвергъ, въ день отъѣзда Сполатбога изъ Петербурга въ первую ахалъ-текинскую экспедицію, къ Михаилу Дмитріевичу Скобелеву, состоялись похороны старца.

Поневолѣ вспомнишь:

«Мертвый мирно въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій».

XI.

Случайная встрѣча Сполатбога съ С. Н. Меллеромъ-Закомельскимъ; какъ онъ помогъ бѣдѣ.—Кавалергардскаго полка священникъ А. А. Желобовскій; вѣнчаніе въ посту; болгарскіе друзья Сполатбога—Кисяковъ и Пановъ.—Позорное поведеніе Александра Баттенбергскаго; гибель Панова при стамбуловскомъ режимѣ.

Такъ окончился второй день хлопотъ о дѣлѣ, которое начало принимать видъ злополучной неудачи; женихъ уже терялся, больно было смотрѣть на него. Въ тотъ же день, въ пятницу вечеромъ, онъ встрѣтился съ однимъ старымъ знакомымъ, полковникомъ барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Меллеромъ-Закомельскимъ, котораго отецъ, генералъ-адъютантъ, довольно долго былъ начальникомъ Сполатбога, командуя въ Варшавѣ третьей гвардейской пѣхотной дивизіей.

Флигель-адъютантъ С. Н. Меллеръ-Закомельскій, другъ, товарищъ и соратникъ М. Д. Скобелева, за ужиномъ въ модномъ ресторанѣ Палкина поразилъ всѣхъ совѣтомъ обратиться къ священнику Кавалергардскаго полка отцу А. А. Желобовскому; онъ будто бы возьмется повѣнчать; при этомъ Меллеръ добавилъ:

— Не ради выгоды, а изъ участія къ положенію твоему; это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова; ужъ если онъ не возьмется, то не ищи, не найдешь никого и тогда безъ дальнѣйшихъ хлопотъ поѣзжай въ Ахалъ-теке невѣнчаннымъ; шуточное ли дѣло: отъ Миши двѣ телеграммы! Надо, братъ, скорѣй уѣзжать—торопись

— Откуда ты знаешь, Сережа, объ Желобовскомъ, кто тебѣ сказалъ; вѣдь это похоже на сказку, или ты шутишь?—началъ нервно допрашивать Сполатбогъ.

— Знаю все; сегодня уже поздно, а завтра, чѣмъ свѣтъ, поѣзжай, и участь твоя рѣшится; завтра же, или, самое позднее, послѣзавтра, свадьбу сыграешь, меня зови въ число шаферовъ; повѣнчаетъ, а деньги, которыя возьметъ съ тебя, употребитъ на бѣдныхъ; ужъ это всѣ знаютъ тверже твердаго.

Съ большимъ недовѣріемъ слушали присутствовавшіе все это.

Каково же было общее удивленіе, когда на другой день почтенный отецъ Желобовскій, выслушавъ всю исторію, безъ разговоровъ изъявилъ согласіе повѣнчать «хоть сейчасъ», и поставилъ лишь одно условіе къ исполненію: не въ церкви Кавалергардскаго полка и не въ какой либо приходской церкви.

— Найдите какую-нибудь частную, домовую церковь, укажите мнѣ ее, тогда я самъ переговорю со священникомъ и отвѣнчаю; не услужить нельзя, дѣло такое.

На вопросъ Сполатбога о томъ, что будетъ необходимо заплатить, отецъ Желобовскій отвѣтилъ:

— Это ваше дѣло, не мое,—сами подумайте, сами и рѣшите.

— А если я не могу дать болѣе ста рублей?—нерѣшительно спросилъ Сполатбогъ.

— Сто рублей большія деньги,—отвѣтилъ онъ:—если можете ихъ заплатить, заплатите, но только если дѣйствительно можете; вамъ вѣдь теперь въ походъ-то деньги нужны. А Скобелеву отъ меня поклонъ свезите, онъ ко мнѣ всякій разъ обязательно заѣзжаетъ, когда бываетъ въ Петербургѣ; я, говоритъ, началъ военную службу подъ сѣнью вашего храма, юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку. Ну, торопитесь, времени-то немного, мѣшкать нельзя, поищите храмъ да вашъ адресъ запишите мнѣ на особую записочку, мало ли на что можетъ понадобиться, дамъ вамъ знать; а свадьбу, имѣйте въ виду, по возможности, назначить на завтра—воскресенье; изъ документовъ, главное, представьте, что не женаты и что она не замужняя, чтобы не случилось завѣдомаго двоебрачія, а остальное прочее все послѣ передадите мнѣ.

Весь день Сполатбогъ и товарищи его просновали по Петербургу въ розыскахъ церкви, которая могла бы принять къ себѣ пару, «ищущую счастья».

Когда они къ пяти часамъ съѣхались на квартиру Сполатбога, въ Парижскую гостиницу, то застали на его имя записку, въ которой отецъ Желобовскій извѣщалъ, что церковь имъ благополучно найдена—церковь во дворцѣ графа Шереметева по Фонтанкѣ. «Больше вамъ не о чемъ хлопотать, пріѣзжайте ко мнѣ,—писалъ онъ далѣе:—условимся обо всемъ остальномъ».

Въ воскресенье 14-го декабря, къ 6½ часамъ вечера, въ освѣщенную a giorno церковь дома графа Шереметева съѣхалось нѣсколько человѣкъ, и отецъ Желобовскій совершилъ вѣнчаніе Сполатбога, который назначилъ свой выѣздъ на кавказскій берегъ Каспійскаго моря въ четвергъ 18-го декабря.

Маленькая задержка, происшедшая въ минуту, назначенную для вѣнчанія, произвела на жениха самое отчаянное впечатлѣніе: тотъ самый пріятель, который такъ хорошо разрубилъ безнадежный узелъ, С. Н. Меллеръ-Закомельскій, не явился въ качествѣ шафера и явиться не могъ, о чемъ, съ получасовымъ опозданіемъ, была получена отъ него записка. Не будь Сполатбогъ уже рѣшительно разстроенъ нервами, онъ взглянулъ бы на это совершенно просто, но, при его состояніи духа, это на него подѣйствовало удручающе. Очень скоро, однако, вызванное его нервностью смятеніе прошло, и все устроилось: отецъ Желобовскій объяснилъ, что роль шафера не возбраняется исполнять и женатому человѣку, поэтому находившійся въ церкви въ числѣ немногихъ приглашенныхъ А. А. Боголюбовъ замѣнилъ Меллера, и дѣло сладилось,

а такъ какъ онъ не могъ стоять, то шаферъ невѣсты держалъ два вѣнца [1]).

«Посаженными родителями», какъ выражался Н. Н. Сполатбогъ, были баронесса и баронъ Д—ны. Къ вѣнцу вѣнчанія подъѣхали неизвѣстно почему запоздавшіе гости: находившійся на болгарской службѣ нашъ полковникъ Кисяковъ (уроженецъ Болгаріи) и молодой болгаринъ, временно проживавшій въ столицѣ и проходившій тогда курсъ академіи генеральнаго штаба, капитанъ Пановъ.

Кисяковъ, отбывъ кампанію 1877—8 гг., вмѣстѣ съ другими нашими офицерами въ «столѣтовскомъ» болгарскомъ ополченіи, удостоенъ былъ нѣсколькихъ наградъ за боевыя отличія, а послѣ кампаніи такъ же, какъ Сполатбогъ, въ качествѣ инструктора молодой болгарской арміи, былъ назначенъ командиромъ одной изъ дружинъ и прокомандовалъ ею до тѣхъ поръ, пока императоръ Александръ III не счелъ нужнымъ въ 1886 году отозвать изъ Болгаріи нашихъ офицеровъ въ наказаніе Александру Баттенбергскому, занимавшему тогда, по милости Царя-Освободителя, болгарскій княжескій престолъ. Этотъ князь, оказавшійся полуидіотомъ [2]), пренебрегъ, по наущенію враговъ Россіи, вниманіемъ царя и въ поведеніи своемъ проявилъ неслыханно-дерзкое противорѣчіе всему тому, что, согласно волѣ государя, долженъ былъ въ точности исполнить.

Впослѣдствіи онъ почувствовалъ весь позоръ своего положенія; онъ понялъ, что оказался игрушкой въ рукахъ тѣхъ враговъ и куклой въ глазахъ своихъ подданныхъ; позднее раскаяніе его не привело ни къ чему; онъ поселился въ Австріи и, поступивъ тамъ на службу въ кавалерію, женился, при чемъ наружно старался выказывать себя составившимъ свое счастье, котораго, въ сущности, никакъ не могъ до самой смерти своей обрѣсть, ибо его душило, мучило и угнетало презрѣніе, окружавшее его; имъ дарили

---

[1]) Протопресвитеръ Александръ Алексѣевичъ Желобовскій много лѣтъ состоялъ священникомъ Кавалергардскаго полка и настоятелемъ полковой Захарія и Елизаветы церкви. Въ 1880 году онъ получилъ повышеніе, будучи переведенъ старшимъ священникомъ въ Сергіевскій всей артиллеріи соборъ, а въ 1883 году занялъ мѣсто В. Б. Бажанова; на этомъ мѣстѣ онъ пробылъ въ энергичной работѣ на пользу церкви, а также военнаго и морского духовенства—26 лѣтъ. Съ высокою образованностью онъ соединялъ благородство души и истинно-христіанскую готовность всегда каждому прійти въ серьезномъ дѣлѣ на помощь, каждаго поддержать; онъ славился, какъ человѣкъ, умѣвшій все примирить и во всякой бѣдѣ найти успокоеніе и самое высокое утѣшеніе. Описанный случай ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ; матеріально онъ всегда широко поддерживалъ бѣдныхъ и дѣлалъ это, совершенно не выставляя и не показывая на видъ. Онъ скончался въ концѣ 1909 года; у свѣжей могилы его еще недавно было со всѣхъ сторонъ высказано о немъ очень много такого, что подтверждало отзывъ барона С. Н. Меллера-Закомельскаго, коротко сказавшаго: «это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова». Авт.

[2]) Случайная замѣтка: когда кто-то сказалъ про него въ присутствіи Драгомирова: «Это полуидіотъ»,—М. И., со свойственной ему шутливостью, возразилъ: «Что это ты, другъ мой, и въ этомъ скупишься отдать ему полный чинъ»!

его всѣ честные люди, видѣвшіе и знавшіе, при какихъ обстоятельствахъ онъ втерся въ довѣріе великодушнаго монарха и съ какой беззастѣнчивой наглостью обманулъ какъ это высокое довѣріе, такъ и горячія надежды народа, который въ минуты обновленія своей жизни тщетно искалъ въ немъ благородной защиты и честной поддержки.

А между тѣмъ къ устроенію своей жизни юная страна была призвана мощнымъ словомъ облагодѣтельствовавшаго ее царя.

Откомандовавъ послѣ 1886 года полкомъ въ Россіи, Кисяковъ умеръ въ чинѣ генерала-майора, занимая должность бригаднаго командира въ одной изъ пѣхотныхъ дивизій.

Пановъ же, блестяще начавъ свою военную службу въ Болгаріи, явился однимъ изъ славныхъ, наиболѣе храбрыхъ и способныхъ участниковъ печальной памяти сербско-болгарской войны; онъ быстро поднялся въ чинахъ и въ должностяхъ, но скоро карьера его была пресѣчена преждевременной насильственной смертью. Онъ былъ другомъ Н. Н. Сполатбога и находился въ постоянной перепискѣ съ нимъ. Какъ болѣе знавшій русскую жизнь и еще на школьной скамьѣ изучившій всю доведенную до утонченности фальшивость вѣчно жидовствующихъ кадетъ, онъ явился для болгарскаго деспота Стамбулова бѣльмомъ на глазу, а потому палъ одною изъ первыхъ жертвъ его предательскаго режима. Вслѣдствіе отданнаго лично Стамбуловымъ приказа во что бы то ни стало арестовать его при первомъ же случаѣ нахожденія въ какой-либо толпѣ или въ сборищѣ услужливые клевреты не замедлили воспользоваться этимъ приказомъ; они захватили Панова въ ту минуту, когда онъ, какъ очень много занимавшійся вообще распространеніемъ военно-научнаго образованія между офицерами молодой болгарской арміи, читалъ въ одинъ изъ вечеровъ въ Рущукѣ лекцію при полномъ собраніи офицеровъ рущукскаго гарнизона. Онъ былъ тогда вооруженъ лишь карандашами, циркулемъ, линейкой и планами, по коимъ преподавалъ своей аудиторіи обратное изъ Россіи движеніе наполеоновской арміи черезъ Смоленскую губернію и Березину. Никто не думалъ, что этотъ захватъ лектора послужитъ къ его гибели, погубитъ его; однако, немедленно «преданный только суду безсовѣстности Стамбулова», онъ былъ обвиненъ въ вооруженномъ сопротивленіи и въ ту же ночь казненъ въ тѣхъ самыхъ равелинахъ, надъ болѣе совершеннымъ укрѣпленіемъ и вооруженіемъ которыхъ въ то время работалъ на пользу родины по порученію болгарскаго военнаго министерства, получившаго на этотъ предметъ подробныя, поучительнаго характера указанія отъ нашего правительства.

Такъ этотъ молодой, блестящій офицеръ, учитель и наставникъ юной арміи братушекъ, былъ Стамбуловымъ разстрѣлянъ въ Рущукѣ вмѣстѣ съ шестью другими патріотами, коихъ, какъ и его, вся вина заключалась въ томъ, что они оставались твердыми въ са-

мой вѣрной приверженности и признательности своей освободительницѣ Россіи и ея великому царю.

Память этихъ семи мучениковъ, подвергнутыхъ казни извергомъ, Болгарія такъ же вѣрно чтитъ, какъ помнитъ то, что негодяй этотъ получилъ свое образованіе и всю закваску своихъ вѣроломныхъ убѣжденій въ средѣ русскихъ жидо-кадетъ, тайно практиковавшихъ уже тогда все то, что впослѣдствіи они не разъ пытались развернуть и чуть не сдѣлали открыто исповѣдываемымъ на Руси и свободно творимымъ.

XII.

Отношенія офицеровъ къ Сполатбогу.—Маленькое приключеніе съ нимъ въ варшавскомъ магазинѣ.—Служба его при Скобелевѣ въ Закаспійскомъ краѣ во время и послѣ взятія Геокъ-тепе.—Опять князь Дондуковъ-Корсаковъ.—Переводъ на Кавказъ.—Командованіе стрѣлковымъ батальономъ въ Мервѣ.—Административная служба Сполатбога.—Его чрезвычайная энергія.—Взглядъ Скобелева на него, какъ на боевого офицера.—Кончина его.

Съ молодыхъ лѣтъ, еще будучи юнкеромъ Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, а затѣмъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, Н. Н. Сполатбогъ былъ хорошо извѣстенъ между офицерами не только гарнизона гор. Варшавы, но и войскъ варшавскаго военнаго округа, и пользовался общею любовью, какъ веселый, открытый, жизнерадостный, доброжелательный, честный и остроумный человѣкъ.

Одинъ старый уланскаго полка штабъ-офицеръ нѣмецкаго происхожденія, плохо говорившій по-русски, изощряясь въ пустенькихъ остротахъ (вицахъ), коверкалъ его фамилію и, въ сущности, не придавая этому никакого значенія, говорилъ: «вотъ какая странная фамилія—«помилуй Богъ», «Господи помилуй»; никто, кромѣ самого хохотавшаго остряка, не смѣялся на эту его остроту, но это дало поводъ другимъ варьировать измѣненіе фамиліи на разные лады и, если нѣкоторые, очевидно, изъ недруговъ носителя ея, полушутя, называли его за глаза «избави Богъ», то громадное большинство всегда и вездѣ совершенно искренно говорило: подай, Боже.

Здѣсь будетъ кстати разсказать объ одномъ эпизодѣ, который случился съ нимъ въ первые годы его службы.

Въ тѣ времена между русскими, служившими въ Варшавѣ, завелось обыкновеніе—обзаводиться лавочками или небольшими магазинами, въ которыхъ дамы ихъ сердца сидѣли, ведя, для развлеченія, а отчасти и для увеличенія средствъ къ жизни, торговлю. Такъ, князь Им—ій, молодой, блестящій полковникъ генеральнаго штаба, учредилъ на главной улицѣ—Новый Свѣтъ—табачную лавочку и подарилъ ее прехорошенькому розанчику, изъ мѣстныхъ

сильфидъ—«Юзѣ», которая съ распущенной густой косой, отрощенной буквально до пятокъ, сидѣла въ своей лавочкѣ, привлекая въ нее молодыхъ ухаживателей изъ числа блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона.

Военный инженеръ Г. открылъ на той же улицѣ очень хорошій магазинъ косметическихъ товаровъ; въ немъ принялась торговать его жена, молодая, красивая, изящная брюнетка-москвичка. Однажды въ этотъ магазинъ зашли три юныхъ офицера; одинъ изъ нихъ спросилъ себѣ два куска мыла мѣстной, славящейся, кажется, и понынѣ своимъ производствомъ фабрики Пульса, а затѣмъ сказалъ:

— И дайте мнѣ кстати какихъ-нибудь духовъ.

— Какихъ же вамъ духовъ?—спросила красавица.

— Все равно, какихъ-нибудь, только модныхъ,—отвѣтилъ онъ, быть можетъ, приглядываясь къ ней болѣе, чѣмъ было нужно и можно.

— Я не знаю, какіе модные, вы потрудитесь сказать, какихъ вы желали бы,—не то запальчиво, не то сконфуженно отвѣтила она.

— Кисъ ми квикъ [1]),—вдругъ произнесъ офицеръ, слыша подсказыванье хихикавшихъ товарищей; при этомъ всѣ трое, совершенно невинно, разсмѣялись.

— Если вы пришли въ магазинъ покупать, то покупайте, а если хотите заниматься вышучиваньемъ, такъ лучше уйдите,—въ смущеніи рѣзко сказала дама, выказывая тѣмъ, что сидѣнье за торговлей является для нея дѣломъ непривычнымъ.

— Ого,—сказалъ офицеръ:—вы насъ выпроваживаете, а имѣете ли право на то?

— Прошу васъ сказать мнѣ вашу фамилію, я передамъ мужу о вашихъ неумѣстныхъ продѣлкахъ...—начала было она, уже совершенно растерявшись.

— Очень жаль будетъ, если вы дойдете до того, что рѣшитесь такъ подводить вашего супруга; не знаю, будетъ ли это умѣстно,—а фамилія моя Сполатбогъ.

— Ну, ужъ это совсѣмъ глупо,—сорвалась она, не представляя себѣ, что такая фамилія встрѣчается:—я прошу васъ серьезно отвѣтить на вопросъ, какъ ваша фамилія, и лишнихъ шутокъ себѣ не позволять...

— Какъ вамъ угодно, я же, съ своей стороны, прошу васъ передать вашему супругу вотъ эту мою визитную карточку, онъ прочтетъ и увидитъ, какія это шутки.

Съ этими словами Сполатбогъ передалъ ей свою карточку, на которой было прописано его имя, отчество, фамилія, чинъ и мѣсто

---

[1]) «Kiss me quick»—по-англійски значитъ «поцѣлуй меня скорѣй»; такое названіе носятъ очень хорошіе, модные до сихъ поръ еще съ тѣхъ временъ духи; кажется, ни того ни другого значенія этой фразы Сполатбогъ не зналъ.

служенія; затѣмъ всѣ три офицера вышли изъ магазина, не дождавшись ни того ни другаго «кисъ ми квика».

Инженеръ Г., видимо, смутился выходкой своей жены; онъ на другой же день утромъ пріѣхалъ къ Сполатбогу съ извиненіями.

— Помилуйте,—сказалъ Сполатбогъ:—вы напрасно безпокоились; супруга ваша, видимо, чѣмъ-нибудь раздражилась, или вообще была не въ духѣ...

Съ тѣхъ поръ Сполатбогъ бывалъ въ домѣ этой пары, такъ какъ на пріѣздъ Г. онъ счелъ долгомъ отвѣтить ему визитомъ.

Жена инженера капитана Г. оказалась очень милой, образованной и свѣтской особой; она объяснила, что сама не понимаетъ своей выходки и не можетъ уяснить себѣ, что съ ней случилось въ тотъ день, когда она такъ рѣзко обошлась со своими ни въ чемъ неповинными покупателями.

Такъ составилось доброе знакомство, не прекратившееся за все время пребыванія Сполатбога въ Варшавѣ, до самаго отъѣзда его въ Ташкентъ.

Больше всего офицеры цѣнили въ немъ то, что, состоя въ чинѣ прапорщика лейбъ-гвардіи Литовскаго полка и помѣщаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ квартирѣ родного дяди своего, полкового командира генерала Каталея, онъ никогда не проявилъ никакой безтактности, которая могла бы вызвать хотя бы тѣнь намека на недоразумѣніе между командиромъ и офицерской средой; а между тѣмъ въ ней молодой человѣкъ проводилъ цѣлые дни во время службы и внѣслужебные часы.

Василій Васильевичъ Каталей—съ виду очень суровый хохолъ; честнѣйшій и справедливѣйшій человѣкъ и начальникъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ командовалъ лейбъ-гвардіи Литовскимъ полкомъ, потомъ состоялъ въ должности начальника мѣстныхъ войскъ петербургскаго военнаго округа, а по объявленіи мобилизаціи, 3-го ноября 1876 года былъ назначенъ начальникомъ тыла дѣйствующей арміи, по особому выбору великаго князя главнокомандующаго Николая Николаевича Старшаго; въ августѣ слѣдующаго года, по такому же выбору, получилъ назначеніе командовать 3-ею гвардейскою пѣхотною дивизіей. Геройски откомандовавъ ею въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ въ декабрѣ того года былъ убитъ при переходѣ черезъ Малые Балканы [1]).

---

[1]) Разсказываютъ, что на другой день послѣ очень лихого и горячаго дѣла, въ которомъ турки потерпѣли большой уронъ и были оттѣснены, генералъ Каталей, выступивъ во главѣ подчиненныхъ ему частей войскъ, шелъ впереди всѣхъ верхомъ во главѣ авангардной колонны, забывъ всякія предосторожности военновременнаго движенія. Съ нимъ двигался бригадный командиръ той дивизіи—генералъ-майоръ Философовъ (бывшій адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича); онъ будто бы пытался на-

Одну мечту лелѣялъ Н. Н. Сполатбогъ: отбывъ скобелевскій походъ, съ честью возвратиться въ Петербургъ, а потомъ зажить семейною жизнью тамъ, куда судьба его пошлетъ; ему хотѣлось отдохнуть отъ треволненій, которыхъ послала ему жизнь слишкомъ много; а затѣмъ, посвятивъ себя всецѣло семьѣ, всесторонне заняться ею. Но судьбѣ и тутъ угодно было распорядиться по отношенію къ нему иначе.

М. Д. Скобелевъ проводилъ въ началѣ 1880 года время въ отдачѣ разнообразнѣйшихъ распоряженій по дѣламъ энергичной подготовки къ предстоявшему грандіозному походу; онъ уже продвинулся на западный берегъ Каспія, когда къ нему явился Н. Н. Сполатбогъ.

М. Д. принялъ его очень дружелюбно.

— Спасибо вамъ за то, что вы съ такой готовностью и спѣшностью прилетѣли ко мнѣ,—сказалъ бѣлый генералъ въ отвѣтъ на раздавшіяся со стороны майора извиненія въ томъ, что онъ не сразу могъ выбраться и промедлилъ нѣсколько дней со времени полученія приглашенія.

Когда М. Д. замѣтилъ ему, что явиться исправнѣе было бы не только трудно, но и невозможно, Н. Н. сказалъ, что не проститъ себѣ происшедшаго промедленія, при чемъ разсказалъ все происшедшее съ нимъ съ момента полученія первой телеграммы.

— Ну, слава Богу,—отвѣтилъ Бѣлый генералъ:—у насъ теперь дѣло не такъ горитъ и имѣется запасное время до нашего передвиженія за Каспійское море и за Копетдагскія горы. Поэтому я васъ теперь же посылаю за пріобрѣтеніемъ разныхъ запасовъ; вамъ придется обратно проѣхать весь сдѣланный вами сюда путь, и вы доѣдете до самаго Петрограда; теперь немного здѣсь отдохнете и двинетесь, а пока разузнайте здѣсь, какія заготовленія потребуютъ болѣе напряженнаго вниманія, а также бо̀льшаго времени.

— Видно было, что у Мих. Дм. давно явилась потребность командировать нѣсколькихъ человѣкъ,—говорилъ потомъ Сполатбогъ:—намѣреніе же отправить меня созрѣло въ ту минуту, когда я ему разсказалъ о своей свадьбѣ и о спѣшности, съ которою пришлось ее отпраздновать; это такъ; хотя вообще въ дѣлахъ семейнаго характера нѣжностей отъ него ждать было трудно. Изъ заготовленій врядъ ли можно остановиться на такихъ, которыхъ не требовалъ

помнить Каталею, что они опередили не только авангардъ, но и разъѣзды. Генералъ Каталей ничего не отвѣтилъ, быть можетъ, потому, что онъ имѣлъ привычку такъ двигаться всегда. Въ то время, когда они, мирно бесѣдуя, входили въ темное ущелье, обрамленное крутыми скалами, сверху раздался залпъ; вмѣсто обоихъ генераловъ остались ихъ трупы; убитыми также оказались сопровождавшіе ихъ два трубача и тяжело ранеными три казака. Съ большимъ сожалѣніемъ можно сказать, что все это были совершенно напрасныя жертвы излишней и неблагоразумной храбрости начальника. Авт.

М. Д. Всевозможные консервы, полушубки, валенки, овесъ, бочки для пороха, инструменты, кибитки, закупка верблюдовъ, лошадей, ремни, вьюки, вьючныя сѣдла, мѣшки для земли, теплыя рубашки, фуфайки и много, много другого самаго разнообразнаго.

Многое изъ этого было поручено одному Сполатбогу, кое-что и другимъ офицерамъ. Всѣ приказанія Скобелевъ вообще отдавалъ лично.

Когда Сполатбогъ представился ему черезъ двѣ недѣли, онъ, отправляя его, сказалъ:

— Поѣзжайте и благополучно возвращайтесь, времени у васъ недѣль десять-двѣнадцать; я буду васъ освѣдомлять о себѣ, вы узнаете, когда я тронусь отсюда; надо приспособить ваше возвращеніе ко времени начала моего движенія къ Бами.

Возвратясь во-время, Сполатбогъ принялъ, такимъ образомъ, участіе собственно въ двухъ ахалъ-текинскихъ экспедиціяхъ: одна лѣтняя 1880 года, закончившаяся крупной, крайне рискованной рекогносцировкой, другая зимняя, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ взятія крѣпости Денгиль-тепе и покореніемъ ахалъ-текинскаго оазиса Геокъ-тепе [1]), названнаго Закаспійскимъ краемъ.

Какихъ только порученій, должностей, назначеній и командировокъ не исполнялъ Сполатбогъ въ теченіе этихъ двухъ походовъ.

Послѣ взятія Денгиль-тепе, какъ бы облеченный особымъ личнымъ довѣріемъ Скобелева, онъ былъ поставленъ къ разбору и разрѣшенію миріады жалобъ, посыпавшихся изъ среды побѣжденныхъ на своихъ и на побѣдителей. Скобелевъ поставилъ себѣ въ особую честь умиротворить населеніе.

— Только этотъ путь обѣщаетъ поставить насъ здѣсь совершенно прочно,—говорилъ онъ:—я это твердо изучилъ долгими сношеніями съ азіатами. Жалобы женщинъ и людей слабыхъ вообще должны быть разобраны, разъяснены; жалующіеся должны быть успокоены; для этого нужна твердость, повелительность и, главное, справедливость.

М. Д. прямо объявилъ, что, довѣряясь вполнѣ Сполатбогу, онъ разсчитываетъ черезъ него устроить особенно прочно судьбу массы вдовъ, оставшихся съ дѣтьми, а также судьбу сотенъ тысячъ раненыхъ, больныхъ и всѣхъ тѣхъ, кои вынуждены были бѣжать безъ имущества; ихъ надо вернуть, водворить, снабдить вещами изъ всего захваченнаго нами подъ видомъ скарба; имъ надо возвратить кибитки, часть скота и зерна, какъ кормового, такъ и посѣвнаго.

Разоружая населеніе, дабы оно явилось безопаснымъ для арміи, необходимо смотрѣть сквозь пальцы на оставленіе у него части оружія,—въ предѣлахъ лишь того, чтобы народъ, привыкшій носить

[1]) Между прочимъ А. Н. Масловъ въ этомъ сочиненіи прямо указываетъ, что крѣпость, взятая 12-го января 1881 года, называлась Денгиль-тепе, а вся область—Геокъ-тепе. Авт.

оружіе, не испытывалъ чувства позора въ безоружномъ видѣ; возвращеніе ему, какъ бы невзначай, части отобраннаго оружія играетъ важную роль въ дѣлѣ сношенія съ азіатами,—оно показываетъ имъ то довѣріе, которымъ поддерживается уваженіе къ намъ: надо свободно давать восточному человѣку возможность вооружаться, при этомъ отнюдь не показывая какого бы то ни было слабаго чувства и не давая этому народу обнаружить въ насъ мысль о превосходствѣ его вооруженія передъ нашимъ, котораго у насъ всегда имѣется вдоволь усовершенствованнаго, надежнаго и превосходнаго. Безконечной массы такихъ и подобныхъ наставленій наслушался майоръ Сполатбогъ отъ М. Д.; а онъ могъ широко ими снабжать вслѣдствіе богатства опыта, набраннаго имъ при покореніи Кокана, Андижана, Маргелана, Ферганы, а также въ пройденныхъ имъ походахъ—хивинскомъ 1873 года и турецкомъ 1877—8 годовъ.

За особое отличіе въ дѣлѣ подъ Денгиль-тепе этотъ расторопный, живой, распорядительный и храбрый майоръ былъ, согласно личнаго представленія М. Д., произведенъ въ подполковники, затѣмъ получилъ широкую власть и большія полномочія. Самостоятельно распоряжаясь во всемъ порученномъ ему, быстро рѣшая спорныя дѣла, иногда очень сложныя, и подводя ихъ разъ навсегда ко взаимному удовлетворенію спорящихъ и къ удовольствію обижаемыхъ, онъ имѣлъ въ свое время доступъ къ Бѣлому генералу, который, при всей массѣ дѣлъ, заботъ и хлопотъ, находилъ время выслушивать и самолично рѣшать дѣла, особо своею запутанностью выдававшіяся, или давать указанія по дѣламъ, взятымъ на выдержку въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по ходу своему, могли требовать его особаго участія и отдѣльной санкціи.

Очень скоро Мих. Дм. Скобелевъ, присмотрѣвшись ко всему, что дѣлалъ, исполнялъ и какъ ему помогалъ Н. Н. Сполатбогъ, отличилъ его назначеніемъ [1]) на должность уже совершенно самостоятельнаго начальника военно-народнаго управленія въ ближайшей къ Каспійскому морю и къ Кавказу части вновь завоеваннаго края.

---

[1]) См. А. Н. Маслова «Завоеваніе Ахалъ-теке», изданіе (второе) А. С. Суворина 1887 года. Все изображенное у него (между прочимъ на страницахъ 193—195) вполнѣ сходится съ тѣмъ, что содержатъ на этотъ счетъ записки Н. Н. Сполатбога. Неизвѣстно только, почему талантливый писатель фамилію этого штабъ-офицера пишетъ «Сполатбокъ»; во всѣхъ документахъ она изображалась и изображается «Сполатбогъ», также и говоромъ при склоненіи показываетъ въ концѣ *гъ*, а не *къ*—Сполатбогъ, Сполатбогу, о Сполатбогѣ, Сполатбогомъ. Въ общемъ, можетъ быть, въ этомъ важно только указаніе писанія на случай опредѣленія правильности тѣхъ или иныхъ документовъ наслѣдственныхъ. Я прекрасно помню, что у покойнаго была собрана небольшая библіотека, въ которой онъ особо выдѣлялъ и цѣнилъ все касавшееся какъ Ахалъ-теке, такъ и вообще скобелевской боевой жизни, скобелевскаго воеводства; онъ не разъ говорилъ мнѣ, что собирается попросить Алексѣя Николаевича Маслова исправить мелкую ошибку, неизвѣстно какъ вкравшуюся въ его сочиненіе. Авт.

Выбравъ его на эту должность, какъ человѣка разумнаго и въ высшей степени энергичнаго, Михаилъ Дмитріевичъ не ошибся въ своемъ выборѣ, о чемъ самъ не разъ говорилъ. Сполатбогъ блестяще исполнилъ трудное дѣло: ему удалось скоро привести все въ порядокъ послѣ разгрома, неизбѣжнаго при покореніи дикаго края, установить въ немъ отношенія между мѣстнымъ населеніемъ и нахлынувшимъ въ край чуждымъ элементомъ, а также урегулировать взаимныя отношенія въ средѣ самого населенія; прошло нѣсколько лѣтъ въ сложной, крайне утомительной работѣ. Производство въ полковники явилось для него наградой за эти труды.

Служебными успѣхами своими Сполатбогъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе генералъ-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, который въ тѣ времена былъ назначенъ на мѣсто великаго князя Михаила Николаевича въ должность по управленію Кавказомъ [1]). Князь самъ, безъ постороннихъ ходатайствъ, лишь вспомнивъ прежнія заслуги полковника, призналъ нужнымъ, по уходѣ Скобелева, назначить этого штабъ-офицера въ Кутаисскую губернію начальникомъ отдѣла въ Зугдидахъ; тамъ способности его были тоже примѣнены къ дѣлу съ рѣдкимъ успѣхомъ; населеніе сразу почувствовало въ своемъ начальникѣ ту силу, которая, направляя все и всѣхъ къ законности, упраздняетъ возможность какого бы то ни было поползновенія къ проявленію привычной разнузданности.

Но годы неустанной дѣятельности на окраинахъ, полныхъ безпокойнаго элемента въ населеніи, сломили его здоровье, надорвали его силы и въ конецъ разстроили его нервы; между прочимъ, кромѣ дававшей себя знать контузіи, этому много способствовала необходимость долгаго періодическаго проживанія въ разлукѣ съ горячо любимой семьей.

Онъ задумалъ уйти на покой и просилъ уволить его въ отставку; но вполнѣ оцѣнившій способности и энергію этого въ высшей степени дѣльнаго помощника своего князь Дондуковъ-Корсаковъ, очевидно, рѣшилъ оставаться до конца покровителемъ его; онъ далъ ему совѣтъ перемѣнить родъ дѣятельности, для этого нѣкоторое время отдохнуть, а затѣмъ посвятить себя службѣ въ войскахъ, при чемъ, какъ командующій войсками кавказскаго военнаго округа, предложилъ принять командованіе одною изъ подвѣдомственныхъ ему строевыхъ частей.

---

[1]) Въ то время должность намѣстника его императорскаго величества на Кавказѣ была упразднена и генералъ-адъютантъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ замѣстилъ великаго князя Михаила Николаевича, при чемъ получилъ званіе главноначальствующаго и командующаго войсками на Кавказѣ. Ахалъ-текинскій оазисъ, т. е. Закаспійскій край, въ первое время послѣ его завоеванія, былъ во всѣхъ отношеніяхъ подчиненъ кавказскому начальству. Авт.

Полковникъ Сполатбогъ согласился и, такимъ образомъ, скоро оказался командиромъ 7-го Закаспійскаго стрѣлковаго батальона, который былъ тогда расположенъ въ Мервѣ, только что незадолго передъ тѣмъ покоренномъ искусными боевыми дѣйствіями генерала Александра Виссаріоновича Комарова, а волею императора Александра III присоединенномъ къ нашимъ владѣніямъ.

Какъ извѣстно, Комаровъ своими подвигами надѣлалъ большого шума и поразилъ Европу, а главнымъ образомъ устрашилъ Англію. Но еще больше можно назвать въ этомъ дѣлѣ подвигомъ всемудрое по поводу этой исторіи обращеніе государя съ завистниками Россіи и съ ея врагами того времени.

И вотъ Сполатбогу пришлось покомандовать отдѣльною частью, состоявшею въ боевой готовности и ожидавшею движенія въ боевой походъ «на Индію», какъ тогда говорили полушутя. Не больше года стоялъ во главѣ стрѣлковаго батальона достойный служака; проболѣвъ затѣмъ слѣдующій цѣлый годъ, онъ умеръ,—лѣтъ черезъ восемь послѣ ахалъ-текинской экспедиціи, на сорокъ второмъ году своей дѣятельной, полной боевыхъ и служебныхъ тревогъ жизни,—въ присутствіи нѣжно любившей его молодой, уже извѣдавшей много горя жены и малютокъ—двухъ сыновей.

Многіе, вспоминая Н. Н. Сполатбога, высказывали, между прочимъ, сожалѣніе о томъ, что этотъ дѣятельный администраторъ практиковалъ въ сильной мѣрѣ нагайку; ему ее ставили въ упрекъ. Самъ онъ объ этой своей слабости прямо высказывалъ:

— Здѣсь, на дикой окраинѣ, состоя на военномъ положеніи и дѣйствуя около дикаго народа, безъ этого инструмента никакъ нельзя обойтись; только въ немъ и помощь; лишь бы онъ прохаживался справедливо и крѣпко по спинамъ негодяевъ, заслуживающихъ его; я широко употребляю это россійское издѣліе, но никогда не практикую его противъ мирнаго населенія,—оно у меня въ ходу только противъ тѣхъ, кто дерзаетъ безжалостно и безъ зазрѣнія совѣсти притѣснять, обманывать да грабить безпомощный, темный народъ; а ужъ на нихъ его дѣйствіе очень старательно упражняю тѣмъ болѣе, что противъ здѣшняго дикаго народа нагайку можно зачастую считать такимъ же дѣйствительнымъ средствомъ, какимъ въ другихъ краяхъ считается огнестрѣльное оружіе; вооруженная съ ногъ до головы толпа, поднявшая свирѣпый бунтъ гдѣ-нибудь на базарѣ, быстро разсѣивается, завидѣвъ десятокъ казаковъ, налетающихъ на нее съ нагайками; та же толпа не отступитъ передъ сотней казаковъ, открывающихъ по ней огонь: видъ пролитой крови озвѣряетъ ее, и она, не думая ни о чемъ, остервенѣлая, очертѣвшая, лѣзетъ на смерть. Я такъ и смотрѣлъ,—говоритъ Н. Н. Сполатбогъ въ своихъ запискахъ:—что употреблять оружіе противъ мирныхъ

горцевъ значитъ губить ихъ иногда попусту; употребленіе же нагайки нерѣдко охраняло ихъ отъ гибели; тамъ, гдѣ одинъ выстрѣлъ могъ вызвать кровавое побоище и потерю въ людяхъ съ обѣихъ сторонъ, нагайка лишь разгоняла бушевавшихъ тупоумцевъ. Лица, хорошо изучившія кавказскую жизнь и кавказскіе нравы, знали, что для горца вообще является крайне тяжкимъ и страшнымъ чувство срама, наносимаго нагаечной расправой. Это я всегда помнилъ и, принявъ за правило не раздражать гусей, часто выходилъ въ вооруженную толпу въ сюртукѣ не при оружіи, а при нагайкѣ; толпа видѣла, что убивать мнѣ было нечѣмъ, нагайкой же я задѣть могъ и потому, не желая подвергнуть себя сраму, смирялась,—разсказывалъ не разъ Сполатбогъ.

Сослуживцы и подчиненные Н. Н. Сполатбога говорили, что у него дѣло никогда не расходилось со словомъ; какъ онъ говорилъ, такъ и дѣлалъ; чего онъ держался на словахъ, то въ точности исполнялъ на дѣлѣ.

Народъ считалъ его въ высшей степени справедливымъ человѣкомъ и начальникомъ; при этомъ простые, хорошо знавшіе его люди добавляли: нагайкой исполосуетъ безпремѣнно дрянного, негоднаго человѣка или какого ни есть бѣдному простому народу кровнаго обидчика; не даромъ по фамиліи онъ былъ «Сполатбогъ», онъ и дѣйствовать норовилъ во всемъ, какъ велитъ Богъ,—только «по-Божьему, бывало, и расправляется».

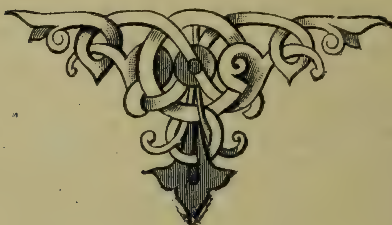
М. Д. Скобелевъ открыто одобрялъ въ немъ все это.

Онъ также цѣнилъ въ Сполатбогѣ необыкновенную способность къ языкамъ; кромѣ того, чему онъ научился на школьной скамьѣ, онъ за свою службу, по мѣрѣ перехода изъ одного края въ другой, изучилъ: во время стоянки въ Польшѣ польскій языкъ; будучи, какъ лучшій офицеръ, командированъ отъ полка въ началѣ семидесятыхъ годовъ на полтора года въ учебный пѣхотный батальонъ въ Ораніенбаумъ, онъ тамъ, вращаясь среди мѣстныхъ крестьянъ при производствѣ военно-топографическихъ съемокъ, умудрился скоро научиться языку, быть можетъ, и ненужному въ общемъ, но оказавшему въ обиходѣ тогдашняго его служебнаго положенія немалую услугу и нерѣдко выручавшему изъ большого затрудненія: онъ сталъ понимать и совершенно свободно говорить по-чухонски; затѣмъ въ Туркестанѣ очень скоро сталъ свободно изъясняться по-туркменски; во время войны 1877—8 г. научился турецкому языку; по-болгарски говорилъ, какъ болгаринъ; въ Ахалъ-теке скорѣе другихъ освоился съ мѣстнымъ текинскимъ нарѣчіемъ, а за время службы на Кавказѣ научился хорошо говорить по-грузински и по-армянски.

— Такой офицеръ во время военныхъ дѣйствій очень дорого цѣнится, въ особенности, если онъ къ тому же еще знающій дѣло, шустрый, выносливый и находчивый, какимъ всегда былъ Сполатбогъ, — нерѣдко говаривалъ Мих. Дм. Скобелевъ, вспоминая его

въ своихъ бесѣдахъ и отзывахъ о массѣ бывшихъ подчиненныхъ, которымъ неизмѣнно старался отдавать справедливость по личнымъ и служебнымъ достоинствамъ каждаго. Добавляю сообщеніе, переданное мнѣ на дняхъ однимъ изъ друзей Н. Н. Сполатбога, присутствовавшимъ случайно при его смерти. Находившейся все время при немъ въ минуты его кончины достойнѣйшей и горячо любимой имъ женѣ своей Н. Н. Сполатбогъ, находясь въ полной памяти, сказалъ: «умираю спокойно, потому что знаю, съ какимъ стараніемъ и съ какою твердостью ты изъ нашихъ малышей сдѣлаешь людей и царскихъ слугъ; да хранитъ тебя Богъ, вѣрую, что Онъ тебѣ поможетъ...» Съ этими словами онъ закрылъ навѣки полные слезъ глаза свои, а благородное сердце его перестало биться...

Е. К. Андреевскій.

СВОБОДА ДУХА[1].

(Повѣсть).

XXII.

АСТУПИЛЪ мартъ 1814 года.

Пожеланіе Жозефа сбылось. У Вязьмитиновыхъ родился сынъ.

Объ этомъ событіи былъ извѣщенъ отецъ Клэръ. Въ одинъ прекрасный солнечный день, что большая рѣдкость въ Лондонѣ, пріѣхалъ капелланъ замка Сенъ-Дизье и привезъ церковныя книги.

— Принадлежащіе къ роду Сенъ-Дизье всегда бываютъ крещены въ капеллѣ замка,—сказалъ онъ.

Старый другъ Дизье, адвокатъ Дюпре, пріѣхавшій съ капелланомъ, подтвердилъ это.

Къ удивленію Клэръ, Борисъ не противился крещенію сына по католическому обряду.

— Вѣдь православнаго священника нѣтъ, — неопредѣленно сказалъ онъ.

Мальчика окрестили Леономъ, по-русски Львомъ.

Въ день его крещенія воротился изъ Петербурга Боклевскій. Онъ привезъ отъ тетушки письмо. Она сообщала, что мужъ ея, князь Эрастъ Григорьевичъ, скончался отъ ранъ, полученныхъ еще лѣтомъ прошлаго года подъ Смоленскомъ, когда двадесять языковъ еще шли на Москву. Весной тринадцатаго года онъ закончилъ свое земное странствованіе. Онъ оставилъ огромное состояніе, не столько

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 565.

деньгами, сколько крестьянами,—и такъ какъ онъ былъ бездѣтенъ, то многое досталось Борису.

«Пріѣзжай, Боренька, самъ, во всемъ разберешься,—писала она.—Пересылать деньги тебѣ неудобно, да и какъ это сдѣлать. Лукашка говоритъ, что ты женился на французинкѣ, путаетъ что-то, что она знатнаго рода и очень богата. Полагаю, что здѣсь побогаче есть невѣсты и пошли бы за тебя—даже кабы у тебя горбъ былъ, оттого, что кормилка тебя уронила въ младенчествѣ. Невѣсты любятъ богатыхъ. Коли увидишь своихъ въ Парижѣ—Авдѣю кланяйся, онъ при главной квартирѣ, либо штабѣ. Тебѣ онъ радъ будетъ».

Письмо это показало Борису, что такъ ли, иначе, а въ Петербургъ ему надо ѣхать. Но прежде всего слѣдуетъ повидаться съ дядей Авдѣемъ.

Союзники вступили въ Парижъ, и громадная армія расположилась въ городѣ, который сдался непріятелю безъ сопротивленія. По всему городу расползлись русскія войска и знаками стали объясняться съ француженками и французами. Казаки проявили не медля свои инстинкты, и покража куръ, гусей и овощей началась повсемѣстная. Это было сравнительно невиннымъ реваншемъ за то опустошеніе, которое внесли французы въ предѣлы Россіи.

Когда до Вязьмитинова дошелъ списокъ тѣхъ лицъ, которыя были во главѣ парижскаго управленія, онъ собрался ѣхать не медля. Тутъ были его старые полковые сослуживцы, съ которыми онъ столько лѣтъ не видѣлся. При помощи ихъ онъ живо могъ развязать тотъ узелъ, которымъ внезапно запуталась нить его жизни. Онъ велѣлъ Лукѣ укладываться и, первый разъ послѣ двухъ лѣтъ совмѣстной жизни оставивъ жену, поѣхалъ во Францію.

— Я тотчасъ напишу тебѣ,—говорилъ онъ, цѣлуя Клэръ.—Все уладится великолѣпно.

Онъ ѣхалъ съ Лукой. По той же дорогѣ, что ѣхали въ Англію, его помчали лошади отъ моря къ Парижу. Пробудившаяся весна зеленѣла на поляхъ и деревьяхъ. Залитые молодымъ горячимъ солнцемъ села, города неслись ему навстрѣчу. Сердце радостно стучало, и все ликовало въ немъ.

Онъ разсчитывалъ, что заѣдетъ сперва въ свой замокъ и посмотритъ, все ли тамъ обстоитъ благополучно, живетъ ли прислуга, что подѣлываетъ отецъ Жозефъ. Но тутъ ждало его первое разочарованіе.

— Съ виду-то домъ ровно бы погорѣлъ,—сказалъ Лука, поворачиваясь къ нему съ козелъ, когда они подъѣзжали къ знакомому мѣсту.

— Давно, еще въ декабрѣ былъ пожаръ,—отозвался кучеръ.

Болѣзненно сжалось сердце Бориса. Часть замка совсѣмъ сгорѣла, и окна насквозь сквозили своими пустыми амбразурами. Закоптѣлый камень выдержалъ напоръ огня: построенъ замокъ былъ солидно. Прислуги не было никого.

Онъ обошелъ и домъ и садъ. Все деревянное сгорѣло въ домѣ. Отъ мебели не осталось и слѣда. Вѣроятно, все было растащено. Отчего же Жозефъ не написалъ ничего?

Борисъ не хотѣлъ самъ говорить съ крестьянами. Онъ послалъ въ деревню Луку. Тотъ скоро воротился и сказалъ, что Жозефа нѣтъ, что священникъ какой-то новый, пузатый, всего здѣсь какъ мѣсяцъ, и ничего про пожаръ дома не знаетъ.

Въ саду, межъ обгорѣлыми бревнами, росла свѣжая весенняя трава; цвѣты глядѣли изъ нея своими свѣтлыми глазками...

«Отдѣлаю все заново», подумалъ про себя князь и поѣхалъ въ Парижъ.

Жакелинъ просила остановиться въ ея домѣ и подробно все написать, какъ онъ нашелъ. Тамъ все было въ полномъ порядкѣ, и даже пыль стиралась во всѣхъ комнатахъ. Было еще утро, часовъ десять. Борисъ отпустилъ лошадей и послалъ Боклевскаго, чтобы онъ развѣдалъ, кто сейчасъ изъ прежнихъ ихъ знакомыхъ въ Парижѣ.

Онъ переодѣлся и вышелъ на бульвары. Тамъ жизнь кипѣла, точно былъ праздникъ масленичнаго mardi-gras. Верховые русскіе офицеры попадались ему навстрѣчу, но все были незнакомыя лица. Нѣсколько русскихъ солдатъ прошло мимо. Для нихъ онъ былъ французъ, и они безучастно смотрѣли на его статскій костюмъ, на шляпу и не знали, что онъ русскій офицеръ. Одинъ солдатикъ даже толкнулъ его: онъ шелъ съ толстой хорошенькой парижанкой.

— Ты, братецъ, полегче!—замѣтилъ ему Борисъ.

Солдатикъ, сообразивъ, что предъ нимъ кто-нибудь переодѣтый изъ начальства, вдругъ вытянулся и сказалъ:

— Виноватъ, ваше высокородіе!

У переулка, гдѣ помѣщалась контора мосье Жоржа, князь остановился и потомъ повернулъ за уголъ.

«Онъ все знаетъ,—отъ него получу кой-какія указанія», подумалъ онъ.

Дверь въ контору была не заперта. Какъ и тогда, въ углу копошилась Иветтъ. Она узнала гостя и воскликнула:

— Я сейчасъ доложу мадамъ Жоржъ!

Мадамъ Жоржъ сейчасъ же вышла къ Борису. Она была такъ же пластична и очаровательна, какъ всегда, и зубы ея такъ же блестѣли. При видѣ князя она издала восклицаніе восторга и протянула ему обѣ руки, точно это былъ давно затерявшійся ея другъ.

— Наконецъ-то!—воскликнула она.

— Я былъ все время въ Лондонѣ,—отвѣчалъ онъ.—Супругъ вашъ дома?

Лицо ея вдругъ померкло и сдѣлалось грустнымъ.

— Онъ въ Лондонѣ у васъ не былъ?

Князь отвѣчалъ отрицательно.

— Онъ поѣхалъ туда,—начала она, и прибавила:—что же вы, князь, не садитесь! Онъ поѣхалъ въ Лондонъ и хотѣлъ непремѣнно быть у васъ, если только разыщетъ ваше пребываніе. Потомъ у него были какія-то дѣла. Проходитъ недѣля, двѣ, его все нѣтъ. Наконецъ является Горшельдъ, вы знаете такого?

— Имѣю представленіе.

— Онъ сообщилъ мнѣ, что Жоржъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ на одномъ суднѣ. Была буря. И когда они прибыли къ берегамъ Франціи, его не было. Несмотря на всѣ поиски, онъ пропалъ,—вѣроятно, его смыло волной въ океанъ, такъ какъ онъ былъ на палубѣ. Его видѣлъ тамъ одинъ глухонѣмой...

Бѣлый платокъ вдругъ коснулся глазъ бѣдной женщины, а Иветтъ судорожно зарыдала въ своемъ углу.

— Онъ навѣрно живъ и въ одинъ прекрасный день къ вамъ явится,—утѣшилъ ее князь.

Утѣшеніе оказало свое дѣйствіе. Платокъ вдругъ покинулъ глаза плачущей женщины, она серьезно спросила:

— О, вы думаете, что онъ придетъ?

Въ ея вопросѣ было болѣе опасенія, чѣмъ радости. Иветтъ тоже посмотрѣла не безъ удивленія изъ своего угла. Ея глаза точно говорили:

«Да неужто онъ явится?»

Нѣсколько минутъ спустя, она поила кофеемъ своего гостя, шутила съ бѣгавшею Иветтъ и спрашивала князя:

— Ну, а какъ вы тамъ поживаете въ вашемъ Лондонѣ?

— Чудесно!—отвѣчалъ Борисъ.—Напрасно вы такъ пренебрежительно относитесь къ этому городу. Онъ и больше и чище Парижа.

— Парижа?—съ изумленіемъ воскликнула она.—Но тамъ больше заводовъ и фабрикъ, чѣмъ жилыхъ домовъ.

— Ну, не больше, но много.

— Мнѣ представляется Лондонъ,—продолжала она,—въ видѣ однѣхъ гигантскихъ фабричныхъ трубъ и клубами чернаго дыма.

Князь началъ ей разсказъ о томъ, какъ живутъ въ Лондонѣ, и когда сообщилъ, что у него родился ребенокъ, она воскликнула:

— Счастливецъ! А вотъ у меня никогда не было дѣтей.

— Что же, вы жалѣете?—спросилъ князь полушутя.—Развѣ было бы вамъ пріятно, если бы у васъ была дѣвочка съ такимъ носомъ, какъ у мосье Жоржа?

— О, это было бы ужасно,—воскликнула мадамъ, а Иветтъ громко захохотала при одной мысли, что у дѣвочки будетъ такой носъ, какъ у мосье. Очевидно, обѣ хотѣли напустить на себя мрачныя мысли, и не могли.

Мадамъ Жоржъ ничего не знала о высшихъ русскихъ сановникахъ и только говорила, что вообще русскіе держатъ себя, какъ великодушные герои. Выпивъ кофе, уже князь собирался итти далѣе, когда у самой двери послышался топотъ и звонъ подковъ по мостовой. Изъ-за зеленой занавѣски, закрывавшей нижнюю часть окна, мелькнули черные глаза и сухая морда вороной лошади съ розовыми глазами. Дверь отворилась, и пухлый Горшельдъ, съ неизбѣжнымъ хлыстомъ подъ мышкой, показался на фонѣ улицы.

— Какая встрѣча!—закричалъ онъ при видѣ князя.—Давно ли вы изъ Лондона?

— Сегодня пріѣхалъ.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ надо видѣть кое-кого изъ лицъ при главной квартирѣ,— проговорилъ онъ.

Горшельдъ похлопалъ вѣками и издалъ какой-то неопредѣленный звукъ.

— Скоро ожидается отъѣздъ императора Александра въ Лондонъ,—сказалъ онъ.—Если вамъ о чемъ-нибудь надо ходатайствовать на высочайшее имя,—вамъ надо торопиться.

Борисъ ничего не отвѣтилъ.

— А мосье Жоржъ все не отыскался?—спросилъ Горшельдъ у красивой хозяйки.

— Нѣтъ.

— И ничего вы о немъ не слыхали?

— Увы, ничего.

— Да, его, должно быть, унесло въ море,—задумчиво проговорилъ Горшельдъ.—Я много видалъ штормовъ на морѣ, но такихъ, какъ во время нашего обратнаго переѣзда, я не запомню.

— Вы не знаете, были съ нимъ деньги?—спросила Генріеттъ.

— На этотъ счетъ ничего не могу сказать. А развѣ вамъ это важно?

— Очень важно! Въ домѣ было всего только около ста франковъ, и если бы не мой кузенъ Жюль, который довѣрчиво оказалъ мнѣ кредитъ, я бы не знала, что мнѣ дѣлать.

— Но теперь вы знаете, что вамъ дѣлать?—спросилъ, пыжась отъ смѣха, молодой человѣкъ.

— Благеръ!—воскликнула она и ударила его по рукѣ вѣеромъ, который лежалъ тутъ же на столѣ, вѣроятно, со вчерашняго дня.

— А вы знаете, вашъ глубокоуважаемый тесть серьезно боленъ,— замѣтилъ Горшельдъ.

— Что съ нимъ?—спросилъ князь.

— Его разбили годы... Ну, и то, что мадемуазель Клэръ оставила его и вышла противъ его воли замужъ. Но самое главное— это смерть его единственнаго сына, которая произошла нѣсколько

лѣтъ тому назадъ. Онъ сразу послѣ его смерти какъ-то осунулся и постарѣлъ.

— Надо навѣстить его,—сказалъ задумчиво князь.

— Моя лошадь къ вашимъ услугамъ. Я только что на ней выѣхалъ изъ дома,—она совсѣмъ свѣжа. Она превосходно выѣзжена.

— Зачѣмъ же вамъ безпокоиться?

— Это моя обязанность. Лошадь эта завода вашего тестя, а выѣзжена его берейторомъ. Ей хорошо знакома версальская дорога, и вы въ какой-нибудь часъ съ четвертью будете въ замкѣ. Лошадь вы оставите тамъ, вамъ дадутъ другую. А я возьму потомъ эту.

Князь всталъ.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду сейчасъ же —сказалъ онъ.

XXIII.

Какъ бывшій кавалеристъ, онъ сразу почувствовалъ, что лошадь хорошо ходитъ подъ сѣдломъ, и лошадь сразу почувствовала, что всадникъ опытный ѣздокъ. Выйдя изъ переулка, она повела ушами, словно спрашивала, куда ее направятъ, и потомъ взяла налѣво, съ удовольствіемъ встряхивая головой и вся подбираясь.

У новой церкви Маделенъ, въ самомъ концѣ бульваровъ, онъ замѣтилъ оживленіе; какіе-то далекіе крики доносились до Бориса. Со стороны площади и Елисейскихъ полей показалась блестящая группа всадниковъ. Это ѣхалъ императоръ Александръ; Борисъ издали узналъ его посадку и ту треуголку съ плюмажемъ, который такъ картинно заканчивалъ его фигуру. Онъ сидѣлъ на лошади хорошо, не то, что Наполеонъ, въ которомъ преобладала самоувѣренность надъ настоящей выправкой. Въ свитѣ государя мелькнуло передъ нимъ нѣсколько знакомыхъ лицъ. Онъ издали смотрѣлъ на нихъ и кричалъ вмѣстѣ съ толпою, а Александръ ласково отвѣчалъ всѣмъ, поднимая руку къ шляпѣ и тихою рысью проѣзжая мимо.

У Елисейскихъ полей расположился цѣлый бивуакъ. Тутъ были и коновязи, и палатки, и козлы ружей, блестѣвшихъ на весеннемъ солнцѣ. Здоровыя румяныя лица казаковъ показывали, что они довольны своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, и смотрѣли на смѣлаго всадника, который на вороной лошади ѣхалъ черезъ самый ихъ бивуакъ. Онъ, для предупрежденія могущихъ произойти случаевъ, только приговаривалъ:

— Ну-ка, ребята, дай проѣхать.

И ему давали дорогу, какъ и тамъ, на бульварахъ, думая, что это переодѣтый офицеръ.

Выѣхавъ на дорогу къ Версалю, онъ пустилъ лошадь галопомъ. Проѣзжая мимо группы синихъ солдатъ, что-то галдѣвшихъ возлѣ лавчонки старухи, съ большими корзинами по бокамъ дверей и въ клѣтчатомъ передникѣ, онъ крикнулъ:

— Здорово, ребята!

И онъ видѣлъ, какъ руки опустились, и загорѣлыя лица отвѣтили:

— Здравія желаемъ, ваше благородіе?

Замокъ совсѣмъ былъ такой же, какъ и два года назадъ, когда онъ уѣзжалъ съ Клэръ послѣ свадьбы. Только онъ потемнѣлъ еще больше. Изъ-за деревьевъ блеснули стекла оранжерей, и онъ въѣхалъ на старинный дворъ.

Первый, кого онъ встрѣтилъ въ залахъ, былъ патеръ, тотъ самый, что нѣкогда вѣнчалъ его. Онъ пожалъ ему обѣ руки и сказалъ, покачивая головой:

— Плохъ онъ. Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали, я уже собирался писать вамъ. Я сейчасъ скажу ему. Тамъ никого нѣтъ, кромѣ его стараго пріятеля, monsieur Шарля.

Въ замкѣ все было тихо. Слуги скользили, какъ тѣни. Налета того безпокойства и сумятицы, которыя иногда бываютъ при внезапныхъ заболѣваніяхъ, не было и помина. Строго выдержанный стиль жизни только еще болѣе сталъ тусклый и почернѣлъ, несмотря на расцвѣтъ весны.

Священникъ поманилъ Бориса, и самъ провелъ его въ спальню. Старикъ Шарль сидѣлъ въ широкихъ креслахъ. Онъ былъ окутанъ теплымъ одѣяломъ. Лицо его сильно осунулось, глаза провалились. Но онъ, при входѣ зятя, постарался выразить оживленіе.

— Радъ видѣть, радъ видѣть!—заговорилъ онъ, не подавая руки.— Что внукъ здоровъ ли?

— Здоровъ.

— Садитесь вотъ тутъ возлѣ. Да говорите громче,—я къ смерти сталъ глохнуть.

— Развѣ вы собираетесь помирать?—спросилъ князь.

— Нельзя же заживаться,—пора и честь знать.

— Тогда надо бы Клэръ пріѣхать.

— Зачѣмъ?

— И вамъ и ей будетъ это пріятно.

— Не думаю. Что мы другъ другу?

— Отецъ съ дочерью.

— Ну, такъ что же? Большая важность!

— Вы въ самомъ дѣлѣ плохо себя чувствуете?

— Что я шучу съ вами? Разскажите, что внукъ?

— Что же про него разсказывать? Пока еще—кусокъ краснаго мяса.

— Но въ немъ течетъ кровь нашего рода?

— И моего. Князья Вязьмитиновы—древній родъ. Они еще при Васильѣ Темномъ упоминаются.

— А кто таковъ былъ Василій Темный?

— Я забылъ, что вы нашей исторіи не знаете.

Старикъ искоса посмотрѣлъ на него.

— У васъ большое состояніе?

— Большое. Во всякомъ случаѣ гораздо больше вашего. Вы удивляетесь? Но однихъ крестьянъ-рабовъ у меня тысячъ тридцать, если не больше.

— Я не вижу надобности, чтобы Клэръ была здѣсь, —заговорилъ старикъ, точно отвѣчая на волновавшія его мысли и не слушая того, что говоритъ его зять.—За мной уходъ, конечно, лучшій, чѣмъ можетъ дать она.

— А я думаю, дочь всегда будетъ лучше ходить, чѣмъ наемникъ,— замѣтилъ Борисъ.

Старикъ пожевалъ губами.

— Не знаю. Какая дочь?

— Въ данномъ случаѣ—Клэръ.

— Не знаю! Ей нельзя бросать ребенка, пока онъ малъ. Везти его сюда—тоже нѣтъ надобности. Она сама его кормитъ?

— Сама. Она не позволила взять кормилицу.

Ротъ старика скривился въ улыбку.

— Мои сентенціи не пропали даромъ,—сказалъ онъ

— Ахъ, это ваши сентенціи?—спросилъ Борисъ.

— По-моему, величайшая подлость, если мать не кормитъ своего ребенка. Молоко матери—это та естественная пища, которая указана природой. Почему потомокъ нашего рода долженъ питаться хамскимъ молокомъ?

— Она сама кормитъ,—повторилъ Борисъ.

— Хорошо дѣлаетъ.

Вошелъ докторъ, человѣкъ пожилой, имѣвшій видъ опытнаго шарлатана.

— Вамъ нельзя долго говорить,—сказалъ онъ.

— Почему нельзя?—спросилъ старикъ.

— Это вредно.

— Можетъ ли въ моемъ положеніи быть что-нибудь вредно?

Докторъ взялъ его пульсъ.

— Ахъ, оставьте меня, пожалуйста!—воскликнулъ старикъ, вырывая руку.—Что за вѣчное щупанье пульса?

— Мнѣ надо знать, не повысился ли онъ.

— Ничего вамъ не надо знать. Задача ваша, чтобъ я былъ спокоенъ.

— Я къ этому и иду,—сказалъ докторъ.

— Нѣтъ, вы отъ этого идете,—возразилъ старикъ съ ироніей.— Я хочу поговорить съ мужемъ моей дочери, вы мнѣ не позволяете. Вы щупаете мой пульсъ, когда это меня сердитъ, когда мнѣ это противно. И это называется: давать больному покой.

Докторъ спокойно смотрѣлъ на этотъ припадокъ раздраженія.

— Что Бурбонъ? — вдругъ спросилъ старикъ, обращаясь къ князю.—Онъ еще въ Англіи, или ужъ выѣхалъ?

Князь сказалъ, что не знаетъ.

— Я слышалъ, что вы неодобрительно къ нему относитесь?— спросилъ старикъ.—А вотъ вашъ государь относится къ нему одобрительно. Да и я тоже.

Борисъ молчалъ.

— Я думаю,—продолжалъ старикъ:—ваше одобреніе или неодобреніе не играетъ никакой роли?

— Я тоже думаю,—сказалъ Борисъ.

— А не принять ли лекарства?—спросилъ докторъ.

— Вы думаете, оно поможетъ мнѣ?—иронически замѣтилъ больной.

— Навѣрное, поможетъ. Вы не чувствуете, но оно поможетъ. Второй день вы уже сидите въ креслахъ, а на прошлой недѣлѣ этого не могли.

Старикъ принялъ ложку какой-то микстуры и сказалъ:

— А, пожалуй, я не доживу до той поры, что Людовикъ XVII будетъ у насъ на престолѣ?—спросилъ старикъ.

— Онъ будетъ не сегодня—завтра,—сказалъ Борисъ.

— А Парижъ доволенъ будетъ?

— Доволенъ. И такъ всѣ уже ходятъ съ бѣлыми кокардами.

Больной потянулся и слабо шевельнулъ руками.

— Я многое помню за прошлый XVIII вѣкъ,—сказалъ онъ.— Передъ моими глазами прошелъ цѣлый рядъ событій. Мой отецъ былъ близокъ съ Помпадуръ, потому что онъ былъ близокъ съ Людовикомъ Пятнадцатымъ.Вотъ ея портретъ, посмотрите.

Онъ указалъ головой на овальный портретъ маркизы, что висѣлъ на стѣнѣ.

— Это была геніальная женщина,—прибавилъ старикъ, и глаза его съ восторгомъ остановились на ней.—Какъ она была умна, образована! Она была старше меня на двадцать лѣтъ,—я помню ее, когда ей было уже подъ сорокъ,—но это была воплощенная мечта.

— Поменьше воспоминаній!—сказалъ докторъ.—На васъ это вредно дѣйствуетъ.

Старикъ потеръ себѣ грудь и сказалъ тихо:

— Напишите Клэръ, что вы меня видѣли, что вотъ я каковъ. Напишите, чтобъ она не вздумала пріѣхать. Совсѣмъ лишнее, совсѣмъ! Пусть о сынѣ заботится, а не о такой рухляди, какъ я. Мнѣ пора къ намъ въ склепъ.

Докторъ дѣлалъ знаки Борису. Тотъ всталъ. Старикъ вдругъ протянулъ къ нему руку.

— Ну, поцѣлуй старика, если не противно,—сказалъ онъ.

Борисъ поцѣловалъ его въ мягкую дряблую щеку и чувствовалъ, какъ старческія губы коснулись его виска.

— Клэръ пишетъ, что она счастлива,—сказалъ онъ.—Ну, Богъ съ вами! Оставь свой адресъ... Заѣзжай лучше самъ... На дняхъ...

Теперь иди. Видишь, медикъ сердится. Да, я усталъ, въ самомъ дѣлѣ...

Онъ отмахнулся рукой. Голова его упала на подушки

XXVI.

Князь узналъ, что въ штабѣ находится его родственникъ, генералъ Авдѣй Петровичъ. Именно черезъ тотъ постъ, что занималъ этотъ Авдѣй Петровичъ, и надо было дѣйствовать ему.

Онъ писалъ весь вечеръ. Измѣнивъ пять или шесть редакцій прошенія, онъ наконецъ переписалъ послѣднее начисто и поѣхалъ утромъ, въ девятомъ часу въ штабъ.

Но тамъ никого не было. Говорили, что Авдѣй Петровичъ вернется только къ вечеру. Ему оставилъ Борисъ записку и приложилъ прошеніе. «Завтра я къ вамъ заѣду», писалъ онъ.

Авдѣй Петровичъ куда-то уѣхалъ вмѣстѣ съ государемъ. Куда,—никто не могъ сказать. Борису это было непріятно. Онъ хотѣлъ лично переговорить съ дядей,—приходилось свиданіе отложить на день.

Онъ написалъ Клэръ длинное письмо. О пожарѣ даже онъ ничего не упомянулъ, писалъ только, что видѣлъ ея отца и что онъ плоховатъ. Онъ намекалъ, что ей недурно было бы пріѣхать, но прямо не говорилъ этого.

На утро онъ опять направился въ штабъ. Ему сказали тамъ, что его превосходительство все еще не возвращался, а вмѣсто него всѣми дѣлами вѣдаетъ его правая рука—баронъ.

— Баронъ такъ баронъ,—сказалъ онъ. И велѣлъ о себѣ доложить.

Его ввели въ пріемную. Тамъ было уже нѣсколько человѣкъ. Изъ кабинета дверь отворилась, и оттуда вылетѣлъ красный капитанъ. Проходя съ товарищемъ мимо Бориса, онъ взволнованно говорилъ:

— Ахъ, какой скотъ этотъ баронъ!

Въ эту минуту дежурный позвалъ Бориса. Онъ удивился, почему его позвали не въ очередь другихъ. Слова капитана предвѣщали мало хорошаго.

Онъ вошелъ въ кабинетъ. Тамъ изъ-за стола пошелъ ему навстрѣчу какой-то рыжій блондинъ. Кивнувъ головой, онъ важно подалъ руку просителю и сказалъ:

— Кажется, знакомы?

Лицо барона было знакомо, дѣйствительно. Борису. Но какъ была фамилія этого барона, и гдѣ они встрѣчались, онъ никакъ сразу не могъ припомнить.

— Вы вчера оставили здѣсь прошеніе,—заговорилъ баронъ, отчетливо выговаривая каждое слово.—Вопросъ о возвращеніи въ

Россію и о признаніи вашего брака и вашего сына законными выходитъ изъ компетенціи нашего учрежденія. Но...

Онъ сдѣлалъ передышку.

— Но, конечно, если свыше прикажутъ, то дѣло можетъ устроиться очень скоро и благопріятно для васъ.

— Такъ что же вы мнѣ еще можете сказать, баронъ?

— Мы наведемъ справки, нѣтъ ли препятствій, соберемъ свѣдѣнія о вашей жизни за эти годы и этотъ формуляръ, такъ сказать, приложимъ къ вашему прошенію. Во всякомъ случаѣ, вамъ надо представиться Авдѣю Петровичу.

— Онъ мой дядя.

Баронъ вдругъ отчего-то покраснѣлъ.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ онъ.—Завтра или послѣзавтра Авдѣй Петровичъ вернется. Дня черезъ три вы навѣдайтесь. Я съ своей стороны...

Онъ не договорилъ, что съ своей стороны: затормозитъ дѣло, или подтолкнетъ его. Онъ сдѣлалъ два шага, провожая Бориса, и сказалъ:

— Вашъ слуга.

Уже вечеромъ, лежа въ постели, Борисъ вспомнилъ, кто такой этотъ баронъ. Воспоминаніе было таково, что онъ даже вскочилъ съ кровати.

Вотъ что припомнилось ему.

Однажды офицеры-молодежь кутили въ одномъ притонѣ на Мойкѣ въ Петербургѣ. Это была все золотая молодежь гвардіи. Тутъ же вертѣлся и рыжій длинный баронъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ и переведенный въ одинъ изъ блестящихъ полковъ. У барона была громкая фамилія, но какая—Борисъ не помнилъ, и очень мало денегъ. Игралъ онъ осторожно, присматриваясь къ метавшимъ и выбирая удачные моменты. Съ собой у него было рублей сто ассигнаціями, а къ разсвѣту было тысячъ пять. Его лицо очень не понравилось князю, онъ началъ за намъ слѣдить. Разсвѣтъ уже переходилъ въ утро, и голубоватые отблески ночного неба подергивались кое-гдѣ румянцемъ. По Мойкѣ плыли послѣднія лодки, на которыхъ сидѣли женщины съ помятыми лицами и мужчины въ шляпахъ на затылкѣ. Они горланили пѣсни, несмотря на то, что бѣжавшій по берегу квартальный умолялъ ихъ быть потише. Баронъ дѣлалъ видъ, что пьетъ, а самъ больше выплескивалъ вино въ тарелки и подъ столъ. Это подмѣтилъ князь, подмѣтилъ и то, какъ баронъ стеръ въ пылу игры запись и написалъ другую. Князь сталъ играть съ нимъ. А когда баронъ ошибкой прибавилъ къ своему выигрышу лишній ноль, Борисъ трезвымъ голосомъ попросилъ его стереть.

Баронъ прикинулся пьянымъ и послушно стеръ ноль, извинившись.

— Заодно вы и Новосильцеву должны отдать восемьсотъ рублей. Вы можете это сдѣлать завтра? Это останется между нами, никто никогда не узнаетъ.

Онъ говорилъ это шопотомъ.

— Какъ понять ваши слова?—спросилъ баронъ.

— Я вамъ дамъ пощечину,—продолжалъ князь:—если вы не согласны на мои условія.

— Сколько я вамъ долженъ, по-вашему?—спросилъ баронъ и открылъ бумажникъ.

Князь подсчиталъ. Баронъ тотчасъ отдалъ ему деньги и сказалъ подвернувшемуся полковнику:

— Адски не везетъ сегодня!

Послѣ этого князь и баронъ не кланялись, когда встрѣчались одинъ на одинъ. Но въ обществѣ они были любезны другъ съ другомъ. Вскорѣ барона перевели въ московскій округъ,—и Борисъ его больше не встрѣчалъ.

Изрѣдка доходили слухи, что онъ занималъ больше штабныя должности и старался держаться дальше отъ фронта. Говорили, что на него сыплются ордена, какъ изъ рога изобилія, и прилипаютъ къ его груди не иначе, какъ парами. Но какъ его фамилія, этого никакъ Борисъ не могъ припомнить.

Онъ ходилъ цѣлый день съ какимъ-то пресквернымъ вкусомъ во рту. Точно онъ проглотилъ что-то ядовитое, и у него начиналось какое-то заболѣваніе.

День былъ сѣрый. Длинноволосые казаки въ красныхъ мундирахъ и синихъ штанахъ съ красными лампасами попадались всюду. Какіе-то генералы въ бѣлыхъ, синихъ и зеленыхъ сюртукахъ скакали по улицамъ. Отъ дамъ въ узкихъ и длинныхъ платьяхъ, съ корзинами вмѣсто шляпъ на головахъ, пахло духами. Онѣ шли весело щебеча, открывъ зонтики не то отъ дождя, не то отъ солнца,— но ни того, ни другого не было. Кое-гдѣ на улицахъ раздавались русскія пѣсни. Бѣлыя кокарды чаще и чаще попадались на гуляющихъ: онѣ были въ модѣ.

Мысли Бориса летѣли черезъ Ламаншъ. Онъ думалъ о маленькой женщинѣ, склонившейся надъ крохотнымъ ребенкомъ. Онъ сосалъ ея грудь, придавливая молочныя железы ручонками. И не было для князя никого въ мірѣ дороже этихъ двухъ существъ.

Онъ пропустилъ день, потомъ пошелъ къ Авдѣю Петровичу. Но его все еще не было. Дежурный сказалъ, что баронъ просилъ его подождать, такъ какъ имъ надо поговорить.

Борисъ вздрогнулъ. Ему это показалось сквернымъ предзнаменованіемъ. Но не ждать было неловко, и онъ вошелъ въ пріемную.

Тамъ никого не было. Онъ началъ ходить по пустой комнатѣ. Паркетъ слегка поскрипывалъ подъ его ногами. Сѣрыя портьеры висѣли надъ окнами, откуда виднѣлся куполъ Инвалидовъ, кото-

рый хотѣлъ Наполеонъ украсить мѣднымъ крестомъ съ кремлевскаго Ивана Великаго. Тысячи трубъ подымались, какъ ряды солдатъ, на крышахъ домовъ. Воздушный шаръ плавно несся въ воздухѣ, чернѣя и желтѣя своимъ шелковымъ тѣломъ среди сѣровато-палевыхъ облаковъ. Въ сосѣднемъ кабинетѣ раздавались чьи-то голоса. Кто-то громко осуждалъ что-то; другой громкій голосъ возражалъ,—третій ворковалъ, успокаивая обоихъ, и ему показалось, что это былъ голосъ барона.

Ждать приходилось долго. Часы били и половину и сколько-то часовъ, а баронъ все его не звалъ. Борисъ сердился, что онъ остался,—но уйти было нельзя. И онъ все ходилъ, ходилъ по скрипучему паркету.

Наконецъ баронъ вышелъ.

— Виноватъ, я васъ заставилъ дожидаться, но у насъ была комиссія,—проговорилъ онъ.

Борисъ почувствовалъ въ своей рукѣ бѣлую мягкую руку, ту самую, что тогда приписывала къ записи.

— Сядемте здѣсь,—предложилъ баронъ и опустился на диванчикъ подъ зеркаломъ.—Въ вашемъ дѣлѣ явилось нѣкоторое осложненіе...

Баронъ нахмурился и протянулъ ему бумагу.

— Вотъ прочтите это.

Князь, сжавъ губы, почувствовалъ какую-то непріятность, но началъ читать.

Анонимный авторъ красивымъ, прямымъ почеркомъ писалъ, что считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія штаба, что отставной офицеръ русской службы князь Вязьмитиновъ, обратившійся съ просьбой дозволить ему усыновить сына его Леона, а также возвратиться въ предѣлы Россіи, повидимому, скрываетъ то обстоятельство, что онъ принялъ католичество еще два года назадъ въ церкви стараго замка Сенъ-Дизье и утвердилъ собственноручной подписью свой переходъ на лоно святой церкви. Подтвержденіемъ всему вышеизложенному могутъ быть книги капеллы замка.

Князь поднялъ покраснѣвшее лицо съ налившимися на лбу жилами и посмотрѣлъ на барона, глядѣвшаго на него съ дѣланнымъ участіемъ.

— Это усложняетъ вопросъ,—повторилъ баронъ и осторожно, двумя пальцами взялъ къ себѣ обратно доносительное письмо.

— Но это ложь!—рѣшительно сказалъ князь.

— Вы не переходили въ католичество?

— Нѣтъ.

— Однако тутъ прямо указаны тѣ документы, что вы подписали, и гдѣ они находятся. Я хотѣлъ какъ можно скорѣе навести справки, такъ какъ старое знакомство меня обязываетъ...

Онъ запнулся.

— Ну, и что же?—спросилъ князь, опять стискивая зубы.

— Ну, и все сказанное въ этой бумагѣ подтвердилось. Есть три даты: ваше вступленіе въ католичество, вашъ бракъ по обряду римской церкви и крещеніе вашего сына Карла по тому же римскому обряду.

— Но, повторяю, это ложь. Ребенокъ, правда, крещенъ въ католичество, но православнаго священника тогда не было.

Баронъ насмѣшливо посмотрѣлъ на него:

— Вы изволите говорить, что не переходили въ католичество?—спросилъ онъ.—Но въ такомъ случаѣ чѣмъ же вы объясните вашу подпись?

— Я въ этотъ день вѣнчался,—возразилъ Борисъ.

— Мы всѣ вѣнчались,—сказалъ баронъ и поправилъ свое обручальное кольцо на длинномъ пальцѣ.—Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы подписывали въ этотъ день фальшивые документы.

— Я бы васъ просилъ воздержаться, баронъ,—проговорилъ Борисъ.

Баронъ слегка пожалъ плечами.

— Я нисколько не перехожу границъ, князь. Тутъ что-нибудь одно изъ трехъ: или подпись поддѣльная, или вы подписывали не читая, или вы католикъ.

— Послѣднее такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо утверждать, что вы не лютеранинъ, а православный,—сказалъ князь.

Баронъ поднялъ голову.

— Если бы я перешелъ въ православіе,—сказалъ онъ:—то нисколько бы не скрывалъ этого.

— Вы думаете, я скрываю?

— У васъ жена католичка.

— Ну, такъ что же?

— Возможно, что ради ея вы приняли новую вѣру.

— Повторяю вамъ, что просилъ бы васъ, баронъ, не подчеркивать завѣдомой лжи.

— Но лицо, посланное мною,—продолжалъ баронъ,—видѣло вашу собственноручную подпись...

— Если бы я принялъ католичество, чѣмъ же вы объясните тотъ пунктъ моего прошенія, гдѣ я прошу дозволенія вступить въ бракъ по православному обряду съ дочерью одной изъ знатнѣйшихъ представителей Франціи.

Баронъ опять пожалъ плечами.

— Почемъ мнѣ знать зачѣмъ, князь?

Взгляды ихъ встрѣтились. Баронъ прочелъ въ глазахъ князя рѣшимость.

— Такъ вы не знаете этого? Вы не понимаете, почему я обращаюсь съ такой просьбой?

— Мнѣ непонятно, если хотите...

Князь догадался, что баронъ желаетъ вывести его изъ себя. Онъ овладѣлъ собою и, щуря глаза, сказалъ:

— Мнѣ напоминаетъ это нашу первую встрѣчу, баронъ.

Баронъ невинными глазами повелъ вокругъ.

— Какую встрѣчу?—спросилъ онъ.

— Въ картежномъ притонѣ, весенней бѣлой ночью.

— Представьте,—столько бѣлыхъ ночей съ нелѣпыми попойками прошло въ моей жизни, что я забылъ ту, о которой вы говорите. Онѣ какъ двѣ капли воды, всѣ такъ похожи были одна на другую.

— Неужели похожи?—спросилъ князь.—Неужели каждый разъ вамъ обѣщали то же, что обѣщалъ я?..

Баронъ задвигалъ ногами.

— Словомъ,—заговорилъ онъ:—я не знаю, получите ли вы благопріятный отвѣтъ на ваше прошеніе.

Князь поднялся съ дивана.

— Я это выясню сегодня же,—сказалъ онъ.—Попрошу васъ задержать мое прошеніе до выясненія мною источника этой лжи.

Баронъ слегка усмѣхнулся.

— Это не отъ меня зависитъ,—сказалъ онъ.

— А отъ кого же?

— Отъ докладчика. Попадетъ ли ваше прошеніе въ первый докладъ или нѣтъ.

— А кто докладчикъ?

— Авдѣй Петровичъ.

— Я сейчасъ ѣду въ замокъ Сенъ-Дизье.

— Да, поторопитесь. Вечеромъ можетъ возвратиться Авдѣй Петровичъ,—а завтра будетъ докладъ.

— Вечеромъ я буду у него.

— Но вечеромъ Авдѣй Петровичъ не принимаетъ.

— Меня приметъ.

— Едва ли...

Князь повернулся и вышелъ.

XXV.

Въ передней его ожидалъ Лука.

— Отъ господина Сенъ-Дизье посланецъ пріѣзжалъ, ваше сіятельство,—доложилъ онъ.—Я побѣгъ за вами, и Антону лошадь велѣлъ вамъ привести.

— Гдѣ же лошадь?—спросилъ князь, оглядываясь.

— А вотъ рыжій, ваше сіятельство. Антонъ, донъ еси! Господинъ Шарль, папенька ихъ сіятельства, должно, скончались.

Князь даже пошатнулся.

— Какъ скончались?

— Посланецъ лопоталъ таково скоро,—ничего понять нельзя. Только все твердилъ туда сюитъ.

— Глупый ты человѣкъ,—надо было меня вызвать.

— Помилуйте, нешто это возможно!—оправдывался Лука.

Но Борисъ сидѣлъ уже въ сѣдлѣ. Лошадь поджималась и прядала ушами. Онъ поворотилъ ее къ Сенѣ и поскакалъ.

— Тише!—крикнулъ на него какой-то ротмистръ, которому, должно быть, поручено было наблюдать за охраной.—Михѣевъ, останови его.

Князь самъ задержалъ лошадь.

— Я не зналъ, что здѣсь нельзя ѣздить,—я князь Вязьмитиновъ,—прибавилъ онъ.

Ротмистръ махнулъ рукой.

— Проѣзжайте, князь. Я думалъ, вы французъ. Тутъ проѣдетъ черезъ полчаса императоръ, и потому велѣно, чтобы былъ порядокъ.

Борисъ поскакалъ дальше. Его охватывалъ рядъ мыслей, которыя, какъ волны, погоняли одна другую, разбивались другъ о друга, отступали назадъ, опять стремились впередъ. Въ головѣ точно была какая пляска чертей, точно какимъ желѣзнымъ обручемъ сдавливало его виски и затылокъ.

— Я католикъ! Это продѣлка стараго хрыча!—бормоталъ онъ.—Я докажу, что я и не думалъ мѣнять религіи.

Онъ вытягивалъ хлыстомъ жеребца, закидавшаго пѣной и свою грудь и ноги всадника. Рыжій все норовилъ зубами вцѣпиться въ его ногу, но это ему не удавалось,—а разъ даже сильно князь ударилъ его ручкой хлыста по мордѣ.

— Старикъ живъ,—повторялъ онъ про себя.—Лука что-нибудь перепуталъ. Если бы ему стало хуже, за мною послали бы еще вчера.

И онъ все погонялъ и погонялъ скакуна. Севръ уже остался позади,—домики парижскаго пригорода исчезли. Онъ свернулъ съ версальской дороги въ сторону и помчался карьеромъ.

— Ну, какъ?—спросилъ онъ швейцара въ вестибюлѣ.

— Ничего неизвѣстно,—отвѣтилъ важно онъ.

Князя встрѣтилъ старый Дюпре, что пріѣзжалъ къ нему въ Лондонъ по порученію старика, когда капелланъ прибылъ, чтобы окрестить внука. Дюпре былъ адвокатъ—лысый, съ сѣдыми вьющимися на вискахъ локонами, розовымъ бритымъ лицомъ и маленькими черными глазками, ласково смотрѣвшими какъ-то пощенячьи. Теперь онъ былъ такъ же розовъ, но глаза не такъ оживлены и все останавливались на одной точкѣ.

— Это я за вами посылалъ,—сказалъ онъ.—Шарль лежитъ совсѣмъ какъ трупъ и хрипитъ. Я счелъ долгомъ увѣдомить васъ.

— Онъ живъ?

— Живъ. Но что въ этомъ проку?

— А что доктора говорятъ?

Адвокатъ махнулъ рукой.

— Ихъ было трое сегодня. Что они говорятъ? Даютъ каломель и кладутъ ледъ на голову да грѣлки къ ногамъ. Хотите взглянуть на него?

— А я не обезпокою его?

— Онъ ничего не слышитъ. А, впрочемъ, чего вамъ глядѣть? Изъ любопытства? Лучше напишите женѣ. Мы можемъ письмо къ ней отправить съ человѣкомъ, который говоритъ по-англійски и доѣдетъ до Лондона скорѣе почты.

Князь взялъ старика за локоть.

— У васъ есть десять минутъ?—спросилъ онъ.—Мнѣ надо поговорить съ вами по очень важному дѣлу.

Тотъ посмотрѣлъ на него удивленно и сказалъ:

— Конечно, есть.

Они пошли въ кабинетъ хозяина. Тамъ все было въ прежнемъ порядкѣ. Мебель, вещи на столѣ, бумаги, все стояло и лежало, какъ и прежде.

Князь началъ разсказывать все по очереди. Онъ волновался, дыханіе у него спиралось. Ему была гадка вся обстановка замка, и эта Помпадуръ, беззаботно глядящая изъ рамки, съ нарумяненными щеками, съ нахально-дѣтскими глазами, съ зачесанными назадъ и вверхъ волосами. Ему былъ гадокъ этотъ умирающій старикъ. Онъ болѣе потому и не захотѣлъ пойти къ нему, что не желалъ враждебно смотрѣть на оканчивающаго свой земной путь человѣка. А иначе онъ не могъ смотрѣть на него.

— Вы будьте спокойнѣе,—послышался ровный голосъ.

Маленькіе черные глаза были устремлены на него. Губы серьезно сложены.

— Не волнуйтесь. Ну, если это даже и такъ! Разсказывайте, разсказывайте.

И онъ разсказывалъ. Пульсъ игралъ и бился въ надувшейся жилѣ на вискахъ адвоката. Лысина блестѣла, точно была отполирована. Онъ нѣсколько нагнулъ голову, чтобы лучше слушать.

— Ахъ, все это вздоръ!—сказалъ онъ, когда князь кончилъ.

— Вздоръ!—воскликнулъ Борисъ.—Если бы это былъ вздоръ, я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ.

— Я сейчасъ пойду въ капеллу. Я посмотрю, какъ записано и что записано въ книгахъ.

— Я оставляю въ сторонѣ этическій вопросъ перемѣны вѣры,—сказалъ князь.—Но я, быть можетъ, лишаюсь правъ, какъ русскій, на мое наслѣдственное имущество въ Россіи. Довольно того, что я нѣсколько лѣтъ провелъ за границей безъ дозволенія. А у насъ на

это смотрятъ косо. Теперь оказывается, что я сверхъ того перемѣнилъ тихонько вѣроисповѣданіе.

— А у васъ и на этотъ счетъ нужно дозволеніе?—иронически спросилъ адвокатъ.

— Не дозволеніе...—нѣсколько смутясь, началъ князь.

— Все равно...—перебилъ его Дюпре.—Это идетъ совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ убѣжденіями, что сложились у меня. Свобода совѣсти, свобода убѣжденія, свобода духа,—вотъ что надо человѣку. Если онъ не въ силу выгоды, а по убѣжденіямъ мѣняетъ вѣру, переходитъ изъ одного исповѣданія въ другое,—надо его оставить на свободѣ. Но я лично смотрю еще свободнѣе: не все ли равно, въ какой вѣрѣ я родился, въ какой вѣрѣ я умру?

— Вы атеистъ?

— Развѣ это атеизмъ? Развѣ безразличіе къ обрядности есть невѣріе? Не все ли равно, подъ какимъ видомъ... Лучше оставимъ это. Богъ одинъ для всего міра.

— И для язычниковъ?

— И для язычниковъ. Кто хочетъ молиться въ храмѣ, пусть молится въ храмѣ. Кто хочетъ молиться, запершись у себя въ комнатѣ, пусть молится такъ. Не все ли равно для вашей души, въ какую книгу и какъ вы записаны? Посмотрите, вотъ въ окно виденъ кусочекъ неба. Мнѣ меньше осталось времени на него смотрѣть, чѣмъ вамъ. Милліонъ милліоновъ людей смотрѣли на него такъ же, какъ мы сейчасъ, видѣли его таинственную глубину, эти бѣлыя облака, плывущія по немъ. Никто никогда не рѣшилъ вѣковѣчной загадки—къ чему все это, и какая цѣль руководитъ природой. А католикъ вы, или православный, не все ли это равно,—не одна ли великая мать-земля для всѣхъ людей, и не братъ ли русскій французу?

— Homo homini—lupus [1]),—сказалъ Борисъ.

— Эта поговорка создана язычествомъ. Христіанство создало другой тезисъ.

— Какой?

— «Братья, будемъ любить другъ друга».

— О, если бы мы любили! Если бы люди не пьянствовали, не подкапывались другъ подъ друга, не готовы были, какъ волки, перегрызть горло своему брату!

— Къ несчастію, пока это такъ.

— Пока? А въ будущемъ?

— А въ будущемъ. Будетъ время, когда люди будутъ жить «въ духѣ и истинѣ».

— Когда это будетъ, старый утопистъ?

— Будетъ!

---

[1]) Человѣкъ человѣку—волкъ.

Дюпре ушелъ въ капеллу, сказавъ, что скоро вернется. Князь остался одинъ, въ глубокихъ кожаныхъ креслахъ. Онъ опять перенесся мыслями къ Плинію, что читалъ осенью, передъ отъѣздомъ въ Англію.

— Но онъ, этотъ старикъ, на своей великолѣпной виллѣ развѣ онъ не былъ обуреваемъ этими проклятыми вопросами свободы духа? Развѣ онъ не каралъ перехода изъ язычества въ христіанство? Развѣ онъ противился мѣрамъ, что налагалъ Римъ на каждаго отпавшаго отъ вѣры отцовъ? Развѣ онъ, старый пантеистъ, не умеръ въ той религіи, въ которой родился?..

Онъ перевелъ глаза опять на Помпадуръ.

— Она вертѣла всей Франціей, быть можетъ, вліяла на политику всей Европы. А что теперь осталось отъ нея, отъ ея красоты, отъ всѣхъ тѣхъ чаръ женственности, которыми она обладала? Она гніетъ гдѣ-нибудь въ склепѣ, и плѣсень равномѣрно легла и на лицо ея, и на руки, и на грудь. Слизь и смрадъ, вмѣсто прекраснаго, нѣжнаго тѣла, что согрѣвало короля. Католичка? Не все ли равно, кѣмъ она была? И не все ли равно это для высшаго Божества, для котораго нѣсть ни эллинъ, ни іудей?

Адвокатъ воротился.

— Въ церковной книгѣ,—сказалъ онъ,—значится, что князь Вязьмитиновъ, католической вѣры, сочетался бракомъ съ дѣвицею Клэръ, католической вѣры. Проставлены годъ, число, лѣта брачущихся. Послѣдняя запись, что у князя Вязьмитинова и жены его Клэръ, обоихъ католическаго вѣроисповѣданія, родился въ Лондонѣ тогда-то сынъ, и нареченъ при святомъ крещеніи Шарлемъ такого-то числа. Ваша подпись стоитъ и подъ той и подъ другой записью. Хотите взглянуть сами.

— О, зачѣмъ, я вамъ вѣрю!—сказалъ князь.

Онъ вспомнилъ, какъ патеръ пріѣзжалъ въ Лондонъ, собственноручно вписалъ дату о времени рожденія, крещенія и имя новорожденнаго, сказалъ: «а всѣ формальности я впишу потомъ,—вы же подпишите сейчасъ».

И онъ подписалъ.

— Зачѣмъ вы не читаете того, подъ чѣмъ ставите фамилію?—спросилъ адвокатъ.

Тотъ же вопросъ ему задавалъ нѣкогда отецъ Жозефъ, задавалъ недавно баронъ. Предъ нимъ мелькнулъ носъ Жозефа и мохнатыя, длинныя брови. Онъ, должно быть, зналъ объ исторіи его «обращенія».

Дюпре хлопнулъ его по плечу.

— Не надо думать,—сказалъ онъ.—Что случилось? Горе какое, несчастіе? Шарля вы никогда не любили,— да не думаю, что и княгиня сочтетъ его смерть такой потерей, о которой стоитъ сокрушаться.

Отецъ! Ну, что такое отецъ въ нашъ вѣкъ—въ вѣкъ пироскафовъ и аэростатовъ?

— У васъ нѣтъ дѣтей, cher maître!—сказалъ Борисъ.

Адвокатъ повелъ на него глазами.

— Почему вы думаете?—спросилъ онъ.

— Вы бы такъ не отзывались.

— А, можетъ быть, я потому такъ отзываюсь, что у меня есть дѣти? У меня сынъ инженеръ, и даже, можетъ быть, геніальный. Ему поручена постройка паровыхъ котловъ для новыхъ заводовъ. Поэтому я такъ и говорю.

Онъ взялъ князя за руку.

— Когда вамъ въ лицо,—продолжалъ онъ,—будетъ вашъ сынъ глядѣть съ сожалѣніемъ, и думать: «старый чортъ, идеалистъ, чего онъ живетъ до сихъ поръ?»—тогда вы поймете, что такое дѣти.

— Клэръ не такая,—возразилъ Борисъ.

— Такая! Всѣ такіе. Всѣ дѣти на одинъ образецъ, и мы были такими же, когда умирали наши отцы и матери. Мы тоже думали только о себѣ, и еще ихъ тѣла не остыли, а мы уже рисовали впереди счастливую жизнь безо всякой ферулы, свободную. Мы не жалѣли того, что собиралось годами... И нѣтъ ничего хуже, нѣтъ ничего безнравственнѣе, какъ обезпечивать своихъ дѣтей. Особенно если у отцовъ состояніе нажито трудомъ... Не будемъ лучше объ этомъ говорить. Пойдемъ къ нему.

Они пошли. Борисъ шелъ за нимъ, смотря на спину его коричневаго кафтана и чувствуя запахъ какихъ-то сухихъ духовъ, которыми онъ весь точно былъ пропитанъ.

Въ большой комнатѣ, изъ которой почти вся мебель была вынесена, на кровати съ пологомъ, снятымъ съ одной стороны, лежалъ больной. Онъ лежалъ навзничь, сжавъ на груди въ кулаки обѣ руки, и хрипѣлъ, нервно поворачивая головой. На головѣ у него лежалъ ледъ, пальцы судорожно шевелились. Тишина, какъ въ склепѣ, царила вокругъ. На столикѣ возлѣ кровати стояли лекарства, а внизу въ ведрѣ—ледъ. Окно было открыто, и теплый весенній воздухъ тихо вкатывался въ комнату.

— Что?—спросилъ адвокатъ у маленькаго вертляваго человѣка, сидѣвшаго въ углу въ креслахъ и поднявшагося при входѣ двухъ лицъ.

— Агонія,—шопотомъ отвѣтилъ онъ.—Завтра къ утру навѣрно будетъ конецъ.

Адвокатъ сжалъ губы. Онъ повернулъ свое лицо къ Борису, и на этомъ лицѣ точно было написано:

— Да, да,—я говорилъ, что надо было этого ожидать.

Въ лицѣ не было и тѣни того оживленія, смѣха, того кипѣнія жизни, что чувствовалось въ Лондонѣ: оно было точно озарено ка-

кимъ-то новымъ свѣтомъ, ничего не имѣвшимъ общаго съ обычнымъ выраженіемъ лица этого старика.

— Мое мнѣніе—написать княгинѣ осторожно, когда уже все будетъ кончено,—сказалъ онъ.—А, впрочемъ, поступайте, какъ хотите.

XXVI.

Борисъ написалъ женѣ письмо, гдѣ сообщалъ, что отецъ заболѣлъ серьезно, что ему онъ очень не нравится, и что исходъ болѣзни, по его мнѣнію, долженъ быть роковой. Впрочемъ, онъ можетъ и ошибаться.

Спалъ князь плохо,—почти совсѣмъ не спалъ. Обернутая чехлами квартира Жакелинъ казалась ему кладбищемъ. Онъ мѣрялъ шагами небольшую анфиладу комнатъ, смотрѣлъ на завѣшанныя кисеей картины и старался угадать, что тамъ подъ кисеею. Съ улицы слышался грохотъ проѣзжавшей мимо артиллеріи. Онъ видѣлъ при свѣтѣ качающихся масляныхъ фонарей кивера ведерками солдатъ, истощенныхъ походомъ лошадей, высоко поднятые смутно чернѣющіе банники и зеленые лафеты пушекъ. Проѣхалъ мимо эскадронъ какихъ-то гусаръ,—какихъ—онъ не могъ въ сумеркахъ различить,—и опять обычный шумъ города сталъ доноситься изъ оконъ.

Если съ отъѣздомъ ихъ въ Лондонъ кончалась цѣлая эпоха жизни, то и теперь, съ сегодняшняго дня, какъ будто начинается что-то новое. Какъ будто онъ стоитъ у задернутой занавѣси, и когда она раздернется,—начнется новая полоса жизни.

«Что такое говорилъ сегодня этотъ старикъ? Онъ говорилъ, что не все ли равно, къ какой вѣрѣ ни принадлежать? Что исповѣданія можно мѣнять какъ угодно и сколько угодно?

«Такъ ли это?

«Вѣра — это та святая святыхъ, которая должна быть у каждаго въ душѣ, и безъ которой нельзя быть счастливымъ. Вѣроисповѣданіе—это та религія, въ которой онъ родился, и которой онъ не хочетъ измѣнять. Его религія—православіе, то православіе, что поддерживало и сплочивалоРоссію и при татарахъ, и при ляхахъ, и во время лихолѣтья. Зачѣмъ онъ будетъ измѣнять своему патрону, мощи котораго лежатъ въ каѳедральномъ соборѣ Владимира? Зачѣмъ онъ измѣнитъ этому сонму угодниковъ и святителей, что толпой встаетъ передъ нимъ изъ туманныхъ далей минувшаго? Во имя чего онъ перемѣнитъ православіе? Для Клэръ? Но ей все равно, къ какой вѣрѣ будетъ приписанъ ея мужъ».

Утромъ, часовъ въ шесть, неясный шумъ въ передней разбудилъ его. Онъ прислушался. Говорилъ Лука съ кѣмъ-то по-русски. Онъ открылъ свою дверь.

— Письмо, ваше сіятельство, отъ Авдѣя Петровича,—доложилъ Лука.

Онъ увидѣлъ письмо въ синемъ конвертѣ, запечатанное тѣмъ фамильнымъ гербомъ, который былъ ему знакомъ съ дѣтства: съ кудрявыми страусовыми перьями и какимъ-то дракономъ, державшимъ въ лапѣ мечъ. Вскрывъ письмо, онъ прочелъ прямыя строки, написанныя красивымъ почеркомъ съ небольшими завитушками, легко поддававшимися хорошо сдѣланному расщепу гусинаго пера.

«Дорогой Боря,—читалъ онъ.—Сейчасъ, въ два ночи, попалось мнѣ твое прошеніе, а также письмо твое. Немедля завтра къ восьми будь у меня. То-есть, понимать надо, сегодня. Непремѣнно будь. Весьма важно. Искренно любящій дядя Авдѣй Т.».

Князь велѣлъ давать себѣ чая и началъ одѣваться. Онъ сталъ бриться и замѣтилъ, что рука его дрожала. Лицо было блѣдно, подъ глазами выступила синева. Чай былъ горекъ и противенъ.

Въ половинѣ восьмого онъ поѣхалъ къ Авдѣю Петровичу. Дежурный сказалъ, что генералъ не принимаетъ, но Борисъ началъ настаивать, чтобы немедля о немъ доложили.

— Генералъ еще спитъ: онъ вчера пріѣхалъ и занимался до трехъ часовъ ночи,—сказалъ баронъ, держа обѣими руками тяжелую кипу бумагъ и потому не здороваясь съ княземъ.

— Онъ сейчасъ прислалъ мнѣ записку, чтобы въ восемь я былъ здѣсь.

— Ничего не знаю-съ,—сказалъ баронъ и прошелъ мимо.

Было четверть десятаго, когда его позвали къ Авдѣю Петровичу.

Это былъ огромнаго роста старикъ, бритый вокругъ губъ, съ большими бачками, такими, какъ носилъ императоръ Александръ, съ сѣдоватыми височками и закрученнымъ хохломъ. Лицо его было необычайно добродушно, а голосъ такой низкій, что когда онъ говорилъ, казалось, кто-то игралъ на басовыхъ нотахъ органа.

— Боренька, здравствуй!—воскликнулъ онъ и трижды облобызалъ князя.—Давно не видѣлъ тебя. Садись, садись! Трубку хочешь? Василискъ, дай трубки. Эти скоты не разбудили меня,— и ты хорошъ, не велѣлъ. Ну, что ты надѣлалъ!—весело заговорилъ онъ, гладя Бориса по колѣну огромной рукой.—Что ты такое надѣлалъ? Женился на католичкѣ, и самъ католичество принялъ? Справки наводили.

— Теперь я не знаю, что дѣлать.

Авдѣй Петровичъ взялъ перо и сердито бросилъ.

— Зачѣмъ ты не обратился прямо ко мнѣ?

— Васъ не было въ Парижѣ.

— Загорѣлось! Столько лѣтъ ждалъ, а тутъ вдругъ все надо сразу рѣшать. Зачѣмъ ты полѣзъ къ барону?

— Онъ нагадилъ?

— Конечно, нагадилъ. Онъ образцовый служака. Сейчасъ же все обдѣлалъ по закону и такъ, что тебѣ ни вздохнуть, ни охнуть. Что жъ теперь дѣлать?

— Я докажу вамъ, что въ католичество я не переходилъ.

— И докажи, милый. Только торопись. Мы долго здѣсь прохлаждаться не будемъ.

— Постараюсь.

Дверь отворилась, и баронъ вошелъ.

— Вы знакомы?—спросилъ Авдѣй Петровичъ.

Баронъ скорчилъ любезное лицо и протянулъ руку Борису.

— Давно,—сказалъ онъ.

— Давно,—подтвердилъ князь.—Съ Петербурга.

— Тамъ ординарецъ отъ великаго князя пріѣхалъ,—сказалъ баронъ.

— Знаю. Пусть подождетъ. Онъ по своему дѣлу.

— А!—протянулъ баронъ и съ важнымъ видомъ вышелъ изъ кабинета. На лицѣ его такъ и было написано: «ты въ насъ нуждаешься, а не мы въ тебѣ,—ну, такъ вотъ мы заняты—жди».

— Вы, кажись, не въ ладахъ?—спросилъ Авдѣй Петровичъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ барономъ. Сычами другъ на друга смотрѣли?

— Онъ меня не любитъ.

— А ты его?

— Взаимно.

— За что?

— Не все ли вамъ равно? Впрочемъ, пожалуй, скажу: я бить его хотѣлъ.

— За что?

— Приписывалъ въ картахъ.

— О! За это стоитъ. А служака хорошій. Такъ, собака, бумаги пишетъ, что отдай два алтына послѣдніе,—и то мало. А что въ карты приписываетъ, это бываетъ. У насъ всегда такъ. Честнѣйшій человѣкъ, нищихъ одѣляетъ, на монастырь жертвуетъ, бѣдныхъ родственниковъ содержитъ, взятокъ не беретъ, а въ карты къ сосѣдямъ подглядываетъ. Что ты хочешь—и расчетъ грошевый, а не можетъ: въ крови ужъ у него это, понимаешь, сидитъ. Коли въ карты проиграетъ большой кушъ—въ куски разсыплется, а на другой день къ полудню долгъ привезетъ. А такъ у пріятеля займетъ тысячи двѣ—никогда не отдастъ.

— Да что же онъ можетъ мнѣ сдѣлать?

— Что? Онъ записалъ за очереднымъ номеромъ твое дѣло къ докладу.

— Ну, такъ что же?

— Надо доложить.

— А вы не докладывайте.

Авдѣй Петровичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да развѣ это можно?

— Конечно, можно. Справки фальшивыя.

— Гм... Развѣ фальшивыя? Вѣдь тутъ, вонъ, видѣли твою подпись. Кабы подписи не было,—еще туда-сюда. А разъ подпись есть—ничего не подѣлать.

— Откажутъ?

— Мало того. Воспретятъ навсегда возвращаться.

— За что?

— За ложь.

Князь чувствовалъ, что кровь опять кидается ему въ лицо.

— Говорю же вамъ, что не я лгу, а ваши бумаги.

— Бумаги не лгутъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Бумаги никогда не лгутъ.

— Авдѣй Петровичъ, голубчикъ, да вы не контужены въ голову?

— Ахъ ты, несчастный! да я лѣтъ на двадцать тебя старше, да и двоюроднымъ братомъ твоей матери прихожусь. А ты смѣешь...

Онъ захохоталъ и выставилъ свои пожелтѣвшіе отъ вѣчнаго куренія зубы.

— Я думалъ, что вы благоразумнѣе, Авдѣй Петровичъ. На бумагѣ можно написать что угодно.

— На бумагѣ—да, но на казенномъ бланкѣ? Или ежели печать приложена? Это, душенька, документъ. Документально доказываютъ, что ты въ басурманскую вѣру перешелъ, и что сынъ твой тоже басурманъ. Вотъ ты противъ документа представь документъ,—тогда другое дѣло будетъ. А такъ, на словахъ—тала-бала,—это, миленькій, все равно, что ничего.

Князь потеръ себѣ голову.

— Значитъ, вы мнѣ не вѣрите?

— Да я-то, голубчикъ, тебѣ вѣрю.

XXVII.

— Се дило треба разжуваты...—заговорилъ онъ, почесывая за ухомъ, и посмотрѣлъ на часы, гдѣ звонко ударило половина десятаго.

— Эти минутъ на десять еще отстоютъ,—сказалъ онъ, показывая на черные мраморные часы, стоявшіе на столѣ. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ, ручка котораго изображала охотника, въ страхѣ влѣзшаго на дерево отъ свирѣпаго вепря, что внизу возился съ собаками. Василискъ появился у двери.

— Къ часовщику ходилъ? Что жъ онъ не пришелъ до сихъ поръ?

— А кто его знаетъ! Можетъ, не понялъ. Здѣсь съ ними трудно: по-нашему не говорятъ.

— Тащи его за шиворотъ,—пошелъ.

Князь смотрѣлъ на Авдѣя Петровича и думалъ:

«Здѣсь дѣло такое важное—а онъ о часахъ!»

— Часы должны минута въ минуту точное время показывать,— отозвался Авдѣй Петровичъ, будто отвѣчая на его мысли.—Я по нимъ доклады дѣлаю. Ну, такъ это дѣло надо разобрать. Ты, милочка, православный, по твоимъ словамъ, а по бумагамъ—католикъ. У тебя бумаги сохранились какія—русскія?

— Въ походахъ все пропало.

— Ну, видишь, пропало!

— Такъ новыя соорудите.

— Да и соорудили бы, кабы ты прошенія не подавалъ, да еще этому дьяволу барону!

— Если все дѣло въ моемъ прошеніи, разорвите его. Дайте сюда; не бойтесь, я не разорву.

Авдѣй Петровичъ протянулъ ему бумагу. Князь посмотрѣлъ на помѣтки и, сложивъ, спряталъ ее въ карманъ.

— Что ты глупости дѣлаешь—давай сюда,—ужаснулся Авдѣй Петровичъ.

— Ни за что.

Опять дверь отворилась, и вошелъ баронъ.

— Я прошеніе назадъ взялъ,—сказалъ ему князь.

Баронъ передернулся.

— Этого нельзя, оно зарегистровано,—проговорилъ онъ.

— Я другое подамъ.

— Это подлогъ,—возразилъ баронъ и протянулъ начальнику пакетъ съ большой красной печатью.

— Слышишь,—подлогъ,—отозвался Авдѣй Петровичъ.

— Ну, кабы всѣ были такіе подлоги,—пробормоталъ князь.

— Пакетъ изъ канцеляріи губернатора,—сказалъ баронъ.

— Хорошо, иди, голубчикъ,—проговорилъ Авдѣй Петровичъ.

— Если ты не докажешь,—обратился онъ къ племяннику:— что ты обманомъ вовлеченъ въ новую вѣру и подписалъ бумаги, не читая, по взволнованности чувствъ,—то дѣло приметъ для тебя скверный оборотъ.

— Да какой скверный?

Генералъ прожевалъ булку, отпилъ изъ стакана огромный глотокъ чая, долилъ его молокомъ и объяснилъ:

— Во-первыхъ...

Онъ загнулъ толстый короткій волосатый палецъ на лѣвой рукѣ.

— Во-первыхъ, тебѣ будетъ трудно перебраться въ Россію. Ну, это какъ-нибудь устроимъ. Во-вторыхъ, со службой. Не знаю, можешь ли ты ее продолжать.

— Да вѣдь я раненый боевой офицеръ?

— Лапочка моя,—мало ли теперь раненыхъ? Ты пять лѣтъ въ строю не былъ? Докторскія свидѣтельства нынче ничего не стоятъ,—ими хоть прудъ пруди. Доктора тоже отъ кампаніи двухгодовой обалдѣли, и пишутъ такія бумаги, что только ими печи растапливать...

— То у васъ бумага все, то ничего,—проговорилъ князь.

— Погоди, не перебивай. Да это все, что я сказалъ, еще въ полгоря. Ну, царь на тебя разгнѣвается, ну, удалятъ тебя,—все еще можно какъ-нибудь жить, потому что честолюбія этого самаго въ тебѣ нѣтъ. Вотъ у барона: въ немъ такой червякъ сидитъ и точитъ, точитъ: ему бы только орденковъ побольше, а онъ готовъ для этого винтомъ скрутиться...

— Да бѣда-то въ чемъ?—нетерпѣливо спросилъ Борисъ.

— Бѣда въ томъ, — проговорилъ, снова втягивая въ себя, какъ лошадь, огромный глотокъ, Авдѣй Петровичъ:—что скажетъ объ этомъ Прасковья Львовна.

— Ей что?

— Ей? Ей до всего дѣло.Она оракулъ. Что она скажетъ, такъ тому и быть, какъ печать приложитъ. Ты знаешь ея приверженность къ церкви? У нея однѣхъ домашнихъ церквей въ разныхъ мѣстахъ не перечесть. Весь постъ постнымъ питается. На грибки у нея отдѣльная экономка взята, подаренная графомъ Орловымъ полтавская. И вдругъ узнаетъ она, что ты католической вѣры! Да еще и младенецъ католикъ. Да вѣдь она въ постель брякнется, три дня лежать будетъ въ слезахъ. Она тебѣ какъ приходится?

— Одной изъ тетокъ. У меня ихъ больше десяти.

— Она не позволитъ тебѣ ничего завѣщать. Даже самымъ б изкимъ.

— Какъ же можетъ она не позволить?

— А кто же ей помѣшать можетъ? Скажетъ: не хочу,— и всѣ затрясутся вокругъ. Она всѣхъ ругаетъ. Министры ея боятся. Что ты отъ нея ни шиша не увидишь,—это ужъ несомнѣнно, да и другимъ она не позволитъ... Вотъ ее-то, эту Прасковью Львовну, надо первымъ дѣломъ обойти.

Онъ позвонилъ и допилъ стаканъ.

— Еще чаю да молока еще,—приказалъ онъ, обтирая губы.

— Ну, какъ же мы резюмируемъ бесѣду нашу?—спросилъ князь.

— Ты какъ сказалъ,—повтори,—проговорилъ Авдѣй Петровичъ.

Борисъ повторилъ.

— Ахъ, модники проклятые!—задыхаясь отъ смѣха, воскликнулъ генералъ.—Ну, давай дѣлать выводъ. По-твоему, какой?

— По-моему, бумага васъ заѣла.

— Охъ, заѣла!—согласился Авдѣй Петровичъ.

— Такъ надо все это стряхнуть съ себя; я думаю, во французской арміи такого дѣлопроизводства и помина нѣтъ.

— Вотъ потому-то они намъ Парижъ и сдали.

— Ой, потому ли? Соскоблить бы съ насъ эту подьячую труху.

— А барону нравится.

— Баронъ на то и созданъ. Онъ ходячая буква закона.

— Ходячая, братецъ. Мнѣ онъ иногда ять напоминаетъ; знаешь, бываетъ такой длинный, съ раздвоеніемъ наверху.

— А вѣдь вы его боитесь, Авдѣй Петровичъ?

— Боюсь. Это ты вѣрно сказалъ—боюсь. У него на все есть статья закона. Чихнетъ—статья закона. Плюнетъ—статья закона.

— Запись сотретъ въ картахъ...

— Ну, по рожѣ побьютъ,—а тамъ опять для всѣхъ онъ честный человѣкъ. И боятся у насъ его больше, чѣмъ меня. Аспидъ!

— Ну, да ужъ коли вы боитесь!... Резюмируемъ же.

— Давай. Прошенье твое не идетъ. А дальше что?

— Дальше, я вѣнчаюсь. Попа давайте.

— Поповъ сколько хочешь. Я и благословлю.

Онъ понизилъ голосъ и наклонился къ князю:

— Только, чтобъ баронъ не зналъ.

Князю хотя было не до того, онъ улыбнулся.

— Знаете, Авдѣй Петровичъ, такъ я отвыкъ, живя въ эти годы за границей, отъ нашей жизни, что она мнѣ дикой кажется.

— Дико, милочка, дико. А у насъ все такъ. Ежели человѣкъ работящій,—значитъ, изъ нѣмцевъ. Я спокойно спать могу на обоихъ ушахъ, зная, что баронъ работаетъ до трехъ часовъ. Я знаю, что онъ не продастъ меня. Никакого ему расчета нѣтъ: онъ прямо мѣтитъ на важный постъ. И погоди, онъ еще будетъ такимъ лицомъ, что всѣ ему кланяться будутъ.

— Ахъ, дядя, напоминаете вы мнѣ ту старушку, что чорту свѣчку передъ образомъ страшнаго суда ставила и умоляла: «чортушка преподобный, не мучь ты мои кости старыя, когда до меня очередь дойдетъ».

Авдѣй Петровичъ опять засмѣялся.

— А вѣдь это ты справедливо подмѣтилъ! Я о будущемъ нѣтъ-нѣтъ и подумаю. Отъ него, ты полагаешь, пенсіи зависѣть не будутъ? Все будетъ, все будетъ зависѣть. И сами мы, и сердца наши, и дѣти,—все отъ него!

— Зачѣмъ вамъ все это? Не вашъ вѣкъ и на дѣтей вашихъ хватитъ.

— Хватитъ! Да служить-то отечеству надо?

— Вы «служить» это называете?

— Я замѣчаю, что ты либо якобинцемъ сталъ, либо вольтеріанцемъ.

Часы пробили опять.

— Ну, одѣваться пора. Прощай, голубчикъ.

Авдѣй Петровичъ опять трижды облобызался съ племянникомъ.

— Намъ на дняхъ повидаться надо. Выписывай жену, мы обвѣнчаемъ васъ по военному, живо—разъ, два, и готово. Такого попа найду, что въ четверть часа все дѣло сдѣлаетъ... А теперь некогда. Цѣлуй еще разъ старика. Господь съ тобой.

— А все же Русь отъ канцелярщины гибнетъ,—сказалъ Борисъ.

— Не нами, душенька, это заведено, не нами и кончится. И черезъ сто лѣтъ то же будетъ: тѣ же пункты, крючки и параграфы. И у нѣмцевъ то же, и у австрійцевъ. Говорятъ, нашу армію обкрадываютъ. Во всѣхъ арміяхъ то же воровство. Я думаю, и у французовъ немногимъ лучше.

— Надо, чтобъ убѣжденія измѣнились...

— Убѣжденія! Какъ же ты убѣжденіе измѣнишь въ томъ, что грабить казну можно? Отъ дѣдовъ это къ намъ перешло, и ничѣмъ этого не выкурить. Года пройдутъ, вѣка,—и все воровать будутъ. Воровъ осудятъ, постегаютъ, сошлютъ,—а новые опять воровать начнутъ... Вѣчный круговоротъ, ничего не подѣлаешь. Ну, прощай, прощай.

Онъ бѣгомъ бросился къ себѣ въ уборную. Князь вышелъ. Въ пріемной стоялъ баронъ и, отставивъ ногу, свысока говорилъ съ ординарцемъ. Ординарецъ былъ ниже барона орденами, и потому баронъ могъ поднимать передъ нимъ носъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не видитъ князя, и стоялъ къ нему спиною, когда тотъ проходилъ мимо.

XXVIII.

Клэръ съ теткой и маленькимъ князькомъ, укутаннымъ въ цѣлый ворохъ батиста, шелка и кружевъ, пріѣхали въ Парижъ. Князь встрѣтилъ ихъ далеко за городомъ.

Клэръ похудѣла, поблѣднѣла послѣ родовъ. Она казалась еще стройнѣе и гибче. Князь смотрѣлъ на нее и думалъ:

«Да ради ея я готовъ на какія угодно испытанія. Только бы вѣчно, вѣчно быть съ нею».

Первымъ ея вопросомъ было:

— Что отецъ?

— Плохъ,—отвѣтилъ онъ и опустилъ глаза.

— Онъ умеръ, я знаю,—сказала она.

Онъ обнялъ и прижалъ ее крѣпко, крѣпко къ своей груди. Она заплакала, но не объ отцѣ, а о томъ, что у нея онъ есть,—онъ, хорошій, добрый, умный. Жакелинъ тоже плакала, неизвѣстно о чемъ, и все повторяла:

— Бѣдная родина, бѣдная родина!

Когда они въѣхали въ Парижъ, и знакомые желто-сѣрые дома съ красно-бурыми крышами замелькали передъ ней, она все искала признака русской арміи, и все спрашивала:

— Гдѣ же казаки, гдѣ же?

Мимо ихъ проѣхала группа оборванныхъ и грязныхъ нѣмцевъ. Она высунулась изъ окна кареты и воскликнула:

— Вотъ они какіе, наконецъ я видѣла русскихъ!

Черезъ два дня какой-то сѣденькій пухлый священникъ, въ очкахъ на носу, обвѣнчалъ князя и Клэръ. Благословляя ихъ зажженными свѣчами, онъ говорилъ:

— Вѣнчается раба Божія Клара рабу Божію Борису,—и ни за что не хотѣлъ сказать: Клэръ.

— Да вѣдь это правильно—по-французски,—убѣждали его.

— А по-русски—Клара,—стоялъ на своемъ священникъ.

Авдѣй Петровичъ благословлялъ передъ вѣнцомъ образомъ новобрачныхъ. Образъ былъ тотъ самый, который совершилъ весь походъ съ нимъ: старинный, почернѣвшій Спасъ, вывезенный еще изъ Византіи при царѣ Алексѣѣ.

Послѣ вѣнца онъ поцѣловалъ губки новой племянницы и на скверномъ французскомъ языкѣ сказалъ:

— Ву з'емре муа, паръ се ке же сюи вотръ онкль,—е же сюи бравъ хомъ. Конъ ву серре анъ Рюсси, ву верре, кель дине же ву доннере [1]).

Со стороны невѣсты была Жакелинъ, двѣ какихъ-то дамы и адвокатъ, опять порозовѣвшій послѣ похоронъ друга. Шаферами были старые товарищи князя по полку. Они расписались, какъ свидѣтели обряда, а на первомъ мѣстѣ расписался Авдѣй Петровичъ, поставивъ свои крючки и круглый росчеркъ въ церковной книгѣ.

— Меня пугалъ какой-то барончикъ,—говорилъ на другой день послѣ свадьбы попъ, къ которому князь зашелъ за бумагами.— Онъ пріѣхалъ ко мнѣ еще утромъ и сталъ клясться, что вы католикъ. Я говорю: «божиться нехорошо». А онъ опять. Вы, говоритъ, подъ судъ попадете. Я говорю: «не попаду,—мнѣ Авдѣй Петровичъ приказалъ».

Рѣшено было, что прошеніе Борисъ подастъ, когда его полкъ вернется въ Россію. Тогда поднимется вопросъ и о его пріѣздѣ и о его вѣрѣ.

Петръ Авдѣевичъ настаивалъ, чтобъ младенца немедля перевели въ православіе.

— А то, понимаешь, чепуха какая!—говорилъ онъ.—У тебя вдругъ сынъ католикъ! За это, душенька, можно отвѣчать.

Повліялъ ли на крохотнаго ребенка морской переѣздъ, или это была перемѣна воздуха, но онъ заболѣлъ передъ самымъ тѣмъ днемъ, когда назначена была свадьба. Старикъ священникъ охотно

---

[1]) Вы меня полюбите, потому что я вашъ дядя и славный малый. Когда вы будете въ Россіи, ужъ угощу же я васъ обѣдомъ, увидите!

соглашался совершить надъ младенцемъ какой угодно обрядъ, такъ какъ онъ полагалъ, что онъ «полковой» и можетъ дѣлать что угодно.

Жакелинъ тотчасъ пригласила дѣтскаго доктора необычайныхъ знаній. Докторъ необычайныхъ знаній пріѣхалъ, подробно разспросилъ обо всемъ и задумался.

— Надо на затылокъ ему піявку,—сказалъ онъ.

И ребенку поставили на затылокъ піявку. Клэръ видѣла, какъ черная короткая змѣйка набухала и толстѣла, вытягивая кровь младенца. Докторъ самъ наблюдалъ за дѣйствіями фельдшера. Потомъ піявку отняли, и Клэръ увидѣла крохотное красное пятнышко въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ укусъ.

Прошла еще безпокойная ночь. А къ утру въ кроваткѣ лежалъ уже мертвый ребенокъ.

— Не надо было поднимать вопроса о перемѣнѣ вѣроисповѣданія,—говорила Жакелинъ.—И не надо было говорить, что вы хотѣли дѣвочку.

Смерть крохотнаго существа поразила князя и Клэръ больше, чѣмъ его появленіе на свѣтъ. Жакелинъ распорядилась всѣмъ, чѣмъ нужно, и гробикъ былъ поставленъ въ фамильномъ склепѣ Сенъ-Дизье.

Но иногда мертвые встаютъ. То есть не тѣ мертвые, которыхъ свозятъ на кладбище, а тѣ, о которыхъ распространяются слухи, что они умерли.

Разъ Лука доложилъ князю, что его спрашиваетъ Егоръ Карапетовичъ.

— Да вѣдь онъ умеръ, утонулъ въ морѣ,—сказалъ Борисъ.

— Должно, нѣтъ,—отвѣчалъ Лука.—Живехонекъ стоитъ, и ноги кривыя, какъ всегда.

Борисъ подумалъ, и велѣлъ его пустить.

— Драгоцѣнный князь!—завопилъ по-русски мосье Жоржъ, растопыря на порогѣ руки.—Давно не видались! Какъ поживаете? Еще разъ женились, по-нашему? Слышалъ, слышалъ.

— Откуда вы слышали?

— На улицѣ слышалъ. А вы—хе-хе!—думали, что я погибъ въ водѣ. Увы! на зло и на горе многимъ,—въ томъ числѣ моей супругѣ и мосье Жюлю, остался живъ.

Онъ самодовольно посмотрѣлъ въ лорнетъ на собесѣдника.

— Я, знаете, къ счастью, плаваю, какъ окунь. Меня вытащили. Два часа я проплавалъ, а тамъ вытащили. Я не торопился сюда явиться. А теперь явился... Возвращаюсь домой, какъ нѣкій Одиссей, и застаю супругу съ Жюлемъ. Сначала они подумали, что это призракъ, но я доказалъ, что я живъ: Жюля и супругу—ту и другого—вытолкалъ на улицу. Затѣмъ поѣхалъ къ тещѣ и покорнѣйше просилъ болѣе не посылать дочку обратно. Она воскликнула «hélas!» и

упала въ обморокъ. Она думала, что я буду приводить ее въ себя,— слуга покорный!...

Онъ засмѣялся и поднялъ руки, когда собака вбѣжала и стала обнюхивать его колѣна.

— Вы удивляетесь, что я поднимаю руки?—спросилъ Жоржъ.— Да, это вы просили меня не укусить ее?.. Ну, а вы знаете, чему я обязанъ, что явился къ вамъ? Моей женѣ. У нея на туалетѣ я нашелъ вашъ адресъ. Зачѣмъ она записала его, я не знаю. Но во всякомъ случаѣ я далекъ отъ ревности. Пришелъ я къ вамъ по двумъ дѣламъ.

Онъ сдунулъ пушинку съ рукава своего гранатнаго фрака и спросилъ:

— Бываетъ у васъ господинъ Горшельдъ?

— Зачѣмъ?

— Онъ былъ бухгалтеромъ у вашего тестя. Теперь, когда часть имѣній перешла къ княгинѣ, онъ, я думалъ, остался у васъ служить, или хотя бы сдаетъ вашему управляющему дѣла.

— А княгиня получила часть имѣній въ наслѣдство?

— Развѣ завѣщанія вы не вскрывали?

— Нѣтъ.

— Не удивляюсь тогда, что вы подписали не читая вашъ переходъ въ католичество.

— А это откуда у васъ?

— Отъ милѣйшаго барона. Мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ. Обнялись, расцѣловались, какъ закадычные друзья. Онъ угостилъ меня на радостяхъ отвратительнѣйшимъ виномъ гдѣ-то въ кафе, тамъ его звали «экселансъ», а онъ все поправлялъ и говорилъ: «зовите просто баронъ». Я ему предлагалъ денегъ по пяти процентовъ годовыхъ. Онъ благородно отказался. И тутъ же все разсказалъ про васъ. Вы точно у него поперекъ горла сидите, покраснѣлъ даже и, какъ верблюдъ, сталъ слюною брызгать.

— Что же онъ говорилъ?

— Говорилъ, что вы по уши залѣзли въ трясину, и теперь вамъ не выкарабкаться, Понимаете, это о томъ, что вы будто католикъ и это скрываете. Онъ говорилъ: и чиновъ-то васъ лишатъ, и права въѣзда въ Россію, и вы, какъ католикъ, не имѣете права на майораты, которые есть у васъ въ роду и которые вамъ приходятся. Говорилъ, а у самого отъ счастья слюнки текли. Такъ бы онъ собственноручно зажарилъ васъ и скушалъ: съ косточками, съ перьями совсѣмъ. Ахъ, какой онъ мерзавецъ! По лицу видно... И не подозрѣваетъ онъ, что, коли нужно, можно сотню паспортовъ сейчасъ же достать.

— А вы не знаете, куда отецъ Жезефъ дѣвался?—спросилъ князь, небрежно слѣдя за ходомъ мыслей гостя.

— Знаю. Онъ поѣхалъ въ Бергамъ: тамъ скончалась какая-то старушка и завѣщала ему какіе-то виноградники. Ну, онъ отрясъ прахъ отъ своихъ башмаковъ, навсегда распростился съ Франціей и покатилъ въ Италію.

— Онъ даже не написалъ мнѣ...—удивился князь.

— Фуй! Когда получаютъ солидный капиталъ, никогда не пишутъ своимъ прежнимъ знакомымъ, а друзей даже не узнаютъ при встрѣчахъ.

— А почему домъ мой сгорѣлъ?

— Почему домъ сгорѣлъ? Да почему жъ ему было не сгорѣть, если хозяинъ его русскій, а Горшельдъ крестьянъ все науськивалъ? Я какъ-то встрѣтилъ у него кривого прохвоста, которому онъ весьма прозрачно намекалъ, что пора, молъ, жечь замокъ. А онъ весьма не прозрачно говорилъ, что денегъ надо. Вѣдь Горшельдъ всѣмъ разсказывалъ, что вы русскій.

— Такъ это отсюда идетъ?—сказалъ князь.

— Натурально, отсюда,—подтвердилъ Егоръ Карапетовичъ и довольно загоготалъ, запрокидывая голову назадъ.

XXIX.

Время шло, тянулось, иногда бѣжало, иногда, какъ будто, опять останавливалось.

Дряблый, толстый, апатичный Людовикъ XVIII правилъ Франціей. Когда онъ ѣхалъ по Тюильри, народъ, съ передѣтыми полицейскими во главѣ, радостно его привѣтствовалъ. Союзники давно уже выступили изъ Парижа.

Виллу подъ городомъ не обстраивали и не отдѣлывали. Вязьмитиновы переѣхали въ замокъ, лье сто отъ Парижа къ востоку. Тамъ все дышало старой Франціей.

Сзади замка тянулся густой садъ. Въ немъ разбили великолѣпные цвѣтники. Фонтаны, какъ и въ прежніе годы, залепетали свою гармоничную сказку. Теперь они лепетали о томъ, что великій императоръ, оскорбленный, живетъ въ одиночествѣ на островѣ среди океана. Они лепетали, какъ онъ, по вечерамъ, на закатѣ, ходитъ по устроенной для него аллеѣ и, смотря на солнце, вспоминаетъ то Аустерлицъ, то соборныя колокольни Москвы, то пирамиды стараго Египта, лотосъ, папирусъ, саркофаги фараоновъ, муміи, товарищей дѣтства на Корсикѣ...

Онъ все ходитъ, все ходитъ, и чудятся ему холодные снѣга Россіи, и тысячи, десятки тысячъ французскихъ труповъ, павшихъ тамъ, на этихъ снѣжныхъ поляхъ. Во имя чего? Во имя политическаго равноправія Европы?

Лепечутъ струи фонтана о томъ, что тамъ, въ далекой Россіи, все гремятъ роскошные пиры. Стучатъ о серебро и золото тарелокъ

серебряные и вызолоченные ножи. Льется пѣна шампанскаго, и несмѣтныя богатства, добываемыя рабами, не даютъ изсякнуть источнику этихъ пировъ. Гремитъ музыка, слышатся хоры, танцуютъ крѣпостные балеты... Крѣпостное право царитъ попрежнему, всѣ мечты о свободѣ рухнули, теперь кажутся золотыми снами юности... А надо всѣмъ этимъ встаетъ маленькая, демоническая фигура Аракчеева...

Здѣсь уже не миніатюрный шато, здѣсь настоящій замокъ. Главная его прелесть, что онъ такъ далекъ отъ Парижа и Версаля, что лѣса и поля обступили его, и старая Франція здѣсь, въ сторонѣ отъ политики и всякихъ волненій, цвѣтетъ пышно, богато и счастливо.

Иногда сельская тишина нарушается пріѣздомъ Жакелинъ, адвоката Дюпре и парижскихъ друзей. Иногда русскіе друзья заглядываютъ въ этотъ уголокъ. И хотя звонятъ къ завтраку, обѣду и ужину, но привольная, спокойная жизнь напоминаетъ имъ далекую отчизну.

Когда зима съ ея дождями, иногда снѣгами, пролетитъ, и опять фіалки начнутъ смотрѣть изъ травы,—замолкшія за зиму струи фонтана опять зазвучатъ и опять начнутъ нашептывать сказки.

Князю офиціально не разрѣшено возвращенія на родину. Онъ смѣется надъ этимъ. У него въ столѣ лежитъ для проѣзда въ Россію документъ на имя приписаннаго къ городу Ригѣ Августа Штоль. Но онъ никогда имъ не воспользуется.

Иногда маленькая Ирэнъ играетъ у фонтана и смотритъ на его алмазныя капли, и слушаетъ его сказки. Долго, долго онъ что-то нашептываетъ ей. Дѣти лучше взрослыхъ понимаютъ саги природы.

Разсказываетъ онъ ей, какъ былъ у нея старшій братъ и умеръ крохотнымъ ребенкомъ, и летаетъ теперь въ синей лазури неба,—а, можетъ быть, этой хорошенькой птичкой сидитъ на вѣткѣ и смотритъ на нее блестящимъ глазкомъ.

Иногда въ глубинѣ аллеи показывается Клэръ,—въ полномъ расцвѣтѣ красоты и молодости. Она цѣлуетъ дочку, сажаетъ ее возлѣ себя и играетъ съ нею.

А когда замолкаютъ опять фонтаны, и дрова начинаютъ трещать въ старыхъ огромныхъ каминахъ,—папа беретъ Ирэнъ къ себѣ на колѣни, и подъ звуки зимней бури тоже разсказываетъ ей про сѣраго волка, про Красную Шапочку, про лютые морозы далекой страны, окутанной какой-то сѣрою, грозною тучей, — тамъ гибли всѣ, кто осмѣлился подойти къ ней близко,—и даже Наполеонъ, тотъ бронзовый въ треуголкѣ Наполеонъ, что стоитъ въ углу на тумбѣ, и тотъ долженъ былъ бѣжать въ ужасѣ оттуда, проникнувъ въ его таинственныя нѣдра.

Журчатъ и разсказываютъ фонтаны о веселой свадьбѣ Ирэнъ, о гостяхъ, что прiѣхали со всѣхъ сторонъ и шумно кричатъ и пѣнятъ бокалы,—о красивомъ молодомъ женихѣ, что въ жены беретъ красавицу-дѣвицу, въ которой слилась кровь князей Вязьмитиновыхъ и Сенъ-Дизье.

Старый Лука, во фракѣ и перчаткахъ, бритый, какъ будто и не вспоминаетъ Россiи. Онъ съ княземъ и княгиней ѣздитъ въ Парижъ и тамъ живетъ иногда три-четыре мѣсяца, въ большомъ ихъ домѣ за Сеной. Онъ посѣдѣлъ, сѣдѣетъ и князь. У князя ужъ внуки. Они католики. Да объ этомъ не поднимается даже вопроса,— Ирэнъ вѣдь тоже католичка.

Особенно князь Борисъ привязанъ къ старшему внуку. Ему уже пятнадцать лѣтъ, онъ хорошо читаетъ по-русски, — но онъ почему-то интересуется догматикой и хочетъ избрать своей дѣятельностью духовное поприще. Ни отецъ, ни дѣдъ не стѣсняютъ Шарля.

И когда восьмидесятилѣтнiй князь Борисъ умиралъ на рукахъ своей дочери (онъ уже давно схоронилъ жену),—то сказалъ Шарлю:

— Какъ хочешь поступай, но помни: свобода духа выше всего!

А фонтаны все попрежнему журчали и разсказывали новыя и новыя сказки.

П. П. Гнѣдичъ.

МОЗАИКА.

(Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).

Наши прабабушки и прадѣдушки имѣли прекрасный, усвоенный имъ изъ-за границы обычай записывать все, что останавливало ихъ вниманіе изъ лично видѣннаго, слышаннаго и пережитого. Исподволь составлялись интереснѣйшіе дневники и записки, цѣнные своей непосредственной постепенностью составленія, и тѣмъ самымъ сохраняющіе удивительную яркость колорита событій и обстановки, при которой внимательная рука набрасывала былое на золотообрѣзные листы шагреневыхъ альбомовъ съ секретнымъ ключикомъ.

Теперь, въ нашъ нервный, торопливый, на декадентской подкладкѣ, демократическій вѣкъ, тоже пишутъ воспоминанія, и даже, въ послѣднее время, въ весьма изрядномъ количествѣ,—но совершенно иначе: сразу, огуломъ припоминая то, что случилось наиболѣе интереснаго и выпуклаго въ жизни автора записокъ. Поэтому теперешніе мемуары всегда уступаютъ прежнимъ—многое уже забылось, многое представляется вовсе не такъ, чрезъ десятки лѣтъ, какъ было въ данную минуту на самомъ дѣлѣ, многое же, подъ вліяніемъ времени и накопленныхъ за годы впечатлѣній, принимаетъ совсѣмъ невѣрную окраску...

Я совершенно случайно, вовсе не думая о напудренныхъ предкахъ, слѣдовалъ ихъ примѣру: записывалъ кое-что изъ моей богатой встрѣчами и впечатлѣніями жизни именно въ то время, когда

достойное отмѣтки случалось. Оттого моя «Мозаика» носитъ свѣжесть красокъ совершившагося за много лѣтъ, представляя все такъ, какъ оно было въ тотъ день, когда я занесъ что-либо въ мой дневникъ.

Читатели, какъ я надѣюсь, найдутъ въ моей «лѣтописи» нѣчто интересное и доселѣ въ печати не бывшее.

I.

И въ наше время также бывали, и довольно часто, разныя «студенческія исторіи» и непріятности въ учебной жизни высшей и средней школы, неизбѣжныя забастовки и демонстраціи, которыя тогда еще не назывались «обструкціями» и отнюдь не бывали «химическими». До этого тогда еще не доходили.

Я былъ еще мальчикомъ, въ пятомъ классѣ московскаго лицея цесаревича Николая (Катковскаго), когда въ 1874—75 году краснощекіе приказчики Охотнаго ряда, центральнаго рынка въ Москвѣ, вдругъ стали, въ одинъ прекрасный день весной, «избивать» студентовъ, нападая на нихъ на улицахъ возлѣ рынка и въ университетскомъ дворѣ (по близости, на Моховой), куда неожиданно явились «на расправу»... Незадолго предъ тѣмъ среди студентовъ были обыски, обнаружившіе, какъ всегда, какія-то соціальныя брошюрки и неизбѣжныя прокламаціи. Кто-то, кому это было нужно, подбили охотнорядскихъ мужиковъ «наказать бунтарей»,—и вотъ было устроено побоище, которое разгоняла полиція.

У князей Львовыхъ, Трубецкихъ, Кугушевыхъ, у Зиновьевыхъ и Дубовицкихъ, куда мы съ братомъ постоянно ходили къ нашимъ школьнымъ друзьямъ, очень возмущались и волновались этой «исторіей» и преувеличивали ее довольно изрядно.

— А вы слышали, какое сегодня побоище было у Охотнаго ряда и въ университетѣ?—взволнованно спрашивали одинъ другого въ старо-московскихъ гостиныхъ грибоѣдовскаго типа, гдѣ Скалозубы, Фамусовы, а особенно Репетиловы и Загорѣцкіе были во время моего отрочества еще обычными фигурами и своими людьми.—Какъ студентовъ-то «пробрали»! И по дѣломъ этимъ буянамъ!

— Этого мало: крамольникамъ-съ,—вставляли Загорѣцкіе.

— Все время норовятъ смутьянить, ничѣмъ имъ не угодишь!—кипятились Фамусовы и Скалозубы.

— Ужъ, кажется, имъ ли свободы еще мало? Нѣтъ, давай революцію устраивать...—шептали Молчалины.

— Позвольте, господа,—вмѣшивались Чацкіе:—экая бѣда, что молодежь волнуется? На то она и молодежь, чтобы волноваться,—

пусть бурлитъ. «Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ!» И какія тамъ революціи? Съ чего вы взяли, какой вздоръ!

— Ну, ужъ вы всегда за всякое буйство заступаетесь... Еще недавно Катковъ...

— Вашъ Катковъ обскурантъ!

— Да позвольте же договорить...

— Конечно, безбожники наши студенты, утверждала Хлестова:—все лягушекъ рѣжутъ, а въ церковь ни ногой!

— И моего племянника Ѳедора совершенно въ университетѣ съ толку сбили,—жаловалась графиня-бабушка.—Изъ рукъ отбился и все какого-то Маркса читаетъ.

— Но онъ такой всегда былъ,—поправляла графиня-внучка:—изъ-за-границы такимъ вернулся...

— Не смѣй меня учить, слушай, что старшіе говорятъ.

— Ну, а сколько же студентовъ-то потрепали въ свалкѣ?—любопытствовали москвичи.

— Какъ! вы не знаете? Нѣсколько тысячъ!—оповѣщали Репетиловы, но имъ даже и москвичи не хотѣли вѣрить.

Вотъ какое отношеніе въ обществѣ къ студентамъ царило въ 70-хъ годахъ. Прошли безслѣдно тѣ прекрасныя времена, о которыхъ я съ благоговѣніемъ внималъ отъ моего отца и дяди, слушателей Т. Н. Грановскаго, когда слово «студентъ» было чуть не священнымъ, и когда предъ любымъ студентомъ всюду открывались настежь двери, какъ предъ самымъ дорогимъ гостемъ.

Это было очень печально, но это было такъ, и, несомнѣнно, наше студенчество въ сказанномъ явленіи не совсѣмъ неповинно. Конечно, множество студенческихъ волненій возникало исключительно на почвѣ разныхъ недоразумѣній съ начальствомъ, которое никогда у насъ не умѣло ладить съ молодежью и само же раздувало эти волненія, вмѣсто того, чтобы ихъ скорѣй закончить, но, къ сожалѣнію, окраска иныхъ студенческихъ броженій, охватывавшихъ наши университеты 25—30 лѣтъ назадъ, носила и политическій характеръ.

Что творится въ нашихъ университетахъ теперь, происходило и тогда, въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ. Съ одной стороны всегдашняя неустойчивость нашего министерства народнаго просвѣщенія въ вопросахъ русской школы, съ другой—естественная жажда, обуявшая наше юношество, жить полной общественной жизнью, принимать реальное участіе въ окружающихъ событіяхъ, всецѣло сливаться съ ними—и, значитъ, задаваться соціальными запросами, устраивать политическіе митинги, зачитываться «нелегальной» литературой и тѣмъ самымъ имѣть дѣло съ начальствомъ, а затѣмъ съ полиціей.

И, однако, какъ это ни прискорбно, все это совершенно, какъ я сказалъ, естественно, иначе не могло быть, и является результатомъ нашей русской дѣйствительности.

Эпоха великихъ реформъ вызвала собой всеобщій подъемъ общественной мысли и самодѣятельности и создала незабываемую страницу русской жизни, названную «шестидесятыми годами». Могли ли отзывчивыя сердца молодежи не волноваться вмѣстѣ со всѣми тѣми же гуманными идеями, которыя, по манію Царя-Освободителя, вызвали Россію къ жизни изъ мрачныхъ тучъ предшествовавшаго царствованія? Конечно, нѣтъ. Молодежь зажглась благородными порывами, и вотъ началось памятное «хожденіе въ народъ», съ цѣлью расшевелить эту спавшую вѣковѣчнымъ сномъ темную массу вчерашнихъ рабовъ.

Несомнѣнно, на этой зыбкой и скользкой почвѣ произошло немало прискорбныхъ уклоненій отъ прямого пути, и вмѣсто просвѣщенія народа стала нарождаться оппозиція правительству.

Надо было, конечно, принять немедленно мѣры къ искорененію зла, но ужъ, разумѣется, не тѣми хитрыми способами, какіе тогда же придумало правительство, введя классицизмъ въ гимназіяхъ и вручивъ заботу о русскомъ юношествѣ графу Д. А. Толстому, который былъ столько же педагогъ и классикъ, сколько любой чиновникъ, дослужившійся несокрушимой поясницей до чина «его превосходительства».

Изъ нашихъ мужскихъ гимназій съ позоромъ изгнали тогда естествовѣдѣніе, какъ опасный путь къ «крамолѣ», и замѣнили интересные и развивающіе уроки по естественной исторіи совсѣмъ никому ненужной и мало продуктивной, какъ отдѣльный предметъ, латинской и греческой грамматикой и наводящими на однихъ сонъ, на другихъ прямо маразмъ переводами изъ навсегда отжившей классической мертвечины.

Графъ Д. А. Толстой съ такими соратниками, какъ А. И. Георгіевскій, котораго называли злымъ геніемъ Толстого, М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ, которые были даны ему въ подмогу, фанатически исполнялъ то, что ему было свыше приказано: онъ систематически заколачивалъ головы русскихъ мальчиковъ классическимъ балластомъ, чтобы они поскорѣе тупѣли и не думали о крамолѣ и хожденіяхъ въ народъ.

Именно въ этомъ, конечно, и была главнѣйшая и затаенная цѣль введенія классицизма въ Россіи, но эта затѣя не имѣла успѣха: классицизмъ поднялъ противъ себя все русское общество, раздражилъ и озлобилъ молодежь и сталъ подготовлять студентовъ съ затаенной въ душѣ ненавистью къ учебному начальству и естественной склонностью ко всякимъ оппозиціямъ и обструкціямъ.

Вотъ естественный генезисъ университетскихъ волненій, первые шаги которыхъ проходили за много лѣтъ назадъ предъ моими глазами.

Графа Д. А. Толстого я видалъ въ Москвѣ у его родственниковъ Бибиковыхъ и въ лицеѣ.

Это была подвижная, низенькая фигурка на коротенькихъ и тоненькихъ ножкахъ, съ большой головой, мало выразительной физіономіей и непріятнымъ голосомъ. Въ гостиныхъ онъ говорилъ много о себѣ и своей цѣли ввести въ Россіи «англійское воспитанье», создавъ изъ гимназій типъ колледжей, гдѣ изучаютъ усердно классицизмъ. Его слушать было только смѣшно, такъ какъ классицизмъ въ англійской школѣ издавна поставленъ умѣло и прочно, отданный въ руки опытныхъ и достойныхъ довѣрія лицъ, въ нашихъ же гимназіяхъ преподавали тогда древніе языки невозможные чехи, выписанные для этого изъ-за-границы, которые, помимо плохого знанія самихъ классиковъ, переводили ихъ на такой отчаянный, будто бы русскій, языкъ, что воспитанники съ трудомъ немного начинали понимать своихъ педагоговъ лишь послѣ продолжительныхъ вопросовъ и переговоровъ. Бѣдные русскіе гимназисты бывали поражены, когда вдругъ узнавали на урокахъ отъ своихъ преподавателей чеховъ, что великій Цезарь ободралъ (ободрялъ) солдатъ, лупилъ (любилъ) походы, никогда не ходилъ въ ретираду (никогда не отступалъ), бывалъ всегда побѣднымъ (побѣдителемъ), не любилъ брать въ залоги (въ заложники) и т. д. и т. д.

Врядъ ли съ такимъ прекраснымъ персоналомъ преподавателей древнихъ языковъ можно было когда-нибудь превратить наши гимназіи въ англійскіе колледжи...

Въ лицей цесаревича Николая, гдѣ я учился, графъ Д. А. Толстой пріѣзжалъ въ 1877 году, весной, вмѣстѣ съ бывшимъ бразильскимъ императоромъ дономъ-Педро, ученымъ филологомъ, тонкимъ классикомъ и полиглотомъ, путешествовавшимъ тогда по Европѣ инкогнито подъ именемъ герцога Алькантара.

Въ лицеѣ, основанномъ М. Н. Катковымъ, классицизмъ былъ поставленъ совершенно иначе, чѣмъ въ прочихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ были отборные преподаватели древнихъ языковъ, и самая система преподаванія отличалась отъ гимназической: насъ не мучили грамматикой и вводили въ изученье классиковъ очень умѣло и успѣшно. Насъ постепенно пріучали читать латинскій и греческій текстъ à livre ouvert, и мы уже въ VI классѣ изрядно разбирали Горація. Конечно, этимъ мы были всецѣло обязаны М. Н. Каткову.

Бразильскій императоръ донъ-Педро, высокій, осанистый, полный старикъ, съ краснощекимъ лицомъ и сѣдой окладистой бородой, пріѣхалъ къ намъ въ лицей совершенно неожиданно, рано утромъ. Онъ тотчасъ же пошелъ по классамъ. Его сопровождалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой и директоръ лицея М. Н. Катковъ.

Донъ-Педро, герцогъ Алькантара, былъ, какъ странствующій по Европѣ монархъ, «инкогнито», въ простомъ, очень длинномъ

черномъ сюртукѣ, съ орденомъ Золотого Руна. Графъ Толстой и Катковъ въ мундирахъ.

Когда высокій путешественникъ появился на порогѣ нашего класса, мы занимались съ нашимъ преподавателемъ (со временемъ директоромъ лицея), профессоромъ московскаго университета Г. А. Ивановымъ, латинскимъ языкомъ и переводили Горація.

Герцогъ Алькантара привѣтливо намъ поклонился, подошелъ къ профессору, пожалъ ему руку, а потомъ, сѣвъ на предложенный стулъ, между Катковымъ и Толстымъ, взялъ съ пюпитра книжку, открылъ ее наобумъ и предложилъ одному изъ насъ переводить.

И тутъ на первыхъ же порахъ случился казусъ.

Ода начиналась такъ: «Dianam tenerae dicite virgines!» Воспитанникъ перевелъ по-французски: «Діану нѣжныя воспѣвайте вы, дѣвицы!

— Très bien (очень хорошо),—сказалъ донъ-Педро.—Continuez (продолжайте).

— Intanzum pueri dicite Cynthium!—прочелъ ученикъ и началъ было: «вы, отроки, воспѣвайте»... какъ вдругъ запнулся, не зная, очевидно, что значитъ «Cynthius».

Профессоръ Ивановъ уже готовъ былъ прійти на помощь своему питомцу и объяснить, кто такой Cynthius, но какъ разъ графъ Толстой недовольнымъ голосомъ произнесъ:

— Развѣ это такъ трудно? Ну, и переводите: «вы, отроки, воспѣвайте юнаго Цинтія».

Но король-классикъ весело разсмѣялся и, обратившись въ сторону Толстого, перебилъ его:

— Mais non, cher comte,—Cynthius c'est un des noms d'Apollon (нѣтъ, милый графъ, Кинтій—это одно изъ именъ Аполлона).

Всѣмъ сразу стало неловко, а графъ насупился и отвернулся отъ коронованнаго филолога. М. Н. Катковъ съ легкой улыбкой, въ которой мелькала иронія, пришелъ намъ на помощь.

— Возьмите другую оду, гдѣ нѣтъ именъ и разныхъ названій, которыхъ воспитанники естественно могутъ не знать,—ну, вотъ, напримѣръ, хоть эту,—и далъ намъ переводить оду, гдѣ старый Горацій вѣщаетъ много высокихъ и прекрасныхъ мыслей и которая начинается словами «Aequam memento rebus in arduis servare mentem» (въ часы тяжелыхъ дней спокойный духъ старайся сохранить и т. д.).

Это небольшое стихотвореніе мы перевели вполнѣ изрядно (участвовалъ и я), за что и получили одобреніе высокаго гостя.

Графъ Толстой, однако, все время сидѣлъ насупленный и не обронилъ намъ на прощаніе ни одного слова.

Если въ московскомъ лицеѣ, какъ я сказалъ, классицизмомъ насъ совсѣмъ не мучили, и онъ примѣнялся тамъ въ предѣлахъ разумнаго, то въ другихъ гимназіяхъ, вплоть до 80-хъ годовъ,

онъ былъ какимъ-то Минотавромъ, пожиравшимъ бѣдныхъ мальчиковъ, а выпускные экзамены по древнимъ языкамъ происходили тогда зачастую въ совершенно исключительной и прямо сказочной по своей утонченной жестокости обстановкѣ.

Представьте себѣ, что въ 4-ой московской гимназіи, напримѣръ, выпускныя испытанія по древнимъ языкамъ происходили такимъ образомъ.

По распоряженію начальства заказывались узенькія, съ однимъ окномъ будки, наподобіе теперешнихъ телефонныхъ, по числу выпускныхъ воспитанниковъ VIII класса. Эти будки разставлялись въ огромномъ актовомъ залѣ гимназіи, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Въ будки ставили стулъ, столъ съ письменными принадлежностями, стаканъ и графинъ съ водой (на случай обморока, что было очень предусмотрительно), и въ нихъ наглухо запирали гимназистовъ, сообщивъ имъ предварительно текстъ, который они должны были перевести на латинскій или греческій языкъ. Раньше, чѣмъ приступить къ переводу и быть запертыми на нѣсколько часовъ въ экзаменаціонныя будки, кончающимъ курсъ юношамъ громогласно сообщались тѣ ужасныя послѣдствія, которымъ они подвергались, если бы было замѣчено, что они дѣлаютъ работу при помощи какихъ-либо вспомогательныхъ приспособленій, чего, конечно, никакъ не могло быть, такъ какъ испытуемыхъ предъ впускомъ въ актовый залъ раздѣвали донага и осматривали, не принесли ли они изъ дома карманныхъ словарей и чего-либо подобнаго. Послѣ этой устрашительной процедуры юныхъ страдальцевъ втискивали въ будки, запирали на замокъ и заставляли исполнить extemporale, т.-е. письменную работу по древнимъ языкамъ, въ то время какъ у оконъ будокъ то и дѣло шмыгалъ классный наставникъ и заглядывалъ туда, чтобы знать, исправно ли пишутъ свой переводъ неповинные узники...

Вамъ это кажется совершенно невѣроятнымъ, похожимъ на анекдотъ, но все это было и примѣнялось къ воспитанію русскаго юношества въ эпоху «расцвѣта» классицизма.

Согласитесь, что такіе психопатическіе пріемы воспитанія съ неизбѣжной изъ года въ годъ 14-часовой въ недѣлю долбней латинскихъ и греческихъ грамматикъ должны были дѣйствительно вызывать только ненависть и отвращеніе нашей учащейся молодежи къ учебному начальству и къ гимназическому преподаванію, и революціонизированіе нашихъ университетовъ со времени «классической системы» пошло настолько быстро и удачно, что теперь нѣтъ въ Россіи ни университета, ни гимназіи, ни другого какого-либо учебнаго заведенія, гдѣ бы не пріютилась подпольная пропаганда и нелегальная литература.

Мнѣ всегда казалось удивительно страннымъ, чѣмъ-то даже прямо роковымъ, что въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ въ теченіе

десятковъ лѣтъ совсѣмъ не было мало-мальски сносныхъ руководителей, ужъ не говоря о педагогахъ вообще, большинство которыхъ у насъ было и есть ниже самой слабой критики.

Кажется, послѣ Головнина вы не отыщите у насъ ни одного министра народнаго просвѣщенія, который бы отвѣчалъ своему назначенію и пользовался авторитетомъ среди учащаго и учащагося персонала.

Въ 1880 году, подъ вліяніемъ «либеральныхъ» идей графа Лорисъ-Меликова, злополучный графъ Д. А. Толстой (который долгое время самъ бралъ уроки латинскаго языка у какого-то чеха, но не выучился даже правильно склонять слова mensa) былъ, при всеобщемъ ликованіи Россіи, удаленъ отъ должности, и на его мѣсто назначенъ тогдашній попечитель дерптскаго учебнаго округа, нынѣ здравствующій А. А. Сабуровъ. Однако дѣло не пошло лучше. Сабуровъ не могъ исполнить всего того, что хотѣлъ и что обѣщалъ учащейся молодежи, и вскорѣ принужденъ былъ уйти, послѣ устроеннаго ему студентами на университетскомъ актѣ громкаго скандала.

Мнѣ все время казалось и, припоминая прошлое, кажется и теперь, что самымъ подходящимъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ бы у насъ М. Н. Катковъ, который показалъ на своемъ лицеѣ, какъ нужно и должно преподавать классицизмъ въ средней школѣ, если ужъ безъ него совсѣмъ нельзя обойтись. Я знаю, что Каткову предлагали этотъ постъ, но онъ отъ него уклонялся, и это вполнѣ понятно, такъ какъ онъ былъ, по существу, гораздо болѣе публицистъ, чѣмъ педагогъ, и не хотѣлъ оставлять редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей».

Про Каткова въ свое время очень много писали и говорили. Ставши изъ ревностнаго англомана, друга Герцена и Бакунина и либеральнаго профессора московскаго университета, лишеннаго за «излишнее свободомысліе» каѳедры, представителемъ архиправаго направленія и редакторомъ офиціоза,—Катковъ, естественно, возбуждалъ нареканія въ «измѣнѣ» своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, при чемъ злобно утверждали, что онъ сталъ «правымъ» изъ-за матеріальныхъ расчетовъ, получивъ выгодную аренду на «Московскія Вѣдомости». Въ московскомъ Англійскомъ клубѣ кто-то сострилъ про Каткова: «онъ былъ сначала красный, потомъ вдругъ сталъ бѣлый, а теперь сдѣлался ужъ грязный». Это злобно и невѣрно.

Я съ юныхъ лѣтъ былъ близокъ къ семьѣ Каткова, съ младшими сыновьями котораго былъ товарищемъ по лицею, и много разъ въ теченіе многихъ лѣтъ видѣлъ и слышалъ Каткова въ разныхъ обстоятельствахъ и обстановкахъ. Мнѣ лично всегда казалось, что его консерватизмъ былъ не лживымъ. Я не разъ слышалъ, какъ Катковъ развивалъ мысль о невозможности оставаться всю

жизнь на одной точкѣ зрѣнія, что надо плыть по волнамъ жизни, а не безцѣльно бороться съ ними, что часто то, что кажется въ молодости «святыней», представляется потомъ только «красивыми словами», и что суровая дѣйствительность требуетъ жертвъ и отреченій отъ несбыточныхъ утопій...

Во всякомъ случаѣ консерватизмъ Каткова былъ окруженъ ореоломъ недюжиннаго философскаго ума и яркаго литературнаго таланта, и его передовыя статьи читались всегда со вниманіемъ и удовольствіемъ; онѣ имѣли вліяніе въ «сферахъ», и къ нимъ прислушивались даже за границей.

Однако Катковъ никогда не пользовался симпатіями широкихъ круговъ, и на него охотно писались разные памфлеты. Вотъ одинъ, записанный мною въ 1875 г. и не бывшій въ печати:

Кто всей Россіей управляетъ,
Министровъ ставитъ и смѣняетъ?
Кто насъ сберегъ отъ разныхъ ковъ?
М. Н. Катковъ.

Кто усмирилъ сепаратистовъ
И въ грязь втопталъ всѣхъ нигилистовъ?
Кто русскихъ спасъ отъ поляковъ?
М. Н. Катковъ.

Кто, убоясь естествознанья,
Какъ страшной гидры отрицанья,
Спасъ отъ него насъ, дураковъ?
М. Н. Катковъ.

И кто придумалъ для спасенья
Латинскихъ классиковъ творенья,
Поднявши мертвыхъ изъ гробовъ?
М. Н. Катковъ.

Кто основалъ лицей, въ которомъ,
Классическимъ питая вздоромъ,
Готовятъ родинѣ сыновъ?
М. Н. Катковъ.

Кто, увлеченъ единоборствомъ,
Дрался съ Искандеромъ [1]) съ упорствомъ,
Чуть не дойдя до кулаковъ?
М. Н. Катковъ.

И кто вдругъ сталъ изъ англомана
На стражѣ русскаго дурмана,
Плетей, доносовъ, кабаковъ?..
М. Н. Катковъ.

Но намъ всего не перечесть,
Что дѣлаетъ Каткову честь...
Итакъ, не тратя лишнихъ словъ,
Кричите всѣ: ура, Катковъ!..

---

[1]) Псевдонимъ А. И. Герцена.

М. Н. Каткова обыкновенно считаютъ у насъ творцомъ классицизма и изливаютъ на него одного свое негодованіе.

Это не совсѣмъ такъ и потому несправедливо.

Катковъ участвовалъ въ разработкѣ общей системы введенья классицизма въ нашихъ гимназіяхъ, въ смыслѣ постановки древнихъ языковъ краеугольнымъ камнемъ программы средней школы, какъ это издавна практикуется въ Англіи, не возбуждая собой неудовольствія. Однако самое примѣненіе системы и ея выполненіе всецѣло уже зависѣло отъ другихъ лицъ и главнымъ образомъ отъ графа Д. А. Толстого, сдѣлавшаго изъ классицизма, въ порывѣ излишняго рабскаго усердія, какое-то жестокое чудище, наводящее, какъ очковая змѣя, паническій ужасъ и на воспитанниковъ, и на ихъ несчастныхъ родителей!

Повторяю, я глубоко увѣренъ, что если бы въ годину введенія классической системы въ Россіи министромъ народнаго просвѣщенія былъ не кто иной, какъ Катковъ, то насажденіе въ нашей школѣ языковъ Греціи и Рима не вызвало бы никакихъ недоразумѣній. Доказательство налицо: въ созданномъ Катковымъ лицеѣ классики проходились не только не въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ прочихъ нашихъ гимназіяхъ, а, наооборотъ, въ большемъ (въ VIII классѣ мы могли болѣе или менѣе свободно понимать любого древняго автора à livre ouvert, чего гимназисты никогда не достигали), и тѣмъ не менѣе въ лицеѣ классицизмъ рѣшительно никогда не вызывалъ ровно никакихъ неудовольствій или оппозицій и въ это прекрасно поставленное учебное заведеніе родители очень охотно отдавали своихъ дѣтей, несмотря даже на очень высокую плату за ученье.

Въ частной жизни М. Н. Катковъ былъ человѣкомъ большихъ личныхъ достоинствъ.

Прежде всего это былъ гуманный и заботливый хозяинъ своей типографіи. Вся редакція «Московскихъ Вѣдомостей» и наборщики его буквально боготворили. Это что-нибудь значитъ.

Въ своей семьѣ [1]) М. Н. Катковъ былъ радушный и привѣтливый хозяинъ, хотя, конечно, больше сидѣвшій у себя въ кабинетѣ за статьями и корректурами. Воспитанники лицея также его уважали и, будучи въ старшихъ классахъ, постоянно бывали у него въ домѣ на Страстномъ бульварѣ, который былъ, конечно, одинъ изъ интереснѣйшихъ въ Москвѣ.

Послѣ смерти Каткова, въ 1883 г., редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей» перешло сначала къ С. А. Петровскому, сотруднику

---

[1]) Мать М. Н. Каткова была грузинка (О. Тулаева), и женатъ онъ былъ на грузинкѣ—княжнѣ С. П. Шаликовой, отецъ которой, князь П. И. Шаликовъ, издавалъ дамскій журналъ, вызывавшій очень злыя насмѣшки А. С. Пушкина.

названной газеты, а затѣмъ къ другому ея бывшему сотруднику— В. А. Грингмуту.

Послѣ Каткова «Московскія Вѣдомости», разумѣется, сразу же утратили свою прежнюю физіономію и все прежнее значеніе. Навсегда замолкъ въ нихъ горячій, рѣзкій и смѣлый голосъ его передовыхъ статей, доставлявшій нѣкогда ихъ автору такую массу тайныхъ и явныхъ враговъ, и замелькали скромныя передовицы на разныя благонамѣренныя темы, напоминавшія собою какія-то ученическія упражненія, а не газетныя статьи. При С. Петровскомъ изданіе велось все-таки весьма изрядно, но когда оно попало затѣмъ въ руки В. А. Грингмуту, то измѣнилось къ худшему до неузнаваемости.

С. А. Петровскій держалъ себя скромно и непритязательно, съ тактомъ и достоинствомъ; что же касается В. Грингмута, то, получивъ аренду «Московскихъ Вѣдомостей», онъ одновременно получилъ и «манію величія».

Будучи совершенно бездарнымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и столь же неудачнымъ педагогомъ, В. Грингмутъ вдругъ задался мыслію сдѣлаться «вторымъ Катковымъ».

Изъ этой попытки, разумѣется, ровно ничего не вышло: могъ ли замѣнить безталантный человѣкъ, лишенный при этомъ всякаго литературнаго дарованія, умнаго и талантливаго публициста, хотя бы и ultra-консерватора, какимъ былъ Катковъ, статьи котораго вызывали нерѣдко одобреніе даже среди его политическихъ враговъ? Конечно, нѣтъ.

«Московскія Вѣдомости» при Грингмутѣ стали все больше и больше терять значеніе и приняли постепенно ту антипатичную окраску, которую теперь обыкновенно принято называть «черносотенной». Съ ними давно уже перестали считаться, и онѣ, перейдя послѣ Грингмута къ «раскаявшемуся» бывшему революціонеру Льву Тихомирову, существуютъ, кажется, только по инерціи: ихъ все равно никто не читаетъ.

Въ «сферахъ» В. Грингмутъ никогда не имѣлъ никакого значенія. Однако бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ предлагалъ ему, будто бы, какъ мнѣ лично разсказывалъ самъ Грингмутъ, постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, освободившійся послѣ ухода Е. М. Ѳеоктистова.

— Я категорически отъ этого отказался,—передавалъ мнѣ Грингмутъ:—обративъ вниманіе министра на то, что я человѣкъ извѣстной партіи и поэтому не могу быть руководителемъ печати, такъ какъ каждый мой шагъ будетъ вызывать нареканія и неудовольствія.

Министръ на это возразилъ, что правое направленіе не можетъ еще быть причиной исключительныхъ нареканій и что начальникъ печати вообще долженъ быть охранительнаго направленія и инымъ даже не можетъ быть.

— Я, однако, настаивалъ на своемъ,—разсказывалъ Грингмутъ:— заявивъ, что у меня своя особая роль въ печати и что моя партія исключительно патріотическая, а потому такой человѣкъ, какъ я, не можетъ быть чиновникомъ, но только—публицистомъ! Конечно, это предложеніе было сдѣлано, чтобы навсегда оторвать меня отъ «Московскихъ Вѣдомостей»: я это прекрасно понялъ! Но я не сдался.

Послѣ этого разговора начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ назначенъ М. П. Соловьевъ.

Про Грингмута, державшаго себя съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ редакторомъ, очень важно и, дѣйствительно, кажется, серьезно воображавшаго, что онъ спасаетъ отъ чего-то или кого-то отечество и исполняетъ какую-то особую миссію, ходило въ Москвѣ немало разныхъ анекдотовъ и на него писали шутливые стишки. Его фамилію, напримѣръ, шутя объясняли двумя нѣмецкими словами gering и muth, т.-е. «малохрабрый».

Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній, относящееся къ болѣе позднему времени и наиболѣе удачное.

Грингмутъ, чухна иль іудей
(Намъ съ нимъ не удалось знакомство),
Рѣшилъ Катковымъ стать, ей-ей,
Чтобы вѣрнѣй спасать потомство.
Онъ за статьей каталъ статью,
Взоръ обращалъ горѣ и долу,
И самъ перстами десятью
Казнилъ измѣну и крамолу!
Онъ обливался, какъ водой,
Въ борьбѣ съ врагомъ обильнымъ потомъ—
И прихлебателей гурьбой
Былъ названъ «первымъ патріотомъ».
«Вѣдомостей Московскихъ» соль
Онъ разбавлялъ лимоннымъ сокомъ
И, плохо вызубривши роль,
Игралъ ее не впрямь, а бокомъ,—
Но, ахъ, мороча простаковъ
Въ своемъ органѣ пресловутомъ,
Онъ все жъ не сталъ второй Катковъ
И оставался лишь Грингмутомъ.

II.

Въ послѣднее время опять заговорили объ И. С. Тургеневѣ... Еще недавно были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прекрасныя страницы, посвященныя А. Г. Олсуфьевой послѣднимъ днямъ Тургенева, который, будучи славой Россіи и творцомъ «Записокъ охотника», ставшихъ зарею освобожденія крестьянъ, медленно и мучительно умиралъ въ 1883 г., одинокій и всѣми брошенный, въ мансардѣ роскошнаго отеля своей французской возлюблен-

ной, всю жизнь неустанно эксплоатировавшей этого ручного «русскаго медвѣдя».

Всѣмъ, кто лично знавалъ Тургенева, всегда казалось до послѣдней степени страннымъ и совершенно необычайнымъ, какъ онъ, такой нравственно-чистоплотный и въ жизни и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, создавшій чистѣйшій образъ Лизы «Дворянскаго гнѣзда» и никогда и нигдѣ не шокировавшій ни однимъ вульгарнымъ словомъ своихъ читателей, могъ всю свою долгую жизнь покорно мучиться унизительной ролью фаворита Полины Віардо и разыгрывать тріо подъ одной кровлей съ ея почтеннымъ супругомъ.

Это пикантное «menage à trois» до такой степени не вязалось съ понятіемъ о высокой порядочности Тургенева, что даже его многочисленные парижскіе друзья, которые ко всякимъ семейнымъ фокусамъ съ дѣтства привыкли и которымъ ничто не въ диковинку, искренно удивлялись этой непонятной и несчастной сторонѣ существованія Тургенева и отъ души его жалѣли.

Самая жизнь Тургенева у Віардо была какая-то удивительная: его все куда-то прятали и помѣщали чуть не на чердакѣ. Отчасти, впрочемъ, это происходило, можетъ быть, и не безъ воли самого Тургенева, которому всегда было нѣсколько стыдно той высокодвусмысленной роли, которую онъ сознательно игралъ въ семействѣ Віардо, и вотъ онъ какъ бы невольно прятался отъ постороннихъ глазъ.

Я сказалъ «высокодвусмысленной», такъ какъ, въ сущности, онъ никогда не былъ Антоніемъ, какъ и Віардо—Клеопатрой... Не забывайте, что она была испанкой съ еврейской кровью, для которой матеріальный расчетъ былъ превыше всякихъ иныхъ соображеній. Видя безграничную привязанность къ себѣ русскаго богача, Віардо сообразила всѣ выгоды ихъ «дружбы», позволяла себя любить и извлекала изъ своей жертвы пользу до самой смерти несчастнаго писателя. Иногда, конечно, она снисходила до игры въ стрѣлы Амура, но это, по мѣткому выраженію Д. В. Григоровича, бывало такъ же рѣдко и исключительно, какъ звѣзды и табакерки, которыми награждаютъ за вѣрную службу.

Объ отношеніяхъ Віардо къ Тургеневу, попавшему въ когти хитрой еврейки, всѣ въ Парижѣ прекрасно знали, и мой покойный отецъ, который не разъ бывалъ въ Парижѣ по дѣламъ, подробно мнѣ объ этомъ разсказывалъ именно такъ, какъ самъ слышалъ (въ семидесятыхъ годахъ) отъ парижскихъ знакомыхъ.

Совершенно невѣроятно, чтобы Тургеневъ не чувствовалъ всего этого самъ, не тяготился, не мучился этимъ униженіемъ, которое, какъ я сказалъ, ни для кого въ Парижѣ не было секретомъ, но тѣмъ не менѣе влачилъ свое жалкое существованіе въ пятомъ этажѣ дома Віардо (имъ же для нея и ея почтеннаго супруга купленнаго и ей подареннаго) на улицѣ Донэ, а лѣтомъ въ Буживалѣ, на ея дачѣ,

въ покупкѣ которой онъ тоже участвовалъ (Villa les Trênes), гдѣ у него былъ свой особый крошечный домикъ, столь же бѣдно и неуютно меблированный, какъ и парижская мансарда.

Гдѣ же ключъ къ этой загадкѣ?

Его надо искать глубже, чѣмъ бы казалось. Есть, конечно, люди до того слабовольные, что любая женщина, которая имъ понравится, можетъ, если пожелаетъ, привязать ихъ къ себѣ на всю жизнь и всецѣло овладѣть ихъ существомъ.

Въ данномъ случаѣ, однако, этого объясненія врядъ ли достаточно, чтобы понять ту роковую привязанность, которая держала умнаго, тонкаго и корректнаго Тургенева всю жизнь въ цѣпяхъ у Віардо, при невозможной и для каждаго унизительной обстановкѣ.

Я касался не разъ этой деликатной и любопытной темы въ откровенныхъ разговорахъ съ Я. П. Полонскимъ, котораго я хорошо зналъ и который съ юности былъ неразрывно друженъ съ Тургеневымъ и постоянно велъ съ нимъ интимную переписку.

Вотъ что я слыхалъ по этому поводу въ разное время отъ Полонскаго.

— Отношенія Тургенева къ Віардо были, дѣйствительно, исключительныя, и я самъ не разъ надъ ними задумывался... Я касался иногда этого вопроса и въ бесѣдахъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но рѣдко и съ величайшей осторожностью, чтобы какъ-нибудь невольно не уколоть его самолюбіе, и безъ того наболѣвшее. Иногда онъ просто отмалчивался, а иной разъ говорилъ, что всякій долженъ кого-нибудь разъ навсегда полюбить въ своей жизни и что онъ, еще будучи совсѣмъ молодымъ, привязался къ Віардо потому, что былъ глубоко несчастливъ въ своей семьѣ съ такой ужасной матерью-психопаткой, какова была пресловутая Варвара Петровна, и такимъ отцомъ, какъ Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, который буквально продалъ себя за долги богатой Варварѣ Петровнѣ, никогда не былъ ей вѣренъ и всю жизнь развратничалъ направо и налѣво... Вы знаете, конечно, что повѣсти «Первая любовь» и «Три портрета»—фотографіи съ Тургеневыхъ и Лутовиновыхъ. Однако бывало, что Тургеневъ признавался мнѣ, что Віардо имѣетъ надъ нимъ какое-то особое вліяніе, держа его у своихъ ногъ какими-то будто чарами, словно колдовствомъ, что онъ, когда ее видитъ, физически не можетъ не подчиниться ей, что это выше его силъ и что онъ находится въ ея присутствіи какъ бы подъ сильнѣйшимъ гипнозомъ... И это правда: стоило только Тургеневу уѣхать куда-нибудь изъ Парижа хоть не надолго,—въ Баденъ-Баденъ пить воды или къ себѣ, въ Спасское-Лутовиново, какъ этотъ «гипнозъ» постепенно исчезалъ и онъ говорилъ тогда о Віардо спокойно и даже критиковалъ ее! Но по возвращеніи въ Парижъ—все начиналось по-старому, и онъ опять попадалъ подъ гипнозъ... Какъ-то разъ онъ серьезно увѣрялъ меня, что Віардо колдунья, и говорилъ это до та-

кой степени убѣжденно, что я былъ пораженъ и сталъ возражать, смѣясь надъ суевѣріемъ Тургенева. «Ты напрасно смѣешься, Яковъ Петровичъ,—возразилъ онъ мнѣ:—колдуны всегда были и будутъ: у нихъ какая-то особая внутренняя сила надъ людьми, что бы тамъ ни говорили, и съ этимъ ничего не подѣлаешь». Въ другой разъ, когда я навѣщалъ его, больного, въ Парижѣ, Тургеневъ по уходѣ Віардо, которая долго съ нами сидѣла у его постели и была въ высшей степени мила и любезна, притянулъ меня къ себѣ за руку и прошепталъ мнѣ на ухо, какъ бы боясь звука своихъ собственныхъ словъ: «Ничему не вѣрь, что она говоритъ,—вѣдь это лэди Макбетъ!» Это меня страшно поразило, но больной, какъ бы недовольный тѣмъ, что вдругъ сорвалось съ его языка, рѣзко перемѣнилъ разговоръ и сталъ давать мнѣ разныя маленькія порученія на завтра...

— Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Спасское, въ 1880 г., незадолго до смерти, когда я съ моей семьей гостилъ у него въ деревнѣ, вдругъ получилось изъ Парижа отъ Віардо письмо, что ее укусила какая-то злокачественная муха и что щека страшно вздулась и болитъ. Боже мой, какъ заволновался бѣдный Тургеневъ! Должно быть, таинственный гипнозъ продолжался и на разстояніи... Онъ хотѣлъ немедленно летѣть въ Буживаль, но, на счастье, пришло новое извѣстіе, что Віардо лучше, что опухоль не опасна и проходитъ,—и онъ остался...

— А скажите, Яковъ Петровичъ,—спросилъ я:—какое лично на васъ производила впечатлѣніе Віардо?

Полонскій довольно долго молчалъ, тихо шевеля полупотухшей сигарой въ зубахъ и задумчиво глядя на догоравшее пламя камина, и наконецъ медленно произнесъ:

— На меня она тоже, надо признаться, дѣйствовала всегда какъ-то особенно. Я приходилъ къ Тургеневу возмущенный Віардо въ глубинѣ души (какъ и многіе русскіе) и всякій разъ хотѣлъ быть съ ней какъ можно холоднѣе и даже сказать ей что-нибудь колкое, язвительное, но, представьте себѣ: стоило ей только показаться и взглянуть на меня своими громадными черными глазами, какъ я дѣлался послушенъ, какъ ягненокъ, и никакія колкости не сходили съ языка. А когда она смѣялась чуднымъ заразительнымъ смѣхомъ, то и я принимался смѣяться и былъ съ ней не только не холоденъ, но, напротивъ, очень любезенъ...

— Значитъ, гипнозъ дѣйствовалъ и на другихъ?

— Очевидно... Не забывайте, что Віардо была натура исключительная. Не даромъ она была такъ горячо любима публикой, имѣла повсюду громадный успѣхъ и просто обожаема своими учениками и ученицами. Съ Тургеневымъ, при мнѣ, по крайней мѣрѣ, она обращалась, какъ съ добрымъ, старымъ другомъ и близкимъ роднымъ. Общеніе съ такой женщиной, передъ которой преклонялась толпа, что-нибудь да значитъ... Геній покоряетъ.

И Полонскій сталъ раскуривать совсѣмъ потухшую сигару.

Про Полину Віардо-Гарчіа мнѣ приходилось говорить также съ ея бывшими ученицами, моими соотечественницами. Одна изъ нихъ, г-жа М., особенно много разсказывала мнѣ про знаменитую пѣвицу, вспоминая о ней съ большой симпатіей. Она говорила, что у Віардо былъ, правда, довольно тяжелый характеръ отъ разстройства нервной системы, вслѣдствіе преподавательской дѣятельности, но что въ интимной обстановкѣ она была очаровательна и по натурѣ добра и отзывчива. Г-жа М. вспоминала, конечно, и про Тургенева, для котораго Віардо играла и пѣла русскіе романсы, переводимые Тургеневымъ по-французски. Въ ея домѣ бывали интересные вечера и домашніе маскарады, на которые собирались корифеи художественнаго и свѣтскаго Парижа. Тамъ разыгрывались веселыя шарады въ лицахъ, или какое-нибудь слово загадывалось и представлялось въ дѣйствіи и надо было его отгадать. Г-жа М. хорошо помнила, какъ однажды долго не могли разгадать простого слова oxigène (кислородъ), которое изображали трое: г-нъ Віардо, Э. Ренанъ и Тургеневъ. Г-нъ Віардо долженъ былъ при разговорѣ съ нимъ ловко вставлять слогъ oc (т.-е. «да» въ нарѣчіи langue d'oc), Э. Ренанъ—ci (но отнюдь не сказать oui), а Тургеневъ ходилъ, прихрамывая, по залѣ, охая и кряхтя, молча, комическимъ жестомъ указывалъ на больную ногу, потомъ усѣлся на диванъ и, при общемъ веселомъ смѣхѣ, сталъ стягивать съ себя сапогъ, такъ какъ онъ стѣсняетъ больную ногу (gène).

Съ И. С. Тургеневымъ я лично встрѣчался у Полонскихъ во время его пріѣздовъ изъ Франціи въ Петербургъ, потомъ видѣлъ его раза два на литературныхъ вечерахъ и, наконецъ, въ Москвѣ, кажется, въ 1880 году на очень торжественномъ утреннемъ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности (или, какъ говорили обыкновенно въ Москвѣ, «губителей россійской словесности»). Засѣданіе было особенно многолюдно, такъ какъ всѣ знали, что будетъ Тургеневъ, и въ актовый залъ московскаго университета, гдѣ всегда происходили эти засѣданія, ломилась вся Москва. На эстрадѣ засѣдали «губители»,—между прочимъ С. А. Юрьевъ съ необычайно эффектной сѣдой головой, профессоръ Стороженко, П. А. Безсоновъ, А. Ѳ. Писемскій и пр. Настроеніе было нѣсколько приподнятое: ждали съ нетерпѣніемъ Тургенева и не открывали засѣданія. Наконецъ на порогѣ зала показалась его колоссальная фигура ярко-славянскаго типа, съ красивой головой, обрамленной бѣлой густой шевелюрой, и мощными плечами. Ему сразу зааплодировали, но тутъ совершенно неожиданно произошелъ инцидентъ, въ конецъ испортившій прекрасное настроеніе толпы: какой-то студентъ (какъ оказалось потомъ, юристъ четвертаго курса Викторовъ) вдругъ сталъ читать съ хоръ, переполненныхъ студентами и вообще учащейся молодежью, рѣчь, обращенную къ Тургеневу, въ

которой довольно сердито журилъ знаменитаго писателя за его будто бы не совсѣмъ ясное пониманіе «русской молодежи», выразившееся въ его романахъ «Отцы и дѣти» и «Новь». Этотъ безтактный пассажъ былъ для всѣхъ сюрпризомъ... Тургеневъ, хотѣвшій было уже сѣсть на приготовленное ему мѣсто въ первомъ ряду, въ смущеніи остановился и выслушалъ нежданную на себя критику стоя. Члены совѣта «общества словесности», которые тоже хотѣли привѣтствовать дорогого гостя словомъ, поневолѣ принуждены были молчать и тоже слушать критическія упражненія Викторова. Университетское начальство немедленно распорядилось послать на хоры и задержать фонтанъ краснорѣчія словоохотливаго студента. Кажется, это воздѣйствовало, и ораторъ замолкъ. Тургеневъ, попрежнему смущенный, раскланялся по направленію говорившаго, устремивъ глаза на университетскіе хоры, и усѣлся на свое кресло. Засѣданіе наконецъ началось, но настроеніе присутствующихъ было, какъ я сказалъ, уже испорчено. Тургенева, оказалось, встрѣтили не привѣтственнымъ словомъ, а безтактной выходкой зеленаго студента.

Про Тургенева часто говорили, что онъ себя держалъ, будто бы, «литературнымъ генераломъ». Это неправда. Конечно, будучи прирожденнымъ бариномъ-аристократомъ, онъ не былъ похожъ на литературную богему, къ которой принадлежали и принадлежатъ многіе представители нашей «пишущей братіи», и отсюда эти разговоры о его «генеральствѣ». Тургеневъ, напротивъ, держалъ себя со всѣми и всегда очень просто и привѣтливо, будучи прекрасно воспитаннымъ и по натурѣ чрезвычайно добрымъ и отзывчивымъ человѣкомъ, и въ немъ никогда не замѣчалось ни чванливости, ни напыщенности. Между прочимъ Ѳ. М. Достоевскій, не любившій Тургенева, въ виду большого несходства ихъ талантовъ и характеровъ, желалъ вышутить его въ лицѣ писателя Кармазинова въ романѣ «Бѣсы», но эту злую попытку никакъ нельзя назвать удачной,— Кармазиновъ ничѣмъ не напоминаетъ Тургенева: это какой-то моветонъ, а не баринъ, какимъ Тургеневъ прежде всего былъ.

Въ домѣ Полонскихъ И. С. Тургеневъ чувствовалъ себя, конечно, наиболѣе по себѣ. Кто изъ петербуржцевъ не помнитъ этихъ знаменитыхъ «пятницъ» Я. П. Полонскаго, гдѣ можно было встрѣтить литературно-художественныя сливки? Здѣсь всегда велись непринужденныя и интересныя бесѣды, и люди, часто весьма различныхъ направленій, мирно обмѣнивались здѣсь мыслями, въ той прелестной атмосферѣ культурной незлобивости и терпимости къ чужимъ убѣжденіямъ, которую удалось создать у себя въ домѣ нашему симпатичнѣйшему изъ поэтовъ послѣдняго времени.

Между прочимъ постояннымъ гостемъ на упомянутыхъ «пятницахъ» былъ нѣкто Владиміръ Дмитріевичъ Аленицынъ, нынѣ уже умершій, близкій знакомый Полонскихъ, служившій въ статисти-

ческомъ комитетѣ, очень образованный и ученый (магистръ зоологіи) и симпатичный человѣкъ, но отличавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайными странностями. Такъ, увидѣвши всего одинъ разъ въ жизни извѣстную въ свое время весьма талантливую петербургскую актрису Кадмину, Аленицынъ вдругъ въ нее безумно влюбился или, вѣрнѣе, представилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ. Не перемолвившись съ ней ни единымъ словомъ, да и не ища, кажется, свиданья со своимъ кумиромъ, Аленицынъ безъ устали писалъ и посвящалъ избранницѣ своего сердца всевозможныя стихотворенія и написалъ даже цѣлую пьесу подъ названіемъ «Актрисы», въ которой героиней является, конечно, Кадмина. Съ этой пьесой онъ ходилъ по знакомымъ и читалъ свое произведеніе, которое было весьма слабымъ. Мало того, не будучи вовсе музыкантомъ и не имѣя ни малѣйшаго понятія о композиціи, поклонникъ Кадминой посвящалъ ей романсы и печаталъ ихъ на веленевой бумагѣ съ изображеніемъ актрисы на заглавномъ листѣ. Можете представить, что это была за музыка! Послѣ внезапной смерти Кадминой, окончившей жизнь самоубійствомъ, Аленицынъ долгое время былъ въ глубокой меланхоліи и повѣсилъ предъ своимъ письменнымъ столомъ громадный фотографическій портретъ актрисы въ черной бархатной рамѣ. Этотъ портретъ долго висѣлъ въ его кабинетѣ и былъ имъ снятъ только тогда, когда своеобразный поклонникъ Кадминой наконецъ женился и забылъ о своемъ горѣ.

Объ этой удивительной исторіи Тургеневъ слышалъ отъ Полонскихъ, у которыхъ встрѣчался и съ В. Д. Аленицынымъ, и она послужила сюжетомъ его повѣсти «Клара Миличъ».

III.

У Я. П. Полонскаго я видѣлъ и Ѳ. М. Достоевскаго. Это былъ человѣкъ, который могъ мгновенно, отъ одного не понравившагося ему слова своего собесѣдника, вдругъ сразу закипятиться и наговорить ему кучу непріятныхъ вещей. Въ немъ сказывался вездѣ и во всемъ его врожденный недугъ (эпилепсія), наложившій на всѣ его произведенія большой художественный недочетъ и особый отпечатокъ болѣзненности, дѣлающей ихъ интересными, главнымъ образомъ, съ психопатологической точки зрѣнія. Въ послѣдніе годы жизни Достоевскій, какъ и графъ Л. Н. Толстой, сталъ впадать въ «проповѣдническій» тонъ. Это особенно рѣзко сказалось на Пушкинскомъ юбилеѣ въ Москвѣ, гдѣ Достоевскій произнесъ вдохновенную рѣчь, посвященную великому поэту, и прочелъ его стихотвореніе «Пророкъ» такъ, какъ никто никогда его не читалъ и не прочитаетъ. Я былъ на этомъ историческомъ юбилеѣ, и до сихъ поръ не могу забыть ни этихъ удивительныхъ глазъ, загадочно устремленныхъ куда-то внѣ міра, ни этого то полушепота, то звенящаго

призыва послѣднихъ строкъ, полнаго заразительной экзальтаціи! Громадный залъ Дворянскаго собранія былъ снизу доверху переполненъ тысячной толпой, которая переживала вмѣстѣ съ Достоевскимъ всѣ тѣ мучительныя и вмѣстѣ сладкія минуты вдохновенія, которыя онъ самъ тогда въ глубинѣ души испытывалъ, становясь какъ бы дѣйствительно пророкомъ, ведущимъ толпу къ высочайшему подъему духа и жегшимъ сердца людей. Тутъ же въ залѣ со многими дѣлалось дурно, нѣсколько дамъ впали въ глубокій обморокъ, съ однимъ юношей, на моихъ глазахъ, сдѣлался припадокъ падучей... Такъ была потрясена толпа, наградившая писателя безконечно бурными рукоплесканіями.

Какъ жаль, что въ этотъ счастливѣйшій для Достоевскаго день съ нимъ не была въ Москвѣ его вдова, нынѣ здравствующая А. Г. Достоевская, вѣрный другъ и неустанная помощница своего знаменитаго мужа, бывшая его геніемъ-хранителемъ до самыхъ послѣднихъ минутъ его тяжелой и омраченной страданіями жизни.

Въ домѣ графини С. А. Толстой, вдовы графа Алексѣя Константиновича Толстого, Ѳ. М. Достоевскій былъ также всегда желаннымъ гостемъ. Онъ издавалъ тогда свой «Дневникъ писателя», имѣвшій успѣхъ, и сталъ принимать тотъ проповѣднический тонъ, которымъ кончали многіе наши писатели, впадая въ какой-то особый славянскій мистицизмъ. Въ аристократическомъ салонѣ графини, въ которомъ собирался цвѣтъ столичнаго общества и который удостаивали своимъ посѣщеніемъ августѣйшія особы, Достоевскій горячо развивалъ свою излюбленную теорію о «всечеловѣчествѣ» Пушкина (которой онъ такъ увлекъ присутствовавшихъ на Пушкинскомъ юбилеѣ) и міровой роли Россіи.

Эта фантастическая и самолюбивая теорія никогда не исчезала у насъ въ Россіи, старательно поддерживаемая московскими славянофилами, которые устами А. С. Хомякова и И. С. Аксакова увѣряли, что Россія велика своимъ «смиреніемъ», бѣдностью, темнотой, т. е. именно всѣми тѣми врядъ ли цѣнными качествами, которыя всегда такъ рѣзко отличали ее отъ культуры Западной Европы и держали въ отсталости и оскудѣніи.

Отчасти къ піонерамъ этой же самой тормозящей русскую жизнь «славянской идеи», по существу приносившей намъ всегда одинъ только вредъ и ослабѣвшей лишь недавно, съ введеніемъ у насъ новаго строя, сблизившаго Россіи въ Западомъ, принадлежалъ и Вл. Серг. Соловьевъ.

Хотя Вл. Соловьевъ постоянно полемизировалъ съ славянофильскими идеями Н. Н. Страхова, носившагося съ пресловутой книгой Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа», противопоставляя имъ западную цивилизацію, но тоже проповѣдывалъ о какомъ-то особомъ въ исторіи назначеніи Россіи. Онъ говорилъ, что Россія когда-то скажетъ міру какое-то особое слово. Когда къ Соловьеву

приступали съ разспросами, что же это за «слово», онъ не открывалъ этой тайны и переводилъ разговоръ на другія темы.

Самое увлеченіе его католичествомъ, о которомъ такъ много говорили, называя его почему-то даже «Соловьевъ-католикъ», носило совсѣмъ не тотъ характеръ, который ему придавали. Я никогда не слышалъ изъ устъ Вл. Соловьева особыхъ восторговъ по адресу католичества; хотя, конечно, онъ не могъ, какъ и всякій образованный человѣкъ, отрицать благотворное значеніе католичества для западной цивилизаціи, но онъ ставилъ задачей своей жизни вовсе не обращеніе Россіи на путь католицизма, какъ опять-таки, по недоразумѣнію (столь свойственному нашему обществу), многіе предполагали, а, наоборотъ, соединеніе католической церкви съ нашей путемъ разныхъ компромиссовъ съ обѣихъ сторонъ въ сферѣ папскаго цезаризма. Этой симпатичной идеей онъ былъ, дѣйствительно, поглощенъ, но никакого преклоненія предъ католичествомъ и, еще того менѣе, іезуитизмомъ въ Вл. Соловьевѣ никогда не было.

Появившееся не такъ давно въ газетахъ сообщеніе русскаго католическаго священника Толстого о томъ, что Соловьевъ причащался у него на квартирѣ, въ Москвѣ, по католическому обряду, было для всѣхъ, хорошо знавшихъ Соловьева, большимъ сюрпризомъ, такъ какъ никто никогда объ этомъ случаѣ при жизни Соловьева не зналъ и не слыхалъ ни отъ самого Соловьева, ни отъ его друзей и близкихъ знакомыхъ. Товарищъ Соловьева по университету московскій профессоръ Левъ Лопатинъ печатно заявилъ, что никогда сообщеннаго инцидента не слышалъ. Допустимъ, однако, что Вл. Соловьевъ дѣйствительно причастился когда-нибудь по католическому обряду, т. е. принялъ изъ святой чаши облатку при чтеніи соотвѣтствующей молитвы, но это еще очень далеко до «перехода» Вл. Соловьева въ католичество, какъ заговорили въ обществѣ послѣ упомянутаго сообщенія патера Толстого: переходъ въ другое исповѣданіе совершается совсѣмъ иными путями и при иной обстановкѣ.

Личность нашего русскаго фалософа, ставшаго въ двадцать одинъ годъ профессоромъ и написавшаго замѣченную всѣмъ ученымъ міромъ книгу «Кризисъ западной философіи», была въ высокой степени оригинальная, но совершенно неуравновѣшенная и до такой степени болѣзненно-нервная, особенно въ послѣдніе годы жазни, что о Соловьевѣ нельзя судить, какъ о нормальномъ субъектѣ.

Его увлеченіе спиритизмомъ и поѣздка, въ молодые годы, на Востокъ, вслѣдъ за какой-то «розовой тѣнью», которая его туда манила, чего стоитъ! А его наивная вѣра въ «чертей», каковые его всюду сопровождали, о чемъ нашъ ученый радѣтель о соединеніи церквей Россіи и Запада ничуть не стѣснялся печатать на страницахъ толстыхъ журналовъ, что совершенно недопустимо у здороваго человѣка, а его психопатическая лекція объ антихристѣ,

о которомъ онъ также, безъ малѣйшаго колебанія, толковалъ, какъ о реальномъ существѣ,—развѣ все это не мѣшаетъ судить о Соловьевѣ серьезно и говорить о немъ безъ многочисленныхъ оговорокъ?

Я былъ знакомъ съ Вл. Соловьевымъ много лѣтъ и всегда искренно удивлялся изумительной измѣнчивости его натуры: то онъ подчинялъ себя аскетическимъ подвигамъ, сидѣлъ на строгой діэтѣ, то усердно пилъ мозельвейнъ, такъ какъ въ немъ, будто, много фосфора, а это полезно отъ анеміи мозга, которой Соловьевъ, по его собственному признанію, постоянно страдалъ, то отрицалъ женщинъ и женскій вопросъ, то, казалось, былъ не прочь ими увлекаться, то виталъ въ высочайшей мистикѣ, то разсказывалъ довольно скоромные анекдоты... Въ личныхъ сношеніяхъ съ людьми это былъ довольно пріятный и обязательный человѣкъ, но, въ сущности, въ немъ было немного внутренней теплоты и сердечной привязчивости, что видно и изъ недавно изданныхъ въ свѣтъ его писемъ.

Я помню слѣдующій любопытный случай, который произошелъ на моихъ глазахъ съ Вл. Соловьевымъ въ 1890 или 1891 году.

Въ этотъ годъ по Петербургу ходила по рукамъ, для собиранія подписей, петиція на имя государя о предоставленіи евреямъ въ Россіи тѣхъ же гражданскихъ правъ, которыми пользуются коренные русскіе люди.

Происходя самъ, по матери, изъ еврейскаго племени, Вл. Соловьевъ очень сочувствовалъ этому вопросу, принималъ въ немъ живѣйшее участіе и чрезъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ всячески старался провести петицію въ благопріятномъ смыслѣ.

Разъ какъ-то я зашелъ навѣстить Соловьева въ «Европейскую гостиницу», гдѣ онъ подолгу живалъ въ пріѣзды свои въ Петербургъ изъ Москвы или Финляндіи и засталъ его въ большомъ волненіи: на дняхъ должна была рѣшиться участь еврейской петиціи.

Мы едва перемолвились нѣсколькими фразами, какъ въ дверь постучались: вошелъ слуга-нѣмецъ и, сообщая, что отецъ Іоаннъ Кронштадтскій только что вошелъ въ одинъ изъ номеровъ нашего коридора, любезно предложилъ намъ выйти и воспользоваться этимъ удачнымъ моментомъ, чтобы получить его благословеніе.

Мы сейчасъ же вышли и, вмѣстѣ съ другими жильцами коридора, стали дожидаться у дверей одной изъ комнатъ.

Черезъ нѣкоторое время дверь открылась, и на порогѣ появился отецъ Іоаннъ, сопровождаемый прощавшейся съ нимъ четой, повидимому, мужемъ и женою.

Мы оба лично знали отца Іоанна, и онъ, издали насъ завидя, направился къ намъ съ ласковой улыбкой.

Мы подошли подъ его благословеніе.

— Ну, что же, Владимиръ Сергѣевичъ, какъ ты теперь поживаешь?—спросилъ онъ привѣтливо у нашего философа.

Соловьевъ какъ будто нѣсколько смутился и вдругъ, какъ бы побѣждая въ себѣ нѣкоторое колебаніе, сказалъ отцу Іоанну:

— Мнѣ бы очень хотѣлось, батюшка, узнать ваше мнѣніе по одному дѣлу, которое теперь всего меня занимаетъ.

— Что же это за дѣло?—полюбопытствовалъ отецъ Іоаннъ и отошелъ съ нами немного въ сторону.

— Это дѣло великой важности и касается очень, очень многихъ,—я не могу сказать пока больше, но вы, отче, вы въ силахъ сказать мнѣ, удастся ли оно?

Отецъ Іоаннъ молча воззрился на Соловьева, который почему-то еще болѣе смутился, подъ вліяніемъ ли этого взгляда, или, можетъ быть, въ виду присутствія постороннихъ, хотя ихъ, впрочемъ, было немного.

— Нѣтъ, мой другъ, ничего изъ твоей затѣи не выйдетъ!—рѣшительно произнесъ отецъ Іоаннъ.—Ты напрасно началъ свою затѣю—все это построено на пескѣ и никому отъ нея никакой пользы не жди... А затѣмъ да благословитъ тебя Господь въ путяхъ твоихъ!

И отецъ Іоаннъ торопливо, какъ всегда, перешелъ къ другимъ ожидавшимъ возлѣ насъ его слова и благословенія.

Изъ еврейской петиціи, дѣйствительно, ничего не вышло, что и обнаружилось черезъ день или два послѣ этой интересной встрѣчи. Государь Александръ III былъ крайне недоволенъ вмѣшательствомъ въ нее Вл. С. Соловьева, которому симпатизировалъ лично и въ память его знаменитаго отца-историка, и, только благодаря этому обстоятельству, Соловьева не постигла никакая кара. Его пригласилъ только къ себѣ тогдашній градоначальникъ П. А. Грессеръ и передалъ, по распоряженію свыше, что въ случаѣ повторенія чего-либо подобнаго его, Соловьева, удалятъ изъ Петербурга на болѣе или менѣе продолжительное время.

По этому поводу одинъ свѣтскій остроcловъ написалъ шутливые стихи, которые назывались «Сладостное свиданіе» и начинались такъ:

Ахъ, былъ въ этотъ день цвѣтъ небесъ сѣръ,
Когда вызывалъ его Грессеръ!..

На «пятницахъ» Полонскаго я встрѣчался съ А. Г. Рубинштейномъ.

Между прочимъ, баронъ Б. А. Фитингофъ, выдающійся композиторъ-диллетантъ, ученикъ знаменитаго Гензельта, обвинялъ А. Г. Рубинштейна въ томъ, что онъ воспользовался написанной имъ партитурой «Демона», которую баронъ отдалъ лишь на просмотръ А. Г., и поставилъ оперу на сцену подъ своимъ именемъ, выдавъ ее за свое собственное произведеніе.

Многіе говорили тогда, что это фантазія барона Фитингофа, отличавшагося, дѣйствительно, склонностью, безъ малѣйшей злой

воли или какихъ-нибудь расчетовъ, къ преувеличеніямъ, но въ данномъ случаѣ баронъ былъ безусловно правъ, и я самъ слышалъ, какъ на одномъ свѣтскомъ благотворительномъ концертѣ, въ курительной комнатѣ, Антонъ Григорьевичъ говорилъ одному музыкальному критику слѣдующее. Я уже засталъ конецъ разговора.

— Конечно, я не стану отрицать, что основа «Демона» написана Фитингофомъ, но мнѣ пришлось надъ ней очень посидѣть, такъ какъ были длинноты, хромали хоры, нагроможденіе неразрѣшенныхъ мелодій задерживало одна другую, словомъ, разные были недочеты... Такъ что «Демонъ» столько же мой, сколько и Фитингофа... Къ тому же, давая оперу мнѣ, онъ по-дружески просилъ отшлифовать ее и поставить на сцену, такъ какъ не хотѣлъ съ ней больше возиться и не надѣялся на ея постановку. Я вовсе не похитилъ у барона «Демона» и онъ напрасно меня обвиняетъ, но я такъ много вложилъ въ него своего, что никакъ не могу допустить, что это опера Фитингофа. Я никогда въ жизни не занимался плагіатомъ и никто не можетъ поставить мнѣ этого въ упрекъ!

Князей Шаховскихъ, Льва, Сергѣя и Николая Владимировичей, я знавалъ издавна, встрѣчая двухъ первыхъ еще студентами въ бывшей мнѣ близкой семьѣ князей Кугушевыхъ, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ.

Тогда и Левъ и Сергѣй Шаховскіе весьма либеральничали, а младшій, князь Николай Владимировичъ, кончалъ гимназію и усердно сотрудничалъ въ клерикальныхъ «Современныхъ Извѣстіяхъ» у популярнаго тогда въ Москвѣ Никиты Петровича Гилярова-Платонова.

Затѣмъ Левъ Владимировичъ сильно поправѣлъ, сошелся съ Катковыми, женился, по страстной любви, на Варварѣ Михайловнѣ Катковой, старшей дочери М. Н. Каткова, служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, психически хворалъ и умеръ сравнительно не старымъ человѣкомъ.

Князя Сергѣя я зналъ гораздо ближе. Это былъ талантливый и прямодушный, добрый и мягкій человѣкъ, но, къ величайшему сожалѣнію, слабый и неустойчивый, какъ большинство русскихъ людей. Будучи черниговскимъ губернаторомъ, онъ отличался свободомысліемъ, но, переведенный на тотъ же постъ въ Ревель, значительно измѣнился и возмнилъ себя «обрусителемъ» балтійскихъ окраинъ и насадителемъ тамъ несуществующей русской «культуры». Въ этомъ ultra-руссофильствѣ усердно помогала ему его супруга, лѣтъ на пятнадцать старше мужа, Елизавета Дмитріевна, дочь графа Д. А. Милютина, необычайное благочестіе и «патріотизмъ» которой получили себѣ достойную оцѣнку.

Съ княземъ С. Шаховскимъ въ Ревелѣ то и дѣло происходили всевозможные курьезы на почвѣ «борьбы» съ мѣстными баронами и пасторами.

Такъ, князь, будучи недоволенъ, что, пріѣхавъ неожиданно съ визитомъ къ предводителю дворянства барону Э. А. Майделю, былъ встрѣченъ имъ въ домашней тужуркѣ, не замѣненной по недосугу болѣе торжественной одеждой, принялъ, въ свою очередь, предводителя, пріѣхавшаго съ отвѣтнымъ визитомъ, чуть ли не въ халатѣ. Вице-губернаторъ А. П. Василевскій велъ ту же «линію», и его жена, напримѣръ, дѣлая визиты, послала съ лакеемъ свою визитную карточку предводительшѣ, подъѣхавъ къ ея дому въ каретѣ, когда отлично знала, что баронесса Майдель дома и принимаетъ.

Можете представить, какія отношенія существовали при такихъ «пассажахъ», совсѣмъ лишнихъ и никѣмъ не требуемыхъ изъ Петербурга, между Шаховскимъ и мѣстнымъ нѣмецкимъ обществомъ.

Система «обрусенія» князя заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы дѣлать «нѣмцамъ» всякія непріятности, какъ будто отъ этого могло хоть на шагъ выиграть русское дѣло въ краѣ, которое постоянно хромало и хромаетъ на окраинахъ именно вслѣдствіе подобныхъ «обрусителей».

Такъ, въ Ревелѣ, на Вышгородѣ, среди старинныхъ историческихъ кирокъ былъ, благодаря настоятельнымъ хлопотамъ Шаховскихъ въ Петербургѣ, совершенно безъ всякой видимой надобности, возведенъ еще одинъ лишній православный храмъ, совершенно загородившій собою и безъ того крошечную площадку, на которую его втиснули. До того въ Ревелѣ было немало русскихъ церквей, и нужды въ новой не ощущалось, но это было нужно, чтобы сдѣлать «на зло нѣмцамъ».

При жизни Шаховской не увидѣлъ окончанья этой постройки: онъ скоропостижно скончался отъ болѣзни сердца, о наличности которой, кажется, самъ никогда не подозрѣвалъ.

Однако, при нѣкоторыхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ администратора, занимавшагося исключительно раздраженьемъ ввѣреннаго ему района, князь Сергѣй Шаховской былъ добрый русскій баринъ, талантливый, неглупый и любознательный человѣкъ. Мѣстное русское общество ему симпатизировало, а нѣмецкое, признавая въ немъ все-таки корректнаго человѣка, принимало всѣ вышеприведенныя и другія подобныя его выходки за «политику».

Самымъ неудачнымъ изъ трехъ братьевъ былъ послѣдній—князь Николай Шаховской. Я бы совсѣмъ не сталъ говорить о немъ (такъ какъ онъ рѣшительно ничѣмъ, кромѣ удивительнаго двуличія, не замѣчателенъ), если бы онъ не былъ нѣкоторое время начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Нельзя не удивляться невольно, какъ такой во всѣхъ отношеніяхъ незначительный человѣкъ могъ сдѣлаться вдругъ вершителемъ судебъ русской прессы, но тогда придется еще больше изу-

миться, какимъ образомъ могъ попасть въ министры внутреннихъ дѣлъ назначившій его Д. С. Сипягинъ?

Появленіе князя Н. В. Шаховского во главѣ цензурнаго вѣдомства производило особенно отрицательное впечатлѣніе еще и потому, что онъ занялъ непосредственно кресло Михаила Петровича Соловьева, человѣка, можетъ быть, и не совсѣмъ иногда пріятнаго своимъ тяжелымъ характеромъ, но самобытнаго, европейски-образованнаго, умнаго и одареннаго большимъ художественнымъ талантомъ.

Если М. П. Соловьевъ собирался дѣлать то, чего ему совсѣмъ не слѣдовало,—самому «руководить» всей печатью въ Россіи и быть какъ бы «редакторомъ всѣхъ нашихъ изданій», то князь Николай Шаховской не задавался никакими планами и былъ въ полномъ восторгѣ, что, при помощи К. П. Побѣдоносцева, къ которому постоянно забѣгалъ со всѣхъ крылецъ, сѣлъ на хорошій «окладъ». Онъ жилъ въ свое удовольствіе, разъѣзжалъ по всѣмъ театрамъ и одолжалъ казенными цензорскими креслами своихъ знакомыхъ, на службу являлся поздно и безцеремонно задерживалъ приходившихъ къ полудню чиновниковъ до восьмого часа, ведя въ своемъ кабинетѣ безконечныя бесѣды внѣслужебнаго характера со своими пріятелями, въ числѣ которыхъ былъ первѣйшимъ нынѣ уже умершій драматическій цензоръ С. С. Трубачевъ, игравшій при немъ роль «докладчика» (при чемъ онъ не только клалъ, но и носилъ). Въ сношеніяхъ съ цензорами князь былъ крайне безтактенъ, требуя къ себѣ ихъ донесенія комитету и дѣлая на поляхъ ихъ рапортовъ разныя насмѣшливыя замѣчанія по ихъ адресу, совершенно нетерпимыя въ служебной практикѣ. Многіе изъ обиженныхъ цензоровъ хотѣли было жаловаться на это министру, но отдумали, когда сообразили, кто былъ у насъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ и чего можно было отъ него ожидать.

Когда вы входили въ кабинетъ къ начальнику печати и видѣли предъ собой его низенькую фигурку съ толстымъ брюшкомъ, по которому онъ часто похлопывалъ, жалуясь на ожирѣніе, на его красноватую безусую физіономію съ бороденкой голландскаго шкипера, рыжей шевелюрой и необычайно развязными манерами, то предъ вами невольно вставалъ образъ скорѣе какого-то провинціальнаго буржуа, чѣмъ петербургскаго сановника. На своихъ красивыхъ, изящныхъ братьевъ князь Н. Шаховской былъ всего менѣе похожъ, ни лицомъ, ни манерами, ни характеромъ, такъ что, видя его вмѣстѣ съ ними, вы ни за что не приняли бы его за ихъ брата.

Его скандальная отставка была результатомъ его халатности въ отношеніи своихъ обязанностей. Оправдываясь въ пропускѣ извѣстнаго фельетона Амфитеатрова въ «Россіи», Н. Шаховской утверждалъ, что этотъ фельетонъ былъ такъ написанъ, что нельзя было сразу догадаться, о комъ шла рѣчь. Совсѣмъ наоборотъ—фельетонъ по

наглости тона и грубой прозрачности намсковъ былъ именно таковъ, что на него нельзя было не обратить вниманія,—но его, конечно, никто не читалъ, а между тѣмъ за всѣми петербургскими изданіями наблюдалъ самъ князь Шаховской.

Князь Н. Шаховской умеръ трагически и такъ же неожиданно и скоропостижно, какъ и его братъ Сергѣй. Князь погибъ во время взрыва на Аптекарскомъ островѣ, у П. А. Столыпина. Онъ получилъ сильные ушибы и кажется, трещину въ черепѣ. Его привезли домой и стали лечить. Появилось сначала нѣкоторое улучшеніе, и жаръ спалъ, но вскорѣ болѣзнь повернула къ худшему, и его не стало.

Время князя Н. Шаховского въ цензурномъ вѣдомствѣ было, безспорно, самымъ глухимъ временемъ, какимъ вообще было и все министерство Сипягина, который, еще будучи курляндскимъ губернаторомъ, удивлялъ своей фанатической «правостью» даже тогдашнихъ чиновъ департамента полиціи и корпуса жандармовъ...

IV.

Съ А. Н. Майковымъ я встрѣчался многіе годы подъ рядъ, по понедѣльникамъ, зимой, въ существовавшемъ въ 1888—1900 гг. въ Петербургѣ «русскомъ литературномъ обществѣ», которое сосредоточивало въ себѣ въ то время всѣ наши лучшія писательскія силы.

Майковъ былъ тамъ всегда первымъ изъ корифеевъ, пользовавшимся всеобщимъ уваженіемъ. Когда какой-нибудь начинающій молодой литераторъ скромно являлся въ «литературное общество», чтобы прочесть тамъ предъ «столпами» литературы свое только что выношенное имъ дѣтище, то онъ съ тревогой взиралъ на Майкова и ему подобныхъ «олимпійцевъ» или устрѣмлялъ свой взоръ на «критиковъ» (чего стоилъ одинъ Н. Н. Страховъ!).

Майковъ былъ вообще съ виду весьма снисходительнымъ судьей въ такихъ случаяхъ и охотно говорилъ поощренія и любезности, но въ то же время это былъ человѣкъ всего менѣе сердечный, какимъ былъ наоборотъ, А. Н. Плещеевъ или Я. П. Полонскій.

Если вы внимательно перечтете всѣ поэтическія произведенія Майкова, крупныя и мелкія, поэмы и стихотворенія, то найдете въ нихъ, конечно крупныя литературныя и высокохудожественныя достоинства, много ума, тонкости и своеобразной оригинальности мысли, много «аттической соли» и глубокаго изученія античнаго міра, которымъ всю жизнь особенно прилежно интересовался Майковъ,—но вамъ не посчастливится найти въ этомъ обширномъ и прекрасномъ матеріалѣ ни одного стихотворенія, которое хотя бы сколько-нибудь затронуло внутреннія струны вашей души. Даже стихи, посвященные дѣтямъ, которые носятъ названіе «В и А», т. е.

Владиміру и Аполлону (такъ лично мнѣ объяснилъ авторъ эти инициалы), и тѣ носятъ чисто разсудочный колоритъ.

Подобно поэтамъ отдаленной отъ насъ классической эпохи, изъ области которой Майковъ оставилъ намъ такіе дивные образцы, какъ «Два міра», поэтъ всегда и вездѣ работалъ чисто разсудочно и холодно и отдѣлывалъ свои произведенія подчасъ съ добросовѣстнѣйшей прилежностью ювелира, но... не ищите у него внутренняго огня и того подъема духа которые могутъ однимъ какимъ-нибудь, какъ бы незначащимъ, простымъ стихотвореніемъ навѣять на васъ мысли и образы, которымъ почти иногда не найдешь опредѣленья, но которые навсегда живутъ въ вашей душѣ и звучатъ въ ней никогда незабываемыми аккордами.

Прибавьте къ этому отмѣнную, ничѣмъ непогрѣшимую, самую прописную благонамѣренность мотивовъ, а также цѣломудріе сюжетовъ и тотъ специфическій «патріотизмъ», который дѣлалъ изъ Майкова высокочтимаго «лауреата», своего рода русскаго Теннисона, которому заказывали патріотическія оды на подобающіе случаи общественной жизни,—и передъ вами совершенно ясно вырисовывается почтеннѣйшая фигура нашего своеобразнаго Горація, вѣщавшаго благороднѣйшія мысли, всю свою долгую жизнь усердно прослужившаго сначала цензоромъ, а потомъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры, умершаго тайнымъ совѣтникомъ и членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати и никогда не забывавшаго своего «превосходительства».

Въ своей частной жизни поэтъ былъ совершенно недосягаемъ. Въ противоположность А. Н. Плещееву и Я. П. Полонскому, сдѣлавшимъ изъ своихъ домовъ тѣсные кружки, куда охотно шли, зная, что тамъ встрѣтятъ всегда дружескій пріемъ и участливую рѣчь, Майковъ никого у себя не принималъ, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, и жилъ замкнуто. Иногда, впрочемъ, по утрамъ, по особому спеціальному приглашенію къ нему робко заходили между десятью и одиннадцатью часами юные, а подчасъ и великовозрастные «поэты», которыхъ всегда и вездѣ пропасть и которые считаютъ за особую для себя «честь», когда какая-нибудь «знаменитость» просмотритъ изъ жалости бездарный зудъ ихъ сомнительнаго «творчества» и, возвращая имъ исписанную дѣтскимъ почеркомъ тетрадку, скажетъ изъ состраданья: «ну, что жъ, пишите, у васъ есть нѣкоторая форма и какъ будто проблески дарованья,— можетъ быть, что-нибудь изъ васъ со временемъ и выйдетъ». Врядъ ли такіе визиты къ «олимпійцу» можно считать общеніемъ поэта съ молодежью, которое постоянно существовало и било ключомъ въ сношеніяхъ нашихъ другихъ поэтовъ и начинающихъ беллетристовъ.

Въ нашей журналистикѣ почти нѣтъ совсѣмъ воспоминаній объ А. Н. Майковѣ, которыя сказали бы о немъ хоть что-нибудь дѣйствительно теплое, задушевное, и изданная тотчасъ послѣ его смерти

его ближайшимъ товарищемъ по службѣ, добрѣйшимъ М. Л. Златковскимъ изящная книжка (съ прекрасно исполненными портретами Майкова) все время какъ бы усиленно вылавливаетъ болѣе или менѣе «симпатичныя» черты его личности. Несомнѣнно, въ каждомъ писателѣ есть кое-что и симпатичное и сердечное въ сношеніяхъ съ близкими ему людьми, но это не составляетъ его общей характеристики, являясь частными страницами его интимной жизни.

Во всякомъ случаѣ А. Н. Майковъ представляетъ собою явленіе отмѣнно оригинальное и незаурядное. Будучи всѣми признанный «классикъ» въ поэзіи и подаривъ обществу перлы превосходныхъ, глубокихъ по содержанію, превосходно отшлифованныхъ и въ высшей степени гармоничныхъ стихотвореній, легендъ, балладъ, поэмъ, тонкихъ миніатюръ изъ эпохи расцвѣта Греціи и Рима (которыя поэтъ обыкновенно подписывалъ псевдонимомъ «Аполлодоръ Гностикъ»), Майковъ всегда, повторяю, оставался холоднымъ, недоступнымъ настоящимъ страстямъ олимпійцемъ, творящимъ дивные образы, восхищающіе своей глубиной и художественностью, но отнюдь не трогающіе толпы. Ему можно было поклоняться, какъ крупнѣйшему таланту послѣпушкинской эпохи, но врядъ ли за нимъ можно было итти, какъ за Достоевскимъ.

То, что я сейчасъ сказалъ, далеко не мое личное мнѣніе: я постоянно въ теченіе многихъ лѣтъ слышалъ его изъ устъ многихъ совершенно различныхъ по духу и вкусамъ людей разныхъ укладовъ и убѣжденій, когда рѣчь заходила о Майковѣ.

Въ только что упомянутомъ мною «русскомъ литературномъ обществѣ», которое одно время, какъ я сказалъ, очень процвѣтало въ Петербургѣ и исчезло само собой въ началѣ девятсотыхъ годовъ, когда въ беллетристикѣ появились многія новыя теченія, разъединившія писателей, можно было встрѣтить немало интересныхъ фигуръ.

Тамъ часто можно было видѣть Д. В. Григорьевича, Н. Н. Страхова, А. А. Фета-Шеншина (когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ своего курскаго имѣнія), А. Н. Плещеева, А. П. Чехова, В. М. Гаршина, П. И. Вейнберга, И. Ѳ. Горбунова, Д. В. Аверкіева.

Д. В. Григоровичъ въ самые послѣдніе годы очень напоминалъ внѣшностью И. С. Тургенева, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ. Высокій, широкоплечій, съ большимъ, нѣсколько румянымъ лицомъ славянскаго типа, сѣдой бородой (которую онъ отпустилъ вмѣсто прежнихъ бакенбардъ) и превосходной густой, бѣлоснѣжной шевелюрой (которую сталъ подстригать по-тургеневски), красиво обрамлявшей его лобъ, Григоровичъ представлялся издали какъ бы декораціей Тургенева, воспроизводившей въ памяти образъ незабвеннаго писателя. Будучи искони глубокимъ поклонникомъ И. С. Тургенева, Григоровичъ, кажется, не безъ тайнаго умысла придавалъ своей красивой внѣшности этотъ тургеневскій пріятный

колоритъ и, когда ему на это шутя указывали, говорилъ, улыбаясь:

— Ну, что жъ, если хоть напоминаю немножко нашу русскую славу, дорогого Ивана Сергѣевича Тургенева, такъ и слава Богу! Пусть его лишній разъ вспомнятъ...

При несомнѣнномъ живомъ литературномъ талантѣ Григоровичъ отличался необычайнымъ легкомысліемъ и полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было правилъ этики... Расцѣловать васъ по-пріятельски, наговорить вамъ въ глаза кучу самыхъ горячихъ изліяній и чрезъ десять минутъ ругнуть васъ же съ другимъ «пріятелемъ» было для Д. В. Григоровича совершенно обычнымъ и естественнымъ дѣломъ, все неприличіе котораго онъ совершенно не сознавалъ. Будучи сыномъ вѣчно кутившаго гусара-помѣщика и француженки съ парижскаго бульвара, которая его на себѣ женила, Григоровичъ воспитался въ той сферѣ безшабашнаго вранья, гаерства, амикошонства и безпринципности, гдѣ слово «порядочность», понимается совершенно на особый ладъ, въ смыслѣ кого-нибудь «порядочно на чемъ-нибудь нагрѣть»...

Я думаю, не было ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы рѣшился серьезно повѣрить хоть одному слову Григоровича: до такой степени онъ безпрерывно «фантазировалъ», и развѣ въ этомъ дарѣ могъ съ нимъ поспорить другой извѣстный нашъ литераторъ-романистъ Г. П. Данилевскій, котораго за скорость вымысла называли обыкновенно не иначе, какъ «скоробрешка».

Григоровичъ ничуть не стѣснялся описывать въ своихъ романахъ живыя лица своихъ добрыхъ знакомыхъ и всѣ событія такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ происходили, и при этомъ придавалъ фабулѣ юмористическій и обидный для дѣйствующихъ лицъ оттѣнокъ. Такъ, въ своемъ романѣ «Проселочныя дороги» онъ описалъ весь Каширскій уѣздъ Тульской губерніи съ такой фотографической точностью, что мѣстные помѣщики, у которыхъ Григоровичъ живалъ и чьимъ гостепріимствомъ такъ дурно воспользовался, рѣшили его за это хорошенько проучить и дѣйствительно «проучили» такимъ образомъ, который онъ долго не могъ забыть

Для того, чтобы совершенно охарактеризовать, что такое былъ Григоровичъ, стоитъ еще добавить, что, будучи женатъ самымъ законнымъ образомъ на весьма почтенной нѣмкѣ изъ Вѣны, онъ ее ни съ кѣмъ не знакомилъ, какъ съ женой, держа гдѣ-то подъ сурдиной внѣ Петербурга, а если кому и показывалъ, то не какъ жену, а какъ... содержанку, для пущаго шика...

А. А. Фетъ былъ съ виду русскимъ помѣщикомъ средней полосы, толстый, неповоротливый и въ достаточной степени ожирѣвшій. Только черты лица изобличали въ немъ его семитическое происхожденіе. Онъ былъ очень богатъ чрезъ бракъ на московской купчихѣ М. П. Щукиной, жилъ всегда въ своемъ роскошномъ помѣстьи

и ни въ чемъ не нуждался. Когда сталъ приближаться его пятидесятилѣтній юбилей, вскорѣ послѣ литературныхъ «именинъ» Я. П. Полонскаго и А. Н. Майкова (отпразднованныхъ при непосредственномъ участіи «русскаго литературнаго общества»), то А. Фетъ вдругъ сдѣлался чванливъ и сталъ усиленно хлопотать о полученіи... камергерства. Въ «сферахъ» это всѣхъ очень удивило. «Зачѣмъ,—говорили тамъ,—Фету камергерство? Вѣдь у насъ камергеровъ масса, а Фетъ одинъ на всю литературу?»

Какъ-то разъ Фета въ тѣсномъ кружкѣ друзей откровенно спросили, что именно его прельщаетъ въ камергерствѣ?

— Ну, я еще понимаю,—сказалъ кто-то,—мечтать о томъ, чтобы быть въ первыхъ чинахъ двора, быть оберъ-шталмейстеромъ, оберъ-гофмейстеромъ, а вѣдь званіе камергера весьма скромное и заурядное.

— Или вамъ нравится, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, расшитый золотомъ мундиръ?

А. А. Фетъ молчалъ, улыбался, комически морщился и махалъ рукой.

— Ахъ, это все не то.

— Такъ что же?

— А мнѣ, знаете ли, вотъ что будетъ пріятно: чтобы надъ моимъ именемъ и фамиліей, на моей визитной карточкѣ, стояло: «камергеръ высочайшаго двора».

Его желаніе было исполнено: его къ юбилею пожаловали придворнымъ званіемъ камергера и утѣшили на всю жизнь.

Какъ подумаешь, какъ мелко тщеславны люди и какія мелочи ихъ могутъ серьезно осчастливить!

Домъ А. Н. Плещеева, стараго вдовца, настоящаго радушнаго москвича, былъ очень пріятный и гостепріимный. Онъ жилъ съ сыномъ и красавицей-дочерью (которая потомъ, по полученіи Плещеевымъ большого наслѣдства, вышла замужъ за гвардейца князя Сталь фонъ-Гольштейна) и у нихъ собиралось иногда много любопытной литературной молодежи. Я заходилъ къ Плещееву, когда онъ жилъ въ первомъ этажѣ стараго дома Лисицына, у Спаса Преображенья, и встрѣчался тамъ съ многообѣщавшимъ, но умершимъ въ юномъ возрастѣ поэтомъ С. Я. Надсономъ. Это былъ очень скромный молодой человѣкъ, прекрасно воспитанный, умный и симпатичный въ сношеніяхъ. Его красивое лицо съ грустными задумчивыми глазами носило явные слѣды чахотки. Поэтъ (съ большимъ дарованіемъ) ясно это сознавалъ, и это его угнетало. «Зачѣмъ мнѣ работать надъ своими вещами? Меня все равно скоро здѣсь не станетъ»...—слышали отъ него частенько эту ужасную по трагизму фразу.

Съ извѣстнымъ нашимъ «критикомъ», «философомъ» и «славянофиломъ» Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ я былъ довольно близко знакомъ. Страховъ занималъ на Крюковомъ каналѣ двѣ боль

шихъ комнаты въ высочайшемъ пятомъ этажѣ, подъ небесами, въ квартирѣ своего стараго друга, нынѣ здравствующаго (въ Крыму) романиста Д. И. Стахѣева. Комнаты были заполнены книгами. Книжные шкапы и полки загораживали всѣ стѣны и углы. Одна изъ комнатъ была пріемной, а другая кабинетомъ и спальной. Потолокъ висѣлъ надъ самой головой, какъ въ мансардѣ, поражая своей чернотой, годами накопившейся отъ непрерывной табачной копоти лампы и пыли, но Страховъ ни за что не позволялъ производить у себя ремонта и бѣлить потолка и очень сердился, когда кто-нибудь обращалъ его вниманіе на пресловутый черный потолокъ его жилища и вообще на невѣроятную повсюду пыль, лежавшую на всѣхъ предметахъ его помѣщенія. Визитныя карточки, напримѣръ, на большомъ майоликовомъ блюдѣ у него на столѣ были всегда покрыты такимъ слоемъ пыли, что, дотронувшись до нихъ, чувствовалась потребность сполоснуть руки.

Страховъ былъ сухой, скучный, «размѣренный» человѣкъ, никого въ жизни не согрѣвшій и самъ, конечно, никѣмъ не согрѣтый. Это происходило отъ необычайной фальшивости этого ученаго натуралиста, который почему-то считалъ необходимымъ упорно скрывать свои мысли и чувства и никогда никому и нигдѣ не высказывать того, что онъ думаетъ о данномъ событіи, лицѣ, обстоятельствѣ, книгѣ и т. п. Всѣ его писанія были таковы, что могли быть свободно поняты и толкуемы на разные лады, по вкусу каждаго, и вообще критическія и полемическія статьи Страхова никогда не выражали опредѣленно, ясно и точно выводовъ самого автора. Я, не стѣсняясь, звалъ Страхова въ глаза и при всѣхъ послѣдователемъ «римскихъ авгуровъ», которые говорили исключительно двусмысленныя рѣчи, чтобы всегда имѣть возможность сказать именно то, что въ данное время было потребно, и ловко отказаться отъ нежелательнаго смысла словъ.

Страховъ всегда осторожно ходилъ вокругъ да около каждаго сужденія и не было никакой возможности заставить его рѣшиться повѣдать міру его собственное мнѣніе о чемъ-либо.

Вышелъ, напримѣръ, его сборникъ статей о спиритизмѣ, писанныхъ въ разное время.

Въ одну изъ средъ, когда у Страхова собирались его добрые знакомые, я нарочно попросилъ хозяина сказать мнѣ, что онъ самъ думаетъ о спиритизмѣ: отрицаетъ его или признаетъ? За такія выходки уклончивый хозяинъ меня очень не любилъ. Я зналъ, что Страховъ ни за что не рѣшится прямо отвѣтить на ребромъ поставленный вопросъ, но, признаюсь, находилъ подчасъ грѣшное удовольствіе сердить подобными разговорами этого сухого, лицемѣрнаго и совершенно безсодержательнаго, въ сущности, «философа», всю свою долгую жизнь поддѣлывавшагося къ сильнымъ міра и желавшаго быть угоднымъ и пріятнымъ «и нашимъ и вашимъ».

— Сами-то вы, добрѣйшій Николай Николаевичъ, вѣрите въ спиритизмъ?—домогался я.

— Но прочтите мою книжку, и вы увидите,—елейно улыбаясь, посмѣиваясь и расправляя рукой свою протоіерейскую бороду, отвѣчалъ уклончиво хозяинъ.

— Я внимательно читалъ вашу книжечку, но совершенно не понялъ, какого именно вы сами мнѣнія о спиритизмѣ. Вы приводите о немъ разныя мнѣнія, совершенно противоположныя другъ другу, и притомъ лишь соприкасаетесь съ предметомъ, не разсматриваете его по существу.

— Нѣтъ,—у меня тамъ все въ точности обозначено.

— Да вы скажите намъ вотъ теперь, что вы думаете о спиритизмѣ. Признаете ли вы его особой какой-нибудь силой внѣ насъ, или просто самогипнозомъ. Или вѣрите въ мнѣнія мистиковъ о сверхчувственной духовности спиритизма?

— Какъ вамъ сказать? Это вопросъ очень сложный,—увиливалъ отъ отвѣта нашъ философъ, отъ времени до времени посмѣиваясь и покуривая одну за другой папиросы.

— Однако вы занимались же и лично спиритизмомъ, бывали на опытахъ, присутствовали на сеансахъ?—спросилъ кто-то изъ гостей.

— Да, это бывало...

— Ну, и что же, какое впечатлѣніе оставляли на васъ обыкновенно эти сеансы?

— Я пришелъ къ мысли, что слѣдуетъ заниматься изслѣдованіемъ неизвѣстныхъ областей знанія и что въ этомъ—служеніе Богу. Вы читали эпиграфъ моего сборника? Philosophare nihil aliud est quam Deum amare (философствовать—не что другое, какъ любить Бога).

— А откуда вы взяли этотъ эпиграфъ?—спросилъ бывшій при этомъ драматургъ Д. В. Аверкіевъ.

— Ужъ, право, не знаю, не помню...

— Ужъ не сами ли вы его и сочинили? Признавайтесь, Николай Николаевичъ,—и Аверкіевъ звонко засмѣялся своимъ искреннимъ, добродушнымъ смѣхомъ. Страховъ молчалъ, продолжая только улыбаться и поглаживать свою длинную сѣдую бороду, на половину закрывавшую его красноватое широкое лицо.

Такъ я и не добился, что думаетъ Страховъ о спиритизмѣ.

Когда я потомъ передавалъ объ этомъ разговорѣ Вл. С. Соловьеву, тотъ сталъ весело хохотать.

— Ни за что вы этого хитраго старца не поймаете, какъ ни ловите! Это какой-то необыкновенно скользкій вьюнъ!

Это была очень вѣрная характеристика Страхова.

На его среды собиралось немало интереснаго народа. Тутъ бывали и его юные поклонники изъ учащейся молодежи, безуспѣшно

искавшіе у «маститаго» ученаго авгура совѣтовъ и указаній, отъ которыхъ онъ, конечно, ловко отвиливалъ, литераторы, журналисты и люди совсѣмъ другой категоріи—его личные знакомые изъ чиновнаго міра.

Тамъ я видѣлъ между прочимъ братьевъ П. П. и Н. П. Семеновыхъ, такъ много поработавшихъ въ свое время надъ нерукотворнымъ памятникомъ освобожденія крестьянъ въ Россіи. Они охотно разсказывали о редакціонныхъ комиссіяхъ по составленію законовъ о крестьянахъ и съ восторгомъ вспоминали о личныхъ трудахъ въ этомъ достойномъ безсмертія дѣлѣ самого государя Александра II, собственная иниціатива котораго была неизмѣнно одушевлявшей всѣхъ участниковъ великой реформы яркой путеводной звѣздой, освѣщавшей кремнистый путь ко благу милліоновъ нѣкогда безправныхъ и безличныхъ дѣтей нашей великой Россіи.

Я встрѣчалъ также у Страхова бывшаго тогда министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, его товарища по ученью, съ которымъ Страховъ былъ на ты. Вышнеградскій держалъ себя всегда чрезвычайно просто, умно шутилъ, охотно спорилъ, ловко играя афоризмами, и всегда разсказывалъ много интереснаго. Страховъ, изъ врожденнаго чувства низкопоклонства, робѣлъ предъ своимъ высокопоставленнымъ пріятелемъ и до того, что не смѣлъ говорить съ нимъ попросту.

Разъ какъ-то Страховъ получилъ звѣзду, за которую, какъ это у насъ водится, ему надобно было внести въ казначейство извѣстную сумму денегъ чрезъ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ Страховъ служилъ, будучи членомъ ученаго комитета и библіотекаремъ Публичной библіотеки. Страхову очень не хотѣлось платить этихъ денегъ, такъ какъ онъ жилъ на весьма ограниченныя средства, и онъ поѣхалъ къ своему «другу» Вышнеградскому съ тайнымъ намѣреніемъ попросить его, какъ министра финансовъ, нельзя ли какъ-нибудь освободиться отъ платежа требуемой за звѣзду суммы. Но Страховъ попалъ въ недобрый часъ,—Вышнеградскій былъ чѣмъ-то въ тотъ день раздраженъ и, хотя и принялъ, конечно, Страхова очень любезно, но все какъ-то не давалъ ему ни времени, ни случая высказать своей просьбы, а самъ Страховъ не рѣшился заговорить объ этомъ и направить разговоръ на нужную тему. Просидѣвъ въ кабинетѣ министра битый часъ, Страховъ такъ и вернулся домой ни съ чѣмъ, не найдя въ себѣ смѣлости сказать Вышнеградскому, что ему хотѣлось и за чѣмъ онъ къ нему нарочно пріѣзжалъ.

Столь же заискивающими были у Страхова и его отношенія къ К. П. Побѣдоносцеву, у котораго онъ бывалъ какъ будто бы «запросто», но предъ которымъ забывалъ свое почтенное имя ученаго и чисто бюрократически трусилъ какъ предъ «его высокопревосходительствомъ».

Изъ литературнаго міра у Страхова я чаще другихъ встрѣчалъ драматурга Аверкіева, поэта Платона Кускова, Гіероглифова (фамилію котораго министръ И. Д. Деляновъ упорно считалъ за псевдонимъ и постоянно, при встрѣчѣ, спрашивалъ его: «а какъ же ваша настоящая-то фамилія?»), Вл. Соловьева (они постоянно спорили со Страховымъ о славянствѣ и сущности значенія западной и восточной церкви на страницахъ либеральнаго и ученаго «Вѣстника Европы» и узко-консервативнаго «Русскаго Вѣстника»), Э. Л. Радлова, П. Г. Моравека, Ѳ. Н. Берга (редактора въ тѣ времена «Русскаго Вѣстника»), профессора-слависта В. И. Ламанскаго и кое-кого другихъ.

Разговоръ былъ по средамъ разнообразный, но всегда до приторности «благонамѣренный», при чемъ излюбленными были двѣ темы, къ которымъ постоянно и возвращались: это извѣстная книга Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа» и графъ Левъ Толстой.

Тенденціозную книгу Н. Я. Данилевскаго, пропитанную извѣстной славянофильской идеей о какой-то и почему-то «особой» міровой роли Россіи среди западныхъ государствъ, Страховъ упорно пропагандировалъ гдѣ и какъ могъ и прямо даже упрашивалъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ пріобрѣсти эту книгу.

Графъ Левъ Толстой былъ для Страхова настоящимъ кумиромъ. Онъ до такой степени предъ нимъ ложился ницъ и благоговѣлъ, что малѣйшее несогласіе во взглядахъ по этому поводу считалъ личнымъ для себя оскорбленіемъ и даже поводомъ къ ссорѣ. Изъ Льва Толстого Страховъ сдѣлалъ себѣ особый культъ и очень ловко грѣлся и блестѣлъ самъ въ лучахъ славы своего знаменитаго «друга». Портреты Льва Толстого—въ крестьянской рубахѣ, босякомъ и за плугомъ—красовались, конечно, на первомъ мѣстѣ. Съ величайшимъ восхищеніемъ передавалъ Страховъ своимъ гостямъ о своихъ поѣздкахъ въ Ясную Поляну, куда онъ ежегодно благоговѣйно паломничалъ и гдѣ его Л. Н. Толстой охотно принималъ, пользуясь его знаніями при составленіи своихъ статей. Что сказалъ Толстой Страхову тогда-то, какое у него было при этомъ лицо и почему онъ промолчалъ на такой-то вопросъ,—все это передавалось по средамъ и поневолѣ должно было приниматься на вѣру.

Конечно, это претило очень многимъ изъ страховскихъ пріятелей, такъ какъ чувствовалось, что вѣчные разговоры о Толстомъ и спеціальный «культъ» Толстого придуманъ Страховымъ для самовосхваленія и самопрославленія. Никто изъ насъ съ нимъ въ Ясной Полянѣ не бывалъ и мы не знали, какъ именно принималъ его тамъ и «чествовалъ» графъ Толстой, но, судя по прямому и всегда открытому характеру нашего великаго писателя и его простымъ отношеніямъ къ людямъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, совершенно не вѣрилось, чтобы Страховъ игралъ такую исключительную роль въ Ясной Полянѣ, гдѣ постоянно бывали иностранцы, литераторы, ученые, путешественники, художники, люди во всякомъ случаѣ не менѣе

интересные, чѣмъ Страховъ. Мнѣ всегда представлялось поэтому, что о своихъ яснополянскихъ торжествахъ Страховъ преисправно сочинялъ и что на самомъ дѣлѣ онъ держалъ себя съ Толстымъ такъ же низкопоклонно, какъ и съ прочими своими высокими друзьями.

V.

Очень интересный и совершенно своеобразный типъ представляла собой въ семидесятые годы весьма тогда популярная, извѣстная всему Петербургу редакторъ-издательница дѣтскаго журнала «Игрушечка» Татьяна Петровна Пассекъ, которая была моей крестной матерью.

Двоюродная сестра и подруга юныхъ дней А. И. Герцена, которую онъ съ шутливой нѣжностью называлъ «кузина Темира изъ Корчевы», всю жизнь носила на себѣ какъ бы его прекрасный отблескъ, какъ бы его отраженье, будучи вся переполнена «Сашей», которымъ когда-то жила вся Россія, прислушиваясь къ негодующему и свободному «Колоколу», мощно гремѣвшему изъ Лондона.

Извѣстныя воспоминанія Т. П. Пассекъ, подъ названіемъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» (недавно вышедшія новымъ изданіемъ), имѣли выдающійся успѣхъ въ свое время, такъ какъ художественно дополняли собой «Былое и думы» Герцена и заставляли лучше и глубже понимать ихъ.

Т. П. Пассекъ была женщина исключительнаго для женщины ума, гибкаго и тонкаго, мыслящая съ поразительной логичностью и прямотой, что придавало бесѣдѣ съ нею необычайную прелесть, такъ какъ съ ней всегда можно было говорить какъ съ мужчиной, а не «взрослымъ ребенкомъ», какими являются въ области мышленія женщины. Прибавьте къ этому прекрасное домашнее образованіе, большую начитанность, при этомъ задушевность, доброту и отзывчивость характера—и вы поймете, какой по истинѣ кладъ представляла собой Т. П. Пассекъ въ петербургскомъ обществѣ, скучномъ и безталантномъ сорокъ лѣтъ назадъ такъ же, какъ и въ данное время.

Къ ней пріѣзжали посовѣтоваться по серьезному дѣлу и выслушивали всегда логическій и толковый совѣтъ; являлись за техническими справками по литературно-типографскому дѣлу, какъ къ издательницѣ журнала, и получали желаемое; къ ней шли «отвести душу», и уходили отъ нея успокоенные и обрадованные.

Т. П. Пассекъ была рѣдкій у насъ своеобразный типъ самобытной русской женщины съ отзывчивой душой и свободнымъ образомъ мыслей. Конечно, это вовсе не была та ужасная «свобода», которая такъ долго служила заѣзженной темой первыхъ двухъ государственныхъ думъ, а та свобода, которая даетъ силу мыслить безъ условностей и имѣть смѣлость говорить, во что вѣришь и за чѣмъ хочется итти. Вотъ почему въ ея домѣ вы могли встрѣтить и высокаго

дипломата, какъ нашъ посолъ въ Парижѣ князь Николай Алексѣевичъ Орловъ, съ которымъ Т. Пассекъ была въ тѣсной дружбѣ многіе годы, и самороднаго поэта-крестьянина Спиридона Дрожжина, робко искавшаго у Т. П. Пассекъ поддержки въ своихъ первыхъ литературныхъ шагахъ, и чопорную свѣтскую даму съ твердо изученнымъ «протоколомъ» свѣтскихъ обычаевъ и правилъ, и курсистокъ съ развязными манерами и ребячливо-шумливыми голосами, съ тетрадками подъ мышкой.

Какъ это часто въ жизни встрѣчается, природный умъ и настоящее просвѣщеніе не мѣшали Т. П. вѣрить въ «сверхчувственное» и быть въ добрыхъ сношеніяхъ съ нашими выдающимися въ то время спиритами, какъ А. Н. Аксаковъ, проф. А. М. Бутлеровъ, проф. Н. П. Вагнеръ и мистеръ Юмъ.

Ихъ всѣхъ и я видалъ, чаще другихъ Н. П. Вагнера, который, бывая въ Москвѣ, заѣзжалъ къ моей матери, старой пріятельницѣ его сестры Е. П. Китарры.

Про всѣхъ этихъ корифеевъ спиритизма много въ свое время писано. Конечно, самымъ серьезнымъ изъ нихъ былъ А. Н. Аксаковъ, написавшій немало книгъ о спиритизмѣ и много разъ приглашавшій въ Россію на свой счетъ изъ-за границы медіумовъ. Это былъ добросовѣстный «искатель», весь поглощенный занимавшимъ его вопросомъ. Къ этому же кружку слѣдуетъ отнести и покойнаго Виктора Ивановича Прибыткова, редактора понынѣ существующаго спиритическаго журнала «Ребусъ», средства на изданіе котораго давалъ опять все тотъ же А. Н. Аксаковъ.

Т. П. Пассекъ очень интересовалась «инымъ міромъ», присутствовала иногда на сеансахъ, которые были тогда очень въ модѣ, и у себя, въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, устраивала бесѣды съ «духами».

Однимъ разъ какъ-то, послѣ неудачнаго сеанса, когда мы остались съ Т. П. Пассекъ вдвоемъ, я полюбопытствовалъ, вѣрилъ ли А. И. Герценъ въ спиритизмъ и не являлся ли онъ когда-нибудь къ ней, когда она, можетъ быть, вызывала его на сеансахъ?

— Представь себѣ, никогда не являлся, а вѣрить,—конечно, онъ вѣрилъ... Да развѣ умный человѣкъ можетъ совсѣмъ не вѣрить чему-то иному, чѣмъ мы, что самостоятельно существуетъ и окружаетъ насъ? Непремѣнно, хоть немного, да вѣритъ... А знаешь, какой со мной случай былъ года два тому назадъ—и все по поводу спиритизма и Саши...

— Случай на сеансѣ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не на сеансѣ, а лично со мной,—вотъ въ этой самой комнатѣ, въ этомъ самомъ углу, гдѣ стоитъ моя постель и столикъ, на которомъ я занимаюсь.

— Что же именно случилось?

— Случилось что-то очень странное и кошмарное... Послѣ смерти моего мужа, харьковскаго профессора Вадима Васильевича Пассека, я стала одно время очень часто видѣть его во снѣ. Я отслужила панихиду, и сны прекратились... Затѣмъ, много лѣтъ спустя, я стала вдругъ видѣть Сашу и какъ-то все странно: онъ мнѣ представлялся необычайно грустнымъ, растеряннымъ. Я вотъ и рѣшила, что ему,—если загробный міръ существуетъ,—живется тяжело и онъ приходитъ къ близкой ему при жизни душѣ, ища облегченья. Но какъ же его успокоить? Конечно, помолиться о немъ, и я собралась въ одинъ день утромъ выйти пораньше изъ дому, войти въ ближайшую церковь и отслужить панихиду по рабѣ Божіемъ Александрѣ, который никогда не былъ атеистомъ, такъ же, какъ и я, хотя и не изучалъ катехизиса... И вотъ наканунѣ того самаго дня, когда я рѣшила это сдѣлать, не говоря объ этомъ никому изъ постороннихъ, произошло нѣчто изумительное, чего со мной больше въ жзини никогда не повторялось...

И Татьяна Петровна задумалась.

— Представь себѣ слѣдующее. Послѣ вечерняго чая я отпустила мою старую прислугу спать, просмотрѣла корректуру для ближайшаго нумера «Игрушечки», написала два дѣловыхъ письма и въ совершенно спокойномъ настроеніи духа собралась было уже спать. Я не думала ни о чемъ таинственномъ и завтрашней панихидѣ не придавала какого-нибудь особаго значенія. Я нѣсколько разъ въ жизни служила панихиды по роднымъ и близкимъ и въ этихъ молитвахъ объ усопшихъ, какъ бы устанавливающихъ душевную связь между ними и нами, не видѣла чего-нибудь исключительнаго. Голова уже давно клонилась на подушку, свѣча была погашена, но сонъ не шелъ почему-то. Самыя разнообразныя мысли лѣзли въ голову и мѣшали забыться... Все было тихо кругомъ, и я старалась упорно навѣять сонъ. Мои часы съ кукушкой (я люблю часы съ кукушкой) пробили половину перваго, и вотъ вдругъ гдѣ-то вдали-вдали чуть-чуть послышались какіе-то звуки... Кто-то шелъ по направленію ко мнѣ, по комнатамъ, минуя коридоръ, направляясь въ мою спальню, вотъ сюда, гдѣ мы теперь сидимъ съ тобой. Шелъ не одинъ. Я явственно различала стукъ множества ногъ о паркетъ—это была цѣлая толпа. Первою мыслью мелькнуло: это воры, но я сейчасъ же вспомнила, какъ старательно моя горничная усердно накладывала часъ тому назадъ цѣпь на крючокъ двери въ передней. Воры не могутъ пробраться—я бы услыхала взломъ дверей... А шумъ шаговъ (какая-то рѣзкая противная топотня) все приближался. Я быстро протянула было руку къ столику за свѣчкой, но уронила отъ испуга спички на коверъ и, какъ ни шарила, не могла ихъ найти.

«А около меня, надо мной впотьмахъ уже стояли, вплотную наполняя мою спальню, и громко смѣялись... Боже, какъ смѣялись!

Что это былъ за ужасный смѣхъ! Тутъ были и раскатистыя ноты гнѣва, и ехидный дискантикъ, и исполненный злобой хохотъ ненависти, и какія-то насмѣшливыя всхлипыванія... Словомъ, вокругъ меня хохотало море голосовъ на разные лады, и я, представь себѣ, внутренно понимала, что это смѣются «они», отверженные духи, надъ моей завтрашней молитвой... за Сашу. И они хохотали, какъ бы желая унизить меня, осмѣять, оскорбить, оплевать мою будущую панихиду. Я хотѣла крикнуть, но ужасъ сковалъ мои члены, и я не могла шевелиться. Однако я напрягла силы и крикнула, зовя прислугу. Никакого отвѣта: онѣ мирно спали вблизи кухни и ничего не слышали... Но вотъ кукушка грустно прокуковала четыре раза, и затѣмъ пробило часъ... И вдругъ застучали обратно громкіе шажки, и хохотъ сталъ тише. Толпа повалила вонъ изъ моей комнаты, и звуки мерзкаго хохота постепенно затихли.

— Какъ это фантастически-странно и какъ это напоминаетъ стихотворенье В. Гюго «Джинны»!—сказалъ я.

— Да, но это было ужасно и эту ночь нельзя забыть всю жизнь.

— А прислуга ничего не слышала?

— Ровно ничего и на мои возгласы явилась очень скоро. Но дѣло не въ этомъ, а вотъ что ужасно,—и Т. П. грустно и какъ-то укоризненно и жалобно улыбнулась:—это то, что ни на другой день, ни послѣзавтра, ни на третій, ни на четвертый, ни чрезъ недѣлю, словомъ, никогда и до сегодняшняго дня я не исполнила моего желанія... помолиться за него, за Александра Ивановича...

И Татьяна Петровна поскорѣе смахнула, какъ бы конфузясь, концомъ платка набѣжавшія слезы.

— Неужели изъ-за этого смѣха? Но, согласитесь, здѣсь были всѣ признаки кошмара.

— Ужъ, право, я не знаю, кошмаромъ, вѣдь, все можно назвать... Однимъ словомъ, признаюсь тебѣ:—я не помолилась, я испугалась (и она опять грустно улыбнулась), что опять услышу этотъ смѣхъ!..

— А не являлся больше во снѣ Александръ Ивановичъ?

— Являлся, но все рѣже и рѣже. Теперь я его не вижу.

Однажды я засталъ у Т. П. блондина средняго роста, который разсказывалъ ей что-то по-французски, сердито, съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ.

Это былъ Д. Юмъ.

Онъ передавалъ, какъ петербургскіе профессора пригласили его на «испытательный сеансъ» днемъ, въ холодную, нетопленную аудиторію университета, гдѣ проморозили его битый часъ и гдѣ, конечно, ничего необыкновеннаго, кромѣ естественнаго озноба, не испытавши, рѣшили, что спиритизмъ—игра фантазіи.

— Прощаясь,—говорилъ Юмъ,—я имъ предлагалъ себя во всякое время, но не въ холодильникѣ, гдѣ мерзнутъ мысли и желанія, и чтобы они не ждали непремѣнно чего-нибудь чудеснаго, такъ какъ

спиритическій сеансъ не есть химическій процессъ, который долженъ дать извѣстный результатъ при сліяніи или разъединеніи извѣстныхъ элементовъ.

И онъ уже добродушно засмѣялся.

Юмъ былъ женатъ на русской, родственницѣ извѣстнаго въ свое время рамолика-богача графа Г. А. Кушелева-Безбородко, котораго женила на себѣ Л. И. Голубцова, рожденная Кроль.

Я уже говорилъ, что домъ Т. П. Пассекъ былъ тѣмъ интересенъ, что тамъ можно было встрѣтить лицъ разныхъ направленій, общественныхъ группъ и категорій, такъ какъ всѣ они, какого бы ни были лагеря, равно цѣнили замѣчательную женщину, широко отзывавшуюся на запросы жизни.

Довольно часто встрѣчалъ я здѣсь нашего извѣстнаго русскаго художника Харламова, всегда жившаго въ Парижѣ, но постоянно пріѣзжавшаго погостить въ Петербургъ, особенно въ рождественскіе праздники.

Онъ много любопытнаго разсказывалъ о жизни русской колоніи въ Парижѣ и особенно объ извѣстныхъ литературныхъ «обѣдахъ братьевъ Гонкуровъ» (на которыхъ ему удавалось участвовать), періодически устраиваемыхъ въ складчину дважды въ мѣсяцъ, гдѣ собирался блестящій цвѣтъ парижской беллетристики, изящно смѣшанный съ представителями художественнаго, артистическаго, музыкальнаго и даже ученаго міра.

Выдающейся фигурой на этихъ обѣдахъ былъ, конечно, нашъ Тургеневъ, за которымъ всѣ коллеги дружески ухаживали, стараясь посадить поудобнѣе и такъ, чтобы около него сидѣлъ пріятный ему сосѣдъ, какъ, напримѣръ, Флоберъ, котораго Тургеневъ очень любилъ.

— За этими единственными въ своемъ родѣ обѣдами возникали иногда прелюбопытные разговоры,—разсказывалъ художникъ Харламовъ:—и очень жаль, что всѣ эти бесѣды пропали для общества почти безслѣдно, такъ какъ, конечно, участники обѣдовъ ни за что не соглашались допустить стенографистовъ въ свою дружескую компанію. Разъ, напримѣръ, вдругъ зашла рѣчь о такъ называемой «потусторонней» нравственности, и г. Галеви заявилъ: «О, въ этомъ отношеніи извѣстный англійскій поэтъ Свинборнъ (Swinburn) побьетъ рекордъ всѣмъ нашимъ развратникамъ! Недавно я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который ѣздилъ купаться на островъ Уайтъ. Тамъ, во время прогулки онъ случайно встрѣтился съ Свинборномъ, который жилъ на морскомъ берегу, въ походной палаткѣ, одинъ, съ обезьяной, одѣтой въ женское платье, служившей ему прислугой. Свинборнъ пригласилъ юношу къ себѣ въ палатку. Обезьяна приготовила завтракъ. Во время трапезы Свинборнъ началъ проповѣдывать свободную теорію«однополой» любви и сталъ ухаживать за молодымъ человѣкомъ. Обезьяна на-

супилась, начала скалить зубы и выражала всѣ признаки мучившей ее ревности... Свинборнъ не обращалъ на это вниманія и ударилъ обезьяну хлыстомъ, а потомъ сталъ обнимать молодого человѣка. Обезьяна подняла ревъ и, въ бѣшенствѣ бросившись на юношу, вцѣпилась ему когтями въ горло съ намѣреніемъ задушить. Пришлось оттащить ее съ большимъ трудомъ, а гостю быстро ретироваться... Однако Свинборнъ и молодой человѣкъ продолжали видаться, но уже не въ присутствіи ревнивой обезьяны-служанки. Какъ-то разъ Свинборнъ опять пригласилъ къ себѣ своего пріятеля въ береговую палатку къ завтраку. Имъ уже служилъ въ этотъ разъ пожилой лакей-ирландецъ. Во время завтрака подали жареное мясо, вкусъ котораго юношѣ показался какимъ-то страннымъ. «Что это за мясо?» спросилъ онъ у Свинборна.—«А помните обезьяну, которая хотѣла васъ хорошенько поцарапать? Это я изъ нея велѣлъ приготовить это блюдо», преспокойно объяснилъ англійскій поэтъ. — Какъ вамъ, господа, это нравится?

«Разсказъ Галеви произвелъ на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. Поднялся шумъ, горячіе споры, многіе стали оспаривать возможность съѣсть свою любовницу, даже если бы она была только обезьяной, другіе говорили, что это выдумка молодого человѣка. Въ разговоръ между прочимъ вмѣшался и И. С. Тургеневъ.

«— Вы напрасно такъ волнуетесь, господа,—сказалъ Тургеневъ съ дивана, сидя въ сторонѣ за чашкой кофе:—отъ Свинборна, котораго я лично и довольно хорошо знаю, рѣшительно всего можно ожидать, такъ какъ, конечно, это врядъ ли нормальный человѣкъ... Какъ-то я шутя спросилъ его: что бы вамъ очень хотѣлось, любезный Свинборнъ, испытать вотъ сейчасъ наиболѣе оригинальнаго и несбыточнаго? «А вотъ что,—отвѣтилъ Свинборнъ:—посягнуть на св. Женевьеву во время ея самаго пламеннаго молитвеннаго экстаза, но при этомъ съ ея тайнаго согласія!..»

— Ну, а еще не было ли чего интереснаго на этихъ обѣдахъ?— спросили мы.

— Былъ еще въ другой разъ, напримѣръ, разговоръ о спиритизмѣ...

— Разскажите,—попросили мы всѣ:—что толковали у Гонкуровъ о спиритизмѣ. Это любопытно!

— Дѣйствительно, вышло любопытно, — разсмѣялся Харламовъ,—и вотъ почему. Флоберъ и Эрнестъ Ренанъ стали разсказывать о необычайномъ какомъ-то медіумѣ, вызвавшемъ въ одномъ важномъ салонѣ тѣнь императора Нерона, которая явилась предъ всѣми, вся сіявшая фосфорическимъ свѣтомъ...

«Тутъ вдругъ вмѣшался въ разговоръ одинъ молодой лейтенантъ, только что вернувшійся изъ дальняго плаванія.

«— Позвольте вамъ заявить, господа, что это не что иное, какъ простой гипнозъ и что на Востокѣ это дѣлается очень просто.

«Ему стали, конечно, возражать.

«— Господа, вотъ вамъ то, что недавно еще было со мной,— сказалъ лейтенантъ.—Это было въ Александріи. Я гулялъ въ сопровожденіи моего денщика-матроса по городу и случайно попалъ на базаръ. Въ пестрой, разукрашенной флагами палаткѣ факиръ давалъ представленія. Я взялъ билетъ и зашелъ внутрь, а мой денщикъ остался у входа. Было много народа. На красномъ коврикѣ сидѣлъ въ зеленомъ халатѣ и маленькомъ разныхъ цвѣтовъ тюрбанѣ арабъ и поражалъ насъ чудесами. Онъ бросалъ палочку вверхъ, и она предъ нашими глазами безъ поддержки долго висѣла въ воздухѣ; онъ прокалывалъ себя насквозь и сухую шпагу вытаскивалъ изъ спины; онъ отрубалъ себѣ руку, которая потомъ сама прирастала и дѣйствовала; онъ пускалъ по палкѣ вверхъ цѣлый эскадронъ мышей, которыя, одна вслѣдъ за другой, добравшись до вершины палочки, безслѣдно исчезали въ воздухѣ, и разныя другія головокружительныя вещи. Прогремѣлъ звонокъ, представленіе окончилось, и я вышелъ на воздухъ. Денщикъ меня ждалъ у входа.

«— Ты видѣлъ, какія тамъ чудеса творились?—спросилъ я его, возвращаясь на фрегатъ.

«— Ничего особеннаго, сударь, я не видѣлъ,—отозвался матросъ.

«— Но, вѣдь, ты же смотрѣлъ, что факиръ показывалъ?

«— Смотрѣлъ, да онъ ничего не показывалъ,—онъ пускалъ мышей по палочкѣ, а потомъ, когда мышь была наверху, онъ ее снималъ и пряталъ себѣ за пазуху...

«— Ну, а какъ онъ себя прокололъ, ты видѣлъ?

«— Да онъ просто приложилъ шпагу къ груди—и только, а потомъ засунулъ ее подъ коверъ, а изъ-за спины вытащилъ другой ножъ.

«— А какъ руку себѣ отрубалъ—видѣлъ?

«— Нѣтъ-съ, этого не было; онъ просто ударилъ себѣ чѣмъ-то по рукѣ и спряталъ руку въ рукавъ халата—вотъ и все-съ...

«— Однимъ словомъ, факиръ за деньги меня гипнотизировалъ, а денщикъ, не заплатившій за это, былъ внѣ гипноза и ничего не видѣлъ... Какъ можно послѣ этого толковать о чудесахъ спиритическихъ сеансовъ!?»

VI.

Мнѣ было въ 1874 году семнадцать лѣтъ, когда скоропостижно умеръ мой отецъ, извѣстный въ свое время въ Москвѣ присяжный повѣренный, и, по просьбѣ моей матери, нынѣ также покойной, ко мнѣ и моему младшему брату былъ назначенъ опекуномъ редакторъ-издатель «Современныхъ Извѣстій» Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ.

Въ свое время это былъ очень замѣтный въ Москвѣ человѣкъ, уважаемый вообще всѣмъ русскимъ обществомъ, фигура крупная, съ своеобразнымъ міровоззрѣніемъ и недюжиннымъ умомъ.

Первый воспитанникъ московской духовной академіи, окончившій съ золотой медалью и получившій поэтому прибавленіе «Платоповъ» къ своей фамиліи (въ честь митрополита московскаго Платона, оставившаго особый капиталъ на лучшихъ по ученію стипендіатовъ его имени), затѣмъ самъ профессоръ той же академіи, потомъ цензоръ и, наконецъ, самостоятельный общественный дѣятель въ роли редактора собственной газеты, всюду и всегда Гиляровъ выдавался своей оригинальной личностью и необычайной научной эрудиціей.

Профессуру онъ оставилъ изъ-за придирокъ начальства, или, вѣрнѣе, митрополита Филарета московскаго, органически не терпѣвшаго свободной мысли и упорно гнавшаго отъ себя все оригинальное, все свѣжее и свободное отъ клерикализма. Обладая, несомнѣнно, большимъ умомъ, ученостью, необычайной силой воли и настойчивостью характера, митрополитъ Филаретъ былъ схоластикомъ самой чистой воды, не допускавшимъ никакихъ «новшествъ» въ богословской сферѣ и даже въ жизни вообще и съ наслажденіемъ культировавшимъ средневѣковыя, никому непонятныя богословскія отвлеченности, достойный примѣръ которыхъ мы видимъ въ его пресловутомъ катехизисѣ, осилить который составляетъ особый подвигъ. Насколько Филаретъ былъ всегда чуждъ окружавшей его жизни, видно изъ того, что онъ упорно не хотѣлъ проѣхать по впервые при немъ въ Россіи проведенной желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, совершенно при этомъ серьезно утверждая, что локомотивъ, движущій поѣздъ сгущеннымъ паромъ, есть «наважденье лукаваго», а потому пользоваться имъ «грѣховно». Несмотря ни на какія убѣжденія и научные доводы, почтенный іерархъ остался «при своемъ мнѣніи» и ни разу не проѣхался по Николаевской желѣзной дорогѣ, не желая соприкасаться съ чертовщиной.

Можно ли было либеральному профессору, какимъ былъ Н. П. Гиляровъ, служить въ духовной академіи при такой своеобразной атмосферѣ?

Митрополитъ Филаретъ былъ необычайнымъ деспотомъ, и предъ нимъ московское духовенство въ прямомъ смыслѣ трепетало. Не даромъ про него въ Москвѣ и сложилась поговорка: «Владыка за трапезой пискарикъ скушаетъ, а цѣлымъ попомъ закусываетъ!» Духовенство его ненавидѣло, но его авторитетъ былъ такъ силенъ, что ни о какой оппозиціи ему нельзя было и думать, и вся церковная жизнь московской митрополіи безропотно ему подчинялась. Филаретъ былъ своего рода маленькимъ римскимъ папой, который, на манеръ папы римскаго, самовольно и совершенно безконтрольно распоряжался всѣми церковными дѣлами своего округа и держалъ

московское духовенство, и высшее и низшее, въ желѣзныхъ тискахъ, ничуть не страшась синода, который не смѣлъ поднять противъ него голоса.

Не довольствуясь своими семинаріями и церковно-приходскими школами, Филаретъ хотѣлъ вмѣшиваться и въ свѣтскую область и пріѣзжалъ въ московскій университетъ, присутствуя на экзаменахъ по богословію.

Это наконецъ надоѣло студентамъ, которыхъ Филаретъ безжалостно «рѣзалъ», ехидно предлагая самые головоломные вопросы изъ дебрей богословской премудрости, мало понятной для простого мірянина.

Разъ какъ-то владыка пріѣхалъ въ университетъ во время испытаній по Закону Божію. Экзаменовавшійся студентъ прекрасно отвѣтилъ по билету, но Филарету захотѣлось его сбить, и онъ вдругъ предложилъ ему своимъ необычайно-тихимъ и «елейнымъ» голосомъ вопросъ:

— А не было ли какихъ святоотеческихъ пророчествъ въ отношеніи новѣйшей нашей исторіи?

Студентъ попался не изъ робкихъ.

— Конечно, были,—отвѣчалъ онъ авторитетнымъ тономъ.—На всякое событіе можно подыскать пророчество!

— А вотъ, напримѣръ,—допытывался владыка: — какое бы вы указали пророчество по поводу двѣнадцатаго года и нашествія на Россію иноплеменниковъ?

Студентъ оказался не только смѣлымъ, но и находчивымъ.

— А вотъ хоть бы, напримѣръ, такое: «раздраша ризы моя и объ одеждѣ моей меташа жребій...».

Сидѣвшій рядомъ съ экзаминаторомъ, университетскимъ протоіереемъ, свѣтскій ассистентъ-профессоръ невольно фыркнулъ, сдерживая смѣхъ, а веселый студентъ еще громче повторилъ:

— Раздраша ризы моя и объ одеждѣ моей меташа жребій... Это предсказаніе вполнѣ подходитъ...

Филаретъ покраснѣлъ и, совершенно позабывъ искусственно усвоенный имъ полушопотъ, громко и гнѣвно прокричалъ на всю аудиторію:

— Это ересь!

Затѣмъ быстро поднялся съ мѣста и уѣхалъ съ экзамена.

Съ этихъ поръ, къ радости студентовъ, онъ пересталъ бывать у нихъ на экзаменахъ богословія, а если когда изрѣдка и заѣзжалъ, то ужъ не предлагалъ такихъ вопросовъ.

Будучи мальчикомъ, я нѣсколько разъ былъ у митрополита Филарета въ Троице-Сергіевской лаврѣ, подъ Москвой, гдѣ онъ чаще всего жилъ.

Мой отецъ, вовсе не будучи исключительно набожнымъ человѣкомъ, очень, однако, симпатизировалъ митрополиту Филарету

за его умъ и ученость, какъ и многія лица изъ московскаго общества (какъ, напримѣръ, Н. В. Сушковъ, написавшій даже цѣлый восторженный панегирикъ о Филаретѣ), не знавшія близко всѣхъ отрицательныхъ сторонъ владыки и не испытавшія на себѣ его желѣзнаго и безсердечнаго деспотизма. Отецъ лично зналъ митрополита, ѣзжалъ къ нему и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ; къ тому же онъ велъ какое-то гражданское дѣло одного дальняго его родственника и сообщалъ ему о положеніи процесса. Иногда онъ бралъ и меня съ собою.

Я еще былъ тогда совсѣмъ ребенкомъ, но твердо помню весь оригинальный обликъ этого любопытнаго монарха, котораго не трогалъ и слушался даже такой всевластный государь, какъ Николай Павловичъ. Филаретъ былъ очень низенькаго роста и худъ, какъ скелетъ, такъ какъ дѣйствительно велъ строго-аскетическую жизнь и питался въ самомъ дѣлѣ, кажется, однимъ пискарикомъ и чашечкой ухи съ кускомъ сухой просфорки. Говорилъ онъ очень тихо, почти шепталъ (этотъ шопотъ очень удачно называлъ Н. С. Лѣсковъ «тихоструй»), но не отъ слабости голоса, а нарочно, съ расчетомъ, желая произвести впечатлѣніе въ конецъ изнуреннаго постомъ и молитвой. Говорю такъ потому, что при мнѣ онъ довольно-таки громко покрикивалъ на келейника и забывалъ о своемъ «тихоструѣ». Что было особенно типично во внѣшности владыки—это его маленькія, тонкія руки замѣчательной красоты и бѣлизны, словно точеныя изъ слоновой кости, напоминающія холеныя руки какого-нибудь католическаго монсиньора-аристократа. Откуда могли взяться у Филарета, если онъ былъ дѣйствительно сыномъ простого сельскаго дьячка, такія образцово-породистыя руки? Бываютъ, впрочемъ, иногда удивительные сюрпризы природы, на которую все можно легко сваливать... Но самое главное, что поражало въ митрополитѣ, это глаза его—стальные, безучастно-холодные и насквозь пронизывающіе бѣднаго субъекта, имѣвшаго несчастье стать предметомъ ихъ вниманья. Я никогда больше не видѣлъ такихъ ужасныхъ глазъ. Когда я мальчикомъ впервые увидѣлъ Филарета, онъ, строго взглянувъ на меня, положилъ мнѣ на голову, благословляя, свою классически-изящную руку и спросилъ: «молитву Господню твердо знаешь?» Я почувствовалъ, какъ какой-то холодъ прошелъ у меня по всему тѣлу... И всегда затѣмъ, когда я видѣлъ владыку и онъ устремлялъ на меня свой взоръ, иногда даже довольно благосклонный, такъ какъ я на зубокъ зналъ всѣ тѣ молитвы, которыя онъ велѣлъ мнѣ выучить, я чувствовалъ какой-то страхъ, будто я въ чемъ-то провинился.

Когда впослѣдствіи я разсказалъ объ этомъ Н. П. Гилярову, съ которымъ былъ очень близокъ, какъ съ моимъ опекуномъ, то онъ громко смѣялся и говорилъ:

— Хорошъ отшельникъ и святой, какимъ его называли почитатели, когда онъ до смерти пугаетъ людей своими глазами! Глаза—

зеркало души, а если душа добрая и благостная, какая должна быть у святого, то и взоръ будетъ такой же...

Домъ Никиты Петровича былъ преинтересный. Хотя въ немъ и не было того, что мы называемъ «домашнимъ очагомъ», но и безъ этого личность хозяина была настолько симпатична, оригинальна и привлекательна, что сюда всѣ охотно шли и прекрасно здѣсь себя чувствовали. Не было же, какъ я сказалъ, очага не по какимъ-нибудь очень серьезнымъ или особенно печальнымъ причинамъ, а просто въ виду характера супруги Никиты Петровича, всю жизнь не умѣвшей какъ-то «хозяйничать», уклонявшейся очень охотно отъ всякихъ практическихъ дѣлъ и смотрѣвшей на очень многое нѣсколько врозь съ мужемъ. Зато въ близкомъ общенiи съ отцомъ были постоянно оба его сына, Алексѣй и Николай. Алексѣй былъ богато одаренная натура. Онъ шелъ первымъ въ гимназiи, прекрасно окончилъ университетъ по филологическому факультету и избралъ себѣ ученую карьеру, ставъ со временемъ профессоромъ одного изъ нашихъ провинцiальныхъ университетовъ. Николай, въ виду врожденной слабости здоровья на почвѣ общаго рахитизма, выразившейся въ довольно значительной хромотѣ, очень во многомъ, конечно, уступалъ своему исключительно талантливому младшему брату и, къ сожалѣнiю, не могъ докончить своего образованiя, ограничившись гимназiей. Однако и онъ былъ по природѣ развитой молодой человѣкъ и помогалъ отцу по конторѣ и редакцiи «Современныхъ Извѣстiй».

Эта газета шла первое время прекрасно и имѣла большой успѣхъ. Гиляровъ затѣялъ ее, покинувъ цензорство, гдѣ, по самостоятельности характера и прогрессивности мысли, имѣлъ, конечно, массу всевозможныхъ непрiятностей, и всецѣло отдался общественной дѣятельности. «Современныя Извѣстiя» носили до извѣстной степени характеръ славянофильскаго органа, причемъ очень серьезно разрабатывали церковные вопросы. Эти послѣднiе порой до того загромождали собой газету, что она принимала характеръ чисто клерикальной, что очень не нравилось юной и даровитой плеядѣ сотрудниковъ, группировавшейся вокругъ Никиты Петровича и искренно ему преданной. Между ними выдѣлялся тогда совсѣмъ еще въ то время юноша г. Эфронъ-Литвинъ, человѣкъ большихъ познанiй въ богословской области и горячаго темперамента.

Въ одной изъ своихъ брошюръ, подъ заглавiемъ: «Миссiонеры и начетчики», онъ, между прочимъ, даетъ чрезвычайно колоритно написанную характеристику Н. П. Гилярова и его редакцiоннаго кружка. Въ «Современныхъ Извѣстiяхъ» пописывалъ иногда и князь Николай Шаховской, ставшiй впослѣдствiи начальникомъ цензурнаго вѣдомства. Въ тѣ времена онъ былъ еще не кончившимъ курса гимназистомъ, очень льнувшимъ къ литературнымъ кружкамъ. Князь Шаховской питалъ къ Гилярову горячую симпатiю

за его «славянскія идеи», глубоко его уважалъ и составилъ о немъ впослѣдствіи интересную монографію (кажется, не законченную), главнымъ образомъ на основаніи переписки Гилярова, которую онъ старательно и кропотливо собиралъ и классифицировалъ. Предисловіе къ этой монографіи было напечатано въ московскомъ журналѣ «Русское Обозрѣніе», въ редакторство Анатолія Александрова.

Я упомянулъ, что клерикализмъ «Современныхъ Извѣстій» не очень нравился ближайшимъ сотрудникамъ Н.П. Они мало интересовались церковной жизнью и хотѣли бы видѣть газету исключительно общественно-политической. На этой почвѣ частенько по воскресеньямъ, за «редакціонными» обѣдами у Н. П., происходили между нимъ и его ближайшими сотрудниками горячіе споры и разсужденія. Однако Н. П. не сдавался, и его симпатичный органъ всегда былъ и оставался до извѣстной степени оппозиціонно-клерикальнымъ. Это вполнѣ понятно. Гиляровъ готовился къ профессурѣ въ академіи, но не могъ осуществить своей мечты изъ-за тогдашняго церковнаго начальства и мстилъ ему въ своей газетѣ. Дѣйствительно, московское духовенство, съ Филаретомъ во главѣ, чутко прислушивалось къ «Современнымъ Извѣстіямъ» и даже побаивалось его язычка.

Будучи глубокимъ богословомъ и церковникомъ, Гиляровъ не могъ, конечно, не интересоваться нашимъ расколомъ никогда, къ сожалѣнію, толкомъ не изученнымъ и по сей часъ не имѣющимъ о себѣ хотя бы только обстоятельныхъ монографій, если не серьезныхъ научныхъ изслѣдованій. Мы узнаемъ обыкновенно о нашихъ многочисленныхъ раскольничьихъ сектахъ и согласіяхъ изъ газетныхъ случайныхъ корреспонденцій, съ не провѣренными и зачастую прямо фантастическими свѣдѣніями. Есть статьи о нашихъ «религіозныхъ отщепенцахъ» А. С. Пругавина, тщательно изучавшаго судебныя дѣла о раскольникахъ, за что нельзя не сказать ему большое спасибо. Ему же принадлежатъ живо написанные очерки нашего «свѣтскаго» раскола. Имѣется нынѣ ставшая археологической рѣдкостью книга Ѳ. В. Ливанова «Раскольники и острожники», полная «страшныхъ» разсказовъ о скопцахъ, весьма сомнительной цѣнности и болѣе годная для чтенія московскихъ купчихъ, чѣмъ для серьезнаго знакомства съ расколомъ. Есть кое-какія отдѣльныя монографіи профессоровъ духовныхъ академій... Все это, не будучи лишено интереса, недостаточно полно, случайно, поверхностно и вовсе не рисуетъ намъ той внутренней духовной области русскаго сектантства, гдѣ возникали и развивались міровоззрѣнія и догмы нашихъ религіозныхъ новаторовъ.

Расколъ читается у насъ съ каѳедръ духовныхъ академій, но не надо забывать, что читающіе о расколѣ академическіе профессора обязательно представляютъ его своимъ слушателямъ въ отри-

цательномъ свѣтѣ. Могутъ ли они поступать иначе, дорожа своими мѣстами и положеніемъ? Конечно, нѣтъ! Тѣ изъ нихъ, кто смѣлъ говорить свободное и справедливое слово о расколѣ, бывалъ принужденъ оставить свою должность. Одинъ изъ такихъ либераловъ былъ очень извѣстный въ свое время въ Москвѣ протоіерей Сергѣй Николаевичъ Терновскій, читавшій нѣкогда исторію раскола въ московской духовной академіи и за «свободомысліе» уволенный Филаретомъ отъ профессуры. Протоіерей Терновскій былъ затѣмъ долгое время приходскимъ священникомъ при церкви Успенія на Могильцахъ, гдѣ былъ очень любимъ и уважаемъ своей паствой.

Въ описываемую мною эпоху, т.-е. лѣтъ тридцать назадъ, въ Москвѣ появились «сютаевцы», послѣдователи секты крестьянина Тверской губерніи Сютаева, учившаго «жить по-Божьему». Сютаевцы не терпѣли иконъ, не ходили въ церковь, не признавали таинствъ и церковныхъ обрядовъ, не совершали браковъ, не хотѣли знать никакого начальства (подчиняясь мѣстной администраціи лишь въ силу необходимости), не имѣли никакой духовной іерархіи, жестоко критикуя наше духовенство, представители котораго въ деревняхъ являли собой, дѣйствительно, безобразные типы. Сютаевцы очень близко подходили къ толстовцамъ въ исканіи истины путемъ отрицательнаго отношенія ко всякому проявленію внѣшней символики церкви, хотя вліянія на нихъ графа Л. Н. Толстого, уже начавшаго тогда свою «проповѣдническую» дѣятельность, совсѣмъ не было, и Сютаевъ, мирно проживая въ селѣ своемъ Шевелинѣ, совсѣмъ не зналъ даже о существованіи Толстого и толстовцевъ. Точно также не имѣлъ онъ яснаго представленія и о В. А. Пашковѣ, хотя жившіе въ Петербургѣ въ работникахъ сыновья Сютаева разсказывали ему кое-что о молитвенныхъ собраніяхъ «генерала Пашкова».

Близъ Петровскаго-Разумовскаго, подъ Москвой, гдѣ Н. П. Гиляровъ живалъ обыкновенно лѣтомъ, на своей красивой оригинальной постройки дачѣ, имѣвшей со всѣхъ четырехъ сторонъ совершенно особые стили, съ огромнымъ садомъ и отличнымъ ягоднымъ огородомъ,—появились тогда сютаевцы, скромно пріютившись гдѣ-то въ поселкѣ, между Петровскимъ-Разумовскимъ и Петровскимъ паркомъ.

Я раза два-три заходилъ къ нимъ, чтобы лично имѣть понятіе объ этихъ сектантахъ. Ихъ было нѣсколько семей ремесленниковъ. Въ одной изъ нихъ старикъ-дѣдъ производилъ пріятное впечатлѣніе грамотея-начетчика, умѣвшаго поговорить и поспорить.

Однако, кромѣ вообще порицаній церкви и ея обрядовъ, я ничего иного отъ него не могъ извлечь и никакой творческой мысли въ его словахъ и въ разсужденіяхъ его товарищей не находилъ. При этомъ мнѣ немалаго труда стоило убѣдить мирныхъ искателей истины, что я не сыщикъ и не предамъ ихъ въ руки полиціи.

Тогда исканіемъ истинъ заниматься запрещалось, и всѣ должны были хочешь не хочешь вѣрить по катехизису.

Въ настоящее время секта Сютаева совсѣмъ почти исчезла. Онъ самъ, будучи совершенно темнымъ и непросвѣщеннымъ человѣкомъ, давно умеръ; его дѣти не были способны продолжать дѣло отца. Теперь на родинѣ сютаевскаго согласія—въ селѣ Шевелинѣ Тверской губерніи—можно встрѣтить лишь нѣсколько отдѣльныхъ семействъ, принадлежащихъ къ этому ученію.

Гораздо интереснѣе была секта «немоляковъ», появившаяся въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ землѣ войска Донского. Одинъ изъ представителей этой секты, казакъ Ефимовъ, пріѣзжалъ по дѣламъ своего толка въ Москву и заходилъ не разъ къ Гилярову, гдѣ я съ нимъ и познакомился. Я разговорился съ нимъ и такъ какъ всегда очень интересовался вообще всякимъ сектантствомъ, то и сталъ частенько посѣщать его. Онъ жилъ въ скромныхъ меблированныхъ комнатахъ на Никитской улицѣ (поближе къ Гилярову, нанимавшему большой барскій особнякъ въ Ваганьковскомъ переулкѣ, на Знаменкѣ), былъ очень гостепріименъ и радушенъ и, встрѣчаясь со мной въ домѣ такого уважаемаго всѣми въ Москвѣ и извѣстнаго лица, какъ Гиляровъ, не считалъ меня за человѣка «опаснаго» и велъ со мной откровенную бесѣду.

Главной основой секты «немоляковъ» было ученіе о «временахъ вѣка». Такихъ «временъ вѣка», по ихъ ученію, четыре, а именно отъ сотворенія міра до Моисея—весна, отъ Моисея до Іисуса Христа—лѣто, отъ Рождества Христова до 1666 года—осень, а отъ 1666 (года клятвъ) и до нашихъ дней—зима, или «вѣкъ святаго Духа».

По ученію «немоляковъ», истина давно погасла на землѣ и такъ какъ уже наступилъ вѣкъ святаго Духа, то одно спасеніе—понимать жизнь духовно. Поэтому все Священное Писаніе сектанты толковали иносказательно, въ духовномъ смыслѣ, основываясь въ этомъ на словахъ самого же Писанія: «отверзу уста моя въ притчахъ». Идя по этому пути, немоляки толковали всю жизнь Іисуса Христа, Его рожденіе, страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе духовно, мистически: Дѣва Марія между прочимъ есть благое дѣло, отъ котораго родилось слово Божіе, то-есть Іисусъ Христосъ, сынъ Божій; таинство рожденія Христа они не признавали; Богъ-Отецъ, въ ихъ представленіи,—«отеческое правило», бывшее до Рождества Христова, Богъ Сынъ—«сыновнее правило», имѣвшее силу отъ Рождества Христова до 1666 года, а Святой Духъ—существующее нынѣ правило, послѣднія времена. По ученію секты, со времени окончанія седьмой тысячи лѣтъ (отъ сотворенія міра) всѣ церковныя власти и церковное богослуженіе потеряли всякое значеніе, вслѣдствіе чего немоляки совершенно отрицаютъ духовную іерархію, а храмы приравниваютъ къ простымъ домамъ. Таинства, по словамъ

немоляковъ, совершались правильно, въ угоду Богу, только до седьмой тысячи лѣтъ, а въ подтвержденіе такого взгляда приводятъ иносказательное мѣсто Священнаго Писанія: «премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь», объясняя по-своему эти слова въ томъ смыслѣ, что все, созданное семью вселенскими соборами, существовало въ надлежащей чистотѣ и цѣлости лишь до исхода седьмой тысячи лѣтъ.

Никакихъ, поэтому, таинствъ секта не признаетъ, дѣтей не креститъ, браковъ не совершаетъ, иконы, посты, праздники отвергаетъ, никакихъ поповъ не имѣетъ, ни даже выборныхъ старѣйшинъ, какіе существуютъ у молоканъ и штундистовъ, опредѣленныхъ молитвъ не знаетъ, а каждый молится по-своему, духовно, а правилъ церкви и законовъ гражданскихъ исполнять не считаетъ нужнымъ.

Духовныя толкованія правилъ вѣры у немоляковъ вообще крайне слабы, и, доискиваясь, до «духовнаго» смысла Священнаго Писанія, они доходили до абсурдовъ. Такъ, напримѣръ, вышеупомянутый казакъ Ефимовъ такое простое и всѣмъ понятное мѣсто Евангелія, какъ «вниди въ клѣть твою, затвори двери твоя и помолись втайнѣ», толковалъ (какъ и его единомышленники) въ томъ смыслѣ, что «войти въ клѣть» значитъ умолкнуть, а «затворить дверь»—закрыть уста.

Помимо всего это настойчивое исканіе въ Священномъ Писаніи цифры 7 (семь свѣтильниковъ, семь очей, семь столповъ, семь ангеловъ, семь дѣвъ и т. д.) и попытки построить на этомъ теорію о прекращеніи «правильной жизни» на землѣ послѣ седьмой тысячи лѣтъ отдаетъ такой притянутой за волосы схоластикой, что невольно удивляешься, откуда основатель секты, донской казакъ Гаврила Зиминъ, взялъ эту неудачно придуманную теорію религіознаго міровоззрѣнія. По всей вѣроятности, на Зимина, прежняго старообрядца, затѣмъ поповца, а вслѣдъ за тѣмъ безпоповца, немало повліяли разныя старопечатныя старообрядческія книги и всевозможныя рукописи, во множествѣ ходившія по рукамъ на Дону среди тамошнихъ раскольниковъ.

Помню, какъ казакъ Ефимовъ усердно хлопоталъ въ Москвѣ о полученіи рекомендательныхъ писемъ къ тогдашнему оберъ-прокурору святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцеву, при чемъ Гиляровъ, лично знавшій всесильнаго тогда сановника (котораго шутя называли «въ свѣтѣ» le cardinal, а среди духовенства капэ), наотрѣзъ отказалъ дать свое письмо.

— Изъ моего письма (мнѣ, вѣдь, написать не трудно!) вамъ только хуже выйдетъ,—убѣждалъ онъ Ефимова.—Меня Побѣдоносцевъ не переноситъ, да къ тому же и моя рекомендація, въ сущности, нуль! Развѣ я человѣкъ сильный?

— Да вѣдь онъ, я слышалъ, человѣкъ не злой,—простодушно возражалъ казакъ.

— Не только не злой,—соглашался Гиляровъ:—но въ личныхъ сношеніяхъ съ людьми прямо даже добрый и отзывчивый; но у него, батюшка, свои «убѣжденія»—хотя бы, грѣшнымъ дѣломъ, и самыя обскурантныя—и онъ за нихъ цѣпко держится... При этомъ и того не забывайте, что, вѣдь, онъ и по службѣ своей—на стражѣ у православія. Какъ же это онъ станетъ любезничать съ раскольниками?

— Такъ чье же письмо подѣйствуетъ?—домогался Ефимовъ.

— Въ дѣловомъ смыслѣ—рѣшительно ничье, такъ и знайте! Но чтобы васъ поскорѣе приняли и внимательно выслушали, попросите дать вамъ письмо Каткова. Вѣдь вы его уже знаете и къ нему заходили... Это, батенька, сила не чета мнѣ!

Ефимовъ такъ и сдѣлалъ.

М. Н. Катковъ, какъ философъ, ничего не имѣлъ вообще противъ религіозныхъ исканій; къ тому же онъ очень цѣнилъ въ нашихъ раскольникахъ охранительныя начала старо-русскихъ устоевъ и не разъ указывалъ, что ни въ одномъ политическомъ процессѣ, которые безконечной вереницей тянулись въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, вы не встрѣтите ни одного раскольника. Онъ дружелюбно принялъ Ефимова и охотно далъ ему просимое письмо.

Казакъ укатилъ въ Петербургъ хлопотать о своихъ единомышленникахъ, которымъ, по приказу «начальства», чинили разныя непріятности, хотя въ описываемое время ихъ было вообще немного. Большинство немоляковъ переселено было на Кавказъ, а за «упорствующими» былъ учрежденъ надзоръ. Теперь, кажется, ни на Кавказѣ, ни въ землѣ Донского войска представителей этой секты совсѣмъ нѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ бытность мою недавно на службѣ на Кавказѣ, въ 1900—1903 г., я ничего не слышалъ про «немоляковъ»; точно также я не получилъ о нихъ никакихъ свѣдѣній и отъ станичниковъ, когда заглядывалъ въ казацкія поселенія войска Донского. Говорили, что есть кое-гдѣ отдѣльныя семьи «немоляковъ» въ станицѣ Прохладной, напримѣръ, но никакихъ подробностей о нихъ я получить не могъ.

Ефимовъ вернулся изъ Петербурга совершенно разстроенный. К. П. Побѣдоносцевъ его принялъ очень любезно, даже въ особой аудіенціи, и даже бесѣдовалъ съ нимъ на сектантскія темы, поразивъ темнаго казака своей эрудиціей и прекрасной памятью, но при этомъ заявилъ, что, какъ представитель синодальнаго вѣдомства, онъ не считаетъ себя въ правѣ хлопотать за «отщепенцевъ» отъ православной церкви.

— Ну, и что же вы ему возражали?—спросили мы.

— А что же я такому ученому человѣку возражать могу?!—грустно отвѣтилъ казакъ.—Однако я сказалъ, что мы дурного не дѣлаемъ и на землѣ истину ищемъ.

— Ну, а онъ на это что?

— А онъ на это разсмѣялся, да и говоритъ: а зачѣмъ вамъ знать истину-то? Много будете знать—скоро состаритесь! Чѣмъ дольше ее не узнаете, тѣмъ лучше... Странный такой у васъ этотъ самый генералъ Побѣдоносцевъ,—вздохнулъ казакъ, разводя руками.

Историческій обскурантизмъ «кардинала» показался чудовищнымъ простосердечному человѣку, а между тѣмъ этотъ «генералъ Побѣдоносцевъ» такъ долго игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ Россіи, послѣ кроваваго 1-го марта и паденья графа Лорисъ-Меликова.

И этимъ мы были обязаны кучкѣ безумцевъ съ Перовской и Желябовымъ во главѣ!

Такъ и уѣхалъ бѣдный казакъ ни съ чѣмъ обратно на свой «тихій Донъ», уничтоженный въ конецъ неожиданными откровеньями изъ устъ великаго обскуранта земли русской.

Что, однако, самое курьезное въ только что описанной встрѣчѣ «охранителя» православія съ представителемъ раскола, такъ это то, что въ то самое время, когда Побѣдоносцевъ былъ глухъ и нѣмъ къ нуждамъ «отщепенцевъ» отъ православія, въ качествѣ стража интересовъ господствующей церкви, онъ дозволялъ другимъ сектамъ совершенно свободно проповѣдывать свое ученье и совершать свой культъ въ русской столицѣ, и не гдѣ-нибудь на ея окраинѣ, а въ лучшей части города.

Я говорю про извѣстную секту ирвингіанъ, получившихъ это названье отъ имени своего основателя, шотландскаго пастора В. Ирвинга, задавшагося цѣлью возстановить древне-христіанскую общину апостольскихъ временъ со всѣми подробностями ея внутренняго строя. Такъ, мы видимъ у ирвингіанъ всю ея прежнюю іерархію, съ пресвитерами, діаконами, діакониссами, ангелами (то есть епископами) и, наконецъ, даже апостолами, которыхъ у ирвингіанъ двѣнадцать. Поэтому сами ирвингіане называютъ свою общину «каѳолическая апостольская церковь». Эта секта, представителемъ которой былъ у насъ (и понынѣ есть) докторъ-гомеопатъ Викторъ Александровичъ Дитманъ, издавна существовала въ Петербургѣ и свободно пропагандировала свое ученье, благодаря сильной поддержкѣ со стороны своихъ прозелитовъ, принадлежавшихъ къ высшему обществу. Достаточно сказать, что однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ ирвингіанской секты въ Петербургѣ былъ тогда не кто иной, какъ генералъ-адъютантъ О. Б. Рихтеръ, бывшій въ то время командующимъ императорскою главной квартирой, очень близкій къ государю Александру III человѣкъ, а также самъ директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій гофмейстеръ графъ Эммануилъ Сиверсъ. Оба они занимали высокое положенье при дворѣ, и, конечно, синодальный оберъ-прокуроръ не считалъ для себя удобнымъ играть въ

данномъ случаѣ роль стража интересовъ православія и подвергать себя ихъ опасному гнѣву, а поэтому и «не замѣчалъ» существованія въ столицѣ аристократическаго кружка ирвингіанъ, еженедѣльно собиравшихся въ свою «капеллу», помѣщавшуюся тогда на Сергіевской улицѣ, въ домѣ австрійскаго посольства, въ сдаваемомъ внаймы надворномъ флигелѣ.

Во время этихъ богомоленій въ ирвингіанской церкви, устроенной на манеръ лютеранской церкви, съ ритуаломъ, напоминающимъ протестантскую мессу (пресвитерствовалъ В. Дитманъ), иногда на кого-нибудь изъ присутствовавшихъ здѣсь «просвѣтленныхъ» вдругъ находилъ «даръ языковъ» (какъ было съ апостолами, шедшими проповѣдывать слово Божье во всѣ концы земли), и онъ начиналъ лепетать невнятныя и непонятныя слова, которыя должны были изображать тотъ никому невѣдомый языкъ, на которомъ со временемъ онъ станетъ проповѣдывать ирвингіанство, если только кто-либо его уразумѣетъ.

Самая месса ирвингіанъ, съ банальной проповѣдью и пѣніемъ всѣми присутствующими псалмовъ и особыхъ религіознаго содержанія пѣсенъ, очень, какъ я сказалъ, была похожа на лютеранское богослуженіе или, вѣрнѣе, баптистскія и штундистскія богомоленія, и совсѣмъ не напоминала собой тайныя собранія христіанъ въ апостольскія времена.

Секта не заключала въ себѣ рѣшительно ничего вреднаго. Она и по сей часъ существуетъ, съ капеллой въ Царскомъ Селѣ и В. Дитманомъ въ роли пресвитера и, можетъ быть, теперь ужъ и «ангела», но самое возмутительное было то, что одновременно съ пышнымъ процвѣтаніемъ ирвингіанъ въ Петербургѣ другая секта, не пользовавшаяся расположеніемъ и поддержкой придворныхъ кавалеровъ, подвергалась упорнымъ гоненіямъ и преслѣдованію.

Я говорю о пашковцахъ, во главѣ которыхъ стоялъ человѣкъ, дѣлавшій много реальнаго добра и помогавшій ближнимъ своими личными средствами въ очень большихъ размѣрахъ, устраивая дешевыя столовыя для столичной бѣдноты, которая съ радостью стекалась къ нему искать утѣшенія и поддержки.

В. А. Пашковъ былъ замѣчательно цѣльнымъ типомъ христіанина, проповѣдывавшаго дѣятельную любовь къ окружающимъ и учившаго своимъ личнымъ примѣромъ.

Богатый баринъ, бывшій гвардеецъ, помѣщикъ, принадлежавшій по родству и связямъ къ избранному обществу, сталъ проповѣдывать и толковать Евангеліе въ своемъ роскошномъ домѣ на Гагаринской набережной (теперь эта набережная носитъ названіе Французской, а въ прежнихъ хоромахъ Пашкова помѣщается французское посольство) и принимать у себя всѣхъ, желавшихъ его слушать и совмѣстно молиться. На эти молитвенныя собранія ходила масса всякаго люда. Вы могли встрѣтить здѣсь представителей аристо-

кратическаго круга и самаго темнаго простонародья, сумѣвшихъ сразу оцѣнить и полюбить Пашкова, какъ дѣйствительно добраго и убѣжденнаго человѣка, сердечно и просто, безъ всякой претензіи на возстановленіе древне-христіанской общины съ ангелами и діакониссами, учившаго понимать слово Божіе и помогавшаго ближнему съ любовью и охотно изъ своихъ достатковъ.

Захоти Пашковъ поискать себѣ поддержки у вліятельныхъ чиновъ двора, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему не препятствовали бы дѣлать свое доброе и похвальное дѣло, и тотъ же Побѣдоносцевъ, отличавшійся необыкновеннымъ умѣніемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, такъ же снисходительно не замѣчалъ бы пашковскаго кружка, какъ онъ дѣлалъ это въ отношеніи ирвингіанъ. Однако у Пашкова такихъ лицъ не было. Онъ ни въ комъ не заискивалъ, шелъ прямо своей дорогой, открыто и благородно...

И что же? Въ ирвингіанской капеллѣ на Сергіевской безпрепятственно собиравшійся по воскресеньямъ бомондъ ждалъ нашествія на «избранника» пресловутаго «дара языковъ», а В. А. Пашкову была категорически запрещена его горячая проповѣдь и его молитвенныя собранія.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ то время графъ Д. А. Толстой, о которомъ я уже говорилъ въ началѣ моихъ бѣглыхъ воспоминаній. Помню, какъ вдругъ по всему Петербургу стала ходить изъ устъ въ уста настойчивая новость: «графъ Толстой приглашалъ сегодня къ себѣ Пашкова и запретилъ ему проповѣдывать». Одни разсказывали объ этомъ съ удовольствіемъ, другіе (такихъ было большинство) съ огорченіемъ и открытымъ негодованіемъ. Къ общей ненависти всего порядочнаго русскаго общества къ графу Д. А. Толстому прибавился еще одинъ большой плюсъ.

Я былъ лично знакомъ съ В. А. Пашковымъ, постоянно бывалъ въ воскресные вечера на его молитвенныхъ собраніяхъ и встрѣчался еще съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ. Тамъ именно я и встрѣтился съ нимъ вскорѣ послѣ его свиданія съ министромъ.

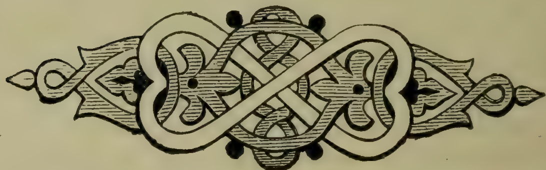
— Что жъ дѣлать,—говорилъ онъ съ огорченіемъ:—придется уѣхать изъ Россіи, гдѣ не позволяется совмѣстно молиться, читать слово Божіе и толковать о прочитанномъ... Мнѣ сказано, что я «совращаю», но какъ и во что? Графъ Толстой не могъ мнѣ на это ничего отвѣтить, но я ему подсказалъ: я «совращаю» христіанъ въ христіанство; не въ этомъ ли ужъ моя вина?—«Вы проповѣдуете ересь», докторальнымъ тономъ возвѣстилъ мнѣ графъ мое прегрѣшеніе. «Въ чемъ же моя «ересь»?—спросилъ я.—Если я распространяю «ересь», то будьте добры привлечь меня къ уголовной отвѣтственности по суду: за ереси строго наказываютъ; но я заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ»... Министру, конечно, этого совсѣмъ не хотѣлось... Онъ категорически предложилъ мнѣ отказаться отъ своей дѣятельности. Я сказалъ, что дѣлать этого не могу, такъ какъ считаю свой путь

правымъ и Божескимъ, и не хочу... «Однако, графъ, скажите же мнѣ теперь, въ чемъ именно состоитъ моя «ересь»? допытывался я, смотря на министра въ упоръ. Толстой смѣшался и покраснѣлъ; вся его коротенькая фигурка выражала замѣшательство. «Значитъ, вы отказываетесь отъ своего обвиненія?» спросилъ я снова, давая ему время оправиться. Чувствуя всю неловкость своего положенія, графъ началъ сердиться. «Такъ что же вы теперь намѣрены предпринять?» спросилъ онъ меня, не давая отвѣта на вопросъ. «Что предпринять?—удивился я.—Неужели, ваше сіятельство, вы не догадываетесь сами, зная меня хоть немного? Неужели вы думаете, что я подчинюсь вашему распоряженію? Я немедленно, конечно, уѣду изъ Петербурга и поневолѣ покину Россію, мою родину, которую горячо люблю, но будьте увѣрены, графъ, никогда въ жизни не оставлю моего дѣла, добрые плоды котораго явно ощущаю.. Сѣмя брошено—съ помощію Божіей оно укрѣпится и возрастетъ пышнымъ колосомъ, гдѣ бы я ни былъ, здѣсь ли, или за границей. Въ этой области, Дмитрій Андреевичъ, ни вы, ни г. Побѣдоносцевъ не властны». На этомъ закончилась наша бесѣда. Мы разошлись, не прощаясь.

Вскорѣ В. А. Пашковъ уѣхалъ съ семьей за границу. Большую часть времени онъ провелъ въ Базелѣ. За границей онъ и умеръ.

Дѣло его не погибло, и предвидѣніе сбылось. Пашковцы слились съ баптизмомъ и въ такомъ видѣ продолжаютъ существовать. Теперь они носятъ названіе «евангельскихъ христіанъ».

С. У.

ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

X.

Сахарозаводчикъ-меценатъ.—Газета для пріятелей.—Два знатока по церковнымъ вопросамъ.—Процвѣтаніе и гибель газеты.—Биржа и литература.—С. Ю. Витте и издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей».—За и противъ реформъ С. Ю. Витте.—Подставной составитель отчета о засѣданіи государственнаго совѣта.—С. Ю. Витте, лишенный довѣрія.—Писатель Далинъ въ роли генерала на купеческой свадьбѣ.—Вынужденная отставка.—Мнимая психическая болѣзнь Д. А. Линева.—Экспропріація газеты.—9-ое января.—Убитый при исполненіи обязанностей журналистъ.—Ультиматумъ сотрудниковъ.—Свобода печати явочнымъ порядкомъ.—Свобода печати и скамья подсудимыхъ.—Издатель-буржуа—государственный преступникъ.—Редакціонная конституція.—Союзъ съ кадетами.—«Свободный Народъ» и «Народная Свобода».—Неудавшаяся кандидатура въ государственную думу.—Изъ кадетовъ въ мирнообновленцы.—Застольный спичъ В. П. Далматова.—Заключеніе.

ДНАЖДЫ я получилъ срочную телеграмму отъ извѣстнаго сахарозаводчика и благотворителя, нынѣ покойнаго Л. И. Бродскаго, съ просьбой выѣхать немедленно въ Кіевъ для переговоровъ о газетномъ дѣлѣ. Подъ телеграммой красовалась фамилія мало знакомаго мнѣ Р—га.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ», перешедшихъ въ руки кредиторовъ издателя, московскихъ писчебумажниковъ, мѣнялись завѣдующіе хозяйственной частью, а вмѣстѣ съ ними и составъ редакціи. Приглашеніе Бродскаго застало меня въ этой газетѣ на амплуа поставщика статей и замѣтокъ по мѣстнымъ вопросамъ, и я, не долго думая, отправился въ Кіевъ по указанному мнѣ въ телеграммѣ адресу.

Я очутился въ квартирѣ, уставленной массой шкаповъ и полокъ съ книгами на разныхъ языкахъ. Скоро явился и владѣлецъ

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 611.

библіотеки, представительный мужчина съ необычайно длинною, выхоленною бородою съ просѣдью, въ большихъ черепаховыхъ очкахъ. Это былъ докторъ философіи и юриспруденціи заграничныхъ университетовъ Р—гъ, занимавшійся, какъ я потомъ узналъ, сахарными и другими коммерческими операціями и славившійся въ Кіевѣ своими конюшнями и псарней. Р. былъ большой оригиналъ. Его можно было часто встрѣтить на Крещатикѣ въ высокомъ кабріолетѣ, запряженномъ парой пони, или наоборотъ: сидя въ маленькомъ, чуть ли не дѣтскомъ кабріолетѣ, Р. правилъ парой породистыхъ рысаковъ. Пѣшкомъ онъ гулялъ нерѣдко въ сопровожденіи цѣлой своры собакъ различныхъ породъ. Кромѣ собакъ да еще орденовъ, коихъ у него было отъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей нѣсколько десятковъ, Р. любилъ, по его словамъ, и газетное дѣло. Онъ обзавелся типографіей, гдѣ печаталась мѣстная газета «Жизнь и Искусство».

— Намъ нуженъ,—объявилъ мнѣ Р.,—фактическій редакторъ для погибающей газеты «Жизнь и Искусство», которую мы желали бы сохранить, какъ единственный порядочный органъ въ нашемъ краѣ. Проф. Г. Е. Афанасьевъ, управляющій у насъ государственнымъ банкомъ, зная вашу журнальную дѣятельность въ Одессѣ, указалъ Бродскому на васъ, какъ на человѣка, который можетъ поднять газету...

Для дальнѣйшихъ переговоровъ я былъ приглашенъ къ Л. И. Бродскому въ его палаццо.

Прежде всего я пытался выяснить, будетъ ли газета независима отъ субсидирующаго ее сахарозаводчика и вообще отъ кіевскихъ дѣльцовъ.

— Въ томъ-то и дѣло,—отвѣтилъ Бродскій:—что зависимость отчасти и погубила газету. Нынѣшній ея издатель Кр—скій, какъ городской юрисконсультъ и старшина клуба, связанъ многими личными отношеніями, отражающимися на направленіи газеты; она избѣгаетъ касаться многихъ фактовъ и дѣятелей или говоритъ о нихъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Чтобы обезвредить нынѣшняго редактора, онъ, въ силу нашего соглашенія съ нимъ, долженъ на нѣсколько лѣтъ стушеваться, снять свою фирму и уступить свое мѣсто другимъ.

На вопросъ, что̀ имъ руководитъ въ заботахъ о сохраненіи и улучшеніи «Жизни и Искусства», Бродскій отвѣтилъ:

— Я поддерживаю газету единственно изъ желанія спасти ее, какъ прогрессивный органъ. Лично меня вы можете ругать, сколько вамъ угодно, можете писать противъ моей дѣятельности, противъ сахарной нормировки, въ которой мы, сахарозаводчики, заинтересованы. Если мнѣ нужно будетъ провести въ печати что-либо, меня интересующее, то, повѣрьте, я сумѣю это сдѣлать безъ васъ: къ моимъ услугамъ вліятельная газета моего друга Дмитрія Ивановича Пихно—«Кіевлянинъ».

Впослѣдствіи я имѣлъ возможность узнать, что еврея Бродскаго и гонителя евреевъ Пихно соединяла самая трогательная дружба. По мысли Пихно, Бродскій соорудилъ въ Кіевѣ стоившій не одну сотню тысячъ бактеріологическій институтъ, въ которомъ редакторъ «Кіевлянина», по желанію учредителя, состоялъ безсмѣнно много лѣтъ членомъ правленія. Когда Пихно покупалъ имѣнія, то эти покупки не обходились безъ участія Бродскаго, уступившаго даже своему другу одно изъ своихъ имѣній въ Подольской губерніи.

Получивъ успокоительныя завѣренія насчетъ независимости «Жизни и Искусства» отъ кіевскаго мецената-сахарозаводчика, я далъ согласіе принять на себя завѣдываніе редакціей. Предварительно я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, вмѣстѣ съ кіевскимъ присяжнымъ повѣреннымъ Орловымъ, хлопотать объ утвержденіи его отвѣтственнымъ редакторомъ и задно пригласить петербургскихъ сотрудниковъ. Орловъ былъ человѣкъ, далекій отъ литературы, и обязался не вмѣшиваться въ редакціонныя дѣла. Взаимныя отношенія наши, права и обязанности были оформлены домашнимъ условіемъ.

Утвержденіе новаго редактора послѣдовало скорѣе, чѣмъ это обычно дѣлалось въ то время—въ 90-хъ годахъ. Оказалось, что будущій редакторъ, какъ многолѣтній повѣренный монастырей и церквей Юго-Западнаго края, былъ большой знатокъ церковнаго вопроса. Этимъ вопросомъ, какъ извѣстно, очень интересовался и тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьевъ, бывшій раньше присяжнымъ повѣреннымъ и имѣвшій также практику по церковнымъ дѣламъ.

— Господи, да вѣдь мы съ вами коллеги!—радостно воскликнулъ Соловьевъ.

У обоихъ «коллегъ» нашлась общая почва для продолжительной бесѣды, закончившейся обѣщаніемъ Соловьева утвердить Орлова редакторомъ, послѣ соблюденія нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, въ видѣ запроса генералъ-губернатору, и т. п.

Тѣмъ временемъ въ редакціи реформированной газеты закипѣла работа, появились именитые сотрудники, столичные и мѣстные, заведены были новыя рубрики, форматъ увеличили въ три раза, текстъ иллюстрировался часто рисунками, что̀ было тогда вновѣ. Тиражъ газеты, которая раньше издавалась какъ будто спеціально для пріятелей, сослуживцевъ и партнеровъ редактора, росъ не по днямъ, а по часамъ. Чувствовалось большое оживленіе и въ отдѣлѣ объявленій.

Всему этому, казалось бы, долженъ былъ радоваться Кр—скій, который сразу избавился отъ надоѣдливыхъ кредиторовъ и которому улыбалась возможность получить черезъ нѣсколько лѣтъ обратно реформированную газету, очищенную отъ долговъ. Но на

бѣду, у Кр—скаго была большая пишущая семья, всѣ члены которой исполняли въ газетѣ всевозможныя функціи. Опасаясь, что съ устраненіемъ его отъ газеты лишатся доходовъ его присные и домочадцы, Кр—скій отказался снять свою фирму, когда пришло утвержденіе Орлова редакторомъ, и сталъ претендовать на вмѣшательство въ редакціонныя дѣла. Повторить старые, неудачные опыты Л. И. Бродскій не пожелалъ и предложилъ мнѣ предоставить Кр—скаго его собственной судьбѣ и оставить газету, на которую щедрый меценатъ успѣлъ уже потратить немало денегъ. Я отрясъ прахъ съ ногъ своихъ, извѣстивъ приглашенныхъ мною сотрудниковъ о своемъ уходѣ. Тѣ поспѣшили снять свои фамиліи съ объявленій о подпискѣ, газета пошла на убыль, просуществовала еще нѣсколько мѣсяцевъ и навсегда прекратила свое существованіе. А счастье было такъ близко, такъ возможно!..

Приглашенный В. В. Навроцкимъ обратно въ «Одесскій Листокъ», я вернулся въ Одессу, гдѣ пробылъ безвыѣздно пять лѣтъ.

Въ 1904 году я переѣхалъ въ Петербургъ, куда былъ приглашенъ С. М. Проппероыъ въ «Биржевыя Вѣдомости» на амплуа ночного редактора-выпускателя.

С. М. Пропперъ—человѣкъ съ большими организаторскими способностями, съ несомнѣннымъ издательскимъ чутьемъ. Онъ создалъ нѣсколько изданій, завоевавшихъ себѣ большое распространеніе преимущественно въ провинціи, будившихъ наше сонное провинціальное царство отъ летаргическаго сна и служившихъ въ болѣе благопріятныя для печати времена дѣлу просвѣщенія массъ и прогрессу. Успѣхъ издательскихъ предпріятій г. Проппера тѣмъ болѣе достоинъ примѣчанія, что онъ началъ ихъ, по его собственнымъ словамъ, безъ всякихъ почти средствъ, будучи, какъ иностранный подданный, мало знакомъ съ русскою жизнью и литературою.

Въ свое время любопытное во многихъ отношеніяхъ прошлое «Биржевыхъ Вѣдомостей», карьера и дѣятельность основателя и издателя газеты найдутъ своего историка, въ лицѣ долго и близко стоявшихъ къ изданію журналистовъ. Я могу разсказать здѣсь лишь нѣсколько не лишенныхъ интереса эпизодовъ изъ болѣе или менѣе отдаленнаго и недавняго прошлаго газеты.

«Биржевыя Вѣдомости», возникшія 32 году тому назадъ, долгое время посвящали преимущественно вниманіе биржѣ, желѣзнодорожнымъ, страховымъ и вообще финансовымъ вопросамъ. При «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» выходили тиражные, страховые и желѣзнодорожные листки и прибавленія. Подписчиками шестнадцатирублевой газеты являлись почти исключительное банковскіе и промышленные дѣятели: одно названіе ея, не говоря уже о высокой подписной платѣ, мѣшало ея проникновенію въ широкія

массы. Тиражъ былъ незначителенъ. Но у г. Проппера, какъ я говорилъ, было хорошее издательское чутье. Онъ рѣшилъ завоевать провинцію, иначе говоря, обзавестись дешевымъ изданіемъ, по образцу Комаровскаго «Свѣта», но ему въ разрѣшеніи было отказано. Г. Проппъръ не сложилъ оружія. Онъ обратился за содѣйствіемъ къ С. Ю. Витте. Надо сказать, что «Биржевыя Вѣдомости» стояли всегда горою за всѣ реформы и мѣропріятія С. Ю., отстаивая винную монополію, золотую валюту и т. п. Къ десятилѣтію государственной дѣятельности бывшаго министра путей сообщенія и финансовъ редакціею «Биржевыхъ Вѣдомостей» была выпущена объемистая книга, посвященная ему.

Благодаря письму С. Ю. Витте къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, съ 1893 года стало выходить четырехрублевое второе изданіе «Биржевыхъ Вѣдомостей», предназначавшееся исключительно для провинціи. Въ этомъ второмъ изданіи подвергались порою критикѣ нѣкоторыя виттевскія реформы.

Однажды «Биржевыя Вѣдомости» едва не поплатились тяжелою карою за изложеніе взглядовъ С. Ю. Витте.

Витте произнесъ въ старомъ государственномъ совѣтѣ большую рѣчь по крестьянскому вопросу, вызвавшую всеобщіе апплодисменты, не совсѣмъ обычные въ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи. Отчеты о засѣданіяхъ государственнаго совѣта въ доконституціонное время въ газетахъ не печатались. Между тѣмъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» была воспроизведена полностью рѣчь С. Ю. Витте. Это вызвало большой переполохъ въ сферахъ. Цензурное начальство потребовало, чтобы редакторъ назвалъ лицо, доставившее рѣчь. Издатель кинулся къ С. Ю. Витте.

— Изворачивайтесь уже какъ-нибудь сами,—заявилъ С. Ю.:— а меня въ эту исторію не впутывайте!.. Впрочемъ,—успокоилъ онъ встревоженнаго издателя:—если вамъ будетъ угрожать серьезная опасность, я приду къ вамъ на помощь.

Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» объявилъ себя авторомъ отчета о засѣданіи государственнаго совѣта,—и инцидентъ удалось кое-какъ замять.

С. Ю. Витте не былъ избалованъ особенно благожелательнымъ отношеніемъ къ нему печати. Исключеніе составляли «Биржевыя Вѣдомости». Еще въ 1903 году, когда Витте попалъ въ немилость, вслѣдствіе интригъ его «сферныхъ» недруговъ, главнымъ образомъ, В. К. Плеве, «Биржевыя Вѣдомости»—не безъ основанія—объясняли неудачи С. Ю. его отказомъ въ финансовой поддержкѣ предпріятій гг. Безобразова и К°.

Второе провинціальное изданіе «Биржевыхъ Вѣдомостей» сразу получило широкое распространеніе въ провинціи, проникая въ самые отдаленные медвѣжьи углы. Своимъ завоеваніемъ русской провинціи газета почти всецѣло обязана была Д. А. Линеву, его

ежедневнымъ бесѣдамъ, за подписью «Далинъ», и смѣнившему потомъ Далина—I. I. Ясинскому.

Бесѣды Далина, писавшіяся съ б·льшимъ паѳосомъ, который въ наше время показался бы нѣсколько наивнымъ, затрагивали всѣ современные «проклятые вопросы», будили общественную совѣсть горячимъ заступничествомъ за униженныхъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ.

Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ «Воскресеніе» (въ лондонскомъ изданіи В. Г. Черткова и въ сохранившихся въ гранкахъ журнала «Нива» цензурныхъ купюрахъ) дѣлаетъ ссылку на Далинскіе очерки «По этапу», отзываясь о нихъ съ похвалой.

Бесѣды Далина въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» являлись чаще всего откликами на обывательскія жалобы, на притѣсненія и обиды со стороны провинціальныхъ Держимордъ. И всякій чѣмъ-либо обиженный смѣло шелъ къ Далину, увѣренный въ томъ, что найдетъ заступника въ его лицѣ и что далинскія безпощадныя обличенія не останутся безъ вниманія. И не одно обличеніе писателя служило поводомъ для официальнаго дознанія и слѣдствія!..

Какъ велика была популярность Далина, доказываетъ слѣдующій безпримѣрный въ лѣтописяхъ журналистики курьезъ.

Однажды г. Линевъ получилъ по почтѣ письмо со вложенными въ него 300 рублями, адресованными ему почитателемъ, богатымъ донскимъ казакомъ. Сообщая Далину, что выдаетъ дочь замужъ, казакъ просилъ писателя сдѣлать ему честь и почтить своимъ присутствіемъ его семейное торжество. Далинъ долженъ былъ сыграть роль генерала на купеческой свадьбѣ. Разумѣется, онъ поблагодарилъ за честь, вернулъ присланныя деньги и на свадьбу не поѣхалъ.

Несмотря на популярность Линева, издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей» пришлось разстаться съ нимъ, по совершенно незаконному требованію начальника главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьева.

Кое-что объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ уходъ Д. А. Линева, разсказано было въ «Историческомъ Вѣстникѣ» I. I. Ясинскимъ, утвержденнымъ тогда редакторомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», подписывавшихся долгое время двумя не утвержденными «за-редакторами» (Исполатовымъ и Коншинымъ). Узнавъ случайно о личномъ знакомствѣ Ясинскаго съ М. П. Соловьевымъ, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» и выдвинулъ его кандидатуру, сочувственно встрѣченную бывшимъ начальникомъ главнаго управленія. I. I. Ясинскій замѣнилъ одновременно Далина, помѣщая провинціальныя бесѣды за подписью «Независимый».

Исчезновеніе Далина со столбцовъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» обратило на себя вниманіе провинціальныхъ читателей. Стали получаться запросы о причинѣ непоявленія Далинскихъ бесѣдъ. О характерѣ отвѣтовъ можно судить по слѣдующему факту.

Къ Линеву является начальникъ депо отдаленной желѣзной дороги, выписывавшій газету во многихъ экземплярахъ для своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.

— Пришелъ навѣстить больного Далина!—заявилъ онъ открывшему ему дверь Д. А. Линеву.

— Далинъ предъ вами и, какъ видите, совершенно здоровъ...

Гость сразу не повѣрилъ. Оказалось, что онъ справлялся о причинѣ непоявленія Далинскихъ бесѣдъ и ему заявили, что бѣдный Далинъ психически заболѣлъ и писать теперь не можетъ. Огорченный болѣзнью своего любимаго писателя, подписчикъ счелъ своимъ долгомъ посѣтить его и проявить свое участіе къ постигшему его горю.

Какъ видите, не всегда читатель ограничивается тѣмъ, что «почитываетъ»!

Когда повѣяло весной, въ 1904 году, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» поспѣшилъ снова залучить Д. А. Линева...

«Путь прочищенъ,—писалъ въ сентябрѣ 1904 года С. М. Пропперъ своему старому сотруднику:—препятствій нѣтъ никакихъ и нѣтъ опасеній насильственнаго завладѣнія газетой элементами, столь мало общаго имѣвшими со всѣмъ тѣмъ, что мы вмѣстѣ создавали, что мы растили и любили»...

Издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей», какъ я уже говорилъ, чутко прислушивался всегда къ вѣяніямъ свыше. Въ эпоху В. К. Плеве онъ соблюдалъ благоразумную цензурную осторожность, а во дни свободы смѣло шелъ въ ногу съ самыми непримиримыми протестантами. Кто работалъ въ суровое плевенское время, помнитъ, какъ третировались редакторы, вызывавшіеся для «внушеній» самимъ министромъ или начальникомъ главнаго управленія.

Я началъ свою работу въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ плевенскую эпоху, когда издатель, какъ я говорилъ, особенно боялся за свою газету. Даже уѣзжая за границу, онъ время отъ времени напоминалъ въ письмахъ и телеграммахъ оттуда о необходимости беречь газету пуще зѣницы ока: въ моемъ архивѣ случайно сохранился одинъ такой любопытный документъ, полученный мною въ не столь суровое цензурное время.

Кто пережилъ въ Петербургѣ событія 9-го января, помнитъ, какое волненіе умовъ они вызвали. Въ редакціяхъ газетъ атмосфера была особенно густо насыщена электричествомъ. Самые мирные журналисты встрепенулись. Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей» получила тогда боевое крещеніе. Молодой симпатичный сотрудникъ Баранскій, подвизавшійся, между прочимъ, на сценѣ въ

театрѣ Л. Б. Яворской, погибъ отъ шальной пули при исполненіи имъ своихъ газетныхъ обязанностей.

Въ редакціи, естественно, возникъ вопросъ, какъ реагировать на событія 9-го января. На своихъ редакціонныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ моей квартирѣ, по сосѣдству съ редакціей, сотрудники выработали съ рѣдкимъ единодушіемъ рядъ требованій-ультиматумовъ, предъявленныхъ издателю. О событіяхъ газета не должна была помѣщать официальныхъ сообщеній. Въ редакціонной статьѣ слѣдуетъ дать надлежащую оцѣнку событіямъ. Отнынѣ руководящія статьи должны проходить черезъ особый редакціонный комитетъ и т. д...

С. М. Проперъ согласился не воспроизводить официальнаго сообщенія о 9-мъ января; вопросъ же о руководящихъ статьяхъ въ редакціонномъ комитетѣ остался открытымъ. Тѣмъ временемъ возникшій тогда союзъ печати выработалъ однообразное заявленіе для всѣхъ газетъ, гласившее: «О событіяхъ 9-го января и послѣдующихъ дней мы имѣемъ возможность печатать только правительственныя сообщенія, официальныя свѣдѣнія и извѣстія, пропущенныя цензурой г. спб. генералъ-губернатора».

Въ то время, когда «начальство ушло», и печать явочнымъ порядкомъ завоевала себѣ значительную свободу, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» отнюдь не шелъ позади другихъ Да и не могъ онъ отстать отъ другихъ въ то памятное время всеобщаго подъема, когда въ редакціи «Новаго Времени» собирались редакторы-протестанты, когда покойный А. С. Суворинъ предлагалъ залъ Малаго театра для митинга протеста по поводу закрытія типографіи «Трудъ» и т. д.

Съ 19-го октября по 24-е ноября 1905 года, до обнародованія временныхъ правилъ о печати, журналисты и цензора были въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что̀ дозволено и что̀ запрещено. Съ одной стороны, манифестъ 17-го октября призналъ свободу слова, циркулярно же было объявлено 19-го октября главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, что всѣ правила цензурнаго устава остаются въ силѣ, рекомендуется лишь цензорамъ кореннымъ образомъ (?) измѣнить свое отношеніе къ печати.

Когда я въ 20-хъ числахъ октября вернулся изъ отпуска, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» объявилъ, что законы о печати временно упразднены, что отнынѣ не слѣдуетъ фильтровать матеріалъ съ точки зрѣнія цензурности, ибо теперь у насъ свобода.

— Да здравствуетъ свобода!..—сказалъ я и въ тотъ же день помѣстилъ воззваніе почтово-телеграфныхъ забастовщиковъ, напечатанное одновременно и въ другихъ изданіяхъ и приведшее редактора-издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей», а за компанію и меня на скамью подсудимыхъ по 129 статьѣ.

Не подписывая газеты, я, разумѣется, никакой юридической отвѣтственности не подлежалъ. Но слѣдователю было заявлено, что С. М. Проппѣръ стоялъ въ сторонѣ отъ газеты по болѣзни, а фактически редактировалась она мною. На судѣ редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» высказалъ свое полное недоумѣнiе по поводу привлеченiя меня къ суду.

Разсчитывая на свои собственныя силы, редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» пригласилъ себѣ въ помощь родственника-адвоката, мало свѣдущаго въ уголовныхъ дѣлахъ, и неважнаго оратора. Мой выборъ палъ на присяжнаго повѣреннаго З. Л. Раппопорта.

Своей талантливою защитою мой адвокатъ сумѣлъ добиться оправданiя не только для своего подзащитнаго, но и для редактора газеты.

Оправдательный приговоръ особаго присутствiя судебной палаты съ сословными представителями былъ опротестованъ прокуроромъ. Снова мы очутились на скамьѣ подсудимыхъ. У пюпитровъ для защитниковъ тѣ же лица.

Еще въ своемъ послѣднемъ словѣ при первомъ разборѣ дѣла я указалъ, что въ теченiе трехъ десятковъ лѣтъ завѣдывалъ газетами и ни разу не привлекался къ суду, ибо законъ знаетъ только отвѣтственныхъ редакторовъ. Очевидно, и прокуроръ сталъ на ту же точку зрѣнiя и при вторичномъ разборѣ нашего дѣла отказался поддерживать обвиненiе противъ меня.

— Скажите вашему защитнику, чтобы онъ отказался отъ своей защитительной рѣчи,—шепнулъ мнѣ г. Проппѣръ.

— Какъ вамъ угодно!—отвѣтилъ защитникъ, когда я передалъ ему желанiе издателя:—но я долженъ васъ предупредить, что для суда необязательно заявленiе прокурора, и судъ и послѣ отказа прокурора отъ обвиненiя можетъ вынести обвинительный приговоръ.

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ, исполните вашъ долгъ...—сказалъ я.

Присяжный повѣренный Раппопортъ, котораго я не могъ, разумѣется, ограничивать въ способахъ защиты, построилъ послѣднюю на томъ, что по 129 ст., карающей бунтарей, не можетъ быть судимъ такой мирный человѣкъ, какъ С. М. Проппѣръ. Доказывая далѣе, что помѣщенiе въ хроникѣ замѣтки о почтово-телеграфной забастовкѣ не можетъ быть приравнено къ потрясенiю основъ государства, защитникъ заявилъ:

— Ни съ какой стороны патронъ моего подзащитнаго, издатель-редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», не похожъ, право, на потрясателя основъ и революцiонера. Онъ издаетъ много лѣтъ не отличавшуюся никогда революцiоннымъ направленiемъ газету. Взгляните на него, и вы, г.г. судьи, убѣдитесь, что это совершенно мирный буржуа, а отнюдь не революцiонеръ...

Въ дальнѣйшей части своей рѣчи защитникъ доказывалъ, что, разъ не виноватъ отвѣтственный редакторъ, то еще менѣе основанія обвинить его помощника, не носившаго по газетѣ никакой юридической отвѣтственности.

Я былъ оправданъ, а редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» приговоренъ къ заключенію на годъ. Впослѣдствіи сенатъ отмѣнилъ этотъ обвинительный приговоръ.

С. М. Пропперу злополучный процессъ помѣшалъ попасть въ выборщики и баллотироваться въ депутаты отъ Петербурга въ государственную думу...

Въ концѣ 1905 года издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» вступилъ въ переговоры съ кадетами о передачѣ имъ своихъ изданій. Ближайшимъ поводомъ для этого союза послужило слѣдующее обстоятельство.

Сотрудниками газеты выработана была въ концѣ 1905 года цѣлая редакціонная конституція, въ силу которой, вслѣдствіе измѣнившихся условій русской жизни, образуется редакціонный совѣтъ, зорко слѣдящій за направленіемъ газеты и ограничивающій права и прерогативы редактора-издателя. Отказъ сотрудниковъ и приглашеніе новыхъ зависятъ отъ редакціоннаго совѣта и т. д.

Конституція была предъявлена г. Пропперу, при участіи коего приступлено было къ ея обсужденію. Тѣмъ временемъ издатель, при посредничествѣ одного изъ сотрудниковъ, вступилъ въ переговоры съ кадетами о передачѣ имъ газеты. Обсужденіе редакціонной конституціи кончилось тѣмъ, что издатель заявилъ однажды сотрудникамъ:

— Вы признали, господа, необходимымъ ограничить мои редакторскія прерогативы, считая меня недостаточно подготовленнымъ для веденія газеты при новыхъ условіяхъ русской жизни. Отлично!.. Я рѣшилъ послѣдовать вашему совѣту. Я отказываюсь совсѣмъ отъ своихъ редакторскихъ правъ, но не въ вашу пользу, а въ пользу тѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми я вошелъ нынѣ въ соглашеніе. Газета становится органомъ кадетской партіи...

Въ результатѣ—почти весь редакціонный составъ перемѣнился.

«Биржевыя Вѣдомости» были переименованы въ «Свободный Народъ», первый номеръ котораго вышелъ 1-го декабря 1905 года. Всѣ изданія С. М. Проппера перешли къ тріумвирату, состоявшему изъ П. Н. Милюкова, І. В. Гессена и М. И. Ганфмана. Въ силу договора С. М. Пропперъ самъ устранился отъ какого-либо вмѣшательства въ редакціонныя дѣла и отчасти въ издательскія. Былъ выработанъ бюджетъ, въ предѣлахъ котораго кадеты могли распоряжаться по своему усмотрѣнію.

За мною были сохранены прежнія обязанности, и я не безъ удовольствія вспоминаю о своихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ новыхъ распорядителей газеты.

«Свободный Народъ» просуществовалъ недолго, всего два дня. Въ первомъ номерѣ помѣщена была немало огорчившая издателя суровая критика дѣятельности премьера графа С. Ю. Витте.

Въ номерѣ второмъ «Свободнаго Народа» напечатанъ былъ манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ, и газета была прекращена.

Черезъ двѣ недѣли, вмѣсто «Свободнаго Народа», стала выходить «Народная Свобода», при томъ же составѣ сотрудниковъ. Черезъ нѣсколько дней, 20-го декабря, была напечатана статья П. Б. Струве о московскомъ вооруженномъ возстаніи, повлекшая за собою закрытіе и «Народной Свободы». Судъ впослѣдствіи оправдалъ редактора и автора инкриминированной статьи, снявъ арестъ съ конфискованнаго номера «Народной Свободы», но газета возобновлена не была.

По договору, кадеты имѣли право требовать возобновленія газеты подъ новымъ названіемъ, но г. Прэпперъ не склоненъ былъ продолжать союзъ съ кадетами, которымъ давно тяготился, тѣмъ болѣе, что его издательско-редакторское самолюбіе, какъ онъ жаловался не разъ, подвергалось уколамъ. Дошло до того, разсказывалъ онъ, что молодой человѣкъ, исполнявшій секретарскую обязанность, обратился къ нему однажды:

— Прикажите, пожалуйста, починить форточку въ секретарской.

— Объ этомъ заявите редакціонному сторожу!—рѣзко отвѣтилъ издатель.

Въ моихъ замѣткахъ, посвященныхъ «Биржевымъ Вѣдомостямъ», имѣются, безъ сомнѣнія, весьма важные пробѣлы. Я далъ лишь нѣкоторые камешки для картины-мозаики, составленіемъ которой займется кто-нибудь другой. Я, поэтому, воздерживаюсь здѣсь отъ какихъ-либо обобщеній и выводовъ изъ разсказанныхъ мною эпизодовъ. Одно несомнѣнно: «Биржевыя Вѣдомости» въ нѣкоторые трудные періоды русской жизни служили дѣлу прогресса. Своимъ успѣхомъ изданія С. М. Проппера обязаны его энергіи, предпріимчивости, чуткости и нѣсколькимъ поколѣніямъ писателей и журналистовъ, изъ коихъ иныхъ уже нѣтъ, а тѣ далече. Въ самое послѣднее время г. Пропперъ рѣшилъ воздать должное своимъ помощникамъ и сотрудникамъ, сдѣлавъ однихъ «сосьетерами», а другихъ—участниками въ прибыляхъ...

Если бы этотъ планъ издательскаго великодушія имѣлъ мѣсто двумя-тремя годами раньше, то покойный В. П. Далматовъ, отличавшійся большою язвительностью, не выступилъ бы, быть можетъ, на банкетѣ у своего давнишняго знакомаго С. М. Проппера со слѣдующимъ застольнымъ спичемъ:

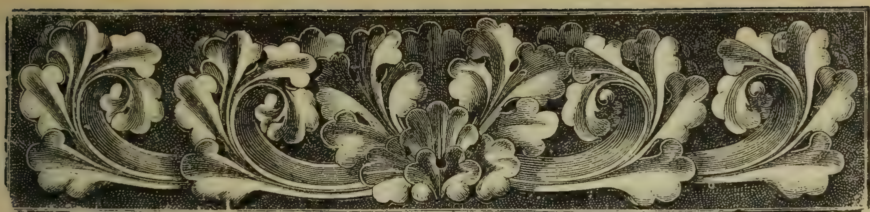
— Вся эта роскошь, господа, которую мы видимъ здѣсь вокругъ себя, всѣ эти серебряные сервизы, фарфоровыя вазы, художественныя люстры, позолоченная мебель, дорогія картины,—все это создано скудно оплачиваемымъ трудомъ тѣхъ маленькихъ людей, которые скромно сидятъ вотъ тамъ, въ сторонѣ, или отсутствуютъ, находясь либо въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ,-либо тамъ, гдѣ нѣтъ ни издателей, ни газетъ...

Надо отдать справедливость С. М. Проперу: онъ отнесся весьма незлобиво къ ораторской вольности своего гостя, чокнувшись съ нимъ... Добрыя отношенія между ними сохранились до самой кончины Далматова.

На столбцахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» приходилось за время ихъ существованія встрѣчать статьи писателей, направлявшихъ неоднократно свои перья противъ газеты и лично противъ издателя...

А. Кауфманъ.

ДВУНОГІЙ ЗВѢРЬ[1].

(Изъ человѣческихъ документовъ).

IX.

Медуница.

Есть сильные звѣри и есть слабыя животныя.
С. Юшкевичъ («Король»).

1.

НА и сама хорошо не помнитъ, какъ это могло произойти. Вспоминаетъ, вспоминаетъ, — нѣтъ, рѣшительно сгладились всѣ подробности первой встрѣчи.

Былъ, кажется, воскресный или праздничный день.

Въ конторѣ пусто.

Тихонъ подметалъ и, по обыкновенію, ворчалъ.

Елагина сидѣла у аппарата Витстона, передавая какую-то срочную телеграмму въ Сибирь, а она, Маня Густышъ, занималась у прибора Бодо, принимая депешу изъ Москвы.

Стукъ... стукъ-стукъ... стукъ... Больше ни одного звука.

Вдругъ хлопнула дверь. Зазвенѣли шпоры.

— Возьмите пожалуйста,— раздался чей-то пріятный, мягкій голосъ.

Маня невольно повернулась и встрѣтилась взглядомъ съ красивымъ, молодымъ брюнетомъ въ офицерской формѣ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 636.

Такъ какъ Груздевская вышла куда-то, она встала, взяла изъ его рукъ листъ почтовой бумаги, приклеила къ бланку и стала считать слова. При этомъ пальцы ея почему-то дрожали.

— Шестьдесятъ три копейки,—сказала она и подняла рѣсницы.

Офицеръ улыбался и покручивалъ усы.

Дальше Густышъ рѣшительно не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ произошло, что Казарухинъ (фамилія офицера(приблизился къ ней, когда она выходила изъ конторы, раскланялся и заговорилъ, какъ знакомый.

Видимо, онъ былъ увѣренъ, что его не оттолкнутъ и не назовутъ нахаломъ.

У нея осталось неизгладимое впечатлѣніе какой-то музыки словъ.

О чемъ-то беззаботно весело говорилось.

Фразы такъ и лились неудержимымъ, увлекающимъ потокомъ. Потомъ нѣсколько разъ ночью, лежа на кровати съ открытыми глазами, она старалась воспроизвести этотъ разговоръ, полный для нея загадочнаго обаянья, и была не въ силахъ.

Въ почтово-телеграфной конторѣ Густышъ на хорошемъ счету, какъ аккуратная работница.

Если такъ будетъ продолжаться и впредь, то скоро попадетъ въ помощницы завѣдующаго отдѣломъ, т. е. въ инструкторы. По крайней мѣрѣ, она такъ мечтаетъ.

Это кстати, такъ какъ у нея на плечахъ—старушка-мать и сестра, а средствъ почти никакихъ.

Маня знаетъ себѣ цѣну. Она можетъ нравиться.

Сколько разъ подъѣзжалъ къ ней начальникъ, засматриваясь масляными зрачками, и отсталъ.

Грубый и насмѣшливый, онъ былъ побѣжденъ ея непреклонной гордостью и чистотой.

У него и языкъ даже не поворачивался говорить съ ней такъ же, какъ съ другими ея товарками:

— Ну, вы, Елагина, не глазѣть по сторонамъ! Тутъ вамъ не кофейня.

Или:

— Груздевская, что вамъ вздумалось притащиться намазанной? Развѣ отсюда прямо на Невскій?

Никто не смѣлъ возражать, иначе можно было вылетѣть съ мѣста въ двадцать четыре часа.

Въ хорошія минуты, наоборотъ, онъ приставалъ къ нимъ совсѣмъ по-иному.

— Танечка, сегодня вечеркомъ у меня непреодолимое желанье выпить съ вами чашку чаю,—шепнетъ Елагиной и выскалитъ рѣдкіе, желтые зубы:—тащите и Груздевскую съ собой. Пряниками угощу, ей-Богу.

О Манѣ выражался осторожно, не безъ затаенной досады:

— Вертихвостка, а ходитъ павой... и не приступиться къ ней... Недотрога, подумаешь... А пріятно бы узнать, кто съ ней живетъ... Чертовка! Не проведешь меня! Навѣрно, имѣется уважатель, только не изъ нашихъ почтовыхъ.

Смотритъ на нее и втихомолку посмѣивается.

Густышъ чувствуетъ это, но и не обернется—«нуль вниманья», какъ говоритъ Власовъ (начальникъ).

Маню всегда влекло къ блестящему, красивому, нарядному.

И вотъ Казарухинъ, великолѣпный, избалованный гвардейскій конно-артиллеристъ, сразу овладѣлъ ея мыслями.

Какимъ послѣ него смѣшнымъ и жалкимъ казался Власовъ со своими грубыми приставаньями: всегда грязный, неуклюжій, пахнущій табакомъ...

Она не понимаетъ ни Елагиной, ни Груздевской, хотя и дружитъ съ ними.

«Я тоже бѣдная, какъ и онѣ, а вѣдь не позволила же этому водолазу... бр... какая гадость! Надо не имѣть никакого достоинства... значитъ—ставить себя ни въ грошъ».

2.

Въ конторѣ Власова мало порядка. Чиновники, остающіеся на ночное дежурство, особенно, конечно, барышни, проклинаютъ судьбу: на диванъ невозможно прилечь—клоповникъ какой-то.

Пыль, нечистота...

Самъ начальникъ на это не обращаетъ вниманья, больше привязывается къ публикѣ: то не такъ, да это не по правиламъ.

Иногда происходятъ стычки. Ему-таки изрядно подчасъ попадаетъ, если налетитъ на какого-нибудь горячаго.

Послѣ подобныхъ сценъ Власовъ долго дуется на всѣхъ служащихъ, точно это они его подвели подъ непріятность.

Густышъ старается не замѣчать придирокъ, сдерживаетъ всякую вспышку.

Иногда закипаетъ въ груди слѣпая злоба; Маня чувствуетъ, что порой такъ бы и швырнула ему въ лицо чѣмъ попало, но она и пикнуть не смѣетъ, знаетъ, какъ «тяжело дѣвушкѣ честнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ».

Сумеречныя прогулки въ ожиданіи случайныхъ встрѣчъ... Профили улицъ съ мелькающими женскими силуэтами... Этотъ кошмаръ города пугаетъ ее и заставляетъ обдумывать каждый шагъ.

Она и сама видитъ, что бываетъ порою слишкомъ благоразумна и предусмотрительна, такъ что, можетъ быть, отдаляетъ собственное счастье, но что же дѣлать, если она—«трусиха»!

Неожиданное появленье офицера внесло новое въ ея кругозоръ.

«Довольно мѣщанства!—сказала она самой себѣ:—попробую быть такою, какова я есть...»

Въ ней проснулись увѣренность въ себѣ и жажда личной жизни, въ которой она до сихъ поръ отказывала себѣ.

Черезъ недѣлю ее трудно было узнать,—такъ она перемѣнилась.

— Наша-то медуница!—говорила Елагина и подмигивала.

Всѣ замѣчали; но Густышъ ни съ кѣмъ не была откровенной. Свою тайну она ревниво берегла и на разспросы отвѣчала пожатіемъ плечъ.

Власовъ молча, съ усмѣшкой наблюдалъ и кусалъ ногти; но не къ чему было подкопаться.

Его просто злило, что она приходитъ нарядной, что отъ нея пахнетъ какими-то духами, что она кому-то принадлежитъ чужому, а не ему, ея начальнику, отъ котораго зависитъ до извѣстной степени ея участь.

3.

Солнце зашло, и низкія тучи, залитыя краснымъ отсвѣтомъ, казались дымящимся Везувіемъ.

Маня гуляла съ Казарухинымъ по песчаному пляжу, слушая шопотъ моря.

Какъ далеки отъ нея были всѣ эти «Клопферы», «Витстоны», «Юзы»!..

Имѣя полтора дня свободы, она, послѣ нѣкоторой борьбы съ собою, приняла приглашенье офицера—поѣхать въ загородный дачный уголокъ.

Двѣ недѣли они знакомы, и все ограничивалось встрѣчами на улицахъ и проводами домой или на службу.

Онъ, наконецъ, не на шутку разсердился.

— Марья Харитонна, похоже на то, что вы меня считаете способнымъ кусаться. Зову обѣдать—не хотите, въ театръ—заняты... Клянусь, я—безобидный! Вѣдь это только въ Конго туземцы занимаются людоѣдствомъ... Я на ихъ взглядъ—чистѣйшій вегетаріанецъ. Вы улыбаетесь?.. Итакъ?..

Она посмѣялась и поспѣшила согласиться, чтобы самой себѣ отрѣзать возможность отступленья (давно отмѣченный признакъ трусости!).

Въ его обществѣ день проходилъ незамѣтно.

Офицеръ былъ поверхностно-начитанъ, утонченно-вѣжливъ, увлекателенъ въ разговорѣ, нѣжно-ласковъ, немного насмѣшливъ и, главное, умѣлъ дѣйствовать на сердца неопытныхъ дѣвушекъ и женщинъ.

Опытныя не доставляли ему удовольствія; онъ любилъ «сырой матеріалъ». Литературный типъ донъ-Жуана былъ особенно близокъ

его душѣ. Вѣроятно, онъ представлялъ себя однимъ изъ преемниковъ завѣтовъ великаго севильскаго обольстителя.

Неудивительно, поэтому, что онъ зачастую говорилъ о немъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Расхаживая по пляжу, а затѣмъ присѣвъ къ столику, онъ и теперь касался близкой ему темы, и Маня слушала съ напряженнымъ вниманьемъ эти бойкія разсужденья, къ которымъ не привыкла еще.

— Марья Харитонна... ваше имя—длинное и строгое. Позвольте, когда мы вдвоемъ, называть васъ—миссъ Мэри... Вы не сердитесь? Такъ вотъ, миссъ Мэри, донъ-Жуанъ это—крупный человѣкъ, а вовсе не какой-нибудь вертопрахъ, какъ выразились вы. Поэтъ Бальмонтъ правъ, причисляя его къ «вѣчнымъ жидамъ любви» [1]). Желая небеснаго, онъ всегда достигалъ лишь земного и потому всегда хотѣлъ новой красоты и новой любви. Это объясненіе жизненнѣй и куда правильнѣй, чѣмъ философствованіе Бердяева, что «донжуанство—потеря личности въ любви, сила любви безъ смысла любви».

— Однако, Платонъ Ѳедорычъ, какъ вы досконально изучили все, что касается донъ-Жуана! Это подозрительно,—перебила Маня, смотря на него большими, зелеными глазами, недовѣрчивыми и вмѣстѣ восторженными.

Онъ выдержалъ ея взглядъ и, не отвѣчая, мечтательно продекламировалъ, подражая манерѣ французскихъ артистовъ:

«Elle avait une voix étrange,
Musical de fée ou d'ange,
Des yeux verts sous leur noir frange...» [2])

Она вспыхнула, растерялась.

«Что это? признанье?..»

— Не заговаривайте зубовъ... Мой голосъ, мои глаза не относятся къ нашему разговору. Мы говорили, вѣдь, о донъ-Жуанѣ и только.

— Какъ поклонникъ его, я не могъ, конечно, промолчать, не воздавъ должнаго вашему чудному голосу и вашимъ дивнымъ зеленымъ глазамъ. Мэри, дорогая, неужели вы не понимаете, что я мучусь съ первой нашей встрѣчи?

Она боязливо осмотрѣлась по сторонамъ, и онъ, точно обрадованный этимъ, прикоснулся къ ея рукѣ.

— Прелесть моя, я велю все это перенести туда, въ кабинетъ?—тихо спросилъ онъ, показывая головой куда-то неопредѣленно вверхъ:—сами видите, здѣсь нельзя по душѣ поговорить. Каждый

---

[1]) «Типъ донъ-Жуана въ міровой литературѣ». («Міръ Искусства» 1903).
[2]) Charles Graux.

старается подслушать. Или васъ музыка интересуетъ? Она къ намъ и туда долетитъ, не безпокойтесь.

Густышъ не успѣла его остановить, какъ онъ уже всталъ, звеня шпорами, и сказалъ что-то лакею; она машинально послѣдовала за нимъ. Кругомъ безцеремонно глазѣли, и ей было неловко; пришлось ускорить шаги.

4.

Маня въ отдѣльномъ кабинетѣ въ первый разъ въ жизни.

Ее страшно волнуетъ это и занимаетъ.

Но, видя ея смущеніе, Казарухинъ старается вначалѣ показать, что ничего не замѣчаетъ и умышленно говоритъ о постороннихъ вещахъ, чтобы дать ей возможность овладѣть собой, оправиться.

«Совсѣмъ еще глупенькая», думаетъ онъ и нервно потираетъ руки.

Окно открыто; видна морская даль; видно небо, которое мѣстами очистилось отъ тучъ. Доносятся звуки бравурной музыки румынъ. Вѣетъ тепломъ.

— Скушайте кусочекъ... Право, очень вкусно!.. И виномъ запейте. Вино настоящее.

Голосъ офицера мягкій, съ нѣжными оттѣнками.

Ей пріятно, что Платонъ Ѳедоровичъ такъ внимателенъ, и мало-по-малу она снова становится прежней «миссъ Мэри», то съ вызовомъ, то нерѣшительно поглядываетъ на офицера и подаетъ болѣе смѣлыя реплики.

— Значитъ вы—не донъ-Жуанъ?—вырывается у нея, когда шампанское немного разрумянило ей щеки:—я начинала побаиваться.

Казарухинъ разсмѣялся и подсѣлъ къ Манѣ совсѣмъ близко, плечомъ къ плечу, забавляясь, съ какой сосредоточенностью разсматриваетъ она висящую на стѣнѣ гравюру.

— Дался вамъ донъ-Жуанъ!—протянулъ онъ, размышляя совсѣмъ о другомъ:—если вамъ онъ не нравится, тогда, конечно, я—не онъ... Но все-таки скажу въ защиту, что въ немъ ничего нѣтъ дурного. Развѣ дурно—бѣжать отъ пресыщенія страсти, чтобы сохранить свѣжесть чувства, какъ это дѣлаетъ донъ-Жуанъ въ поэмѣ Ленау? Великолѣпенъ донъ-Жуанъ, какъ дерзкій покоритель сердецъ, у Тирсо-де-Молины, но, по-моему, отвратителенъ у Меримэ, когда онъ умираетъ въ «благоуханіи святости».

Онъ вдругъ засмѣялся почти надъ самымъ ухомъ Мани, такъ что она вздрогнула и встрѣтилась съ его веселыми, откровенными глазами.

— Чего вы заливаетесь?—спросила она, прикусивъ губу, чтобы не улыбнуться, стараясь оставаться серьезной, хотя было весело.

— А развѣ вамъ не кажется смѣшнымъ, что мы столько времени, милая Мэри, ходимъ вокругъ да около и говоримъ совсѣмъ не о

томъ, о чемъ думаемъ? При чемъ тутъ Ленау, при чемъ донъ-Жуанъ и все прочее? Самое важное то, что я...—онъ сталъ растягивать слова и понижать голосъ до шопота:—люблю мою чудную, зеленоглазую Мэри...

Казарухинъ осторожно коснулся ея таліи и приблизилъ пылающія губы къ ея похолодѣвшей щекѣ, но не цѣловалъ, а только смущалъ ее горячимъ дыханіемъ.

Каждый шагъ онъ дѣлалъ съ большой выдержкой, такъ какъ искренно боялся попасть въ неловкое положеніе. Этого онъ ни за что не простилъ бы себѣ.

Густышъ держалась такъ, что онъ до послѣдней минуты не зналъ, можетъ онъ или не можетъ позволить съ ней нѣкоторую вольность.

Онъ пріостановился и ожидалъ.

— Объясненіе донъ-Жуана?—вырвалось у нея:—какого только—грѣховнаго или святого?...

Казарухинъ сжалъ ее за талію.

— О, мое милое, ѣдкое созданье!.. И того, и другого вмѣстѣ... Вотъ же тебѣ, вотъ за недовѣріе, за сомнѣнье... Прелесть моя!—и онъ покрылъ ея лицо жгучими поцѣлуями.

Слишкомъ бурное проявленіе страсти уже не пугало Маню.

Какая-то незнакомая волна далеко унесла всѣ мысли, всѣ умные доводы, всю теорію прожитой въ строгости двадцатитрехлѣтней жизни.

Налетѣвшій шквалъ разрушилъ и разломалъ всѣ предразсудки.

— Говори еще, говори и цѣлуй!—отвѣчала она на его ласки.

И Казарухинъ сіялъ восторгомъ и говорилъ безконечно много, увлекаясь собственнымъ краснобайствомъ.

Онъ говорилъ больше парадоксами и не давалъ своей собесѣдницѣ времени уловить слабую сторону красиво построенныхъ фразъ.

— Люблю и не знаю до сихъ поръ, что такое—любовь, но знаю зато, что безъ наслажденія нѣтъ любви. Иногда случается одерживать маленькія побѣды, но, право же, затрудняюсь опредѣлить, что такое—побѣда, хотя убѣжденъ въ томъ, что безъ обладанія нѣтъ и побѣды. Читалъ у Карины Михаэлисъ, что тайна замужества—ужаснѣе гроба, и все-таки вотъ сейчасъ готовъ стать на колѣни и назвать мою зеленоокую фею своей невѣстой... Во всемъ, во всемъ контрасты, золотая моя Мэри!..

Незамѣтно летѣло время...

Они задумчиво стояли, обнявшись, у открытаго окна и смотрѣли на луну, выглянувшую вдругъ изъ-за облаковъ. Море ожило.

Съ нижней веранды доносилась какая-то вакхическая музыка. Страстно визжала панова дудка, рыдали скрипки, звенѣли кимвалы...

Чудилось, что гдѣ-то вдали проходитъ пережившая вѣка дикая ватага сатировъ, силеновъ и менадъ съ изступленными криками:

«эвой!» въ звѣриныхъ шкурахъ, съ тирсомъ, разукрашеннымъ зеленью плюща, съ остатками растерзаннаго быка и среди нихъ вѣчно-юный богъ, ищущій покинутую Аріадну...

Оборвалась музыка, и нѣтъ иллюзіи...

5.

Мчались трудовые дни вперемежку съ беззаботно-веселыми, когда душа Мани какъ бы погружалась въ легкій, пріятный сонъ, отдаляющій мелочи и тоску жизни.

Но въ конторѣ за упорной работой спадала съ глазъ розовая, сказочная пелена, какое-то смутное предчувствіе поднималось въ груди и почему-то хотѣлось плакать.

На службѣ Густышъ оставалась прежней неизмѣнно-аккуратной, но внѣ этого круга все шло по-иному. Каждый шагъ приносилъ новую фальшь и не было смѣлости выбраться изъ нея. Ложь затягивала, какъ тина, связывая по рукамъ и по ногамъ.

Матери она говорила, что выходитъ замужъ, но женихъ упорно не показывался, и она объясняла это его временной отлучкой.

Казарухинъ чаще началъ опаздывать на свиданія, иногда совсѣмъ не пріѣзжалъ. Взоръ его и слова становились болѣе разсѣянными, характеръ—болѣе раздражительнымъ.

— Что съ тобой, мой соколъ?—спрашивала Маня какъ бы въ шутку, но сверлила его, словно буравчикомъ, испытующимъ, тревожнымъ и все еще влюбленнымъ взглядомъ.

— Да ничего себѣ... Милліонъ дѣлъ, тысяча заботъ плюсъ отвратительное настроеніе духа, сообразно осенней погодѣ. У насъ, у мужчинъ, все въ-открытую, какъ на ладони, а вотъ у васъ, у женщинъ, ничего не узнаешь и съ микроскопомъ. Я вѣрю старичку Мавру Іокаю, что никто не вѣдаетъ, какая-такая штучка кроется на днѣ женскаго сердца,—при этомъ онъ такъ посмотрѣлъ на Маню, точно дѣйствительно подозрѣвалъ ее въ чемъ-то неблаговидномъ.

Тонкая паутина «любви» какъ будто понемногу разрывалась.

Густышъ терялась въ догадкахъ. Не хватало мужества задать прямой вопросъ и... отступить. Боялась такого же прямого отвѣта и хваталась за призрачное счастье, какъ за соломинку.

Хуже всего, что сложилось въ мозгу убѣжденіе въ собственной глупости.

«Развѣ не тупоуміе,—размышляла она, облокотившись на спинку стула, въ часы дежурства, когда и работы не было, и нельзя было отлучиться:—не дурь—повѣрить, что гвардеецъ можетъ полюбить несчастную, бѣдную, никому неизвѣстную телеграфистку? Хотя, почемъ знать, не мнительность ли моя виной!.. вѣдь, пока нѣтъ ничего плохого»...

Маню мучило еще одно: у нея имѣлись маленькія сбереженія «на черный день».

Теперь отъ нихъ остались лишь слабыя воспоминанія; все было потрачено за эти три мѣсяца знакомства съ блестящимъ офицеромъ.

Нашло странное затменіе: всѣ деньги поглотили наряды.

Явилась безумная мечта: не быть хуже другихъ, чтобъ офицеръ не стыдился показаться съ ней въ обществѣ тѣхъ дамъ, къ которымъ онъ привыкъ.

Власовъ ехидно посмѣивался.

— Никакъ, госпожа Густышъ-Недотрогина, пригорюнились? Что-то съ личика спали?.. Эхъ, вы!

Маня не отвѣчала.

Елагина и Груздевская жалѣли подругу, какъ добраго, отзывчиваго товарища.

А помощникъ завѣдывающаго, Гребенкинъ, румяный, мечтательный провинціалъ, втайнѣ вздыхающій по комъ-то, часто повторялъ затверженный стихъ Тютчева и смотрѣлъ въ сторону Мани:

«И кто въ избыткѣ ощущеній,
Когда кипитъ и стынетъ кровь,
Не вѣдалъ вашихъ искушеній,
Самоубійство и любовь!»

Послѣднюю строчку онъ произносилъ съ особеннымъ удареніемъ и закатывалъ водянистые глаза (разумѣется, если отсутствовалъ начальникъ).

6.

Въ ясный октябрьскій день, когда явился неожиданный поворотъ къ теплу, Маня, сидя въ конторѣ, думала о томъ, что хорошо было бы завтра съѣздить на «острова».

— Вамъ заказное, госпожа Густышъ-Недотрогина,—какъ всегда, подсмѣивался Власовъ и протягивалъ ей знакомый синій конвертъ съ гербомъ, оскаливая рѣдкіе зубы.

Она покраснѣла, хотѣла кинуться, вырвать письмо, прижать къ губамъ, но выдержка взяла свое. Медленно подошла, нехотя точно разрѣзала конвертъ и вынула продушенный листъ толстой бумаги, чувствуя, что всѣ служащіе слѣдятъ за каждымъ ея движеніемъ; но уже первыя строки захватили ее настолько сильно, что она не помнила, какъ дочитала, какъ имѣла силы подойти къ начальнику и ледянымъ голосомъ попросить отпуска до завтра по крайне важному дѣлу.

Слишкомъ была она блѣдна и серьезна, будто окаменѣла, и Власовъ, вопреки обыкновенію, воздержался отъ какихъ-либо шуточекъ, отпустилъ и даже пытался успокоить ее:

— Да вы того... не волнуйтесь, не стоитъ!.. Что тамъ!..

Вышла изъ конторы, кое-какъ второпяхъ надѣвая пальто, и еще разъ на улицѣ перечитала письмо Казарухина:

«Сегодня—дорогая Мэри, завтра—многоуважаемая Марія Харитоновна.

«Мнѣ тяжело писать это вынужденное объясненіе, но я, признаться, надѣялся, что ты сама поймешь суть вещей... Однако вижу, надо выяснить положеніе. Мои слова, сказанныя въ такую минуту, когда возможны нѣкоторыя преувеличенія («я готовъ назвать тебя невѣстой»), приняты были тобою за чистую монету. «День стираетъ данныя ночью слова»—афоризмъ изъ *1001-й ночи*, несмотря на всю его мудрость, не повліялъ на тебѣ. Прошло много дней послѣ той ночи на берегу моря, а ты продолжаешь держать меня надъ гипнозомъ неосторожной фразы. Право, я заслуживаю прощенья! Къ тому же бываютъ обстоятельства, противъ которыхъ нѣтъ борьбы. Короче: я долженъ жениться. Не сердись на меня. Я крѣпко любилъ тебѣ лѣтомъ, но «прощай вино въ началѣ мая, а въ октябрѣ прощай любовь!» Тутъ ужъ нечего не подѣлаешь, разъ вмѣшался въ нашу судьбу Беранже. Цѣлую тебя. Если можешь, прости. Прежній твой Платонъ».

Много было думъ, одна нелѣпѣе другой; подкараулить его невѣсту и все ей выложить, глаза ей выжечь, застрѣлить обманщика, въ судъ подать, но онѣ растаяли, какъ дымъ, и вдругъ выплыла новая... и простая, и страшная.

Вспомнился куплетъ Тютчева, который такъ любилъ громко повторять инструкторъ Гребенкинъ, и въ особенности заключительный стихъ:

«Самоубійство и любовь!..»

Онъ заслонилъ всю прожитую жизнь, всѣ будущія надежды, заботы о любимой семьѣ, жалость къ самой себѣ...

И съ этой минуты она уже знала, что дѣлать... безповоротно! Съ того времени, когда Маня раздобыла и выпила растворъ сулемы и затѣмъ была перевезена въ казенную больницу, не прошло и сутокъ, но ей казалось, что тянутся долгіе годы.

Иногда она забывалась тяжелымъ сномъ, и ей представлялось тогда, что ее живую замуравили въ каменную стѣну безъ свѣта и воздуха.

Пріѣзжалъ Казарухинъ послѣ настойчивыхъ просьбъ Елагиной и отлично разыгралъ роль огорченнаго, а, можетъ, страдальческій видъ умирающей подѣйствовалъ на его нервы.

Въ душѣ Мани не было злобы противъ него, и на лицѣ покойницы запечатлѣлась улыбка...

Въ день похоронъ контора работала.

Румяный инструкторъ съ трагическимъ оттѣнкомъ въ голосѣ шепталъ, пользуясь отсутствіемъ Власова, тютчевскіе стихи и неоднократно повторялъ, отбивая тактъ:

«Самоубійство и любовь!..»

Груздевская не выдержала.

— Зачѣмъ каркаете? Уже накаркали... Нѣтъ медуницы, а трутней сколько угодно,—живутъ... Я бы ихъ!..—но не договорила и задумалась, впрочемъ, ненадолго.

Стукъ-стукъ-стукъ... стукъ... стукъ... Аппаратъ Клопфера особенно усиленно дѣйствовалъ.

По проволокѣ, стягивающей улицы, города и страны, съ одинаковой поспѣшностью передавались скорби и радости.

Равнодушная барышня безъ малѣйшаго волненія изъ черточекъ и точекъ составляла слова и фразы, писанныя подчасъ кровью сердца, и телеграфистъ беззаботно разносилъ ихъ изъ дома въ домъ.

Колесо жизни вертѣлось.

X.

Страница незамѣтной жизни.

1.

Когда гости разошлись, оставался еще Спиридоненко,—молодой естественникъ, склонный вообще къ нѣкоторымъ увлеченіямъ.

Хозяева, Линда и его жена, устали (было уже довольно поздно—третій часъ ночи); но онъ точно и не замѣчалъ этого, подливалъ себѣ остатки мадеры, пива, ликеровъ и говорилъ, говорилъ безъ конца.

Въ широкое окно глядѣло яркое, звѣздное небо и двурогая луна.

Столъ, за которымъ только что ужинали, опустѣлъ и представлялъ жалкую картину. Скатерть, еще недавно такая бѣлоснѣжная, въ нѣсколькихъ мѣстахъ была покрыта жирными пятнами и залита краснымъ виномъ.

Спиридоненко вытащилъ изъ бокового кармана скомканный номеръ вечерней газеты и хлопнулъ по ней рукой.

— Я вамъ оставлю, прочтите на сонъ грядущій,—сказалъ онъ слегка хриповатымъ, сдавленнымъ голосомъ:—дѣйствительно замѣчательно!.. Ха-ха-ха... Ну, да и штука, чтобъ ее!..

Хохоталъ онъ до упаду и становился пунцовымъ.

Глядѣть на этотъ смѣхъ и сдерживать улыбку было очень трудно.

— Не помню, гдѣ ужъ тамъ... какъ бишь это?.. да, кажись, не у Флобера ли?... Ну, разумѣется, у него написано насчетъ прогресса, что вся суть въ томъ только, чтобы стать менѣе жестокосерднымъ... гм... какъ бы не такъ! дождешься этакого прогресса!...

Врачъ-эмбріологъ, Дювернуа... слыхали, небось, а? Нѣ-ѣтъ?!. да ну?.. Анри-Луи Дювернуа... знаменитость!.. Ну-съ, такъ вотъ онъ увѣряетъ, будто эволюція мозго-мѣшечныхъ уродовъ идетъ впередъ поразительно-быстрымъ шагомъ и новый повелитель вселенной это—не больше, не меньше, какъ безголовый, безформенный полуслизнякъ, удивительно-зоркій и необычайно-чуткій, съ громаднымъ запасомъ мозга (вѣрите ли, чуть не семь восьмыхъ объема всего тѣла!), безпредѣльно-злой и жадный, какъ плѣсневый грибъ. Вотъ-съ вамъ и прогрессъ по Флоберу, чтобъ его!.. Новый царь природы!.. Ха-ха-ха... дожили! Пожалуй, лучше умереть, пока не поздно. Хотя я и не особеннаго мнѣнія о современномъ человѣкѣ, но все же чортъ съ ними, съ предстоящими геніальными уродцами. Какъ-то за себя обидно, Константинъ Иванычъ.

Линда переглянулся съ женой, Софьей Петровной, точно въ ту минуту они оба вспомнили объ одномъ и томъ же.

— Что тамъ заглядывать впередъ, пророчествовать!—замѣтилъ онъ, вставая изъ-за стола и потягиваясь:—наше время тоже не безъ уродовъ... да еще какихъ!.. Прошлымъ лѣтомъ подъ Конотопомъ натолкнулся мой братъ на диковинное зрѣлище (диковинное, конечно, для него, а въ сущности—почти заурядное)... Лугъ... сочная, высокая трава... синее небо и среди этой цвѣтущей великолѣпной природы—жалкая, изувѣченная лошадь, ожидающая смерти, какъ милости. Живодеры, видите ли, стащили съ нея шкуру и даже не нашли нужнымъ убить... И стоитъ она день, другой, всю ее сводитъ отъ мелкой дрожи, отъ невыносимой муки... глаза—черные, горящіе, полные ужаса... Ни ѣсть, ни ходить, ни лежать... Ахъ, какое звѣрство, милый мой Спиридоненко! И это, вѣдь, практикуется вездѣ, не въ одномъ захолустьѣ, даже въ Одессѣ, напримѣръ, на Жеваховой горѣ... Эхъ, все только ради наживы!.. Шкура, видите ли, отъ этого лучше... Мерзавцы!...

Софья Петровна громко вздохнула и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Линда постучалъ пальцами по тарелкѣ, потомъ опять заговорилъ послѣ минутнаго молчанія:

— А вотъ хотя бы мои достопочтенные сосѣди,—увѣряю васъ, поразительный подборъ: самъ, жена и ребятишки. По внѣшнему виду, какъ будто бы и люди, стало-быть, не для вашего Дювернуа, но по внутренней складкѣ—ой-ой-ой!..

Протяжно свистнулъ, покачалъ головой, затѣмъ заговорилъ о чемъ-то постороннемъ, желая перемѣнить разговоръ.

Спиридоненко собрался-таки уходить.

Его провожалъ Линда, чтобъ освѣжиться передъ сномъ.

Тихія голубыя тѣни лежали на ровномъ снѣжномъ пологѣ.

Вѣтки деревьевъ были покрыты пушистымъ инеемъ, словно кружевомъ. Изрядно морозило,и снѣгъ поскрипывалъ подъ ногами, упругій и чистый, выпавшій всего наканунѣ.

Вдали свѣтились фонари, гдѣ начиналась людная часть города, а здѣсь, возлѣ нѣсколькихъ двухъ-и трехъэтажныхъ домиковъ, гдѣ, между прочимъ, жилъ Линда, было совсѣмъ по-иному: не горѣли фонари, не было ни дворниковъ, ни городовыхъ, да и прохожихъ не замѣчалось...

Линда любилъ природу, предпочитая жить поближе къ ея первобытнымъ красотамъ и, по возможности, дальше отъ городской толчеи съ ея пятыми этажами, скученностью, неугомоннымъ трамвайнымъ звономъ и нестерпимымъ стукомъ телѣгъ. Тамъ, среди высокихъ зданій безъ свѣта и воздуха, въ удушливомъ чаду тусклыхъ дней онъ терялъ теплую вѣру въ лучшее будущее и чувствовалъ, что можетъ возненавидѣть жизнь.

Прощаясь, Спиридоненко оглядываль широкую пустынную поляну безпокойными, влажными глазами.

Константинъ Ивановичъ тотчасъ же усмѣхнулся, едва услышалъ вопросъ гостя:

— А у васъ тутъ, на милой окраинѣ, не пошаливаютъ?..

— Что вы хотите сказать?—вырвалось у Линды съ искреннимъ изумленіемъ, и улыбка все еще играла у него на губахъ.

— Я насчетъ послѣдней людской разновидности — хулиганства, чтобъ его!.. Всѣ эти разные тамъ московскіе «жулики», петербургскіе «мазурики», харьковскіе «раклы», варшавскіе «лобузы» и прочіе (чтобъ ихъ!) какъ-то незамѣтно слились въ общее родовое понятіе «хулигановъ», присосались къ обществу, какъ чужеяды, и положительно угрожаютъ намъ среди всѣхъ слоевъ...

— Ахъ, батенька!—перебилъ его Линда и вдругъ нахмурился:—плюньте!.. Не они вовсе... Мы сами во всемъ виноваты... Все отъ нашей собственной распущенности. Идите себѣ съ Богомъ, вамъ никто здѣсь не угрожаетъ... Угроза вотъ въ этихъ господахъ...—и онъ указалъ пальцемъ на нижній этажъ дома, гдѣ жилъ его сосѣдъ Русъ:—этихъ бойтесь... опасные...

— Ну, отъ этихъ мы-то авось убережемся!.. Ха-ха-ха... Однако спокойной ночи, дружище,—спокойной! Закормили меня и опоили, а теперь запугиваете, чтобъ васъ!..

Спиридоненко залился обычнымъ богатырскимъ смѣхомъ и быстро зашагалъ. Его плотная фигура скоро превратилась въ неясный, колеблющійся силуэтъ и растаяла у поворота къ мосту.

Линда постоялъ немного, сопутствуя пріятелю задумчивымъ взглядомъ, повернулся и вошелъ во дворъ.

Окна нижняго этажа сразу вдругъ освѣтились. Зажигались одна за другой электрическія лампы, и видно было, какъ изъ комнаты въ комнату перебѣгала, размахивая руками, длинная, несуразная тѣнь Руса.

И Линда, и его жена долго не могли уснуть.

Внизу раздавались крикливые голоса, стукъ падающихъ предметовъ, плачъ и шумная бѣготня, точно тамъ отражалось чье-то

дикое нашествіе, но все покрывалъ скрипучій, истеричный тенорокъ Руса, тянувшій рѣзкую ноту. Остатокъ ночи прошелъ безпокойно. Невольно въ груди просыпалась тревога. Чувствовалась нелѣпая власть какого-то грубаго насилія, и это разстраивало нервы Софьѣ Петровнѣ, женщинѣ мягкой и впечатлительной.

Утромъ Катюша, служившая у нея одной прислугой, захлебываясь, сообщала подробности разыгравшихся ночныхъ событій.

— Нижній жилецъ выгналъ Полю и всю худобу за дверь выкинулъ на морозъ... Озорникъ! Извѣстно, у нихъ никто не живетъ (и кормятъ тухлятиной, и ругаются черными словами), но чтобы ночью, въ глухое время... да за эти дѣла и отвѣтить можно, ежели не побояться кому слѣдуетъ жалобу заявить... Вотъ бы, примѣрно, на меня наскочилъ...

Катюша такъ разсердилась, что отъ нея никакъ не удавалось добиться толковаго отвѣта.

— Нижній хотя и въ чиновникахъ,—дальше поясняла она:—а вродѣ какъ бы углового жильца,—занимается не господскими дѣлами, барышничаетъ, лошадокъ продаетъ, скупаетъ, плутуетъ... ну, и на бѣгахъ тоже орудуетъ съ полупочтенными... Не повезетъ, и глядитъ тогда чортъ-чортомъ. Вотъ и жена у нихъ—изъ садовыхъ танцорокъ, а тоже носъ задираетъ... особливо передъ нашей сестрой, прислугой...

— Да вы все о пустякахъ!—обрываетъ ее съ досадой Софья Петровна:—что же вышло съ Полей? Право, ничего у васъ не разберешь... болтовня какая-то.

— А то вышло, барыня, что придрались они къ ней, почему деньги украла, а никакихъ денегъ-то и не было вовсе. Подкинули ей тишкомъ да тайкомъ тряпочки разныя и говорятъ: уворовала... Все, чтобы жалованья не платить, ироды! Завсегда такъ... Пріѣхалъ это нижній жилецъ съ бѣговъ, злющій-презлющій, впухъ и впрахъ проигравшій; танцорка шушукается съ нимъ... Слово за слово, поругались, по угламъ разсѣлись. Вотъ нижній-то сейчасъ за водочку; напившись въ самоту, вспомнилъ, что наговорила ябеда (водочка, значитъ, ударила ему въ башку), и пошелъ онъ къ Полѣ на кухню, браниться началъ по-мужицки; танцорка тоже выскочила; кутерьму подняли, чуть не до драки дошло. Поля—тихая, смирная и мухи не обидитъ. Кричатъ, а она хотя бы словечко... безсловесная! Тутъ дѣлить промежъ себя стали Полину худобу,—бурнусъ взяли, взамѣнъ, значитъ, украденныхъ ею денегъ, корзину, а узелъ съ тряпьемъ, что полегче, за дверь выкинули и три рубля за прожитое не отдали, вытолкали въ шею. Пошла это она къ дворнику ночлега просить, а Ѳедоръ—и руками, и ногами. «Мое дѣло—сторона»,—отнѣкивается. Боится, что Русъ осерчаетъ. У него всѣ мужики подкуплены, никто въ свидѣтели не идетъ. Звонится ко мнѣ.

Я тоже подневольная, не госпожа, спрашиваю: «А пачпортъ, милая, есть?»—«Нѣту, не отдали господа»... Плачетъ. И жалко мнѣ, и боязно (какъ же безъ пачпорта?) Не впустила на кухню. Такъ она и осталась на лѣстницѣ сидѣть...

Говоритъ Катюша, а сама слезами заливается и видно, что не притворяется, огорчена.

Софья Петровна изъ себя вышла, покраснѣла до корней волосъ, брови сдвинула.

— Какъ же ты смѣла! Темная ты еще, Катя,—совсѣмъ темная! Книжки читаешь, а не поумнѣла. Этакъ и утопающихъ ты оттолкнешь отъ берега, будешь паспортъ спрашивать. Чтобы не было больше этой дури!.. Слышишь?... Накорми, когда Поля придетъ, и пріюти. Поняла?.. Другихъ осуждаешь, а подругу на морозѣ оставила... Хорошая голова у тебя, нечего сказать.

— Извините, барыня... Вижу, что глупая я, а тоже, вѣдь, боязно, ежели безъ пачпорта... Съ меня бы спрашивали, ежели...

Линда только рукой махнула и вышла изъ кухни, стукнувъ дверью.

2.

У Руса такая ужё привычка: чуть свѣтъ подняться и сейчасъ же— въ конюшню провѣрять, все ли у кучера въ порядкѣ.

Сегодня проснулся онъ позже обыкновеннаго, съ тяжелой головой.

Тусклые судачьи глаза вращались съ какимъ-то недоумѣніемъ, точно не узнавали окружающихъ предметовъ.

Вскочилъ съ постели, сталъ звать Полю все нетерпѣливѣй и громче, пересыпая окрики любимыми словечками.

Вбѣжалъ Шурикъ, восьмилѣтній мальчикъ, избалованный и непослушный.

— Папа, ты выгналъ Полю, а теперь зовешь. Какой ты!.. Поля— грязная, вонючая кухарка... Поля...—и онъ повторилъ одно изъ тѣхъ именъ, которыя только что выкрикивалъ отецъ.

Русъ минуту-двѣ казался изумленнымъ.

— Что-о?!. Ахъ, ты, паршивецъ! Молоко на губахъ не обсохло, а туда же! Мало ли что я говорю!.. Пикни у меня и я въ тебя—бацъ, трахъ-таррарахъ... Да если ты еще хоть про себя, негодяй этакій, повторишь—уничтожу-у!—и затопалъ босыми ногами по полу.

Шурикъ съ хохотомъ бросился изъ комнаты и визжалъ на всѣ лады: «бацъ!.. трахъ-таррарахъ!..» а вдогонку ему уже летѣлъ прерывающійся, дребезжащій смѣхъ Руса (у него переходы отъ гнѣва къ веселости были заурядными явленіемъ).

«Молодчина! весь въ меня»,—подумалъ онъ съ явнымъ удовольствіемъ.

Христина Русъ въ то же самое время съ невозмутимымъ спокойствіемъ и полнымъ равнодушіемъ къ окружающему играла, какъ автоматъ, въ милліонъ первый разъ съ тѣми же ошибками, какъ и всегда, вальсъ «Сфинксъ» и что-то бравурное изъ Годара.

Когда эта игра особенно назойливо проникала сквозь потолокъ въ верхній этажъ и сверлила, какъ винтикомъ, въ мозгу Линды и его супруги, Константинъ Ивановичъ хваталъ альпійскую палку съ металлическимъ наконечникомъ и съ ожесточеніемъ стучалъ въ полъ надъ самой головой госпожи Русъ, которую называлъ не безъ умысла «пьянисткой» (отъ слова пьяный).

Разсерженный ночной сценой, онъ и теперь уже съ самаго утра взялся за палку и не выпускалъ ея изъ рукъ.

— Опять сумасшедшій расходился!—ворчала Христина и сердито захлопнула крышку рояля.

Между тѣмъ самъ Русъ, устроивъ разносъ кучеру за какія-то упущенія и объявивъ ему, что продаетъ щенка за хорошія деньги, хотя не онъ вовсе его вскормилъ, а жена кучера на собственный счетъ, съ бранью налетѣлъ на дворника, что тотъ осмѣлился принять за него повѣстку отъ мирового судьи по иску за неплатежъ мяснику, и, накричавъ еще по какому-то случаю, уѣхалъ на пролеткѣ «въ городъ».

Вскорѣ, точно по уговору, осторожно приблизилась къ черному ходу и стукнула въ кухонное окошко невзрачная, бѣдно одѣтая, сморщенная, хромая старушонка.

— Христя, а Христя!—повторяла она вполголоса и терпѣливо ожидала.

Дверь пріоткрылась.

— Это вы, мать?

— Я, я, Христя... Ушелъ твой-то? Провѣдать притащилась.

— Нѣту чорта!.. ушелъ чортъ!..—пищали дѣти:—иди, бабушка, въ комнаты.

— И когда сдохнетъ разбойникъ, прости Господи!—вырвалось у Христины:—вѣкъ мой заѣдаетъ... Вы очень даже кстати объявились... Я опять безъ прислуги... Дряни все, воровки... Вотъ что, мать, ступайте-ка въ лавку за провизіей да уберите спальню, пока Демьянъ не вернулся. Сами знаете—не позволилъ васъ принимать («сѣрая»—говоритъ)... А я, какъ дочь, не могу безъ васъ... Все же вы—мать... Извѣстно—привыкла!

— «Сѣрая»!.. Онъ-то, небось, бѣлый... У, святая Владычица!—шопотомъ ворчала старуха, но съ опаской, чтобы никто не разслышалъ, и переминалась съ ноги на ногу,

Звуки «Сфинкса» снова огласили гостиную и стали лукаво пробираться сквозь толщу потолка въ квартиру Линды, назойливо впиваясь незримыми щупальцами въ мозгъ и нервы Константина Ивановича.

— Вѣдь, какъ вретъ, проклятая!—не выдержалъ онъ и забѣгалъ по кабинету.

Изо дня въ день весь обиходъ повторялся съ неизмѣнной послѣдовательностью: брань, драки, исковерканный «Сфинксъ», изувѣченный Годаръ, ссора съ прислугой и т. д., и т. д. до безконечности.

Страница обывательской жизни упорно не желала перевернуться и открыть что-нибудь новое.

Такъ же, какъ вчера, едва къ вечеру возвращался Русъ, Христина одѣвалась, подвивала кокетливо волосы, раскрашивала губы, подрисовывала брови и рѣсницы и, преображенная, спѣшила куда-то улетучиться, а когда приходила обратно,—стучала полѣномъ въ дверь кухни (звонкомъ пренебрегала), такъ что Софья Петровна постоянно вздрагивала и просыпалась.

Слышно было, какъ Русъ посылалъ громкое нелестное привѣтствіе, и этимъ обыкновенно заканчивался его боевой день.

Глухая вражда затихала до слѣдующаго утра.

Было что-то драматическое въ ихъ тускломъ прозябаніи, словно какая-то невѣдомая тѣнь лишила ихъ бодрящихъ лучей солнца, дающаго радость примиренья.

3.

Поля, недавно пріѣхавшая изъ деревни, чувствовала себя какъ потерянной, когда очутилась безъ пристанища въ непривѣтливую, морозную ночь.

Кое-какъ до утра пробыла она, закоченѣвъ, на холодной лѣстницѣ возлѣ теплой Катюшиной кухни; но ни злобы, ни досады не было въ ея наивномъ сердцѣ; скорѣй одно недоумѣніе, которое какъ-то вдругъ зародилось въ немъ, засѣло и надоѣдливо гвоздило; не находя желаннаго отвѣта.

Несмотря на восемнадцатилѣтній возрастъ, ея мозгъ еще плохо поддавался разсужденьямъ.

Кутаясь въ платокъ, въ полудремѣ, Поля видѣла фантастическіе узоры ледяныхъ сновъ, переносилась мысленно домой, вздрагивала и просыпалась на той же лѣстницѣ, а когда услышала шаги Катюши и ея покашливаніе, второпяхъ вскочила, сунула подъ мышку узелокъ и побѣжала со двора, боясь, что ее увидятъ и поднимутъ на смѣхъ, обзовутъ воровкой. Въ эту минуту, можетъ быть, впервые зашевелилось у нея въ груди что-то похожее на незаслуженную обиду, и хотѣлось плакать, такъ что она кусала до боли губы и безъ оглядки шла,—шла, куда глаза указывали.

Громадный чужой городъ давилъ ее своимъ каменнымъ величіемъ. На освѣщенныхъ улицахъ еще пугливо дрожали ночныя тѣни, хотя

дѣловой и рабочій людъ уже стягивался изъ своихъ угловъ къ кипящимъ центрамъ. Дымились трубы заводовъ и фабрикъ, шумѣли мастерскія. Свѣтились окна лавокъ.

Жизнь росла съ каждой секундой.

Началось утомительное, безцѣльное хожденье изъ конторы въ контору. Вездѣ спрашивали паспортъ и требовали внести вступительную плату. Ни того, ни другого у Поли не было и ее отправляли обратно, а объясненій не слушали.

По дорогѣ, измученная голодомъ и усталая, она зашла къ дальней родственницѣ и долго ожидала, пока не вернулась тетка Лукерья, но та, узнавъ ея исторію, закричала и почти выгнала вонъ, не давъ даже поѣсть.

— Коли воровка—проходи, проходи мимо, не замай, а то утюгомъ огрѣю. Моя хата съ краю, ничего не знаю... Тихоня какая подыскалась!..

Забрела Поля въ участокъ.

Тамъ уже слыхали отъ дворниковъ о недавнемъ происшествіи. Имя Руса было хорошо извѣстно мѣстной полиціи.

Околоточный, слывшій за покорителя слабыхъ сердецъ, осмотрѣлъ Полю съ ногъ до головы и усмѣхнулся какъ-то въ сторону.

— Да ты не пропадешь... только не будь дурой,—благосклонно ронялъ онъ милостивыя слова, довольный отсутствіемъ пристава и его помощника:—паспортъ мы вытребуемъ, это—точно, ну, а насчетъ того, будто ты стибрила малую толику—тутъ пойдетъ иной разговоръ... Русъ чуть что—свидѣтелей выставитъ. У него на откупу всякій сбродъ... О, гроши—всему голова! Мирошкѣ жаловаться не совѣтую... Ты ко мнѣ забѣгай-ка завтра подъ вечерокъ (направо—съ угла), потолкуемъ, какъ что и прочее... Да ты, глупая, не дрожи,—не укусимъ.. Боже царя храни!.. Какая пугливая! Я по-холостому живу, шито—крыто...

Въ такихъ томительныхъ скитаньяхъ прошелъ день. А Поля все бродила, теряясь въ догадкахъ, къ кому обратиться за помощью.

Чуть стемнѣло,—усилились назойливыя приставанья мужчинъ. Хищный городъ ловилъ новую жертву.

Подкашивались ноги. Сосало подъ ложкой. Но не было смѣлости зайти къ Катюшѣ и попросить хлѣба.

Пробираясь украдкой, чтобъ остаться не замѣченной еще хоть одну ночь, пока все наладится,—Поля остановилась у отпертаго сарая, рядомъ съ конюшней, гдѣ помѣщались лошади Руса.

«Была—не была,—подумала она, слегка пріотворяя дверь:—тута и сосну».

Сарай показался ей дворцомъ. Изнутри заперла на задвижку и успокоилась.

Мысли быстро разбѣгались. Дѣйствительность и безсвязные образы перемѣшивались и уплывали куда-то въ свѣтлую, манящую даль.

Но холодъ крѣпчалъ и пронизывалъ насквозь. Потрескивали разсохшіяся доски сарая.

Что-то скреблось и сверкало двумя изумрудными точками, сперва издали, потомъ ближе.

Ежеминутно просыпавшаяся Поля услышала вдругъ ласковое мурлыканье и звонъ маленькаго бубенчика, хорошо знакомый ей.

— Сѣрокъ, Сѣрокъ! — тихо позвала она, догадываясь, что это Катюшинъ любимецъ, и обрадовалась, какъ близкому:—какъ ты забрался, путаникъ?

Котъ, видимо, узналъ ее, такъ какъ сейчасъ же довѣрчиво прыгнулъ къ ней, продолжая пѣть и вилять хвостомъ.

Лежа на вязкѣ дровъ, покрытыхъ какимъ-то рядномъ, пахнущимъ дегтемъ, она прижалась къ неожиданному другу, согрѣлась немного и стала опять засыпать. Жизнь уже не казалась такой страшной и одинокой, и не пугали ночныя тѣни...

Не помнила, сколько проспала.

Сначала насторожился котъ, съ ворчаньемъ соскочилъ на землю и куда-то исчезъ; затѣмъ кто-то подошелъ, потрогалъ дверь сарая, выругался про себя и вотъ съ громкой бранью сталъ вызывать кучера и дворника.

Испуганная Поля спросонья не сразу догадалась, что это Русъ, но невольно застыла отъ неясной, смутной тревоги.

«Пропала моя головушка!...»

Втроемъ горланили на разные голоса и кучеръ, и дворникъ, и Русъ, стучали кулаками, дергали дверь; въ концѣ концовъ кто-то принесъ ломъ.

Не откликалась Поля, спряталась подъ рядно и крестилась мелкими, частыми крестами.

«Головушка моя, головушка!..» — другихъ словъ не было у нея.

Русъ изступленно кричалъ, дико вращая зрачками:

— Я—одинъ, я—одинъ!.. Всѣ къ чорту! Гойда, сарынь на кичку!..

Вычитанный гдѣ-то въ старинныхъ романахъ этотъ окрикъ волжскихъ разбойниковъ почему-то полюбился ему, и онъ часто въ опьянѣніи гнѣва вспоминалъ его и пускалъ въ обращенье среди другихъ излюбленныхъ словечекъ.

— Выходи, воръ или душегубъ! Всѣхъ переловлю собственными руками... Никому пощады не дамъ. Кто здѣсь хозяинъ? Я—хозяинъ. Нѣтъ второго хозяина,—не унимался Русъ, приходя все въ большее и большее раздраженіе.

Задыхался, едва могъ выговаривать лишнія, никому ненужныя угрозы... Заплетался языкъ...

Въ окнахъ сосѣднихъ домовъ показывались испуганные жильцы, уже, впрочемъ, привыкшіе къ выходкамъ Руса.

Когда съ лязгомъ и скрипомъ подалась дверь, Өедоръ осторожно зажигалъ спичку за спичкой, а кучеръ съ плотояднымъ лицомъ мясника шарилъ по сараю, пока не вытащилъ за плечи изъ-подъ рядна дрожащую, блѣдную Полю и съ гиканьемъ поволокъ плѣнницу во дворъ.

— Бачъ, яка краля!—и, подмигнувъ, сочно расхохотался.

— Въ участокъ ее, дрянь! Обворовать пришла?.. Лошадей моихъ высмотрѣть?.. поджечь?..—не унимался Русъ, комкалъ слова и лѣзъ къ ней съ кулаками:—убью, негодяйка!

Ничего не могла сказать Поля,—издавала какіе-то непонятные звуки и всхлипывала.

Но вдругъ откинулась назадъ; что-то приступило у нея къ горлу, потемнѣло, закружилось передъ глазами, зазвенѣло въ ушахъ, и она, какъ подрѣзанный колосъ, упала въ снѣгъ къ ногамъ Руса, все еще продолжавшаго кричать и махать руками.

— Злякалась дивчына...—примирительно замѣтилъ кучеръ:—хиба такъ можно!..

— А вотъ я ее снѣгомъ по мордовороту...

— Нѣтъ, баринъ, такъ не тае!.. неровенъ часъ, сами знаете...—остановилъ его дворникъ Өедоръ.

— Да какъ ты смѣешь, мерзавецъ!..—взвигнулъ Русъ, но тутъ же и осѣкся, такъ какъ увидѣлъ неподвижное, безжизненное лицо Поли съ открытымъ, помертвѣвшимъ ртомъ и убѣдился, что это не шутка.

«А если умерла, гадина этакая?..»—мелькнуло у него въ мысляхъ.

Это дало имъ неожиданный оборотъ, и онъ подтянулся.

— Ну, чортъ съ ней... Прощаю... шлюха! Приходи, Өедька, за ея паспортомъ... Ну ее къ лѣшему! Не желаю связываться зря.

Беззаботно расхохотавшись, повернулся и зашагалъ домой.

— Баринъ, а коли дуба дастъ?—нерѣшительно спросилъ Өедоръ, подбѣгая къ нему.

— Дуракъ! На то ты и дворникъ. Кто тебя просилъ ее толкать. Дѣвка—сырая... Ты думаешь, я не покажу на судѣ? Дудки! Въ тюрьму тебя упеку. Всѣ вы—олухи.

Өедоръ смѣрилъ его злыми глазами.

— Ладно, а я нешто тоже не скажу? Держи карманъ шире!..—только и отвѣтилъ онъ, но очень нерѣшительно, и погрозилъ кулакомъ куда-то въ пространство.

Кучера уже не было. Несмотря на свою громоздкость, онъ ловко умѣлъ ускользать, если это представлялось ему почему-либо необходимымъ или выгоднымъ.

«Весь въ пана!» подумалъ на его счетъ дворникъ и плюнулъ.

Перенесенная въ квартиру Линды, Поля наконецъ очнулась и черезъ какой-нибудь часъ, сытая и счастливая, хотя блѣдная, со слѣдами пережитыхъ волненій, уже разсказывала возмущенной Софьѣ Петровнѣ и заплаканной Катюшѣ о своихъ недавнихъ горестяхъ и обидахъ.

Внизу Христина Русъ съ особенной настойчивостью отбивала вальсъ «Сфинксъ», неизмѣнно повторяя прежнія ошибки.

Страница ея жизни снова перечитывалась съ того же мѣста, что и вчера...

В. Умановъ-Каплуновскій.

ПОКУШЕНІЕ НА ПОѢЗДѢ.

РОСМАТРИВАЯ какъ-то бумаги моего покойнаго отца И. Д. Путилина, перваго начальника петербургской сыскной полиціи со дня ея учрежденія въ 1866 г., я нашелъ небольшую записную книжку, гдѣ его рукой мелкимъ, крайне неразборчивымъ почеркомъ, занесенъ рядъ отрывочныхъ замѣтокъ, воскресившихъ въ моей памяти знакомые образы и обстановку цѣлаго ряда преступныхъ дѣлъ, типичныхъ по замыслу и выполненію, другихъ — по пріемамъ раскрытія преступленій, не отмѣченныхъ до сего времени въ печати.

Одна изъ его замѣтокъ раскрываетъ драму семейнаго разлада тайнаго совѣтника Н. И. Т—ва, занимавшаго въ восьмидесятыхъ годахъ видный служебный постъ въ столицѣ.

Покушеніе на жизнь этого дѣятеля было произведено при исключительной обстановкѣ и при томъ на моихъ глазахъ, почему всѣ его детали ярко запечатлѣлись въ моей памяти.

Двадцатипятилѣтняя давность позволяетъ теперь поднять завѣсу въ этомъ дѣлѣ, не называя настоящей фамиліи объекта преступленія, сошедшаго съ жизненнаго пути лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

. . . .

I.

Въ богато обставленномъ кабинетѣ за орѣховымъ письменнымъ столомъ, сидѣлъ, углубясь въ чтеніе бумагъ, Иванъ Васильевичъ Карасевъ, управляющій удѣльными имѣніями въ Астраханской губерніи.

Вошелъ курьеръ и на подносѣ передалъ только что полученное съ вечерней почтой письмо со штемпелемъ изъ Петербурга.

Иванъ Васильевичъ нервно разорвалъ конвертъ съ хорошо знакомымъ ему женскимъ почеркомъ. По мѣрѣ чтенія письма выраженіе красиваго лица управляющаго становилось все мрачнѣе и мрачнѣе.

«Сегодня ровно три мѣсяца,—читалъ Карасевъ:—какъ мы съ тобой разстались, мой горячо любимый другъ Ваня!.. Я думала, что скоро справлюсь со своимъ чувствомъ и подавлю въ себѣ порывы угасающей молодости... Увы!—въ этомъ я глубоко ошиблась!.. и убѣдилась, какъ невѣрна пословица: «съ глазъ долой—изъ сердца прочь?» Ты не можешь себѣ представить, какъ стало мнѣ тяжело и невыносимо жить въ послѣднее время; прежде хоть мимолетныя свиданія съ тобой, твои ласки и горячая привязанность поддерживали во мнѣ вѣру и надежду на лучшее будущее... Но вотъ осталась я одна, бокъ-о-бокъ съ человѣкомъ-извергомъ, ставшимъ мнѣ, какъ ты знаешь, ненавистнымъ съ перваго же года нашей свадьбы, и тутъ вся жизненная энергія во мнѣ сразу погасла... Зачѣмъ дольше жить, на что еще впереди надѣяться?.. Кругомъ мертво... пусто... Николай Ивановичъ, какъ человѣкъ умный, отлично понимаетъ, насколько его жизнь отравляетъ мою, и мститъ мнѣ методически на каждомъ шагу. Его постоянныя придирки, двусмысленные намеки на наши съ тобой отношенія и насмѣшки надъ каждымъ моимъ словомъ, жестомъ—дошли до апогея... «Я знаю,—съ кривой усмѣшкой сказалъ онъ мнѣ какъ-то на дняхъ, не стѣсняясь присутствія сына: — вы все мечтаете о разводѣ и раѣ съ любимымъ человѣкомъ... но, помните, никогда, никогда я развода вамъ не дамъ... Ваша свобода—когда вы овдовѣете; десятокъ-другой лѣтъ надо еще подождать, я надѣюсь пожить; а потомъ, когда сами сдѣлаетесь старымъ, морщинистымъ грибомъ,—падайте въ объятія вашего Адониса!.. вѣдь старая любовь, говорятъ, не ржавѣетъ!..» Ужасно выносить такую пытку: раздави, убей, но не мучь такъ жестоко почти каждый день. Дѣти наши всецѣло на моей сторонѣ: они никогда не видятъ отъ него ни ласки, ни добраго слова. Вчера я видѣла сонъ: вагонъ, въ которомъ возвращался изъ имѣнія Николай Ивановичъ, упалъ съ высокой насыпи и разбился вдребезги; въ это утро я проснулась въ счастливомъ настроеніи.—Настя, баринъ вернулся?—«Нѣтъ, его превосходительство еще не пріѣхали»... Боже!—подумала я:—не-

ужели само Провидѣніе, къ моему счастью, разрубило Гордіевъ узелъ! Увы, мечты скоро разсѣялись: послышался въ передней звонокъ, подали открытое письмо отъ мужа: «дѣла по хозяйству задержали, выѣду чрезъ недѣлю, съ пятницы на субботу». Вотъ что я прочла, невольно содрогаясь отъ ужаса разбитой иллюзіи. Прощай мечты и надежды!.. Опять чрезъ семь дней возобновится для меня прежняя пытка! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, я не могу больше терпѣть и ждать, ждать безъ всякой надежды на избавленіе... Лучше каторга, чѣмъ эта агонія, продолжающаяся и такъ болѣе десяти лѣтъ. О, если бы ты могъ заглянуть въ мою душу, то содрогнулся бы отъ той рѣшимости, которая у меня созрѣла; двоимъ намъ не жить на свѣтѣ, кто-нибудь долженъ уступить дорогу!.. онъ или я!.. До свиданія, скорѣе прощай, мой дорогой Ваня, пожалѣй твою несчастную Варю. В. Т.».

Въ сосѣдней комнатѣ, столовой, пробило десять часовъ.

Бой часовъ вывелъ Ивана Васильевича изъ глубокой задумчивости.

— Да, выхода другого нѣтъ!.. Варя для меня и нашей дѣвочки должна жить!.. Надо поспѣшить отдѣлаться отъ этой гадины,—глухо проговорилъ Карасевъ, порывисто отодвигая отъ стола кресло.

Подойдя къ боковому столику, Иванъ Васильевичъ залпомъ выпилъ два стакана холодной воды и, пройдясь нѣсколько разъ по кабинету, вновь присѣлъ къ письменному столу и углубился въ составленіе письма.

Нервное подергиваніе мускуловъ лица и капли холоднаго пота, выступившія на лбу, свидѣтельствовали о сильной душевной борьбѣ автора письма.

— Снеси это письмо немедленно въ почтовый ящикъ,—приказалъ Карасевъ вошедшему на звонокъ курьеру.

На конвертѣ крупнымъ, рѣшительнымъ почеркомъ былъ написанъ адресъ: «Петербургъ, Моховая, 6. Инженеръ-технологу Антону Антоновичу Шиманскому».

— Рубиконъ перейденъ... панъ или пропалъ!..—тихо проговорилъ Иванъ Васильевичъ, какъ только слуга затворилъ за собой дверь кабинета.

II.

— Если ты не очень занятъ своими лекціями, то завтра утромъ поѣдешь со мною на станцію Бо—гое, предстоитъ интересное дѣло; лично ты мнѣ нуженъ для обстановки; замѣшано лицо, о которомъ ты, конечно, много слышалъ... Случай далеко не легкій: малѣйшая оплошность можетъ повлечь за собой роковой для насъ исходъ... Такъ, подумай!.. ѣдешь или нѣтъ?

Такими словами встрѣтилъ меня отецъ, когда я вернулся домой съ лекціи изъ института инженеровъ путей сообщенія.

— Да, конечно, ѣду!—поспѣшилъ я дать согласіе, соображая, что наука не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ, а тутъ живое дѣло, пожалуй, еще ночное нападеніе бандитовъ, въ маскахъ... Нѣтъ, такого интереснаго случая нельзя пропустить.

— Долго продлится наше отсутствіе?

— Сутки,—коротко отрѣзалъ отецъ.

— Что собственно предстоитъ намъ дѣлать? Какую роль я долженъ играть, кто съ нами еще поѣдетъ?—закидалъ я вопросами отца, ходившаго крупными шагами вдоль моей комнаты.

— По дорогѣ въ вагонѣ ты обо всемъ узнаешь, а теперь никому не болтай о нашей завтрашней поѣздкѣ,—и, съ этими словами отецъ, круто повернувшись, вышелъ изъ моей комнаты. Плохо спалось мнѣ въ эту ночь...

III.

Проѣхали станцію Колпино, а отъ отца ни слова разъясненія мотива нашей поѣздки.

— Можетъ быть, мы ѣдемъ только до Волхова, въ Оснечки (наше имѣніе на рѣкѣ Волховѣ)?—попробовалъ я навести отца на разговоръ.

— Дальше,—получилъ я лаконическій отвѣтъ. И вотъ когда я потерялъ уже надежду узнать что-нибудь въ дорогѣ и сталъ слегка придремывать, подъ вліяніемъ безсонной ночи и дорожной качки, я услышалъ надъ самымъ моимъ ухомъ голосъ отца:

— Мы доѣдемъ чрезъ два часа до станціи Бо—гое; слушай же внимательнѣе... цѣль этой поѣздки—предупредить покушеніе на жизнь Тургасова, мало того, товарищъ министра поручилъ мнѣ создать такую обстановку, при которой Николай Ивановичъ не могъ бы подозрѣвать, какая катастрофа ожидаетъ его въ дорогѣ, на поѣздѣ.

— Странно, зачѣмъ такая таинственность?

— Не знаю, вѣроятно, замѣшаны личныя отношенія, а, можетъ быть, щадятъ слабое, больное сердце Николая Ивановича...

— Но не въ этомъ дѣло, важно выполнить то, чего отъ насъ требуютъ, а потому не перебивай праздными вопросами,—строгимъ тономъ замѣтилъ отецъ.—Само собою разумѣется, если на станціи встрѣтится со мной Николай Ивановичъ, у него сейчасъ зародится подозрѣніе...

— Значитъ, нуженъ отводъ?

— Да...

— Я и Ольга Семеновна (моя мачеха, ѣхавшая также съ нами) должны сыграть какую-нибудь роль, чтобы разсѣять подозрѣніе Тургасова? Не такъ ли!..

— Да, ты угадалъ...

— Но я на артистическомъ поприщѣ еще никогда не подвизался!..

— Не боги горшки обжигаютъ, да и роль для тебя пустая,— сухо замѣтилъ отецъ, видимо, недовольный моимъ сомнѣніемъ.

— Конечно, я постараюсь оправдать твои надежды...

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, иначе обошелся бы безъ тебя.

— Въ сорока пяти верстахъ отъ станціи находится имѣніе полковника Варнавина,—продолжалъ отецъ послѣ небольшой паузы:— этимъ лѣтомъ у него гостила племянница, только что окончившая Смольный институтъ...

— Ну, а мнѣ-то до всего этого какое дѣло?—не вытерпѣлъ я.

— Не перебивай, слушай дальше?.. Ты, находясь лѣтомъ на техническихъ работахъ на рѣкѣ Вишеркѣ, около станціи Малая Вишера, познакомился съ племянницей Варнавина Надей и...

— Влюбился въ нее по уши... Такъ вѣдь...

— Она также отвѣтила на твое чувство, ты сдѣлалъ недѣлю тому назадъ предложеніе, вызвавъ меня телеграммой на обрученіе, которое и состоялось сегодня днемъ.

— Значитъ, вы прикатили сюда, чтобы благословить «влюбленныхъ дѣтей!»... Весьма трогательно... но повѣритъ ли всей этой баснѣ Тургасовъ?.. Вотъ въ чемъ я весьма сомнѣваюсь!..

— Надо, чтобы онъ повѣрилъ; приложимъ всѣ старанія и все искусство, а иначе...

— Мы рискуемъ?..

— Дурака сыграть!—перебилъ меня отецъ.—Осложнить и на половину испортить дѣло, для котораго мы сюда пріѣхали.

— На станціи мы встрѣтимся съ Николаемъ Ивановичемъ, онъ, очевидно, будетъ спѣшить къ двѣнадцатичасовому поѣзду; встрѣча наша должна быть совершенно неожиданной... Твоя задача обратить его вниманіе на себя и тѣмъ отвлечь его подозрѣніе на мой счетъ. Ольга Семеновна также постарается отвратить его вниманіе отъ дѣловыхъ соображеній и догадокъ не въ пользу нашу. Я думаю,— продолжалъ отецъ:—наша бесѣда на станціи не затянется болѣе, чѣмъ на полчаса; подойдетъ московскій поѣздъ, и мы разсядемся по вагонамъ; Тургасовъ поѣдетъ, по обыкновенію, въ первомъ классѣ, ты и Ольга Семеновна во второмъ...

— А ты?..—прервалъ я отца.

— Смотря по обстоятельствамъ. Николай Ивановичъ не долженъ замѣтить, что я его охраняю въ дорогѣ.

— Дальше, дальше!..

— На одной изъ промежуточныхъ станцій войдетъ въ первый классъ одно лицо, которое...

Отецъ сдѣлалъ паузу. На самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Ну, ради Бога, договаривай до конца...

Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ.

— Изволь... если мы своевременно не примемъ мѣръ, то Николай Ивановичъ не доѣдетъ до столицы живымъ, да и намъ, пожалуй, не сдобровать!..

— Съ нами ѣдутъ агенты?

— Двое: Руткевичъ и Сѣренко...

— Что же собственно можетъ произойти въ вагонѣ?— недоумѣвалъ я.

— А вотъ прочти это письмо, переданное мнѣ товарищемъ министра,—ты тогда уловишь нити...

Съ этими словами отецъ передалъ мнѣ обугленное, съ обгорѣлыми концами письмо; съ большимъ трудомъ я могъ разобрать его содержаніе:

«Милостивый Государь

Антонъ Антоновичъ!

«Въ ночь съ пятницы на субботу, 30-го сентября, выѣзжаетъ со станціи Бо—гое въ Петербургъ изъ своего имѣнія Н. И. Представляется весьма удобный случай отдѣлаться разъ навсегда, вамъ отъ заклятаго врага вашей политической партіи, немало погубившаго ея горячихъ адептовъ (Машурину, Колобова, Глѣбова и др), а мнѣ—отъ ненавистнаго человѣка, ставшаго на дорогѣ къ личному счастью... Помните нашъ послѣдній разговоръ у Палкина, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ: «я вамъ обязанъ своею свободою и готовъ всегда на какую угодно для васъ услугу, даже пойду на преступленія, конечно, идейнаго характера». Таковы были ваши заключительныя слова... не правда ли?.. И вотъ часъ настала, услуга за услугу, и мы съ вами не только будемъ квиты, но я останусь въ долгу предъ вами на цѣлую мою жизнь. Перейдите же отъ словъ къ дѣлу. Кинжалъ, ядъ, пироксилинъ... въ формѣ небольшой бомбочки, выбирайте, по вашему усмотрѣнію; окраска, конечно, политическая. Завтра перевожу на ваше имя чрезъ учетный банкъ 5.000 рублей, для переѣзда вашего въ Америку, хотя бы на время, въ случаѣ удачи, въ которой я не сомнѣваюсь, зная вашу рѣшимость и твердость воли. Вашъ К. P. S. Письмо сожгите»,

— Какъ это письмо уцѣлѣло? Вѣдь оно было въ печкѣ... частью ужъ обгорѣло... Право, для меня это загадка?..

— Однако все случилось очень просто,—замѣтилъ отецъ.—Само собою разумѣется, Шиманскій, по прочтеніи письма, бросилъ его въ печь, но само письмо по легкости осталось по близости дверецъ...

— Но кто же могъ его откуда вынуть?..

— Очевидно, прислуга—кухарка Марья.

— Ничего не понимаю!..

— Я считалъ тебя болѣе догадливымъ,—недовольнымъ тономъ проговорилъ отецъ. — Устроилось это такъ: моментъ вспышки

письма былъ предупрежденъ появленіемъ въ кабинетѣ Марьи съ кочергой въ рукахъ... Сырыя дрова плохо горятъ, естественно, надо помѣшать дрова въ печкѣ... Кажется, теперь понятно?..

— Да, теперь мнѣ ясно: Марья—шпіонила!.. Она, слѣдовательно, состояла на службѣ у охраннаго отдѣленія... Не такъ ли?..

— Шиманскій принадлежалъ къ партіи соціалъ-демократовъ, и за нимъ былъ учрежденъ надзоръ,—пояснилъ мнѣ отецъ.

— Прекрасно,—замѣтилъ я:—гдѣ же подтвержденіе о готовности Шиманскаго на преступленіе?

— Въ дальнѣйшемъ поведеніи инженера, — сухо замѣтилъ отецъ.—Послѣ полученія инкриминируемаго письма Шиманскій съ лихорадочной поспѣшностью по цѣлымъ днямъ занимался химическими опытами, покупая бертолетову соль, азотную кислоту и другія вещества, входящія въ составъ взрывчатыхъ снарядовъ; далѣе, три дня тому назадъ Шиманскій купилъ небольшой, желтаго цвѣта, ручной саквояжъ, и прислуга видѣла въ замочную щель, какъ инженеръ положилъ туда какой-то круглый предметъ, величиною съ апельсинъ, отъ котораго шли желтые шнуры... послѣ чего заперъ саквояжъ на ключъ...

— Почему же Шиманскаго не арестовали... чего же еще было ждать?..

— Промахнулись!—съ досадой въ голосѣ отвѣтилъ отецъ.

— Какъ, какимъ образомъ?..

— Третьяго дня Шиманскій ушелъ въ десять часовъ утра изъ дома, сказавъ, что возвратится не раньше двухъ часовъ; какъ только онъ вышелъ изъ подъѣзда, за нимъ сталъ слѣдить агентъ; на углу Михайловскаго и Невскаго подошелъ къ агенту его товарищъ по службѣ и довольно громко сказалъ: «Это онъ—Шиманскій». Послѣдній, повидимому, услышавъ сзади свою фамилію, догадался, что за нимъ слѣдятъ по пятамъ... вотъ тутъ-то онъ и выкинулъ фортель!..

— Какой? Это крайне интересно!..

— Зайдя въ магазинъ Чуркина, онъ вышелъ оттуда въ новой поярковой шляпѣ, оставивъ котелокъ свой въ лавкѣ...

— Хитрость довольно прозрачная...

— Слушай дальше... Отъ Чуркина Шиманскій прямо пошелъ въ булочную Филиппова и здѣсь, просидѣвъ съ полчаса за стаканомъ кофе, онъ внезапно всталъ съ мѣста, оставивъ на столѣ свою шляпу, и направился въ кабинетъ уединенія...

— И больше не вернулся къ столику?

— Да, очевидно, Шиманскій чрезъ проходной дворъ вышелъ на Владимирскую улицу, тогда какъ его стерегли у выходовъ на Невскій и Троицкій переулокъ и въ самой булочной.

— Ловко надулъ, но вѣдь онъ вышелъ съ голой головой. Какъ это-то не замѣтили?

— Нѣтъ, онъ вышелъ въ фуражкѣ, иначе его бы не пропустилъ дворникъ, дежурившій у воротъ.

— Фуражка? Да откуда же она у него взялась? Неужели въ самой булочной Шиманскій на ходу ее стибрилъ?..

— Нѣтъ, все это много проще случилось: Шиманскій, какъ оказалось впослѣдствіи, купилъ у Чуркина вмѣстѣ съ поярковой шляпой еще шелковую дорожную фуражку и послѣднюю спряталъ на всякій, очевидно, случай, въ карманъ... Этотъ случай скоро и представился...

— А саквояжъ?

— Увы! и онъ исчезъ съ содержимымъ.

— Шиманскій изъ булочной на лихачѣ заѣхалъ на свою квартиру и, отперевъ своимъ ключомъ дверь, прошелъ въ кабинетъ, гдѣ, забравъ свой саквояжъ, не тронулъ ничего изъ другихъ вещей...

— И скрылся?.. Митькой звали!..

— Да, скрылся безслѣдно, никакіе розыски не могли обнаружить его настоящее мѣстопребываніе.

— А гдѣ же была кухарка Марья?

— Ушла въ отдѣленіе съ докладомъ о поведеніи ея питомца!..— насмѣшливо досказалъ отецъ.

— Ты думаешь, Шиманскій сядетъ въ вагонъ на станціи Б—гое?

— Скорѣе на одной изъ промежуточныхъ станцій... До Петербурга ихъ немало!

— Неужели Шиманскій рѣшится пожертвовать и своею жизнью: взрывомъ снаряда онъ самъ легко можетъ быть убитъ или, въ лучшемъ случаѣ, тяжело раненъ?.. Вотъ почему я думаю, что онъ скорѣе прибѣгнетъ къ удару кинжала...

— Ты забываешь, что моментъ взрыва можно разсчитать довольно точно, если снарядъ будетъ снабженъ часовымъ механизмомъ; я ни минуты не сомнѣваюсь въ предусмотрительности Шиманскаго; конечно, онъ не будетъ ставить свою жизнь на карту! Положить снарядъ и спрыгнуть съ поѣзда за нѣсколько минутъ до взрыва— вотъ планъ злоумышленника!.. Хотя a priori нельзя этого утверждать—возможны варіаціи: пистолетный выстрѣлъ, ударъ кинжала... все въ его распоряженіи... Я объ этомъ думалъ...

— И нашелъ средства предупредить?..

— Да...—коротко замѣтилъ отецъ, давая, по тону, понять объ окончаніи разговора.

Впереди замелькали станціонные огоньки; раздался протяжный свистокъ, и поѣздъ медленно подошелъ къ дебаркадеру.

Мы вышли на станцію Бо—гое. «Здѣсь должна разыграться комедія, не дай Богъ, чтобы конецъ ея былъ трагическій»,—невольно подумалъ я.

На станціи было пусто; до прихода московскаго поѣзда оставалось болѣе трехъ часовъ времени. Кромѣ насъ, поодаль, за отдѣль-

нымъ столикомъ, спиною къ намъ, сидѣли какіе-то два индивидума, на которыхъ я не обратилъ вниманія, занявшись пожарской котлетой,

Подали чай; отецъ, выпивъ полстакана, какъ-то внезапно всталъ со стула и направился къ двери; тотчасъ же отодвинулись стулья отъ сосѣдняго стола, и два незнакомца направились, не спѣша, по слѣдамъ отца.

— Ба, да это вѣдь Руткевичъ, а за нимъ агентъ Сѣренко,—не правда ли, Ольга Семеновна?

Та молча кивнула головой.

На Руткевичѣ былъ одѣтъ щегольской охотничій костюмъ, на головѣ красовалась поярковая шляпа съ синимъ перомъ, этотъ костюмъ весьма шелъ къ тонкому профилю его лица, окаймленнаго роскошной, старательно расчесанной черной бородою. Никто бы не могъ заподозрѣть въ этомъ баринѣ-охотникѣ—чиновника сыскной полиціи.

Я понялъ, что отецъ вышелъ для разработки плана предстоящей «кампаніи» и распредѣленія ролей между его помощниками, и мнѣ не слѣдовало мѣшать.

Прошелъ добрый часъ времени, пока, наконецъ, не вернулся къ намъ отецъ.

По его озабоченному виду можно было судить о той тяжелой мыслительной работѣ, которая пришлась на его долю за этотъ небольшой промежутокъ времени.

Время тянулось безконечно долго.

Однако, по мѣрѣ движенія впередъ часовой стрѣлки на большихъ станціонныхъ часахъ, мною стало овладѣвать все больше и больше какое-то смутное безпокойство за нашу участь.

«А что, если на поѣздѣ мы взлетимъ на воздухъ?» задавалъ себѣ я тысячу разъ этотъ вопросъ, содрогаясь отъ ужаса.

Крѣпился, крѣпился, но въ концѣ концовъ не выдержалъ и сообщилъ свои опасенія отцу.

— Если ты такъ трусишь, то поѣзжай-ка лучше на второмъ поѣздѣ, пріѣдешь только на шесть часовъ позднѣе... Вотъ Ольга Семеновна не соглашается послѣдовать голосу благоразумія, а лучше бы, вмѣстѣ бы вы и поѣхали...

Послѣ этихъ словъ отца мнѣ стало какъ-то обидно за свое малодушіе...

— Нисколько я не трушу!...И, конечно, не останусь до второго поѣзда... Я только такъ, отъ нечего дѣлать, высказалъ, полушутя, свои соображенія, а ты понялъ ихъ всерьезъ, поспѣшилъ я завѣрить отца и съ этого момента пересталъ думать объ опасности, видя на лицѣ отца полное спокойствіе и увѣренность въ себѣ.

— Папа, сорокъ пять минутъ осталось до поѣзда, а Николая Ивановича все нѣтъ...

— Слышишь?..

— Да.

Я уловилъ шумъ быстро ѣдущаго къ станціи экипажа.

«Онъ или не онъ», подумалъ я, не спуская глазъ отъ двери.

Легкій толчокъ подъ столомъ заставилъ меня перемѣнить позу, обернуться спиной къ двери. Я почувствовалъ на себѣ стальной взглядъ отца.

Дорожный тарантасъ подкатилъ къ подъѣзду. Я взглянулъ на отца... О, Боже, какая перемѣна: вмѣсто холоднаго взгляда умныхъ сѣрыхъ глазъ на меня глядѣли веселые, добрые глаза добродушнаго буржуа, разсказывающаго что-то очень веселое своей собесѣдницѣ...

«Итакъ, комедія началась, и мнѣ пора вспомнить мою роль», невольно подумалъ я.

— А, Иванъ Дмитріевичъ, вы здѣсь? Вотъ не ожидалъ. Конечно, по служебной надобности. Ну, ну, разсказывайте скорѣе... все это меня очень интересуетъ!..

Всю эту тираду проговорилъ средняго роста господинъ съ желтымъ лицомъ, цѣлуя руку Ольги Семеновны и здороваясь съ отцомъ, какъ со старымъ знакомымъ!..

— Нѣтъ, ваше превосходительство, вы не угадали: я здѣсь по личному, семейному дѣлу...

— Ну, полноте... такъ я вамъ и повѣрилъ!..—запротестовалъ Николай Ивановичъ, садясь рядомъ съ Ольгой Семеновной.

— Въ столицѣ нашей случилось кровавое, загадочное преступленіе, и самъ шефъ полиціи прибылъ инкогнито въ Бо—гое для поимки убійцы!.. Правда, что-нибудь въ этомъ стилѣ, я вѣдь въ деревнѣ газетъ не читалъ...—не унимался Т—въ.—Конечно, уже напали на вѣрный слѣдъ?..

— Больше, больше, Николай Ивановичъ!

— Схватили?..

— Да, преступникъ налицо, пойманъ и не запирается!—шутливымъ тономъ вставилъ слово отецъ.

— Да вы не шутите,—гдѣ же онъ?...—въ рукахъ жандармовъ?.. молодъ?.. изъ какого сословія?..

— Нѣтъ, онъ пока на свободѣ—сидитъ противъ васъ...

— Какъ, этотъ молодой человѣкъ?..

Взглядъ холодныхъ глазъ со вниманіемъ остановился на мнѣ.

— Онъ самый... Позвольте вашему превосходительству представить: мой старшій сынъ Константинъ, студентъ института инженеровъ путей сообщенія.

— А... а!..—протянулъ Т—въ, какъ-то нерѣшительно протягивая мнѣ руку.

— Надѣюсь, преступленіе не очень тяжелое?... вѣроятно, на политической почвѣ?.. не такъ ли?—обратился статскій генералъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Жениться собрался, не кончивъ курса въ институтѣ...—отвѣтилъ за меня отецъ и сталъ подробно, съ присущимъ ему талантомъ образно разсказывать исторію моего увлеченія, вызовъ его телеграммой сюда и состоявшееся сегодня обрученіе...

«Чортъ возьми!.. Кольца-то я не надѣлъ, вдругъ Т—въ обратитъ на это вниманіе!.. вотъ такъ промахъ...» подумалъ я, пряча правую руку подъ столъ.

— Такъ вы, дѣйствительно, по личному дѣлу сюда пріѣхали,—разочарованнымъ тономъ проговорилъ Т—въ, выслушавъ съ разсѣяннымъ видомъ эту «небылицу въ лицахъ».

— Не хочу учиться, а хочу жениться!.. рано, очень рано... молодой человѣкъ!..

— Я то̀ же самое ему говорилъ!..—въ этомъ же тонѣ замѣтилъ отецъ.

— Въ институтѣ порядочно женатыхъ студентовъ, и всѣ они занимаются весьма прилежно, да и Надя, моя невѣста, такая прелестная и къ тому же благоразумная дѣвушка, что никогда не станетъ помѣхой мнѣ на пути къ высшему образованію!—не безъ паѳоса произнесъ я свою реплику.

Отецъ, въ знакъ одобренія, прищурилъ лѣвый глазъ, примѣта давно мнѣ знакомая.

— Гадательныя, романическія идеи...—и съ этими словами Т—въ повернулъ голову къ Ольгѣ Семеновнѣ, и между ними завязался разговоръ о хозяйствѣ; видимо, моя особа перестала его интересовать, чему, конечно, я былъ очень радъ.

Подали ужинъ, отецъ разсказалъ нѣсколько петербургскихъ новостей, время шло незамѣтно въ веселой болтовнѣ.

Мало по-малу и Николай Ивановичъ оживился; выраженіе глазъ перемѣнилось, взглядъ сталъ болѣе добродушнымъ и довѣрчивымъ, по крайней мѣрѣ такъ мнѣ казалось, по наблюденіямъ за его лицомъ.

Я взглянулъ на часовую стрѣлку, до поѣзда оставалось пятнадцать минутъ.

Слава Богу!—звонокъ, поѣздъ вышелъ съ ближайшей станціи.

— Однако пора и садиться, ужъ и поѣздъ подходитъ,—заторопился Т—въ. А вы, Иванъ Дмитріевичъ?..

— Я тоже съ семьею ѣду на этомъ поѣздѣ.

— Ну, и прекрасно... въ вагонѣ еще поговоримъ...

— Вы въ вагонѣ спите, Николай Ивановичъ?

— Всегда прекрасно высыпаюсь!.. я ѣзжу съ этимъ поѣздомъ много лѣтъ подъ рядъ и постоянно удачно: публики въ первомъ классѣ мало, никто не мѣшаетъ спать.

У вагона перваго класса мы распрощались; отецъ пошелъ проводить Николая Ивановича до его купе.

На подножкѣ вагона стоялъ бравый кондукторъ; лицо его показалось мнѣ весьма знакомымъ...

Какъ это я сразу не узналъ», подумалъ я, когда кондукторъ-агентъ Сѣренко подмигнулъ мнѣ глазомъ.

Я съ Ольгой Семеновной помѣстились въ сосѣднемъ ближайшемъ вагонѣ второго класса; скоро присоединился къ намъ и отецъ; видимо, его что-то сильно безпокоило.

— Ты видѣлъ Сѣренко?

— Да.

— Незамѣтно, знакомъ, вызови его и передай ему о необходимости удалить во второй вагонъ перваго класса даму съ двумя дочерьми-подростками...

— Но подъ какимъ предлогомъ?

— Пусть скажетъ, что на этой станціи сѣлъ съ ними рядомъ господинъ психически-больной, съ буйными порывами... почему, ради ихъ же спокойствія, предлагается перейти въ слѣдующій вагонъ того же класса, тоже почти пустой,—я сейчасъ лично осматривалъ.

— Успѣю ли я?..

— Поѣздъ простоитъ еще десять минутъ...—успѣешь; только поспѣши!..

Безъ особеннаго труда я выполнилъ порученіе отца. Прошло минутъ пять; кто-то слегка стукнулъ въ окно вагона.

Я вышелъ.

— Скажите начальнику, что все улажено: дама съ дѣтьми переведена въ другой вагонъ.

— А кто, Сѣренко, еще остался въ вагонѣ?

— Старый гвардейскій полковникъ, спитъ, какъ мертвый, и охотникъ...

— Руткевичъ?

— Да, да... вообще, ничего подозрительнаго еще нѣтъ, я прошелъ по всему поѣзду... такъ и передайте начальнику.

— А Т—овъ?

— Улегся спать, даже снялъ сапоги... не велѣлъ запирать дверей у купе...—душно ужъ очень, говоритъ... намъ это на руку... истопникъ хорошо получилъ на чай!—и постарался на совѣсть.

— А Руткевичъ гдѣ?

— Рядомъ въ купе...

— А вы?

— Кондукторское отдѣленіе въ десяти шагахъ отъ купе Т—ва.

— Не прозѣваемъ!—самоувѣренно докончилъ шопотомъ Сѣренко, поспѣвая къ своему вагону. Да и пора была,—поѣздъ ужъ тронулся.

Какъ только я занялъ свое мѣсто, немедленно передалъ шопотомъ отцу весь мой разговоръ съ агентомъ.

— Это хорошо!—одобрилъ онъ.

Каждый изъ насъ углубился въ свои думы; о снѣ, конечно, и въ голову не приходило. Настроеніе было у меня приподнятое; отецъ съ виду казался совершенно спокойнымъ.

Поѣздъ замедлилъ ходъ: приближались къ станціи.

Не ожидая остановки, я на ходу прыгнулъ на перронъ.

— Такъ можешь легко ногу сломать,—услышалъ я сзади строгое замѣчаніе отца, стоявшаго на подножкѣ и выжидающаго полной остановки.

Прошелъ разъ, два... десять вдоль платформы, зорко всматриваясь въ спѣшащихъ въ вагоны—все больше простонародье, ни одного пассажира ни въ первый, ни во второй классы; спѣшу по третьему звонку въ свой вагонъ, удовлетворенный результатами осмотра, по пути едва не сбивъ съ ногъ отца, идущаго съ другого конца перрона.

Вотъ и вторая станція; я и отецъ въ томъ же порядкѣ первыми сходимъ на перонъ и послѣдними садимся въ нашъ вагонъ.

— Однако, что же это: шесть станцій уже проѣхали отъ Бо—гое, а положеніе дѣла не измѣнилось?... Гдѣ же, наконецъ, сидитъ этотъ таинственный пассажиръ въ дорожной фуражкѣ? Не напрасно ли вся наша тревога?..

— Почему же въ дорожной фуражкѣ, а не въ поярковой круглой шляпѣ?—съ ироніею въ голосѣ замѣчаетъ отецъ.—Имѣй терпѣніе, еще станцій немало осталось!..

Начало чуть-чуть свѣтать.

Приближались къ станціи Померанье; поѣздъ здѣсь стоитъ всего двѣ или одну минуту.

По обыкновенію, соскочили съ отцомъ на станціонную площадку.

Не миражъ ли это?.. Нѣтъ, ясно вижу приближеніе человѣческой фигуры... теперь различаю форменную фуражку инженера путей сообщенія и въ рукѣ небольшой саквояжъ.

Высокая фигура незнакомца приближалась все ближе и ближе...

Пройдя вагонъ второго класса, этотъ господинъ сталъ съ осторожностью, не спѣша, подыматься на подножку вагона перваго класса.

Поѣздъ тронулся...

— Ты видѣлъ, отецъ?.. это онъ?

— Несомнѣнно, ростъ, черты лица Шимапскаго, я сейчасъ же узналъ его.

— А инженерная фуражка?

— Это новая его остроумная выдумка: послѣ катастрофы легче будетъ скрыться... Кому придетъ въ голову заподозрѣть на первыхъ порахъ инженера?..

— Ну, разговаривать теперь некогда... надо дѣйствовать... Я чрезъ буфера перейду къ дверямъ перваго класса, а ты можешь

наблюдать съ этой площадки нашего вагона... и при случаѣ помочь...

Съ этими словами отецъ перешелъ чрезъ желѣзный мостикъ въ вагонъ перваго класса, задвинувъ за собою на половину дверь, откуда былъ выходъ на буферную площадку, а затѣмъ на площадку второго класса, гдѣ помѣстился я.

Насъ отдѣляла лишь буферная площадка, и я хорошо видѣлъ, какъ отецъ прежде всего заперъ ключомъ обѣ боковыя выходныя двери и самъ плотно прижался къ стѣнкѣ вагона въ правомъ углу.

Дальнѣйшія событія въ эту памятную для меня ночь чередовались въ такомъ порядкѣ.

Незнакомецъ, войдя въ вагонъ, прошелъ отъ начала до конца, заглядывая въ каждое купе; при обратномъ слѣдованіи онъ остановился нѣсколько дольше въ дверяхъ отдѣленія, гдѣ спалъ Тур--въ и здѣсь чиркнулъ спичку, внимательно вглядываясь въ спящаго.

— Пожалуйте въ свободное купе!!..—проговорилъ подошедшій сзади кондукторъ, указывая на сосѣднее отдѣленіе, рядомъ съ занятымъ Руткевичемъ.

Инженеръ послѣдовалъ за кондукторомъ.

— Изволите ѣхать до С.-Петербурга?

— Да, вотъ билетъ...

— Позвольте повѣсить вашъ саквояжъ,—услужливо предложилъ кондукторъ, протягивая руку за вещью.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. оставьте, не троньте!..—съ замѣшательствомъ запротестовалъ пассажиръ, отстраняя жестомъ руку кондуктора.

— Скажите, кондукторъ, вамъ неизвѣстенъ господинъ, спящій въ первомъ отъ входа купе?.. лицо мнѣ его что-то знакомое... Кажется, это подрядчикъ... Шлыковъ, ставившій мнѣ въ прошломъ году на дорогу шпалы...

— Никакъ-съ нѣтъ, этотъ господинъ владѣлецъ имѣнія близъ станціи Бологое, откуда они и ѣдутъ; фамилія, генерала, кажется... Турґасовъ.

— Скажите, какое сходство!.. Вы больше мнѣ не нужны, разбудите меня, когда будемъ подъѣзжать къ столицѣ,—и съ этими словами пассажиръ задвинулъ входную дверь у купе, передъ носомъ кондуктора.

Кондукторъ, однако, не спѣшилъ отойти отъ двери и, напротивъ, плотнѣе прижался къ ней, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ; минуту спустя онъ явственно услышалъ слабый звукъ пружиннаго замка.

— Мерзавецъ!.. заряжаетъ!.. прошепталъ Сѣренко, отходя отъ двери, гдѣ столкнулся съ охотникомъ.

— Это онъ?..

— Да, онъ, и при немъ адская машина, онъ, очевидно, ее теперь заряжаетъ... сейчасъ я чрезъ скважину слышалъ, какъ онъ открывалъ свой саквояжъ.

— Надо донести начальнику?..

— Не надо, онъ знаетъ и караулитъ злодѣя у выходной площадки... помни, Сѣренко, данную тебѣ инструкцію...—проговорилъ наскоро Руткевичъ, отходя отъ Сѣренка, такъ какъ въ купе, занятомъ инженеромъ, что-то звякнуло, заскрипѣло.

Поѣздъ шелъ полнымъ ходомъ; рѣшительная минута приближалась; я впился глазами въ противоположную площадку вагона, гдѣ въ четырехъ-шести шагахъ стоялъ отецъ; сердце билось ускореннымъ темпомъ... Боже! чѣмъ все это кончится... Какъ мучительно ожиданіе, минуты кажутся часами. Что-то чувствуетъ отецъ: не покинуло ли его обычное самообладаніе... Онъ, видимо, взялъ на себя самую трудную задачу—лично задержать Шиманскаго, подвергая при этомъ свою жизнь опасности,—вихремъ пронеслись у меня эти тревожныя мысли.

Поѣздъ сталъ замедлять ходъ,—приближались къ станціи Померанье.

«Выйдетъ онъ здѣсь или проѣдетъ до слѣдующей станціи?»

Какъ бы въ отвѣтъ на мою мысль донесся легкій скрипъ отъ отворяющейся двери, и на площадку стремительно вышелъ изъ вагона перваго класса—Шиманскій.

Толчокъ ногой въ дверь, ведущую на подножку вагона, второй, третій,—все безрезультатно. Видя неудачу, инженеръ сталъ бѣшено вертѣть за ручку двери—дверь не поддавалась, такъ какъ была заперта на ключъ.

— Вы саквояжъ въ вагонѣ забыли!..—донеслась до меня фраза отца, произнесенная нѣсколько въ насмѣшливомъ тонѣ.

Шиманскій быстро обернулся назадъ, при этомъ взглядъ его скользнулъ по двери на буферную площадку, которая на половину была раздвинута..

Замѣтивъ вмигъ это обстоятельство, инженеръ со страшной стремительностью бросился къ якорю спасенія, но въ тотъ моментъ, когда Шиманскій, добѣжавъ до двери, просунулъ уже голову въ ея пролетъ,—вокругъ его туловища обвились и сомкнулись двѣ сильныя руки, затормозившія дальнѣйшее его движеніе впередъ.

«Мышь попалась въ западню!» — сообразилъ я, слѣдя за борьбой.

Двѣ человѣческія фигуры сомкнулись въ одну... тяжелое прерывистое дыханіе, слабый хрустъ костей и наконецъ глухой звукъ отъ паденія чего-то тяжелаго на желѣзную площадку вагона... Оба противника, не устоявъ на ногахъ, свалились на полъ въ самомъ пролетѣ двери, касаясь головами самаго края буферной площадки, ежеминутно рискуя вылетѣть на рельсы.

Шиманскій, не обращая вниманія на эту опасность, дѣлалъ нечеловѣческія усилія сползти съ площадки, видимо, предпочитая лучше свалиться на полотно или откосъ дороги, чѣмъ оставаться на поѣздѣ, въ вагонѣ онъ ждалъ взрыва.

Въ этой ужасной борьбѣ былъ моментъ, когда я считалъ отца погибшимъ, видя, какъ онъ свѣсился за край площадки, отрывая руки Шиманскаго отъ желѣзной вертикальной стойки зонта.

Невольно вырвался у меня крикъ ужаса, и я сдѣлалъ шагъ впередъ...

— Назадъ, упадешь!—услышалъ я грозный окрикъ отца.

Я остановился и тутъ сразу замѣтилъ, что отцу удалось отодвинуться отъ края буферной площадки, но въ тотъ же мигъ въ правой рукѣ Шиманскаго сверкнуло дуло револьвера...

«Убьетъ, убьетъ!.. Теперь все пропало!..» и я замеръ въ ожиданіи смертельнаго выстрѣла. Прошла секунда, другая... выстрѣла не послѣдовало: рука, державшая оружіе, опустилась внизъ, какъ плеть...

— Сѣренко, бросьте давить ему шею!..—иначе его задушите!..

— Прикажете вязать, господинъ начальникъ?..

— Да, но не очень усердствуйте... ему и такъ досталось отъ вашихъ медвѣжьихъ лапъ; онъ теперь въ обморокѣ и намъ удобнѣе перенести его въ кондукторское отдѣленіе.

— Почему вы такъ замѣшкались, Сѣренко?..

— Я помогалъ Руткевичу разрѣзать саквояжъ.

— Ну, а снарядъ?..

— Обезвреженъ, но хлопотъ съ фитилемъ и раскрытіемъ сака было много...

— Тургасовъ проснулся?..

— Никакъ нѣтъ, спятъ крѣпко, глазъ не раскрывалъ...

При помощи подошедшаго Руткевича Шиманскій былъ перенесенъ на рукахъ въ служебное отдѣленіе вагона 2-го класса.

Обморочное состояніе все еще продолжалось; лицо Шиманскаго было страшно блѣдно, даже желто; лишь слабое колебаніе грудной клѣтки указывало на искру жизни.

— Сѣренко, веревки снимите долой, принесите скорѣе воды, сердце работаетъ очень слабо... боюсь, чтобы обморокъ не затянулся, пульсъ все слабѣетъ и слабѣетъ...—съ оттѣнкомъ безпокойства проговорилъ отецъ...

Смочили грудь и голову водой... лицо начало понемногу розовѣть... наконецъ плѣнникъ открылъ глаза, и блуждающій взоръ остановился на черной бородѣ Руткевича. Сознаніе возвращалось... онъ весь содрогнулся и какъ бы въ забытіи, слабымъ голосомъ прошепталъ: «Все погибло»...

— Выпейте глотокъ коньяку!.. это васъ подкрѣпитъ,—и съ этими словами Руткевичъ поднесъ ему дорожную фляжку.

Коньякъ произвелъ магическое дѣйствіе... Два-три глубокихъ глотка сразу поставили на ноги Шиманскаго и вернули его къ дѣйствительности.

— Скажите же мнѣ скорѣе... уцѣлѣлъ ли кто-нибудь тамъ... въ вагонѣ?..—страшно волнуясь, проговорилъ Шиманскій.

— Слава Богу, обошлось безъ жертвъ...—отвѣтилъ ему Руткевичъ.

— А развѣ онъ... не погибъ?.. Не вѣрю!..

— Вы, конечно, спрашиваете про Тургасова,—вставилъ отецъ:—онъ невредимъ и спитъ сномъ праведника, не подозрѣвая о вашемъ адскомъ замыслѣ...

— Значитъ, зарядъ не взорвался?.. Но почему, почему... Точно колдовство какое-то!..

— Нѣтъ, все обошлось просто, безъ помощи нечистой силы... О вашемъ замыслѣ мы знали давно, но я все же думалъ, что въ послѣднюю минуту вы образумитесь,—не пойдете на столь ужасное преступленіе... Вы, однако, не уклонились отъ преступной цѣли, ну, тогда и намъ пришлось дѣйствовать... и мой чиновникъ съ опасностью для жизни успѣлъ обезвредить снарядъ, можетъ быть, за секунду до взрыва, заботливо положенный вами у изголовья Тургасова, и теперь вы въ рукахъ правосудія...

— Кто, кто меня предалъ?—ломая руки, воскликнулъ Шиманскій.

— Вы сами себя выдали: письмо изъ Астрахани открыло намъ глаза...Но довольно, Сѣренко, обыщите преступника,—строго закончилъ отецъ.

— Зачѣмъ это новое издѣвательство надъ моей личностью?.. Вѣдь огнестрѣльное оружіе отъ меня отобрано... Кажется, могли бы меня и оставить въ покоѣ,—закапризничалъ инженеръ, отодвигаясь отъ агента.

Но Сѣренко, не обращая вниманіе на эти протесты, энергично принялся за дѣло...

— Перочинный ножикъ, кошелекъ, носовой платокъ и бумажникъ...—пересчитывалъ агентъ, передавая эти вещи въ руки отца.

— Ого!.. 1,650 рублей кредитными билетами, 110 рублей золотомъ и въ кошелькѣ мелкой серебряной монеты на рубль 85 копеекъ; въ общемъ сумма порядочная... вполнѣ достаточная для заграничной поѣздки... напримѣръ, до Гамбурга, а затѣмъ... въ Америку...

— А гдѣ же остальные 3,500 рублей?.. Развѣ успѣли уже перевести на заграничные банки?.. Предусмотрительно!—замѣтилъ отецъ, пряча вещи и деньги, отобранныя у Шиманскаго.

— Вамъ это очень интересно знать... господинъ Лекокъ?.. Ищите верхнимъ чутьемъ... и обрящете, а я вамъ все равно ничего не скажу... да и зачѣмъ буду откровенничать?...

— Вамъ будетъ облегчено наказаніе...

— Вздоръ!.. меня повѣсятъ: это такъ же вѣрно, какъ вамъ выдадутъ награду за поимку преступника... сирѣчь меня... а теперь оставьте меня въ покоѣ... — и съ этими словами Шиманскій повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Отецъ поднялся съ мѣста.

— Сѣренко, вы останетесь здѣсь... въ купе!.. При малѣйшей попыткѣ Шиманскаго къ бѣгству мы надѣнемъ на него кандалы... Руткевичъ будетъ здѣсь по близости... помните, преступникъ остается всецѣло на вашей отвѣтственности!..

— Господинъ начальникъ, я ручаюсь головой, что отъ меня этотъ господинъ не уйдетъ!..

Передъ выходомъ я еще разъ взглянулъ на Шиманскаго; выраженіе его лица не предвѣщало ничего хорошаго; злая улыбка искривила его губы, въ глазахъ свѣтилась рѣшимость...

Я подѣлился со своими впечатлѣніями съ Руткевичемъ, когда захлопнулась за нами дверь купе,—недоброе онъ замышляетъ!..

— Весьма возможно, Шиманскій ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы получить свободу...

— Вы увѣрены, что Сѣренко не выпуститъ его изъ рукъ?

— О, да, Семенъ Семеновичъ обладаетъ желѣзными мускулами и большой прозорливостью... эти качества хорошо извѣстны начальнику, иначе бы онъ велѣлъ связать руки Шиманскому, предосторожность, пожалуй, не лишняя, даже при такомъ партнерѣ, какъ Сѣренко... Инженеръ, вы сами замѣтили, какимъ онъ звѣремъ смотритъ... Такъ и жди, что выкинетъ какой-нибудь кунстштюкъ... Ну, Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ,—да и я рядомъ тутъ буду, не мальчики мы... провести насъ не такъ просто!.. видали виды.

— Ну, желаю вамъ всякаго успѣха!—и, пожавши руку Руткевичу, я отправился на свое мѣсто въ сосѣдній вагонъ, гдѣ нашелъ отца, заносящаго замѣтки въ свою записную книжку; лицо его было совершенно спокойно и даже не утомлено, несмотря на пережитыя имъ въ эту ночь тревоги и опасность...

Мнѣ не хотѣлось спать; нервное возбужденіе еще не прошло...

— Господинъ начальникъ, у васъ ключъ отъ входныхъ дверей 1-го класса, мы подъѣзжаемъ къ Колпину... могутъ быть на станціи пассажиры.

— Да, у меня, возьмите, теперь онъ мнѣ не нуженъ...

— Отецъ, ты нарочно оставилъ полуотворенной вторую выдвижную дверь на буферную площадку?

— Да...

— Съ какою цѣлью?

— Шиманскому, чтобы выскочить изъ вагона послѣ оставленія снаряда у изголовья Тургасова, оставалось одно изъ двухъ:

или разбить окно у запертой мною заранѣе входной двери вагона, или же пробраться на площадку 2-го класса чрезъ дверь у буферовъ, откуда уже легко было прыгнуть на откосъ полотна; разбей окно и выскочи онъ, мнѣ, конечно, пришлось бы послѣдовать за нимъ тѣмъ же способомъ и, кто знаетъ, при счастіи для него, мой прыжокъ могъ быть неудаченъ, и тогда всѣ шансы оказались бы на его сторонѣ, слѣдовательно, прямой для меня былъ расчетъ натолкнуть Шиманскаго на другой путь къ бѣгству, и вотъ въ эту-то западню онъ и попалъ... соблазнившись легкимъ и болѣе удобнымъ способомъ покинуть вагонъ, гдѣ ежеминутно ожидался взрывъ.

— Я видѣлъ, съ какою страшною стремительностью бросился инженеръ къ этому выходу...

— Этого можно было ожидать, и полуотворенная дверь сыграла роль тормоза...

— Отчего ты такъ рѣшительно запретилъ мнѣ подать помощь, когда Шиманскій столкнулъ тебя на самый край площадки?

— Благодарю Бога, что ты послушался!.. Площадка слишкомъ узка и не могла служить ареной для борьбы трехъ лицъ, и, при твоей горячности, ты неминуемо бы свалился на полотно дороги или на рельсы; положеніе же мое было не столь уже безнадежное, какимъ себѣ ты представилъ...

— Но Шиманскій досталъ револьверъ!..

— Да, а я держалъ наготовѣ кастетъ... и, не поспѣй Сѣренко, мнѣ, по необходимости, пришлось бы парализовать его руку, чтобы предупредить выстрѣлъ...

Спокойное выраженіе лица внезапно у отца измѣнилось, лобъ сморщился, уголки рта слегка искривились,—эти признаки душевнаго безпокойства были мною хорошо изучены.

Я, обернувшись назадъ, увидалъ приближающагося къ намъ Руткевича; одежда на немъ была порвана, борода всклокочена.

— Бѣжалъ?...—задалъ ему вопросъ отецъ, едва сдерживая свое бѣшенство...

— Пытался бѣжать!...—поспѣшилъ успокоить чиновникъ...

— Разскажите, при какихъ обстоятельствахъ?..

Послѣ небольшой паузы, какъ бы собираясь съ духомъ, Руткевичъ началъ свой докладъ:

— Какъ только проѣхали Колпино, Сѣренко условнымъ стукомъ вызвалъ меня къ себѣ... Шиманскаго я нашелъ въ большой ажитаціи. «Помилуйте, этотъ зулусъ не хочетъ выпустить меня на минуту... я изнываю отъ боли въ желудкѣ... и если меня сейчасъ же не выпустить, то зловоніемъ я заражу воздухъ... бр... бр... Какая гадость!.. войдите въ мое положеніе,—жаловался мнѣ инженеръ, корчась отъ боли, которой я мало вѣрилъ:—какое я, человѣкъ интеллигентный, переживаю ужасное состояніе изъ-за дурацкаго

15*

каприза вашего сотоварища... Ну, чего онъ боится?.. Или же онъ настолько дикарь и мало культуренъ, что предпочитаетъ запахъ человѣческихъ экскрементовъ... любымъ англійскимъ духамъ?.. Зовите вашего начальника, если вы оба столь трусливы и лишены инициативы!.. Въ противномъ случаѣ я сейчасъ размозжу себѣ башку объ стѣну... Пусть будетъ это на вашей отвѣтственности, совѣсти!..»

«Въ глазахъ Сѣренка я прочелъ сомнѣніе, какъ поступить: пустить или не пустить?... А вдругъ онъ, дѣйствительно, выполнитъ свою угрозу! подумалъ я, всматриваясь въ рѣшительное, налитое кровью лицо инженера.

«И вотъ, г. начальникъ, подчиняясь какому-то внушенію, а можетъ быть, и магнетизму глазъ Шиманскаго, не спускавшаго съ меня взгляда, я уступилъ...

«— Хорошо,—отвѣтилъ я инженеру:—если кабинетъ свободенъ, то вашимъ страданіямъ мы положимъ конецъ... Обождите, я сейчасъ посмотрю.

«Черезъ минуту я вернулся, объявивъ о необходимости немного выждать, такъ какъ оба кабинета въ данный моментъ заняты...

«Не теряя времени, я принялъ надлежащія мѣры».

— Вы, конечно, отверткой испортили замокъ,—перебилъ отецъ.

— Такъ точно.

— Что вы еще предприняли?

— Я затворилъ наглухо въ окнѣ лѣтнюю и зимнюю рамы, обрѣзавъ спускные ремни; затѣмъ вызвалъ кондуктора, приказавъ не отходить отъ автоматическаго тормоза и по свистку моему моментально остановить поѣздъ.

— Это дѣльно,—одобрилъ отецъ:—ну, дальше?

— Принявъ эти мѣры предосторожности, я съ Сѣренкомъ проводили Шиманскаго до дверей ватерклозета, а сами остались въ коридорѣ.

Отецъ сморщилъ брови.

— Какъ только вошелъ туда инженеръ, онъ началъ вертѣть дверную ручку, стараясь запереть, но, убѣдившись въ порчѣ замка, Шиманскій подошелъ къ умывальнику; прошла минута, другая, изнутри ни звука... Мнѣ показалось это подозрительнымъ... Я окликнулъ... «Сейчасъ выйду, только руки вымою», послышался плескъ воды и почти одновременно зазвенѣли упавшія на полъ стекла... Я отдернулъ дверь... Шиманскій ужъ сидѣлъ на окнѣ, свѣсивъ ноги на воздухъ и готовясь выпрыгнуть на полотно, но въ этотъ рѣшительный моментъ Сѣренко успѣлъ схватить его за талію, не обративъ вниманія на руку преступника, державшаго наготовѣ деревянную вѣшалку, снятую имъ со стѣны; вотъ этимъ-то орудіемъ онъ и воспользовался для обороны... Къ счастью, я во-время замѣтилъ опасность и задержалъ на лету ударъ, иначе черепъ товарища

неминуемо былъ бы проломленъ... Не безъ труда мы обезоружили противника... намъ досталось-таки порядочно, но, слава Богу, кости цѣлы, а ушибы заживутъ, не въ первый это разъ... Послѣ отчаяннаго сопротивленія, мы надѣли на Шиманскаго наручники и въ такомъ видѣ водворили на старое мѣсто.

«Въ купе Шиманскій продолжалъ ругаться и бушевать... мало того, ударилъ довольно сильно ногой въ животъ Сѣренка со словами: «вотъ тебѣ ламподо на придачу...» Пришлось связать ноги, и только тогда онъ угомонился—закончилъ свой докладъ Руткевичъ.

— А почему же вы не сняли вѣшалки? Отчего одинъ изъ васъ не вошелъ въ ватерклозетъ вмѣстѣ съ Шиманскимъ? Въ первомъ случаѣ была опрометчивость, во второмъ — неизвинительная самонадѣянность и безпечность, что ставлю вамъ обоимъ на видъ,—строгимъ тономъ замѣтилъ отецъ.

— Виноватъ,—упавшимъ голосомъ проговорилъ чиновникъ съ видомъ побитой собаки.

— Идите теперь на ваше мѣсто и никакой просьбы, ни требованія Шиманскаго отнюдь не исполнять до личнаго о томъ доклада мнѣ.

— Слушаюсь, теперь достаточно выученъ,—съ огорченіемъ въ голосѣ произнесъ Руткевичъ, отходя отъ насъ.

Остальная часть пути до Петербурга прошла безъ всякихъ приключеній, но этотъ случай испортилъ хорошее настроеніе отца, видимо, ставившаго и себѣ въ вину излишнюю мягкость къ Шиманскому, которому слѣдовало бы сразу надѣть наручники, какъ опасному преступнику, откинувъ въ сторону всякую гуманность.

При выходѣ изъ вагона на петербургскомъ вокзалѣ мы случайно столкнулись съ Тургасовымъ.

— Хорошо ли спали ночь, ваше превосходительство?

— Превосходно, Иванъ Дмитріевичъ, хотя въ исходѣ, должно быть, пятаго часа разбудилъ меня подозрительный шорохъ у изголовья дивана. Помнится мнѣ теперь, какъ въ полумракѣ обрисовалась во весь ростъ фигура какого-то господина въ форменной фуражкѣ, съ очень блѣднымъ лицомъ и тяжелымъ взглядомъ черныхъ глазъ, какъ бы меня гипнотизировавшихъ... «Зачѣмъ этотъ индивидумъ въ моемъ купе, что ему здѣсь надо?» мелькнула у меня тревожная мысль, тогда какъ глаза мои смыкались, противъ воли, но безпокойство вмигъ отлетѣло, когда я вспомнилъ, что тутъ, вблизи меня, сидитъ гроза и бичъ всякаго преступнаго люда, самъ Путилинъ! «Шалишь,—подумалъ я:—при немъ ужъ не убьютъ и не ограбятъ... не посмѣютъ!» Эта увѣренность въ вашъ геній подѣйствовала лучше лавро-вишневыхъ капель, и благодѣтельный сонъ сковалъ мои вѣки вплоть до прихода кондуктора съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ,—полушутя, полусерьезно закончилъ свою тираду Тургасовъ, направляясь къ своей каретѣ.

— Весьма вамъ признателенъ за ваше ко мнѣ довѣріе,—довольно сухо проговорилъ отецъ, прощаясь со статскимъ генераломъ.

Наконецъ мы дома. Въ кабинетѣ лежала телеграмма изъ Астрахани.

«Вчера мною арестованъ Карасевъ, обыскъ на квартирѣ далъ благопріятные результаты. Выѣзжаемъ первымъ поѣздомъ. Костинъ».

— Ну, отъ этого не убѣжишь!—увѣренно проговорилъ отецъ.

На другой день въ сыскное отдѣленіе былъ доставленъ подъ стражей Карасевъ; держалъ онъ себя настоящимъ бариномъ, предупредивъ о своемъ нежеланіи отвѣчать на какіе-либо вопросы, и такимъ рѣшительнымъ тономъ, что его немедленно оставили въ покоѣ... Оставалось одно—отправить его въ домъ предварительнаго заключенія, какъ это и сдѣлали.

Въ числѣ конфискованныхъ бумагъ нашли между прочимъ и послѣднее письмо къ нему жены Тургасова, содержаніе котораго было передано въ началѣ настоящаго разсказа.

Съ Тургасовымъ отцу пришлось встрѣтиться на второй день послѣ пріѣзда; высшее начальство поручило ему «подготовить» Николая Ивановича...

Отецъ частнымъ письмомъ вызвалъ его на свиданіе въ Лѣтній садъ и здѣсь объяснилъ всю исторію покушенія на его жизнь въ поѣздѣ.

При заключительныхъ словахъ Тургасовъ, поднявшись съ мѣста, горячо поблагодарилъ отца.

— Не знаю, какъ васъ благодарить, дорогой Иванъ Дмитріевичъ, за избавленіе отъ калѣчія, а можетъ быть и мучительной смерти!... Не оправдываю я и себя въ своихъ отношеніяхъ къ моей женѣ: ну, вотъ и получилъ урокъ, урокъ тяжелый, неизгладимый!..—глухо произнесъ Тургасовъ и, отвернувшись, чтобы скрыть навернувшіяся на глаза слезы, первыя, вѣроятно, въ его жизни, быстро направился къ выходу.

Этотъ драматическій эпизодъ въ семьѣ Тургасова произвелъ большую сенсацію въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества, гдѣ Варвара Ивановна, по служебному положенію мужа и аристократическому родству, была, такъ сказать, «свой человѣкъ».

Судили вкривь и вкось, день на день ожидая катастрофы съ «бѣдной Варей», какъ о ней отзывались жены, и «извергомъ-сатаною», какъ прозвали ее мужья.

Ожиданія, однако, свѣтскихъ кумушекъ не оправдались: трагическаго ничего не случилось, и даже, чего ужъ никто не ожидалъ, супруги не разъѣхались на разныя квартиры.

Напротивъ, съ теченіемъ времени, видимо, послѣдовало сближеніе враждующихъ сторонъ на почвѣ уступокъ и общности интересовъ по воспитанію дѣтей—этого самаго прочнаго звена въ эластичной цѣпи взаимныхъ отношеній между мужемъ и женой, отношеній, гдѣ и самъ Соломонъ отказался бы взять на себя роль судьи въ рѣшеніи вопроса: кто правъ, кто виноватъ?..

К. И. Путилинъ.

СЕМИНАРИСТЪ У А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА.

(Изъ воспоминаній).

СКОРО исполнится десять лѣтъ со дня смерти (11-го марта 1903 года) Александра Васильевича Сухово-Кобылина, автора извѣстной комедіи «Свадьба Кречинскаго», почти шестьдесятъ лѣтъ не сходящей съ репертуара русскаго театра.

Въ настоящей замѣткѣ я передаю одинъ мелкій штрихъ, пожалуй, анекдотическаго характера, изъ жизни этого писателя.

Разсказъ этотъ мнѣ пришлось слышать лѣтъ за шесть до смерти Александра Васильевича, когда я былъ студентомъ духовной академіи.

Среди товарищей былъ одинъ N. N., родомъ тулякъ, по характеру человѣкъ малообщительный, часто меланхолически настроенный, иногда, казалось, настолько погружавшійся въ свои думы, что для него переставало существовать окружающее. Онъ долго сторонился насъ, жилъ самъ по себѣ и большинству казался какимъ-то загадочнымъ существомъ. Но совмѣстная жизнь мало-по-малу сблизила его съ нашей крѣпкой товарищеской семьей, и этотъ нелюдимъ оказался во многихъ отношеніяхъ весьма интересной личностью.

Прежде всего, онъ былъ землякъ Льва Николаевича Толстого. Его родители жили въ томъ же уѣздѣ, гдѣ находится Ясная Поляна, и ему приходилось на пути изъ родного села въ Тулу много разъ проѣзжать по яснополянской границѣ къ той самой желѣзнодорожной станціи Засѣка, которая теперь извѣстна всей читающей Россіи. Узнавши объ этомъ, мы набросились на своего коллегу

съ вопросами: не приходилось ли ему видѣть Льва Николаевича? каково отношеніе къ ясполянскому учителю мѣстнаго простого населенія? и т. п.

N. N. весьма охотно дѣлился съ нами тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, и, между прочимъ, разсказалъ о своемъ оригинальномъ знакомствѣ съ творцомъ «Свадьбы Кречинскаго» и «Веселыхъ Расплюевскихъ дней».

Разъ одинъ изъ товарищей, вернувшись съ прогулки въ академію, сообщилъ, что па дняхъ въ театрѣ ставится извѣстная комедія Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинскаго».

Услыхавъ объ этомъ, нашъ меланхоликъ N. N. («равнодушный», какъ мы его называли въ товарищескомъ кругу), привскочилъ со стула и заявилъ:

— А знаете, господа, я вѣдь лично знакомъ съ Сухово-Кобылинымъ.

— Какъ такъ? Разскажи—посыпалось на него со всѣхъ сторонъ.

— Это было любопытное знакомство кутейника-бурсака съ извѣстнымъ писателемъ,—началъ разсказчикъ.—Я тогда перешелъ въ пятый классъ тульской семинаріи. Послѣ утомительныхъ экзаменовъ пріѣхалъ въ родное село, чтобы отдохнуть, освѣжиться, набраться силами. Но долго кейфу предаваться не приходилось. Семья наша не богата, лишній ротъ сказывался; я это отлично сознавалъ и сталъ подыскивать какихъ-либо занятій. Репетиторство, чѣмъ обычно приходилось зарабатывать средства на вакаціяхъ, почему-то въ тотъ годъ долго не находилось. Я, было, совсѣмъ пріунылъ Но вотъ однажды къ отцу заѣзжаетъ его знакомый—становой приставъ. Разговорились. Становой узнаетъ, что я ищу работу.

— Отлично, молодой человѣкъ, я васъ устрою. Вы вѣдь знаете языки: французскій и нѣмецкій?

Я смутился. Учить-то я ихъ и училъ, но говорить о знаніяхъ было рискованно. Даю отвѣтъ неопредѣленный. Мое затрудненіе замѣтилъ собесѣдникъ.

— Собственно, не требуется отъ васъ и особенныхъ знаній, а лишь умѣніе переписывать рукопись съ нѣмецкими и французскими цитатами.

— Ну, это-то смогу,—заявилъ я,—и съ удовольствіемъ взялъ бы подобное занятіе. Только гдѣ?

— Я, видите ли, имѣю порученіе отъ одного помѣщика найти переписчика, умѣющаго разбираться въ рукописяхъ на иностранныхъ языкахъ.

При этомъ онъ назвалъ Сухово-Кобылина, имѣніе котораго находилось верстахъ въ сорока отъ нашего села.

— На дняхъ я буду у него, и если онъ согласится взять васъ, извѣщу.

Дня черезъ четыре пришло желаемое извѣщеніе; впрягаемъ лошадь, и я съ работникомъ отправляюсь въ неизвѣстное мнѣ доселѣ имѣніе. О самомъ Сухово-Кобылинѣ я также не имѣлъ никакихъ представленій, кромѣ свѣдѣній, данныхъ становымъ, что это старый баринъ, занимается писательствомъ.

Къ вечеру мы были въ имѣніи. Барскій каменный домъ съ двумя флигелями стоялъ въ довольно красивой мѣстности, окруженной лѣсомъ. Я разыскалъ управляющаго или, какъ всѣ звали его на барскомъ дворѣ, «дворецкаго». Дворецкій оказался на видъ человѣкомъ простымъ, — повидимому, изъ бывшихъ дворовыхъ.

Узнавъ, что я пріѣхалъ въ качествѣ переписчика къ барину, онъ тотчасъ же проводилъ меня въ мезонинъ одного изъ флигелей, гдѣ уже была отведена для меня квартира. Это была небольшая свѣтлая комната съ кроватью, столомъ, двумя стульями и умывальникомъ, около котораго висѣло свѣжее полотенце и лежалъ кусокъ мыла.

— Завтра, въ десять часовъ утра вы должны явиться къ барину,—заявилъ мнѣ дворецкій:—обѣдъ и чай вамъ будутъ подавать сюда; за переписку получите двадцать рублей въ мѣсяцъ.

Первое впечатлѣніе было болѣе чѣмъ пріятно. Съ нѣкоторымъ волненіемъ я ждалъ лишь завтрашней встрѣчи.

Утромъ въ назначенный часъ, въ сопровожденіи того же дворецкаго, я вошелъ въ просторный кабинетъ Сухово-Кобылина. За письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и книгами, сидѣлъ высокаго роста сѣдой старикъ съ интеллигентнымъ, выразительнымъ лицомъ. Тогда Александру Васильевичу было болѣе семидесяти лѣтъ. Я вѣжливо поклонился. Окинувъ меня съ ногъ до головы испытующимъ взглядомъ, Александръ Васильевичъ сказалъ.

— Такъ вы желаете быть моимъ переписчикомъ? Дайте мнѣ образчикъ вашего почерка.

При этомъ подалъ мнѣ листъ бумаги, рукопись и указалъ мѣсто, куда присѣсть. Нѣсколько минутъ я писалъ. Почеркъ Александра Васильевича былъ для меня не особенно разборчивъ, но все же моя проба удовлетворила автора.

Просмотрѣвъ сквозь пенснэ образецъ моей работы, Александръ Васильевичъ сказалъ:

— Ступайте сейчасъ къ себѣ; начнете переписывать вотъ эту тетрадь. Прошу васъ быть внимательнѣе, особенно съ цитатами и иностранными словами. Утромъ въ такое же время будете приносить сюда свою переписку.

Снова раскланявшись, я вышелъ. На обратномъ пути замѣтилъ, что рядомъ съ кабинетомъ была довольно обширная комната, вся заставленная шкапами, полными книгъ. Книги помѣщались и на особо устроенныхъ полкахъ, закрытыхъ отъ пыли шторами. Такая

масса книгъ въ домѣ частнаго человѣка меня поразила. Раньше съ чѣмъ-либо подобнымъ встрѣчаться мнѣ нигдѣ не приходилось.

Работа моя началась. Сидя у открытаго окна мезонина, чрезъ которое лились знойныя волны лѣтняго воздуха, я старательно принялся за дѣло. Послѣ обѣда захотѣлось пройтись. Во дворѣ встрѣтилъ меня дворецкій, который, справившись, откуда я, чей, — какъ-то участливо замѣтилъ:

— А скучно у насъ вамъ будетъ, молодой человѣкъ. Людей-то подходящихъ для васъ въ имѣніи у насъ нѣтъ.

Я успокоилъ его, что не для развлеченій и пріѣхалъ сюда, а для заработка. Отъ дворецкаго я узналъ, что въ верстѣ отъ усадьбы находится небольшой винокуренный заводъ, принадлежащій барину. Къ заводу вела узкая живописная дорога, просѣкающая лѣсъ. Эта дорога сдѣлалась для меня любимымъ мѣстомъ прогулокъ.

На другой день я снова былъ въ кабинетѣ Александра Васильевича. Онъ, взявши мою рукопись, началъ внимательно просматривать ее. Я въ выжидательной позѣ остановился около дверей: приглашенія сѣсть не было. Простоявъ безъ дѣла нѣсколько минутъ, я рѣшилъ отступить въ смежную съ кабинетомъ библіотеку и отъ нечего дѣлать началъ читать сквозь стекла шкаповъ заголовки книгъ. Онѣ почти всѣ были на иностранныхъ языкахъ, и я съ трудомъ и то лишь у нѣкоторыхъ улавливалъ ихъ названія. Большинство попадавшихся на глаза было по философіи и естественнымъ наукамъ.

Изъ кабинета мои занятія въ библіотекѣ были видны Александру Васильевичу. Онъ нѣсколько разъ поднималъ отъ рукописи свою голову и довольно пристально наблюдалъ за мной, но я, по свойственной мнѣ разсѣянности, его взглядамъ не придавалъ никакого значенія, считая, что въ моихъ дѣйствіяхъ предосудительнаго ничего нѣтъ.

Окончивъ провѣрку моей переписки, Александръ Васильевичъ позвалъ меня.

— Господинъ X., возьмите слѣдующую тетрадь и займитесь своей работой.

О качествахъ же моего письма не сказалъ ни слова.

На утро повторилась та же исторія. Въ кабинетѣ Сухово-Кобылинъ занялся чтеніемъ моей переписки, а въ библіотекѣ переписчикъ обозрѣніемъ его книгъ.

Замѣтивъ, что нѣкоторые шкапы не заперты, я рискнулъ пріотворить одинъ и взять съ полки для просмотра книгу, обратившую на себя мое вниманіе своимъ золотообрѣзнымъ переплетомъ. Владѣлецъ снова бросалъ въ мою сторону свои, повидимому, недовольные взгляды, но я ихъ, по своей неопытности, не понималъ.

На третій день мое безплодное любопытство (книгъ на иностранныхъ языкахъ понимать я не могъ) продолжалось. Старикъ, повидимому, былъ выведенъ изъ терпѣнія бурсацкой неделикатностью.

Отодвинувъ штору, закрывавшую полку съ книгами, корешки которыхъ я еще до сихъ поръ не свидѣтельствовалъ, слышу изъ кабинета голосъ:

— Господинъ X.!

Тотчасъ же ставлю обратно вынутую книгу и иду на зовъ.

— Господинъ X.,—сухо, какъ бы отчеканивая каждое слово, заявляетъ мнѣ Александръ Васильевичъ:—я пригласилъ васъ заниматься перепиской, а не разборомъ моей библіотеки... Можете итти къ себѣ...

Я, какъ ошпаренный, вышелъ изъ кабинета и направился въ свой мезонинъ. Здѣсь сталъ раздумывать надъ происшедшимъ и никакъ не могъ понять своей вины.

Но вотъ принесли обѣдъ. Къ концу его явился и дворецкій и, неопредѣленно ухмыляясь себѣ въ бороду, началъ:

— Баринъ приказали вамъ передать, что въ услугахъ вашихъ больше не нуждаются; домой васъ свезетъ кучеръ; лошадь уже заложена; а вотъ это за работу вамъ отъ барина,—сказалъ онъ, подавая мнѣ десятирублевую бумажку.

Мнѣ было крайне досадно и обидно, что такъ печально и быстро кончилась моя работа и я съ позоромъ (это я чувствовалъ) долженъ былъ вернуться домой. Но дѣлать было нечего. Пришлось собрать свои небольшія пожитки и разстаться съ уютнымъ мезониномъ.

У крыльца дѣйствительно стояла уже впряженная лошадь; на козлахъ, улыбаясь, какъ казалось мнѣ, сидѣлъ молодой парень. Мнѣ думалось, что и парень этотъ знаетъ, что меня благороднымъ образомъ «выставляютъ». Въ скверномъ настроеніи я размѣщался въ экипажѣ.

Но заключительный моментъ моего выѣзда изъ усадьбы Сухово-Кобылина разсѣялъ мое мрачное настроеніе и заставилъ долго смѣяться.

Когда возница готовъ былъ уже выѣхать со двора, слышу сзади голосъ дворецкаго: «остановитесь!» Я оглянулся. Дворецкій, спустившись съ крыльца, чуть не вприпрыжку спѣшилъ къ тарантасу, въ рукахъ у него была четвертная бутылка водки.

— Это баринъ велѣлъ вамъ передать,—говорилъ онъ, передавая мнѣ четверть завода Сухово-Кобылина.

— Я не пью; скажите барину, что мнѣ это не нужно,—началъ было я.

— Нельзя, нельзя,—слышу въ отвѣтъ:—какъ хотите: баринъ приказалъ.

Пришлось подчиниться. Странный презентъ былъ взятъ, и я отъ души расхохотался.

Сухово-Кобылинъ, награждая меня четвертью водки, вѣроятно, думалъ, что этимъ доставитъ семинаристу большое удовольствіе, предполагая, что всякій бурсакъ непремѣнно горькій пьяница.

Вотъ каково было мое знакомство съ авторомъ той пьесы, которая скоро пойдетъ въ театрѣ.

Мы, конечно, тоже немало смѣялись, выслушавъ эту курьезную повѣсть.

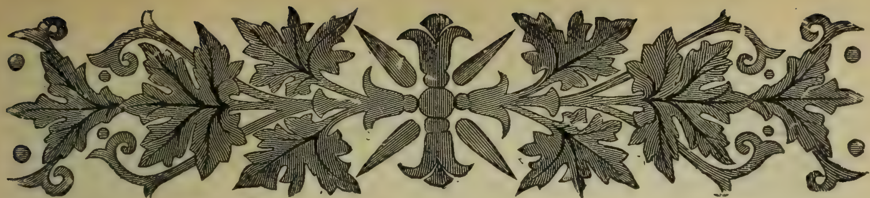
— А что же ты переписывалъ у Сухово-Кобылина? — кто-то спросилъ разсказчика.

— А вотъ ужъ, господа, право, забылъ. Что-то только, казалось мнѣ тогда, очень мудреное, такъ что, переписывая, понималъ изъ пятаго въ десятое, а теперь совсѣмъ не помню... Потомъ мнѣ приходилось читать, что Сухово-Кобылинъ еще съ юности, вращаясь въ домѣ отца среди московскихъ профессоровъ сороковыхъ годовъ: Погодина, Надеждина и другихъ, увлекался философіей, занятія которой не прекращалъ до своей смерти. Вѣроятно, какой-либо философскій трактатъ его, не увидавшій свѣта, какъ большинство подобнаго рода произведеній этого автора, я и переписывалъ.

— Теперь,—закончилъ свой разсказъ X.,—мнѣ извѣстно, что усадьба Сухово-Кобылина, въ которую случайно заносила меня судьба, сгорѣла; огнемъ уничтожена была и та, вѣроятно, цѣнная библіотека, которую такъ охранялъ отъ моего ребяческаго любопытства покойный Александръ Васильевичъ. Сгорѣлъ и уже не былъ возстановленъ и винокуренный заводъ, четверть водки котораго я бережно довезъ до дому и подарилъ своему отцу.

И. А.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРТЕНЕВЪ.

(Некрологъ).

Ъ МОСКВѢ 22-го октября скончался Несторъ русской исторической журналистики—основатель и редакторъ-издатель «Русскаго Архива» Петръ Ивановичъ Бартеневъ. Недѣли полторы назадъ П. И. простудился, заболѣлъ плевритомъ, который затѣмъ осложнился воспаленіемъ легкихъ; восьмидесятитрехлѣтній организмъ не могъ перенести этого, и скоро П. И. больше не стало... Десять лѣтъ назадъ П. И. Бартеневъ отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей учено-литературной дѣятельности въ области изученія отечественной исторіи. Тогда же В. Е. Рудаковымъ былъ сдѣланъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника»[1]) обстоятельный обзоръ всего, что совершено покойнымъ основателемъ «Русскаго Архива» за его долголѣтнюю жизнь для русской исторіи и исторіи русской литературы, глубокимъ знатокомъ и истиннымъ безкорыстнымъ труженикомъ которой онъ оставался со студенческой скамьи и до глубокой старости. Данными этой статьи мы и воспользуемся въ настоящемъ некрологѣ.

П. И. Бартеневъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, представителей которой мы видимъ на царской службѣ еще въ XVI вѣкѣ. Одинъ изъ Бартеневыхъ былъ воеводою при взятіи Грознымъ царемъ Казани. Отецъ Бартенева, Иванъ Осиповичъ, подполковникъ Арзамасскаго конно-егерскаго полка, участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ и походахъ, имѣвшихъ мѣсто въ бурное,

---

[1]) «Истор. Вѣстн.». 1902 г., январь.

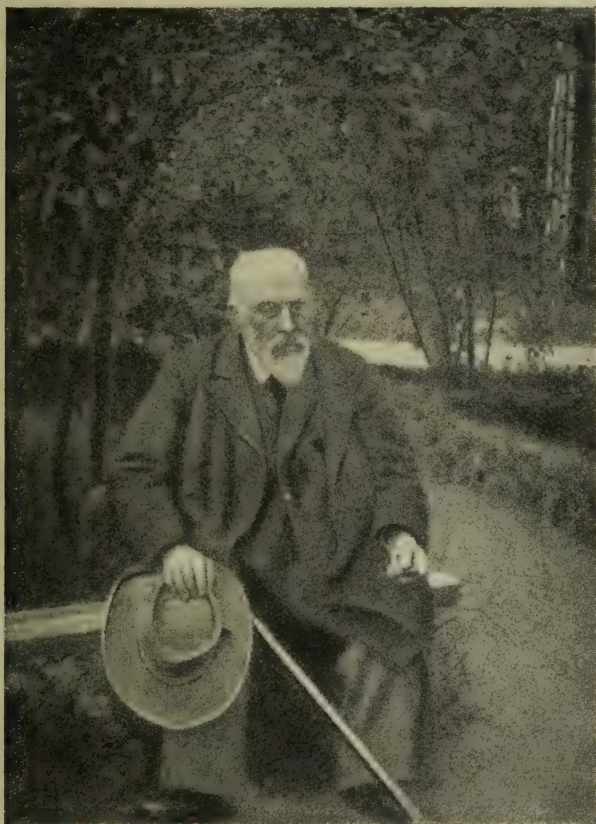
безпокойное царствованіе Александра I, и вышелъ въ отставку въ 1818 году. И въ настоящее время нѣкоторыя лица изъ рода Бартеневыхъ занимають довольно крупныя должности въ сферѣ какъ административной, такъ и придворной. Но Петръ Ивановичъ сдѣлалъ совершенно иной выборъ своей карьеры: онъ съ молодыхъ лѣтъ сталъ скромно, безкорыстно и неустанно работать на пользу родной исторіи, и среди этой работы скосила его смерть. Покойный незадолго до смерти отпечаталъ одиннадцатую книжку текущаго года своего журнала и почти половину двѣнадцатой. Предчувствуя приближающуюся смерть, онъ сказалъ своему сыну Сергѣю Петровичу:

— Вотъ я приготовилъ половину двѣнадцатой книжки. Другую половину заполни моимъ некрологомъ.

П. И. Бартеневъ родился 1-го октября 1829 года въ родовомъ имѣніи своей матери, въ селѣ Королевщинѣ Липецкаго уѣзда Тамбовской губерніи. Окончивъ «благородный пансіонъ» при рязанской гимназіи, восемнадцатилѣтній Бартеневъ поступилъ въ московскій университетъ, на словесное отдѣленіе историко-филологическаго факультета, гдѣ слушалъ профессоровъ Грановскаго, Буслаева, Шевырева, Леонтьева, Каткова, Соловьева и другихъ, а также «пользовался ихъ личною бесѣдою», чему всегда при жизни онъ придавалъ большое значеніе и о которой до послѣднихъ дней сохранилъ благоговѣйное воспоминаніе. Въ университетѣ же онъ сходится съ Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Елагиными, семьею Аксаковыхъ. Эту дружбу Бартеневъ, по собственному его выраженію, счастьемъ «почиталъ своей литературной и общественной жизни». Друзья-славянофилы оказали на него большое вліяніе, которое, безъ сомнѣнія, отразилось и на усиленныхъ трудахъ молодого студента по древней русской исторіи, плодомъ которыхъ явились «Словарь къ памятникамъ русской письменности до XIII вѣка» и изслѣдованіе «Объ языкѣ и слогѣ Несторовой лѣтописи». Молодого любителя родной старины замѣтилъ самъ М. П. Погодинъ, знаменитый изслѣдователь русской исторіи, обласкалъ его, лично одобрилъ его работы, поддержалъ и согрѣлъ въ немъ страсть къ наукѣ и, въ заключеніе, подарилъ нѣсколько десятковъ томовъ своего «Москвитянина». Вскорѣ затѣмъ Бартеневъ приступаетъ къ переводу нѣмецкаго сочиненія «Göthe's Selbstcharacteristik aus seinen Briefen». «По поводу этого перевода,—говоритъ г. Рудаковъ,— профессоръ Шевыревъ еще 26-го января 1851 года писалъ М. П. Погодину: «Посылаю тебѣ переводъ одной нѣмецкой брошюры объ нѣмецкой литературѣ, сдѣланной студентомъ Бартеневымъ. Переводъ хорошъ, и брошюра интересна. Ты его наградишь немногимъ: онъ бѣдный человѣкъ». Но Погодинъ почему-то не нашелъ возможнымъ напечатать его въ «Москвитянинѣ», и переводъ остался въ рукописи».

Таково начало плодотворной учено-литературной дѣятельности будущаго основателя «Русскаго Архива».

Въ 1851 году П. И. Бартеневъ оканчиваетъ университетъ. Начинается «настоящая жизнь»; нужно подумать и о дальнѣйшей карьерѣ, нужно понемногу устраиваться. И первые шаги въ этой новой жизни необычайно счастливы для молодого ученаго: случайно онъ полу-

Петръ Ивановичъ Бартеневъ.

чаетъ должность учителя въ богатомъ аристократическомъ домѣ Л. Д. Шевичъ, урожденной графини Блудовой; это обстоятельство сближаетъ его съ графомъ Д. Н. Блудовымъ, который становится далѣе «живымъ источникомъ» для «Русскаго Архива», затѣмъ П. И. знакомится съ другомъ А. С. Пушкина П. В. Нащокинымъ, который даетъ ему возможность воспользоваться письмами къ нему его знаменитаго друга-поэта. Въ это же время онъ знакомится съ С. А. Соболевскимъ. При содѣйствіи этихъ новыхъ знакомыхъ

П. И. Бартеневъ получаетъ возможность дебютировать на журнальномъ поприщѣ, на которомъ впослѣдствіи онъ создалъ себѣ и выдающееся, заслуженное имя, и среди котораго застала его смерть. Онъ умеръ на своемъ любимомъ посту.

Въ декабрьской книжкѣ погодинскаго «Москвитянина» за 1851 г. появляются отрывки писемъ Пушкина изъ Нащокинскаго архива, но безъ фамиліи Бартенева, извлекшаго ихъ. Объясняется это слѣдующей запиской его къ П. М. Погодину: «Изъ писемъ Пушкина,— писалъ, онъ—сообщенныхъ мнѣ Нащокинымъ, несмотря на весь интересъ ихъ, къ сожалѣнію, кажется, почти ничего не можетъ пойти въ печать. Посылаю вамъ для пополненія вашего собранія». Но Погодинъ все-таки напечаталъ ихъ, не назвавъ, впрочемъ, имени Бартенева. Поэтому С. А. Венгеровъ, а за нимъ и другіе, неправильно относятъ начало литературной дѣятельности не къ 1851 году, а къ 1853 году. Правда, *постоянная* его работа на нивѣ русской ученой журналистики начинается съ этого года.

Въ это время П. И. Бартеневъ настолько близко сходится съ М. П. Погодинымъ и тотъ настолько цѣнитъ его, что поручаетъ ему, во время своего отъѣзда за границу, завѣдываніе журналомъ «Москвитянинъ». Въ этомъ же 1853 году Бартеневымъ исполнена интересная статья о Василіи Андреевичѣ Жуковскомъ, составленная на основаніи писемъ поэта и свѣдѣній, собранныхъ молодымъ біографомъ на родинѣ покойнаго. По нѣкоторымъ причинамъ чисто денежнаго характера эта статья не была напечатана въ «Москвитянинѣ», а вышла въ свѣтъ въ № 18 «Московскихъ Вѣдомостей» за тотъ же 1853 годъ. Статья называлась «О сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго». На столбцахъ этой же газеты появилась и другая статья П. И. Бартенева «Еще нѣсколько словъ о В. А. Жуковскомъ», имѣвшая серьезный полемическій характеръ по отношенію къ А. Д. Галахову, который тоже въ то время печаталъ свои работы о Жуковскомъ. Какъ были приняты замѣчанія Бартенева Галаховымъ, доказываютъ слѣдующія, очень характерныя слова послѣдняго. Онъ писалъ: «Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было вызвать замѣчанія Бартенева, что въ авторѣ ихъ вижу человѣка, занимающагося исторіей отечественной словесности и обладающаго основательными въ ней свѣдѣніями... Я прошу г. Бартенева сообщать свои замѣчанія и на слѣдующія статьи мои о Жуковскомъ».

Бесѣды съ новыми знакомыми, Нащокинымъ, Соболевскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и другими современниками Пушкина, наводятъ Бартенева на мысль объ изученіи біографіи Пушкина, которая тогда находилась въ самомъ первичномъ періодѣ. Въ 1853 году на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» появляется его первая работа о поэтѣ: «Родъ и дѣтство Пушкина». Затѣмъ, въ слѣдующемъ году появляется его обширный трудъ, напечатанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1854 и 1855 годъ: «Александръ Сергѣевичъ

Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи». Здѣсь и въ другихъ мелкихъ замѣткахъ о поэтѣ Бартеневъ сообщаетъ много совершенно новыхъ данныхъ, основанныхъ на обработанныхъ имъ, доселѣ неизвѣстныхъ матеріалахъ; эти работы о Пушкинѣ до сихъ поръ еще не утратили своего значенія въ качествѣ первоисточника, къ которымъ обращаются почти всѣ имѣющіе дѣло съ изученіемъ А. С. Пушкина. Характеристику отношенія Бартенева къ памяти Пушкина и ко всему, что связано съ его именемъ, даетъ извѣстный знатокъ Пушкинской литературы и эпохи Н. О. Лернеръ. Онъ пишетъ въ своей статьѣ, посвященной памяти П. И. Бартенева («Рѣчь», 1912 г., № 292): «къ Пушкину Бартеневъ впослѣдствіи возвращался не разъ, но характеръ изслѣдованія носила лишь одна его работа, самая крупная: «Пушкинъ въ Южной Россіи» («Русская Рѣчь», 1861 года, отдѣльное изданіе 1862 года, и «Русскій Архивъ», 1866 г.); другія его работы, посвященныя Пушкину, сводятся преимущественно къ опубликованію сырыхъ матеріаловъ. Имя величайшаго поэта въ глазахъ Бартенева было окружено ореоломъ благоговѣнія, и на страницахъ «Русскаго Архива» онъ старательно собиралъ и документы, относящіеся къ Пушкину, и воспоминанія о немъ, и анекдоты, и охотно печаталъ пушкиніанскія научныя изслѣдованія (пишущаго эти строки, Брюсова и другихъ)».

Въ своихъ личныхъ бесѣдахъ Петръ Ивановичъ всегда съ особенною охотою обращался къ личности нашего великаго поэта и его времени, непрестанно цитировалъ его, и видимо было, что все, имѣющее то или иное отношеніе къ Пушкину, было его родною стихіею. Онъ являлся какъ бы живымъ свидѣтелемъ этого блестящаго періода русской жизни и ставилъ Пушкина и его школу критеріемъ для сужденій и оцѣнки всей нашей послѣдующей литературы. Можно по всей справедливости сказать, что послѣ П. А. Ефремова Петръ Ивановичъ былъ вторымъ знатокомъ нашей «пушкиніаны». Насколько достовѣрно, трудно сказать, но молва гласила, что въ архивѣ Бартенева хранилось кое-что драгоцѣнное изъ черновыхъ набросковъ автора «Евгенія Онѣгина», что онъ ревниво берегъ и почему-то не рѣшался опубликовать.

Мы не будемъ повторять здѣсь всего того, что В. Е. Рудаковъ помѣстилъ въ литературномъ curriculum vitae П. И. Бартенева, но отмѣтимъ лишь главнѣйшее. Съ 1856 года начинается опубликованіе на страницахъ разныхъ журналовъ всевозможныхъ историческихъ матеріаловъ съ его обстоятельными примѣчаніями, объясненіями и т. п. Такъ, въ 1856 г. появляется «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, съ приложеніемъ уложенія сокольничьяго пути, съ пояснительною къ нему замѣткою С. Т. Аксакова и съ портретомъ царя и снимками его почерка». Затѣмъ П. И. посчастливилось разыскать нѣсколько любопытныхъ писемъ этого государя къ П. С. Хомякову, относящихся къ 1656—

1657 гг. Наиболѣе привлекалъ вниманіе Бартенева XVIII вѣкъ и послѣдующее время, поэтому и въ журналахъ, которыми онъ завѣдывалъ («Русская Бесѣда» и основанный имъ «Русскій Архивъ»), гораздо болѣе имѣется матеріаловъ, относящихся именно къ этой эпохѣ. О допетровской эпохѣ въ «Русскомъ Архивѣ» имѣется весьма немного, а именно: «Путешествіе по Россіи голландца Стрюйса» (1880 г. т. I), нѣсколько матеріаловъ о Никонѣ и знаменитая «Челобитная Вас. Вас. Полозова царю Ѳедору Алексѣевичу»; въ отдѣлѣ статей и изслѣдованій мы находимъ нѣсколько больше матеріала; здѣсь имѣются: «Правда о Лжедмитріи», Н. Павлова (1886 г., т.II), «Мининъ и Пожарскій», И. Е. Забѣлина (1872 г.), «Яицкое войско», В. Витевскаго (1879 г.), нѣсколько статей Д. И. Иловайскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Съ 1859 до 1873 гг. Бартеневъ, во время своего управленія знаменитой Чертковской библіотекой, весьма упорядочилъ ее и издалъ три части ея каталога. Къ этому же времени относится его работа по завѣдыванію «Русской Бесѣдой» и изданіе имъ переводовъ «Исторіи Сербіи» Ранке, «Исторіи Германіи съ древнѣйшихъ временъ до 1851 г.» Кольрауша.

Въ 1863 г. появился первый номеръ «Русскаго Архива», издававшагося при Чертковской библіотекѣ П. И. Бартеневымъ, по совѣту Хомякова и другихъ. Журналъ поставилъ себѣ задачей особенно яркое освѣщеніе русской исторіи XVII—XIX вѣковъ, причемъ преимущественною любовью почтеннаго издателя были періоды царствованія Петра I, Екатерины II и начало XIX вѣка. «Русскій Архивъ» въ русской жизни явился обширнѣйшей исторической энциклопедіей, безъ которой нынѣ не можетъ обойтись ни одинъ, занимающійся нашей исторіей. Бартеневъ отличался удивительной способностью разыскивать матеріалы для своего изданія; къ нему ихъ несли, можно сказать, со всѣхъ концовъ Россіи, подобно тому, какъ это было нѣкогда съ покойнымъ Погодинымъ, причемъ вкладчики въ его журналъ, какъ бы сознавая всю полезность работы издателя, не предъявляли къ нему особыхъ гонорарныхъ требованій. Большою поддержкою ему были лица, стоящія во главѣ нашего управленія, благодаря чему Петръ Ивановичъ часто заполучалъ для своего журнала такіе статьи и мемуары, которые никоимъ образомъ не могли бы попасть въ руки другихъ редакторовъ и издателей. Въ этихъ видахъ Бартеневъ часто наѣзжалъ въ нашу сѣверную столицу, откуда и увозилъ цѣлыя груды драгоцѣннаго историческаго достоянія. Напечатанное пока въ 598 книгахъ этого архива только часть того, что Бартеневу удалось заполучить для своего «Русскаго Архива». Многое еще покоится въ его папкахъ, и, несомнѣнно, продолжатели его дѣла получатъ возможность еще много лѣтъ вести завѣщанную имъ историческую энциклопедію. Аккуратность его издательства была образцовая; за много впе-

редъ книжки журнала были имъ скомплектованы, набраны въ листахъ, прокорректированы и снабжены его цѣнными примѣчаніями. Самъ лично онъ мало выступалъ въ своемъ журналѣ съ самостоятельными статьями, но его примѣчанія, порою фактическаго характера, порою полемическаго, составляютъ богатѣйшее наслѣдіе нашей исторической литературы. Въ нихъ весь Петръ Ивановичъ съ его громадными свѣдѣніями, съ страстною любовью къ Россіи, съ своеобразно насмѣшливымъ умомъ и тонкимъ критическимъ талантомъ. Если бы собрать одни эти примѣчанія его по всѣмъ эпохамъ русской жизни, то они одни составили бы не одинъ томъ, за который въ любой культурной странѣ ему присудили бы высокое ученое званіе. Но Петръ Ивановичъ всю жизнь пребывалъ простымъ редакторомъ-издателемъ, хотя и популярнаго, но сравнительно мало распространеннаго изданія, являющагося неотъемлемой принадлежностью каждаго ученаго кабинета, каждой цѣнной библіотеки.

Единственныя общества, въ которыхъ онъ принималъ участіе, были научно-литературныя общества, какъ, напримѣръ: общество любителей россійской словесности и императорское историческое общество, которое онъ охотно ежегодно посѣщалъ, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, когда старческая слабость не могла и не позволяла ему предпринимать дальняго путешествія. Вообще вся жизненная дѣятельность Бартенева заключилась въ тиши кабинетной работы, и въ этой области онъ оставилъ по себѣ дѣйствительно видный слѣдъ.

За исключеніемъ 598 книгъ «Русскаго Архива» имъ изданы въ 1868 году четыре книги цѣннаго историческаго сборника «Осьмнадцатый вѣкъ», за которымъ послѣдовали два тома «Девятнадцатаго вѣка». Большое значеніе для нашей исторической литературы имѣютъ и редактированные имъ сорокъ томовъ (съ 1870—1895 гг.) «Архива князя Воронцова» и множество другихъ работъ. Онъ принималъ участіе и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ помѣщалъ преимущественно свои воспоминанія о почившихъ дѣятеляхъ литературы и науки: напримѣръ, объ А. П. Львовой (1891 г., № 323), князѣ П. Г. Волконскомъ (1896 г., № 254), О. К. Рейтернъ (1898 г., № 10), княгинѣ М. А. Голицыной-Прозоровской (1901 г., № 324), А. С. Хомяковѣ (1910 г., № 218), Н. И. Пироговѣ (№ 263) и патріархѣ Гермогенѣ (1911 г., № 38).

Первое изданіе «Войны и мира» вышло также при содѣйствіи редактора «Русскаго Архива», который тщательно продержалъ всю корректуру этого безсмертнаго произведенія; равнымъ образомъ имъ впервые были изданы стихотворенія Тютчева и Аксакова, точно также въ свое время онъ же помогъ Шевыреву составить и издать «Исторію» и «Словарь профессоровъ московскаго университета».

До послѣднихъ дней своихъ Бартеневъ продолжалъ трудиться надъ лѣтописью русской жизни. Согласно некрологу его, напеча-

танному въ «Русскомъ Словѣ» (№ 245), онъ уже давно чувствовалъ слабость и часто болѣлъ, но до послѣднихъ дней интересовался судьбою своего дѣтища— «Русскаго Архива», и даже въ предсмертномъ бреду спрашивалъ, отправлены ли гранки въ типографію...

21-го октября П. И. Бартенева не стало.

Послѣ него осталась большая библіотека. Въ ней много ученыхъ сочиненій по исторіи Россіи XVIII и XIX вѣковъ. Многія книги имѣютъ на поляхъ замѣтки авторовъ. Покойный началъ собирать библіотеку съ 21-го года, когда окончилъ московскій университетъ. Библіотека завѣщана сыну С. П. Бартеневу, извѣстному музыканту, помощнику отца въ послѣднее время по веденію журнала.

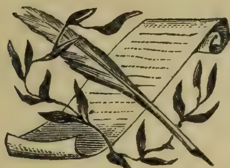
Вѣрно характеризуетъ старика Бартенева въ своемъ некрологѣ («Рѣчь», № 292) Н. Лернеръ, говоря: «какъ личность, Бартеневъ былъ чрезвычайно своеобразенъ, стиленъ, такъ сказать, «историченъ». Это былъ человѣкъ-документъ, живая историческая достопримѣчательность, типичный обломокъ николаевской эпохи, когда сложились и отвердѣли навсегда его историческія и общественныя воззрѣнія. Отъ него такъ и вѣяло стариной, добродушной, растрепанной, богобоязненной и къ властямъ почтительной, хотя немного фрондирующей, Москвой временъ супруговъ Закревскихъ. Любопытны были его воспоминанія. Кого только не знавалъ онъ на своемъ долгомъ вѣку, съ кѣмъ только не встрѣчался! К. С. Аксаковъ былъ для него «Константинъ Сергѣевичъ», и какъ-то странно и жутковато-забавно было слышать, какъ вспоминалъ онъ о Чаадаевѣ: «прихожу однажды на Басманную къ покойнику Петру Яковличу»... Архаиченъ былъ стиль его писемъ и бесѣдъ. Помню, какъ онъ однажды извинялся, что не могъ отдать мнѣ визитъ: «не прогнѣвайтесь, батюшка, что изъ-за хвори не могъ взаимствовать вамъ посѣщеніемъ»... Никогда не забуду, съ какимъ чисто-юношескимъ увлеченіемъ читалъ онъ наизусть своимъ глуховатымъ, но твердымъ голосомъ пророческіе, геніальные стихи Пушкина: «Стамбулъ гяуры нынче славятъ»..., какъ упивался ихъ полнозвучностью и сладостью, какіе вкусные разсказывалъ анекдоты... Да, интересный это былъ человѣкъ и большой дѣятель. Въ русской исторіографіи и литературѣ онъ воздвигъ себѣ несокрушимый памятникъ».

Да, дѣйствительно, Петръ Ивановичъ былъ во всемъ своеобразенъ: въ своей личной жизни, въ своихъ работахъ, въ своей рѣчи, въ своихъ взглядахъ. Это былъ типичный москвичъ, москвичъ былого времени, для котораго исторія Бѣлокаменной была живой лѣтописью, гдѣ все ему было близко, родное и милое. Москву новѣйшаго, революціоннаго періода онъ даже не признавалъ. Для него тутъ было что-то непонятное, какое-то историческое недоразумѣніе, что-то преходящее, наносное. Когда, въ дни 1905 года, на улицахъ первопрестольной раздавались выстрѣлы и строились

баррикады, хромой старичокъ съ костылемъ подъ мышкой не допускалъ для себя объ мысли и опасности выходить за порогъ дома, и на этой почвѣ между нимъ и его родными происходило немало курьезовъ.

Съ кончиной этого своеобразнаго ученаго москвича отошла въ вѣчность какъ бы цѣлая эпоха, давшая Россіи столько талантливаго, прекраснаго, что мы вѣчно будемъ изучать и чему учиться, какъ равно не забудемъ и того, кто былъ послѣднимъ, такъ сказать, живымъ лѣтописцемъ своего культурнаго времени.

Г. Л. И.

ПАМЯТИ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.

РЯДЫ русскихъ беллетристовъ, вышедшихъ на широкую литературную дорогу въ періодъ 70—80-хъ годовъ, рѣдѣютъ: въ короткое время не стало И. Л. Леонтьева-Щеглова, М. Н. Альбова, 2-го ноября текущаго года скончался Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, по случаю 40-лѣтняго юбилея котораго еще такъ недавно газеты помѣстили рядъ статей, гдѣ, наконецъ-то, замолчанному критикой талантливому писателю воздали должное. Маминъ уже нѣсколько лѣтъ какъ бы пребывалъ на положеніи литературнаго инвалида, и только повторныя отдѣльныя изданія его многочисленныхъ произведеній напоминали публикѣ объ этомъ выдающемся представителѣ нашей беллетристики. Тяжелый недугъ съ неумолимой послѣдовательностью подтачивалъ его богатырскій организмъ, и въ послѣднее время онъ все рѣже и рѣже появлялся въ писательской средѣ, которая его лично любила, какъ великолѣпнаго товарища, занятнаго и веселаго себесѣдника, вносившаго въ окружающую среду запасъ задушевности, безобидной шутки и незлобиваго смѣха.

Пишущій настоящій очеркъ состоялъ съ покойнымъ писателемъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ, начиная съ 1890 года, когда Дмитрій Наркисовичъ появился въ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» съ объемистой рукописью, предназначенною для областного отдѣла журнала и посвященною описанію добычи на Уралѣ золота и платины. Желаніе Мамина принять участіе въ журналѣ доставило мнѣ немалую радость, и между мною и этимъ, тогда уже

извѣстнымъ писателемъ скоро завязались дружескія отношенія. Высокій, статный, съ умнымъ красивымъ лицомъ, выразительными глазами, его импонирующій образъ сразу располагалъ къ себѣ, вызывалъ симпатію и естественно заставлялъ думать, что предъ тобою находится отмѣченный божественною печатью человѣкъ съ большимъ талантомъ и широкою, любвеобильною душою. Съ тѣхъ поръ наши отношенія съ Маминымъ бывали временами очень тѣсными, и мнѣ приходилось въ разные періоды его жизни становиться къ нему въ особенную близость.

Свѣжій холодъ могилы не позволяетъ мнѣ повѣдать здѣсь многое интимное, что мнѣ извѣстно изъ жизни этого выдающагося человѣка, и разсказать то близкое и сердечное участіе, которое онъ мнѣ выказывалъ въ разные тревожные періоды моей жизни. Тутъ пришлось бы вдаться въ область автобіографическую, гдѣ обоюдныя наши драмы и комедіи смѣшивались и переплетались, гдѣ между собесѣдниками лились долгія рѣчи и оказывались другъ другу тѣ или иныя услуги. Все это главнѣйше имѣло мѣсто въ первую половину 90-хъ годовъ, когда и въ жизни Мамина разыгралась большая семейная трагедія и когда и надъ моей судьбою висѣли сѣрыя тучи.

Какъ живой, стоитъ передо мной Дмитрій Наркисовичъ по прибытіи въ 1890 году въ Петербургъ, когда онъ рука объ руку съ артисткой М. М. Абрамовой свивалъ свое уютное гнѣздышко на Милліонной улицѣ, гдѣ чувствовалось столько задушевнаго тепла и гдѣ взоръ съ любовью останавливался на этой красивой парочкѣ изъ литературно-артистическаго міра, передъ которой, казалось, развертывалась такая широкая, свѣтлая жизненная дорога. Но горе подкралось нежданно, и преждевременная смерть унесла подругу жизни нашего писателя, оставивъ на его попеченіе малютку-дочь, которой онъ и отдалъ всю силу своей любящей души, всю силу своихъ думъ и заботъ. Тяжелый періодъ жизни наступилъ у него; горе могло его совершенно поглотить, но близкіе люди, успѣвшіе къ тому времени полюбить этого выходца изъ Урала, сумѣли его поддержать и въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, тоже нынѣ ужъ покойные Александра Аркадьевна Давыдова и Н. К. Михайловскій. Давыдова на первыхъ же порахъ приняла на себя попеченіе и заботу объ осиротѣвшей Аленушкѣ,—такъ звали дочь Мамина,—и избавила его отъ тѣхъ хлопотъ, которыя не всегда бываютъ подъ силу мужчинамъ. За эти услуги Маминъ чувствовалъ себя безконечно обязаннымъ Давыдовой, и когда она основала журналъ «Міръ Божій», впослѣдствіи перекрещенный въ «Современный Міръ», онъ оказалъ ей своимъ художественнымъ перомъ сильную поддержку, работая на изданіе на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Я помню посѣщеніе Маминымъ издательницы «Міра Божьяго» въ Лѣсномъ въ 1895 г. и видѣлъ всю ту безконечную признательность, кото-

рую онъ ей дарилъ въ отвѣтъ за все то доброе, что когда-то Давыдова сдѣлала и для него, и для его дочери. Равнымъ образомъ отдавалъ онъ и свои лучшія чувства Михайловскому, котораго высоко ставилъ и какъ писателя, и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ человѣка.

Когда на послѣднемъ писательскомъ съѣздѣ среди нѣкоторыхъ литературныхъ кружковъ говорили, что на съѣздѣ не участвуютъ крупныя литературныя силы, Маминъ, обращаясь къ своимъ провинціальнымъ коллегамъ, говорилъ:

— А гдѣ онѣ, крупныя-то силы? За свою многолѣтнюю литературную дѣятельность я зналъ только одного крупнаго писателя—и этимъ писателемъ былъ покойный Николай Константиновичъ Михайловскій.

Послѣдній питалъ къ Сибиряку чувство большой любви, высоко ставилъ его «стихійный талантъ» и всегда любовался проявленіемъ его оригинальнаго ума, мѣткостью его опредѣленій и живописностью его рѣчи, какъ въ личной бесѣдѣ, такъ и въ писаніи. Но рядомъ съ этимъ за Михайловскимъ передъ Маминымъ былъ тяжкій грѣхъ: онъ не удосужился въ своихъ критическихъ работахъ дать должную характеристику литературнаго творчества Мамина, поставить его въ нашей журналистикѣ на надлежащее мѣсто и тѣмъ самымъ своимъ авторитетомъ критика-публициста освободить его отъ того замалчиванія и непониманія нашей общей критикою, которыми она провинилась передъ почившимъ писателемъ.

Кромѣ личной раны, о которой упомянуто выше, замалчиваніе Мамина критикой было также больнымъ мѣстомъ въ его жизни, и иногда въ этомъ отношеніи при всей скрытности своего характера, скупого на автобіографическій матеріалъ, онъ невольно давалъ волю своему накипѣвшему больному чувству. Такъ, въ одну изъ нашихъ послѣднихъ встрѣчъ въ Павловскѣ у умиравшаго А. М. Скабичевскаго онъ прорвался послѣ лишняго выпитаго стакана вина. Вспоминая свое прибытіе въ Петербургъ и «представленіе» корифеямъ нашей критики, Маминъ со смѣхомъ, въ которомъ, однако, слышались ноты не то обиды, не то сарказма, отмѣтилъ, какъ нѣсколько свысока отнесся къ нему Скабичевскій и какъ послѣдній пришпилилъ къ нему кличку «беллетриста-этнографа». Эта кличка казалась ему обидною, и онъ раздражался, что критика въ его произведеніяхъ не находитъ ничего болѣе замѣчательнаго, какъ элементъ этнографіи. Болѣе сдержанно отнесся онъ къ тому, что Михайловскій просто замолчалъ его, отмѣтивъ лишь «стихійность» его дарованія, и однажды въ бесѣдѣ со мною въ Москвѣ, гдѣ мы одновременно очутились по литературнымъ дѣламъ, уже послѣ смерти знаменитаго соціолога-публициста, Маминъ просто съ огорченіемъ подчеркнулъ этотъ фактъ. Узнавъ, что Михайловскій какъ-то въ разговорѣ со мной удивлялся даровитости автора

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

«Уральскихъ разсказовъ» и выдвигалъ съ особенною силою своеобразность его таланта, не укладывавшагося ни въ какія шаблонныя рамки, онъ упорно требовалъ отъ меня возстановить въ памяти все то, что редакторъ «Русскаго Богатства» про него говорилъ. Видно было, что онъ дорожилъ каждымъ его словомъ, какъ словомъ не только выдающагося писателя, но и человѣка, къ которому онъ крѣпко былъ привязанъ. Мнѣ кажется, что, останься живъ

Михайловскій еще нѣкоторое время, и жизнь Мамина не скоро прекратилась бы; онъ сумѣлъ бы удержать своего младшаго друга отъ тѣхъ грѣховъ и ошибокъ, въ которые онъ впадалъ все чаще и чаще въ послѣдніе годы и которые ускорили его роковую развязку жизни.

Человѣкъ удивительно общительный, стоявшій внѣ всякихъ партій, нашъ беллетристъ имѣлъ много пріятелей, но друзей, настоящихъ друзей у него было мало, передъ которыми бы онъ развертывалъ всю широту своей прекрасной души, и одиночество въ идейномъ, культурномъ смыслѣ было, на мой взглядъ, несомнѣннымъ спутникомъ его жизни. При всей шумности своего поведенія на людяхъ, шумности, покрытой постояннымъ смѣхомъ, бравурными рѣчами, вѣчными шутками и прибаутками, въ немъ таилась какая-то тоска, которую онъ глубоко оберегалъ въ своей душѣ, не давая къ ней прикасаться чужимъ рукамъ. Его произведенія, разсмотрѣнныя подъ этимъ угломъ зрѣнія, могутъ дать въ распоряженіе изучающихъ ихъ богатый матеріалъ. Въ обиліи вы найдете этотъ матеріалъ и въ автобіографическомъ романѣ «Черты изъ жизни Пепко», гдѣ авторъ нарисовалъ немало страницъ изъ раннихъ лѣтъ своей жизни перваго періода пребыванія въ Петербургѣ, нѣкоторыми страницами котораго мы въ дальнѣйшемъ воспользуемся для характеристики писательской физіономіи почившаго беллетриста.

Дмитрій Наркисовичъ Маминъ родился въ 1852 году въ Екатеринбургѣ въ духовной средѣ. Я помню большой портретъ, висѣвшій въ 90-хъ годахъ надъ его письменнымъ столомъ, изображавшій собою почтеннаго іерея,—это было изображеніе его отца. Среднее образованіе прошелъ онъ въ той же родной духовной средѣ, а для полученія высшаго пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ учился то въ ветеринарномъ институтѣ, то въ университетѣ, но ни въ одномъ изъ заведеній курса не окончилъ,—того не позволили ему средства, и онъ съ молодыхъ лѣтъ погрузился въ тяжелую мелкую газетную работу. Каждый день брался съ бою построчной платой мелкаго репортажа, который изсушалъ силы, но не давалъ необходимой пищи молодому организму. «Какая это ужасная вещь—голодъ, особенно въ молодые годы, когда организмъ такъ настойчиво предъявляетъ свои права на питаніе,—говоритъ онъ въ своемъ автобіографическомъ романѣ «Черты изъ жизни Пепко».—Среднимъ числомъ мнѣ пришлось прожить впроголодь около десяти лѣтъ, и я отлично понимаю, что значитъ вѣчно недоѣдать». Вспоминая объ этомъ репортерскомъ періодѣ своей жизни, писатель далѣе повѣствуетъ: «Мое репортерство быстро пошло въ ходъ, и въ какой-нибудь мѣсяцъ я превратился въ зауряднаго газетнаго сотрудника. Меня уже не смущала больше моя пестрая визитка, потому что были и другіе репортеры, ко

торые настойчиво желали быть репортерами. Громадное неудобство этой работы заключалось въ томъ, что она отнимала ужасно много времени. Приходилось въ день засѣданія уходить изъ дому въ семь часовъ вечера и возвращаться въ часъ, а затѣмъ утромъ писать отчетъ и нести его въ трактиръ. Однимъ словомъ, уходилъ почти цѣлый день. Такая работа въ результатѣ давала отъ рубля до двухъ за отчетъ. Считая отъ десяти до пятнадцати ученыхъ засѣданій въ мѣсяцъ, мой заработокъ колебался между двадцатью и тридцатью рублями. Цифра для меня являлась громадной, особенно принимая во вниманіе, что это были первые заработки, дававшіе извѣстную самостоятельность и нѣкоторое уваженіе къ собственной особѣ. Да, я уже являлся составной частью того живого цѣлаго, которое называется ежедневной газетой. Про себя я очень гордился своей первой литературной работой и былъ радъ, что началъ службу простымъ рядовымъ. Теперь для меня раскрывалась другая сторона жизни газетнаго дѣла, которая для обыкновеннаго газетнаго читателя не существуетъ,—за этими печатными строчками открывался оригинальный живой міръ: органически связанный вотъ именно съ такимъ печатнымъ листомъ бумаги. Настоящій газетный сотрудникъ, въ общежитейскомъ смыслѣ, погибшій человѣкъ, потому что послѣ пяти-шести лѣтъ газетной работы онъ настолько въѣдается въ свое дѣло, что теряетъ всякую способность къ другой работѣ. Я видѣлъ настоящихъ фанатиковъ газетнаго дѣла, какъ тотъ же полковникъ Фрей [1]). Меня поражала прежде всего его изумительная аккуратность,—аккуратность настоящаго стараго газетнаго солдата, который зналъ только одно, что «газета не ждетъ». Мнѣ пришлось проработать съ нимъ вмѣстѣ около трехъ лѣтъ, и не было случая, когда бы онъ опоздалъ хотя на пять минутъ.

«Газетное братство распадалось на цѣлый рядъ категорій: передовики, фельетонисты, хроникеры, завѣдывающіе отдѣлами вообще и просто мелкая газетная сошка. Въ сущности получались двѣ неравныхъ «половины»: съ одной стороны газетная аристократія, какъ модные фельетонисты, передовики и «наши уважаемые сотрудники», а съ другой стороны—безыменная газетная челядь, ютившаяся на послѣднихъ страницахъ, въ отдѣлѣ мелкихъ извѣстій, замѣтокъ, слуховъ и сообщеній. Особенно сильная борьба шла именно въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ микроорганизмовъ, гдѣ каждая напечатанная строка являлась синонимомъ насущнаго хлѣба. Я быстро понялъ эту газетную философію: каждая напечатанная мной строка отнимала у кого-нибудь его кусокъ хлѣба. Отсюда своя подводная борьба за существованіе, свои бури въ стаканѣ воды, свои интриги, симпатіи и антипатіи».

---

[1]) Фамилія вымышлена. Б. Г.

Одновременно съ этой репортерской работой Маминъ задумываетъ и писаніе романа и все въ тѣхъ очеркахъ «Изъ жизни Пепко» даетъ характерныя страницы процесса своего творчества и отмѣчаетъ, какимъ путемъ и какимъ методомъ работы онъ шелъ къ намѣченной цѣли. Онъ повѣствуетъ: «Мои занятія шли своимъ чередомъ. Все свободное время, которое у меня оставалось, шло на писаніе романа. То была работа Сизифа, потому что приходилось до десяти разъ передѣлывать каждую главу, мѣнять планъ, вводить новыхъ лицъ, вставлять новыя описанія и т. д. Недоставало прежде всего знанія жизни и технической опытности... У этого перваго произведенія прежде всего было одно достоинство: оно дало привычку къ упорному самостоятельному труду. Да, труда было достаточно, а главное—была цѣль впереди, для которой стоило поработать. Время отъ времени наступали моменты глухого отчаянія, когда я бросалъ все. Ну, какой я писатель? Вѣдь писатель долженъ быть чуткимъ человѣкомъ, впечатлительнымъ, а я чувствовалъ себя самымъ зауряднымъ, среднимъ рабочимъ — и только. Я перечитывалъ русскихъ и иностранныхъ классиковъ и впадалъ въ еще большее уныніе. Какъ у нихъ все просто, хорошо, красиво и, главное, какъ легко написано, точно взялъ бы и самъ написалъ то же самое. И какъ понятно—вѣдь я то же самое думалъ и чувствовалъ, что они писали, а они умѣли угадать самыя сокровенныя движенія души, самыя тайныя мысли, всю ложь и неправду жизни. Что писать послѣ этихъ избранниковъ, съ которыми говорила морская волна и для которыхъ звѣздная книга была ясна...

«Первоначальная форма романа была совершенно особенная, безъ главъ и частей. Кажется, чего проще—разбить поэму на части и главы, а между тѣмъ это представляло непреодолимыя трудности—дѣйствующія лица никакъ не укладывались въ предлагаемыя рамки, и само дѣйствіе не поддавалось расчлененію. Однимъ словомъ, мнѣ приходилось писать такъ, какъ будто это былъ первый романъ въ свѣтѣ и до меня никто не написалъ ничего похожаго на романъ. Дѣйствіе получалось самое запутанное, такъ что изъ каждой главы можно было сдѣлать самостоятельный романъ. А затѣмъ дѣйствующія лица такъ мало походили на живыхъ людей, начиная съ того, что рѣзко разграничивались на два разряда—собственно героевъ и мерзавцевъ по преимуществу. Это было то же, если бы въ мірѣ было всего два цвѣта—бѣлый и черный, а спектръ не существовалъ. Настоящая жизнь еще не давала красокъ. Да и какая это была жизнь: описывать свое родное гнѣздо, когда Гоголь уже навѣки описалъ югъ, описывать свою школу, студенчество, репортеровъ, Ѳедосью, Пепку, фельдшера, какъ онъ жужжитъ мухой, пухленькую Надю,—все это было такъ сѣро, заурядно, и не давало ничего. Вообще было достаточно основаній для отчаянія... Да и что можно было написать, сидя въ нашей проклятой мурьѣ? Я

началъ ненавидѣть свою комнату, Өедосью, всѣхъ квартирантовъ; это была та стѣна, которая заслоняла отъ меня настоящую жизнь. Оставалась надежда на будущее, и я хватался за нее, какъ утопающій хватается за соломинку.

«Впрочемъ, была одна область, въ которой я чувствовалъ себя до извѣстной степени сильнымъ и даже компетентнымъ: это—описаніе природы. Вѣдь я такъ ее любилъ и такъ тосковалъ по ней, придавленный петербургской слякостью, сыростью и вообще мерзостью. У меня въ душѣ жили и южное солнце, и высокое синее небо, и широкая степь, и роскошный южный лѣсъ... Нужно было только перенести все это на бумагу, чтобы и читатель увидѣлъ и почувствовалъ величайшее чудо, которое открывается каждымъ восходящимъ солнцемъ, и къ которому мы настолько привыкли, что даже не замѣчаемъ его. Вотъ указать на него, раскрыть всѣ тонкости, всю гармонію, все то, что благодаря этой природѣ отливается въ національныя особенности, начиная пѣсней и кончая общимъ душевнымъ тономъ. Свои описанія природы я началъ съ подражанія тѣмъ образцамъ, которые помѣщены въ хрестоматіяхъ, какъ образцовые. Сначала я писалъ напыщенно-реторическимъ стилемъ à la Гоголь, потомъ старательно себѣ усвоилъ манеру красивыхъ описаній à la Тургеневъ и только подъ конецъ понялъ, что и Гоголевская природа и Тургеневская—обѣ не русскія, и подъ ними можетъ смѣло подписаться всякая другая природа, за очень немногими исключеніями. Настоящая равнинная Русь чувствуется только у Л. Толстого, и горная—у Лермонтова,—эти два автора навсегда остались для меня недосягаемыми образцами. Надъ выработкой пейзажа я бился около двухъ лѣтъ, причемъ мнѣ много помогли русскіе художники-пейзажисты новаго реальнаго направленія. Я не пропускалъ ни одной выставки, подробно ознакомился съ галереями Эрмитажа и только здѣсь понялъ, какъ далеко ушли русскіе пейзажисты по сравненію съ литературными описаніями. Они схватили ту затаенную, скромную красоту, которая навѣваетъ спеціально русскую хорошую тоску по сѣверѣ; они поняли чарующую прелесть русскаго юга, того юга, который въ концѣ концовъ подавляетъ роскошью своихъ красотъ и богатствомъ свѣтотѣни. И тамъ, и тутъ разливалась спеціально наша русская поэзія, оригинальная, мощная, безграничная и безъ конца родная... Красота, вообще, вещь слишкомъ условная, а красота типичная—вещь опредѣленная. Сѣверные сумерки и разсвѣты съ шелковымъ небомъ, молочной мглой и трепетнымъ полуосвѣщеніемъ, сѣверныя бѣлыя ночи, кровавыя зори, когда въ іюнѣ утро съ вечеромъ сходится,—все это было наше родное, отъ чего ноетъ и горитъ огнемъ русская душа; бархатныя синія южныя ночи съ золотыми звѣздами, безбрежная даль южной степи, захватывающій просторъ синяго южнаго моря—тоже наше и тоже съ оттѣнкомъ какого-то глубоко

неудовлетвореннаго чувства. Блѣдная сѣверная зелень — скороспѣлка, блѣдные сѣверные цвѣтки, контрастирующая траурная окраска вѣчно зеленаго хвойнаго лѣса съ его молитвенно-строгими готическими линіями, унылая средне-русская равнина съ ея врачующимъ просторомъ, разливы могучихъ рѣкъ,—все это только служило дополненіемъ могучей южной красоты, горѣвшихъ тысячью яркихъ живыхъ красокъ—цвѣтовъ, смуглой, кожистой, точно лакированной южной зеленью, круглившимися купами южныхъ деревьевъ. Съ какимъ удовольствіемъ я провѣрялъ описанія природы по лучшимъ картинамъ, сравнивалъ, исправлялъ и постепенно доходилъ до пониманія этого захватывающаго чувства природы. Мнѣ много помогло еще то, что я съ дѣтства бродилъ съ ружьемъ по степи и въ лѣсу и не одинъ десятокъ ночей провелъ подъ открытымъ небомъ на охотничьихъ привалахъ. Надъ рукой былъ необходимый живой матеріалъ, и я разрабатывалъ его съ упоеніемъ влюбленнаго, радуясь каждому удачному штриху, каждому удачному эпитету или сравненію».

Возвращаясь въ другомъ мѣстѣ къ первымъ шагамъ на пути своей беллетристической работы, Маминъ говоритъ: «Я опять перечитывалъ свой романъ и начиналъ находить въ немъ нѣкоторыя достоинства, какъ описанія природы, двѣ-три удачныхъ сцены, двѣ-три характеристики. Есть авторы, которые выступаютъ сразу въ своемъ настоящемъ амплуа, и есть другіе авторы, которые поднимаются къ этому амплуа точно по лѣсенкѣ. Вдумываясь въ свое сомнительное дѣтище, я отнесъ себя къ послѣднему разряду. Да, впереди предстоялъ цѣлый рядъ неудачъ, разочарованій и ошибокъ, и только этимъ путемъ я могъ достигнуть цѣли. Я нисколько не обманывалъ себя и видѣлъ впереди этотъ тернистый путь. Что же, у всякаго своя тернистая дорога.. Вѣдь музыкантъ прежде, чѣмъ перейти къ композиторству, долженъ пройти громадную школу, художникъ то же, и одна теорія ни тому, ни другому не даетъ ничего, кромѣ знанія. Автору приходится сразу выступать композиторомъ, и въ этомъ громадная разница. Конечно, и у автора есть свой подражательный періодъ, который только постепенно смѣняется тѣмъ *своимъ*, что одно только и дѣлаетъ автора. Въ этомъ *своемъ*, какъ бы мало оно ни было, заключается весь авторъ; разница только въ степени. Есть свои рядовые, офицеры, генералы и даже фельдфебеля и унтеръ-офицеры.

«Всѣ эти мысли и чувства проходили у меня довольно безсвязно, путались, сбивали другъ друга и производили тотъ хаосъ, въ которомъ трудно разобраться. А нужно было жить, нужно было работать...»

Изъ приведенныхъ выдержекъ мы усматриваемъ, какъ бережно, благоговѣйно нашъ писатель готовился къ своему служенію печатному слову, для котораго у него въ душѣ создалось и окрѣпло на-

стоящее «какое-то мистическое уваженіе». Онъ съ особенною поэтому любовью вспоминалъ первыя свои появившіяся въ печати произведенія и говорилъ по поводу нихъ: «Первыя печатныя сроки... Сколько въ этомъ прозаическомъ дѣлѣ скрытой молодой поэзіи, какое пробужденіе самостоятельной дѣятельности, какое окрыляющее сознаніе своей силы! Объ этомъ много было написано, какъ о самомъ поэтическомъ моментѣ, и эти первые поцѣлуи остаются навсегда въ памяти, какъ полуистлѣвшія отъ времени любовныя письма».

И благоговѣніе къ писательству, какъ къ цѣломудренному долгу передъ родиной, Маминъ сохранилъ до конца своихъ дней. Для характеристики этой черты жизни почившаго романиста приведемъ любопытную сценку изъ фельетона Гр. Петрова («Русское Слово», № 245), посвященнаго юбилейнымъ днямъ Мамина-Сибиряка. Сотрудникъ этой газеты вспоминаетъ:

«Лѣтъ десять тому назадъ въ Петербургѣ образовались и лѣтъ пять продолжались товарищескіе литературные обѣды. По средамъ собирались наиболѣе крупные писатели-художники, жившіе въ столицѣ. Случалось, навертывались дорогими гостями и пріѣзжіе изъ Москвы или провинціи писатели.

«Помню, въ серединѣ одного изъ такихъ обѣдовъ кто-то изъ служащихъ сообщаетъ, что пришло нѣсколько студентовъ, которые желаютъ видѣть господъ писателей.

«— Кого именно?—спросило нѣсколько недоумѣвающихъ голосовъ.

«— Всѣхъ вообще,—пояснилъ докладчикъ.

«— Попросите войти,—чуть не въ одинъ голосъ радушно пригласили всѣ обѣдавшіе.

«Были покойный романистъ-историкъ Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, гг. Потапенко, Баранцевичъ, еще человѣкъ десять писателей съ именами на всю Россію.

«Минутъ черезъ пять явились гости, три-четыре франтоватыхъ, молодыхъ безусыхъ студента. Непринужденно раскланялись, назвали свои фамиліи и съ большою развязностью заявили:

«— Мы къ вамъ, господа, представителями. Отъ молодежи, студенчества. Назрѣваютъ событія, нужны вѣскія слова. У студенчества также есть что сказать, и мы рѣшили говорить: хотимъ издавать журналъ. Обсуждая программу и вообще веденіе журнала, мы, между прочимъ, и надумали, что не лишнее было бы пригласить и писателей съ именами. Направились сегодня, навѣдались въ двухъ-трехъ мѣстахъ,—нѣтъ никого дома. Спрашиваемъ: гдѣ? Говорятъ: «на литературномъ обѣдѣ». Мы и рѣшили.

«Дай,—думаемъ,—сразу захватимъ всѣхъ.

«Потому и рѣшились побезпокоить васъ здѣсь.

«Писатели съ именами» любезно пригласили молодежь къ столу, охотно обѣщали свое содѣйствіе.

«— Тогда наша миссія исполнена,—быстро поднялись юные гости.—Мы торопимся далѣе по дѣламъ. Приносимъ благодарность.

«Бойкіе молодые люди вышли, а писатели остались въ какомъ-то недоумѣніи. Чувствовалась въ душѣ легкая горечь. Всѣ молчали,— кто потупясь въ раздумьѣ, кто оглядывая исподлобья сосѣдей.

«— Каково?—тряхнувъ головою и съ искрами юмора въ живыхъ глазахъ, глянулъ Д. Н. Маминъ вслѣдъ ушедшимъ.—Какой смѣлый народъ пошелъ! На губахъ материно молоко не обсохло, усами еще не обзавелись, а уже журналъ свой затѣваютъ, собираются говорить свое слово на всю Россію и, между прочимъ,— замѣтьте—между прочимъ, считаютъ нелишнимъ пригласить нѣсколько писателей съ именами. Осчастливили, удостоили, а затѣмъ мотнули хвостиками и .адью: имъ некогда!

«— Да я въ ихъ годы, на ихъ мѣстѣ, попади студентомъ въ общество, подобно енашему теперь,—я бы подъ столъ спрятался отъ смущенія, не зналъ бы, куда притулиться, сидѣлъ бы хоть сутки, а тутъ, глядите-ка, какіе моншеры: сразу не меньше, какъ съ журнала, и всю крупную литературную рыбу только на пристяжку. Эти далеко пойдутъ. Не догонишь. Свезти,—ничего не свезутъ, ничего и не вывезутъ, но сами далеко проберутся. Рѣзваки!— посвисталъ Дмитрій Наркисовичъ Маминъ.

«Я вспомнилъ эту сцену наканунѣ литературнаго праздника Дмитрія Наркисовича Мамина-Сибиряка не для опредѣленія развязныхъ молодыхъ людей, которые ничего и не сказали, и не написали, и даже не начинали, а для выясненія настроенія заслуженнаго литературнаго гвардейца, стараго писателя дѣйствительно добраго стараго литературнаго времени.

«— Имѣйте уваженіе къ литературѣ и къ вашей литературной работѣ,—писалъ В. Бѣлинскій Ѳ. М. Достоевскому въ началѣ литературной дѣятельности послѣдняго.—Только уважая сами литературу и вашу творческую работу въ литературѣ, вы сможете заслужить уваженіе читателя къ вамъ.

«И вотъ въ горькомъ юморѣ Д. Н. Мамина по поводу нежданнаго налета развязной молодежи нежданно сказалось глубокое уваженіе истиннаго писателя къ великому служенію художественнымъ словомъ.

«Сами мы, какъ люди, какъ человѣки Божьи, обшитые кожей, можетъ быть, и такіе, и сякіе,—можно сказать въ духѣ добродушнаго юмора Дмитрія Наркисовича,—но наше творчество, наша литературная работа, писательство, это, это... это—служеніе, священнодѣйствіе: ни наѣздничества, ни наскока, ни базара, ни забѣганья напоказъ тутъ быть не можетъ.

«И если бы въ поясненіе приведенныхъ словъ нужна была живая иллюстрація, то, какъ примѣръ строгаго литературнаго цѣломудрія, смѣло можно было бы привести Д. Н. Мамина, автора «Золота», «Приваловскихъ милліоновъ», «Чертъ изъ жизни Пепко» и чудныхъ «Аленушкиныхъ сказокъ».

Эти слова Гр. С. Петрова какъ нельзя лучше характеризуютъ Мамина, какъ писателя-профессіонала, и, быть можетъ, этимъ свойствомъ его литературнаго дарованія и литературнаго міровоззрѣнія и объясняется то, что количество созданнаго имъ не совсѣмъ соразмѣрно съ тѣми мощными силами, которыя были заложены въ него природою. Онъ не размѣнивался на мелкую монету, былъ щепетиленъ въ выборѣ себѣ мѣста сотрудничества и отдавалъ въ печать только тогда свое произведеніе, когда оно было имъ всесторонне обдумано и конструировано въ воображеніи во всѣхъ его подробностяхъ. Тогда онъ садился за работу (по преимуществу по утрамъ) и создавалъ его на бумагѣ почти безъ всякихъ помарокъ и поправокъ. Работа шла у него удивительно легко, и просто можно было любоваться, съ какою быстротою исписывались имъ листы почтовой бумаги большого формата.

Выносивъ и воспитавъ въ себѣ перворазряднаго беллетриста, онъ въ 1882 году дебютируетъ сначала въ журналѣ «Дѣло», а затѣмъ переходитъ въ «Отечественныя Записки», гдѣ появляются его большія произведенія: «Бойцы», «Золотуха», «Горное гнѣздо», «Приваловскіе милліоны» и другіе разсказы. Въ концу 80-хъ годовъ количество имъ написаннаго достигаетъ такого размѣра, что его разсказы выходятъ отдѣльно въ двухъ томахъ («Уральскіе разсказы»), куда, однако, не вошли большіе романы. Такимъ образомъ, крупное литературное имя было создано, и писатель послѣ многихъ лѣтъ мыканья по газетнымъ задворкамъ вышелъ на широкую дорогу, гдѣ судьба увѣнчала его извѣстностью и почетомъ. Но жизнь и работа въ столичномъ городѣ не могла давать духовнаго удовлетворенія былому провинціалу: его изъ городскихъ тѣсныхъ каменныхъ гробовъ съ ихъ трактирной обстановкой, являющейся удѣломъ, по большей части, нашихъ начинающихъ писателей, борющихся за право жизни и право творчества, тянуло на просторъ, въ тайгу, въ лѣсъ, въ степь, на лоно природы. Все въ томъ же автобіографическомъ романѣ онъ по этому предмету пишетъ: «Я мечталъ лѣтомъ пробраться въ свои степи: это повторялось каждую весну, и каждую весну эта надежда разбивалась о главное препятствіе: не было денегъ на поѣздку. Такимъ образомъ мнѣ пришлось провести два ужасныхъ лѣта въ Петербургѣ, и я утѣшалъ себя только расчетами на третье. Но, увы!—этой мечтѣ не суждено было сбыться... Какъ разъ передъ послѣднимъ экзаменомъ я получилъ письмо отъ отца, въ которомъ было такъ много хорошихъ совѣтовъ и не было денегъ на поѣздку. Деньги, проклятыя деньги! онѣ отнимаютъ у

насъ даже родное небо, родное солнце, ласки любимыхъ людей,— однимъ словомъ, все хорошее и самое дорогое. Я очень любилъ и уважалъ отца. Это былъ простой и добрый, но строгій человѣкъ, смотрѣвшій на жизнь серьезно. «Перебейся какъ-нибудь лѣто въ Питерѣ,—писалъ онъ:—конечно, это тебѣ покажется скучнымъ, но нужно примириться... Сколько есть людей, которые всю жизнь мечтаютъ попасть въ Петербургъ, чтобы посмотрѣть своими глазами на его чудеса, да такъ и остаются въ глуши. Пользуйся случаемъ... Кончишь курсъ, поступишь въ провинцію на службу, и еще неизвѣстно, удастся ли тебѣ въ другой разъ видѣть эту знаменитую столицу». Милый старикъ, какъ онъ мило ошибался.. Чудеса Петербурга—верхъ наивности. Съ какой радостью я послалъ бы къ чорту эти чудеса, чтобы умчаться туда, на дорогую родину».

И вотъ, что было для него недосягаемымъ въ дни студенческаго богемства и репортерскаго мыканья, становится достижимымъ съ пріобрѣтеніемъ литературнаго имени: онъ посылаетъ къ чорту наши столичныя чудеса и присоединяется снова къ той уральской жизни, гдѣ у него были такъ живы и святы всѣ впечатлѣнія молодого бытія, гдѣ передъ нимъ снова въ величественной панорамѣ предсталъ Уралъ съ его своеобразной жизнью, людьми, нравами и бытомъ, откуда онъ почерпалъ широкою рукою содержаніе и темы для своего творчества. Уралъ, рядомъ съ своеобразіемъ своей бытовой жизни, далъ ему богатое поле наблюденія надъ коренными типами русской жизни, изъ которыхъ одна часть явилась представителями дореформенной Россіи, другая — новаго уклада вещей. Эта дореформенная Россія, примитивная, наивная, своеобразная, неповоротливая и непредпріимчивая, ярко нарисована имъ въ цѣломъ рядѣ произведеній въ моментъ ея распаденія подъ напоромъ новыхъ вѣяній, взявшихъ свое происхожденіе изъ тѣхъ началъ цивилизаціи, которую принесли съ собою освободительные шестидесятые годы. И рядомъ съ этой отживающей стариной онъ поставилъ типы новѣйшей формаціи, жаждущіе, ищущіе, часто хищные и неприглядные, для которыхъ ничто въ старомъ не было дорого и которые старательно сметали это старое, не умѣя, однако, на очищенномъ мѣстѣ создать ничего положительнаго, устойчиваго и красочнаго, что бы привлекло глазъ и вызывало сочувствіе къ своей внѣшней и внутренней сторонѣ. Между этими двумя сторонами старой и новой Россіи онъ вывелъ рядъ промежуточныхъ типовъ, «неготовыхъ къ сильной борьбѣ» и гибнущихъ въ своемъ безсиліи завоевать себѣ право жизни. Всѣ эти стороны русской жизни и типы выведены имъ въ рядѣ романовъ, къ главнѣйшимъ изъ которыхъ относятся «Три конца», «Золото», «Хлѣбъ», «Приваловскіе милліоны», «Охонины брови», «Братья Гордѣевы» и цѣлый рядъ другихъ болѣе мелкихъ произведеній, вошедшихъ въ отдѣльные сборники.

Творчество Мамина приковало къ себѣ вниманіе читателей, и онъ уже къ концу восьмидесятыхъ годовъ сталъ однимъ изъ любимыхъ русскихъ беллетристовъ, чьего сотрудничества старательно искала наша ежемѣсячная журналистика, но о которомъ «партійная» критика не находила сказать ничего живого и оригинальнаго. Онъ, печатаемый въ нашихъ журналахъ лѣваго лагеря («Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Отечественныя Записки», «Устои», «Русская Мысль», «Русское Богатство», «Міръ Божій», «Русскія Вѣдомости»), стоялъ совершенно независимо въ роли художника-моралиста безъ крикливаго завыванія и заигрыванія съ прихотливыми вкусами публики и живописалъ свои широкія полотна свободной кистью, выбирая краски не изъ заказныхъ редакціонныхъ ящиковъ, а заимствуя изъ той сокровищницы, которою одарила его книга жизни.

Рядомъ съ перечисленными романами большого бытового значенія онъ далъ серію произведеній съ болѣе суженной сферой дѣйствія и берущихъ свое содержаніе, изъ жизни русской интеллигенціи. Таковы «На улицѣ», «Первые студенты», «Надо поощрять искусство», «Ученое горе», «Черты изъ жизни Пепко», «Дѣтскія тѣни» и другіе. И въ этой серіи произведеній мы видимъ все того же писателя-гуманиста, вырисовывающаго рядомъ съ типами сильными и слабыхъ людей, которыхъ онъ призывалъ щадить, любить, жалѣть. Эпоха семидесятыхъ-восьмидесятыхъ годовъ дала ему въ распоряженіе богатый матеріалъ, анализируя который, историкъ того времени уловитъ живое дыханіе жизни, вѣянія времени и все то смутное, неопредѣленное, что понемногу подготовило буйное и развалочное время текущаго столѣтія.

Возвращеніе на родину оживило Мамина; онъ, подобно миѳическому герою, прикоснулся къ лону родной земли и быстро всталъ во весь свой могучій ростъ, какъ областникъ и бытописатель коренной Россіи. Эта послѣдняя переливалась въ его произведеніяхъ всѣми своими причудливыми красками, ярко сказывалась въ личныхъ свойствахъ его характера и создавала изъ него тотъ притягательный типъ, который нельзя было не любить всякому, кто къ нему вплотную, близко-близко подходилъ. Живя на родинѣ, онъ принялъ на себя поддержку своей осиротѣвшей семьи и предоставилъ изъ своего заработка средства къ полученію образованія младшими ея членами. Онъ помогалъ всѣмъ обращающимся къ нему, зная по опыту, какъ тяжело живется людямъ въ матеріальной неволѣ.

Въ девятидесятыхъ годахъ, послѣ вторичнаго возвращенія въ столицу, вмѣстѣ съ артисткой Абрамовой, мы видимъ его ревностнымъ сотрудникомъ «Русской Мысли», гдѣ тогдашніе руководители журнала, въ лицѣ Лаврова, Гольцева и Ремизова (все также нынѣ покойные) высоко цѣнили талантливаго бытописателя Урала. Позднѣйшіе эпигоны этого журнала уже на нашихъ глазахъ, забывъ свое литературное родство, вмѣстѣ съ тѣмъ за-

были и Мамина, упуская изъ виду то многое и цѣнное, что имъ въ свое время было сдѣлано для московскаго изданія. Онъ съ горечью говорилъ мнѣ, что ему даже перестали высылать журналъ, точно его нѣтъ въ спискахъ живыхъ писателей. «Коммерческіе люди,—съ обидной улыбкой говорилъ онъ.—Боленъ, не работаю, ну—и за окно, какъ выжатый лимонъ». И онъ комически дѣлалъ одинъ изъ своихъ любимыхъ жестовъ и присвистывалъ.

Послѣ своей драмы семейной жизни и послѣ услугъ, оказанныхъ ему Давыдовой, онъ становится дѣятельнымъ сотрудникомъ «Міра Божьяго», а также «Дѣтскаго Чтенія» Д. И. Тихомирова, журналъ котораго снабжаетъ своими прелестными дѣтскими разсказами. Но дружеская его близость съ Давыдовой и съ офиціальнымъ редакторомъ «Міра Божьяго» В. П. Острогорскимъ не распространяется на прочій редакціонный составъ, отъ котораго онъ становится въ изолированное положеніе, какъ бы усматривая въ его отношеніяхъ къ себѣ недостаточную оцѣнку и чувство дружбы. То же самое мы видимъ въ его отношеніяхъ къ «Русскому Богатству», гдѣ онъ близко стоялъ только лично къ Михайловскому, ради котораго онъ готовъ былъ при всякихъ условіяхъ нести свое сотрудничество въ этотъ журналъ. Ему редакціонная кружковщина просто претила; здѣсь онъ видѣлъ партійную узость, которая во имя извѣстныхъ программъ готова уложить и его самобытный талантъ на Прокрустово ложе. Исключеніемъ былъ въ его глазахъ лишь С. Н. Южаковъ, тоже стоявшій въ послѣдніе годы въ сторонѣ отъ «молодой» редакціи «Русскаго Богатства».

Создавъ себѣ выдающееся имя бытописателя-романиста, Маминъ послѣ постигшаго его семейнаго горя, подъ вліяніемъ обожанія своей осиротѣлой дочки, съ особенной любовью отдаетъ свое перо на служеніе дѣтской литературѣ, создаетъ свои знаменитыя «Аленушкины сказки» и прочую серію дѣтскихъ разсказовъ, становясь настоящимъ другомъ и учителемъ маленькаго народа.

— Я ѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Тоска охватила душу въ вагонѣ, хотѣлось плакать, и слезы подступали къ горлу. Я вышелъ на платформу и задумался. И вотъ на изукрашенномъ морозными узорами стеклѣ оконной рамы, въ сіяніи лунныхъ лучей мнѣ какъ бы предстала покойная жена. Она мнѣ точно заказала беречь Аленушку и работать для нея. Я задумался: что же я могъ бы дать своей голубкѣ?—отсюда эти сказки.

Таковъ былъ отвѣтъ скончавшагося писателя автору настоящаго очерка на его вопросъ о происхожденіи его «дѣтской литературы», которая стоитъ такъ особо, такъ внѣ общей связи со всей его прочей писательской дѣятельностью. Эта *литература* Мамина-Сибиряка такъ свѣтла, красива, гуманна и поэтична, что, можно сказать, ничего другого равнаго ей въ нашемъ книжномъ дѣтскомъ дѣлѣ нѣтъ. Это по всей справедливости наша родная гордость, уже

достаточно отмѣченная критикой. Недаромъ же эта категорія литературнаго творчества почившаго писателя такъ пришлась по душѣ нашимъ маленькимъ читателямъ, что «Аленушкины сказки» и другіе дѣтскіе сборники вызвали уже не одно повторное изданіе. Психологъ и гуманистъ, Маминъ-Сибирякъ, чистый своею душою и прямодушіемъ, сумѣлъ близко подойти къ дѣтской природѣ и явиться для своихъ многочисленныхъ маленькихъ читателей первымъ учителемъ и проповѣдникомъ этическихъ началъ жизни. Такое положеніе могъ занять только дѣйствительно хорошій человѣкъ и талантливый Божіею милостью писатель.

Другой нашъ гуманистъ и дѣтскій писатель А. В. Кругловъ въ «Голосѣ Москвы» (№ 255), поминая своего почившаго собрата подъ угломъ зрѣнія его заслугъ передъ маленькимъ народомъ, справедливо говоритъ:

«У насъ вообще не цѣнится дѣтскій писатель. Такъ же у насъ съ непозволительнымъ пренебреженіемъ относятся къ дѣтской литературѣ, и заслуги въ этой области не встрѣчаютъ къ себѣ должнаго вниманія. Почившій писатель любилъ дѣтей и умѣлъ бесѣдовать съ ними. И онъ серьезно смотрѣлъ на свои разсказы для дѣтей.

«Помню, какъ онъ сказалъ мнѣ въ одну изъ встрѣчъ:

«— Вы стали въ послѣднее время мало писать для дѣтей. Отчего?.. Для нихъ надо и стоитъ писать. Вѣдь насъ такъ немного—друзей ихъ. Не будемъ ихъ забывать!

«Я отвѣтилъ ему, что и не думаю «забывать», но другія причины временно мѣшаютъ мнѣ писать для дѣтей.

«— Да, ихъ надо любить, нельзя не любить!—задумчиво промолвилъ Дмитрій Наркисовичъ.

«Это было въ началѣ настоящаго столѣтія, въ одинъ изъ пріѣздовъ Мамина-Сибиряка въ Москву.

«Онъ любилъ дѣтей и умѣлъ писать для нихъ. Его «Аленушкины сказки»—прелестны, и ихъ можно назвать *классическими* въ дѣтской литературѣ. Не всѣ его разсказы для дѣтей одинаковаго достоинства, но всѣ они прекрасны, всѣ доступны, интересны и поучительны безъ поученія, т.-е. поучительны своимъ содержаніемъ, своей идеей. Въ лицѣ почившаго Мамина-Сибиряка русскія дѣти, еще любящія *свою литературу*, а не воспитывающіяся на бульварно-уличной стряпнѣ, потеряли добраго друга-писателя. Но сочиненія его остались. Пусть же ихъ читаютъ «маленькіе люди» и воспитываются для будущей «большой работы и службы» на пользу народа, быть котораго такъ ярко и художественно изображалъ почившій въ своихъ романахъ и очеркахъ для взрослыхъ. Онъ любилъ этотъ народъ, училъ любить его и свою юную публику, которой разсказывалъ чудныя сказки, просто и сердечно говорилъ о людяхъ труда, о ихъ жизни, радостяхъ и скорбяхъ».

Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что Маминъ-Сибирякъ поднялъ до высокой художественности нашу оригинальную дѣтскую литературу, облагородилъ ее и поставилъ своимъ преемникомъ въ этомъ родѣ такой уровень требованій, при выполненіи которыхъ мы съ нашей оригинальной дѣтской литературой можемъ стать на ряду съ первоклассными произведеніями западно-европейскаго пера. Онъ съ любовью и тщательно выбиралъ иллюстраціи для своихъ дѣтскихъ разсказовъ и сборниковъ, внимательно слѣдилъ, чтобы его «маленькая» аудиторія, обширная по размѣру, не только находила въ его книжкахъ и брошюрахъ, ей посвященныхъ, достойную ея духовную пищу, но и ту внѣшнюю оправу, которая содѣйствовала бы развитію ея эстетическаго вкуса. Любовь къ дочери была исходною точкою этой литературы, и именемъ ея же—Аленушки—онъ украсилъ одинъ изъ лучшихъ сборниковъ своихъ дѣтскихъ повѣствованій, наименовавъ его «Аленушкины сказки», и, такимъ образомъ, связалъ имя боготворимой имъ дочки навсегда съ русской литературою.

Безсемейная одинокая жизнь была не въ его природѣ, и онъ вторично женился и именно на той, которая отдала его дочери всѣ свои заботы и попеченія, замѣнивъ въ ея жизни роль второй матери. Это была извѣстная въ литературныхъ кружкахъ «тетя Оля», или иначе Ольга Францовна Гувале.

Событія жизни нашего писателя, относящіяся къ послѣднимъ десяти-двѣнадцати годамъ, не блещутъ ни разнообразіемъ фактовъ, ни плодовитостью творчества, а въ послѣднія пять-шесть лѣтъ онъ явно клонился къ закату и сходилъ, какъ писатель, на нѣтъ. Если литературная среда продолжала его радостно встрѣчать, какъ добраго товарища, если издатели его книжекъ, изъ которыхъ почти каждая выдержала по нѣскольку выпусковъ, дорожили имъ, какъ прибыльнымъ авторомъ, то редакціи журналовъ и газетъ какъ будто начали его забывать. Его имя, когда-то громкое и звучное, отошло куда-то вдаль, и образъ писателя-бытовика и областника все больше тускнѣлъ. А тутъ подкрался тяжелый недугъ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ окончательно свалилъ его на одръ тяжкихъ страданій. Послѣдніе дни этихъ страданій совпали съ сорокалѣтіемъ его литературной дѣятельности, и только тутъ широкіе общественные и журнальные круги встрепенулись и дали себѣ ясный отчетъ, какому крупному русскому таланту грозитъ серьезная опасность; тогда рѣшено было среди друзей отмѣтить этотъ день, выпадавшій на день его ангела, скромнымъ домашнимъ торжествомъ съ принесеніемъ ему надлежащихъ привѣтствій и поздравленій. Вотъ то трагическое, что сообщилъ въ «Русскомъ Словѣ» (№ 254) объ этомъ юбилейномъ праздникѣ А. А. Измайловъ, состоявшій въ той депутаціи, которая должна была привѣтствовать опасно больного Мамина. Онъ повѣствуетъ:

«Когда мѣсяца полтора назадъ среди друзей Мамина нозникла мысль ознаменовать его юбилей, Дмитрій Наркисовичъ уже лежалъ, разбитый параличомъ.

«— Скажите,—спросили доктора:—не окажется это чествованіе вреднымъ для него?

«— Наоборотъ,—говорилъ врачъ:—это его поддержитъ; онъ не такъ плохъ; отъ радости не умираютъ.

«Такъ создалась та мысль о чествованіи, которое потомъ прозвучало печальнымъ сарказмомъ надъ писателемъ, такъ мало вкусившимъ меда славы при жизни и увидѣвшимъ почетъ тогда, когда мозгъ его уже не осмысливалъ зрительныхъ впечатлѣній.

«За недѣлю до юбилея большой, старый другъ Мамина Фидлеръ спросилъ его:

«— Можно къ тебѣ прійти на именины поздравить тебя?

«Маминъ уже давно лежалъ на одрѣ послѣдней болѣзни. Временами онъ не узнавалъ самыхъ близкихъ, но Фидлера онъ узналъ и ясно отвѣтилъ:

«— Всегда.

«— Но я приду не одинъ; придутъ и еще нѣкоторые изъ твоихъ друзей.

«— Всегда,—повторилъ Маминъ, и было ясно, что полное сознаніе при немъ.

«Еще наканунѣ юбилея и именинна̀го дня Маминъ говорилъ своимъ близкимъ:

«— Узналъ и обласкалъ своего стараго друга и земляка, художника Денисова-Уральскаго, прослушавши отрывокъ изъ одной статьи о немъ.

«Но потомъ положеніе ухудшилось. Мы, принесшіе ему привѣтъ литературныхъ собратій, не знали, удастся ли даже войти къ нему. Но на вопросъ жена Д. Н. отвѣтила:

«— Хорошо.

«И мы вошли въ его спальню, гдѣ пахло наркотиками. Ему впрыскивали морфій и кокаинъ. Боже мой, и это былъ юбиляръ! На постели съ приподнятой головой лежалъ Маминъ,—тѣнь прежняго Мамина,—больной старикъ съ большой головой на тонкой, дѣтской шеѣ, на которой жалко обрисовывались мускулы, судорожно и напряженно двигающій брови, точно онъ хотѣлъ что-то вспомнить и понять и не могъ. Тутъ были старые, прошедшіе рядомъ съ нимъ жизнь друзья его Потапенко, Карповъ, Венгеровъ, Овсянико-Куликовскій. Онъ смотрѣлъ на насъ, кажется, никого не узнавая. Фидлеръ бережно присѣлъ на его кровать и ласково, какъ ребенка, спросилъ его о здоровьѣ.

«— Можно тебѣ прочитать нѣсколько словъ?

«Фидлеръ, потомъ Венгеровъ прочитали отрывки адресовъ. Онъ молчалъ, только напряженно поднималась и опускалась посѣдѣвшая бровь. Дошло ли до сознанія его то, что ему говорили? Понялъ ли онъ, что его чествуютъ, что къ нему слетѣлись сотни телеграммъ? Ничего нельзя сказать. Только, когда жена спросила его, не усталъ ли онъ, онъ ясно сказалъ:

«— Очень усталъ.

«Такъ кончилось это чествованіе, которое было репетиціей похоронъ. Всѣ вышли отъ него, всѣ нескладно жались по угламъ. Кромѣ комитета, было здѣсь нѣсколько редакторовъ-издателей, друзей его, знакомыхъ дамъ, была группа свѣжей, веселой молодежи—депутація отъ сибирскаго студенческаго землячества, пришедшая поздравить своего земляка. Въ сосѣдней столовой былъ накрытъ столъ, но почти никому не шелъ кусокъ въ горло; а телеграммы шли и шли, и росла ихъ горка, и были здѣсь всѣ имена: отъ Короленко, отъ Горькаго и всевозможныхъ учрежденій, отъ академіи наукъ и литературнаго фонда до далекихъ сибирскихъ редакцій.

«Какъ жутко было смотрѣть на эти запоздалые привѣты, которые были бы еще года два назадъ такой радостью для этого умирающаго, а теперь звучали безсмысленной и злой насмѣшкой. Кому они были нужны? Ни ему, ни семьѣ, ни свидѣтелямъ похороннаго праздника...

«Не могло быть юбилея печальнѣе. Мы расходились съ него, какъ расходятся съ похоронъ. Было ясно, что пѣсня бѣднаго Дмитрія Наркисовича спѣта».

Вотъ тексты адресовъ, поднесенныхъ умиравшему юбиляру. Отъ собратій и почитателей:

«Дорогой Дмитрій Наркисовичъ! 40 лѣтъ назадъ нога ваша робко вступила на путь литературы, и вотъ сегодня вы и мы, друзья ваши, оглядываемся на пройденное вами многотрудное, но и многоотрадное поприще большого художника, имя котораго приходитъ въ голову, когда хочется назвать имена тѣхъ, кѣмъ гордится литература. Свѣтлому богу правды и красоты вы служили съ доблестью былого великаго русскаго искусства, безъ суетливости и уступокъ духу времени. Назвать имя Мамина-Сибиряка значитъ поддаться очарованію вѣковой русской были, размаху и силѣ широкаго и мятежнаго русскаго человѣка и то тихой, то мощной прелести нашей природы. Вольный мастеръ, чуждый предвзятыхъ тенденцій, вы дали намъ на своихъ живописныхъ полотнахъ безконечное разнообразіе типовъ народа и интеллигенціи. Вы первый пододвинули къ намъ далекій Уралъ, заставили насъ жить его жизнью, познакомили насъ съ его своеобразными обитателями, донесли до насъ его своеобразный говоръ. Этими художественными произведеніями вы восхищали насъ, взрослыхъ и нашихъ дѣтей, плѣненныхъ поэтической сказкой, дышащей жизненной правдой. Вы открыли свою душу нашимъ дѣ-

тямъ, и они открыли вамъ свою. Вы поняли и полюбили ихъ, и они поняли и полюбили васъ. У васъ существуетъ неразрывная связь, и «Аленушкины сказки» будутъ читаться, пока на Руси не переведутся «сибирскій котъ-Васька-лохматый и деревенскій песъ «Постойко», и сѣрая мышка-норушка, и сверчокъ за печкой, и пестрый скворецъ въ клѣткѣ, и забіяка-пѣтухъ». Спасибо вамъ, дорогой писатель и сердечный товарищъ, и пошли вамъ Богъ здоровья и счастья на многія-многія лѣта!» Адресъ покрытъ многочисленными подписями.

Всероссійское литературное общество съ своей стороны поднесло Мамину-Сибиряку слѣдующій адресъ:

«Общество привѣтствуетъ васъ съ 40-лѣтіемъ вашей литературной дѣятельности. Давно стало дорогимъ ваше имя широкому кругу вашихъ читателей и почитателей. Тепло и любовно описывали вы жизнь далекихъ маленькихъ людей, ставшихъ намъ близкими и понятными въ художественномъ воплощеніи внимательнаго и зоркаго наблюдателя. Вы пріобщили уральскую окраину къ общей русской жизни единеніемъ интеллектуальныхъ и духовныхъ интересовъ. Вездѣ—свѣтъ и тѣни и много поучительнаго въ вашихъ повѣствованіяхъ, въ вѣчной борьбѣ между исканіями наживы и человѣческими чувствами. Ярко свѣтится въ васъ это искреннее человѣческое чувство и душевная чистота въ общеніи съ природой, которую вы такъ чудесно умѣли описывать, и съ дѣтскимъ міромъ, который не потому ли вамъ такъ близокъ и доступенъ, что сердцемъ вы были и остались чистымъ наперекоръ всѣмъ жизненнымъ испытаніямъ. Желаемъ вамъ бодрости и долгихъ лѣтъ жизни и чтобы ни вамъ, ни всей Россіи не быть «въ худыхъ душахъ».

Были присланы привѣтственныя телеграммы и адресы, въ томъ числѣ отъ разряда изящной словесности академіи наукъ, наконецъ-то вспомнившей того, кто уже давно по всѣмъ своимъ литературнымъ правамъ могъ составить украшеніе ея состава.

Репетиція похоронъ состоялась 26-го октября, а 3-го ноября обширная толпа писателей, учащихся, читателей и почитателей молилась на краю могилы объ упокоеніи души усопшаго раба Божія Димитрія.

Особыхъ спеціально литературныхъ рѣчей сказано не было; только личный другъ почившаго, извѣстный художникъ А. К. Денисовъ-Уральскій помянулъ со слезами на глазахъ своего земляка, и Ап. Коринфскій прочиталъ слѣдующее стихотвореніе, посвященное памяти почившаго:

Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка[1]).

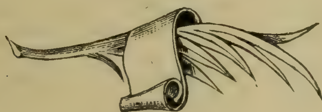
Съ далекихъ горъ угрюмаго Урала,
Изъ глубины сибирскихъ деревень
Онъ къ намъ пришелъ, какъ витязь безъ забрала;
Избыткомъ силъ душа его играла,
Въ его груди лежалъ талантъ-кремень.
Огнивомъ бодрой самобытной воли
Ударилъ онъ по этому кремню,—
И сотни искръ, предвѣстницъ лучшей доли,
Усѣяли родное наше поле—
Навстрѣчу солнцемъ рдѣющему дню.
Сверкалъ талантъ и сыпалъ самоцвѣты,
Не изсякала мощная руда
Во дни, когда закаты и разсвѣты
Смѣнялися, борьбой страстей согрѣты,
Надъ поприщемъ свободнаго труда.
Размаха ширь, захватъ сердецъ глубокій,
Стихійная народная душа
Сказались въ немъ, нашли истокъ широкій
И ринулись, какъ горныхъ водъ потоки,
Въ русло живого творчества спѣша.
Онъ съ нами жилъ, и жизнь вокругъ кипѣла,
Жизнь—полная больныхъ, тяжелыхъ сновъ;
Толпа рабовъ оковами гремѣла,—
А передъ нимъ—и здѣсь тайга шумѣла,
Звала мечту въ родную глушь лѣсовъ.
И взоръ вперялъ въ далекія онъ дали,
Туда, гдѣ мысли первое зерно
Взошло въ душѣ, гдѣ очи увидали
На утрѣ лѣтъ всю глубь, всю ширь печали.
Гдѣ понялъ умъ, какъ людямъ жить темно.
И перенесъ—случайный гость столицы—
Отъ Чусовой, съ Тагила синихъ водъ
На яркія и сочныя страницы
Кряжистыя героевъ вереницы
Сибиряковъ привѣтливый народъ.
По рудникамъ, по шахтамъ, по заводамъ,
По гребнямъ горъ, по стойбищамъ лѣснымъ,
По мощныхъ рѣкъ волнующимся водамъ,
Среди прогалинъ, по тропамъ и бродамъ
Пошли его читатели за нимъ.
Сроднилъ онъ съ нами чуждое намъ небо;
Сроднилъ своихъ героевъ навсегда—
Отъ скромнаго отца «Послѣдней требы»
До сильныхъ душъ изъ «Золота» и «Хлѣба»,
До коршуновъ изъ «Горнаго гнѣзда».
Устои быта въ ихъ разладѣ съ новью,
Бой «Милліоновъ» съ хмурой нищетой
Запечатлѣлъ живою сердца кровью,

[1]) Напечатано одновременно съ симъ въ декабрьской книжкѣ издаваемаго Дм. Н. Тихомировымъ журнала «Педагогическій Листокъ».

И красоту съ «Охониною бровью»,
И даже «Счастья дикаго» прибой,—
Все вызвалъ онъ изъ думъ завѣтныхъ сѣни...
А годы шли да шли путемъ своимъ,
Зовя на жизнь рядъ новыхъ поколѣній;
И «Дѣтскія» оплаканныя «Тѣни»,
Какъ стая птицъ, взлетѣли передъ нимъ.
Открылся міръ пытливыхъ свѣтлыхъ глазокъ,
Міръ замысловъ наивныхъ и простыхъ,—
Чуждаяся затверженныхъ указокъ,
Завѣтный міръ «Аленушкиныхъ сказокъ»
Онъ воплотилъ въ созданіяхъ своихъ.
Недугъ подкрался тяжкій и сурово
Холодное забвенье наложилъ
На все, чѣмъ жилъ, чѣмъ жить хотѣлъ онъ снова;
Послѣднее думъ заповѣдныхъ слово,—
Не лучшее ль?—онъ дѣтямъ посвятилъ...
Его посѣвовъ не заглохнетъ нива,
Какъ ни темнитъ ее туманный день,
Какъ ни глушитъ бурьянъ ее ревниво,
Не даромъ било звонкое огниво
Въ былые дни въ его талантъ-кремень!
Теряяся въ тревогахъ и въ сомнѣньяхъ,
Мы забываемъ зори свѣтлыхъ лѣтъ,
Мѣняемся во вкусахъ и во мнѣньяхъ;
Но вѣрю я: въ грядущихъ поколѣньяхъ
Ты будешь жить, уральскій самоцвѣтъ!..

Затѣмъ рядомъ съ могилой Гончарова Александро-Невское кладбище украсилось новымъ литературнымъ крестомъ—Димитрія Наркисовича Мамина-Сибиряка...

Б. Глинскій.

ПАМЯТИ В. С. НОВИЦКАГО.

Трудно представить себѣ человѣка, воспоминаніе о которомъ менѣе укладывалось бы въ рамки опредѣленнаго образа, чѣмъ скончавшійся недавно директоръ народныхъ училищъ Московской губерніи Викторъ Станиславовичъ Новицкій. Хорошій ли это былъ человѣкъ или дурной, умный или глупый, честный или безчестный—никто изъ близко знавшихъ его людей не могъ бы дать категорическаго отвѣта. Однако всякій, кто только ни входилъ съ нимъ въ тѣсное соприкосновеніе, послужбѣ ли, или въ простой домашней обстановкѣ, невольно отмѣчалъ въ немъ такія нравственныя качества, которыя сдѣлали бы честь, пожалуй, и общепризнанному «герою добродѣтели». Взять, хотя бы, это глубокое, почти безпримѣрное сознаніе долга, которымъ былъ весь проникнутъ покойный съ головы до ногъ и которое не покидало его никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ жизни. Строгое, неуклонное, часто даже педантическое исполненіе всего того, что было связано, по его мнѣнію, съ долгомъ службы и вѣрноподданнической присягой, онъ ставилъ неизмѣримо выше своихъ личныхъ интересовъ или выгодъ, выше блага близкихъ ему людей, выше всего на свѣтѣ. И въ этомъ обстоятельствѣ, можетъ быть, заключается разгадка, почему Викторъ Станиславовичъ, въ сущности, *добрый малый* отъ природы, такъ часто казался окружающимъ мелочно-придирчивымъ, сухимъ, надменнымъ, а подъ конецъ жизни даже и суровымъ старикомъ. Въ немъ какъ бы сидѣло два человѣка, нерѣдко

находившихся между собою въ полномъ антагонизмѣ: одинъ былъ *просто* Новицкій, добродушный весельчакъ и говорунъ, неистощимый въ разсказахъ о своемъ прошломъ, милѣйшій собесѣдникъ и гостепріимный хозяинъ, другой—*только директоръ*, чиновникъ, кичащійся своимъ генеральствомъ, чопорный и непривѣтливый, съ сердито сдвинутыми бровями и вообще съ такимъ видомъ, какъ будто онъ вѣчно собирается кого-то распечь или кому-то сдѣлать выговоръ. *Просто* Новицкій зачастую оказывалъ покровительство и поддержку лицамъ, не заслуживавшимъ ровно никакого довѣрія, но почему-либо вызвавшимъ въ данный моментъ его сочувствіе, хлопоталъ за нихъ передъ «сильными міра» и въ подобныхъ случаяхъ не лѣнился писать своимъ дрожащимъ старческимъ почеркомъ длиннѣйшія письма, восхваляя мнимыя достоинства случайно подвернувшагося ему просителя. *Генералъ* Новицкій, наоборотъ, отличался неумолимой требовательностью, въ особенности, если замѣчалъ съ чьей-либо стороны малѣйшее нарушеніе служебнаго долга,—онъ готовъ былъ поставить провинившемуся «каждое лыко въ строку» и уже не давалъ пощады никому.

Возможно, что эта двойственность психики и была причиной различнаго отношенія къ нему со стороны окружающихъ, ибо одни хвалили его, другіе порицали, третьи просто видѣли въ немъ безличную фигуру, о которой нельзя дать никакого опредѣленнаго отзыва. Сплошь и рядомъ слышались о немъ такія разнорѣчивыя сужденія:

— Да, разумѣется, Новицкій добрый человѣкъ, но онъ способенъ обидѣть васъ безъ всякой причины....

— Новицкій человѣкъ безупречной честности, но онъ легко можетъ оклеветать кого угодно....

— Викторъ Станиславовичъ... о, конечно, это человѣкъ умный и тактичный,—но онъ сдѣлалъ на дняхъ удивительно нелѣпое распоряженіе...

И этихъ «но» въ отзывахъ о покойномъ было безъ конца.

У В. С. Новицкаго, дѣйствительно, была несчастная слабость къ безпричинному злословію, которая, между прочимъ, и создавала ему лишнихъ враговъ и недоброжелателей. Злословилъ же онъ безъ всякаго непріязненнаго чувства къ кому бы то ни было, а просто изъ любви къ искусству или, какъ говорится, для «краснаго словца». Бывало, разсказываетъ о комъ-нибудь невѣроятные ужасы, послушать—прямо диву даешься, какъ такой-то (имя рекъ) ходитъ еще на свободѣ вмѣсто того, чтобы сидѣть гдѣ-нибудь въ рудникахъ или даже болтаться на висѣлицѣ, а Викторъ Станиславовичъ все время говоритъ о немъ съ самой добродушнѣйшей улыбкой, да еще прибавитъ въ концѣ концовъ:

— Впрочемъ, вѣдь онъ милый человѣкъ, и мы съ нимъ большіе пріятели...

А то вспомнитъ кого-нибудь изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ и начнетъ ругаться:

— Такая скотина этотъ Z., мы съ нимъ часто встрѣчались въ Смоленскѣ, даже вмѣстѣ участвовали въ концертахъ [1])... На видъ такой ихонькій да скромный—настоящая красная дѣвица, а вотъ подите же—жену дочиста обобралъ, дѣтей отъ перваго брака пустилъ по міру... Эдакій свинья,—я ему потомъ руки не подалъ... А вѣдь большіе были пріятели...

Больше всего любилъ вспоминать покойный «доброе старое время», въ особенности службу свою въ Коломенскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ былъ долгое время исправникомъ. Тутъ его разсказамъ не было конца. Бывало, слушаешь его, даже слова не промолвишь, потому что его рѣчь въ подобныхъ случаяхъ лилась «вольно и плавно», какъ неумолчно журчащій гдѣ-то вдали ручеекъ,—слушаешь,—и въ воображеніи рисуются любопытныя картинки изъ далекаго прошлаго, всплываютъ разные дореформенные типы, въ родѣ Ноздревыхъ и Коробочекъ, которые, къ стыду нашему, еще доживали въ то время на Руси свой безконечно длинный вѣкъ.

Года три тому назадъ Викторъ Станиславовичъ Новицкій справлялъ полувѣковой юбилей своей государственной службы. Легко сказать: прослужить болѣе пятидесяти лѣтъ и изъ нихъ около сорока на одной и той же должности! Поневолѣ покроешься «казенной плѣсенью» и даже съ трудомъ будешь волочить ноги. Но Викторъ Станиславовичъ съ поразительной легкостью несъ бремя службы. Онъ никогда не чувствовалъ усталости или потребности отдохнуть, напротивъ, именно на службѣ, особенно во время разъѣздовъ по губерніи, онъ и находилъ лучшій для себя отдыхъ,—и отъ домашнихъ дрязгъ, и отъ сутолоки жизни вообще. Рѣдко приходилось слышать отъ него жалобы даже на обиліе канцелярской работы, которой такъ завалены у насъ директора народныхъ училищъ. Сидя у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, среди бумажнаго царства «входящихъ» и «исходящихъ», онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ: внимательно прочитывать каждую бумажку и затѣмъ тщательно, съ любовью подписывать ее прыгающими въ разныя стороны буквами, повидимому, было пріятнѣйшимъ для него времяпровожденіемъ. Въ сущности, онъ до такой степени былъ поглощенъ канцелярскимъ дѣломъ, что его мозгъ весьма часто работалъ надъ «исходящими» даже... во снѣ.

— А вы знаете, чортъ васъ обдери,—шутилъ онъ утромъ со служащими своей концеляріи:—я изъ-за васъ плохо спалъ ночь: проснулся и вдругъ вспомнилъ, что кредиторскіе списки еще не отосланы въ контрольную палату, а нынче послѣдній день,—такъ

---

[1]) В. С. былъ въ молодости отличнымъ скрипачомъ и неоднократно выступалъ въ концертахъ въ качествѣ солиста. Авт.

меня въ жаръ и бросило... Ворочался, ворочался на постели—до самаго утра не могъ заснуть...

Подъ конецъ жизни Викторъ Станиславовичъ Новицкій жилъ исключительно однѣми только «радостями и печалями» службы, которыя рѣшительно заслоняли отъ него всякіе другіе интересы. Но, хотя онъ и отдавалъ всего себя, цѣликомъ и безъ остатка, служебной дѣятельности, все же онъ далеко не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ; напротивъ, въ голосѣ его съ каждымъ днемъ все чаще и чаще слышались ворчливыя нотки и какая-то глухая, затаенная обида: ему все казалось, что его не достаточно цѣнятъ, что начальство оказываетъ ему мало знаковъ вниманія, что оно даже преслѣдуетъ его.

И всякій разъ, когда въ минуту откровенныхъ изліяній старикъ начиналъ горько жаловаться на свою судьбу и на выцвѣтшихъ, старческихъ глазахъ его понемногу навертывались слезы, становилось искренно жаль его. И невольно думалось при этомъ: «вотъ она гдѣ иронія жизни,—человѣкъ, въ сущности, *такъ мало* желалъ, однихъ только внѣшнихъ знаковъ вниманія и отличія, которыхъ онъ видѣлъ и имѣлъ на своемъ вѣку чрезвычайно много и въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, не переставалъ нуждаться, вѣчно, до самой гробовой доски ощущая въ нихъ обидный недостатокъ».

Да, это была иронія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трагедія его жизни.

Князь Б. А. Щетининъ.

ПЕРІОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ [1].

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятыхъ годовъ.

XXXIX.

Въ ЦАРСТВОВАНІЕ Александра III во главѣ вѣдомства министерства юстиціи стояли по очереди трое министровъ: Д. Н. Набоковъ, Н. А. Манасеинъ и Н. В. Муравьевъ. Первый изъ нихъ стоялъ во главѣ вѣдомства съ 1878 по 1885 годъ и, такимъ образомъ, прослужилъ дѣлу русской юстиціи въ теченіе двухъ царствованій, захвативъ три года царствованія Александра II и нѣсколько менѣе четырехъ лѣтъ новаго царствованія. Николай Авксентьевичъ Манасеинъ былъ министромъ въ теченіе восьми съ половиной лѣтъ съ 1885 по 1-е января 1894 года, когда на его мѣсто былъ назначенъ Николай Валеріановичъ Муравьевъ, извѣстный въ свое время оберъ-прокуроръ, немало поработавшій по политическимъ процессамъ, которому, слѣдовательно, пришлось при императорѣ Александрѣ III состоять министромъ юстиціи всего въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Изъ этой хронологической справки усматривается, что главная доля работы по реформамъ вѣдомства выпала Н. А. Манасеину, который, благодаря этому, и является ти-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX. стр. 769.

пичнымъ министромъ и представителемъ періода твердой власти, о коемъ идетъ рѣчь въ нашихъ очеркахъ. Тѣмъ не менѣе опредѣленныя реформы по вѣдомству юстиціи начались уже при Д. Н. Набоковѣ, показывавшія наступленіе новаго курса, послѣдовательно проведеннаго во всемъ государственномъ управленіи при императорѣ Александрѣ III.

Прежде всего при немъ въ 1882 году были введены новыя судебныя установленія въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи. Вслѣдъ за симъ въ министерство юстиціи стали поступать ходатайства мѣстнаго начальства о введеніи общихъ судебныхъ мѣстъ въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ. По свидѣтельству виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора графа Тотлебена [1]) отсутствіе въ означенныхъ губерніяхъ судебныхъ учрежденій, образованныхъ по уставамъ императора Александра II, «составляло одну изъ причинъ, препятствовавшихъ приливу въ край лицъ русскаго происхожденія изъ внутреннихъ губерній имперіи, гдѣ они пользуются выгодами правильно устроеннаго суда. Неустройство судебной части въ краѣ, отражаясь крайне неблагопріятно на развитіи въ немъ русскаго землевладѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ вредно вліяло на успѣшность дѣйствій администраціи вообще, такъ какъ при существовавшемъ тогда формальномъ судопроизводствѣ многія преступленія оставались тогда совершенно безнаказанными. Признавая, съ своей стороны, что дальнѣйшая отсрочка судебной реформы въ пограничномъ съ Западной Европою краѣ съ семимилліоннымъ населеніемъ и развитою торговлею и промышленностью представляется крайне нежелательною, министерство юстиціи вошло съ представленіемъ въ государственный совѣтъ о введеніи общихъ судебныхъ установленій въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ, и въ силу высочайше утвержденнаго 9-го ноября 1882 года мнѣнія государственнаго совѣта мѣра эта была осуществлена въ послѣдней четверти 1883 года». Въ томъ же году на министерство юстиціи было возложено завѣдываніе въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ судебною частью, которая до того времени, наравнѣ со всѣми другими отраслями государственнаго управленія, была подчинена непосредственно намѣстнику. Что же касается Сибири, то тутъ введеніе судебныхъ установленій по уставамъ императора Александра II было признано по соображеніямъ практическаго характера преждевременнымъ, и министерство юстиціи остановилось на мысли постепеннаго примѣненія къ Сибири съ степными областями, Туркестанскому краю и Архангельской губерніи отдѣльныхъ постановленій судебныхъ уставовъ, дабы путемъ медленнаго и послѣдовательнаго проведенія частичныхъ процессуальныхъ

[1]) «Министерство юстиціи за сто лѣтъ. 1802—1902 гг.» Историческій очеркъ.

улучшеній подготовить мѣстное населеніе къ воспріятію дальнѣйшихъ усовершенствованій.

Рядомъ съ постепеннымъ распространеніемъ уставовъ императора Александра II во всѣхъ болѣе или менѣе областяхъ Россіи было обращено также вниманіе на усиленіе штатовъ дѣйствовавшихъ уже новыхъ судебныхъ установленій, такъ какъ личный составъ ихъ и матеріальное ихъ обезпеченіе въ виду огромнаго увеличенія числа судебныхъ дѣлъ были недостаточны для скораго отправленія правосудія. Какъ свидѣтельствуетъ юбилейный историческій очеркъ министерства, статсъ-секретарь Набоковъ, усматривая въ надлежащемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ судебнаго вѣдомства одну изъ гарантій правильной и успѣшной дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій, «придавалъ въ этомъ отношеніи столь же важное значеніе и правильной постановкѣ надзора за чинами этого вѣдомства. Между тѣмъ постановленія по этому предмету судебныхъ уставовъ страдали нѣкоторою неполностью и неясностью, не замедлившими породить на практикѣ весьма существенное неудобство.

«Одна изъ главныхъ причинъ обнаружившейся недостаточности надзора за судебными установленіями заключалась въ чрезмѣрной централизаціи его въ вѣдѣніи министра юстиціи и правительствующаго сената. Хотя направленіе и разрѣшеніе всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ, возникающихъ въ жизни судебнаго вѣдомства, должно принадлежать поставленнымъ во главѣ его центральнымъ органамъ, но при обширности государства и многочисленности судебныхъ мѣстъ распространеніе судебнаго надзора на всѣ второстепенныя уклоненія судебныхъ чиновъ отъ законнаго порядка неизбѣжно должно было приводить къ медленности и слабости въ проявленіи начальственной власти. Для этихъ послѣднихъ случаевъ необходимъ болѣе близкій органъ надзора, который, постоянно слѣдя за ходомъ судебнаго дѣла въ опредѣленной мѣстности, быстро и безъ всякихъ излишнихъ формальностей пресѣкалъ бы усматриваемыя неправильности. Вслѣдствіе этого министръ юстиціи Набоковъ пришелъ къ заключенію, что такую надзирательную власть въ округѣ каждой судебной палаты надлежало бы предоставить старшему ея предсѣдателю, который въ силу принадлежащаго ему первенствующаго положенія въ судебной іерархіи пользуется особымъ авторитетомъ среди всѣхъ прочихъ судебныхъ чиновъ.

«Независимо отъ того власть министра юстиціи по надзору за судебными установленіями была опредѣлена въ судебныхъ уставахъ недостаточно полно и ясно. Учрежденіе судебныхъ установленій, сосредоточивая въ лицѣ министра юстиціи общій надзоръ за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства, ограничивало предметы его наблюденія безостановочнымъ теченіемъ дѣлъ и соблюденіемъ правилъ внутренняго устройства и дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не

содержало въ себѣ точныхъ опредѣленій относительно формъ и способовъ, посредствомъ которыхъ можетъ проявляться принадлежащій генералъ-прокурору общій надзоръ. Такимъ образомъ, законъ какъ бы устранялъ министра юстиціи отъ надзора за всѣми тѣми сторонами отправленія правосудія, которыя не могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ медленности въ ходѣ судопроизводства или нарушенія внутренняго распорядка, и лишалъ его права дѣлать непосредственныя указанія судебному мѣсту или лицу, въ дѣятельности котораго замѣчены неправильности. Въ виду такой неполноты судебныхъ уставовъ Набоковъ признавалъ необходимымъ предоставить министру юстиціи, какъ высшему представителю судебнаго вѣдомства, несущему отвѣтственность передъ верховною властью за неправильный ходъ правосудія въ имперіи, право требовать отъ чиновъ этого вѣдомства доставленія нужныхъ свѣдѣній и объясненій, предлагать принятіе мѣръ къ отвращенію замѣченныхъ безпорядковъ или неправильностей и дѣлать надлежащимъ лицамъ соотвѣтственныя напоминанія и указанія.

«Наконецъ, министръ юстиціи Набоковъ обратилъ также вниманіе на недостаточность тѣхъ мѣръ взысканія, коимъ по судебнымъ уставамъ могутъ быть подвергаемы чины судебнаго вѣдомства въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности. Въ стремленіи обезпечить личный составъ судебныхъ установленій достойными дѣятелями и въ видахъ предоставленія судьямъ полной независимости, судебными установленіями было установлено, что судья за служебные проступки можетъ быть уволенъ отъ занимаемой имъ должности не иначе, какъ по приговору уголовнаго суда, а за дѣянія, не относящіяся къ службѣ,—только въ случаѣ личнаго задержанія за долги, объявленія несостоятельнымъ должникомъ или осужденія за общее преступленіе. Между тѣмъ министръ юстиціи Набоковъ находилъ, что, въ виду высокаго положенія судьи, для охраненія чести и достоинства судебнаго вѣдомства необходимо допустить возможность удаленія отъ должности и такихъ лицъ, которыя, хотя и не совершили никакого преступленія, но цѣлымъ рядомъ упущеній или неправильныхъ дѣйствій доказали полную свою непригодность къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей или же явное къ нимъ пренебреженіе. Независимо отъ того, по мнѣнію Набокова, въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности должна быть допущена возможность увольненія судьи и въ тѣхъ случаяхъ, когда, внѣ служебной своей дѣятельности, судья дозволитъ себѣ такіе противные нравственности или предосудительные поступки, которые, получивъ огласку, лишаютъ его въ средѣ мѣстнаго общества довѣрія и уваженія, необходимыхъ для дѣятеля, призваннаго творить судъ и расправу именемъ верховной власти.

Въ виду приведенныхъ соображеній въ министерствѣ юстиціи былъ выработанъ проектъ цѣлаго ряда правилъ, существенно

измѣнявшихъ первоначальныя постановленія судебныхъ уставовъ о надзорѣ за судебнымъ вѣдомствомъ и о дисциплинарной отвѣтственности судебныхъ чиновъ. Согласно этому проекту, въ составѣ правительствующаго сената было предположено образованіе высшаго дисциплинарнаго присутствія для разсмотрѣнія возбуждаемыхъ министромъ юстиціи дѣлъ объ увольненіи отъ должности судей въ порядкѣ дисциплинарнаго производства. Къ числу дисциплинарныхъ мѣръ, которыя могутъ быть примѣняемы означеннымъ присутствіемъ, отнесено, сверхъ увольненія отъ должности, между прочимъ, и перемѣщеніе судей на другую равную должность. Примѣненіе этой мѣры предполагалось, однако, допускать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда возникаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ томъ, что судья въ мѣстѣ своего служенія будетъ отправлять свои обязанности съ должнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, въ виду особенностей его семейнаго или имущественнаго положенія, или же въ виду неблагопріятно сложившихся отношеній его къ своимъ сослуживцамъ или къ мѣстному обществу.

XL.

Усиленный походъ противъ новыхъ судебныхъ учрежденій былъ поднятъ М. Н. Катковымъ на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» уже въ исходѣ 70-хъ годовъ. Онъ находилъ, что и самые уставы Александра II, и ихъ выполнители, а также вся «политика» вѣдомства юстиціи съ сенатомъ во главѣ не соотвѣтствуетъ устоямъ русской жизни, является враждебнымъ status in statu общегосударственнаго порядка вещей. Такъ, въ 1880 году онъ писалъ [1]):

«Перестоявъ критическое время, новое судебное сословіе стало быстро возрастать и усиливаться, чему много способствовало то, что ядромъ его были главнымъ образомъ питомцы привилегированнаго училища, вдвойнѣ солидарные между собою и какъ товарищи по воспитанію, и какъ дѣятели одного поприща. Мало-по-малу эти новые люди, при громадныхъ правахъ своего учрежденія, поставленнаго подъ открытымъ небомъ, при солидарности своихъ членовъ сверху донизу, совсѣмъ одолѣли своихъ противниковъ и стали могуществомъ. Такъ называемая консервативная администрація, собиравшаяся ограничить эту новую политическую силу и поставить ее на мѣсто, сама подчинилась ей и способствовала ея возвеличенію и преобладанію. Появленіе этихъ новыхъ людей производило, съ точки зрѣнія старыхъ порядковъ, странное дѣйствіе. Въ два-три прыжка они достигали вершины той же іерархической лѣстницы, чиновъ и отличій, по которой шагъ за шагомъ взбирались люди старымъ порядкомъ. Правительствующій сенатъ, какъ высшее судебное учрежденіе, радикально измѣнился въ своемъ характерѣ и составѣ. Судебные дѣятели массами производились въ patres conscripti и становились сановниками имперіи. Но, овладѣвъ полемъ,

---

[1]) «Катковъ и его время». С. Невѣденскаго.

они, отчасти по самому характеру своего учрежденія, все же находились какъ бы въ оппозиціи къ правительству, которое, разумѣется, принадлежитъ къ старымъ порядкамъ. Пользуясь государственными отличіями, но не неся никакой отвѣтственности въ дѣлѣ государства, эти люди чувствовали себя только критиками въ вопросахъ политическихъ. Духъ антагонизма росъ съ ихъ усиленіемъ. Несостоятельность, неумѣлость и ошибки, которыхъ они были свидѣтелями, оправдывали ихъ въ собственной совѣсти. Критика начала выражаться практически въ ходѣ и исходѣ судебныхъ процессовъ, и судъ становился какъ бы дѣломъ партіи. Когда судебные люди были слабы, мы были постоянно на ихъ сторонѣ; когда они стали сильны, намъ поневолѣ приходилось говорить не за нихъ, за что подвергались мы въ печати поруганію и выставлялись ненавистниками рода человѣческаго» («Московскія Вѣдомости», 1880 г., № 212).

Біографъ Каткова С. Невѣденскій, касаясь публицистической дѣятельности редактора «Московскихъ Вѣдомостей» въ кругу вопросовъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ судебному вѣдомству, говоритъ: «Кому не памятны нападки публициста на судебную дѣятельность, длинный рядъ процессовъ, по которымъ онъ писалъ страстныя, всегда преувеличенныя, а часто и совершенно неосновательныя филиппики противъ дѣйствій различныхъ судебныхъ органовъ? Дѣла Свиридова, Мельницкаго, Скарятина, Зографа, Бузова, Пейчъ, Федорова, Андреевскаго и Кулишера, объ убійствѣ Гиждеу, о безпорядкахъ на Никольской фабрикѣ и друг. служили почвой для его нападковъ.

«Попрежнему доставалось отъ Каткова суду присяжныхъ. По дѣлу Скарятина, онъ выразилъ недоумѣніе, неужели бывшаго губернатора будетъ за преступленія по должности судить «улица». Какъ-то въ 1883 году «Русскія Вѣдомости» напомнили Каткову его прежнее сочувствіе къ суду присяжныхъ. Вѣроятно, недоразумѣніемъ слѣдуетъ объяснить отвѣтное указаніе Каткова, будто онъ съ самаго начала рекомендовалъ единогласіе въ постановленіи присяжными рѣшеній («Московскія Вѣдомости», 1883 г., № 44). Заявленіе о единогласіи встрѣчается въ 1875 году и стояло въ связи съ мнѣніемъ Гнейста, высказаннымъ этимъ ученымъ въ полемикѣ противъ суда шеффеновъ. Катковъ теперь слѣдилъ за возраженіями, дѣлаемыми противъ суда присяжныхъ въ германскомъ ученомъ мірѣ; останавливался на германскомъ правительственномъ проектѣ объ измѣненіи суда приясжныхъ и съ торжествомъ заявилъ, разсказывая о разсужденіяхъ на 18-мъ висбаденскомъ конгрессѣ германскихъ юристовъ, что происходилъ судъ надъ судомъ присяжныхъ («Московскія Вѣдомости», 1885 г., № 79; 1886 г., № 274).

«Катковъ рисуетъ слѣдующую картину дѣятельности суда: независимый судъ—это судебная республика; впослѣдствіи онъ пріискалъ новое названіе: орденъ правовѣдѣнія, судей же онъ титуловалъ рыцарями этого ордена, сравнивая ихъ съ остзейскими баронами («Московскія Вѣдомости», 1885 г., № 318). Министру

юстиціи предоставлена только безобидная роль экзекутора въ притворахъ храма Θемиды и обязанность состоять дипломатическимъ агентомъ судебнаго вѣдомства при дворѣ императора всероссійскаго. Онъ утверждаетъ, что все оппозиціонное примкнуло къ судебнымъ учрежденіямъ. По его мнѣнію, это стратегическій базисъ противниковъ правительства. Попадаются и тамъ достойные люди, но ихъ ожидаютъ ужасы нравственной пытки, ихъ выбрасываютъ за бортъ, безславятъ, клевещутъ на нихъ предъ цѣлымъ міромъ («Московскія Вѣдомости», 1884 г., № 12). Онъ увѣряетъ, будто дѣло доходило до того, что министръ, какъ представитель судебной республики при русскомъ государѣ, могъ сказать ему: «Вы не имѣете права смѣнить должностное лицо судебнаго вѣдомства» («Московскія Вѣдомости», 1885 г., № 11). Онъ заявляетъ, что только «недомолвки и нѣкоторыя неясности новыхъ судебныхъ уставовъ послужили основаніемъ для возмутительной въ своей нелѣпости доктрины о независимости судовъ отъ правительства въ его высшемъ выраженіи, о несмѣняемости, объ абсолютной непререкаемости окончательныхъ судебныхъ рѣшеній («Московскія Вѣдомости», 1884 г., № 70). Но не самъ ли Катковъ превозносилъ эти начала и объявлялъ ихъ противниковъ врагами Россіи?.. Теперь онъ смѣется надъ ними, характеризуя начало несмѣняемости, какъ теорію, «по которой судебной чинъ, еще не зарѣзавшій человѣка или не совершившій другого подобнаго скандала, подлежащаго суду, не можетъ быть удаленъ отъ должности, при какой бы то ни было неспособности и негодности, что онъ неотвратимъ, какъ Божій гнѣвъ» («Московскія Вѣдомости», 1884 г., № 24). Теперь онъ указываетъ на тексты молитвъ при помазаніи государя на царство «яко *подчиненные* суды его немздоимны и нелицепріятны сохранить» и т. д. («Московскія Вѣдомости», 1884 г., № 112). Но развѣ судъ не подчиненъ верховной власти и развѣ онъ не дѣйствуетъ именемъ Его Величества? Если же независимость суда противорѣчитъ началамъ нашего государственнаго строя, то какъ же Катковъ могъ этого не замѣтить въ продолженіе длиннаго теченія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ?

«Послѣ совершенной въ 1884 году ревизіи нѣсколькихъ судебныхъ учрежденій, бывшій министръ юстиціи [1]) счелъ нужнымъ опровергнуть въ рѣчи, произнесенной въ Екатерининскомъ залѣ въ Москвѣ, «нападки и общія нареканія на судебное вѣдомство». Катковъ замѣтилъ по этому поводу: «Неужели министру требовалось проѣхаться по округамъ для повѣрки сужденій о судахъ? Неужели посидѣть на дѣлѣ Свиридова въ Кіевѣ, послушать рѣчи прокурора и защитника, посмотрѣть, какъ сидятъ на своихъ мѣстахъ присяжные засѣдатели... значитъ въ чемъ-либо убѣдиться

---

[1]) Д. Н. Набоковъ.

или разубѣдиться? Ясно безъ всякаго объѣзда, что въ государствѣ, которое хочетъ жить, не можетъ быть двухъ самодержавій»—прибавляетъ онъ («Московскія Вѣдомости», 1884 г., №№ 313, 315, 316).

«Когда назначенъ былъ нынѣшній министръ (Н. А. Манасеинъ), Катковъ, отдавая справедливость его уму, патріотизму и живому національному чувству и вспоминая о совершенной имъ ревизіи Прибалтійскаго края, выразилъ пожеланіе, чтобы государственной власти безусловно были подчинены судебныя установленія. Онъ сравнивалъ положеніе послѣднихъ съ положеніемъ учрежденій Прибалтійскаго края, обособившихся отъ русскаго правительства.

«Чего же требовалъ Катковъ въ видѣ преобразованія суда? Обращенія судей въ зависимыхъ отъ министра юстиціи чиновниковъ; упраздненія суда присяжныхъ; установленія какого-то не вполнѣ яснаго контроля надъ сенатомъ; отмѣны кассаціонной процедуры; дозволенія приносить всеподданнѣйшія прошенія на рѣшенія судовъ... Вотъ содержаніе этой программы».

Катковъ былъ не единственнымъ, который упрекалъ вѣдомство юстиціи въ излишнемъ либерализмѣ и проповѣдывалъ необходимость очищенія его отъ вольностей, дарованныхъ ему «эпохою великихъ реформъ». Такъ, и князь Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ[1]), рисуя портреты обоихъ министровъ юстиціи, и Набокова, и Манасеина, аттестуетъ ихъ, какъ представителей именно либерализма, причемъ отъ него особенно достается Набокову. Дабы не возвращаться болѣе къ этой темѣ—о либерализмѣ министерства юстиціи—приводимъ здѣсь эти его воспоминанія. Онъ говоритъ:

«Въ концѣ 1885 года совершилось назначеніе, про которое давно всѣ въ чиновныхъ сферахъ говорили, это—назначеніе Манасеина. Министерство юстиціи уже давно нуждалось въ новомъ министрѣ. Про это говорили всѣ и вездѣ, даже въ самомъ судебномъ вѣдомствѣ. Но для покойнаго государя Александра III смѣна министра являлась подчасъ непріятнымъ дѣломъ, потому что онъ во всемъ, а слѣдовательно и въ этомъ вопросѣ, обязывалъ себя быть строго добросовѣстнымъ и не прежде смѣнять министра, какъ съ увѣренностью его замѣнить лучшимъ. Какъ только состоялось назначеніе Набокова взамѣнъ графа Палена, такъ многіе изъ тѣхъ, которые увѣряли, что хуже графа Палена не можетъ быть министра юстиціи, стали находить, что надо жалѣть объ уходѣ графа (графъ Паленъ имѣлъ свои слабыя стороны, но всѣ его цѣнили за высокую честность en gros и en détails и за живое участіе къ каждому дѣлу). При покойномъ государѣ Александрѣ II, надо правду сказать, назначенія министровъ дѣлались очень легко въ смыслѣ необдумыванія... Набоковъ дѣлалъ блестящую карьеру благодаря великому князю Константину Николаевичу, который его ввелъ въ кружокъ

[1]) Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». (1881—1894 гг.). Часть III.

своихъ избранниковъ. По странной случайности, всѣ избранники были выдающагося ума и способностей, и единственный, который ровно ничѣмъ не выдавался, кромѣ доброты и любезности, былъ Д. Н. Набоковъ. Тѣмъ не менѣе великій князь Константинъ Павлолаевичъ его двигалъ и довелъ до сравнительно высокаго поста по тогдашнему управленію царства Польскаго, въ началѣ 60-хъ годовъ, со званіемъ уже статсъ-секретаря. Въ 1865 года въ Скевенингѣ, гдѣ купался въ морѣ покойный цесаревичъ Николай Александровичъ, однажды, во время утренней съ нимъ прогулки по берегу моря, мы встрѣтили Набокова. Поговоривъ минуты двѣ съ нимъ, цесаревичъ отошелъ. «Это одинъ изъ будущихъ нашихъ министровъ,—сказалъ онъ мнѣ,—увидите». Его поразительно мѣткое пророчество сбылось. Въ день, когда я узналъ про назначеніе Набокова, я вспомнилъ пророчество покойнаго цесаревича, но въ то же время, какъ всѣ, и я задавалъ себѣ вопросъ: что общаго между министерствомъ юстиціи и Набоковымъ? И вотъ—шутка сказать—онъ пробылъ министромъ юстиціи въ самые безпокойные и трудные послѣдніе годы царствованія, при немъ разыгралась судебная драма оправданія Засуличъ, имѣвшая для нашей революціи значеніе взятія Бастиліи для французской, при немъ свершилось «первое марта», и затѣмъ онъ оставался на своемъ посту цѣлыхъ четыре года! Увы, особливо въ первые годы своего управленія министерствомъ юстиціи Набоковъ не мало содѣйствовалъ своимъ либерализмомъ—вѣрнѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ,—извращенію нравственнаго уровня въ личномъ составѣ своего вѣдомства. Въ то же время онъ съ какимъ-то фанатизмомъ, который казался добродушнымъ, отстаивалъ безотвѣтственность каждаго чина своего вѣдомства, находя оправданіе даже для такихъ молодцовъ, которые изъ суда дозволяли себѣ дѣлать арену революціонной пропаганды. Въ минуту такого фанатическаго преклоненія передъ своимъ вѣдомствомъ Набоковъ прославилъ себя, какъ авторъ знаменитаго *стекляннаго колпака*, подъ прикрытіемъ котораго ярко видны для каждаго красота и совершенства этого учрежденія.

«Манасеинъ выступалъ на государственную арену крупною личностью, какъ относительно ума, такъ и относительно нравственности. Побѣдоносцеву принадлежитъ главная роль въ карьерѣ Манасеина. Онъ его указалъ государю и онъ же на немъ настаивалъ, какъ на лицѣ, способномъ повести столь трудное дѣло, какъ введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ Остзейскомъ краѣ. Дѣло это требовало, кромѣ знанія, практическаго ума, громаднаго такта для того, чтобы отъ насажденія новыхъ судебныхъ учрежденій въ Остзейскомъ краѣ отстранить всякій малѣйшій поводъ къ возбужденію политической розни или нарушенію бытовыхъ основъ и, наоборотъ, сразу подчинить край благопріятному впечатлѣнію отъ реформы. Все столь нужное для такого труднаго дѣла имѣлъ Манасеинъ и

имѣлъ еще то, что тоже имѣло большое значеніе. Я помню его еще съ эпохи правовѣдской скамьи, когда онъ былъ изъ большихъ, а я былъ изъ маленькихъ въ классѣ по возрасту; помню его лицо: какъ очень умное, оно всегда обращало на себя вниманіе, но иногда оно внушало извѣстный страхъ, а иногда, когда на умномъ лицѣ его заигрывалъ лучъ солнца, въ видѣ улыбки и свѣтлаго, привѣтливаго взгляда, это лицо внушало очарованіе. Когда его назначили въ Остзейскій край, я подумалъ: коли онъ явится туда только съ тѣмъ лицомъ, которое освѣщаютъ улыбка и взглядъ, онъ покоритъ весь Остзейскій край. Оказалось, что мое желаніе сбылось. Манасеинъ, со свойственнымъ ему умомъ и пониманіемъ возложенной на него царемъ задачи, сдѣлалъ подборъ лицъ для предстоящаго дѣла особенно внимательный, и не прошло двухъ недѣль послѣ прибытія *грознаго* Манасеина (его тогда такъ звали) въ Остзейскій край, какъ нѣмецкіе бароны и интеллигенты безъ всякаго самоограниченія перешли отъ настроенія недовѣрчиваго къ самому благопріятному и стали глядѣть на Манасеина не сверху внизъ, а снизу вверхъ. Этимъ возложеннымъ на него царемъ порученіемъ Манасеинъ вызвалъ въ царѣ къ себѣ глубокую признательность, и съ довѣріемъ къ нему онъ назначилъ его министромъ юстиціи.

«Странная вещь: вѣдь въ сущности и Манасеинъ былъ либеральнымъ человѣкомъ по своимъ политическимъ взглядамъ, но его либерализмъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ либерализмомъ напрокатъ и сезоннымъ, которымъ запасались люди для добыванія грошовой популярности. Манасеинъ былъ либераломъ отъ юности своей, но необыкновенно высокая честность этого человѣка до гробовой доски не дозволила ему либерализмъ благороднаго закала промѣнять на безшабашность демогога: его либерализмъ мирился съ всепреданною и всевѣрною службою царю, но строго обязывалъ къ честности, и это-то давало его личности столько обаянія и столько силы. Онъ сіялъ, какъ алмазъ, между многими, называвшими его гордую самостоятельность чуть ли не демагогизмомъ. Его пребываніе во главѣ вѣдомства, увы, продлилось слишкомъ недолго. Рокъ не любитъ такихъ монолитовъ. Пришло переутомленіе, потомъ пришли болѣзнь и преждевременная кончина. Но, умирая, Манасеинъ могъ сказать, что онъ не даромъ прожилъ, ибо поднялъ нравственный уровень своего вѣдомства, облагородилъ его и сдѣлалъ менѣе глупо либеральнымъ».

XLI.

Обвиненіе вѣдомства юстиціи въ излишкѣ либерализма не прошло даромъ, и если до 1885 года мы не встрѣчаемъ ярко подчеркнутыхъ тенденцій къ обузданію этого либерализма, то въ дальнѣйшемъ періодѣ мы видимъ, что свобода судебныхъ учрежденій нѣ-

сколько сокращается и характеръ ихъ дѣятельности согласуется съ тѣми общими административными вѣяніями, которыя такъ ярко сказывались въ политикѣ управленія графа Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева.

На первыхъ порахъ была проведена мѣра, касающаяся права отвода присяжныхъ засѣдателей, благодаря чему въ дѣлѣ отвода прокуратура и защита были поставлены въ одинаковое положеніе. За симъ были введены весьма существенныя измѣненія, относящіяся къ порядку составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей въ цѣляхъ призыва лучшихъ и вполнѣ надежныхъ элементовъ общества. Поэтому Набоковъ, не посягая на реформу судебныхъ установленій по существу, ограничился принятіемъ лишь мѣръ къ улучшенію состава присяжныхъ путемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ организаціи комиссій, на которыя возложено составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей. Съ этою цѣлью въ составъ упомянутыхъ комиссій были, между прочимъ, введены предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей и мѣстный товарищъ прокурора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «дабы дать этимъ комиссіямъ возможность включить въ списки присяжныхъ лишь наиболѣе достойныхъ представителей общества, общее число лицъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, было сокращено въ значительной мѣрѣ».

На недостатки въ дѣятельности суда присяжныхъ и несовершенство нашего уголовнаго законодательства было обращено вниманіе еще въ 70-хъ годахъ, почему тогда же было образовано нѣсколько комиссій для пересмотра установленной у насъ лѣстницы наказаній. Приступлено было къ изготовленію проекта новаго уголовнаго уложенія, а тѣмъ временемъ въ нѣдрахъ самого министерства юстиціи былъ выработанъ рядъ законопроектовъ, имѣвшихъ цѣлью внести нѣкоторыя дополненія, поправки и улучшенія въ дѣйствовавшія постановленія уложенія о наказаніяхъ, скорѣйшее осуществленіе которыхъ требовалось практикою жизни. Къ числу такихъ постановленій относилось предположеніе объ измѣненіи наказаній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Согласно этому предположенію, высочайше утвержденному 27-го октября 1881 года, для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ привилегированныхъ сословій ссылка на житье въ Сибирь или отдаленныя губерніи замѣнялась срочнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Далѣе, обращено было вниманіе на несоотвѣтствіе установленнаго въ законѣ наказанія за присвоенія и растраты по сравненію съ значеніемъ и важностью этого преступнаго дѣянія. Эта сторона дѣла была разрѣшена закономъ 16-го іюня 1884 г., согласно которому не только вообще усилено было наказаніе за эти преступленія, но и сдѣлано болѣе дѣйствительнымъ для лицъ привилегированныхъ состояній, виновныхъ въ служебной растратѣ, такъ какъ въ силу упомянутаго закона лица эти до ссылки въ Сибирь подлежали заключенію въ тюрьмѣ на извѣстные сроки.

Весьма важный законъ былъ обнародованъ 26-го мая 1881 года, измѣнившій порядокъ исполненія приговоровъ о смертной казни. Какъ читатели нашихъ очерковъ помнятъ изъ нѣкоторыхъ сдѣланныхъ нами описаній этихъ казней, таковыя приводились всегда въ исполненіе публично при очень сложной и торжественной обстановкѣ. Съ теченіемъ времени правительство пришло къ убѣжденію, что эта публичность, долженствовавшая по своему сокровенному смыслу имѣть устрашающее впечатлѣніе, не только не производила его, но, напротивъ, «давая лишь пищу для удовлетворенія празднаго и грубаго любопытства толпы, имѣла на нее глубоко развращающее вліяніе». Эта же публичность давала возможность единомышленникамъ казнимыхъ сказать имъ послѣднее «прости» и повѣдать потомъ въ интересахъ пропаганды и противоправительственной агитаціи о страданіяхъ и геройскомъ поведеніи «пострадавшихъ». Чтобъ парализовать сказанныя послѣдствія публичныхъ казней, еще въ 1876 году въ министерствѣ юстиціи былъ возбужденъ вопросъ объ ихъ отмѣнѣ, но тогда этотъ вопросъ былъ признанъ несвоевременнымъ и ему не было дано хода. Но въ началѣ царствованія Александра III высочайше было повелѣно безотлагательно приступить къ пересмотру узаконеній, устанавливающихъ публичное исполненіе смертной казни. Во исполненіе этого повелѣнія въ министерствѣ были выработаны правила, въ силу которыхъ всѣ приговоры о смертной казни, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда съ высочайшаго соизволенія смертная казнь замѣняется такъ называемою «политическою смертью», приводятся въ исполненіе въ оградѣ тюрьмы, въ присутствіи нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и 10 мѣстныхъ обывателей «изъ заслуживающихъ общественнаго довѣрія домохозяевъ». Не приходится много говорить о томъ, что этотъ законъ имѣлъ главнѣйше въ виду борьбу съ политическимъ терроромъ.

Въ области гражданскаго права въ министерство Набокова было обращено особое вниманіе на составленіе правилъ о порядкѣ укрѣпленія правъ на недвижимое имущество, а 12-го мая 1882 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго комитета изъ 12 лицъ для коренного пересмотра дѣйствовавшихъ гражданскихъ законовъ и составленія проекта новаго гражданскаго уложенія. Въ то же министерство Набокова была учреждена касса вѣдомства министерства юстиціи, что было особенно важно въ виду недостаточнаго матеріальнаго обезпеченія чиновъ этого вѣдомства. Проектъ кассы былъ высочайше утвержденъ 3-го іюня 1885 года.

6-го ноября, послѣ семилѣтняго пребыванія на посту юстиціи, статсъ-секретарь Набоковъ былъ уволенъ отъ этой должности, и управленіе министерствомъ было ввѣрено сенатору Николаю Авксентьевичу Манасеину, выдѣлившемуся особенно по выполненному имъ высочайшему порученію обревизовать Лифляндскую и Курляндскую губерніи по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія.

Н. А. Манасеинъ, по происхожденію своему, принадлежалъ къ числу дворянъ Казанской губерніи. Окончивъ въ 1854 г. курсъ императорскаго училища правовѣдѣнія, онъ началъ службу въ канцеляріи правительствующаго сената—вначалѣ въ должности помощника секретаря, а затѣмъ въ должности секретаря. Въ 1860 году Н. А. Манасеинъ вышелъ въ отставку, но, спустя три года, когда начались работы по практическому примѣненію крестьянской реформы, онъ снова поступилъ на службу въ качествѣ исправляющаго должность мирового посредника въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, и въ этой должности оставался до 7-го іюля 1866 года, когда послѣдовало назначеніе его на постъ товарища прокурора въ московскій окружный судъ. Благодаря блестящимъ способностямъ, обнаруженнымъ имъ на новой должности, Н. А. Манасеинъ сталъ быстро подвигаться по ступенямъ служебной іерархіи. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года онъ былъ назначенъ прокуроромъ калужскаго окружнаго суда, черезъ годъ получилъ должность товарища прокурора московской судебной палаты, а 2-го іюля 1870 г. состоялось назначеніе его на должность прокурора этой палаты. Обративъ на себя вниманіе министра юстиціи графа Палена своею энергіей и настойчивостью, Н. А. Манасеинъ, въ качествѣ выдающагося судебнаго дѣятеля, былъ призванъ 15-го декабря 1877 года на постъ директора департамента министерства юстиціи, а 8-го сентября 1880 года назначенъ сенаторомъ.

Порученная ему ревизія Остзейскаго края была выполнена имъ чрезвычайно удачно. Со свойственной ему энергіей приступилъ онъ къ выполненію этой задачи, трудность которой усугублялась дружнымъ противодѣйствіемъ цѣлямъ ревизіи со стороны всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ элементовъ, заинтересованныхъ въ дальнѣйшемъ сохраненіи прежняго феодально-сословнаго строя жизни въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Послѣ двадцатимѣсячной работы ревизія была закончена, и добытыя ею данныя представили собою яркую картину того безправія и произвола, которые господствовали въ обревизованныхъ губерніяхъ. О результатахъ ревизіи Манасеинъ представилъ въ 1884 г. всеподданнѣйшій отчетъ, и этотъ его трудъ, содержавшій въ себѣ подробныя указанія на ненормальность установившихся въ Прибалтійскомъ краѣ порядковъ, послужилъ затѣмъ основаніемъ для осуществленія цѣлаго ряда правительственныхъ мѣропріятій и реформъ въ этомъ краѣ.

XLII.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ юстиціи, Н. А. Манасеинъ прежде всего занялся введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ на Балтійскомъ побережьи. Сложившись исторически подъ вліяніемъ политическаго прошлаго, судебный строй здѣсь не представлялъ

собою цѣльной системы судоустройства, дѣйствіе которой распространялось бы на всѣ прибалтійскія губерніи. Напротивъ того, каждая изъ нихъ имѣла свои особыя судебныя установленія, существенно отличавшіяся отъ учрежденій, дѣйствовавшихъ въ другихъ губерніяхъ. Какъ свидѣтельствуетъ юбилейная исторія министерства юстиціи: «При всемъ разнообразіи въ организаціяхъ судебныхъ мѣстъ Прибалтійскаго края, всѣ онѣ отличались, однако, общими присущими имъ недостатками, заключавшимися въ замѣщеніи судебныхъ должностей по выбору дворянства, въ разграниченіи подсудности между судами въ зависимости отъ принадлежности участвующихъ въ дѣлѣ лицъ къ тому или другому сословію, въ чрезвычайномъ разнообразіи и неопредѣленности примѣнявшихся въ судахъ процессуальныхъ правилъ и, наконецъ, въ крайней сложности и медленности судебной процедуры. Убѣдившись лично еще во время сенаторской ревизіи въ крупныхъ недостаткахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ судебнаго устройства, министръ юстиціи Манасеинъ, въ виду обнаруженныхъ этою ревизіею данныхъ, пришелъ къ заключенію, что введеніе въ этомъ краѣ выборнаго института на началахъ, которыя были указаны въ законѣ 28-го мая 1880 г., состоявшемся по представленію графа Палена, не достигало бы цѣли существеннаго улучшенія дѣйствовавшихъ тамъ судебныхъ порядковъ. По его мнѣнію, представлялось настоятельно необходимымъ приступить къ безотлагательному переустройству всей судебной части въ прибалтійскихъ губерніяхъ и съ этою цѣлью выработать предположеніе о введеніи въ этихъ губерніяхъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года въ полномъ объемѣ и съ тѣми лишь измѣненіями, какія вызывались бытовыми и политическими условіями края. Работы, предпринятыя министерствомъ юстиціи по этому предмету, представлялись въ высшей степени сложными и трудными. Трудность ихъ заключалась не только въ особенностяхъ мѣстнаго матеріальнаго права, вызывавшихъ необходимость согласованія съ нормами этого права судопроизводственныхъ правилъ, но и въ томъ, между прочимъ, обстоятельствѣ, что на мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ прибалтійскихъ губерній, независимо отъ судебныхъ функцій, лежали также разнообразныя обязанности административныя, сословныя, полицейскія, опекунскія и по надзору за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, которыя, конечно, не могли быть перенесены на новыя судебныя мѣста.

«Благодаря неутомимой энергіи министра юстиціи, сложный трудъ разработки проекта преобразованій судебной части въ прибалтійскихъ губерніяхъ былъ законченъ менѣе чѣмъ въ два года. Главнѣйшія особенности проектированной организаціи суда въ Прибалтійскомъ краѣ заключались въ опредѣленіи мировыхъ судей къ должности не по выбору, а по назначенію отъ правительства, и въ неучрежденіи института присяжныхъ засѣдателей. Первое изъ

этихъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. объяснялось необходимостью оградить мировую юстицію отъ вліянія мѣстнаго дворянства, которое, занимая преобладающее положеніе въ средѣ мѣстнаго населенія, при замѣщеніи судей по выборамъ могло бы обратить мировой институтъ въ орудіе мѣстныхъ національныхъ и сословныхъ цѣлей. Что же касается суда присяжныхъ, то примѣненіе его къ прибалтійскимъ губерніямъ признавалось невозможнымъ въ виду разноплеменности мѣстнаго населенія, говорящаго различными нарѣчіями и живущаго въ разнообразныхъ бытовыхъ условіяхъ. Независимо отъ этихъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ, при устройствѣ судебныхъ мѣстъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ предполагалось также, въ связи съ дѣйствовавшею въ краѣ ипотечною системою, учредить при окружныхъ судахъ, вмѣсто нотаріальныхъ архивовъ, особыя крѣпостныя отдѣленія для завѣдыванія поземельно-ипотечною частью.

«Въ области уголовнаго судопроизводства министерство юстиціи проектировало для прибалтійскихъ губерній немногія отступленія отъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., при чемъ главнѣйшія изъ нихъ обусловливались невведеніемъ суда присяжныхъ въ этихъ губерніяхъ. Напротивъ того, постановленія судебныхъ уставовъ, касающіяся гражданскаго судопроизводства, подверглись весьма тщательному пересмотру въ видахъ приспособленія дѣйствующаго у насъ гражданскаго процесса къ чуждымъ нашему законодательству правовымъ нормамъ, примѣняемымъ въ Прибалтійскомъ краѣ. При выполненіи этого труда выяснилось, между прочимъ, что цѣлый отдѣлъ устава гражданскаго судопроизводства не можетъ имѣть никакого примѣненія въ названномъ краѣ, такъ какъ заключающіяся въ этомъ отдѣлѣ правила находятся въ тѣсной непосредственной связи съ дѣйствующими у насъ гражданскими законами, представляющими во многихъ отношеніяхъ весьма существенныя отличія отъ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ прибалтійскихъ губерній. Вслѣдствіе этого министерство юстиціи было поставлено въ необходимость не только проектировать для этихъ губерній рядъ особыхъ процессуальныхъ правилъ въ отличіе отъ общепринятаго въ имперіи порядка веденія въ судебныхъ мѣстахъ спорныхъ судебныхъ дѣлъ, но, сверхъ того, взамѣнъ устава охранительнаго судопроизводства, составить проекты особыхъ производствъ, устанавливающихъ процессуальныя формы для тѣхъ допускаемыхъ гражданскими мѣстными законами правоотношеній, которыя вовсе чужды русскому законодательству или же регулируются общими законами имперіи на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ мѣстными законами края. Наконецъ, хотя въ прибалтійскихъ губерніяхъ издавна существуетъ ипотечная система, главнѣйшія основанія коей указаны въ сводѣ мѣстныхъ гражданскихъ узаконеній, но всѣ тѣ правила, которыя должны быть соблюдаемы при самомъ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имущества, не были вовсе кодифицированы и въ каждой

изъ юридическихъ территорій, на которыя распадается Прибалтійскій край, представлялись существенно различными. Вслѣдствіе этого министерство юстиціи было поставлено въ необходимость составить сверхъ того особый проектъ правилъ о порядкѣ производства крѣпостныхъ дѣлъ, а также дѣлъ о несостоятельности.

«Въ связи съ предположенною судебною реформою министерство юстиціи выработало также предположенія о преобразованіи крестьянскихъ установленій въ Прибалтійскомъ краѣ. Разбирательство мелкихъ имущественныхъ споровъ крестьянскаго населенія и разрѣшеніе дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ крестьянъ предоставлено было здѣсь волостнымъ судамъ, которые въ отношеніи аппеляцій и надзора за ними были подчинены мѣстнымъ судебнымъ организаціямъ—приходскимъ и уѣзднымъ судамъ. Составляя высшія инстанціи для волостныхъ судовъ, приходскіе и уѣздные суды исполняли также различныя обязательства по надзору за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ и за примѣненіемъ законовъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Вслѣдствіе этого при начертаніи проектовъ судебнаго преобразованія въ Прибалтійскомъ краѣ былъ составленъ проектъ правилъ объ устройствѣ крестьянскихъ судовъ, а также о порядкѣ производства ими дѣлъ—примѣнительно къ началамъ, содержавшимся въ общихъ уставахъ 20-го ноября 1864 г.—и о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами. Всѣ эти правила были соединены въ одинъ волостной судебный уставъ. Сверхъ того, надлежало разработать предположенія объ организаціи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ, къ которымъ должны были перейти административныя обязанности упразднявшихся приходскихъ и уѣздныхъ судовъ. Первоначально разработку этихъ послѣднихъ предположеній приняло на себя министерство внутреннихъ дѣлъ, но затѣмъ оно не нашло возможнымъ составить проектъ окончательнаго устройства крестьянскихъ учрежденій въ Прибалтійскомъ краѣ ко времени предстоявшаго тамъ введенія судебной реформы, и потому въ министерствѣ юстиціи былъ выработанъ проектъ временныхъ правилъ о передачѣ обязанностей по надзору за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ единоличнымъ органамъ, назначаемымъ отъ правительства. Наконецъ, тѣмъ же министерствомъ проектировано на одинаковыхъ съ имперіею основаніяхъ устройство опекунской части Прибалтійскаго края.

«Всѣ эти предположенія, которыя, по мысли министра юстиціи Манасеина, должны были не только оказать благотворное вліяніе на отправленіе правосудія въ Остзейскомъ краѣ, но и послужить къ достиженію политическихъ цѣлей первостепеннаго государственнаго значенія, были внесены 31-го декабря 1887 г. на уваженіе государственнаго совѣта. Въ теченіе всей сессіи 1888—1889 г.г. разсматривалъ государственный совѣтъ этотъ проектъ; предположенія министерства юстиціи были одобрены и 9-го іюля 1889 г. удостоились высочайшаго утвержденія».

XLIII.

Послѣ осуществленія судебной реформы въ прибалтійскихъ губерніяхъ судебные уставы были распространены съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и процессуальными сокращеніями на сѣверныя губерніи, степныя области и Туркестанскій край. Особенное вниманіе Манасеина было обращено на дѣятельность суда присяжныхъ, вызывавшаго, какъ это мы видѣли изъ статей Каткова и его единомышленниковъ, постоянныя рѣзкія на нее нападки. Не раздѣляя крайности этихъ взглядовъ, министръ юстиціи внесъ нѣкоторыя поправки въ права и обязанности присяжныхъ засѣдателей, а также намѣтилъ рядъ измѣненій въ дѣйствовавшихъ постановленіяхъ судебныхъ уставовъ, какъ относительно условій, которымъ должны удовлетворять лица, призываемыя къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, такъ и относительно органовъ, вѣдающихъ составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей. Прежде, независимо отъ опредѣленнаго имущественнаго ценза, судебные уставы предъявляли къ лицамъ, призываемымъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, лишь слѣдующія положительныя требованія: русское подданство, знаніе русскаго языка, возрастъ отъ 25 до 70 лѣтъ и не менѣе какъ двухгодичное пребываніе въ уѣздѣ. Между тѣмъ, по мнѣнію министерства юстиціи, «перечень этотъ надлежало дополнить требованіемъ знанія читать по-русски, такъ какъ такое знаніе является во многихъ случаяхъ необходимымъ условіемъ для правильнаго пониманія вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Самые размѣры имущественнаго ценза, установленнаго закономъ для лицъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, по мнѣнію министерства юстиціи, надлежало также подвергнуть существеннымъ измѣненіямъ. Установивъ слишкомъ высокій размѣръ ценза для владѣльцевъ недвижимаго имущества, судебные уставы опредѣлили вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ низкій цензъ для лицъ, живущихъ жалованьемъ или доходомъ отъ капитала, занятія, ремесла либо промысла. Между тѣмъ опытъ показалъ, что лица, не связанныя съ мѣстностью обладаніемъ недвижимостью и матеріально скудно обезпеченныя, представляютъ собою въ составѣ присяжныхъ засѣдателей элементъ малонадежный и недостаточно серьезно относящійся къ возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ. Вслѣдствіе этого министръ юстиціи Манасеинъ призналъ желательнымъ повысить въ значительной мѣрѣ подоходный цензъ, необходимый для избранія въ присяжные засѣдатели и, напротивъ того, понизить размѣръ ценза для владѣльцевъ недвижимой собственности».

Что касается порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, то, принявъ здѣсь въ основаніе правила, намѣченныя еще

Набоковымъ, Манасеинъ расширилъ составъ комиссіи, включивъ сюда всѣхъ участковыхъ мировыхъ судей уѣзда, а равно предоставилъ право предсѣдателю комиссіи приглашать на засѣданіе мѣстныхъ судебныхъ слѣдователей и податныхъ инспекторовъ.

Подвергнувъ тщательному и подробному изслѣдованію результаты 25-лѣтней дѣятельности суда присяжныхъ, министръ юстиціи пришелъ, между прочимъ, къ заключенію объ отсутствіи у насъ правильнаго соотношенія между кругомъ компетенціи этого суда и свойствами, присущими той части общества, изъ коей, главнымъ образомъ, призываются присяжные засѣдатели. Поэтому онъ къ тѣмъ коррективамъ, которые были сдѣланы его предшественникомъ, добавилъ слѣдующее: Манасеинъ нашелъ, что присяжные засѣдатели, принадлежащіе въ большинствѣ къ крестьянской и мѣщанской средѣ, то есть къ наименѣе просвѣщенной части общества, исполняютъ вполнѣ удовлетворительно возложенныя на нихъ обязанности лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшенію ихъ подлежатъ дѣла о простѣйшихъ по своей обстановкѣ преступныхъ дѣяніяхъ, къ числу которыхъ должна быть отнесена большая часть преступленій, совершаемыхъ частными лицами въ нарушеніе правъ частныхъ же лицъ. Что же касается такихъ преступныхъ посягательствъ, значеніе которыхъ въ достаточной степени можетъ быть усвоено лишь при извѣстномъ знакомствѣ съ устройствомъ, назначеніемъ и условіями дѣятельности органовъ, вѣдающихъ непосредственные интересы государства и общества, или же при наличности познаній, хотя бы самыхъ элементарныхъ, но дающихъ возможность понимать объясненія экспертовъ и сторонъ по техническимъ вопросамъ,— то въ большинствѣ случаевъ отнесеніе этого рода дѣлъ къ предметамъ вѣдѣнія суда присяжныхъ не ограждаетъ въ достаточной мѣрѣ интересовъ правосудія. Вслѣдствіе этого Манасеинъ полагалъ необходимымъ устранить присяжныхъ засѣдателей отъ участія въ разрѣшеніи дѣлъ о всѣхъ видахъ сопротивленія властямъ, о насильственныхъ посягательствахъ на представителей власти при исполненіи или по поводу исполненія ими служебныхъ обязанностей, о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной и о цѣломъ рядѣ такимъ правонарушеній, которыя имѣютъ характеръ, средній съ указанными группами преступленій.

Кромѣ этихъ категорій дѣлъ, министерство юстиціи признало необходимымъ изъять изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей всѣ дѣла о такихъ преступленіяхъ, за которыя въ видѣ высшей карательной мѣры установлены въ законѣ наказанія, соединенныя съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія. Такое же ограниченіе было распространено и на извѣстныя категоріи дѣлъ, гдѣ фигурируютъ малолѣтніе или несовершеннолѣтніе. Далѣе, было предположено передать всѣ дѣла о преступленіяхъ противъ порядка управленія, о преступленіяхъ по должности, подвѣдомыхъ окружному

суду, и нѣкоторыя другія на разсмотрѣніе усиленнаго присутствія окружнаго суда, состоящаго изъ предсѣдателя и двухъ членовъ суда, мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства, мѣстнаго городского головы и одного изъ волостныхъ старшинъ мѣстнаго уѣзда. Къ этой категоріи дѣлъ К. П. Побѣдоносцевъ прибавилъ еще дѣла о многобрачіи, мотивируя свое дополненіе тѣмъ соображеніемъ, что зачастую по таковымъ дѣламъ, даже при сознаніи самихъ подсудимыхъ, присяжные все же выносили имъ оправдательные приговоры.

При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ онъ не былъ утвержденъ въ первоначальной редакціи, и высшее государственное установленіе постановило не измѣнять подсудности дѣлъ о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государственный совѣтъ также не нашелъ возможнымъ подчинить дѣла, подлежащія изъятію изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, вѣдомству особаго присутствія окружнаго суда, а призналъ болѣе соотвѣтственнымъ передать эти дѣла въ судебную палату съ участіемъ въ ней такихъ сословныхъ представителей, которые занимаютъ сравнительно болѣе высокое и независимое отъ мѣстныхъ вліяній общественное положеніе. Въ измѣненномъ видѣ проектъ Манасеина удостоился высочайшаго утвержденія 7-го іюля 1889 года.

Одной изъ важнѣйшихъ поправокъ, внесенныхъ въ уставъ уголовнаго судопроизводства, было ограниченіе публичности судебныхъ засѣданій по уголовнымъ дѣламъ. «Манасеинъ нашелъ необходимымъ установить въ законѣ правило, дозволяющее не допускать въ судебныя засѣданія несовершеннолѣтнихъ, учениковъ, воспитанниковъ и слушателей учебныхъ заведеній, а также лицъ женскаго пола, когда это требуется свойствомъ разсматриваемаго дѣла, и сверхъ того расширить предусмотрѣнное закономъ число случаевъ, когда дозволяется непубличное разсмотрѣніе дѣла, отнесеніемъ къ ихъ числу такихъ дѣлъ, гдѣ гласное разслѣдованіе преступленія можетъ нарушить требованія нравственности, оскорблять религіозное чувство, имѣть вредное вліяніе на самый ходъ правосудія, а также угрожать возбужденіемъ умовъ, или же не должно быть допускаемо въ интересахъ огражденія общественнаго порядка или достоинства государственной власти. По общему правилу постановленіе о разсмотрѣніи того или иного дѣла при закрытыхъ дверяхъ присутствія должно исходить отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу; но въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда закрытіе дверей засѣданія оказывается необходимымъ для огражденія достоинства государственной власти или въ интересахъ общественнаго порядка, право принять упомянутыя мѣры предполагалось предоставить министру юстиціи».

По предмету настоящаго представленія Манасеина въ той его части, которая касалась правъ министра юстиціи, не состоялось

единогласнаго постановленія, и большинство высказалось противъ проектированныхъ правъ министра. Когда означенный вопросъ взошелъ на высочайшее утвержденіе, то Александръ III согласился съ мнѣніемъ меньшинства, и предположеніе Манасеина, такимъ образомъ, получило осуществленіе.

Мѣсто не позволяетъ намъ прослѣдить всѣ остальныя начинанія въ области нашего судопроизводства, выполненныя, согласно высочайшей волѣ, министромъ Манасеинымъ; они многообразны, нѣкоторыя изъ нихъ отличались большой гуманностью, широко охватили жизнь и работу нашего суда, причемъ практика жизни при томъ или иномъ проектированіи новаго начинанія ставилась подчасъ выше теоріи права, и, такимъ образомъ, наше судопроизводство въ значительной мѣрѣ подгонялось подъ тѣ требованія усиленія административной государственной власти, которыя были поставлены въ уголъ всей внутренней политики той эпохи.

Немало выпало также работы на долю министерства юстиціи того времени при приведеніи въ извѣстныя соотношенія дѣятельности судебныхъ органовъ съ тѣмъ новымъ земскимъ и крестьянскимъ строемъ жизни, который былъ установленъ административными реформами графа Д. А. Толстого. Не во всемъ и не всегда министръ юстиціи сходился во мнѣніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но подъ вліяніемъ личной воли монарха эти разногласія были сглаживаемы, и въ конечномъ результатѣ въ нашемъ отечествѣ установился тотъ административный и судебный порядокъ вещей, который съ нѣкоторыми видоизмѣненіями несущественнаго въ немъ, впрочемъ, характера просуществовалъ до 17-го октября 1905 года. Въ настоящей части мы не будемъ касаться, какъ скомбинировались интересы правосудія съ интересами административной жизни уѣздовъ; объ этомъ у насъ уже достаточно было говорено, когда шла рѣчь о введеніи реформы земскихъ начальниковъ.

XLIV.

Мы дали на протяженіи настоящихъ очерковъ за текущій годъ обозрѣніе всѣхъ главнѣйшихъ мѣропріятій царствованія императора Александра III, представили рядъ портретовъ его сподвижниковъ и, такимъ образомъ, передъ читателями должна обрисоваться вся картина той эпохи, которую мы наименовали «періодомъ твердой власти». Вопросовъ внѣшней политики, вопросовъ, связанныхъ съ устроеніемъ могущества нашей арміи и флота, здѣсь мы не касались,—объ этомъ было говорено въ очеркахъ за прошедшій годъ,—и полагаемъ, что сказаннаго достаточно, чтобы получить опредѣленное понятіе, какъ во время съ 1881 по 1894 годъ приводился государственный аппаратъ въ необходимый порядокъ, дабы онъ

былъ дѣйствительно мощенъ, незыблемъ и содѣйствовалъ развитію матеріальныхъ силъ страны. Нами было отмѣчено, посколько печать иностранная, а также та часть отечественной, которая тоже признавала необходимымъ, что все должно быть принесено въ жертву силѣ и могуществу государства, сочувственно относились къ изображеннымъ мѣропріятіямъ царя-освободителя. Для полноты, однако, нашей исторической лѣтописи отмѣтимъ здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и ту критику этихъ мѣропріятій, раздавшуюся немедленно вслѣдъ за кончиною Александра III со страницъ той части нашей либеральной печати, которая въ первые дни по его воцареніи выступила съ отмѣченными нами совѣтами по адресу новаго самодержца и чья программа не только не была принята къ свѣдѣнію и руководству, но осуществлена въ совершенно обратномъ направленіи. Устами внутренняго обозрѣвателя «Вѣстника Европы» К. К. Арсеньева было сказано:[1]) «Первый періодъ царствованія императора Александра III былъ во многихъ отношеніяхъ непосредственнымъ продолженіемъ предшествовавшей эпохи. Изъ двухъ теченій, ею созданныхъ, въ особенности посчастливилось тому, которое сосредоточивалось въ области финансовой и экономической. Пониженіе выкупныхъ платежей (1882), отмѣна подушной подати (1882), налогъ на наслѣдства (1882) и на процентныя бумаги (1885), повышеніе промыслового обложенія (1884), учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка и фабричной инспекціи (1882), ограниченіе фабричной работы малолѣтнихъ (1882) и ночной работы подростковъ и женщинъ (1885), устройство тѣхъ категорій сельскихъ обывателей (чиншевиковъ, вольныхъ людей и др.), поземельный бытъ которыхъ оставался еще не обезпеченнымъ (1882 и позже), совокупность мѣръ, направленныхъ къ облегченію арендованія казенныхъ земель (1881, 1884),—все это было прямымъ исполненіемъ программы, начертанной въ 1880 г. и не случайно, конечно, главнымъ исполнителемъ ея явился министръ, именно въ 1880 г. призванный изъ міра науки въ сферу высшаго государственнаго управленія[2]). Послѣднія волны могучаго теченія достигаютъ берега много лѣтъ спустя (законъ 3-го іюня 1886 года о фабричной работѣ, законъ 13-го іюля 1889 г. о переселеніи),—но чѣмъ дальше отъ источника, тѣмъ больше количество постороннихъ примѣсей... Не сразу исчезло и другое теченіе завѣщанное послѣднимъ годомъ царствованія Александра II; непосредственно связаны съ нимъ двукратный призывъ свѣдущихъ людей (1881), учрежденіе такъ называемой кахановской комиссіи (1881), узаконеніе школъ грамоты (1882), учрежденіе комиссій для составленія уложеній уголовнаго и гражданскаго (1881 и 1882), новыя льготы раскольникамъ (законъ 3-го мая 1883 г.).

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1894 г. № 12.

[2]) Т.-е. Н. Х. Бунге.

«Одновременно съ осуществленіемъ нѣкоторыхъ изъ числа задачъ, стоявшихъ на очереди въ моментъ воцаренія новаго государя, ставятся и выдвигаются на первой планъ другія цѣли, идущія въ разрѣзъ не только съ «диктатурой сердца», но и съ «эпохой великихъ реформъ». Прежде всего, какъ это всегда бываетъ, перемѣна настроенія отражается на печати. Вмѣсто облегченій, проектированныхъ въ 1880 г., она подвергается, въ силу *временныхъ* правилъ 1882 г. (дѣйствующихъ, однако, и по настоящую минуту), новымъ, весьма существеннымъ ограниченіямъ, влекущимъ за собою не только прекращеніе многихъ изданій («Голосъ», «Страна», «Отечественныя Записки»), но и суженіе области, доступной для всѣхъ остальныхъ. Временными (ни въ чемъ до сихъ поръ не измѣненными) правилами о публичныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія (5-го января 1884 г.) создается новая категорія книгъ и изданій, *отчасти* запрещенныхъ. Положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ, также имѣющее временный характеръ и также слишкомъ десять лѣтъ остающееся въ полной силѣ, распространяется, на практикѣ, далеко за предѣлы той сферы, которая имѣлась въ виду при его изданіи. Въ 1883 г. законъ о дворянскихъ выморочныхъ имуществахъ и рѣчь, обращенная къ волостнымъ старшинамъ, открываетъ собой длинный рядъ мѣръ, направленныхъ къ расширенію дворянскихъ правъ и преимуществъ. «Свѣдущіе люди», приглашенные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (лѣтомъ 1882 г. перешедшимъ въ руки графа Д. А. Толстого) въ составъ кахановской комиссіи, стоятъ за преобразованіе мѣстнаго управленія въ духѣ сословности и соединенія властей; въ томъ же смыслѣ высказываются нѣкоторыя дворянскія собранія; кахановская комиссія, большинство которой не поддавалось новымъ вѣяніямъ, сходитъ со сцены (май 1885 г.), и продолженіе не оконченной ею работы возлагается на министерство внутреннихъ дѣлъ. Вмѣсто проектированнаго Н. Х. Бунге государственнаго поземельнаго банка, общаго для всѣхъ сословій, учреждается въ то же время (апрѣль 1885 г.) государственный *дворянскій* земельный банкъ, открывающій, на льготныхъ основаніяхъ, долгосрочный кредитъ для однихъ только дворянъ-землевладѣльцевъ. Принципъ опеки надъ крестьянами находитъ для себя первое выраженіе въ законѣ 18-го марта 1886 г. о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ; въ положеніи о наймѣ сельскихъ рабочихъ (12-го іюня того же года) къ этому принципу присоединяется усиленное попеченіе объ интересахъ землевладѣльцевъ. Оба начала осуществляются вполнѣ въ узаконеніяхъ 12-го іюля 1889 г., отмѣняющихъ одну изъ основъ судебной реформы 1864 г.— раздѣленіе властей административной и судебной—и одно изъ главнѣйшихъ учрежденій, ею созданныхъ,—выборный міровой судъ. Новымъ земскимъ положеніемъ (12-го іюня 1890 г.) сословное земство ставится въ зависимость отъ администраціи, новымъ городо-

вымъ положеніемъ (12-го іюля 1892 г.) та же зависимость распространяется и на городскія думы и управы. Рядомъ послѣдующихъ узаконеній уменьшается, съ одной стороны, кругъ дѣйствій и самостоятельность органовъ самоуправленія (законъ 8-го іюня 1893 г. о земскихъ оцѣнкахъ, больничный уставъ 10-го іюня того же года, законъ 6-го іюня 1894 г. о страховомъ комитетѣ), съ другой—самостоятельность крестьянской общины (законъ 8-го іюня 1893 года о передѣлахъ) и на ближайшую очередь ставятся законопроекты, направленные къ тѣмъ же цѣлямъ (напримѣръ: продовольственный уставъ, законъ о составѣ сельскихъ сходовъ).

«Преобразованія, связанныя съ устройствомъ новаго суда и управленія, далеко не единственныя, коснувшіяся судебныхъ уставовъ 1864 года. Принципъ несмѣняемости судей поколебленъ закономъ 20-го мая 1885 года. Ограниченіе судебной гласности предоставлено, закономъ 12-го февраля 1887 года, усмотрѣнію судебной администраціи. Закономъ 7-го іюля 1889 года значительно суженъ кругъ дѣйствій суда присяжныхъ, въ пользу одной изъ наименѣе удачныхъ формъ суда—суда съ сословными представителями. Еще раньше обратное движеніе совершается въ области народнаго просвѣщенія; университетскій уставъ 1863 года—первый изъ крупныхъ законодательныхъ актовъ предыдущаго царствованія—уступаетъ мѣсто противоположному порядку (23-го августа 1884 года). Хотя многія изъ числа мѣръ, принятыхъ въ дополненіе и развитіе новаго университетскаго устава, берутся назадъ или обращаются въ мертвую букву, но въ положеніи университетовъ происходитъ, тѣмъ не менѣе, коренная перемѣна, обусловливаемая отмѣной университетскаго самоуправленія. Не вполнѣ осуществившимися, но весьма знаменательными представляются министерскіе циркуляры (1887 года), имѣвшіе въ виду затруднить доступъ въ среднюю школу. Правилами 13-го іюня 1884 года, вновь организующими церковно-приходскую школу, только что узаконенная школа грамотности отдается всецѣло въ вѣдѣніе духовенства. Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности уменьшены закономъ 10-го февраля 1886 года; въ настоящее время проектировано новое ихъ ограниченіе.

«Финансовая политика, со второй половины восьмидесятыхъ годовъ, разрываетъ связь съ стремленіями предшествовавшаго періода. Мысль о подоходномъ налогѣ откладывается въ сторону; новые налоги упадаютъ преимущественно на предметы первой необходимости; возникаетъ мысль о возстановленіи соляного акциза; протекціонизмъ находитъ крайнее выраженіе въ тарифѣ 1891 года, и нѣкоторый поворотъ въ другую сторону становится замѣтнымъ только въ самое послѣднее время (квартирный налогъ, торговый договоръ съ Германіей). Конверсіи не приносятъ съ собою никакого облегченія податного бремени для массы народа. Крестьян-

скій поземельный банкъ все болѣе и болѣе уклоняется отъ своей первоначальной задачи. Фабричная инспекція теряетъ свою первоначальную энергію, дѣятельность ея—свою первоначальную гласность. Усиленнымъ вниманіе пользуются, кромѣ фабрикантовъ, болѣе крупные землевладѣльцы, въ особенности землевладѣльцы-дворяне, въ интересахъ которыхъ пересматривается едва вошедшій въ силу уставъ дворянскаго банка и заключается новый заемъ съ выигрышами (1889 годъ). Въ желѣзнодорожной политикѣ открываетъ эру общій желѣзнодорожный уставъ 1885 года—прямой результатъ работъ такъ называемой барановской комиссіи, учрежденной еще въ царствованіе Александра II. Параллельно съ переходомъ многихъ желѣзныхъ дорогъ въ руки казны, другія желѣзнодорожныя линіи переходятъ, наоборотъ, изъ рукъ казны въ руки частныхъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, однако, въ области желѣзнодорожнаго хозяйства совершилась большая перемѣна къ лучшему. Полезными представляются, безспорно, и мѣры противъ совмѣстительства (1884 годъ), и законы объ акціонерныхъ и городскихъ банкахъ (1883 годъ), усилившія правительственный контроль надъ банковымъ дѣломъ; необходимо только помнить, что онѣ состоялись въ то самое время, когда произведены всѣ прогрессивныя финансовыя реформы первыхъ годовъ минувшаго царствованія. Тогдашнему финансовому управленію принадлежитъ и заслуга учрежденія податной инспекціи, во многомъ съ тѣхъ поръ отклоненной отъ своего первоначальнаго назначенія, но задуманной совершенно правильно и необходимой какъ орудіе для дальнѣйшихъ преобразованій... Безспорно, цѣнными пріобрѣтеніями являются, наконецъ, законъ о лѣсоохраненіи (1888 годъ), законъ о промышленныхъ училищахъ (1888 годъ), законъ объ узаконеніи и усыновленіи (1891 годъ), законъ о ростовщичествѣ (1893 годъ), законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (1894 годъ).

«Длинный рядъ мѣръ, относящихся къ нашимъ «инородцамъ» и «иновѣрцамъ», начинается съ временныхъ (въ извѣстномъ намъ уже, весьма условномъ смыслѣ этого слова) правилъ 3-го мая 1882 года о евреяхъ. Вмѣстѣ съ послѣдующими узаконеніями и распоряженіями, они могутъ быть формулированы такъ: сосредоточеніе евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ внутри черты осѣдлости; устраненіе ихъ отъ пріобрѣтенія и арендованія поземельной собственности и вообще отъ всякихъ занятій, кромѣ промышленныхъ и торговыхъ; фактическое закрытіе передъ ними государственной службы и адвокатуры; затрудненіе для нихъ доступа къ образованію. Въ остзейскихъ губерніяхъ возстановлено, прежде всего, не дѣйствовавшее при Александрѣ II правило о смѣшанныхъ бракахъ; въ связи съ непрочными обращеніями къ православію, это влечетъ за собою массу дѣлъ объ отпаденіи въ лютеранство или такъ называемыхъ пасторскихъ процессовъ. Не обошлось безъ

обращенія къ суду и введеніе русскаго суда въ управленіе и въ школу, коснувшееся, въ послѣднее время, и юрьевскаго (дерптскаго) университета. Введеніе въ Остзейскомъ краѣ новыхъ полицейскихъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій (1888 и 1889 г.г.) составляетъ несомнѣнную перемѣну къ лучшему; уцѣлѣла, однако, вотчинная полиція, судъ присяжныхъ замѣненъ судомъ коронnымъ, туземные языки, вопреки закону 1888 года, сохранили нѣкоторое мѣсто только въ судахъ крестьянскихъ. Въ Западномъ краѣ и губерніяхъ привислинскихъ обрусеніе менѣе замѣтно лишь потому, что оно было начато здѣсь еще при Александрѣ II; стѣсненіе народнаго языка, закрытіе католическихъ монастырей и костеловъ; включеніе въ число православныхъ по имени католиковъ на самомъ дѣлѣ—все это не имѣло здѣсь характера новизны. На Дальнемъ Востокѣ — за Волгой, въ Сибири — формальная принадлежность къ православной церкви, идущая рука объ руку съ внутреннею преданностью язычеству или магометанству, приводитъ къ послѣдствіямъ, аналогичнымъ съ тѣми, какія мы видимъ на Западѣ между католиками и лютеранами. Внутри Россіи принимаются строгія мѣры противъ пашковцевъ и штундистовъ. Въ Финляндіи, наконецъ, распространеніе противъ правъ сейма (дарованіе ему законодательной инициативы, въ 1886 году) уступаетъ мѣсто ихъ ограниченію (манифестъ 1890 года о финляндской почтѣ и другія аналогичныя мѣры)».

Указавъ далѣе на усиленіе сословныхъ началъ въ разсматриваемый періодъ и отмѣтивъ, что народное хозяйство въ то же время далеко не поднялось, а просвѣтительныя тенденціи понизились, К. К. Арсеньевъ заканчиваетъ свою статью указаніемъ, какъ отразилась эпоха на общественномъ настроеніи, т. е. на настроеніи той части народа, которая привыкла слѣдить за событіями и судить о нихъ на основаніи болѣе или менѣе вѣрныхъ понятій о прошедшемъ и болѣе или менѣе ясныхъ представленій о будущемъ. По сему предмету онъ говоритъ: «Сравнительно недавно начавъ жить сколько-нибудь самостоятельной жизнью, русское общество столь же недавно приступило къ выработкѣ въ самомъ себѣ основныхъ условій правильнаго развитія, немыслимыхъ при господствѣ крѣпостного права: уваженія къ законности и уваженія къ человѣку. Подвинулась ли эта работа за послѣднее время? Едва ли. Разрѣшеніе законодательныхъ вопросовъ внѣ законодательнаго порядка, многочисленныя отступленія отъ дѣйствующихъ постановленій, распространеніе и обостреніе дискреціонной власти, въ разныхъ ея видахъ и формахъ, широко практикуемыя административныя взысканія, начиная съ денежнаго штрафа и кратковременнаго ареста до ссылки въ Сибирь (даже за общія преступленія, напримѣръ, за ростовщичество) и не предусмотрѣнныхъ никакими правами тѣлесныхъ наказаній—все это не могло укрѣпить въ нашемъ

обществѣ уваженія къ закону, какъ къ непоколебимой, для всѣхъ одинаково обязательной нормѣ государственной и частной жизни. Уваженіе къ личности подрывалось съ одной стороны воскресающими взглядами на крестьянъ, какъ на низшій родъ людей, съ другой—возрастающею нетерпимостью ко всему инородному и иновѣрному. Національное самосознаніе превращалось у многихъ въ національное самомнѣніе и самовосхваленіе. Стремленіе къ внѣшнему единообразію развивалось въ ущербъ внутреннему сближенію. Весьма можетъ быть, что между поверхностью общества, рѣзко бросающейся въ глаза, и его глубиною, менѣе доступною для изслѣдованія, существуетъ, въ этомъ отношеніи, значительное различіе; весьма можетъ быть, что намѣченныя нами явленія вовсе не такъ распространены и не такъ интенсивны, какъ кажется съ перваго взгляда. Безошибочно судить объ этомъ можно будетъ только тогда, когда различные оттѣнки общественнаго мнѣнія получатъ большій просторъ, когда право высказываться вполнѣ и до конца перестанетъ быть монополіей немногихъ. Большимъ шагомъ впередъ, съ этой точки зрѣнія, было бы даже простое возстановленіе закона 6-го апрѣля 1865 года, т. е. отмѣна «временныхъ» правилъ 1882 года и другихъ новеллъ, еще раньше парализовавшихъ дѣйствіе основного законодательства о печати. Само собою разумѣется, что голосъ печати, болѣе или менѣе свободный,—только одна изъ формъ общественнаго содѣйствія, необходимаго для прочнаго успѣха преобразовательной работы. А такой работы предстоитъ, очевидно, очень много: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ, предпринятомъ министерствомъ юстиціи, о пересмотрѣ положеній 1861 года, предпринятомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о приближающемся къ концу составленіи новаго уголовнаго уложенія. Для всѣхъ этихъ трудовъ, затрогивающихъ самые насущные интересы русскаго народа, недостаточно одной технической разработки, недостаточно обычнаго прохожденія по іерархической лѣстницѣ инстанцій».

Мы не послѣдуемъ дальше за разсужденіями нашего публициста: приведеннаго достаточно, чтобы понять значительную разность между взглядами на задачи государственнаго управленія, высказанными имъ и единомышленниками, коихъ онъ явился лидеромъ, и тѣми начинаніями, которыя Царь-Миротворецъ съ громадной послѣдовательностью провелъ въ тринадцать лѣтъ своего короткаго царствованія. Подчеркнемъ лишь то нами высказанное предположеніе, когда шла рѣчь о мѣропріятіяхъ С. Ю. Витте по фабричному законодательству, что, повидимому, императоръ Александръ III считалъ свои административныя мѣропріятія настолько укрѣпленными и осуществленными, что неуклонно слѣдовать по старому пути онъ не находилъ уже настоятельнымъ. Государственный аппаратъ былъ признанъ какъ бы обновленнымъ и укрѣпленнымъ

противъ всякихъ на него поползновеній. К. П. Побѣдоносцевъ, какъ равно и И. Д. Деляновъ, въ его глазахъ являлись дѣятелями, какъ бы устарѣвшими для новаго курса. Но каковъ долженъ былъ быть этотъ курсъ—намъ остается неизвѣстнымъ. Завѣса смерти прикрыла собою загадочное будущее. Быть можетъ, продлись дни Александра III для дальнѣйшаго благополучнаго царствованія,—тонъ либеральной критики получилъ бы болѣе смягченный характеръ и для нѣкоторыхъ укоровъ ея не нашлось бы мѣста въ исторіи.

На этомъ мы заканчиваемъ настоящую часть нашихъ «очерковъ» подъ наименованіемъ «Періодъ твердой власти» и вновь обратимся къ разсмотрѣнію того, какъ жилось и что предпринималось за тотъ же періодъ дѣятелями нашей революціонной доктрины. Такое разсмотрѣніе составитъ тему нашей работы 1913 года.

Б. Глинскій.

Городъ Александровскъ на Мурманѣ.

Въ 1912 году минуло пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на высокомъ гранитномъ берегу одного изъ мурманскихъ фіордовъ было основано скромное городское поселеніе, получившее тѣмъ не менѣе офиціально наименованіе «города и коммерческаго порта». Такое громкое названіе объясняется исключительно тѣми надеждами, которыя возлагались на вновь основанный поселокъ въ дѣлѣ оживленія нашей европейской полярной окраины.

Отличительною чертою періода восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія, совпавшаго съ царствованіемъ императора Александра III, нельзя не признать развитіе націоналистическихъ идей, неуклонно проводившихся во внѣшней и внутренней политикѣ. Несмотря на противоположную работу скрытыхъ революціонныхъ элементовъ, такое направленіе приносило свои плоды. Такъ, на ряду съ повышеніемъ международнаго авторитета Россіи и укрѣпленіемъ въ обществѣ увѣренности въ государственномъ могуществѣ, сталъ широко проявляться интересъ къ отдѣльнымъ сторонамъ русскаго народнаго быта и жизни государства.

Несомнѣнно, такимъ общественнымъ настроеніямъ обязаны хорошо извѣстныя всѣмъ явленія того времени, хотя и некрупнаго порядка, но имѣющія значеніе и понынѣ, какъ, напримѣръ, разработка вопроса о кустаряхъ или удачныя попытки возродить старинные русскіе музыкальные инструменты. На томъ же базисѣ покоилось развитіе широкой финансовой политики и даже укоренив-

шееся въ русскомъ обществѣ представленіе о полной своевременности для Россіи выйти на просторъ открытаго океана.

Достиженіе этихъ послѣднихъ цѣлей велось въ двухъ направленіяхъ: на берегахъ Великаго океана и Студенаго моря.

Возникшій отсюда дальневосточный вопросъ принесъ пока лишь разочарованіе и много горя. Къ не оправдавшимъ себя мѣропріятіямъ приходится также отнести и основаніе на Мурманѣ города Александровска.

Однако по отношенію къ послѣднему нельзя не обратить вниманія, что само по себѣ основаніе этого города еще не давало права на какія-либо крупныя ожиданія, такъ какъ оно могло имѣть значеніе лишь въ связи въ такими послѣдовательными мѣрами, какъ соединеніе Мурмана съ материкомъ желѣзною дорогою, правильная колонизація Дальняго Сѣвера и щедрая поддержка русской сѣверной промышленности. Вслѣдъ за основаніемъ города Александровска ничего этого до сихъ поръ не сдѣлано въ достаточной мѣрѣ, хотя такія намѣренія въ свое время и были проявлены [1]). Такимъ образомъ нельзя не замѣтить и разницы между осуществленіемъ плана оживленія Сѣвера и стремленіемъ на Дальній Востокъ, гдѣ былъ выполненъ почти весь циклъ государственныхъ мѣропріятій, закончившійся для насъ такъ неудачно.

Въ настоящее время вниманіе вновь устремлено на Дальній Сѣверъ. Пробудившаяся вновь національная мысль не можетъ мириться съ тѣмъ, какъ этотъ богатѣйшій по природнымъ рессурсамъ край все болѣе подпадаетъ хозяйничанью постороннихъ намъ элементовъ, хищнически истощающихъ русское достояніе на Сѣверѣ и угрожающихъ даже праву державнаго обладанія этою исконною русскою территоріею.

Вѣроятно, въ скоромъ времени законодательнымъ учрежденіямъ будетъ предстоять разсмотрѣть законопроектъ о мѣрахъ по улучшенію условій колонизаціи нашего Сѣвера и объ установленіи границъ территоріальныхъ водъ. Кромѣ того, въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о рѣшеніи начать изысканія предположенной къ постройкѣ казенной Московско-Мурманской желѣзной дороги.

Въ виду этого казалось бы небезынтереснымъ возстановить въ памяти тѣ обстоятельства и надежды на оживленіе нашего Дальняго Сѣвера, которыя сопутствовали основанію единственнаго на Мурманѣ портоваго города, быть можетъ, еще имѣющаго сыграть значительную роль въ исторіи не только нашего Сѣвера.

---

[1]) Непонятно, почему къ колонизаціи Мурмана не примѣнена раздача земли, которая была осуществлена на черноморскомъ побережьѣ. Являясь невыгодною для государства на берегу Чернаго моря, она способствовала бы на Мурманѣ упроченію жизни и интереса къ сѣверу, вообще обладающему удивительными притягательными чарами.

Какъ ни была подготовлена въ свое время почва для основанія на берегу открытаго моря, въ не замерзающей гавани, города и порта, осуществленіе этой мѣры на отдаленномъ Мурманѣ, быть можетъ, и не удалось бы, если бы къ началу девятидесятыхъ годовъ на должности архангельскаго губернатора не оказался энергичный А. П. Энгельгардтъ. Этотъ человѣкъ, несмотря на недолговременное пребываніе на Сѣверѣ, оставилъ много памятниковъ своей дѣятельности по оживленію края и добрую о себѣ славу.

А. П. Энгельгардтъ, соединявшій въ себѣ пытливость изслѣдователя-этнографа съ недюжинными способностями администратора, сумѣлъ увлечь много умовъ мыслью о производительномъ ис-

Карликовыя березы.

пользованіи Сѣвера. Оглядывая и изучая подвластную ему губернію, въ полтора раза превышающую по размѣрамъ Францію, А. П. Энгельгардтъ не отступалъ передъ переходами въ 200 верстъ пѣшкомъ по Лапландской тундрѣ и во много разъ болѣе длинными поѣздками на почтовыхъ. Заброшенность богатой территоріи, пренебреженіе ея не замерзающими гаванями не могли не останавливать его вниманія.

Результатомъ первой же поѣздки А. П. Энгельгардта на Мурманъ въ 1892 г., предпринятой для ознакомленія съ морскими промыслами, явилось возбужденіе имъ вопроса о скорѣйшемъ устройствѣ на Мурманѣ телеграфа, который могъ бы быть включенъ въ

общую телеграфную сѣть, и о привлеченіи на Мурманъ колонистовъ изъ южныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи путемъ выдачи въ широкихъ размѣрахъ ссудъ на переселеніе.

Устройство телеграфа вдоль Мурманскаго берега, служащаго пристанищемъ для многочисленныхъ поморскихъ флотилій во время лѣтняго промысла трески, представлялось одною изъ элементарнѣйшихъ потребностей для этого богатаго промысловаго района. Русскіе промышленники на Мурманѣ за отсутствіемъ тамъ телеграфа сносились съ нашими сѣверными рынками кружнымъ путемъ черезъ Норвегію. Въ лѣтнюю пору они заваливали своими телеграммами ближайшую телеграфную станцію въ пограничномъ норвежскомъ портѣ Варде.

Къ 1892 году вопросъ о телеграфной линіи на Мурманѣ уже имѣлъ свою исторію. Онъ возбуждался еще въ 1878 году въ обществѣ содѣйствія русскому торговому мореходству, а затѣмъ вновь возникалъ въ 1880 году въ особой комиссіи для изысканія мѣръ къ экономическому развитію Сѣвернаго края.

Проектъ устройства мурманской телеграфной линіи, горячо поддерживаемый А. П. Энгельгардтомъ, встрѣтилъ сочувствіе со стороны бывшаго въ то время министромъ финансовъ С. Ю. Витте, только что совершившаго высочайше разрѣшенную ему поѣздку вдоль Мурмана для ознакомленія съ нуждами нашего Сѣвера и для изысканія мѣръ къ упроченію и развитію мурманскихъ промысловъ. Во время этой поѣздки, подробно описанной сопутствовавшимъ министру нынѣ покойнымъ Е. Л. Кочетовымъ (Русскій Странникъ — Евгеній Львовъ) въ книгѣ «По студеному морю», между С. Ю. Витте и А. П. Энгельгардтомъ установилось единство взгляда на необходимость колонизаціи Мурмана.

Послѣ того, какъ судьба Мурманскаго побережья оказалась въ столь надежныхъ рукахъ, не только былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ проектъ о телеграфѣ и о привлеченіи переселенцевъ, но затѣмъ всплылъ и вопросъ объ устройствѣ на берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана русскаго городского поселенія и коммерческаго порта, а на будущее время намѣчено было проведеніе къ новому городу отъ Петербурга желѣзнодорожной колеи. Было бы ошибкою все-таки думать, что основаніе новаго города обошлось безъ всякихъ колебаній въ выборѣ мѣста и вообще безъ колебаній и сомнѣній по поводу возможности такой мѣры.

Параллельно съ начавшеюся перепискою заинтересованныхъ вѣдомствъ на страницахъ газетъ того времени [1]) возникла горячая полемика о намѣченномъ къ основанію городѣ. Общество должно было раздѣлиться на два лагеря подъ вліяніемъ обнаружившихся по этому вопросу двухъ главныхъ теченій, изъ которыхъ защитни-

---

[1]) «Новое Время», «Гражданинъ», «Русское Судоходство» и др.

комъ одного былъ тотъ же Русскій Странникъ, а другого — нынѣ здравствующій А. К. Бѣломоръ.

Въ получившейся разноголосицѣ крылась опасность оттяжки въ осуществленіи проектированной мѣры, но зато изъ газетной полемики общество, не отвыкшее вполнѣ и до сихъ поръ считать Сѣверный Ледовитый океанъ за страну вѣчныхъ льдовъ и мрака, могло узнать, что этотъ дѣвственный изобилующій многочисленными бо-

Лапландскій пейзажъ.

гатствами край находится въ какихъ-нибудь 3.000 верстъ отъ столицы и можетъ служить отечеству своими не замерзающими гаванями.

Въ то время, какъ газетныя статьи безгранично расширяли рамки проекта, рисуя весьма отдаленныя перспективы, для иниціаторовъ устройства города на Мурманѣ главными основаніями служили соображенія о необходимости созданія на океанскомъ побережьѣ коммерческаго порта въ цѣляхъ торгово-промышленнаго развитія края.

Казалось, дѣло говорило само за себя. Кольскій полуостровъ издавна уже находился въ сферѣ русскаго вліянія. Упоминанія о немъ встрѣчаются въ документахъ, относящихся къ половинѣ тринадцатаго вѣка. Этотъ край окончательно вошелъ въ составъ Русскаго царства при Іоаннѣ Грозномъ, пожаловавшемъ землями въ Лапландіи преп. Трифона, лопарскаго апостола, основателя Печенгскаго монастыря. Къ сожалѣнію, несмотря на это, укорененіе культуры на нашемъ Сѣверѣ не пошло далѣе Соловокъ и Архангельска. Между тѣмъ эти пункты, находясь въ районѣ суроваго Бѣлаго моря, являются менѣе удобными въ климатическомъ отношеніи, чѣмъ сѣверо-западное побережье Кольскаго полуострова (Мурманъ), омываемое Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ.

Теплыя струи гольфстрема, обогнувъ Скандинавскій полуостровъ, протекаютъ вдоль значительной части Мурманскаго берега и позволяютъ довести этотъ край до степени процвѣтанія сосѣднихъ норвежскихъ владѣній. Существованіе на Мурманѣ коммерческаго порта, гдѣ могла бы сосредоточиться торгово-промышленная дѣятельность края, способствовало бы правильной разработкѣ естественныхъ богатствъ его и организаціи вывоза за границу. Повышеніе спроса вызвало бы усиленный приливъ на Мурманъ энергіи и капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ открывало бы для эксплоатаціи все новые районы въ заброшенномъ дотолѣ краѣ.

Казалось, задержка въ развитіи нашей сѣверной окраины произошла вслѣдствіе отсутствія одного лишь звена въ исторической цѣли событій. Этимъ недостававшимъ звеномъ являлся удобный въ гидрографическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ населенный пунктъ на берегу океана.

Правда, на Кольскомъ полуостровѣ уже издавна существовалъ городокъ Кола. Въ эпоху еще Великаго Новгорода это поселеніе играло роль крѣпостцы, подъ защитою которой производилась мѣновая торговля съ лопарями. Значеніе свое Кола не утратила и позже, служа въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ для Московскаго государства форпостомъ противъ набѣговъ норманновъ и финскихъ шаекъ. Даже въ девятнадцатомъ столѣтіи Кола привлекла на себя вниманіе англичанъ, разорившихъ этотъ городъ въ 1809 г. и вновь бомбардировавшихъ его въ 1854 г. Однако въ концѣ девятнадцатаго вѣка этотъ городокъ-ветеранъ, расположившійся въ мирной глуши живописной Лапландской тундры, служилъ лишь мѣстомъ нахожденія нѣсколькихъ административныхъ учрежденій края, въ родѣ казначейства, полицейскаго управленія, почтово-телеграфной конторы и т. п.

Приспособить Колу, совершенно утратившую торговое значеніе, для коммерческихъ цѣлей представлялось невозможнымъ вслѣдствіе удаленности ея отъ открытаго моря на 65 верстъ, мелководности фіорда, въ глубинѣ котораго раскинулся этотъ городокъ, и, главное, въ виду того, что Кольская губа зимою замерзаетъ.

Надо было искать удобнаго мѣста для основанія новаго города. Такимъ пунктомъ А. П. Энгельгардтъ и С. Ю. Витте признавали Екатерининскую губу, пользовавшуюся на Мурманѣ извѣстностью, какъ одинъ изъ не замерзающихъ фіордовъ.

Вотъ этотъ-то выборъ мѣста и обсуждался въ полемикѣ между Русскимъ Странникомъ и А. К. Бѣломоромъ, въ которой послѣдній не соглашался съ цѣлесообразностью такого плана и указывалъ для основанія города другой пунктъ Мурманскаго побережья, извѣстный подъ названіемъ «Озерко» или «Гавань Новой Земли».

Лопарская вѣжа.

Разногласіямъ по этому поводу въ прессѣ соотвѣтствовали колебанія вѣдомственныхъ учрежденій.

Вспомнили, что еще въ 1870 году, по иниціативѣ архангельскаго губернатора Качалова, возникалъ вопросъ объ учрежденіи коммерческаго порта на Мурманѣ, и что посылавшаяся въ 1872 году на сѣверъ для рѣшенія этого дѣла особая экспедиція изъ представителей министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, морского и государственныхъ имуществъ остановилась на мысли объ учрежденіи порта въ Монастырской губѣ на южномъ берегу острова Кильдина. Этотъ большой островъ, отдѣленный отъ материка достаточно широкимъ проливомъ, расположенъ недалеко отъ Екатерининской гавани на востокъ. Планъ основанія города на островѣ Кильдинѣ раздѣляла и состоявшая при министерствѣ финансовъ комиссія для изысканія мѣръ къ экономическому развитію Сѣвернаго края.

А. П. Энгельгардтъ и прочіе сторонники Екатерининской гавани, съ своей стороны, старались доказать преимущества послѣдняго пункта. Для этого дѣлались ссылки на предоставляемыя этою гаванью для судовъ удобства, признанныя еще со временъ Петра Великаго; напоминали о томъ, что Екатерининская гавань неоднократно служила убѣжищемъ для нашего военнаго и торговаго флотовъ: въ 1741—1744 годахъ здѣсь зимовала эскадра адмирала Бредваля и Льюиса, въ 1764 году провела зиму морская экспедиція адмирала Чичагова, снаряженная для изслѣдованія полярныхъ странъ, въ 1802 году въ этой гавани обосновались суда и береговыя сооруженія Бѣломорской торговой компаніи, наконецъ—Екатерининская гавань извѣстна по зимовкамъ судовъ—Архангельско-Мурманскаго пароходства и административнаго парохода «Мурманъ», а также по стоянкѣ въ ней военныхъ крейсеровъ, посылаемыхъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ для охраны нашихъ рыбныхъ промысловъ.

При отсутствіи полнаго единодушія въ выборѣ мѣста канцелярская машина работала очень осторожно. Иногда эта осторожность принимала довольно непонятныя формы. Изъ Петербурга А. П. Энгельгардтъ получалъ либо невыполнимыя требованія, либо запросы, обнаруживавшіе полную неосвѣдомленность петербуржцевъ въ условіяхъ жизни за полярнымъ кругомъ на берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана. Такъ, почему-то петербургскія канцеляріи интересовалъ вопросъ, имѣются ли вблизи будущаго поселенія выгоны для скота, и могутъ ли тамъ по мѣстнымъ условіямъ произрастать какіе-либо огородные овощи.

На это А. П. Энгельгардту приходилось отвѣчать, что для коммерческаго порта вопросъ объ огородахъ не имѣетъ крупнаго значенія, что на Мурманѣ онъ видѣлъ растущей лишь одну рѣпу, а мѣстные выгоны далеко не напоминаютъ альпійскихъ пастбищъ. Вѣроятно, для окончательной характеристики флоры полярной области въ Петербургъ было сообщено также, что и дровъ по близости не найдется, но что отъ всего этого положеніе не будетъ безнадежнымъ, судя по благополучію, въ какомъ обрѣтаются расположенныя на побережьѣ того же Ледовитаго океана норвежскія поселенія.

Между тѣмъ полемика въ печати между сторонниками того и другого мѣстоположенія постепенно достигла апогея. Противники перешли на почву разработки жгучаго вопроса объ устройствѣ на Мурманѣ военнаго порта и, защищая намѣченныя ими для порта мѣста, по русскому обычаю не скупились на взаимныя уязвленія по мѣрѣ силъ и возможности.

Несмотря на компетентность А. К. Бѣломора въ вопросахъ о нашемъ Сѣверѣ, чего не отрицалъ за нимъ и Русскій Странникъ, сраженіе первымъ было проиграно. Екатерининская гавань

Входъ въ Екатерининскую гавань.

Набережная города Александровска.

восторжествовала и надъ губою Монастырскою и надъ заливомъ Озерко.

За одну изъ причинъ неуспѣха г. Бѣломора нельзя не признать преобладаніе въ его соображеніяхъ по этому вопросу идей почти исключительно военно-морского характера, тогда какъ противникъ его держался болѣе мирнаго образа мыслей, что ближе отвѣчало и намѣреніямъ правительства, выработавшаго программу устройства города въ интересахъ, главнымъ образомъ, торговли и промышленности на русскомъ сѣверѣ.

Въ концѣ 1895 года въ государственный совѣтъ было внесено совмѣстное представленіе министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ о перенесеніи административныхъ учрежденій и гор. Колы въ Екатерининскую гавань.

Государственный совѣтъ, однако, также изъ осторожности не нашелъ возможнымъ предрѣшать вопросъ о перенесеніи уѣзднаго центра Кольскаго полуострова въ тотъ или другой пунктъ Мурманскаго побережья и выразилъ согласіе лишь на отпускъ въ 1896 г. 150.000 рублей на производство техническихъ работъ для устройства въ Екатерининской гавани городского поселенія и коммерческаго порта.

Вотъ какими словами напутствовалъ въ книгѣ «По Студеному морю» зарожденіе новаго города Русскій Странникъ, очевидно, пережившій то очарованіе, которое внушаетъ всякому туристу нашъ Мурманъ лѣтомъ, въ пору не заходящаго круглыя сутки теплаго, яркаго солнца:

«Пройдутъ вѣка, и на прибрежныхъ Екатерининскихъ скалахъ или на одной изъ площадей будущаго города потомки наши воздвигнутъ памятникъ святителю Трифону [1]), подобный монументу другого святителя—собирателя земли русской, отражающему свой крестъ въ сѣдыхъ водахъ Днѣпра».

Развивая далѣе мысль о необходимости перевести на Мурманъ нашъ военный флотъ, тотъ же авторъ рисовалъ картину будущей жизни новаго города въ такихъ выраженіяхъ:

«Лѣтъ черезъ двадцать пять, — говоритъ онъ: — екатерининская дума заговоритъ о канализаціи города, а репортеры «Екатерининскаго» или вообще «Мурманскаго Вѣстника» будутъ сообщать мѣстнымъ читателямъ объ оленьихъ бѣгахъ на островѣ Кильдинѣ и о томъ, что тотализаторъ вчера за такого-то оленя-побѣдителя выдалъ выигравшимъ такую-то сумму».

---

[1]) Преподобный Трифонъ (1523—1583)—лопарскій апостолъ, закрѣпившій Кольскій полуостровъ за Россіею.

Біологическая станція въ Екатерининской гавани.

Екатерининская гавань.

Екатерининская губа, врѣзывающаяся въ материкъ недалеко при входѣ въ самый крупный изъ мурманскихъ фіордовъ—Кольскій заливъ,—на первый взглядъ казалась не слишкомъ привлекательною. Высокій гористый берегъ изъ сплошного гранита, слабая растительность на тонкомъ тундровомъ слоѣ, одѣвающемъ каменные массивы, не могли ласкать глазъ, въ особенности въ сравненіи съ гор. Колою, расположенною въ мѣстности, изобилующей лѣсною и травянистою растительностью. Но соображенія практическаго характера и энергіи инціаторовъ проекта сдѣлали свое дѣло.

20-го іюля 1896 года было намѣчено на прибрежныхъ массивахъ мѣсто для будущаго города. Эта обязанность была возложена на особую комиссію въ составѣ архангельскаго губернатора, врачебнаго инспектора, старшаго врача архангельской губернской больницы, губернскаго архитектора, директора порта и мола въ гор. Варде—норвежскаго инженера г. Ольсена, русскаго горнаго инженера г. Сухоневича, уѣзднаго землемѣра, кольскаго исправника и командира административнаго парохода «Мурманъ» г. Таратина.

Вскорѣ приступили къ работѣ. Начали съ осушки и нивелировки. На первое время для землекопныхъ работъ были привезены изъ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи двѣнадцать рабочихъ. Для проложенія дороги въ скалахъ и для устройства набережной, требовавшихъ взрывныхъ работъ, пользовались двадцатью шестью норвежскими рабочими подъ руководствомъ упомянутаго выше инженера Ольсена. На работахъ находились и плотники въ числѣ шестидесяти четырехъ человѣкъ. Строительный матерьялъ возили изъ Архангельска.

Кромѣ оборудованія города набережною, пристанью, дековилевскою желѣзною дорогою, водопроводомъ и товарными складами, надлежало озаботиться сооруженіемъ зданій какъ для размѣщенія административныхъ учрежденій и лицъ, такъ и для жилья будущихъ частныхъ гражданъ новаго города, получившаго названіе «Александровскъ». Поэтому въ концѣ 1896 года и въ 1897 году было возведено вчернѣ тридцать общественныхъ зданій: церковь, училище, казначейство, больница и т. п. Кромѣ того, построено восемнадцать домовъ для квартиръ служащихъ. Эти квартиры соотвѣтствовали рангу хозяевъ: въ четыре комнаты съ кухнею—для священника, доктора, исправника и казначея, въ три комнаты съ кухнею—для бухгалтера казначейства, въ двѣ комнаты съ кухнею—для полицейскаго надзирателя и т. д. Затѣмъ въ 1898 году были устроены общественныя бани, лавки, амбары и зданія для частныхъ колонистовъ.

По характеру грунта работы обошлись не безъ затрудненій. Такъ, для проложенія шоссе и дековилевской колеи, а также для закладки фундаментовъ пришлось взорвать динамитомъ свыше трехъ тысячъ кубическихъ метровъ гранита; самъ грунтъ потребовалъ изслѣдованія при помощи сорока двухъ буровыхъ скважинъ.

Первоначальное населеніе исчислялось въ триста человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе половины приходилось на лицъ служащихъ и команды зимующихъ въ гавани пароходовъ. Интересно, что самъ А. П. Энгельгардтъ проектировалъ для управленія портомъ учредить особый совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ исправника, въ составѣ помощника исправника, мирового судьи, акцизнаго надзирателя, командира административнаго парохода и священника. Однако въ виду незначительности населенія признано болѣе удобнымъ управленіе городомъ оставить на чинахъ полиціи.

Видъ фіорда на Мурманѣ.

Окончательно приспособленіе новаго города и порта къ перенесенію въ него уѣзднаго административнаго центра изъ Колы потребовало расхода въ 25.000 рублей, которые и были отпущены изъ казны на основаніи высочайше утвержденнаго 16-го февраля 1898 года мнѣнія государственнаго совѣта.

Какъ во время устройства города Александровска, такъ еще и теперь въ печати нѣтъ-нѣтъ и мелькнетъ мнѣніе о томъ, что по условіямъ мѣстности и климата Александровску не суждено сдѣлаться сосредоточіемъ городской и торгово-промышленной жизни на нашемъ сѣверѣ. Скептики указываютъ на сравнительную уда-

ленность города Александровска отъ открытаго моря, на сырой лѣтомъ и холодный зимой климатъ, на долгую зимнюю ночь и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ, между прочимъ, отрицательно относятся къ мысли объ устройствѣ въ городѣ Александровскѣ базы для нашего военнаго флота.

— Кто же,—спрашиваютъ они,—выдержитъ добровольно тягостныя условія жизни?

Мнѣніе это, высказываемое, безъ сомнѣнія, людьми, или совершенно не освѣдомленными въ истинномъ положеніи дѣла, или же избалованными утонченною обстановкою жизни въ столичныхъ центрахъ, встрѣчаетъ горячую отповѣдь со стороны мѣстныхъ жителей и лицъ, изучившихъ и любящихъ наши заброшенный Сѣверъ.

Образцомъ такой отповѣди можетъ служить напечатанное въ газетѣ «Россія» (1907 годъ, 16-го іюня, № 477) письмо игумена Трифоно-Печенгскаго монастыря на Мурманѣ, отца Іонафана, который, по личному опыту, свидѣтельствуетъ объ удивительно здоровомъ климатѣ данной части Мурманскаго побережья и объ отсутствіи вообще какихъ-либо угнетающихъ условій для жизни на Мурманѣ.

Д. Островскій въ своемъ «Путеводителѣ по Сѣверу Россіи», ссылаясь на соотвѣтственные источники, указываетъ, что морозы па Мурманѣ зимою въ 10—15 градусовъ R—рѣдкость, средняя же температура зимы только на 6 градусовъ ниже нуля по R.

Если, дѣйствительно, съ 13-го ноября по 9-е января на Мурманѣ не восходитъ солнце и стоитъ непрерывная ночь, то не слѣдуетъ забывать, что эта ночь часто лунная, освѣщаемая великолѣпнымъ сѣвернымъ сіяніемъ. Но этого мало,—какъ хорошій бухгалтеръ, полярная природа въ результатѣ подводитъ балансъ свѣту—тѣни: пусть два съ половиною мѣсяца стоитъ сумракъ, зато съ іюня до августа солнце и ночью не опускается ниже горизонта, обливая побережье и океанъ то мягкимъ, розоватымъ, то яркимъ, слѣпящимъ глаза свѣтомъ. Стоянка на пароходѣ въ Кольскомъ заливѣ въ одинъ изъ іюльскихъ вечеровъ 1905 года памятна автору этихъ строкъ тѣмъ, что вплоть до трехъ часовъ ночи высокіе гранитные берега этого фіорда, накаленные днемъ горячимъ солнцемъ и окрашенные въ фіолетовые тона косыми лучами не заходящаго солнца, отражали на пароходъ громадное количество тепла. Жара же утромъ въ тотъ день была настолько сильна, что надъ палубою пришлось подвѣсить тентъ. Въ каютѣ трудно было дышать. Положительно можно было забыть, что это—уголокъ Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Городъ Александровскъ, повидимому, хотя и медленно, но развивается. Къ тѣмъ однообразнымъ казеннаго вида постройкамъ, которыя возникли пятнадцать лѣтъ тому назадъ, прибавились новые домики позднѣйшихъ колонистовъ, правда, не столь основательно выстроенные, какъ казенныя зданія. На противоположной городу сторонѣ

бухты раскинулось нѣсколько красивыхъ построекъ научно-промысловой экспедиціи, долго, но, къ сожалѣнію, безъ особаго практическаго успѣха работавшей въ нашихъ сѣверныхъ водахъ. Ближе къ устью гавани расположились зданія біологической станціи, переведенной сюда изъ Соловецкаго монастыря.

При высадкѣ съ парохода на набережную города Александровска васъ удивитъ присутствіе въ толпѣ мѣстныхъ обывателей нѣсколькихъ татаръ въ ихъ національныхъ тюбетейкахъ. Эти какимъ-то непонятнымъ образомъ попавшіе на сѣверъ сыны приволжскихъ губерній, несомнѣнно, руководятся своимъ коммерческимъ нюхомъ. Татары встрѣчаются и въ Архангельскѣ. Они ведутъ торговлю фруктами. Конечно, такихъ членовъ городского поселенія на Мурманѣ не могъ учесть даже самъ А. П. Энгельгардтъ, горячо вѣрившій въ оживленіе Сѣвера [1]).

Въ заключеніе хотѣлось бы отмѣтить, что городъ ли Александровскъ, или какой-нибудь другой пунктъ на Мурманѣ будетъ служить конечною станціею проектируемой Сѣвероокеанской желѣзной дороги, необходимо спѣшить какъ съ проведеніемъ дороги, такъ и съ принятіемъ мѣръ къ промышленному и колонизаціонному оживленію Мурмана.

Вложенныя въ Мурманъ и вообще Кольскій полуостровъ деньги, повидимому, могутъ быть извлечены сторицею при раціональномъ израсходованіи ихъ: край достаточно богатъ для этого. Каждый же мигъ промедленія приноситъ лишь выгоду иностраннымъ хищникамъ, безцеремонно грабящимъ пока еще лишь рыбныя богатства нашего Сѣвера.

Если не торопиться, то очередь въ потеряхъ можетъ дойти и до другихъ сокровищъ Сѣвера.

Трудно въ краткомъ очеркѣ останавливаться на описаніи природныхъ рессурсовъ Кольскаго полуострова, въ виду чего мы можемъ лишь сообщить интересующимся нѣсколько свѣдѣній о литературѣ по данному вопросу [2])

---

[1]) Въ настоящее время удобное и не очень дорогое сообщеніе Архангельска съ Мурманомъ поддерживается лишь въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ прекрасными пароходами Архангельско-Мурманскаго общества; въ остальное же время года Мурманъ совершенно лишенъ не только возможности торговыхъ сношеній, но и простыхъ удобныхъ путей сообщенія съ русскими городскими и торговыми центрами.

[2]) «Русская Лапландія и ея промыслы»—Вл. Гуревичъ, 1891 г., «По Студеному морю»—Евг. Львовъ, 1895 г.; К. К. Случевскій—«По сѣверо-западу Россіи», Т. I; А. П. Энгельгардтъ—«Русскій Сѣверъ», 1897 г.; Д. Островскій — «Путеводитель по Сѣверу Россіи», Спб., 1899 г.; А. Д. Григорьевъ—«Полярная обитель»—«Историческій Вѣстникъ», 1907 г.; А. Григорьевъ—«Забытый край», журналъ «Море», 1906 г.; «Портъ на Мурманѣ»— о. Іоанафанъ, «Россія», 1907.; Н. Ѳ. Корольковъ, «Трифоно-Печенгскій монастырь», Спб., 1908 г.; Василій Альбицкій, заслуженный профессоръ харьковскаго технологическаго института,—статья въ «Новомъ Времени» 4-го января 1909 года, за № 11787.

Во всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду, что тамъ, на сѣверѣ, у насъ не замерзающія гавани, тамъ еще—только на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ—окончательно не упало, но близко уже къ этому наше отечественное коммерческое судоходство. Едва ли не одинъ только Ледовитый океанъ у Мурмана представляетъ не исчерпанную еще до дна сокровищница животной жизни. Надлежащая постановка добычи минеральныхъ богатствъ и промысловъ звѣря, рыбы и моллюсковъ (съѣдобныхъ) на Мурманѣ и на всемъ Кольскомъ полуостровѣ должна представить крупный рессурсъ народнаго благосостоянія.

Арк. Д. Григорьевъ.

ВЪ НОВОМЪ АѲОНѢ.

(Изъ моихъ скитаній).

I.

ВИРА ПО МАЛЕНЬКУ!—слышится съ пристани голосъ грузовщика-абхазца, быстро закрѣпившаго тяжелую цѣпь паровой лебедки за толстый тросъ, плотно охватившій цѣлую груду громадныхъ ящиковъ съ какою-то мебелью.

Механикъ, стоящій на подвижной площадкѣ пароходной лебедки, тронулъ рукоять двигателя, всесильный паръ ворвался, задвигались поршни, завертѣлось колесо, наматывающее цѣпь, послѣдняя съ шуршаньемъ вытянулась, подхватила, какъ перышко, грузъ и, высоко поднявъ его, повернула свою изгибистую шею и повѣсила ящики надъ зіяющимъ отверстіемъ глубокаго трюма.

— Майна!—крикнули снизу пріемщики, и громадные ящики, тихо опускаясь, скрылись въ нѣдрахъ парохода.

Время отхода парохода изъ Новороссійска давно уже прошло, а грузъ все подвозили и подвозили.

Мебель смѣнили кипы прессованнаго сѣна, за ними въ трюмъ полѣзли пузатыя, сорокаведерныя бочки, загрохотали жестяныя ведра, желѣзные котелки, лопаты, какія-то распорки, спрятались внизъ безголовыя туши свѣжаго мяса, ящики большіе, маленькіе, мѣшки...

«Вира, майна, молодецъ!» — однообразно звучитъ у меня въ ушахъ; оба помощника капитана замѣтно утомились отъ этой сутолки, машутъ записными книжками, торопятъ грузчиковъ, недовольно ворчатъ, замѣтивъ все прибывающій и прибывающій новый грузъ.

— Довольно, будетъ, больше брать некуда, да время и отваливать!—въ свою очередь, протестуетъ солидный капитанъ:—и такъ вмѣсто четырехъ въ восемь уходимъ!

Но грузчики все подносятъ, «вира и майна» не умолкаютъ. Стоящіе на верхней палубѣ новожены-супруги утомлены этой сценой, супругъ зоветъ пить чай.

— Нѣтъ, подождемъ, я хочу посмотрѣть, какъ будемъ отходить, это такъ поэтично, городъ, скрывающійся во мглѣ!—отклоняется отъ его приглашенія жена.

Легкая дымка сумерекъ начинаетъ слабо окутывать пристань, пароходъ и окрестности. По берегамъ кое-гдѣ вспыхиваютъ огоньки, шипя проснулись электрическіе фонари на пристани и пролили молочно-блестящія дороги, отбрасывая рѣзкія тѣни.

Все кругомъ сразу стало темно, контрастъ яркаго, искусственнаго свѣта не послужилъ на пользу угасающему дневному.

Раздражающе-хрипло, но въ то же время рѣзко заревѣла сирена-свистокъ «Князя Александра» и сейчасъ же рявкнула вторично. На высокомъ пригоркѣ, доминирующемъ въ лежащемъ на правой сторонѣ бухты городѣ, заблестѣли огоньки свѣчъ, изъ городского собора вынесли плащаницу, мерцающіе огоньки длинной лентой потянулись вокругъ храма. Полились протяжные, рѣдкіе удары колокола...

Его перебила снова заревѣвшая наша сирена, короткіе звуки ея пропадали сразу гдѣ-то въ горахъ лѣваго берега.

Скинули сходни, стоявшій на верхнемъ мостикѣ капитанъ что-то кричалъ агенту.

Тяжело вздохнули колосники, глухо застучали машины, вспѣнивъ воду, заработалъ винтъ, потухли огни на палубѣ, засвѣтился на бортахъ красный и зеленый глазъ, и пароходъ отошелъ заднимъ ходомъ отъ пристани, чтобы повернуться еще до выхода изъ бухты, не доходя стѣнокъ мола.

Совсѣмъ стемнѣло, ушедшее ввысь небо робко засѣивалось звѣздами, протянулись по немъ блѣдныя, фосфорическія линіи млечнаго пути, луны не было.

Прошли створки мола, вертящійся маякъ кинулъ на пароходъ красную полосу свѣта, порывисто задулъ надоѣдливый нордъ-остъ. Корпусъ нашего судна замѣтно качнуло, плеснула волна, вспѣнившійся бѣлый гребень ея прошумѣлъ подъ кормой.

Свѣтлая линія городскихъ огней уходила все дальше и дальше. На палубѣ стало свѣжо.

II.

Качало не долго, въ открытомъ морѣ нордъ-остъ не безпокоитъ, онъ злится только у береговъ,—тѣмъ не менѣе жертвы его уже имѣлись: новобрачная и какой-то гемороидальный пожилой чи-

Архимандритъ Іеронъ.

новникъ, ѣхавшій съ семьею въ Сочи, гдѣ у него имѣлся большой клочокъ земли, безпомощно лежали на койкахъ въ каютахъ и, проклиная коварное море, каждую минуту поминали Фридриха... Около супруги сидѣлъ молодой мужъ, пытаясь ее успокоить, но она, пользуясь минутнымъ отдыхомъ, сердито повторяла:

— Ты виноватъ, нарочно выбралъ такую погоду, тебѣ пріятно видѣть, что я страдаю.

— Это еще пустяки,—презрительно замѣтилъ франтоватый господинъ въ форменной фуражкѣ:—а вотъ если бы «морякъ» задулъ, тогда другое бы дѣло,—мѣста отъ больныхъ на пароходѣ не хватило бы!

Мало-по-малу все успокоилось, вечеръ хотя и холодный, но на верхнюю палубу выползли чуть ли не всѣ пассажиры и, кутаясь въ пальто и пледы, разсѣлись по скамейкамъ. Явилась сюда и примирившаяся молодая парочка.

На темной палубѣ свѣтятся красныя точки закуренныхъ сигаръ и папиросъ, слышатся тихіе разговоры, однообразно гудитъ пароходный винтъ, слабо плещетъ о бортъ разсѣкаемая судномъ волна. Качки нѣтъ. Очень прохладно. Мы идемъ верстахъ въ двухъ отъ берега, остающагося у насъ слѣва, контуры горной цѣпи, тянущейся вдоль него, чуть замѣтны при мерцаніи звѣздъ.

Скоро на «Великомъ Князѣ Александрѣ» все укладывается спать, только стоящій на вахтѣ помощникъ, рулевые, два дежурныхъ матроса и офиціантъ не спятъ.

Просыпаюсь отъ непріятнаго рева сирены, могущаго разбудить даже мертваго. Гдѣ-то пронзительно закричалъ, заплакалъ ребенокъ.

Снова ревѣтъ сирена и опять, опять...

Ребенокъ тоже не унимается, кричитъ, какъ зарѣзанный, плачъ какой-то истерическій, забѣгали люди, тревожный разговоръ.

Пытаюсь снова заснуть, но сна нѣтъ.

— Нѣтъ, вы поймите только, какіе здѣсь невыносимые порядки,—слышу раздраженный женскій голосъ:—я бѣгала сейчасъ къ дежурному помощнику, просила перестать давать эти ужасные свистки, ребенокъ пугается, плачетъ до истерики, икать даже началъ. А онъ: «Невозможно, мы стоимъ въ туманѣ, нужно себя и другіе пароходы оградить». Невѣжа!

«Туманъ. Вотъ причина остановки», невольно приходитъ мнѣ въ голову. Я поднялся и вышелъ на палубу, сырой пронизывающій туманъ охватилъ согрѣтое теплою каютою тѣло. Кругомъ грязно-бѣлая завѣса, точно откуда-то пролили молоко, колышащееся въ воздухѣ.

— Гдѣ мы?—громко спрашиваю, не ожидая отвѣта.

— Съ часъ, какъ отошли отъ Туапсе,—слышу съ изумленіемъ чей-то отвѣтъ откуда-то изъ тумана. Иду на голосъ. На скамьѣ у одной изъ перилъ сидитъ пароходный врачъ, кончающій этой весной курсъ въ новороссійскомъ университетѣ.

— Сейчасъ пойдемъ, звонокъ въ машину уже данъ, туманъ рѣдѣетъ, вонъ, смотрите, берегъ виднѣется,—указалъ онъ мнѣ на блѣдно-зачерченную вершину голой горы.

Медленно пошли, туманъ рѣдѣлъ и рвался клочьями причудливой формы. На востокѣ блеснулъ лучъ солнца, панорама берега прояснилась, пароходъ просыпался.

Какіе-то странные, неподвижные безформенные клубки, валявшіеся повсюду на палубѣ, въ особенности на задраенномъ и покрытомъ брезентомъ люкѣ зашевелились, показались руки, ноги, головы...

— Проснулись,—замѣтилъ студентъ:—сейчасъ утренній намазъ станутъ совершать, а тамъ и пѣсню свою затянутъ.

Онъ оказался правъ. Не прошло и часу, какъ собравшіеся кучкою третьеклассники однообразно затянули:

«Отъ Сухума до Батума, вай, вай, вай,
«Отъ Батума до Сухума, вай, вай, вай,
«Бѣжалъ мальчикъ, тащилъ ящикъ, вай, вай, вай,
«Упалъ мальчикъ, сломалъ ящикъ, вай, вай, вай,

И все въ этомъ же родѣ.

Длинный, худой, какъ жердь, горбоносый армянинъ-ресторато̀ръ покрикиваетъ на офиціантовъ, его хозяйскій глазъ недоволенъ, зачѣмъ наливаютъ много кофе, молока...

Въ одиннадцать часовъ подходимъ къ Сочи.

Зелень на берегу еще скупо распускается. Пароходъ стоитъ здѣсь около двухъ часовъ. Сажусь на фелюгу, ѣду на берегъ.

Громадное зданіе гостиницы «Черноморская Ривьера» приткнулось къ берегу, сѣрая грязноватая окраска ея непріятно диссонируетъ съ зеленоватымъ моремъ. Кругомъ вездѣ еще пустынно, неуютно. Немного погулявъ по берегу, я возвратился на пароходъ.

III.

Съѣзжали на берегъ въ Сочи и новобрачные супруги, они успѣли уже помириться и ворковали голубками.

Онъ—молоденькій нѣмецъ изъ средней Германіи, сынъ состоятельныхъ родителей, присланный ими сюда въ коммерческую контору для изученія русскаго языка и коммерческой дѣятельности, она—одесситка, ловко опутавшая и женившая на себѣ простодушнаго нѣмчика.

Она капризничала надъ тихимъ мужемъ и командовала имъ, какъ хотѣла; бѣдняжка покорно несъ непосильную для него ношу женатаго человѣка, порой тяжело вздыхая.

— Я страстно люблю цвѣты, ты долженъ достать мнѣ ихъ, Карлъ, гдѣ хочешь!—властно приказала супругу молодая, когда мы причалили къ берегу.

Пришлось взять фаэтонъ и отправиться на рысяхъ въ самый городъ отыскивать дѣтей Флоры.

Увы, несмотря на первую недѣлю апрѣля, когда, по укоренившемуся у всѣхъ мнѣнію, на Кавказскомъ побережьѣ все цвѣтетъ и благоухаетъ, цвѣтовъ въ Сочи удалось найти только съ трудомъ и то... на выставкѣ оранжерейныхъ растеній... въ пожарномъ депо.

Цвѣты были изъ обыденныхъ: нарцисы, тюльпаны, а главное гіацинты, луковичной выгонки и дороже, чѣмъ въ любомъ петербургскомъ цвѣточномъ магазинѣ.

Фрау Лидія, недавно еще Лія, была довольна и ими и съ сознаніемъ своего достоинства, важно замѣтила мужу:

— Ты такъ милъ, Карлъ, что я непремѣнно напишу моему дядѣ Натану Мироновичу Айзенштейну, онъ очень важный господинъ и скоро будетъ министромъ, и онъ будетъ давать тебѣ хорошую концессію!

Я не имѣю чести знать ея дядю, но, судя по тому уваженію, съ которымъ она про него говорила, я невольно проникся весь почтеніемъ къ человѣку, «который скоро будетъ министромъ и даже крестился по этому случаю».

Наше знакомство, случайно завязавшееся въ фелюгѣ при переѣздѣ съ парохода, осталось незыблемымъ во все время нашего путешествія по Кавказскому побережью.

Скоро будущая Ницца Черноморья, Сочи, осталась за нами, снова потянулась линія горъ, но не такая голая, какъ раньше, суровый нордъ-остъ не посѣщаетъ этихъ береговъ, растительность здѣсь богаче и самыя горы выше. Культурные участки, помѣстья' еще не вполнѣ благоустроенныя, смѣняли одинъ другого.

Новая остановка у стариннаго мѣстечка Адлеръ, широко раскинувшагося у самаго берега, неизбѣжная выгрузка, и нашъ «Великій Князь Александръ» снова застучалъ машиной.

Одинъ изъ богатыхъ москвичей, извѣстный чаеторговецъ, желаетъ пить свой чай, онъ къ нему привыкъ, требуетъ въ буфетѣ только кипятку. Суровый отказъ армянина-ресторатора, разыгрывается цѣлый скандалъ, и только послѣ многочисленныхъ жалобъ капитану желаніе москвича съ трудомъ удовлетворяется. Побѣжденный армянинъ разсерженно скрывается въ свою каюту, мы съ удовольствіемъ пьемъ ароматный напитокъ.

Изъ третьяго класса, расположеннаго на носу судна, доносится недовольное мычаніе скота, отгороженнаго отъ пассажировъ пустыми ящиками, и несмолкаемое пѣніе «Отъ Сухумы до Батума», продолжается безъ умолку.

Одинъ изъ туземцевъ разсказываетъ другимъ третьеклассникамъ о мальчикѣ-танцорѣ и фокусникѣ, котораго онъ везетъ въ Батумъ для представленій, и настойчиво предлагаетъ праздно

Видъ монастыря изъ гостиницы.

глазѣющему люду испытать искусство его малолѣтняго «артиста» уплативъ каждый «съ морды», по его выраженію, по «десаты копеекъ». Желающихъ мало, вѣрнѣе сказать, никого.

Тогда бывалый антрепренеръ пытался заставить мальчика протанцовать даромъ,—зрители приготовили уже ладони и глотки, но артистъ что-то заартачился и наотрѣзъ отказался танцовать...

— Вотъ и Гагры показались,—замѣтилъ какой-то высокій, одутловато-полный субъектъ въ легкой фуражкѣ изъ модной парусины.

Навожу бинокль. За круглымъ изгибомъ берега вынырнулъ цѣлый рядъ построекъ климатической станціи, привлекающей за послѣднее время много пріѣзжихъ, благодаря своему хорошему климату и благоустройству.

У меня мелькнула мысль остаться здѣсь и провести пасхальную ночь. Едва я успѣлъ ее выразить, какъ ко мнѣ примкнули и другіе. Трапъ былъ спущенъ, и въ подъѣхавшую съ берега фелюгу усѣлось человѣкъ двѣнадцать; быстро перетащили съ парохода нашъ багажъ, и фелюга, подъ сильными ударами веселъ мускулистыхъ грековъ и турокъ, стала нырять по волнамъ капризнаго прибоя.

На легкой желѣзной пристани, далеко выдвинувшейся въ море, стояла небольшая кучка военныхъ.

— Его высочество принцъ самъ встрѣчаетъ пріѣзжихъ,—сообщилъ кто-то изъ бывавшихъ здѣсь ранѣе.

Высадились. Нѣсколько автомобилей и извозчиковъ развезли прибывшихъ по гостиницамъ.

Стоялъ сѣренькій прохладный денекъ, вдоль берега тянулся длинный рядъ погибшихъ во время нынѣшней суровой зимы высокихъ эвкалиптовъ; зелени и здѣсь было очень мало, тополя не распустились.

«Вотъ такъ пресловутый югъ, у насъ на сѣверѣ, пожалуй, теперь не хуже», невольно пришло мнѣ въ голову, когда я водворился въ уютномъ номерѣ Приморской гостиницы.

IV.

За полчаса до полуночи раздался пушечный выстрѣлъ, глухо звякнувшій и сразу потухшій, спустя немного второй. Нужно было итти къ Свѣтлой утренѣ.

Маленькій, очень древній храмъ переполненъ, кто-то монотонно читаетъ «дѣянія» передъ плащаницей. Третій пушечный ударъ—двинулся крестный ходъ вокругъ старой крѣпости. Замелькали огоньки свѣчекъ, церковь почти опустѣла.

— Нашъ храмъ очень древній, построенъ византійцами въ VI вѣкѣ,—объяснилъ мнѣ свѣчникъ:—до 1902 года лежалъ въ развалинахъ, однѣ стѣны только и оставались, крыши не было, въ

Кипарисная аллея.

немъ самомъ росли высокія деревья. Его высочество принцъ Ольденбургскій реставрировалъ его, теперь у насъ хоть помолиться есть гдѣ.

Дѣйствительно, храмъ реставрированъ стильно, суровые лики византійскаго письма глядятъ съ иконостаса; самъ новый иконостасъ не нарушаетъ цѣльности впечатлѣнія, онъ сложенъ тоже изъ камня, алтарь не великъ, имѣются маленькіе хоры, гдѣ поютъ пѣвчіе, воспитанницы мѣстнаго пріюта.

Путь крестнаго хода былъ не близокъ, наконецъ за закрытыми дверями зазвучало пѣніе «Христосъ воскресе...» Въ древній храмъ влилась плотная струя молящихся. Началась утреня...

Снаружи снова спустился туманъ, падавшій дождемъ. Я вернулся къ себѣ и нашелъ приглашеніе высокаго хозяина Гагръ на общее разговѣніе во Временной гостиницѣ.

Освѣщенная a giorno большая столовая послѣдней была переполнена приглашенными. Кого-кого тутъ не было! Много москвичей-милліонеровъ, за послѣдніе годы считающихъ обычаемъ встрѣчать и проводить Пасху въ Гаграхъ, блестящіе военные, служащіе здѣшніе, чиновники...

Мы, поселившіеся въ Приморской, направились спать часа въ три, туманъ разсѣялся, было теплѣе, но тучи попрежнему затягивали небо. Роскошный паркъ передъ гостиницей опустошенъ суровой зимою, погибли великолѣпныя пальмы, краса Гагръ, лимонныя, апельсинныя деревья, уцѣлѣлъ только мясистый бананъ.

Печально стоятъ громадные эвкалипты, утренній вѣтерокъ шелеститъ ихъ пожелтѣвшей мертвой листвою, они погибли, сохранился только слабый запахъ въ помертвѣвшихъ листьяхъ, когда ихъ растереть пальцами, прежній бальзамическій ароматъ, кружившій голову, исчезъ.

Въ первый день Пасхи солнце боязливо выглянуло, оживило унылую картину, стало тепло, въ паркѣ и на берегу появились гуляющіе. Въ полдень жарко, всѣ террасы расцвѣтились роскошными дамскими костюмами, московскія купчихи обрадовались хорошей погодѣ. довольныя, что могутъ показать свои тысячные наряды.

Ровно въ полночь я и многіе мои спутники уѣхали со слѣдующимъ пароходомъ въ Новый Аѳонъ.

V.

Снова плыву по волнамъ Понта Эвксинскаго. Волна не колыхнетъ нашего «Святителя Николая», на удобныхъ койкахъ спится настолько крѣпко, что всѣ наши мирно проспали Новый Аѳонъ, волей-неволей пришлось сойти на берегъ только въ Сухумѣ, находящемся въ восемнадцати верстахъ отъ монастыря.

Пальмы въ лимонномъ саду.

Снова солнечный день. Фелюга быстро доставила насъ на берегъ; вдоль него тянется бульваръ, обрамленный маленькими турецкими кофейнями.

Въ одной изъ нихъ собралась вся наша компанія, новороссійскіе новобрачные и полицеймейстеръ съ женою. Еще очень рано, всего шесть часовъ, до обратнаго парохода времени немало, онъ идетъ только въ полдень. Рѣшили поѣхать въ Синопъ, превосходный цвѣточный садъ великаго князя Александра Михайловича, славящійся великолѣпною, чуть не тропическою растительностью; онъ въ трехъ верстахъ отъ города.

Молодоженъ Карлуша, членъ какого-то турнъ-ферейна, захотѣлъ размять ноги, пройтись пѣшкомъ. Мы ускользнули съ нимъ отъ недремлющаго ока его строгой супруги и чуть не бѣгомъ отправились per pedes apostolorum, но, увы, бѣгство Карлуши было скоро обнаружено, тихія улочки Сухумъ-Кале огласились недовольными криками его супруги.

— Карлъ! куда ты бѣжишь? Постой, поѣдемъ вмѣстѣ!—кричала она супругу, догоняя его на фаэтонѣ, но Карлъ мужественно выдерживалъ натискъ и шагалъ по пыльнымъ улицамъ, не останавливаясь.

— Ну, подожди, дай только пріѣхать домой, я припомню тебѣ эти штуки!—грозно крикнула супруга и внушительно погрозила зонтикомъ бѣдному нѣмчику.

Фаэтонъ, въ которомъ вмѣстѣ съ нею возсѣдали полицеймейстеръ съ супругой, промчался мимо. Мы трое: Карлъ, я и его собака Милордъ, довольные, что болѣе не слышимъ грозныхъ окриковъ, пошли бодрѣе дальше.

Синопъ—это роскошно расцвѣтшій садъ, отовсюду глядятъ головки цвѣтовъ; купы разноцвѣтныхъ камелій, магнолій, точно красиво вкрапленные яркіе рисунки, выдѣляются на ровной зелени громадныхъ кипарисовъ.

Мирно дремлетъ этотъ цвѣтущій уголокъ, перекрещенный рядомъ длинныхъ, тянущихся до прибрежной дороги аллей растительныхъ исполиновъ.

Наши дамы накупили цѣлый ворохъ цвѣтовъ, такъ что нѣмецъ, все-таки водворенный въ экипажъ вопреки желанію, представлялъ собою какую-то походную оранжерею, на колѣняхъ Карла помѣщались горшки съ пальмами, въ обѣихъ рукахъ по цвѣтущему букету камелій и азалій...

Бѣлѣвшія на углахъ улицъ печатныя объявленія отъ мѣстной администраціи о распространившейся въ городѣ эпидеміи сыпного тифа спугнули насъ скорѣе на пристань, и какъ только прибывшій изъ Батума пароходъ сталъ на якорь, мы перебрались первыми на фелюгу, чтобы ѣхать въ Новый Аѳонъ.

VI.

До монастыря пароходъ идетъ меньше часа...

Скоро вырисовалась вершина Иверской горы, блеснула крыша построенной тамъ часовни, еще немного, и передъ нами показалось самое зданіе монастыря, раскинувшееся на склонѣ величественныхъ горъ грандіознымъ бѣлымъ четыреугольникомъ, напоминающимъ крѣпость. Среди частой зелени предгорья тоже бѣлѣли строенія, сбѣгавшія къ самому берегу и здѣсь сгрудившіяся. Одиноко сверкали подъ лучами солнца золотые кресты церквей, спрятавшихся въ густыя кущи рощъ и садовъ.

Направо на невысокой скалѣ прилѣпился небольшой домикъ, точно висѣвшій надъ пропастью.

Красивая панорама Новаго Аѳона становилась все яснѣе, чѣмъ ближе пароходъ подходилъ къ берегу.

Отдали якорь, нѣсколько фелюгъ подлетѣли къ опущенному трапу. Гребцами здѣсь не турки или греки, а русскіе лодочники, на кормѣ стоялъ за рулемъ монахъ, другой, сидѣвшій вмѣстѣ съ пассажирами, прибывшими на пароходѣ, оказался мѣстнымъ агентомъ, привезшимъ корреспонденцію.

Онъ поднялся первымъ на пароходъ, поздоровался со стоящимъ у входа на трапъ помощникомъ капитана и прошелъ въ капитанскую каюту. За нимъ потянулись новые пассажиры, большинство изъ нихъ были типичныя богомолки, всю жизнь бродящія изъ одной обители въ другую. Все это бабы изъ средней полосы Россіи, большинство въ лаптяхъ, въ сермяжныхъ зипунахъ, нѣкоторыя изъ нихъ пытаются тащить сами изъ фелюги большіе заплатанные мѣшки.

— Брось, не тащи, безъ тебя возьмутъ!—сурово окрикиваетъ ихъ стоящій внизу трапа матросъ, помогающій пассажирамъ выйти изъ лодки:—еще въ воду свалишься съ мѣшками-то, ишь понабрали какую невидаль! Камни! Мало этой дряни на берегу валяется!

— Эхъ, парень, неладно ты сказываешь, камень камню рознь!—укоризненно возражаетъ пожилая богомолка, грузно входя по зыбкой лѣстницѣ:—святыя камешки тутъ-то, въ обители, море повыбросило!

Матросъ скептически смѣется.

Скоро все свободное пространство третьяго класса заполняется скарбомъ и мѣшками богомолокъ.

— Кто на берегъ—прошу выходить!—звучнымъ голосомъ приглашаетъ пассажировъ помощникъ капитана.

Полилась внизъ по трапу новая струя, изъ богомолокъ вернули одну старуху, у ней нѣтъ денегъ на проѣздъ. Баба мало смущается и,ползя обратно съ нами къ фелюгѣ, что-то плететъ о имѣющемся

у нея за пазухой какомъ-то губернаторскомъ предписанiи возить ее даромъ, куда она захочетъ.

— Ты бы вотъ и показала его капитану, онъ тебя въ первый классъ и посадилъ бы,—съ усмѣшкой замѣтилъ пожилой военный докторъ.

— Посмотрю я на тебя, господинъ офицеръ, и смыслю: больно ты прытокъ!—огрызнулась старуха:—да какъ же я, къ примѣру сказать, въявь такую бумагу объявлю, ежели мнѣ, можетъ, приказано потайно ее держать! Вишь, дѣло-то какое, понялъ, баринъ?

— Ты показала бы все-таки, хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть ее хочется,—не унимался докторъ.

— И думать не смѣю, за семью печатями въ конвертѣ запечатана.

— Ну, тетенька, этакъ ты до самой смерти отсюда не выберешься.

— Пѣхотью думала уйти, ноги старыя, не шагаютъ!

— Слушайте ее, господинъ честной,—вмѣшался въ разговоръ монахъ-агентъ:—уходить она отсюда не хочетъ, вольготно ей у насъ жить-то, вотъ и весь сказъ!

Баба, сурово поджавъ губы, молчала, не зная, что возразить иноку.

— Убѣгла бы отсюда хоть сейчасъ, да денегъ на дорогу нѣтъ,—невольно вырвалось у ней:—замолилась здѣсь.

— Такъ бы и говорила,—добродушно замѣтилъ какой-то господинъ, похожiй на купца и, вытащивъ изъ кармана толстый бумажникъ, отслоилъ отъ пачки трехрублевку, отдалъ старухѣ:—на, возьми, помяни рабъ Божiихъ Аверьяна, Анну и семерыхъ чадъ ихнихъ.

— Спасибо, милостивецъ, что высвободилъ,—нараспѣвъ сказала баба, низко кланяясь щедрому дателю:—теперь бы еще рублевку найти бы, съ завтрашнимъ пароходомъ убѣгла бы!

Докторъ вручилъ недостающiй ей рубль. Старуха чуть руку у него не поцѣловала.

— Эхъ, зря деньги старухѣ отпустили, господинъ купецъ,—шопотомъ проговорилъ, наклонившись къ нему, одинъ изъ дюжихъ гребцовъ:—все равно не уѣдетъ, здѣсь оболты бить попрежнему будетъ! Намъ бы кругляшокъ пропожертвовали, вотъ ужъ мы бы за ваше здоровье постарались,—еще тише промолвилъ онъ.

Купецъ «незримо» передалъ гребцу рубль.

VII.

Лодка скоро подошла къ пристани.

Дорога отъ послѣдней до монастырскихъ воротъ не длинна. По лѣвой сторонѣ ея раскинулась водная гладь цѣлаго ряда чистыхъ прудовъ, тянущихся вдоль моря.

Соборъ съ сѣверо-восточной стороны.

— Къ чему понадобилась вамъ ихъ выкапывать?—изумленно спросилъ я какого-то монашка, пробѣгавшаго мимо.

Привѣтливо осклабился и отвѣтилъ:

— Отецъ архимандритъ для нуждъ обители нашей завсе радѣетъ, а тутъ и о богомольцахъ заботу поимѣлъ, рыбную сажалку устроилъ.

— Море подъ бокомъ, ловить можно всегда...

Монашекъ покачалъ головой.

— Теперь мало у нашихъ береговъ ловится, больше турки изъ другихъ мѣстъ доставляютъ, а то на Каспійскомъ у обители свои ловы имѣются, оттуда везутъ. Прежде, сказываютъ, рыбы больше здѣсь было, объ этомъ и преданіе даже существуетъ.

Каждое преданіе имѣетъ свою прелесть, тѣмъ болѣе монашеское, въ которомъ реальное тѣсно сплелось съ фантастическимъ, я попросилъ монаха разсказать.

Словоохотливый инокъ охотно мнѣ его повѣдалъ.

— Когда надумали въ 1876 году освящать первый здѣсь построенный храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, отецъ игуменъ пригласилъ на освященіе многихъ посѣтителей изъ Сухума, для угощенія которыхъ всего было пріуготовлено, а рыбки свѣжей не имѣлось, рыбаковъ по близости не жило, а иноки по новости,— только вѣдь еще въ январѣ сюда прибыли, мрежами не обзавелись. Скорбѣла братія, не имѣя возможности почтенныхъ господъ, что сюда припожаловали какъ слѣдъ угостить... И что жъ вы, господинъ, думаете, подулъ это южный вѣтеръ, вспѣнилось море, волны такъ и хлещутъ, а съ ними принесло видимо-невидимо рыбы и малой и большой, наподобіе судака. Такъ и лѣзетъ, такъ и претъ она сама на берегъ. Иноки наши подивились такому Божьему предопредѣленію и просто руками, безо всякихъ мрежъ, столь много наловили, что всѣ бывшіе на освященіи гости и прочій людъ насытились, да еще болѣе четырнадцати пудовъ осталось!—восторженно закончилъ разсказчикъ.

— Особаго чуда тутъ нѣтъ,—скептически отнесся я къ его разсказу:—должно быть, это обычное здѣсь явленіе, періодически повторяющееся...

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ,—какъ-то побѣдоносно возразилъ монахъ:—жители, что жили здѣсь много лѣтъ раньше, чѣмъ нашъ монастырь построенъ, сказывали: никогда этакого случая не бывало, отъ отцовъ и дѣдовъ своихъ даже не слыхивали! Особый промыслъ и попеченіе Царицы Небесной о нашей обители это доказываетъ,—увѣренно сказалъ онъ и, снявъ съ головы вытертую скуфейку, истово перекрестился на образъ Богоматери, написанный на монастырскихъ воротахъ, къ которымъ мы подошли.

Мой спутникъ указалъ мнѣ на входъ въ гостиницу и, низко поклонившись, пошелъ дальше.

Просторныя свѣтлыя комнаты на четырехъ человѣкъ, чисто выбѣленныя стѣны, ложе довольно твердое, иноческое. Много воздуха. Въ общемъ недурно. Длинная столовая, на стѣнахъ навѣшаны наивныя, сдѣланныя неопытной рукой марины, царскіе портреты и настоятеля—архимандрита Іерона.

— Обѣдъ теперь ужъ покончился,—отвѣтилъ одинъ изъ гостинниковъ на просьбу объ обѣдѣ:—потерпите немного, господа почтенные, въ три чай пить позовемъ, бѣлаго хлѣбца отрѣжемъ, а немощнымъ яичекъ сваримъ.

До трехъ часовъ времени еще было достаточно, я рѣшилъ не терять его и пошелъ бродить.

VIII.

Я направился мимо прудовъ, вдоль берега, по широкой аллеѣ, обсаженной высокими кипарисами и ведущей куда-то въ гору.

Перегналъ еще нестараго послушника-блондина: онъ безцѣльно брелъ по аллеѣ, меланхолично вертя въ рукахъ сорванный имъ листикъ. Его полувыцвѣтшіе глаза съ любопытствомъ на мнѣ остановились.

Невольно завязался разговоръ. Мы пошли рядомъ.

— Любопытствуете, господинъ?—спросилъ монашекъ и, не давъ мнѣ времени отвѣтить, продолжалъ:—здѣсь у насъ дѣйствительно любопытно посмотрѣть, только ужъ больно много народу, молиться трудно...—тяжело вздохнувъ, прибавилъ онъ.

— А почему же?

— Вамъ не понять этого, господинъ, суетно ужъ больно, житейскаго много, два года прожилъ я въ пустынѣ, и опять туда тянетъ...

— Развѣ здѣсь есть пустынники?—невольно вырвался у меня вопросъ.

— Много народу въ пустынѣ спасаются, верстъ сто-полтораста, а то всѣ двѣсти отсюда въ горы уходятъ, заберутъ съ собой мѣшокъ съ кукурузой, хлѣбушка на дорогу, малую одеженную справу, топорикъ, и уйдутъ повыше куда. Кой-какой срубикъ справятъ, гдѣ ближе ручейка, аль источника, зерно посѣютъ и зачнутъ пустынное житіе вести, только о Страстную недѣлю сюда въ монастырь поговѣть приходятъ.

— Изъ простыхъ все больше?—спросилъ я.

— Всякіе бываютъ, вотъ я съ пустынникомъ, отцомъ Павломъ, два года жилъ, такъ онъ невѣдомо изъ какого рода, а должно изъ большихъ господъ. Сейчасъ въ монастырѣ находится, въ свѣтлую заутреню пріобщался, завтра опять въ пустыню уходитъ. Прошусь я съ нимъ вмѣстѣ, не знаю,—потупился онъ,—благословитъ ли о. настоятель—и боязливо прибавилъ:—душа мятется, томленіе духа какое-то, мѣста себѣ не найду. Орловскій я, а домой не тя-

нетъ, не прилежитъ душа къ родному дому. Поранѣ еще кой-когда думалось объ отцѣ, онъ у меня прасольскимъ дѣломъ занимается, съ братьями въ достаткѣ живетъ, а мнѣ торгъ претитъ.

Монашекъ искоса взглянулъ на залитое солнцемъ море, махнулъ рукой и проговорилъ:

— Эхъ, не стоитъ говорить объ этомъ, пройдемте повыше къ пещеркѣ Симона Кананита, а по дорогѣ я вамъ всѣ наши чудеса покажу.

И показалъ.

Выходящая изъ густого поросшаго ущелья рѣка Псыртсха сперва мирно протекаетъ по ровному мѣсту отъ сѣвера къ югу, зарывшись среди увѣсистыхъ деревьевъ и густой поросли.

Практическій умъ творца всего этого монашескаго поселка, явившагося здѣсь піонеромъ, дѣятельнаго отца Іерона[1]), сразу понялъ, какую пользу можетъ принести эта богатая водой горная рѣчка, до сихъ поръ безцѣльно сбѣгавшая къ морю по крутымъ скаламъ. Въ мѣстѣ ея паденія онъ устроилъ прочную каменную запруду-плотину, вслѣдствіе чего вмѣсто ровной долинки образовалось глубокое озеро, воды котораго, переливаясь стремительнымъ шумнымъ, жемчужнымъ каскадомъ черезъ плотину, бѣгутъ по трубамъ и приводятъ въ движеніе турбины мельницы, молотилки, алебастроваго завода и станціи электрическаго освѣщенія. Машины для послѣдней пожертвованы Государемъ Императоромъ послѣ перестройки станціи въ Зимнемъ дворцѣ.

Престарѣлый строитель—это природный талантъ-самородокъ, онъ умѣлъ использовать Псыртсху еще больше, она питаетъ массу фонтановъ, снабжаетъ монастырь превосходной водой, орошаетъ всѣ сады, огороды, виноградники и посредствомъ особыхъ каналовъ сноситъ въ море всѣ нечистоты. Затѣмъ по чугуннымъ трубамъ, проложеннымъ на двѣ версты, бѣжитъ на кирпичные заводы.

Нужно изумляться, какъ удалось о. Іерону примѣнить силы горной рѣчки ко всякому дѣлу, такъ полезно использовать ея свѣтлыя струи.

Другими же стоками изъ того же озера вода проведена къ морю и здѣсь, у самаго берега наполняетъ ряды вышеописанныхъ прудовъ съ прѣсноводной рыбой. Пруды устроены террасой, такъ что вода здѣсь не застаивается, а постепенно сбѣгаетъ все ниже и ниже съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ излиться въ море. Здѣсь когда-то находилось болото отъ застоявшейся воды, отъ котораго распространялась лихорадка (малярія), страшный мѣстный бичъ, но съ устройствомъ этихъ прудовъ эта болѣзнь совершенно исчезла.

---

[1]) Скончавшагося въ минувшемъ сентябрѣ 1912 г.

Видъ съ озера на часовню.

IX.

Мы поднялись съ послушникомъ Алексѣемъ до пещеры Симона Кананита, глубокаго природнаго углубленія въ обрывистой скалѣ. Крутой подъемъ по краю пропасти ведетъ къ ней. Красивая картина лежащей подъ ногами густой, колышащейся зелени осокори, громадныхъ орѣховъ, дубовъ раскинулась передо мною, гдѣ-то въ глубинѣ ея звонко бесѣдовала со скалами болтливая Псыртсха, ея неумолчный шумъ гармонично сливался съ дикою природою. Въ пещерѣ, кромѣ нѣсколькихъ образовъ, ничего не было. Высокій сводъ гулко повторялъ звонъ каждой падающей на каменный полъ капли сырости. Какое-то странное чувство отчужденности отъ всего міра невольно овладѣло мною.

Мой спутникъ молчалъ; повидимому, и онъ тоже отдался этому навѣянному одиночествомъ настроенію.

— Пойдемте,—точно сквозь дремоту услышалъ я его тихій голосъ.

Мы снова стали спускаться.

За плотиной находится реставрированная церковь во имя святого апостола Симона Кананита.

Здѣсь когда-то была древняя колонія римлянъ «Анакопія», развалины крѣпости которой, основанной въ III вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ императоромъ Траяномъ, существуютъ еще до сихъ поръ. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей IV вѣка: епископы Дороѳей и Софроній, называютъ ее «Аспарой» или «Апсарой», самъ же городъ при императорѣ Константинѣ Порфироносцѣ именовался Никополій. Въ настоящее время въ реставрированной церкви остались только древнія стѣны, все остальное вновь устроено.

По преданію, здѣсь былъ похороненъ самъ святой апостолъ.

Особыхъ украшеній въ церкви нѣтъ, все здѣсь просто, отсутствуетъ позолота, нѣтъ никакого блеска, только струйки воды, вытекающія изъ креста надъ водоемомъ, нарушаютъ мирную тишину.

— Это потоки, веселящіе святое жилище Всевышняго,—услышалъ я мягкій голосъ пожилого монаха, хранителя церкви, сидящаго подъ большимъ орѣховымъ деревомъ около фонтана.

Повидимому, среди здѣшнихъ иноковъ имѣются люди, обладающіе большимъ художественнымъ вкусомъ, иначе ничѣмъ нельзя объяснить красиво поставленнаго каменнаго креста въ самомъ руслѣ бѣшено несущейся Псыртсхи, сорвавшейся съ плотины.

Мы обошли съ послушникомъ рядъ прудовъ, на нихъ плавало много бѣлыхъ лебедей. Нѣсколько мостиковъ и хижинъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, а точно также пирамидальные тополя и ивы, растущіе по берегамъ, чрезвычайно украсили ихъ. Я невольно

обратилъ вниманіе на рельсы узкоколейной дороги, разбѣгавшіеся по разнымъ направленіямъ. Спутникъ мой поспѣшилъ мнѣ объяснить:

— Это все труды дорогого нашего отца архимандрита, онъ позаботился, чтобы всѣмъ было удобно. Рельсы эти идутъ вокругъ всего монастыря, захватываютъ и складъ съѣстныхъ продуктовъ, и мельницу, и хлѣбопекарню, поднимаются и къ лѣсопилкѣ, къ каменоломнѣ и на кирпичный заводъ. Когда батюшка строилъ нагорный монастырь, немало было помощи отъ этой дороги.

— А чѣмъ же передвигаются у васъ вагонетки!

— Какъ придется,—то съ помощью лошадей, а то и люди сами катятъ. Если вы, господинъ, не особенно устали, не желаете ли подняться на Иверскую гору, оттуда полюбуетесь прекраснымъ видомъ,—предложилъ мнѣ послушникъ.

Я хотѣлъ уже охотно согласиться на его предложеніе, но, вспомнивъ, что въ три часа въ гостиницѣ будутъ давать чай, поблагодарилъ его, отказался и медленно пошелъ снова въ гостиницу.

X.

Взобраться на Иверскую гору нелегко; хотя проложенная иноками дорога довольно удобна, но высота все-таки остается высотой.

Тяжелый подъемъ вполнѣ искупается чудными картинами, открывающимися сверху на широкій просторъ моря, на лежащій внизу бѣлокаменный монастырь, на зеленыя купы его садовъ.

Стѣны древней башни, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, храма, сохранились еще довольно хорошо, хотя всѣ обросли зеленью и деревьями, зимнія непогоды и осенніе штормы пощадили старательно сложенную постройку.

— Возьмите вашъ бинокль и посмотрите сюда,—услышалъ я голосъ одного изъ моихъ спутниковъ, указывавшаго мнѣ по направленію моря.

Черезъ стекла бинокля я увидѣлъ очень слабое, но все-таки замѣтное, точно туманъ, очертаніе суши.

— Это Трапезундъ, на турецкомъ берегу,—объяснилъ мнѣ тотъ же спутникъ:—въ хорошую погоду, какъ сегодня, его видно отсюда, а вѣдь больше ста верстъ.

Я невольно подивился такой необычной прозрачности воздуха, тѣмъ болѣе, что стекла моего бинокля были не изъ важныхъ.

— При хорошемъ зрѣніи, Трапезундъ виденъ и простымъ глазомъ,—пояснилъ какой-то монахъ.

Какое богатство красокъ, переливовъ свѣта, игры легкихъ тѣней можно наблюдать отсюда съ вершины! Сейчасъ море зеленое,

пробѣжала волна—загорѣлось разливнымъ золотомъ, перенесъ взоръ дальше—затемнѣли глубины...

Надъ нами солнце, оно жжетъ, палитъ, слѣпитъ глаза, а налѣво широкая лощина уже полита лиловой таинственной дымкой еще далекихъ сумерекъ.

Смѣется природа, не переставая ни на секунду дѣятельно работать, расцвѣчивать, одѣвать листьями, цвѣтами иззябшія за долгую, суровую нынѣшнюю зиму деревья, растенія, разстилать изумрудные ковры по скатамъ горъ, по узкимъ долинамъ. Тучная дѣвственная почва послушно питаетъ корни растительнаго царства, производительность ея здѣсь, на Черноморскомъ побережьи, рѣдкая, погромъ нынѣшней морозной зимы скоро забудется...

Недалеко отъ часовни, подъ прикрытіемъ сложены черепа и кости скончавшихся иноковъ. Трогательно-наивная надпись гласитъ:

«Посмотрите на насъ, мы были такими же, какъ вы, и подумайте, что вы сами будете такими, какъ мы».

Чудно-хорошо здѣсь, но нужно возвращаться и въ монастырь, тѣмъ болѣе, что оттуда доносятся рѣдкіе удары колокола.

Нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ остаются еще наслаждаться чудной картиной, но я пошелъ обратно.

На этотъ разъ я направился прямо въ нагорный монастырь, представляющій собою громадное бѣлое трехъэтажное карре, посреди котораго построенъ красивый, большой соборъ.

Спускаться легче, минутъ черезъ двадцать я уже проходилъ кипарисной аллеей, снова поднимаясь на пригорокъ, на которомъ расположено новое зданіе.

По лѣвой сторонѣ широкаго, выложеннаго мѣстнымъ камнемъ тротуара тянется рядъ величественныхъ кипарисовъ, правая сторона подъема занята проѣзжей, очень удобной дорогой, окаймленной цвѣтущими олеандрами, немного выше изъ-за каменнаго невысокаго парапета свѣшиваются нѣжныя головки розъ. Дорога эта носитъ названіе «Царской».

Обогнувъ у церкви Покрова фруктовый садъ, я продолжалъ путь выше. Налѣво отъ дороги раскинулся ботаническій садъ съ оранжереей.

Почти у самаго конца этого красиваго подъема меня поразила масса пеньковъ отъ срубленныхъ деревьевъ, я невольно обратился къ стоявшему у парапета молодому краснощекому послушнику.

— Въ январѣ морозы побили лимонныя и апельсинныя деревья, о. Тиверій съ благословенія о. архимандрита и посрубилъ ихъ, вотъ пеньки-то и остались.

— А плоды бывали?

Послушникъ широко открылъ глаза, его изумилъ мой вопросъ.

— А то какъ же, господинъ честной, многія тыщи. У насъ дóма, въ Воронежской губерніи, столь много яблокъ и дуль не насбиры-

Кипарисная аллея къ храму св. Симона Кананита.

вали, какъ лимоновъ и апельсиновъ здѣсь! Братія вся ими пользовалась, на сторону продавали еще.

— Какъ же теперь безъ нихъ будете обходиться, не скоро вѣдь такія большія деревья вырастите?

— Отсадки у о. Тиверія порядочные имѣются, посадитъ, а тамъ, глядишь, къ двумъ годамъ опять плодъ дадутъ!—увѣренно сказалъ инокъ.

Дѣйствительно, въ здѣшнемъ тепломъ климатѣ, превосходящемъ массою осадковъ и тепломъ побережье Средиземнаго моря, посаженныя въ грунтъ плодовыя деревья быстро растутъ и даютъ плоды.

XI.

Рѣдкіе удары колокола, было умолкшіе, снова понеслись съ колокольни.

— Монаха умершаго хоронить выносятъ,—объяснилъ послушникъ:—вчера умеръ въ больницѣ.

Меня заинтересовалъ обрядъ монашескихъ похоронъ, и я, быстро поднявшись по ступенямъ братскаго корпуса, вошелъ во внутренній дворъ.

По каменной лѣстницѣ въ лѣвомъ углу бѣлаго зданія, гдѣ помѣщалась монастырская больница, спускался длинный рядъ черныхъ фигуръ, несшихъ простой деревянный гробъ съ умершимъ инокомъ. У паперти собора его встрѣтили хоругви и предшествуемый фонаремъ крестъ.

Отслужили литію, и при пѣніи пасхальнаго канона процессія направилась черезъ святыя ворота на кладбище.

Неширокая дорожка шла изгибами въ гору, провожающимъ пришлось растянуться длинной черной лентой, отчетливо выдѣлявшейся на бѣлыхъ стѣнахъ монастырскаго корпуса. Особою кучкою тянулись неизбѣжныя богомолки въ бѣлыхъ платкахъ, повязанныхъ на головѣ, и съ опущенными книзу глазами. Плелся тутъ же и старикъ въ рваномъ подрясникѣ, въ вытертой до нельзя казинетовой скуфейкѣ и рыжихъ стоптанныхъ сапогахъ. Онъ нерѣшительно поглядывалъ на меня и, вздохнувъ, проговорилъ:

— Горѣлъ свѣчечкой молитвенной въ обители честной иконъ, пришла смередушка, длинная, костлявая, дунула на огарочекъ, и потухъ онъ! Такъ-то, господинъ милостивый, вотъ мы «яко трава, яко цвѣтъ сельный» скошены ейной рукой будетъ и не познаемъ мѣста своего!

Говоръ его былъ чисто крестьянскій, съ замѣтнымъ удареніемъ на «о». Я кивнулъ головой въ подтвержденіе его словъ.

— Охъ, исходилъ я по всѣмъ святынямъ россейскимъ и Сибири, въ обители монахомъ былъ...

— Отчего же ушли оттуда?—невольно вырвалось у меня.

Странникъ недоумѣвающе взглянулъ на меня.

— Не могу оставаться долго на одномъ мѣстѣ, кровь такая бродячая у меня,—тихо отвѣтилъ старикъ:—взялъ я у о. игумена отпускъ на годъ и сюда перемахнулъ.

Похоронное шествіе подошло къ кладбищу, лежавшему высоко на предгорьѣ.

— Ты пойми, мать, инока-то не какъ насъ, мірянъ грѣшныхъ, на тотъ свѣтъ снаряжаютъ,—слышу около себя старческій голосъ, старуха-богомолка разсказываетъ другой: — возьмутъ манатею-то его, разорвутъ на четыре части, да, какъ младенца, покойника-то спеленаютъ и въ гробъ...

Пришли, остановились. Съ деревянной платформы носилокъ съ рѣшетками, которыя несли за ручки иноки, сняли гробъ и медленно опустили въ могилу. Пропѣли литію, въ могилу посыпался песокъ. Іеромонахъ отчетливо повторялъ:

— Помяни Господи новопреставленнаго раба твоего инока Кирика!

Металлически звенѣлъ его голосъ среди тишины мирнаго кладбища въ тепломъ вечернемъ воздухѣ...

Послѣ каждаго возгласа монахъ дѣлалъ земной поклонъ.

— Сотню ихъ положить по уставу полагается,—подсказалъ мнѣ старикъ-странникъ.

Снова раздался ударъ колокола и, глухо прокатившись по водной глади, тихимъ эхомъ замеръ въ горныхъ ущельяхъ. Стрижи съ пронзительными криками носились надъ нами.

Кладбище понемногу пустѣло.

— Яко кринъ, яко цвѣтъ сельный... — жужжалъ надъ моимъ ухомъ странникъ.

XII.

Громадный храмъ былъ еще пустъ, когда я вошелъ въ него, за свѣчнымъ ящикомъ стояли монахъ въ клобукѣ, съ большой сѣдой бородой и другой помоложе.

— Отъ чего скончался монахъ, котораго сейчасъ похоронили?— спросилъ я у старшаго свѣчника.

Подозрительно-сурово посмотрѣли на меня его темные глаза изъ-подъ густыхъ насупленныхъ бровей.

— Отъ смерти,—коротко кинулъ онъ мнѣ.

— Старъ ужъ былъ, лѣтъ пятидесяти, поди,—откликнулся тонкимъ теноромъ его высокій помощникъ.

— Не такія еще старыя лѣта...—возразилъ я монахамъ.

— Вы что же полагаете, отъ эпидеміи какой умеръ?—недовольно замѣтилъ старикъ: — никакихъ эпидемій у насъ нѣтъ!

Начиналась служба, на амвонѣ появились монашескія фигуры.

— Сегодня у насъ малая вечерня, потому что будетъ совершаться всенощное бдѣніе,—проговорилъ ласково другой свѣчникъ, точно стараясь замять суровыя замѣчанія старшаго:—пожалуйте къ восьми часамъ, тогда службѣ нашей торжественной соприсутствуете.

Посмотрѣть на аѳонское служеніе всенощной, воспроизведеніе точной службы стараго Аѳона, было интересно, и я вышелъ изъ собора, чтобы побродить до восьми часовъ, осмотрѣть самый монастырь.

Противъ храма помѣщалась въ братскомъ флигелѣ трапеза, красивое большое помѣщеніе въ два свѣта.

Стѣны ея были расписаны картинами на евангельскіе сюжеты, повидимому, опытною кистью.

Небольшой притворъ, служащій входомъ въ трапезу въ торжественные дни, на стѣнахъ его тоже двѣ картины, сочетаніе красокъ и тоновъ очень хорошо, но что всего лучше, это «затѣйливые» узоры и арабески, окружающіе ихъ. Очевидно, писалъ талантливый человѣкъ, оригинальность поразительная.

— Иноки наши же,—спокойно отвѣтилъ помощникъ трапезника, грузный монахъ, показывавшій мнѣ трапезу:—раньше въ Москвѣ, въ школѣ живописи учились. Ужъ больно хорошо «травку» здѣсь они пустили, многимъ богомольцамъ нравится, хвалятъ очень.

Послушники подъ его руководствомъ «снаряжали къ ужину» протянувшіеся по трапезной длинные столы; послѣ вечерни монастырская братія сейчасъ же ужинала.

Въ кухнѣ, помѣщавшейся внизу подъ трапезной многочисленные «кухари»-послушники торопливо мѣшали въ двухъ громадныхъ котлахъ, въ одномъ пшенную кашу, обильно насыщенную постнымъ масломъ, а въ другомъ щи съ мелкой рыбой.

— Попробуйте, господинъ, нашей монастырской пищи,—тихимъ голосомъ предложилъ мнѣ одинъ изъ кухарей.

Передъ образами въ углу іеромонахъ правилъ вечерню, ее служили здѣсь для кухарей, чтобы не отрывать ихъ отъ работы.

Я хлебнулъ изъ ложки, щи были очень вкусны, жирная каша тоже мнѣ понравилась.

Сверху раздался звонъ колокола, братія сходилась въ трапезу. Дюжій послушникъ старательно завертѣлъ колесо, платформа, заставленная оловянными мисками, медленно пошла вверхъ.

На столахъ, кромѣ нарѣзаннаго большими ломтями хлѣба, стояли кувшины съ мѣстнымъ виномъ и водою, квасу здѣсь не варятъ.

Послышалось чтеніе молитвы...

Древній храмъ св. Симона Кананита.

XIII.

Солнце уже замѣтно склонялось къ западу, когда я вышелъ изъ монастырскаго зданія и медленно побрелъ налѣво, минуя кладбище.

Дорога, обсаженная кипарисами, вела меня все выше и выше, скоро она окончилась, потянулась извилистая тропа, тоже все въ гору.

— Куда ведетъ эта дорога?—спрашиваю встрѣчнаго послушника.

— Къ «Ласточкину гнѣзду», домикъ о. Тиверія.

— А, монастырскаго садовника!

— О. Тиверій за всѣми произрастаніями въ обители наблюдаетъ,—недовольно отвѣтилъ монашекъ, обидѣвшійся, что я назвалъ его начальника садовникомъ: — немало его трудовъ здѣсь положено, онъ и сады садитъ и виноградники разводитъ!

— Въ этомъ домикѣ онъ и живетъ?—снова спросилъ я послушника, указывая на домикъ, точно приклеившійся къ скалѣ.

— О. Тиверій раньше проживалъ въ немъ, да приходилось на дню не одинъ разъ туда взбираться, моложе былъ—все ничего, а теперь слабѣть сталъ, ноги ужъ не тѣ, о. архимандритъ благословилъ ему другой домикъ поставить пониже, надъ самымъ садомъ, вонъ тотъ,—указалъ онъ на небольшое жилое строеніе:—а когда къ намъ въ обитель епископъ пріѣзжаетъ, то любитъ въ этомъ домикѣ останавливаться, ну, ужъ тогда нашъ старецъ опять въ свое прежнее жилище перебирается.

— А можно туда пройти?

— Пожалуйте, такъ этой тропкой и ступайте, до самаго домика дойдете,—промолвилъ монахъ и, низко поклонившись, юркнулъ въ садъ.

«Ласточкино гнѣздо» оправдываетъ свое названіе: на маленькой платформѣ скалы, точно къ ней прижавшись, помѣстился домикъ; небольшой деревянный помостъ виситъ надъ крутымъ обрывомъ. Внизу раскинулись сады, фруктовый и цвѣточный, лѣвѣе тянется роща маслинъ, а дальше ровно разбитыми рядами идутъ виноградники, мягко сливающіеся въ легкихъ тонахъ весеннихъ сумерекъ съ зеленоватымъ морскимъ просторомъ.

Отсюда, какъ заботливый управитель, о. Тиверій могъ наблюдать все порученное ему хозяйство.

Я сѣлъ на имѣвшійся здѣсь стулъ и невольно залюбовался чудной панорамой раскинувшейся передо мною обители съ ея цвѣтущими угодьями.

Тихо, еле слышно рокоталъ вдали прибой, на недалекой колокольнѣ собора висѣли умолкшіе колокола, звонкая мѣдь ожидала, когда привычная рука звонаря-монаха вызоветъ ихъ изъ состоянія покоя.

Налюбовавшись красивымъ зрѣлищемъ, я уже хотѣлъ уходить, какъ деревянныя ступени лѣсенки, ведущей книзу, слабо заскрипѣли подъ шагами кого-то.

Я обернулся. Въ проемѣ лѣстницы показалась голова стараго монаха.

— А вотъ и я къ вамъ пришелъ,—ласково проговорилъ появившійся инокъ:—послушникъ сказывалъ мнѣ, что вы садами нашими интересуетесь.

Мы познакомились, это былъ самъ отецъ Тиверій, сумѣвшій покорить и заставить съ пользой работать мѣстную буйную природу.

— Стараемся во славу Божію, и апельсинъ и лимонъ завели, особенно здѣсь хорошо поспѣваютъ мандарины японскіе, да и на лимоны и апельсины жаловаться нельзя, всего въ достаткѣ бываетъ,—добродушно разсказывалъ мнѣ монастырскій Цинцинатъ:—вотъ только посѣтилъ насъ Господь нынѣшній годъ испытаніемъ, срубить пришлось всѣ апельсинные да лимонныя деревья, пальмы, которыя также померзли, ужъ больно жалко эвкалиптовъ, духовиты они очень, да и масло давали, тоже ихъ подсѣкли. Вы откуда будете?

Я сказалъ.

— Въ вашихъ краяхъ такихъ растеній не садятъ, а у насъ и маслины выживаютъ, прошлый годъ много ихъ сняли.

— Масло изъ нихъ бьете?—спросилъ я.

— Нѣтъ еще, такъ потребляемъ, продаемъ, а масло для лампадъ со стараго Аѳона пока выписываемъ, думаемъ вскорѣ и сами маслины давить, дѣло не хитрое, да надо приспособиться.

Разсказалъ старый монахъ мнѣ и о виноградномъ хозяйствѣ, и о другихъ плодовыхъ деревьяхъ, не забылъ и о цвѣтахъ, которые онъ очень любитъ.

— Иные толкуютъ: «какая такая отъ нихъ польза, зрѣніе человѣческое только утѣшаютъ», а я такъ думаю иначе: каждый цвѣтокъ, что свѣчка передъ Богомъ, хвалу Ему, Всевышнему, воздаетъ благоуханіемъ своимъ, красуется во славу Творца своего, видомъ своимъ людямъ показываетъ, сколь великъ и дивенъ Господь Вседержитель въ своихъ твореніяхъ.

Старикъ приложилъ ладонь надъ глазами, посмотрѣлъ на солнце, склоняющееся все ниже, и торопливо промолвилъ:

— А вы что же не идете? Сейчасъ по гостиницамъ ужинать зачнутъ, поспѣшайте, не то опоздаете!—и онъ, предупредительно пропустивъ меня впередъ, сталъ вмѣстѣ со мною спускаться по лѣстницѣ.

XIV.

Дѣйствительно, я чуть было не опоздалъ къ ужину. Подавали ужъ второе блюдо, когда я садился за столъ.

Гостиничникъ укоризненно замѣтилъ:

— Хорошо, что поспѣшили, господинъ почтенный, а то опоздали бы, а позднѣе ужъ негдѣ и достать.

Трое изъ нашей гостиницы заинтересовались вечернею службою и рѣшились итти вмѣстѣ со мной, остальные предпочли прогулку по берегу и вокругъ прудовъ.

— Только ужъ пожалуйста возвращайтесь до десяти часовъ,— предупредилъ ихъ гостиничникъ:—въ десять ровно монастырскія ворота закрываются, никого не впустятъ.

— А мы по веревкѣ черезъ балконъ влѣземъ,—бойко возразила жена нѣмчика.

— Неладное вы, госпожа, сказываете, не гоже въ честной обители безчинства такія творить,—внушительно сказалъ другой гостиникъ, высокій здоровый монахъ съ красивыми русыми волосами.

— Придемъ, придемъ во время, не бойтесь, отецъ Авениръ,— успокоили его остальные.

Въ нагорномъ монастырѣ ударили въ колоколъ ко всенощной...

Гулко прокатился отзвукъ мѣднаго глашатая и умолкъ.

— Идемте, что ли,—предложилъ кто-то изъ нашихъ:—интересно посмотрѣть самое начало службы.

Мы отправились.

Солнце уже зашло. Небесную пелену прорѣзали первыя звѣздочки. Сумракъ усилился, но дорога была еще видна.

По длинной аллеѣ кипарисовъ виднѣлись темныя фигуры монаховъ, спѣшившихъ въ соборъ изъ разныхъ мѣстъ монастыря, гдѣ они совершали назначенныя имъ послушанія.

Мы вошли въ храмъ, мракъ царилъ въ немъ, только горѣли небольшія восковыя свѣчки въ подсвѣчникахъ у мѣстныхъ иконъ, самыя свѣчи лампадъ въ нихъ не были зажжены.

Согласно обычаю, всѣ находящіеся въ храмѣ сидѣли, гдѣ кто могъ, никто не обмолвился словомъ, царило гробовое молчаніе. Изъ алтаря медленно вышелъ высокій сѣдой монахъ, старшій экклесіархъ въ мантіи, съ зажженной свѣчой въ большомъ подсвѣчникѣ. Дойдя до середины церкви, онъ поставилъ передъ собою подсвѣчникъ и громко провозгласилъ:

— Возстаните!

Во мракѣ собора послышалось, какъ быстро стали подниматься иноки, точно шумъ листьевъ.

Изъ сѣверныхъ и восточныхъ вратъ вышли ва другихъ экклесіарха, тоже въ мантіяхъ, въ рукахъ у нихъ нахо лись фарфоровые раскрашенные сосуды съ душистой розовой водой.

Они молча начали обходить молящихся, окропляя ихъ ею для ободренія къ предстоящему долгому богослуженію.

Все это происходило при томъ же полномъ безмолвіи. Невольно охватывало мистическое настроеніе.

Когда экклесіархи удалились въ алтарь, отворились царскія врата, оттуда показался служащій іеромонахъ въ мантіи и эпитрахили, съ ручной кадильницей, онъ держалъ ее въ рукѣ, покрытой платкомъ, конецъ котораго былъ прикрѣпленъ на правомъ плечѣ.

Какъ мнѣ послѣ объяснили, подобная кадильница называется «кацея».

Іеромонахъ медленно шелъ, кадя, вокругъ всей церкви, бубенчики, прикрѣпленные къ «кацеѣ», слабо-гармонически звенѣли, нарушая продолжавшее царить въ храмѣ безмолвіе. Обойдя всю церковь, онъ остановился передъ амвономъ и, приподнимая кадильницу, громко провозгласилъ:

— Господи благослови!

Гдѣ-то въ глубинѣ, на клиросахъ слабо прозвучала задача тона, и всенощная началась.

Оставаться до конца долгой службы, которая должна была продлиться за полночь, я не предполагалъ, и, немного пробывъ въ церкви, вмѣстѣ со спутниками вышелъ наружу.

Остальныхъ нашихъ пассажировъ, когда мы вернулись въ гостиницу, еще не было, но все-таки къ десяти часамъ они пришли и, усѣвшись на балконѣ, выходившемъ на берегъ, мы долго еще разговаривали о дневныхъ впечатлѣніяхъ.

XV.

Пароходъ долженъ былъ прійти не особенно рано, часовъ въ восемь утра, но такъ какъ нѣсколько дней, благодаря Пасхѣ, не принимали груза, количество его въ Батумѣ и на другихъ пристаняхъ значительно скопилось, то пароходъ ожидался съ большимъ опозданіемъ.

Это дало мнѣ возможность, поднявшись рано, осмотрѣть еще коечто въ монастырѣ.

— Сейчасъ архимандритъ вернулся на лошадяхъ изъ Сухума,— сообщилъ мнѣ гостиничникъ Авениръ.

— А можно его посѣтить?—спросилъ я послѣдняго.

— Отецъ архимандритъ принимаетъ всѣхъ охотно, пожалуйте, о пароходѣ не безпокойтесь, успѣете.

Не долго думая, я отправился въ зданіе нагорнаго монастыря, гдѣ жилъ его строитель отецъ Іеронъ.

Въ длинныхъ коридорахъ братскаго корпуса мнѣ указали пріемную отца архимандрита.

Келейникъ любезно мнѣ сообщилъ:

— Отецъ архимандритъ занятъ сейчасъ съ однимъ морскимъ офицеромъ, а затѣмъ ваша очередь, если пожелаете.

Но почему-то онъ все-таки пошелъ самъ къ архимандриту и, выйдя оттуда обратно, сообщилъ мнѣ:

— Пожалуйте, отецъ архимандритъ проситъ.

Вхожу въ просторную келью съ видомъ на море, залитую свѣтомъ. Навстрѣчу ко мнѣ поднимается изъ-за круглаго стола сидящій на диванѣ небольшого роста сухощавый старичекъ съ большою сѣдою окладистой бородой. Темные умные глаза привѣтливо на меня смотрятъ.

— Христосъ Воскресе!—привѣтствуетъ меня отецъ архимандритъ и, благословивъ, усаживаетъ на кресло.—Откуда? Куда?—разспрашиваетъ меня старецъ.

— Изъ Петербурга, посмотрѣть черноморскій берегъ, полюбоваться имъ!

— Нынѣшняя зима сильно повредила его красѣ,—вмѣшался въ нашъ разговоръ молчавшій до сихъ поръ морякъ.

— Богъ милостивъ, поправимся,—какъ-то пророчески-увѣренно замѣтилъ отецъ Іеронъ:—жаль, что отецъ Тиверій всѣ эвкалипты срубилъ, въ Сухумѣ мнѣ теперь говорили, что они отжить могли, тамъ ихъ не срубили.

Темные глаза его снова устремлены на меня.

— Понравилось вамъ у насъ?

— Очень хорошо, а главное много сдѣлано, нельзя подумать, чтобы въ такой короткій срокъ въ такой дикой странѣ возникъ подобный культурный уголокъ, прямо какой-то рай!—невольно вырвалось у меня.

Скромная улыбка показалась на лицѣ архимандрита.

— Слава Творцу небесному, по Его милости и благости все здѣсь процвѣтаетъ! Когда я по благословенію нашихъ, почившихъ теперь ужъ, старцевъ со Стараго Аѳона, отца архимандрита Макарія и іеромонаховъ Іеронима и Арсенія, сюда прибылъ съ частью братіи въ 1875 году, одинъ пустырь здѣсь былъ, одна сакля абхазца Арана всего здѣсь, у рѣки Псыртсхи и находилась. Пусто, дико, непривѣтливо. Помолившись Богу, приступили, начали строиться. 327 десятинъ утвердилъ за нами его высочество покойный намѣстникъ кавказскій, великій князь Михаилъ Николаевичъ, а послѣ нарѣзали еще 1000 десятинъ для угодій. Такъ все и началось.

— Золотое у васъ здѣсь мѣсто, отецъ архимандритъ,—замѣтилъ морякъ и, обратившись ко мнѣ, быстро проговорилъ:

— Истинно золотое! Когда возобновили они древнюю церковь апостола Симона Кананита, одинъ мѣстный торговецъ, еврей, постоянно гонявшій скотъ въ Батумъ по берегу на продажу, остановился на полянѣ передъ церковью и сталъ пасти своихъ быковъ, какая-то невидимая сила прогнала его отсюда. Перепуганный этимъ, онъ самъ не разъ потомъ разсказывалъ, что слышалъ слова: «уйди, здѣсь схоронено золото».

— Въ переносномъ смыслѣ должно это разумѣть—подтвердилъ разсказъ моряка отецъ Іеронъ и продолжалъ прерванный разсказъ.

— Вырубили мы лѣсъ, расчистили мѣсто, устроили два шалаша, одинъ для себя, другой для рабочихъ, ни печей, ни очаговъ у насъ не было, раскладывали огонь посреди шалаша. Прибыли мы сюда 2-го января, а ужъ къ марту и апрѣлю наготовили достаточно извести, такъ что могли заложить на берегу, у самыхъ развалинъ древней греческой крѣпости четыре зданія съ церковью во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а къ октябрю ужъ закончили, 17-го освятили одновременно и школу для двадцати абхазскихъ дѣтей, круглыхъ сиротъ, также открыли. Сколь радостно и отрадно было нашимъ сердцамъ услышать колокольный звонъ въ первый разъ въ этой пустынѣ. Тогда же благословили мы и четырехъ русскихъ волонтеровъ, шедшихъ на сербско-турецкую войну.

Отецъ Іеронъ замолчалъ. Легкое облако грустныхъ воспоминаній затуманило на минуту его привѣтливое лицо.

— Недолго пришлось послѣ этого здѣсь пожить нашей братіи, 29-го ноября всѣхъ переселили въ Кутаисскую губернію, въ Гелатскій монастырь, остались здѣсь для присмотра за обителью только монахъ Іоаннъ, два послушника да я, а 7-го апрѣля и мы отсюда уѣхали, не успѣли и церковь святого Симона возобновить.

— А почему же, отецъ Іеронъ, пришлось вамъ отсюда уѣзжать?

— Началась война съ Турціей, мѣстные мусульмане враждовать противъ насъ стали. Неисповѣдимъ промыселъ Божій, какъ листья осенніе, разлетѣлась братія повсюду. Семь нашихъ иноковъ съ примѣрнымъ усердіемъ и любовью ухаживали за больными и ранеными воинами. Заплакалъ я, горько заплакалъ, когда вернулся сюда въ маѣ 1878 года, все, что мы здѣсь построили, возвели, все турки пожгли или растаскали, только однѣ обгорѣлыя каменныя стѣны остались, даже двери и окна повыломали, полъ сняли, а съ древней генуэзской башни желѣзную крышу сорвали и увезли.

Тяжело вздохнулъ отецъ архимандритъ и снова замолчалъ.

XVI.

— Прибыли мы сюда только вдвоемъ, рабочій, матросъ Савва Кокенидисъ да я. Стали сами собирать растащенный абхазцами строевой матеріалъ, башню черепицей покрыли, кое-какое жилье въ ней справили для себя и для пріѣзжихъ, ну, а потомъ начала собираться братія, и, какъ трудолюбивые муравьи, принялись возстановлять обитель. Тридцать три года прошло съ тѣхъ поръ, Господь не оставилъ насъ своею милостью, сами видите, обитель наша процвѣтаетъ, земли достаточно намъ прирѣзали, а въ 1885 году государь соизволилъ присовокупить и Пицундскій храмъ съ земельнымъ надѣломъ, больше 1000 десятинъ въ немъ.

— Хорошее мѣсто!—снова замѣтилъ капитанъ.—Чудная сосновая роща, рыбное озеро Никиты, храмъ очень древній, въ VI вѣкѣ воздвигнутъ былъ императоромъ Юстиніаномъ для принявшихъ православіе абхазцевъ. Съѣздить туда бы вамъ не мѣшало, отсюда шестьдесятъ верстъ, а отъ Гагръ всего двѣнадцать.

Я обратилъ вниманіе на висящій на стѣнѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ какой-то листъ съ надписями.

— Дорогое для меня воспоминаніе,—отвѣтилъ на мой вопросъ отецъ Іеронъ и подошелъ къ стѣнѣ:—покойный государь Александръ III былъ у насъ въ 1888 году, 24-го сентября съ супругою и дѣтьми, всю обитель осматривалъ, на плотину ходилъ и дальше по ущелью, любовался всей мѣстностью,—оживленно проговорилъ старецъ:—долго со мной бесѣдовалъ, когда лично закладывалъ главный соборъ. «Легко у васъ дышится здѣсь, отдыхаю невольно». Братья наша поднесла ему разныя рѣзныя изъ дерева вещи и двѣ вѣтки, одну съ шестью крупными лимонами, а другую съ громадными померанцами. Подивился на нихъ государь. А тутъ передъ самымъ отъѣздомъ его величества министръ мнѣ на ухо шепчетъ: «Дайте, говоритъ, книгу, чтобы государь расписался». Схватился я, принесъ книгу для посѣтителей, уже отчасти исписанную, недоумѣлъ, что нужно было совершенно новую, чистую. Улыбнулся государь и съ улыбкой мнѣ сказалъ: «Ничего, отецъ Іеронъ, и здѣсь распишемся».

«Опять, Господи Боже мой, какое искушеніе случилось, государь-то простымъ перомъ не расписывается, гусиное нужно! Такая тревога поднялась, всѣхъ разослалъ я по обители гусиное перо отыскивать. Нашлось, слава Богу, гдѣ-то. А тѣмъ временемъ государь все ожидалъ, а я стою, книгу трепеща въ рукахъ держу. Расчеркнулся государь всемилостивѣйшій, а за нимъ и всѣ другіе расписались. Отлегло у меня отъ сердца. Провожали мы высокихъ нашихъ гостей до берега. Когда государь въ баркасъ садился, изволилъ протянуть мнѣ руку, словами осчастливилъ: «Въ памяти у меня останется это посѣщеніе вашей обители».

Радостное воспоминаніе охватило отца архимандрита, въ темныхъ глазахъ загорѣлся огонекъ, согбенный станъ выпрямился, отецъ Іеронъ точно сразу помолодѣлъ...

Я случайно взглянулъ въ окно. Вдали у маяка показалась черная точка парохода, нужно было спѣшить.

— Не безпокойтесь, еще успѣете,—замѣтилъ онъ, когда я сообщилъ, что мнѣ нужно уѣзжать:—у васъ еще болѣе часу времени.

Я распрощался съ привѣтливымъ отцомъ архимандритомъ, онъ благословилъ меня и на прощаніе повторилъ слова стихири, которая ежедневно здѣсь поется по окончаніи вечерни:

«Никто же притекаяй къ Тебѣ посрамленъ отъ Тебе исходитъ, Пречистая Богородица Дѣва»...

. . . .

Увы, мое свиданіе съ этою замѣчательною личностью было послѣднимъ, 7-го минувшаго сентября о. Іеронъ скончался.

Находясь уже на палубѣ парохода и окидывая въ послѣдній разъ на прощаніе бѣлоснѣжныя зданія и золотые кресты обители, ея темнозеленыя аллеи кипарисовъ, красивый коверъ виноградниковъ, таинственныя ущелья, вершину Иверской горы со старинной башшей, я невольно думалъ:

«Какое громадное культурное значеніе имѣетъ для края этотъ монастырь! Сколько настойчиваго труда положено здѣсь иноками, большинство изъ которыхъ—наша черноземная Русь.

«Глубоко ошибаются тѣ, которые не вѣрятъ въ творческую жизненность, въ духъ этой великой націи.

«Нѣтъ, великій удѣлъ предстоитъ еще для Руси, недалеко то будущее, когда она снова окрѣпнетъ и, какъ фениксъ, возродится къ изумленію тѣхъ, кто не вѣритъ въ ея свѣтлую будущность...»

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Виновники пожара Москвы въ 1812 году. Ганса Шмидта. Рига. 1912 годъ. Цѣна не обозначена.

ЛАВНЫЙ интересъ этого сочиненія заключается въ первыхъ восемнадцати страницахъ, на которыхъ въ алфавитномъ порядкѣ пересчитаны сочиненія и статьи, относящіяся болѣе или менѣе къ предмету изслѣдованія г. Шмидта. При этомъ, между прочимъ, включены и такія, въ которыхъ, по словамъ же автора, ничего не говорится о Москвѣ, какъ, напримѣръ, Ахшарумова «Историческое описаніе войны 1812 года. С.-Петербургъ, 1813 г.», Харкевича «1812 годъ въ дневникахъ запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ». Вильна. 1900. Кромѣ того, помѣщено не мало сочиненій, о которыхъ г. Г. Шмидтъ заявляетъ: *простая болтовня*, какъ, папримѣръ, Beitrage zu dem Ruchzug der Franzosen aus Moskau», или *очень глупая книга*—«Förster Friedrich. Napoleons I russischer Feldzug. Berlin». 1856. Указаны также источники съ отмѣткою: *не пригодился*, или *не можетъ имѣть примѣненія*, или не имѣетъ значенія; такихъ не мало, а потому мы ихъ и не перечисляемъ. Любопытенъ отзывъ о книгѣ Ker-Porter. «Der russische Feldzug. 1812. Aus dem Englischen von Kirtz. Leipzig und Altenburg»: *страшно плохая книга, сплошныя выдумки!!!* Впрочемъ, указано не мало сочиненій и съ одобрительными отзывами со стороны г. Шмидта, который свое изслѣдованіе изложилъ въ четырехъ главахъ. Въ первой говорится объ участіи въ пожарѣ Москвы графа Ѳ. В. Ростопчина, при чемъ авторъ высказываетъ въ заключеніе главы (на стр. 47), что Ростопчинъ никогда не могъ свалить съ себя подозрѣнія въ винѣ (что сжегъ Москву, конечно), которое всякій долженъ былъ питать, кто въ послѣдніе дни старой Москвы

встрѣчался съ губернаторомъ (т.-е. съ Ростопчинымъ). Почему это—не объяснено. При этомъ Шмидтъ заявляетъ, что надо вѣрить словамъ дневника Штейна, въ которомъ записано, что Ростопчинъ поджегъ Москву, но отказывается пользоваться однимъ мѣстомъ изъ записокъ Варнгагена фонъ-Энзе, въ которомъ также записаны извѣстныя слова графа Ростопчина: «я зажегъ души людей, а этимъ страшнымъ огнемъ зажигаются факелы смоляные». Конечно, всякій вѣритъ по-своему и какъ ему угодно, а потому мы позволимъ себѣ вѣрить совершенно обратно тому, чему въ данномъ случаѣ вѣритъ г. Шмидтъ, тѣмъ болѣе, что и допустить не можемъ, чтобы Ростопчинъ въ буквальномъ смыслѣ самъ поджегъ Москву; этого никто не видѣлъ и никто не заявлялъ, между тѣмъ какъ души людскія онъ не только могъ зажечь, но и на самомъ дѣлѣ воспламенилъ своими приказами и знаменитыми афишами къ отчаянной войнѣ на смерть съ французами; а въ число пріемовъ этой войны входило, очевидно, истребленіе мечомъ и огнемъ всего, что только могло какимъ-либо образомъ способствовать дѣйствіямъ французской арміи. Затѣмъ во второй главѣ г. Шмидтъ говоритъ объ участіи русскаго народа въ пожарѣ Москвы и приходитъ къ заключенію (стр. 67), что русскій народъ (почему не обыватели Москвы?—это не разъяснено) самостоятельно участвовалъ въ сожженіи города. Начало этому положили люди, патріотически настроенные Ростопчинымъ, а затѣмъ продолжали преступники и низшая чернь, независимо отъ всякой агитаціи Ростопчина, изъ личныхъ побужденій, при чемъ ихъ участіе въ пожарѣ было гораздо больше, чѣмъ участіе губернатора,—таковыхъ лицъ было очень много, и между ними были отчаянныя головы. Къ сожалѣнію, высказываемое г. Шмидтомъ не подтверждается положительными данными; участіе въ пожарѣ русскаго народа является совершенно голословнымъ, да и едва ли возможно предъявлять подобное огульное обвиненіе всему народу. Также и устанавливаемая г. Шмидтомъ постепенность участія лицъ въ поджогѣ является дѣломъ фантазіи. Кто ее наблюдалъ съ достовѣрностью? Очень легко возможно, что поджигали одновременно лица разныхъ категорій. Третья глава посвящена участію великой арміи французовъ въ пожарѣ Москвы. Г. Шмидтъ принимаетъ, что намѣренные поджоги со стороны французовъ являлись въ видѣ исключеній; но они оставались совершенно спокойными зрителями пожара или предавались грабежу и разгулу тамъ, гдѣ слѣдовало напрягать всѣ усилія, чтобы потушить пожаръ. Но попустительство, въ реальной жизни, по словамъ г. Шмидта, представляетъ такую же вину, какъ и совершеніе преступленія, а потому и на великой арміи лежитъ едва ли меньшая часть вины въ пожарѣ Москвы, чѣмъ на русскомъ народѣ? (стр. 80). Не касаясь высказываемаго г. Шмидтомъ взгляда на попустительство, обратимъ вниманіе только на то, что пожаръ Москвы, уничтожившій массу всякихъ вещей, всякихъ запасовъ, необходимыхъ арміи, было всего менѣе желателенъ для французовъ, и, конечно, они никогда не имѣли намѣренія сжечь Москву. Но, предаваясь грабежамъ и разгулу, французскіе солдаты легко могли заронить искры, отъ которыхъ могли возникнуть въ разныхъ мѣстахъ пожары, принявшіе громадные размѣры, между прочимъ и потому, что не было средствъ къ тушенію пожара и не было лицъ, заинтересованныхъ непосредственно въ ихъ тушеніи; владѣльцы домовъ, даже

обыватели отдѣльныхъ квартиръ большею частью, если не всѣ, покинули Москву. Посторонния же лица, а тѣмъ болѣе французы и не обязаны были вовсе тушить пожаръ. Есть нравственная обязанность, христіанскій долгъ, такъ сказать, помогать ближнему, спасать его отъ опасности и т. д., но закона, принуждающаго это дѣлать, никогда не существовало, а потому неисполненіе подобной обязанности нравственной не можетъ быть поставлено французамъ въ вину, караемую закономъ положительнымъ. Въ четвертой главѣ авторъ пожаръ Москвы исключительно приписываетъ стихіямъ. 4-го (16) сентября поднялась сильная буря, скоро обратившая всю Москву въ море пламени, всѣ увидѣли невозможность спасти городъ, большая часть зданій котораго были деревянныя, и къ тому же въ послѣдніе дни стояла большая засуха. Это понятно и безспорно. Г. Шмидтъ, конечно, это признаетъ и добавляетъ (стр. 82): «я не думаю, чтобы въ тѣ дни, когда свирѣпствовала буря, особенно способствовало пожару то, что отдѣльныя зданія были подожжены необузданною черныю и солдатами». Остается только спросить, зачѣмъ было огородъ городить?!! Прямо на первой же страницѣ заявить, что виновники пожара Москвы въ 1812 году огонь и вѣтеръ. Коротко и ясно.

П. Майковъ.

Н. К. Пиксановъ. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и библіографія. Спб. 1912. Стр. 67. Цѣна 35 коп.

Въ послѣднія десять лѣтъ преподаваніе гуманитарныхъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко ушло впередъ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, когда профессоръ только читалъ лекціи, а студентъ слушалъ и готовился къ экзаменамъ по рекомендованнымъ учебникамъ. Въ настоящее время, кромѣ лекцій, существенную сторону преподаванія составляютъ такъ называемые «семинаріи и просеминаріи», въ которыхъ, какъ въ лабораторіяхъ, учащіеся должны, подъ руководствомъ профессора, знакомиться съ пріемами научнаго анализа и синтеза, съ процессомъ научной работы, чтобы пріобрѣсти навыкъ къ самостоятельной работѣ въ избранной соціальности.

Въ семинаріяхъ, хотя на время, учащіеся пріобщаются къ общему ходу коллективной мысли, восходятъ къ первоисточникамъ, надъ которыми напряженно работаютъ многіе ученые изслѣдователи, широко знакомятся съ литературой по опредѣленному вопросу, участвуютъ въ живомъ обмѣнѣ мнѣній, видятъ наглядно и успѣхи и промахи дѣятелей науки, начинаютъ цѣнить всякое новое завоеваніе, пріучаются къ самостоятельности въ оцѣнкѣ книгъ и фактовъ и подготовляются къ тому, чтобы потомъ, по выходѣ изъ школы, умѣть найти среди многочисленныхъ книгъ и изданій нужные и полезные. Если такова задача практическихъ занятій, то отсюда понятна отвѣтственность руководителя семинаріемъ, который прежде всего долженъ заинтересовать учащихся работой, а затѣмъ открыть имъ методологическіе пріемы, благодаря которымъ можно лучше и ближе подойти къ научной истинѣ.

Исходя изъ подобныхъ соображеній о задачахъ практическихъ занятій, Н. К. Пиксановъ издалъ въ качествѣ пособія при семинарской работѣ по исто-

ріи русской литературы книжку, подъ названіемъ: «Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская» (темы и библіографія). Книжка эта складывалась, по объясненію автора, постепенно, съ расширеніемъ его преподавательской дѣятельности (на высшихъ женскихъ курсахъ, въ педагогической академіи). Въ ней авторомъ «въ хронологическихъ предѣлахъ трехъ смежныхъ царствованій формулированы темы, захватывающія (безъ претензій на исчерпывающую полноту) разнообразныя явленія эпоса, лирики, драмы, критики и публицистики. Однѣ изъ нихъ вводятъ слушателей въ соціальную разработку мало или совсѣмъ не обслѣдованныхъ вопросовъ, другія знакомятъ съ готовыми результатами литературныхъ изслѣдованій».

Темъ, данныхъ г. Пиксановымъ, всего 65: для Екатерининской эпохи 16, Александровской 21, Николаевской 28.

Чтобы имѣть понятіе, каковы эти темы, приведу формулировку нѣкоторыхъ: «Античная стихія въ русской лирикѣ Екатерининскаго времени», «Щеголи и щеголихи въ русской сатирѣ XVIII вѣка», «Культурно-историческое значеніе русскаго масонства», «Петербургскіе театры Александровскаго времени», «Грибоѣдовъ и декабристы», «И. А. Гончаровъ, какъ критикъ», «Н. А. Полевой, какъ публицистъ» и др. Ко всѣмъ 65 темамъ, къ каждой въ отдѣльности, подобрана авторомъ главнѣйшая литература въ видѣ отдѣльныхъ изслѣдованій, главъ какой-нибудь книги и журнальныхъ статей. Таково въ основѣ содержаніе работы г. Пиксанова.

Переходя къ разбору книжки, я сдѣлаю одно общее замѣчаніе. По моему наблюденію, въ ней нѣтъ отчетливо проведенной грани между источниками въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. основными матеріалами, изъ которыхъ участники семинарія должны прежде всего знакомиться съ предметомъ темы, и пособіями, т. е. тѣми мнѣніями, характеристиками и изслѣдованіями, которыя написаны по поводу этихъ матеріаловъ и самостоятельно разобраться въ которыхъ при разнорѣчіи въ пособіяхъ возможно лишь при непосредственномъ обращеніи къ самому источнику. Ввиду этого къ темѣ, напримѣръ, «Отечественная война 1812 г. въ оцѣнкѣ современной ей русской публицистики» указано семь разныхъ пособій (Оглоблинъ, Дубровинъ, Военскій и др.) и лишь случайно упомянутъ одинъ «русскій памфлетъ 1812 года» (помѣщенный въ «Русской Старинѣ» за 1908 г.); тогда какъ я представляю себѣ такой порядокъ, чтобы въ библіографическомъ спискѣ къ данной темѣ подобраны были наиболѣе яркія произведенія изъ современной 1812 году публицистики ради непосредственнаго ознакомленія съ ними учащихся, а затѣмъ указаны были и пособія.

Въ иныхъ случаяхъ (и довольно часто) эта отсылка учащихся къ первоисточнику у составителя книги имѣется налицо (темы о Фонвизинѣ, Радищевѣ, Лукинѣ, Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ), но и здѣсь желательный принципъ не доведенъ до конца, въ особенности въ историко-литературныхъ параллеляхъ. Напримѣръ, тема «Радищевъ и декабристы» по указателю г. Пиксанова должна изучаться въ отношеніи къ Радищеву по полному собранію сочиненій А. Н. Радищева и семи пособіямъ, что совершенно правильно, но въ отношеніи декабристовъ ихъ «религіозно-философскіе» и «соціально-политическіе взгляды» для параллели изучаются по одной книгѣ В. И. Семевскаго, «Общественныя и по-

литическія идеи декабристовъ», что мнѣ представляется неправильнымъ: книга В. И. Семевскаго очень тщательно составлена, Семевскій—лучшій въ Россіи знатокъ декабристовъ, но систематичность его книги иногда наводитъ на мысль, была ли такая стройная и отчетливая система въ головахъ самихъ декабристовъ? Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, ради нѣкоторой самостоятельности выводовъ учащіеся, по моему мнѣнію, должны итти къ первоисточникамъ, каковыми являются, напримѣръ, «Русская Правда» Пестеля» (отд. изд. 1906 г.), проектъ конституціи Н. Муравьева (напечатанъ у Довнаръ-Запольскаго, мемуары декабристовъ, въ книгѣ Якушкина «Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи», Петербургъ, 1906 г.) и записки декабристовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя должны быть указаны и въ этой темѣ, разъ задачи ея не одинъ Радищевъ, но и декабристы, иначе параллель будетъ несоразмѣрной.

Къ числу достоинствъ г. Пиксанова, какъ автора указанной выше книжки, нужно прежде всего отнести то умѣнье, съ которымъ онъ ставитъ вопросы и зоветъ къ работѣ. Многія изъ предложенныхъ имъ темъ весьма интересны и могутъ съ перваго же момента захватить учащихся, что очень важно для начала работы. Въ качествѣ примѣра укажу на слѣдующія темы: «Русскій романъ XVIII вѣка, его идейное содержаніе и культурное значеніе»; «Элементы народности въ театральныхъ пьесахъ Екатерининскаго времени», «Историческая параллель: князь Щербатовъ и Карамзинъ», «Эволюція общественныхъ взглядовъ Пушкина», «Художественные пріемы Гоголя: романтика, реализмъ, элементы фантастики, карикатуры и гиперболизма», «Западно-европейскія вліянія и аналогіи въ славянофильствѣ», «Мотивы міровой скорби въ поэзіи Тургенева въ связи съ его міросозерцаніемъ». Подобныя темы, несомнѣнно, должны притягивать учащуюся молодежь; нужды нѣтъ, что она не разрѣшитъ столь сложные вопросы, но важно заинтересовать учащихся темой, направить жаждущій знаній умъ къ книгамъ и черновой работѣ, результатъ же, при опытномъ руководствѣ, будетъ налицо.

Затѣмъ, на мой взглядъ, темы, предложенныя въ книжкѣ, весьма разносторонне и достаточно полно охватываютъ главныя теченія русской литературы второй половины XVIII вѣка и первой половины XIX. Если же къ этому прибавить то, что для каждой изъ 65 темъ тщательно указаны отъ 5 до 10 и болѣе книгъ или статей изъ самыхъ разнообразныхъ изданій, извѣстныхъ только ученому спеціалисту и хорошему библіографу, то станетъ понятнымъ и то, что данная книжка, составленная главнымъ образомъ для учащихся, можетъ быть превосходнымъ пособіемъ и справочникомъ для всякаго, занимающагося новой русской литературой.

М. Клочковъ.

Ив. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Спб. 1912. Стр. 175. Цѣна 65 коп.

Археологическія познанія о нашемъ прошломъ распространены въ публикѣ весьма слабо, и потому книга г. Абрамова прочтется большинствомъ съ удовольствіемъ, несмотря на ея явно компилятивный характеръ. Разрытыя могилы,

съ черепками незатѣйливой посуды и каменными орудіями, позднѣе—съ мѣдными, свидѣтельствуютъ о каменномъ и бронзовомъ періодахъ человѣческаго существованія. Позднѣйшія могилы, уже болѣе сложной культуры, извѣстны подъ именемъ долменовъ, пещеръ-катакомбъ и степныхъ кургановъ съ каменными бабами и т. д. По этимъ остаткамъ старины легко возстановить картину жизни и похоронъ нашихъ предковъ, жившихъ подъ именемъ скиѳовъ и сарматовъ прежде,чѣмъ принять имъ имя славянъ. Еще болѣе поздніе памятники о жизни предковъ представляютъ древнія городища. Авторъ «Забытыхъмогилъ» совершенно справедливо замѣчаетъ, что знакомство съ доисторическими памятниками наглядно показываетъ намъ, какъ улучшается жизнь человѣчества, улучшается медленно, но неуклонно. «Въ душѣ человѣка живетъ неугасимое стремленіе къ самоусовершенствованію и улучшенію окружающей его жизни. Жалкими дикарями были когда-то наши предки... А теперь человѣкъ не даромъ носитъ почетное званіе вѣнца творенія и царя природы. Есть люди, которые не сознаютъ, что человѣческая жизнь совершенствуется, и боятся всякихъ новшествъ. Но если бы всѣ боялись новшествъ, то люди до настоящаго времени жили бы въ каменномъ вѣкѣ. Путь прогресса безграниченъ. Однако люди не могли бы оцѣнить всѣхъ преимуществъ современнаго состоянія, если бы не знали своего скромнаго прошлаго».

Познаніе этого «прошлаго» скрыто въ «могилахъ», которыя подъ раскопками археологовъ становятся все болѣе и болѣе краснорѣчивыми. На съѣздѣ учителей и дѣятелей средней школы въ Петербургѣ профессоръ Багалѣй совершенно справедливо сказалъ, что территорія Россіи представляетъ для развитія археологіи прекрасную почву. Здѣсь находятся остатки различныхъ эпохъ: богатые памятники каменнаго вѣка,болѣе скромные—мѣдно-бронзовой культуры, памятники желѣзнаго вѣка, такъ называемой скиѳо-сарматской эпохи, о которой извѣстно изъ историческихъ документовъ. Переселеніе народовъ оставило свои слѣды въ видѣ готскихъ памятниковъ; прекрасно представлена и славяно-русская эпоха. Памятники послѣдней культуры особенно цѣнны для историка, такъ какъ безъ нихъ многія свидѣтельства лѣтописи были бы неправильно поняты или оставались бы загадочными. Благодаря археологіи, совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ у Шлецера, рисуется картина быта первыхъ славянъ. Интересъ къ археологіи въ Россіи постепенно растетъ, что выразилось на устройствѣ цѣлаго ряда музеевъ и съѣздовъ.

А. Фаресовъ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга первая. Двѣсти тридцать шестая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. Стр. 89+IV+140+ +VIII+376+50. Цѣна 3 рубля.

Разсматриваемая нами первая книга «Чтеній» за 1911 годъ представляетъ по своему содержанію исключительный интересъ и имѣетъ высоко-научное значеніе. Напечатанныя въ ея первомъ отдѣлѣ «Десятни Московскаго уѣзда 7086 (1578) и 7094 (1586) гг.», сообщенныя г. Е. Сташевскимъ, и «Десятни по

Владимиру и Мещерѣ 1590 и 1615 гг.», сообщенныя Ю. В. Готье, любопытны, во-первыхъ, потому, что за XVI вѣкъ такихъ десятенъ сохранилось очень мало, и, во-вторыхъ, что онѣ заключаютъ цѣнный и новый матеріалъ о верстаніи боярскихъ дѣтей, о службѣ ихъ и происхожденіи. «Для Московскаго уѣзда,— говоритъ г. Е. Сташевскій,—не только не встрѣчалось ни одной десятни, но даже не было до сихъ поръ указаній на то, что онѣ составлялись. Наиболѣе любопытна десятня 1578 г., которая «даетъ совершенно новое освѣщеніе вопросу о московскихъ окладахъ дѣтей боярскихъ». До сихъ поръ объ этихъ окладахъ изслѣдователи судили по указу 1550 года объ испомѣщеніи избранной тысячи и полагали, что за весь промежутокъ времени отъ него и до указа царя Ѳеодора Ивановича, 1587 г., нормы окладовъ оставались неизмѣнными. Между тѣмъ изъ данныхъ десятни 1578 г. очевидно, что видоизмѣненія послѣдовали вскорѣ послѣ 1550 г. и были довольно значительны. Какъ въ десятнѣ 1578 г., такъ и въ десятнѣ 1586 имѣются указанія объ окладчикахъ и поручителяхъ. Наконецъ, въ десятнѣ 1615 г. сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія, не находящіяся въ другихъ источникахъ, «объ участіи мещерскаго дворянства въ событіяхъ смутнаго времени».

Въ отдѣлѣ «историко-литературныхъ матеріаловъ» находимъ вторую книгу «Домостроя по Коншинскому списку и подобнымъ» А. С. Орлова (первая книга была напечатана въ «Чтеніяхъ» же, во второй книгѣ за 1908 г.). Въ ней изслѣдователь сообщаетъ довольно подробный анализъ семи рукописныхъ списковъ «Домостроя», посвящая почти каждому изъ нихъ особую главу. Въ 1908 г. А. С. Орловъ представилъ изслѣдованіе лишь пяти списковъ, которые хранятся въ императорской публичной библіотекѣ.

Центральное и главное мѣсто въ разсматриваемой книгѣ «Чтеній» должна занять обширная работа профессора М. К. Любавскаго, подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи. Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ». Въ виду того, что «Очеркъ» вышелъ въ свѣтъ уже отдѣльнымъ изданіемъ, мы посвятимъ ему и спеціальный отзывъ.

Въ заключеніе необходимо остановиться на цѣломъ, можно сказать, изслѣдованіи Н. Н. Глубоковскаго, помѣщенномъ въ отдѣлѣ «Смѣсь», подъ скромнымъ заглавіемъ: «Родословіе Смарагда (Крыжановскаго), архіепископа рязанскаго». Здѣсь, ради выясненія родословія знаменитаго іерарха или скорѣе опроверженія брошенныхъ нѣкогда имъ самимъ «крылатыхъ словъ»: «дѣдъ мой еврей, отецъ іерей, а я архіерей», авторъ прослѣдилъ всю многочисленную литературу о Смарагдѣ Крыжановскимъ, подвергъ критическому анализу многочисленныя положительныя утвержденія изслѣдователей и біографовъ и, пользуясь нѣкоторыми новыми документами, привелъ слѣдующую, наиболѣе достовѣрную, родословную покойнаго архіепископа рязанскаго, умершаго въ 1863 году.

Дѣдъ его былъ священникъ, сначала уніатскій, а потомъ православный, отецъ Михаилъ Крыжановскій, умершій въ апрѣлѣ 1776 г. и бывшій, по свидѣтельству напечатаннаго Н. Н. Глубоковскимъ документа, «дворянскаго происхожденія отъ предковъ». Отецъ—Петръ Михайловичъ, тоже священникъ,

бывшій настоятелемъ березянской церкви. У Петра Михайловича и Анны Васильевны Крыжановскихъ были дѣти: единственная дочь Ѳекла и четыре сына: Гавріилъ, Александръ, Константинъ и Семенъ. Второй изъ сыновей, Александръ, и былъ епископомъ Смарагдомъ.

В. Рудаковъ.

Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Томъ II. Выпускъ II. Спб. 1910 г. XIV+957+170 стран., съ семью снимками рукописей. Цѣна 7 рублей.

Настоящимъ выпускомъ оканчивается печатное описаніе рукописей архива святѣйшаго синода въ количествѣ 4065. Исторія этого собранія рукописей изложена въ первомъ томѣ «Описанія». Въ разсматриваемомъ томѣ описано 2187 рукописей, распредѣляемыхъ по слѣдующимъ отдѣламъ: правовѣдѣніе (преимущественно церковное право), богословіе (отчасти и церковная исторія), описи и реестры церковнаго имущества монастырей, соборовъ и церквей, вѣдомости упраздненныхъ монастырей, описныя книги существующихъ монастырей, соборовъ и церквей, каталоги библіотекъ и смѣсь; въ дополненіи—помѣщено описаніе 597 рукописей, поступившихъ въ синодальный архивъ послѣ 1906 года изъ 22 монастырей, трехъ соборовъ и трехъ церквей. По времени написанія нѣкоторыя рукописи относятся къ XIV вѣку, 25 рукописей XV вѣка, 40—XVI вѣка и остальныя болѣе поздняго времени. «Описаніе рукописей» составлено по всѣмъ правиламъ науки. Каждая рукопись обслѣдована съ внѣшней и съ внутренней стороны, занумерована по листамъ, указано ея содержаніе, сличена (если только была возможность) съ существующими и доступными другими ея списками, съ печатными ея изданіями и изслѣдованіями о ней, отмѣчены разности, особенности и проч. Большое разнообразіе содержанія рукописей, иногда собственноручно писанныхъ Стефаномъ Яворскимъ, Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, Каріономъ Истоминымъ, Посошковымъ и др. выдающиися лицами того времени, увеличиваетъ научный интересъ и цѣнность этого рукописнаго собранія, которое пріобрѣтаетъ извѣстность въ ученомъ мірѣ и посѣщается изслѣдователями. Ко всему собранію рукописей напечатаны алфавитные указатели предметовъ, лицъ и мѣстъ, значительно облегчающіе отысканіе и пользованіе рукописями. Въ приложеніи къ тому помѣщено «Слово святителя Тихона Задонскаго о покаяніи» и семь снимковъ съ рукописей, представляющихъ интересъ въ палеографическомъ отношеніи: грамота царя Петра I архимандриту Питириму, страница изъ духовнаго регламента съ поправками Ѳеофана Прокоповича, Синтагма Матвѣя Властаря, штатъ святѣйшаго синода, булла папы Александра VII, гласы седьми громовъ и страница изъ Паремійника 1585 года. Солидный трудъ «Описаніе рукописей» весьма обстоятельно исполненъ архиваріусомъ синодальнаго архива А. И. Никольскимъ подъ руководствомъ академика А. И. Соболевскаго. Такимъ образомъ разобрано, описано и опубликовано новое собраніе рукописей, доселѣ мало извѣстныхъ, двери хранилища коихъ широко и радушно открыты для людей науки.

М—ловъ.

Московское дворянство въ 1812 году. Изданіе московскаго дворянства. М. 1912. In 4°. Стр. 105+509+III. Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна не обозначена.—Протоіерей Александръ Никольскій. Лица «Духовнаго чина» московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году. М. 1912. Стр. I+III+195. Цѣна 1 рубль.

Москва и Московская губернія пострадали отъ нашествія Наполеона и пребыванія въ нихъ французовъ болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ, за исключеніемъ, конечно, Смоленска. Призванные манифестомъ 6-го іюля 1812 г. «излить изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу»—московскіе жители должны были пожертвовать очень многимъ: и денежными средствами, и недвижимымъ имуществомъ, и людьми. Дворяне, купцы, мѣщане, крестьяне и духовенство—всѣ должны были внести свою лепту на борьбу съ ужаснымъ врагомъ. Изъ всѣхъ этихъ сословій извѣстными дѣлаются труды и жертвы лишь дворянства, благодаря тому, что дворянскія депутатскія собранія, на основаніи имѣющихся въ ихъ архивахъ документовъ, издали къ 1912 г. свои «Дворянскія ополченія». Въ большинствѣ случаевъ, какъ извѣстно, этимъ ополченіямъ не пришлось много поработать, а нѣкоторыя даже и не выступали. Въ совершенно особомъ положеніи, по естественному ходу событій, оказалось московское дворянское ополченіе; оно участвовало въ Бородинскомъ бою, въ составѣ не менѣе 20.000 человѣкъ, много поработало по доставкѣ провіанта для войска и по очисткѣ Москвы и окрестностей отъ труповъ. «Ни одинъ городъ,—говоритъ въ заключеніи авторъ очерка «Московское дворянство въ 1812 г.», Л. М. Савеловъ,—не пострадалъ такъ, какъ пострадала Москва, нигдѣ не погибло столько драгоцѣнностей, какъ въ Москвѣ, ни одинъ городъ не подвергся такимъ ужасамъ, какіе пережила Москва, нигдѣ такъ не оскверняли народныя святыни, какъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ Москвою пострадало и московское дворянство, и теперь, когда прошло цѣлое столѣтіе послѣ всѣхъ ужасовъ Отечественной войны, оно съ гордостью можетъ оглянуться на свое прошлое и громко и смѣло повторить слова, начертанныя на медали, учрежденной въ память 1812 года:

«Не намъ, не намъ, а Имени Твоему». (стр. 86).

Обращаясь къ самому изданію «Московское дворянство въ 1812 году», мы должны сказать, что оно представляетъ собою полный и провѣренный по первоисточникамъ сводъ свѣдѣній, касающихся московскаго дворянскаго ополченія: здѣсь, начиная съ императорскихъ манифестовъ, полностью приведены журналы комитетовъ (I и II), списки помѣщиковъ, ставившихъ воиновъ, списки пожертвованій, списки сожженныхъ непріятелемъ селъ и деревень и проч. Обычно губернскія дворянскія собранія публиковали только вышепоименованный матеріалъ, но московское дворянство предпослало этихъ матеріаламъ цѣлой очеркъ, въ которомъ Л. М. Савеловъ въ живыхъ и яркихъ картинахъ обрисовалъ участіе московскаго дворянства въ Отечественную войну. Роскошно изданный обширный томъ снабженъ еще двѣнадцатью портретами и пятью иллюстраціями, выполненными съ рѣдкимъ изяществомъ, особенно портреты, которые мы и назовемъ: 1) императоръ Александръ I, 2) В. Дм. Арсеньевъ (тогдашній московскій губернскій предводитель дворянства), 3) князь

Мих. Ил. Кутузовъ, 4) графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, 5) графъ И. И. Морковъ, 6) С. С. Апраксинъ, 7) П. Х. Обольяниновъ, 8) Н. В. Обресковъ, 9) А. А. Куманинъ, 10) князь Н. Б. Юсуповъ, 11) И. П. Архаровъ, и 12) А. И. Арсеньевъ.

О роли духовенства въ Отечественную войну вышеназванный очеркъ прот. Александра Никольскаго является едва ли не единственнымъ во всей нашей литературѣ по данному вопросу. Что пастыри духовные много сдѣлали въ эту страшную годину, особенно своею нравственною поддержкою, объ этомъ говорятъ и общіе источники, иногда выдѣляя и отдѣльныхъ лицъ; но такого біографическаго свода по цѣлой епархіи, какой дается въ книгѣ протоіерея Никольскаго, мы не встрѣчали. Начиная свое изложеніе съ московскаго митрополита Платона (ум. 11-го ноября 1812 г.), авторъ даетъ обзоры патріотической и самоотверженной дѣятельности слѣдующихъ лицъ «духовнаго чина»: 1) архіепископа московскаго и коломенскаго Августина, особенно много сдѣлавшаго для спасенія святынь Москвы и ихъ возстановленія и по призрѣнію разореннаго духовенства; 2) казначея іеромонаха Аарона, претерпѣвшаго «страшные побои» за «сокрытіе» монастырскихъ сокровищъ: 3) прот. Петра Симеонова, спасшаго свою Преображенскую церковь отъ сожженія; 4) свящ. Алексѣя Маркова, несмотря на «побои» сохранившаго церковную утварь отъ расхищенія; 5) свящ. Георгія Семенова, сумѣвшаго совершать всѣ требы; 6) свящ. Василія Гаврилова, сохранившаго свою церковь «отъ оскверненія»; 7) свящ. Григорія Гаврилова, пріютившаго у себя «сытыхъ и голодныхъ»; 8) свящ. Исидора Димитріева, не покидавшаго больничнаго храма все время и «вспомоществовавшаго» больнымъ; 9) свящ. Максима Іоаннова, сохранившаго все имущество своей церкви, и 10) казначеи Новодѣвичьяго монастыря монахини Сарры, спасшей вмѣстѣ съ монахинями монастырь отъ взрыва, въ ознаменованіе чего ежегодно 9-го октября совершается вокругъ монастыря крестный ходъ. Вслѣдъ за этимъ авторъ повѣствуетъ о подвигахъ нѣсколькихъ сельскихъ священниковъ.

В. Р—въ.

Гербовникъ Анисима Титовича Князева 1785 г. Издалъ С. Н. Тройницкій. Спб. 1912.

Долгое время отечественная геральдика оставалась наукой слишкомъ мало разработанной, но за послѣднее время рядъ серьезныхъ изслѣдованій и статей, посвященныхъ гербовѣдѣнію вообще, обнаруживаетъ, что возрастающій интересъ къ геральдическимъ вопросамъ, какъ со стороны научной, такъ и художественной, пробуждается въ переживаемое нами дни не только у отдѣльныхъ лицъ, но охватываетъ собою значительную часть общества. Поэтому любители родной старины и родного искусства не могутъ не привѣтствовать съ особеннымъ радушіемъ появленіе въ свѣтѣ «Гербовника Анисима Титовича Князева», изданнаго С. Н. Тройницкимъ.

Составитель этого гербовника, А. Т. Князевъ, «большой любитель до книгъ и до ученыхъ» и «знатокъ архивнаго дѣла», какъ характеризуетъ его извѣстный Болотовъ, былъ однимъ изъ первыхъ по времени (онъ родился въ 1716 г., умеръ

въ 1790 г.) изслѣдователей отечественной генеалогіи и геральдики. Имъ составленъ, по повелѣнію императрицы Екатерины, «Выборъ изъ законовъ о дворянствѣ», затѣмъ въ 1776 г. онъ собралъ и представилъ генералъ-прокурору князю Вяземскому свѣдѣнія о происхожденіи 754 княжескихъ и дворянскихъ фамилій и послѣдніе годы своей жизни посвятилъ составленію «Гербовника». Собирая отовсюду съ большими усиліями и затрудненіями дворянскія печати, Князевъ не подвергалъ критическому анализу ни встрѣчавшіеся на нихъ рисунки, ни право дворянскихъ родовъ на пользованіе той или другой печатью, аккуратно помѣщая ихъ всѣ въ свой «Гербовникъ», но тѣмъ не менѣе «Гербовникъ» этотъ, составленный Князевымъ сравнительно задолго до появленія высочайше утвержденнаго общаго гербовника является блестящей для этого времени попыткой въ дѣлѣ собранія россійскихъ дворянскихъ гербовъ. Его практическаго значенія нельзя отрицать и въ настоящее время,—бывали случаи, когда представители дворянскихъ родовъ лишь благодаря «Гербовнику» Князева могли установить гербъ, употреблявшійся ихъ предками, но забытый впослѣдствіи. Такъ было, между прочимъ, съ гербомъ Аничковыхъ и другихъ. Подлинная рукопись «Гербовника» составляетъ собственность казанскаго университета, и потребовалось долгихъ сто двадцать семь лѣтъ, протекшихъ со времени его составленія, для того, чтобы «Гербовникъ» этотъ появился на свѣтъ и то лишь благодаря необычайной энергіи С. Н. Тройницкаго и исключительному интересу его къ отечественной геральдикѣ.

Въ этой цѣнной рукописи всѣ рисунки, снятые съ печатей, исполнены отъ руки. Помѣстивъ въ своемъ изданіи точныя контурныя, художественно исполненныя ихъ изображенія, помѣстивъ безъ всякихъ сокращеній текстъ къ нимъ самого Князева, г. Тройницкій снабдилъ каждый изъ гербовъ соотвѣтствующимъ необходимымъ описаніемъ и подробными примѣчаніями, полными глубокаго знанія геральдики и тѣсно соприкасающейся съ ней генеалогіи. Въ данномъ случаѣ мало отмѣтить эти знанія, эрудицію, серьезность и вниманіе, проявленныя издателемъ,—справедливость требуетъ указать еще и на то, что въ лицѣ г. Тройницкаго чувствуется не случайный любитель, но тонкій знатокъ предмета,—изслѣдователь, проникнутый искреннимъ и горячимъ интересомъ къ трактуемымъ имъ вопросамъ.

Но и не касаясь совершенно внутренняго содержанія «Гербовника» Князева, необходимо замѣтить, что изданіе г. Тройницкаго представляетъ особенную цѣнность со стороны чисто художественной. Томъ большого 4°, изданный на прекрасной бумагѣ, отпечатанный стильнымъ шрифтомъ, съ точно и изящно выполненными снимками рисунковъ, прекрасными фототипіями заглавнаго листа, страницъ предисловія, алфавита и перваго листа рукописи, является цѣннымъ художественнымъ трудомъ, посвященнымъ мало изслѣдованной у насъ отрасли искусства—геральдикѣ, полной условностей, заключенной въ тѣсныя рамки, но представляющей несомнѣнный интересъ своеобразностью рисунка и орнамента.

Наша геральдическая литература бѣдна,—она не можетъ сравниваться съ обиліемъ геральдическихъ изданій,—руководствъ, гербовниковъ, монографій и т. п.,—которымъ обладаютъ не только западно-европейскія страны, но также

Польша и наши прибалтійскія провинціи; бѣдна и наша художественная литература. Образцовое изданіе С. Н. Тройницкаго и въ той и въ другой области должно занять по праву видное мѣсто.

С. В. Л.

Кавказскій сборникъ. Томъ XXX. Подъ редакціею генералъ-лейтенанта Потто. Тифлисъ. 1911. Стр. 59+50+88+214+72.

«Кавказскій Сборникъ», издающійся въ Тифлисѣ по иниціативѣ бывшаго главнокомандующаго кавказскою арміею великаго князя Михаила Николаевича, давно уже пользуется заслуженною извѣстностью среди лицъ, интересующихся исторіею Кавказа, такъ какъ сосредоточиваетъ въ себѣ массу военно-историческихъ документовъ, комментированныхъ, по большей части, опытною рукою скончавшагося въ концѣ прошлаго года извѣстнаго мѣстнаго историка генералъ-лейтенанта В. Потто.

Недавно вышедшій въ свѣтъ 30-й томъ «Сборника» является однимъ изъ посмертныхъ редакторскихъ трудовъ этого историка. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ часть архива кавказскихъ военныхъ дѣятелей князей Бековичей-Черкасскихъ, обработанную по неизданнымъ запискамъ «природнаго бжедуха» князя Хаджимукова статью «Народы западнаго Кавказа», біографію одного изъ могикановъ крымской войны генерала-отъ кавалеріи А. П. Кульгачева и рядъ матеріаловъ по исторіи персидской и турецкой войнъ.

Изъ архива князей Бековичей-Черкасскихъ въ «Сборникѣ» напечатано собраніе писемъ, предписаній и донесеній разныхъ военныхъ дѣятелей. Большую часть этого собранія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшій историческій интересъ представляютъ письма А. А. Вельяминова, знаменитаго на Кавказѣ сподвижника и друга Ермолова. Они относятся, главнымъ образомъ, къ 1825 году, когда Вельяминовъ временно командовалъ войсками па Кавказской линіи, а князь Ѳ. А. Бековичъ-Черкасскій дѣйствовалъ съ отрядомъ на Кубани. Въ тонѣ писемъ сказывается дружеское, можно даже сказать, отеческое расположеніе Вельяминова къ князю Ѳ. А. Бековичу. Вмѣстѣ съ тѣмъ письма даютъ полное представленіе и о самомъ Вельяминовѣ: его ясномъ и проницательномъ умѣ, его пониманіи горцевъ и горской войны, его слогѣ, простомъ, чуждомъ прикрасъ и риторики.

Собранію писемъ предпосланъ біографическій матеріалъ о родѣ князей Бековичей-Черкасскихъ, обработанный Е. Г. Вейденбаумомъ.

Статья «Народы западнаго Кавказа», по существу, касается исторіи черкесовъ, народа, состоящаго, какъ извѣстно, изъ нѣсколькихъ племенъ, пережившихъ въ своемъ развитіи много различныхъ стадій, переходя постепенно изъ дикаго состоянія въ болѣе культурное, и сдѣлавшихся извѣстными всему міру своею необузданною отвагою и горячею любовью къ свободѣ; большая часть статьи посвящена бжедухскому племени, обитающему частью въ предѣлахъ Кубанской области, частью въ Турціи.

Въ слѣдующей статьѣ «Сборника» В. Потто отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, отчасти по имѣвшимся въ его распоряженіи матеріаламъ, изобразилъ главнѣйшія черты боевой жизни участника колоссальныхъ битвъ подъ Башъ-

Кадыкларомъ, Кюрюкъ-дара и Карсомъ—ген. Кульгачева. Донской казакъ по рожденію, Кульгачевъ былъ однимъ изъ тѣхъ самородковъ, которые, подобно Платову, Бакланову и цѣлой плеядѣ донскихъ героевъ, обязаны были своимъ возвышеніемъ и своей славой только личнымъ заслугамъ, да, пожалуй, тѣмъ характернымъ чертамъ, которыя вырабатывала въ нихъ суровая обстановка стараго Дона. Въ общемъ г. Потто въ своей статьѣ дастъ не только біографію Кульгачева, но и цѣлый рядъ картинокъ изъ исторіи великой эпопеи Крымской войны.

«Матеріалы къ исторіи персидской войны (1826—1828) гг.», занимающіе въ «Сборникѣ» свыше двухсотъ страницъ и служащіе продолженіемъ «Матеріаловъ», напечатанныхъ въ предыдущемъ томѣ этого изданія, представляютъ огромный интересъ уже потому, что въ значительной своей части относятся къ дѣятельности извѣстнаго писателя Грибоѣдова, въ качествѣ полномочнаго министра въ Персіи. Въ этихъ матеріалахъ, между прочимъ, напечатано извѣстное «донošеніе» Грибоѣдова Паскевичу, которое бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Сенявинъ, не взирая на просьбу бывшаго кавказскаго намѣстника князя Воронцова, не нашелъ удобнымъ обнародовать, т. е. напечатать въ газетѣ «Кавказъ», такъ какъ это «было бы,—по мнѣнію его,—противно тѣмъ правиламъ, коими въ подобныхъ случаяхъ руководствуется министерство иностранныхъ дѣлъ». Кромѣ того, въ тѣхъ же «Матеріалахъ» полностью помѣщена «Записка о переселеніи армянъ изъ Персіи въ наши области», которая, какъ можно съ нѣкоторою вѣроятностью заключить, судя по тому, что упоминаемый въ ней переводчикъ Дадашевъ былъ переводчикомъ у Грибоѣдова, принадлежитъ перу знаменитаго писателя. Архивное дѣло «о смерти полномочнаго министра въ Персіи статскаго совѣтника Грибоѣдова» использовано въ «Матеріалахъ», какъ видно, тоже полностью. Всѣ такіе сырые матеріалы заслуживаютъ вниманія историковъ русской литературы, занимающихся составленіемъ подробностей біографіи автора безсмертнаго «Горя отъ ума».

«Матеріалы къ исторіи турецкой войны», которыми заключается 30-ый томъ «Кавказскаго Сборника», представляютъ собою перепечатку журналовъ о военныхъ дѣйствіяхъ 1828—29 годовъ.

Въ заключеніе настоящей рецензіи мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что къ «Кавказскому Сборнику» не прилагаются указатели личныхъ именъ, которые всегда значительно облегчаютъ всякаго рода справки и которыми нынѣ сопровождаются почти всѣ научные и историческіе труды.

Бор. Городецкій.

В. Всеволодскій (Гернгроссъ). Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1912. Стр. 198. Цѣна 3 руб. 75 коп.

Жаловаться на скудость въ Россіи литературы по исторіи театра значитъ повторять общее мѣсто. Въ этой области, въ самомъ дѣлѣ, мы не скудны, а нищи. Вотъ почему книгу г. Всеволодскаго, хотя бы въ ней театральная жизнь была втиснута въ узкія рамки всего нѣсколькихъ лѣтъ, любитель театра не только пробѣжитъ, но и съ удовольствіемъ поставитъ въ свою библіотеку.

По прямому замыслу автора, изслѣдованію подлежатъ всего лишь семь лѣтъ—отъ 1807 по 1814 гг. На дѣлѣ не совсѣмъ такъ, и эта оговорка, конечно, увеличиваетъ цѣнность книги. Выхватывая изъ исторіи русскаго театра одно семилѣтіе, авторъ долженъ былъ, разумѣется, захватить и дѣятелей тогдашняго театра не только въ этомъ краткомъ отрывкѣ жизни но и во всемъ ихъ прошломъ, а отчасти и въ будущемъ. А если пояснить, что въ эту портретную галерею Всеволодскаго попали такія фигуры русскаго театра, какъ князь А. А. Шаховской, Н. И. Гнѣдичъ изъ писателей, знаменитая француженка Жоржъ Веймеръ, композиторъ Кавосъ и балетмейстеръ Дидло изъ иностранцевъ, достопамятныхъ въ исторіи русскаго театра и, наконецъ, Семенова, Вальберхова, Дмитревскій, Плавильщиковъ, Яковлевъ, Шушеринъ, Мочаловъ и Рыкаловъ изъ столповъ русской сцены, то читателю станетъ яснымъ, какая интересная полоса захвачена новой книгой.

Г. Всеволодскій ни съ какой стороны не принадлежитъ къ тѣмъ авторамъ, десятки которыхъ прошли передъ нами въ недавнее время юбилейныхъ воспоминаній Отечественной войны. Его книга не скороспѣлая компиляція, обусловленная единственнымъ желаніемъ дать къ юбилейному дню ходкую книгу и удовлетворить поверхностному запросу читателей изъ толпы. Въ немъ чувствуется настоящій любитель и знатокъ нашей старой театральной исторіи, способный поэтически воспринимать красивые и величественные образы былыхъ мастеровъ театра и чувствовать прелесть какой-нибудь старинной литографіи, чудомъ уцѣлѣвшей отъ глазъ и рукъ нашихъ книжныхъ варваровъ.

Надо дѣйствительно полюбить старину, чтобы съ интересомъ, а не съ убійственной скукой перелистывать пожелтѣвшіе листы булгаринской «Сѣверной Пчелы» или стариннаго «Вѣстника Европы», выискивать въ библіотекахъ запыленные «Драматическіе Вѣстники» или «Аглаи», добывая буквально по крупицамъ драгоцѣнные штрихи и блестки, характеризующіе старую жизнь русскаго театра.

Примѣчанія къ книгѣ выдаютъ такую добросовѣстную работу г. Всеволодскаго по первоисточникамъ. Лѣтопись Арапова, мемуары Аксакова, Жихарева, Вигеля, Булгарина, Каратыгина, Глинки, Вяземскаго старательно имъ изслѣдованы и отовсюду выисканы золотоносныя крупинки. Избавляя читателя отъ постоянныхъ экскурсій въ книги театральныхъ воспоминаній, авторъ даетъ стройную картину русской сцены начала девятнадцатаго вѣка.

Вы узнаете здѣсь о тѣхъ примитивныхъ развлеченіяхъ и зрѣлищахъ, которыя предшествовали на Руси настоящему театру, о старыхъ театральныхъ администраторахъ, драматургахъ и актерахъ, окруженныхъ своеобразнымъ стариннымъ анекдотомъ, о нашихъ иноземныхъ учителяхъ театральному искусству, о первыхъ пробужденіяхъ русскаго сценическаго таланта—одинаково въ оперѣ, драмѣ и балетѣ, о нашихъ закулисныхъ нравахъ, о бытѣ и обычаѣ старыхъ театральныхъ училищъ.

На протяженіи разсматриваемаго періода времени г. Всеволодскій старается подчеркнуть побѣду русскаго актера надъ иноземнымъ, освобожденіе его отъ подражательности, проявленіе имъ подлинныхъ національныхъ чертъ, и это даетъ его книгѣ идейный смыслъ. Держась тона серьезнаго и спокойнаго

изслѣдованія, авторъ не чуждается анекдота, и на основаніи его книги можно было бы составить увлекательный фельетонъ о былыхъ экономныхъ драматургахъ, дѣлавшихъ одно и то же стихотворное посвященіе актеру и актрисѣ, о столкновеніи самолюбій первыхъ нашихъ актеровъ, объ отважныхъ канцеляристахъ и поручикахъ, съ наклеенными бородами проникавшихъ на репетиціи театральнаго училища и передававшихъ записочки прелестнымъ фигуранткамъ и будущимъ актрисамъ.

Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своей книги автору буквально приходилось прокладывать первыя тропинки. Такова, напримѣръ, глава о русскомъ провинціальномъ театрѣ, гдѣ г. Всеволодскимъ добросовѣстно и едва ли не впервые даны свѣдѣнія о частныхъ помѣщичьихъ театрахъ въ Орлѣ, Пензѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Курскѣ, Вяткѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и т. д.

Прямымъ отвѣтомъ на тему, означенную въ заглавіи, являются въ книгѣ двѣ послѣднія главы, гдѣ освѣщена жизнь московскаго театра въ дни нашествія Наполеона и разсказана горькая исторія французской труппы, игравшей въ присутствіи французскаго императора и офицерства и раздѣлившей ихъ трагическую участь.

Печальную эпопею о французскихъ актерахъ и актрисахъ, съ отмороженными носами, руками и ногами выбирающихся изъ чужой страны, страждущихъ и гибнущихъ на пути, о беременныхъ актрисахъ, разрѣшающихся мертвымъ ребенкомъ у воротъ Смоленска,—нельзя читать безъ жалости къ этимъ ни въ чемъ неповиннымъ жертвамъ несчастной войны, какъ нельзя безъ улыбки читать разсказъ о какомъ-нибудь пѣвцѣ Тарквиніо, принятомъ русскими варварами за женщину и встрѣтившемъ вполнѣ галантное и даже обожательное отношеніе нашихъ казаковъ.

Изящно и солидно изданный томъ г. Всеволодскаго украшенъ 33-мя портретами дѣятелей стараго театра и снимками со старыхъ гравюръ и литографій, иллюстрировавшихъ отдѣльныя сцены старыхъ трагедій Озерова и его современниковъ. Снимки очень чисто воспроизведены на мѣловой бумагѣ, и цѣнность ихъ увеличивается тѣмъ, что очень многіе изъ нихъ взяты изъ книгъ и альбомовъ, являющихся теперь совершенною библіографическою рѣдкостью.

А. Измайловъ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 138. Юрьевъ. 1912. Т. 140. Петербургъ. 1912.

Сто тридцать восьмой томъ сборника, изданный подъ наблюденіемъ юрьевскаго профессора А. Н. Филиппова, является продолженіемъ тома сто тридцатаго и содержитъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны за первые пять мѣсяцевъ 1740 года. Съ юридической точки зрѣнія опубликованные документы интересны тѣмъ, что въ нихъ ясно проявляется тенденція кабинета, предварительно рѣшенія восходившихъ къ нему дѣлъ, передавать ихъ на разсмотрѣніе сената, который и долженъ былъ возвращать ихъ обратно въ кабинетъ съ своимъ заключеніемъ. Кромѣ этого общаго интереса нѣкоторыя дѣла представляютъ, несомнѣнно, большой историко-бытовой ин-

тересъ, какъ черты тогдашнихъ нравовъ. Такъ, любопытныя свѣдѣнія мы находимъ о содержаніи въ Усть-Вилюйскѣ Санти, бывшаго при Екатеринѣ I оберъ-церемоніймейстеромъ и сосланнаго за участіе въ заговорѣ графа П. А. Толстого, стремившагося послѣ смерти Екатерины возвести на престолъ ея дочь Анну Петровну. Не лишено интереса донесеніе кіевскаго архіепископа о первыхъ шагахъ на духовномъ поприщѣ извѣстнаго впослѣдствіи духовнаго писателя Симона Тодорскаго, бывшаго духовникомъ великаго князя Петра Ѳедоровича и его супруги Екатерины Алексѣевны. Здѣсь же находятся нѣсколько дѣлъ, дающихъ матеріалъ по финансовой исторіи Россіи, по исторіи крѣпостного права, по исторіи дворцоваго хозяйства и т. п.

Сто сороковой томъ занятъ весь дипломатической перепиской французскихъ представителей при дворѣ императрицы Екатерины II. Эта переписка охватываетъ время съ 1762 года по 1765 годъ. Напечатана она по двумъ спискамъ: по копіямъ съ подлинниковъ, хранящихся въ парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, которыя были переданы при Наполеонѣ III тогдашнему нашему послу въ Парижѣ князю Н. А. Орлову, и тѣмъ копіямъ и извлеченіямъ, которыя въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія сдѣлалъ для себя А. И. Тургеневъ. Эти копіи и извлеченія были въ 1839 году поднесены имъ императору Николаю Павловичу, который велѣлъ ихъ положить въ особый пакетъ и сдѣлалъ на немъ собственноручную надпись о томъ, что этотъ пакетъ можетъ быть вскрытъ только по высочайшему повелѣнію. Копіямъ Тургенева пришлось пролежать болѣе полувѣка прежде, чѣмъ они попали на страницы сборника.

Въ 140 томѣ сборника напечатаны письма двухъ чрезвычайныхъ французскихъ посланниковъ—барона де-Бретёля и маркиза де-Боссе, повѣреннаго въ дѣлахъ Беранже и консула Россиньоля.

Послѣдній былъ тайнымъ агентомъ самого Людовика XV и состоялъ съ нимъ въ непосредственной перепискѣ.

Французы были хорошо освѣдомлены о всемъ, что происходило при русскомъ дворѣ, хотя сначала не умѣли оцѣнить Екатерину, какъ слѣдуетъ, и не вѣрили въ успѣхъ ея дѣла и въ возможность для нея упрочиться на престолѣ. Сборникъ открывается донесеніемъ Беранже герцогу Шуазелю отъ 2 (13) іюля 1762 года, въ которомъ онъ живо и подробно описываетъ совершившійся переворотъ. Письмо это было, впрочемъ, приведено въ свое время покойнымъ Бильбасовымъ въ его «Исторіи Екатерины II». Въ дальнѣйшихъ сообщеніяхъ французскихъ дипломатовъ рисуется такая картина, что Екатерина сама чувствовала себя случайной гостьей русскаго престола, ежеминутно опасалась переворота въ пользу сына, но должна была скрывать свой страхъ подъ личиной полнаго счастья и величія. Видно, что первые годы своего царствованія Екатерина была въ рукахъ у своихъ сообщниковъ-участниковъ переворота въ ея пользу. Ей приходилось не только терпѣть ихъ, но и заискивать до поры до времени передъ ними.

Изданные документы, не прибавляя ничего особенно крупнаго къ тому, что уже извѣстно объ этомъ періодѣ русской исторіи, даютъ, однако, множество любопытныхъ подробностей, новыхъ камешковъ для мозаичной картины первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II.

А. Б.

Систематическій указатель журнала «Кіевская Старина» (1882—1906 г.). Составленъ членами комиссіи: И. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Б. Д. Чигринцевымъ. Изданіе полтавской архивной комиссіи. Стр. 219. Цѣна 1 руб.

Первый «некрологъ» прекратившейся въ 1906 году «Кіевской Старины» появился въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за іюль 1907 годъ. Небольшая замѣтка, касающаяся исторіи изданія «Кіевской Старины», появилась тогда же въ газетѣ «Кіевская Мысль» (иллюстрированное приложеніе). Теперь полтавской архивной комиссіей изданъ указатель покойнаго историческаго журнала, въ теченіе двадцатипятилѣтняго существованія давшаго богатый архивъ истинно-научнаго матеріала и серьезныхъ изслѣдованій по исторіи, археологіи, этнографіи и литературѣ Южной Руси. Достаточно указать такихъ сотрудниковъ журнала, какъ В. Б. Антоновичъ, Д. И. Багалѣй, П. Голубовскій, Н. Дашкевичъ, М. П. Драгомановъ, И. Житецкій, Н. И. Костомаровъ, А. Лазаревскій, О. И. Левицкій, В. П. Науменко, А. Потебня, А. А. Русовъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, Д. И. Эварницкій, чтобы представить цѣнность «Кіевской Старины» для историковъ и этнографовъ.

Въ указателѣ «Кіевской Старины» потребность была давно, такъ какъ прекратившійся или долго существующій журналъ безъ указателя—мертвый капиталъ для науки и литературы. Полтавская архивная комиссія поэтому заслуживаетъ большой благодарности за составленный сю трудъ. Конечно, какъ всегда, въ немъ найдемъ ошибки. Главною надо считать алфавитный указатель авторовъ и замѣтокъ. Вѣдь пользующійся указателемъ не только можетъ интересоваться, что помѣстилъ въ данномъ журналѣ тотъ или иной авторъ, но чаще тѣмъ, что имѣется въ немъ относительно извѣстнаго лица. Поэтому необходимо было составить index omnium nominum, встрѣчающихся въ заглавіяхъ статей, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ указателѣ «Русскаго Архива» и «Историческаго Вѣстника». **В. Даниловъ.**

С. М. Гинзбургъ. Отечественная война 1812 г. и русскіе евреи. Съ иллюстраціями. Спб. 1912. Стр. 144. Цѣна 1 р. 50 к.

Цѣль автора книги—документально доказать, что во время Отечественной войны русскіе евреи были на нашей сторонѣ и оказали значительную помощь нашимъ войскамъ шпіонствомъ, своей еврейскою почтой и значительными денежными пожертвованіями. Евреи съ самаго начала кампаніи сознательно отвернулись отъ Наполеона, въ виду его намѣренія возстановить въ старыхъ предѣлахъ царство Польское, въ которомъ они чувствовали себя въ большомъ униженіи, лишенными гражданскихъ правъ и ограниченными въ торговлѣ и промыслахъ. Отъ Россіи же, въ виду нѣкоторыхъ послабленій въ началѣ царствованія Александра I, они могли надѣяться на лучшія времена. Въ доказательствахъ преданности евреевъ русскому дѣлу въ войну 1812 г. нѣтъ недостатка, это засвидѣтельствовано и официально, и во многочисленныхъ мемуарахъ участниковъ, причемъ отмѣчаются даже случаи смѣлости и самопожертвованія евреевъ. Въ награду за свою преданность Россіи евреи ожидали улучшенія своего

положенія, но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться, такъ какъ взгляды Александра къ концу его царствованія приняли реакціонное направленіе съ оттѣнкомъ мистицизма, что выразилось, съ одной, стороны, въ уничтоженіи всякихъ послабленій, а съ другой, въ попыткахъ къ обращенію евреевъ въ христіанство и въ образованіи особаго «общества израильскихъ христіанъ», состоявшаго подъ покровительствомъ государя и имѣвшаго цѣлью, посредствомъ весьма значительныхъ льготъ—привлечь въ это общество евреевъ, принявшихъ христіанство. Льготы были весьма велики: «израильскимъ христіанамъ» предполагалось отвести въ вѣчное владѣніе казенныя земли, дозволить имъ образовать селенія, мѣстечки и города, съ правомъ варить пиво и курить вино, освободить ихъ на 20 лѣтъ отъ платежа податей и повинностей, имѣть свое управленіе и даже полицію и т. д. Для руководительства обществомъ и попеченія о немъ учреждался въ столицѣ особый «комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ», который долженъ былъ о своихъ дѣйствіяхъ докладывать государю чрезъ посредство министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, извѣстнаго князя А. Н. Голицына. Эти огромныя льготы не достигли, однако, своей цѣли: спустя нѣсколько лѣтъ, князь Голицынъ, убѣдившись въ рѣшительной невозможности устройства проектированныхъ поселеній, представилъ государю докладъ объ упраздненіи «комитета опекунства израильскихъ христіанъ», который и былъ упраздненъ, не успѣвъ, какъ говоритъ авторъ, за все время своего существованія водворить ни одного израильскаго христіанина. Книга издана тщательно, снабжена рисунками и портретомъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ писемъ и документовъ, характеризующихъ вообще эпоху Отечественной войны. **Л. Н.**

Русскій біографическій словарь. Суворова—Ткачевъ. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Спб. 1912.

Каждый новый томъ «Русскаго біографическаго словаря» вноситъ цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу. По обыкновенію, многія біографіи представляютъ обширныя и обстоятельныя изслѣдованія. Укажемъ на біографію Суворова, занимающую нѣсколько печатныхъ листовъ, на обширныя біографіи князей Суздальскихъ, князей Тверскихъ, Татищевыхъ. Особенно важно, что при каждомъ жизнеописаніи подробно перечисляются всѣ источники, какъ печатные, такъ и архивные, относящіеся къ данному лицу. Благодаря этому, «Словарь» является превосходнымъ справочнымъ изданіемъ. Такъ, напримѣръ, авторъ біографіи Сусанина, сопоставляя всѣ имѣющіяся о немъ свѣдѣнія, доказываетъ дѣйствительность его подвига, который отрицалъ въ своихъ монографіяхъ Н. И. Костомаровъ. Къ сожалѣнію, въ «Словарѣ» находятся нѣкоторые пробѣлы. Напримѣръ, въ него включена біографія пейзажиста Сухово-Кобылина и неизвѣстно, почему обойдена біографія Сухово-Кобылина, автора «Свадьбы Кречинскаго. Въ біографіяхъ Татищевыхъ не упомянутъ извѣстный историкъ С. С. Татищевъ. Обойденъ талантливый писатель Терпигоревъ (Сергѣй Атава). Всѣ они умерли уже давно и имѣютъ полное право быть включены въ «Словарь». **С. Ш.**

Кульневъ. Къ столѣтію Отечественной войны. Ю. Л. Елецъ. Съ десятью рисунками, картой и нотами. Спб. 1912. Стр. 155. Цѣна 1 руб.

Кульневъ, какъ извѣстно, никогда не командовалъ большими частями, и дѣйствія его не могли оказать вліянія на ходъ войны; несмотря на это, изъ всѣхъ дѣятелей двѣнадцатаго года онъ былъ наиболѣе популярнымъ, любимымъ народнымъ героемъ. Необыкновенная простота, безумная храбрость безъ малѣйшей рисовки, гроза на службѣ и на полѣ сраженія и золотое сердце, проникавшее въ душу солдата и простолюдина,—вотъ тѣ родныя русскія черты, которыя народъ въ немъ учуялъ, сдѣлалъ его своимъ героемъ и свято чтилъ его имя. Авторъ умѣло воспользовался собраннымъ имъ матерьяломъ и въ особенности подлинной перепиской Кульнева и далъ живой образъ «этого рыцаря безъ страха и упрека», былиннаго русскаго богатыря, достойнѣйшаго сына своей родины, «льва съ сердцемъ ангела», какъ его характеризуетъ авторъ въ заключительныхъ словахъ біографіи. Дѣйствительно, это была личность необыкновенная: надо только вспомнить, что въ тѣ времена въ гусарахъ служили люди богатые и что кутежи и попойки были обычнымъ провожденіемъ времени, что Кульневъ былъ бѣденъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ѣлъ солдатскія щи и кашу и ходилъ въ старенькомъ долманѣ, и что при этихъ условіяхъ и при крайней служебной требовательности онъ успѣлъ заслужить любовь и уваженіе товарищей и обожаніе солдатъ. Въ огнѣ онъ былъ неподражаемъ и всѣхъ увлекалъ за собой, а приказы его дышатъ благородствомъ и суровой отвагой: «имѣть всегда въ памяти повторяемыя мною слова: предпочитать честную смерть безчестной жизни». Шведы и финны, которыхъ онъ гналъ и рубилъ безпощадно въ теченіе войны въ Финляндіи, сохранили о немъ самую теплую память, а извѣстный поэтъ Рунсбергъ посвятилъ его имени цѣлую поэму. При скудости біографій знаменитыхъ дѣятелей двѣнадцатаго года очеркъ г. Ельца составитъ значительный вкладъ въ литературу этой эпохи и прочтется съ не ослабѣвающимъ интересомъ широкими кругами общества. Книга издана изящно и снабжена портретами и рисунками.

Л. Н.

М. К. Соколовскій. I. Памятка вознесенскаго улана. Спб. 1912. Стр. 43. Цѣна не обозначена. II. Памятка копорца. Спб. 1912. Стр. 60. Цѣна не обозначена.

Обѣ названныя книжки составлены членомъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества М. К. Соколовскимъ, первая по порученію шефа 8-го уланскаго Вознесенскаго полка ея императорскаго высочества великой княжны Татіаны Николаевны и вторая по порученію командира 4-го пѣхотнаго Копорскаго полка. Обѣ книжки заключаютъ въ себѣ краткое изложеніе исторіи и подвиговъ полковъ и изданы замѣчательно изящно: все, начиная съ обложки и кончая рисунками, шрифтомъ и бумагой, исполнено въ высшей степени художественно. Полагаемъ, что нашъ нынѣшній солдатъ сумѣетъ оцѣнить изящество изданія и будетъ свято хранить «памятку», выдаваемую каждому, выходящему въ запасъ. Художественная часть изданія выполнена типографіей Голике и Вильборга.

Л. Н.

Вл. Крымовъ. О рулеткѣ Монте-Карло, Южной Америкѣ, гастрономіи, модахъ и о прочемъ. Изданіе второе. С.-Петербургъ. 1912. Стр. 320. Цѣна 1 р. 25 к.

Фельетоны г. Крымова не претендуютъ на историко-политическое значеніе; авторъ далекъ отъ политики. Онъ туристъ и при томъ туристъ внимательный. И его фельетоны только та внѣшняя форма, въ которую онъ облекаетъ разсказы, главнымъ образомъ о своихъ странствіяхъ по бѣлу свѣту.

Было бы очень жалко, если бы эта правдивая регистрація любопытнѣйшихъ жизненныхъ явленій такъ мало знакомой намъ страны затерялась на страницахъ старыхъ газетъ. Поэтому, собравъ и издавъ свои фельетоны отдѣльной книжкой, г. Крымовъ значительно облегчилъ для своихъ читателей пользованіе ими. Два первыхъ изданія этой книги, разошедшіяся въ самое короткое время, показываютъ, что широкая масса читающей публики уже обратила вниманіе на эти талантливые очерки молодого журналиста. Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ третье изданіе этой книги.

Спѣшно, на ходу, въ поѣздѣ, на пароходѣ заноситъ г. Крымовъ въ записную книжку свои впечатлѣнія, наблюденія, случайные разговоры, описываетъ проносящіеся мимо мѣстности, города, людей, природу. Начинается книга описаніемъ знаменитой рулетки Монте-Карло, этого царства азарта и людского безумія. Затѣмъ нѣсколько очерковъ посвящено Испаніи и Португаліи, откуда авторъ на океанскомъ пароходѣ отплылъ въ Южную Америку. Г. Крымовъ обстоятельно знакомитъ читателя съ оригинальнымъ образомъ жизни на океанскомъ пароходѣ, съ тамошними забавами и развлеченіями, съ типами путешественниковъ, среди которыхъ самую значительную часть составляютъ, конечно, англичане. Въ Парижѣ, въ Патогоніи, въ Португаліи, въ Венеціи—вездѣ можно видѣть англичана и слышать англійскую рѣчь. Англичанинъ—прирожденный туристъ. Русскій же путешественникъ, отправляющійся не по предписанію врача въ какой-нибудь заграничный курортъ, это что-то совершенно случайное, исключительное. «Сколько я ни читалъ пароходныхъ списковъ на океанѣ,—замѣчаетъ г. Крымовъ,—ни разу не встрѣтилъ русской фамиліи. Ѣздятъ, вѣроятно, когда-нибудь и русскіе, но встрѣтить ихъ такъ же трудно, какъ выиграть 200,000».

Далѣе идетъ описаніе совершенно невѣдомой намъ Южной Америки; это наиболѣе интересная часть книги. Лѣтъ, пожалуй, двадцать тому назадъ у насъ появилась великолѣпная, огромная, почти въ 2,000 страницъ, книга Іонина «По Южной Америкѣ», но теперь она уже устарѣла, да и не всякій рѣшится засѣсть за такой томъ. Маленькія же популярныя брошюрки, посвященныя этому предмету, представляютъ собою компиляціи. Г. Крымовъ же въ легкой формѣ путевого фельетона знакомитъ русскаго читателя съ совершенно новымъ міромъ, который онъ видѣлъ своими глазами и съ которымъ непосредственно ознакомился, проживая тамъ. Вотъ почему его фельетоны должны заслуживать вниманія общества.

Кромѣ путевыхъ фельетоновъ, г. Крымовъ даетъ еще много очерковъ и на другія темы самаго разнороднаго характера, напримѣръ, о модахъ, балетѣ, гастрономіи, литературѣ «и о прочемъ», но все же предпочтеніе, по нашему мнѣнію, нужно оказать путевымъ очеркамъ. М—о.

Сводъ законовъ Россійской Имперіи въ пяти книгахъ. Неофиціальное изданіе товарищества «Дѣятель» подъ редакціей и съ приложеніемъ И. Д. Мордухай-Болтовского. Цѣна 6 руб. 50 коп. за каждую книгу. Спб. 1912.

Среди неофиціальныхъ изданій свода законовъ первое мѣсто въ настоящее время, какъ по полнотѣ, обдуманности и тщательности составленія, такъ и по внѣшности, заняло изданіе, предпринятое подъ редакціей юрисконсульта министерства юстиціи И. Д. Мордухай-Болтовского. Вышедшія пока двѣ книги (томы I—VIII ч. 1. св. зак.) свидѣтельствуютъ, что на правильность и полноту этого неофиціальнаго изданія можно вполнѣ положиться. Помимо полнаго текста офиціальныхъ изданій отдѣльныхъ частей свода и многочисленныхъ продолженій, такъ затрудняющихъ цитированіе и справки въ законѣ, новое изданіе обнимаетъ также постановленія, изданныя въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ и позднѣйшія узаконенія. Чрезвычайноуказное право, опирающееся на ст. 87 законовъ основныхъ, офиціально не кодифицируется, а между тѣмъ въ порядкѣ этой статьи издано много законовъ, имѣющихъ громадное жизненное значеніе: укажемъ хотя бы на высочайшій указъ 5 октября 1906 г. «объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ бывшихъ податныхъ состояній», или указъ 14 марта 1911 г. о введеніи земствъ въ губерніяхъ Витебской, Волынской и др. Эти указы по существу своему временные, но получившіе въ дѣйствительности длительное значеніе законы, какъ справедливо полагаютъ составители, должны быть введены въ частныя изданія свода законовъ, поскольку послѣднія претендуютъ на полноту, желая создать возможность быстраго и легкаго установленія дѣйствующаго въ настоящее время текста нашихъ законовъ.

Изданіе свода законовъ, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ для пользованія не только то удобство, что въ одной книгѣ соединяетъ законы, находящіеся въ различныхъ томахъ продолженія къ офиціальному своду. Составители сдѣлали больше: они въ огромномъ большинствѣ случаевъ ввели новые законы въ старый текстъ, такъ что при чтеніи закона можно видѣть, какія измѣненія произведены новыми узаконеніями. При этомъ всѣ статьи, взятыя изъ продолженій, и всѣ дополненія, заимствованныя изъ указовъ, изданныхъ въ порядкѣ ст. 87 законовъ основныхъ,—особо обозначены. Все то, что принадлежитъ самимъ составителямъ, а не заимствовано изъ офиціальнаго текста, напечатано курсивомъ. Такимъ образомъ, при большихъ удобствахъ для справокъ, устраняется возможность недоразумѣній или неправильныхъ ссылокъ.

Для юристовъ-практиковъ, для дѣловыхъ людей, для казенныхъ учрежденій и для библіотекъ «сводъ законовъ» въ изданіи «Дѣятеля» будетъ цѣннымъ справочникомъ и пособіемъ, открывающимъ большую экономію времени и помогающимъ безошибочно опредѣлить дѣйствующее право. Цѣна каждой книги, превосходно изданной, въ дорогомъ переплетѣ, и обнимающей при этомъ нѣсколько томовъ свода законовъ съ массой добавленій, невелика. Издательство предполагаетъ закончить печатаніе свода къ концу 1912 г., а въ 1913 выпустить «Указатель къ своду законовъ». Несмотря на оглавленія къ каждому тому, указатель крайне необходимъ. Кто догадается искать указъ 17 октября 1906 г.

«о порядкѣ образованія и дѣйствія старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ» въ «неофиціальныхъ приложеніяхъ» къ общему учр. губ.? Если указатель, на что вполнѣ можно разсчитывать, будетъ составленъ съ той же добросовѣстностью, какъ и сводъ, то это новое частное изданіе свода будетъ по истинѣ драгоцѣннымъ.

Г. Гинсъ.

С. И. Масловъ. Новый списокъ «Словъ постническихъ» Исаака Сирина древнѣйшей славянской редакціи. Кіевъ. 1912. Стр. XLI+28. Цѣна 50 к.

С. И. Масловъ подробно изслѣдовалъ главнымъ образомъ одинъ кіевскій списокъ аскетическихъ словъ сирійскаго писателя V или VI вѣка, очень популярнаго на славянскомъ югѣ и у насъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Рукопись принадлежитъ кіевскому университету, относится, по наблюденіямъ автора очерка, къ XIII—XIV вѣку, состоитъ изъ восьми пергаменныхъ листовъ, написана такъ называемымъ «средне-болгарскимъ» правописаніемъ. Подробныя свѣдѣнія о рукописи, анализъ графическихъ пріемовъ, языка, перевода, изданіе текста всего отрывка съ варіантами изъ двухъ другихъ той же редакціи (съ сербскимъ правописаніемъ), хорошо исполненный снимокъ одной страницы, перепечатка соотвѣтствующихъ греческихъ главъ изъ изданія Никифора Ѳеотоки,—все это исполнено съ той внимательностью, какая замѣтна и въ другихъ работахъ С. И. Маслова, относящихся къ литературнымъ памятникамъ болѣе поздней эпохи.

Но главную цѣнность работы молодого ученаго составляетъ не анализъ отрывка, а два вводные очерка: «Исаакъ Сиринъ и его литературное наслѣдіе» и «Творенія Исаака Сирина въ славянской письменности». Первый—компилятивнаго характера, второй представляетъ довольно серьезную работу на основаніи рукописей. Если бы подобную работу кто-нибудь предпринялъ и надъ остальнымъ переводными памятниками византійской литературы,—задача исторіи славяно-русской письменности была бы много облегчена. Замѣчанія вызываютъ нѣсколько мѣстъ въ очеркѣ С. Маслова. На стр. XIII авторъ упоминаетъ о переводѣ, сдѣланномъ «какимъ-то Закхеемъ Вагиломъ», и говоритъ: «когда жилъ этотъ Вагилъ и когда возникла редакція опредѣленно сказать трудно». Прежде всего, С. Масловъ не обратилъ вниманіе на очень цѣнный варіантъ Уваровскаго списка: «послѣжде же мужемъ етеромъ христолюбивомъ, Закхеомъ нарицаемѣмъ, истолкованна отъ гречьскыхъ въ нашу словенскую слогну» (а въ той записи, которую приводитъ С. Масловъ,—другой терминъ: «изложено... изъ гречьскыхъ на блъгаръская»). О первомъ терминѣ, какъ спеціально болгарскомъ XIV вѣка, съ обычной авторитетностью говоритъ А. И. Соболевскій («Переводная литература Московской Руси», стр. 35—36), что С. Масловъ напрасно упустилъ изъ виду. Во-вторыхъ, онъ не знаетъ другого перевода, сдѣланнаго тѣмъ же лицомъ, а именно, Похвалы Николаю Мирликійскому Андрея Критскаго, о которой въ извѣстныхъ намъ спискахъ сохранилось свѣдѣніе, что она «изложена Закхеомъ Вагиломъ». Рукописи, содержащія это произведенія, какъ оказывается, восходятъ къ болгарскому оригиналу, напримѣръ, сборникъ 1445 года Троице-Сергіевой лавры № 180 (Описаніе іером.

Арсенія, I, стр. 173), сборникъ той же библіотеки XV вѣка № 755 (тамъ же, III, стр. 157), наконецъ, сборникъ XVI вѣка синодальнаго архива № 3921 (описаніе А. И. Никольскаго, часть II, вып. II, стр. 730). Изслѣдованіе языка перевода этой похвалы и словъ Исаака Сирина ясно показываетъ, что сдѣланъ онъ въ XIV вѣкѣ, скорѣе всего въ первой половинѣ его, и такимъ образомъ, и Закхея Вагила слѣдуетъ считать болгарскимъ книжникомъ этого именно времени.

Перечень славянскихъ списковъ словъ Исаака Сирина также не полонъ. Мы могли бы указать три сербскихъ списка бѣлградской народной библіотеки XIV—XVI вѣковъ, подробно описанныхъ Л. Стояновичемъ (стр. 139—169 и 179), списокъ XVI вѣка, со слѣдами болгарскаго, казанской духовной академіи № 268 (описаніе, т. I, стр. 356), и др. Необходимо было бы указать еще списокъ въ Минеяхъ митр. Макарія подъ 31 мая. Оговорку автора, что онъ называетъ здѣсь только тѣ списки словъ, «редакція которыхъ можетъ быть болѣе или менѣе точно установлена по описаніямъ рукописныхъ собраній» (стр. XIV), мы принимаемъ, конечно, во вниманіе. Но не надо забывать, что въ «Оглавленіи» Іосифа на стр. 190—202 подробно перечислены всѣ заглавія словъ Исаака Сирина въ спискѣ Макарьевскихъ Миней, а также начала ихъ,— и на основаніи этихъ отрывковъ не трудно сдѣлать опредѣленіе относительно редакціи перевода.

Будемъ ожидать отъ С. И. Маслова продолженія изслѣдованія памятниковъ старой славяно-русской письменности, начатыхъ такъ основательно.

А. Я.

Н. Н. Гусевъ. Два года съ Л. Н. Толстымъ. Москва. 1912. Стр. 305. Цѣна 1 р. 20 к.

Живыя рѣчи Л. Н. Толстого съ пріятелями и друзьями всегда были интересны, какъ болѣе яркіе и удобопонятные комментаріи къ его философскимъ произведеніямъ.

Записки бывшаго секретаря Л. Н. Толстого, Н. Н. Гусева, въ формѣ дневника, не только интимны, но и исполнены поучительной философіи о краеугольныхъ камняхъ толстовской этики.

Въ устныхъ бесѣдахъ Л. Н. Толстого обращаютъ на себя вниманіе руководящія начала въ его ученіи: а) принципъ «непротивленія злу насиліемъ», при условіи любви къ ненавидящимъ насъ, и б) отрицаніе у человѣка права распоряжаться другими людьми во имя государственныхъ идеаловъ.

Находясь въ тюрьмѣ, Гусевъ получилъ отъ Л. Н. характерное письмо для міросозерцанія «толстовца»: «Помоги вамъ Богъ перенести ваше испытаніе, не измѣнивъ самаго драгоцѣннаго для васъ вашего любовнаго отношенія къ людямъ, которые по какимъ бы то ни было мотивамъ дѣлаютъ или стараются дѣлать больно своему любящему ихъ брату».

Еще характернѣе говорилъ Л. Н. о христіанствѣ, диктуя Гусеву слѣдующія слова: «Ничто лучше не показываетъ того, какъ можно изъ тѣлесныхъ страданій и униженій сдѣлать радость, какъ тѣ слова, которыя сказалъ Францискъ Ассизскій, со своимъ ученикомъ подходя къ монастырю, усталые и мок-

рые. Онъ сказалъ, что когда они останутся подъ дождемъ у воротъ монастыря, и привратникъ скажетъ имъ недоброе слово, что если они не нарушатъ въ сердцѣ своемъ любовь ко всѣмъ людямъ и къ этому привратнику, только тогда будетъ радость совершенная».

Эту «радость совершенную» Л. Н. готовъ рекомендовать и въ тѣхъ случаяхъ, если бы низшія расы завоевали высшія и увели бы у послѣднихъ въ плѣнъ женъ, дочерей, перебили бы сыновей и т. д. Онъ полагаетъ, что борьба войною и насиліемъ умножила бы и продолжила зло. Между тѣмъ, показавъ любовь къ обижающимъ, легче обезоружить и перевоспитать врага. Какъ только будешь перебирать въ мысляхъ людей, къ которымъ имѣешь недоброе чувство, и думать о нихъ съ любовью, стараться вникнуть въ причины и мотивы, которые привели ихъ къ тѣмъ, а не инымъ поступкамъ, такъ и въ мысляхъ скоро не будешь осуждать этихъ людей.

По второму пункту въ ученіи Л. Н. Толстого знаменательны его слова о томъ, что большинство хорошихъ людей грѣшатъ тѣмъ, что они не хотятъ въ борьбѣ съ злыми людьми обратиться къ тѣмъ орудіямъ, надъ которыми они властны, а властенъ человѣкъ только надъ однимъ: надъ своей особой. И для достиженія этой цѣли нужна большая работа надъ собой, чтобы подавлять свое животное существо духовнымъ. А какъ только будешь въ этомъ направленіи работать надъ собою, такъ неизбѣжно будетъ вліяніе на другихъ. Это единственное средство, по мнѣнію толстовцевъ, вліять на другихъ людей. А вліять тѣмъ, чтобы проповѣдывать ненависть къ врагамъ и говорить, что ненависть святое дѣло—значитъ отталкивать другихъ.

«Я никогда,—говорилъ Толстой о себѣ,—не рѣшусь сказать, что я обладаю такой правдой, которую я всѣми силами (а тѣмъ болѣе насиліемъ) стараюсь передать другимъ, и устраивать для этого какой-нибудь планъ дѣйствій (уставъ и организацію)—считаю совершенно неправильнымъ. Это какое-то безуміе думать, что я могу устраивать жизнь другихъ людей. Я только свою жизнь могу устраивать. А если нужно сближеніе съ людьми, то вотъ такая-то жизнь и даетъ возможность сближенія, а дѣятельность, направленная на принудительное устройство жизни другихъ, напротивъ, разобщаетъ меня со всѣми: съ китайцемъ, съ японцемъ, съ союзомъ русскаго народа, съ эсдеками... Это прямо суевѣріе, что одни люди считаютъ, что они могутъ и должны руководить другими людьми. Этому суевѣрію подлежатъ одинаково и реакціонеры, и всѣ революціонеры. У христіанина есть власть надъ своей собственной особой, и эта особа очень несовершенна. Чѣмъ больше я буду работать надъ собой, тѣмъ больше я буду имѣть вліянія на другихъ. Цѣль у всѣхъ одна—улучшеніе жизни. Средство для этого есть—не участвовать въ томъ насиліи, отъ котораго страдаютъ люди; не принимать самому участія въ худыхъ дѣлахъ... А между тѣмъ люди постоянно что-то учреждаютъ, заботятся о народѣ, а сами не могутъ обойтись безъ казеннаго мѣста или частной эксплоатаціи того же народа. Безпомощные безъ двадцатаго числа интеллигенты все время хлопочутъ о богатыряхъ-крестьянахъ и рабочихъ массахъ вмѣсто того, чтобы заботиться прежде всего о принесеніи пользы не другимъ, а себѣ самому. Избавить другихъ отъ насилій—не избавляя себя самого отъ условій насилія—очень мудрено. Движется человѣче-

ство только тѣмъ, что нравственно движется впередъ. Это не революція, а мирное развитіе нравственнаго чувства. Оно отвращаетъ меня отъ насилій и говоритъ мнѣ о главномъ законѣ человѣческой жизни: о любви ко всѣмъ людямъ безъ различія и отсутствіи у меня права, изъ-за моей увѣренности въ прогрессъ, руководить волей и жизнью другихъ людей насиліемъ надъ ними».

Чтеніе книги г. Гусева о Толстомъ все время держитъ вниманіе читателя около самыхъ крупныхъ вопросовъ души человѣка и его общественныхъ идеаловъ. **А. М. Нечаева.**

С. А. Соболевскій. Эпиграммы и экспромпты. Подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912. Цѣна 1 р. 25 к.

По истинѣ великій человѣкъ на малыя дѣла былъ этотъ Соболевскій, веселый другъ и собутыльникъ Пушкина. Ему было дано и остроуміе, и вкусъ, и поэтическое чутье, и вѣрный общественный тактъ, и онъ истратилъ ихъ буквально на пустяки. И все же ему нельзя отказать не только въ своеобразіи, но даже въ исторической значительности: безъ этого говоруна, беззавѣтно-веселаго остряка и присяжнаго бонмотиста были бы какъ-то неполны наши представленія о пушкинской эпохѣ. То, что въ душевной полнотѣ всеотзывчиваго Пушкина жило какъ намекъ, какъ маленькая частность, въ Соболевскомъ получило усиленное выраженіе. П. И. Бартеневъ однажды назвалъ его «русскимъ Марціаломъ». Это, конечно, невѣрно. У Соболевскаго нельзя найти ни картинъ нравовъ, ни бичующей сатиры, продиктованной возмущеннымъ общественнымъ чувствомъ: все пьески на случаи, болѣе или менѣе незамѣчательные, да добродушная шутки, да незлобныя, скорѣе просто юмористическія эпиграммы на друзей и недруговъ, поскольку могъ имѣть недруговъ добродушный сангвиникъ,—но все это большею частью такъ мило, такъ весело и остроумно, такъ забавно, что даже въ наши дни, далеко за предѣлами времени и ограниченнаго круга, въ которомъ рѣзвилась безпардонная муза Соболевскаго, даже съ неизбѣжными объясненіями и примѣчаніями, пріятно перечитывать собраніе школьническихъ выходокъ умнаго человѣка.

Соболевскій—весьма колоритная и типическая фигура русскаго общества первой половины XIX вѣка; и Ростопчина, нѣсколько преувеличивая его достоинства, въ общемъ вѣрно сказала о немъ:

Онъ баринъ въ полномъ смыслѣ слова,
Зато и барски либералъ;
Свѣтло уменъ, въ борьбу готовый
За святость умственныхъ началъ;
Ученъ какъ старый докторъ-нѣмецъ,
А духомъ юнъ, какъ кандидатъ...

Въ замкнутыхъ интересахъ нѣсколькихъ столичныхъ гостиныхъ, въ непринужденной свѣтской болтовнѣ Соболевскій разбрасывалъ искры своего стихотворнаго остроумія. Изъ нихъ многія угасли безслѣдно, но многія не затерялись, и ихъ стоило собрать. В. В. Каллашъ внимательно и трудолюбиво

исполнилъ эту пріятную работу и извлекъ изъ рукописныхъ и печатныхъ источниковъ болѣе восьмидесяти эпиграммъ и экспромптовъ Соболевскаго. Къ сожалѣнію, ему не удалось воспользоваться бумагами Соболевскаго, хранящимися у графа С. Д. Шереметева. Кое-какими пустяками, къ тому же неудачными, слѣдовало поступиться и не вносить ихъ въ сборникъ, завѣдомо для редактора, хоть не по его винѣ, неполный. Не обошлось безъ ошибокъ. Первая же пьеса, которою открывается сборникъ, эпиграмма на князя Н. И. Шаликова («Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный»...) принадлежитъ не Соболевскому, а Пушкину и Боратынскому, сочинившимъ ее вмѣстѣ (см. «Рѣчь» 1911 г., № 9, и Сочиненія Пушкина, изд. С. А. Вѣнгерова, томъ V, стр. XLIX). Не попала въ сборникъ несомнѣнно принадлежащая Соболевскому эпиграмма на Ф. Ф. Вигеля: «Для чего, скажи, о Вигель»...

Такъ какъ г. Каллашъ заявляетъ, что ему не удалось ее разыскать, приводимъ ее здѣсь:

Для чего, скажи, о Вигель,
Шьетъ тебѣ штанишки Бригель
Съ гульфомъ назади?
— Для того онъ шьетъ ихъ съ гульфомъ,
Чтобъ, когда я буду съ Вульфомъ,
Быть мнѣ впереди.

Эпиграмма на Кетчера, переводчика Шекспира, быть можетъ, не Соболевскаго; она приписывается И. С. Тургеневу. Издана книжка красиво, но корректура небрежна. **Н. Л.**

М. Е. Васильева. Записки крѣпостной дѣвки. Новгородъ. 1912. Стр. 121. Цѣна 50 коп.

Автору, какъ онъ заявляетъ въ коротенькомъ предисловіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ достался по наслѣдству отъ старой родственницы домъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ. На чердакѣ этого дома была найдена, между прочимъ, пожелтѣвшая отъ времени и сырости тетрадь, на обложкѣ которой значилось: «Въ эту тетрадь Акулька, крѣпостная дѣвка, записала свою жизнь; а теперь я странница и всѣ зовутъ меня Акулиной Никифоровной. 1859 года, гор. Осташковъ, Знаменскій монастырь, келья матери Валентины».

Изъ этой найденной тетради г-жа Васильева взяла содержаніе для своей въ высшей степени интересной книжки, отрывки изъ которой уже были помѣщены въ одномъ изъ журналовъ въ прошломъ году, когда праздновалось пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного ига.

«Записки крѣпостной дѣвки» даютъ правдивую, яркую картину былого рабства на Руси и безграничнаго владычества помѣщиковъ. Акулька вспоминаетъ, какъ передъ пріѣздомъ къ веснѣ изъ Москвы въ деревню господъ началась спѣшка по осмотру и приведенію въ порядокъ барскаго дома. Управляющій ходилъ по всѣмъ комнатамъ съ молоткомъ и всѣ стѣны остукивалъ—крѣпка ли штукатурка. Въ кабинетѣ замѣчено было, что одна стѣна треснула и выдалась

впередъ; тотчасъ же послали въ городъ нарочнаго за каменщиками. Когда тѣ стали ломать стѣну, то увидѣли между кирпичами замурованнаго человѣка. Каменщики испугались, побросали работу и побѣжали къ управляющему. Управляющій распорядился послать за священникомъ. Священникъ былъ древній старичокъ и помнилъ отца Акулькинаго барина. Отецъ Василій перекрестился и указалъ на большой портретъ въ золотой рамѣ:

— Это бояринъ Георгій (покойный баринъ), я помню, какъ онъ своихъ крестьянъ до смерти засѣкалъ. Господь одинъ вѣдаетъ грѣхи людскіе, а мы, православные, помолимся за обоихъ—за убіеннаго и за убійцу.

Послѣ панихиды священникъ приказалъ вынуть изъ стѣны кости, сложить ихъ въ ящикъ и нести на кладбище, а самъ, какъ былъ въ ризѣ и съ кадиломъ въ рукахъ, пошелъ впереди. Въ тотъ же день управляющій собралъ всѣхъ дворовыхъ людей и строго наказалъ имъ, чтобы обо всемъ случившемся они свои языки держали на привязи.

Дальше Акулька вспоминаетъ привычки помѣщичьяго сынка, который въ дѣтствѣ забавлялся тѣмъ, что посѣщалъ дѣвичью, залѣзалъ подъ пяльцы и кололъ булавкою босыя ноги дѣвкамъ, или же забирался въ людскую, гдѣ спали лакеи, повара и другіе и поджигалъ имъ волосы на головѣ. Выросши, этотъ барчукъ ходилъ по двору съ плеткой съ желѣзнымъ концомъ и ловкими ударами укладывалъ на мѣстѣ собакъ, кошекъ и прочихъ животныхъ. Любилъ онъ также приходить въ садъ съ ружьемъ и подстрѣливать птицъ; именно подстрѣливать, но не убивать, чтобы наслаждаться ихъ предсмертными мученіями.

На Акульку обратили вниманіе и взяли ее въ комнаты. Здѣсь она проводила все время съ младшей дочкой господъ, вмѣстѣ съ послѣдней ее обучали грамотѣ и танцамъ. Барышня учиться не любила и часто не знала урока. За это, однако, наказывали не ее, а Акульку, которую барыня, бывало, зажавъ ея голову въ своихъ колѣнкахъ, сѣчетъ ремнемъ или розгою до крови. Случалось при этомъ, что старшая барышня замѣтитъ:

— Стыда у васъ, маменька, нѣтъ, сестрица лѣнится, а вы Акульку сѣчете.

Въ отвѣтъ барыня отпускала своей дочери такую оплеуху, что та долго послѣ того ходила съ перевязанной щекой. Однажды Акулька присутствовала при томъ, какъ барыня принимала ванну. Въ комнату зашелъ баринъ, посмотрѣлъ на стоявшую возлѣ ванны въ костюмѣ Евы супругу, взглянулъ на толпившихся кругомъ лакеевъ и ласковымъ голосомъ сказалъ:

— Ты бы, Варвара Ивановна, хоть простыню на себя накинула.

— Зачѣмъ? Въ комнатѣ тепло,—отвѣтила барыня.

— Да видишь ли, тутъ на тебя мужчины смотрятъ,—замялся баринъ, указывая на лакеевъ. Но барыня вполнѣ серьезно доказала, что крѣпостные—не мужчины, что они для нея все равно, что комнатная мебель, или прочіе предметы.

Нельзя безъ содроганія читать разсказъ Акульки о трагическомъ концѣ двороваго мальчишки, сироты Сережки. Послѣдній однажды помогалъ садовнику пересаживать на клумбы какіе-то цвѣты. Садовникъ куда-то отлучился, а Сережка остался одинъ въ саду недалеко отъ дома; въ это время барыня сидѣла у одного изъ оконъ и пила чай со сдобными булочками. Дѣтей, жившихъ

для чего-то при господствомъ дворѣ, морили голодомъ, и они нерѣдко тайкомъ ходили по деревнѣ собирать милостыню. Неудивительно поэтому, что Сережка теперь, какъ голодная собака, глазъ не спускалъ съ барыни, которая съ аппетитомъ доѣдала свою сдобную булку, запивая чаемъ со сливками. Тутъ, какъ на грѣхъ, барыня отошла на минутку отъ окна, оставивъ на подоконникѣ недоѣденный кусокъ булки. Сережка не утерпѣлъ, подбѣжалъ и схватилъ лакомый кусокъ, но не успѣлъ еще отправить его въ ротъ, какъ вернулась барыня. Мальчишка окаменѣлъ отъ страха, но скоро опомнился и бросился бѣжать, а барыня закричала изъ окна: «Дѣвки, люди, ловите мальчишку, наломать мнѣ розогъ!» Но мальчишка перепрыгнулъ черезъ заборъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ глубокій колодецъ, и, спасаясь отъ погони и предстоящей расправы, бросился въ объятія смерти. Пока принесли багры и вытащили Сережку, онъ успѣлъ отдать Богу душу. Кулачекъ оказался у него зажатымъ и въ немъ оказался кусочекъ булки. Всѣ дворовые, забывъ страхъ передъ барыней, плакали навзрыдъ и въ одинъ голосъ повторяли: «погибъ человѣкъ изъ-за крошки булки». Сама Акулька тоже чуть не погибла жестокой смертью. Обвиненная бариномъ въ колдовствѣ, она была заживо зарыта въ могилу, которую ее самое заставили предварительно выкопать. Нѣсколько жуткаго времени провела она въ этой собственноручно вырытой ямѣ, пока одинъ изъ дворовыхъ, рискуя самъ поплатиться жизнью, ее не освободилъ. Таковы «записки крѣпостной дѣвки» Акульки, читающіяся въ изложеніи г-жи Васильевой съ захватывающимъ интересомъ. Вся книжка дышитъ жизненной правдой, языкъ легокъ, образенъ и мѣтокъ, и развертываемыя авторомъ одна за другою картины поражаютъ яркостью и свѣжестью красокъ. **И. Г.**

В. Шишмаревъ. Лирика и лирики поздняго средневѣковья. Парижъ. 1911.

Такъ какъ главнымъ содержаніемъ лирики во всѣ времена служила любовь, изслѣдованіе г. Шишмарева, кромѣ изложенія различныхъ формъ и стиля поэзіи, даетъ намъ интересную главу изъ исторіи любви. Въ концѣ среднихъ вѣковъ аскетическіе взгляды въ значительной степени утратили свою прежнюю силу и постепенно вырабатывается современное воззрѣніе на эротику. Поэтъ пятнадцатаго вѣка Раймонъ видитъ въ совершенной любви силу, объединяющую волю двухъ существъ въ стремленіи къ нравственному совершенствованію. Такая любовь не можетъ преслѣдовать никакихъ внѣшнихъ цѣлей, такъ какъ ея главная задача осуществляется внутри нея въ самомъ процессѣ любви. Она является звеномъ, связующимъ земной міръ съ небеснымъ, такъ какъ она предваряетъ здѣсь, на землѣ, блаженство рая, гдѣ души, преданныя ей глубоко, обрѣтутъ ее снова. Любовь такъ дорога, говоритъ поэтъ, что я не умѣю вовсе повѣдать о томъ наслажденіи, которое скрыто въ ней. Я очарованъ одною мыслью о ней, ибо ничто не даетъ столько отрады, сколько любовь, ни знаніе, ни богатство, ни дочь, ни сынъ, ни жена, ни хорошее вооруженіе, ничто другое; она рай, полный радости, куда придутъ любовники, находящіеся во власти Амура. Другой поэтъ доказываетъ, что истинная любовь не только не грѣхъ, но добро-

дѣтель. Любовники должны отъ всего сердца служить Амуру, ибо любовь добродѣтель, въ силу которой дурные люди становятся хорошими, а хорошіе совершенными; любовь поучаетъ человѣка постоянно творить добро; любовь приводитъ къ цѣломудрію, потому что, кто отдается ей, не можетъ затѣмъ поступать дурно.

Въ средніе вѣка совершенно серьезно обсуждали вопросъ, есть ли у женщинъ душа, и обыкновенно рѣшали его въ отрицательномъ смыслѣ. Но въ пятнадцатомъ вѣкѣ зарождается болѣе прогрессивное направленіе, являются попытки защитить женщину. Первою феминисткой была писательница Христина Пизанская, она доказывала равноцѣнность мужчины и женщины и вообще задалась цѣлью подвергнуть переоцѣнкѣ ходячія воззрѣнія на женщину. Христина энергично отстаивала мысль, для пятнадцатаго вѣка очень передовую, что женщина должна получать одинаковое съ мужчиной образованіе. Въ книгѣ г. Шишмарева вообще много интереснаго матеріала для исторіи женскаго вопроса.

П. Б.

H. Houssaye. Клеопатра. Переводъ А. Захарова. Спб. 1911. Стр. 107. Ц. 70 к.

Среди читающей публики всегда много любителей историческаго чтенія, но каждая эпоха читаетъ исторію по-своему. Не развивая этой богатой темы, достаточно только упомянуть горячее увлеченіе французовъ, въ виду ихъ великой революціи, древней республиканской исторіей. Надо ли напоминать еще о тѣхъ временахъ, когда книги объ этой самой революціи жадно читались въ Россіи. Но на ряду съ читателями, которые углубляются въ исторію, чтобы найти въ ней обоснованіе своимъ надеждамъ и ожиданіямъ, на ряду съ тѣми, которые, слѣдуя формулѣ Конта, хотятъ знать, чтобы предвидѣть, и предвидѣть, чтобы дѣйствовать, замѣтно обозначилась новая широкая группа любителей историческаго чтенія. Похоже на то, какъ будто читатель, уставъ отъ вычурности и порнографіи современной беллетристики, начинаетъ искать въ исторіи просто-напросто здоровое и занимательное чтеніе. Иначе трудно объяснить уже отмѣченное печатью возрожденіе интереса къ исторіи, ярко выражаемаго обильнымъ, но весьма безалабернымъ книгоиздательствомъ въ этой области. Кому, напримѣръ, нужна книжка Houssaye о Клеопатрѣ? Съ научной точки зрѣнія работа французскаго автора, хатя и добросовѣстная, но вполнѣ заурядная компиляція, составленная по такимъ общеизвѣстнымъ первоисточникамъ, какъ Плутархъ, Светоній, Цезарь и др. Историкамъ трудъ Houssaye совершенно не нуженъ и не для нихъ, конечно, онъ переводился. Нужна ли разбираемая работа широкимъ кругамъ читателей? Послѣ того, какъ трагическая судьба египетской царицы была геніально освѣщена Шекспиромъ и въ такомъ остроумномъ историческомъ шаржѣ изображена Шоу, изложеніе Houssaye представляется особенно блѣднымъ и больнымъ. Кто никогда не читалъ произведеній названныхъ драматурговъ, героиней которыхъ является Клеопатра («Антоній и Клеопатра» и «Цезарь и Клеопатра»), кто основательно забылъ ту историческую канву, на которой оба англичанина вышили свои замѣчательные узоры, только для такихъ малочисленныхъ читателей работа Houssaye можетъ представлять

извѣстный интересъ. Вотъ и все, что слѣдовало бы сказать рецензенту объ этой книжкѣ, не будь она снабжена наводящимъ на размышленія предисловіемъ. Въ періодъ литературной оргіи декадентовъ никто изъ нихъ на исторію не посягалъ. Теперь же, когда исторія, повидимому, дѣлается «модной», литературные наслѣдники декадентства, такъ называемые «модернисты», заигрывая съ исторической наукой, явно угрожаютъ ея достоинству. Примѣромъ именно такого посягательства на исторію представляется анонимное (переводчика?) предисловіе къ разбираемой книжкѣ. У всѣхъ въ памяти болѣе или менѣе остроумныя попытки очистить Іуду отъ его страшнаго клейма. Houssaye вовсе не берется за аналогичное обѣленіе своей героини, и тѣмъ болѣе странно, когда ему навязывается такая роль авторомъ предисловія. Этотъ послѣдній полагаетъ, что, благодаря работѣ Houssaye, образъ Клеопарты «очищенъ отъ грязи, которой въ теченіе многихъ вѣковъ ее такъ усердно забрасывали филистеры и лицемѣры всѣхъ странъ и народовъ». Неужели эта фраза, вульгарно выражаясь, вотретъ очки тому самому читателю, который прочтетъ въ книжкѣ о необузданной чувственности Клеопатры и ея любовника (стр. 42), объ ихъ жизни, похожей на продолжительную оргію (стр. 41), и тому подобные комплименты, вполнѣ заслуженно подносимые французскимъ авторомъ египетской царицѣ. Конечно, можно было бы цѣпью соціологическихъ аргументовъ (наслѣдственность, среда и пр.) пытаться реабилитировать Клеопатру. Но Houssaye очень далекъ отъ подобной попытки. Авторъ же предисловія противополагаетъ необузданный развратъ и безмѣрную жестокость Клеопатры, какъ нѣчто положительное, грѣшкамъ современнаго человѣчества на томъ только основаніи, что царица распутничала въ красивой, красочной обстановкѣ. Что сказать о реабилитаціи такого рода! Какъ не слѣдуетъ ломать стульевъ по причинѣ величія Александра Македонскаго, такъ равно не надо съ извращенно-эстетическимъ и якобы антифилистерскимъ критеріемъ подходить къ историческимъ личностямъ, вѣроятно, только потому, что нѣкогда Нитше, въ своемъ геніальномъ безуміи, продѣлывалъ аналогичные историческіе опыты. «О, презрѣнная человѣческая немощь!» восклицаетъ старикъ Плутархъ по поводу одного эпизода Клеопатриной жизни. И этой фразой, какъ 18 вѣковъ тому назадъ, такъ и теперь, исчерпывается оцѣнка жизни египетской царицы. Нѣтъ, ужъ лучше господамъ модернистамъ оставить въ покоѣ исторію! Переводчику же разбираемой книги посовѣтуемъ, кромѣ того, серьезно заняться изученіемъ русскаго языка, начавъ курсъ съ элементарной этимологіи. Онъ пишетъ: прикрасно (стр. 59), явно не умѣетъ обращаться съ прописными буквами (стр. 57, 7, 10, гдѣ слова «парѳяне» и «царь» пишутся имъ то съ большой, то съ малой буквы). На стр. 62 фраза построена такъ синтаксически безграмотно, что выходитъ, будто представители города тащили на себѣ повозки и множество плѣнныхъ. Далѣе, если сразу ясно, что упоминаемые въ переводѣ «антабламентъ» (стр. 6) и «боскеты» (стр. 7) есть не что иное, какъ буквально списанныя съ французскаго текста слова, означающія карнизъ и рощи, то весьма трудно сообразить, что значатъ всѣ эти ордеры, эдекюли, эпседръ. Произошли ли они оттого, что Houssaye тщательно изучалъ археологію, или потому, что г. Захаровъ очень нетщательно исполнялъ свой переводъ.

Пант.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРОДНЫЯ итальянскія суевѣрія. — Тревожащій современное человѣчество вопросъ: почему и зачѣмъ?—о который разбилось не мало человѣческихъ умовъ и сердецъ, извлекъ изъ мрака забвенія заброшенныя суевѣрія, легенды, повѣрія и другія наслѣдія сѣдой старины. Мало того, всѣ эти забытыя богатства народной морали дожили до чести послужить краеугольнымъ камнемъ для новой науки. Она встрѣтила горячій пріемъ у итальянцевъ, которые еще не подыскали для нея итальянскаго имени и позаимствовали его у англичанъ, назвавъ ее folclore. На открытіи этнографической выставки въ Римѣ Фердинандъ Мартино произнесъ блестящую рѣчь, которая служитъ также программой для этой науки. За послѣднее время она проложила себѣ широкій путь въ Италіи, и самымъ горячимъ ея поборникомъ считаютъ Джузеппе Питре.

Для изучающихъ происхожденіе человѣческой морали первымъ документомъ должно быть ознакомленіе съ моралью древнихъ. Поэтому главнымъ пособіемъ являются изученіе Св. Писанія и древнія книги Востока, гдѣ зародилось первое откровеніе цивилизаціи, ибо «гдѣ восходитъ солнце, оттуда естественно вышли и первые лучи прогресса». Поэтому фольклористы, поставившіе себѣ задачей прослѣдить моральную жизнь человѣчества, должны познакомиться съ самыми древними обычаями, миѳами, суевѣріями, повѣрьями, примѣтами, ладонками, амулетами, поговорками, пѣснями, прибаутками, костюмами и даже кушаньями всѣхъ національностей и народовъ. Такимъ образомъ пособіями при этомъ являются этнографія, миѳологія, лингвистика и фольклоръ.

Три грозные инстинкта двигаютъ человѣкомъ на землѣ, говоритъ Катарина Пигорини Бери въ своей статьѣ [1]), касающейся новой науки и народныхъ итальянскихъ примѣтъ, суевѣрій и т.д. Эти инстинкты: питаніе, размноженіе, самосохраненіе или самозащита, и въ предѣлѣ этого круга жизни предстоитъ искать разрѣшеніе психологической задачи. Поэтому надо начать съ этихъ трехъ первыхъ инстинктовъ человѣка для иллюстраціи современной науки о народныхъ традиціяхъ. Напримѣръ, достовѣрно, что пища составляетъ обширную страницу въ книгѣ человѣчества. Далеко то время,—оно теряется во мглѣ прошедшаго,—когда человѣкъ рѣзалъ каменнымъ ножомъ и питался сырымъ мясомъ, но онъ до сихъ поръ сохранилъ глазные зубы. Поэтому, если бы инстинктъ его соблазнилъ, то онъ могъ бы полакомиться мясомъ себѣ подобныхъ, но цивилизація увлекла его къ облагораживанію вкуса, какъ относительно костюма, такъ и пищи, отличающихся теперь отъ прадѣдовскихъ. Такимъ образомъ, кухня является однимъ изъ показателей цивилизаціи и проснувшихся чувствъ. Простой народъ, повинующійся инстинкту, живущій согласно природѣ, сохранилъ древніе обычаи относительно выбора пищи. Первый инстинктъ, первая потребность должны имѣть свою тайную философію, къ которой экспериментальная наука не можетъ оставаться чуждой. «Скажи, что ты ѣшь, и я скажу, кто ты»,—высказалъ свою мысль профессоръ Паоло Монтегацца въ одномъ изъ своихъ трудовъ. Такимъ образомъ, у человѣка относительно пищи играетъ большую роль выборъ и удовольствіе.

Что же касается инстинкта самосохраненія или самозащиты, то для этого человѣкъ пользовался амулетами, которые выработались въ медицину. Древніе предохранители матеріальные, моральные и религіозные, прекрасно изученные Джузеппе Белуччи, обогатили не только Италію, но весь ученый міръ самой великолѣпной страницей фольклора. Белуччи не только далъ многочисленныя изданія своихъ трудовъ, но богатую коллекцію амулетовъ, которые терпѣливо собиралъ многіе годы.

Страхъ и надежда, эти два чувства породили обширную серію амулетовъ, которые не имѣли иного значенія, какъ сохраненіе рода. Мода обратила эти амулеты въ символическія украшенія, которыми пользуются наши дамы. Золотыя подковы съ гвоздиками изъ драгоцѣнныхъ камней, то въ видѣ серегъ, то подвѣсокъ и дамскихъ шпилекъ или porte-bonheur'овъ изъ маленькихъ каменныхъ gobbino, привѣшиваемыхъ къ драгоцѣннымъ браслетамъ, полумѣсяцы и звѣзды въ пять лучей, какъ дѣлается на современныхъ діадемахъ, все это были предохранители суевѣрные и невѣжественные, какъ и тѣ сами, кто ихъ носилъ на себѣ.

Обычаи, вѣрованія или сумасшествіе создавали символы, то позорные, мерзкіе, то жестокіе, которые находились въ почетѣ у свободныхъ отъ предразсудковъ итальянцевъ. Особенно излюбленными были рожки, въ видѣ брелока на часахъ: ихъ значеніе непристойное. Модернизированные банты, завязываемые вокругъ ворота дамъ, не что иное, какъ пережитокъ гильотиннаго укра-

---

[1]) Costumi, miti, supertizioni popolari. Per Cater. Pigorini Beri. «Nuova Antologia», November. 1912.

шенія; обручальное кольцо знакъ кандаловъ, ярма, примѣняемаго къ женщинѣ, ставшей собственностью мужчины.

Изучая съ точки зрѣнія морали задачу амулетовъ, нельзя не поражаться страннымъ фактомъ человѣческаго суевѣрія и предразсудковъ, даже среди знаменитыхъ людей. Они не могутъ освободить себя отъ вліянія воображенія, какъ было съ Паскалемъ, у котораго нашли амулетъ. Этотъ амулетъ состоялъ изъ кусочка пергамента, сложеннаго вчетверо, на которомъ рукою самого Паскаля были написаны точками безпорядочныя фразы, тайный смыслъ которая былъ извѣстенъ только ему одному. Этотъ документъ послужилъ для его критиковъ, біографовъ и докторовъ доказательствомъ его безумія. Психіатры утверждали, что этотъ амулетъ тожественъ съ тѣми, какіе съ большой торжественностью даютъ нѣкоторые сумасшедшіе лицамъ, посѣщающимъ ихъ въ сумасшедшемъ домѣ. Конечно, это могло быть дѣломъ рукъ враговъ Паскаля, ненавидѣвшихъ автора Provenciales и боявшихся его. Вольтеръ и Кондорсе смѣялись надъ этими документами. Но Паскаль былъ рожденъ въ такой средѣ и въ такое время, когда вполнѣ можно было питать безотчетный страхъ къ колдовству, даже не придавая ему никакой вѣры. Тѣмъ болѣе это могло быть съ нервнымъ и хилымъ Паскалемъ: «у сердца свои причины, которыхъ не знаетъ разумъ».

Исторія его амулета самая обыкновенная для того времени. Одна ворожея предсказала его родителямъ, что онъ умретъ въ дѣтствѣ, если они не убьютъ живого ребенка. Его можно было замѣнить животнымъ, но если они и этого не хотятъ, то слѣдуетъ произвести надъ больнымъ ребенкомъ нѣкоторые эксперименты. Въ результатѣ появился амулетъ. Паскаль долженъ былъ носить его тайно, а потому онъ самъ его пришивалъ къ одеждѣ и только впослѣдствіи его нашелъ слуга.

Если этотъ фактъ поражаетъ вниманіе въ нашъ вѣкъ, то что можно сказать о недавно разбиравшемся въ Парижѣ судебномъ процессѣ, гдѣ фигурировало сердце животнаго, проколотое 113 булавками! Въ эпоху Генриха III подобное колдовство совершалось въ болѣе изящной формѣ. Тогда вылѣпляли красивыя статуэтки изъ воска для прокалыванія имъ сердца. Теперь же въ XX вѣкѣ съ тою же цѣлью колдовства прокалываютъ сердце животныхъ, что очень возмутительно, но зато производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Быть можетъ, это обозначаетъ банкротство вкуса, но не банкротство значенія колдовства. Число булавокъ 113, которыя примѣнили въ Парижѣ, прокалывая сердце, лишь подтверждаетъ, что это было колдовство. Всѣмъ извѣстно суевѣрное значеніе этого дьявольскаго числа. Въ Италіи стараются его соединить съ религіознымъ чувствомъ и припутать покровительство св. Антонія Падуанскаго съ его тринадцатью милостями въ день. Также извѣстно, какое роковое значеніе имѣетъ тринадцать приглашенныхъ за столомъ, и это не только въ Италіи, но почти во всѣхъ странахъ. Въ 1911 г. въ London County Concil долго велся споръ относительно слѣдующаго факта. Одна дама подала прошеніе въ муниципальный совѣтъ, прося измѣнить нумеръ дома, гдѣ находился небольшой пансіонъ. Этотъ нумеръ былъ тринадцатый, и она просила замѣнить его двѣнадцатымъ, вслѣдствіе предубѣжденія публики противъ роковой цифры, лишавшей ее кліентовъ, не желавшихъ жить въ домѣ подъ такимъ нумеромъ. Когда она сни-

мала помѣщеніе для пансіона, то на домѣ находился другой нумеръ, но вслѣдствіе перемѣны нумеровки появилось роковое число. Ей оставалось перемѣнить нумеръ или согласиться нарушить контракты съ жильцами. Все это странно для XX вѣка , но такія явленія особенно замѣчаются въ Италіи. Напримѣръ, въ Туринѣ, наиболѣе свободомыслящемъ городѣ, не легко видѣть занятымъ кресло № 13 въ мѣстномъ театрѣ. Уже нечего говорить, что на городской площади не встрѣтится экипажъ подъ № 13. На представленіе же маріонетокъ братьевъ Луппи съ дьявольскимъ № 13 появляется экипажъ, и у его кучера мертвая голова.

Суевѣріе проникало даже въ священную обитель. Святая Екатерина Сіенская, самая великая женщина въ Италіи той эпохи, также обладала амулетомъ противъ дурного глаза, и до сихъ поръ этотъ амулетъ почитается въ Сіенѣ. Такой же славой пользуется красная лепта св. Лучіи противъ привораживанія и сглаза.

Предохраняющіе и сохраняющіе амулеты представляютъ большой этническій интересъ, но самые любопытные амулеты тѣ, что касаются размноженія рода и плодовитости. Въ этихъ случаяхъ всего болѣе выразительны примѣняемыя народомъ слова и мимика. Но авторъ не рѣшается приводить ихъ подробно и лишь скользитъ по мелкимъ подробностямъ этихъ живыхъ амулетовъ, опредѣляя ихъ кратко: «шутовскіе, вульгарные жесты, порывистыя, несдержанныя слова, позы, улыбка, молчаливое, но выразительное движеніе рукъ» и т. д.

Самый главный и важный нумеръ въ церемоніи колдовства отводится размноженію рода. Для этого прибѣгали къ ароматическимъ куреніямъ на сильномъ огнѣ для того, чтобы благоуханіе возбуждало тайную страсть, инстинкты и привлекало вниманіе къ влюбленнымъ. Въ этихъ случаяхъ живой итальянскій языкъ становился иногда даже нахальнымъ, но всегда оставаясь выразительнымъ, и все приводилъ къ одному знаменателю—источнику жизни. Здѣсь народная филологія полна самыхъ интересныхъ поученій и не должна ускальзывать отъ вниманія изслѣдователя. Въ этихъ случаяхъ служили и любовные напитки и волшебные корешки, приготовленные колдуньями или женщинами, обладавшими чудесной силой привлекать или отвлекать дурной глазъ, а также влюбленными дѣвушками. Эти любовные напитки дѣлались съ разными намѣреніями, добрыми или злыми, смотря по тому, кому они предназначались.

Самыя важныя въ жизни два чувства—любовь и ненависть, и этимъ двумъ рычагамъ душевнаго движенія естественно удѣлялось наиболѣе вниманія. Въ этихъ случаяхъ итальянскій языкъ становился самымъ разнообразнымъ и выразительнымъ, согласно мѣстности, откуда онъ происходилъ. Волшебные напитки, которые возбуждали любовь или ненависть, были важнымъ или торжественнымъ элементомъ въ жизни. О нихъ говорится въ легендѣ, поговоркахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и обычаяхъ повседневной жизни, въ которой колдовство гораздо сильнѣе развито, чѣмъ думаютъ. Происхожденія такого явленія надо доискиваться въ чудесномъ, въ томъ чудесномъ, какимъ полна вся народная жизнь,

Эти напитки приготовлялись во всѣхъ областяхъ Италіи, но преимущественно въ Центральной и Нижней Италіи.

— Чернышевъ и Наполеонъ. — Членъ парижскаго института Артуръ Шюкэ напечаталъ въ «La Revue» статью на основаніи еще не изданныхъ документовъ, касающихся Александра Ивановича Чернышева, адъютанта императора Александра I. Шюкэ не упоминаетъ, откуда онъ досталъ эти документы. По всей вѣроятности, они являются результатомъ перлюстраціи, такъ какъ по большей части это именно донесенія Чернышева русскому правительству. Такимъ образомъ, изъ-подъ пера Шюкэ блестящій, изящный красавецъ Чернышевъ, для котораго раскрылись всѣ двери великосвѣтскихъ парижскихъ салоновъ, вышелъ обыкновеннымъ военнымъ шпіономъ.

Въ краткой біографіи Чернышева (или Чернышева, какъ онъ подписывался въ Парижѣ) Шюкэ сообщаетъ, что, воспитанный французскимъ эмигрантомъ Прэномъ, онъ сначала находился въ качествѣ пажа при дворѣ императора. Затѣмъ въ 1802 г. его сдѣлали корнетомъ Кавалергардскаго полка, въ 1805 г. онъ присутствовалъ при Аустерлицкой битвѣ, а въ 1807 г. при главныхъ сраженіяхъ Деппена, Гейльсберга и Фридланда. Здѣсь, какъ говорятъ, онъ открылъ, гдѣ прошла кавалерія. Чрезъ годъ, въ 1807 г., онъ явился въ Байону уже адъютантомъ генерала Уварова съ письмомъ отъ императора Александра I. А еще годъ спустя онъ былъ уже полковникомъ и адъютантомъ царя и въ этомъ качествѣ отъ его имени былъ посланъ съ письмомъ къ побѣдителю Аренсберга и Экмюля. Во время битвы при Ваграмѣ онъ все время находился рядомъ съ Наполеономъ, пожаловавшимъ ему крестъ Почетнаго Легіона.

Чернышевъ вернулся къ Александру съ извѣщеніемъ отъ Наполеона, что «Франція одержала побѣду одна, безъ помощи русскихъ». Наполеонъ писалъ: «Ваграмъ осуществилъ мои надежды, и вашъ адъютантъ, всегда находившійся на полѣ сраженія, можетъ дать вамъ въ этомъ отчетъ».

Молодой адъютантъ Александра совершенно обворожилъ Наполеона. Моложе всѣхъ находившихся при немъ русскихъ офицеровъ, какъ лѣтами, такъ и чиномъ, Чернышевъ, однако, единственный изъ нихъ завоевалъ его симпатію, ему одному онъ оказывалъ вниманіе. Затѣмъ до заключенія мира Александръ послалъ опять его въ Шенбрунъ, гдѣ онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Наполеономъ, который тогда ему сказалъ: «Видите ли, несмотря на Ваграмъ, Австрія могла сохранить себѣ армію и если бы у нея не было арміи, я не согласился бы вести съ нею переговоры».

Эти слова, говоритъ Шюкэ, Александръ, въ свою очередь, такъ цитировалъ въ 1811 г.: «Я всегда сохраню хорошо организованную армію и, какъ бы ни обернулось счастье, никогда не буду вынужденъ принять миръ».

Въ это же время Александръ поручилъ Чернышеву увидѣть императора Австріи. Адъютантъ отправился съ этой цѣлью въ Доти, гдѣ укрылся австрійскій дворъ. Императоръ Австріи сказалъ ему при свиданіи: «Что бы вы ни сдѣлали, я не смотрю и никогда не буду смотрѣть на васъ, русскихъ, какъ на враговъ. У Россіи слишкомъ много интересовъ не допускать уничтоженія австрій-

---

[1]) Tchernychow et Napoléon. Par Chuquet de l'Institut. «La Revue» Septembre. 1912.

ской монархіи, которая служитъ барьеромъ между нею и Франціей. Да, впрочемъ, я всегда довѣрялъ императору Александру. Я прибѣгнулъ къ Англіи лишь для того, чтобы имѣть субсидію, и я хотѣлъ бы сохранить достаточно силъ, чтобы имѣть возможность оказать пользу Россіи».

Чернышевъ только слушалъ рѣчи императора Австріи, самъ же ничего не отвѣчалъ, изъ боязни скомпрометировать себя.

По возвращеніи во французскій лагерь Чернышевъ замѣтилъ, что отношеніе французовъ къ нему нѣсколько измѣнилось: появилось какое-то предубѣжденіе противъ него. Но ему удалось это сгладить, и въ Петербургъ онъ написалъ, что Наполеонъ и всѣ офицеры съ нимъ очень учтивы. При этомъ онъ кстати передавалъ все, что видѣлъ и слышалъ во Франціи, и хотя былъ военный изъ молодыхъ, чтобы осмѣливаться высказывать свои сужденія, но все-таки при случаѣ проскальзывали его совѣты. Такъ, онъ отмѣтилъ, что австрійская армія доходитъ до 400.000 человѣкъ, считая венгерскихъ инсургентовъ; что касается французской, то она насчитываетъ до 200.000 человѣкъ, по большей части молодыхъ людей, на которыхъ Наполеонъ не можетъ разсчитывать, какъ на свои старые отряды; поэтому, если война возобновится, императоръ будетъ держаться оборонительной войны. Хозяинъ Брюна, Пресбурга, Рааба и Граца, онъ дождется первой ошибки, какую совершитъ противникъ, чтобы извлечь изъ нея пользу.

Наконецъ въ 1810 г. Чернышевъ появляется въ Парижѣ въ качествѣ военнаго агента и совершенно очаровываетъ Парижъ. Трудно было выбрать болѣе умнаго и полезнаго агента, который бы лучше дополнялъ слабаго, недѣятельнаго, почти дряхлаго посланника Куракина. Французы считали Чернышева за большого друга Франціи, горячаго поклонника Наполеона и усерднаго сторонника союза. Коленкуръ, довольно наивный и легко поддающійся обольщеніямъ», писалъ, что Чернышевъ превосходный молодой человѣкъ, сдержанный и вполнѣ осмотрительный. Онъ чудесно умѣлъ говорить комплименты и ему очень везло. Нѣкоторыя женщины считали его нѣсколько пошлымъ и медоточивымъ. Напротивъ, другія женщины захлебывались похвалами и, по ихъ мнѣнію, онъ являлся сердцеѣдомъ, его прозвали Сѣвернымъ Ловеласомъ, но не потому, что у него было красивое лицо или вообще благородная внѣшность, а потому, что онъ обладалъ особеннымъ шикомъ, тѣмъ, благодаря чему Меттерннхъ имѣлъ такой успѣхъ: оригинальными манерами въ соединеніи съ крайнимъ изяществомъ. Его гибкая талія, плотно обтянутая узкимъ мундиромъ, каска съ перомъ, татарскіе глаза—все дѣлало изъ него любопытный и самый пикантный типъ въ парижскомъ обществѣ. Однимъ словомъ, по выраженію Савари, Чернышевъ сдѣлался маленькимъ царькомъ среди парижанъ. Наполеонъ любилъ съ нимъ бесѣдовать и увѣдомилъ Александра, что Чернышевъ «ведетъ себя хорошо».

21-го октября 1810 г. въ Фонтенбло Наполеонъ объявилъ ему, что пошлетъ его въ Петербургъ, добавивъ, что всегда съ удовольствіемъ увидитъ его снова во Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказалъ желаніе, чтобы Александръ заманилъ англичанъ въ западню, запретивъ имъ входъ въ свои порта. На другой день, давая письмо къ Александру, онъ прибавилъ: «Я съ восторгомъ пользуюсь вашими услугами, чтобы увѣдомить вашего государя обо всемъ, что я могъ изло-

жить въ моемъ письмѣ». Наполеонъ предлагалъ Александру не допускать англійскія суда, а если допускать, то конфисковать ихъ и извлекать изъ этого милліоны. Не лучше ли принятыми мѣрами добиться быстраго и рѣшительнаго результата, примѣняя ихъ вполнѣ и со всею строгостью. Къ чему послужатъ полумѣры, какъ не къ тому, чтобы окончательно поссорить обѣ имперіи? Онъ предлагалъ Александру съ упорствомъ исполнять свои намѣренія, не обращая вниманіе на жалобы купцовъ, которые во всѣхъ странахъ остаются въ глубинѣ сердца англичанами. «Франція и Россія должны любить другъ друга,—сказалъ въ заключеніе Наполеонъ:—а я лучшій другъ и союзникъ царя».

Чернышевъ отвезъ письмо къ Александру и возвращался съ отвѣтомъ къ Наполеону. Но онъ держалъ путь чрезъ Стокгольмъ и нѣсколько разъ видѣлся тамъ съ Бернадоттомъ. Бесѣдуя съ нимъ, послѣдній не скрывалъ своей ненависти къ Наполеону и сказалъ: «Судьбѣ было угодно, чтобы изъ товарища я сталъ его подданнымъ. Между тѣмъ я оказалъ ему важныя услуги, а въ 1809 г. въ Антверпенѣ, гдѣ я командовалъ, большое количество недовольныхъ предлагало мнѣ воспользоваться его отсутствіемъ и затруднительнымъ положеніемъ, чтобы стать во главѣ правительства. Я отвергъ это предложеніе. Теперь я шведъ, я сѣверный человѣкъ, я вижу и обдумываю несчастное положеніе Швеціи и думаю, что союзъ съ Россіей и ея покровительство ей необходимы. Она будетъ вѣрный стражъ Россіи. Она не шевельнется, въ какомъ бы положеніи ни была Россія, и ничего не будетъ дѣлать, что ей не нравится; она не можетъ уберечь Финляндіи и желаетъ только Норвегію».

Чернышевъ передалъ Александру свою бесѣду съ Бернадоттомъ. «Вашъ молодой слуга,—сказалъ онъ въ заключеніе,—достигъ цѣли, какой задались ваше величество, посылая меня въ Стогкольмъ». И онъ утверждалъ, что Бернадоттъ, убѣжденный, что Швеція не могла бы существовать безъ Англіи, не была и не будетъ сторонницей Наполеона. При его отъѣздѣ изъ Стокгольма Бернадоттъ передалъ ему три письма: два отъ Бернадотта къ Полинѣ Бонапартъ, а третье отъ французскаго посланника Альке къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ. Чернышевъ вручилъ ихъ по назначенію, но прежде, по словамъ Шюкэ, снялъ съ нихъ копіи для сообщенія въ Петербургъ. 4-го января 1811 г. утромъ онъ былъ въ Парижѣ и въ тотъ же вечеръ—въ Тюльери. Здѣсь онъ убѣждалъ Наполеона, что Александръ упорствуетъ на континентальной системѣ.

Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца, въ концѣ февраля, Чернышевъ снова отправился въ Петербургъ съ письмомъ отъ Наполеона, а 27-го марта царь отослалъ его снова въ Парижъ. 10-го апрѣля «вѣчный почтальонъ», какъ его прозвалъ Жозефъ де-Местръ, пріѣхалъ въ Парижъ и прямо бросился въ Тюльери. Онъ вручилъ Наполеону письмо отъ императора и увѣрилъ его, что царь съ удовольствіемъ узналъ о назначеніи Лористона преемникомъ Коленкура и что онъ болѣе, чѣмъ когда, желаетъ дружбы съ Франціей. При этомъ Чернышевъ прибавилъ, что царь не могъ спокойно смотрѣть на подготовленіе къ войнѣ, фортификаціонныя работы въ Польшѣ и наборъ рекрутовъ значительнѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы. По этому вопросу между ними завязался длинный разговоръ.

Наполеонъ отвѣтилъ, что всѣ укрѣпленія въ Польшѣ, исключая Данцига, легко могутъ быть завоеваны ударомъ варенаго картофеля. Царь обнародовалъ

тарифъ, указъ, и этотъ указъ или запрещалъ ввозъ французскихъ товаровъ, или облагалъ ихъ громадной пошлиной. Наполеонъ ничего болѣе не понимаетъ въ движеніи русской планеты. Предполагая, что Александръ хочетъ броситься въ объятія англичанъ, онъ принялъ свои мѣры. Чернышевъ возражалъ, что указъ императора былъ только административной мѣрой и царь останется вѣренъ системѣ Наполеона.

— Я только для формы жалуюсь на указъ: я не вмѣшиваюсь во внутреннее управленіе вашей имперіей. Я попрежнему первый другъ и близкій союзникъ вашего государя: мы должны дѣйствовать согласно и итти вмѣстѣ, я потерплю только пораженіе въ борьбѣ противъ Россіи, у которой громадныя силы и храбрые солдаты, рѣшительно сражающіеся за свой очагъ. А зачѣмъ сжигаете вы всѣ мои товары, которые приходятъ изъ Франціи? Я сжигаю товары изъ Англіи потому, что воюю съ нею на смерть. Вы наносите мнѣ самое крупное оскорбленіе, какое только можно мнѣ сдѣлать, а чтобы отвѣтить на оскорбленіе оскорбленіемъ, я прикажу сжигать все, что можетъ притти изъ Россіи. Вотъ такъ очаровательный союзъ, право, и очень примѣрная дружба.

Чернышевъ отвѣтилъ, что Наполеонъ думалъ возстановить Польшу, что изъ Голландіи онъ сдѣлалъ французскую провинцію, присоединилъ къ имперіи ганзейскіе города и герцогство Ольденбургское.

— Возстановленіе Польши,—возразилъ Наполеонъ,—послѣдняя изъ моихъ заботъ. Я присоединилъ Голландію по договору, а Ольденбургъ потому, что онъ былъ между Франціей и Англіей. Императоръ Александръ забылъ Тильзитъ и Эрфуртъ: онъ слушаетъ подстрекательствъ англичанъ, угрожаетъ великому герцогству Варшавскому, и я ожидалъ васъ съ нетерпѣніемъ; я надѣялся, что вашъ пріѣздъ разсѣетъ всѣ распри, положитъ конецъ громаднымъ расходамъ, какихъ стоятъ намъ военныя затраты съ обѣихъ сторонъ. Привезенное вами письмо и ваша миссія ограничиваются вашимъ обращеніемъ ко мнѣ съ нѣсколькими упреками; я настолько же подвинулся впередъ, какъ былъ до вашего отъѣзда.

Онъ заставилъ Чернышева разговориться и взялъ его за ухо, «а это большая ласка,—писалъ Чернышевъ:—но русскаго трудно провести».

— Поговоримъ, какъ настоящіе солдаты, безъ дипломатическаго разглагольствованія,—сказалъ Наполеонъ.

Чернышевъ ухватился за случай и вставилъ фразу, которую канцлеръ Румянцовъ поручилъ ему повторить Наполеону: «Если бы можно было въ одинъ и тотъ же мѣшокъ положить дѣла Польши и Ольденбурга, хорошенько ихъ тамъ перемѣшать, а потомъ опорожнить мѣшокъ, отъ этого союзъ между двумя имперіями сдѣлался бы основательнѣе и тѣснѣе».

— Императоръ Александръ хотѣлъ бы, чтобы я отдалъ герцогство Варшавское за Ольденбургъ,—отвѣтилъ Наполеонъ:—это было бы верхомъ безумія. Какое бы произвела впечатлѣніе на поляковъ уступка одного дюйма ихъ территоріи? Но, быть можетъ, вы желаете получить Данцигъ? Развѣ я могу отдать Данцигъ, единственное мѣсто, которое во время войны противъ васъ должно быть базой для моихъ военныхъ операцій. Данцигъ въ вашихъ рукахъ за-

ставилъ бы меня отброситься съ Вислы на Одеръ. Ну, откровенно скажите, императоръ Александръ думаетъ, что я хочу возстановить Польшу?

И, снова схвативъ Чернышева за ухо, онъ сильно его дернулъ. Ему хотѣлось, чтобы тотъ выразилъ свои собственныя мысли.

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ Чернышевъ:—я предполагаю, что одна изъ вашихъ заднихъ мыслей—возстановленіе Польши.

— Нѣтъ,—сказалъ Наполеонъ:—герцогство Варшавское останется такимъ, какъ оно было, и не сдѣлается державой, съ которой я долженъ вести переговоры и заключать трактаты: это не въ моихъ интересахъ. Но между нами нѣтъ войны. Императоръ Александръ недавно сказалъ: «Въ случаѣ войны мнѣ нечего бояться, а за спиною Наполеона вся Германія». Войны не будетъ. Я отдамъ вамъ Эрфуртъ за Ольденбургъ, а вы болѣе не будете сжигать моихъ товаровъ. Мы единовременно разоружимся. Въ данный моментъ я буду продолжать, какъ и прежде, мои подготовленія: письмо императора и ваша миссія нисколько не измѣняютъ порядка вещей. А все-таки надо же намъ прійти къ соглашенію, надо бы покончить съ этимъ положеніемъ стѣсненія и недовѣрія. Надо же намъ обоимъ избавиться ото всѣхъ этихъ безполезныхъ затратъ.

Этотъ разговоръ длился четыре съ половиной часа, и Наполеонъ все время называлъ Чернышева «mon cher ami». Съ этого времени парижское общество еще усиленнѣе стало за нимъ ухаживать, осыпать вниманіемъ, приглашать и т. д. Ухаживанье дамъ усилилось, и онъ сталъ болѣе, чѣмъ когда, салоннымъ героемъ.

Только одинъ человѣкъ не раздѣлялъ этой симпатіи къ Чернышеву: для него онъ былъ непріятной личностью. Этотъ человѣкъ былъ министръ полиціи Савари герцогъ Ровиго. Онъ считалъ Чернышева нескромнымъ, любопытнымъ, пытливымъ, пронырой и увертливымъ. Шюкэ говоритъ, что, быть можетъ, такую антипатію вызвало подозрѣніе относительно близости герцогини Ровиго къ Чернышеву. Когда онъ узналъ о возвращеніи Чернышева, то въ секретной бесѣдѣ сказалъ Нессельроде: «Хорошо сдѣлалъ бы Чернышевъ, если бы не сталъ болѣе писать депешъ: эта забота падаетъ на долю посланника и совѣтниковъ посольства (на Нессельроде и Краффта), полковнику же надо какъ можно болѣе веселиться: его единственнымъ занятіемъ должны быть развлеченія».

Нессельроде предупредилъ Чернышева, и молодой «покоритель сердецъ» явился къ Савари. Министръ полиціи принялъ его болѣе чѣмъ любезно, мало того, онъ даже нѣсколько разъ его обнялъ и сказалъ, что очень радъ его видѣть. Чернышевъ, съ своей стороны, отплатилъ ему той же монетой. «Герцогъ,—сказалъ онъ:—я былъ огорченъ, узнавъ о томъ, что вы сказали Нессельроде. Я сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы уничтожить дурное впечатлѣніе, какое вамъ вселили относительно меня, и увѣряю васъ, что вы дурно освѣдомлены: я не вмѣшиваюсь въ дипломатію: никто не заинтересованъ болѣе меня въ прочности союза и дружбѣ между двумя государствами. Въ доказательство, какъ мнѣ хочется понравиться вамъ моимъ поведеніемъ, я искренно обращаюсь къ вамъ съ просьбою,—потому что вы съ самаго начала моего здѣсь пребыванія выказали мнѣ столько симпатіи,—продиктовать мнѣ поведеніе, какого я долженъ придерживаться, и указать мнѣ, какіе я долженъ посѣщать кружки».

Савари скрылъ свое удивленіе и тѣмъ же тономъ отвѣтилъ:

— То, что я сказалъ Нессельроде, касается вообще всѣхъ, и я не указывалъ именно на васъ. Я ничего не могу сказать о вашемъ поведенiи, и вы ничего не можете сдѣлать лучшаго, какъ продолжать вести себя попрежнему.

По его словамъ, у многихъ изъ русскихъ, и между прочимъ у г. Нессельроде, были немиролюбивыя намѣренiя. Его корреспонденты съ сѣвера передавали ему, что они въ тревогѣ и опасаются войны.

— Отъ чтенiя всѣхъ этихъ невозможныхъ плачевныхъ писемъ у меня болятъ глаза!—сказалъ въ заключенiе Савари. Онъ осыпалъ Чернышева ласками, но въ минуту разставанiя, когда они обнялись, Савари чуть не задушилъ его.

Послѣ этой бесѣды Савари не успокоился, и 12-го апрѣля по его подстрекательству въ «Journal de l'Empire» появилась анонимная статья, озаглавленная «Les Nouvellistes», гдѣ прямо намекали, что Чернышевъ шпiонъ. Чернышевъ былъ внѣ себя. «Статья,—восклицалъ онъ,—неприлична, и эта выходка противъ моей миссiи—неумѣстна!» Поступокъ Савари привелъ Наполеона въ сильное раздраженiе, онъ далъ выговоръ министру полицiи и просилъ оставить въ покоѣ Чернышева. Въ результатѣ Этьенъ на нѣкоторое время былъ устраненъ отъ обязанности редактора. Когда же Наполеонъ узналъ, что статью написалъ Эсменаръ, то выслалъ его изъ Парижа за сорокъ верстъ. Этотъ Эсменаръ, цензоръ и членъ института по отдѣлу литературы, самъ былъ шпiонъ и тому же Чернышеву продавалъ документы

Такое поведенiе Наполеона укрѣпило положенiе Чернышева въ парижскомъ обществѣ. Наполеонъ не зналъ, чего именно желаетъ Россiя, и приголубливалъ Чернышева, чтобы вывѣдать отъ него цѣнныя свѣдѣнiя. Поэтому онъ его только любезно упрекнулъ, что онъ занимается «секретами». 16-го апрѣля на охотѣ въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу онъ бесѣдовалъ съ Чернышевымъ самымъ интимнымъ образомъ. Три раза онъ посылалъ къ нему Дюрока, и, благодаря ему же, Чернышева вездѣ любезно принимали: Полина допустила его въ свой салонъ, Бертье приглашалъ его на свои интимные концерты, а герцогъ Бассано принималъ его каждый вечеръ. Чернышевъ объяснилъ себѣ эту предупредительность Наполеона желанiемъ выиграть время и устроить свои дѣла въ Испанiи прежде, чѣмъ предпринять войну на сѣверѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ такого благодушествованiя Чернышева, и въ одинъ прекрасный день Наполеонъ узнаетъ чрезъ Савари, что Чернышевъ подкупилъ чиновниковъ военнаго министерства, которые сообщили ему важные документы.

Тогда Чернышевъ явился опаснымъ шпiономъ въ глазахъ Наполеона. Слѣдовало отъ него избавиться—и онъ поручилъ ему отвезти Александру письмо. 25-го февраля 1812 года Чернышева пригласили въ Елисейскiй дворецъ, и Наполеонъ передалъ ему письмо къ государю, откровенно высказавъ свое неудовольствiе. Онъ жаловался, что англичане подъ личиной американцевъ допускались во всѣ русскiе порта и поэтому онъ не могъ убить англiйскую торговлю. Императоръ Александръ нарушилъ Тильзитскiй трактатъ, онъ публично протестовалъ противъ присоединенiя герцогства Ольденбургскаго. Уже давно онъ хранитъ презрительное молчанiе по отношенiи его, Наполеона; онъ никого не

присылалъ для переговоровъ, между тѣмъ у Куракина не имѣется инструкцій; Нессельроде уѣхалъ и не возвратился, а Чернышеву, которому поручено только собирать военныя свѣдѣнія, знающему ходъ дѣлъ, выказывавшему способности, не даютъ полномочій. Ему, Наполеону, остается только опасаться и серьезно подготовляться къ войнѣ. Да онъ и приготовлялся къ войнѣ, но медленно приготовлялся, все еще надѣясь, что обѣ имперіи кончатъ взаимнымъ соглашеніемъ, и потому, чѣмъ болѣе онъ ожидаетъ, тѣмъ дѣло становится грознѣе. Да, его войска двигаются впередъ; Даву идетъ на Штеттинъ, другіе отряды слѣдуютъ на нимъ, и чрезъ короткій срокъ его передовые отряды будутън а Вислѣ, а главная масса войскъ—на Одерѣ. Развѣ онъ не имѣетъ права итти до Данцига?

— Вотъ это-то право и составляетъ предметъ нашего безпокойства,— замѣтилъ Чернышевъ:—и если ваши войска возвратятся въ Пруссію—наши опасенія оправдаются.

На это Наполеонъ возразилъ, что онъ вооружался потому, что Россія сама вооружалась, что онъ просилъ исполнить мирный Тильзитскій договоръ, торговый трактатъ и условія соглашенія, по которымъ герцогъ Ольденбургскій получитъ территорію, но это будетъ ни Данцигъ, ни кусочекъ великаго герцогства Варшавскаго. «Что бы ни случилось,—прибавилъ Наполеонъ:—я буду питать тѣ же чувства къ императору Александру. Я буду сражаться противъ него благороднымъ рыцаремъ, безъ ненависти и вражды и предложу ему завтракъ на передовыхъ позиціяхъ».

На другой день Чернышевъ уѣхалъ изъ Парижа и возвратился въ Парижъ лишь послѣ паденія Наполеона.

Въ напечатанныхъ Шюкэ извлеченіяхъ изъ депешъ Чернышева находятся его совѣты и наблюденія надъ событіями въ Испаніи и характеромъ Наполеона. Чернышевъ предлагалъ русскому правительству вторгнуться въ Польшу въ 1811 г., предупредивъ такимъ образомъ планъ Наполеона сосредоточить свои силы и, подавая русскимъ надежду на мирный исходъ переговоровъ, атаковать ихъ, когда они менѣе всего ожидаютъ. Пусть русскіе его атакуютъ и потребуютъ Данцига вмѣсто Ольденбурга, эвакуаціи русскихъ крѣпостей, какъ гарантіи относительно Польши. Въ случаѣ его отказа русскія войска перейдутъ польскую границу; пусть русскіе прикинутся, что согласны разоружиться, отодвинувъ немного нѣсколько дивизій. Наполеонъ, увѣренный въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Россіи, покинетъ сѣверъ для юга, увеличивъ свои силы въ Испаніи, а этимъ временемъ русскіе смѣло нападутъ на французовъ.Или онъ предлагалъ напасть внезапно на Варшаву и провозгласить Александра королемъ Польши, тогда всѣ средства, которыя Наполеонъ подготовилъ въ герцогствѣ, тотчас же обернутся противъ него, освобожденные пруссаки совмѣстно нанесутъ ударъ Наполеону, перенеся свои силы на болѣе короткую линію, которая съ одной стороны упрется въ море, а съ другой на нейтральную сторону.

Если Савари не любилъ Чернышева, то и послѣдній питалъ къ нему антипатію. Донося, что во Франціи царствуетъ недовольство и нищета, что въ Парижѣ царитъ живая оппозиція, онъ добавляетъ: «Есть люди, горячо, упорно преданные Наполеону, какъ Савари. Этотъ злой человѣкъ безъ зазрѣнія совѣсти исполняетъ императорскую волю. Савари желаетъ войны, потому что отсутствіе

Наполеона можетъ значительно увеличить власть и значеніе министра полиціи. Онъ не очень способный человѣкъ, но далеко двинулъ духъ деспотизма и тираніи. Нѣтъ такого иностранца, котораго онъ не подозрѣвалъ бы. Всякое общество, всякое собраніе ему подозрительны». Чернышевъ находился въ сношеніяхъ съ тайными противниками наполеоновской политики, опасавшимися, чтобы война 1812 г. не была болѣе смертоносной и ужасной, чѣмъ предыдущія войны, и чтобы она не довела обѣднѣвшую и обезлюдѣвшую Францію до ужасной катастрофы. Эти лица не измѣняли Наполеону, но, по выраженію Нессельроде, предохраняли его отъ вспышки его страстей. Они желали сближенія Александра съ султаномъ и съ нетерпѣніемъ ожидали новаго трактата. Единственно русско-турецкій миръ могъ придать иную окраску дѣламъ. Къ этой партіи принадлежалъ Тальеранъ. Онъ не руководилъ болѣе внѣшними сношеніями, но сохранилъ вліяніе. Наканунѣ дня, когда Наполеонъ послалъ въ изгнаніе г-жу Тальеранъ, онъ бесѣдовалъ около часа съ своимъ прежнимъ министромъ и, разставаясь, замѣтилъ ему: «Чортъ васъ знаетъ, что вы за человѣкъ, я не могу воспрепятствовать себѣ, чтобы не поговорить съ вами о моихъ дѣлахъ и не любить васъ». Но Тальеранъ предвидѣлъ будущее. Чернышевъ, смотрѣвшій на него, какъ на истиннаго друга Россіи, привезъ ему письмо отъ Александра, и Тальеранъ просилъ Чернышева написать въ Петербургъ, что Россія должна заключить миръ съ Турціей.

Чернышевъ предчувствовалъ пораженіе Мюрата и писалъ, что Мюратъ будетъ командовать всей кавалеріей по той причинѣ, что онъ ловкій и опытный полководецъ. Но онъ опасался, что Наполеонъ присоединитъ Неаполь къ Франціи. По словамъ Чернышева, Мюратъ въ разговорѣ съ Наполеономъ сказалъ: «Я согласенъ сдѣлаться вашимъ капитаномъ, но я хочу, чтобы меня долго не манили надеждами, чтобы затѣмъ унизить, какъ короля Голландіи; неаполитанцы не настолько послушны и податливы; ими не такъ легко управлять какъ голландцами, и я за нихъ не отвѣчаю. Повѣрьте, государь, надо управлять, народомъ, но не выводить его изъ терпѣнія». Говорятъ даже, что онъ совѣтовалъ Наполеону не ссориться съ русскими. «Одинъ поворотъ счастья будетъ вамъ стоить короны и жизни!» сказалъ онъ.

Когда Наполеонъ узналъ о побѣдѣ русскихъ надъ турками, то не могъ скрыть дурного настроенія даже на дипломатическихъ аудіенціяхъ и въ клубѣ. Куракину и Чернышеву онъ не сказалъ ни слова о событіяхъ. «Его честолюбіе безконечно,—доносилъ Чернышевъ.—У него одна цѣль—господствовать надъ Европой и онъ не терпитъ, чтобы другая держава равнялась съ его державой. Онъ хочетъ царствовать на морѣ и на сушѣ. Онъ самодержавный владыка Франціи и хочетъ быть имъ. «Не стоитъ царствовать, когда руки не свободны,—сказалъ онъ однажды:—Бернадоттъ, напримѣръ, будетъ рабомъ своего народа; я ему предсказываю всѣ непріятности, если онъ не отмѣнитъ конституцію и оставитъ свободу печати, чудовищную вещь, вполнѣ противорѣчащую королевскому авторитету. Я, зная французовъ, принялъ хорошія мѣры и заставлю ихъ итти при крикахъ: «Да здравствуетъ императоръ!»

Но могло ли такъ длиться? Нѣтъ, ибо надвинулась матеріальная нужда. Рабочіе оставались безъ работы и требовали хлѣба, сколькимъ служащимъ не

выдавалось жалованья. 9-го іюня 1811 года, въ день крестинъ римскаго короля императорская процессія, проѣзжая по площади Карусель была встрѣчена жидкими рукоплесканіями и даже свистками. Наполеона уже никто не любилъ: онъ сталъ сумрачнѣе, подозрительнѣе, чѣмъ когда-либо, и всѣ его боялись; никто съ нимъ болѣе не говорилъ откровенно. Всѣ сознавали, что, пока онъ будетъ живъ, ничего не будетъ устойчиваго,—говоритъ Шюкэ, заканчивая свою статью.

— Пѣсни русскихъ каторжниковъ. — Вильгельмъ Гартфельдъ, шведъ по происхожденію, задался цѣлью собрать пѣсни каторжниковъ различныхъ народностей и съ этой цѣлью побывалъ также въ сибирскихъ острогахъ. Считая эти народныя пѣсни еще не початымъ источникомъ драгоцѣнныхъ документовъ по исторіи музыки и этнографіи, онъ добился у покойнаго министра Столыпина разрѣшенія посѣтить мѣста поселеній. 1-го іюля 1908 года Гартфельдъ былъ уже въ Тобольскѣ.

Всѣ его впечатлѣнія, все, что ему удалось уловить въ жизни и характерѣ русскихъ каторжниковъ, передала на страницахъ «Revue» Л. Сіеницкая.

Тюремное начальство любезно предоставило ему подробно осмотрѣть всѣ тюрьмы. Узнавъ, что единственная цѣль его длиннаго утомительнаго путешествія желаніе собрать музыкальныя свѣдѣнія, оно тотчасъ же призвало одного изъ каторжниковъ, наиболѣе способнаго удовлетворить желаніе Гартфельда. Но каторжникъ упорно отказывался, ссылаясь на то, что онъ не знаетъ музыки и не имѣетъ понятія ни о какомъ пѣніи и «братцы» не ушли въ этомъ дальше его. «Право, ваше превосходительство, мы ничего не знаемъ и не вѣдаемъ. Ахъ, будь оно проклято, это пѣніе!»

Гартфельдъ уже сталъ приходить въ отчаяніе отъ этого упорства, но начальникъ тюрьмы объяснилъ ему на ухо причину этого отказа. Во всѣхъ мѣстахъ ссылки строго запрещено пѣніе, исключая церковнаго. Предупредительное обращеніе съ Гартфельдомъ начальника вызвало въ каторжникѣ подозрѣніе. Онъ подумалъ, что это какой-нибудь важный делегатъ, присланный высшимъ начальствомъ провѣрить поведеніе каторжниковъ, предлагая имъ нарушить тюремныя правила. Только упорныя увѣренія начальника и надзирателя, пользовавшихся ихъ довѣріемъ, немного его успокоили. Начальникъ уговаривалъ его, что ихъ не только не накажутъ за нарушеніе дисциплины, а еще даже баринъ широко ихъ вознаградитъ. Тогда каторжники признались, что они знаютъ много пѣсенъ, а указанные ими товарищи могутъ даже имъ подыгрывать на бандурѣ, балалайкѣ, аккордеонѣ и проч. Но они просили дать имъ время для репетицій уже забытыхъ ими мотивовъ.

Наконецъ, 5-го іюля вечеромъ состоялся концертъ, подъ управленіемъ избраннаго каторжниками сотоварища. Гартфельдъ нѣсколько разъ заставлялъ ихъ повторять пѣсни и нѣкоторыя изъ нихъ записалъ. Въ его оцѣнкѣ разнообразіе тональности и ритма этихъ пѣсенъ русскихъ каторжниковъ вѣрно рисуетъ сложную душу этихъ созданій съ пылкими страстями, дикими и глубо-

---

[1]) La musique chez les forçats russes. Par L. Sienicka. «La Revue». 1 Octobre.

кими чувствами. Мрачная завѣса искупленія, окутывающая ихъ душу, все-таки не заглушаетъ біенія ихъ сердца.

Приведя слова Глинки, что музыку создаетъ народъ, а композиторы только ее обрабатываютъ, Гартфельдъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ, что русскій народъ, какъ и большинство ему подобныхъ, совершенно пересталъ создавать. Причиной такой безплодности, Гартфельдъ считаетъ вторженіе цивилизаціи: великую уничтожительницу оригинальности—желѣзную дорогу, исходъ крестьянъ изъ деревни въ города. Здѣсь примитивный элементъ расъ и традицій, которыми вдохновлялся ихъ геній-созидатель, тонетъ въ космополитической банальности. Но главная причина—фабрикація жанра посредственными композиторами. Они недостаточно проникаютъ въ душу народа, чтобы вѣрно перевести различныя одушевляющія ихъ чувства, совершенно отличныя отъ чувствъ самихъ композиторовъ. Попутно Гартфельдъ порицаетъ развившуюся за послѣднее время страсть къ подражаніямъ цыганскому и малороссійскому пѣнію. Такого рода музыкальныя созданія онъ называетъ подкидышами; это плохія подражанія шедеврамъ поэзіи, вдохновенія и оригинальности.

Во всѣ свои поѣздки съ цѣлью собрать пѣсни каторжниковъ, прежде, чѣмъ проникнуть въ мѣста каторжныхъ поселеній, Гартфельду приходилось слышать только такого рода сфабрикованныя народныя пѣсни. Одни только каторжники дали ему желаемый матеріалъ. И только среди этихъ отверженныхъ бродягъ, съ подозрительнымъ существованіемъ, съ анормальнымъ и извращеннымъ мышленіемъ, онъ, какъ музыкантъ, вполнѣ насладился искусствомъ.

Сто двадцать мелодій и разнаго рода пѣсенъ, которыя ему удалось записать, Гартфельдъ раздѣляетъ на три различныя группы. Въ первой группѣ находятся пѣсни бѣглыхъ и каторжниковъ; во второй приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ, и въ третьей пѣсни народовъ различныхъ племенъ Россіи: киргизовъ, айносовъ, самоѣдовъ, бурятъ и т. д. Самыя интересныя пѣсни, гдѣ находятся слѣды восточнаго источника, но въ нихъ есть полутоны, которые почти невозможно регистрировать. Поэтому Гартфельдъ ихъ не могъ записать, не прибѣгая къ музыкальнымъ компромиссамъ. Кромѣ того, ихъ первобытная оригинальность много терялась, вслѣдствіе отсутствія инструментовъ для аккомпанимента, какими пользуются сибирскіе народы. Ихъ замѣнили піанино и фисгармоніей. Тѣмъ не менѣе Гартфельдъ сдѣлалъ все возможное, чтобы сохранить ихъ характеръ, и за границей онъ произвели необычайное впечатлѣніе. Каторжникамъ запрещено имѣть инструменты, и они замѣняютъ ихъ гребенками или кандалами.

Особенно тяжелое и сильное впечатлѣніе производитъ «Подкандальный маршъ», который поется съ закрытымъ ртомъ, отчего звуки издаются подобно стонамъ. Аккомпанируютъ ему на гребенкахъ, а для обозначенія ритма каторжники побрякиваютъ цѣпями. Одну изъ пѣсенъ солистъ начинаетъ въ la бемоль мажоръ, и хоръ подхватываетъ въ томъ же тонѣ, затѣмъ весь припѣвъ поется въ si бемоль мажоръ, а потомъ солистъ снова начинаетъ второй куплетъ въ la бемоль мажоръ. «Это такой tour de force, какого ни одинъ оперный пѣвецъ не въ силахъ исполнить безъ помощи другихъ», говорилъ Гартфельдъ. Еще его по-

разилъ ритмъ и манера управлять голосомъ на нѣкоторыхъ нотахъ, замедляя ихъ, какъ будто онѣ совсѣмъ замираютъ, а въ концѣ пѣвецъ издаетъ отрывистый звукъ. Этотъ отрывистый выкрикъ производитъ впечатлѣніе вспышки гнѣва, безпечности, негодованія.

Пѣсни, собранныя въ акатуйскомъ острогѣ, не носятъ и слѣда гнѣва или преступленія; напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проглядываетъ нѣжная меланхолія, какъ, напримѣръ, въ тобольскихъ острогахъ. Авторъ приводитъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ и среди нихъ чисто народныя, старинныя, ничего не имѣющія общаго съ пѣснями каторжниковъ въ настоящемъ смыслѣ слова, какъ, напримѣръ, «Вечеркомъ красна дѣвица» и «Среди долины ровныя».

Свое путешествіе Гартфельдъ закончилъ сѣверной Сибирью, обширными тундрами и тайгой, которыя служатъ убѣжищемъ каторжникамъ. Сибиряки боятся ихъ, когда они появляются бандами, но когда они приходятъ одиночкой, то имъ подаютъ. Гартфельдъ приводитъ пѣснь, которую они поютъ, когда просятъ милостыню, онъ находитъ эту пѣснь красивой, какъ жанръ народной пѣсни. По его словамъ, никакое психологическое изученіе лучше не покажетъ сложность человѣческой души и склонность русскаго сердца къ поэтическимъ мечтаніямъ, какъ эти пѣсни. Въ одномъ изъ отдаленныхъ сибирскихъ остроговъ Гартфельдъ также попросилъ тюремное начальство дать ему возможность послушать пѣніе каторжниковъ. Начальство очень любезно предоставило ему нѣсколько каторжниковъ. Здѣсь повторилась та же сцена, какъ и въ Тобольскѣ: каторжники отказывались, увѣряли, что не умѣютъ пѣть. «Мы, ваше превосходительство, хищныя птицы,—сказалъ одинъ, посматривая исподлобья на начальника острога.—Даже на свободѣ мы не поемъ, а убиваемъ». Однако, Гартфельдъ такъ настойчиво просилъ, что наконецъ они назвали ему одного изъ товарищей, который умѣлъ не только пѣть, но также играть на балалайкѣ. Это былъ нѣкто Клочковъ.

«Онъ правду, говоритъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Клочковъ, потупивъ глаза:—я знаю пѣсни... зачѣмъ грѣха таить...»—«А кто вамъ будетъ подыгрывать?»—«Да я самъ играю,—отвѣтилъ каторжникъ, и его лицо внезапно просіяло:—да, я играю на балалайкѣ».

Наконецъ было рѣшено, что концертъ состоится не ранѣе, какъ чрезъ день утромъ: надо было еще найти балалайку, а въ острогѣ не оказалось ни одной. Кромѣ того, Клочковъ лѣтъ десять не игралъ на балалайкѣ и потому просилъ дать ему по крайней мѣрѣ одинъ день, чтобы пріучить руку. Вечеромъ ему дали старую балалайку, купленную по случаю въ городѣ однимъ изъ надзирателей. Несчастный каторжникъ взялъ ее со всѣми предосторожностями въ руки, нѣсколько минутъ ее ласкалъ съ какой-то странной робостью и сказалъ начальнику острога: «Ваше превосходительство, я у васъ попрошу милости...» На его обыкновенно блѣдномъ лицѣ показался румянецъ отъ какого-то неотступнаго желанія. «Что такое? спросилъ начальникъ. «Боюсь, ребята (каторжники) будутъ надо мною насмѣхаться. Конечно, они будутъ надо мною насмѣхаться. Прикажите, ради милосерднаго Бога, чтобы меня помѣстили въ отдѣльную камеру...»—«Они всѣ заняты», отвѣтилъ начальникъ, нахму-

ривъ брови».—«Ну... въ карцеръ,—умолялъ Клочковъ:—быть можетъ, есть свободный карцеръ!..»

Начальникъ не могъ удержаться и улыбнулся на оригинальность просьбы: каторжникъ самъ просилъ, чтобы его помѣстили въ карцеръ. Въ глазахъ Клочкова была такая горячая мольба, что онъ приказалъ отвести его въ одинъ изъ свободныхъ карцеровъ.

— Это забавный типъ,—сказалъ начальникъ тюрьмы.—Онъ очень тихій, никогда не возмущается, ни во что не вмѣшивается и всегда остается молчаливымъ. Онъ ярославецъ и отбываетъ наказаніе за убійство. Онъ убилъ новобрачныхъ, возвращавшихся изъ-подъ вѣнца, и тотчасъ же отдалъ себя въ руки правосудія.

Чрезъ три дня послѣ свиданія Гартфельда съ каторжникомъ состоялся концертъ. Клочковъ пришелъ подъ конвоемъ въ одну изъ комнатъ и пропѣлъ нѣсколько пѣсенъ подъ аккомпаниментъ балалайки, на которой игралъ, какъ виртуозъ. Его музыкальная техника на этомъ неблагодарномъ инструментѣ была удивительна. Онъ игралъ съ такимъ чувствомъ, что привелъ Гартфельда въ восторгъ. По окончаніи концерта Клочковъ повернулся къ Гартфельду и тихо сказалъ: «Ваше превосходительство, попросите начальника, чтобы онъ оставилъ мнѣ балалайку хотя на два, на три дня».

На этотъ разъ начальникъ ничего не хотѣлъ слышать: это было нарушеніемъ острожныхъ правилъ. «Верни, братецъ, инструментъ», твердо сказалъ онъ Клочкову.

Въ это время произошла неожиданная ужасная сцена, которую Гартфельдъ не забудетъ. Клочковъ страшно поблѣднѣлъ; его глаза налились кровью; онъ крѣпко прижалъ къ груди балалайку и дико вскричалъ:

— Не верну ее! Скорѣе васъ убью! Я не верну ее вамъ!

Гартфельдъ былъ совершенно пораженъ.

— Возьмите у Клочкова балалайку,—холодно приказалъ солдатамъ начальникъ острога.

Каторжникъ едва переводилъ дыханіе. На него набросились солдаты, и, къ всеобщему удивленію, онъ болѣе не сопротивлялся, вѣроятно, сообразивъ, насколько это безполезно. Онъ выронилъ изъ рукъ балалайку, и солдаты бросились ее поднимать и торжественно поднесли начальнику. Самъ Клочковъ такъ и сѣлъ на полъ. Онъ принялся хрипѣть.

«Никогда въ жизни, нѣтъ, никогда я не слыхивалъ такого ужаснаго хрипѣнія,—говорилъ Гартфельдъ:—затѣмъ у несчастнаго Клочкова сдѣлался припадокъ истерики. Немедленно былъ приглашенъ тюремный врачъ. Только онъ могъ привести его въ чувство. Когда онъ почти успокоился, я еще разъ его поблагодарилъ и сказалъ ему: «На ваше имя я положилъ въ контору острога пять рублей!»—«Нѣтъ, баринъ, за такую вещь я ни за что на свѣтѣ не возьму денегъ. Уже если вы такъ добры, то скорѣе... въ городѣ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ недалеко отъ Ярославля... поставьте свѣчку въ церкви и закажите панихиду за упокой души рабы Божьей Аграфены... (Аграфена была именно та новобрачная, которую онъ убилъ вмѣстѣ съ ея мужемъ при возвращеніи изъ церкви).

Затѣмъ онъ снова со слезами на глазахъ сталъ просить о возвращенiи ему балалайки только на минуту. Его желанiе наконецъ было исполнено. Онъ взялъ ее, какъ святыню, поцѣловалъ два раза и возвратилъ Гартфельду. Солдаты его увели.

Гартфельдъ добился у начальника острога обѣщанiя не наказывать несчастнаго за его попытку возмущенiя. Начальникъ обѣщалъ и, какъ узналъ впослѣдствiи Гартфельдъ, сдержалъ свое обѣщанiе.

Когда Гартфельдъ посѣтилъ послѣднiй острогъ, былъ iюль мѣсяцъ; лѣтнее солнце свѣтило, какъ «свѣточъ любви и истины». Хотя онъ проводилъ между этими роковыми стѣнами только по нѣсколько часовъ въ день въ теченiе недѣли, но онъ все-таки понялъ весъ ужасъ каторги. Вбирая въ свои легкiя iюльскiй воздухъ и опьяняя свои глаза чистымъ дневнымъ свѣтомъ, онъ вспомнилъ слова Достоевскаго, когда тотъ покидалъ мертвый домъ: «Ахъ, какая божественная минута!»

— Отзывы англичанина о русской драмѣ. — Русская драматическая литература все болѣе становится знакомой за границей. Англичане внимательно слѣдятъ за пьесами, которыя даются въ переводѣ на англiйскiй языкъ, а недавно въ «Quarterly Review» появилось обозрѣнiе драматической литературы и краткая характеристика драматурговъ Джорджа Кальдерона.

Леонида Андреева Кальдеронъ характеризуетъ какъ способнаго, очень разнообразнаго писателя, который можетъ примѣнять свой талантъ ко всякаго рода литературѣ. По его мнѣнiю, это совершеннѣйшiй типъ писателя, соединяющаго искусство съ народностью. Главное его качество, которое даетъ преимущество русской литературѣ,—тревожная искренность, побуждаемая болѣзненной совѣстливостью и чувствомъ дисгармонiи жизни, которыми, по словамъ Булгакова, всегда вдохновлялись русскiе писатели. И это качество русскихъ реалистовъ-писателей.

Молодое русское поколѣнiе, по словамъ Кальдерона, не сумѣло предохранить себя отъ опасностей реализма. Учениками этой школы являются евреи, и главнымъ изъ нихъ Юшкевичъ. Изъ нихъ это наиболѣе уравновѣшенный писатель и, кромѣ того, еще обладающiй юморомъ. Изъ его произведенiй «Дина Элаккъ»—главное, и здѣсь, по ясности выраженныхъ идей, оно почти философское. «Дни нашей жизни» Леонида Андреева развиваютъ почти ту же тему, но здѣсь нѣтъ того широкаго замысла, и пьеса лишена философскаго смысла.

«Но главными существенно русскими авторами,—говоритъ Кальдеронъ,— остаются все-таки прежнiе, Достоевскiй и Толстой, съ ихъ субъективнымъ и психологическимъ реализмомъ. Толстой, какъ драматическiй писатель, никогда не имѣлъ большого успѣха: ему какъ бы недостаточно хватало мѣста на сценѣ для выраженiя своей мысли. Между прочимъ, Кальдеронъ сомнѣвается, что пьесы, данныя на сценѣ «Adelphi Play Society», были его. «Трудно повѣрить,— говоритъ онъ:— что Толстой такъ написалъ свои пьесы, какъ они напечатаны».

Русскiе писатели никогда не довольствуются просто приведенiемъ явленiя: они не только вдохновляются дисгармонiей жизни, но еще и желанiемъ побо-

роть эту дисгармонію. Толстой нашелъ эту задачу самой простой, но предлагаемое имъ разрѣшеніе не вызываетъ восторга, такъ какъ сущность его слишкомъ христіанская. Русскій народъ уже болѣе не вѣритъ, что путь къ счастью состоитъ изъ узкой тропинки униженія и терпѣнія.

Въ концѣ вѣка Россія затерялась въ своихъ идеалахъ, подъ тяжестью настоящаго и страхомъ за будущее: въ то время все представляло хаосъ. Именно въ этотъ моментъ появляется Горькій. Его успѣхъ былъ громадный и внезапный. Но онъ не внесъ никакой окончательной, опредѣленной системы въ новое общество. Никогда ни одинъ преобразователь менѣе ясно не опредѣлилъ положительнаго идеала, новой эры, которую онъ превозносилъ, чѣмъ Горькій. Русская публика вскорѣ отъ него отхлынула: онъ не принесъ ей практическаго разрѣшенія задачи.

Во всѣхъ его пьесахъ главную роль играютъ здоровые, сильные мужчины и женщины, которые ищутъ себѣ такихъ же здоровыхъ странниковъ жизни. У тѣхъ и другихъ одна цѣль: подарить будущему красивое и здоровое поколѣніе.

Совсѣмъ иная мысль во всѣхъ пьесахъ Чехова: основой ихъ служитъ разочарованіе. И это главная причина, что его пьесы не состарились. Всѣ надежды, которыхъ такъ хорошо рисуютъ другіе,—эфемерны, постоянно только разочарованіе. Эту тему Чеховъ облекаетъ такъ меланхолически-прелестно, что она кажется прекраснѣе, чѣмъ то бываетъ въ дѣйствительности.

Въ то время, какъ западные писатели нападаютъ на соціальныя учрежденія и предразсудки, русскіе писатели ведутъ борьбу съ самыми глубокими стремленіями ихъ природы. Въ то время, какъ Эрвье и Бріё осмѣиваютъ несправедливый законъ браковъ, русскіе возмущаются противъ рабства самой любви.

Но у русскихъ существуетъ еще классъ писателей: искатели невозможнаго идеала. Это декаденты, и однимъ изъ главныхъ представителей ихъ считается Сологубъ. Кальдеронъ находитъ его юмористическимъ, изящнымъ, прелестнымъ. Для него нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше, какъ любовь и смерть, и то любовь только отраженіе. Кальдеронъ называетъ декадентовъ больными людьми, неврастениками; ихъ характерная черта—любовь къ уединенію, и это порождаетъ нѣкоторыя болѣзненныя явленія.

— Отовсюду.—Франкфрутъ служитъ мѣстомъ паломничества для почитателей Гете, въ память котораго тамъ былъ основанъ музей его имени въ 1897 году. Количество посѣтителей музея ежегодно достигаетъ 50,000 человѣкъ, и помѣщеніе становится тѣсно для той массы различныхъ предметовъ, которые приносятъ въ даръ поклонники автора «Вертера». Теперь рѣшено приступить къ расширенію зданія, не прикасаясь, однако, къ очень старымъ постройкамъ, относящимся къ 1600 году, когда выстроили этотъ домъ. Это историческій памятникъ: въ немъ родился Гете, и здѣсь же онъ написалъ въ нѣсколько недѣль «Вертера».

— Соединенные Штаты въ теченіе шести лѣтъ (1902—1908) увеличили свое народонаселеніе болѣе, чѣмъ на четыре милліона католиковъ. Прежде эти эмигранты являлись съ сѣвера и изъ центра Европы, преимущественно изъ

протестантскихъ государствъ; теперь большая ихъ часть является изъ католическихъ странъ, особенно изъ Италіи, Венгріи и Польши.

— «The Independent» сообщаетъ любопытныя наблюденія надъ нѣкоторыми явленіями человѣческой природы. Есть люди, обладающіе странной способностью видѣть звуки и благоуханіе и слышать горе и свѣтъ. Послѣднее явленіе, т. е. слышать цвѣтъ или свѣтъ, встрѣчается очень рѣдко, тогда какъ постигать цвѣтъ случается часто. Напримѣръ, имя можетъ вызватъ цвѣтъ: такъ, Марія, Эмилія и Маргарита вызываютъ въ представленіи способныхъ на это субъектовъ—бѣлый цвѣтъ. Гласныя буквы имѣютъ цвѣтовую окраску, какъ это доказалъ поэтъ Рэмбо. Для нѣкоторыхъ субъектовъ только музыка бываетъ окрашена и каждый инструментъ въ свой особый цвѣтъ: арфа—въ бѣлый цвѣтъ, охотничій рожокъ въ желтый. Оркестръ представляетъ чрезвычайно эфектное зрѣлище—цѣлаго потока радугъ. По желанію, можно вызвать не только цвѣтъ, но даже форму музыки и можно добиться прелестныхъ арабесокъ. Вкусъ и запахи такъ же, какъ и звуки, могутъ стать цвѣтомъ: напримѣръ, мята имѣетъ вкусъ темно-зеленый, анисъ—черный. Физическую боль можно слышать, ушная боль переводится оркестромъ. Профессоръ Пирсъ передаетъ фактъ, когда одна молодая женщина слышала звуки при видѣ ростбифа или банановъ. Осязаніе даетъ впечатлѣніе цвѣта, какъ доказываютъ нѣкоторые слѣпые, которые прикосновеніемъ пальцевъ опредѣляютъ цвѣтъ матеріи. Поэтъ Рэмбо въ своемъ «Sonnett des voyelles» первый упомянулъ объ соотношеніяхъ запаха, цвѣта и звуковъ. Въ Англіи Свинбернъ описывалъ видимое пѣніе. Въ произведеніяхъ лучшихъ англійскихъ поэтовъ часто попадаются подобныя явленія.

— «Rocehy» Вальтеръ-Скотта принесла своему автору 75,000 франковъ—авторскій гонораръ небывалый ни въ одной странѣ.

— «The National Review» передаетъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ во вкусахъ американцевъ произошла эволюція. Страсть къ роскоши смѣняется интересомъ къ художеству, къ собиранію коллекцій картинъ. Въ этомъ отношеніи американцы выказывали, какъ и во всемъ, независимый вкусъ; поэтому они часто попадали въ просакъ при выборѣ картинъ. Но это было временное явленіе: въ критикѣ искусства произошелъ большой прогрессъ, а это имѣло значительное воспитательное значеніе на вкусъ народа. Къ тому же многочисленныя выставки произведеній старыхъ мастеровъ замѣтно развили вкусъ американцевъ. Эта эволюція вкуса началась въ 1860 году и съ того времени все болѣе и болѣе прогрессируетъ. Главные коллекціонеры картинъ: Пьерпонъ-Морганъ, Генри Марканъ и Макъ-Кормикъ. Марканъ собралъ двѣ коллекціи: одну онъ предложилъ въ музей Метрополитэнъ, а другую продалъ съ аукціона. Самая большая коллекція принадлежитъ Пьерпонъ-Моргану. Любимые старинные художники американцевъ—Рембрандтъ и Коро. Американскіе богачи, не жалѣя денегъ, скупаютъ въ Европѣ старинные предметы искусства и вывозятъ въ Америку. Сложилось мнѣніе, что американцы, въ сущности, ничего не понимаютъ въ искусствѣ и скупаютъ рѣдкости только изъ тщеславія. Но авторъ статьи Робертсъ отрицаетъ это и увѣряетъ, что они любятъ и понимаютъ ихъ гораздо больше европейцевъ.

— Въ Лондонѣ состоялся международный конгрессъ танцевъ, и президентъ парижской академіи, преподаватель танцевъ Лефортъ въ своемъ докладѣ указалъ на причину паденія танцевъ. По его мнѣнію, причина этого паденія кроется въ незнаніи анатоміи и психофизіологіи. Танцовщикъ, который занимается только механизмомъ своихъ ногъ—только маріонетка. Рисованіе и анатомія—двѣ неразлучныя науки для искусства танцевъ, и профессора, не знающіе ихъ, впадаютъ изъ одной ошибки въ другую. Каждый мускулъ производитъ различное движеніе, и каждое движеніе выражаетъ движеніе души. Слѣдовательно, не знающіе этихъ наукъ не сумѣютъ выразить своихъ чувствъ правильными жестами и мимикой.

СМѢСЬ.

Въ литературномъ фондѣ. Въ состоявшемся 28-го октября общемъ собраніи литературнаго фонда была почтена вставаніемъ память умершихъ членовъ общества: А. С. Суворина, Н. Ф. Анненскаго и Н. Н. Маслова. Кромѣ того, комитетъ фонда постановилъ въ декабрѣ устроить въ память бывшаго предсѣдателя фонда Н. Ф. Анненскаго торжественное засѣданіе. Хранившійся при фондѣ архивъ Н. А. Добролюбова переданъ въ Пушкинскій домъ при академіи наукъ. Въ виду этого августѣйшій предсѣдатель комиссіи по постройкѣ памятника Пушкину выразилъ комитету благодарность и передалъ темно-бронзовую медаль, выбитую въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина. Въ отчетное время удовлетворено 202 просьбы о денежномъ пособіи. Пенсія возобновлена одному лицу по 600 рублей въ годъ; выдано пособій на воспитаніе и обученіе 40 писа телямъ и ихъ семьямъ 1,937 рублей 50 коп.; продолжены пособія 17 лицамъ на сумму 1,420 рублей; выдано ссудъ: безсрочныхъ 57 лицамъ на 2,738 рублей, срочныхъ 9 лицамъ на 1,145 рублей, единовременныхъ пособій на 1,889 рублей. Всего выдано пособія 9,729 рублей 50 копеекъ. Въ гимназію Гуревича приняты на безплатную стипендію два воспитанника; въ гимназіи М. Н. Стоюниной замѣщена безплатная вакансія имени Ѳ. М. Достоевскаго. Редакція «Русскаго Богатства» внесла 5,000 рублей для присоединенія этой суммы къ капиталу имени Плещеева. Изъ отчета по казначейской части видно, что на 1-е октября въ кассѣ фонда состояло денегъ: процентными бумагами 814,124 рубля, наличными—72,760 рублей.

Двадцатипятилѣтіе нижегородской ученой архивной комиссіи. 22-го октября въ Нижнемъ-Новгородѣ торжественно отпраздновано 25-лѣтіе ученой архивной комиссіи. Въ залѣ городской думы преосвященнымъ Іоакимомъ въ сослуженіи

нѣсколькихъ священниковъ—членовъ комиссіи — было совершено благодарственное молебствіе съ тропаремъ основателю Нижняго святому великому князю Георгію, возглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, здравствующимъ членамъ комиссіи и всѣмъ ревнителямъ старины, вѣчной памяти императору Александру III, святѣйшему патріарху Гермогену, гражданину Минину, князю Пожарскому, протопопу Саввѣ и всѣмъ почившимъ дѣятелямъ нижегородскаго ополченія, взявшаго въ этотъ день, триста лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ Китай-городъ, болярамъ Николаю (Н. В. Калачеву), Александру (А. С. Гацискому) и всѣмъ почившимъ членамъ комиссіи. Торжественность обстановки, сплошь заполненный гостями и хозяевами громадный залъ думы, одна изъ стѣнъ котораго цѣликомъ занята извѣстной картиной Маковскаго «Мининъ», виднѣющійся изъ оконъ старикъ-Кремль, поминаемыя въ молитвѣ дорогія имена и прекрасное пѣніе хора артиста-регента Н. Г. Кармазинскаго—все это заставляло уноситься мыслью въ ту сѣдую старину, когда наши предки, безъ различія сословій и состояній, не жалѣя ни имущества, ни жизни, поднялись, какъ одинъ человѣкъ, на защиту родины и вмѣстѣ съ другими городами возродили ее къ жизни. Думая про это, невольно хотѣлось вѣрить, что небезслѣдно прошла великая жертва тѣхъ далекихъ великихъ людей, что хотя часть ихъ беззавѣтной преданности родинѣ должна же передаться намъ—ихъ потомкамъ. «Не заслуживаетъ права на существованіе тотъ народъ, который не знаетъ своей исторіи и не чтитъ своихъ героевъ»—сказалъ, между прочимъ, въ своей рѣчи бывшій предсѣдатель комиссіи, почетный членъ ея, А. А. Савельевъ. Возбужденіе интереса среди населенія къ исторіи мѣстнаго края, между прочими задачами комиссіи, имѣлось въ виду при учрежденіи ея основателемъ, извѣстнымъ литераторомъ, нижегородскимъ лѣтописцемъ А. С. Гацискимъ. Съ этой цѣлью имъ было предпринято въ 1889 году и извѣстное паломничество нижегородцевъ во Владиміръ, ко гробу святого князя Георгія, по случаю исполнившагося 700-лѣтія со дня рожденія его. И съ легкой руки А. С., интересъ къ родной старинѣ, при дѣятельности его дѣтища—архивной комиссіи—растетъ: въ настоящее время вмѣсто тѣхъ 15 ревнителей старины, которые собрались 25 лѣтъ тому назадъ на первое засѣданіе комиссіи, послѣдняя насчитываетъ болѣе 150 членовъ, въ историческомъ архивѣ ея собрано до 150.000 старинныхъ дѣлъ, издана масса историческихъ документовъ, къ прошлогоднему празднованію 300-лѣтняго юбилея смутнаго времени, кромѣ спеціальнаго капитальнаго сборника по этому вопросу подъ редакціей профессоровъ С. Ѳ. Платонова и Рождественскаго, выпущена масса популярныхъ брошюръ и листовокъ, образованъ музей древностей, на твердую почву поставлено изслѣдованіе церковныхъ древностей, кургановъ, могильниковъ и вообще старины. Съ прошлаго года, благодаря стараніямъ настоящаго предсѣдателя комиссіи А. Я. Садовскаго, открыто отдѣленіе московскаго археологическаго института, которое насчитываетъ теперь уже болѣе 40 слушателей-нижегородцевъ. Въ будущемъ году во время торжествъ комиссія предполагаетъ устроить археологическую выставку, что, несомнѣнно, еще болѣе упрочитъ крѣпнущую связь между задачами комиссіи и обществомъ, способствуя усиленію національнаго самосознанія, еле теперь брезжущаго. Единогласно

избраны почетными членами комиссіи предсѣдатель ея А. Я. Садовскій и В. Г. Короленко, много потрудившійся надъ разборомъ старины во время своего проживанія въ Нижнемъ. Помянутъ былъ добрымъ словомъ и покойный губернаторъ и попечитель комиссіи Н. М. Барановъ, много положившій трудовъ и стараній по дѣламъ комиссіи вмѣстѣ съ А. С. Гацискимъ. Помимо чтенія многихъ адресовъ и привѣтствій отъ всѣхъ нашихъ общественныхъ и учебныхъ учрежденій, въ засѣданіи была оглашена масса телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій, сановныхъ и ученыхъ лицъ и иногородныхъ членовъ комиссіи. По единодушному желанію присутствующихъ, была послана всеподданнѣйшая телеграмма Государю Императору съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и готовности комиссіи и впредь служить дѣлу изученія исторіи родного края. Текстъ телеграммы, оглашенный предсѣдателемъ засѣданія вице-губернаторомъ С. И. Бирюковымъ, былъ встрѣченъ дружнымъ «ура» присутствующихъ и гимномъ «Боже, Царя храни!» Между чтеніемъ рефератовъ и произнесеніемъ рѣчей хоромъ исполнены: гимнъ святому князю Георгію Всеволодовичу (музыка Балакирева, слова Лихачева), гимнъ героямъ нижегородскаго ополченія, музыка регента хора Н. Г. Кармазинскаго, слова Б. А. Садовскаго и гимны-величанія—патріарху Гермогену и Минину и Пожарскому.

Открытіе археологическаго института въ Ярославлѣ. Въ Ярославлѣ состоялось торжественное открытіе отдѣленія московскаго археологическаго института. Торжество началось молебномъ въ церкви Демидовскаго лицея и закончилось въ актовомъ залѣ лицея. Здѣсь директоръ московскаго археологическаго института Успенскій выступилъ съ привѣтственной рѣчью, въ которой говорилъ о значеніи и дѣятельности археологическаго института въ изученіи родной старины. Вслѣдъ за А. И. Успенскимъ выступилъ съ рѣчью директоръ Демидовскаго лицея В. Г. Щегловъ, который выразилъ надежду, что оба высшихъ учебныхъ заведенія въ Ярославлѣ, лицей и институтъ, помѣстясь подъ одной кровлей, дружно пойдутъ рука объ руку къ свѣту и знанію. Послѣ рѣчи В. Г. Щеглова былъ торжественно исполненъ гимнъ. Затѣмъ профессоръ Брандтъ прочелъ лекцію «О происхожденіи и взаимоотношеніи двухъ славянскихъ азбукъ: кириллицы и глаголицы». Въ тотъ же день была прочитана первая лекція для слушателей института на тему: «Всеобщая исторія искусства». Запись слушателей идетъ довольно интенсивно. Составъ желающихъ слушать лекціи преимущественно интеллигентный и привилегированный. Въ число слушателей археологическаго института между прочимъ записались: архіепископъ ярославскій Тихонъ и ярославскій губернаторъ графъ Татищевъ. Лекціи будутъ читаться въ помѣщеніи Демидовскаго лицея. Возбуждено ходатайство о введеніи во вновь открывшемся институтѣ четырехгодичнаго курса и уравненіи въ правахъ слушателей института со слушателями университетовъ.

Томскій домъ науки. 7-го октября, послѣ молебна, отслуженнаго высокопреосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ томскимъ, въ присутствіи властей, гласныхъ городской думы и множества приглашенныхъ горожанъ, освящено прекрасное зданіе «Дома Науки» имени Петра Ивановича Макушина, пожертвовавшаго на зданіе 100,000 рублей и передавшаго оное томскому городскому

общественному управленію. «Домъ Науки» предназначенъ служить помѣщеніемъ для народнаго университета, для правленій мѣстныхъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ и для засѣданій и занятій народныхъ учителей Сибири во время ихъ съѣздовъ. Народный университетъ, по мысли его учредителей, имѣетъ своею задачею распространеніе общаго и въ частности университетскаго образованія въ массѣ населенія и съ этой цѣлью устраиваетъ въ Томскѣ постоянные систематическіе курсы и временные въ другихъ городахъ Сибири. Народный университетъ, не предоставляя слушателямъ никакихъ правъ и преимуществъ, доступенъ для всѣхъ, желающихъ пріобщиться къ высшему образованію. Сибирскіе народные учителя и учительницы, пріѣзжая въ Томскъ, имѣютъ право безплатнаго посѣщенія всѣхъ лекцій въ народномъ университетѣ и всѣхъ его научныхъ кабинетовъ.

Юбилей высшихъ женскихъ курсовъ. Московскіе женскіе высшіе курсы праздновали сорокалѣтній юбилей своего существованія. Иниціаторомъ открытыхъ въ Москвѣ сорокъ лѣтъ назадъ «публичныхъ высшихъ женскихъ курсовъ» былъ проф. В. И. Герье. Въ февралѣ 1871 г. онъ подалъ попечителю московскаго учебнаго округа мотивированный докладъ объ открытіи въ Москвѣ двухлѣтнихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Докладъ проф. Герье былъ разсмотрѣнъ въ министерствѣ, и ему разрѣшено въ видѣ опыта открыть курсы только на четыре года. По истеченію четырехъ лѣтъ учредителю курсовъ предоставлялось право ходатайствовать объ учрежденіи устава курсовъ. На такихъ началахъ и были открыты въ Москвѣ 1-го ноября 1872 года первые въ Россіи «публичные высшіе женскіе курсы». Со стороны московскаго общества курсы встрѣтили сочувствіе, выразившееся въ матеріальной поддержкѣ, но въ правительственныхъ сферахъ на дѣло взглянули иначе. Правительство не нашло возможнымъ утвердить учреждавшееся при курсахъ «дамское общество для содѣйствія курсамъ». Въ 1879 году послѣдовало распоряженіе, ограничившее пріемъ на курсы «вольныхъ слушательницъ». Въ 1876 году, когда истекъ четырехлѣтній «опытный» срокъ существованія курсовъ, проф. Герье представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія новый проектъ курсовъ, съ расширенной программою. Одновременно было возбуждено и ходатайство о предоставленіи слушательницамъ права преподаванія во всѣхъ классахъ гимназій и институтовъ. Новый проектъ курсовъ съ нѣкоторыми измѣненіями былъ одобренъ. Курсамъ былъ приданъ характеръ «частнаго» учебнаго заведенія, и они были подчинены непосредственному наблюденію попечителя московскаго учебнаго округа. Что касается ходатайства о предоставленіи правъ слушательницамъ, то ученый комитетъ не счелъ возможнымъ удовлетворить его. Въ началѣ 80-хъ годовъ несочувствіе правительства высшему женскому образованію стало сказываться рѣзче. Въ 1882 году послѣдовало распоряженіе о постепенномъ упраздненіи женскихъ врачебныхъ курсовъ. Въ связи съ этимъ стали носиться въ обществѣ тревожные слухи о судьбѣ другихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Тревожные слухи оправдались. 8-го мая 1886 года появилось правительственное сообщеніе: «Въ виду производящагося въ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣнія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ

сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же пріема слушательницъ на существующіе высшіе женскіе курсы означеннаго министерства». Комиссія о пересмотрѣ высшаго женскаго образованія была вызвана къ жизни «запиской» баронессы Э. Ѳ. Раденъ. Эта «записка» была наполнена нападками на высшее женское образованіе и на учащихся женщинъ. Самъ министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ докладѣ оказался солидарнымъ со взглядами баронессы Раденъ. Противники высшаго женскаго образованія могли торжествовать. Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ были закрыты въ 1888 году. Только черезъ 12 лѣтъ, благодаря хлопотамъ проф. Герье, могла возобновиться ихъ дѣятельность. 7-го апрѣля 1900 года было высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ учрежденіи въ Москвѣ высшихъ женскихъ курсовъ, а 15-го сентября того же года послѣдовало ихъ открытіе. Требованія жизни заставили расширить программу курсовъ. Такъ, въ программу московскихъ курсовъ въ 1903 году было включено преподаваніе политической экономіи и римскаго права. Въ 1905 году «временное положеніе о курсахъ» было замѣнено высочайше утвержденными 27-го августа 1905 года «временными правилами объ университетской автономіи». Учебные планы и программы преподаванія были сравнены съ университетскими. За эти годы значительно увеличилось и число слушательницъ. Проф. Герье открывалъ курсы при 58-ми слушательницахъ. Въ слѣдующіе годы число слушательницъ доходило до 110, въ 1884 г. ихъ было 213, въ 1903 г.— 1,073, въ 1907 г.—3,000. Въ настоящее время число слушательницъ доходитъ до 6,000 человѣкъ.

Юбилей И. А. Бунина. 28-го октября литературно-артистическая и художественная Москва праздновала 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности И. А. Бунина. Юбиляра чествовали днемъ—въ «Лоскутной» гостиницѣ, гдѣ временно живетъ И. А. Бунинъ, и вечеромъ—въ литературно-художественномъ кружкѣ на большомъ парадномъ банкетѣ. Честованіе юбиляра на квартирѣ состоялось во второмъ часу дня. Къ этому времени въ гостиницу собрались представители литературныхъ и театральныхъ организацій, московскихъ просвѣтительныхъ обществъ, литераторы, художники и артисты. Юбиляра встрѣтили апплодисментами. Начались привѣтствія и чтеніе адресовъ. Первымъ былъ прочитанъ адресъ отъ академіи наукъ—отъ разряда изящной словесности. «Примите привѣтствіе отъ разряда словесности. Истинный и совѣстливый художникъ,—а таковымъ мы васъ признаемъ,—бываетъ всегда требователенъ къ себѣ сверхъ мѣры, и исчисленіе его заслугъ будитъ въ немъ чувство недовольства собою и тайное раздраженіе противъ его созданій. Намъ хотѣлось бы, чтобы въ день вашего торжества вы полюбили ваши созданія такъ, какъ мы любимъ ихъ за вѣское содержаніе, за любовь къ человѣку, которая такъ чувствуется во всѣхъ воплощенныхъ вами образахъ, за изящество кисти, какой эти образы зарисованы. Пусть 25 лѣтъ вашего служенія искусству будутъ счастливымъ и красивымъ залогомъ грядущихъ работъ. Пусть совѣсть ваша, какъ художника, будетъ спокойна, а всѣ, кому дороги судьбы русской словесности, съ любовью и уваженіемъ произнесутъ ваше имя». Это привѣтствіе было передано юбиляру А. Н. Веселовскимъ и П. Д. Боборыкинымъ. Адресъ былъ подписанъ цѣлымъ рядомъ академиковъ, между прочимъ, А. Ѳ. Кони, Д. Н. Овсянико-Куликов-

скимъ, Ѳ. Е. Коршемъ, К. К. Арсеньевымъ, П. Д. Боборыкинымъ и друг. Далѣе слѣдовали адресы отъ имени общества любителей россійской словесности—А. Е. Грузинскій и П. Н. Сакулинъ; отъ общества драматическихъ писателей—Вл. И. Немировичъ-Данченко и А. И. Южинъ-Сумбатовъ; отъ кружка «Среда»—Н. Д. Телешовъ, А. Е. Грузинскій, А. А. Корзинкинъ, И. А. Бѣлоусовъ, Б. К. Зайцевъ, А. Хитрово; отъ молодыхъ членовъ того же кружка—Д. Я. Голубевъ, Е. С. Курчъ, Бибиковъ и друг., отъ Толстовскаго общества—Н. В. Давыдовъ, А. И. Южинъ, А. Е. Грузинскій, В. С. Бородинскій; отъ общества имени Островскаго—Н. П. Коршъ; отъ общества періодической печати и литературы—Д. А. Жариновъ, Д. Звонарскій и Е. Курчъ; отъ Художественнаго театра—К. С. Станиславскій и Вл. И. Немировичъ-Данченко; отъ литературно-художественнаго кружка—Н. Д. Телешовъ, И. А. Бѣлоусовъ; отъ кассы взаимопомощи литераторовъ—Н. Д. Телешовъ, И. А. Бѣлоусовъ; отъ издательства писателей—С. Д. Разумовскій Д. Я. Голубевъ, А. А. Корзинкинъ; отъ Суриковскаго кружка—Н. Д. Телешовъ; отъ перваго женскаго клуба—г-жа Маньковская, и друг. Отъ большинства депутацій были, кромѣ адресовъ, и подарки. Отъ старыхъ членовъ кружка «Среды» юбиляру былъ поднесенъ въ роскошной папкѣ альбомъ съ портретами всѣхъ членовъ кружка. Отъ друзей и почитателей—красивая серебряная парусная яхта съ надписью «Вѣра», отъ другого кружка почитателей—аккредитивъ на 20,000 франковъ. Отъ Художественнаго театра юбиляру былъ переданъ брильянтовый жетонъ съ изображеніемъ эмблемы театра—чайки. Отъ А. А. Корзинкина юбиляру былъ переданъ художественно сдѣланный слонъ на цвѣточномъ плато съ изображеніемъ экзотическаго уголка изъ пальмъ, мимозъ и орхидей. Отъ г-жи Корзинкиной было прислано очень цѣнное старинное итальянское изданіе «Божественной Комедіи» Данте. Отъ старой «Среды» юбиляру былъ поднесенъ портретъ Пушкина, отъ молодой «Среды»—картина-акварель В. В. Переплетчикова. Цѣлый рядъ депутацій привѣтствовалъ юбиляра отъ различныхъ журналовъ и газетъ: отъ «Вѣстника Европы»—Д. Н. Овсянико-Куликовскій, отъ «Современника», «Вѣстника Воспитанія», «Сибирской Жизни», отъ студенческой «Молодой Жизни» и многихъ другихъ. Затѣмъ произнесли привѣтствія и передали адресы депутаціи отъ высшихъ женскихъ курсовъ Лесгафта, отъ курсовъ драмы Адашева и друг. Юбиляръ былъ растроганъ всѣми этими привѣтствіями и въ отвѣтъ произнесъ только нѣсколько словъ благодарности. Вечеромъ въ литературно-художественномъ кружкѣ состоялся банкетъ. Большой залъ кружка былъ совершенно переполненъ. Налицо обычная публика кружковскихъ банкетовъ,—артисты, многіе литераторы, представители различныхъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Появленіе юбиляра было встрѣчено по традиціи исполненіемъ туша. Еще до начала рѣчей предсѣдатель банкета А. И. Южинъ доложилъ о полученной телеграммѣ отъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. Всѣ присутствовавшіе поднялись съ своихъ мѣстъ. Телеграмма гласила слѣдующее: «Маминъ-Сибирякъ привѣтствуетъ Ивана Алексѣевича съ горячими пожеланіями счастья и дальнѣйшаго успѣха на литературномъ поприщѣ». Телеграмма была покрыта апплодисментами, и тотчасъ же было рѣшено послать отъ имени участниковъ банкета телеграмму больному писателю съ пожеланіемъ скорѣйшаго выздоровленія. Первое слово

было предоставлено С. П. Ивановскому, привѣтствовавшему юбиляра отъ имени литературно-художественнаго кружка. Затѣмъ говорили рѣчи: Д. Н. Овсянико-Куликовскій, А. Е. Грузинскій, П. Н. Сакулинъ, заслуженный профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ, П. Н. Петровскій, Н. М. Кишкинъ, А. И. Южинъ, привѣтствовавшій юбиляра лично отъ себя и затѣмъ отъ имени Малаго театра, Н. Д. Телешовъ и многіе другіе. Юбиляръ получилъ свыше 300 телеграммъ и массу привѣтственныхъ писемъ. Среди прочитанныхъ телеграммъ и писемъ большой успѣхъ имѣло у публики письмо отъ Максима Горькаго, съ острова Капри. Собравшіеся тотчасъ же рѣшили послать писателю отвѣтную телеграмму. Изъ полученныхъ юбиляромъ телеграммъ отмѣтимъ: отъ «кружка русскихъ» съ острова Капри, между прочимъ съ подписями Максима Горькаго и М. Ф. Андреевой, отъ общества взаимопомощи учившихъ и учащихъ Самарской губ., отъ самарской городской публичной библіотеки, отъ общества исторіи литературы, отъ артистовъ малаго театра, отъ неофилологическаго общества петербургскаго университета, отъ московскаго общества народныхъ университетовъ, отъ литературнаго фонда, отъ Л. Андреева: «Любилъ и высоко цѣнилъ твой талантъ и съ радостью присоединяюсь къ привѣтствіямъ, въ которыхъ все русское общество и литература знаменуетъ сегодняшній твой день. Работай на славу. Какъ твой землякъ, орловецъ, радуюсь за нашу Орловскую губернію и отъ лица ея лѣсовъ и полей, тобою любимыхъ, крѣпко цѣлую тебя». Отъ Евг. Чирикова изъ Софіи, отъ В. Васнецова, отъ Ѳ. Сологуба, отъ Ѳ. Шаляпина, Ю. Веселовскаго, С. Елпатьевскаго, Ф. Найденова, В. Брюсова, С. Рахманинова, В. Короленко, Евт. Карпова, А. Блока, А. Ремизова, А. В. Будищева, Рышкова, Фидлера, Д. Тихомирова, Г. Чулкова, А. Измайлова, В. Ходотова, художника Костанди, художника Первухина, проф. Безобразова, отъ екатеринославскаго общества любителей художествъ, отъ «товарищества южно-русскихъ художниковъ», проф. С. И. Ростовцева, отъ общества изящныхъ искусствъ, отъ литературно-художественнаго кружка московской молодежи, отъ общества поощренія образованія, отъ Д. В. Философова, В. Муйжеля и многихъ другихъ. Банкетъ прошелъ очень оживленно и закончился поздно ночью.

Десятилѣтній юбилей журнала «Наборщикъ и Печатный Міръ». 20-го октября сего года журналъ «Наборщикъ и Печатный Міръ» вступилъ во второе десятилѣтіе своей жизни. Журналъ былъ основанъ въ 1902 году нынѣшнимъ издателемъ его А. А. Филипповымъ и сразу завоевалъ себѣ симпатіи и вниманіе всѣхъ работающихъ въ области печатнаго дѣла. Журналы подобнаго рода стали издаваться еще съ 1867 года, но всѣ они безъ исключенія не доживали и до пятилѣтія и прекращали свое существованіе въ виду незначительнаго количества подписчиковъ и по другимъ причинамъ. Журналъ А. А. Филиппова съ самаго начала своего существованія намѣтилъ совершенно иной путь: во-первыхъ, выходить въ свѣтъ журналъ сталъ еженедѣльно; во-вторыхъ, серьезное вниманіе основатель новаго журнала обратилъ на бытовую сторону работающихъ въ области печатнаго дѣла, которую ни одинъ изъ его предшественниковъ не затрогивалъ и не освѣщалъ, и, въ-третьихъ, журналъ сталъ выходить аккуратно, въ опредѣленные сроки, по субботамъ. Расчеты

А. А. Филиппова вполнѣ оправдались, и журналъ прочно основался, пріобрѣтя громадную популярность среди тружениковъ печатнаго дѣла. Много помогло успѣху новаго журнала и привлеченіе къ сотрудничеству издателемъ его крупныхъ силъ, какъ изъ типографскихъ дѣятелей, напримѣръ, П. П. Коломнинъ, И. Г. Галактіоновъ и др., такъ и представителей изящной литературы, напримѣръ, Апполонъ Коринфскій. Въ 11 часовъ утра въ типографіи Кушнерева, управляемой г. Филипповымъ, отъ имени сотрудниковъ послѣднему былъ поднесенъ при соотвѣтствующемъ словѣ художественно исполненный альбомъ съ фотографическими карточками всѣхъ принимавшихъ участіе въ журналѣ. И. Г. Галактіоновъ—старѣйшій сотрудникъ журнала—преподнесъ издателю отъ своего имени миніатюрные снимки всѣхъ техническихъ типографскихъ журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи; А. Тюхтяевъ отдалъ въ распоряженіе редакціи пьесу изъ жизни наборщиковъ, прося напечатать ее въ пользу учрежденія при Петровской колоніи тружениковъ печатнаго дѣла комнаты имени первопечатника Ивана Федорова. Р. Р. Голике поднесъ особый альбомъ-адресъ съ многими подписями. Затѣмъ Н. С. Воробьевъ принесъ поздравленіе отъ имени вспомогательной кассы наборщиковъ и Я. А. Криницкій—отъ похоронной. Были также прочитаны привѣтственныя телеграммы отъ наборщиковъ и корректоровъ «Новаго Времени» и отъ служащихъ другихъ типографій. Юбиляръ въ сердечныхъ словахъ благодарилъ всѣхъ присутствующихъ. Множество привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ получено А. А. Филипповымъ со всѣхъ концовъ провинціи.

Новые академики. 29-го октября состоялось, подъ предсѣдательствомъ М. П. Боткина, общее собраніе членовъ академіи художествъ, въ которомъ между прочимъ, были произведены выборы новыхъ академиковъ, предложенныхъ въ январскомъ собраніи. Баллотировались 12 живописцевъ и 6 архитекторовъ. Абсолютное большинство избирательныхъ голосовъ получило только 7 кандидатовъ: живописцы С. А. Виноградовъ (22 голосами противъ 15), Е. Е. Лансере (23 противъ 14), Р. Ф. Френцъ (29 противъ 10), Л. В. Поповъ, (20 противъ 19) и архитекторы А. И. Дмитріевъ (22 противъ 16), М. С. Лялевичъ (19 противъ 17) и М. М. Перетятковичъ (27 противъ 10). Всѣ остальные кандидаты забаллотированы.

Запорожскія древности въ Херсонѣ. 200 лѣтъ тому назадъ вблизи Алешекъ была Запорожская Сѣчь. Сюда, въ предѣлы Крымскаго ханства, скрылись отъ гнѣва Петра Великаго запорожцы, измѣнившіе при нашествіи Карла XII и вмѣстѣ со шведами разбитые на-голову Петромъ при Полтавѣ. За Алешками на берегу Конки, видны еще окопы и слѣды построекъ Сѣчи, просуществовавшей здѣсь до царствованія Анны Іоанновны. Въ Алешкахъ живетъ А. Д. Бутовичъ, любитель старины, давно уже обратившій вниманіе на древности Запорожской Сѣчи, старательно ихъ собирающій. Всю свою коллекцію онъ охотно предоставилъ въ распоряженіе херсонскаго музея. Въ составъ ея входятъ 40 запорожскихъ глиняныхъ люлекъ, 10 стеклянныхъ чарокъ и другіе предметы казацкаго обихода; большая икона тѣхъ временъ на полотнѣ (Богъ Отецъ) изъ разобранной за ветхостью церкви въ с. Брилевкѣ, Днѣпровскаго уѣзда;

старинныя монеты, русскія, польскія и татарскія. Изъ нихъ для музея отобраны только тѣ, какихъ недостаетъ въ херсонскомъ мюнцъ-кабинетѣ; остальныя возвращены г. Бутовичу. Интересно упомянуть, что въ Алешковской Сѣчи недавно былъ выкопанъ въ горшечкѣ кладъ—32 мѣдныя копейки Петра Великаго, казна какого-то запорожца. Кладъ этотъ также былъ пріобрѣтенъ г. Бутовичемъ (горшечекъ, къ сожалѣнію, нашедшіе разбили и бросили).

НЕКРОЛОГИ.

НТОНІЙ, митрополитъ. Не стало высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго, первенствующаго члена св. синода. Онъ долго боролся съ тяжелымъ недугомъ, ѣздилъ для спеціальнаго леченія на Кавказъ, вернулся оттуда какъ будто бодрымъ, но въ октябрѣ сразу занемогъ, 24-го октября впалъ въ безсознательное состояніе и 2-го ноября скончался. Православная церковь потеряла въ немъ выдающагося по уму и нравственному складу пастыря, св. синодъ опытнаго предсѣдателя и руководителя, столица популярнѣйшаго митрополита. Почившій владыка стоялъ во главѣ с.-петербургской митрополіи съ 1899 г., послѣ кончины высокопреосвященнаго Палладія, и за это время сдѣлалъ многое для обезпеченія духовенства и для болѣе правильной постановки церковнаго дѣла вообще. Ему пришлось пережить годы революціонной смуты, всколыхнувшей и мирную церковную жизнь, и выступить въ 1905 году сторонникомъ умиротворенія родины и духовенства предначертанными волею Государя реформами церковнаго строя. Ему выпало на долю высказаться за созывъ церковнаго собора, организовать подготовительныя для того работы, образовать при св. синодѣ предсоборное присутствіе для разработки и подготовки вопросовъ къ разсмотрѣнію на всероссійскомъ соборѣ. При немъ же возникъ вопросъ и объ учрежденіи патріаршества. Во всей этой подготовительной работѣ ему, какъ первенствующему члену св. синода, пришлось предсѣдательствовать. Какъ предсѣдатель, онъ широко проявилъ присущую ему уравновѣшенность, тактичность, умѣнье согласовать часто противоположные взгляды и направить общія желанія на вѣрную дорогу къ достиженію цѣли. Онъ давалъ всѣмъ высказываться и ко всѣмъ относился привѣтливо и благожелательно. Вся эта его дѣятель-

ность не привела пока къ окончательнымъ результатамъ, но она обстоятельно выяснила нужды русской православной церкви, столкнула идеи синодальную и патріаршую, вызвала замѣчательный подъемъ духовной жизни нашего священства и выразилась въ нынѣшней подробной разработкѣ законоположеній для предстоящихъ коренныхъ реформъ. Митрополитъ былъ чрезвычайно отзывчивъ къ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью. При немъ многіе вопросы первостепенной важности, касавшіеся брака, усыновленія внѣбрачныхъ дѣтей и развода, получили именно то разрѣшеніе, которое вызывалось назрѣвшими своевременно потребностями. Какъ высшій представитель православной церкви, владыка выдѣлялся и своими личными качествами. Его замѣчательная скромность, чуждая дѣланности, высказалась, между прочимъ, въ первый годъ его митрополичьяго служенія, когда онъ замѣнилъ парадный митрополичій выѣздъ четверкой цугомъ обыкновеннымъ. Его духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ проситъ похоронить себя на лаврскомъ братскомъ кладбищѣ въ очередной могилѣ, является также характернымъ фактомъ его замѣчательной личности, чуждой мірской мишуры. Его всегдашнимъ обычнымъ одѣяніемъ была черная ряса; онъ, принявъ монашество, не признавалъ другой, цвѣтной. Черная ряса наиболѣе отвѣчала его воззрѣніямъ на монашество, и даже въ этой мелочи жизни онъ явился образцомъ: съ занятіемъ имъ митрополичьей каѳедры одѣяніе владыкъ разныхъ епархій потеряло общій цвѣтной характеръ. По своимъ взглядамъ почившій владыка былъ противникомъ участія высшаго духовенства въ политической жизни страны. Въ этомъ отношеніи достопримѣчательна его недавняя рѣчь въ св. синодѣ по поводу выбора епископа въ государственную думу. Раньше, въ 1906 году владыка былъ избранъ духовенствомъ въ члены государственнаго совѣта, но, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, отказался. Къ академической наукѣ онъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и придерживался въ этой области широкаго направленія. Покойный былъ также однимъ изъ выдающихся духовныхъ проповѣдниковъ. Рѣчи его, богатыя богословскими знаніями и эрудиціей, художественныя по строенію и стилю, всегда производили сильное и цѣльное впечатлѣніе, будили добрыя чувства и укрѣпляли вѣру въ благость и милость Всевышняго. Почившій владыка, въ мірѣ Александръ Васильевичъ Вадковскій, родился 3-го августа 1846 года. Онъ былъ сыномъ сельскаго священника, духовное образованіе получилъ въ тамбовской духовной семинаріи и закончилъ его въ казанской духовной академіи въ числѣ лучшихъ студентовъ. Тотчасъ по окончаніи курса въ 1870 году, покойный былъ оставленъ при академіи въ должности доцента по каѳедрѣ гомилетики и пастырскаго богословія. Въ 1871 году утвержденъ въ степени магистра богословія. Смерть жены и трехъ дѣтей глубоко опечалила молодого богослова и направила его въ монашество. Онъ былъ постриженъ въ 1883 году съ переименованіемъ Антоніемъ, въ томъ же году рукоположенъ въ архимандриты и назначенъ въ 1884 году инспекторомъ казанской духовной академіи. Въ слѣдующемъ году переведенъ на должность инспектора с.-петербургской академіи и сталъ читать лекціи по каѳедрѣ изъясненія священнаго писанія Ветхаго Завѣта. Въ 1887 году былъ уже ректоромъ академіи и рукоположенъ во епископа съ наименованіемъ епископомъ выборгскимъ, викаріемъ с.-петербургской епархіи.

Съ назначеніемъ ректоромъ академіи преосвященный избралъ для своего преподаванія исторію проповѣдничества. Во время ректорства онъ организовалъ внѣбогослужебныя проповѣди студентовъ академіи и взялъ на себя главное руководительство ими. Въ качествѣ епископа выборгскаго, онъ, по порученію митрополита Исидора, неоднократно обозрѣвалъ монастыри и церкви Финляндіи, совершая въ нихъ богослуженія и обращаясь къ паствѣ съ поученіями. При образованіи же самостоятельной финляндской епархіи въ 1892 году владыка, возведенный въ санъ архіепископа, явился ея первымъ епископомъ. Назначенный одновременно для присутствованія въ св. синодѣ, онъ принималъ участіе въ печальной церемоніи погребенія императора Александра III и въ торжествахъ вѣнчанія и коронованія нынѣ царствующаго Государя Императора. Среди русскихъ архіереевъ покойный пользовался извѣстностью и какъ выдающійся богословъ. Изъ его многочисленныхъ статей большинство напечатаны въ духовныхъ журналахъ, отдѣльнымъ же сборникомъ издано сочиненіе: «Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія» (два изданія, 1892 и 1895 гг.). Въ нихъ онъ обстоятельно изслѣдовалъ основные пункты древне-христіанской и древне-русской проповѣди, талантливо разработавъ разнообразный и сложный научный матеріалъ. Въ русской историко-гомилетической литературѣ трудъ этотъ занимаетъ почетное мѣсто. Казанская духовная академія отмѣтила цѣнность этого труда присужденіемъ ему въ 1894 году степени доктора церковной исторіи. Изъ другихъ его сочиненій особенной популярностью пользуются «Слова и рѣчи»—сборникъ проповѣдей, вышедшій недавно третьимъ изданіемъ. Въ бытность свою архіепископомъ финляндскимъ, почившій принялъ видное участіе въ церковно-общественномъ движеніи по вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ православными. До конца своей жизни высокопреосвященный былъ предсѣдателемъ совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества и почетнымъ предсѣдателемъ попечительства Маріи Александровны о слѣпыхъ. Императорская академія наукъ потеряла въ немъ одного изъ своихъ почетныхъ членовъ, а Серафимовскій скитъ на Сергіевской, созданный на средства покойнаго,—своего основателя и радѣтеля. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13164).

† Козыревъ, М. А. Въ ночь на 10-е октября въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи скончался одинъ изъ крупныхъ народныхъ писателей М. А. Козыревъ, ученикъ и другъ покойнаго поэта И. З. Сурикова. М. А., подмосковный крестьянинъ, такъ же, какъ и покойный Суриковъ, торговалъ въ Ямской въ семидесятыхъ годахъ старымъ желѣзомъ, въ маленькой лавочкѣ, потомъ имѣлъ костеваренный заводъ, а нѣсколько лѣтъ назадъ пріобрѣлъ въ Бронницкомъ уѣздѣ небольшое имѣніе и занялся хозяйствомъ. Литературную работу началъ въ семидесятыхъ годахъ рядомъ разсказовъ изъ народнаго быта, которые онъ печаталъ въ «Развлеченіи», а впослѣдствіи во многихъ изданіяхъ, и выпустилъ рядъ отдѣльныхъ книжекъ разсказовъ, своевременно отмѣченныхъ критикой. М. А. скончался шестидесяти лѣтъ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912, № 234).

† Лисенко, Н. В. Въ Кіевѣ скончался даровитый композиторъ и выдающійся представитель малороссійскаго элемента въ музыкѣ Николай Виталье-

вичъ Лисенко. Онъ родился въ Полтавской губерніи 1-го марта 1846 года. Еще на университетской скамьѣ онъ сталъ народникомъ, посвятивши себя исключительно родной Малороссіи. Онъ писалъ только на малорусскіе сюжеты, пользуясь малороссійскими пѣснями. Занимаясь въ Лейпцигѣ, онъ издалъ нѣсколько сборниковъ пѣсенъ родимаго края, правда, съ сильной нѣмецкой окраской, что не помѣшало популярности сборниковъ и молодого автора. Популярность его не только въ Кіевѣ, гдѣ онъ поселился, но и по всей Малороссіи и въ Галичинѣ была огромная. Его земляки смотрѣли на него, какъ на музыкальнаго выразителя Украйны, обособляя его отъ великорусской музыки. Композиторъ охотно поддавался этому настроенію. До него Малороссія не имѣла композиторовъ, кромѣ дилетанта Гулакъ-Артемовскаго, автора «Запорожца за Дунаемъ». Лисенко явился въ ней первымъ серьезнымъ, хорошо образованнымъ музыкантомъ. Другой талантливый малороссъ, его современникъ, П. П. Сокальскій, не чуждался Великороссіи и не можетъ быть признаваемъ строго малорусскимъ композиторомъ, какъ Лисенко. Этой исключительностью объясняется популярность покойнаго среди земляковъ. Когда въ 1903 году праздновался въ Кіевѣ его юбилей, на него откликнулась вся Малороссія, и даже зарубежная. Это былъ настоящій тріумфъ для покойнаго, который тѣмъ болѣе былъ ему цѣненъ, что судьба все-таки не очень баловала его: его оперы не могли даваться часто, за недостаткомъ мѣстныхъ сценъ, не появлялись онѣ и на русскихъ сценахъ. Мѣстное отдѣленіе русскаго музыкальнаго общества относилось къ нему холодно, даже враждебно. Во всякомъ случаѣ его инструментальныя и хоровыя произведенія не появлялись въ концертахъ ни этого отдѣленія, ни обѣихъ столицъ. Лисенко написаны оперетты: «Черноморці» и «Утоплена», оперы: «Тарасъ Бульба», «Сафо» и «Різдвяна ніч» («Ночь передъ Рождествомъ» Гоголя) и оперетки для дѣтей: «Панъ Коцкий», «Зима и весна», «Коза Дереза». Имъ положено на музыку много отрывковъ изъ «Кобзаря» Шевченка, что, по словамъ малорусскихъ зарубежныхъ газетъ, способствовало въ значительной степени популярности самой поэмы Шевченка. Лисенко отличался большой скромностью. Его оперы, напримѣръ, «Тарасъ Бульба», по многу лѣтъ оставались въ его портфелѣ, и онъ не предлагалъ ихъ кіевскимъ или другимъ антрепренерамъ. Тѣмъ не менѣе онѣ давались даже въ Одессѣ. Львовскія газеты по случаю юбилея покойнаго высказывали твердую увѣренность, что его оперы войдутъ обязательно въ репертуръ русскаго львовскаго театра. Въ Петербургѣ во время этого юбилея былъ устроенъ почитателями покойнаго спеціальный концертъ, въ который вошли и отрывки изъ «Рідзвяной нічи». Надо думать, что послѣ смерти Лисенка о немъ вспомнитъ русское музыкальное общество и отнесется къ нему иначе, чѣмъ до сихъ поръ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13159).

† **Лалаевъ, М. С.** Скончавшійся 28-го октября генералъ-отъ-кавалеріи Матвѣй Степановичъ Лалаевъ почти всю свою многолѣтнюю дѣятельность посвятилъ военно-учебному вѣдомству. Онъ былъ сперва библіотекаремъ, смотрителемъ музея и воспитателемъ 2-го кадетскаго корпуса и съ 1865 г. состоялъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, принимая участіе въ разнообразныхъ комиссіяхъ, занимавшихся разработкой программъ военно-учеб-

ныхъ заведенiй и установленiемъ правилъ учебной жизни въ нихъ. Неоднократно командировался для личнаго осмотра кадетскихъ корпусовъ. Вопросы воспитательнаго характера всегда интересовали его и нерѣдко онъ отзывался на нихъ путемъ печатныхъ статей. Изъ этихъ статей назовемъ его отдѣльную брошюру «Сцилла и Харибда за порогомъ школы», изданную по поводу книги проф. Тарновскаго. Изъ другихъ его работъ извѣстны: историческiй очеркъ «Императоръ Николай I, зиждитель русской школы» и «Очеркъ жизни и дѣятельности великаго князя Михаила Павловича», составленный къ столѣтiю со дня его рожденiя. Покойный родился въ 1828 г., образованiе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и службу началъ по полевой пѣшей артиллерiи. (Некрологъ его «Новое Время», 1912, г. № 13160).

† **Митинскiй, Н. Н.** 24-го октября, послѣ непродолжительной тяжкой болѣзни скончался на сороковомъ году жизни профессоръ Николай Николаевичъ Митинскiй. По окончанiи института путей сообщенiя въ 1897 г., Н. Н. поступилъ на службу на Николаевскую желѣзную дорогу, гдѣ завѣдывалъ технической частью дороги. Въ 1911 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ техническаго отдѣла министерства путей сообщенiя, въ каковой должности состоялъ до самой смерти. Одновременно Н. Н. занималъ каѳедру строительной механики въ институтѣ путей сообщенiя и въ электротехническомъ институтѣ. Покойный состоялъ также одно время преподавателемъ института гражданскихъ инженеровъ и горнаго института. Н. Н. принималъ широкое участiе въ общественныхъ дѣлахъ, между прочимъ состоялъ гласнымъ петербургской городской думы и примыкалъ къ обновленческой группѣ. Петербургская городская дума въ засѣданiи 24-го октября постановила послать семьѣ скончавшагося гласнаго Н. Н. Митинскаго телеграмму съ выраженiями искренняго соболѣзнованiя по случаю его кончины и съ указанiемъ, что смерть Николая Николаевича, принимавшаго ближайшее участiе въ разрѣшенiи многихъ сложныхъ городскихъ вопросовъ, является большою утратою для города. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912, № 293).

† **Мысовская, А. Д.** Въ Нижнемъ-Новгородѣ на семьдесятъ третьемъ году скончалась писательница и поэтесса А. Д. Мысовская. Первые ея стихи были помѣщены въ 1863 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасова. Она первая обогатила литературу прекраснымъ переводомъ Альфреда Мюссе, печатавшимся въ журналѣ «Пантеонъ Литературы». Въ семидесятыхъ годахъ она написала и перевела нѣсколько пьесъ, между прочимъ «Жену Сократа», шедшую съ большимъ успѣхомъ на московской императорской сценѣ. Извѣстна, между прочимъ, ея переписка съ А. Н. Островскимъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1912, № 13160).

† **Назарьянцъ, Э. П.** 11-го октября, въ 11 часовъ вечера, скончался священникъ армянской Крестовоздвиженской церкви отецъ Э. П. Назарьянцъ, одинъ изъ выдающихся членовъ московской армянской колонiи, слишкомъ крупная фигура, чтобы можно было очертить ее двумя-тремя штрихами. Высокообразованный, сверхъ того, безконечно одаренный отъ природы, Э. П. съ первой же встрѣчи производилъ самое выгодное впечатлѣнiе. Бесѣдовать съ нимъ было истиннымъ наслажденiемъ. Онъ поражалъ глубиной своихъ знанiй,

но при этомъ безконечная скромность его порою граничила съ застѣнчивостью. Совершенно иной характеръ принимала бесѣда, если разговоръ касался одной темы, — когда Э. П. начиналъ разсказывать о желѣзномъ патріархѣ, покойномъ католикосѣ Измириліанѣ. Этотъ армянскій священникъ, затѣмъ изгнанникъ и возстановленный снова въ своихъ правахъ обновленнымъ турецкимъ строемъ, патріархъ Измириліанъ, съ непреклонной волей и прямолинейными взглядами, не считавшійся съ желаніями правящаго большинства, нашелъ поклонника-фанатика въ лицѣ Э. П. Но это относится къ области личныхъ впечатлѣній. Широкимъ кругамъ армянскаго общества Э. П. былъ извѣстенъ, какъ писатель, беллетристъ и публицистъ. Между прочимъ одинъ его разсказъ изъ священной исторіи написанъ имъ на русскомъ языкѣ. Покойный Э. П., кромѣ того, былъ однимъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ армянской газеты «Мшакъ». (Некрологъ его: «Русское Слово», 1912, № 235).

† **Пападопуло-Керамевсъ, А. И.** 17-го октября скончался приватъ-доцентъ ново-греческой словесности въ петербургскомъ университетѣ Аѳанасій Ивановичъ Пападопуло-Керамевсъ. Покойный—грекъ по происхожденію, сынъ священника эфесской епархіи, родился въ 1856 г. въ Дракіи, въ Ѳессаліи. Образованіе получилъ въ малоазіатскомъ городѣ Смирнѣ. Съ 1873 г. по 1879 г. онъ былъ директоромъ смирнскаго археологическаго музея, затѣмъ поселился въ Константинополѣ и принималъ тамъ дѣятельнѣйшее участіе въ греческомъ филологическомъ обществѣ въ качествѣ члена совѣта и секретаря, съ 1887 г. до своего переселенія въ 1890 г. въ Петербургъ былъ личнымъ секретаремъ іерусалимскаго патріарха Никодима. Служба не помѣшала покойному посвящать свои силы и знанія археологическимъ и палеографическимъ изысканіямъ, историческимъ и топографическимъ изслѣдованіямъ древнихъ греческихъ городовъ и біографическимъ описаніямъ жизни и дѣятельности преимущественно александрійскихъ и константинопольскихъ патріарховъ. Съ археологической цѣлью онъ совершилъ нѣсколько путешествій по Малой Азіи, по островамъ Хіосу и Родосу. Первое его знакомство съ Россіей было въ 1884 г., когда онъ пріѣхалъ въ Одессу на археологическій съѣздъ въ качествѣ делегата греческаго филологическаго общества. Въ 1887 г. московскій университетъ удостоилъ его за ученые труды степенью доктора греческаго языка, словесности и древностей, въ 1890 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ для предпринимавшагося тогда Палестинскимъ обществомъ изданія каталога греческихъ рукописей, находившихся въ библіотекахъ іерусалимской патріархіи, и черезъ два года былъ приглашенъ читать ново-греческую словесность въ петербургскомъ университетѣ. Съ этого времени онъ былъ приватъ-доцентомъ университета и одновременно служилъ въ императорской публичной библіотекѣ, будучи въ послѣдніе годы библіотекаремъ богословскаго отдѣленія. Покойному принадлежитъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, опубликованныхъ по преимуществу на греческомъ языкѣ, нѣкоторые изъ нихъ напечатаны по-русски. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13151).

† **Смирновъ, Н. П.** Въ Казани скоропостижно скончался стипендіатъ казанскаго университета Николай Петровичъ Смирновъ. Уже на второмъ курсѣ покойный написалъ сочиненіе, удостоенное золотой медали. Въ третій годъ

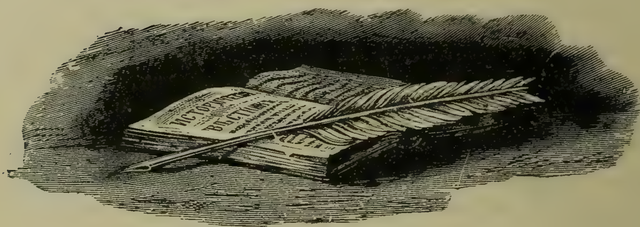
своего пребыванія въ университетѣ Н. П. написалъ другое сочиненіе («Классическое образованіе на русской почвѣ»), тоже удостоенное золотой медали. Состоя по окончаніи университета профессорскимъ стипендіатомъ, Н. П. въ то же время преподавалъ русскую литературу въ Родіоновскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Н. П. не ограничивался классными занятіями. Онъ съ готовностью шелъ навстрѣчу стремленіямъ воспитанницъ, неоднократно устраивая внѣклассныя литературныя бесѣды. Параллельно съ преподаваніемъ въ институтѣ, Н. П. усиленно развивалъ свою научную дѣятельность, преимущественно по исторіи древней русской литературы. Онъ былъ членомъ недавно возродившагося педагогическаго общества при казанскомъ университетѣ и принималъ участіе въ дѣятельности литературной секціи казанскаго общества народныхъ университетовъ. (Некрологъ его: «Школа и Жизнь», 1912, № 43)-

† Тилингъ, Г. Ф. 26-го октября скончался бывшій директоръ императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны профессоръ Г. Ф. Тилингъ. Покойный родился въ 1850 г. въ Ригѣ, гдѣ окончилъ гимназію. По окончаніи медицинскаго факультета дерптскаго университета, Г. Ф. въ 1875 г. былъ назначенъ ассистентомъ дерптской хирургической клиники профессора Э. Бергмана. Въ 1876 г. подъ руководствомъ доктора К. Рейера отправился съ дерптскимъ санитарнымъ отрядомъ на сербско-турецкую войну и состоялъ сначала ординаторомъ, а потомъ и завѣдующимъ больницей для тяжело раненыхъ этого отряда въ городѣ Свилайнацѣ. Вернувшись послѣ перемирія 1876 года въ Россію, Г. Ф. въ слѣдующемъ году защитилъ диссертацію на степень доктора медицины. «Отчетъ о леченіи 142 огнестрѣльныхъ раненій въ сербско-турецкой войнѣ» сразу выдвинулъ его въ ряды выдающихся хирурговъ. Вскорѣ Г. Ф. бросаетъ службу въ клиникѣ и ѣдетъ во главѣ голландско-русскаго походнаго лазарета на Кавказъ, завѣдуя во время русско-турецкой войны этимъ лазаретомъ въ Тифлисѣ, Александрополѣ и Кутаисѣ. Въ 1878 г. поступилъ ординаторомъ въ Александровскую больницу въ память 19-го февраля 1861 г. въ Петербургѣ, а въ 1885 г. перешелъ на должность старшаго ассистента хирургической клиники профессора Монастырскаго при вновь открытомъ императорскомъ клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны. Въ 1887 г. получилъ доцента и послѣ смерти профессора Монастырскаго— въ 1889 г. выбранъ профессоромъ при институтѣ, директоромъ котораго состоялъ съ 1902 до 1909 года. (Некрологъ его: «Петерб. Вѣдом.», 1912 г., № 243).

† Тарновскій, А. К. Скончался старшій инспекторъ книгопечатанія и книжной торговли Анатолій Константиновичъ Тарновскій. По женской линіи покойный А. К. являлся послѣднимъ представителемъ извѣстнаго стариннаго рода Ордынъ-Нащокиныхъ. Воспитывался А. К. въ Пажескомъ корпусѣ, затѣмъ нѣкоторое время былъ офицеромъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Затѣмъ А. К. оставилъ военную службу и въ теченіе 15 лѣтъ занималъ должность земскаго начальника съ Серпуховскомъ уѣздѣ. Здѣсь онъ пользовался большой любовью среди крестьянъ. Съ 1905 года А. К. перевелся въ Москву и здѣсь занималъ постъ старшаго инспектора книгопечатанія и книжной торговли. Не чуждъ былъ покойный и искусству, литературѣ и музыкѣ. Онъ былъ хорошій музыкантъ и составилъ много популярныхъ цыганскихъ романсовъ, изъ которыхъ наиболь-

шимъ распространеніемъ пользовались «Очи черныя», «Съ улыбкой радости» и др. Скончался онъ послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни отъ паралича сердца, послѣдовавшаго за воспаленіемъ легкихъ. Скончался А. К. 53 лѣтъ. (Некрологъ его см.: «Голосъ Москвы», 1912 г., № 252).

† Ціонъ, И. Ѳ. Въ Парижѣ скончался бывшій профессоръ медицинской академіи Илья Ѳаддеевичъ Ціонъ. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ ученыхъ, которымъ судьба улыбалась. При жизни онъ имѣлъ не всѣмъ доступное счастье видѣть, что его научные труды признаны и оцѣнены по достоинству Западною Европой. Образованіе онъ получилъ въ варшавской медико-хирургической академіи, въ кіевскомъ и берлинскомъ университетахъ; съ 1870 г. читалъ лекціи по физіологіи въ петербургскомъ университетѣ, а спустя два года занялъ каѳедру въ военно-медицинской академіи. Какъ физіологъ, онъ пріобрѣлъ большую извѣстность изслѣдованіями сосудистой системы. Большая часть его работъ написана на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а одна ихъ нихъ (объ открытомъ имъ nervus depressor) удостоилась Монтіоновской преміи отъ парижской академіи наукъ. Его же перу принадлежитъ много цѣнныхъ трудовъ въ спеціальной медицинской области. Къ несчастью, И. Ѳ. уклонился отъ своего призванія—науки—и въ послѣднія двадцать лѣтъ съ тою же неослабною энергіей сталъ работать въ чужой ему области политическихъ и финансовыхъ вопросовъ. Его не въ мѣру ретроградныя тенденціи отдалили отъ него передовую часть русскаго общества, а рядъ брошюръ противъ Вишнеградскаго и С. Ю. Витте поссорилъ его и съ офиціальными сферами. Послѣ появленія одной изъ его брошюръ, изданной въ Парижѣ, И. Ѳ. Ціонъ былъ вызванъ въ Россію для объясненій, но не пожелалъ явиться и былъ осужденъ на изгнаніе изъ отечества. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912, № 245).

XXXIV.

Рѣшающее соединенное совѣщаніе министерства, государственнаго совѣта и врачей состоялось подъ предсѣдательствомъ князя Филиппа. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ добился того, чего хотѣлъ. Старательно собранный имъ документальный матеріалъ, отзывъ четырехъ врачей, выдающихся авторитетовъ въ своей спеціальности, наконецъ показанія дворцовыхъ слугъ—все это не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что герцогъ Альфредъ боленъ. Быстрый образъ дѣйствій сдѣлался теперь обязанностью, и тѣмъ не менѣе князь Филиппъ еще медлилъ!

Онъ не могъ и не хотѣлъ рѣшиться на страшный шагъ, который, какъ онъ предвидѣлъ и предчувствовалъ, долженъ былъ повлечь за собой неисчислимыя послѣдствія. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ пріѣзжалъ къ нему нѣсколько разъ, и каждый разъ получалъ отъ него отвѣтъ, что онъ хочетъ еще нѣкоторое время подумать. Наконецъ онъ нехотя уступилъ.

Отвѣтственные чины короны, несмотря на возраженіе Бауманна-фонъ-Брандта, рѣшили, по желанію князя Филиппа, что офиціальный манифестъ о назначеніи регентства будетъ обнародованъ и вступитъ въ силу только тогда, когда Альфредъ, какъ царствующій герцогъ, будетъ увѣдомленъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей о всемъ томъ, что произошло въ Кронбургѣ. По настойчивому приказанію князя Филиппа, должностныя лица даже тѣхъ мѣстъ, которыя лежатъ ближе всего къ новому дворцу, не были поставлены въ извѣстность о рѣшеніи новаго правительства. Даже въ Кронбургѣ народъ не зналъ навѣрно, въ чемъ дѣло; предвидѣли только нѣчто небывалое. Сообщенія иностранныхъ газетъ и иностранцевъ, живущихъ за предѣлами герцогства, опровергались подъ давленіемъ князя Филиппа и его совѣтниковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Въ общемъ, однако, князь Филиппъ слѣдовалъ совѣту стараго, испытаннаго совѣтника короны Бауманна-фонъ-Брандта. Какъ уже назначенный регентъ, онъ предоставилъ ему портфель министра финансовъ и сдѣлалъ его министромъ-президентомъ.

По предложенію Бауманна-фонъ-Брандта была созвана особая государственная комиссія, которая должна была передать герцогу Альфреду бумаги отъ князя-регента и приняться за его леченіе, возможно снисходительное, какъ выразился князь Филиппъ. Комиссія состояла изъ министра-президента, изъ членовъ государственнаго совѣта Штейнгейма и Лехфельда, юстицрата Эринга, старшаго лейтенанта графа Вейсенберга, доктора и его помощниковъ.

Благодаря нерѣшительности князя Филиппа, комиссія запоздала выѣхать на цѣлый день.

Была беззвѣздная, дождливая весенняя ночь, когда кронбургскій поѣздъ съ совѣтниками новаго правителя остановился на небольшой станціи, лежавшей у Гогенарбурга.

Выйдя первымъ изъ вагона, Бауманнъ-фонъ-Брандтъ невольно вспомнилъ о томъ многознаменательномъ днѣ, когда много лѣтъ тому назадъ онъ также выходилъ здѣсь изъ вагона, чтобы извѣстить восемнадцатилѣтняго герцога о смерти его отца и о вступленіи его на престолъ. Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ этого и какихъ лѣтъ!

Словно сіяющее солнце, появился на небѣ этой страны этотъ юноша, а теперь, по его предложенію, онъ долженъ погрузиться въ вѣчный мракъ!

Ни слова не сказалъ министръ-президентъ. Его жестокія черты, казалось, были высѣчены изъ камня, были неподвижны, не выдавали ни одной его мысли. Никто не могъ бы дать себѣ отчетъ въ томъ, что испыталъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ въ этотъ страшный часъ послѣднихъ счетовъ съ тѣмъ, кто нѣкогда однимъ почеркомъ пера сбросилъ его со ступеней трона. Испытывалъ ли онъ удовлетвореніе или печаль, месть или горе, радость или страданіе?

Заранѣе приготовленные для членовъ комиссіи экипажи быстро ѣхали въ Гогенарбургъ подъ высокими деревьями, поникшими отъ дождя.

Ничто не шевелилось въ эту темную, какъ смоль, ночь. Вѣтеръ затихъ. Тяжело обвисли мокрыя вѣтви высокихъ вязовъ, обрамляющихъ дорогу, и какъ бы плакали тысячами слезинокъ. Нигдѣ ни одного огонька. Жуткая тишина лежала надъ уединенной долиной, которую этотъ несчастный, но обожаемый герцогъ любилъ больше всѣхъ другихъ въ своемъ герцогствѣ. Деревеньки, расположенныя у подножія Гогенарбурга, видимо, спали, и ихъ вѣрные жители и не подозрѣвали, что предстояло ихъ герцогу.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ довольно кивнулъ головой. Такъ будетъ лучше всего, если онъ въ эту же ночь быстро и безъ шума совершитъ свое неслыханное дѣло.

Мрачная рѣшимость виднѣлась на тонкомъ лицѣ придворнаго врача, авторитетъ котораго служилъ послѣдней инстанціей въ вопросѣ о смертномъ приговорѣ надъ герцогомъ, и которому теперь приходилось нести отвѣтственность за все то, что можетъ произойти.

Медленно подвигались экипажи по улицамъ деревни. Никого не было видно въ окнахъ. Казалось, маленькая деревенька находилась въ волшебномъ снѣ. Иногда то тутъ, то тамъ лаяли собаки, вскрикивалъ проснувшійся пѣтухъ.

На маленькой колокольнѣ деревенской церкви стали бить часы, и бой ихъ дрожа расплывался во мракѣ ночи.

Было три часа утра. Въ Кронбургѣ разсказывали, что это самое удобное время, для переговоровъ съ герцогомъ.

Изъ волнъ тумана, который словно траурной пеленой окутывалъ въ эту ночь вершины могучихъ горъ, проглянули очертанія огромнаго замка св. Грааля и старинной крѣпости Гогенарбурга. Какая-то дрожь благоговѣнія охватила Бауманна-фонъ-Брандта при этомъ величавомъ зрѣлищѣ.

Тамъ вверху жилъ нѣкто, стоявшій выше всѣхъ смертныхъ! Онъ и теперь еще стоитъ выше всѣхъ людей! А онъ! Какъ волкъ, какъ лисица, крадется онъ въ эту темную ночь, чтобы его...

Все было темно въ замкѣ и въ Гогенарбургѣ. Неужели въ концѣ концовъ его неправильно освѣдомили о привычкахъ Альфреда? Неужели онъ, какъ и всѣ другіе люди, спитъ въ этотъ часъ въ своей раззолоченной кровати и не предчувствуетъ ничего?.. Не похожъ ли онъ на Макбета, который убилъ сонъ?

Ни одного огонька ни въ замкѣ, ни въ Гогенарбургѣ! Члены комиссіи вопросительно глядѣли другъ на друга. Бауманнъ фонъ-Брандтъ быстро отдалъ приказъ сейчасъ же ѣхать по широкой изгибистой дорогѣ къ замку.

Съ трудомъ потащились лошади, уже сдѣлавшія большой путь, по великолѣпной дорогѣ, ведшей наверхъ.

Посланцы князя Филиппа молча сидѣли въ экипажахъ.

Наконецъ поднялись на вершину скалы. Экипажи остановились.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ вышелъ.

Навстрѣчу ему двинулся часовой.

— Именемъ его свѣтлости князя Филиппа, регента этой страны, приказываю дать намъ пропускъ. Мы должны передать его высочеству герцогу его собственноручное письмо.

Солдатъ молча порылся въ карманѣ и показалъ министру-президенту собственноручный приказъ герцога.

«Подъ страхомъ смертной казни не пропускать никого, даже комиссію. Кто будетъ пробиваться силою, того разстрѣливать по законамъ военнаго времени. Альфредъ».

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ вздрогнулъ, прочитавъ этотъ приказъ. Однако онъ овладѣлъ собою и сказалъ часовому:

— Позови караульнаго офицера!

Солдатъ покачалъ головой.

— Подъ страхомъ смертной казни мнѣ запрещено покидать п стъ.

Тогда Бауманнъ-фонъ-Брандтъ самъ дернулъ за звонокъ, который шелъ отъ воротъ замка въ помѣщеніе караула.

Въ мертвой тишинѣ раздался дребезжащій звукъ колокольчика.

И вдругъ во всѣхъ золотыхъ залахъ, на лѣстницѣ, на башнѣ загорѣлись тысячи свѣчей. Служителямъ было приказано при малѣйшемъ шорохѣ въ эту ночь освѣтить все зданіе, какъ днемъ.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ сдѣлалъ шагъ назадъ. Зрѣлище было изумительное, но, очевидно... тутъ ко всему были готовы. Очевидно, въ Гогенарбургѣ уже знали объ отъѣздѣ и прибытіи комиссіи, ко-

торое онъ держалъ въ тайнѣ. Теперь приходилось быть на сторожѣ: тутъ могло произойти все. А князь Филиппъ настоялъ на томъ, чтобы отложить офиціальный манифестъ о назначеніи регентства. Въ глазахъ народа не онъ былъ царствующимъ государемъ, а этотъ, герцогъ!..

Караульный офицеръ подошелъ къ Бауманну. Выслушавъ его, онъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Все то, что ваше превосходительство изволите говорить, можетъ быть, и вѣрно. Но мы не получали объ этотъ никакого извѣщенія изъ Кронбурга. Мы имѣемъ строгій приказъ его высочества разстрѣлять каждаго, кто вздумаетъ пробраться въ замокъ хитростью или силою. И мы исполнимъ этотъ приказъ нашего царствующаго государя, будете въ этомъ увѣрены. Поступить иначе значило бы быть предателемъ. По желанію его высочества, комендантомъ этого замка и главнокомандующимъ его гарнизономъ состоитъ адъютантъ его высочества фонъ-Ласфельдъ.

— А эта бумага отъ князя?

— Князь Филиппъ пока для насъ частный человѣкъ, ваше превосходительство. Герцогъ—Альфредъ. Мы присягали ему, и насъ никто отъ этой присяги не освободитъ. Мы исполняемъ нашу обязанность.

За воротами послышалось бряцанье оружіемъ. Караулъ сталъ подъ ружье.

— Заряжай,—послышалась команда. Бауманнъ-фонъ-Брандъ ясно слышалъ ее.

— Въ такомъ случаѣ, мы вернемся въ Гогенарбургъ, и вы получите изъ Кронбурга дальнѣйшія распоряженія.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ сѣлъ въ экипажъ.

Обратно ѣхали тою же дорогой, ѣхали, что называется, ни съ чѣмъ. Что же теперь дѣлать?

Что такое произошло? Всѣ деревни вдругъ пробудились отъ сна. Освѣщеніе дворца было для нихъ знакомъ. Народъ спѣшилъ изъ всѣхъ ущелій и долинъ.

Въ карету Бауманна-фонъ-Брандта ударился камень и разбилъ вдребезги оконное стекло. Бѣшено гнали внизъ лошадей, чтобы, по возможности, спасти членовъ комиссіи. Явились жандармы и пожарные окрестныхъ мѣстностей. Они были вооружены съ ногъ до головы и усѣяли горную дорогу, готовясь защищать герцога.

Толпы крестьянъ съ ружьями, цѣпами, крюками и топорами, вилами и ножами покрывали всю долину.

— На жизнь и смерть за герцога!—гремѣлъ многотысячный крикъ въ мертвой тишинѣ горъ.

Этотъ крикъ относился до Бауманна-фонъ-Брандта и его спутниковъ, какъ гласъ суда.

Въ бѣшеной скачкѣ неслись внизъ экипажи.

Сотни факеловъ и огней, которые принесли съ собою горные жители, свѣтились во мракѣ этой ночи. И Бауманнъ-фонъ-Брандтъ понялъ, что они рѣшились охранять гнѣздо орла.

Комиссія нашла убѣжище въ покинутой кордегардіи Гогенарбургскаго замка. Деревенскій староста старался водворить здѣсь спокойствіе: нужно выждать, не слѣдуетъ прибѣгать къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Изъ устъ въ уста передавался слухъ, что, по приказанію герцога, двинулся въ походъ цѣлый батальонъ, который будетъ здѣсь черезъ часъ. Онъ освободитъ герцога и перестрѣляетъ измѣнниковъ.

На небольшой телеграфной станціи въ Гогенарбургѣ шла лихорадочная работа. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ хотѣлъ извѣстить обо всѣмъ Кронбургъ, но телеграммы его рѣшительно не приняли. Станція была предоставлена въ распоряженіе только одного герцога.

Приказъ о выступленіи одного батальона, подписанный Альфредомъ и комендантомъ фонъ-Ласфельдомъ, былъ дѣйствительно отправленъ въ ближайшій гарнизонъ. Теперь телеграфъ работалъ, передавая въ Кронбургъ манифестъ Альфреда. Въ немъ князь Филиппъ обвинялся въ государственной измѣнѣ вмѣстѣ съ членами государственнаго совѣта, армія призывалась сплотиться вокругъ герцога, народъ вооружиться и стать на его защиту.

Таковъ былъ высочайшій приказъ.

Онъ былъ отправленъ къ коменданту столицы, который отъ имени герцога долженъ былъ передать его арміи, генеральному штабу и офицерамъ.

Наконецъ Бауманну-фонъ-Брандту удалось послать пѣшкомъ въ ближайшій городъ своего кучера, переодѣтаго крестьяниномъ. Тамъ онъ долженъ былъ дать телеграмму его свѣтлости князю Филиппу, въ которой вновь назначенный министръ-президентъ просилъ о немедленномъ объявленіи регентства.

Министръ-президентъ и его спутники остались дожидаться утра въ помѣщеніи кордегардіи. Что-то оно имъ принесетъ! Кроваво-красное, оно медленно поднималось надъ горными пропастями.

Въ девятомъ часу въ Гогенарбургѣ появился офицеръ герцогской лейбъ-гвардіи въ сопровожденіи конвоя и предъявилъ приказъ:

«Комиссію арестовать и представить безотлагательно для казни въ мой замокъ. Альфредъ».

А изъ Кронбурга попрежнему никакихъ вѣстей, никакихъ распоряженій, на основаніи которыхъ можно было бы дѣйствовать энергично и успокоить населеніе, приготовившееся къ смертному бою за герцога.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

«Для казни!» Что если онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ дѣло съ людьми, готовыми повиноваться этому сумасшедшему?

Между тѣмъ распоряженія впавшаго въ безумную ярость герцога сыпались градомъ.

Бауманна-фонъ-Брандта должны доставить ему живого, онъ будетъ замученъ до смерти на его глазахъ. Врачей, которые осмѣлились на такое дѣло, онъ велитъ изжарить на своей придворной кухнѣ живьемъ и будетъ кормить ихъ мясомъ своихъ собакъ. Къ остальнымъ онъ будетъ милостивъ и велитъ сбросить ихъ въ зіяющую пропасть горныхъ ущелій!

Лишь бы только солдаты были здѣсь и подоспѣлъ батальонъ, который онъ вызвалъ, а за нимъ и вся армія, которой онъ приказалъ черезъ коменданта Кронбурга хранить непоколебимую вѣрность ему.

Вооруженный съ ногъ до головы, Альфредъ стоялъ въ золотой столовой возлѣ Ласфельда. Онъ будетъ сражаться и одержитъ побѣду, отомститъ врагамъ, выдумаетъ ненавистнымъ дьявольскую, еще невиданную казнь.

Офицеръ герцогской лейбъ-гвардіи не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій: Бауманнъ-фонъ-Брандтъ съ двумя своими спутниками должны итти въ новый дворецъ. Тамь въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій герцога они должны быть заключены въ башню надъ воротами, остальные будутъ содержаться подъ военнымъ карауломъ въ кордегардіи Гогенарбурга.

XXXV.

Черезъ короткое время караульный офицеръ снова явился въ Гогенарбургъ. На этотъ разъ всѣ члены комиссіи, какъ плѣнники, были препровождены подъ сильнымъ конвоемъ въ новый герцогскій замокъ.

Равнина и дороги къ замку уподобились военному лагерю. Всѣ мѣловыя скалы были заняты вооруженными людьми, готовыми по первому знаку герцога броситься на пріѣзжихъ изъ Кронбурга и покончить съ ними. Они стояли въ угрожающемъ положеніи.

Докторъ и его ассистенты сильно струсили при этомъ зрѣлищѣ.

Дворцовый караулъ принялъ ихъ. «Впредь до дальнѣйшихъ распоряженій герцога», какъ имъ сказали, ихъ заперли въ ту же башню надъ воротами, гдѣ находился уже Бауманнъ-фонъ-Брандтъ. Всѣ представленія, сдѣланныя въ Гогенарбургѣ, не привели ни къ чему, не помогло и предъявленіе подписаннаго княземъ Филиппомъ указа о назначеніи регентства. Населеніе этихъ горъ хранило непоколебимую вѣрность герцогу, казавшемуся для нихъ божествомъ въ хорошіе и плохіе дни, который и теперь былъ еще для нихъ непоколебимымъ божествомъ.

Безпокойно ходилъ Альфредъ въ своихъ раззолоченныхъ аппартаментахъ. Онъ часто подходилъ къ окну, его взглядъ блуждалъ по дивной панорамѣ, которую теперь заволакивала тучка тяжелаго лѣтняго дождя. Ему вспомнились дни волшебнаго счастья, величаваго царственнаго уединенія, въ которомъ онъ жилъ, высоко надъ всѣми смертными людьми, а теперь?

Нѣтъ, онъ одержитъ побѣду, его телеграфный приказъ уже пошелъ въ Кронбургъ. Ласфельдъ уже вызвалъ вѣрный батальонъ изъ ближайшаго гарнизона. Его солдаты явятся и займутъ этотъ замокъ, поднимется весь его народъ и окажетъ сопротивленіе измѣнникамъ. Онъ соберется около него, своего герцога, если только и здѣсь, въ горахъ, не найдется измѣнника.

И тогда горе врагамъ его!

Горе Бауманну-фонъ-Брандту и его авторитетамъ—арлекинамъ и паяцамъ, которые осмѣлились посягнуть на его герцогское величіе и въ угоду другимъ объявить его, помазанника Божія, больнымъ! О, онъ встрѣтилъ бы ихъ штыками и пулями, если бъ уже былъ здѣсь батальонъ, котораго онъ такъ нетерпѣливо ждалъ.

Вошелъ адъютантъ фонъ-Ласфельдъ.

— Ваше высочество!

— Послали ли вы уже манифестъ къ моему народу и войску, Ласфельдъ, отправленъ ли уже приказъ батальону и депеша его королевскому высочеству кронпринцу?

— Ваши приказанія уже исполнены, ваше высочество. Комендантъ Кронбурга объявитъ столицѣ вашъ призывъ къ соблюденію присяги. Отвѣтъ его королевскаго высочества также скоро будетъ у васъ въ рукахъ.

— Отлично! Все идетъ хорошо! О, негодяи! Я велю зажарить ихъ живьемъ на моей кухнѣ и кормить собакъ этимъ лакомствомъ, понимаете? А для Бауманна-фонъ-Брандта и этихъ его авторитетовъ, обезьянъ его превосходительства, я выдумаю такую казнь, о которой никто еще не слышалъ! Я запру этихъ обезьянъ въ клѣтку и буду показывать ихъ народу, какъ первоклассную рѣдкость. Да, да, да, все это я сдѣлаю, Ласфельдъ.

— Ваше высочество! Ваша самоувѣренность и мужество дѣлаютъ вамъ честь, но...

— Что но?

— Вашему высочеству не слѣдуетъ въ такой рѣшительный часъ упускать изъ виду и благоразуміе.

— Благоразуміе?

— Да.

— Говорите, Ласфельдъ.

— Положеніе, которое заняли власти въ Гогенарбургѣ, заставляетъ задуматься.

— Что это значитъ?

— Если я не ошибаюсь, начальникъ округа отправилъ въ Кронбургъ телеграфный запросъ.

— О чемъ? И почему?

— Мнѣ сказалъ объ этомъ по секрету одинъ чиновникъ герцогскаго почтамта.

— Запросъ о чемъ?

— Я не смѣю этого сказать, ваше высочество...

— Я приказываю вамъ, Ласфельдъ.

— Запросъ о томъ, дѣйствительно ли дядя вашего высочества, князь Филиппъ, назначилъ регентство...

— Регентство?

При этомъ словѣ Альфредъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Регентство, Ласфельдъ?—повторилъ онъ еще разъ.—Это значитъ, что въ Кронбургѣ за моей спиной украли мою корону.

— Да, ваше высочество.

— Да...

Съ минуту герцогъ стоялъ, какъ окаменѣлый.

— И начальникъ округа спрашивалъ объ этомъ... и если отвѣтъ изъ Кронбурга?..

— Если отвѣтъ будетъ полученъ въ утвердительномъ смыслѣ, тогда, ваше высочество...

— Тогда?..

Ласфельдъ молчалъ.

— Нужно повѣсить измѣнниковъ, Ласфельдъ, и этого начальника округа. Понимаете Ласфельдъ? Это мой приказъ. Пусть дворцовый караулъ немедленно выведетъ всѣхъ членовъ этой проклятой комиссіи на дворъ замка и разстрѣляетъ ихъ сейчасъ же на моихъ глазахъ, такъ приказываетъ благоразуміе, Ласфельдъ.

— Ваше высочество!

— Идите, торопитесь исполнить мой приказъ. Впрочемъ, подождите. Не на моихъ глазахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не могу видѣть кровь! Нѣтъ, нѣтъ!

Ласфельдъ удалился.

Что ему дѣлать? Неужели герцогъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ своимъ манифестомъ кровавое военное право? Неужели это было единственнымъ средствомъ? А тѣ въ Кронбургѣ?...

Въ глубокомъ раздумьѣ шелъ онъ по двору замка, направляясь къ помѣщенію караула, чтобы посовѣтоваться съ караульнымъ офицеромъ.

Войдя въ кордегардію, онъ увидѣлъ начальника мѣстнаго округа. У него въ рукахъ была телеграмма, гласившая, что собственноручный указъ князя Филиппа о регентствѣ, скрѣпленный отвѣтственными министрами, вступилъ въ силу.

Слезы стояли на голубыхъ глазахъ человѣка, передававшаго ему эту телеграмму. Высокій Ласфельдъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и зарыдалъ, какъ дитя.

Герцогъ погибъ. Это извѣстіе изъ Кронбурга возвращало свободу членамъ комиссіи, освобождало и его самого, и гогенарбургскихъ властей отъ присяги на вѣрность и дѣлало изъ нихъ государственныхъ измѣнниковъ, если бы они исполняли распоряженія лишеннаго престола и объявленнаго душевно-больнымъ герцога.

Въ эту тяжелую минуту Ласфельдъ понялъ положеніе вещей.

Вслѣдствіе этой телеграммы, по распоряженію начальника округа, который бралъ на себя всю отвѣтственность, члены комиссіи были освобождены изъ-подъ ареста. Сначала вышелъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ, затѣмъ его спутники. Съ ближайшимъ поѣздомъ они вернулись въ Кронбургъ.

Только докторъ и его ассистенты остались въ Гогенарбургѣ и ожидали страшнаго часа окончательной развязки, которая теперь была уже не за горами.

Пока Альфредъ воображалъ, что его приказы будутъ исполнены, пока онъ посматривалъ, не покажутся ли на западѣ равнины блестящія каски и ружья батальона, идущаго на его освобожденіе, измѣна уже совершилась въ кордегардіи его собственнаго замка. При помощи какого-то обрывка бумаги онъ былъ смѣщенъ съ престола и отданъ на произволъ доктора и его ассистентовъ.

Онъ еще не зналъ ничего, но уже предчувствовалъ недоброе.

Тихо вошелъ Ласфельдъ.

— Исполнено мое приказаніе?

— Ваше высочество...

— Исполнено мое приказаніе?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Измѣнникъ!

— Я снесу это оскорбительное слово, ваше высочество. Начальникъ округа освободилъ изъ-подъ ареста членовъ комиссіи. Телеграмма...

— Ха-ха-ха!—загремѣлъ Альфредъ.—А мой батальонъ?

— Я боюсь, ваше высочество, что онъ прибудетъ не такъ скоро, какъ я полагалъ.

— Чего же вы боитесь?

— Я боюсь, ваше высочество, что изъ предосторожности командованіе вашимъ батальономъ будетъ передано въ Кронбургѣ корпусному командиру.

— Развѣ я не герцогъ?

— Не знаю, ваше высочество, герцогъ ли вы теперь.

— Что?

Въ отчаяніи Альфредъ замахалъ по воздуху обѣими руками и сталъ рвать на себѣ волосы.

— Что вы сказали, Ласфельдъ? Что мнѣ дѣлать?

— Опаснѣе всего медлить, ваше высочество. Въ вашемъ распоряженіи всего нѣсколько часовъ. Спѣшите ими воспользоваться. Бѣ-

гите за границу! Телеграмма кронпринца еще въ пути, ищите убѣжища у его королевскаго высочества кронпринца и его супруги кронпринцессы Матильды!

Словно молнія блеснула на блѣдномъ, какъ полотно, лицѣ Альфреда при этомъ имени.

— Голубка равнины кружится вокругъ горнаго орла, Ласфельдъ,—сказалъ онъ вдругъ.—Впрочемъ, вы этого не понимаете.

— Я, дѣйствительно, этого не понимаю, ваше высочество. Бѣгите на территорію сосѣдняго дружественнаго вамъ государства. До границы всего нѣсколько часовъ. Умоляю васъ. Ручаюсь вамъ моей жизнью, что я благополучно доставлю васъ туда. Слѣдуйте за мной верхомъ по охотничьей тропѣ, выйдете черезъ заднія ворота, бѣжимъ къ пропастямъ, оттуда на виллу и дальше ущельемъ!

— Нѣтъ! Я хочу сопротивляться имъ!

— Въ такомъ случаѣ спѣшите въ Кронбургъ, покажитесь народу, покажите странѣ, что вы не то, за что васъ принимаютъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Батальонъ явится сюда, Ласфельдъ, и я буду защищаться. Замокъ достаточно крѣпокъ. Что такое?

Кто-то постучалъ въ дверь комнаты. Альфредъ вздрогнулъ.

— Это они, Ласфельдъ, это они. Всѣ измѣняютъ мнѣ.

Вошелъ лакей.

— Телеграмма вашему высочеству.

Дрожащими руками раскрылъ Альфредъ депешу.

«Поѣзжайте въ Кронбургъ, но сейчасъ же. Отстаивайте сами свои права. Слышите—ваше право, передъ ландтагомъ вашей страны. Матильда будетъ недалеко отъ васъ, на озерѣ, около Лаубельфингена. Мы сдѣлаемъ, что можемъ. Кронпринцъ Карлъ».

— Голубка защищаетъ орла. Видите, Ласфельдъ, Матильда находится недалеко.

— И ваше высочество ѣдете сейчасъ въ Кронбургъ?

— Нѣтъ! Я встрѣчу ихъ пулями!

— А если батальонъ... Герцогъ, герцогъ!

— Идите назадъ,—послышался голосъ лакея.

— Что тамъ такое?

Въ это время какая-то дама, одѣтая въ черное платье и съ вуалью, вбѣжала въ комнату!

— Кто вы? Что вамъ здѣсь нужно?—закричалъ герцогъ, охваченный страхомъ и ужасомъ.

— Она пробѣжала мимо часовыхъ, по ней стрѣляли, но не могли ее удержать. Она бросилась наверхъ и разыскала аппартаменты вашего высочества...какая-то сумасшедшая...—оправдывался лакей.

— Что вамъ здѣсь нужно и кто вы?—снова спросилъ герцогъ.

— Я иностранка. Я живу въ Гогенарбургѣ для леченія. Герцогъ, ваше высочество, спѣшите въ Кронбургъ, покажитесь столицѣ, пока еще не поздно. Врагъ съ своими помощниками ждутъ только

ночи, чтобы схватить васъ! Я это знаю навѣрно. Спѣшите въ Кронбургъ и покажите странѣ, что вы еще герцогъ.

— Нѣтъ.

Альфредъ подошелъ къ окну.

— Они должны подойти! Мой батальонъ долженъ прійти! Таковъ былъ герцогскій приказъ! Если они не придутъ, это будетъ государственной измѣной! Нельзя найти трехъ сотенъ герцогскихъ подданныхъ, которые всѣ вдругъ стали бы измѣнниками, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Они должны прійти!

— Герцогъ,—заговорила опять закутанная вуалемъ дама:—спѣшите въ Кронбургъ и положитесь на народъ, разорвите сѣть придворной лжи, выступите передъ представителями герцогства, покажитесь ландтагу. Тогда они не посмѣютъ!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!

Только это роковое слово и слышалось съ устъ Альфреда.

Онъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ не могъ видѣть эту даму, онъ чувствовалъ передъ нею какую-то слабость, какъ будто онъ готовъ былъ уступить ей.

Ласфельдъ отправился за нимъ по пятамъ.

— Послушайте, Ласфельдъ,—вдругъ сказалъ онъ.—Нужно защищать замокъ до послѣдней крайности, пока не подоспѣетъ на выручку намъ батальонъ. Но на всякій случай приготовьте мнѣ яду. Живымъ они меня не возьмутъ, и въ ящикъ я запереть себя не дамъ. Меня имъ не удастся запереть живымъ, Ласфельдъ. Клянусь своей жизнью.

— Но, ваше высочество,—пытался успокоить его адьютантъ.

— Нѣтъ, Ласфельдъ, никогда. Если мнѣ измѣнитъ этотъ батальонъ, какъ измѣнилъ этотъ начальникъ округа въ Гогенарбургѣ, какъ измѣнилъ князь Филиппъ и все министерство, тогда я приму ядъ. Если мнѣ не дадутъ этого, я брошусь внизъ съ отвѣсной скалы въ пропасть. Живымъ я не сдамся, даже если...

— Даже если?

— Даже если погаснетъ послѣдній лучъ надежды! Развѣ вы не читали, что Матильда находится недалеко. Не вы ли говорили, или эта женщина, что они хотятъ отправить меня въ Турмъ?

— Такъ говорила эта женщина. Ваше высочество, все, что я теперь дѣлаю, я дѣлаю только изъ любви къ вамъ. Изъ Кронбурга пришелъ приказъ задерживать всѣ телеграммы и письма на ваше имя. Объ этомъ четверть часа тому назадъ сообщилъ почтмейстеръ изъ Гогенарбурга. Но по моей просьбѣ онъ отдалъ мнѣ вотъ это письмо. Я передаю его вашему высочеству съ опасностью, что меня обвинятъ въ государственной измѣнѣ и разстрѣляютъ въ Кронбургѣ.

Альфредъ понялъ.

Онъ схватилъ Ласфельда за руку и сдѣлалъ то, чего не дѣлалъ ни съ однимъ изъ своихъ подданныхъ: поцѣловалъ его въ щеку.

— За вѣрность, Ласфельдъ.

Онъ раскрылъ небольшой пакетъ, который ему передалъ адъютантъ. На немъ была печать съ лебедемъ, которую онъ когда-то, много лѣтъ тому назадъ, подарилъ Матильдѣ на своемъ Розовомъ островѣ.

«Письмо, запечатанное этой печатью, я прочту даже въ минуту своей смерти», пронеслось вдругъ у него въ головѣ.

И онъ сталъ читать:

«Голубка орлу.

«Я нахожусь въ гостиницѣ въ одной маленькой деревенькѣ на берегу Лаубельфингена. Они повезутъ тебя на нашъ берегъ, въ замокъ Турмъ, слѣдуй за ними. Дальнѣйшія извѣстія получишь въ томъ тайномъ мѣстѣ, знаешь, на озерѣ, гдѣ когда-то мой челнокъ тайно причалилъ однажды ночью. Служитель въ Турмѣ, старикъ Венцель, преданъ тебѣ. Отдай ему золотой ключъ и жди! Матильда».

Радость прошла по лицу Альфреда.

— Вы оказали мнѣ величайшую услугу въ жизни, Ласфельдъ, сказалъ онъ.—Я очень благодаренъ вамъ.

— Изъ любви къ вамъ, ваше высочество,—сквозь слезы отвѣчалъ вѣрный адъютантъ.

Альфредъ подошелъ къ окну.

— Они идутъ сюда, Ласфельдъ они идутъ!

— Да, они идутъ, ваше высочество, — мрачно отвѣчалъ адъютантъ.

На поворотѣ горной дороги въ самомъ дѣлѣ видны были свѣтлые мундиры и блестѣвшее оружіе.

— Да это не стрѣлки!—вдругъ въ ужасѣ воскликнулъ Альфредъ.

— Нѣтъ, ваше высочество, это караулъ, присланный изъ Кронбурга. Онъ смѣнитъ дворцовый караулъ, и ваше высочество превратитесь въ плѣнника. Меня арестуютъ и, какъ государственнаго измѣнника, отправятъ въ столицу. Не забудемъ этого часа, ваше высочество, что бы потомъ съ нами ни случилось, будемъ ли мы въ казематахъ Кронбурга или на Лаубельфингенскомъ озерѣ.

— Не забудемъ, Ласфельдъ.

Герцогъ и его адъютантъ протянули другъ другу руку.

Они стояли у окна и смотрѣли, какъ караулъ князя Филиппа смѣнялъ караулъ герцога.

— Измѣнники сдаютъ мой замокъ!—зарыдалъ Альфредъ.

И онъ не ошибся.

Священный замокъ Грааля былъ занятъ войсками князя Филиппа. Герцогъ превратился въ плѣнника.

Минуту спустя Ласфельдъ въ сопровожденіи двухъ офицеровъ ѣхалъ въ Кронбургъ, гдѣ къ нему было предъявлено обвиненіе въ государственной измѣнѣ.

— Голубка ждетъ,—мрачнымъ тономъ повторялъ про себя Альфредъ.

XXXVI.

Мертвая тишина царила теперь въ золотыхъ покояхъ дворца, по которому безпокойно ходилъ взадъ и впередъ Альфредъ. Ласфельдъ уѣхалъ, проходили часы, а онъ не возвращался.

Наконецъ герцогъ понялъ весь ужасъ своего положенія.

Манифестъ о назначеніи регентства былъ объявленъ всей странѣ, онъ самъ запертъ въ этомъ уединенномъ дворцѣ, охрана котораго такъ безстыдно была поручена его врагамъ, и отрѣзанъ отъ всего міра. Измѣнники-слуги—вотъ кто теперь окружали его непосредственно.

Какой неблагодарностью платятъ ему теперь тѣ, кто въ теченіе десятковъ лѣтъ боготворили его и носили его на рукахъ!

А тутъ еще придетъ этотъ страшный человѣкъ, научный авторитетъ котораго съ холоднымъ смѣхомъ бросилъ его съ солнечной высоты его славы въ жуткій мракъ величайшаго изъ человѣческихъ бѣдствій, придетъ съ ассистентами и помощниками, какъ палачъ, который тащитъ на плаху неспособную къ сопротивленію жертву! Онъ явится! Явится непремѣнно!

Герцогъ сталъ похожъ на какое-то привидѣніе. Въ высокихъ зеркалахъ золотыхъ колоннъ отражалась его печальная фигура, передъ которой онъ самъ содрогался. Его лицо сдѣлалось бѣло, какъ у мертвеца, ни кровинки въ щекахъ, черные волосы свисли въ безпорядкѣ на его высокій бѣлый лобъ, походка стала колеблющейся, а великолѣпные большіе, черные глаза, на которые любовались тысячи народа, свѣтились какимъ-то непріятнымъ огонькомъ.

Безпокойно изъ залы въ залу ходилъ онъ своимъ невѣрнымъ шагомъ. Онъ уже не видалъ золота, не видалъ великолѣпныхъ картинъ на этихъ мраморныхъ стѣнахъ, представлявшихъ сцены изъ твореній маэстро и вызывавшихъ въ немъ когда-то въ часы его страшнаго уединеннаго счастья такой восторгъ.

Онъ могъ сосредоточиться только на одной мысли—на единственномъ страстномъ желаніи во что бы то ни стало, даже цѣною его герцогской жизни, убѣжать отъ этого человѣка, осмѣлившагося на такое дѣло. О, какъ ненавистенъ былъ ему этотъ человѣкъ! Онъ еще поплатится, что бы изъ этого ни вышло! Что если онъ теперь, сейчасъ, ускользнетъ отъ этого человѣка, наложивъ на себя руки? Тогда побѣда будетъ выиграна.

И вдругъ ему блеснулъ слабый лучъ надежды—письмо Матильды!

Конечно, они были всемогущи, они могли бороться и съ кронпринцессой, и съ ея любовью, ради которой она рѣшилась освободить его!

Онъ переходилъ отъ окна къ окну. Его взглядъ скользилъ по любимымъ горамъ, закутаннымъ туманомъ въ этотъ дождливый

душный день, свидѣтелямъ его дѣтства и юности, восходящей звѣзды его безконечнаго царства красоты и величія. Онъ долженъ теперь навсегда проститься съ ними, съ голубыми горными цвѣтами, съ озерами, блескъ которыхъ сегодня смѣнился сѣрымъ, тусклымъ свинцовымъ колоритомъ.

Въ концѣ концовъ лучше теперь же и сразу положить всему конецъ. Кто знаетъ, этимъ ли ограничивается то, что предстоитъ ему отъ Бауманна-фонъ-Брандта и его куколъ?

Плохо было бы для доктора, если бъ онъ нашелъ здѣсь трупъ, если бъ замокъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ войдетъ въ него, опустѣлъ, если бъ онъ принудилъ герцога этой страны къ самоубійству на глазахъ всего міра.

Да, онъ такъ и сдѣлаетъ. А Матильда? Голубка хочетъ помочь ему, но вѣдь это слишкомъ поздно послѣ всего происшедшаго! Нѣтъ, они не поймаютъ его, имъ не удастся захватить его!

Съ какимъ достоинствомъ умирали герои Рима и мудрецы древности, о которыхъ онъ читалъ, о которыхъ онъ мальчикомъ училъ въ Гогенарбургѣ! Но вѣдь и онъ способенъ умереть съ вѣнкомъ розъ на головѣ, съ кубкомъ вина въ рукѣ!

Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, сколько времени онъ безпокойно, въ полномъ одиночествѣ проходилъ по золотымъ комнатамъ.

Когда онъ опять подошелъ къ окну, спускалась уже ночь. Дождь лилъ тяжелыми потоками на великолѣпныя, теперь совсѣмъ потонувшія въ туманѣ горы его любимой долины. Это облегчало ему прощаніе съ ними, на него нашло какое-то ледяное спокойствіе, желаніе смерти, если бъ край его царственной мечты предсталъ предъ нимъ въ этотъ послѣдній день во всей своей величавой красотѣ.

Бросить все—корону и пурпуровую мантію, которую у него украли, эти замки съ ихъ сказочной роскошью, бросить послѣднюю сладкую мысль о надеждѣ, отвергнуть даже любовь Матильды—единственной, которая оказалась готовой сохранить свою вѣрность до гроба! Погрузиться въ сладкую нирвану, войти въ сладкую Валгаллу, гдѣ ждутъ его герои сѣдой старины, столь ими любимые Вотанъ и Брунгильда, Зигмундъ и Зигурдъ! Да, да!

Съ твердой рѣшимостью онъ подошелъ къ двери и позвонилъ.

Немедленно явился лакей.

«И этотъ былъ измѣнникомъ, какъ всѣ они были измѣнниками,—пронеслось въ головѣ Альфреда при видѣ лакея, посѣдѣвшаго на службѣ герцога.—Одинъ только старикъ Венцель въ Турмѣ сохранилъ вѣрность, какъ пишетъ Матильда. Ахъ, если бъ онъ ей вѣрилъ, если бъ онъ довѣрялъ ей, не было бы теперь нужды дѣлать это!»

Нѣтъ! онъ не можетъ перенести, чтобы этотъ палачъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ и его помощники изъ этого неслыханной роскоши замка Грааля потащили его въ Турмъ! Нѣтъ, никогда!

— Принеси мнѣ вина,—сказалъ онъ лакею.—Побольше, понимаешь? Замороженнаго шампанскаго. Надо быть веселымъ, братецъ, и смыть съ себя заботы. Вина, вина!

Лакей вышелъ.

Съ четверть часа сидѣлъ Альфредъ, погрузившись въ глубокое раздумье.

Наконецъ явился лакей и принесъ то, что ему было приказано.

— Чего ты примѣшалъ къ вину, мой милый? Что тебѣ далъ этотъ докторъ? Скоро же онъ дѣйствуетъ!

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество, клянусь жизнью, ничего не подмѣшано!

— А ты сдѣлалъ бы лучше, если бъ положилъ въ вино чего-нибудь, что быстро помогаетъ, понимаешь? Дѣйствуетъ быстро и вѣрно и облегчило бы мнѣ страшный прыжокъ въ бездну.

Слуга налилъ бокалъ вина, которое Альфредъ выпилъ съ жадностью. Потомъ онъ вынулъ изъ стола золотой подсигаръ и закурилъ папиросу.

Быстро пилъ онъ стаканъ за стаканомъ игристое шампанское.

— Теперь принеси мнѣ ключъ отъ замка Турма. Довольно пить.

Молча исчезъ старый лакей.

Альфредъ ждалъ.

Не послышались ли ему шаги нѣсколькихъ людей по мраморнымъ лѣстницамъ замковаго двора?

Что это?

Онъ тихонько открылъ дверь.

— Ключъ отъ Турма!—крикнулъ онъ.

Вошелъ слуга.

— Ключъ отъ Турма затерянъ, ваше высочество,—доложилъ онъ, заикаясь:—его никакъ не могутъ найти.

— Лжецъ,—закричалъ Альфредъ,—подлый лжецъ, предатель, я задушу тебя. Въ молодости меня звали Геркулесомъ, я расправлюсь съ тобой по-своему, да и со всѣми другими. Я хочу, чтобы ключъ отъ Турма былъ здѣсь, слышишь ты. Ключъ! Вотъ тебѣ мой герцогскій приказъ!

Слуга поспѣшилъ отойти отъ него.

Герцогскій приказъ!

Альфредъ мрачно засмѣялся. Онъ уже больше не... Филиппъ... а онъ—больной... не герцогъ... съ нимъ можно поступать, какъ угодно.

— Ключъ,—заскрипѣлъ онъ зубами въ припадкѣ дикаго отчаянія:—ключъ отъ Турма!

Слуга исчезъ.

Альфредъ сѣлъ за золотой столъ въ столовой. Бутылка съ шампанскимъ была на половину пуста. Онъ поспѣшно вылилъ то, что осталось.

Вдругъ папироса выпала изъ его дрожащихъ рукъ. На этотъ разъ онъ не ошибся, на этотъ разъ это не было галюцинаціей его черезчуръ раздраженныхъ чувствъ. На мраморной лѣстницѣ дворца слышны были какіе-то голоса. Кто это говорилъ и съ кѣмъ?

Онъ поспѣшилъ къ окну.

А что если онъ распахнетъ его, однимъ прыжкомъ очутится на плитахъ дворцовой мостовой и разобьется вдребезги у ногъ этого предательскаго караула, какъ нѣкогда разбился у ногъ дворцовой стражи въ Кронбургѣ драгоцѣннѣйшій бюстъ Адельгейды? Что, если онъ это сдѣлаетъ?

Окна было крѣпко закрыто. Съ трудомъ удалось ему открыть высокія его половинки, разбухшія отъ бывшихъ всѣ эти дни дождей.

Вдругъ вошелъ лакей и доложилъ:

— Ваше высочество, ключъ отъ Турма нашелся.

Альфредъ бросился къ двери, которая вела въ переднюю. Страшное «ахъ!» котораго нельзя забыть, вырвалось у Альфреда при видѣ того, что представилось его глазамъ. Согнувшись въ низкомъ поклонѣ, передъ дверью столовой стоялъ этотъ ужасный, ненавистный человѣкъ, которому онъ въ эту минуту желалъ смерти. Его сопровождалъ его ассистентъ и цѣлый штатъ больничной прислуги. Всѣ входы въ замокъ, всѣ двери, всѣ лѣстницы были заняты этими людьми.

Трепещущій свѣтъ свѣчей, зажженныхъ по приказанію герцога на лѣстницѣ, освѣщалъ теперь высокую фигуру Альфреда посреди всей этой болѣе чѣмъ царственной роскоши.

Робко отошли всѣ въ сторону. Никто не рѣшался прикасаться къ нему. Несмотря на знаки доктора, приказывавшаго схватить его, ассистенты въ благоговѣніи отступали. Даже въ эту минуту онъ былъ недосягаемъ и онъ это чувствовалъ.

Еще разъ сорвалось съ устъ герцога это ужасное «ахъ!»

— Прошу ваше высочество возвратиться въ ваши аппартаменты,— услыхалъ онъ голосъ врача.—Ваше высочество, это самая тяжелая для меня обязанность въ жизни...

— Лицемѣръ,—прошипѣлъ сквозь зубы Альфредъ.—Дальше, дальше! Произносите скорѣе вашъ приговоръ!

— Это самая тяжелая для меня обязанность въ жизни. Четыре авторитета дали отзывъ о состояніи здоровья вашего высочества, и князь Филиппъ...

— Князь Филиппъ... да, я знаю.

— Принялъ регентство. Мнѣ приказано сопровождать ваше высочество въ замокъ Турмъ.

— Отлично. Ѣдемъ въ Турмъ.

— Если ваше высочество согласны, то экипажъ будетъ готовъ въ четыре часа.

— Что же будете тамъ дѣлать?—сорвалось у герцога.—Ну, идите, г. профессоръ и мудрецъ, идите. Здѣсь вамъ не мѣсто.

И онъ направился обратно въ комнаты.

Докторъ съ ассистентами и двумя служителями слѣдовалъ за нимъ по пятамъ.

— Не нужно,—сказалъ герцогъ.—Не нужно этого! Оставьте меня одного, это мнѣ непріятно. Я вѣдь славился своей львиной силой, молодцы. Ну, профессоръ, идите со мной.

Въ золотой комнатѣ дворца, гдѣ стояла великолѣпная кровать, украшенная бѣлыми и голубыми страусовыми перьями, Альфредъ сталъ милостиво бесѣдовать съ докторомъ.

Но вдругъ онъ впалъ въ ярость.

— Какъ вы осмѣлились объявить меня больнымъ?—закричалъ онъ.—Вы меня раньше никогда не видали и не изслѣдовали.

Отвѣтъ доктора показался Альфреду заученными словами попугая.

— Не нужно! Почему же другіе подвергаются наблюденію въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Напримѣръ, преступники и подобные имъ люди. А я вѣдь герцогъ.

— Матеріалъ, собранный актами, вполнѣ убѣдителенъ, онъ даже подавляетъ,—невозмутимо продолжалъ докторъ.

— Отлично! Матеріалъ, собранный моимъ врагомъ Бауманномъ-фонъ-Брандтомъ! А какъ долго будетъ продолжаться ваше леченіе, профессоръ?

— Ваше высочество,—отвѣчалъ докторъ:—въ конституціи сказано, что если царствующій государь окажется неспособнымъ къ правленію болѣе, чѣмъ въ теченіе года, тогда назначается регентство. Слѣдовательно, самый короткій срокъ—годъ.

— Благодарю васъ. Это едва ли продолжится такъ долго; увѣряю васъ, профессоръ, но мы будемъ съ вами добрыми друзьями. Итакъ, мы ѣдемъ въ Турмъ?

— Я уже имѣлъ честь доложить вашему высочеству приказаніе, данное мнѣ княземъ Филиппомъ.

— Скажите, пожалуйста, профессоръ, почему вы не исполнили вашего дѣла быстрѣе и лучше? Поступите со мной лучше какъ съ султаномъ! Для васъ при вашихъ огромныхъ научныхъ знаніяхъ это—сущіе пустяки: отправить на тотъ свѣтъ человѣка, который становится въ тягость! Но теперь, пожалуйста, выйдите изъ комнаты, мнѣ непріятно общество! Намъ это удовольствіе еще предстоитъ довольно часто, мы будемъ добрыми друзьями. А теперь идите! Въ четыре часа можно будетъ ѣхать. Я готовъ ко всему.

При этихъ словахъ Альфреда докторъ поднялся и вышелъ со всѣми своими ассистентами.

Альфредъ далъ знакъ и служителямъ, но они остались.

— Какъ, впрочемъ, хотите,—сказалъ Альфредъ съ гордой улыбкой.—Какъ хотите! Вы меня не стѣсняете. Передъ лицомъ герцога вы—воздухъ, паръ!

Съ холоднымъ спокойствіемъ Альфредъ лично занялся приготовленіями къ переѣзду и отдавалъ распоряженія.

Въ четвертомъ часу, когда наступили уже сумерки, къ высокому подъѣзду дворца подкатила четверка. Альфредъ сѣлъ въ карету. Онъ, какъ всегда, ѣхалъ одинъ въ своемъ экипажѣ. У окна кареты ѣхалъ караулъ, на козлахъ, вмѣсто герцогскаго лейбъ-гвардейца, сидѣлъ больничный служитель.

Лишь немногіе вышли, плача, на величавую дорогу въ Гогенарбургъ и долго смотрѣли вслѣдъ герцогской каретѣ.

Сзади въ коляскѣ ѣхалъ главный докторъ съ ассистентами.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра.

На поворотѣ дороги Альфредъ отеръ рукой мокрыя отъ дождя стекла въ дверцахъ кареты и долго смотрѣлъ вверхъ на чудный замокъ-мечту и внизъ на Гогенарбургъ, гдѣ прошли его дѣтство и юность, которыя никогда уже не повторятся, не вернутся!

Ѣхали цѣлыхъ десять часовъ.

Ни одного слова не сказалъ герцогъ.

Когда доѣхали наконецъ до южнаго берега Лаубельфингенскаго озера, пришлось перемѣнить лошадей. Альфредъ попросилъ стаканъ воды, который принесла ему почтмейстерша. Онъ осушилъ его однимъ глоткомъ и съ дружеской благодарностью отдалъ его обратно женщинѣ, которая знала его въ расцвѣтѣ его счастья. Легкимъ кивкомъ привѣтствовалъ онъ дачниковъ, почтительно собравшихся на берегу озера, на этотъ разъ сѣро-свинцоваго цвѣта. Затѣмъ карета повернула въ восточномъ направленіи и повезла Альфреда вдоль хорошо знакомаго ему берега.

Черезъ столько лѣтъ онъ опять увидѣлъ свое озеро въ дождь и въ какомъ положеніи.

— Адельгейда, Матильда!—безпрестанно проносилось у него въ головѣ.

Ни одной горы не было видно. Нельзя было различить ничего на противоположномъ берегу. Не видно было ни Лаубельфингена, ни его острова, ни того мѣста, гдѣ любовь идетъ на его освобожденіе,—ничего, ничего! Все сѣро и непрозрачно!

На ближайшей колокольнѣ пробило полдень, когда четверка съ герцогомъ въѣхала въ паркъ замка Турмъ.

«Здѣсь это началось,—пронеслось у Альфреда въ головѣ, — и здѣсь должно...»

Быстро вышелъ онъ изъ кареты и, несмотря на проливной дождь, обошелъ весь замокъ.

— Ничего не перемѣнилось, все осталось попрежнему,—тихо сказалъ онъ самому себѣ.

Среди слугъ, собравшихся для привѣтствія герцога, онъ замѣтилъ старика Венцеля.

Альфредъ подошелъ прямо къ нему.

— Это хорошо, что вы здѣсь служите, Венцель, очень хорошо,— замѣтилъ онъ.

Съ этими словами онъ вошелъ въ замокъ.

XXXVII.

При входѣ въ замокъ саркастическая улыбка оживила до сихъ поръ неподвижное, какъ мраморъ, лицо герцога: всѣ комнаты были меблированы словно для глупца.

— Недолго придется тебѣ стараться, г. профессоръ,—пропустилъ онъ сквозь зубы.

Ручки у дверей и оконъ были отвинчены, такъ что ихъ нельзя было открыть. Въ двери комнаты, которую Альфредъ когда-то самъ украшалъ великолѣпными картинами и дивными предметами искусства, сдѣлано было отверстіе для наблюденій. Тяжелые предметы, о существованіи которыхъ онъ отлично зналъ, ибо онъ зналъ этотъ замокъ во всѣхъ подробностяхъ и помнилъ ихъ, были удалены.

Въ средней комнатѣ перваго этажа стоялъ столъ, накрытый на три прибора.

— Возьмите прочь эти приборы,—сказалъ герцогъ стоявшему здѣсь слугѣ:—я хочу обѣдать одинъ.

Короткій энергичный жестъ показалъ главному доктору, который явился было съ своимъ ассистентомъ, какое серьезное значеніе придаетъ Альфредъ этому приказанію.

— Со свитой, господа, или съ прислугой, какъ желаете, но не со мной.

Главный докторъ и его ассистентъ, вѣжливо поклонившись, удалились.

Осталось только двое слугъ.

— Мнѣ будетъ прислуживать старикъ Венцель,—приказалъ герцогъ.

Одинъ изъ прислужниковъ вышелъ, чтобы сообщить главному доктору объ этомъ желаніи герцога.

— Отойдите оба въ сосѣднюю комнату и наблюдайте за его высочествомъ и Венцелемъ черезъ отверстіе въ двери. Впрочемъ, слѣдуетъ исполнять всякое желаніе его высочества. Такъ гласитъ приказъ его свѣтлости регента.

Альфредъ стоялъ у окна. Онъ смотрѣлъ внизъ, на мокрый отъ дождя паркъ и ждалъ. Угнетающая духота грозового дня чувствовалась въ затхломъ воздухѣ комнаты. По своей привычкѣ онъ хотѣлъ было открыть окно — и вдругъ вспомнилъ о невѣроятномъ дѣлѣ, которое рѣшились сдѣлать съ нимъ

Альфредъ съ силою сжалъ зубы. Прыжокъ изъ Турма въ горную пропасть былъ бы лучше всего

Вошелъ старикъ Венцель.

— Ваше высочество изволили требовать?

— Послушайте, Венцель, кто здѣсь главный поваръ?

— Брейтенбергъ, ваше высочество.

— Вы знакомы съ нимъ?

— Онъ уже нѣсколько лѣтъ служитъ въ Турмѣ. Онъ изъ одного мѣстечка со мной, недалеко отъ Лаубельфингена.

— На него можно положиться?

— Онъ вѣренъ, какъ песъ, вашей свѣтлости.

— Не слыхали вы чего-нибудь о томъ, что эти господа, эти врачи на кухнѣ примѣшиваютъ что-то къ кушаньямъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество.

Альфредъ повернулся. Его взглядъ упалъ на отверстіе въ двери. Ему показалось, что одинъ изъ служителей пристально смотритъ на него.

Альфредъ вынулъ изъ кармана платокъ.

— Повѣсьте этотъ платокъ на двери, передъ отверстіемъ, Венцель!

— Я не умѣю, ваше высочество.

— Въ такомъ случаѣ я сдѣлаю самъ.

Онъ взялъ вилку со стола и съ силою воткнулъ ее сквозь платокъ въ твердое дерево двери.

— Вотъ такъ. Я научу васъ.

И онъ опять обратился къ Венцелю.

— Теперь подавайте. Подойдите ближе. Мнѣ нужно поговорить съ вами, Венцель.

— Что изволите приказать?

— Знаете вы островъ Розъ, Венцель?—заговорилъ Альфредъ, быстро проглотивъ куска два.

— Ваше высочество, я много лѣтъ служилъ тамъ. Старый садовникъ Вейльманъ...

— Онъ все еще тамъ?

— Такъ точно.

— Вы знаете, стало быть, павильонъ на островѣ, въ немъ мой рабочій кабинетъ и столъ...

— Я знаю, ваше высочество. Ключъ къ этому столу только у васъ и у кронпринцессы.

— Совершенно вѣрно, Венцель. Вы что-нибудь слыхали о кронпринцессѣ?

— Ея королевское высочество уже четвертый день изволятъ жить тамъ, въ гостиницѣ, недалеко отъ Лаубельфингена.

— Отлично, отлично... Убирайте!

Онъ вдругъ притянулъ къ себѣ стараго служителя и шепнулъ:

— Чтобы ни одинъ человѣкъ не зналъ объ этомъ, заклинаю васъ, Венцель!

— Никто не узнаетъ, ваше высочество!

Маленькій золотой ключикъ очутился въ карманѣ Венцеля.

— Откройте столъ, Венцель. Вы знаете который,—маленькій столъ изъ чернаго дерева, и принесите мнѣ все, что найдете въ его ящикѣ.

— Что же я могу найти въ ящикѣ?

— Небольшой пакетъ съ письмомъ.

— А какъ я передамъ его вамъ?

— Завтра къ завтраку я закажу буттербродъ. Подадите его мнѣ вы, положите письмо между двумя ломтиками хлѣба. Понимаете? Какъ будто письмо ломтикъ мяса.

— Слушаю, ваше высочество.

— Поняли!

— Совершенно.

— Когда наступитъ ночь, садитесь въ лодку, какъ будто для прогулки по озеру или для ловли рыбы, по этакой погодѣ. Рыба клюетъ при такой погодѣ! Потомъ мчитесь на островъ и въ тиши ночной исполните мое приказаніе.

— Слушаю, ваше высочество.

— Это вкусно, я сытъ. Теперь я хочу отдохнуть. Скажите, чтобы меня отвели въ спальню.

Венцель ушелъ.

Тотчасъ же вошли два служителя.

— Я хочу отдохнуть,—высокомѣрно сказалъ имъ герцогъ.— Вы поможете мнѣ раздѣваться.

Альфредъ пошелъ впередъ, направляясь въ хорошо знакомую ему голубую спальню.

Служители шли за нимъ.

— Довольно одного. Я хочу еще бѣгать и двигаться.

Былъ пятый часъ, когда герцогъ улегся въ постель. Сильное возбужденіе предшествовавшихъ дней, сильное напряженіе силы воли и самообладанія, съ помощью которыхъ онъ овладѣлъ порывами своей бѣшеной ярости, все это вызывало въ немъ сильную слабость.

Онъ впалъ въ глубокій, свинцовый сонъ, безъ сновидѣній, который къ утру сталъ безпокойнымъ.

— Венцель долженъ прислуживать мнѣ въ постели,—приказалъ онъ, проснувшись.—Пусть онъ принесетъ мнѣ буттербродъ съ бѣлымъ мясомъ и чашку чаю.

Вошелъ одинъ изъ служителей. Онъ хотѣлъ было помочь ему одѣться.

— Не надо, братецъ,—воскрикнулъ Альфредъ, увидя входящаго.— Я останусь въ постели. Я пью чай всегда въ постели. Не надо. Венцель сейчасъ все принесетъ.

— Онъ уже ждетъ въ передней приказаній вашего высочества.

— Тогда пусть онъ сейчасъ же придетъ сюда.

Когда Венцель показался въ дверяхъ, Альфредъ замѣтилъ, что служитель сдѣлалъ какое-то движеніе. Онъ схватилъ тарелку, на которой Венцель несъ завтракъ.

Альфредъ хотѣлъ вскочить и удушить этого человѣка, но одумался.

Ожиданіе штрафной рубашки, крушеніе всѣхъ его плановъ, невозможность отомстить тому, кто столкнулъ его съ солнечной высоты въ такое жалкое состояніе, сдѣлали свое дѣло. Онъ еще разъ сдержалъ себя.

Предосторожность служителя оказалась, впрочемъ, излишней. Онъ захватилъ съ тарелки только ножъ, который дворцовый поваръ положилъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Онъ, очевидно, хорошо зналъ этихъ корифеевъ науки.

Можетъ быть, послѣ вчерашней непонятной и своевольной выходки, которую онъ себѣ позволилъ, то были приказъ главнаго доктора не давать ни ножей, ни вилокъ, а только ложки.

Венцель подошелъ къ нему къ постели и лишь слегка кивнулъ головой. Герцогъ понялъ его.

Наблюдавшій служитель ушелъ въ сосѣднюю комнату. Альфредъ явственно замѣтилъ, что онъ смотритъ въ отверстіе въ двери. Онъ взялъ хлѣбъ съ тарелки и какъ будто нечаянно уронилъ его на постель, но тотчасъ же поднялъ его и съѣлъ до послѣдней крошки. Письмо незамѣтно упало между подушками.

Затѣмъ Альфредъ наскоро выпилъ чай и снова повернулся къ стѣнѣ, какъ будто ему хотѣлось спать.

Закрывъ письмо обѣими руками и притворяясь спящимъ, онъ сталъ читать:

«Голубка орлу.

«Сегодня, когда станетъ смеркаться, между семью и восемью часами, въ густомъ кустарникѣ на южномъ концѣ Турмскаго парка будетъ ждать небольшая лодка съ зеленымъ фонаремъ. Удали всѣхъ, если можно и врача, постарайся достичь этого мѣста и садись въ лодку на другомъ берегу. Мои лошади будутъ ждать, осѣдланныя и готовыя въ путь. Черезъ два-три часа мы достигнемъ границы моей страны. Тогда ты будешь подъ покровительствомъ Карла. Матильда».

Когда онъ прочиталъ эти строки, на него нашло удивительное спокойствіе. Онъ прикрѣпилъ это письмо къ пуговицѣ своей рубашки и скрылъ его на своемъ тѣлѣ.

Еще съ четверть часа притворялся онъ спящимъ, затѣмъ быстро всталъ и дернулъ за звонокъ. Онъ уже былъ на ногахъ, когда вошли оба служителя. Онъ приказалъ имъ помочь ему надѣть верхнее платье. Сегодня онъ пожелалъ надѣть простой штатскій костюмъ, который былъ для него заказанъ. Далѣе онъ приказалъ подать себѣ лѣтнее пальто и мягкую фетровую шляпу съ драгоцѣнной бриллиантовой брошкой, говоря, что онъ хочетъ прогуляться по парку.

Было одиннадцать часовъ утра, когда къ нему явился, по его требованію, главный докторъ съ своей вѣчной улыбкой на лицѣ.

Альфредъ пошелъ ему навстрѣчу и протянулъ руку.

Согласно установившемуся церемоніалу профессоръ ждалъ, пока герцогъ самъ не заговоритъ съ нимъ.

— Ну, какъ вамъ показалась поѣздка, господинъ профессоръ?— раздался наконецъ голосъ Альфреда.—Я великолѣпно себя чувствую, спалъ отлично, а буттербродъ доставилъ мнѣ истинную радость. Слышите, человѣкъ науки, истинную радость! Я проглотилъ хлѣбъ и все, что въ немъ было, съ волчьимъ аппетитомъ. Готовы вы на прогулку? Я хочу пройтись по парку. Если вы хотите итти вмѣстѣ, буду очень радъ. Мнѣ очень хотѣлось бы поговорить съ вами о вашей наукѣ.

Докторъ былъ чрезвычайно удивленъ. Онъ вовсе не представлялъ себѣ своего паціента такимъ. Никакого угнетенія, никакого слѣда меланхоліи! Веселъ и возбужденъ, ясенъ и понятенъ! Впрочемъ, это бываетъ періодически.

— Я къ услугамъ вашего высочества.

— Отлично.

Докторъ ушелъ. Онъ отправился къ одному изъ своихъ ассистентовъ и поручилъ ему послать немедленно князю Филиппу телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Здѣсь все обстоитъ отлично».

Послѣ этого онъ пошелъ съ Альфредомъ. Онъ шелъ въ почтительномъ отдаленіи отъ него, но Альфредъ сдѣлалъ ему знакъ приблизиться. Паркъ былъ окруженъ жандармами, которымъ было строго приказано немедленно скрываться изъ глазъ, какъ скоро они завидятъ герцога. Это, однако, не укрылось отъ Альфреда.

— Они могутъ затруднить исполненіе моего плана,—подумалъ онъ.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ обоихъ гуляющихъ слѣдовалъ еще служитель. Онъ какъ будто несъ нѣкоторыя вещи для доктора—пледъ и подзорную трубу. Но Альфредъ зналъ истинныя цѣли этого человѣка.

Герцогъ прервалъ разговоръ, съ минуту постоялъ на одномъ мѣстѣ и сталъ мрачно смотрѣть на этого человѣка.

Докторъ понялъ.

Чтобы доставить ему удовольствіе и, можетъ быть, въ надеждѣ сдѣлать его еще разговорчивѣе и веселѣе, докторъ сдѣлалъ знакъ, чтобы служитель не шелъ далѣе за нимъ. Затѣмъ они повернули съ герцогомъ на одну изъ едва замѣтныхъ лѣсныхъ тропинокъ. Сторожа и служители не разъ совершенно теряли ихъ изъ вида.

— Пойдемте къ берегу озера, профессоръ,—предложилъ Альфредъ.—Тамъ есть скамейка, съ которой открывается чудный видъ. Правда, сегодня все тонетъ... тонетъ въ дождѣ, профессоръ, а все-таки...

— Какъ изволите приказать, ваше высочество.

— Тамъ мы можемъ спокойно болтать, профессоръ. Мнѣ интересно узнать кое-что о вашей жизни и о вашей наукѣ. Въ молодости мнѣ говорили, что вы—большая величина, генiй въ вашей области. Вы еще можете увеличить свою славу, вѣдь вы еще человѣкъ не старый?

— Мнѣ шестьдесятъ два года, ваше высочество.

— Въ самомъ дѣлѣ? По виду вамъ этихъ лѣтъ дать нельзя.

Герцогъ пошелъ по узкой дорожкѣ, которая шла прямо внизъ, къ берегу озера.

— Я еще могу бѣгать, какъ серна, профессоръ, несмотря на свою полноту,—шутилъ Альфредъ.

— Это удивительно, ваше высочество. А я уже едва ли въ состоянiи.

— Посмотрите... Мои руки еще сильнѣе, чѣмъ ноги.

Альфредъ бросилъ лукавый взглядъ на тщедушную фигуру ученаго.

— Вотъ скамейка. Сядемъ.

Оба сѣли.

— Ну, разскажите мнѣ что-нибудь о вашей жизни. Какимъ образомъ вы стали такимъ знаменитымъ человѣкомъ, такимъ знатокомъ человѣческой души и тѣла. На мой взглядъ, это самое трудное дѣло.

Докторъ почувствовалъ себя польщеннымъ. Съ нимъ вѣдь говорилъ герцогъ, хотя и больной, но все же генiальный въ нѣкоторыхъ областяхъ.

— Я началъ незамѣтнымъ человѣкомъ, ваше высочество, много учился, много работалъ, пока не удостоился приглашенiя вашего покойнаго отца занять каѳедру въ кронбургскомъ университетѣ.

— Такимъ образомъ, можно изучить извѣстные симптомы и безошибочно опредѣлять болѣзнь?

— Совершенно безошибочно, ваше высочество.

— Это удивительно! Если человѣкъ пишетъ оперу, если строитъ дворцы, если тихая ночь ему прiятнѣе, чѣмъ шумный день, если онъ хочетъ лучше уединиться въ глубинѣ горнаго лѣса, чѣмъ оставаться въ толпѣ глупыхъ людей, то онъ боленъ! Удивительная наука, профессоръ! Вы—владыка на Божьемъ тронѣ, вы рѣдкiй человѣкъ...

— Есть границы всему, ваше высочество.

— Отлично! Границы! Значитъ до этого пункта—онъ здоровъ; а до этого—боленъ. А вы сами-то, господинъ профессоръ, изучили эти границы и можете ихъ указать?

— Тутъ много значитъ, ваше высочество, опытность, наблюденiе, взглядъ, изощрившiйся на сотняхъ отдѣльныхъ случаевъ.

— Понимаю, понимаю! Однако посмотрите, погода-то разгуливается. Держу пари, что послѣ обѣда будетъ солнце и вечеромъ, когда наступятъ сумерки, мы можемъ опять совершить нашу интересную и поучительную прогулку на берегъ озера.

— Къ вашимъ услугамъ, ваше высочество.

— На то я и герцогъ. Посмотрите, какъ разрослись тамъ прибрежные кусты съ тѣхъ поръ, какъ я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не былъ здѣсь. Профессоръ, тамъ положительно можно спрятаться. Прежде здѣсь не было такой чащи. Кустарники съ теченіемъ времени заросли травой. Нужно велѣть скосить ее.

Взглядъ герцога, повидимому, не отрывался отъ свинцовой однообразно сѣрой поверхности озера. Но болѣе внимательному наблюдателю бросилось бы въ глаза, что этотъ взглядъ постоянно устремляется на берегъ, на то мѣсто парка, гдѣ орѣшники, ивы и буки, водоросли и водяныя лиліи образуютъ почти непроходимую чащу.

— На что вы смотрите, ваше высочество?—спросилъ докторъ.

— На озеро, господинъ профессоръ, на озеро. Я его люблю съ дѣтства. Здѣсь я провелъ большую часть моего царствованія.

— Я знаю, ваше высочество.

— Мальчикомъ я былъ превосходнымъ пловцомъ. Я не разъ переплывалъ у Гогенарбурга холодныя воды озера, профессоръ, и оставался здоровъ. Впрочемъ, это было такъ давно. Такія тѣлесныя упражненія, кажется, весьма здоровы?

— Весьма здоровы, ваше высочество,—подтвердилъ докторъ.

— Это мнѣ говорилъ мой лейбъ-медикъ въ Гогенарбургѣ. Видите ли, профессоръ, великое искусство всегда остается одинаковымъ, практикуется ли оно простымъ деревенскимъ врачомъ, или корифеемъ кронбургскаго университета. Слѣдовательно, есть только одно средство, исцѣляющее отъ всѣхъ болѣзней.

— Что вы подразумѣваете подъ этимъ, ваше высочество?

— Да, одно, къ которому мы всѣ должны будемъ прибѣгнуть, вы и я, герцогъ и профессоръ. Вотъ почему не очень-то я уважаю вашу науку.

Съ этими словами герцогъ всталъ.

Онъ пожелалъ возвратиться въ замокъ.

— Пора завтракать, докторъ. Пріятнаго аппетита! Нужно наслаждаться, пока можешь. На завтракъ есть свѣжая спаржа съ горъ и рыба изъ озера. Это очень вкусно, профессоръ.

Докторъ покачалъ головой.

Герцогъ говорилъ такъ ясно, такъ разумно, и все-таки...

И въ глубокомъ раздумьѣ онъ пошелъ назадъ въ замокъ.

XXXVIII.

Время было послѣ завтрака. Въ комнатѣ Альфреда послышался звонокъ.

— Пусть Венцель принесетъ мнѣ кофе,—сказалъ герцогъ вошедшему слугѣ.

— Слушаю, ваше высочество!

Большими шагами ходилъ герцогъ взадъ и впередъ. За эти дни онъ усвоилъ себѣ особый родъ движенія, который прежде не замѣ-

чался у него. Онъ какъ будто дѣлалъ гимнастическія упражненія и время отъ времени широко раздвигалъ руки. Можно было подумать, что онъ хочетъ испытать силу своихъ мускуловъ.

Вошелъ Венцель, неся на серебряномъ подносѣ кофе.

— Достаточно ли крѣпкимъ ты сварилъ его, старина?—спросилъ герцогъ.—Что подѣлываетъ придворный поваръ? Былъ этотъ ученый или кто-нибудь изъ его помощниковъ на кухнѣ? Мнѣ нужно это знать.

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество, поваръ, какъ всегда, приготовилъ кофе и налилъ въ чашку на моихъ глазахъ.

— Отлично.

Венцель повернулся и хотѣлъ было итти.

— Останьтесь здѣсь, Венцель, я хочу поболтать съ вами.

— Слушаю, ваше высочество.

— Вы давно уже служите въ Турмѣ?

— Этимъ лѣтомъ исполнилось тридцать лѣтъ, какъ я здѣсь, ваше высочество.

— Такъ давно. Стало быть, вамъ около шестидесяти лѣтъ?

— Въ маѣ мнѣ исполнилось пятьдесятъ девять лѣтъ, ваше высочество.

— Подойдите ко мнѣ, къ окну.

Старый Венцель приблизился къ герцогу.

— Вы вѣрны мнѣ, Венцель?

— Ваше высочество!

На голубыхъ глазахъ стараго слуги выступили слезы.

— И умѣете молчать, Венцель?

— Ваше высочество!

Альфредъ указалъ рукою на сѣрую поверхность Лаубельфингенскаго озера.

— Умѣете ли вы молчать, Венцель, какъ это озеро, которое навсегда хоронитъ въ себѣ свои тайны?

Слуга не нашелся, что ему отвѣтить.

Альфредъ подошелъ къ двери, въ отверстіи которой ему показался глазъ надзирателя, и сталъ къ ней плотно спиной.

— Пусть теперь пошпіонитъ.

— Венцель,—тихо началъ онъ,—въ случаѣ, если здѣсь, въ Турмѣ, случится что-нибудь особенное, ужасное, страшное, передайте это письмо его свѣтлости, теперешнему регенту этой страны. Понимаете?

— Вполнѣ, ваше высочество.

Герцогъ быстро сунулъ письмо въ руки слугѣ.

— Нѣтъ, вы откройте это письмо и прочтите, чтобы знать, въ чемъ дѣло.

Дрожащими руками старикъ вынулъ изъ конверта герцогское письмо и прочелъ:

«Освободить невинно арестованнаго фонъ-Ласфельда—вотъ мой послѣдній герцогскій приказъ. Альфредъ».

— Поняли хорошо?

— Вполнѣ, ваше высочество.

— Теперь идите. Впрочемъ, позовите-ка мнѣ ассистента этого владыки въ царствѣ духа!

— Кого изволите звать?

— Ассистента этого доктора. Я хочу поговорить съ нимъ.

Венцель вышелъ.

Альфредъ опять подошелъ къ высокому окну и сталъ смотрѣть на озеро.

Отъ далекаго, какъ бы неземного сна его разбудилъ голосъ младшаго врача.

— Ваше высочество изволили меня требовать?

— Да. Не хотите ли сыграть въ шахматы? Мнѣ ужасно скучно.

— Съ удовольствіемъ.

Герцогъ подошелъ къ позолоченному шкапчику, стоявшему въ этой комнатѣ.

— Много лѣтъ тому назадъ тутъ были шахматы, — сказалъ онъ.—Когда я жилъ еще здѣсь съ моими родителями,—васъ тогда и на свѣтѣ не было, милѣйшій докторъ,—я тогда мальчикомъ все игралъ фигурами. Вѣрно, тутъ онѣ и есть. Сядемъ.

Герцогъ вынулъ изъ шкапа шахматную доску и разставилъ фигуры.

— Вы возьмете красныя, докторъ, а я буду играть бѣлыми. Это будетъ игра между жизнью и смертью.

— Какъ прикажете понимать это, ваше высочество?

— Я разумѣю цвѣтъ шахматовъ. Яркокрасный—цвѣтъ крови, холодный бѣлый напоминаетъ собою трупъ? Ну, начнемъ.

— Шахматы—настоящая королевская игра,—замѣтилъ докторъ.—Она и изобрѣтена-то была для одного царя.

— Помните вы слова гетевскаго Геца?

— Какія слова, ваше высочество?

— Я разумѣю то мѣсто, гдѣ говорится о дворѣ епископа Бамбергскаго. Какъ онъ назывался?.. «Если бъ я былъ королемъ, я запретилъ бы эту игру въ моемъ королевствѣ: она раздражаетъ меня, и это вѣчное «шахъ королю»—несносно!»

— Ваше высочество обладаете отличной памятью.

— Правда, правда... на хорошее и на дурное... Шахъ королю. Вотъ каково играть со мною.

Докторъ сдѣлалъ видъ, какъ будто онъ не слышалъ послѣдняго замѣчанія.

Альфредъ поднялъ глаза отъ доски.

— Теперь ваша очередь, докторъ. Какъ вы пойдете? Какъ вы выпутаетесь изъ этой дилеммы, какъ вы устроите шахъ королю?

— А вотъ какъ.

Докторъ рѣшился сдѣлать ходъ.

Альфредъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, докторъ, въ Турмѣ вы будете посрамлены.

Слово Турмъ онъ произнесъ съ какимъ-то особымъ удареніемъ.

— Здѣсь короля защищаетъ башня.

— Въ такомъ случаѣ, я—конемъ.

— Если у вашего коня такія длинныя ноги... ха-ха-ха! Ваши офицеры тоже не годятся.

— Мои офицеры?

— Да, ваши и мои, докторъ. Они не могутъ уже помочь своему королю, они бросили своего короля. Но башня защищаетъ его и вашему коню не удастся напасть на него. Впрочемъ, оставимъ все это, мнѣ скучно отъ этой игры. Поговорите со мной о чемъ-нибудь, докторъ.

И съ этими словами Альфредъ отодвинулъ шахматную доску.

Большіе черные глаза герцога бросили на молодого врача лукавый взглядъ.

— Тяжелое ремесло избрали вы себѣ, милый другъ,—сказалъ Альфредъ.

— Любовь къ наукѣ, ваше высочество, интересъ къ моимъ паціентамъ.

— Да, да, да... Скажите, какъ вы думаете, позволительно дать неизлечимому больному, но дѣйствительно неизлечимому, послѣднее средство.

Врачъ съ испугомъ уставился на него глазами.

— Что вы хотите сказать, ваше высочество? Какое послѣднее средство?

— Средство, которое приноситъ покой, успокоеніе,—ледянымъ тономъ возразилъ Альфредъ.—Даютъ же успокаивающее средство, какіе-нибудь порошки, докторъ. Вообразите, что доза безъ всякаго умысла оказалась слишкомъ велика. Если бы я былъ неизлечимымъ, я былъ бы очень благодаренъ врачу, который имѣлъ бы мужество дать мнѣ такое послѣднее средство.

— Мы больше не будемъ играть?

— Ха-ха-ха! Вы уклоняетесь отъ отвѣта, врачъ души и тѣла. Здѣсь кончается ваша наука, какъ и наука корифеевъ!

— Ваше высочество!

— Будемъ играть дальше. Ну, теперь ваша очередь, докторъ, шахъ королю.

Острымъ взоромъ смотрѣлъ Альфредъ на доску.

— Королева могла бы въ концѣ концовъ спасти его, докторъ,—говорилъ онъ съ горечью. —Впрочемъ, нѣтъ, ужъ слишкомъ поздно. Онъ можетъ надѣяться еще на свою башню. Скажите, я вчера васъ обоихъ обидѣлъ?

— Насъ обоихъ? Кого, ваше высочество, изволите подразумѣвать.

— Васъ и главнаго доктора. Вчера я отказался обѣдать съ вами за однимъ столомъ.

Врачъ молчалъ и напряженно ждалъ, что изъ этого выйдетъ.

— Сегодня вечеромъ я заглажу это, докторъ; сегодня вечеромъ, понимаете? Сегодня мы будемъ сидѣть за однимъ столомъ, какъ трое друзей. Я сейчасъ распоряжусь объ этомъ.

Герцогъ всталъ и позвонилъ.

— Пусть въ столовой накроютъ столъ на три прибора, — сказалъ онъ.—Пусть принесутъ также вина. Вѣдь это можно?

Этотъ вопросъ звучалъ нескрываемой ироніей въ устахъ герцога.

— Отвѣтственнымъ лицомъ за леченіе является главный докторъ, ваше высочество!

— Я знаю! Я сумѣю переговорить съ нимъ объ этомъ. Главный врачъ не будетъ возражать противъ этого. Вѣдь мы будемъ обѣдать втроемъ. Въ замкѣ есть запасъ рейнвейна, который онъ долженъ попробовать. Вотъ вино, такъ вино, докторъ! Если бы я зналъ, что мнѣ придется умереть, я и тогда велѣлъ бы подать его себѣ. А теперь пока я хочу отдохнуть часикъ-другой. Обѣдъ начинается въ шесть.

По знаку герцога врачъ удалился.

Онъ поспѣшилъ прямо къ главному доктору.

— Я долженъ предостеречь васъ, профессоръ. Съ его высочествомъ происходитъ что-то неладное, въ немъ есть что-то непонятное, какая-то мрачная рѣшимость, что-то продуманное, чего я очень боюсь!

Профессоръ только разсмѣялся.

— Милый другъ, вы еще недостаточно опытны въ области тѣхъ болѣзней, какая у него. Я водилъ на помочахъ всѣхъ своихъ паціентовъ. Если вы будете соглашаться съ ихъ больными идеями, это ихъ вполнѣ успокоитъ. Если мы будемъ дѣйствовать наоборотъ и разумно, то придемъ къ результату, совершенно противоположному тому, какого мы хотимъ. Я очень радъ, что все идетъ такъ хорошо.

— Я предостерегаю васъ,—еще разъ сказалъ ассистентъ самымъ серьезнымъ тономъ.

Этотъ корифей въ своемъ самомнѣніи какъ будто былъ пораженъ слѣпотой.

— Пошлите въ Кронбургъ второй бюллетень такого содержанія: герцогъ въ превосходномъ настроеніи и чувствуетъ себя очень хорошо.

— Какъ вамъ угодно.

Ровно въ шесть часовъ состоялся обѣдъ. Альфредъ былъ очень разговорчивъ и обворожительно любезенъ, какъ въ свои лучшіе годы. Онъ сильно налегалъ на кушанья и принуждалъ своихъ гостей брать еще.

Главный докторъ согласился на бутылку шампанскаго.

— Ну, еще одну,—приказалъ Альфредъ.

Прислуживавшій имъ надзиратель вопросительно посмотрѣлъ на профессора.

— Выпейте, г. профессоръ, выпейте,—настаивалъ Альфредъ.

— Я не могу много пить шампанскаго, ваше высочество,

— Сегодня оно не вызоветъ у васъ головной боли, хотите держать пари.

Главный докторъ велѣлъ налить себѣ еще.

— Въ самомъ дѣлѣ, шампанское превосходно.

— Оно происходитъ изъ страны моего августѣйшаго друга, короля-Солнца, докторъ. Выпейте еще. Если вы больше не хотите, то прежде, чѣмъ наступятъ сумерки, мы совершимъ съ вами прогулку по парку, о которой мы условимся утромъ. Я уже готовъ. А вы?

— Мы тоже готовы.

— Сначала выпейте, г. профессоръ, выпейте спокойно. Вино превосходно. Я васъ подожду.

Главный докторъ осушилъ свой стаканъ.

— За ваше здоровье и благополучіе, ваше высочество!

— Я принимаю этотъ тостъ. Но не могу уже выпить за ваше здоровье. Больше нѣтъ ни вина, ни охоты! Вы готовы, докторъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Герцогъ всталъ.

Въ передней слуга подалъ ему мягкую шляпу съ брильянтовой пряжкой и легкое пальто и спросилъ:

— Прикажете нести за вами зонтикъ?

— Дайте зонтикъ сюда,—сказалъ Альфредъ.

Главный докторъ сдѣлалъ знакъ, и зонтикъ очутился въ рукахъ Альфреда.

Къ главному доктору подошелъ ассистентъ и что-то тихо сталъ говорить ему.

— А я думалъ, что вы уже готовы, профессоръ,—замѣтилъ Альфредъ.

Онъ слышалъ ясно, какъ тотъ сказалъ: надо, чтобы никто не сопровождалъ его.

Сатанинская радость пробѣжала по немъ.

— Провидѣніе выдало его тебѣ!

Молодой врачъ опять подошелъ къ своему принципалу.

Альфредъ насторожился.

— Нѣтъ, пусть служителя остаются,—послышался ему тихій голосъ профессора.

— Въ восемь часовъ я вернусь обратно вмѣстѣ съ его высочествомъ,—громко прибавилъ онъ.

— Да, въ восемь часовъ,—повторилъ Альфредъ съ какимъ-то особымъ выраженіемъ.

Съ этими словами онъ подошелъ къ двери и вышелъ въ паркъ, не оглядываясь.

Главный докторъ послѣдовалъ за нимъ.

— Идемъ, профессоръ. Я уже готовъ и жду васъ.

И они пошли въ сумерки потемнѣвшаго отъ проливного дождя дня. Высокая фигура герцога первая исчезла въ чащѣ лѣса.

Что произошло въ поздній часъ этого сумрачнаго дня между герцогомъ и главнымъ врачомъ на темныхъ дорожкахъ парка Турмъ и на берегу Лаубельфингенскаго озера—этого не знаетъ никто. Лѣсная чаща и отяжелѣвшіе отъ дождя листья прибрежныхъ кустовъ покрыли все происшедшее вѣчной тайной. Увидѣлъ ли герцогъ маленькій зеленый цвѣтъ надежды, о которомъ говорилось въ письмѣ принцессы Матильды, хотѣлъ ли онъ спастись вплавь черезъ озеро, а главный докторъ хотѣлъ помѣшать ему, и они оба нашли здѣсь свою смерть, или же герцогъ съ своей львиной силой умертвилъ своего мучителя, который столкнулъ его съ солнечной высоты въ пучину ночи,—все это вопросъ, на который нѣтъ отвѣта.

На башнѣ замка Турмъ пробило восемь часовъ. Ни герцогъ, ни докторъ не возвратились.

Лихорадочное волненіе охватило все то населеніе замка, которое было отвѣтственно передъ Кронбургомъ за жизнь герцога.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и было уже совсѣмъ темно. По распоряженію ассистента, обыскали весь паркъ, но напрасно. Въ десятомъ часу въ Кронбургъ полетѣла телеграмма:

«Герцогъ и главный докторъ ушли вечеромъ гулять и до сего времени не вернулись. Паркъ обысканъ».

Спустя полчаса одинъ изъ лакеевъ нашелъ на берегу озера шляпу герцога съ брильянтовой пряжкой. Черезъ нѣсколько минутъ прибылъ другой съ извѣщеніемъ, что въ прибрежныхъ кустахъ нашли еще шляпу и зонтикъ главнаго доктора и пальто герцога, все мокрое.

Ассистентъ и смотритель замка въ отчаяніи сѣли въ лодку и двинулись на югъ вдоль берега озера.

Вдругъ смотритель глухо вскрикнулъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега торчали два трупа.

Смотритель соскочилъ въ воду и съ горячими слезами сталъ обнимать бездыханное тѣло герцога. Ассистентъ стащилъ въ лодку трупъ своего коллеги.

Прибѣжали служители и надзиратель съ факелами. Было уже поздно. Смерть обоихъ наступила нѣсколько часовъ тому назадъ.

Тѣло герцога положили на постель въ голубой спальнѣ замка и покрыли его голубымъ, шелковымъ одѣяломъ, закрывъ его почти до шеи.

Вѣсть о страшной кончинѣ герцога распространилась съ необыкновенной быстротой по всѣмъ селеніямъ и мѣстечкамъ, расположеннымъ на берегу озера и наконецъ дошла до Кронбурга. Громко разсказывали, передавая изъ устъ въ уста, самые невѣроятные слухи, но опредѣленнаго и вѣрнаго не зналъ никто.

Сѣро поднималось изъ горныхъ глубинъ сѣрое утро дождливаго праздничнаго дня. Праздничные колокола какъ-то устало заговорили своими мѣдными голосами и разносили по озеру печальную вѣсть.

На крышѣ Турма герцогскій штандартъ опустился до половины флагштока.

Одной изъ первыхъ появилась въ комнатѣ, гдѣ лежало тѣло герцога, Матильда.

Своей свитѣ она приказала остаться у дверей голубой комнаты. На грудь почившаго друга она возложила вѣтвь жасмина, сорванную ею среди прибрежныхъ кустовъ.

Когда она вышла изъ голубой комнаты, ее можно было счесть за сумасшедшую.

— Выпустите герцога изъ склепа,—кричала она пронзительнымъ голосомъ:—онъ не умеръ, онъ только притворяется умершимъ, чтобы его отпустили на волю и больше не мучили.

Долго еще не могли успокоить кронпринцессу.

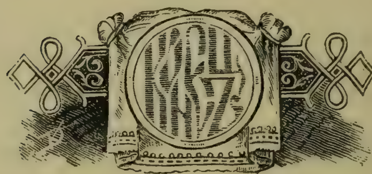
Черезъ шесть дней съ неслыханнымъ великолѣпіемъ тѣло герцога было предано землѣ. Тысячи дорогихъ вѣнковъ были присланы въ Кронбургъ со всѣхъ концовъ земли.

Но на самомъ гробѣ красовалась только одна вѣтка жасмина.

Въ потемнѣвшемъ склепѣ церкви св. Гавріила въ Кронбургѣ покоится тотъ, кто за блескъ золота и сіяніе мрамора и царственную мечту объ одинокой красотѣ поставилъ на ставку и проигралъ блестящую жизнь мощи и величія.

Послѣ его смерти много лѣтъ подъ рядъ въ день св. Троицы спускалась къ его каменной гробницѣ одѣтая въ черное дама и часами оставалась здѣсь въ молитвѣ. Когда она уходила, въ головахъ саркофага лежала всегда свѣжая вѣтвь жасмина, сорванная въ паркѣ замка Турмъ на берегу Лаубельфингенскаго озера.

Теперь она уже давно не была здѣсь. Да и никто не бываетъ. Все погрузилось въ мертвую тишину.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“
1912 г. [1]).

А

---

[1]) Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ.— Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія— страницу.

Б

В

Г

Д

Е

И

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

НОЯБРЬ, 1912 Г.

Л

М

М. К—въ. *Рецензіи его:* 1) «Наказъ отъ жителей гор. Чухломы депутату въ комиссію для составленія проекта новаго уложенія. Изданіе 2-е. В. Юдина. М. 1911», CXXIX, іюль, 346—2) «С. Н. Савицкій. Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ. 1812—1912. Съ историческимъ очеркомъ Прибалтійскаго края. Рига. 1912», CXXX, октябрь, 393—395.

М. К—тъ. *Рецензіи ея:* 1) «Домъ Ромоновыхъ. Къ трехсотлѣтнему юбилею царствованія. (1613—1913). Иллюстрированный историческій очеркъ Г. Г. Попова. Спб. 1912», CXXVIII, апрѣль, 277—278.—2) «Четвертый сборникъ стиховъ Вѣры Рудичъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», CXXVIII, апрѣль, 295—298.

М—ловъ. *Рецензіи его:* 1) «Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ X (съ 1738 по 24 ноября 1741 г.). Царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Правленіе бывшаго герцога Курляндскаго. Правленіе принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской.—Томъ III (1746—1752). Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.—Томъ I. (1762—1772). Царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 1910—1912», CXXIX, сентябрь, 1088—1089.—2) «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. синода. Томы XIV, XX, XXIII, XXVI, XXXI, XXXIX. Спб. 1907—1910», CXXX, ноябрь, 839—840. 3) «Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ св. синода. Томъ II. Выпускъ II. Спб. 1910», CXXX, декабрь, 1249.

М—о. *Рецензіи его:* 1) «Е. И. Игнатьевъ. Наука о небѣ и землѣ, общедоступно изложенная. Очерки по астрономіи, физической географіи и геологіи, съ 332 рисунками и шестью картинами въ краскахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», CXXVII, январь, 385—387.—2) «Русское воздухоплаваніе, исторія и успѣхи. Подъ ред. В. Ф. Найденова и Н. А. Рынина, при литературномъ участіи: С. Гана, Н. А. Морозова, В. Ф. Найденова, С. А. Нѣмченко, С. И. Одинцова, Г. В. Піотровскаго, Л. А. Розенцвейга, Н. А. Рынина, В. Г. Тана, Н. И. Утѣшева, А. И. Шабскаго и др. Съ многими иллюстраціями. Изданіе товарищества «Общественная Польза». Спб. 1911», CXXVII, мартъ, 1093—1095. 3) «Профессоръ атлетики И. В. Лебедевъ, директоръ Спб. школы физическаго развитія. Сила и здоровье. Руководство, какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ. Упражненія безъ гантелей и съ гантелями. Съ 202 рис. и портретомъ автора. Спб. 1911», CXXVII, мартъ, 1107—1108.—4) «Александръ Родныхъ. Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Книга первая. Летаніе и воздухоплаваніе въ старину. Съ 54 рисунками со старинныхъ рисунковъ», CXXVIII, апрѣль, 285—288.—5) «П. Е. Васильковскій. Чудеса растительнаго царства. (Популярные очерки изъ жизни растеній). Съ 161 рис. Спб. 1912», CXXVIII, апрѣль, 302—303.—6) «В. П. Авенаріусъ. Дочь посадничья. Повѣсть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы. Съ 53 рис. Изданіе П. В. Луковникова. Спб. 1912», CXXVII, май, 653—654.—7) «Алексѣй Плетневъ. Собраніе сочиненій. Томъ I. Парижскіе уголки.—Страницы жизни.—Томъ II. Упитанные и отъѣвшіеся.—Милліонщикъ.—Клубъ эротомановъ.—Исповѣдь революціонера.—Воспоминанія. Одесса. 1911», CXXIX, іюль, 355—356.—8) «И. Богдановъ. Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1912», CXXIX, августъ, 743—744.—9) «И. И. Соневицкій. Холмщина. Очерки прошлаго. Спб. 1912», CXXX, ноябрь, 836.—10) «Вл. Крымовъ. О рулеткѣ въ Монте-Карло, Южной Америкѣ, гастрономіи, модахъ и о прочемъ. Изданіе второе. Спб. 1912», CXXX, декабрь, 1261.

Мазуркевичъ, Владиміръ Александровичъ, адвокатъ, поэтъ и драматургъ, CXXVIII, май, 702—705 (по поводу его 25-ти лѣтняго юбилея).

Майковъ, Аполлонъ Александровичъ, извѣстный славистъ, CXXVIII, іюнь, 885.

Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ, поэтъ, старшій цензоръ главномъ управленіи по дѣламъ печати, CXXVII, январь, 60—65 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова); CXXVIII, іюнь, 862—863; CXXX, декабрь, 1038—1042.

Майковъ, Петръ Михайловичъ, писатель. *Рецензіи его:* 1) «М. Руссобтовскій. Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса. Спб. 1912», CXXVIII, май, 691—632. 2) «Smolensk. Les origines. L'epopée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits. Par le baron de Baye. Paris. 1912».—CXXX, ноябрь 827—830. 3) «Виновники пожара Москвы въ 1812 году. Ганса Шмидта. Рига. 1912», CXXX, декабрь, 1242—1244.

Макаренко, Н. Е., археологъ, CXXX, октябрь, 432—434 (о новыхъ археологическихъ находкахъ).

Н

Р

женской гимназіи. 1861—1911. Курскъ. 1911», CXXVIII, апрѣль, 285.—11) «Труды четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ, 1908 года. Подъ редакціей графини Уваровой. Т. I—III. М. 1910—1911», CXXVIII, май, 627—630. 12) «Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій некрополь. Томъ первый. (А—Г.) Спб. 1912», CXXVIII, май, 636—637. 13) «П. П. Кашинъ. Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912», CXXVIII, май, 667—669. 14) «Е. Э. Ивановъ. Херсонесъ Таврическій. Историко-археологическій очеркъ. Съ рисунками и планомъ раскопокъ. (Изъ № 46 «Извѣстій Таврической ученой архивной комиссіи»). Симферополь. 1912», CXXVIII, іюнь, 1007—1009. 15) «Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. Слѣпая любовь. Романъ. Спб. 1912», CXXVIII, іюнь, 1030—1031. 16) «А. М. Якимахъ. Одинъ изъ скромныхъ героевъ Отечественной войны и второй французской кампаніи. Кіевъ. 1912», CXXVIII, іюнь, 1031—1032. 17) «Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 г. Книга третья. Двѣсти тридцать восьмая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1911», CXXIX, іюль, 345—346. 18) «Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1910 годъ. Выпускъ II—III. Вятка. 1910», CXXIX, іюль, 348—349.—19) «Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 года. (Въ XXXVII томѣ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ). Вильна. 1912», CXXIX, августъ, 727—729.—20) «Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1912 годъ. Изданіе олонецкаго статистическаго комитета. Составилъ секретарь комитета И. И. Францишкевичъ-Яновскій. Петрозаводскъ. 1912», CXXIX, августъ, 732.—21) «А. Е. Заринъ. 1812 годъ. Историческій очеркъ Отечественной войны. Съ 35 портретами и 25 рисунками. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1912.—Его же. Незабвенный годъ. Двѣнадцать разсказовъ о нашествіи Наполеона въ Россію въ 1812 году. Съ 130 рисунками и портретами. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1912», CXXIX, августъ, 734—735.—22) «Новый энциклопедическій словарь. Издатели Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ. (С.-Петербургъ). Томы I—VII. Спб. 1910—1912, CXXIX, августъ, 744—746.—23) «Главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ. Описаніе дѣлъ вѣдомства департамента, хранящихся въ архивѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Выпускъ II. Дѣла учрежденій, вѣдавшихъ государственныя имущества до образованія департамента государственныхъ имуществъ. 1763—1811 г. Спб. 1912», CXXIX, сентябрь, 1071—1073.—24) «Д. Лавровъ. Святый страстотерпецъ, благовѣрный князь угличскій, царевичъ Дмитрій, московскій и всея Россіи чудотворецъ. Сергіевъ посадъ. 1912», CXXIX, сентябрь, 1078—1079.—25) «Труды Черниговской ученой архивной комиссіи. Выпускъ седьмой. Черниговъ. 1911», CXXIX, сентябрь, 1083—1085.—26) «С. В. Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ. Томъ I. Спб. 1912», CXXIX, сентябрь, 1085—1087.—27) «Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Томъ I. Кіевъ. 1912», CXXIX, сентябрь, 1090—1091.—28) «Архивъ Раевскихъ. Томъ IV. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1912», CXXX, октябрь, 397—398.—29) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга четвертая, двѣсти тридцать девятая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1911», CXXX, октябрь, 399—401.—30) «Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1911 г. Тома XVI, книжки 1 и 2 Спб. 1911», CXXX, ноябрь, 845—847.—31) «Актовыя книги Полтавскаго городоваго уряда XVII вѣка. Выпускъ I. Справы поточныя 1664—1671 годовъ. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Черниговъ. 1912», CXXX, ноябрь, 858.—32) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга первая. Двѣсти тридцать шестая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго М. 1911», CXXX, декабрь, 1247—1249. 33) «Московское дворянство въ 1812 году. Изданіе московскаго дворянства. М. 1912. Съ портретами, и иллюстраціями.—Протоіерей Александръ Никольскій. Лица «духовнаго чина» московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году. М. 1912», CXXX, декабрь, 1250—1251. —*Рецензія Г. о книжкѣ его*: «Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ. Спб. 1911», CXXVIII, апрѣль, стр. 279.—*Упоминается*: CXXVII, мартъ, 1065; CXXX, декабрь, 1129, 1130, 1133.

Руджіери, итальянскій цензоръ, CXXX, ноябрь, 868.

Рудичъ, Вѣра. *Рецензія М. К—тъ о*

С

Т.

У

Ф

Х

Щ

Э

Ю

УКАЗАТЕЛЬ
РИСУНКОВЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

1912 Г.

I. Портреты.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ.

III. Разные рисунки.

